Весь

ХАЙНЛАЙН

КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

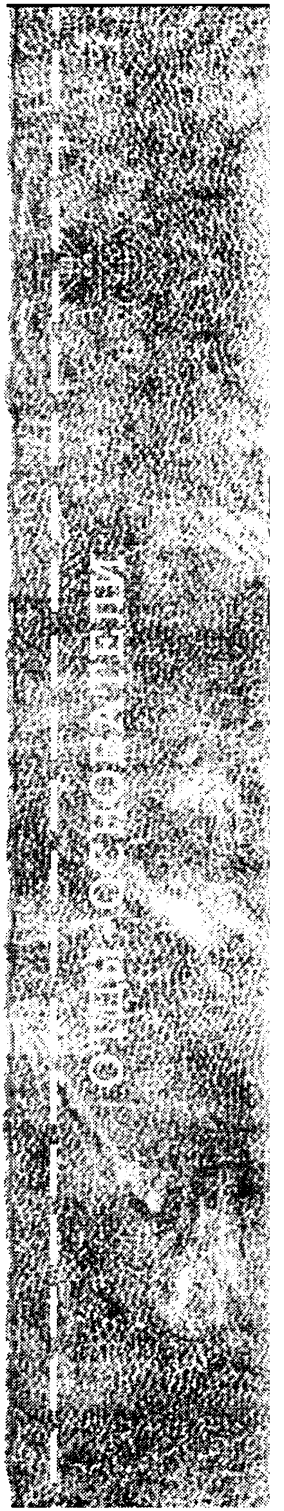
Весь

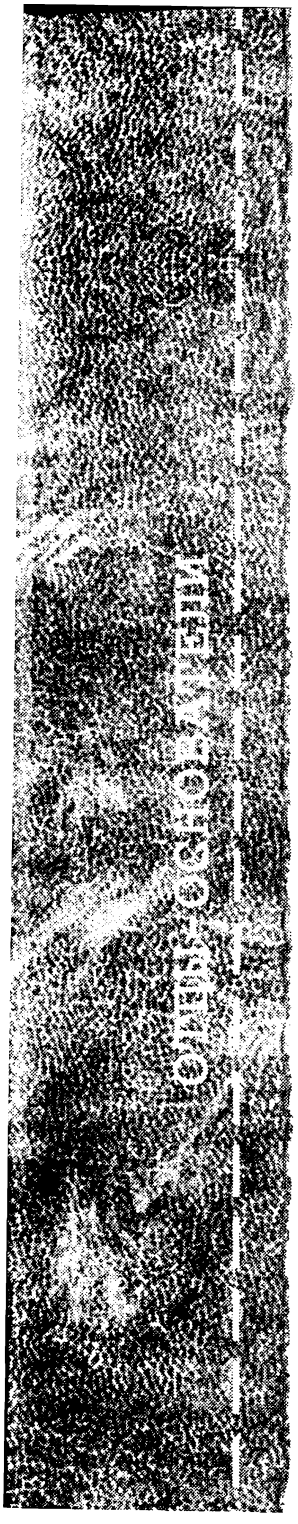
ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ





Роберт

ХАЙНЛАЙН

КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Х 16

Robert A. Heinlein

THE CAT WHO WALKS THROUGH WALLS
TO SAIL BEYOND THE SUNSET

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 16 Кот, проходящий сквозь стены: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 912 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-0737-5 (TF)
ISBN 978-5-699-21762-5 (Эксмо)

В этот том собрания сочинений одного из отцов-основателей «золотого века» американской фантастики вошли два произведения.

В романе «Кот, проходящий сквозь стены» непредсказуемо развивающийся сюжет насыщен удивительными событиями и приключениями героев, для которых жизнь в космосе стала буднями, а история его освоения — судьбой. Тонкие интриги, тайные агенты, отчаянные авантюры, неиссякаемая мощь юмора и иронии великого мастера...

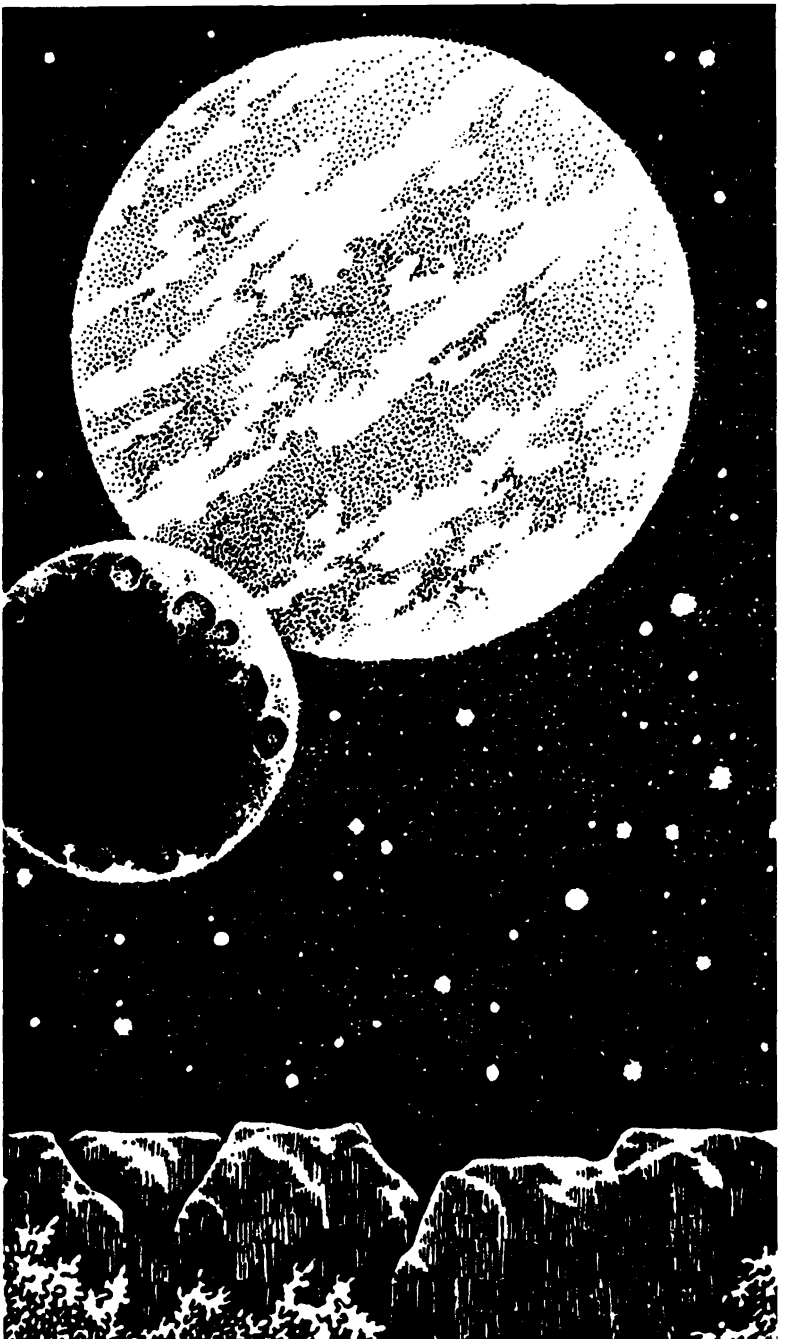
«Уплыть за закат» — последний роман Роберта Хайнлайна, в котором он увязывает в единый узел сюжетные линии своих многочисленных фантастических произведений. Создаваемая автором Вселенная — не линейный мир, а пучок взаимосвязанных параллелей времени, каждая из которых занимает свое место в той «Истории Будущего», которую Хайнлайн создавал всю свою жизнь.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© TERRA FANTASTICA, 2007
© Перевод. Н. Виленская, 2003; К. Кафиева, 2002
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2007

ISBN 5-7921-0737-5 (TF)
ISBN 978-5-699-21762-5 (Эксмо)

КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ



Для Джерри, и Ларри, и Гарри,
Для Дина, и Дана, и Джима,
Для Пола, и Баса, и Серджи,—
Для тех, кто стоит за себя!

Р.Э.Х.

Любовь! Кому дано войти в союз с Предвечным,
Постичь земной удел всех радостей беспечных?
Но если ты разбил свою любовь, играя,—
Не возродить ее для жизни быстротечной!

Омар Хайям (рубай XCIX)

Книга первая
БЕЗ ПРИСТРАСТИЯ И ЛЖИ

1

Что бы вы ни сделали — пожалеете об этом.

Аллан Маклеод Грей (1905–1975)

— Нам нужно, чтобы вы убили одного человека.

Незнакомец тревожно огляделся. Понимая, что переполненный ресторан — не место для такого разговора, ибо царивший вокруг шум лишь частично обеспечивал конфиденциальность, я покачал головой:

— Я не убийца. Такое хобби не для меня... Вы уже поужинали?

— Я пришел не ради еды. Вы позволите мне...

— О, пожалуйста, откушайте с нами. Я настаиваю!

Он разозлил меня настолько, что нарушил гармонию вечера: я так славно развлекался с очаровательной женщиной! Мне следовало отплатить ему тем же. Нечего потакать плохим манерам: невежу следует проучить решительно, но вежливо!

Моя спутница, Гвен Новак, только что вышла в дамскую комнату, и герр Безымянный, как раз в этот момент «материализовавшись из пространства», без приглашения присел за наш столик. Я хотел было сразу же предложить ему убраться, но он упомянул Уокера Эванса. Никаких уокеров эвансов!

Дело в том, что это имя является (или должно являться) кодом, означающим одного из шести человек: пяти мужчин и одной женщины. Оно олицетворяет пароль, напоминающий мне о моем долге.

Не исключено, что в счет погашения того старого долга я и должен буду кого-нибудь убить, но не по приказу же чужака и только потому, что он назвал условное имя!

Однако я был обязан все же выслушать его, не позволив, тем не менее, испортить мне вечер. Этот субъект, усевшись за мой стол, вел себя так, словно был желанным гостем!

— Сэр, если вы не хотите поужинать, отведайте хотя бы закуску — кроличье рагу на поджаренных хлебцах. Оно готовится, скорее всего, из крысы, а не из кролика, но здешний шеф-повар ухитряется придавать ему вкус амброзии.

— Но я не хочу...

— А я прошу вас! — я поймал взгляд официанта.— Моррис! — Тот мгновенно вырос у моего плеча.— Три порции кроличьего рагу, пожалуйста, и, Моррис, попросите Ганса выбрать нам сухого белого вина поизысканней.

— Слушаюсь, доктор Эймс!

— И не подавайте, пока не возвратится леди.

— Конечно, сэр!

Я дождался, пока официант отошел.

— Моя гостья скоро вернется. У вас очень немного времени, чтобы поговорить со мной наедине. И, пожалуйста, начните с того, как вас звать.

— Как меня звать — неважно, я...

— Нет уж, сэр, назовите свое имя!

— Но я ведь сказал: «Уокер Эванс»!

— Мало ли что вы сказали! Ваше-то имя вовсе не Уокер Эванс! Я не собираюсь иметь дело с человеком, не желающим себя на-

звать. Скажите, кто вы, и покажите удостоверение. Этого достаточно для подтверждения пароля.

— Но, полковник, согласитесь, важнее сказать вам, кто именно должен быть убит и почему это обязаны сделать вы!

— Я не стану соглашаться ни с чем. Ваше имя, сэр! И ваше удостоверение! И прошу не называть меня полковником. Я — доктор Эймс.

Мне пришлось повысить голос, поскольку его заглушала барабанная дробь: начиналось вечернее представление. Огни были погашены, лишь световое пятно выделяло ведущего программу.

— Ну что ж, ну что ж!

Мой непрошеный гость, порывшись в кармане, вытащил бумажник.

— Но Толливер должен умереть в воскресенье в полдень, иначе будем мертвы мы все!

Он щелкнул замком бумажника и показал удостоверение. На белой сорочке вдруг появилось маленькое темное пятнышко. Он, словно изумившись, мягко произнес:

— Мне очень жаль...

Подавшись вперед, как бы желая продолжить фразу, гость вдруг упал головой на скатерть. Изо рта хлынула кровь.

Я, вскочив со стула и обойдя стол, оказался справа от него. Почти одновременно со мной слева подбежал Моррис. Он, должно быть, хотел помочь гостю. А я нет, ибо было поздно: четырехмиллиметровая стрелка-дротик делает крошечное входное отверстие, не оставляя выходного. Она взрывается внутри тела и, если попадает в грудь, вызывает почти мгновенную смерть. Единственное, что я мог сделать,— это попытаться внимательно рассмотреть публику и небольшой вокальный ансамбль.

Пока я пытался вычислить возможного убийцу, Моррис с метрдотелем и шофером автобуса управились с телом настолько быстро, что могло показаться — убийство клиента — дело для них совершенно обыденное. Эти трое убрали мертвеца с проворством и слаженностью китайских рабочих сцены, четвертый деловито собрал и унес скатерть и всю сервировку, тут же вернувшись и накрыв стол на две персоны.

Я сел на место. Мне не удалось обнаружить вероятного убийцу, я даже не заметил никого, кто бы особенно заинтересовался происшествием за моим столом. Публика, поначалу слегка удивленная, уже потеряла всякий интерес и переключилась на шоу. Ни воплей, ни вскриков. Все выглядело так, словно посетители увидели внезапно заболевшего или несколько перебравшего клиента.

Бумажник убитого теперь лежал в левом кармане моего пиджака. Когда вернулась Гвен Новак, я, вновь поднявшись, подвинул ей стул. Она благодарно улыбнулась и спросила:

— Я пропустила что-то интересное?

— Не такое уж интересное. Шутки, родившиеся раньше вас. Они устарели еще до рождения Нэйла Армстронга.

— А я люблю старые шутки, Ричард. Когда их слышишь, хоть знаешь, надо ли смеяться.

— Вы вернулись как раз вовремя.

Мне тоже нравятся старые шутки. Я вообще люблю все старое: друзей, книги, стихи, игры. И сегодня вечером нас привлекло старое доброе зрелище: «Сон в летнюю ночь» в театре Галифакса с Луэнной Паулин в роли Титании. Полуневесомый балет, живые актеры и волшебные голограммы воскресили мир, который, несомненно, понравился бы Вильяму Шекспиру. Новизна отнюдь еще не добродетель.

Сейчас пришла очередь еще одного старого-старого развлечения — волны музыки полились по залу, и начались танцы, особенно приятные и элегантные в условиях половинного притяжения.

Принесли рагу, а вместе с ним и вино. После того, как мы воздали им должное, Гвен попросила потанцевать с ней. Но у меня вместо ноги протез, и я с грехом пополам могу одолеть только старые медленные танцы — скользящий вальс-бостон, танго и им подобные. Гвен оказалась податливой, легкой, благоуханной партнершей. Танцевать с нею было истинным наслаждением.

Это стало бы радостным завершением счастливого вечера, если бы не происшествие с незнакомцем, позволившим себе безвкусную выходку: быть убитым за моим столом. Но поскольку

Гвен, по-видимому, не догадывалась о неприятном инциденте, то и я загнал воспоминание поглубже, решив поразмыслить над ним позднее.

Если по правде, то я давно готов к тому, что меня могут хлопнуть в любой момент по плечу. Но сегодня вечером — вино и еда были прекрасны, спутница — прелестной: ведь жизнь полна трагедий, и, если позволить им завладеть тобой, то вряд ли сумеешь насладиться ее невинными удовольствиями.

Гвен знала, что моя культя не позволит нам танцевать слишком много, поэтому при первой же паузе она повлекла меня обратно за стол. Я знаком велел Моррису подать счет. Он буквально «извлек его из воздуха». Нанеся на него кредитный код, я добавил полуторные чаевые и приложил к счету большой палец.

Моррис поблагодарил и спросил:

— Стаканчик на ночь, сэр? Бренди? А может быть, леди отведает ликера? Угощает «Край радуги».

Владелец ресторана, пожилой египтянин, придерживался этой доброй традиции — по крайней мере, в отношении постоянных посетителей. Не уверен, что такая же забота окружала туристов-землян.

— Гвен? — спросил я, предполагая, что она откажется.

Обычно она пила не больше бокала вина за едой. Не больше.

— Неплохо бы «куантро»,— ответила Гвен неожиданно.— Мне хотелось бы еще остаться и послушать музыку.

— «Куантро» для леди,— пометил Моррис в блокноте.— А для доктора?

— «Слезы Мэри» и стакан воды, пожалуйста!

Когда Моррис отошел, Гвен негромко произнесла:

— Мне надо поговорить с вами, Ричард... Не хотите ли переночевать у меня? Пусть вас это не пугает: вы можете спать и один.

— Я не столь деликатен, чтобы в гостях у леди спать в одиночку,— ответил я, прокручивая в голове ситуацию: не собираясь пить, она заказала ликер, чтобы сделать мне предложение, которое я не мог принять.

Гвен — особа прямолинейная: я знал, захоти она спать со мной, она бы так и сказала, не прибегая к хитрости. Приглашая меня

переночевать в своей квартире, она, очевидно, считала небезопасным мое пребывание в собственной постели. Следовательно...

— Так вы видели *это*?

— Издали. Дождалась, пока все уляжется, и только после этого вернулась к столу. Ричард, я не знаю, что случилось, но, если вам нужно укромное местечко, будьте моим гостем!

— О, благодарю, дорогая!

Друг, предлагающий помощь и не требующий никаких объяснений,— бесценное сокровище!

— Приму ли ваше предложение или нет, все равно я в долгу перед вами. Гвен, я ведь тоже не знаю, что произошло! Абсолютно незнакомый человек, которого убивают в то время, когда он пытается что-то сообщить,— это же штамп, устаревшее литературное клише! Попытайся я рассказать эту историю, писательская гильдия сразу же разжаловала бы меня,— я улыбнулся ей.— В классическом детективе убийцей могли оказаться и вы. При этом сюжет развивался бы замедленно, а сами вы вызвались бы помочь расследованию. Но искушенный читатель с первых же строк узнает — виноваты вы, между тем как я в роли детектива никак не догадаюсь о том, что так же явно, как носик на вашем лице. Поправка: нос на моем лице!

— О, мой носик достаточно явен, хотя люди все же запоминают не его, а мои губы. Ричард, я вовсе не хочу, чтобы вы это навесили на меня, я просто предлагаю вам убежище. Он что, и вправду был убит? Не могу в это поверить!

— Неужели? — я воздержался от более четкого ответа, потому что как раз в эту минуту Моррис принес напитки. Дождавшись его ухода, я продолжил: — У меня нет ни малейшего представления о возможных причинах. Гвен, он даже не был ранен. Либо он мгновенно умер, либо какая-то фальсификация. Можно ли подделать такое? Конечно, если применить голографическую проекцию: имитация гибели с минимумом затраченных усилий.

Я снова перебрал в уме все обстоятельства убийства. Почему персонал ресторана проявил такую невозмутимость и слаженность при ликвидации последствий инцидента? И почему я не ощутил прикосновения к своему плечу?

— Гвен, я принимаю ваше предложение. Если прокторам понадобится меня найти, они найдут. Но нам все же следует обсудить ситуацию подробнее и не здесь. Как бы тихо мы ни говорили за этим столиком...

— Хорошо,— она поднялась.— Я ненадолго, милый.

Гвен направилась в туалетную комнату. Моррис подал мне мою палку, и я, опираясь на нее, вышел из зала и завернул в мужской туалет.

Мне не особенно нужна была подпорка — если вы помните, я ведь мог и танцевать. Но палка в любом случае давала возможность не слишком опираться на больную ногу.

Выйдя из туалета в фойе, я стал ждать. И еще ждать. И еще.

Когда прошло слишком много времени, я подозвал метрдотеля.

— Тони, не могли бы вы послать кого-нибудь из женской обслуги посмотреть в дамском туалете — не случилось ли чего с миссис Новак? Боюсь, не почувствовала ли она себя дурно, а может быть, у нее какие-нибудь затруднения?

— Вы имеете в виду вашу гостью, доктор Эймс?

— Да.

— Но она же ушла минут двадцать назад. Я лично ее проводил.

— Ах так? Значит, я ее не понял. Спасибо и доброй ночи!

— Доброй ночи, доктор. Надеемся вскоре увидеть вас снова!

Я покинул «Край радуги», задержавшись на минутку в коридоре для публики рядом с ним, то есть в тридцатом кольце и уровне половины земного притяжения, находящихся, если двигаться по часовой стрелке, в непосредственной близости от радиуса два семьдесят, называемого Петтикот-Лейн. Эта «улица» и в час ночи была полна людьми. Я внимательно проверил, не поджидают ли меня прокторы, готовый к тому, что и Гвен уже арестовали.

Но на выходе ничего подобного я не увидел. Обычный плотный поток людей, умытых, отскобленных, принаряженных по поводу дня отдыха, да еще гидов, зевак, зазывал порнозаведений, карманников и священнослужителей.

«Золотое правило» известен как место, где можно приобрести что угодно, а Петтикот-Лейн вовсю поддерживала репутацию самого злачного места на спутнике-поселении.

Если кто-нибудь интересовался более серьезными учреждениями, то ему следовало бы переместиться по часовой стрелке на девяносто градусов по направлению к Треднидл-стрит.

Никаких признаков прокторов, никаких следов Гвен! Она же обещала встретить меня у выхода. Но обещала ли? Да нет, не совсем. Она, если точно, сказала так: «Я ненадолго, милый»! А я истолковал это, как обещание дождаться меня на улице у выхода из ресторана.

Я слышал все старые побасенки о женщинах и погоде, шутки типа «сердце красавицы склонно к измене» и все такое. Но к моему случаю это никак не подходило. Гвен не из тех женщин, которые так быстро меняют свои намерения. Возможно (если только не произошло ничего плохого!), она вернулась к себе одна и ждет меня дома. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

Если она взяла скутер, то уже находится там, если пошла пешком, то скоро доберется. Тони сказал «минут двадцать назад».

На пересечении тридцатого кольца с Петтикот-Лейн была стоянка скутеров. Я нашел свободный, набрал на диске «сто пять — радиус один тридцать пять» и установил величину притяжения шесть десятых, обеспечивавшего наиболее возможное приближение к отсеку Гвен.

Гвен жила в Гретна Грин, поблизости от Аппиевой дороги, в том месте, где та пересекает Дорогу из желтого кирпича. Впрочем, вряд ли это что-нибудь говорит тем, кто ни разу не посещал обитаемый спутник «Золотое правило». Некоторые «эксперты по общественным связям» (а вернее — рекламщики!) полагали, что поселенцам будет комфортнее, если окружить их названиями, повторяющими земные. Там имелся даже (удержитесь от тошноты!) «Дом на Пуховом углу»! Но я всего-навсего набрал координаты 105; 135 и 0,6.

Мозг скутера, ориентированный примерно на расстояние до десятого кольца, принял мой набор и перешел в режим ожидания. Набрав информацию о своей кредитной карточке, я сел с наклоном, соответствующим ожидаемой скорости скутера.

Этот кретинский «мозг» раздражающе долго проверял состояние моих банковских счетов, затем соткал лучевую паутину-ко-

кон вокруг меня, уплотнив его, закрыл капсулу — «вуф! бинг! бам!» — мы тронулись в путь. Проскочив три километра от тридцатого кольца до кольца сто пять, мы — «бам! бинг! вуф!» — оказались в Гретна Грин. Скутер открылся.

На мой взгляд, подобная услуга с лихвой оправдывает деньги, потраченные на оплату поездки. Но Менеджер уже два года предупреждает нас, что система себя не окупает — или пользуйтесь ею чаще, или платите больше за каждую поездку, иначе оборудование демонтируют, а освободившееся место сдадут внаем. Надеюсь, они найдут компромиссное решение — многим такая услуга очень нужна.

(О да, я знаю, теория Лаффера всегда дает два возможных решения проблем такого рода: максимальное и минимальное, за исключением тех гипотетических случаев, когда оба решения одинаковы... и мнимы! Мой случай был как раз из этого разряда — скутерный транспорт слишком дорог для космических поселений на данном этапе их технической оснащенности).

Дойти пешком от скутера до отсека Гвен было достаточно просто: спуститься по лестнице к уровню притяжения семь десятых, пройти «вперед» еще пятьдесят метров и оказаться на месте.

Ее дверь ответила: «Это записанный на пленку голос Гвен Новак. Я уже в постели и, надеюсь, сладко сплю. Если ваш визит вызван действительно важными причинами, ассигнуйте сто крон на вашей кредитной карточке. Если я решу, что проснулась не напрасно, деньги будут вам возвращены, в противном случае — о смех, о радость, о веселье! — потрачу ваши денежки на джин, а вас все равно не впущу! А если ваше посещение не очень срочно, оставьте, пожалуйста, звуковое послание после моего вскрика».

Это обращение закончилось высоким воплем, как если бы несчастную женщину постиг смертельный удар.

А что, у меня была такая уж срочная необходимость? И стоила ли она ста крон? Я посчитал, что нет, не стоила, и посему оставил следующее обращение:

«Милая Гвен, говорит искренне преданный вам обожатель Ричард. Наши дорожки где-то заплутали. Но поутру мы их снова выпрямим. Не звякнете ли вы в мою нору, когда пробудитесь

от сладкого сна? Примите любовь и поцелуи Ричарда Львиное Сердце».

Я постарался придать голосу оттенок беззаботности, скрывая раздражение и беспокойство. У меня было ощущение, что меня провели, но одновременно в подсознании теплилась надежда, что Гвен не могла меня обидеть... надежда, почти близкая к уверенности, хотя смысл произошедшего оставался загадкой.

Я отправился домой: «вуф! бинг! бам!» — «бам! бинг! вуф!»

Моя квартира считается «люксом», потому что имеет отдельную спальню. Я набрал код на двери, вошел, проверил, нет ли в памяти терминала сообщений — таковых не оказалось — и переключил дверь и терминал на дежурный режим. Потом повесил трость и вошел в спальню.

В моей постели спала Гвен.

Она выглядела упоительно мирно. Я осторожно отступил, стараясь раздеться бесшумно, и вошел в «освежитель», плотно прикрыв звуконепроницаемую дверь. (Как я уже отметил, моя квартира считалась «роскошной»).

Тем не менее, я и за этой дверью старался не шуметь, поскольку «звуконепроницаемость» двери была скорее благим намерением, нежели реальностью.

Когда я стал гигиеничен и лишен любых запахов, насколько сие возможно для самца безволосой человекоподобной обезьяны, готового к хирургической операции, я тихонько проник в спальню и осторожно юркнул в собственную постель. Гвен шевельнулась, но продолжала спать.

Если я бодрствовал среди ночи, то выключал сигнал-будильник, так как, даже нечаянно заснув, я всегда мог проснуться в нужное время, точно так, как если бы этот пустомеля молол свою побудку. Но теперь я снова встал и поставил сигнал на нужное мне дневное время. Завернувшись в покрывало, я неслышно прошел в гостиную и открыл шкафчик-холодильник, служащий кладовкой. Там обитал особый «дух», ведавший моими завтраками.

Смежную дверь между комнатами я оставил открытой, чтобы краем глаза следить за Гвен. Думаю, ее разбудил аромат кофе.

Увидев, что она открыла глаза, я сказал:

— Доброе утро, красавица! Вставайте и почистите зубки. Завтрак готов!

— Я почистила зубы полчаса назад. Так что забирайтесь обратно в постель!

— Нимфоманка! Вам апельсинового сока или черную вишню, а может, и то и другое?

— О... то и другое. Не заговаривайте мне зубы. Идите сюда и встречайте судьбу, как положено мужчине!

— Вначале еда.

— Трусишка! Ричард-неженка, Ричард-девчонка!

— Исключительный трусишка. Так сколько вафель способны вы съесть?

— Ох... вот проблема. А вы бы не могли размораживать их по одной?

— Они не заморожены. Всего минуту назад были живы и чирикали. Я сам их придушил и освежевал. Говорите же или я все съем сам!

— Стыд и жалость! Бедные вафли! Ничего не остается, как идти в монастырь... Две штуки!

— Три. Вы имели в виду женский монастырь?

— Я сама знаю, что имела в виду!

Она встала и, очень быстро управившись в освежителе, накинула один из моих халатов. Прелестные вещицы Гвен были разбросаны по спальне тут и там. Я вручил ей стакан сока, она молча дважды глотнула и только после этого заговорила:

— Бульк, бульк! Это так здорово! Ричард, когда мы поженимся, вы будете подавать мне завтраки каждое утро?

— В этом вопросе — прикладное условие, неприемлемое для меня...

— После того, как я доверилась и отдала вам все?

— Но безо всяких условий! Я готов допустить, что буду с таким же удовольствием, как и себе самому, подавать завтраки двоим. Но почему вы решили, что я собираюсь на вас жениться? К чему вы меня склоняете?.. Так вы готовы к приему вафель?

— Воля ваша, мистер! Не все же мужчины одержимы идеей женитьбы на бабушках... Я всего лишь предложила. Да, я готова к приему вафель!

— Так возьмите вашу тарелку,— усмехнулся я.— «Бабушка» — это моя увечная нога. Впрочем, если вы зачали своего первого ребенка, едва достигнув половой зрелости, то и ребенок мог оказаться столь же проворен и наградить вас внуками!

— Ричард, я пытаюсь прояснить две вещи. Нет, пожалуй, три. Во-первых, я всерьез хочу стать вашей женой, если вы, конечно, не против. Но если вы этого не хотите, я все равно буду холить вас как любимого и готовить вам завтраки. Во-вторых, я и вправду бабушка. В-третьих, если, несмотря на мой преклонный возраст, вы захотите иметь ребенка, то чудеса современной микробиологии сделают меня способной к деторождению, так же как избавили от морщин и других возрастных признаков.

— Я мог бы себя заставить... Кленовый сироп в том бокале, голубичный — в этом... Но, может, это наша единственная ночь?

— Неполный день, во всяком случае. Но что бы вы сказали, если бы я произнесла: предлагаю знатное вознаграждение.

— Кончайте балагурить и доедайте вафлю. Уже готова следующая.

— Вы чудовищный садист. К тому же — деформированный.

— Не деформированный! — запротестовал я.— Моя нога ампутирована, я не родился таким! Просто моя иммунная система не приемлет пересадок трансплантата. Это одна из причин, заставляющих меня жить на уровнях пониженной гравитации.

Гвен вдруг посерьезнела.

— Мой самый дорогой! Я совсем не имела в виду вашу ногу. О небо! Да нога — вовсе не та причина... Мне следовало быть поосторожнее, чтобы не обидеть вас ненароком!

— Извините и вы меня. Давайте повернем назад. Так что вы подразумевали под «деформированным»?

Она моментально обрела свою обычную жизнерадостность.

— Вы должны бы и сами это понимать! Если вы меня отталкиваете и не желаете быть нормальным мужчиной. Да еще не хотите на мне жениться. А ну, быстро в постель!

— Давайте покончим с завтраком и внесем ясность. Имейте совесть — я же вовсе не сказал, что не хочу на вас жениться, и уж никак не отталкивал вас!

— О, вот это уж наглая ложь!.. Не передадите ли вы мне масло? Скорее всего, вы деформированы в другом. Насколько велик тот отросток с «косточкой» внутри? Сантиметров двадцать пять? А в окружности? Если бы знать, то я бы никогда не рискнула.

— О, ерунда! Он не достигает и двадцати. К тому же, я вовсе не отталкиваю вас. У меня самые средние габариты. Но вам бы надо поглядеть на моего дядюшку Джока... Еще кофе?

— Да, спасибо. Но вы и вправду меня оттолкнули. Ох... а у вашего дядюшки Джока еще большие габариты?

— Намного.

— О-о, а где же он живет?

— Доедайте свою вафлю. Вы и в самом деле хотели бы вернуть меня в постель? А может, вам захотелось моего дядюшку Джока?

— Но почему бы мне не иметь обоих?.. Да, немного еще бекона, спасибо. Ричард, вы прекрасный повар. Но я вовсе не хочу замуж за дядюшку Джока, мне просто любопытно.

— Но не вздумайте просить его показать, если не имеете в виду действия, поскольку у него всегда это на уме. Он совратил жену своего вожатого в отряде скаутов, когда ему было всего двенадцать. И сбежал с нею. В Южной Айове много толковали об этом, поскольку она не желала с ним расставаться. Это произошло более ста лет назад, тогда еще такие вещи воспринимались всерьез, в Айове, во всяком случае.

— Ричард, вы что же, хотите сказать, что дядюшке Джоку больше ста лет и он все еще активен и жизнеспособен?

— Ему сто шестнадцать, и он еще кувыркается с женами своих приятелей, с их дочерьми, мамашами, с их скотиной... И три собственные его жены находятся под покровительством сожительствующих с ними знатных граждан Айовы. Одна из них — моя тетя Сисси — еще учится в школе.

— Ричард, я иногда сильно подозреваю, что вы... не вполне правдивы. Легкая склонность к преувеличениям!

— Женщина, так не говорят со своим будущим мужем! За вами находится терминал. Наберите на нем адрес: Гриннелл, Айова. Дядюшка Джок живет немного на отшибе. Давайте-ка вызовем его. Вы поговорите с ним по-хорошему, и он покажет вам свою гордость и радость. Хорошо, дорогая?

— Вы попросту пытаетесь отвлечь меня от постели!

— Еще вафлю?

— Да еще пробуете меня подкупить! Пожалуй, половину. Поделимся?

— Нет. По целой каждому.

— Привет, Цезарь! Вы подаете мне дурной пример, к которому меня всегда влекло. Если мы поженимся, я начну толстеть.

— Я рад это слышать. Колебался, стоит ли говорить об этом, но должен признать, что вы пока что кожа да кости! Можно набить синяки, если не будет прокладки.

Я опускаю то, что изрекла в ответ Гвен: нечто колоритно-лирическое, но, с моей точки зрения, не очень женственное. И это не было ее сутью, поэтому мы и не станем приводить здесь ее слова.

Я отпарировал:

— Впрочем, это несущественно. Я восхищен вашей интеллигентностью. И вашим ангельским нравом. Вашей прекрасной душой. И давайте не входить в физические отношения! (Тут вновь требуются цензурные купюры).

— Ну что ж. В конце концов, вы сами этого добиваетесь. Вернемся в постель и будем думать о вещах физических. Я выключаю вафельницу...

Спустя некоторое время я спросил ее:

— Ты хочешь венчаться в церкви?

— Еще чего! И в белом платье? Ричард, а ты прихожанин церкви?

— Нет.

— И я нет. Да я и не думала, что ты верующий.

— Ладно, подтверждаю, что нет. Но все же, как ты думаешь осуществить женитьбу? Насколько я понимаю, на «Золотом правиле» нет другого способа сочетаться браком. И в Менеджерском центре тоже. Гражданская регистрация здесь не практикуется.

— Но, Ричард, ведь очень многие женятся здесь!

— А каким образом, милая? Я знаю, что это так, но не понимаю, как еще, если не в церкви? У меня не было случая установить это. Может, они отправляются в Луна-Сити? Или на Землю? Как?

— Они делают, как им заблагорассудится. Захотят — нанимают большой зал, рассылают приглашения нескольким важным персонам, чтобы они мелькали в толпе гостей, играет музыка и подается угощение; или делают это дома, приглашая нескольких близких друзей. Или празднуют вдвоем. Сделаем, как тебе захочется, Ричард!

— Ох, только не как мне, а как тебе захочется! Я просто буду согласен на все. Что до меня, так я считаю — женщина лучше всего тогда, когда она не вполне уверена в собственном статусе. И поэтому стоит на цыпочках... Ты не согласна? Эй, эй! Перестань!

— Сам перестань меня дразнить! Если не хочешь запеть дискантом на собственной свадьбе!

— Если ты будешь делать так, то никакой свадьбы не будет. Ну, хватит, милая, так какую же ты хочешь свадьбу?

— Ричард, не нужна мне никакая брачная церемония, не надо никаких свидетелей. Я просто хочу дать тебе тот обет, который должна давать жена.

— Так ты уверена в этом, Гвен? А не поспешила ли ты?

(Честно говоря, я подумал, что обеты, даваемые женщиной в постели, вещь не слишком-то надежная!)

— Я не поспешила. Я решила выйти за тебя больше года назад.

— Ах, ты решила? Н-да, а я... Эй, мы же познакомились меньше года назад! На балу в «День Армстронга». Двадцатого июня. Я же помню!

— Правильно.

— Ну и что?

— Что «ну и что», милый? Я решила выйти за тебя еще до нашей встречи. Тебе это кажется невозможным? Мне — нет. И никогда не было таким.

— Ну что ж. Мне лучше кое о чем рассказать тебе. В моем прошлом были эпизоды, которыми хвастаться не приходится. Они

не то чтобы бесчестны, но несколько сомнительны. И фамилия Эймс не та, что была дана мне при рождении.

— Ричард, я буду горда называться миссис Эймс или... миссис Кэмпбелл. Колин...

Я, не комментируя, просто спросил:

— Что еще ты знаешь?

Она выдержала мой взгляд без улыбки.

— Все, что мне нужно, знаю. Полковник Колин Кэмпбелл, известный как «Ликвидатор Кэмпбелл» в своих отрядах и... в официальных посланиях. А еще — ангел-хранитель для студентов в Академии Персиваля Лоуэлла. Ричард или Колин, моя дочь была среди тех студентов.

— Я был навечно проклят там.

— Сомневаюсь.

— И ты из-за этого решила выйти за меня?

— Нет, мой дорогой. Та история могла бы произвести впечатление много лет назад. Но теперь я в течение многих месяцев открываю человека, скрытого за личиной легендарного героя. И... хоть я и поторопилась с постелью, но ни один из нас не стал бы жениться из-за этого. А не хотел бы ты узнать о моем прошлом? Я расскажу тебе.

— Нет, не надо!

Я посмотрел ей в глаза, взял в руки ее ладони и спросил:

— Гвендолин, я хочу взять тебя в жены. Хочешь ли ты взять меня в мужья?

— Да, хочу!

— Я, Колин Ричард, беру тебя, Гвендолин, в жены, чтобы владеть тобой и содержать, хранить и лелеять и любить так долго, как ты будешь владеть мной.

— Я, Сэди Гвендолин, беру тебя, Колин Ричард, в мужья, чтобы хранить, любить и лелеять всю оставшуюся мне жизнь.

— Ф-фу! Полагаю, это то, что надо?

— Да, а теперь поцелуй меня.

Я поцеловал и спросил:

— Так когда же возникла «Сэди»?

— Сэди Липшиц, так меня звали с самого начала. Мне имя не нравилось, и я сменила его. Ричард, единственное, что нам осталось, это объявить о нашем браке, то есть скрепить его. И я хочу это сделать, пока ты еще покладист!

— Прекрасно. Но как ты объявишь об этом?

— Я могу воспользоваться твоим терминалом?

— *Нашим* терминалом. Ты не должна спрашивать разрешения.

— Нашим терминалом. Спасибо, милый!

Она вызвала справочную и попросила соединить с общественной редакцией «Золотое правило Геральд».

Когда подключили, она сказала:

— Пожалуйста, запишите: «Доктор Ричард Эймс и миссис Гвендолин Новак имеют удовольствие объявить о своем браке, состоявшемся сегодня. Никаких подарков и цветов». Пожалуйста, подтвердите получение.

Гвен вздохнула:

— Ричард, я заставила тебя поторопиться, но сделать это была должна: теперь я не смогу давать показаний против тебя ни в каком суде. Я хочу помочь тебе чем только смогу. Так почему же ты убил его, милый? И как?

2

Когда идешь на тигра, бери длинную палку.
Мао Цзэдун (1893–1976)

Я задумчиво поглядел на мою новобрачную.

— Ты очень благодушна, любовь моя, и я благодарен тебе за то, что ты не будешь свидетельствовать против меня. Но побаиваюсь, что законные основания, приведенные тобой, не годятся для нашего случая.

— Но ведь это одно из основных правил юстиции, Ричард! Жену нельзя принудить показывать против мужа. Это знает каждый.

— Вопрос только в том: знает ли об этом Менеджер? Компания утверждает, что у данного поселения только один закон — закон «Золотого правила» и что инструкции Менеджера — лишь практическое истолкование этого закона, то есть подзаконные акты, меняющиеся в строго определенных рамках, к тому же, только по указанию самого Менеджера. Гвен, я не знаю! Окружение Менеджера вполне может решить, что ты главная свидетельница Компании!

— Я не желаю этого! Не желаю!

— Спасибо, любовь моя! Но давай подумаем: если потребуются показания, то каковы они должны быть? Итак, предположим: меня ошибочно обвиняют в смерти мистера... скажем, мистера Икс. Этот мистер Икс — незнакомец, подошедший к нашему столику в тот момент, когда ты вышла в дамскую комнату. Так что же ты видела?

— Ричард, я видела, как ты его убил! Я видела это!

— Но следователь будет спрашивать во всех подробностях. Видела ли ты, как он подошел к нашему столику?

— Нет. Я его не видела, пока не вышла из дамской комнаты и собралась подойти к нашему столику, но заметила, что на моем месте кто-то сидит. Я даже испугалась немного!

— Прекрасно, вернемся немного назад и снова повторим, что ты видела.

— Ну... я вышла из женского туалета и повернула налево, в сторону нашего столика. Ты сидел ко мне спиной, так? Ты же помнишь это?

— Неважно, что помню я. Говори лишь о том, что помнишь сама. На каком ты находилась расстоянии?

— Я не знаю... Возможно, в десяти метрах. Я бы могла отправиться туда и измерить. Разве это имеет значение?

— Если будет иметь, то измеришь! Итак, ты видела меня с расстояния в десять метров. Что я делал? Стоял? Сидел? Двигался?

— Ты сидел спиной ко мне.

— Ты видела спину, освещенную очень ярко. Но почему ты думаешь, что это был именно я?

— Ричард, ты что, нарочно все осложняешь?

— Да, поскольку и следователи тоже нарочно все осложняют. Так как же ты меня узнала?

— Но ведь это был ты, Ричард! Я знаю твой затылок так же, как твое лицо! К тому же, когда ты встал и подошел к нему, я увидела твое лицо!

— Ну ладно, ты вышла и увидела мою спину. Так что же я сделал потом? Встал?

— Нет, нет. Я увидела тебя за нашим столиком и кого-то напротив, на моем стуле. Я просто остановилась и стала смотреть.

— Этот человек был тебе знаком?

— Нет, я его никогда раньше не видела.

— Опиши его.

— Но я не смогу... точно.

— Маленький? Высокий? Возраст? Борода? Раса? Одежда?

— Я же не видела его стоящим. Но он ни юноша, ни старик. По-моему, бороды не было.

— А усов?

— Не знаю.

(Я-то знал: усов не было. Возраст — около тридцати.)

— Раса?

— Белая. Светлая кожа, но не блондин шведского типа. Ричард, не было времени на разглядывание всех деталей. Он угрожал тебе каким-то оружием, а ты выстрелил в него и вскочил, когда подбежал официант. Я повернула назад и дождалась, пока его унесли.

— Куда они его унесли?

— Я не знаю точно, так как была в дамской комнате и дверь за мной захлопнулась. Они могли его занести в мужской туалет на другой стороне холла. Но там есть и другая дверь с надписью: «Только для персонала».

— Ты видела, что он угрожал мне оружием?

— Да. И ты тогда выстрелил в него, вскочил, схватил его оружие и спрятал в карман как раз в тот момент, когда официант подбежал к нему с другой стороны.

(Ого!)

— В какой карман я положил то, что взял?

— Дай мне подумать. Надо мысленно туда вернуться. В левый карман. В левый наружный карман пиджака.

— Как я был одет?

— В вечерний костюм, мы ведь зашли туда после театра. Белая манишка, серый пиджак, черные ботинки.

— Гвен, чтобы не будить тебя, я разделся в гостиной и повесил одежду в платяной шкаф прихожей, собираясь убрать ее в гардероб попозже. Не затруднит ли тебя открыть шкаф и извлечь из левого наружного кармана того самого пиджака, что был на мне вчера вечером, «оружие», которое я туда упрятал?

— Ну...

Она запнулась и торжественно, как ребенок, исполнила то, о чем я попросил. Вернувшись через минуту, она протянула мне бумажник незнакомца.

— Это все, что я там нашла.

Я взял бумажник.

— Вот это и есть «оружие», которым он мне «угрожал»!

Я показал ей мой правый указательный палец.

— А вот оружие, из которого я в него выстрелил, когда он направил на меня свой бумажник.

— Не понимаю!

— Поверь мне, именно поэтому криминалисты придают гораздо больше значения очевидным фактам, нежели показаниям очевидцев. Ты — идеальный «очевидец», интеллигентный, искренний, жаждущий сотрудничать и вполне честный. Ты описываешь ту визуальную смесь, которую якобы видела, или полагаешь, что видела, и, собрав все бывшее в поле твоего зрения, ты подтвердила «увиденным» свои предположения о случившемся. Смесь эта в твоем воображении стала уже как бы истинными воспоминаниями: сведениями «из первых рук непосредственной наблюдательницы». Но ведь ничего такого не было!

— Но, Ричард, я же *видела*...

— Ты видела, как убили того бедного шута. Ты не видела, что он мне угрожал, поскольку этого и не было. И ты не видела, что его убил именно я, ибо и этого тоже не было! Кто-то третий при-

кончил его с помощью разрывного жала. А так как он сидел лицом к тебе и жало попало ему в грудь, стало быть, стрелявший мог стоять непосредственно за тобой. Ты не заметила никого?

— Нет. О, там сновали официанты, метрдотель и шофер, а еще люди, встающие и садящиеся. По-моему, там не было никого особенного, а тем более стрелявшего из оружия. А какое это оружие?

— Гвен, оно может и не выглядеть оружием. Замаскированное оружие, каким обычно пользуются убийцы, и способное стрелять короткими стрелками, должно иметь в длину около пятнадцати сантиметров. Это может быть дамская сумочка, камера, театральный бинокль. Список невинных на вид предметов бесконечен. И нас он никуда не приведет, поскольку я сидел спиной к убийце, а ты не приметила ничего особенного. Жало было послано из-за твоей спины. Поэтому забудь о нем. Давай лучше узнаем, кем был потерпевший. Или за кого себя выдавал.

Я вытряхнул все из отделений бумажника, включая и «секретный» кармашек. В нем лежал золотой сертификат, выданный банком в Цюрихе (эквивалентный примерно семнадцати тысячам крон) и, по-видимому, припасенный на обратный билет.

Там же — стандартное удостоверение, выдаваемое на «Золотом правиле» всем прибывающим. Все, что можно было из него извлечь,— это фотография, названное им имя, национальность, возраст, место рождения и так далее, а еще подтверждение того, что Компании предъявлен обратный билет или сумма, необходимая для оплаты как билета, так и пребывания на спутнике-поселении в течение девяноста дней. Эти последние два пункта — единственное, что по-настоящему заботило Компанию.

Я не знаю наверняка, как поступает Компания с теми, кто, слишком потратившись, остается без обратного билета и без денег на него. Возможно, они могли продать свои контракты. Но я не знал, сколько это стоит. Прожиточный минимум — это нечто, чем я не стал бы рисковать...

Удостоверение, выданное Компанией на имя Энрико Шульца: тридцать два года, гражданин Белиза, уроженец Сиудад Кастро, бухгалтер. С фотокарточки смотрел тот самый несчастный

дурачок, который позволил себя убить, пытаясь выйти на связь в таком людном месте.

...И я уже в сотый раз подивился: почему он мне не позвонил и не пригласил поговорить в укромном месте? В качестве «доктора Эймса» я значился в справочнике, а пароль «Уокер Эванс» обеспечил бы ему конфиденциальный разговор со мной.

Я показал фотографию Гвен.

— Это тот самый парень?

— Кажется, да. Хотя не могу сказать с уверенностью.

— Я-то вполне уверен, поскольку говорил с ним лицом к лицу несколько минут.

Наиболее интересная информация содержалась для меня в том, чего же *не хватает* в бумажнике? Там находилось удостоверение, золотой швейцарский сертификат и еще восемьсот тридцать одна крона. И все!

Никаких кредитных карточек, ни водительских прав, ни контракта, ни членского билета гильдии или объединения, ни билета члена какого-нибудь клуба или общества — ничего!

Бумажник мужчины в чем-то похож на дамскую сумочку — и там и тут всегда скапливается всякий хлам: фотографии, газетные вырезки, счета из магазинов и прочее, до бесконечности. И постоянно требуется уборка этого мусора. Но и после любой такой «чистки» кое-что, в чем обязательно нуждается современный человек, должно остаться. У моего приятеля Шульца не осталось ничего.

Вывод: его не волновала проблема истинного подтверждения собственной личности.

Следовательно, где-то есть набор его истинных документов: удостоверение с иным именем, паспорт, почти наверняка выданный не Белизом, другие бумаги, которые могли бы раскрыть его подноготную, мотивы поведения и, возможно, то, откуда ему известен пароль «Уокер Эванс»?

Но как же все-таки это выяснить?

Меня беспокоило также и побочное обстоятельство — те самые семнадцать тысяч в золотых швейцарских сертификатах. Не содержалась ли в них, помимо стоимости обратного билета, еще

и ничтожная сумма, предназначенная мне в уплату за убийство Толливера? Если дело бстояло именно так, то меня оскорбили до глубины души. Я предпочел бы убийство как выполнение общественного долга.

Гвен вдруг спросила:

— Не хочешь ли ты со мной развестись?

— Что, что?

— Я втравила тебя в этот брак. У меня были самые добрые намерения, честное слово! Но все повернулось так, что я чувствую себя идиоткой.

— Ах, Гвен, жениться и развестись в один день — это не по мне. Если хочешь меня турнуть, давай проделаем это завтра. Но хотелось бы иметь испытательный срок дней в тридцать. Или хотя бы в две недели. И дать тебе такую же возможность. Вот тогда наши действия, как в горизонтали, так и в вертикали, будут оценены по достоинству. Либо не оценены. Предоставляю тебе судить об их достоинствах. Ну как, разве это не справедливо?

— Справедливо. Хотя я и могла бы забить тебя до смерти твоими же собственными хитроумными рассуждениями.

— Забить мужа до смерти — это привилегия любой замужней женщины... особенно если это сделать втихую. Пожалуйста, отвлекись от битья, ибо меня беспокоит кое-что другое. Не могла бы ты высказать свои суждения — почему понадобилось убивать Толливера?

— Рона Толливера? Нет. Хотя не могу привести доводов и в пользу того, что ему надо оставаться живым. Он ведь хам!

— Да, он хам, это верно. И не будь он одним из партнеров Компании, ему давно предложили бы использовать свой обратный билет и убраться подальше. Но ведь я не сказал «Рон Толливер», я сказал всего лишь «Толливер»!

— А что, здесь еще один такой? Надеюсь, что нет!

— Увидим.

Я подошел к терминалу и, запросив информацию на «Т», прочитал:

— «Ронсон Эйч Толливер: Ронсон Кью — его сын; жена сына Стелла М. Толливер»... Эй! Тут есть еще: «Смотри — Талиаферо»!

— Это исходное написание,— заметила Гвен.— Но произносится почти так же, как «Толливер».

— Ты уверена?

— Абсолютно. По крайней мере, к югу от линии Диксон-Мейсон на Земле. Написание «Толливер» подразумевает малограмотную публику, неспособную писать. Писать имя полностью, а потом читать его, произнося все буквы,— так делают фиговые янки типа «Липшицев»! А вот владельцы плантаций, аристократы, презирающие негров и обожающие женщин, пишут слова полностью, а *произносят* их кратко.

— Жаль, что ты это говоришь.

— Но почему, милый?

— Потому что здесь еще трое мужчин и одна женщина, чьи имена пишутся полностью: «Талиаферо»! И я не знаю никого из них, а посему не представляю, кто же должен быть убит?

— А ты обязан убить кого-то из них?

— Не имею понятия. Вот что: я, кажется, слишком много тебе наговорил. И если ты намерена оставаться моей женой хотя бы еще четырнадцать дней... А ты намерена?

— Разумеется! Четырнадцать дней плюс всю оставшуюся жизнь. А ты просто-напросто большой поросенок-шовинист!

— И пожизненно оплаченный партнер.

— И дразнилка!

— Думаю, и ты грешишь тем же. А не желаешь ли вернуться в постельку?

— Нет, пока ты не решишь, кого именно намерен убить.

— Но это может занять много времени.

И я сделал лучшее, что мог: изложил ей во всех деталях и без прикрас мой короткий диалог с человеком, назвавшимся Шульцем. Это было все, что я знал. Он погиб слишком рано, чтобы узнать больше, и оставил бесконечно много невыясненного.

Я сел за терминал, запустил текстовый редактор и открыл новый файл, словно сочиняя очередную литературную «халтуру»:

Приключения искаженного имени (вопросы, требующие выяснения):

1. Толливер или Талиаферо?

2. Почему Т. нужно прикончить?

3. Почему «мы все погибнем», если Т. не будет мертв в полдень воскресенья?

4. Кто был заключен в тело, именовавшееся Шульцем?

5. Логическое обоснование моего избрания как орудия казни мистера Т.

6. Действительно ли необходимо это убийство?

7. Кто из членов «Общества памяти Уокера Эванса» натравил этого болвана на меня? И зачем?

8. Кто убил «Шульца»? И зачем?

9. Почему персонал «Края радуги» так быстро замял факт убийства?

10. Комплекс. Почему Гвен ушла раньше меня и пришла сюда, вместо того чтобы вернуться домой? И как она вошла?

— Мы введем все эти вопросы в память машины? — спросила Гвен.— На номер десятый могу ответить только я сама.

— Этот номер я ввел смеха ради,— откликнулся я.— А что касается девяти первых пунктов, то, если найти ответ на любые три из них, я смогу дедуктивно вывести решение и всех остальных.

И я продолжил набирать на дисплее:

Возможные действия.

Ясна ли опасность или не очень,—
Первым стреляй и ори, что есть мочи!

— Это что, помогает? — спросила Гвен.

— Всегда! Спроси любого старого вояку. А теперь давай ставить пункты действия по очереди.

П.1 — Позвонить всем Талиаферо, работающим в управлении. Желательно вслушаться в звучание имени. Исключить каждого, кто произносит все буквы имени.

П.2 — Покопаться в досье тех, кто останется. Начать с информационной карточки «Герольда».

П.3 — Проконтролировать данные П.2, держать ушки на макушке относительно всего, что ожидается или занесено в расписание мероприятий на воскресенье.

П.4 — Если бы не опасность оказаться трупом на территории поселения «Золотое правило», скрывая при этом свою личность, но обеспечив пересылку документов обратно, то где бы вы их оставили? Намек: узнать, когда этот будущий труп прибыл на «Золотое правило». И тогда проверить отели, сейфы, абонентские ящики, почту «до востребования» и др.

П.5 — Откладывается.

П.6 — Откладывается.

П.7 — Позвонить как можно большему количеству членов группы «Уокер Эванс» и болтать до тех пор, пока не проскочит что-нибудь необычное.

Примечание: некоторые студенистые мозги могут выболтать многое!

П.8 — Моррис, или метрдотель, или водитель автобуса, или все вместе, или двое из них знают, кто убил Шульца. Один из них (или больше) этого ожидал. Поэтому надо изучить уязвимые точки каждого из них: выпивки, наркотики, деньги, секс (в любом варианте) и поинтересоваться: «А как тебя звали на Земле, приятель?» Узнать, не заведено ли на него какое-нибудь дело? Нажать на эту «нежную» точку. Проделать то же с каждым из трех и проанализировать их данные. «В каждом шкафу запрятан скелет»! Поскольку этот закон незыблем, то найти «скелет» в любом случае!

П.9 — Деньги. Заключительная позиция, пока не опровергнутая никем!

Вопрос: Во сколько вышеупомянутое обойдется? Потяну ли я? И наоборот: а если не потяну?

— Я весьма удивлена,— отметила Гвен.— Когда я сунула нос в твои дела, мне показалось, что у тебя серьезные неприятности. Но пока что ты не под стражей и явно находишься дома. Так почему мы обязаны что-то делать вообще, о мой супруг?

— Мне надо его убить.

— Что? Но ты ведь даже не знаешь, что означает «Толливер»! И почему он должен стать трупом? Или наоборот?

— Нет, нет, я имею в виду не Толливера! Хотя из случившегося и может следовать, что Толливеру предстоит умереть. Но я, милая, имею в виду того, кто прикончил Шульца.

— Да, я понимаю, он должен поплатиться за содеянное убийство. Но почему это обязан сделать ты? Они же оба тебе незнакомы: и жертва, и убийца! И ведь это вовсе не твое дело, не так ли?

— Нет, это мое дело! Шульца, или как бы там его ни звали, убили, когда он сидел за моим столиком. И я не намерен это снести. Гвен, любовь моя, если прощать дурные манеры, они станут еще хуже. И наше прелестное поселение выродится в трущобу типа Элл-Пять. Нельзя дозволить толкучку и хамство, излишний шум и грубый язык. Я должен разыскать невежу, позволившего подобное, объяснить ему его хамство, дать возможность извиниться и — убить его.

3

Врага можно простить, но не раньше,
чем его повесят.
Генрих Гейне (1797–1856)

Моя обожаемая новобрачная вытаращила глаза.

— Ты собираешься *убить* человека? За плохие манеры?

— А у тебя есть более веские основания? И хотелось бы, чтобы я игнорировал хамство?

— Нет, я могу понять, если человека осудят за убийство. И не против серьезного наказания. Но не дело ли это прокторов и Управления? Зачем присваивать функции карающего закона?

— Гвен, я неясно выразился. Моя цель — не наказание, а выпалывание сорняков плюс эстетическое удовольствие от того, что грубияна удалось проучить. У него могли быть очень веские основания для уничтожения Шульца... но проделывать это на глазах людей, предающихся трапезе, так же неприлично, как устраивать

публично семейный скандал. И сей кретин осмелился на эту оскорбительную акцию в момент, когда жертва была моим гостем. Это обязывает вдвойне! — переведя дух, я продолжил: — Наказание за предполагаемое убийство не является моей задачей. А что касается прокторов и Управления — не знаю, есть ли у них законы, запрещающие убийство?

— Да ты что, Ричард, конечно, они должны быть!

— Я никогда о таких не слышал. Полагаю, что для Менеджера убийство — способ давления со стороны «Золотого правила».

— Ну, я думаю, что ты не прав...

— Ты думаешь? Но я-то никогда не знаю, о чем думает сам Менеджер! И к тому же, Гвен, дорогая, уничтожение — не обязательно убийство! Фактически так оно и есть. Если Менеджеру попадется на глаза этот случай, он может решить, что это проявление чьей-то мании. Преступление против хороших манер, но не против нравственности! — я повернулся к терминалу и продолжил: — Но Менеджер, возможно, уже знаком с этим делом, а посему давай поглядим, что пишет по поводу инцидента «Геральд»?

Я нажал клавишу «газеты», по каналу передавали новости. Я выбрал из них статистику происшествий и житейских событий. В этой рубрике первым номером шло сообщение: «Бракосочетание Эймс-Новак». Я остановил кадр, увеличил его и вывел на печать, затем оторвал полоску бумаги с текстом и вручил моей новобрачной.

— Пошли внукам в подтверждение того, что бабуля больше не грешит!

— Благодарю, милый. Ты очень любезен. Я приму к сведению это твое качество.

— Я ведь умею еще и стряпать!

Перейдя к извещениям о смертях, я рассчитывал подцепить что-либо интересное и важное.

Но этого про сегодняшний набор никак нельзя было сказать. Ни одного знакомого имени. И, главное, никаких Шульцев, никаких неопознанных чужаков, никаких смертей «в популярных ресторанах»! Всего лишь скорбные извещения о смерти несколь-

ких иноземцев по естественным причинам и одно — о гибели в результате несчастного случая.

Поэтому я переключил внимание на новости. И здесь ничего стоящего. Бесконечное нудное пережевывание ежедневной текучки: сообщения о прибытии и отбытии кораблей (в качестве «значительной информации»), а также о том, что на оси заканчивается монтаж колец сто тридцать — сто сорок. Если все пойдет по графику, то они состыкуются с основным цилиндром в восемь ноль-ноль шестого числа.

Естественно — здесь не было и намека на Шульца, Толливера или Талиаферо, а тем более на неопознанный труп!

Я снова прошелся по заголовкам и переключился на мероприятия, запланированные на ближайшее воскресенье, но среди них самым стоящим оказался голографический телемост с участием Гааги, Токио, Луна-Сити, Элл-Четыре, «Золотого правила», Тель-Авива и Агры. Тема дискуссии: «Кризис веры. Современный мир на перепутье». Посредниками выступают президент «Гуманистического общества» и Далай-лама. Я пожелал им удачи.

— Итак, мы имеем «свист, ноль, орешек, немчуру» — и ничего! Гвен, как, по-твоему, можно заставить иноземца произнести свое имя?

— Дай-ка я попробую, милый! «Миз Толивух, это Глойа Мид Калхун из Саванны. Нет ли у вас кузины Стейси Мэй в гойоде Чайльстон»? Когда она поправит меня, сказав, как же произносится ее имя, я извинюсь и повешу трубку. Но если она (или он) примет мою «сокращенную» форму, но не признает кузины Стейси Мэй, я скажу: «Удивительно, она же назвала фамилию Талли-ах-фарох... но я так и знала, что это неправильно»! Ну, как ты находишь, Ричард? Это даст возможность назначить свидание или нет?

— Наверное, даст.

— Тебе или мне?

— Лучше тебе. Но я отправлюсь с тобой. Или ты пригласишь собеседника к себе. Но сперва мне следует купить шляпу.

— Шляпу?

— Тот нелепый коробок, который укрепляется на макушке тех, кто прибывает с Земли.

— Господи, да знаю я, что такое шляпа! Я ведь, как и ты, родилась там. Но очень сомневаюсь, чтобы кто-нибудь за пределами Земли носил шляпы! Да и где ты собираешься сей предмет покупать?

— Не знаю, о лучшая из девушек, но могу сказать, почему мне он понадобился. Имея шляпу, я могу вежливо прикоснуться к ней и произнести: «Сэр (или мэм), умоляю вас, откройте, зачем кому-то понадобилось видеть вас мертвым в полдень в воскресенье?» Кроме шуток, Гвен, меня заботит, как начать разговор. Ведь почти на все случаи предусмотрены правила вежливого обращения — от предложения адюльтера чьей-нибудь целомудренной супруге до дачи взятки. Но как приступить к интересующему меня сюжету?

— А ты не можешь сказать просто: «Эй, учтите, кому-то приспичило вас убить»!

— Да нет, не годится. В мою задачу не входит предупредить малого, что его собираются кокнуть. Мне всего лишь надо установить, *почему* это понадобилось. И не исключено, что, узнав, я смогу это от души одобрить как наблюдатель или даже так проникнусь целесообразностью задуманного, что сумею сам претворить в жизнь намерения покойного мистера Шульца, оказав тем самым услугу роду человеческому!.. Или, наоборот, не соглашусь с этим настолько рьяно, что посвящу все свои помыслы и остаток дней предотвращению оного преступления, если, конечно, намеченным объектом не окажется Рон Толливер! Впрочем, рано еще говорить о выборе позиции. Сперва я должен понять, что происходит. Гвен, любовь моя, в профессии ликвидатора никогда не бывает так: сперва убиваешь, потом задаешь вопросы. Это же может утомить публику! — я вновь обратился к экрану терминала, не переключая ничего.— Гвен, прежде чем мы начнем обзванивать людей, мне надо вызвать каждого из друзей Уокера Эванса. Первая задача — выяснить, как Шульц узнал пароль. Его обязательно сообщил кто-то из шести, которому известно и то, почему Шульц вляпался в дерьмо.

— А что, они находятся за пределами «Золотого правила»?

— Не знаю точно, все ли. Один из них, возможно, на Марсе, двое — в Поясе астероидов. Один или двое могут жить на Земле

под именами, которые мне известны. Гвен, та катастрофа, которая вынудила меня оставить веселую военную профессию, заставила обратиться в бегство шесть моих товарищей, ставших моими кровными братьями... Я понимаю, широкой публике это могло показаться отвратительным... Единственное, что я могу сказать,— журналисты и комментаторы, не видевшие самого события, не могли и понять, почему оно произошло... Но уверяю тебя, в основе лежали веские причины, касавшиеся времени, места, обстоятельств. Я мог бы... Нет, неважно, милая. Давай остановимся на том, что все мои друзья находятся в укрытиях, а значит, их поиск может оказаться делом весьма утомительным.

— Но ведь тебе нужен только один из них, не так ли? Только тот, кто общался с Шульцем.

— Да, но я же не знаю, кто это!

— Ричард, а может быть, легче и проще проследить за тем, что делал Шульц, и выйти на того единственного, чем разыскивать всех шестерых, да еще пребывающих под вымышленными именами, по всей Солнечной системе? А может, и за ее пределами?

Я задумался.

— Очень возможно. Но как же я смогу проследить действия Шульца? Тебя что-нибудь озарило, любовь моя?

— Ничего. Но я помню, что, когда я прибыла сюда, меня спрашивали в приемном центре не только о том, где я жила раньше (и проверяли паспорт), но также интересовались, откуда я прибыла и где еще побывала до этого. И тоже проверяли данные мной сведения. То есть не только то, что я прибыла с Луны: ведь почти каждый стартует оттуда, но и то, как я там оказалась. А тебя разве не спрашивали о том же?

— Нет. Дело в том, что я предъявил им лунный паспорт, где указано, что я уроженец Луны и гражданин Свободного Штата Луна.

— А я-то думала, что ты родился на Земле!

— Гвен, Колин Кэмпбелл родился на Земле, но Ричард Эймс появился на свет в Гонконге Лунном, и все тут!

— Ох!

— И все же нужно попытаться проследить за Шульцем прежде, чем начинать поиск шестерки. Если бы я узнал, что Шульц не

отлучался слишком далеко от Земли или Луны, то, стало быть, его связи туда и поведут, а вовсе не на Марс или Пояс астероидов.

— А что если... предположить, что целью его было... нет, это глупость!

— Что именно «глупость»? Посвяти меня, родная.

— О, я подумала, а что если Рон Толливер — всего лишь прикрытие, а истинная цель — ты сам или твои шесть друзей, связанные с Уокером Эвансом? Может, они хотят спровоцировать тебя на контакты с ними? Чтобы заграбастать всех семерых? Не является ли это попыткой вендетты? И было ли что-нибудь, побуждающее кого-то к мести всем вам одновременно?

У меня в желудке слегка похолодело от ее слов.

— Пожалуй, это вполне вероятно. А впрочем, остается неясным, зачем же понадобилось укокошить Шульца.

— Но я же сказала, что мое предположение — глупость!

— Погоди, погоди-ка! А был ли в самом деле убит этот Шульц?

— Ну как же, ведь мы оба видели, Ричард!

— А мы видели? Я *думаю*, что видел, но ведь это вполне могло быть подделкой. То, что я видел, было похоже на смерть от разрыва жала. Но сделаем два простых предположения, Гвен. Первое — для создания такого впечатления достаточно лишь маленького темного пятнышка на рубашке. Второе — за щекой спрятана небольшая капсула с красной жидкостью. В нужный момент он на нее надавит, и «кровь» хлынет изо рта. Остальное — дело техники, включая странное поведение Морриса и прочего персонала. «Мертвое тело» быстренько выносится через служебное помещение, где «Шульца» переодевают и выпускают наружу из задней двери.

— Ты полагаешь, что так и было?

— Фу... да нет же, черт бы все это побрал! Я ведь видел массу смертей, а эта произошла так же близко от меня, как сейчас сидишь ты... Все же мне кажется, он и правда умер.

Я слегка похвалил самого себя. Неужели я мог ошибиться в таком «ключевом» вопросе?.. Господи, да конечно же, мог! Я ведь не супергений, наделенный психологической энергией. И я могу

ошибиться в том, что видел собственными глазами, точно так же, как ошиблась Гвен.

Я вздохнул.

— Гвен, честно говоря, я не знаю! На моих глазах Шульц умер в точности, как умирают от разрывного жала, но... если тщательно подготовить такую сцену, то правдоподобие может быть полным, но такая фальшивка требует очень быстрого прикрытия. Иначе поведение персонала «Края радуги» выглядит просто невероятным... О лучшая из девиц! — сказал я уныло.— Я ни в чем не уверен. А может, кому-то понадобилось, чтобы у меня поехала крыша?

Она отнеслась к последнему вопросу как к чисто риторическому, каковым он на самом деле и являлся. Надеюсь.

— Так что же мы предпримем? — спросила Гвен.

— Да... попробуем все же «проконтролировать» Шульца. И не будем забивать себе голову другими шагами, не сделав этого.

— А как?

— Дадим взятки, любовь моя. Ложь и деньги. Щедрая ложь и скупые денежные вложения. Если только ты не достаточно богата, чтобы раскошелиться. Я ведь не спрашивал тебя об этом до женитьбы, правда?

— Богата? Я? — расширила свои очи Гвен.— Но, Ричард, я же сама вышла за тебя из корысти!

— Ах, ты поэтому так поступила? Леди, тебя жестоко надули. Не хочешь ли вызвать адвоката?

— Да-а, подумаю об этом. Скажи, а нельзя ли моему случаю придать статус «изнасилования»?

— Нет, словосочетание «статус изнасилования» напоминает что-то вроде плотского постижения статуи. А как на это кто-нибудь решился бы, я не представляю. Я вообще не вижу здесь правовых оснований! — я вновь повернулся к терминалу.— Так что же, вызываем адвоката или начнем заниматься Шульцем?

— Ричард, у нас получается странноватый медовый месяц. Иди-ка сюда, в постельку!

— Подождет постелька. А ты, пока я занимаюсь Шульцем, съешь еще одну вафельку.

Я нажал клавишу справочной и запросил информацию «о Шульцах». Их оказалось девятнадцать, но среди них ни одного Энрико. Не могу сказать, что это сильно меня удивило. Там, правда, был некто «Хендрик Шульц», и я запросил его данные. Вот они:

«Преподобный доктор Хендрик Шульц (дальше шли ученые степени), в прошлом Великий Магистр Королевского астрологического общества. Научно обоснованные гороскопы за умеренную цену. Торжественные речи на свадьбах. Семейные советы. Эклектическая и холистическая терапия. Советы по успешным вложениям и выигрышным пари. Петтикот-Лейн, на кольце девяносто пять, вблизи Мадам Помпадур».

Текст сопровождался голограммой его улыбающейся физиономии и подписью под ней:

«Я — папа Шульц, ваш добрый друг. Никакая ваша проблема не покажется мне ни слишком малой, ни слишком сложной. Гарантирую любые работы»!

Гарантирует от чего? Хендрик Шульц выглядел в точности как Санта Клаус минус борода, но отнюдь не как мой любезный Энрико! Поэтому я изгнал его с экрана, правда, не вполне охотно, ибо проникся симпатией к сему преподобному доктору.

— Гвен, в справочнике такого нет. Под именем, обозначенным в удостоверении, выданном «Золотым правилом». А не означает ли сие, что такой Шульц и не появлялся в поселении? Или что его имя было убрано из файлов прежде, чем его тело начало остывать?

— Ты ждешь от меня ответа или размышлений вслух?

— Ни то ни другое. Наш следующий шаг — запросить Приемный центр.

Я вызвал справочную и запросил иммиграционную службу Приемного центра.

— Говорит доктор Ричард Эймс. Мне нужно найти человека по имени Энрико Шульц. Не могли бы вы дать его адрес?

— А почему бы вам не справиться в адресной службе?

Вопрос звучал так, словно его задала моя школьная учительница, а не вежливая служащая офиса.

— Его там нет. Он турист, а не постоянный житель. Мне всего лишь надо знать, где его найти на «Золотом правиле». Адрес отеля, пансиона или чего-нибудь в том же духе...

— Еще чего захотели! Вы прекрасно знаете, что мы не выдаем такой персональной информации, да еще зафиксированной! Если этого нет в справочнике, значит, он хорошо заплатил. Обратитесь к кому-нибудь другому, доктор, если таких найдете.

Она дала отбой.

— Кого мы теперь начнем пытать? — спросила Гвен.

— Те же адресаты, те же задницы, но теперь уже за деньги и лично. Терминалы — устройства удобные, Гвен, но по ним не дашь взятку меньше ста тысяч. Для объятий послабее личные контакты выгоднее... Пойдешь со мной?

— И ты допускаешь, что я позволю тебе улизнуть одному? Да еще в день нашей свадьбы? Только попробуй, гуляка!

— Но, может быть, тогда что-нибудь на себя накинешь?

— А тебе неприятно на меня смотреть?

— Не то чтобы очень. И все же давай собирайся.

— Я скоро. Полсекунды, Ричард, пока я найду свои тапочки... Ричард, а мы сможем по пути заглянуть ко мне? В этом платье в театре чувствуешь себя шикарно одетой, но для дневного делового визита оно вряд ли подойдет. Надо переодеться.

— Ваше малейшее желание, мэм!.. Но возникает еще один вопрос. Ты собираешься переселяться ко мне?

— А ты этого хочешь?

— Гвен, я по собственному опыту знаю, что брак иногда восстает против раздельного ложа, но никогда не возражает против двух адресов!

— Но ты не ответил прямо.

— Тогда слушай. У меня, Гвен, есть одна мерзкая привычка, из-за которой здесь будет не очень удобно жить вдвоем. Дело в том, что я пишу.

Моя дорогая девушка изумилась.

— Считай, что ты ответил. Но почему назвал эту привычку мерзкой?

— Гвен, любовь моя, я не собираюсь извиняться за свое писательство. Во всяком случае, не более чем за мою отсутствующую ногу... Но, по правде, одно породило другое. Когда я не смог служить в армии, мне понадобилось чем-то зарабатывать на жизнь. И я не нашел ничего более подходящего для себя, к тому же подвернулся парень, который дал моей писанине дорогу. Кроме того, писательство — вполне законный способ отлынивания от работы, не требующий ни особой сноровки, ни таланта, ни воровства... А по сути ведь это занятие антиобщественно. Оно предполагает такое же уединение, как мастурбация. Потревожь писателя в момент вдохновения, и он способен ударить, даже не сознавая, что делает! Это приводит в ужас жен писателей и мужей писательниц. И еще одно, Гвен, (слушай внимательно!): писателя нельзя ни смирить, ни вознаградить цивилизованным образом. Или даже вылечить от устоявшихся привычек. В семье, где есть хотя бы один писатель, единственный известный науке способ совладать с ним — это предоставить изолированный кабинет, где он мог бы в уединении претерпевать свои острые творческие муки. Еду следует подавать на кончике длинной палки, поскольку, если потревожить несчастного в такие моменты, он может либо разразиться слезами, либо совершить насилие. Он может не услышать ни слова, а если его потрясти, чего доброго, еще и укусит! — я улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок.— Не огорчайся, милая! Я сейчас ничего не пишу и не приступлю, пока мы не сумеем изолировать комнату для моей работы. И вот что я тебе скажу: прежде чем отправиться в Приемный центр, я, пожалуй, позвоню в офис Менеджера и попрошу предоставить мне более просторную квартиру. К тому же нам понадобятся два отдельных терминала.

— А зачем два, милый? Я ведь не часто пользуюсь терминалом.

— Зато, когда пользуешься, то надолго или нет, но занимаешь его. А если я сам работаю над литературным текстом, то уже ни для чего другого его не освобожу. Ни для чтения газет, ни для отправления письма, ни для хозяйственных заказов, ни для просмотра телепрограмм, ни для звонков кому-либо! Ни для чего! Поверь мне, дорогая, у меня эта болезнь уже долгие годы, и я знаю, каково с ней жить. Поэтому позволь мне иметь небольшую от-

дельную комнату с терминалом, разреши время от времени наглухо в ней запираться, и ты получишь нормальный брак с мужем, который как бы ежедневно уходит в офис и делает там что-то. Правда, я никогда не интересовался тем, что делают люди в своих офисах!

— Ну и ладно, родной! Ричард, а ты получаешь удовольствие от писания?

— Никто не может получать от этого удовольствия.

— Удивляюсь. Но должна сообщить тебе, что покривила душой, говоря, что вышла за тебя из корысти.

— А я тебе и не поверил. Мы квиты.

— О да, милый! А вот я могу позволить себе в какой-то мере баловать тебя... Да нет, яхту я тебе не куплю. Но мы сможем жить с полным комфортом здесь, не самом дешевом местечке в Солнечной системе. И тебе можно будет не писать.

Я нежно поцеловал ее и сказал:

— Как славно, что я женился на тебе. Но учти: писать я не брошу!

— Но если это не доставляет удовольствия! У нас же не будет нужды в деньгах. Мы правда не будем нуждаться!

— Благодарю, любовь моя! Но я не объяснил тебе всех коварных особенностей писательства. Покончить с этим нельзя. Человек продолжает писать и тогда, когда отпадают соображения финансового порядка... ибо не писать становится для него еще невыносимей.

— Не понимаю.

— Я и сам не понимал, вступая на эту роковую стезю и полагая, что смогу остановиться, когда захочу! Ничего подобного, милая! В ближайшие десять лет поймешь. Но ты просто не обращай внимания, если я начну канючить. Считай это блажью и только!

— Послушай, Ричард! А не обратиться ли тебе к психиатру?

— Не хочу рисковать. Я знавал писаку, который пошел этим путем. Его напрочь вылечили от писательства. В последний раз, когда его увидел, он забился в угол и дрожал, как осиновый лист. И это была еще благоприятная фаза. Но один лишь вид компьютера-процессора вызывал у него припадки отчаяния.

— Ну да, ну да... Ты всегда слегка преувеличиваешь.

— Да нет же, Гвен! Я могу сводить тебя к нему... Вернее, показать его надгробие. Ладно, не бери в голову, родная... Я пошел звонить Менеджеру, ведающему жильем.

Я повернулся к терминалу и...

...и эта проклятая штука замигала, как рождественская елка, зазвучал пронзительный сигнал вызова. Я включил ответное устройство.

— Эймс слушает. У нас что-нибудь неисправно?

Я еще не кончил говорить, как по экрану поползли буквы, и принтер начал печатать без моей команды (ненавижу, когда он так поступает!):

«Официальное извещение доктору Ричарду Эймсу. По решению Управления занимаемая Вами квартира должна быть срочно освобождена. Остаток внесенной Вами квартплаты будет переведен на Ваш текущий счет с добавлением неустойки в пятьдесят крон за причиненные Вам неудобства. Ордер подписан Артуром Миддлгаффом, полномочным Менеджером по квартирным вопросам. Желаем приятного дня!»

4

Я работаю из тех же побуждений, из которых
курица несет яйца.
Г. Л. Менкен (1880–1956)

Мои глаза готовы были вылезти из орбит.

— О дивные, дивные ватрушки! Целых пятьдесят крон — ура! Гвен! Теперь ты смело можешь сказать, что вышла замуж за богача!

— Милый, с тобой все в порядке? Ты же заплатил больше за бутылку вина вчера вечером! Я думаю, это издевательство. Оскорбление.

— Конечно, так оно и есть, дорогая. Но все это делается специально, чтобы в придачу к «неудобствам» обозлить меня и вынудить к каким-то действиям. Не дождутся!

— Не дождутся, чтобы ты съехал?

— Нет, нет, я сейчас же освобожу квартиру. Конечно, с городским советом можно бороться, но не путем отказа освободить помещение. Тем более, что этот «заместитель Менеджера» может отключить и электроэнергию, и вентиляцию, и воду, и санитарные услуги. Нет, милая моя, они хотят вывести меня из равновесия, заставить выкрикивать пустые угрозы и прочее,— я улыбнулся своей любимой.— Итак, я решил не выходить из себя и сразу же съехать с квартиры, оставаясь кротким как ягненок. А ярость, вызванная сообщением, пусть останется при мне столько времени, сколько я найду нужным. Кроме того, выселение ничего и не меняло, поскольку я все равно собирался просить большую квартиру: ведь мне нужна еще одна комната. Поэтому я позвоню ему, этому драгоценному мистеру Миддлгаффу.

Я снова набрал справочную, чтобы узнать номер отдела, ведающего жильем.

И получил на дисплее сообщение: «ТЕРМИНАЛ ОТКЛЮЧЕН»!

Пялясь на экран и пытаясь не взорваться, я сосчитал до десяти, медленно, на санскрите. Дражайший мистер Миддлгафф, или сам верховный Менеджер, или кто там еще — всерьез решили меня рассердить! И поэтому самое главное для меня сейчас — сохранить невозмутимость. И мысли должны быть успокаивающими, как у факира на ложе из гвоздей. Впрочем, мне не были противопоказаны размышления о том, как поджарить яйца того затейника — как только я узнаю, кто это. Так с чем их приготовить? С соевым соусом? Или достаточно чесночного масла с щепоткой соли?

Обдумывание этих кулинарных рецептов слегка меня успокоило. И поэтому я не слишком изумился и даже не расстроился, обнаружив на дисплее новый шедевр делового общения. От любезного извещения о том, что терминал отключен, они перешли к следующему приятному известию:

«ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И ВСЕ ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ БУДУТ ОТКЛЮЧЕНЫ В 13:00».

После этого на экране появились цифры отсчета времени — тоже крупно: 12:31 у меня на глазах сменилось на 12:32.

— Ричард, что за ерунду они там вытворяют?

— Да все еще пытаются заставить меня свихнуться, я полагаю. Но ни черта у них не выйдет. Вместо этого мы в течение двадцати восьми... нет, двадцати семи минут вычистим отсюда весь хлам, накопившийся за пять лет.

— Слушаюсь, сэр! Я могу помочь?

— Молодчина! Вывали все из малого шкафа в передней и большого в спальне — прямо на кровать. На полке в большом гардеробе большая матерчатая сумка, вернее, чехол от парашюта. Запихивай все туда как можно плотнее. Ничего не сортируй, вали подряд. А вот в халат, что был на тебе во время завтрака, сложи то, что не влезет в чехол, и перетяни его поясом.

— А туалетные принадлежности?

— Ах да! В кладовке есть автомат, выдающий пластиковые мешки, засунь все в мешок и тоже вложи в узел. Лапушка, из тебя выйдет превосходная супруга!

— Ты абсолютно прав. Большой опыт предыдущих браков, мой родной. Ведь из вдов получаются лучшие жены! Тебе не хотелось бы послушать о моих мужьях?

— Может, и хотелось бы, но не сейчас. Припаси это для какого-нибудь скучного вечера, когда у тебя будет мигрень, а я слишком устану, чтобы работать.

Свалив девяносто процентов упаковочных забот на Гвен, остальными десятью, самыми трудными, я занялся сам — моими записями и архивом.

У писателей, как правило, полно багажа, а военные, тоже как правило, путешествуют всегда налегке. Из-за этого противоречия я давно бы угодил в сумасшедший дом, если бы не замечательное изобретение для писателей (после резинки на конце карандаша): электронный архив.

Я пользуюсь дискетками «Сони Мегавэйферс» емкостью в добрых полмиллиона слов каждая. Это чудо имеет радиус в два сантиметра и толщину в три миллиметра. Информация упакована в дискетках так плотно, что и вообразить нельзя!

Я уселся рядом с терминалом, отстегнул протез («липовую ногу», если хотите!) и открыл его верхнюю часть. Запихнув свои

«памятные облатки», изъятые из селектора терминала, в цилиндр, игравший роль «берцовой кости» в моем протезе, я прикрыл эту полость и водворил протез на место.

Таким образом, *при мне* в буквальном смысле слова находились все архивы и записи, необходимые в моем бизнесе: контракты, деловые письма, копии моих сочинений, важная корреспонденция, необходимые адреса, наметки будущих рассказов, квитки о выплаченных налогах и так далее, до отвращения... До эры электронных файлов аналогичная бумажная документация тянула бы на полторы тонны, да еще плюс полтонны стальной упаковки объемом в несколько кубических метров. Теперь же это весило всего несколько граммов и занимало места не больше, чем мой средний палец. Двадцать миллионов слов архивного хранения!

Мои «облатки» спокойно уместились в «берцовой кости», там им не грозили похищения, потеря или повреждение. И кому бы пришло в голову спереть чужой протез? И сам калека мог ли позабыть где-либо свою искусственную ногу? Он ее снимает на ночь, но первое, к чему он тянется утром,— его протез!

На протез не обратят внимание даже налетчики. Причем почти никто и не догадывался, что у меня нет ноги. И всего раз мне случилось остаться без него: коллега, отнюдь не мой приятель, вынес протез на ночь из моей комнаты. Отомстил, так сказать: мы с ним разошлись во взглядах на литературу! Но я выскочил утром на одной ноге, отколотил обидчика его же каминной кочергой, пристегнул протез, схватил свои бумаги и удалился. Писательское дело, хоть и требует сидячего образа жизни, все же иногда оживляется такими «взрывными» эпизодами!

Терминал показывал 12:54, когда мы почти закончили укладываться. Осталось увязать пачку книг — настоящих, отпечатанных на бумаге. Гвен их тоже засунула в узел, сооруженный из халата.

— Что еще? — спросила она.

— По-моему, все,— ответил я.— Быстренько осмотрюсь напоследок, выставим все в коридор и подумаем, как быть, когда они выключат свет.

— А что делать с этим бонсай-деревцем? — спросила Гвен, уставившись на карликовый клен, которому уже стукнуло около

восьмидесяти лет: росточку-то всего тридцать девять сантиметров.

— Его совершенно некуда засунуть, лапушка. К тому же, деревце надо поливать несколько раз в день. Пусть это чувствительное созданьице достанется следующему жильцу.

— Фиг ему достанется, шеф! Ты его сам донесешь до моей квартиры, а я возьму весь багаж.

Должен признаться, «чувствительное созданьице» мне никогда особо не нравилось.

— А мы что, отбываем на твою квартиру?

— Куда же еще, милый? Конечно, нам нужно помещение побольше, но в нашем бедственном положении сгодится любая крыша над головой. Поскольку все свалилось как снег на голову!

— Ну, свалилось так свалилось! Гвен, ты лучше напоминай мне почаще, чтобы я говорил: «Как я доволен, что надумал жениться на тебе!»

— Но ведь ты вовсе и не думал об этом? Мужчинам такое не свойственно!

— В самом деле?

— Правда, правда! Но я все же буду напоминать, чтобы ты произносил именно эти слова.

— Пожалуйста, напоминай почаще! Я рад, что и ты надумала взять меня в мужья... А ты обещаешь снять с меня заботы о «чувствительном создании»?

Она не ответила, ибо светильники два раза мигнули, и мы ужасно заторопились: Гвен стала выволакивать все в коридор, а я лихорадочно обошел свою бывшую квартиру. Свет снова мигнул, я схватил палку и успел выскочить за дверь раньше, чем она захлопнулась за мной с треском. Гвен похлопала меня по спине.

— Спокойствие, босс! Вдохни поглубже. Сосчитай до десяти, пока не выдохнешь. После этого давай-ка потихоньку выбираться.

— Мы должны были бы посетить с тобой Ниагарский водопад. Я уже говорил тебе это? Говорил.

— Конечно, Ричард. Подними, пожалуйста, деревце. На этом перегоне я понесу и узел, и саквояж — в каждой руке по вещи. Держим курс на отметку нулевого притяжения?

— Да, но я возьму саквояж и дерево. А палку просуну в лямки саквояжа.

— Пожалуйста, не будь «macho», Ричард! Не сейчас, когда у нас столько проблем.

— «Macho» — слово унизительное, Гвен! Если ты его еще раз произнесешь, я тебя шлепну, скажешь в третий раз — побью этой палкой. И буду «macho», когда мне вздумается!

— Да, сэр, моя — Джейн, твоя — Тарзан! Возьми же деревце, пожалуйста.

Мы нашли компромисс. Я взял саквояж и пошел, опираясь на палку. Гвен рукой подхватила узел, в другую взяла деревце; узел явно перевешивал. Ее первоначальное предложение, должен признать, было более разумным: обе ноши весили не так уж много, и по мере продвижения к нулевой отметке их вес падал. Я чувствовал глупость своего поведения и некоторую неловкость: ведь я поддался искушению не признавать себя калекой и доказать, что способен сам справиться с ношей! И непонятно, что хуже — поддаться глупому искушению или согласиться со своей немощью?

Достигнув оси космического спутника-цилиндра, мы оказались в невесомости и полетели вперед вместе со своим скарбом, пристегнутым к поясам. Гвен держала деревце двумя руками. Когда мы добрались до ее «кольца», Гвен взяла обе ноши, и я не стал препираться. Все путешествие заняло не более получаса. Вызвать бы лифт, но придется долго ждать: пресловутое «приспособление по охране труда» частенько задерживалось.

Гвен положила груз перед дверью квартиры и произнесла команду в переговорное устройство. Дверь не открылась. Не открылась, но заговорила:

— Миссис Новак, пожалуйста, позвоните сейчас же в Управление по жилищным вопросам. Ближайший терминал находится в кольце сто пять, у радиуса один тридцать пять, уровень притяжения ноль шесть десятых, рядом со стоянкой персонального транспорта. Разговор будет оплачен властями «Золотого правила».

Нельзя сказать, что это меня сильно удивило, но я вконец расстроился. Остаться без жилья — все равно, что остаться без еды. А может, и хуже.

Но Гвен повела себя так, словно и не услышала мерзкого предложения. Она лишь скомандовала:

— Садись на саквояж, Ричард, и не волнуйся. Не думаю, чтобы это заняло много времени.

Она открыла сумочку, покопалась в ней, вытащила острую шпильку и кусочек провода, возможно, развернутую скрепку. Что-то тихонько мурлыча, она стала колдовать с дверью. Я помогал ей тем, что не лез с советами. Не сказал ни единого слова. Это было трудно, но я выдержал.

— Готово,— произнесла она.

Дверь распахнулась. Гвен подняла мое японское деревце, нет, наше японское деревце.

— Прошу, милый! Поставь пока что саквояж поперек порога, внутри еще темно!

Я последовал за ней. Единственным пятном света был экран терминала, на котором значилось: «ВСЕ СЛУЖБЫ ВРЕМЕННО ОТКЛЮЧЕНЫ».

Совершенно невозмутимо она снова зашарила в сумочке, достала маленький фонарик, светя им, вынесла из кладовки длинную отвертку, автомобильные пассатижи, продолговатый инструмент неизвестного назначения, возможно, самодельный, и пару резиновых перчаток как раз ее размера.

— Ричард, будь так любезен, посвети мне, пожалуйста!

Кожух с электрическим щитком находился над микроволновой плитой, он был заперт дверкой и украшен обычными ярлыками-заклятиями для отпугивания жильцов: «Опасно!», «Не вскрывать! Вызвать монтера!» и прочими. Гвен вскарабкалась на плиту, уселась наверху духовки и одним махом открыла дверку щитка. Не исключено, что подобным образом замок открывался и раньше.

Она принялась орудовать совершенно спокойно, все так же монотонно мурлыча и указывая мне, куда направлять луч фонарика. Разочек там что-то ярко полыхнуло, и она неодобрительно пробормотала:

— Ты что это, озорник? Нельзя так делать с Гвен!

Потом очень медленно что-то подкрутила, и наконец в квартире вспыхнул свет, а с ним и то, что делает жилище пригодным

для обитания: свежий воздух, звук микроволнового мотора и все остальное.

Гвен закрыла дверку щитка.

— Ты поможешь мне слезть, милый?

Я ссадил ее, обнял и поцеловал в награду за труды. Она просияла:

— Спасибо, сэр! А я и забыла, что ты — мой! Как славно, однако, быть замужем! Мы должны жениться почаще!

— Может, сейчас?

— Ну уж нет, сейчас время обеда. Завтрак был обильный, но ведь уже перевалило за четырнадцать. Ты созрел для еды?

— Вполне,— ответил я.— Как насчет похода к «Неряхе Джо» или в «Аппиеву дорогу» у кольца сто пять? Или ты предпочитаешь ресторан пошикарней?

— «Неряха Джо» вполне подошел бы, я ведь не обжора, миленький. Но, мне кажется, не стоит отсюда высовываться, обратно можно и не попасть!

— Почему же? Ты так ловко справилась с замком.

— Ричард, во второй раз может и не удаться. Они просто еще не поняли, что замок для меня не является препятствием. Но если это откроется, они поставят стальную пластину поперек двери. И я собираюсь с ними бороться не более, чем ты. Поэтому давай попируем здесь, потом я упакую свои вещи. Чего бы тебе хотелось на обед?

И тут я обнаружил, что Гвен спасла из моей кладовки все замороженные, а также стерильно упакованные продукты. У меня всегда запас чего-нибудь экзотического. Кто может знать, не захочется ли человеку в разгар ночи работающему над рассказом, отведать мороженых устриц, о которых он только что написал? И не проще ли на этот случай их иметь под рукой? Иначе придется встать, выйти из убежища и заняться поисками страстно желаемого блюда. Но ведь это будет крахом творческого взлета!

Гвен выложила все, что хранилось и в ее закромах тоже. Обедая, мы обсуждали, как же быть дальше. Я сказал, что собираюсь позвонить дражайшему мистеру Миддлгаффу сразу после обеда. Она озабоченно возразила:

— Все же, милый, мне лучше уложить сперва вещи.

— Как скажешь. Но почему?

— Ричард, мы с тобой как прокаженные, это же ясно. И мне кажется, это связано с убийством Шульца. Правда, полной уверенности у меня нет. Но как бы там ни было, я хочу, чтобы мои вещи были упакованы и вынесены вместе с твоими наружу сразу же, когда выйдем и мы. Иначе может оказаться, что мы обратно сюда уже не попадем.

Она мотнула головой в сторону терминала, где все еще светилось: «ВСЕ СЛУЖБЫ ВРЕМЕННО ОТКЛЮЧЕНЫ».

— Для включения этого терминала,— сказала Гвен,— хватило бы пары соленоидов, ибо сам компьютер находится не здесь. Стало быть, ты мог бы позвонить Миддлгаффу, не выходя из квартиры. И поэтому все, что нам надо сделать здесь, мы должны закончить прежде, чем окажемся по ту сторону двери.

— Но, пока ты упаковываешь вещи, я мигом обернусь!

— Только через мой труп!

— Да ты что? Гвен, будь же благоразумна!

— Из нас двоих именно я и благоразумна. Ричард Колин, ты мой только что обретенный супруг. Коль скоро так случилось, я тебя не выпущу из поля зрения. Ты ведь можешь исчезнуть так же, как и Шульц! Мой любимый, если они намерены тебя убить, им придется сперва проделать это со мной.

Я попытался ее урезонить, но она закрыла руками уши.

— Не хочу ни спорить, ни слушать. Я не слышу! — и добавила, приоткрыв одно ухо: — Помоги упаковать вещи, прошу тебя.

— Ладно, дорогая.

Она управлялась гораздо проворнее меня, и единственное, чем я мог ей помочь,— это не путаться у нее под ногами.

Особого опыта совместной жизни с женщинами у меня не было; военная служба не очень-то способствует созданию домашнего очага. Поэтому я всегда избегал брака, довольствуясь лишь непродолжительными связями с коллегами-амазонками, которые сами по себе обрывались из-за служебных перемещений.

Когда я дослужился до полковника, у меня, кроме денщика, появилась и женская прислуга, но я и в мыслях не имел, что это хоть как-то может напоминать семейную жизнь.

И вот что я пытаюсь выразить: несмотря на сочиненные мной любовные истории бесчисленных вымышленных героинь, я имел все же довольно смутное представление о женщинах!

На заре моего писательства случайно нашелся издатель, покупавший мои вымученные рассказики. Его звали Ивлин Фингерхут, он был мрачным субъектом с плешью и неизменной сигарой во рту. Фингерхут всегда поучал меня:

— Не пытайтесь полностью изучить женщину, это сделает из вашей жизни скачки с препятствиями.

— Но ведь правдивость литературы подразумевает такое знание! — возражал я.

— Да ваши истории и без того правдивы, ведь каждая из них будет сопровождаться клятвенными заверениями, что данный рассказ основан на реальном факте! — он клал большой палец на рукопись, которую только что купил.— Вы должны к ней прилепить ярлычок с надписью: «Факт». Неужели вы собираетесь уверять, что такого не было? Вы что, не желаете, чтобы вам за это платили?

Да нет, я очень даже хотел, чтобы мне платили! По мне, вершина литературного стиля — простое элегантное выражение: «Платите во имя того, чтобы...», поэтому я быстро отвечал:

— Что касается фактов, положенных «в основу», никаких проблем нет. Сам я эту женщину толком не знал, но моя мать училась с ней в одной школе. Эта девица в самом деле обвенчалась с младшим братом своей матери. Она была уже в положении, когда все открылось, и появилась дилемма: то ли взять на душу грех аборта, то ли родить плод кровосмешения, возможно, с двумя головами, но без подбородков? Все основано на фактах, Ивлин, но мне пришлось их обработать и упорядочить. И получилось, что моя героиня Бет Лу не была истинной племянницей своему дяде, да и ребенок-то был зачат не от него! Вот эти подробности я и выкинул из рассказа!

— Ну так напишите его снова, введите именно это и выкиньте предыдущее. Вас должно заботить лишь то, чтобы были изменены имена персонажей и названия мест. Не дай бог, если поступит хоть одна жалоба от тех, кто себя узнает в ваших героях!

Попозже я принес ему исправленную версию, ни словом не обмолвясь, что эта история произошла вовсе не с соученицей матери, а с героями книги, принадлежащей моей тетке Эбби. Я попросту «слизал» ее с либретто «Цикла о кольце Нибелунгов» Рихарда Вагнера. Сам-то Вагнер был никудышным литератором, он лишь лихо сочинял музыку, а либретто ему делал некто Гилберт.

Но его дурацкие сюжеты вполне подходили для переложения в современную прозу, разумеется, с изменениями в интонации, именах действующих лиц и географических названиях. Нельзя даже сказать, что я крал эти сюжеты. Скорее всего, слегка их «заимствовал». Они теперь в широком обиходе, мои права на них закреплены, да к тому же и сам Вагнер умыкал их откуда-то из прошлого!

Я вполне мог обеспечить себе доход, используя лишь вагнеровские сюжеты, но они уже сидели у меня в печенках. Поэтому, когда Фингерхут ушел в отставку и купил себе ранчо в Турции, я бросил писать любовные истории и перешел на военную прозу. Ее продавать оказалось намного труднее, и иногда я почти голодал, поскольку, зная кое-что о войне, я, в соответствии с теорией Фингерхута, обрек себя на истинные скачки с препятствиями.

Кроме того, далеко не все из того, что я знал о войне и военной службе, можно было ввести в рассказ или роман. И все же с некоторым сожалением я вспоминал, насколько проще было иметь дело с «историями о любви», ибо ни я, ни Фингерхут, ни сам Вагнер не могли похвалиться доскональным знанием женщин...

В особенности это оказалось применимым к моей Гвен. Я всегда полагал, что любой женщине при переезде с квартиры требуется минимум семь мулов либо эквивалентный им огромный контейнер. И я считал, что женщины по своей природе существа неорганизованные. Я был убежден в этом.

Но Гвен собралась покинуть свою квартиру всего лишь с двумя чемоданами — одним, большим, для одежды (он, кстати, был меньше моего саквояжа!), в котором все было очень аккуратно уложено, и другим, поменьше, для прочих предметов. Вот так.

Она выстроила в ряд наши пожитки: чехол, узел, большой чемодан, маленький чемодан, свою сумку, мою палку и японское деревце. Задумчиво их оглядев, она произнесла:

— Мне кажется, я могла бы все это увязать так, чтобы самой вынести из дома.

Я запротестовал:

— Интересно, как ты это себе представляешь? У тебя же, кажется, всего две руки. Надо нанять тележку.

— Как скажешь, Ричард!

— Так и скажу,— я двинулся к ее терминалу и застыл.— Ох, я и забыл! — Гвен, казалось, не слышала, ибо все ее внимание поглотило японское деревце.— Я и забыл! — повторил я.— Гвен, ты становишься не очень-то разговорчивой. Я сейчас тихонько проскользну к ближайшему терминалу и сразу же вернусь.

— Нет, Ричард!

— Но ведь это всего лишь мгновение.

— Нет и нет, Ричард!

Я вздохнул:

— Как ты непреклонна!

— Ричард, я согласна на что угодно, только бы сейчас не расставаться. Я даже не возражаю против того, чтобы все оставить здесь, рассчитывая, что мы сможем вернуться. Или, скажем, все вынести наружу и оставить перед дверью, а самим пойти на поиски тележки и еще позвонить мистеру Миддлгаффу.

— И по возвращении констатировать пропажу всего? Или тут поблизости вовсе не водятся двуногие крысы? — спросил я саркастически.

В любом космическом спутнике-поселении водились свои «темные ходоки», весьма нежелательные для властей. Они всячески избегали возвращения на Землю. Предполагалось, что власти успешно их вылавливают и высылают, но насчет «высылки» ходили всякие слухи, которые заставляли меня по возможности избегать встреч с такими «грызунами».

— Имеется, сэр, еще один способ, адекватный нашему продвижению к будке с терминалом,— сказала Гвен.— Если бы нам удалось добраться до жилищного Управления и получить новое обиталище, то тогда мы вызвали бы тележку и дождались ее там. Но будка имеет то преимущество, что она близко. Ты раньше сказал, что поднял бы оба груза, а трость приторочил бы к

чехлу. Я, пожалуй, позволю тебе так сделать, но только ненадолго. Тогда я возьму оба чемодана, а сумку перевешу через плечо. Единственной проблемой останется японское деревце. Но, Ричард, ты же видел в «Географическом журнале» туземных девушек, несущих на голове узлы?

Не дожидаясь ответа, Гвен подняла горшок с деревцем, примостила его на макушке, расправила локти, улыбнулась мне, потом присела, согнув лишь колени, и взяла в обе руки по чемодану.

Она прошлась по квартире, поворачиваясь кругом и ожидая моей реакции. Я зааплодировал.

— Благодарю вас, сэр! Осталось только одно. На пешеходной дороге может быть людно, и меня, чего доброго, толкнут.

Она изобразила это, выпустив из рук чемоданы и на лету подхватив падающий горшок с деревцем.

— Вот так я поступлю!

— Но тогда я брошу свои вещи, выхвачу палку и отколочу обидчика. Болвана, который тебя толкнет. Правда, я не забью его до смерти. Просто проучу. И конечно, лишь в том случае, если обидчиком окажется самец, достигший зрелого возраста. Если же нет, я просто передам его властям.

— Не сомневаюсь, что ты так и поступишь, милый! Но я не очень-то боюсь, что меня толкнут, особенно если ты будешь идти впереди, создавая фарватер. Договорились?

— Хорошо. Но при условии, что ты оголишь свою талию.

— А зачем?

— На тех снимках в «Географическом журнале» у женщин талия непременно оголена. Это единственное, из-за чего журнал их снимает.

— Ну и прекрасно, раз ты этого хочешь. Хотя не уверена, что это мой стиль.

— Напрашиваешься на комплимент, обезьянка? Ты будешь ослепительно выглядеть, но не стоит очень баловать этим уличный сброд. Поэтому останься с прикрытой талией.

— Мне все равно. Если хочешь, я вполне могу и оголиться!

— Чересчур ты что-то покладиста! Делаешь так, как тебе хочется, но при этом вроде бы поддакиваешь мне. Это что, обычные женские уловки?

— Конечно!

Наше собеседование прервал звонок в дверь. Гвен удивилась.

— Позволь мне,— сказал я и, шагнув к двери, нажал на кнопку переговорника.— Кто там?

— Послание от Менеджера.

Я убрал палец с кнопки и спросил Гвен:

— Открыть?

— Думаю, да.

Я нажал на другую кнопку, дверь распахнулась, и человек в прокторской форме шагнул внутрь. Дверь захлопнулась. Он ткнул мне в руки какой-то листок.

— Распишитесь здесь, сенатор,— сказал он, но тут же отдернул руку.— Скажите, а вы точно сенатор от «Стандарт Ойл»?

5

Он был одним из тех людей,
которых смерть чрезвычайно украсила.
Х. Х. Монро (1870–1916)

— Вы почему вдруг отступили? Кто вы такой? Назовите себя!

— А что? Если вы не сенатор, то забудьте о моем приходе. Я, наверное, ошибся адресом.

Посетитель сделал шаг назад и ударился спиной о дверь, всем своим видом изображая замешательство. Он повернул голову и попытался дотянуться до кнопки, открывающей замок.

Я сбросил его руку.

— Я велел вам назвать себя! Этот шутовской наряд еще ни о чем не говорит. Я желаю видеть ваше удостоверение. Гвен, задержи его!

— Конечно, сенатор!

Он сунул руку в задний карман брюк и быстро вытянул оттуда какую-то штуковину. Гвен стукнула его по руке, и неизвестный предмет выпал. Я сбоку ребром ладони ударил посетителя по шее. Листок бумаги кружился и кружился в воздухе, пока человек медленно ничком падал на пол. Из-за низкого притяжения

здесь любое падение напоминало замедленную съемку. Это зрелище показалось мне довольно зловещим предвестием.

— Не давай ему шевельнуться, Гвен.

— Одну секундочку, сенатор, последи-ка за ним,— откликнулась она, шаря в сумке. Я отошел назад и подождал. Она продолжала: — Теперь порядок. Только не перекрывай мою линию огня, пожалуйста!

— Вас понял, прием,— отозвался я, не спуская глаз с гостя, распростертого на полу.

Его неуклюжая поза говорила о том, что он пока пребывает «в нокауте», однако не исключалось и притворство. Вряд ли я так уж сильно его стукнул! Поэтому я сильно надавил на левую чувствительную точку шеи поверженного, стараясь заставить его вскрикнуть и дернуться, если обморок был притворным. Но он не шелохнулся.

Тогда я обследовал незваного посетителя сперва со спины, потом перевернув вверх лицом.

Его брюки не соответствовали кителю: отсутствовал галун, отличавший прокторскую форму. Да и китель, явно сшитый не на него, имел неважнецкий вид. В карманах брюк я нашел несколько крон ассигнациями, лотерейный билет и пять патронов «шкода» калибром шесть с половиной миллиметров. Они могли подойти и к пистолету, и к автомату, и к винтовке, и их хранение почти везде считалось противозаконным. Но больше ничего — ни бумажника, ни удостоверения. Судя по исходившему от него запаху, он явно нуждался в омовении. Я отодвинулся и встал.

— Держи его на прицеле, Гвен. По-моему, он из тех «ночных ходоков».

— Мне тоже так кажется. Посмотри-ка, пожалуйста, пока он не двигается, что там за штука валяется,— махнула рукой Гвен в сторону выпавшего из руки посетителя пистолета.

Назвать этот предмет «пистолетом» значило сильно ему польстить, хотя оружием он мог быть смертоносным. В просторечии такие подарки именовались «громыхалками». Я оглядел ее не прикасаясь. Дуло было сделано из металлической трубки, настолько светлой, что я засомневался, была ли «громыхалка»

хоть раз в деле. Пластмассовая рукоятка, грубо обрезанная, видно, подгонялась под размер ладони владельца. Спусковой механизм, укрытый под металлический чекой, был изготовлен (поверьте мне!) из резиновой тесемки. На мой взгляд, такое оружие могло выстрелить лишь единожды. Впрочем, учитывая хрупкость дула, оно стало бы для стреляющего более опасным, нежели для мишени.

— Гнусненькая вещица,— заметил я.— Мне и притрагиваться к ней противно, она может сработать как мина-ловушка.

Но тут я разглядел, наконец, что же держала в руке Гвен. Она целилась в поверженного посетителя тоже смертоносным оружием, но абсолютно отличным по качеству. Это был девятизарядный браунинг «мийако» — один из самых современных образцов оружейного искусства.

— Почему ты не выстрелила, когда он вытащил свою пушку? Если бы тебе не удалось выбить эту гадость из его руки, он сделал бы из тебя хорошенький труп!

— Не выстрелила и все!

— Что «и все»? Когда кто-то целится в тебя, надо во что бы то ни стало стрелять сразу и первой!

— Я не могла. Ты сказал «задержи его», но моя сумка была далеко, и я воспользовалась вот этим.

Что-то блеснуло, и мне показалось, что теперь у нее в каждой руке по пистолету. Потом она сунула второй «пистолет» в нагрудный карман, это была всего лишь авторучка!

— Прости меня, босс, но я использовала подручные средства.

— О, я тоже ошибся. Когда я крикнул тебе «задержи», то всего лишь хотел отвлечь его внимание. Я же не знал, что у тебя есть оружие!

— Ты уж прости меня. Будь моя сумка под рукой, я бы утихомирила его пистолетом. Но пришлось «разоружать» гостя первым попавшимся предметом.

А я подумал, как бы мне везло на поле боя, будь у меня под началом тысяча таких бойцов, как Гвен. Она весила около пятидесяти килограммов, рост у нее всего лишь метр шестьдесят. Но не позавидовал бы я любому Голиафу, повстречавшемуся с ней!

Впрочем, где разыщешь тысячу таких, как Гвен? Или хотя бы похожих на нее?

— А вчера вечером этот «мийако» тоже лежал в твоей сумке? — спросил я.

Она замялась.

— Если это так, то твои выводы были бы плачевны для меня, не так ли?

— Ладно, беру обратно свой вопрос. Смотри-ка, наш дружок приходит в себя. Не отводи пока пистолета.

Я снова нажал на его шею. На этот раз он взвизгнул.

— Ну-ка сядь! — приказал я.— И даже не пытайся подняться. Сиди, заложив руки за голову, и не двигайся. Как тебя звать? Своим тупым молчанием ты вынудил прибегнуть к способу давления, который мне и самому неприятен. Давай-давай, говори, только безо всяких глупостей! Миссис Хардести,— обратился я к Гвен,— как насчет того, чтобы слегка пострелять в него? Не смертельно, просто ранить в мякоть. Чтобы он стал повежливей.

— Как скажете, сенатор. Прямо сейчас?

— Ну... как только он предпримет хоть один неверный ход. И чтобы никаких шансов на второй ход не было. Впрочем, убивать его не стоит — он должен заговорить. Вы бы могли прострелить ему ляжечку? Не задевая кость?

— Попробую.

— Да любой это сможет! А если задеть кость, его трудно будет отсюда транспортировать. Ну-с, начнем сначала. Так как тебя звать, приятель?

— Ох... Биллом.

— Биллом так Биллом. А остальное?

— Да просто Биллом. Меня зовут Биллом.

Гвен спросила:

— Ну что, сенатор, может, сделать в нем маленькую дырочку? Для освежения памяти.

— Не помешало бы. Ты предпочитаешь левую ляжку, Билл? Или правую?

— Ой, сенатор, не надо! Меня взаправду звать просто Биллом. Скажите ей, чтобы она отвела от меня эту штуку, ну пожалуйста!

— Держите его под прицелом, миссис Хардести! Билл, она не выстрелит, если ты не будешь врать. Так что случилось с твоей фамилией?

— У меня ее никогда не было. Я назывался «Билл—шестой» в приюте для подкидышей на Земле, в Новом Орлеане.

— Ну ладно. Предположим, я тебе поверил. Но что же было написано в паспорте, по которому ты прибыл сюда?

— У меня не было паспорта. Только контракт о вербовке. Там значилось: Уильям — без второго имени — Джонсон. Но это сам вербовщик так написал. Ой, пусть она не целится в меня!

— А ты постарайся ее не злить. Ты же знаешь, что такое женщина?

— Еще бы! Им нельзя разрешать держать оружие!

— Интересная мысль. Кстати, об оружии. Том, с которым ты сюда приплелся. Я желаю, чтобы ты его разрядил сам. Боюсь, как бы оно не взорвалось у меня в руках. Ну-ка не вставая повернись спиной к миссис Хардести, а я подтолкну твою пушку поближе, чтобы до нее дотянуться. А когда прикажу — но не раньше! — ты опустишь руки с затылка, разрядишь эту пакость и снова закинешь руки на затылок. А теперь послушай, что я скажу. Миссис Хардести! Когда Билл повернется, цельтесь ему в спину чуть ниже шеи. И если он сделает хоть одно подозрительное движение, сразу спускайте курок. Ни слова, ни одного шанса, никаких «мягких ранений»! Убивайте немедля и наповал!

— С превеликим удовольствием, сенатор!

Билл испустил протяжный стон.

— Ну-с, а теперь поворачивайся, Билл. Пока что только корпусом, не опуская рук.

Он послушно повернулся на ягодицах, помогая себе пятками. Я с одобрением отметил, что Гвен теперь крепко держала пистолет обеими руками.

Взяв палку, я концом пододвинул самодельный пистолет к Биллу.

— Слушай, Билл. Не делай ни одного внезапного движения. Теперь опусти руки. Так. Разряжай пистолет. Отложи патрон в сторону. Теперь руки снова за голову и поворачивайся обратно.

Все время, пока он в точности выполнял мои команды, я заслонял Гвен. У меня не возникло бы ни малейших угрызений совести, если бы его пришлось убить, и я полагал, что Гвен это сделает сразу же, если он попытается направить свою пушку против нас. Но я подумал: а как же потом поступить с телом? Мне, честно говоря, не хотелось его убивать. Ведь если вы не на поле боя и не в госпитале, наличие покойника довольно трудно объяснить. И осложнения неизбежны.

Поэтому я облегченно вздохнул, когда он справился и снова закинул руки на затылок. Я дотянулся палкой до мерзкой маленькой самоделки и подтянул ее и единственный патрон, вынутый Биллом, к себе. Положив патрон в карман, я наступил ногой на дуло «пистолета» и раздавил его, заодно разрушив и «пусковой механизм».

— Вы можете слегка расслабиться,— сказал я «миссис Хардести»,— теперь уже можно не убивать. Просто держите на прицеле его ляжку.

— Послушайте, сенатор, а может, я все же продырявлю эту ляжку, так, на всякий случай?

— О нет, нет. Если он будет вести себя прилично, то, пожалуй, не стоит. Билл, ты ведь собираешься вести себя прилично?

— Ох, сенатор, конечно! Скажите ей, чтобы была поосторожней с этой штукой, пожалуйста!

— Ладно, ладно! Сам-то ты даже не пытался быть осторожным со своей «громыхалкой»! И ты не в том положении, чтобы на чем-то настаивать. Скажи-ка, Билл, что ты сделал с бедным проктором, которого ограбил?

— Как? Я?

— Ну сам посуди: ты же напялил прокторскую куртку, которая не на тебя сшита. И твои штаны к ней совсем не подходят. Я попросил тебя показать удостоверение, а ты вытащил оружие, «громыхалку»! Господи помилуй, к тому же ты еще давненько не мылся, ведь так? Какой же ты тогда проктор? Вот я и спрашиваю, куда ты подевал владельца этой куртки? Он что, мертв? Или всего лишь оглушен и заперт в клозете? Отвечай побыстрее, не то я попрошу миссис Хардести снабдить тебя «освежителем памяти». Где проктор?

— Не знаю! Не делал я этого!

— Ну-ну, дорогуша, не заливай!

— Клянусь честью матери! Истинная правда!

Я несколько усомнился в «чести его матушки», но высказывать этого вслух не стал. Я посчитал бы это дурным тоном, особенно в присутствии такого жалкого образца человеческой породы.

— Билл,— сказал я мягко,— ты ведь не проктор, не так ли? Мне что, снова объяснить, почему я в этом уверен?

(Дело в том, что Главный проктор Франко был великим службистом. И если бы кто-нибудь из его команды позволил себе так выглядеть, да еще так смердеть, то путь олуху был бы один: его немедленно вышвырнули бы в открытый космос!)

— Впрочем, если хочешь, я поясню,— продолжал я.— Тебе когда-нибудь вгоняли под ногти иголки с раскаленным острием? Это очень способствует улучшению памяти, знаешь ли?

Гвен охотно подключилась:

— Вполне могут подойти и обыкновенные булавки, сенатор! У них больше масса, и они дольше остаются раскаленными. У меня как раз есть одна. Можно, я попробую? Можно?

— Можно, можно, милая, но лучше держите его пока под прицелом. А уж если он совсем заартачится, я попрошу вас применить этот способ воздействия.

— Ну ладно...

— Уберите от меня эту кровожадную суку! — завопил Билл в панике.

— Билл! А ну-ка сейчас же извинись перед леди! Иначе придется попросить ее приступить...

Он простонал:

— Леди, я извиняюсь! Но вы так меня напугали! Прошу вас, не надо булавки, я видел однажды парня, которому загоняли их под ногти!

— О, можно применить приемчики и похлеще,— любезно уверила его Гвен.— Полезно прикладывать медные электроды к разным интересным местам мужского тела. Результаты получаются еще быстрее. Сенатор,— добавила она задумчиво,— у

меня в сумочке как раз есть медная проволока. Если вы подержите этот пистолетик, я займусь электродами...

— Благодарю, дорогая, но, может, они и не понадобятся? Мне кажется, Билл собрался нам что-то поведать...

— И все же, сэр, я могла бы на всякий случай их подготовить.

— Ну что ж, посмотрим. Итак, Билл, что ты сделал с проктором?

— Ничего я не делал, не видел я никакого проктора! Ничего не делал, никого не видел! Там было всего два типа, они сказали, что я смогу подработать, но с ними не было никакого проктора! Не делал я ничего ни с какими прокторами, их там не было! Но у Фингерса всегда бывают под рукой новые типы, и он сказал, что...

— Ну-ка постой! Кто такой Фингерс?

— Ох, он в нашем закутке главный. Правда!

— Давай поподробнее. В вашем закутке?

— Люди должны где-то спать, верно? Очень важные персоны вроде вас имеют квартиры с табличками на дверях. Мне бы такое! Но дом-то все равно нужен!..

— Очевидно, ты хочешь сказать, что «закуток» — это и есть твой дом? А где он находится? Кольцо, радиус, уровень притяжения...

— Да не могу я сказать точно!

— Будь разумнее, Билл! Если это внутри основного цилиндра, а не на боковых пристройках, то координаты всегда можно указать точно.

— Может быть, но я не знаю сам и не смогу описать вам дорогу туда. Да и не хотел бы, если бы и мог, потому что...— тут он словно постарел на десяток лет, и лицо его выразило крайнее отчаяние.— Не позволяйте, сэр, ей жечь меня и стрелять, подождите немного! Выгоните меня в космос и дело с концом! Ну пожалуйста!

— Сенатор,— подала голос Гвен.

— Да, миссис Хардести?

— Билл сильно опасается, что, если вы сделаете ему больно, он откроет, где его убежище. Там ночуют и другие «ходоки», вот в чем дело. И по-видимому, спутник не так велик, чтобы он мог

спрятаться от своих дружков, если выдаст их. Они его укокошат, хотя, может, и не сразу.

— А что, Билл, ты поэтому упираешься?

— Я уже слишком много сказал. Выкиньте меня в открытый космос и все!

— Да нет, пока ты еще жив, Билл, должен мне кое-что сказать. Я выжму это из тебя, иначе миссис Хардести применит свои смешные медные проволочки. Но прежде скажи — что тебя ждет, если укажешь, где находится «закуток»?

Он ответил не сразу — я дал ему время подумать. Билл произнес хрипло и тихо:

— Легавые поймали одну шкуру шесть-семь месяцев назад. Слава богу, он был не из нашего закута. Его переулок помещался на сто десятом, у полного притяжения. Легавые раскололи его, отравили тот закут, и многие козлы там загнулись. Но ту шкуру, что их выдала, наши зацапали и скормили крысам. Очень голодным.

— Понятно.

Я глянул на Гвен. Она судорожно глотнула и прошептала:

— Сенатор, только без крыс! Мне не нравятся крысы! Пожалуйста, без них!

— Билл, я больше не хочу знать про твой закут. Про твое убежище. И не буду спрашивать ни про кого из дружков, «ночных ходоков», ни про твое удостоверение. Но мне нужно получить полный и быстрый ответ на другой вопрос. Ты согласен?

— Да, сэр!

— Тогда отмотаем назад. Расскажи о тех незнакомцах, которые предложили тебе работу.

— Они сварганили все так быстро, в несколько минут. Заставили надеть эту куртку и вести себя, как будто я легавый. Позвонить к вам в дверь, спросить вас и сказать «послание от Менеджера». А дальше вы и сами знаете. Когда бы я сказал: «А что, вы разве не сенатор?» — они должны были ворваться и арестовать вас.

Билл виновато посмотрел на меня.

— Но вы все им поломали. Вы сами их сбили, не я! Поступили не так, как они ждали. Закрыли дверь за мной и не стали ждать

ничего. Вы оказались настоящим сенатором да рядом еще эта женщина...

Он произнес последнюю фразу с особой горечью, глядя на Гвен.

Я понимал его наивное негодование. Какой «порядочный» уголовник может допустить, чтобы его посланец наткнулся на такую необычную жертву? Любое преступление нужно подготовить так, чтобы о жертве была полная информация. Я нарушил все представления Билла о правилах игры, поэтому решил утешить его:

— Тебе просто не повезло, Билл! Давай-ка изучим это «послание от Менеджера». Миссис Хардести, держите его на мушке!

— Можно, я опущу руки? — простонал Билл.

— Нет.

Тот листок еще валялся на полу между Гвен и Биллом, но я мог его поднять, не пересекая «линию огня». Что я и сделал.

Это оказалась стандартная «сопроводиловка» к чему-то с обозначением места для расписки о получении. К ней приколот знакомый конверт Промышленного Ведомства трех планет. Я вскрыл его.

Послание, написанное пятизначным кодом, состояло из пятидесяти слов. Даже адрес на конверте написан кодом, но поверх него от руки было выведено: «Сенатору Кантору, "Стандарт Ойл"».

Я засунул письмо обратно, не сказав ни слова. Гвен спросила меня взглядом, безо всяких слов. Я сам задал вопрос:

— Так что же нам делать с Биллом, миссис Хардести?

— Отскребем его.

— Что? Вы имеете в виду выкинуть его в космос? Или отлупить по заднице?

— О Господи, да нет же! Его просто надо засунуть в освежитель и продержать там, пока он не станет гигиеничным. Отмыть с помощью горячей воды и большого количества соды с шампунем. Отчистить ногти на руках и ногах. И прочее, и прочее. Не выпускать из освежителя, пока он не прочистится полностью.

— Вы хотите позволить ему воспользоваться вашим освежителем?

— Сенатор, я устала от вони, которую он испускает. К тому же вряд ли мне придется пользоваться этим освежителем впредь!

— Вы совершенно правы, он сильно напоминает мне кучу сгнившего картофеля, плывущего в жаркий день по Гольфстриму. Билл, скидывай свои тряпки, да поживей!

Преступный мир — это наиболее консервативный из всех слоев общества. Билл никак не желал раздеваться в присутствии леди, словно его нагота была разглашением сокровенных тайн. Глубоко шокированный моим предложением, он ужаснулся при мысли, что леди тоже за это! Еще вчера я, пожалуй, согласился бы с ним, но теперь я понимал, что Гвен будет непреклонна. Мало того, ситуация ее откровенно забавляла!

Когда он скидывал свои лохмотья, я даже проникся к нему какой-то симпатией. Билл напоминал цыпленка, удрученно ощипывающего самого себя. Увидев его темно-серое от грязи исподнее, я скомандовал:

— Снимай все! И марш в освежитель! Приступай к мытью. Если сделаешь плохо, начнешь все сначала. А если попробуешь высунуть нос раньше чем через тридцать минут, я даже не стану проверять, чист ли ты, а просто загоню обратно. И сбрось на пол эти кальсоны, быстро!

Билл, стоя спиной к Гвен, стянул, наконец, исподнее, бочком прошмыгнул в освежитель, прикрываясь руками в тщетной надежде спасти свое мужское достоинство, и плотно закрыл за собой дверь.

Гвен положила пистолет в сумку и стала сгибать и разгибать пальцы рук.

— Совсем онемели, пока я держала его на прицеле. Милый, можно позаимствовать эти патрончики?

— Что-что?

— Да те, которые ты отобрал у Билла. Кажется, их всего шесть, так? Пять и еще один.

— Конечно, возьми, если хочешь!

Не стану же я говорить, что они мне самому пригодятся. Нет, в таких делах даже вопросов не задают. Я вынул патроны и вручил ей. Гвен оглядела их, кивнула, снова достала свой прелестный

пистолетик, оттянула предохранитель и загнала все шесть зарядов в магазин, после чего, поставив предохранитель на место, положила пистолет в сумку.

— Поправь меня, если ошибусь,— медленно проговорил я.— Сперва ты его держала под «дулом» авторучки. Потом, когда он выронил оружие, ты стала целиться в него незаряженным пистолетом, так, что ли?

— Ричард, все вышло так неожиданно! И я сделала то, что смогла.

— Да я же не критикую тебя! Как раз наоборот!

— Но у меня не было времени поведать тебе об этом,— рассмеялась она и прибавила: — Дорогой, не мог бы ты расстаться с парой брюк и рубашкой? С теми, что как раз лежат на самом верху твоего чехла?

— Полагаю, что мог бы. В пользу этого «трудного дитяти»?

— Именно его. Мне очень хочется поскорее убрать его тряпки с глаз долой. А то воздух здесь никак не очистится.

— Ну так давай избавимся от них!

И я, спустив все шмотки Билла, кроме ботинок, в мусоропровод, тщательно вымыл руки под краном в кладовке.

— Гвен, я не думаю, что из этого дурачка можно еще что-нибудь вытянуть. Мы оставим ему кое-какую одежду и смоемся отсюда. Или смоемся, не оставляя никакой одежды...

Гвен удивленно воззрилась на меня.

— Но ведь прокторы его тут же застукают!

— Естественно! Дорогая женушка, этот парнишка рожден отщепенцем, и прокторы рано или поздно должны его схватить. А что они делают с «ночными ходоками»? Ты слышала что-нибудь об этом?

— Нет. Абсолютно ничего.

— Не думаю, что они отправляют таких типов обратно на Землю. Это слишком дорого для Компании и нарушало бы экономический баланс «Золотого правила». Кроме того, здесь нет ни тюрем, ни карцеров, так что возможности ограничены. Значит...

Гвен озабоченно ответила:

— Не думаю, что приятно услышать продолжение твоей мысли!

— Да, оно не из приятных. За этой дверью, не прямо в поле зрения, но наверняка, поблизости, притаилась парочка бандитов, замышляющих недоброе против нас, во всяком случае — против меня. И если Билл останется здесь — а он ведь не выполнил работенки, на которую его наняли! — как ты думаешь, не скормят ли они его крысам?

— Уф...

— Вот именно, «уф»! Мой дядюшка имел обыкновение говорить так: «Никогда не поднимай брошенного котенка, если не задумал взять его к себе!» Так что же, Гвен?

Она вздохнула.

— По-моему, он не такой уж плохой парнишка. Вернее, может стать неплохим, если хоть кто-нибудь о нем позаботится...

Я эхом вздохнул в ответ:

— Остается только одно...

6

Нечего запирать сарай после того,
как его ограбили!

Хертли М. Болдуин (даты неизвестны).

Трудновато дать человеку по сопатке через экран терминала. И даже если не прибегать к столь прямому методу воздействия, все же дискуссии по компьютерной сети вряд ли принесут вам удовлетворение. Тем более, что ваш оппонент простым нажатием или поворотом тумблера сможет отключить или отфутболить вас к нижестоящему чиновнику.

Зато если вы физически присутствуете в его офисе, то ничего не стоит оказать сопротивление его наиболее убедительным аргументам, попросту притворившись еще более неподатливым идиотом, чем он сам. Скажем, плотно усесться на месте и твердить «нет!». А еще лучше упрямо молчать. Вы поставите его перед необходимостью либо уступить (если он окажется столь разумен), либо выбросить вас за дверь (применив силу).

Но последнее не очень вязалось с общественным имиджем того, с кем я намеревался пообщаться.

Исходя из этих соображений, я решил нанести неожиданный визит мистеру Миддлгаффу или кому-нибудь на том же иерархическом уровне в его офисе. Но до этого стоило посетить лично ведомство самого Менеджера. Я не лелеял надежды воздействовать на мистера Миддлгаффа, наделенного, ясное дело, определенной властью, которую он и реализовал с бюрократическим бесстрастием («желаем вам приятного дня» — не иначе!). Не особо рассчитывал я и на помощь самого Менеджера, но, по крайней мере, если Менеджер выкинет меня, то мне уже не грозит новая трата времени на апелляцию в высшие инстанции.

«Золотое правило», будучи частным владением Компании, не подлежало воздействию какого-либо внешнего кодекса законов и, реализуя собственный суверенитет, признавало лишь верховную власть Менеджера («Его Божественное Единовластие»!), который ни с кем не считался, а тем более — со своими младшими партнерами. Любые решения нижестоящих чиновников носили лишь рекомендательный, но отнюдь не окончательный характер. Никакой возможности для многолетних тяжб, никаких апелляций или кассаций. Судебное крючкотворство и волокита, столь характерные для демократических государств на Земле, тут не проходили. В течение пяти прожитых здесь лет я мог припомнить всего несколько случаев судебного разбирательства, но в каждом из них Менеджер выступал в качестве Верховного судьи, и приговоренные в тот же день изгонялись.

В системе такого рода нечего было и говорить о судебных ошибках. Если же добавить к сказанному, что профессия законоведа, так же как профессия проститутки, здесь не регистрировалась, хоть и не запрещалась, то станет ясно, что юриспруденция в такой пирамиде управления не могла иметь ничего общего с традиционной практикой на Земле. Правосудие на спутнике могло быть близоруким, а то и вовсе слепым, но медленным — никогда!

Мы оставили Билла в вестибюле офиса Менеджера с нашим багажом: чехлом и узлом, чемоданами Гвен и японским деревцем, предусмотрительно политым в ее квартире. Биллу было строго

наказано сидеть на чехле, беречь деревце пуще жизни (так велела Гвен) и присматривать за остальными вещами.

Мы отпечатали наши имена на электронной панели, после чего уселись в кресла. Гвен достала из сумки игровую приставку «Касио» и спросила:

— Во что предпочитаешь сыграть, милый,— в шахматы, трик-трак, лото или японское «го»? А может, карты?

— Ты что, собираешься долго ждать?

— Собираюсь, сэр. Если только мы не подожжем этого мула.

— Наверное, ты права. Но вот задача: как развести огонь, не сжигая при этом весь фургон? А может, черт возьми, и фургон сжечь? Что скажешь?

— Мы можем прибегнуть к старым добрым приемам: «мой муж все знает» или «ваша жена все обнаружила!». Впрочем, в нашем случае невредно применить и нечто новенькое, ибо предыдущие варианты основательно обросли бородой. Например, я могу изобразить родовые схватки. Они всегда привлекают внимание.

— Но ты не очень-то смахиваешь на беременную!

— Давай поспорим: ведь пока что толком меня никто не разглядел. И если я проведу хотя бы пять минут в дамском туалете, то и ты подумаешь, что я на девятом месяце. Я эту уловку, Ричард, освоила много лет назад, работая в страховой компании. На нее всегда клюют и впускают.

— Ты меня искушаешь,— сказал я.— Весьма забавно поглядеть на тебя в этой роли! Но наша задача — не только проникнуть внутрь, но и остаться там столько, сколько надо, чтобы тот субъект выслушал наши доводы.

— Мистер Эймс...

— Да, миссис Эймс!

— Менеджер не станет слушать наши доводы.

— Поясни, пожалуйста.

— Я восхищена твои решением проникнуть на самый верх, чтобы, сэкономив время и нервы, услышать все мерзкие новости сразу. Мы ведь прокаженные, и это нам ясно дано понять. Менеджер не собирается переселять тебя или меня, ему просто понадобилось

вышвырнуть нас с «Золотого правила». Я не знаю почему, но нам это и не дано узнать. Как бы там ни было, факт остается фактом. Поняв это, я смирилась. Но когда и ты это поймешь, мой дорогой супруг, тогда мы сможем что-то планировать: отправиться ли на твою родину или на Луну, или на Землю Обетованную, на Элл-Четыре, Цереру, Марс — куда только пожелаешь, мой суженый! И куда бы ты только ни последовал...

— На Луну.

— Сэр!

— По крайней мере, на первое время. Свободный Штат Луна не так уж плох. Перепады от анархии до бюрократии не привели пока к полной агонии. И свободы для человека, который знает, как ее применить, пока достаточно. Да и места хватает как на поверхности Луны, так и под ней. Да, Гвен, мы должны уехать отсюда. Я догадывался об этом, а теперь знаю точно. И возможно, нам следовало бы прямиком отправиться в космопорт. Но мне все еще хочется повидаться с Менеджером и, черт возьми, услышать из его собственных лживых уст мотивировку такого решения. Вот тогда я смогу с чистой совестью отравить его.

— А ты намереваешься отравить его, миленький?

— В фигуральном смысле. Я хочу включить его в мой *список*, и тогда он получит хорошую порцию быстрой кармы!

— О, возможно, и я знаю, как этому помочь...

— Не обязательно. Стоит ему оказаться в списке, как все пойдет своим чередом.

— Как бы мне хотелось понаслаждаться этим зрелищем! «Мне отмщение...» — говорит Господь. А у нас с тобой это будет звучать так: «Гвен отмщение и аз воздам (если Гвен оставит мне что-нибудь!)».

Я проворчал:

— А кто тебе сказал, что я не стану вершить правосудие сам?

— Да речь ведь идет именно о тебе, сэр! Я ни словечка не сказала о себе, хотя могу сделать «быструю карму» еще более быстрой, это же мое любимое хобби!

— Моя дорогая, ты скверная маленькая девчонка, и я счастлив это отметить. Ты собираешься его убить, напустив на него ос? Или путем вырывания ногтей? А может, доведя до икоты?

— Я заставлю его бодрствовать, пока он не сдохнет. Бессонница куда хуже твоих списков, если только она длится долго. Рассудок жертвы разлетается на куски задолго до того, как останавливается дыхание. Начинаются галлюцинации, отражающие худшие страхи и фобии. Жертва попадает в свой персональный ад и не находит из него выхода!

— Гвен, это звучит так, словно ты уже испробовала свой метод на практике.

Она не ответила. Я пожал плечами.

— В любом случае, сообщи, чем я могу быть тебе полезен.

— Сообщу, сэр. А вот еще: я, пожалуй, забросаю его гусеницами. Хотя не знаю, где раздобыть нужное количество гусениц, разве что привезти их с Земли? А, вот! Можно ведь внушить осужденному, что его одолевают гусеницы. Ой, я знаю! — вскричала она, но тут же замахала руками.— Бр-рр! Нет, крыс не надо! Только не крыс, Ричард! Даже воображаемых!

— Моя несравненная и нежная возлюбленная! Как я рад слышать, что тебя хоть что-нибудь способно остановить.

— Конечно, что-то и способно! Любимый, ты изумил меня заявлением, что дурные манеры должны караться казнью. А я предпочла бы сражаться скорее со злом, чем с дурными манерами. И считаю, что зло не может оставаться безнаказанным. А Господня кара кажется мне слишком медленной. Мне надо сейчас же. Схватить бандита и повесить его на первом же суку. Поджигателя следует зажарить на разведенном им самим костре, и уж непременно до того, как угли обратятся в пепел. А насильника надо убить посредством...

Я так и не узнал, какой изощренный род казни имелся в запасе у Гвен для насильников, так как вежливый чиновник, серый, золотушный, привычно оскаленный, вырос перед нами и вопросил:

— Доктор Эймс?

— Я доктор Эймс.

— А я — Мангерсон Фитс, помощник Управляющего Ведомством статистических опросов. Мне поручено заняться вашим делом. Вы, должно быть, понимаете, как ужасно занято ведомство Менеджера новыми добавлениями к конструкции «Золотого правила»? Все это создает массу технических и управленческих

забот. Тем не менее,— он оскалился,— я полагаю, вы желали бы повидать самого Менеджера?

— Вот именно!

— Превосходно! Из-за нынешней чрезвычайной ситуации я уполномочен решать все проблемы, касающиеся сервиса на «Золотом правиле». В настоящее время мне поручено быть для вас как бы «вторым я» Менеджера. Считайте, что в моем лице вы имеете дело с ним самим. А эта миниатюрная леди — она с вами?

— Да.

— Честь имею, мэм! Я в восторге. А теперь, друзья, если вам угодно, следуйте за мной.

— Нет!

— Прошу прощения, как вы сказали?

— Я желаю видеть самого Менеджера!

— Но я же объяснил вам...

— Я подожду.

— Вы, должно быть, не поняли меня. Прошу вас, пойдемте со мной!

В этот момент Фитсу надо бы схватить меня за шиворот и пинком в зад заставить последовать куда полагалось. Он просто обязан был это сделать! А впрочем, вряд ли он совладал бы со мной: у меня ведь выучка, полученная на Дорсае! И все же Фитсу надо было попытаться. Но вместо этого он проявил сдержанность, корректность и даже предусмотрительность. Он помолчал и расстроенно проговорил:

— Сэр, вы должны последовать за мной, вы ведь сами знаете!

— Ничего я не знаю!

— Но я же пытаюсь объяснить...

— Я желаю видеть Менеджера. Он говорил вам, что делать в отношении сенатора Кантора?

— Сенатора Кантора? Позвольте припомнить, он ведь сенатор от... ах... от...

— Если вы не знаете, кто это, то как вы собираетесь заняться его делами?

— Я... если вы немного подождете, я... проконсультируюсь.

— Вы бы лучше проводили нас к Менеджеру, раз вы, как оказалось, не так уж полномочны в данном критическом случае!

— Ох... ну пожалуйста, подождите здесь.

Я встал.

— Нет, я, пожалуй, уйду. Сенатор, возможно, уже разыскивает меня. Передайте Менеджеру, что я сожалею о невозможности повидаться с ним.

Я повернулся к Гвен:

— Пойдемте, мадам. Будем вежливы. Не будем заставлять его ждать.

(Надеюсь, Менеджер сам бы сделал выводы, кого это «его» мы не хотели утруждать ожиданием!)

Гвен поднялась и взяла меня под руку. Фитс поспешил сказать:

— Пожалуйста, друзья, не уходите! Ну что же, пойдемте со мной.

Он подвел нас к двери без всяких табличек и произнес:

— Подождите одну секундочку, прошу вас!

Он исчез больше чем на секундочку, но все же ненадолго, и вернулся, сияя улыбкой (если это можно так назвать).

— Проходите прямо сюда, пожалуйста!

Он ввел нас в эту необозначенную дверь, мы прошли коротким коридором и оказались во внутреннем офисе Менеджера.

У хозяина кабинета, взиравшего на нас из-за письменного стола, отнюдь не наблюдалось отеческого выражения лица, хорошо знакомого по передачам «Слово Менеджера», которыми пичкали поселенцев с каждого терминала.

Напротив, мистер Сэтос разглядывал нас с такой гадливостью, словно обнаружил нечто гнусное в своей утренней порции овсяной каши. Я проигнорировал такой ледяной прием и встал около двери, все еще держа руку Гвен на своем локте и спокойно ожидая продолжения.

Когда-то мне пришлось жить с пушистым (на мой взгляд, других и нет!) котиком, который отвергал недостаточно удовлетворяющую его вкусу пищу с негодованием и оскорбленным видом. Если, конечно, понятие «оскорбленный вид» отнести больше к пластике тела, нежели к выражению мордочки, покрытой

шерстью. Вот я и демонстрировал то же самое мистеру Сэтосу, вспоминая свою киску.

Он уставился на нас, но в конце концов поднялся и, еле наклонив голову, процедил:

— Мадам... не изволите ли присесть?

На каковое предложение мы среагировали оба, заняв места и тем самым выиграв очко. Без Гвен мне бы такого не добиться. Но раз уж я опустил свой зад в кресло, Сэтосу не сдвинуть меня с места, если только я сам этого не пожелаю.

Я сидел неподвижно и спокойно, выжидая. Когда кровяное давление мистера Сэтоса достигло критической точки, он буркнул:

— Ну? Вы ворвались в мой кабинет. Так что это еще за чушь насчет сенатора Кантора?

— Про это я сам бы хотел это услышать от вас! Вы что же, решили поместить сенатора в квартиру моей жены?

— Что-что? Не будьте смешным! У миссис Новак однокомнатная квартирка, самая небольшая из тех, что числятся в первом классе! А сенатор от «Стандарт Ойл», если он только сюда прибудет, разместится в самых роскошных апартаментах, не иначе!

— Например, в моих? И поэтому вы выкинули меня из квартиры? Чтобы поселить в ней сенатора?

— Как? Не морочьте мне голову. Сенатора на «Золотом правиле» нет. Нам пришлось потеснить некоторых из наших постояльцев, и вас в том числе. Все дело в новых секциях. Пока они еще не состыкованы с нашим поселением, все квартиры и прочие постройки на кольце один тридцать пять подлежат эвакуации. А выселенным мы собираемся предоставить временно менее просторные помещения. Насколько я помню, в предоставленном вам помещении будут поселены три семьи. Конечно, ненадолго.

— Понимаю, понимаю! Значит, мне лишь по оплошности не сообщили, куда переселят?

— О, я был уверен, что вам это сообщили!

— Увы, нет. Так, может, вы это сделаете сами и назовете мой новый адрес?

— Доктор, неужели вы полагаете, что я держу в голове все мелкие подробности о предоставляемых жилищах? Вы подождите снаружи, и вам это сообщат мои подчиненные.

Я, оставив без внимания его предложение-приказ, отчеканил:

— Уверен, что *эти* сведения вы держите в голове!

Он фыркнул:

— В нашем поселении больше ста тридцати тысяч жителей. И для информации об их адресах имеются компьютеры и сотрудники.

— И все же вы знаете то, что касается нас! Вы сами убедили меня в этом: когда нужно, вы прекрасно осведомлены о всех «мелких подробностях»! Вот вам доказательство: моя жена не была вам представлена. Мангерсон Фитс понятия не имел о ее имени и не мог его сообщить. Но вы это имя держите в голове! Мало того, вы информированы и о том, в какой квартире она живет. Вернее, жила, пока по вашему приказу не заперли ее двери. И это составляет вашу деятельность на «Золотом правиле»? Выкидывать людей из жилищ безо всяких церемоний и без предварительного предупреждения?

— Доктор, вы что же, пытаетесь перейти в нападение?

— Нет, я просто пытаюсь понять, почему вы объявили нам войну? Почему выпихиваете нас, почему преследуете? И вы, и я, мы оба прекрасно понимаем, что никакой связи тут нет с временным переселением из-за подстыковки новых секций, тем более, что о моем выселении мне сообщили всего за тридцать минут. А с моей женой вы обошлись и того круче: попросту заперли ее двери, никак не предупредив вообще. Сэтос, вам не удастся провести нас ссылкой на новые секции, ибо в этом случае нас бы предупредили хотя бы за месяц. Нет, вам всего-навсего понадобилось выжить меня и жену со спутника, и я желаю знать — почему?

— Выйдите вон из моего кабинета! Я поручу кому-нибудь взять вас за руку и довести до ваших новых — временных — квартир!

— В этом нет необходимости. Просто назовите координаты и номер помещения. Я подожду здесь, пока вы это сделаете.

— О Господи! Мне сдается, что вы сами жаждете, чтобы вас выкинули с «Золотого правила»?

— Ну что вы! Мне вполне здесь удобно. И я был бы рад остаться, окажи вы нам милость сообщить, где мы будем ночевать сегодня и где будет новый постоянный адрес после подстыковки новых секций. Нам нужна трехкомнатная квартира, видите ли, взамен возвращаемых двух: двухкомнатной моей и однокомнатной, принадлежавшей миссис Эймс. Да, еще нужны два терминала. По одному на каждого, то есть как и было до выселения. К тому же квартира должна располагаться на уровне пониженного притяжения, желательно около четырех десятых, но не более половины...

— А луну с неба вам не надо? Зачем вдруг два терминала? Это же дополнительный монтаж!

— Ну так я и оплачу все расходы! Я же писатель, и мне необходим отдельный терминал в качестве процессора и для получения библиографических справок. А миссис Эймс нужен второй терминал для хозяйственных нужд.

— Ого! Вы собираетесь использовать свою площадь для извлечения коммерческой выгоды? Значит, она будет не просто жильем?

— И что же из этого следует?

— А то, что надо подсчитать. Для каждого вида предпринимательства существует свой тариф. Для магазинов, ресторанов, банков... И оплата кубометра помещения при этом почти в три раза превышает цену кубометра жилья. Для предпринимателей цена не так высока, как для магазинов, но там учитывается страховка от несчастных случаев и прочего. За склады требуется платить немногим больше, чем за квартиры. В целом, полагаю, вам придется платить, как за офис — в три с половиной раза дороже, но я поручу моему главному бухгалтеру подсчитать поточнее...

— Мистер Менеджер, правильно ли я вас понял? Вы, кажется, собрались навесить на нас квартплату в три с половиной раза большую, чем мы вдвоем платили за две квартиры?

— Да, примерно так. Но, может, это будет всего в три раза больше...

— Чудесно, чудесно! Я не скрывал того, что я писатель — это указано и в моем паспорте, и в анкете, которую я заполнил для

вашего управления. И вы знали об этом все пять лет. Так разъясните, почему вы только сейчас вдруг усмотрели разницу между использованием терминала для писания писем и для сочинения рассказов?

Сэтос изобразил некое подобие смеха.

— Доктор, «Золотое правило» является деловым миром, подчиненным только законам прибыли. Я это осуществляю со своими партнерами. Ни один из них не проживает здесь и не делает здесь бизнеса. Но если люди поселяются здесь или занимаются бизнесом, то это тоже должно служить на пользу мне и моим партнерам. Во всяком случае, таковы мои убеждения. А если вам они не по душе, вы вольны делать свой бизнес где-нибудь в другом месте!

Я только что собрался перевести дискуссию в другое русло (ибо понимал, чем он пытается меня разоружить), как Гвен подала голос.

— Мистер Сэтос...

— Что? Да, я слушаю миссис Новак... то есть миссис Эймс?

— Скажите, а не начинали вы с торговли вашими сестрами?

Лицо Сэтоса приобрело нежно-баклажановый оттенок. Некоторое время он пытался совладать с собой и наконец выдавил:

— Миссис Эймс, разве вас здесь кто-то намеренно оскорбил?

— Но это же очевидно! Я не знаю, есть ли у вас сестры, но ведь и сводничество выглядело бы для вас всего лишь предпринимательством! Неизвестно, почему вы нас оскорбляете? Мы здесь, чтобы попросить вас исправить несправедливость, а вы отвечаете нам увертками, беззастенчивой ложью, неуместными сентенциями... и откровенным вымогательством! Да еще сопровождаете свои беззакония напыщенной проповедью о свободном предпринимательстве! Так сколько же вы обычно запрашивали за своих сестричек? И каковы были при этом ваши собственные комиссионные? Половина выручки или больше?

— Мадам, я должен просить вас оставить мой офис... и это поселение. Вы не относитесь к сорту женщин, желательных здесь.

— Я с восторгом покину вас,— ответила Гвен, не шевельнувшись,— но лишь после того, как вы закроете мой счет. А также счет моего мужа.

— Вон отсюда!

Гвен протянула к нему ладонь.

— Сначала расплатись с нами, лысый мошенник! Весь баланс наших счетов плюс неустойку за досрочное освобождение квартир. Мы не покинем эту комнату, не получив денег, а то вряд ли удастся иначе выжать из тебя то, что нам по праву причитается! Заплати все, и немедленно! Иначе, чтобы избавиться от меня, тебе придется меня укокошить, а если ты, губошлеп паршивый, вызовешь своих тупиц-молодчиков, я закричу так, что стены повалятся. Хочешь, покажу?

Гвен откинула голову и издала пронзительный крик, от которого у меня разболелись зубы.

У Сэтоса, наверняка, тоже — я увидел, как он содрогнулся. Довольно долго он тупо смотрел на Гвен, потом дотронулся до какой-то кнопки на своем столе и сказал в селектор:

— Игнациус! Закройте счета доктора Ричарда Эймса и миссис Гвендолин Новак, а также уплатите неустойку за...— после небольшого колебания он точно назвал наши адреса и добавил: — И поскорее удалите их из моего кабинета, принеся сюда наличные для полного расчета и бланки расписок в получении денег. Не чеками, а наличными. Что? Нет, вы послушайте меня: если это займет больше десяти минут, я велю произвести полнейшую ревизию вашего ведомства и выясню, кого надо сжечь, а кого просто разжаловать!

Он отключил связь, не глядя на нас.

Гвен вынула игральную доску и предложила мне сыграть партию в «крестики-нолики», по-видимому, считая, что эта игра как раз соответствует моему интеллекту. Она обыграла меня четыре раза, хотя в двух партиях мой ход был первым. Но в моей голове все еще звучал ее сверхзвуковой вопль!

Я не очень следил за временем, но, кажется, через десять минут в кабинет вошел человек с нашими счетами. Сэтос взглядом повелел ему подойти к нам. Мне показалось, что со мной расчет произведен точно, и я уже хотел подписать расходный ордер, как Гвен спросила:

— А кто оплатит мне проценты по деньгам, которые лежали на депозите?

— Как вы сказали? О чем вы?

— Деньги на обратный проезд мной положены на депозит наличными, а вовсе не отданы вам на хранение! Ваш банк обязан выплатить мне эту сумму плюс девять процентов годовых, не облагаемых налогом. Правда, срочный вклад был бы выгоднее, но что делать? Я пробыла здесь больше года, так что... дайте сообразить...— Гвен подняла карманный калькулятор, который она только что использовала для подсчета очков в игре.— Вы должны мне проценты на сумму восемьсот семьдесят крон. Желательно, в швейцарских золотых, что составит...

— Мы платим в кронах, у нас нет швейцарской монеты.

— Ну и ладно, платите в кронах, как я посчитала.

— Но мы не платим процентов на деньги на обратный билет. Он же исчисляется в СКВ...

Я вдруг насторожился.

— Так вы не платите, да? Дорогая, можно мне твой компьютерчик? Такс-с... Значит, смотри-ка: сто восемьдесят тысяч поселенцев и оплата туристической поездки в Мауи на Пан-Американ или Кантас...

— Семьдесят две сотни в день,— быстро ответила Гвен,— не считая выходных и праздников...

— Итак,— я произвел подсчет.— Гвен, это составляет около двух миллиардов крон! Единица, девять, девять, шесть и в придачу шесть нулей! До чего же интересно! Сэтос, старичок, вы же могли бы передавать больше ста миллионов в год для наших сирот в фонды Луна-Сити, да еще не облагаемых налогом! Но сдается мне, вы вряд ли так поступаете. По крайней мере, с большей частью этих денежек. И думаю, что и с других вкладов вы также снимаете пенки в пользу своего «предпринимательства», не так ли? А вкладчики и не ведают ни о чем, правда?

Служитель (Игнациус?) прислушивался к моим словам с несомненным интересом.

Сэтос рявкнул:

— Подписывайте ордера и убирайтесь!

— О, я готов...

— Но не прежде, чем они уплатят проценты,— ввернула Гвен.

Я покачал головой.

— Нет, Гвен. Такого можно было бы уговорить где угодно, но не здесь. Тут он сам себе и закон, и судья. Впрочем, мистер Менеджер, вы подали мне идею великолепной высокооплачиваемой статьи для «Ридерс дайджест» или «Форчун». Да еще под заголовком: «Небесный пирожок, или как разбогатеть на чужих денежках: экономика частновладельческого космического поселения». А далее такая фразочка: «Сто миллионов в год, мошеннически недоданных публике только на одном спутнике». Ну и еще в том же духе!

— Вы опубликуете это, а я воздам вам за все ваши художества!

— Да неужели? Увидимся в суде, старичок. Не думаю, чтобы вам сильно улыбалось полоскание вашего грязного бельишка в суде, не подвластном вам. М-мм, у меня появилась совсем уж дикая идея! Вы сделали очень ценное добавление. И я погляжу вместе с «Уолл-стрит джорнел», как вы будете выпутываться без ваших продажных покровителей. Сколько средств в СКВ курсирует от кольца один тридцать до кольца один сорок? И сколько поселенцев, покидающих «Золотое правило», может получить их обратно из ваших банков? Или ваш валютный запас — такое же пустозвонство, как и все ваши слова?

— Заявите об этом публично, и я затаскаю вас по всем судам Системы! Подписывайте ордера и убирайтесь!

Гвен не стала подписывать, пока не пересчитала все деньги. Потом она поставила свою подпись, и я сделал то же.

Когда мы укладывали деньги, терминал на столе Менеджера засветился. Экран был виден только Сэтосу, по по голосу я понял, что это Главный проктор Франке.

— Мистер Сэтос!

— Я занят.

— Чрезвычайное сообщение! В Рона Толливера стреляли. Я...

— Вы что?

— Только что! Я был в его офисе, он тяжело ранен, возможно, стрелявший не рассчитал. Но я видел все сам. Это сделал тот фальшивый доктор, Ричард Эймс.

— Заткнись!

— Но, босс!

— Заткнись, говорю тебе! Ты глупый, все перепутавший осел! Доложишь мне сейчас же лично!

Он снова обратился к нам:

— А теперь уходите!

— А может, лучше дождаться этого «очевидца покушения»?

— Убирайтесь! И покиньте наше поселение!

Я предложил Гвен свой локоть.

7

Ты не сможешь обмануть честного человека.
Воровство разобьет ему сердце.
Клод Уильям Дакенфельд (1880–1946)

Мы увидели Билла в вестибюле. Он так и сидел на парашютном чехле с бонсай-деревцем в руках. При виде нас он поднялся с каким-то растерянным видом. Но стоило Гвен улыбнуться ему, как Билл сам расплылся в улыбке.

Я спросил:

— У тебя, что, возникли проблемы, Билл?

— Нет, хозяин. Ох, да, одна шкура хотела купить деревце!

— Так что же ты не продал?

Он крайне изумился:

— Чего? Оно же принадлежит ей!

— Ты прав. Знаешь, что бы она с тобой сделала, если бы ты продал? Она бы забросала тебя гусеницами, вот что бы она сделала! Но не горюй, теперь тебе это больше не грозит. И крысы тоже. Пока ты с ней, никакие крысы тебе не страшны. Я прав, миссис Хардести?

— Абсолютно правы, сенатор. Никогда никаких крыс! Билл, я горжусь тобой, ты не поддался искушению. Но я хочу, чтобы ты избавился от сленга. Если услышат твои словечки, подумают, что ты из «ночных ходоков». А нам бы этого не хотелось, не так ли?

Поэтому никогда не говори «одна шкура хотела купить», а просто скажи: «один человек».

— Ох, но ведь, по правде, та шкура-то была девкой. Ох, простите, бабой. Усекли?

— Усекла. Но давай попробуем снова. Скажи «женщина».

— Олл райт. Та шкура была женщиной,— он радостно заулыбался и сообщил: — А вы говорите совсем как сестры, учившие нас Закону Божьему там, на Земле.

— Это комплимент, Билл... но все равно я стану придираться к твоей грамматике и произношению, и разным словечкам куда больше, чем они. До тех пор, пока ты не заговоришь, как сенатор. Знаешь, много лет назад один мудрый скептик доказывал, что самый важный признак любого человека — его речь. И что правильная речь может стать залогом успеха. Ты понимаешь меня?

— Уф... так, кое-что...

— Ты не сможешь научиться сразу всему, я на это и не рассчитываю. Но, Билл, если ты будешь мыться ежедневно и научишься правильно говорить, то люди решат, что ты счастливчик, и станут относиться к тебе с большим уважением. Поэтому давай все-таки попытаемся, ладно?

Я сказал:

— Между прочим, важнее было бы срочно выбраться из этого притона.

— Сенатор, важно и то, и другое!

— Ну да, ну да, старое доброе правило «статуэтки для битья», я понимаю. И все-таки, давай двигаться отсюда.

— Да, сэр! Держим путь в космопорт?

— Пока нет. Держим на Эль Камино Реал в поисках терминала, по которому можно было бы поговорить за монетку. У тебя есть мелочь?

— Несколько монеток. Достаточно для непродолжительной беседы, наверное.

— Хорошо. Но все же поглядывай, нет ли по пути разменного пункта. Теперь, когда мы закрыли счета, придется частенько действовать с помощью мелочи.

Мы подняли вещи и двинулись в путь. Гвен тихонько произнесла:

— Мне бы не хотелось, чтобы Билл это слышал, но... не составляет особого труда «убедить» общественный терминал в том, что у тебя есть кредит в банке, даже если его и нет!

Я так же тихо ответил:

— Мы прибегнем к этому, если откажут честные приемы. Моя дорогая, сколько еще хитрых штучек у тебя про запас?

— Сэр, я даже не понимаю, о чем вы говорите! В ста метрах впереди нас... А что, на той будке светится желтый знак? Но почему столь немногочисленны будки, принимающие мелочь?

— Да потому, что Большой Брат желает знать, кто и кому звонит. А при наличии кредитной карточки мы практически делимся с ним своими тайнами. Да, на той будке есть знак. Стало быть, можно запихивать туда наши монеты!

Преподобный Хендрик Шульц быстро ответил по своему терминалу. Его глаза на добродушном лице Санта Клауса внимательно оглядели меня, оценили и подсчитали, сколько деньжат в моем кошельке.

— Отец Шульц?

— Во плоти. Чем могу служить, сэр? — вместо ответа я вытянул из бумажника тысячекроновую купюру и подержал ее перед экраном. Доктор Шульц поглядел на нее, поднял лохматые брови и сообщил: — Вы меня заинтересовали, сэр!

Я похлопал себя по ушам, зыркая глазами вправо и влево, потом изобразил всех троих обезьянок. Он, прекрасно поняв, ответил:

— Ну что ж, мне, пожалуй, следует выпить чашечку кофе. Не хотели бы вы составить компанию? Одну минуточку...

Он проворно написал что-то на листе бумаги и показал его. Там крупными печатными буквами было выведено: «Ферма Старого Мак-Дональда».

Вслух старикан произнес:

— А не встретиться ли нам в гриль-баре на Сан-Суси? Это на Петтикот-Лейн, как раз напротив моей студии. Через десять минут, пожалуй?

Говоря это, он пальцем водил по написанному.

— Нормалек! — ответил я и отключил терминал.

Я почти не практиковал походы в сторону ферм, поскольку они находились в зоне полного притяжения, не очень приятного для моей больной ноги. Впрочем, я не вполне точен: в Системе можно встретить достаточное количество поселенцев, занимающихся фермерством при любой частичной величине земного притяжения, той, какая была предпочтительнее им самим или выращиваемым растениям-мутантам. Но на «Золотом правиле» основные свежие продукты производились под натуральным солнечным освещением и в зоне полного земного притяжения. Некоторые области поселения, освещавшиеся искусственным светом, тоже что-то производили, правда, при других величинах притяжения, но сколько места это занимало в общем балансе продовольствия, я не знаю. Мне лишь было известно, что достаточно обширная территория от кольца пятьдесят до кольца семьдесят от края до края являлась гигантской плантацией-оранжереей со столбиками-подпорками, гасителями вибрации и пешеходными тропинками по краям.

На этом участке из двадцати колец длиной в восемьсот метров радиусы 0–60, 120–180 и 240–300 пропускают внутрь солнечный свет, а сектора между радиусами 60–120, 180–240 и 300–0 являются «фермерскими угодьями». «Старая Макдональдова ферма» занимает всю поверхность секторов 180–240 между кольцами 50 и 70.

Среди обширных фермерских угодий можно было заблудиться, особенно в посадках кукурузы, которая вымахивала здесь значительно выше, чем в Айове. Но док Шульц польстил мне, предположив, что я соображу, где именно его найти. Впрочем, он оказался прав, ибо я сразу направился к известному ресторану с баром, расположенному в середине фермы, на шестидесятом кольце и радиусе 210 в зоне (ну конечно же!) полного земного притяжения. Ресторан располагался «под открытым небом» и носил название «Сельская кухня».

Нам пришлось спуститься внутрь кольца пятьдесят, пройти до конца шестидесятого четыреста метров и подняться на поверх-

ность в зону полного (будь оно неладно!) притяжения. Не так уж это далеко — около четырех городских блоков. Но попробуйте одолеть эту дистанцию на искусственной ноге, с культей, изрядно натертой чрезмерно долгой ходьбой, да еще с грузом!

Гвен почувствовала это по моему голосу, выражению лица, походке... А может быть, уже научилась читать мои мысли — я бы не мог это отрицать с полной уверенностью.

Она остановилась. Я тоже.

— Что-нибудь не так, милая?

— Да. Сенатор, отдайте этот узел. Я могу понести «дерево-сан» на голове. Поэтому отдай!

— У меня все в порядке...

— О да, сэр. Конечно же, в порядке, и я собираюсь этот порядок поддерживать. Тем более, что у тебя есть привилегия изображать «macho», когда тебе вздумается, а мне разрешается быть слабой, рассуждать нелогично и устраивать истерики. Вот и теперь я почти близка к обмороку. И останусь в этом состоянии, пока ты не отдашь мне узел. Позднее тебе будет позволено меня отколотить.

— Гм-гм. Не наступила ли моя очередь выдвигать аргументы?

— Она наступит в ваш день рождения, сэр. Но пока что его не видать. Позволь мне взять узел, ну пожалуйста!

Возразить было нечего, и я сдался, выпустив узел из рук. Билл и Гвен пошли впереди меня, причем дорогу прокладывал Билл. Деревце на голове Гвен не покачнулось, хотя дорога оказалась далеко не гладкой: ее захламили всякого рода отбросы.

Я потихоньку ковылял за ними, тяжело опираясь на палку и перенося на нее почти всю нагрузку с культи. Поэтому, когда мы дошли до ресторана-дворика, я чувствовал себя вполне сносно.

Док Шульц стоял спиной к бару, опираясь на стойку согнутой в локте рукой. Он узнал меня, но не подал виду, пока я не приблизился вплотную.

— Доктор Шульц?

— А-а, это вы! — он не спросил, как меня зовут.— Не устроиться ли нам поуютнее? Мне приглянулся тот тихий яблоневый сад. А что если попросить хозяина отнести туда маленький столик и поставить парочку стульев под деревьями?

— Пожалуй. Но три стула, а не два...

Гвен подошла ближе.

— А не четыре?

— Нет. Я хочу, чтобы Билл сторожил наши вещички, как и раньше. Вон там есть свободный стол, и Билл разместит наш багаж на нем и вокруг.

Вскоре мы втроем устроились за столом, вынесенным в сад. Посовещавшись с собеседниками, я заказал пиво для преподобного и себя, кока-колу для Гвен и попросил официантку подать тому молодому человеку, что сидит с вещами, все, что он пожелает: пиво, коку, сандвичи, еще какую-нибудь еду. (Я вдруг сообразил, что Билл, скорее всего, ничего не ел за весь день, а может, и дольше.)

Когда официантка отошла, я вытянул из кармана ту самую тысячную купюру и передал ее доку Шульцу.

Та мгновенно исчезла.

— Сэр, вам нужна расписка?

— Отнюдь.

— Джентльменское соглашение, так? Превосходно! А теперь поведайте, чем я могу быть полезен?

Сорок минут спустя доктор Шульц знал о наших трудностях все, ибо я ничего не утаил. Мне показалось, что помощь будет реальной лишь в том случае, если он будет знать всю подоплеку событий, разумеется, в пределах моей собственной осведомленности.

— Так вы говорите, в Рона Толливера стреляли? — спросил он.

— Сам я этого не видел, но слышал, как это произнес Главный проктор. Поправка: я слышал голос, похожий на голос Франко, да и Менеджер обращался с говорившим соответствующим образом.

— Вполне достаточно. Услышав топот копыт, знаешь, что это конь, а не зебра! Но ни о каком покушении я сегодня еще не слышал, да и в этом ресторанчике никаких признаков возбуждения, между тем как убийство или покушение на второго крупного воротилу Компании в его собственной резиденции должно было бы вызвать хоть какую-нибудь реакцию! Я в этом баре провел несколько минут до вашего прихода: ни слова о чем-либо подоб-

ном. А ведь бар — излюбленное место для обмена новостями, тем более, что здесь имеется и многоканальный экран новостей. Гм, а не мог ли Менеджер попридержать это известие?

— Такая лживая змея способна на все.

— Не стану вдаваться в обсуждение его моральных качеств, к тому же, мое мнение целиком совпадает с вашим. Меня интересуют лишь его физические возможности. Нельзя так просто скрыть факт покушения. Кровь, крики. Смерть или ранение жертвы. Да еще свидетели, например, Франко. Конечно, судья Сэтос контролирует здесь единственную газету, терминалы, прокторов. Конечно, если он очень подсуетится, то сможет скрывать этот факт достаточно долго. Поглядим — об этом я тоже доложу, когда вы прибудете в Луна-Сити.

— Но мы можем оказаться и не в Луна-Сити. Я сам дам вам знать... позвоню.

— Полковник, а разумно ли это? Хотя наше общение в течение нескольких секунд у стойки бара зафиксировано несколькими группами людей, знающих и вас, и меня, у нас еще есть шанс сохранить наше сотрудничество в тайне. К счастью, мы ранее ничем связаны не были, и проследить путь, ведущий от вас ко мне и обратно, никому не удастся. Конечно, можно и позвонить, но вполне вероятно, что и мой терминал, и моя студия прослушиваются. Думаю, разумнее воспользоваться почтой, если только не возникнет чрезвычайных обстоятельств.

— А разве почту нельзя вскрыть?.. И вот еще что: я доктор Эймс, а не полковник Кэмпбелл, не забывайте, пожалуйста! Да, чуть не упустил — тот молодой человек, что пришел с нами, знает меня как «сенатора», а миссис Эймс как «миссис Хардести» в связи с той небольшой потасовкой, о которой я вам рассказал.

— Я не забыл. В течение долгой жизни люди играют много разных ролей. Можно ли поверить — я когда-то изображал «младшего капрала Финнегана из Королевской морской пехоты»!

— Вполне могу себе представить!

— Вам это гораздо легче вообразить, чем мне самому. Но странных случаев было множество... Конечно, почту могут вскрыть, но если передать письмо на шаттл в сторону Луна-Сити

как раз перед стартом с космодрома, то оно вряд ли попадет к тем, кто, кроме адресата, интересуется его содержимым. В обратном направлении письма могут посылаться Генриэтте ван Лун для передачи мадам Помпадур, 20012 Петтикот-Лейн. Они попадут ко мне почти немедленно. Одна пожилая добрейшая дама в течение многих лет имеет дело с чужими секретами. И ей можно верить, я считаю. Знать, кому верить,— великое дело!

— Док, я считаю, что и вам можно верить!

Он хохотнул:

— Мой дорогой сэр, я был бы счастлив продать вам вашу собственную шляпу, забудь вы только ее на моем прилавке! Но, по существу дела, вы правы. Если я заполучил вас в качестве клиента, то вы можете мне полностью довериться. Быть двойным агентом — значит накликать беду... а я ведь гурман, не позволяющий ничему омрачить собственную трапезу,— он задумался и добавил: — А можно взглянуть на тот бумажник еще раз? На Энрико Шульца?

Я вручил ему бумажник. Он вынул оттуда удостоверение.

— Вы утверждаете, что это именно его физиономия?

— Абсолютно точно.

— Доктор Эймс, вы понимаете, что фамилия «Шульц» особо меня заинтриговала. Вы не можете знать, что разнообразие моих занятий заставляет отмечать каждого прибывающего сюда новичка. Я ежедневно от корки до корки штудирую «Геральд», при этом тщательно вчитываясь в имена. Поэтому я совершенно безоговорочно заявляю, что человек под именем «Энрико Шульц» на «Золотое правило» не прибывал. Из моей памяти могла бы изгладиться любая другая фамилия, но никак не «Шульц»! Это исключено.

— Похоже, он получил это имя уже по прибытии сюда.

— Вы сказали «похоже» как «несомненно»? — спросил Шульц, все еще разглядывая удостоверение.— В течение двадцати минут я сумею изготовить документ с такой же фотографией, но удостоверяющий, что его владелец — Альберт Эйнштейн!

— Вы хотите сказать, что по этому удостоверению мы его не очень-то сумеем выследить?

— Уточним. Я так не говорил. Вы утверждаете, что сходство фотографии с оригиналом очень близкое. Но этого типа видели многие люди. Некоторые из них могут знать, кто он. Несколько меньшее число людей осведомлено о причине его убийства. Если таковое имело место. Вы этот вопрос предусмотрительно оставили открытым?

— Ну да, во-первых, из-за того невероятного «танца мексиканских сомбреро», который разыгрался сразу после выстрела. Если, конечно, выстрел имел место. Ничуть не смущаясь, те четверо действовали так, словно тщательно отрепетировали свой номер...

— Так. Я попробую этот вопрос прояснить с помощью кнута и пряника. Если у человека не чиста совесть или он жаден — а у большинства людей наличествуют обе эти «добродетели»,— то всегда можно нащупать к ним подход и выудить то, что они знают. Итак, сэр, мы, по-видимому, с этим сладим. Но следует точно разграничить наши действия, поскольку вряд ли удастся вновь лично пообщаться, как сейчас. Вы будете разрабатывать «линию Уокера Эванса», а я исследую другие проблемы из нашего списка. Каждый информирует другого о новых обстоятельствах, особенно тех, что связаны с чьим-либо приездом на спутник или отбытием из него. Что еще? Ах да — то зашифрованное послание. Вы собираетесь его раскодировать?

— А у вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Полагаю, вы должны взять его с собой и доставить в главный дешифровальный офис Маккэя в Луна-Сити. Если они найдут код, то надо заплатить, неважно, сделают они это официально или нет. Если Маккэй не сможет помочь, тогда попробуйте обратиться к доктору Джекобу Раскобу из университета Галилео. Он работает криптографом в ведомстве компьютеризации, а если и он не сможет прочесть вашу бумажку, то ничего не остается, как возносить молитвы. Можно ли мне взять с собой снимок «моего кузена» Энрико?

— Разумеется, можно, только пошлите мне по почте копию, пожалуйста. Она пригодится позже, при разработке «линии Уокера Эванса»... Доктор, нам еще понадобится кое-что, о чем я еще не сказал.

— Что именно?

— Тот паренек, что с нами. Он ведь «призрак», преподобный отец! И ходит только по ночам. Он гол как сокол. Мы хотим взять его под свою защиту. Нельзя ли ему обрести личность — и немедленно? Хотелось бы, чтобы вы успели до того, как уйдет ближайший шаттл.

— Минуточку, сэр! Не этот ли юноша, стерегущий ваш багаж, был налетчиком, выдававшим себя за проктора?

— А разве я недостаточно ясно вам это рассказал?

— Возможно, я слишком туп, чтобы сообразить сразу. Ну что ж, я констатирую поразительный факт, заслуживающий одобрения! Вы хотите, чтобы я снабдил его документом? Таким, чтобы он смог расхаживать по спутнику, не боясь проктоpов?

— Не совсем так. Мне надо чуточку больше. Паспорт. Чтобы вывезти его с «Золотого правила» и ввезти в Свободный Штат Луна.

Доктор Шульц оттянул нижнюю губу.

— А чем он там станет заниматься? Нет, беру свой вопрос обратно — это ваше дело, не мое. Или его собственное.

Гвен произнесла:

— Я хочу привести его к человеческому облику, отец Шульц! Он должен научиться чистить ногти и правильно употреблять причастия. А еще ему нужна защита. И я собираюсь его этим снабдить!

Шульц внимательно вгляделся в Гвен.

— Да, я думаю, вы справились бы и с двумя такими. Мадам, вы позволите мне сказать, что хоть я совсем не жажду подражать вам, но вы вызываете искреннее восхищение!

— Просто я терпеть не могу, когда кого-то выбрасывают на свалку. Биллу около двадцати пяти, но он говорит и ведет себя как десяти-двенадцатилетний подросток. Между тем, он вовсе не глуп,— она улыбнулась.— Я обучу Билла или снесу его постылую башку!

— Дай вам Бог силы! — нежно произнес Шульц.— Ну а если он все же окажется неспособным? Вы потрудитесь попусту?

Гвен вздохнула.

— Тогда я немножко поплачу и пристрою его на приличное место, где он сумеет работать и быть самим собой, с честью и в

достатке. Преподобный отец, я не могу отослать его обратно в грязь, голод и страх. К крысам. Жить такой жизнью хуже, чем умереть.

— Да, вы правы. Это так. Поскольку после смерти не боишься ничего, ведь это последний покой. По крайней мере, нас всех так учат. Ну что ж, нужен чистый паспорт для Билла. Мне надо повидаться с одной леди и посмотреть, не сумеет ли она соорудить нечто подходящее? — он нахмурился.— Но поспеть к следующему шаттлу будет трудновато. Кроме того, ведь нужна его фотография, черт бы ее побрал! Придется сделать в моей студии, а это означает дополнительную потерю времени и добавочный риск для вас обоих.

Гвен порылась в сумке и вытащила оттуда миниатюрный аппаратик марки «мини-гельвеция», который не разрешалось провозить без лицензии. Но, наверное, таможенники Менеджера прошляпили его.

— Доктор Шульц, я не могу сделать большой снимок, но, может быть, вам удастся его увеличить в студии?

— Вполне возможно. Ого, какая изумительная камера!

— Мне она очень нравится. Я когда-то работала в одном... агентстве, где такие широко применялись. Когда же я собралась оттуда уволиться, то обнаружила, что потеряла одну камеру. Пришлось уплатить за нее,— она озорно улыбнулась,— но потом я случайно нашла эту малютку в своей сумке. Она затерялась среди всякого хлама на дне... Ну так, пойду сфотографирую Билла!

Я посоветовал:

— Постарайся использовать нейтральный фон!

— Ты думаешь, я совсем ничего не соображаю? Извините, я мигом.

Она вернулась через пару минут. Снимок «доводился» внутри камеры еще минуту, пока изображение не стало совсем четким. Она протянула готовую фотографию доктору Шульцу.

— Годится?

— Великолепно! Но на каком фоне вы его сняли? Можно поинтересоваться?

— На фоне посудного полотенца. Фрэнки и Хуанита туго натянули его за головой Билла.

— Фрэнки и Хуанита? А кто это такие? — тупо спросил я.

— Старший бармен и барменша. Прелестные люди.

— Но, Гвен, я и не знал, что у тебя здесь знакомые! Это же может создать новые проблемы!

— У меня здесь нет знакомых, и я никогда раньше тут не была, милый. Но я когда-то шефствовала над птицеводческой фермой «Цыплячий фургон» на девяностом радиусе. И там была танцевальная площадка...

Гвен посмотрела наверх, щурясь на солнце. Спутник повернулся настолько, что светило стояло в зените прямо над «Фермой Старого Мак-Дональда». Она показала рукой туда, где ста двадцатью градусами выше должен был находиться «Цыплячий фургон».

— Там бы вы увидели ферму, а дансинг был сооружен прямо на крыше, поближе к солнцу. Интересно, танцуют ли там сейчас? Нельзя ли увидеть отсюда, поднявшись на подпорку?

— Пожалуй, далековато, чтобы разглядеть,— заметил я.

— Да, там есть дансинг,— проговорил доктор Шульц.— Я даже помню его название: «Звезды Техаса». Да, есть, есть он там. Ах, юность, юность! Я давно уже не танцую, но иногда вожу гостей в «Цыплячий фургон». А не мог ли я видеть вас там, миссис Эймс? Наверное, нет...

— А я думаю, что да,— откликнулась Гвен.— Но я была в тот день в маске. И с удовольствием смотрела на вас. Вы были настоящим дедушкой Бернардом Шоу!

— Нет высшей похвалы для участника маскарада! На вас, случайно, не было накидки из лоскутков белой и зеленой ткани? И совершенно круглой юбки фасона «солнце-клеш»?

— Более чем «солнце-клеш»! Когда партнер вращал меня, она вся шла волнами, и некоторые зрители жаловались, что их начинает укачивать. А у вас, сэр, однако, превосходная память!

Я несколько раздраженно прервал их воспоминания:

— А нельзя ли покончить с этими экскурсами в прошлое? У нас уйма срочных дел, и я все еще надеюсь, что мы сумеем попасть на шаттл двенадцать ноль-ноль. Ведь Франке того и гляди натравит на нас своих головорезов!

— Но вы же хотите получить паспорт для Билла? Доктор Эймс, ведь даже самая примитивная имитация потребует боль-

ше времени, чем остается до отлета этого шаттла! — он уже выглядел не как Санта Клаус, а просто как усталый и огорченный старик.— Ведь ваша первая задача сейчас — транспортировать Билла отсюда на Луну?

— Да.

— А если вы возьмете его с собой как вашего слугу?

— В Свободный Штат Луна нельзя ввозить рабов.

— И да, и нет. Вы можете доставить своего раба на Луну, но, едва ступив на лунный грунт, он автоматически становится свободным. Вот почему все высылаемые преступники жаждут попасть туда. Доктор Эймс, я могу изготовить документ о покупке вами Билла. У меня есть его фотография и форменные ведомственные бланки (подлинные, похищенные в полночь!), а еще есть время, чтобы изготовить и «состарить» этот документ. Поистине, это гораздо безопаснее, чем фальшивый паспорт.

— Я полагаюсь на ваше профессиональное суждение. Где и когда я смогу получить документ?

— Гм, только не в моей студии... Вы знаете крошечное бистро вблизи от космопорта, на уровне одной десятой притяжения в радиусе триста? Оно называется «Вдова космонавта».

Я уже готовился сказать «нет, но я его найду», как Гвен подала голос:

— Я знаю, где это. Надо зайти за пакгауз Мейси. Однако никаких вывесок там нет.

— Именно! Это, по существу, частный клуб, но я предоставлю вам карточку-пропуск. Вы сможете там хорошенько отдохнуть и перекусить. И никто вас не потревожит. Его хозяева предоставляют каждому заниматься своим делом.

(«Еще и потому, что "дело" наверняка контрабанда или другой темный бизнес»,— подумал я, но, естественно, промолчал.)

— Ну что ж, меня это устраивает.

Преподобный доктор вынул карточку, начал писать, но остановился.

— Имена?

— Миссис Хардести,— поспешно отозвалась Гвен.

— Согласен,— серьезно заметил док Шульц.— Так будет надежнее. А как ваша фамилия, сенатор?

— Только не Кантор, можно наткнуться на тех, кто этого Кантора знает. Хм... может, Хардести?

— Нет, она ведь не ваша жена, а только секретарша... Джонсон... Среди сенаторов весьма много Джонсонов. К тому же и подозрений никаких. Да еще совпадает с фамилией Билла, что тоже кстати.

Он вписал имена в карточку и вручил ее мне.

— Хозяина бистро звать Тигр Кондо. Он в свободное время изучает все виды смертельных боевых ударов. Вы можете на него положиться.

— Благодарю вас, сэр.

Я взглянул на карточку и сунул ее в карман.

— Доктор, а не увеличить ли задаток?

Он радостно улыбнулся.

— О нет, нет! Я еще не знаю, сколько смогу выжать из вас! Мой девиз: «Любая торговля способна рождать прибыль, но никогда не следует обескровливать ее источник!»

— Вполне разумно. Итак, попрощаемся. Нам не стоит уходить вместе!

— Согласен. Я надеюсь успеть к двенадцати часам. Дорогие друзья, ваше поручение лестно и приятно. И давайте не забудем, как важен этот день! Примите мои уверения в почтении, мэм. Всего наилучшего, сэр! Пусть ваша совместная жизнь продлится долго и будет наполнена миром и любовью!

Гвен привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Я заметил, что на глазах у них обоих блеснули слезинки. Впрочем, и у меня почему-то подозрительно защипало под веками.

8

Оладьи и сироп никогда не совпадают
по количеству.
Лазарус Лонг (1912—...)

Гвен привела нас прямиком во «Вдову космонавта». Как она и говорила, заведение отыскалось позади складов Мейси, в одном из странных закоулков, образовавшихся из-за цилиндриче-

ской формы спутника, и если не знать точной дороги, нужного места почти наверняка не отыщешь. После сутолоки космопорта, расположенного на конце оси поселения, здесь показалось тихо и приятно.

Обычно космопорт на этом конце оси принимает только пассажирские корабли, а грузовые причаливают в порту на другом конце оси вращения. Но из-за монтажа добавочных секций поселения (а их перед перед стыковкой еще предстояло раскрутить) весь транспортный поток сейчас шел через порт на переднем, обращенном к Луне конце оси. «Передним» он назывался потому, что спутник достаточно длинный, чтобы иметь легкий приливный эффект, а после того как приварят новые секции, эффект еще и увеличится. Я вовсе не хочу сказать, что у нас тут каждый день приливы и отливы. Суть вот в чем...

(Возможно, я слишком подробно объясняю: это зависит от того, много ли вы знаете об орбитальных поселениях. Если хотите, объяснения можете спокойно пропустить.)

Так вот, наш спутник имеет приливную фиксацию на Луну: его передний конец всегда направлен точно на ее поверхность. Будь «Золотое правило» размером с орбитальный челнок или находись оно столь же далеко, как Элл-Пять, этот эффект бы не возник. Но длина его более пяти километров, а вращается он вокруг центра масс всего в двух тысячах километров от него. Конечно, его длина составляет всего одну четырехсотую этого расстояния — но сила притяжения зависит от квадрата расстояния, а трение отсутствует, поэтому эффект, а с ним и фиксация, становится постоянным. Приливная фиксация между Землей и Луной всего в четыре раза сильнее — то есть, по сути, ничтожна,— но не забывайте, что Луна круглая, как теннисный мячик, а спутник сигарообразен.

Орбита его имеет еще одну хитрость: он вращается вокруг полюсов Луны (ладно, извините — это всем известно), но и эта орбита, чуть эллиптическая, полностью открыта Солнцу, то есть всегда обращена к нему своей плоскостью, а внутри ее вращается Луна. Точь-в-точь как маятник Фуко или орбиты спутников-шпионов.

Или, если другими словами, «Золотое правило» просто следует за линией терминатора на Луне, границей дня и ночи, а

поскольку вращается оно бесконечно, то никогда не оказывается в тени. (Ну ладно, если уж вы намерены «вылавливать блох» в моих словах, согласен — на спутник падает тень во время лунных затмений. Но только тогда.)

Такое взаиморасположение метастабильно и потому не фиксировано жестко. На него влияет все, даже притяжение Сатурна и Юпитера. Но у нас есть некий маленький компьютер, который только и следит за тем, чтобы плоскость орбиты поселения всегда была направлена на Солнце — и тем самым обеспечивает «Ферме старого Мак-Дональда» обильные урожаи. Энергии его работа почти не требует: крошечные отклонения орбиты компенсируются такими же слабенькими импульсами.

Надеюсь, вы все это не читали. Баллистика интересна лишь тем, кто ею пользуется.

Мистер Кондо был невысок ростом, предков имел явно японского происхождения и весь состоял из мускулов, гладких, как у ягуара. Да и двигался он словно ягуар. Даже без комментариев дока Шульца я бы понял, что не очень бы хотел встретить Тигра Кондо в темном переулке. За исключением того случая, если он там окажется, чтобы *защитить* меня!

Дверь его заведения открылась полностью лишь после того, как я предъявил карточку Шульца. Но уж открыв ее, он приветствовал нас со всем положенным радушием.

Небольшой зальчик был заполнен лишь наполовину, преимущественно мужчинами, а женщины, сопровождавшие немногих из них, по моим понятиям, отнюдь не были их супругами. Но не были и шлюхами. Мне показалось, что они — равноправные партнеры своих спутников.

Окинув нашу компанию оценивающим взглядом, хозяин решил разместить нас не в основном помещении с завсегдатаями, а в боковой комнатке размером с будку, где мы втроем смогли бы все же усесться и даже втиснуть багаж. Затем он осведомился, что бы мы желали заказать. Я спросил, можно ли здесь пообедать.

— И да и нет,— последовал ответ.— Можем подать «суши», а моя старшая дочь приготовит «сикияки». Есть еще гамбургеры и

сосиски. Пицца — только замороженная, надо разогреть. Сами мы ее не очень рекомендуем. У нас ведь, в основном, бар. Пищу мы можем подать, но не требуем от гостей, чтобы они, кроме выпивки, заказывали и съестное. Более того — вы можете всю ночь играть в карты, шахматы или «го» и вовсе ничего не заказывать!

Гвен положила ладонь на мой локоть.

— Можно мне вставить слово?

— Давай!

Она сказала хозяину несколько фраз на совершенно непонятном мне языке, но его лицо мгновенно просветлело. Он поклонился и вышел.

Я спросил:

— Ну?

— Я осведомилась, не может ли он подать то, что я у них ела прежде. Я не назвала какое-либо определенное блюдо, просто передала просьбу «маме-сан», чтобы она приготовила на свой лад. Заодно он понял, что хотя я здесь и бывала, но не хочу это афишировать, поскольку меня тогда сопровождал другой мужчина. Хозяин же сообщил мне, что наше обожаемое деревце — превосходнейший образец скалистого клена, какого ему не доводилось встречать даже в родной Японии... я попросила побрызгать его водой перед самым нашим уходом. Он пообещал...

— Ты не сказала ему, что мы женаты?

— Это не обязательно. Те выражения, которые я использовала, позволяют и такое истолкование.

Мне хотелось узнать, когда и где она выучила японский язык, но я промолчал: Гвен сама скажет мне все, что найдет нужным. (Сколько браков рушится из-за похожего на зуд стремления супругов «узнать все»?)

Как ветеран-сочинитель «подлинных любовных историй», могу заверить: интерес к добрачным похождениям супругов (а пуще того внебрачным!) — непременная основа семейных трагедий.

Вместо этого я обратился к Биллу:

— Парень, это твой последний шанс. Если хочешь оставаться на спутнике, то можешь уйти хоть сейчас, но, конечно, не раньше,

чем пообедаешь. После обеда мы сразу же летим на Луну, можешь лететь с нами или остаться здесь.

Билл перепугался.

— А она тоже сказала, что я могу выбирать?

Гвен сразу же откликнулась:

— Конечно, можешь! Но если захочешь поехать с нами, я потребую, чтобы ты всегда вел себя как цивилизованный человек. А не захочешь, так можешь остаться, и вернуться на свою помойку, и доложить Фингерсу, что завалил порученную тебе работенку!

— Я не завалил! Это он!

Очевидно, он имел в виду меня. Я констатировал:

— Ну что же, Гвен! Он на меня в обиде. А мне он тем более не нужен, с ним же хлопот не оберешься. Не исключено, что он когда-нибудь подсыплет яду в мой ужин...

— О, Билл не способен на такое. Правда, Билл?

— Так уж и не способен? А ты помнишь, как быстро он выхватил оружие? Как я могу верить в невинность его намерений?

— Ричард, прошу тебя! Нельзя же ожидать, что он исправится так уж сразу.

Эта идиотская дискуссия была прервана появлением мистера Кондо, который стал сервировать стол, не забыв и подставку-зажим для нашего деревца. Одной десятой земного притяжения было достаточно, чтобы удержать еду на тарелках и кое-как удержаться на ногах, но не более того. Стулья были привинчены к полу, на них имелись пристежные ремни, которые можно было использовать по собственному желанию. Они могли оказаться полезными, например, если бы пришлось резать жесткий бифштекс.

Бокалы и чашки оказались закрытыми плотными крышками, а пить из них следовало через узкие носики. Последнее, возможно, наиболее полезное приспособление: ведь, подняв крышку с чашки горячего кофе, вы вполне могли обжечься, поскольку, несмотря на ничтожный вес, кофе, в силу инерции, мог вылиться на вас.

Мистер Кондо, раскладывая приборы, тихо проговорил мне:

— Сенатор, не участвовали ли вы в парашютных состязаниях в Солюс Лейкус?

Я воскликнул:

— Конечно, дружище! Вы тоже там были?

Он поклонился:

— Имел такую честь.

— А с чьим снаряжением?

— «Сокрушитель», Оаху.

— О, «Сокрушитель»! — почтительно откликнулся я.— Самый декоративный парашют в истории. Вы можете этим гордиться, старина!

— От имени своих коллег я благодарю вас, сэр! А вы?

— Я прыгал вместе с «Ликвидаторами Кэмпбелла».

Мистер Кондо присвистнул.

— Вот как! Вы, конечно, тоже можете гордиться!

Он вновь согнулся в поклоне и быстро вышел на кухню.

Я хмуро уставился на свою тарелку. Ясно — Кондо узнал меня! Но раз так сложилось и я отрекся от своих товарищей, то нечего щупать свой пульс и себя казнить. Просто надо выплеснуть себя на помойку!

— Ричард!

— Что?.. Ах да, слушаю, дорогая!

— Ты простишь, если я выйду ненадолго?

— Конечно! А ты нормально себя чувствуешь?

— Вполне, благодарю. Но мне следует кое о чем позаботиться.

Она встала и направилась к коридорчику, ведущему и в туалет, и к выходу, такой летящей походкой, которая больше смахивала на танец. При одной десятой притяжения нормально передвигаться можно, лишь используя магнитные подошвы и другие такие же приспособления. Либо иметь долгую практику: не прибегал же ни к каким захватам мистер Кондо: он просто скользил как кошка.

— Сенатор...

— Да, Билл?

— Она, что, свихнулась на мне?

— Не думаю.

Мне захотелось добавить, что я вряд ли буду сильно разочарован, если он упрется и не захочет лететь. Но тут же меня словно ударило: побуждать Билла остаться — все равно что выбрасывать ребенка. У него же не было никакой защиты!

— Нет, Билл, она просто хочет поставить тебя на ноги и сделать таким, чтобы тебя никто не смог порицать. Или за что-нибудь извинять.

Изрекши эту порцию махровой банальности, я вернулся в угрюмое состояние. Я сам себе приносил извинения. Нет, не вслух, а молча, в уме. Послушай, приятель, ведь то, что ты сотворил, и то, чем ты стал,— на все сто процентов результат твоей собственной вины. Целиком.

А что касается твоего кредита... Да, он чертовски мал. Имей честность признать и это! Но погляди: с чего ты начал и как дошел до звания полковника? С наиболее ублюдочных, гнойных мародерских банд, какие только существовали со времен крестовых походов. Ну и не говори больше о своем «полке»! Да ладно. Но ведь они не были «хладнокровными гвардейцами», не так ли? Теми-то пижонами? Черт, один ведь взвод Кэмпбелла... А, дерьмо!..

Гвен вернулась отнюдь не скоро. Я не засек время, но сейчас часы показывали уже почти восемнадцать. Я попытался встать, что оказалось нелегко при привинченных к полу столе и стульях. Она спросила:

— Я задержала ужин?

— Не слишком. Мы его съели, а остатки скормили поросятам.

— И прекрасно. Мама-сан не оставит меня голодной!

— А папа-сан не пожелал подавать без тебя.

— Ричард! Я предприняла кое-что, не посоветовавшись с тобой.

— А я нигде не читал, что ты обязана со мной советоваться. Но с полицией ты хоть сумела не повздорить?

— Ничего такого. Но ты обратил внимание на вечно шныряющих по городу субъектов в фесках? Это экскурсанты туристической конторы Луна-Сити.

— Так вот кто это такие! А я-то думал, что к нам вторглись турки.

— Считай так, если тебе это больше по душе. Но мы и сегодня видели, как они шастали вверх и вниз по Лейн и Камино, покупая все, что не кусается. Мне кажется, большинство из них не остается здесь на ночь — у них основная программа рассчитана

на Луна-Сити и там уже оплачены гостиницы. Вечерние шаттлы наверняка битком набиты...

— Пьяными турками, блюющими в свои фески или храпящими на подушках кресел.

— Вне всякого сомнения. И мне подумалось, что на более ранний шаттл, тот, что летит в двадцать часов, попасть легче. И я купила билеты и зарезервировала места.

— А теперь ты ждешь, чтобы я вернул тебе деньги? Подай заявку, и я пошлю ее в свое ведомство.

— Ричард, я побоялась, что мы застрянем здесь на всю ночь.

— Миссис Хардести, вы продолжаете меня изумлять. Какова потраченная сумма?

— Мы подсчитаем расходы потом. Я просто почувствовала, что пообедаю с легким сердцем, если буду уверена: после обеда мы полетим! И... ох! — она сделала паузу.— Билл!

— Да, мэм?

— Мы приступаем к обеду. Сходи помой руки.

— Чего?

— Ничего. Делай, что я сказала.

— Да, мэм!

Билл покорно встал и поплелся выполнять предписание. Гвен повернулась ко мне.

— Я ужасно волновалась и не находила себе места. Из-за лимбурга.

— Какого еще лимбурга?

— Твоего лимбурга, миленький. Он оказался в числе продуктов, которые я унесла из твоего холодильника. Я его в нетронутой упаковке положила на поднос с фруктами, когда мы завтракали. Там было всего около ста граммов. Но после ланча, вместо того чтобы его выбросить, я положила сыр себе в сумку, решив, что мы им чудесно закусим потом...

— Гвен!

— Ладно, ладно! Я спрятала его с целью... да потому, что я и раньше пользовалась им, как оружием! Он намного лучше того, что было в нашем списке. А что, ты разве не считаешь, что тот мерзавец...

— Гвен! Я сам составил «список». Вернемся к нашим баранам.

— Так вот. В офисе мистера Сэтоса, как ты помнишь, я сидела около переборки, закрывающей калорифер. По моим ногам бил поток горячего воздуха, и мне стало очень неуютно, а выключатель оказался совсем под рукой. Я и подумала...

— Гвен!

— Во всем поселении регуляторы тепла и потока горячего воздуха однотипны. И закрыты решеткой в виде жалюзи. А пока где-то там подсчитывали наши сбережения и Менеджер нарочито игнорировал нас, я незаметно отключила поток воздуха и уменьшила нагрев до минимума. Потом открыла решетку, разбросала крошки лимбурга по всей поверхности и лопастям калорифера, а то, что оставалось в пакете, забросила как можно глубже внутрь вентиляционной трубы. Потом перед самым нашим уходом я вовсе выключила нагрев и снова пустила поток воздуха...— она виновато потупилась.— Но ты ведь не станешь меня укорять?

— Не стану. Но я рад, что ты играешь на моей стороне. Да... играешь. А ты «играешь»?

— Ричард!

— Но я еще более рад, что у нас зарезервированы места на следующий шаттл. Интересно, как скоро Сэтос почувствовал озноб и вновь включил обогрев?

То, что было подано на обед, оказалось изысканной пищей, и я воздал ей должное, хотя не знал названия ни одного из блюд. Мы уже приблизились к стадии отрыжки, когда возник мистер Кондо и, наклонившись к моему уху, тихо сказал:

— Сэр, пожалуйста, выйдите со мной.

Я пошел за ним на кухню. Мама-сан, поглощенная стряпней, не уделила мне внимания. Зато стоящий с ней рядом преподобный доктор послал тревожный взгляд.

— Неприятности? — спросил я.

— Минуточку. Вот вам удостоверение Энрико. Себе я снял копию. А вот документы для Билла. Проглядите их, пожалуйста.

Они лежали в излохматившемся старом конверте и сами были мятыми и видавшими виды. Они успели «от времени» пожелтеть

и набрать грязноватых пятен. В них говорилось, что компания «Геркулес Мэнпауэр Инкорпорейтэд» наняла Уильяма БПИ Джонсона из Нового Орлеана, Герцогство Миссисипи, Республика Одинокой Звезды, и продала его контракт корпорации «Бечтел Хай», действующей в космосе, которая, в свою очередь, перепродала настоящий контракт доктору Ричарду Эймсу, проживающему в поселении «Золотое правило» на орбите Луны, и прочее, и прочее — в бюрократически-юридических выражениях. К удостоверению о перепродаже было приложено совершенно натуральное на вид свидетельство о рождении, в котором сообщалось, что Билл — подкидыш, оставленный в приходе Метаири в возрасте примерно трех дней от роду, исходя из чего и указана дата рождения в приходской регистрационной книге.

— Большинство сведений правдиво,— отметил доктор Шульц.— Мне удалось их получить по архивным компьютерным записям.

— А важно ли, что они правдивы?

— Не очень. Лишь постольку, поскольку они помогут Биллу смыться отсюда.

В кухню вошла Гвен. Она взяла документы, прочла их.

— Они меня убедили. Отец Шульц, вы артист своего дела.

— Нет, артисткой является моя знакомая леди. Я передам ей ваш комплимент. А теперь, друзья, новости плохие. Тэтсю, не покажете ли вы их нам?

Мистер Кондо прошел вглубь кухни, мама-сан (по-видимому, миссис Кондо) посторонилась, чтобы его пропустить. Он включил терминал и отыскал канал «Геральд», кое-что прокрутил, наверное, чтобы найти рубрику новостей,— и я увидел самого себя, взирающего с экрана.

Рядом со мной на отдельной части экрана красовалась Гвен, вернее, бледное ее подобие. Я бы даже не узнал ее, если бы не голос, сопровождающий изображение:

«...Эймс. Миссис Гвендолин Новак, отъявленная мошенница, ограбившая массу людей, преимущественно мужчин, с которыми знакомилась в барах и ресторанах Петтикот-Лейн. Субъект, называющий себя "доктором Ричардом Эймсом" и, по всей

вероятности, не располагающий средствами, исчез из своей квартиры на кольце шестьдесят пять, радиус пятнадцать, уровень четыре десятых притяжения. Покушение было совершено в шестнадцать двадцать сегодня в офисе партнера "Золотого правила" Толливера...»

Я вскричал:

— Эй! Со временем у них неувязка. Мы были...

— Да, вы были со мной на ферме. Послушаем остальное.

«...в соответствии с показаниями очевидцев, стреляли оба убийцы. Они вооружены и опасны, будьте крайне осторожны при общении с ними. Менеджер горько скорбит о потере старого друга и предлагает награду в десять тысяч крон за поимку...»

Доктор Шульц подошел и выключил экран.

— Дальше идут повторы того же. Сообщение передается по всем каналам. И в данный момент большинство обитателей «Золотого правила» это смотрят и слушают.

— Спасибо, что предупредили. Гвен, неужели ты ничего лучше не можешь придумать, чем стрелять в людей? Ах, негодница!

— Сожалею, сэр. Я попала в дурную компанию.

— Опять пошли извинения! Преподобный, но что нам, черт возьми, делать? Тот ублюдок накроет нас еще до вечера.

— Я тоже подумал об этом. Но вот примерьте-ка этот головной убор.

Откуда-то из недр своей тучной персоны он извлек феску. Я ее примерил. Как раз впору.

— А теперь вот это.

«Это» оказалось эластичной бархатной повязкой на глаз. Я приладил ее, подумав, что не очень-то приятно иметь один глаз закрытым, но вслух не высказался. Папа Шульц явно постарался мобилизовать свое воображение, чтобы уберечь меня от потери дыхания.

Гвен воскликнула:

— О радость! Это работает!

— Да,— согласился док Шульц.— Глазная повязка настолько приковывает внимание большинства наблюдателей, что на остальные приметы его уже недостает. У меня всегда есть про запас хотя бы одна такая повязка. А феска и присутствие в данный мо-

мент на спутнике «Досточтимых из Мистического храма» оказались счастливым совпадением...

— Феску вы тоже всегда носите с собой про запас?

— Не совсем так. У фески этой был владелец, который... потерял ее. Но я думаю, что он скоро не проснется. О, мой друг Микки Финн о нем позаботится... Но вы должны избегать встречи со всеми храмовниками из Аль Мицар! Вы их узнаете по акценту: они из Алабамы.

— Доктор, я буду избегать храмовников, насколько сумею. По-видимому, мне следует взойти на борт в последнюю минуту. А как же с Гвен?

Доктор произвел на свет еще одну феску.

— Примерьте ее, милая леди.

Гвен примерила. Феска сползла ей на лоб и стала похожа на свечной колпачок.

Она сняла «колпачок».

— По-моему, эта вещица не совсем на меня. Не мой размер. Как вы считаете?

— Боюсь, вы правы,— печально ответил доктор.

Я заметил:

— Доктор, храмовники вдвое больше Гвен во всех измерениях, и выпуклости у них находятся совсем в другом месте. Тут требуется нечто иное. Может быть, грим?

Шульц покачал головой:

— Грим всегда выглядит гримом.

— Но на снимке в терминале очень мало сходства. Никто ее не опознает по этой фотографии.

— Благодарю, любовь моя. К несчастью, на «Золотом правиле» достаточно людей, знающих, как я выгляжу, и на борту корабля может оказаться кто-нибудь из них, только что заглотнувший сильнодействующее описание моей жизни. Б-р-р. Но, приложив некоторые усилия, я могла бы и без грима выглядеть в соответствии со своим возрастом. Папа Шульц, как вы полагаете?

— А каков ваш истинный возраст, дорогая леди?

Она покосилась на меня, привстала на цыпочки и прошептала что-то на ухо Шульцу. Он изумился.

— Не верю. К тому же, это не выход. Нам требуется что-нибудь получше.

Миссис Кондо что-то быстро сказала супругу, который вдруг забеспокоился. Они перекинулись еще какими-то словами, очевидно, по-японски. Потом он перешел на английский.

— Можно мне, пожалуйста? Моя жена отметила, что миссис Гвен такого же роста, как наша дочь Наоми... кроме того, для кимоно размер не имеет особого значения.

Гвен радостно заулыбалась.

— Вот это идея! Спасибо вам обоим. Но ведь я не похожа на японку. Мой нос, мои глаза, моя кожа...

Снова пошло стрекотание на быстром, но многословном языке, на этот раз говорили трое. И Гвен сказала:

— Это может удлинить мне жизнь,— и добавила, обращаясь к нам: — Извините меня, пожалуйста!

Она вышла вместе с мамой-сан.

Кондо вернулся в зал, так как, судя по миганию лампочек на кухне, его там многие вызывали, но он ради нас некоторое время игнорировал клиентов.

Я сказал доброму доктору:

— Вы уже удлинили наши жизни, дав убежище у Тигра Кондо. Как вы полагаете — этот маскарад поможет нам взойти на борт шаттла?

— Надеюсь. Что еще остается?

— Ничего, наверное.

Папа Шульц полез в карман.

— Мне удалось раздобыть вам туристическую карточку у джентльмена, пославшего свою феску. Я стер его имя, но какое надо сюда вписать? Конечно, только не Эймс, но что взамен?

— Дело в том, что Гвен зарезервировала места на шаттле. Купила билеты.

— На ваши подлинные имена?

— Я не знаю точно.

— Надеюсь, что нет. Если она использовала фамилии Эймс и Новак, то лучшее, что вы можете сделать,— это попробовать пройти первыми и сесть так, чтобы никто вас не видел. Не так-то это

легко. Я лучше сбегаю к билетному компьютеру и зарезервирую места на Джонсона и...

— Док...

— Да?.. Хотя бы на следующий шаттл, если этот переполнен.

— Вы не можете этого сделать. Если именно вы зарезервируете места для нас, то вас — ффютть — выкинут в открытый космос. До завтра они еще могут не спохватиться, но потом все равно прознают, как мы удрали...

— Но...

— Давайте дождемся Гвен и узнаем, на кого зарезервированы места. Если она не появится через пять минут, мы пошлем за ней мистера Кондо.

Через несколько минут появилась девушка-японка. Отец Шульц поклонился и сказал:

— Вы — Наоми. А где ваша Юмико? Я рад видеть вас снова.

Малышка хихикнула, втянула воздух и поклонилась до пояса. Она выглядела как кукла — изысканное кимоно, маленькие шелковые туфельки, густо набеленное лицо, невероятная японская прическа. Девушка произнесла:

— Ичибан гейша ушра. Мой ангрийско сказару перохо.

— Гвен? — закричал я.

— Пожариста?

— Гвен, это чудо! Но скажи нам, под какими именами ты зарезервировала нам места?

— Эймс и Новак. В соответствии с нашими паспортами.

— Так порви заказ. Что нам делать, док?

Гвен посмотрела на каждого из нас и спросила:

— Объясните, ради бога, в чем дело?

— Представь, мы подходим к барьеру, каждый прекрасно замаскирован... и предъявляем билеты на места для Эймса и Новак. Занавес. Можно цветов не приносить.

— Ричард, я еще не сказала всего.

— Ты никогда не говоришь сразу все. Что, еще сыра?

— Нет, милый. Теперь я вижу, что это имело смысл, а раньше боялась, что ты упрекнешь меня в транжирстве... Дело в том... что я... уф... купив билеты, которые нельзя использовать, направилась

в Рентал роу и... сделала вклад на счет компании «Вольво Флайэбаут».

Шульц поинтересовался:

— На чье имя?

А я спросил:

— Сколько?

— Я использовала свое настоящее имя...

— Господи, помоги нам,— простонал Шульц.

— Минуту, сэр. Мое настоящее имя — Сэди Липшиц, и его знает лишь Ричард. А теперь еще и вы. Но вы никому его не называйте, ибо мне оно не нравится. Как Сэди Липшиц, я зарезервировала космокар «вольво» для моего работодателя сенатора Ричарда Джонсона и внесла со своего счета задаток. Шесть тысяч крон.

Я присвистнул.

— За «вольво»? Это звучит так, как если бы ты его купила.

— А я и купила его, дорогой! Я вынуждена была это сделать. И вклад, и задаток — это наличные деньги, раз у меня нет кредитной карточки. О, средств у меня хватит, как и козырей, чтобы играть наверняка! Но у Сэди Липшиц нет кредита. Поэтому я заплатила шесть тысяч просто за контракт о покупке. Дело в том, что при таком количестве храмовников в поселении сенатор должен иметь гарантию свободного передвижения!

— Возможно, это наиболее разумное решение,— проговорил преподобный Шульц.

— Надеюсь,— откликнулась Гвен.— Если мы возьмем эту машину, то должны будем доплатить еще девятнадцать тысяч...

— Господи Боже!

— Плюс страховка и налог. Но ведь у нас останется неиспользованная сумма, если мы расторгнем контракт в течение тридцати дней здесь, или в Луна-Сити, или в Гонконге Лунном. Мистер Доквейлер разъяснил мне все достоинства сделки. Рудокопы на астероидах или рекламные агенты берут машины напрокат, не выплачивая полной стоимости, прячут их в каких-то убежищах на Луне, а потом переделывают в горнорудные комбайны.

— Космолеты «Вольво»? Да чтобы их потом доставить на астероиды, потребуется грузовой корабль фирмы «Хэншоу», и пе-

ревозка обойдется не в девятнадцать, а в двадцать пять тысяч крон! Да плюс страховка, да взятка. Вот уж откровенная, наглая обираловка!

Шульц довольно резко возразил мне:

— Дружище Эймс, советую вам перестать вести себя подобно шотландцу, который торгуется с душем, работающим от монет. Вы что, не согласны с идеей миссис Эймс? И предпочитаете освежающую прогулку в космос, которую взамен предложит вам Менеджер? Так сказать, на свежем, но весьма разреженном воздухе?

Я тяжело вздохнул.

— Простите меня. Вы правы. Деньгами дышать я вряд ли сумею. Но я терпеть не могу, когда меня зажимают в тиски!.. Гвен, извини меня. Так где же эта контора Гертца, если глядеть отсюда? Я что-то потерял ориентиры...

— Не Гертца, дорогой, а «Вольво». У Гертца никакой конторы здесь нет.

9

Мэрфи был оптимистом.

Комментарий О'Тула к «Закону Мэрфи», процитированный А. Блохом.

Чтобы добраться до офиса «Баджет джетс», нам пришлось обойти дальний конец зала ожидания космопорта, войти в ось спутника, а там прямиком до входа в «Баджет джетс». Зал ожидания кишел публикой: к обычным пассажирам добавились храмовники с супругами. Многие из них были привязаны ремнями к стенным поручням, другие свободно плавали в невесомости.

Повсюду мелькали прокторы — не слишком ли много прокторов?

Возможно, мне следует объяснить, что зал ожидания, регистрационные стойки, шлюз в пассажирский туннель, а также службы и аппаратура Рентал Роу — все находится в зоне невесомости. Здесь, вблизи от оси спутника-поселения, не было искусственной

гравитации, создаваемой вращением массы спутника. Зал ожидания и его офисы расположены в малом цилиндре, помещенном коаксиально в цилиндр гораздо большего размера, то есть сам спутник. У цилиндров общая ось, но вращается только внешний, а малый остается неподвижным — словно колесо, насаженное на ось-втулку.

Подобная конструкция требует вакуумного затвора в том месте, где корпуса цилиндров соприкасаются снаружи,— полагаю, ртутного, хотя сам его не видел. Суть в том, что сам космопорт не должен вращаться, несмотря на вращение спутника, потому что любому шаттлу (или лайнеру, или грузовику, или даже «вольво») для причаливания в невесомости требуется неподвижная площадка вокруг главного причала.

Проплывая через зал ожидания, я старался ни с кем не встречаться взглядом и держал путь к выходу из переднего торца зала. Гвен и Билл следовали непосредственно за мной: Гвен, с сумкой на шее и деревцем в одной руке, другой держалась за мой локоть. Билл, ухватившись за лодыжку Гвен, буксиром плыл за ней, таща за веревку завернутый в плотную бумагу пакет с биркой упаковочного филиала Мейси. Я не знал, что содержалось в этом пакете, поскольку то были остатки нашего багажа, уложенные в меньший из чемоданов Гвен.

А наш остальной багаж? Следуя основному принципу — прежде всего подумать о спасении собственной шеи, мы от него отказались. Он бы мог привлечь к нам внимание подобно звуковому сигналу. Ведь храмовники, совершая однодневную экскурсию на спутник, никак не могли быть обременены тяжелым багажом! А маленький чемодан Гвен, да еще упакованный у Мейси, вполне мог сойти за обычные покупки в местных магазинах. То же относится и к маленькому деревцу: такой диковиной вполне мог увлечься какой-нибудь чудак-турист. Но все остальное мы волей-неволей должны были бросить.

Ну конечно, когда-нибудь, при соблюдении достаточных предосторожностей, багаж мог бы быть нам переправлен. И все же я уже вычеркнул его из наших активов. Док Шульц, вправивший мне мозги насчет расходов Гвен, сумел меня переориентировать:

я стал здесь человеком реального мира и заставил себя сделать выбор между решительными действиями и смертью.

Справедливость его урока я вновь остро осознал, пересекая зал ожидания: там совсем близко от нас находился шеф Франке! Он, по всей видимости, не уделил нам особого внимания, а я постарался не уделить внимания ему. Франке был занят тем, чтобы подплыть поближе к группе своих прихвостней, заблокировавших вход в пассажирский туннель. Он усердно подгребал к ним, в то время как я тянул свое маленькое семейство к спасительному выходу из зала. И дотянул-таки, и вылетел в дверь, ведущую из Рентал Роу, и она захлопнулась за нами! И тогда я вздохнул и постарался возвратить на место свой подступивший к самому горлу желудок.

В офисе «Баджет джетс» мы отыскали мистера Доквейлера, сидевшего за столом и пристегнутого ремнями. Он курил сигару, погрузившись в изучение издаваемой на Луне сводки о ежедневных гонках.

Доквейлер бросил на нас взгляд и произнес:

— Сожалею, друзья, но мне нечего сдать вам в аренду или продать. Ровным счетом ничего: даже помела ведьмы нет!

Тут я вспомнил, кто я есть — сенатор Ричард Джонсон, представляющий «Огромный развивающийся синдикат нюхальщиков сассафраса», одну из самых важных шахер-махерских корпораций Гааги! — и голос сенатора прогремел из моих уст:

— Послушай, сынок, перед тобой сенатор Джонсон! Полагаю, что кем-то из обслуги еще сегодня днем зарезервирован транспорт у «Хэншоу Сьюперб», не так ли?

— О! Рад встрече с вами, сенатор! — он поспешно засунул газетенку в зажим за столом и отстегнул ремни сиденья. — Да, да, у меня есть ваша бронь. Но не у «Сьюперба», а у «Вольво»...

— Как? Я же четко велел этой девице... Ладно, не имеет значения. Перепишите на «Сьюперб», пожалуйста!

— Если бы я мог, сэр! У меня ничего другого нет.

— Печально. Не могли бы вы тогда посовещаться со своими коллегами и найти для меня...

— Сенатор, на «Золотом правиле» нет ни одного свободного космокара. Мы все — «Моррис Гарэдж», «Локхид-Фольксваген»,

«Гертц», «Интерплэнет» в течение последнего часа постоянно обмениваемся информацией. Ничегошеньки нет: ни машин, ни возможности кого-то подмазать!

Настало время показать себя философом, что я и сделал, пробурчав:

— Ну, ладно, придется мне довольствоваться «вольво», не так ли, сынок?

Сенатор вновь возмутился, когда увидел полный счет за то, что оказалось изрядно потрепанным космокаром. Он резко указал на грязные зольники и потребовал очистить их, но вскоре решил больше не собачиться, ибо терминал над головой Доквейлера снова заладил про Эймса и Новак.

Я важно произнес:

— Ну-с, давайте проверим вес и возможную «дельта *v*». Пора садиться в машину.

Для взвешивания в Бюро использовалась не центрифуга, а инерциометр новейшего образца, более быстродействующий и значительно менее дорогой. Я засомневался, насколько точны его показания.

Доквейлер водрузил всех нас вместе с пакетом-чемоданом, но без деревца, в решетчатую кабину, повелев втроем, обняв друг друга, образовать тесный круг с пакетом внутри, и запустил вибратор под эластичной подпоркой кабины. Нас трясло так, что чуть не выбило зубы. После этого он объявил, что наш общий вес составляет 213 килограммов, включая вес деревца, который он на глаз оценил примерно в два килограмма.

Спустя несколько минут мы уже разлеглись в креслах, и Доквейлер запечатал кормовую дверцу кара и внутреннюю шлюзовой камеры. Он не спросил у нас никаких удостоверений, туристических карточек, паспортов или космоводительских прав. Зато врученные ему девятнадцать тысяч крон пересчитал дважды. Плюс страховку. Плюс чаевые...

Я ввел показание «213,6 килограмма» в бортовой компьютер, после чего осмотрел приборный щиток. Указатель количества топлива стоял на отметке «полное», и все дурацкие лампочки светились зелеными огоньками. Я нажал кнопку «готовность» и по-

дождал. В переговорном устройстве послышался голос Доквейлера:

— Счастливой посадки!

— Благодарю вас.

Воздух со свистом вырвался из шлюзовой камеры, мы вылетели и попали под яркие лучи солнца. Впереди простирался космопорт. Я установил шкалу прецессии на поворот в сто восемьдесят градусов, и мы заскользили вперед, а спутник проплыл мимо и оказался слева от нас. Впереди стал заметен идущий на посадку шаттл. Пока мы отчаливали, я не видел Луны, ее закрывал шаттл. Но вот в правом иллюминаторе она стала так отчетливо видна, словно до нее можно было дотронуться. Исключительно впечатляющее зрелище. Я почувствовал величие момента.

Те лживые убийцы-прохвосты остались позади, и мы вырвались из тесных пут сэтосовской деспотии. В первые годы жизни здесь я не ощущал ее, мне казалось, что я свободен и беззаботен. Но мне был преподан хороший урок. В монархиях шея обывателя навсегда затянута ошейником — это заставляет его держаться прямо...

Я сидел в кресле первого пилота. Гвен справа от меня, в кресле второго. Я поглядел на нее и вспомнил, что на глазу у меня все еще красуется дурацкая повязка. Нет, беру обратно эпитет «дурацкая», поскольку она, возможно, спасла мне жизнь. Я снял повязку и запихнул ее в карман. Потом сдернул феску и, не найдя, куда ее пристроить, сунул за нагрудный ремень.

— Давай-ка посмотрим, в порядке ли мы в этой посудине,— сказал я.

— Не поздновато ли смотреть, Ричард?

— Я всегда проверяю исправность пристяжных ремней после взлета,— с достоинством ответил я.— Ведь я оптимист! У тебя сумка и большой пакет от Мейси. Они надежно закреплены?

— Пока еще нет. Если ты удержишь это суденышко на плаву, то я укреплю пакет в сетке.

Она принялась за дело.

— Спокойно! Перед тем как развязывать, ты должна получить разрешение пилота.

— Мне кажется, я его получила.

— Напрасно кажется. И не повторяй больше такой ошибки. Мистер Кристиан с «Баунти», шхуны Его Королевского Величества, был крутой морячок, таким он и остался... Билл, что ты поделываешь там, на корме?

— У меня все о'кей.

— Ты надежно пришвартован? Когда я поверну хвост этой шхуны, ни один предмет не должен плавать в кабине.

— Он надежно пристегнулся,— заверила меня Гвен.— Я проверила сама. А деревце-сан подвешено прямо напротив его живота, и я пообещала задушить Билла без предупреждения, если он его упустит.

— Не уверен, что оно выдержит перегрузку...

— Я тоже, но времени на его упаковку не было. Надеюсь, оно правильно расположено и не очень испугается? К тому же, я повторяю некие заклинания, чтобы оно осталось целым и невредимым. Но вот что, мой дорогой: я понятия не имею, как быть с париком! Это один из парадных париков, в которых Наоми выступает на церемониях. Он очень ценный. Конечно, с ее стороны было весьма великодушно заставить меня его надеть, но я ума не приложу, как его сохранить? Он ведь, может быть, так же чувствителен к перегрузкам, как дерево-сан!

— Убей меня, не знаю. И считай это моей официальной точкой зрения. Но мне кажется, что этот клоповник вряд ли сможет развить ускорение больше двух «g» — я немного подумал над проблемой.— А что если ты заглянешь в боковые отсеки? Вынешь все бумажные салфетки из аптечки и обмотаешь ими парик? А также затолкнешь их внутрь... Это поможет?

— Возможно. А я успею?

— Времени полно. Я быстренько прикинул в офисе мистера Доквейлера: чтобы совершить посадку в космопорту Гонконга Лунного при свете солнца, я должен начать крутиться на малой скорости около двадцати одного ноль-ноль. Времени масса. Поэтому давай, начинай делать то, что тебе нужно, пока я сообщу бортовому компьютеру, что нужно мне. Гвен, а ты могла бы считывать показания приборов на твоей стороне?

— Так точно, сэр!

— О'кей, считай это своей обязанностью. А еще тебе вменяется обзор с правого борта. Сам я буду следить за расходом топлива, положением ракеты и малышом-компьютером. Кстати, у тебя ведь есть космоводительские права, не так ли?

— Нечего меня спрашивать об этом теперь. Но не бери в голову, мой миленький. Я занималась полетами и всякой такой дребеденью еще до окончания школы.

— Вот и прекрасно!

Я, естественно, не потребовал, чтобы Гвен предъявила мне свои права. Как было ею справедливо замечено, не поздновато ли было их требовать?

Но я все же заметил про себя, что она ловко обошла мой прямой вопрос.

(Если баллистика вам скучна, пропустите и следующий кусок.)

Облететь Луну впритирочку, срезая на лету маргаритки (если предположить, что они на Луне растут, а это маловероятно), можно за один час и сорок восемь минут с секундами. Спутник, находясь на триста километров выше самой рослой маргаритки, вынужден преодолевать путь, гораздо более длинный, чем окружность Луны (10 919 километров), а именно 12 805 километров. Почти на две тысячи километров длиннее — поэтому и лететь он должен быстрее. Правильно?

Неправильно. (Я вас надул.)

Самый поразительный и противоречащий здравому смыслу аспект баллистики, связанный с орбитальным движением, сводится к следующему: чтобы разогнаться, следует тормозить, и наоборот.

Прошу прощения, но это именно так.

В данное время мы были на орбите «Золотого правила», в трехстах километрах над Луной, и имели ту же скорость, то есть полтора километра в секунду (если точно, 1,5477 км/с — эту цифру я ввел в бортовой компьютер, прочитав ее в инструкции, взятой в офисе Доквейлера). Для посадки мне следовало перейти на более низкую (и быструю) орбиту... а для этого затормозить.

Но это лишь самая легкая часть задачи. Безвоздушная посадка требует от вас нахождения на самой низкой (и самой быстрой)

орбите, однако... эту скорость следует полностью погасить, потому что относительно поверхности в момент контакта она должна быть нулевой. Скорость нужно гасить потихонечку, чтобы опуститься перпендикулярно поверхности, не ударившись (или почти без удара) и без скольжения. Такая орбита, касающаяся в нижней своей точке поверхности, называется синергической (трудно выговорить, а еще труднее рассчитать).

Трудно, но можно. Армстронг и Элдрин сделали это с первой попытки. (Второй у них просто не могло быть!) Но даже тщательнейшие расчеты не могли предугадать, что на их пути окажется солидных размеров скала. И лишь виртуозное мастерство пилота да полведра резервного топлива позволили им не только опуститься на Луну, но еще и пройтись по ней. (А не окажись этого топлива, кто знает, не задержалось ли бы развитие космонавтики лет на пятьдесят? Мало мы, все-таки, чтим первопроходцев.)

Сесть можно и по-другому: зависнуть над тем местом, где хотите совершить посадку, и камнем свалиться вниз, тщательно тормозя падение двигателем, чтобы пушинкой коснуться грунта — так жонглер ловит яйцо тарелкой.

Закавыка тут одна — нет ничего хуже пилотажа с прямоугольными маневрами: вы просто скандально теряете «дельта v», и на такой маневр у вас, скорее всего, не хватит горючего. («Дельта v» на пилотском жаргоне означает изменение скорости, поскольку греческая буква «дельта» в уравнениях обозначает фракционное изменение некой величины, а буквой «v» обозначают скорость. Вспомните также, что «скорость» — величина векторная, и именно поэтому ракетные корабли не совершают разворотов на сто восемьдесят градусов.)

Я принялся вводить в маленький пилотский компьютер «вольво» программу синергической посадки типа той, что совершили Армстронг и Элдрин. Сделать это мне оказалось куда проще, чем им. Я попросил компьютер вызвать из ПЗУ усредненную программу посадки с лунной орбиты, он охотно признал, что такая у него имеется, и мне осталось лишь ввести данные конкретной посадки, пользуясь цифрами, полученными в «Баджете».

Покончив с этим, я велел ему проверить введенные данные, и он неохотно признал, что имеет всю информацию для посадки в Гонконге Лунном в двадцать два часа семнадцать минут и сорок восемь и три десятых секунды.

Таймер компьютера показывал девятнадцать часов пятьдесят семь минут. Всего двадцать часов назад незнакомец, назвавшийся Энрико Шульцем, уселся без приглашения за мой столик в «Крае радуги»,— а еще через пять минут его застрелили. С тех пор я и Гвен успели пожениться, потерять жилье, «усыновить» бесполезного нахлебника, схлопотать обвинение в убийстве и смыться. Да, хлопотливый выдался денек! — к тому же, он еще не кончился.

Слишком долго я прожил в уютной безопасности. Но ничто не придает существованию такую остроту, как бегство во спасение жизни.

— Второй пилот!

— Есть второй пилот!

— А мы неплохо позабавились! Благодарю за то, что вышли за меня замуж.

— Вас поняла, дорогой капитан! Вас тоже!

Сомнений нет, сегодня мне определенно везло! Счастливое отклонение от расписания спасло нам жизнь. Шеф Франке сейчас наверняка проверяет каждого пассажира, входящего в восьмичасовой челнок, и ждет, когда у стойки зарегистрируются доктор Эймс и миссис Новак,— а мы уже захлопнули дверь снаружи. Но мало того, что нам повезло с расписанием — Госпожа Удача преподнесла нам на дорожку еще пару подарочков.

Как? А вот как. С орбиты «Золотого правила» проще всего сесть на Луне в какой-либо точке на терминаторе — требуется минимум горючего и лишь незначительные изменения скорости. Почему? Да потому что мы уже находились на линии терминатора, проходящей от полюса к полюсу с севера на юг и с юга на север. Проще всего сесть, не меняя курса.

Если же садиться, отклонившись вправо или влево от терминатора, потребуется сперва изменить курс, затем потратить дополнительную «дельта *v*» на тот самый дурацкий поворот под

прямым углом,— и лишь потом вводить программу посадки. Быть может, ваш банковский счет и переживет такое расточительство, но космокар об этом не подозревает, и вы, скорее всего, застрянете на орбите без капли горючего, а под вами окажутся лишь вакуум да скалы. Словом, не советую.

Ради спасения наших жизней я был бы рад сесть на любом пятачке Луны... но вот вам второй подарок Госпожи Удачи: нужный мне Гонконг Лунный находился сейчас как раз на линии терминатора, и нам предстояло провести на орбите всего час, дожидаясь момента, когда можно будет дать компьютеру команду на посадку. Чего еще я мог пожелать?

В этот момент мы пролетали над обратной стороной Луны, напоминающей рельефом спину аллигатора. Пилоты-любители не садятся на обратной стороне по двум причинам. Во-первых, горы — на невидимой стороне Луны они такие, что Альпы по сравнению с ними кажутся равнинами Канзаса. Во-вторых, поселения — там нет ничего, достойного упоминания, поэтому давайте скромно промолчим, ибо неосторожно сказанное слово может весьма рассердить жителей этих «недостойных упоминания» поселений.

Через сорок минут мы окажемся над Гонконгом Лунным, как раз одновременно с рассветом. К тому времени нам предстоит запросить разрешение на посадку и получить согласие диспетчера на управление последней, самой сложной стадией,— а затем уйти на последний двухчасовой виток с плавным снижением высоты. Тогда и наступит время передать управление посадкой лунному диспетчеру, но я пообещал себе, что заупрямлюсь и стану садиться на ручном управлении,— просто чтобы вспомнить прежние навыки. Когда я в последний раз совершал безвоздушную посадку? Кажется, на Каллисто? В каком же году? Ох и давненько это было!

В двадцать двенадцать мы прошли над северным полюсом Луны и увидели восход Земли — захватывающее зрелище, сколько его ни наблюдай. Мать-Земля находилась в половине фазы (поскольку мы летели над терминатором Луны), со светлой половинкой слева от нас. После летнего солнцестояния прошло лишь несколько дней, и северная полярная шапка подставляла солнцу ослепительно сверкающую макушку. Но и Северная Аме-

рика, почти вся, кроме кусочка западного побережья Мексики, накрытая одеялом облачности, сверкала не намного слабее.

До меня неожиданно дошло, что я смотрю, затаив дыхание, а Гвен крепко сжимает мою руку. Я едва не позабыл, что пора связаться с диспетчерской Гонконга Лунного.

— «Вольво» Би-Джей-семнадцать вызывает диспетчерскую ГКЛ. Вы меня слышите?

— Би-Джей-семнадцатый, вас слышим. Говорите.

— Прошу разрешения на посадку в двадцать два семнадцать сорок восемь. Посадка на ручном управлении с наземной подстраховкой из ГКЛ. Я вылетел с «Золотого правила» и продолжаю находиться на его орбите примерно в шести километрах западнее. Прием.

— «Вольво» Би-Джей-семнадцатый. Разрешаем посадку в Гонконге Лунном в двадцать два семнадцать сорок восемь. Не позднее двадцати одного сорока пяти переключитесь на тринадцатый спутниковый канал и будьте готовы передать нам управление посадкой. Предупреждаем: на этой орбите вы должны начать стандартную программу снижения в двадцать один ноль шесть девятнадцать и точно ей следовать. Если в момент передачи управления посадкой ГКЛ ваш вектор будет отличаться от расчетного на три процента, а высота на четыре километра, возможен неуверенный прием управляющего радиолуча. Конец связи.

— Вас понял, конец связи,— отозвался я и добавил, выключив микрофон: — Готов поспорить, вам и в голову не пришло, что вы говорили с капитаном Полночь, лучшим пилотом Солнечной системы.

Наверное, я только думал, что выключил микрофон, потому что услышал в ответ:

— А я капитан Геморройная Шишка, самый занудный диспетчер на Луне. Придется вам поставить мне бутылку «гленливета», когда я вас посажу. Если, конечно, посажу.

Я проверил выключатель микрофона — он вроде был исправен — и решил не отзываться. И так все знают, что телепатия лучше всего работает в вакууме... но должен же простой парень вроде меня как-то защищаться от суперменов.

(Да, есть простой способ — знать, когда следует помалкивать.)

Я поставил будильник на двадцать один час, развернул нос космокара к Луне и весь следующий час наслаждался полетом, держа Гвен за руку. Впереди (и под нами) проплывали невероятные лунные горы, выше и острее Гималаев, к тому же трагически одинокие. Тишину нарушали лишь негромкий шелест компьютера, попыхивание очистителя воздуха да равномерное и немного раздражающее сопение Билла. Ни мне, ни Гвен разговаривать не хотелось. Судьба подарила нам сладостный перерыв, спокойный, как вода в старой мельничной запруде.

— Ричард! Проснись!

— Что? Я не спал.

— Да, дорогой. Уже больше девяти.

Черт, верно — уже минута с чем-то десятого. Почему не сработал будильник? Ладно, это неважно, у меня пять минут с секундами убедиться, что мы ввели правильную программу посадки. Я включил управление прецессией, собираясь развернуть корабль кормой назад — так садиться легче всего, хотя с тем же успехом я мог спускаться «спиной» вперед. Или повернувшись к Луне боком. Корабль может лететь как угодно, но сопло двигателя *должно* быть направлено против направления движения, чтобы тормозить при посадке, то есть «назад» для пилота. (Мне больше всего по душе, если горизонт расположен «правильно», когда я пристегнут в кресле; вот почему я предпочел развернуть космокар кормой назад.)

Ощутив, как «вольво» стал разворачиваться, я запросил компьютер, готов ли он начать выполнять программу посадки, пользуясь стандартными командами, перечисленными на прикрепленной к его корпусу табличке.

Он не ответил. Пустой экран. Ни звука.

Я в энергичных выражениях вспомнил предков этого компьютера. Гвен спросила:

— А ты нажал кнопку «исполнять»?

— Разумеется,— буркнул я и нажал ее опять.

Тут же засветился экран, а динамик гаркнул так громко, что у меня заломило зубы:

— Как *вы* произносите слово «комфорт»? Сегодня каждый мудрый житель Луны — слишком много работающий, перебравший стимуляторов и живущий в постоянном стрессе — произносит его К, О, М, Ф, И, С, то есть «комфис», рекомендованный терапевтами для уменьшения кислотности, против кишечных колик, язвы желудка и просто от боли в животе. «Комфис»! Он способен на большее! Смело положитесь на фирму «Тигровый бальзам», выпускающую КОМФИС! Он способен на большее! Спросите вашего терапевта.

Затем какие-то визгливые недоумки запели о восхитительных достоинствах «комфиса».

— Этот гроб с электроникой не выключается!

— Ударь по нему.

— Чего?

— Врежь ему, Ричард.

Логики в ее совете я не увидел, но поскольку он совпал с моими эмоциональными потребностями, я отвесил компьютеру солидный шлепок. Он продолжал нести всякий бред о достоинствах питьевой соды, которую вам пытались всучить втридорога.

— Милый, его надо стукнуть посильнее. Электрончики — создания пугливые, но смышленые — нужно им показать, кто тут хозяин. Смотри, как это делается.

Гвен врезала компьютеру от души — я даже испугался, что корпус треснет.

И на экране тут же появилось:

К спуску готов. Время ноль = 21-06-17.0

Часы на дисплее показывали 21–05–42.7. У меня осталось ровно столько времени, чтобы успеть бросить взгляд на радарный альтиметр (высота двести девяносто восемь километров, постоянная) и на окошечко допплера, показавшего, что мы произвели ориентацию корабля вдоль линии нашего полета с достаточной точностью... хотя понятия не имею, что я успел бы сделать с ориентацией за оставшиеся у меня секунд десять, окажись она неверной. Наш «вольво» осуществляет прецессию, пользуясь

гироскопами, а не маленькими парными ракетными двигателями ориентации. Гироскопы, конечно, дешевле, чем двенадцать двигателей плюс мешанина питающих их трубопроводов, зато работают они медленнее.

Потом все произошло одновременно: часы показали «время ноль», заработал двигатель, вдавив нас в обивку кресел, а на дисплее появилась программа включения тормозных импульсов. В верхней строке значилось:

```
21-06-17.0 — 19 секунд
21-06-36.0
```

Душка двигатель проработал ровно девятнадцать секунд и отключился, даже не поперхнувшись.

— Убедился? — спросил Гвен.— Просто с ними надо построже.

— Я не верю в одушевленность предметов.

— Разве? Как же ты тогда управляешься с... Прости, милый. Не бери в голову, Гвен обо всем позаботится.

Капитан Полночь промолчал. Нельзя сказать, чтобы я надулся. Но, черт возьми, анимизм — чистой воды предрассудок. (Только не в отношении оружия.)

Я переключился на тринадцатый канал, подходило время пятого тормозного импульса. Я уже приготовился передать управление диспетчеру из ГКЛ (капитан Шишка), и тут наш ненаглядный электронный идиот очистил свою оперативную память, где сейчас хранилась программа снижения. Таблица тормозных импульсов на дисплее потускнела, задрожала, съежилась в точку и исчезла. Я отчаянно надавил кнопку перезагрузки — никакого результата.

Капитан Полночь, как всегда неустрашимый, сразу понял, что ему делать:

— Гвен! Этот поганец потерял программу!

Гвен перегнулась через меня и влепила компьютеру оплеуху. Таблица, разумеется, не восстановилась — уж если оперативная память накрывается, ее содержимое исчезает навсегда, как лопнувший мыльный пузырь,— зато пошла перезагрузка! Вскоре в левом верхнем углу экрана приглашающе замигал курсор.

— Ты не помнишь время следующего торможения, дорогой? И его длительность?

— В двадцать один сорок семь семнадцать. А длительность, э-э-э... одиннадцать секунд. Да, точно — одиннадцать.

— Сейчас проверю обе цифры. Проведи это торможение вручную, потом дай ему команду заново рассчитать потерянное.

— И то верно,— я ввел команду на торможение.— После этого я уже буду готов передать управление Гонконгу.

— Считай, мы уже выбрались из чащи, дорогой,— одно ручное торможение, а дальше нас посадит диспетчер. Но все же надо заново рассчитать программу посадки — для собственного спокойствия.

Ее слова показались мне оптимистичнее собственных ощущений. Я никак не мог вспомнить, какие у нас должны быть вектор и высота, чтобы передать управление ГКЛ. Но ломать голову времени уже не осталось: приближался момент торможения.

Я ввел исходные данные:

```
21-47-17.0 — 11 секунд
21-47-28.0
```

Уставившись на часы, я стал отсчитывать про себя секунды, и через семнадцать секунд после 21-47 надавил кнопку зажигания. Включился двигатель. Я так и не узнал, кто его включил — я или компьютер. Я не снимал пальца с кнопки, продолжая отсчитывать секунды, и, насчитав одиннадцать, отнял палец.

Двигатель не выключился.

(...и никто не узнает, где могилка моя!) Я поковырял кнопку зажигания. Нет, не заело. Тогда я ударил по компьютеру. Двигатель продолжал реветь, вдавливая нас в кресла.

Гвен перегнулась через меня и отключила питание компьютера. Двигатель мгновенно смолк.

Я попытался унять дрожь.

— Спасибо, второй пилот.

— Есть, сэр.

Выглянув в иллюминатор, я решил, что до поверхности гораздо ближе, чем мне бы хотелось, поэтому сразу сверился с

радарным альтиметром. Девяносто с чем-то километров — третья цифра непрерывно менялась.

— Гвен, сдается мне, сядем мы не в Гонконге Лунном.

— Мне тоже.

— Так что теперь наша задача — посадить этот металлолом, не разломав его окончательно.

— Согласна, сэр.

— Так где мы сейчас, хотя бы примерно? Вот что мне хотелось бы узнать. На чудеса я не надеюсь.

Поверхность Луны впереди — вернее, позади; мы все еще были ориентированы кормой назад для торможения — выглядела ничуть не привлекательнее обратной стороны. Не очень подходящее местечко для аварийной посадки.

— Нельзя ли развернуться в обратную сторону? — попросила Гвен.— Если увидим «Золотое правило», это поможет нам сориентироваться.

— Хорошо. Посмотрим, смогу ли развернуть корабль.

Я взялся за рукоятку прецессии и начал разворачивать космокар на сто восемьдесят градусов. Когда во время разворота мы на какое-то время снова очутились вниз головой, я заметил, что поверхность ощутимо приблизилась. Наконец, корабль остановился — горизонт тянулся справа налево, а небо оказалось «внизу». Немного неудобно, но... нам так хотелось снова увидеть недавно покинутый дом.

— Ты его видишь?

— Нет, Ричард.

— Он должен быть где-то над горизонтом. Не удивительно, он был весьма далеко, когда мы видели его в последний раз, а последнее торможение подбросило нам свинью. Большую и толстую. Так где мы сейчас находимся?

— Когда мы разворачивались, то пролетели над большим кратером... это Аристотель?

— А не Платон?

— Нет, сэр. Платон западнее нас и все еще в тени. Может, то была неизвестная мне кольцевая гора... но тогда гладкая равнина к югу — очень гладкая равнина — это Аристотель.

— Гвен, мне совершенно все равно, как он называется; мне придется попробовать посадить наш фургон на эту гладкую равнину. На очень гладкую равнину. У тебя нет идеи получше?

— Нет, сэр. Мы падаем. Если мы увеличим скорость и перейдем на круговую орбиту на этой высоте, у нас, скорее всего, не хватит горючего для посадки. Так мне кажется.

Я бросил взгляд на расходомер горючего. Проклятое долгое торможение обошлось мне в немалую долю запаса «дельта *v*». Выбора уже не осталось.

— Сдается мне, твоя догадка верна — так что будем садиться. Посмотрим, сумеет ли наш дружок рассчитать орбиту параболического спуска с этой высоты — потому что я намерен полностью погасить скорость и попросту свалиться вниз, едва мы окажемся над ровным местом. Что скажешь?

— Гм, надеюсь, у нас хватит горючего.

— Я тоже. Гвен?

— Да, сэр?

— Дорогая девочка, нам было так хорошо вдвоем.

— О Ричард! Да!

— О сэр, кажется, я больше не могу...— послышался сдавленный голос Билла.

Я в этот момент разворачивал корабль для торможения.

— Заткнись, Билл, нам не до тебя!

Альтиметр показывал восемьдесят с чем-то. Интересно, сколько времени уйдет на свободное падение с восьмидесяти километров при одной шестой «g»? Включить, что ли, компьютер да спросить? Или прикинуть в уме? Вдруг этот ненормальный снова врубит двигатель, едва я его включу?

Лучше не рисковать. Не подойдет ли метод линейной аппроксимации? Так, посмотрим... Расстояние равняется ускорению, деленному пополам и умноженному на время в квадрате, все в сантиметрах и секундах. А восемьдесят километров равны восьмидесяти тысячам, нет, восьмистам... Нет, восьми *миллионам* сантиметров. Правильно или нет?

Одна шестая «g»... Нет, половина от ста шестидесяти двух. Меняем местами, берем квадратный корень...

Сто секунд?

— Гвен, долго мы будем падать?

— Примерно семнадцать минут. Приблизительно — я округляла, когда считала в уме.

Я быстренько заглянул себе под череп, понял, что не учел вектор движения вперед — ведь какая-то горизонтальная скорость у нас осталась,— и что моя «аппроксимация» ни в какие ворота не лезет.

— Достаточно близко. Поглядывай на допплер: сейчас погашу немного орбитальной скорости. Только проследи, чтобы я не свел ее к нулю — вдруг нам придется маневрировать перед касанием.

— Есть, шкипер!

Я включил компьютер: двигатель мгновенно взревел. Я дал ему поработать пять секунд, затем обесточил компьютер. Двигатель всхлипнул и затих.

— Знаешь,— печально заметил я,— это чертовски неудобный способ давить на газ. Как наши дела, Гвен?

— Ползем с черепашьей скоростью. Нельзя ли развернуться и взглянуть, куда нас несет?

— Само собой.

— Сенатор...

— Билл, *заткнись*! — я развернул космокар на сто восемьдесят градусов.— Ну как, есть впереди симпатичная ровная лужайка?

— На вид-то она ровная, Ричард, но до нее пока что семьдесят километров. Может, стоит опуститься впритирку и лишь тогда окончательно погасить орбитальную скорость? Ты сможешь увидеть скалы и быстро увернуться.

— Разумно. До какой высоты?

— Километр подойдет?

— По-моему, достаточно близко, чтобы расслышать шелест крыльев Ангела Смерти. И сколько времени у нас останется? В смысле, на падение с километровой высоты?

— Так... квадратный корень из тысячи двухсот... Около тридцати пяти секунд.

— Годится. Продолжай наблюдать за высотой и местностью. Когда спустимся до двух километров, начну понемногу гасить

орбитальную скорость. После этого у меня должно остаться время для разворота на девяносто градусов — кормой вниз. Гвен, и зачем только мы вылезали из постельки...

— Я тщетно пыталась вам это втолковать, сэр. Но я в тебя верю.

— Чего стоит вера, не подкрепленная делом? Эх, оказаться бы сейчас в Падуке... Время?

— Около шести минут.

— Сенатор...

— Билл, заткнись. Не сбросить ли половину оставшейся скорости?

— Импульс на три секунды?

Я дал трехсекундный импульс, пользуясь все тем же дурацким способом для запуска и остановки двигателя.

— Две минуты, сэр.

— Следи за допплером. И дашь знать.

Я запустил двигатель.

— Хватит!

Я тут же его выключил и начал разворачивать космокар — кормой вниз, «ветровым стеклом» вверх.

— Показания?

— По-моему, будь внизу океан, мы бы уже утонули. Но шутки в сторону — посмотри на указатель топлива.

Я взглянул и помрачнел.

— Ладно, не буду тормозить, пока не спустимся совсем низко.

«Вольво» опускался кабиной вверх, и мы видели впереди только небо. В левый иллюминатор можно было увидеть поверхность Луны под углом примерно сорок пять градусов. В правом, если взглянуть мимо Гвен, она тоже виднелась — далекая, под дурацким углом, и потому бесполезная.

— Гвен, какова длина этого попрыгунчика?

— Никогда не видела их целиком, только в ангаре. А это имеет значение?

— Еще какое, черт побери,— когда я прикидываю расстояние до поверхности, поглядывая через плечо.

— А-а. Я думала, ты спрашиваешь точную цифру. Считай, метров тридцать. Одна минута, сэр.

Я уже собрался дать короткий тормозной импульс, но меня опередил Билл. Оказывается, бедняга весь полет мучился от морской болезни, но в тот момент я предпочел бы увидеть его не за спиной, а в гробу. Его обед, пролетев над нашими головами, врезался в передний иллюминатор и равномерно его покрыл.

— *Билл!* — заорал я.— Прекрати безобразие!

(Не стоит и упоминать, что требование мое оказалось чрезмерным.)

Билл выдал лучшее, на что был способен. Повернув голову, он накрыл вторым залпом левый иллюминатор, предоставив мне управлять вслепую.

И я попробовал. Не отрывая глаз от радарного альтиметра, я коротко тормознул,— и остался без альтиметра. Уверен, что когда-нибудь, возможно еще и при моей жизни, проблема точного измерения расстояния на близких дистанциях — измерительным лучом, проходящим сквозь выхлоп двигателя, и поправкой на высоту «травки» на поверхности — будет решена. Я просто родился слишком рано, вот и все.

— Гвен, я ничего не вижу!

— Зато я вижу, сэр.

Она ответила невозмутимо, спокойно и ровно — как и подобает настоящей подруге капитана Полночь. Повернув голову направо, она вглядывалась в поверхность Луны, держа палец на сетевом выключателе компьютера — нашей аварийной «педали газа».

— Пятнадцать секунд, сэр... десять... пять...

Она перебросила выключатель.

Двигатель выплюнул короткую вспышку, я ощутил нежный толчок, и мы снова обрели вес.

Гвен повернула ко мне голову и улыбнулась:

— Второй пилот докладывает...

И тут же ее улыбка сменилась испугом — наш кар принялся вращаться.

Вы когда-нибудь играли в детстве волчком? Тогда знаете, как он себя ведет, замедляя вращение — его ручка начинает описывать все более широкие и низкие окружности, все ниже и ниже, а

потом волчок валится на бок и замирает. Именно это и проделал наш паршивый «вольво».

Кончилось все тем, что он улегся во всю длину и перевернулся. А мы — пристегнутые и без единой царапины — повисли в креслах вниз головой.

— ...посадка совершена, сэр,— закончила Гвен.

— Благодарю вас, второй пилот.

10

Овцам не имеет смысла голосовать за вегетарианство, если волки остаются на противоположных позициях.

Уильям Ральф Индж (1860–1954)

Каждую минуту кто-то рождается.

П.Т. Барнум (1810–1891)

Я добавил:

— Прекрасно выполненная посадка, Гвен. «Пан-Американ» никогда бы не сумела посадить корабль мягче!

Гвен оттянула полы своего кимоно и потупилась.

— Вовсе не такая уж прекрасная. У нас просто кончилось горючее.

— Ну-ну, не скромничай. Меня особенно восхитил последний маленький гавот, которым наш кар отметил соприкосновение с поверхностью. Вполне подходяще, учитывая, что у нас здесь нет трапа для спуска на поле.

— Ричард, почему же так получилось?

— Затрудняюсь ответить. Возможно, удружил гироскоп — заклинило при посадке. Нет данных, значит, нет и мнения. Дорогая, а ты очень соблазнительно выглядишь с задранным подолом. Тристрам Шенди был прав: женщина показывает свое самое лучшее, задирая юбку на голову.

— Сомневаюсь, что Тристрам Шенди такое произносил!

— Ну, тогда ему следовало это сказать. А у тебя прелестные ножки, моя дорогая!

— Благодарю. Надеюсь, что это правда. А не мог бы ты любезно помочь мне избавиться от этого вороха тряпья? Мое кимоно запуталось в ремнях, и я не могу их отстегнуть.

— Не против, если я тебя сперва сфотографирую?

Гвен произнесла нечто, не вполне подходящее леди, что явилось наилучшим способом изменить ход моих мыслей. Отстегнув ремни, я быстро и чувствительно «приземлился» лицом на пол, бывший прежде потолком, перевернулся и начал освобождать Гвен. Пряжка ее ремня оказалась настоящей проблемой: сама она никак не смогла бы с ней совладать. Я, наконец, отстегнул ремни и, не дав ей упасть, поставил на ноги, завершив свои действия нежным поцелуем.

У меня было отчасти эйфорическое состояние — еще бы, всего за несколько минут до этого я ни гроша не поставил бы за благополучное прилунение! Гвен заслужила награды в полной мере.

— Ну а теперь давай освободим Билла.

— А почему бы ему самому не...

— У него же несвободны руки, Ричард!

Когда я выпустил мою леди из объятий и поглядел на беднягу, я все понял. Билл висел вниз головой с выражением смиренного мученика. Он крепко прижимал к животу мое, простите, *наше* японское деревце. Оно было невредимо. Билл торжественно и с оттенком извинения доложил Гвен:

— Я не выпустил его!

Я молча дал ему отпущение грехов, простив и «извержение» во время посадки... Всякий, кто ухитряется помнить о долге, схваченный мучительными приступами рвоты, не может быть негодяем!

(Но очиститься я предоставил ему самому — отпущение грехов вовсе не включает в себя услуги по очищению от грязи. И я не позволил бы этого и Гвен, а если бы она стала настаивать, то я вновь сделался бы «macho» и деспотичным супругом, не терпящим возражений!)

Гвен взяла деревце и пристроила его на «верхнюю» (бывшую нижнюю) поверхность кожуха компьютера. Пока Билл отстегивал ремни, я держал его за щиколотки и помог плавно спланировать на бывший потолок и встать на ноги.

— Гвен, можешь снова доверить Биллу заботы о горшке. Дерево мне мешает: я должен повозиться у компьютера и приборной панели.

Мог ли я вслух сказать, что меня заботит? Да нет, конечно, а то бы Билла начало снова рвать. А Гвен и сама все понимала.

Я лег на спину, полез под компьютер и постарался его включить.

Знакомый нагловатый голос прокричал:

— Семнадцатый, вы меня слышите? «Вольво» Би-Джей-семнадцать, ответьте. С вами говорит космопорт Гонконга-Лунного. Вызываю «вольво» Би-Джей-семнадцать!..

— Би-Джей-семнадцать на связи. Говорит капитан Полночь. Гонконг, я вас слышу.

— Какого дьявола вы не оставались на канале тридцать, Би-Джей? Вы пропустили контрольную точку для маневра. Теперь отваливайте. Я не смогу вас посадить.

— Никто не сможет, капитан Шишка. Я уже сел. Аварийная посадка. Отказ компьютера, неисправность гироскопа, сломалось радио, накрылись двигатели, пропала видимость. После посадки мы свалились на брюхо. Топливо кончилось, а местность такая, что взлететь все равно невозможно. А теперь еще затих очиститель воздуха.

Наступило выразительное долгое молчание.

— Tovarisch, вы уладили свои дела с Господом?

— Я был слишком занят для этого.

— Х-мм. Понятно... Каково давление в кабине?

— Эти кретинские лампочки все как одна светят зеленым. А манометра нет.

— Где вы находитесь?

— Понятия не имею. Эта гадость скурвилась в двадцать один сорок семь, как раз перед тем, как я собрался передать управление вам, и с тех пор мы катились вниз под горку на заднице. В тот момент мы находились на орбите «Золотого правила», все тормозные импульсы были тщательно сориентированы. Потом мы прошли, по-моему, над кратером Аристотеля в...

— В двадцать один пятьдесят восемь,— подсказала Гвен.

— В двадцать один пятьдесят восемь, как говорит второй пилот. Я посадил корабль в «море» южнее кратера. Кажется, в Море Грез.

— Погодите-ка. Вы все еще на терминаторе?

— Да, все еще на нем. Солнце прямо над горизонтом.

— Ну, тогда вы не слишком отклонились к востоку. Время посадки?

Я замялся, но Гвен прошептала:

— Двадцать два ноль три сорок одна.

Я повторил.

— Гм, гм. Дайте просчитать. В таком случае вы должны находиться к югу от Эвдоксуса, в северной части Моря Ясности. Видны ли горы к западу от вас?

— Очень высокие.

— Кавказская гряда. Вам повезло: может, еще доживете до повешения. Поблизости есть два обитаемых поселения. Их жители могут заинтересоваться вами и спасти... за фунт мяса около сердца плюс десять процентов комиссионных.

— Я заплачу.

— Еще бы! Но, коли вас спасут, не забудьте уплатить по счету и нам тоже. Мы вам еще когда-нибудь пригодимся. Ладно, я замолвлю за вас словечко. Оставайтесь на связи. Но не дай бог, если это очередная шуточка капитана Полночь. Если да, то я вырежу вашу печенку и зажарю ее.

— Капитан Шишка, мне жаль, что так получилось. Извините меня. Я просто дурачился со вторым пилотом и не знал, что микрофон не отключился. А ведь я сам повернул выключатель. Так что сами видите: целая коллекция неувязок...

— Вы не должны были «дурачиться», выполняя маневр!

— Знаю. Но... черт подери... второй пилот — это моя жена. Мы только сегодня поженились. И мне весь день хотелось смеяться и дурачиться. Такой уж день выдался!

— Ну, если это правда, то о'кей. Поздравляю вас. Но надеюсь, вы мне это потом докажете. А меня звать вовсе не Шишка, а Мэрси. Капитан Мэрси Чоу-Му. Я передам данные, и мы попытаемся найти вас с орбиты. А вам лучше перейти на одиннадцатый ка-

нал, аварийный, и напевать «Авария, авария»! А я слишком занят, так что...

Гвен, стоявшая на коленях возле меня, подала голос:

— Капитан Мэрси!

— А? Да!

— Я и вправду его жена, и мы вправду поженились только сегодня. Не будь он пилотом высшего класса, меня бы не было сейчас в живых. Никого бы не было. Все пошло наперекосяк, как он вам и сказал. Словно мы пилотировали бочку, падающую в Ниагарский водопад...

— Я никогда не видел Ниагарского водопада, но верю вам. Мои лучшие пожелания, миссис Полночь. Желаю вам долгой счастливой жизни и множества детей!

— Спасибо, сэр! Лишь бы нас нашли прежде, чем весь воздух вытечет отсюда, а там разберемся...

Мы с Гвен решили по очереди взывать «Авария, авария!» по одиннадцатому каналу. Отработав свое, я проверил запасы и оборудование старого доброго «вольво» Би-Джей-семнадцать — этой летающей жестянки. Согласно Бразильскому Протоколу, этот космокар должен иметь запас воды, воздуха, пищи, аптечку второго класса, необходимый минимум санитарных удобств и аварийные скафандры (стандарт ООН, спецификация 10007А) с расчетом на максимальную загрузку (четверо, включая пилота).

Билл усердно чистил иллюминаторы и прочие места салфетками, извлеченными из «бардачка»,— парик Наоми успешно перенес полет. Но у бедняги едва не лопнул мочевой пузырь, пока он не набрался смелости спросить меня, что ему делать. Пришлось учить его пользоваться пузырем... потому что «необходимый минимум санитарных удобств» оказался маленьким сверточком с подручными средствами и брошюркой, описывающей, как ими пользоваться, если уж вам настолько приспичило.

Прочие аварийные запасы оказались того же высокого стандарта.

Неподалеку от кресла пилота нашлась двухлитровая канистра с водой, почти полная,— и все. Впрочем, опасаться смерти от жажды не приходилось, поскольку запаса воздуха не оказалось

вовсе, и смерть от удушья все равно грозила нам гораздо раньше. Очиститель воздуха не работал, зато в нем имелось гнездо для рычага, при помощи которого можно было качать воздух вручную. Да вот незадача — самого рычага почему-то не оказалось. Запас пищи? Вы что, смеетесь? Но у Гвен в сумочке отыскалась плитка шоколада, и мы разделили ее на три части. Вкуснятина!

Скафандры и шлемы занимали большую часть грузового отделения за пассажирскими креслами — по четыре, как и полагается. Они оказались военными аварийными моделями и все еще в заводской упаковке. На каждом картонном ящике красовалось название фирмы («Мишелин», S.A.), и стояла дата выпуска (двадцать девять лет назад).

Если позабыть, что за это время из пластиков и эластомеров — то бишь шлангов, прокладок и прочего — улетучились пластификаторы, а некий остряк-самоучка не удосужился снабдить их баллонами с воздухом, то вид у скафандров был просто щегольский. Для бал-маскарада.

Однако выбирать нам не приходилось, и я мысленно приготовился вверить свою жизнь одному их этих шутовских нарядов минут на пять. А то и на целых десять, если альтернативой станет необходимость подышать вакуумом.

Но если бы мне предложили или надеть скафандр, или помериться силами с медведем гризли, я, не раздумывая, завопил бы:

— Подавайте сюда вашего медведя!

Нас вызвал капитан Мэрси и сообщил, что наши координаты, судя по сделанному спутником снимку,— тридцать пять градусов и семнадцать минут северной широты и четырнадцать градусов семь минут западной долготы.

— Я уведомил о вас поселения «Иссохшие кости» и «Сломанный нос» — они к вам ближе всех. Удачи.

Я попытался выжать из компьютера телефонный справочник Луны. Он продолжал валять дурака — я так и не смог заставить его выдать содержимое даже собственного диска. Тогда я подбросил ему пару простеньких задачек, и он принялся настаивать, что 2+2=3,99999999999999... Когда же я попытался заставить его признать, что 4=2+2, он очень рассердился и заявил, что

4=3,14159256358979323846264338327950284197169399375 11... И я сдался.

Я оставил одиннадцатый канал включенным на полную мощность и спустился с потолка. Гвен успела переодеться в голубое облегающее платье, дополнив его огненно-алым шарфиком. Вид у нее был весьма привлекательный.

— Милая,— заметил я,— я полагал, что все твои наряды остались на «Золотом правиле».

— Я успела кое-что сунуть в маленький чемодан, когда мы решили бросить багаж. Я не смогу притворяться японкой, умывшись... полагаю, ты уже заметил, что я так и поступила.

— Заметил. Только не очень старалась — особенно когда мыла уши.

— Вот привереда! Я лишь смочила платочек водой из нашего драгоценного запаса. Любимый, я не смогла прихватить для тебя костюмчик для сафари или нечто в этом роде. Но чистые брюки и пара носков найдутся.

— Гвен, ты не только полезна, ты еще и эффективна.

— Ах, «полезна»!

— Весьма, дорогая. Именно поэтому я на тебе женился.

— Вот даже как! Ну, погоди, когда я оценю степень оскорбления и предъявлю счет, ты будешь платить... и платить... и платить, платить, платить!

Конец нашей семейной сцене положил голос из динамика:

— «Вольво» Би-Джей-семнадцать, это вы передавали просьбу о помощи? Прием.

— Да, именно мы.

— Я Джинкс Гендерсон, «Служба счастливого спасения» поселения «Иссохшие кости». В чем вы нуждаетесь?

Я описал ситуацию и сообщил наши координаты.

— Вы раздобыли этот хлам в «Баджете», верно? — спросил Гендерсон.— Тогда мне понятно, что вы его не арендовали, а фактически купили, заключив с ними контракт о выкупе после окончания срока найма — я этих ворюг знаю. Юридически в данное время вы его владелец. Я прав?

Я признал, что по документам владелец космокара — я.

— Собираетесь взлететь и сесть в Гонконге? Если да, то что вам для этого требуется?

Я размышлял довольно долго, секунды три.

— Сомневаюсь, чтобы он смог взлететь. Требуется капитальный ремонт.

— Значит, его нужно отволочь на буксире в Конг. Это я смогу. Путь неблизкий, работа большая. А пока нужно спасти вас двоих, верно?

— Троих.

— Ладно, троих. Вы готовы записать текст контракта?

— Прикуси-ка язык, Джинкс! — вмешался в наш разговор женский голос.— Би-Джей-семнадцать, говорит Мэгги Сноджрасс, главный оператор и менеджер «Красных дьяволов» — пожарной, полицейской и спасательной команды поселения «Сломанный нос». Ни на что не соглашайтесь, пока не услышите мои условия... потому что Джинкс собирается вас ограбить.

— Привет, Мэгги. Как Джоэл?

— Бодр, как огурчик, и богаче, чем когда-либо. Как Ингрид?

— Упряма, как никогда, и заложила еще один пирожок в духовку.

— Вот здорово! Поздравляю! Когда ждете?

— На Рождество, а может, на Новый год — так мы прикинули.

— Обязательно загляну к ней до родов. А теперь окажи любезность — отойди в сторонку и не мешай заключить с этим джентльменом честную сделку. Или придется расколоть твою скорлупу и выпустить воздух. Я-то тебя вижу, ты только что перевалил через гребень. Я выехала одновременно с тобой, как только Мэрси передал координаты. Джоэл, сказала я мужу, «вольво» на нашей территории, но эта лживая бестия Джинкс наверняка попытается слямзить его у меня из-под носа. И ты меня не подвел, дружок,— легок на помине.

— И уходить не намерен, Мэгги,— даже готов подбросить тебе под гусеницу небольшое фугасное напоминание, если не угомонишься. Ты ведь знаешь правило: ничто на поверхности не принадлежит никому... если только ты не усядешься на этом месте... или же не поселишься на поверхности или под ней.

— Это ты так понимаешь правила, а не я. Их придумали крючкотворы из Луна-Сити, а я им никогда не давала полномочий говорить от моего имени. Давай-ка перейдем на четвертый канал — разумеется, если не хочешь, чтобы все в Конге услышали твои мольбы о пощаде и последний вздох.

— Ладно, пусть будет четвертый, Мэгги, старая ты пердунья.

— Четвертый канал. Ты кого нанял, чтобы вытащить эту рухлядь, Джинкс? Если бы ты всерьез собирался спасать, ты явился бы сюда с транспортером вроде моего, а не на грузовичке-роллигоне.

Я переключился на четвертый канал одновременно с ними и теперь молча слушал. Они показались из-за горизонта почти одновременно, Мэгги с юго-запада, Джинкс с северо-запада. Я легко видел обоих, поскольку наш главный иллюминатор после падения смотрел на запад. Роллигон (судя по разговору, то был Гендерсон) оказался чуть ближе к нам, и перед самой его кабиной торчало нечто вроде базуки. Транспортер Мэгги был длинный, гусеничный и с мощным краном на корме. Базуки я не разглядел, зато заприметил полуавтоматическую пушку Браунинга дюймового калибра.

— Мэгги, я поспешил сюда на ролли из гуманных соображений... тебе этого просто не понять. Но мой сынишка Вольф уже ведет сюда мой транспортер, а его сестричка Гретхен сидит в орудийной башенке. Скоро подъедут. Так что, вызвать их и велеть ехать домой? Или ехать поскорее, чтобы отомстить за папочку?

— Джинкс, неужели ты всерьез думаешь, будто я стану дырявить тебе кабину?

— Да, Мэгги, уверен, что станешь. И тогда у меня в аккурат хватит времени шарахнуть тебе под гусеницу — как раз туда я сейчас нацелился. Слыхала, что такое «покойник-триггер»? Я-то помру, а ты с подбитой гусеницей останешься проверить, что мои детки сделают со злодеем, прикончившим папочку... кстати, у пушки на моем транспортере дальнобойность разика в три больше, чем у твоего горохострела. Поэтому я ее и купил... когда Хови погиб от несчастного случая.

— Джинкс, ты что, хочешь вывести меня из себя этой старой байкой? Хови был моим партнером. Стыдись!

— Тебя никто и не обвиняет, милочка. Всего лишь подозрения. Ну так что же, дождемся моих крошек? Или разойдемся подобру-поздорову?

Я надеялся, что мои антрепренеры именно так и разойдутся, ибо лампочка воздушного давления в нашем каре стала мигать красным светом, а у меня в голове начало что-то прыгать. Не исключено, подумал я, что кувыркания кара после посадки вызвали медленную утечку воздуха. Я колебался между искушением поторопить их и осознанием того, что моя покупательная способность после такого призыва упадет до нуля или даже зашкалит на минусе.

Миссис Снодграсс задумчиво промолвила:

— Ну ладно, Джинкс, нет смысла тащить этот хлам к твоей берлоге да и к моей тоже, когда расстояние до Конга на целых тридцать километров меньше от меня, чем от тебя. Так?

— Простая арифметика, Мэгги! Но в моей телеге достаточно места для трех пассажиров, кроме меня, а у тебя они вряд ли разместятся, даже если их уложить друг на друга, как горячие блины.

— Я могла бы их взять, но, думаю, у тебя места и впрямь побольше. Ну ладно, ты забираешь этих троих и даешь им убежище, ободрав их настолько, насколько позволит твоя совесть, а я беру брошенную рухлядь и извлекаю из нее все, что смогу. Хоть что-нибудь.

— Ну уж нет, Мэгги! Не будь такой великодушной. Я не хочу тебя ущемлять. Все пополам. И по списку. Контракты.

— Но, Джинкс, неужели ты думаешь, что я тебя надую?

— Давай не будем спорить, Мэгги, к добру это не приведет. К тому же, космокар вовсе не брошен — в настоящую минуту его владелец внутри. И ты, прежде чем увести машину, должна получить от него разрешение в письменном виде. Контракт. А если не проявишь благоразумия, тебе придется дождаться моего транспортера и вовсе не оставить здесь никакой чужой собственности. Никаких трофеев, просто договор о гужевой перевозке... плюс лестная для меня транспортировка владельца и его гостей.

— Мистер-как-вас-звать, не давайте этому Джинксу себя одурачить! Он отвезет вас и ваш кар к себе в капсулу и обдерет как

липку. Предлагаю вам тысячу крон наличными прямо сейчас за этот металлолом, в котором вы сидите.

Гендерсон отпарировал:

— Две тысячи — и я отвожу вас в свою капсулу. Не позволяйте сбить вас с толку! Один ваш компьютер стоит больше того, что она предлагает!

Я держался спокойно, пока эти два вурдалака примерялись, как бы разорвать нас на лакомые куски. Когда они договорились, то... согласился и я, лишь для формы поколебавшись. Я отрицал, что цена завышена, и утверждал, что объект продажи стоит куда дороже.

Миссис Снодграсс буркнула:

— Берите деньги или бросайте свою собственность!

Джинкс Гендерсон сказал:

— Я не для того покинул теплую постель, чтобы потерять денежку...

И я взял то, что предлагали...

Мы надели дурацкие заскорузлые скафандры, непроницаемостью близкие к плетеной корзинке. Гвен опасалась, что дерево-сан не выдержит наружного вакуума. Я попросил ее не говорить глупостей: кратковременный вакуум не смертелен для дерева, а другого выхода у нас и нет. Поручив деревце Биллу, она занялась мной.

Дело в том, что я не мог влезть в скафандр вместе с протезом. Пришлось его отстегнуть, и мне предстояло передвигаться прыжками. Ну и что? Мне уже доводилось это делать раньше, а притяжение в одну шестую облегчало задачу. Но Гвен решила меня опекать.

И мы пошли: впереди Билл с деревом, получивший от Гвен приказ дойти как можно быстрее и попросить мистера Гендерсона побрызгать на него водой. За Биллом ковыляли мы с Гвен, подобные сиамским близнецам. Она несла в левой руке чемоданчик, правой обнимала меня. Я положил свой протез на плечо, правой рукой опирался на трость, а левой обвил плечо Гвен. Мог ли я объяснять, что без ее помощи передвигаться было бы легче? Нет, не мог, и потому держал пасть на замке и позволял «помогать» мне.

Мистер Гендерсон впустил нас в кабину, наглухо задраил переборку и щедрым жестом раскупорил баллон с воздухом. Он тоже был в скафандре, ибо собирался пробежаться по вакууму. Я оценил по достоинству его щедрость в расходовании воздушной смеси. Она состояла из кислорода, с трудом добываемого из лунных скал, и азота, завозимого с Земли. Я положительно расценивал этот жест до тех пор, пока не узрел, во что он оценен самим хозяином в представленном нам увесистом счете...

Гендерсон помог Мэгги втянуть наш Би-Джей-семнадцать на ее транспортер с помощью крана и развернуть его на гусеничном ходу. После чего повез нас в свою капсулу под названием «Иссохшие кости». Я мучительно пытался сообразить, во что это нам обойдется. Не считая расходов на космокар, которые составили около двадцати семи тысяч, я заплатил каждому из спасателей по три тысячи, доведя эту плату с чаевыми до восьми тысяч... плюс по пятьсот с каждого из нас за стол и постель... плюс еще тысячу восемьсот за нашу доставку завтра (я это узнал позднее) в капсулу «Счастливый Дракон», откуда отходили автобусы-вездеходы до Гонконга Лунного.

На Луне куда дешевле умереть. И все же я был счастлив — мы живы! У меня есть Гвен, а деньги — дело наживное!

Ингрид Гендерсон оказалась очаровательной хозяюшкой — улыбчивой, хорошенькой и пухленькой от ожидаемого младенца. Тепло поприветствовав нас, она разбудила дочь и перевела ее в другую спальню на импровизированную постель. Нас поместила в комнате Гретхен, Билла поселила с Вулфом, из чего я, естественно, заключил, что угрозы Джинкса в адрес Мэгги были липовыми... А еще понял, что это не мое дело.

Наша хозяйка, пожелав спокойной ночи и сообщив, что выключатель в освежителе слева, покинула нас. Я поглядел на часы, перед тем как погасить свет.

Двадцать четыре часа назад незнакомец, назвавшийся Шульцем, сел за мой столик...

Книга вторая
СМЕРТОНОСНОЕ ОРУЖИЕ

11

Добрый Боже, дай мне целомудрие и умеренность...
но не сейчас, о Боже, еще не сейчас!

Бл. Августин (354–430)

Эта проклятая феска! Глупый псевдовосточный колпак, составивший пятьдесят процентов маскарада, который спас мне жизнь! Разумнее всего было бы теперь выбросить или уничтожить ее. Но я не сделал этого. Носить феску я тоже не мог — мне вовсе не улыбалось выглядеть каким-то масоном или хуже того — храмовником, тем более, что она была ворованной!

Можно украсть чей-то престол или марсианскую принцессу, или что-нибудь ради выкупа и чувствовать от этого прилив вдохновения.

Но колпак? Стянуть колпак — дело презренное. Да нет, я не резонерствую, мне просто неловко по отношению к мистеру Клейтону Расмуссену (его имя я обнаружил на внутренней стороне

фески), и я рассчитывал вернуть этот причудливый головной убор хозяину (когда-нибудь, как-нибудь, если представится случай, после дождичка в четверг...).

Когда мы выбрались с «Золотого правила», я засунул феску за пристежной ремень и забыл о ней. После посадки на Луну я отстегнулся, и она упала на потолок (ставший полом), но я не обратил на это внимания. Пока мы надевали свои смешные скафандры, Гвен подняла феску и протянула мне. Я запихнул ее внутрь костюма и застегнул молнию.

В доме Гендерсона в капсуле «Иссохшие кости» я почувствовал такую усталость, что еле стянул с себя костюм и не заметил, как феска выпала. Рухнув на постель, я едва успел обнять Гвен и проспал мертвым сном все восемь часов брачной ночи.

Полагаю, что моя новобрачная супруга спала не менее крепко. Ничего страшного — мы ведь кое в чем преуспели в предыдущую ночь!

Утром во время завтрака Билл вручил мне феску:

— Сенатор, вы обронили вашу шляпу в освежителе...

За столом сидели еще Гвен, Гендерсоны, Ингрид и Джинкс, Гретхен, Вулф, два их жильца, Элоиза и Эйса, и трое младших детей. Мне представился великолепный случай отречься от этого предмета, но вместо того я сказал:

— Спасибо, Билл!

Джинкс и Эйса переглянулись, после чего Джинкс сделал мне знак, которым обмениваются масоны. Во всяком случае, мне так показалось. А может быть, он просто случайно почесался. Ведь эти луниане постоянно чешутся: у них всегда зуд. Им ничто не может помочь — на Луне вечно не хватает воды!

Джинкс улучил момент, когда после завтрака мы остались одни, и произнес:

— Досточтимый...

— Чего? — спросил я необыкновенно находчиво.

— От меня не ускользнуло то, что вы уклонились от ответа за столом. Эйса тоже это заметил. Не могло ли это быть следствием вашего недовольства нашей вчерашней сделкой?

(Джинкс, ты меня надул в пропорции шесть к нулю!)

— Да что вы, не берите в голову! Нет никаких претензий.

— Вы в этом уверены? Я никогда бы не смошенничал с братом по ложе, да и ни с кем иным. Но я хочу быть особенно осторожен при сделках с «сыновьями вдовы», поскольку мы все одной крови. Если вам показалось, что вы переплатили за свое спасение, то назовите цену сами. Или вовсе не платите! — он прибавил: — Я не говорил вам еще о Мэгги Снодграсс: она вполне честно все подсчитала. Не исключено, что ее ждут даже убытки. Неизвестно, когда она сумеет продать... А вы знаете, где «Баджет» берет те обломки, которые сдает людям в аренду?

Я признался, что не имею понятия. Тогда он поведал мне:

— Каждый год солидные арендаторы вроде «Гертца» и «Интерплэнет» выбрасывают на рынок подержанные машины и широко оповещают об этом. «Баджет джетс» скупает самый что ни на есть бросовый хлам на этом рынке, кое-как латает на своем полигоне на отшибе от Луна-Сити, собирая, возможно, из трех каров два, а остатки продает как лом. Та развалина, на которой вы прилунились, обошлась вам в двадцать шесть кусков... но если «Баджет» на деле всадил в нее больше пяти тысяч, то я готов уплатить вам разницу и в придачу поставить еще выпивку!

Так вот, Мэгги взялась снова ремонтировать эту посудину. Но она-то сделает по-честному и с гарантией и продаст без обмана — как нестандартную отремонтированную машину. Может, она выручит за нее десять кусков, может, дюжину, но это после тяжкой возни и обследования. И если нам в результате останется по три тысячи, то я буду очень удивлен. А может, будут одни убытки. Дело рискованное...

Я произнес в ответ несколько лживых заверений в том, что верю в его искренность, и постарался, надеюсь, убедить его, что мы с ним — не братья по ложе и что я не претендую ни на какие скидки, а феску просто нашел в «вольво».

(Непроизнесенная догадка: мистер Расмуссен еще до меня нанял эту вагонетку в Луна-Сити и обронил в ней феску, когда прибыл на спутник.)

Я еще сказал, что имя владельца на феске указано, и я собираюсь ее вернуть.

Джинкс спросил:

— А у вас есть адрес?

Я ответил, что есть лишь название храма, оно вышито на феске.

— Отдайте ее мне,— протянул руку Джинкс,— я избавлю вас от забот и расходов по ее отсылке на Землю.

— Каким образом?

— Я, к счастью, знаю кое-кого из тех, кто прибудет в субботу в Луна-Сити. Сбор досточтимых отложен до воскресенья, он состоится после того, как они освятят госпиталь для детей-инвалидов. В центре, где проходят собрания, есть бюро находок. И раз имя владельца на феске указано, она будет ему доставлена еще в субботу, так как вечером намечены состязания-тренировки команд, а член команды — если хозяин фески в ней состоит — без своего головного убора так же гол, как барменша без золотых сережек!

Я передал красный колпак Джинксу. И понадеялся, что вопрос исчерпан.

Гораздо более важной оказалась проблема скафандров. Их у нас не было. Это констатировал Джинкс:

— Вчера ночью я ничего не сказал о тех дырявых тряпках, так как выбора не было. Надо было либо рискнуть, либо погибнуть. Можно было бы рискнуть и сегодня, но есть другой вариант — загнать багги в ангар с воздухом, тогда вы сядете в него без скафандров. Разумеется, будет зря потрачено огромное количество воздуха. Потом придется повторить операцию на другом конце маршрута, что обойдется еще дороже — их ангар больше нашего.

Я сказал, что заплачу, ибо не представлял, как можно в сложившейся ситуации избежать расходов.

— Дело не в деньгах. Вы вчера пробыли в моей кабине двадцать минут и выдули целую бутыль воздуха. А ведь вчера солнце только начинало вставать. Сегодня температура на пять градусов выше. И всю дорогу отсюда до «Счастливого Дракона» его лучи будут греть бок кабины. Ну да, Гретхен постарается держаться, насколько возможно, в тени, у нас ведь дети не тупицы. Но все равно нагретый воздух в кабине через малейшие трещины может вытекать наружу. Поэтому гораздо целесообразнее герметизиро-

вать одежду, а не кабину, использовав ее стенки как солнцезащитный экран. Не хочу вас обманывать — если бы у меня были скафандры, я бы заставил вас купить три новых, но у меня их нет. И ни у кого в нашей капсуле лишних не найдется. Нас тут около ста пятидесяти, и все мы покупаем скафандры в Конге. Вы тоже должны будете это сделать.

— Но ведь я пока что не в Конге!

У меня уже больше пяти лет не было скафандра, как и у большинства жителей «Золотого правила»: они там не нужны, поскольку люди не выходят на наружную поверхность спутника-поселения. Разумеется, там полно персонала и обслуги, которые держат свои скафандры наготове (как бостонец держит калоши!). Но обычные жители, в том числе и важные персоны и богачи, даже не знают, как они надеваются.

Что касается луниан («лунни»), то они — совсем другая порода. Сегодня в Луна-Сити каждый обязательно имеет скафандр, хотя больше миллиона жителей крайне редко или вовсе не выходят наружу. Горожане с детства знают, что покрытие их города, обеспечивающее тепло, свет и удобства, может быть разрушено бомбой, метеором, террористами, сейсмическими катаклизмами или другим таким же непредвиденным бедствием.

Пионеры типа Джинкса пользуются скафандрами так же, как шахтеры на астероидах. Сам Джинкс даже не работает в своей ферме-туннеле, там трудятся члены его семьи. Он, главным образом, подвизается как механик, имеющий дело с тяжелыми машинами и конструкциями, и поэтому всегда на работе должен быть в скафандре. Его «Служба счастливого спасения» — лишь одно из дюжины с лишним предприятий, где он работает. Это и «Компания по добыче льда», и «Гужевые перевозки Гендерсона», и «Буровые, сварочные и монтажные подряды Джона Генри», и многое другое. Вы только киньте идею, а Джинкс сам придумает, как создать новую фирму!

Джинкс придумал, как отвезти нас в «Счастливый Дракон». Гвен и Ингрид примерно одной комплекции, если не считать временного увеличения Ингрид в области «экватора». У нее имелся специальный скафандр для беременных, с бандажом, который

можно было постепенно расставлять (она его уже неоднократно использовала!), но наличествовал и другой, обычный, в тот она теперь влезть не могла. Зато Гвен — могла.

Джинкс и я тоже одинакового роста, и у него тоже было два очень хороших скафандра. И я понял, что он готов одолжить мне один из них, как столяр одалживает свой инструмент напарнику. Он просто вынужден был прийти к такому решению: ведь вначале мы фигурировали как платные гости, теперь же ему грозило, что мы станем просто гостями, раз уж наши денежки уплыли к нему! Но даже при горячем желании он не смог бы нас разместить. Лишних комнат у Гендерсонов не имелось.

Поэтому уже около десяти часов утра мы были одеты в скафандры: я в прекрасный Джинксов, Гвен — в «небеременный» скафандр Ингрид, а Билл — в извлеченный из закромов скафандр, принадлежавший еще основателю «Иссохших костей» мистеру Сопи Маккалахану, прибывшему на Луну давным-давно, еще до Революции, в качестве отнюдь не добровольного гостя правительства.

Предполагалось, что мы в этих скафандрах пробудем до высадки в «Счастливом Драконе», там переоденемся тоже во временно одолженные скафандры, а по прибытии в ГКЛ отошлем их обратно с водителем рейсового автобуса. А скафандры Гендерсонов из «Счастливого Дракона» отвезет домой Гретхен на своем (вернее, Джинксовом) вездеходе, на который мы как раз собирались погрузиться. А в Гонконге Лунном завтра мы сможем купить себе новые скафандры.

Я заговорил с Джинксом относительно платы за прокат скафандров и почти услышал, как защелкали «счеты» в его голове. Он, наконец, произнес:

— Вот что я вам скажу, сенатор: те скафандры, что были в вашем драндулете, почти ничего не стоят. Но шлемы и металлические части можно каким-то образом использовать. Отдайте их мне и пришлите мои скафандры назад в том же виде, в каком я их вам дал, и мы будем квиты. Если не возражаете.

Я, естественно, не возражал. Те идиотские скафандры были бы великолепными, но... двадцать лет назад. Сегодня же для меня они ничего не значили.

Оставалось всего одна проблема: дерево-сан.

Я подумал, что следовало бы проявить твердость с моей любимой — намерение далеко не так просто реализуемое. Но оказалось, пока я беседовал с Джинксом, Гвен успешно решила вопрос о деревце с... Эйсой!

У меня не было оснований думать, что Гвен обольстила Эйсу, хотя Элоиза наверняка так и подумала. Однако у лунни особое отношение к сексу еще с тех пор, как количество мужчин на Луне вшестеро превышало численность женщин. И поэтому право выбора всегда принадлежало не мужчинам, а женщинам. И Элоиза глядела на Гвен вовсе не рассерженно, а просто с любопытством... Впрочем, я посчитал, что это меня вовсе не касается.

Эйса соорудил надувной баллон из силиконовой резины с щелью, через которую он всунул внутрь деревце, а потом заварил отверстие, предварительно заполнив баллон воздухом объемом почти с бутыль. Я рванулся было платить, но Эйса лишь осклабился на Гвен и покачал головой. Так вот, я не знаю, как они поладили! И не решусь дознаться...

Ингрид всех расцеловала на прощанье и взяла с нас слово, что мы ее навестим. Идея неплохая, хотя вряд ли осуществимая.

Гретхен болтала всю дорогу и, вроде бы, вовсе не смотрела, куда едет. Она была блондиночкой с косичками и ямочками на щеках, уже на несколько сантиметров переросшей свою матушку, но еще не потерявшей детской округлости. Наше путешествие произвело на нее большое впечатление. Сама она дважды побывала в Гонконге и разочек в Новилене (Новом Ленинграде), где люди говорят так смешно. Но в будущем году, когда ей стукнет четырнадцать, она съездит в Луна-Сити и потолкается там среди местной молодежи, а может, и привезет домой муженька.

— Мама совсем не хочет, чтобы у меня был бэби от кого-нибудь из «Иссохших костей» или даже «Счастливого Дракона»! Она говорит, что я обязательно должна дать детям новые гены со стороны. А вы что-нибудь знаете об этом? О свежих генах?

Гвен уверила ее, что знает и согласна с Ингрид: браки с чужаками очень полезны и необходимы. Я не вмешивался в их беседу,

хотя был тоже согласен: полтораста жителей — вовсе не достаточный банк для здоровой генной политики.

— Это случится так же, как мама раздобыла папу. Она его отыскала. Он родился в Аризоне (это часть Швеции там, на Земле) и прибыл на Луну с подрядчиком из Пикардийских трансмутационных плантаций. Мама встретила папу на маскараде, а после предложила ему взять наше семейное имя, когда уже была уверена насчет Вулфа (я так думаю). Она привезла его в «Иссохшие кости» и приладила к бизнесу.

Гретхен улыбнулась, показав ямочки. Мы болтали через шлемофоны, но я видел ее личико сквозь шлем, освещаемый лучами солнца.

— Я тоже найду мужа и отдам ему свою долю в семейном бизнесе. Но мама говорит, чтобы я не хватала первого попавшегося парня, даже если он мне будет по душе. Она велит не торопиться и не огорчаться, пусть даже я до восемнадцати лет останусь старой девой. Да я и сама не хочу никого случайного. Он должен быть таким же хорошим человеком, как мой папа.

Я подумал, что поиски могут оказаться довольно долгими. Джинкс Гендерсон, урожденный Джон Черный Орел,— это настоящий мужчина!

Когда мы, наконец, добрались до паркинга «Счастливого Дракона», настало время захода солнца... в Стамбуле, как заметил бы всякий смотрящий. Земля виднелась к югу от нас примерно на шестьдесят градусов, и терминатор на ней проходил сейчас через Североафриканскую пустыню, Турцию и Греческий архипелаг. Солнце стояло низко над горизонтом градусов на девять-десять и еще поднималось. Предстояло около четырнадцати дней солнечного света в «Счастливом Драконе» перед следующим долгим периодом тьмы.

Я спросил Гретхен, не собирается ли она сразу повернуть назад.

— О нет,— ответила она,— мама бы этого не одобрила. Я здесь переночую, постельных скаток в вездеходе хватит, и отправлюсь завтра утречком, после того как вы погрузитесь в автобус.

— Но в этом нет необходимости, Гретхен,— возразил я.— Как только мы попадем в эту капсулу и вернем костюмы, вы сможете уехать домой.

— Мистер Ричард, вам что, хочется, чтобы меня отшлепали?

— Как, то есть, отшлепали? Ваш папаша не станет этого делать, вы уже почти взрослая девушка!

— Можете сообщить это моей маме. Папочка, конечно, не станет, он уже не шлепает меня много лет. Но мама считает, что меня следует шлепать, пока я не выйду замуж. Она же у нас террористка, ее прямой предок — Хэйзел Стоун! Она велела проследить, чтобы вы получили костюмы и Чарли вас не надул. А если у него не найдется подходящих, то вы до самого Конга отправитесь в наших и перешлете их обратно с Лилибет. Мама еще сказала, чтобы я проследила, как вы устроитесь в автобусе.

— Гретхен,— вмешалась Гвен,— но ваш отец предупредил, что автобус не двинется до тех пор, пока не наберется полное количество пассажиров. Это может протянуться день или два. А может, и дольше.

— Разве это так уж страшно? — хихикнула Гретхен.— У меня получаются еще одни каникулы! И делать будет нечего, кроме того как смотреть эпизоды из «Второго замужества Сильвии». И пусть кто-нибудь посочувствует бедной Гретхен! Миссис Гвен, вы можете позвонить маме сейчас же, если хотите... но у меня есть четкий наказ.

Гвен умолкла, по-видимому, приняв доводы девочки. Мы подъехали к стоянке в пятидесяти метрах от ворот (воздушного шлюза) «Счастливого Дракона», ведущих внутрь горы. «Дракон» располагался в южных отрогах «Кавказской гряды» на северной широте тридцать два градуса двадцать семь минут. Я ждал на одной ноге, опираясь на трость, в то время как Гвен и Билл пытались оказать совершенно излишнюю помощь юной леди, расторопно сооружающей навес-тент для защиты вездехода от прямых лучей солнца в течение ближайших двадцати четырех часов.

Затем Гретхен связалась с матерью по рации, доложила о благополучном прибытии и пообещала позвонить завтра утром.

Мы прошли через шлюз. Гвен несла сумку и чемодан, а также «нянчила» меня, Билл тащил сверток с париками и нарядом Наоми, в придачу к баллону с деревцем, а Гретхен — громадную скатку с постельными принадлежностями. Внутри капсулы мы помогли друг другу раздеться. Я приладил свой протез, Гретхен

повесила мой и свой скафандры на длинной вешалке напротив входа, а Билл и Гвен сделали то же со своими.

Гвен с Биллом подняли вещи и направились в освежитель рядом с вешалкой. Гретхен хотела последовать за ними, но я ее остановил:

— Гретхен, может, я подожду, пока вы втроем вернетесь назад?

— А зачем, сенатор?

— Но ведь скафандр вашего отца очень дорого стоит, и тот, что был на миссис Гвен,— не меньше. Может, тут все исключительно честны, но ведь вещи-то не мои!

— О, может, все и честны, но дело не в этом. Так говорит папа. Я не могу оставить здесь это милое деревце, но насчет скафандров беспокоиться не следует: никто не посмеет и притронуться к чужому скафандру. Это абсолютно исключено! То же самое — на других воротах-шлюзах.

— И на тех шлюзах дело обстоит так же?

— Да, сэр. И всякий знает, что допустить такого нельзя. Однажды, еще до моего рождения, один случай кражи произошел. Какой-то малый, новичок, еще не знавший правил... Но повторить он уже никогда не смог бы, так как стражники настигли его и вернулись назад со скафандром. Но без того типа. Его оставили «сохнуть» прямо в горах. Я видела, что от него осталось. Жуть! — Гретхен наморщила свой носик, потом заулыбалась, продемонстрировав ямочки на щеках.— А теперь не извините ли вы меня, сэр? Я еле сдерживаюсь, чтобы не намочить свои трусики.

— Простите меня!

Я же совсем глупый! Скафандры на женщинах закрываются точно так же, как на мужчинах. Но какой же гигант мысли не учел, что женщина устроена несколько иначе? И я сильно подозреваю, что женщины в таких костюмах терпят большие неудобства при отправлении некоторых естественных надобностей. Я даже слышал о таких унизительных приспособлениях, как «коробки с песком»!

Моя супруга ждала меня на пороге освежителя. Она вручила мне монетку в полкроны.

— Не уверена, что у тебя найдется мелочь, милый!

— ?

— Для освежителя. О воздухе мы позаботились: Гретхен уплатила за нашу дневную норму, а я вернула ей деньги. Мы снова в лоне цивилизации, мой дорогой! Никаких бесплатных ланчей!

Да уж, ничего бесплатного. Я поблагодарил Гвен.

Когда я предложил Гретхен поужинать с нами, она ответила:

— Благодарю вас, сэр. Я согласна. Мама мне разрешила. Но не хотите ли сперва попробовать трубочки с мороженым? Мама дала на это деньги и велела угостить вас. Поскольку до ужина мы должны успеть сделать несколько дел.

— Спасибо. Разумеется. Мы целиком в вашей власти, Гретхен. Вы искушены в здешних правилах, мы же неофиты.

— А что значит «неофиты»?

— Новички, новые ребята.

— Ну ладно. Во-первых, мы должны зайти в отсек-туннель «Спокойные сновидения» и расстелить свои постели так, чтобы всем оказаться рядом.

Вот тут я и понял, почему скатка Гретхен была такой громадной — ее мамочка предусмотрела постели для всех нас!

— Но еще раньше нужно отметить ваши имена у Лилибет, чтобы она дала билеты на автобус. Но до этого все же — мороженое, ведь вы, наверное, так же хотите есть, как и я! А последнее, что мы должны сделать перед ужином,— это повидаться с Чарли и договориться насчет скафандров.

Мороженое продавалось в том же туннеле, где находились вешалки с одеждой, в лавочке «Дважды денди от Бородина», причем хозяин, Кэлли Бородин, сам же был и продавцом. В дополнение к щедро наполненным трубочкам он пытался всучить подержанные журналы с Земли, из Луна-Сити, из капсулы Тихо, а также сладости, лотерейные билеты, гороскопы, газеты «Лунная правда», «Лунатик Луна-Сити», поздравительные открытки, имитирующие продукцию Холлмарка, омолаживающие пилюли и опохмеляющие снадобья, изготовленные по старинным цыганским рецептам. Он соблазнял нас тем, что если мы польстимся на покупки, то вторая порция мороженого будет выдана бесплатно или будут возвращены деньги за первую. Гретхен, поймав мой взгляд, отрицательно покачала головой.

Когда мы отошли от лавочки, она заметила:

— У Кэлли двойная бухгалтерия: одна для чужих, другая для знакомых. Но ему неизвестно, что я прекрасно об этом знаю. Сэр, вы уплатили за трубочки, но, если я не верну вам деньги, меня отшлепают. Мама ведь обязательно об этом спросит, и я скажу ей правду.

Я немного подумал и ответил:

— Гретхен, мне не верится, чтобы ваша мама наказала вас за мой собственный поступок!

— О нет, она накажет меня, сэр! Она же велела держать деньги наготове. Я так и сделала.

— А она шлепает по-настоящему? И по попке?

— О да, да! И очень больно!

— Вы меня заинтриговали. Ведь ваша маленькая попочка совсем порозовеет, пока вы будете плакать!

— Но я вовсе не собираюсь плакать... ну, не очень!

— Ричард!

— Да, Гвен?

— Прекрати!

— Послушай, женщина! Не вмешивайся в мои отношения с другой женщиной! Я...

— Ричард!

— Что, дорогая?

— Учти, что мама отшлепает.

И я согласился взять у Гретхен деньги за трубочки. Я ведь всего лишь муж под каблуком!

Мы подошли к плакату, на котором значилось:

Автобусная компания «Апокалипсис и Пришествие Царствия».

Минимальная загрузка — двенадцать (12) пассажиров.

Чартерные поездки во всех направлениях по соглашению.

Следующий рейс на ГКЛ — не ранее полудня завтра, 3 июля.

Под плакатом, покачиваясь в кресле, с вязанием в руках, сидела пожилая леди. Гретхен обратилась к ней:

— Приветик, тетя Лилибет!

Леди отложила вязание, подняла глаза и просияла.

— О Гретхен, голубка! Как твоя мамуля, родная?

— Прекрасно. Толстеет день ото дня. Тетя Лилибет, я хочу познакомить вас с нашими друзьями — мистером сенатором Ричардом, миссис Гвен и мистером Биллом. Им нужно поехать в Конг.

— Рада познакомиться, друзья. Буду счастлива доставить вас туда. Рассчитываю выехать завтра в полдень, если вместо трех пассажиров наберется десять. Остальное возмещу перевозкой груза. Подходит?

Я уверил ее, что вполне и что мы прибудем к автобусу до полудня, одетые в скафандры и готовые к поездке. Затем она очень мило предложила места на теневой стороне автобуса, уже кем-то заказанные, но еще не оплаченные. И я заплатил — двенадцать сотен крон за троих.

После этого мы отправились в туннель «Спокойные сновидения». Не знаю, считалось ли это место отелем, но название «ночлежка» подошло бы ему гораздо больше. Это была пещера шириной чуть больше пяти метров, выбитая в скале и заканчивающаяся тупиком. Середину и левую сторону туннеля занимали каменные уступы, возвышавшиеся на полметра над уровнем пола. Справа шел проход. На уступах лежали топчаны с крупно написанными на них номерами. Больше половины их было уже занято спальными мешками или скатками. Наиболее близкое ко входу место было обозначено номером 50.

В середине прохода на правой стене зеленым светом был указан вход в освежитель, а в конце прохода за столиком сидел с книгой китайский джентльмен, одетый по моде тех времен, когда Нэйл Армстронг еще не сделал «маленького шажка» на Луну. Очки китайца выглядели такими же старомодными, как и его одежда, а лет ему можно было дать на девяносто больше, чем Господу Богу, зато достоинства было вдвое больше.

Когда мы подошли, он отложил книгу и улыбнулся Гретхен.

— Я рад вас видеть, Гретхен! Как поживают ваши высокоуважаемые родители?

Она присела.

— Они в порядке, доктор Чан, и шлют вам привет. Могу ли я представить наших гостей, мистера сенатора Ричарда, миссис Гвен и мистера Билла?

Он поклонился, не вставая с места, и сложил вместе ладони, приветствуя нас.

— Гости дома Гендерсонов всегда желанные и в моем жилище.

Гвен присела, я поклонился, Билл тоже, правда, после легкого тычка в ребро. Доктор Чан принял наше приветствие соответствующим образом. Гретхен приступила к делу.

— Мы хотели бы найти у вас приют на сегодняшнюю ночь, доктор Чан, если не возражаете. И еще — нельзя ли четыре местечка рядышком?

— Конечно да. Тем более, что ваша милая матушка уже мне об этом сказала. У ваших постелей номера четыре, три, два и один.

— О, чудесно! Спасибо, дедушка Чан!

Я уплатил — за троих, не за четверых — и не знаю, заплатила ли Гретхен, или получила счет, или что-нибудь еще, но денег, переходящих из рук в руки, я не увидел. Наши места стоили по пять крон, с умеренной доплатой за освежитель в две кроны, если мы пожелаем воспользоваться душем. Вода не лимитирована, мыло — еще полкроны.

Покончив с бизнесом, доктор Чан произнес:

— А бонсай-дереву воды не требуется?

Мы почти хором ответили, что требуется. Наш хозяин обследовал пленку, которой оно было покрыто, затем открыл ее и очень осторожно извлек деревце вместе с горшком. Ваза на его столике оказалась графином с водой, из которого он наполнил высокий стакан и, окуная кончики пальцев, стал опрыскивать растение. Пока он был занят этим, я покосился на его книгу: перед таким искушением я устоять не мог. Книга оказалась трактатом «Поход десяти тысяч» на греческом языке.

Мы оставили дерево-сан у него, а заодно и чемоданчик Гвен.

Следующий наш привал состоялся в закусочной «Стэйки Джейка», хозяин которой, как и доктор Чан, был китайцем, но совершенно другого пошиба и поколения. Он приветствовал нас так:

— Привет, братва! Чего вам? Гамбургеры, яичницу? Кофе, пиво?

Гретхен поговорила с ним на гортанном языке, по-моему, кантонском наречии китайского. Джейк выразил досаду и несогласие. Обмен репликами продолжался. Наконец он неохотно согласился:

— Ладно. Через сорок минут,— и отошел.

Гретхен сказала:

— Пойдемте отсюда, пожалуйста. Нам теперь надо к Чарли Вонгу насчет скафандров.

По дороге она тихонько заметила:

— Он хотел продемонстрировать свое кулинарное искусство, требующее большой возни. Единственным препятствием была цена. Он просил, чтобы я промолчала, когда он предъявит вам туристский счет, а я сказала, что раз так, то мой папа в следующий приезд отрежет Джейку уши и отдаст их ему в собственные руки. А он-то знает, что мой папочка вполне способен на такое!

Гретхен улыбнулась, смущенная и гордая.

— Моего папу в «Счастливом Драконе» очень, очень уважают. Когда я была еще маленькой, он утихомирил одного буяна, что приставал к певичке и чего-то от нее требовал, обещая заплатить после. Все здешние очень хорошо запомнили тот случай, а певички «Дракона» объявили маму и меня почетными членами их гильдии.

На вывеске было написано: «Вонг Чей Ли, одежда для леди и джентльменов. Починка скафандров».

Гретхен и тут представила нас и объяснила, в чем мы нуждаемся. Чарли Вонг кивнул:

— Автобус отправляется в полдень? Будьте здесь в десять тридцать. В Конге вы вернете скафандры моему кузену Джонни Вонгу, он работает в «Старине Монтгомери» в отделе скафандров. Я ему позвоню.

После этого мы вернулись к «Стэйкам Джейка», где нас ждали бифштексы, причем очень вкусные, сделанные по-настоящему, а не для рыночной шушеры. Еда была восхитительной, и мы наелись до отвала.

Когда же мы дошли до туннеля «Спокойные сновидения», то оказалось, что почти все места уже заняты спящими. Верхние огни были пригашены, помещение освещалось лишь ночниками, которые, высвечивая проходы, не били в глаза лежащим. На столике доктора Чана тоже горела лампа, прикрытая экраном. Он, по-видимому, был занят подсчетами, так как в одной руке держал древние счеты, а другой работал с терминалом. Чан тихонько поздоровался с нами, мы шепотом пожелали ему спокойной ночи.

Гретхен руководила нашими приготовлениями ко сну. Раздевшись, следовало сложить одежду под головой в качестве подушки. Я так и сделал, добавив туда и протез. Я остался в трусах, Гвен и Гретхен тоже не сняли трусиков, а Биллу пришлось снова натянуть свое исподнее, когда он обнаружил, что мы разделись не до конца. И мы направились в освежитель.

Эта уступка стыдливости оказалась нелишней: мы должны были мыться все вместе. В освежителе кроме нас находилось еще трое мужчин, и все они были совершенно голыми. Мы последовали древнему правилу, гласившему, что если нагота и демонстрируется, то на нее не обязательно смотреть. Те трое мужчин уж точно придерживались этого правила — мы были там, но как бы невидимые. Впрочем, не понимаю, как мог нормальный мужчина не заметить присутствия Гвен и Гретхен...

Я лично не смог проигнорировать присутствие Гретхен, и даже не пытался. Голенькая, она выглядела старше и была восхитительно-соблазнительной. Она оказалась вся покрыта загаром (с поправкой на освещение!), к тому же я разглядел еще кое-какие ямочки, которых не было видно через одежду. Но не следует особенно вдаваться в детали. Ведь все девочки в переходном возрасте очаровательны, а Гретхен еще и чудесно сложена. К тому же наделена солнечным характером. Вот кого бы сделать искушением Святого Антония!

Гвен вручила мне мыло.

— И прекрасно, милый, ты можешь потереть ей спинку, а спереди она помоется сама!

Я с достоинством отпарировал:

— Не понимаю, о чем ты? Я не стремлюсь никому тереть спинку, поскольку руки мне нужны для того, чтобы не потерять равновесие. Ты забываешь, что я здесь в роли уважаемой наседки...

— Ах, ты, оказывается, *наша* мамаша? Ну что ж... мать...

— Кто упомянул мать?.. Я был бы признателен, если бы ты выражалась поприличнее!

— Ричард, это ниже моего достоинства. Гретхен, ты сама помой ему спину, это безопаснее. Я буду в роли рефери.

Игра продолжалась, как всегда бывает, когда моются мужчины и женщины, со смешками и повизгиваниями. Даже Билл включился в игру, которая была не столь сексуальной, сколь задорной.

В двадцать два часа мы уже лежали на своих топчанах: Гретхен под самой стенкой, Гвен рядом, потом я, потом Билл. При силе притяжения в одну шестую земного каменное ложе казалось мягче пуховой перины в Айове.

Я заснул очень быстро, но вскоре — через час? через два? — проснулся из-за соседства чьего-то теплого тела, прижимающегося ко мне.

— Сейчас, лапушка? — и, проснувшись окончательно, спросил: — Это ты, Гвен?

— Это я, мистер Ричард! Вы, правда, хотели бы, чтобы моя попка совсем покраснела? И чтобы я плакала?

Я натужно прошептал:

— Девочка, иди обратно к стенке!

— Ну пожалуйста!

— Нет!

— Гретхен,— мягко произнесла Гвен,— иди туда, где твоя постель, пока ты не разбудила людей. Давай я помогу тебе перекатиться через меня.

Она это сделала, обняв женщину-ребенка и что-то нашептывая ей. Оставаясь рядышком, они заснули (я надеюсь) в обнимку.

Снова уснуть мне удалось нескоро.

12

Мы слишком горды, чтобы бороться.
Вудро Вильсон (1856–1924)

Насилие не решает ничего.
Чингис-хан (1162–1227)

Мыши за то, чтобы коты носили бубенчики.
Эзоп (ок. 620 — ок. 560 до н.э.)

Прощальные поцелуи через скафандры на редкость безопасны. Я об этом подумал, Гретхен, наверное,— тоже. Но так все же лучше.

Прошедшей ночью Гвен спасла меня от «участи хуже смерти», за что я был ей признателен. (Ну да, ну да,— умеренно признателен!) Конечно, старик, совращаемый созревающей девочкой (Гретхен должно исполниться только тринадцать через два месяца!),— явление довольно-таки комическое и мишень для насмешек любых «правильно мыслящих» людей!

И все же с того момента, как Гретхен показала мне, что не считает меня слишком старым, я ощущал себя все моложе и моложе (значит, к заходу солнца я могу впасть в последнюю стадию старческого «детства»!).

Поэтому считаем, что я благодарен Гвен. Это и будет официальная версия. Но по-моему, Гвен вздохнула с облегчением лишь после того, как Гретхен в полдень, прощально помахав нам рукой из кабины грузовика-вездехода своего отца, дождалась, пока мы тронулись на юг в автобусе (тоже вездеходе) тетки Лилибет. Автобус назывался «Услышь меня, Иисус!».

«Услышь» намного крупнее Джинксова грузовика. Его поверхность, ярко размалеванная сценами из Священного Писания, еще испещрена и цитатами из Библии.

Он был рассчитан на восемнадцать пассажиров плюс груз, не считая водителя и [illegible]елка-охранника, помещавшегося в башенке на крыше автобуса.

Шины вездехода имели чудовищные размеры: они были вдвое выше меня и заслоняли окна машины. Дно пассажирского салона покоилось на осях колес, расположенных на высоте человеческого роста. С обеих сторон автобуса между передними и задними колесами располагались двери и трапы. Из-за колес глядеть в окна почти невозможно, но лунни не слишком интересуются пейзажами родной планеты, да те и впечатляют больше с орбиты.

Наш путь пролегал по дну Моря Ясности от Кавказской гряды до Гемусовых гор. Некоторые полагают, что в лунных пейзажах таится некое очарование. Но уж очень скрытое, ибо поверхность была плоска, как блин, и настолько же «привлекательна», как холодные блины без масла или повидла.

И все же я был доволен, что тетушка Лилибет поместила нас в первом ряду справа — Гвен у окна, меня рядом, а Билла слева от

меня. Мы могли видеть все то, что попадало в поле зрения водителя, поскольку впереди нас находилось ветровое стекло, да немножко еще можно было увидеть и в окно, находившееся за краем переднего колеса, ось которого располагалась дальше нашего ряда. Вид справа, впрочем, был не очень ясным, поскольку пластмассовые окна от времени помутнели и покрылись трещинками. Зато вид через ветровое стекло был настолько ясен, насколько позволяли наши гермошлемы. В скафандрах, арендованных нами у Чарли Вонга, иллюминаторы оказались солнцезащитными, предохраняющими глаза от резких лучей, но вместе с тем обеспечивающими хорошую видимость. Те же качества отличают солнечные очки высокого класса.

Водительское место находилось у левого борта на возвышении, так что у тетушки Лилибет обзор был превосходным.

Мы почти не разговаривали друг с другом, ибо все переговорные устройства гермошлемов были настроены на одну и ту же волну и в наушниках стоял почти вавилонский гвалт, и мы их просто выключили. Я и Гвен могли переговариваться, прижимаясь шлемами, но это было не слишком удобно. Я развлекался тем, что пытался различить дорогу, по которой мы ехали. На Луне ведь не действуют магнитные компасы из-за отсутствия магнитного поля, а лунный спин равен одному полному обороту в месяц, что делает беспомощными также и компасы гироскопические. Можно использовать инерционные определители направления, но они очень дороги, хотя непонятно почему — ведь их производство для управления ракетными двигателями освоено давным-давно!

На этом участке поверхности Луны всегда можно ориентироваться по положению Земли, а половину времени (то есть во время лунного «дня») — и по положению Солнца. А по звездам? Конечно, звезды всегда находятся на лунном небе: там же нет ни облаков, ни дождей, ни смога. О, конечно же! Но послушайте, я хочу сказать любому земному «суслику»: легче увидеть звезды из Айовы, чем с Луны!

И вот почему. Вы одеты в скафандр, верно? Его шлемы оснащены линзами и козырьком для защиты глаз, их эффект примерно равен встроенному смогу. Если солнце в зените, то забудьте о

звездах, так как ваши линзы затемнены (тот самый солнцезащитный эффект), а если Солнца на небе нет, то Земля находится где-то между половиной фазы и полной фазой, а ее отражающая поверхность в восемь раз больше, чем у Луны на земном небе. К тому же альбедо Земли в пять раз выше. Стало быть, «земной свет» на Луне в сорок раз сильнее лунного света на Земле, он просто ослепителен. Так о каких же звездах может идти речь, когда вы находитесь на Луне?

О, я имею в виду только человеческие глаза. В астрономические телескопы звезды видны превосходно. А чтобы видеть звезды глазами, надо укрыться в дымоходе глубиной в метр или два. Но где взять такой «дымоход» на Луне? А может, использовать обыкновенные трубы и глядеть через них? Это могло бы отсечь ослепляющий блеск светил, и звезды засияли бы вам как «благодать в сем ничтожном мире...»

...Впереди на небе виднелась Земля, слегка прошедшая полуфазу. Слева — Солнце, поднявшееся за полтора дня на двадцать градусов или чуть меньше. Оно заставляло блестеть плоский грунт и удлиняло тени от всего мало-мальски возвышающегося над поверхностью, что должно было облегчить управление машиной для тетушки Лилибет.

Судя по карте, висевшей в шлюзе «Счастливого Дракона», мы стартовали от 32°27' северной широты и 6°56' восточной долготы и держались курса в направлении к 17°32' северной широты и 14°11' восточной долготы, то есть к участку вблизи от кратера Менелай. Это позволяло нам идти почти прямо к югу, в целом же нам предстояло преодолеть расстояние около пятисот пятидесяти километров, отклонившись к востоку примерно на двадцать пять градусов. Ничего удивительного, что прибытие к месту назначения ожидалось не ранее чем около трех часов пополуночи завтра!

Надо сказать, что никакой «дороги» там и не было. У тетушки Лилибет, судя по всему, не имелось ни прибора-указателя пути, ни навигационного инструмента. Машина была оснащена лишь одометром и спидометром. И я подумал, что тетушка вела ее, как это делают старые речные шкиперы, полагающиеся лишь на «знание пути». Но мне так казалось только поначалу, и лишь потом я

кое-что приметил. На нашем пути стояли вехи. На всем пути. Стоило нам миновать одну, как нас ждала другая, у самого горизонта. Вчера, когда мы ехали к «Счастливому Дракону», я их не заметил, а может, их и не было.

Возможно, Гретхен и похожа на тех марктвеновских шкиперов. Но тетушка Лилибет, наверное, ориентировалась по вехам, хотя наш путь пролегал в значительном отдалении от этих указателей-вспышек. Скорее всего, они в первую очередь нужны были неопытным водителям, а не таким надежным штурманам, каким была Лилибет с ее «Услышь меня, Иисус!».

Я начал считать эти указатели, придумав себе нечто вроде игры: если я пропускаю вешку, то теряю очко. Две промашки подряд означали «смерть заблудившегося на Луне». Такое не было редкостью в прежние времена, да и теперь случалось. Луна ведь место обширное, она больше, чем Африка, и почти равна Азии. И каждый квадратный метр ее смертелен, если допустить хотя бы маленькую ошибку!

Характеристика лунианина («лунни»): люди любого цвета, размера, пола, НИКОГДА НЕ ДЕЛАЮЩИЕ ОШИБОК В ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА СВОЕГО НАХОЖДЕНИЯ.

До того как мы сделали свою первую остановку, я дважды «погиб», прозевав вехи-указатели...

В пятнадцать ноль пять тетушка Лилибет остановила автобус и включила табло с надписью «Остановка для отдыха — двадцать минут». Под ним значилось еще: «Опоздавшие платят штраф по кроне за минуту».

Все вышли. Билл схватил тетушку Лилибет под руку и приблизил к ее шлему свой. Она хотела было отмахнуться от него, но потом прислушалась. Я не собирался его контролировать: двадцать минут для «остановки на отдых» — не такой долгий срок, если учесть возню со скафандром. Конечно, женщинам приходится труднее, чем мужчинам, и времени требуется больше.

Среди пассажиров находилась женщина с тремя детьми. Правый рукав ее скафандра ниже локтя был завязан узлом. Как она могла управляться? Я решил уплатить за нее штраф, если она задержится...

Освежитель был ужасен. Пещера в скале с воздушным шлюзом, примыкающая к дому какого-то обитателя, совмещающего фермерство с добычей льда. Какое-то количество кислорода для дыхания было, но зловоние там стояло неописуемое. Оно напоминало мне о выгребной яме в замке на Рейне вблизи Ремагена, где я квартировал во время «трехнедельной войны». Там была уборная, оборудованная над скалой с глубокой расщелиной, которую за девятьсот лет ни разу не чистили...

Никто не опоздал; впрочем, опоздала сама тетушка Лилибет. А с нею и Билл.

Он спросил совета Лилибет относительно дерева-сан, которое доктор Чан оснастил более совершенной защитной оболочкой с зажимами, позволяющими опрыскивать его с меньшими трудностями. Они несли его вдвоем, не очень торопясь. Не знаю, выкроил ли Билл время, чтобы помочиться. Тетушка, разумеется, успела — все равно «Услышь...» не мог катиться без нее!

Потом около девятнадцати тридцати была еще остановка на ужин. Он проходил в небольшой капсуле, занимаемой четырьмя семьями и носящий название «Роб Рой». После предыдущей капсулы эта показалась нам вершиной цивилизации. В ней было чисто, ничем не пахло, встретили нас дружески и гостеприимно. В меню особого выбора не было: цыплята, яблоки в тесте и пирог с лунными ягодами, все достаточно дорогое. Но чего ждать от места, находящегося почти в небытии, на лунной поверхности? Там еще продавались кустарные сувениры, ими торговал маленький мальчик. Я выбрал вышитый кошелечек, сделав ненужную мне покупку, чтобы поддержать хороших людей. Декоративная надпись на нем гласила: «Город Роб Рой, столица Моря Ясности». Я вручил сувенир своей любимой жене.

Гвен все время помогала однорукой женщине с тремя детишками. Ее звали Екатерина О'Тул, а детишек — восьми, семи и пяти лет — Патриком, Бриджет и Игорем. Остальные трое пассажиров автобуса составляли одно семейство: леди Дайана Керр-Шэпли и два ее мужа. Они были богаты и не склонны к общению с нами, плебеями. У мужей было оружие, но внутри скафандров. Какой в этом смысл?

После этой остановки грунт уже не был таким ровным, как прежде, и мне показалось, что тетушка стала держаться поближе к указателям дороги. Но вела она машину по-прежнему быстро и напористо, и нас подбрасывало на огромных, не слишком тугих шинах, что заставляло меня с беспокойством думать о нестойком желудке Билла. Но теперь он хотя бы не держал дерево-сан. Тетушка помогла закрепить его ремнями в багажном отделении на корме. Я пожелал Биллу удачи: ужасно, если рвота происходит внутри шлема. Со мной это однажды случилось, лет двадцать пять назад. Ф-фу!

В следующий раз мы остановились почти перед полуночью. Все то же. Солнце поднялось еще на несколько градусов и продолжало стремиться к зениту. Тетушка сообщила, что осталось покрыть расстояние в сто пятьдесят километров и что с Божьей помощью мы прибудем вовремя.

Но Господь отказал тетушке в помощи, которой та была достойна. Через пару часов из «ниоткуда» (а может быть, из-за скал?) появился вездеход поменьше нашего, но значительно быстрее. Он под углом перерезал нам путь.

Я шлепнул Билла по руке, обхватил Гвен за плечи, и мы повалились на пол, хоть как-то защищенные стальной обшивкой автобуса. Ныряя вниз, я успел заметить вспышку со стороны чужой машины.

Наш автобус остановился прямо перед перегородившим нам дорогу вездеходом. Тетушка поднялась с места. Они уложили ее еще одним выстрелом из лучевого пистолета.

Гвен «достала» того стрелка из своего «мийако», прямым попаданием в линзу гермошлема (наилучшая из мишеней, когда стреляешь в человека в скафандре пулями, а не лазерным лучом!). Она целилась, опираясь на приступку водительского помоста. Я же «достал» водителя, тщательно прицелившись своей палкой, ибо в ней лежало всего пять патронов, а других боеприпасов ближе чем на «Золотом правиле» (в моем саквояже, будь он проклят!) у меня не было.

Из атакующего вездехода посыпались наружу другие фигуры в скафандрах. Гвен приподнялась и снова выстрелила.

И все это происходило в ужасающей тишине вакуума!

Я приготовился добавить к выстрелу Гвен свой: но в этот момент показалась еще одна машина. Это был не вездеход, а нечто хитроумное, такого я никогда раньше не видел: всего одно колесо, супергигантская шина, похожая на «пончик» высотой минимум в восемь метров. А может, и в десять. Начинкой этого «пончика», наверное, могла быть (или была?) силовая установка. По обе стороны от втулки колеса находились укрепленные на кронштейнах платформы, на которых в приподнятых седлах (по одному с каждой стороны) возвышались притороченные ремнями стрелки. Под ними на обоих бортах сидело по водителю или штурману (или технику?). И не спрашивайте меня, как они координировали свои действия!

Не могу поклясться, что смог разобраться во всех деталях, поскольку был слишком занят. Я целился в стрелка, находившегося ближе всех ко мне, но пришлось отказаться от меткого выстрела, так как он... сам атаковал тех, кто нападал на нас! У него было какое-то энергетическое оружие (лазер, направленный луч?), уж не знаю какое, ибо я видел лишь быстрые вспышки и — результаты.

Огромный «пончик» описал четверть оборота, и я увидел другую пару — водителя и стрелка, но эти уже действовали против нас! Из дула вырвалась вспышка... и я выстрелил в лицевую линзу стрелка. После этого я попал (надеюсь) в шею водителя. Выстрел не столь удачный, как предыдущий, но если нет возможности быстро наложить клейкую заплату, он быстренько, в течение нескольких секунд, выйдет из игры.

«Пончик» описал полный оборот, и, когда остановился, я попал в другого стрелка (наносекундой раньше, чем тот сумел выстрелить в меня). Я хотел было «достать» и водителя, но не уверенный в точности попадания, не стал рисковать: у меня оставался единственный патрон.

«Пончик» быстро уходил на восток: набирая скорость, ударяясь о валуны и подпрыгивая вверх, он вскоре скрылся за горизонтом.

Я посмотрел на первый вездеход. Вокруг него, вдобавок к тем двум, которых мы застрелили с первого раза в самой машине, ва-

лялось еще пять трупов: двое у левого борта, трое у правого. Никого больше видно не было. Я приблизил к шлему Гвен свой и спросил «это все, что ли?», но она сильно ткнула меня в бок. Я обернулся. Покрытая шлемом голова показалась в проеме левой двери. Я вытянул свою палку и пробил звездообразную дыру в его лицевой пластине. Он исчез. Я поглядел влево. Там никого не было, но зато в правую дверь лез еще один тип. И я выстрелил в него...

Поправка: я пытался в него выстрелить, но у меня больше не было зарядов. Я ринулся на него, ткнув палкой: он схватился за ее конец, что оказалось для него роковым, ибо я воткнул в него двадцатисантиметровый стопорный клинок из шеффилдской стали. Острие вошло в скафандр и проникло между ребрами. Я выдернул клинок и снова воткнул во врага. Этот стилет (имеющий треугольное лезвие полусантиметровой ширины с пазами на всех трех сторонах для стока крови) я воткнул в него во второй раз с целью отвлечь его внимание, иначе он, умирая, успел бы прикончить меня из лазера.

Он испустил дух, наполовину вползши в автобус, поэтому лезвие вошло в него полностью. Я выдернул стилет и втянул его обратно внутрь трости. Потом, ухватившись за край ближайшего сиденья, я поднялся на ногу, стараясь минимально ее напрягать, подскочил к креслу и сел. Я страшно устал, хотя вся потасовка длилась не более двух-трех минут. Наверное, меня одолел адреналин — при его переизбытке я всегда выматываюсь до предела. Все кончилось, и это было хорошо, поскольку ни у Гвен, ни у меня не было патронов, к тому же тот «штыковой прием» я не смог бы использовать дважды: к нему прибегаешь только в том случае, если противник хватается за предохранительное кольцо твоей «палки для ходьбы»...

В вездеходе их было девять, и все они оказались убитыми. Гвен и я уложили пятерых, а остальных прикончили стрелки из гигантского «пончика». У этих четверых зияли совсем другие отверстия на гермошлемах.

Не знаю, скольких я убил в «суперпончике»,— так как тел они не оставили, а теперь уже скрылись за горизонтом...

Наши собственные потери: четверо. Первым оказался стрелок, сидевший в башенке над водителем. Я вскарабкался наверх

и заглянул в люк. При притяжении в одну шестую я смог с такой же легкостью подняться по вертикальной лесенке, как любой другой. Наш стрелок погиб, возможно, от самой первой вспышки. Спал он или бодрствовал в то время? Кто знает, и кто смог бы ему помочь? Он мертв, и все.

Но наша вторая жертва, тетушка Лилибет, не погибла, этому помог Билл. Он догадался приложить к ее костюму две клейкие заплаты и сумел проделать это очень быстро: одну — на левый рукав, другую — на верхнюю часть шлема. Это пресекло утечку воздуха. По истечении шестидесяти секунд, открыв клапан запасного баллончика костюма, он дал ему вновь наполниться воздухом. И тем самым спас тетушке жизнь.

Я впервые убедился, что Билл способен на эффективные действия. Он разобрался, где спрятана сумка с клейкими заплатами — около сиденья водителя — и действовал, как хорошо тренированный аварийщик, не обращая внимания на перестрелку.

Наверное, мне не стоило удивляться, я же знал, что раньше Билл работал на монтаже тяжелых конструкций, а эти работы выполняются в скафандрах, и персонал хорошо обучен и инструктирован. Но одной сноровки мало, нужна еще холодная голова, чтобы быстро сообразить, что к чему, а это важнее тренированности.

Билл показал нам, что сделал, и отнюдь не из желания похвастаться, а чтобы выяснить, какие еще шаги надо предпринять. Спеша заделать дыры в костюме тетушки, он не мог остановить кровотечения из раны в ее руке и не знал, вызвано ли оно ожогом.

Если кровь продолжает течь, то заплату на рукаве следует снять, наложить на рану бандаж и вновь залепить костюм. И проделать все исключительно быстро. А потом, выждав положенное количество секунд, открыть новый резервный баллончик с воздухом.

Человек, особенно больной, выдерживает вакуум в течение весьма малого промежутка времени. Тетушка к тому же была стара и сегодня уже один раз подверглась воздействию вакуума. Может ли она выдержать еще раз?

О том, чтобы открыть шлем, речь и не шла: выстрел задел лишь его вершину, сорвав лоскут, но голову не повредил. Иначе какой же смысл обсуждать, что делать с рукавом костюма?

Гвен прижалась своим шлемом к шлему тетушки Лилибет и сумела спросить ее о руке. Тетушка не знала, кровоточит ли она. Рука онемела, но болела не очень сильно. А те... сумели ли добраться до... До чего? До груза! Гвен уверила ее, что бандиты ни до чего не добрались, ибо все мертвы. По-видимому, это успокоило тетушку. Она сказала:

— Тэдди умеет... водить,— и как бы погрузилась в сон.

Нашей третьей жертвой был один из супругов леди Дайаны. Он погиб. Но вовсе не от руки бандита, а от собственной дурости, ибо собственноручно расстегнул свой скафандр! Очевидно, когда началась перестрелка, он решил достать пистолет и открыл скафандр. Как вы полагаете, можно ли безнаказанно сделать это в условиях вакуума? Расстегнуть скафандр и вновь его застегнуть? Возможно, легендарный Гудини и смог бы. Но этот идиот выпустил весь воздух, пока нащупывал пистолет, вот он и загнулся в вакууме в течение нескольких секунд. Его напарник по супружеству оказался чуточку смышленее. Вместо собственного пистолета он схватил оружие партнера, как только тот испустил дух. Но принять участие в перестрелке не успел, та уже закончилась. Он подбежал ко мне в ту минуту, когда я вскочил на ногу, уже прикончив последнего бандита.

И вдруг этот дебил стал тыкать пистолетом мне в лицо. Я вовсе не хотел ломать ему запястье, а просто постарался разоружить, выбив пистолет из его руки ударом палки. Я схватил пистолет, сунул его за ремень костюма, после чего и плюхнулся на сиденье. Я и не знал, что так его зашиб, думал — он отделается синяком.

Но угрызения совести меня нисколько не мучают. Если не хотите, чтобы вам сломали запястье, не машите пистолетом перед моим лицом. Особенно когда я устал и возбужден.

Взяв себя в руки, я попытался помочь Гвен и Биллу.

Мне невыносимо говорить о нашей четвертой потере: Игоре О'Туле, пяти лет от роду...

Поскольку малыш сидел позади с матерью, его никак не могли убить из вездехода: такой угол прицела невозможен. Его могли застрелить оба стрелка «суперпончика», сидевшие достаточно высоко, чтобы через ветровое стекло попасть в кого-нибудь на задних сиденьях. Скорее всего, это второй стрелок — первый был занят уничтожением соперников в вездеходе. А когда «пончик» повернулся, я увидел, как второй стрелок направил лучевое оружие на наш автобус и как оно вспыхнуло почти одновременно с моим выстрелом, уничтожившим этого стрелка.

Мне кажется, он просто промахнулся. Его мишенью был я, но он ошибся. Можно ли предположить, что кто-то способен целиться в ребенка, в малыша, ясно различимого в глубине автобуса? Но Игоря убила именно та вспышка, которую я увидел.

Если бы не эта смерть, я бы испытывал смешанные чувства к команде «пончика» — ведь без их «помощи» мы бы никак не справились с бандой вездехода. Но тот последний выстрел убедил меня, что это просто две соперничавшие банды, конечной целью которых было ограбление нашего автобуса (по названию «Услышь меня, Иисус!»).

И единственное, о чем я пожалел,— это то, что я не смог прикончить четвертого седока в «пончике»!

Но все эти мысли пришли потом. А в тот момент мы видели только мертвого ребенка.

Закончив возиться с тетушкой Лилибет, мы оглядели внутренность автобуса. Екатерина сидела, не шевелясь, бережно поддерживая тело сына. Я лишь со второго взгляда сумел разобраться, что же произошло. Ясно, что если снесена лицевая линза, то ребенок на руках Екатерины не может быть живым. Я запрыгал к ней на одной ноге. Гвен уже была около них, и я остановился за ее спиной.

В эту минуту леди Дайана, схватив меня за рукав, что-то стала говорить. Я приблизил к ней шлем.

— Что вы сказали?

— Я говорю, чтобы вы велели водителю ехать дальше! Вы что, не понимаете английского языка?

Хотелось бы, чтобы это услышала Гвен: ее ответ значительно более впечатлил бы леди и, несомненно, был бы куда «художественнее»! Я же всего лишь сказал ей устало:

— Ох, да заткнитесь вы и сидите на месте, глупая гусыня!

Новой реплики я ждать не стал.

Леди Дайана ринулась вперед, но Билл отбил ее попытку атаковать тетушку Лилибет. Мне это рассказала потом Гвен — я не видел, так как разглядывал останки «консорта», который сам себя прикончил, неосторожно манипулируя скафандром. Тем временем его партнер («ко-супруг») пытался выхватить из-за моего ремня конфискованный пистолет, вынуждая тем самым схватить его за руку (сломанную). Я не мог ни слышать его визга, ни видеть гримасы боли, но он совершал такие удивительные пассы, что мне показалось — у него агония.

И вот что я могу об этом сказать: не машите пистолетом перед моим лицом. Это пробуждает во мне самое ужасное.

Я вернулся к Гвен и несчастной матери. Коснувшись Гвен шлемом, я спросил:

— Можем ли мы что-нибудь для нее сделать?

— Нет. Ничего, пока не доставим ее в капсулу города. Да и тогда вряд ли.

— А как другие дети?

(Мне казалось, что они плачут, но если этого не слышно и не видно, то что можно сделать?)

— Ричард, я полагаю, лучше всего оставить эту семью в покое. Смотреть за ними, но не навязываться. До тех пор, пока мы не доедем до Конга.

— Да, до Конга... А кто такой Тэдди?

— Кто?

— Тетушка Лилибет сказала «Тэдди может водить».

— Ах да. Наверное, это стрелок в башенке. Ее племянник.

Вот тогда я взобрался по лесенке и осторожно заглянул в башню. Я, увы, предположил правильно — все бандиты убиты, но и наш стрелок — тоже. Тот самый Тэдди.

Спустившись вниз, я прошел вперед, подозвал к себе Гвен и Билла и объявил им, что мы остались без водителя.

— Билл, смог бы ты повести этот автобус? — спросил я.

— Я не умею, сенатор. Вообще впервые в жизни вижу такую штуку.

— Я так и думал... Сам я уже несколько лет не садился за руль, но... господи, Гвен, я же не смогу!

— Тебе что-нибудь мешает, милый?

— Ведь эта штуковина управляется двумя ногами, Гвен, а у меня всего одна... Вторая закинута в багажную сетку над моим сиденьем... Ты сама понимаешь, сейчас ее надеть невозможно, а без нее управлять автобусом нельзя!

Она мягко заметила:

— Ну что ж, мой дорогой. Ты займись рацией, нам понадобятся эти «майские денечки». А я пока поведу машину.

— Ты сможешь управиться с этим бегемотом?

— Конечно! Я не хотела вылезать с предложением, раз присутствуют двое мужчин. Но я с радостью сяду за руль. Может, у меня уйдет на это пара лишних часов, но не беда!

Через три минуты Гвен уже сидела за панелью управления. Я устроился рядом, прикидывая, как подключить гермошлем к автобусному приемопередатчику. Билл был откомандирован как «специалист» с заданием удержать «леди Д» в ее кресле. Она пыталась снова поучать нас, рекомендуя, что следует предпринять дальше. Похоже, дама была несколько не в себе и толковала что-то о конгрессе директоров на Элл-Четыре и своем представительстве там. А нам, по ее мнению, следовало поторопиться, чтобы наверстать упущенное время.

На этот раз я услышал комментарии Гвен. Они согрели мне сердце. «Леди Д» чуть не задохнулась, когда Гвен тоже порекомендовала ей, куда поглубже засунуть свои верительные грамоты, после того как она свернет их трубочкой с остреньким концом!

Гвен включила сцепление. «Услышь...» дернулся и подался назад, объезжая вездеход. Мы снова оказались в пути. Я, в конце концов, нащупал нужные ручки на радиоустановке, настроил аппарат на канал, который показался мне подходящим, и услышал:

«...О-М-Ф-И-С, пишется “Комфис”! Это самый лучший ответ на стрессы современной жизни. Не берите домой свои деловые заботы, а обеспечьте себе комфорт с помощью “Комфиса”, научно рекомендованного желудочного снадобья, более предпочтительного, чем любое другое...»

Я стал искать какой-нибудь «более предпочтительный» канал.

13

Правда — это то, во что никто не верит.
Джордж Бернард Шоу (1856–1950)

Я продолжал искать одиннадцатый аварийный канал методом проб и ошибок; шкала была хоть и маркирована, но не номерами каналов. Видно, у тетушки был свой собственный шифр. Так, надпись на кнопке «помощь» означала, как выяснилось, вовсе не аварийную сигнализацию, а «духовную поддержку», ибо, нажав ее, я вызвал в наушниках следующую тираду:

«Говорит Святейший Ангел-Вестник, взывающий из глубины души непосредственно к вам. Весть несется из храма Христова Дома, Тихо на Луне. Настройтесь на нашу волну в восемь часов в воскресенье, чтобы послушать об истинном значении Писания Пророков, а также отправьте дары вашей любви по адресу: ящик 99, станция Ангела под Тихо. Тема сегодняшнего благовеста: "Как узнать Христа, когда Он придет к нам". А теперь послушайте в исполнении храмового хора "Иисус держит меня в Своей..."».

Такого рода помощь опоздала примерно минут на сорок, и поэтому я перешел на другой канал. И тут я, по голосу ответившего, понял, что нахожусь на канале тринадцать. И я вызвал его:

— Капитан Полночь вызывает капитана Мэрси. Ответьте, капитан Мэрси!

— Мэрси, наземный контроль Гонконга Лунного. Полночь, во что вы опять вляпались? Прием.

Я попытался в нескольких словах объяснить, как попал на его оперативную связь. Он не дал мне договорить.

— Полночь, ну и туману вы напустили! Дайте мне поговорить с вашей женой, я ей больше доверяю!

— Она сейчас говорить не может, так как ведет автобус.

— Бросьте! Вы же сами сказали, что сели в «Услышь, меня, Иисус!» пассажиром. Это же автобус Лилибет Вашингтон, так почему же его ведет ваша жена?

— Но я и пытаюсь вам объяснить: ее ранило, то есть тетушку Лилибет, а не мою жену... На нас напали бандиты.

— В этом районе бандитов нет!

— Вы правы: мы их уничтожили. Капитан, выслушайте и сделайте выводы сами. Нас атаковали бандиты. У нас трое убитых и двое раненых... а моя жена ведет автобус, так как среди присутствующих с этим может справиться только она.

— Вы ранены?

— Нет.

— А почему же только ваша жена может вести автобус?

— Только она.

— Но позвольте, еще позавчера вы управляли космолетом... или им управляла ваша жена?

— Нет, управлял я. Что вас не устраивает, капитан?

— То, что вы можете вести космолет и не можете — маленький старый вездеход. Такое трудно переварить.

— Ничего трудного. У меня нет одной ноги, вот и все. Я не «потерял» ее, она тут рядом. Но я не могу ею воспользоваться.

— Почему же?

Я глубоко вздохнул и попробовал вспомнить эмпирические законы баллистики, действующие на планетах, имеющих атмосферу...

— Капитан Мэрси, есть ли в вашей организации или в Гонконге Лунном кто-либо, кого может заинтересовать факт нападения бандитов на общественный транспорт, обслуживающий город? И всего в нескольких десятках километров от городских ворот? И есть кто-нибудь, способный принять раненых и мертвых, когда мы прибудем? Такой, кого не занимает, кто и почему ведет этот автобус? И кто никак не может уразуметь, что у человека много лет назад ампутирована нога?

— Но почему же вы так сразу и не сказали?

— Черт побери, капитан, но это же не ваше собачье дело!

Несколько минут в наушниках царило молчание, затем капитан Мэрси спокойно произнес:

— Может, вы и правы, Полночь. Я соединю вас сейчас с майором Бозеллом. Он, вообще-то, оптовый торговец, но ему одно-

временно подчинили дружины безопасности. Поэтому вы должны будете обо всем доложить ему. Оставайтесь на связи!

Я ждал, одновременно наблюдая, как Гвен ведет машину. Когда мы только тронулись с места, она управляла резковато, как это всегда бывает с водителями, севшими за руль чужого транспорта. Но теперь машина шла гораздо мягче и вовсе без того напора, с каким ее вела тетушка Лилибет.

— Бозелл слушает. Вы готовы ответить?

Я ответил... и почти сразу же попал в кошмар «дежа вю», когда он прервал меня категорическим заявлением:

— В этом районе бандитов нет!

Я вздохнул:

— Если вы так утверждаете, майор... Но там лежат девять трупов и один брошенный вездеход. Может случиться, что кто-нибудь постарается убрать эти трупы или снять с них скафандры и оружие и завладеть вездеходом... до того как это сделают мирные жители, также полагающие, что в этом районе бандитов нет...

— Хм-м. Чоу-Му сказал мне, что послал спутник-разведчик, чтобы заснять место стычки. Если там в самом деле есть брошенный вездеход...

— То?.. Майор, мне неважно, верите вы мне или нет. И я не взываю к помощи. Мы будем у северного воздушного шлюза в три тридцать. Можете ли вы обеспечить, чтобы нас встретили медики с носилками? Для миссис Лилибет Вашингтон. Она является...

— Сам знаю, кем она является. Она правила этим автобусом, когда я еще был ребенком. Дайте мне поговорить с ней!

— Она ранена, я же сказал вам! Тетушка Лилибет лежит на полу, и я надеюсь, что всего лишь спит. Если же нет, то я все равно не стану ее тревожить, чтобы не усилить кровотечение. Вам следует позаботиться, чтобы в шлюзе были люди, готовые принять ее на носилки. А еще надо обеспечить, чтобы с автобуса сняли трех убитых, среди которых — маленький ребенок. Мать этого мальчика и еще двоих детей, Екатерина О'Тул, в шоке. Ее муж — житель вашего города, Найджел О'Тул. Желательно вызвать и его, чтобы он позаботился о своей семье. Вот и все, майор! Когда я позвонил вам, меня тревожило, сколько же там еще осталось

бандитов. Но раз в вашем районе «бандитов нет», то нет и смысла посылать отряды безопасности в Море Ясности в такой великолепный солнечный день. И сожалею, что потревожил ваш сон.

— Ладно, ладно! Мы тут для того, чтобы приходить людям на помощь. И не надо язвить! Наш разговор записывается. Назовите ваше полное имя и повторяйте за мной: «В качестве представителя Лилибет Вашингтон из капсулы "Счастливый Дракон", работающей в автобусной компании "Апокалипсис и Пришествие Царствия", я уполномочиваю майора Керка Бозелла, командира и менеджера дружин безопасности Гонконга Лунного...»

— Погодите, погодите, что все это значит?

— Это обычный стандартный контракт об охране и защите предприятий с гарантированной оплатой услуг. Посудите сами: вряд ли вы можете рассчитывать на то, чтобы бесплатно поднять взвод дружинников среди ночи! Никаких даровых ленчей!

— Хм-м. Майор, случалось ли вам пользоваться геморройными свечами или чем-нибудь в этом роде?

— Э-э? Я применяю тигровый бальзам. А зачем это вам?

— Я полагаю, бальзам вам сейчас понадобится. Возьмите свой «стандартный контракт», сверните его в трубочку с остреньким концом и...

Я оставил в эфире тринадцатый канал и бросил попытки найти канал аварийный. Насколько я успел разобраться, не было никакого смысла взывать о помощи по одиннадцатому каналу, раз я уже поговорил с единственно возможными спасателями. Я приблизился к шлему Гвен и подвел итоги своим переговорам:

— Оба кретина утверждают, что бандитов здесь нет!

— А может, это были и не бандиты? Может, всего-навсего аграрии, требующие политических реформ? Надеюсь, мы не попадем теперь в лапы правых реакционеров?.. Ричард, мне лучше не говорить, когда я веду автобус. Чужая машина, непривычная дорога, вернее, полное ее отсутствие...

— Прости, голубушка! Ты справляешься чудесно. Могу ли я тебе помочь?

— Мне бы очень помогло, если бы ты следил за вехами-указателями.

— Разумеется, послежу!

— Тогда я смогу смотреть за рельефом дороги прямо перед собой. Некоторые из этих рытвин хуже, чем на Манхэттене...

— Это невозможно!

Мы придумали способ облегчить ее работу. Когда я замечал веху, я трогал ее за локоть, если же замечала она, ее колено прикасалось к моему. И мы больше не переговаривались, так как соприкосновение шлемов мешало вести машину.

Через час впереди показался вездеход, который очень быстро приближался. Гвен постучала по своему шлему в области уха. Я прижал к ее шлему свой. Она спросила:

— Как по-твоему, еще одни «аграрии-реформаторы»?

— Не исключено.

— Но у меня же нет больше патронов!

— И у меня тоже,— вздохнул я,— нам остается только сесть с ними за стол переговоров. В конце концов, насилие ведь ничего не решает!

Гвен не вполне женственно прокомментировала мою сентенцию и напомнила:

— А тот пистолетик, который ты конфисковал у сэра Галахада?

— О милая, я ведь даже не взглянул на него! Можешь напялить на меня дурацкий колпак.

— Нет, Ричард, ты не глуп, а просто очень возвышен... Но все же погляди.

Я извлек из-за ремня конфискованный пистолет и поизучал его, затем снова прикоснулся к шлему Гвен своим.

— Родная, ты мне не поверишь, но... он не заряжен!

— Вот тебе раз!

— В самом деле «вот тебе раз»! У меня нет слов, но ты можешь процитировать самое себя...

Я отшвырнул бесполезное оружие в угол автобуса и вгляделся в быстро приближающийся вездеход. Зачем тому недоумку понадобился незаряженный пистолет? Сущее безумие!

Гвен снова похлопала по «уху» шлема. Я прижался к нему.

— Что?

— Держу пари, патроны у мертвеца хранились отдельно!

— Не буду спорить, скорее всего так. Но, Гвен, если я начну обшаривать труп, то может показаться, что остальные двое убитых мне так же безразличны... Нет, не годится...

Но тут оказалось, что встречный вездеход идет не прямо на нас, а по параллельному курсу на расстоянии около двух сотен метров. Стало ясно, что он не собирается с нами сталкиваться. К тому же я успел прочесть на его борту надпись «Дружина безопасности ГКЛ».

И почти сразу же меня окликнул Мэрси:

— Бозелл говорит, что увидел вас, но не смог связаться по радио.

— Не знаю, почему он не смог, вы же сумели?

— Потому что, как я понял, вы не на том канале. Полночь, что бы вы ни предпринимали, все идет наперекосяк, ибо вы всегда что-нибудь путаете!

— Вы мне льстите! Что же я обязан был делать на этот раз?

— Должны были находиться на канале безопасности, то есть втором. Он предназначен для налунного транспорта.

— Каждый божий день чему-нибудь учишься. Благодарю вас.

— Тот, кто не знает этого, не имеет права водить транспорт по поверхности данной планеты.

— Капитан, вы бесконечно правы! — заметил я и выключил рацию.

Гонконг Лунный показался на горизонте за много минут до нашего прибытия. Огромный пилон аварийной посадки, громадные тарелки—антенны для связи с Землей и еще большие — для Марса и Пояса астероидов, зеркала гелиоэнергетических установок... По мере приближения к городу впечатление от его внешнего облика становилось все грандиознее.

Я понимал, что все горожане живут под герметичной оболочкой, в громадной капсуле, и поэтому забыл, как много крупных промышленных установок находится на поверхности Луны. Забыть это было тем более нелепо, что вся экономика Луны базируется на использовании солнечной энергии, резких перепадов температуры между днем и ночью, а также условий абсолютного вакуума. Но ведь моя жена отметила, что я слишком «возвышен», а стало быть, и рассеян!

Мы проехали мимо нового комплекса «Ниссан-Шелл», многих гектаров труб и потрескавшихся колонн, перегонных установок, цистерн, насосов и пирамид-хранилищ... Длинные тени, отбрасываемые конструкциями под восходящим солнцем, делали пейзаж похожим на рисунки Гюстава Дорэ, картины Питера Брейгеля и Сальвадора Дали...

Затем мы подъехали к северным шлюзовым воротам ГКЛ.

Из-за тетушки Лилибет нам позволили использовать малый (и «быстрый») служебный вход. Сперва прошел Билл как сопровождающий тетушку (он это заслужил сполна!), затем «леди Д» и ее выживший супруг, и только после них — Екатерина О'Тул с детьми. Дражайшая Дайана в последние минуты пребывания в автобусе вновь самовыражалась, требуя, чтобы мы сперва доставили ее в космопорт, а потом уже подъехали к воротам города. Но Билл и я не позволили ей досаждать Гвен своими королевскими распоряжениями, зато еще больше (если только это возможно!) невзлюбили ее. Я был рад, когда она наконец исчезла в глубине шлюза.

Кроме того, мне сразу стало спокойнее, когда из главных ворот показался муж Екатерины, который сопроводил через служебный вход свое семейство, включая трагическое маленькое тельце. Гвен на прощание обняла Екатерину, пообещав созвониться с ней позже...

И тут нам дали от ворот поворот, ибо наше дерево-сан не пропустили через служебный вход. Пришлось выйти наружу, пройти до более крупного (и медленнее пропускающего) входа. Я заметил, как люди спускали из башни нашего «Услышь, Иисус!» тело стрелка Тэдди, другие выгружали багаж автобуса под присмотром четырех вооруженных гвардейцев. Мне стало любопытно, чем же был этот груз (хотя это и не мое дело!). А может, и мое — поскольку вполне вероятно, что именно этот груз спровоцировал нападение и стал причиной жертв...

Мы вошли в большой шлюз: сами, дерево-сан, малый чемодан, сумка, увязанные в пакет парик с кимоно, палка, протез. Шлюз закрылся, и мы попали в длинный, ведущий наклонно вниз тунель, перекрытый двумя герметичными дверьми. Во второй двери имелась щелевая установка-автомат для подачи малых доз воздуха. На ней сияла надпись: «Дополнения к правилам: посетители,

оставьте, пожалуйста, полкроны за 24 часа!» Внутри автомата сквозь стекло виднелась тарелочка с лежащей на ней мелочью. Я кинул в щель крону — за Гвен и себя.

В самом конце туннеля находилась еще одна дверь перепада, пройдя через которую мы наконец оказались внутри города.

У самого входа (выхода) располагались скамьи для тех, кто должен был снять (надеть) скафандры. С чувством облегчения я начал расстегивать молнию своего скафандра и быстро приладил на место протез.

...«Иссохшие кости» могли сойти за поселок, «Счастливый Дракон» — за городок, но Гонконг Лунный был настоящим мегаполисом, вторым после Луна-Сити. Поначалу он показался несколько пустынным, но ведь была еще ночь и бодрствовали лишь те, кто работал по ночам. И даже те, кто вставал спозаранок, имели в запасе еще два часа законного сна. И неважно, что снаружи был разлит солнечный свет!

Но и эти почти безлюдные городские коридоры-улицы заявляли о своей принадлежности к мегаполису. Над «раздевальными» полками висели надписи: «Вы пользуетесь этими полками на свой страх и риск. Найдите камеру хранения Яна — там упакуют и застрахуют! Цена — 1 крона за 1 скафандр».

Под этим от руки приписано: «Соображай получше и найди Сола: не упакует и не застрахует, а просто честно сохранит за полкроны».

Каждая надпись была снабжена стрелкой. Одна указывала влево, другая — вправо.

Гвен спросила:

— Так что, милый, Сол или Ян?

— Ни тот ни другой. Тут все достаточно похоже на Луна-Сити, и я соображу, как мне себя вести. Дай подумать.

Я поглядел кругом, вверх и вниз и заметил красный световой указатель.

— Там отель. Раз уж я на протезе, то могу взять скафандры. Ты сможешь дотащить остальное?

— Конечно. А твоя палка?

— Я ее засуну за пояс, не волнуйся.

Мы двинулись к отелю. За окошком портье лицом к входной двери сидела молодая женщина, штудировавшая классический учебник о рекомбинации генов. Она подняла глаза:

— Вы лучше сперва отдайте на хранение скафандры. Сол за следующей дверью.

— Нет, нам просто нужен большой номер с ложем императрицы, мы поместим скафандры в углу.

Она проглядела список номеров.

— Имею отдельные комнаты, двуспальные кровати, счастливые люксы... Но того, что вам надо, не имеется. Все занято.

— А сколько стоит «счастливый люкс»?

— По-разному. Есть один с двумя царскими постелями и освежителем. Есть другой — без кроватей, но со стеганым покрытием пола и множеством подушек. А еще здесь есть...

— Сколько стоит люкс с двумя «царскими кроватями»?

— Восемьдесят крон.

Я терпеливо промолвил:

— Слушайте, *гражданка*, я сам уроженец Луны. Мой дедушка ранен на ступеньках «Бон Марше». Его отец выслан за причастность к анархосиндикализму. Я знаю цены в Луна-Сити, а в Конго они вряд ли выше. Зачем вы так заламываете? У вас что, только один вакантный номер?

— Вы не слишком меня поразили, приятель. Каждый может сказать, что его предки делали Революцию и даже больше. Вот мои прародители приветствовали Армстронга, когда он ступил на Луну. Попробуйте переплюнуть меня!

Я усмехнулся.

— Не смогу и попытаюсь сохранить спокойствие. Так какова реальная цена двойного номера с одной большой постелью и освежителем? Не для туристов, а для своих?

— Стандартный двухместный номер с большой постелью и освежителем идет за двадцать крон. Вот что, приятель,— вряд ли кто займет люксы так поздно... или так рано. Я, пожалуй, сдам вам люкс «для оргий» за двадцать крон, но вы должны будете освободить его в полдень.

— Десять крон.

— Грабитель! Восемнадцать. Дешевле — мне в убыток.

— Какие убытки! Вы же сами сказали, в этот час вряд ли сдадите что-нибудь вообще. Пятнадцать крон.

— Ну ладно, гоните денежки. Но в полдень вы должны будете освободить номер.

— Договоримся на тринадцать часов, мы провели всю ночь на ногах. И очень трудную ночь.

Я отсчитал деньги.

— Я знаю,— она кивнула в сторону терминала.— «Гонг Гонконга» дал несколько бюллетеней о вас. Ладно, в тринадцать, а если задержитесь, то заплатите по полному тарифу либо перейдете в обычный номер. А что, это в самом деле бандиты? На дороге от «Счастливого Дракона»?

— Мне было официально заявлено, что в этом районе бандитов не имеется. Просто мы напоролись на «недружественных чужаков». И заимели троих убитыми, а двоих — ранеными. Мы их доставили сюда...

— Да, я знаю. Не хотите ли получить расписку? За одну крону я напишу вам ее и проставлю любую нужную вам сумму. Да, кстати, у меня для вас три послания.

Я довольно глупо заморгал.

— Как? Никто не знает, что мы в этом отеле. Мы и сами не знали, что попадем сюда.

— Никакой тайны, приятель. Путники, прибывающие через северные ворота среди ночи, с вероятностью семь к двум оказываются в моей постели, вернее, в одной из моих кроватей... и, пожалуйста, без комментариев!

Она скользнула взглядом по терминалу.

— Если вы не заберете свою корреспонденцию в течение ближайших десяти минут, то копии пойдут во все постоялые дворы города. А если и это не поможет вас разыскать, то начнут уже рыскать городские охранники. Мы не так-то часто принимаем симпатичных путников после романтических приключений!

Гвен сказала:

— Хватит вертеть хвостом, милая, он очень устал. И дайте мне эти послания, пожалуйста.

Девица холодно посмотрела на Гвен и обратилась ко мне:

— Дружок, если ты еще не заплатил ей, я обещаю раздобыть тебе кое-кого получше, помоложе и посимпатичней за сходную цену.

— Вашу дочь? — сладко вопросила Гвен.— Пожалуйста, отдайте послания.

Женщина, пожав плечами, вручила их мне. Я, поблагодарив, заметил:

— Что касается вашего предложения, то, может, есть и помоложе, но посимпатичней — навряд ли. А дешевле и быть не может: я ведь женился на этой леди из-за ее денег! Так в чем же дело?

Она перевела взгляд на Гвен.

— Это правда? Он женился на вас из корысти? Так пусть отработает!

— Конечно, он обещал,— откликнулась Гвен и задумчиво прибавила: — Но я не уверена. Мы ведь женаты всего три дня. И это наш медовый месяц.

— Меньше чем три дня, дорогая,— возразил я.— Просто они показались тебе слишком длинными!

— Эй, приятель, не говорите так со своей женой! Вы хам и грубиян, а возможно, и бьете ее?

— Именно так. Все верно,— согласился я.

Она, проигнорировав мои слова, обратилась к Гвен:

— Дорогуша, я не знала, что это ваш медовый месяц, иначе не стала бы предлагать «кое-что» вашему супругу. Каюсь. Но потом, когда он вам надоест, этот тип с разинутой пастью, я смогу устроить для вас кое-кого получше. За сходную цену. Молодого. Красавчика. Вполне возмужалого, долгодействующего, страстного. Вы только позвоните по телефону и вызовите Ксию, то есть меня! Гарантирую — он вам понравится, а если нет, можете ничего не платить!

— Спасибо. Но все, что мне сейчас надо,— это завтрак. А потом — постель.

— Завтрак вы получите, перейдя коридор-улицу. Дверь напротив. Кафе Синга «Нью-Йорк». Советую вам взять «особый пережиток» за полторы кроны,— она повернулась к стеллажу и вынула две перфокарточки.— Вот ваши ключи. Дорогуша, не попросите ли вы Синга послать мне бутерброд с поджаренным

чеддером и кофе? И не платите ему больше одной монеты с полтиной за его «пережиток». А то он вас запросто охмурит.

Мы оставили багаж у Ксии и пересекли коридор, чтобы перекусить. «Особый пережиток» Синга оказался весьма недурен, как и утверждала Ксия. И после этого мы наконец оказались в своем номере — в люксе для молодоженов.

Ксия была на высоте. Она проводила нас в номер, понаблюдала, как мы охаем и ахаем, изображая восторг по поводу шампанского на льду, отвернутого покрывала, душистых простыней, цветов (искусственных, но вполне искусных), освещенных единственной лампой.

Моя ненаглядная поцеловала Ксию, та ответила ей тем же, и они обе растроганно захлюпали. Это было неплохо, ибо за короткое время с нами так много всякого произошло, а у Гвен не выдалось и минутки, чтобы поплакать! Но ведь женщинам иногда это очень даже требуется...

Потом Ксия поцеловала и «молодого супруга», но тот не заплакал и не отшатнулся — Ксия была существом восточным, подобным тем, какие, по словам Марко Поло, встречаются в Ксанаду. И она поцеловала меня вполне убедительно. Потом оторвалась, чтобы глотнуть воздуха.

— У-у-ух!

— Да, у-ух! — подтвердил я.— Та услуга, которую вы упоминали... Сколько стоит получить ее от вас?

— Болтушка! — она ухмыльнулась, не отталкивая меня.— Хам. Негодяй. Я имею дело лишь со свободными экземплярами. Но никак не с новобрачными мужьями!

Ксия посерьезнела.

— Отдыхайте спокойно, дорогие! И забудьте о сроке тринадцать ноль-ноль. Спите сколько хотите. Я предупрежу дневного дежурного.

— Ксия, два послания из этих трех зовут меня на свидание в отвратительно ранний час, когда доят коров. Вы можете нас оградить от этого?

— Я уже подумала, так как прочла их. Забудьте. Даже если «Задира-Бозелл» появится со всеми своими бойскаутами, дневной дежурный не скажет им, в каком вы номере.

— Мне не хотелось бы стать причиной ваших осложнений с боссом.

— А я что, не поведала вам? Я же совладелица этого отеля. Совместно с банком «Америка».

Она быстро чмокнула меня и удалилась.

Когда мы раздевались, Гвен сказала:

— Ричард, она ждала, что ты попросишь ее остаться. И она же не наивная девчонка, вроде Гретхен. Почему ты не пригласил ее?

— Ой, какой прокол! Сам не знаю почему!

— Ты вполне мог бы стянуть ее конг-сам (одежда корейского покроя), когда она пыталась тебя задушить. Это следовало сделать. Под ним же ничего нет. Поправка: под ним сама Ксия и ничего больше! Но и этого вполне... я уверена. Так почему ты не сделал так?

— Ты хочешь знать правду?

— О-о... Не уверена, что хочу.

— Потому, что я желаю спать с тобой, женщина, и безо всяких отклонений! Потому, что ты мне еще не прискучила. И дело не в твоих мозгах или твоей «возвышенности», этого у тебя просто нет. Дело лишь в твоем сладком маленьком тельце, к которому я так вожделею!

— Ох, Ричард!

— Так до того, как примем ванну? Или после?

— О... Вместе!

— Вот это девочка!

14

Демократия выдержит все, но не демократов.

Дж. Хэршоу (1904–...)

Все короли — большей частью мошенники.

Марк Твен (1835–1910)

Когда мы лежали в ванне, я сказал:

— Ты удивила меня, лапушка, тем, что умеешь водить вездеход.

— Ты удивил меня еще более, когда твоя палка превратилась в ружье!

— О да, это мне напомнило... Тебя волнует, что я держал это в тайне?

— Да нет же, но каким образом это возможно, Ричард?

— Моя хитрая палка перестает быть защитой, если люди знают о ее свойствах. Но если предположить, что все выстрелы были сделаны тобой, то никто и не проведает...

Гвен ответила задумчиво:

— Не уверена. Или не вполне понимаю. Ведь все в автобусе видели, что ты стрелял из нее как из ружья!

— Так уж и видели? Сражение происходило в вакууме, в полной тишине. Никто не слышал ни выстрела. И кто мог видеть, что я стреляю? Тетушка? Ее ранило прежде, чем я вступил в игру. Прошли всего секунды, но мы и говорим о секундах! Билл? Он возился с тетушкой. Екатерина с детьми? Сомневаюсь, что дети поняли, что именно видят, мать была в страшном шоке, и сейчас ей вряд ли до свидетельств... Дражайшая Дайана и ее «изумительные» парни? Один мертв, другой так наказан за то, что принял меня за бандита! Да и сама Дайана настолько сосредоточена на себе, что даже не врубилась в происходящее. Она посчитала, что какие-то докучные пустяки нарушили ее священные затеи. Ну-ка, повернись, я потру тебе спинку,— Гвен повиновалась. Я продолжал: — Давай усовершенствуем версию. Я покрою тебя в обмен на то, что ты покроешь меня.

— То есть?

— Моя трость и твой малыш «мийако» пользуются патронами одного калибра. Поэтому, значит, все выстрелы сделаны из «мийако», и не тобой, а мной! А ты, моя сладкая, невинная женушка, никогда и не помышляла о том, чтобы стрелять в чужих дядечек. Это тебя устраивает?

Гвен так долго не отвечала, что подумалось, а вдруг я ее оскорбил?

— Ричард, а что если ни один из нас ни в кого не стрелял?

— Как, как? Это становится интересным! А ну-ка выкладывай!

— Я же легкомысленно почти забыла о том, что у меня есть пистолет, так же как и ты не думал о неожиданных талантах тро-

сти. Но ведь в некоторых местах чрезвычайно плохо воспринимают провоз незарегистрированного оружия. А пистолет, между тем, нередко спасал мне жизнь, и я вовсе не отказываюсь от мысли владеть им и впредь... И о нем, так же как и о твоей палке, никто не должен знать. Мы тогда все вместе бросились на пол, и меня никто не видел из-за твоей широкой спины, она же непрозрачна! Выходит, никто и не видел, что я стреляю!

— Н-да. Может быть. Но как же быть с трупами, которые валяются вокруг с пулями калибров в шесть с половиной миллиметров?

— Они убиты теми мясниками из «большого колеса»!

— Но они же стреляли лучами, не пулями!

— Ричард, Ричард! А почему бы им в придачу к лазерам не иметь еще и обычного оружия? Я уверена, что стреляли именно они!

— Снова «н-да»! Моя любимая, ты хитра, как искусный дипломат!

— Да нет, я не «как», я просто дипломат! Ну-ка, намыль меня посильнее, пожалуйста! Ричард, давай-ка обойдемся без «добровольных признаний»! Мы — всего лишь пассажиры, невинные свидетели, притом довольно-таки глуповатые. А как там подохли те «аграрии-реформаторы», нас не касается. Мой папочка советовал мне всегда держать карты сложенными у груди и никогда ни в чем не признаваться. Вот и наступило для этого время!

— И мой дядюшка говорил мне... то же самое! Гвен, почему ты не женилась на мне раньше?

— У меня не было раньше возможности обработать тебя, милый! Или наоборот... Ты готов принять душ?

Обтирая ее полотенцем, я вспомнил, что она уклонилась от ответа на один мой вопрос.

— Женушка-картинка, где ты научилась водить вездеход?

— Где? В Море Ясности!

— Как так?

— Да я просто наблюдала, как это делали Гретхен и тетушка. Сегодня я в первый раз сидела за рулем такой машины.

— Ничего себе! А почему ты этого не сказала?

— Любимый, если бы ты это знал, то начал бы беспокоиться. И понапрасну. Со всеми своими прежними мужьями я держалась

правила: не говорить ничего такого, что бы могло озадачить или взволновать мужа. Если только этого можно было избежать.

Она одарила меня ангельской улыбкой.

— Поверь, так лучше. Мужчины всегда паникуют, а женщины — нет!

Меня разбудил громкий стук.

— Откройте дверь!

Я не сообразил, что ответить, поэтому промолчал. Широко зевнув, я решил, что еще сплю, и повернулся на правый бок. И тут меня пронзило: Гвен не было рядом!

Я вскочил так быстро, что у меня закружилась голова. Стук продолжался.

Не пейте шампанского в постели перед сном! Мне пришлось выдуть полбутылки выдохшегося пойла, прежде чем я стал способен что-нибудь сообразить. Теперь в дверь уже колотили.

В верхнюю часть моего протеза была воткнута записка от любимой женщины. Хитрая девчонка! Это вернее, чем воткнуть ее в мою зубную щетку! Я прочитал:

«Мой несравненный! Меня одолела жалость, поэтому не стала тебя будить. Но мне надо кое о чем позаботиться, посему я ухожу. Сперва навещу "Старину Монтгомери", передам скафандры и уплачу за их прокат. Там же куплю носочки и трусики для тебя и панталончики для себя. Сделаю еще несколько дел: оставлю у портье записку Биллу, чтобы он вернулся в номер и ждал. (Он появился после нас, и Ксия, как мы с ней и договорились, поместила его в одноместный.) После этого я навещу тетушку в госпитале имени Вайоминг Нотт и еще позвоню Екатерине.

Ты спишь, как бэби, и я рассчитываю вернуться до того, как ты проснешься. Если нет и если куда-нибудь смоешься, пожалуйста, оставь записку у портье. Люблю тебя, Гвендолин».

А в дверь все колотили. Я пристегнул протез и поглядел туда, где вчера озорница Гвен расположила в «романтических» позах наши скафандры. Их там не было. Натянув свою единственную одежду, я сбрызнул водой маленький клен, но это было излишне, так как Гвен о нем уже позаботилась.

— Откройте дверь! — донеслось снаружи.

— Пошел к черту,— вежливо рекомендовал я.

Стук сменился каким-то скрежещущим звуком. Я подошел к двери и стал сбоку. Она не была укрепленной или раздвижной — обычные подвешенные створки. Одна из них приотворилась, и мой непрошеный гость шагнул внутрь. Я, перехватив, отшвырнул его. При одной шестой силы тяжести действия требуют осторожности: надо иметь за что зацепиться, иначе вы рискуете потерять равновесие. Но я удержался, а посетитель отлетел к дальней стенке и шлепнулся на кровать.

— Уберите свои грязные лапы с моей постели!

Он сполз и поднялся на ноги. Я напустился на него:

— А теперь объясните, зачем вы вломились в мою спальню, да поторопитесь, пока я не выдернул вам конечности и не отдубасил по башке! Кто вы такой, чтобы будить гражданина, потребовавшего, чтобы его не беспокоили? Отвечайте!

Я уже разобрался, кто он такой — один из тех городских олухов, что напялили на себя униформу с нашивкой «коп». Его ответ, сочетавший негодование с самонадеянностью, вполне гармонировал со способом появления этого «копа» в моем номере.

— Почему вы не открыли, когда я приказал вам это сделать?

— Мне еще не хватало выполнять ваши приказы! Вы что, уплатили за эту квартиру?

— Нет, но...

— Вот вы и ответили. Убирайтесь сейчас же!

— Да выслушайте меня! Я офицер службы безопасности суверенного города Гонконг Лунный. Вам надлежит явиться к Председателю муниципального совета для дачи показаний, касающихся спокойствия и безопасности города...

— Ах, так мне «надлежит»? А ну-ка, покажите предписание!

— Предписание не требуется. Я в форме и при исполнении служебных обязанностей. Вы должны мне содействовать. Устав города, раздел два семнадцать, параграф восемьдесят два, страница сорок один.

— У вас что, есть полномочия взламывать двери частных спален? И не порите чушь относительно того, что «предписание не

требуется»! Я подам на вас в суд и отниму все ваши сбережения до последней кроны, а в придачу и эту обезьянью форму!

Его челюсть затряслась, и он сумел лишь выдавить:

— Вы будете вести себя смирно, или мне вас потащить силком?

Я оскалил зубы:

— Тогда пострадают двое из троих. Одного я уже сделал. Марш отсюда! — тут я понял, что у нашей перебранки есть свидетели: — С добрым утром, Ксия! Вы знаете этого недоноска?

— Мистер Ричард, я ужасно сожалею... Дневной дежурный пытался его остановить, но он прорвался. Я пришла так быстро, как смогла...

Я заметил, что она обута на босу ногу и без макияжа. Ее, видно, разбудили, так же как и меня.

— Вы здесь ни при чем, дорогая,— галантно уверил я.— У него нет предписания. Как вы считаете, имею я право вышвырнуть его?

— Ну...

Она все же была обеспокоена.

— О, я понимаю. Вернее, думаю, что понимаю. Исторически сложилось так, что хозяева гостиниц вынуждены сотрудничать с полицией. И столь же исторически полицейские наделены повадками грабителей и хулиганов... Ладно, из симпатии к вам я оставлю его в живых,— я повернулся к «копу».— Парень, можешь вернуться к своему боссу и доложить, что я к нему приду. Но не прежде, чем глотну пару чашек кофе. Если я ему нужен раньше, пусть посылает роту. Ксия, не хотите ли кофе? Пойдемте посмотрим, есть ли у Синга этот живительный напиток с печеньем или чем-нибудь еще?

Но тут «Джо-штурмовик» вынудил меня вырвать у него пистолет. Меня можно застрелить (возможно, когда-нибудь это и произойдет), но вряд ли такое будет по плечу олуху вроде этого, полагающего, что один вид револьвера для меня аргумент!

Его оружие было мне вовсе не по вкусу, дешевый стандартный хлам. Поэтому я его разрядил и, убедившись, что патроны не того калибра, какой мне нужен, бросил их в мусоропровод, после чего вручил пистолет владельцу.

Потеряв обойму, он гнусно заверещал, но я на редкость доходчиво пояснил, что разряженный пистолет в его руках ничуть не хуже заряженного, к тому же, учитывая его выдающуюся сноровку, при наличии патронов он может сам себя поранить!

«Коп» продолжал стенать и грозиться, но я предложил усладить этими звуками слух его босса и повернулся к нему спиной.

Он, должно быть, испытал досаду. Впрочем, я тоже.

Мне стало лучше (несмотря на недосып) после вполне содержательной болтовни с Ксией за кофе и пончиками с кремом. Через сорок минут я доставил себя в офис почтенного Джефферсона Мао, Председателя совета депутатов суверенного города Гонконга Лунного. Это все значилось на вывеске офиса. Я подивился тому, как Конгресс Свободного Штата Луна терпит это понятие «суверенный», но решил, что мое дело — сторона.

Шустрая женщина с острым взглядом и красными волосами (интересные гены, подумал я) произнесла:

— Назовите себя, прошу вас!

— Ричард Джонсон. Председатель пожелал со мной встретиться.

Она бросила взгляд на монитор.

— Вы не явились к назначенному часу, придется подождать. Можете присесть.

— Я могу и не присесть. Я сказал вам, что Председатель хотел меня видеть, но отнюдь не сказал, что и сам жажду свидания с ним. Нажмите ту клавишу и доложите, что я здесь!

— Я не могу впустить вас к Председателю раньше чем через два часа.

— А вы передайте, что я здесь. Если он откажется меня принять, я отбуду.

— Ну и прекрасно, возвращайтесь через два часа!

— Вы меня не поняли. Я отбываю. Покидаю Конг. И не желаю к вам возвращаться.

Конечно, я сблефовал, но, произнеся слово «отбытие», я вдруг понял, что это, может, и не блеф. Первоначально я намеревался пробыть в Конге какое-то неопределенное время, но теперь осознал, что мне не хочется оставаться в городе, настолько павшем,

что в нем законом допускается вторжение полицейского в частное жилище только потому, что какому-то чиновнику вздумалось вызвать к себе его владельца!

Разумеется, нет! Рядовой солдат в достойном, правильно организованном воинском подразделении и то пользуется большими гражданскими правами и свободами! Гонконг Лунный, прославленный в песнях и рассказах как колыбель Лунной свободы, теперь стал местом, не подходящим для обитания.

Я повернулся к выходу, но она окликнула меня, когда я был уже в дверях:

— Мистер Джонсон!

— Да? — спросил я не оборачиваясь.

— Вернитесь!

— Зачем?

Она ответила, скривившись как от боли:

— Председатель сейчас примет вас.

— Отлично! — констатировал я.

Я подошел к дверям, ведущим во внутренний офис, они раздвинулись, но... за ними еще вовсе не находился кабинет Председателя. Там оказались еще три двери, и перед каждой из них торчал свой гвардейский цербер. Это сказало мне больше, чем я желал бы знать о ныне правящих властях Гонконга Лунного («суверенного города»!).

Гвардеец у последней двери ввел меня внутрь кабинета.

Мистер Мао окинул меня взглядом и не здороваясь произнес:

— Садитесь.

Я сел, держа палку между коленями. Мне пришлось прождать минут пять, пока «отец города» шуршал бумагами, не обращая на меня ни малейшего внимания. Тогда я поднялся и направился к двери, ступая медленно и опираясь на палку. Мао всполошился:

— Мистер Джонсон, куда вы?

— Я ухожу.

— Ну, разумеется! Вы же не желаете проявить лояльность, не так ли?

— Я желаю заняться собственными делами. Есть ли к этому какие-либо препятствия?

— Если вы так настаиваете, я могу процитировать устав муниципалитета, согласно которому вы обязаны оказывать мне содействие по первому требованию.

— Вы имеете в виду параграф восемьдесят два раздела двести семнадцать устава города?

— Так вы с ним знакомы и сами... Стало быть, ваше поведение тем более неизвинительно!

— Я не знаком с этим уставом, но знаю номер параграфа. Он был мне назван тем шутом-головорезом, который ворвался в мою спальню. А что, в вашем уставе ничего не говорится о недопустимости взламывания дверей частных покоев?

— Ах да, вы еще оказали сопротивление офицеру службы безопасности при исполнении им обязанностей! Но мы обсудим это позднее. Устав, который вы упомянули, есть основа нашей свободы. Граждане, временные обитатели и даже гости могут приезжать и уезжать по собственному желанию, но они обязаны выполнять свой гражданский долг и оказывать содействие официальным властям, избранным, назначенным или мобилизованным, при исполнении ими своих функций.

— А кто решает, когда требуется такое сотрудничество, и определяет его характер и объем?

— Во всяком случае, этим правом наделены все официальные лица.

— Ну, предположим. Так чего же еще вам от меня надо? — спросил я, все еще стоя.

— Сядьте. Конечно, мне следует с вами поговорить. И я требую, чтобы вы мне отвечали. Я сожалею об инциденте, но вы сами не слишком располагаете к вежливому обращению.

— То есть, исходя из этого, можно и взломать мою дверь?

— Не утомляйте меня. Посидите и помолчите. Мне необходимо вас допросить... как только появятся двое свидетелей.

Я сел и умолк. Мне казалось, я начинаю проникаться пониманием нового порядка: абсолютная свобода... за исключением того, что официальные «собачники» всегда могут любому гражданину в любое время приказать все, что им вздумается!

Итак, «свобода», отвечающая определениям Оруэлла и Кафки, практике Сталина и Гитлера, «свобода» вышагивать взад и

вперед в собственной клетке (или камере). Я спросил себя, не будет ли сопровождаться предстоящий допрос применением электрических или механических «вспомогательных приспособлений» или впрыскиванием наркотиков, и почувствовал легкий спазм в желудке.

Раньше, когда я жил более активной жизнью и всегда мог столкнуться с риском капитуляции и выдачи секретных сведений, при мне всегда находился «последний друг» в виде «капсулки в дупле зуба» или чего-нибудь эквивалентного. Но в последние несколько лет в такой защите необходимости я не испытывал...

Мне стало страшновато.

Спустя некоторое время в кабинет вошли двое мужчин. Мао ответил на их приветствия и жестом предложил им располагаться. Третий вошел сразу за ними.

— Дядюшка Джеф, я...

— Замолчи и садись!

Этот последний оказался тем самым олухом, чей пистолет я давеча опростал. Он заткнулся и сел. Я украдкой поймал его взгляд, он сразу же отвел глаза.

Мао отложил в сторону несколько бумаг.

— Майор Бозелл, спасибо, что пришли. И вас тоже благодарю, капитан Мэрси! Майор, вы имели вопросы к некоему Ричарду Джонсону? Вот он сидит перед вами. Задавайте!

Бозелл оказался коротышкой, но держался очень прямо, задрав голову. У него была густая седоватая шевелюра ежиком и резкие повадки.

— Ха! Так перейдем прямо к сути. Зачем вы втравили меня в расследование этого липового дела?

— Какого липового дела?

— Ха! Вы же не станете, сидя здесь, отрицать, что наплели с три короба о нападении бандитов? Да еще в районе, где никогда никаких бандитов не было? Не станете же вы отрицать, что заставили меня направить туда спасательную команду, прекрасно зная, что я ничего не обнаружу? Отвечайте!

Я проговорил:

— Вы мне напомнили о важном... Может ли кто-нибудь из присутствующих сказать мне, каково состояние тетушки Лили-

бет сегодня утром? Потому что из-за визита к вам я не успел навестить ее в госпитале.

— Ха! Не уклоняйтесь от темы разговора. Отвечайте на вопрос!

Я спокойно отпарировал:

— Но это и есть тема разговора. Вы говорите о трех коробах небылиц, а старая леди может подтвердить, как было все на самом деле. Она жива? Вы не знаете?

Бозелл заерзал, пытаясь что-то еще пролаять, но Мао прервал его:

— Да, жива. Час назад была еще жива. Джонсон, а вы должны молить Господа, чтобы она выжила! У меня ведь здесь лежит заявление...— он постучал по своему терминалу.— От гражданки, чья репутация безупречна и которая является одним из наших главных акционеров. От леди Дайаны Керр-Шэпли. Она утверждает, что вы стреляли в миссис Лилибет Вашингтон...

— Что-что?

—...с целью терроризировать пассажиров, что явилось причиной гибели от кислородного голодания ее мужа, почтенного Освальда Проганта, перелома запястья ее мужа, почтенного Брокмана Хогга, а также потрясения самой леди Дайаны из-за многочисленных оскорблений в ее адрес.

— Гм-м... А не сообщала ли она, кто убил ребенка О'Тулов? А как насчет башенного стрелка? Кто убил его?

— Она утверждает, что, к сожалению, не видела всего. Но вы выходили наружу, когда автобус остановился, и поднимались к башенке. И что, вне сомнения, тогда и прикончили бедного парня.

— Это говорите вы или утверждает она?

— Это говорю я! Выдвигаю вероятную версию. Леди Дайана очень щепетильна и не будет утверждать того, что она не видела собственными глазами. Включая этот мифический вездеход, набитый бандитами. Она ничего такого не видела!

Бозелл радостно подхватил.

— Вы сами видите, мистер Председатель! Этот преступник затеял стрельбу в автобусе, убил троих и ранил двух пассажиров, а потом стал заливать байки о бандитах, чтобы прикрыть собственные художества. В этом районе бандитов нет, всякий это знает!

Я попытался воззвать к здравому смыслу.

— Один момент, мистер Председатель! Здесь находится капитан Мэрси. Я полагаю, его спутник-разведчик засек вездеход бандитов?

— Здесь вопросы задаю я, мистер Джонсон!

— Но тогда спросите, есть ли у него такой снимок или нет?

— Прекратите, Джонсон! Ведите себя должным образом. Или мы вас успокоим...

— А что же я делаю «не должным образом»?

— Вы нарушаете течение допроса неуместными репликами. Дождитесь, пока вам дадут слово. А теперь отвечайте на вопрос.

— Да, сэр. Так каков же вопрос?

— Я приказываю вам успокоиться!

Я «успокоился». Остальные тоже.

Мистер Мао нетерпеливо побарабанил пальцами по столу и спросил:

— Майор, у вас есть еще вопросы?

— Ха! Он же ни на один еще не ответил, просто ускользнул от ответа!

Председатель произнес:

— Джонсон, отвечайте же.

Я притворился дураком. Эта роль мне удается лучше всего.

— А в чем заключается вопрос?

Мао и Бозелл заговорили одновременно. Бозелл что-то кричал, а Мао пробурчал:

— Подытожим все наши вопросы. Почему вы совершили то, что совершили?

— А что же я совершил?

— Я только что объявил вам, что именно вы совершили!

— Но я не делал ничего из того, что вы перечислили, мистер Председатель, и не понимаю, почему вы пытаетесь приписать мне все это? Вас же там не было. К тому же, этот автобус не принадлежал вашему городу, я сам тоже не живу в вашем городе, и то, что произошло, случилось вне города. Так какое вам до этого дело?

Мао откинулся назад и самодовольно раздулся. Бозелл торжествующе ввернул свое «ха!» и добавил:

— Дайте я сам ему скажу!.. Или это сделаете вы, мистер Председатель?

— Да, это сделаю я! Мне доставит удовольствие сказать это. Джонсон, менее года назад Совет данного суверенного города принял весьма мудрое решение. Он распространил свою юрисдикцию на все поверхности и глубинное пространство в пределах окружности, отстоящей на сто километров от края муниципальной капсулы — оболочки города!

— И сделал дружины безопасности официальными войсками правительства,— снова не утерпел Бозелл,— обязав их поддерживать спокойствие в обозначенном стокилометровом кольце. И вы попались как раз в нем, вы, убийца!

Мао пропустил мимо ушей последнюю «врезку», но добавил:

— Поэтому, как видите, Джонсон, в то время как вы полагали, что находитесь в зоне анархической свободы, где законы не писаны, вы, напротив, оказались в сфере действия закона, и ваше преступление вполне наказуемо!

Интересно, когда кто-нибудь еще захочет заграбастать под «свою юрисдикцию» и Пояс астероидов?

— Так, выходит, это мое «преступление» было совершено на расстоянии, меньшем, чем сто километров от Гонконга Лунного?

— Э? Меньшем. Значительно меньшем.

— А кто это измерил?

Мао взглянул на Бозелла.

— Как далеко это произошло?

— Около восьмидесяти километров от города. Немногим меньше.

Я спросил:

— А что означает ваше «немногим меньше»? Майор, да никак вы говорите о нападении бандитов на автобус, а не о том, что произошло внутри автобуса?

— Не вкладывайте в мои уста своих слов! Мэрси, скажите ему вы!

Тут Бозелл почему-то смешался. Хотел было еще добавить что-то, но запнулся.

Я совершенно спокойно стал ждать продолжения.

— Так что же, капитан Мэрси? — нетерпеливо спросил Мао.

— Что вы хотите услышать от меня, сэр? Директор космопорта, направивший меня к вам, настоятельно требовал, чтобы я

был полностью лоялен... и ничего от себя не говорил, если вы не спросите.

— Я хочу знать все, относящееся к данному инциденту. Это ведь вы сообщили майору Бозеллу цифру восемьдесят километров?

— Да, сэр. Семьдесят восемь километров.

— А что она означает, откуда вы ее взяли?

— Я определил ее по монитору на моем пульте. Обычно мы не печатаем фотографии со спутников, лишь смотрим на изображение по дисплею. Этот человек — вы называете его Джонсоном, я же знаю под именем Полночь (если это, конечно, он) — вызвал меня прошлой ночью в час двадцать семь и сказал, что находится в автобусе из «Счастливого Дракона», и сообщил, что автобус был атакован бандитами...

— Ха!

—...и что они вывели из строя водителя, тетушку Лилибет, то есть миссис Вашингтон. Он сказал, что она ранена и что башенный стрелок...

— Мы это знаем, капитан. Расскажите о фотоснимках.

— Слушаюсь, мистер Председатель. По сведениям, полученным от Полночи, я сумел найти объект и сфотографировать его со спутника. Это был вездеход.

— И что, *этот* автобус находился в семидесяти километрах от города?

— Нет, сэр, не автобус, а другой вездеход...

На несколько секунд повисло тяжелое молчание, которое можно было бы назвать «гробовым». Потом Бозелл заорал:

— Но это же безумие! Там не было никакого...

— Минуточку, Бозелл! Мэрси, вас ввели в заблуждение измышления Джонсона. То, что вы видели, был автобус!

— Нет, сэр. Я видел и автобус также. Он тоже записан на монитор. И я видел, что он движется. Тогда я переместил камеру назад на десять километров и увидел второй вездеход, в точности как сказал Полночь.

Бозелл чуть не заплакал.

— Но там же... ничего не было, говорю я вам! Я и мои парни прочесали все вокруг. Ничего! Мэрси, вы сошли с ума!

Не знаю, сколько бы еще вопил Бозелл о вездеходе, который он не нашел, если бы его не прервали. В кабинет вошла Гвен. И я ощутил, как мое сердце вернулось на место. Теперь все должно пойти как надо!

Но меня тут же обеспокоила мысль о гвардейцах, что сторожили три входа на пути к Мао. Они же защищали своего босса от убийц! Как же Гвен сумела их обойти? Да, видимо, я еще не до конца узнал моего маленького «гиганта»!

Она улыбнулась мне, послала воздушный поцелуй, потом обернулась и распахнула двери:

— Прошу вас сюда, джентльмены!

Двое молодцов из личной охраны Мао вкатили кресло на колесах, осторожно регулируя его наклон, ибо в кресле восседала... тетушка Лилибет собственной персоной! Она поглядела по сторонам, приветливо улыбнулась мне и обратилась к Председателю.

— Привет, Джефферсон! Как поживает твоя матушка?

— Хорошо, спасибо, миссис Вашингтон. Но вы же...

— Что еще за «миссис Вашингтон»? Что за глупые церемонии? Мальчик, я же меняла тебе пеленки! Ты всегда звал меня тетушкой, ну и дальше так делай! А я услышала, что ты собираешься вручать медаль сенатору Ричарду за то, что он спас меня от бандитов, так я сказала себе: «Джефферсон не слыхал о двух других, которые заслужили медали не меньше сенатора Ричарда». Ты уж извини меня, Джефферсон!

Я произнес:

— О, как вы правы, тетушка!

— Ну вот, я и привела их обоих. Гвен, милочка, скажи «хелло» Джефферсону. Он главный в капсуле. А Гвен — это жена сенатора Ричарда, Джефферсон! А Билл... но где же Билл? Би-и-лл! Иди, иди сюда, сынок! Не робей! Джефферсон, пока сенатор голыми руками расправился с теми нехорошими людьми...

— Не голыми руками, тетушка! — возразила Гвен.— Он их прибил палкой!

— Ты запамятовала, милая. И голыми руками, и палкой... Но если бы там не было Билла и он не оказался таким шустрым и умелым, то и меня бы здесь не было! Иисус прибрал бы меня. Но

добрый Боже сказал, что мое время еще не настало, и послал мне Билла, а тот заклеил заплатами мой скафандр и оставил меня еще послужить Иисусу.

Тетушка наклонилась вперед и нежно взяла Билла за руку.

— Вот он — Билл, Джефферсон! Подтверди мне, что ты и ему дашь медаль. А Гвен... Поди-ка ко мне, Гвен! Эта девочка-малышка спасла нас всех!

Не знаю уж, сколько лет моей супруге, но на «девочку» она явно не тянула. Однако это было не самым главным «смещением» фактов, которые я обнаружил за последние минуты. Мягко говоря, тетушка выложила целый букет вранья. И Гвен при этом кивала и поддерживала ее с самым ангельским видом.

И дело было не в том, что сами факты исказились, а в том, что тетушка свидетельствовала о вещах, которые видеть никак не могла! Видно, Гвен основательно натаскала ее.

Тетушка поведала, как на нас напали две группы бандитов, как они затеяли перестрелку, что нас и спасло. Они перебили друг друга в «братоубийственной схватке», за исключением двоих, которых мистер сенатор одолел голыми руками и палкой (противопоставив их лазерному оружию!). Я выглядел таким героем, что сам умилился.

Но я-то знал, что почти все то время, когда разворачивались эти легендарные события, тетушка Лилибет пролежала без сознания, навзничь, стало быть, максимум, что она могла созерцать в минуты просветления, был потолок машины. И все же она наверняка верила всему, что говорила! Вне всякого сомнения! Вот это свидетельство очевидца!

И нельзя сказать, что мне хотелось бы его оспорить!

Тетушка объяснила также, почему автобус должна была повести Гвен, и тут... я обнаружил, что моя штанина задрана и я демонстрирую протез! Я никогда такого раньше не делал, но ведь потребовалось доказать, что в стандартный скафандр моя искусственная нога влезть не может, а, следовательно, будучи на одной ноге, я управлять машиной не способен...

Но окончательный удар по готовой рухнуть постройке обвинения нанесла Гвен уже после того, как тетушка Лилибет закон-

чила свое колоритное повествование. Гвен сделала это с помощью фотоснимков.

А теперь слушайте внимательно. Моя жена, как вы помните, использовала все свои патроны, то есть шесть штук. Потом аккуратно, как всегда, уложила «мийако» в сумку и... вытащила оттуда «мини-гельвецию», фотоаппаратик, которым и щелкнула два раза! Она установила камеру так, чтобы схватить в кадр не только обе бандитские машины, но еще и трех убитых, валяющихся на земле, и одного, бегущего к нам. На втором снимке на земле лежало уже четверо, и было видно, как «суперпончик» убирается восвояси.

Не знаю точно, сколько ей на это понадобилось времени, но между тем моментом, когда были израсходованы все ее боеприпасы, и бегством гигантского колеса прошло, по крайней мере, четыре секунды. Ее камера на каждый снимок требует столько же времени, сколько нужно для одного выстрела из полуавтоматического пулевого оружия, то есть одну секунду.

Отсюда вопрос: чем же она была занята в оставшиеся две секунды? Просто бездельничала?!

15

Предменструальный синдром: перед самым наступлением цикла женщина начинает вести себя так, как мужчина — всю жизнь.

Лоуэлл Стоун (2144–...)

Мы не то чтобы бежали оттуда, но постарались все же убраться как можно скорее. Да, конечно, тетушка вставила хорошенькую клизму мистеру Мао, заставив его признать, что мы не столь преступники, сколь герои, но это отнюдь не вызывало у него горячей любви к нам, и я это ясно ощутил!

Майор Бозелл даже не постарался хотя бы изобразить лояльность по отношению ко мне. «Отступничество» капитана Мэрси разъярило майора, а снимки Гвен, на которых так ясно были видны бандиты (там, где они «не могли быть»!), совсем разбили ему

сердце. Потом его босс наверняка учинил ему жесточайшую взбучку, приказав собрать отряды, направиться туда и найти их! И сделать это немедленно. («А если вы, майор, не можете выполнить свой долг, я буду вынужден найти такого, кто сможет! Это же ваша идея о стокилометровой зоне. Вот и расхлебывайте то, чем так хвастали!»)

Конечно, Мао устроил этот разнос не в присутствии посторонних, тем более — не в моем. Просто я знаю, как это бывает, исходя из профессионального опыта и побывав в каждой из ролей...

Я думаю, что тетушка Лилибет, получив сигнал от Гвен, сообщила Мао, что ей пора уходить.

— Моя маленькая нянюшка в госпитале сделает мне выговор за столь долгое отсутствие. А я не хочу получать выговор. Ее звать Мэй Ли Успенская — ты ведь с ней знаком, Джефферсон? Она знает твою матушку.

Те же два охранника покатили тетушку через анфиладу комнат и дверей и вывезли ее кресло-коляску в наружный коридор, вернее, в сквер. Все правительственные учреждения выходили на Революционный сквер. Она попрощалась с нами, и охранники покатили коляску дальше, в сторону госпиталя имени Вайоминг Нотт, находящегося ниже на два уровня и к северу от сквера. Не думаю, чтобы они планировали такое путешествие. Скорее всего, Гвен договорилась с ними о помощи внутри офиса Председателя, но тетушка решила, что они довезут ее до госпиталя, и они не посмели отказать.

— Нет, Гвен, голубка, тебе не нужно идти со мной — эти добрые джентльмены знают, куда меня везти!

Леди всегда будет оказан радушный прием, если она знает, что он *будет оказан*! И обе — и Гвен, и тетушка Лилибет — всегда исходили из сего правила!

Напротив муниципальных офисов стоял огромный, украшенный флагами транспарант:

СВОБОДНОЙ ЛУНЕ — 112 лет!
(4 июля 2076 — 4 июля 2188)

А что, и вправду настал День Независимости? Я прикинул в уме. Ну да, мы с Гвен поженились первого, значит, сегодня уже четвертое июля. Доброе предзнаменование!

На одной из скамеек, окружавших Революционный сквер, сидела Ксия, дожидавшаяся нас. Я, конечно, все надежды возлагал на Гвен, но никак не на Ксию. За утренним кофе я попросил ее разыскать мою жену и передать ей, куда и по какому поводу отбыл из отеля. («Ксия, мне не нравится этот полицейский визит, этот вызов на допрос, особенно в чужом городе, политическая обстановка которого мне не ясна. И если меня задержат, я хочу, чтобы Гвен знала, где меня искать»).

Я не предполагал, что же может предпринять Гвен, хотя за три дня пребывания с ней в супружестве я ни разу не мог предсказать, как она поступит и какие хитрые ходы предпримет! Но быть женатым на Гвен оказалось делом отнюдь не проигрышным!

Я тепло поблагодарил Ксию, но удивился предметам, лежавшим рядом с ней на скамейке. Оглядев их, я спросил:

— Что, кто-то уже занял наши брачные покои?

На скамейке рядом с Ксией находились: чемоданчик Гвен, пакет с париком и кимоно, бонсай-деревце и незнакомый мне пакет, в упаковочной сумке от «Старины Монтгомери».

— Держу пари, моя зубная щетка все еще в освежителе? — пошутил я.

— И что же в этом странного? — заметила Ксия.— Но вы должны уехать, Ричард, а я буду скучать по вам обоим. Может быть, заскочу в Луна-Сити, чтобы повидаться с вами.

— Обязательно! — воскликнула Гвен.

— Великолепно,— подтвердил я,— но только при условии, если мы сами отбываем в Луна-Сити. А мы, что, туда отбываем?

— И немедленно,— ответила Гвен.

— Билл, а тебе об этом известно?

— Нет, сенатор. Но она велела смотаться в «Старину Монтгомери» и вернуть скафандр. Так что я готов.

— Ричард,— серьезно произнесла Гвен,— тебе небезопасно здесь оставаться.

— Именно так,— ответил голос из-за моей спины (тем самым доказав, что некоторые классические сюжеты не стоит обсуждать в публичных местах!),— и чем скорее, вы, ребята, двинете отсюда, тем лучше! Ау, Ксия! Вы что, заодно с этими подозрительными персонами?

— Ау, Чоу-Му! Спасибо за поддержку.

Я уставился на него.

— Капитан Мэрси! Я рад, что вы вышли оттуда и я смогу тоже сказать вам спасибо.

— Совершенно не за что, капитан Полночь... или «сенатор»?

— Ну, вернее, доктор, или еще лучше — мистер. Но для вас я просто Ричард, если не возражаете! Вы спасли мою голову.

— А меня, Ричард, зовите просто Чоу-Му. Но вашу голову никто еще не спас. И я последовал за вами, чтобы это сообщить. Вы, вероятно, полагаете, что одержали победу? Вовсе нет, вы проиграли, так как обрекли Председателя на «потерю лица». Они оба потеряли лицо. А это значит, что вы заложили под себя мину замедленного действия,— он нахмурился.— Да, не скажешь, что здорово вышло и для меня, раз я присутствовал при том, как они «теряли лицо». Я оказался в роли гонца, принесшего плохие вести королю. Понимаете?

— Боюсь, что понимаю!

— Так что, Чоу-Му? — спросила Ксия.— Номер Первый в самом деле потерял лицо?

— Вот именно, любушка. И это дело рук тетушки Лилибет Вашингтон! Но ее он, конечно, тронуть не сможет. Потому-то и натравит псов на капитана... то есть на Ричарда. Так я понимаю весь расклад.

Спустя двадцать минут мы уже оказались на южной станции баллистического туннеля в сторону Луна-Сити. Собственно говоря, эта затея в достаточной мере совпадала с нашими собственными желаниями. На пути к станции, в вагоне метро Чоу-Му и Ксия, провожавшие нас, пытались убедить меня и Гвен, что мы должны отбыть из города на любом первом транспорте, независимо от пункта его назначения. С южной станции отходили обычные туннели (не баллистические) в сторону Платона, Тихо и Новилена (Нового Ленинграда). Если бы мы прибыли сюда на шесть минут раньше, они бы нас посадили в битком набитый вагон в сторону Платона и это многое изменило бы в наших дальнейших делах... А впрочем, кто знает, изменило ли бы? Не сама ли судьба формировала нас и наши деяния? (Что касается «фор-

мирования» Гвен, то формы у нее восхитительные, да и у Ксии они очерчены не хуже!)

Перед посадкой в баллистическую капсулу мы едва успели нормально попрощаться. Ксия расцеловала всех нас, и я с удовольствием отметил, что Гвен не оставила без внимания и без поцелуя Чоу-Му. Он как настоящий лунни слегка поколебавшись (поскольку сперва не был уверен, что леди это одобрит, но потом убедился в ее благосклонности), возвратил поцелуй с энтузиазмом.

Я обратил внимание на поведение Билла: он ответил на поцелуй Ксии абсолютно безо всяких колебаний. И я подумал, что старания Гвен играть роль «Пигмалиона» с этой малопривлекательной «Галатеей» вряд ли приведут к каким-нибудь результатам, если только Билл не усвоит лунных манер. Иначе не миновать ему потери нескольких зубов!

Мы уселись, пристегнулись ремнями, капсулу загерметизировали, и вновь Билл нянчил маленький клен, держа его у себя на животе. Капсула стала набирать скорость, и сила тяжести начала приближаться к земной. Для лунни, заполнивших вагон, такое ускорение было высоким. Две минуты пятьдесят одну секунду длился разгон — и мы понеслись с орбитальной скоростью.

Довольно странно испытывать невесомость в подземном тунеле. И вместе с тем, очень занятно.

Я впервые в жизни ехал баллистическим транспортом. Его построили на Луне еще до Революции, хотя тогда (я читал об этом) линия доходила лишь до Эндсвилла. Трассу позднее завершили, но на всю систему туннелей этот принцип распространять не стали — как мне сказали, он окупается лишь на протяженных маршрутах с интенсивным движением между точками, которые можно соединить «прямым» туннелем. «Прямой» в данном случае означает «точно совпадающий с баллистической кривой при орбитальной скорости».

Эта система — единственный в истории подземный «космический корабль». Принцип его действия точно такой же, как и у индукционных катапульт, запускающих грузы на Элл-Четыре, Элл-Пять и на Землю... но станция отправления, станция назначения, пусковые устройства и вся трасса находятся на глубине

нескольких метров под лунным грунтом на равнинных местах и около трех километров там, где туннель проходит под горами.

Две минуты пятьдесят одну секунду — разгон с ускорением в одно «g», двенадцать минут двадцать семь секунд в невесомости и снова две минуты пятьдесят одну секунду торможение при одном «g» — все это складывается в скорость пять тысяч километров в час. Ни один транспорт в мире не может достигнуть такой скорости. И это — тот предел, когда соблюдаются комфортные условия: три минуты как бы в «земном» гамаке, двенадцать с половиной — в невесомости и еще три — снова в гамаке, как бы подвешенном над землей (на Земле!)... Не так уж плохо, правда?

О, конечно, движение капсулы можно было бы и ускорить, доведя перегрузки до нескольких «g». Но не слишком этим увлекайтесь! Ибо, если ускорение внезапно сильно возрастет, все пассажиры погибнут, а при дальнейшем его резком падении от них останутся одни кляксы. Поэтому реально допустима предельная скорость не более шести тысяч километров в час, что сэкономит всего лишь три минуты. Поэтому наша капсула-ракета между Конгом и Луна-Сити летела с оптимальной скоростью пять тысяч в час.

На практике обычные реактивные ракеты могли бы преодолевать такие расстояния примерно за полчаса. Это зависит от высоты их траектории. И время полета достаточно мало. Так зачем же тогда понадобилось сооружать туннель под лунными «морями» и даже горами, если можно использовать нормальные реактивные надлунные ракеты?

А дело вот в чем. Сами по себе реактивные ракеты являются наиболее дорогим из всех видов транспорта, изобретенных человеком. В обычной ракете такого типа половина топлива расходуется на преодоление притяжения на взлете, другая — на гашение скорости при посадке (поскольку удар не погасившей скорость ракеты о посадочную площадку вряд ли может считаться удовлетворительным результатом ее полета!). Гигантские катапульты, сооруженные на Луне, Земле, Марсе и еще кое-где в космосе, являются гениальным инженерным решением, позволяющим наверстать экономические потери от применения реактивной техники.

Что же касается баллистической трубы, проложенной под поверхностью Луны, то она обеспечивает функционирование наиболее экономичного из всех известных дотоле видов транспорта. В нем не сжигается никакого топлива, а вся расходуемая на взлет энергия возвращается назад на последнем отрезке пути.

И никакого чуда в этом нет. Электрическая катапульта является мотором-генератором. Неважно, что внешне она не похожа на таковой. На фазе ускорения капсула — мотор, в котором электрическая энергия превращается в кинетическую. На фазе замедления она становится генератором: кинетическая энергия переходит в электрическую, которая накапливается в корабельном хранилище, «шипстоуне». Затем та же энергия из аккумулятора позволяет «бросить» капсулу обратно в Конг. Вот вам и «бесплатный ленч»!

Впрочем, не совсем. Обращаюсь к посвященным: не надо забывать о потерях на гистерезис и некоторых других. Энтропия постепенно нарастает: никто не может пренебречь вторым законом термодинамики, который обусловливает постепенный спад регенеративной мощности.

Давным-давно стало известно, что движение наземного транспорта замедляется и сводится на нет силой трения (если подойти к этому примитивно). Впоследствии какой-то гениальный парень понял, что вращающееся колесо при замедлении может использоваться как генератор, тем самым платя за привилегию своей «остановки». Угловой момент этого замедления может накапливаться в аккумуляторной батарее, первом прототипе шипстоуна.

Капсула из Конга делает то же самое: пересекая магнитные силовые линии на конце трассы в Луна-Сити, она генерирует огромную электродвижущую силу, останавливающую капсулу и переводящую ее кинетическую энергию в электрическую, которая накапливается в шипстоуне...

Но пассажирам до этого нет никакого дела. Они просто лежат себе в креслах-гамаках с максимально возможным комфортом.

Мы потратили больше трех дней для преодоления расстояния в восемьсот километров. Теперь же мы пробежали полторы тысячи километров за восемнадцать минут.

При выходе из капсулы пришлось проталкиваться через толпу храмовников, запрудивших станцию Луна-Сити и нетерпеливо ожидавших посадки на рейс до Конга. Я услышал, как один из них заявил, что «они» (вечные безымянные «они», обвиняемые во всех смертных грехах!) должны были выпустить на линию побольше каров. Какой-то лунни попытался объяснить возмущающимся, что это невозможно: в единственной трубе может ходить взад и вперед единственная капсула, но никак не две: это смертельно для обеих! Но объяснение было выслушано с полнейшим неприятием. Гостя, по-видимому, одолевала идея о том, что баллистическая труба — частная собственность, поэтому в ней нет никакого порядка... В результате дискуссии разъяренный лунни воскликнул:

— Вы желаете получить еще один туннель? Ну так вперед! Постройте его! Вам предоставят все права на это, и никто вас не остановит. А если и это вам не по душе, убирайтесь в свой Ливерпуль!

Жестоко с его стороны. Земляные черви не могут стать иными существами. Ежегодно некоторые из них гибнут из-за неспособности осознать, что Луна совсем не похожа на Ливерпуль или Денвер, или Буэнос-Айрес!

Мы прошли через контрольные ворота, отделявшие зал-капсулу, принадлежавшую транзитной компании «Артемис», от капсулы-оболочки самого города. В туннеле, ведущем от ворот, нас встретила надпись: «Получите здесь ваши квитанции за пользование воздухом!». Под плакатом стоял столик, за ним сидел человек, вдвое более увечный, чем я: его обе ноги кончались коленями. Но, кажется, это нисколько его не угнетало. Он торговал не только воздухом, но и журналами, и сладостями, предлагая также услуги туристических контор и гидов под принятым повсеместно девизом «Лабиринты дорог».

Большинство людей сновало перед ним не останавливаясь. Билл тоже собрался пройти мимо, но я его окликнул:

— Эй, подожди-ка, Билл!

— Сенатор, я собрался раздобыть водички для дерева.

— Погоди с этим. И прекрати называть меня «сенатором». Теперь зови меня «доктором». Доктором Ричардом Эймсом.

— Чего?

— Ничего. Просто делай, как я сказал. А теперь мы уплатим за воздух. Ты разве не платил за воздух в Конге?

Билл, оказывается, не платил. Он же вошел в город через служебные ворота: помогая тетушке Лилибет, поэтому никто и не спросил с него денег.

— Ну так это случайно. Ты должен был уплатить. Разве не помнишь, что и Гретхен заплатила за нас всех в «Счастливом Драконе»? Она это сделала. А мы обязаны уплатить здесь, но за большее время, чем одни сутки. Поэтому не торопись, подожди.

Я шагнул к столику.

— Добрый день. За воздух платить вам?

Продавец воздуха поднял глаза от чайнворда-крестословицы.

— Вас это не касается. Вы уплатили за воздух, когда приобрели билет.

— Не совсем,— объяснил я ему.— Я лунианин, дружище, вернувшийся домой. С женой и одним иждивенцем. Мне нужен воздух на троих.

— Прекрасная попытка сэкономить. Но скидки не будет. Взгляните: вам не положено платить по местному гражданскому тарифу, так как вы считаетесь туристом. Если вам угодно продлить визу, пожалуйста. В городском офисе. Они засчитают вам и продление пользования воздухом. И уходите, пока я вас не обжулил!

— Приятель, я вас развеселю,— сказал я, доставая и вручая ему паспорт (и удостоверившись, что это тот из моих паспортов, в котором я значусь как «Ричард Эймс»!).— Я отсутствовал несколько лет и, возможно, стал похож на землянина-сурка, что и у меня вызывает сожаление. Но, прошу вас, убедитесь, откуда я родом!

Он пробежал глазами паспорт и вернул обратно.

— О'кей, лунни, а я было подумал, вы меня дурачите... Так всем троим, да? И на сколько времени?

— Я не знаю точно, сколько пробуду. Каков кратчайший период льготной оплаты для постоянных жителей?

— Один квартал. А если вы возьмете на пять лет, то скидка пять процентов. Однако, учитывая нынешнюю тенденцию к снижению цен, это лишь приманка для сосунков.

Я заплатил за трех взрослых, намеревающихся дышать в течение девяноста дней, и поинтересовался, где можно устроиться на квартиру.

— Пробыв столько времени вдалеке отсюда, я не только не владею здесь «кубиком» (кубометром жилплощади), но даже не знаю, где находится жилищный рынок. Но мне совсем не улыбается ночевка в «Донной Аллее»!

— Да уж, там вас ожидает пробуждение без обуви, с перерезанным горлом и крысами, гуляющими по вашему лицу... Да-с, задача не из легких, дружище. Видите эти смешные красные колпаки? Сейчас идет самая крупная их конференция из всех, какие бывали в Луна-Сити. С ее началом до Дня Независимости город переполнен до отказа. Но если вы не слишком прихотливы...

— Нет, не слишком.

— После уик-энда вы найдете что-нибудь получше, но сейчас есть одно местечко на шестом уровне. Это «Раффлз», он напротив...

— Я знаю, где это. Попробую туда попасть.

— Лучше с самого начала скажите, что вы от меня. Я — рабби Эзра бен Давид. Запомнили? А вы — «Эймс, Ричард»?.. Вы не тот ли Ричард Эймс, которого обвиняют в убийстве?

— О Господи!

— Вас это удивляет? Увы, это так, дружище! У меня здесь где-то есть экземпляр объявления.

Он порылся в журналах, ища среди отчеркнутых заметок и шахматных задач нужный текст:

— А-а, вот оно! Вас разыскивает спутник-поселение «Золотое правило». Похоже, вы «охладили» какую-то весьма важную персону! Так, во всяком случае, они возвестили...

— Интересно. А что, меня и здесь разыскивают?

— На Луне? Не думаю. Как это может быть? Ведь действует старый дипломатический статус: никаких отношений с «Золотым правилом», пока они не примут Декларацию конвенции Осло о гражданских правах человека. Так что вряд ли вас здесь ищут.

— Надеюсь.

— Впрочем... если вам понадобится юридическая помощь, обратитесь ко мне. Я этим тоже занимаюсь. Меня можно застать

здесь ежедневно после полудня. Или можно так: оставьте мне записку в рыбной лавке Сеймура напротив библиотеки Карнеги. Сеймур — мой сын.

— Благодарю. Я запомню. Но, кстати, кого же я там убил?

— А вы не знаете?

— Поскольку я никого не убивал, то откуда мне знать?

— Тут некий логический пробел, мне пока неясный. Утверждается, что вашей жертвой удостоился стать Энрико Шульц. Это имя не колеблет вашу память?

— Энрико Шульц? Не думаю, что мне приходилось слышать о таком человеке. Это чужак. А ведь большинство убийств совершается друзьями или родственниками, а не чужими людьми. И тем более, не мной!

— Это очень странно. А ведь власти «Золотого правила» назначили солидную награду за вашу смерть. Или, если точнее, за «доставку вас живым или мертвым». При этом не оговорено, что «живым» предпочтительнее. Они заплатят только за ваше тело, дружище, теплое или холодное! Так вот, если я стану вашим поверенным, то потеряю моральное право использовать такой счастливый случай.

— Рабби, не думаю, чтобы вы были способны им воспользоваться в любом варианте — вы же настоящий старый лунни! Просто вы побуждаете меня нанять вас! Ну что ж, я решу это в течение трех дней.

— Ладно, согласен. Вам нужна только расписка в уплате за воздух или штамп на коже?

— Наверное, не помешает и то и другое, поскольку я потерял вид лунианина.

— Вот и прекрасно. Крону или две «на счастье»?

Преподобный Эзра поставил печать на наших предплечьях с датой, отметкой «три месяца» и грифом своей лавки. Для этого использовались водостойкие чернила, видимые лишь в свете «черной лампы». Это позволило нам вполне легально дышать в любой точке муниципальной капсулы Луна-Сити, а также наслаждаться другими сопутствующими привилегиями, такими, как прохождение через общественные помещения («кубики» или

объемы). Я вручил рабби три кроны сверх платы за воздух, он принял только две.

Поблагодарив преподобного Эзру и пожелав ему доброго дня, мы двинулись вперед по туннелю, нагруженные своим не слишком элегантным багажом. Через пятьдесят метров туннель перешел в обычную улицу-коридор. Мы уже приблизились к выходу, и я прикидывал, куда нам свернуть, влево или вправо, когда нас остановил звук полицейского свистка и женское сопрано скомандовало:

— Остановитесь. Не спешите! Первая санинспекция.

Я обернулся. У задержавшей нас особы был вид, отчетливо выражавший понятие «гражданская служба». И не спрашивайте меня, что это значит! Я просто знаю это по опыту пребывания на трех планетах, нескольких планетоидах и в еще большем количестве поселений. Даже после многих лет пребывания в отставке у «гражданских чиновников» остается такое выражение лица. На особе была форма, не похожая ни на армейскую, ни на полицейскую.

— Вы сюда из Конга?

Я согласился с этим.

— Все трое? Кладите багаж на стол и откройте все. Фрукты, овощи, пищу?

Я спросил:

— А что это такое?

Гвен заметила:

— У меня есть плитка шоколада. Хотите кусочек?

— Я расцениваю это как прямой подкуп. Но почему бы и нет?

— Конечно, это попытка дать вам взятку. Пожалуйста... Не за что... У меня в сумке есть небольшой аллигатор. Он не фрукт и не овощ. Но можно посчитать его пищей. В любом случае, он выпадает из ваших жестких правил...

— Погодите минуточку. Я проверю по списку.

Инспекторша проконсультировалась с объемистым растрепанным томом подшивок из распечаток терминала.

— Груши «аллигатор», шкура аллигатора, дубленая или обработанная, чучело аллигатора... Так он у вас набитый?

— Только когда переест. Очень прожорлив.

— Дорогуша, вы что, хотите сказать, у вас в сумке *живой* аллигатор?

— Засуньте туда руку, только на свой риск. Он выдрессирован как сторож. Но сперва пересчитайте свои пальцы, а после того как дотронетесь до него, сосчитайте их снова...

— Вы шутите?

— Нисколько. Но что в этом странного? Так сколько же у вас пальцев? Учтите, я вас предупредила!

— О, чепуха!

Женщина сунула кисть в сумку Гвен, взвизгнула и выдернула руку обратно.

— Он тяпнул меня,— вскрикнула она, засовывая пальцы в рот.

— Он именно для этого туда и посажен,— любезно объяснила Гвен.— Я же предупреждала вас. Вам больно? Дайте взглянуть.

Они обе поизучали пострадавшую руку, придя к выводу, что покраснение не очень опасно.

— Ну вот и славно,— вздохнула Гвен.— Я же учу его хватать крепко, но не прокусывать кожу. И никогда не отрывать пальцев! Он у меня еще слишком молод, его учить и учить. Но во второй раз вы так легко не отделаетесь. Альфред может повиснуть как бульдог, пока я успею прибежать на радиосигнал!

— О бульдогах ничего не знаю, но он определенно пытался схватить мой палец!

— О, нет же, нет! А вы вообще-то видели когда-нибудь собаку?

— Только освежеванные туши в мясных лавках. Впрочем, нет, видела одну в зоопарке капсулы Тихо, давно, в детстве. Большая, уродливая, злая. Я испугалась тогда.

— Но попадаются и маленькие, и вовсе не уродливые! Вот бульдоги, правда, невелики, но тоже уродливы. Зато они самые лучшие висуны и кусаки. Я именно так и дрессирую Короля Альфреда.

— Выньте его и покажите мне!

— Ну уж нет! Он — животное сторожевое. И я вовсе не желаю, чтобы другие люди его раздражали, даже сюсюкая над ним. Альфред мне нужен как кусака и висун. Если хочется его видеть,

сами и вытаскивайте. На этот раз он, возможно, и повиснет. Надеюсь...

Тем и кончились попытки проинспектировать нас. Адель Сассбаум, совершенно ненужный чиновник первого класса, признала, что дерево-сан ввозить не воспрещено, восхитилась им и поинтересовалась, не цветет ли оно. Когда Адель и Гвен уже обменялись хозяйственными рецептами, я вмешался, заметив, что если муниципальная проверка закончена, то невредно бы двинуться дальше!

Мы срезали угол у Внешнего кольца. Я определил нужную мостовую и сориентировался. Спустившись на один уровень, мы прошли через Старый Собор, потом направились вниз по туннелю, туда, где, как я помнил, находился отель «Раффлз».

По дороге Билл вдруг впервые изложил мне некоторые из своих политических взглядов.

— Сенатор...

— Не сенатор, Билл, доктор!

— Доктор. Да, сэр... Доктор, я считаю неправильным то, что тут произошло.

— Да, это так. Пресловутая «инспекция» совершенно бессмысленна. Абсолютно бесполезная статья государственного бюджета, раздувающая его расходы из года в год. Все равно что снабжать очками океанские лайнеры...

— О, я не про то. Там все о'кей, это защищает город и дает честный заработок.

— Сократи фразу на слово «честный».

— Чего? Я толкую про другое. Про деньги за воздух. Вот это и неправильно. Воздух должен даваться бесплатно!

— Билл, что ты несешь? Это же не Новый Орлеан, это Луна! Атмосферы нет, воздух добывается с великим трудом, достается дорого. И если ты его не купишь, то как сможешь дышать?

— Но я как раз про это и говорю! Воздух для дыхания — это право каждого. Правительство обязано его обеспечить.

— Правительство города и обеспечивает его постоянную поставку везде внутри капсулы. Вот за это и надо платить! — я помахал рукой перед его носом.— Это же неоспоримо!

— А я про то и говорю! Никто не должен платить за право дышать. Это же натуральное право на жизнь, и правительство должно его обеспечивать бесплатно.

Я обратился к Гвен:

— Подожди-ка, дорогая. Этот вопрос следует прояснить до конца. Мы можем исключить затраты на воздух для Билла с целью сделать его счастливым. Давайте остановимся тут, пока не договоримся. Билл, я заплатил за воздух, которым ты дышишь, поскольку у тебя денег нет. Верно?

Он замялся. Гвен мягко объяснила:

— У него есть деньги... Я дала на карманные расходы... Надеюсь, ты не возражаешь?

Я задумчиво уставился на нее.

— Мне кажется, ты все-таки должна была поставить меня в известность раньше. Любовь моя, отвечая за наше семейство, я должен знать, что в нем происходит,— я повернулся к Биллу.— Когда я платил, почему ты не предложил заплатить за себя из тех денег, что у тебя в кармане?

— Их мне дала *она*, а не вы!

— Ах, так? Ну так верни их *ей*!

Билл явно перепугался. Гвен проговорила:

— Ричард, а это так уж необходимо?

— Думаю, что да.

— Но я так не думаю!

Билл стоял неподвижно, ничего не предпринимая. Он наблюдал. Я отвернулся от него и, глядя в глаза Гвен, негромко произнес, обращаясь только к ней:

— Гвен, мне нужна твоя поддержка!

— Ричард, ты раздуваешь спор из ничего...

— Мне так не кажется, и это не «ничто», милая. Напротив, это ключевой вопрос, и твоя помощь необходима. Поддержи меня. Иначе...

— Что «иначе», дорогой?

— Ты прекрасно знаешь, что значит «иначе»! Собери свои мозги. Хочешь ли ты меня поддержать или нет?

— Ричард, но это же смешно! Я не вижу смысла в потакании твоему капризу.

— Гвен, я *прошу* твоей поддержки...— я прождал бесконечно долго, затем вздохнул.— Тогда иди вперед и не оглядывайся!

Ее голова дернулась, как если бы я ее ударил. Она подняла чемодан и пошла.

У Билла дрогнула челюсть, он заторопился за ней, не выпуская из рук дерево-сан.

16

Женщин следует любить, но не понимать.
Оскар Уайльд (1854–1900)

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, затем медленно пошел сам. Идти казалось легче, чем стоять, а сесть было совершенно некуда. Моя культя ныла, и все тяготы последних дней снова навалились на меня. Голова словно занемела. Я продолжал брести по направлению к отелю «Раффлз», запрограммированный именно на это...

«Раффлз» оказался еще обшарпаннее, чем я помнил. Но наверняка рабби Эзра знал, что говорил: или здесь, или нигде больше. В любом случае, хотелось поскорей уйти с глаз людских. Мне было необходимо самое неприхотливое убежище, лишь бы закрыть за собой дверь!

Сказав человеку за стойкой, что меня послал рабби Эзра, я спросил, есть ли свободный номер. Думаю, он захотел всучить мне самый дорогой из номеров: восемнадцать фунтов.

Я вступил в обычный ритуал торга, но сердце мое в нем не участвовало. Выторговав цену в четырнадцать крон, я заплатил и получил ключи. Клерк положил передо мною большую книгу.

— Распишитесь здесь. И покажите квитанцию о воздухе.

— А? С каких пор у вас завелась эта гадость?

— С приходом новой администрации, приятель. Мне такое нравится не более, чем вам, но либо заполнять эти графы, либо вылететь отсюда вон.

Я задумался. Так кто же я? «Ричард Эймс»? А почему бы тогда полиции не изойти слюной при мысли о вознаграждении? Колин Кэмпбелл? Но кто-нибудь с долгой памятью может среагировать и на это имя и подумать об «Уокере Эвансе»!

Поэтому я написал: «Ричард Кэмпбелл, Новилен».

— Спасибо, gospodin! Номер «Л» в конце прохода слева. Ресторана здесь нет, но есть кухня, откуда в номера по подъемнику подается еда. Если захотите поужинать здесь, учтите — кухня закрывается в двадцать один час. И кухонный лифт после этого подает только напитки и лед. Но неподалеку есть закусочная «Слоппи Джо», примерно в пятидесяти метрах, через улицу-коридор. В номерах готовить запрещается.

— Спасибо.

— Не желаете ли компанию? Прямо по стрелке, подняться на лифте. Девочки всех возрастов и темпераментов. Рассчитаны на клиентов высшего класса.

— Еще раз благодарю. Но я слишком устал.

Комната оказалась вполне сносной, а ее убогий вид меня вовсе не смутил. В ней находилась единственная кровать с уже разобранной постелью, освежитель, небольшой, но со всеми необходимыми устройствами и неограниченной подачей воды. Я пообещал себе горячую ванну, но попозже, попозже! Полка-консоль в спальне-гостиной, похоже, предназначалась для терминала связи, но теперь пустовала. Рядом с ней в скальную стену была встроена латунная пластинка с выгравированной надписью:

«В этой комнате во вторник 14 мая 2075 года Адам Селен, Бернарда де ла Паз, Мануэль Дэвис и Вайоминг Нотт разработали план, легший в основу свободы Луны. Здесь они объявили Революцию!»

На меня эта надпись особого впечатления не произвела. Да, эти четверо были героями Революции, но в год, когда я похоронил Колина Кэмпбелла и создал Ричарда Эймса, мне довелось побывать в дюжине с лишним гостиничных номеров Луна-Сити. В большинстве из них висели такие же таблички. Да что там говорить, и в моей родной стране повсюду натыканы надписи «Вашингтон ночевал в этой гостинице» или вроде того! Всего лишь

наживка для туристов, путающих «счастливый случай» с истиной!

Меня, в конце концов, эта тема вовсе не занимала. Отстегнув протез, я лег на постель и попытался ни о чем не думать.

Гвен! О черт, черт, черт!

Что же я такой упрямый, несгибаемый болван! Но к черту, всему есть предел! Не стану же я потакать Гвен во всем! Разумеется, в ряде случаев ей позволялось принимать решение за нас обоих, и это оказывалось оправданным. Но она не должна разрешать этому иждивенцу оказывать мне сопротивление, не так ли? И я с этим мириться не должен. Жить дальше так было нельзя...

Но ведь и без нее я жить не смогу!

Неправда, неправда! До этой недели, да нет же, до этих трех с небольшим дней, я ведь жил без нее? Ну, обойдусь и дальше!

Живу же я без одной ноги! Правда, это не значит, что мне нравится не стоять на двух здоровых ногах и что я не ощущаю потери... Да, без Гвен ты обойтись сможешь и вряд ли умрешь от одиночества, но пойми наконец, кретин,— за последние тридцать лет ты был счастлив только в этот короткий промежуток, начавшийся с того момента, как Гвен пришла к тебе и вы поженились! Это были часы, полные опасности и вульгарной несправедливости, часы борьбы и преодоления, но все это ничего не значило по сравнению с тем искристым счастьем, причиной которому было ее присутствие и то, что она — на твоей стороне! И ты сам прогнал ее!

Ну-ка, раскинь своими глупыми мозгами, запусти-ка свои шарики-ролики, ибо теперь вряд ли сможешь обходиться без них!

Но я же, все-таки, прав!

Да неужели? А что означает «быть правыми» и при этом состоять в браке?

Я, наверное, все же заснул, так как смертельно устал, но мне стали мерещиться кошмары вроде того, что Гвен изнасилована и убита в Донной Алее... Но ведь в Луна-Сити изнасилования крайне редки, в противоположность Сан-Франциско, где они — явление обыденное! Восемь лет прошло со времени последнего случая, виновником которого оказался землянин. Он даже не успел

оправдаться: местный житель, заслышав вопли женщины, разорвал обидчика на куски.

Потом выяснилось: она орала из-за того, что ей не доплатили. Но какая разница? Для луниан отношение к любой женщине столь же благоговейно, как к Деве Марии. Я хоть и приблудный лунни, но в глубине души приветствую такое. Единственное достойное наказание за изнасилование — смерть, немедленная и беспощадная!

На Земле, бывало, применялись смягчающие формулировки, типа «неполноценный субъект» или «невиновен ввиду психической ненормальности». Такие аргументы приводят в недоумение. В Луна-Сити каждый помышляющий об изнасиловании уже считается психически неполноценным, и его выселение — строжайшее условие сохранения психического здоровья общества. И никому не придет в голову сострадать насильнику, даже если тот ненормален! Лунни не проводят над насильниками психоаналитических исследований, их попросту уничтожают. Тут же. Быстро. Беспощадно.

Сан-Франциско должен бы поучиться у Луны. То же относится к любому городу, где женщине небезопасно ходить в одиночку. Леди на Луне мужчин не боятся, будь это родственники, друзья или чужаки. И мужчина на Луне не смеет причинить вред женщине — иначе он умрет!

Я проснулся от собственных горьких рыданий: Гвен умерла, Гвен изнасилована и убита — и все по моей вине!

Даже полностью вернувшись к реальности, я все еще всхлипывал, понимая, что это всего лишь сон, отвратительный, кошмарный... Но ощущение вины не уменьшилось. Я же в самом деле лишил свою дорогую защиты, предложив ей «уйти и не оглядываться». Ох, идиот, идиот!

Так что же мне теперь делать?

Да разыскать ее! Может быть, она меня простит? У женщин ведь безграничные запасы терпения. (Поскольку в прощении нуждаются, как правило, мужчины, то в этом свойстве женщин, возможно, заключается залог выживания рода человеческого?)

Но прежде должно найти ее.

Я почувствовал вдруг острую необходимость в том, чтобы тут же начать поиски. «Оседлать коня и помчаться сразу же во всех направлениях!» Но ведь это типичная задача, приводимая во всех математических учебниках. Пример неправильного решения при поисках пропажи. Пока что я не имею понятия, где искать Гвен, между тем как она знает, что я, скорее всего, в «Раффлзе» (на случай, если ей вдруг захочется меня найти!). Поэтому надо торчать здесь, а не бросаться куда-то наобум!

Впрочем, условие задачи можно усовершенствовать. Скажем, позвонить в «Дейли лунатик», поместить объявление, а может, и не одно. Развесить призывы к Гвен в витринах с объявлениями или, что даже лучше, заплатить за коммерческую информацию по всем каналам терминалов одновременно с публикацией в бюллетене «Новостей» из «Лунатика»!

А если и это не сработает, что же тогда?

Ох, да заткнись ты и давай пиши объявления!

«Гвен, позвони мне в "Раффлз"! Ричард».

«Гвен, пожалуйста, позвони мне! Я в "Раффлзе". Люблю, Ричард».

«Дорогая моя Гвен! Во имя того, что у нас было, пожалуйста, позвони мне. Я в "Раффлзе". Вечно любящий Ричард».

«Гвен, я был неправ. Дай мне шанс! Я в "Раффлзе". Со всей любовью. Ричард».

Я лихорадочно просмотрел сочиненные варианты, придя к выводу, что «номер два» — лучший, потом передумал: нет, в четвертом больше звучания. Нет, краткость второго все же лучше. Или даже первого. Да ну тебя, дурак, ты просто помести объявление, и все! Попроси ее позвонить. Если есть хоть какая-нибудь надежда ее вернуть, она не станет придираться к словам.

Позвонить прямо из отеля? Нет, оставить у портье записку для Гвен, указав, куда и зачем, а также примерное время возвращения. Попросить ее (пожалуйста!) подождать... а затем поспешить в редакцию газеты и через них передать текст в терминалы. Для следующего же выпуска «Новостей». И поторопиться назад...

Итак, я нацепил свою искусственную ногу, написал записку, чтобы оставить ее у портье, схватил трость — но в этот самый

момент, как бы отделившийся от времени, у меня в уме промелькнула масса случаев из собственной жизни... что заставило меня вдруг понять: этот безумный мир все же задуман по какому-то плану, он не есть хаос! И я ощутил это, как никто другой на свете...

Стук в дверь...

Я бросился открывать. Передо мной стояла Гвен. Слава тебе, Всевышний!

Она показалась мне еще миниатюрнее, чем я представлял. С огромными круглыми вопрошающими глазами. Она держала в руках маленькое деревце в горшке, похожее на вестника любви, а может, и было им!

— Ричард, можно войти? Пожалуйста!

Все произошло так внезапно: я взял деревце, поставил его на пол, поднял ее на руки, прикрыл дверь ногой, отнес ее к постели, и мы оба зарыдали, заговорили наперебой, мешая слезы со словами!

Но когда мы немного успокоились, я умолк и услышал ее слова:

— Прости меня, Ричард, за то, что не поддержала тебя. Но я была обижена и зла и не сумела побороть гордыню, чтобы сразу вернуться и сказать тебе... А когда ты ушел, я уже не знала, как быть. О господи, дорогой мой, никогда не позволяй мне снова уйти от тебя, заставь меня остаться! Ты же мудрее меня, и если я когда-нибудь разозлюсь и надумаю уйти, ты просто схвати меня за шиворот и верни! Не позволяй мне уйти от тебя!

— Никогда больше не позволю, никогда! Я был неправ, родная! Нечего было раздувать ту историю, не дело так утверждаться в любви! Я сдаюсь, слезаю с коня! Ты можешь баловать Билла как душе угодно: не услышишь от меня ни слова. Давай, потакай ему, разлагай, сколько хочешь!

— Да нет же, Ричард, нет! Я сама виновата во всем. Биллу нужен суровый урок. И надо было, чтобы ты проучил его. Однако...

Гвен дотянулась до своей сумки, открыла ее. Я предупредил:

— Не забудь об аллигаторе. Осторожнее!

Она впервые улыбнулась.

— А ведь бедняжка Адель попалась на удочку! Заглотнула мою наживку!

— Ты уверена, что там нет аллигатора?

— Господи, миленький, неужто ты думаешь, что я эксцентрична до такой степени?

— О, само Небо этого не знает!

— Там просто лежала мышеловка, да еще сработало ее собственное воображение. Вот...— Гвен выложила на постель кучку монет и несколько купюр.— Я заставила Билла вернуть деньги. Это все, что у него, наверное, осталось, поскольку я дала ему втрое больше. Боюсь, что Билл транжира и сразу кинулся тратить деньги! Я еще не придумала, как сделать, чтобы такое не повторялось впредь. А пока что он никаких денег не получит, если не заработает сам...

— Но пока он сам заработает деньги, ему обеспечен бесплатный воздух в течение девяноста дней, да и все остальное...— заметил я.— Гвен, голубушка, я в самом деле озабочен Биллом. Не тобой и не нашими расходами, а им самим. Его идеи насчет бесплатного воздуха... Впрочем, прости, я снова соскальзываю на неприятную тему.

— Но ты же абсолютно прав, дорогой! Высказывания Билла относительно воздуха отражают его общие представления о жизни. Я, наконец, их постигла. Мы сидели в Старом Храме и о многом поговорили. Ричард, он отравлен социалистическими идеями в их наихудшем виде! Полагая, что мир обязан его содержать, он искренне поведал мне, что каждый, несомненно, имеет право на наилучшую медицинскую помощь — разумеется, бесплатную. И вообще, за все должно платить государство. Все надо делить поровну. И он даже не утруждает себя простыми подсчетами, во что это должно обойтись. Ничуть не задумываясь над нереальностью своих притязаний, он считает, что бесплатным должно быть все, чего он пожелает,— Гвен передернуло.— И главное, его уверенность ничто не может поколебать!

— «Дорожная песня бандарлогов»...

— Что ты сказал?

— Это написал один поэт, живший пару столетий назад, Редьярд Киплинг. «Бандарлоги» — это обезьянье племя, считавшее, что стоит только пожелать, и все будет им доступно!

— Вот-вот, Билл точно такой же. Он со всей серьезностью объяснил мне, каким должен быть мир... и что дело правитель-

ства это обеспечить. Затем он стал рассуждать о законах. Ричард, правительство для него — какой-то идол. Или... о, я даже не могу понять, как устроены его мозги. До него не дошло ни слова из того, что я говорила. Он свято верит в свои бредни! Ричард, мы совершили ошибку, вернее, я ее совершила. Нам не нужно было его спасать...

— Чушь, милая девочка!

— Нет, родной. Мне казалось, что я сумею его перевоспитать. Но увы...

— Нет, я говорю не о твоем заблуждении, а о... Вспомни-ка крыс!

— О-о!

— И не гляди так понуро. Мы взяли Билла с собой, так как побоялись, что его убьют или даже заживо скормят крысам. Гвен, мы оба помним о том брошенном котенке и понимаем, что уж коли его подняли, то несем за него ответственность. Знаменитое китайское правило «о долге». И мы именно так и поступили, правда ведь? — Я взял ее за подбородок и поцеловал.— Даже зная о последствиях, мы все равно поступили бы так же, и даже в эту самую минуту.

— Ричард, я люблю тебя!

— И я тебя люблю, самым сладостным и даже... вульгарным образом!

— Ты... прямо сейчас?

— Мне нужен душ.

— Но мы можем принять его вместе!

Я занес остальные вещи, оставленные Гвен за дверью номера и, по счастью, никем так и не украденные. Она подняла маленькое деревце, поставила его на полку-столик кухонного лифта и что-то вытащила из глубины горшка.

— Для тебя есть подарок, Ричард!

— О-о! Девочки? Напитки?

— Ни то ни другое. Впрочем, понимаю, тебе они пришлись бы по вкусу. Тот портье даже хотел сократить мне плату, когда я брала ключ для Билла...

— А что, Билл тоже здесь?

— На одну ночь, в самом дешевом номере. Ричард, я совершенно не знаю, как быть с Биллом дальше. Мне даже захотелось после разговора с ним предложить ему заночевать в Донной Аллее, но тут я вспомнила слова рабби Эзры насчет крыс... Да ну его, здесь не может быть никаких крыс! Иначе Луна-Сити стал бы сплошной трущобой.

— Боюсь, что ты не так уж далека от истины.

— Я его покормила тоже, тут неподалеку, в «Слоппи Джо». А ты заметил, что он ест за четверых?

— А как же!

— Но не могла же я оставить его без еды и надежного ночлега. А вот завтра — другое дело. Я поговорю с ним всерьез — еще до завтрака.

— Гм-м. Он тебе наврет все что угодно ради яичницы с беконом. Он же просто босяк, Гвен! Самый что ни на есть босяк!

— Да нет, не думаю, что он способен на убедительную ложь. Во всяком случае, сегодня я дала ему шанс подумать. Он знает, что я презираю его взгляды и сердита на него. И что «дармовым ланчам» приходит конец. Надеюсь, он проведет бессонную ночь,— Гвен снова покопалась в горшочке и что-то вытащила из-под деревца.— Для Ричарда. Но отмой их почище!

И она протянула мне шесть патронов марки «шкода», калибром шесть с половиной миллиметров. Может, они были и не «шкодой», а подделкой, но какая разница!

Я взял их, повертел, поизучал.

— Чудная женщина, ты продолжаешь меня изумлять! Где? Когда? Как?

Похвала сделала ее солнечно-счастливой, словно двенадцатилетнюю девочку.

— Сегодня утром. В Конге. Конечно, на черном рынке и приложив некоторые усилия, чтобы выйти на него от «Старины Монтгомери». Я спрятала «мийако» под деревом-сан перед походом в магазин, затем, перед броском за тобой к Мао, сунула туда же и патроны. Ведь я не знала, мой миленький, какой оборот примут события в Конге. Да и вряд ли они развивались бы по-доброму, не будь тетушки Лилибет!

— ...А... готовить ты умеешь?

— Я вполне приличная кухарка!

— Ты умеешь стрелять, можешь вести вездеход, управлять космолетом, готовить... Ну ладно, я тебя нанимаю. А другими ремеслами ты тоже владеешь?

— Ну да, немного знаю технику, немного юриспруденцию (хотя давненько не практиковалась),— она задумалась и добавила: — А еще я могу свистеть сквозь зубы!

— Супердевочка! А ты, вообще-то, принадлежишь к человечьей расе? Отвечай осторожно: твои показания записываются!

— Мне бы хотелось давать показания в присутствии моего адвоката... Давай-ка закажем ужин, пока не закрыли кухню.

— Мне показалось, ты не прочь еще помыться?

— Не прочь. У меня уже лунный зуд. Но если мы сейчас же не закажем еду, то нам придется пойти в «Слоппи Джо»... Меня отпугивает не «Слоппи», а то, что надо одеваться. Ведь впервые за много лет я расслабилась, оказавшись наедине с собственным супругом! В твоей квартире на «Золотом правиле» нам досаждало то глупое выселение.

— Три дня...

— Всего? Правда?

— Восемьдесят часов. Чертовски заполненные делами. Я подарил их тебе!

В «Раффлзе» оказалась неплохая кухня, если положиться на выбор шефа. В ту ночь нам подали тефтели со шведскими оладьями в соусе из пива с медом. Довольно странное, но вполне приемлемое сочетание! Свежие листья салата, заправленные маслом и уксусом. Сыр и свежая малина. Черный чай.

Мы наслаждались всем этим, но, учитывая, сколько времени мы не ели, то показался бы вкусным даже тушеный старый башмак! Да и жареный скунс сошел бы, я бы и не заметил, что ем, ибо общество Гвен было для меня лучшей из приправ!

Мы блаженно жевали уже целых полчаса, даже не пытаясь делать это пристойным, но тут моя любимая заметила латунную дощечку на камне стены. Раньше, понятное дело, мы были слишком заняты.

Гвен поднялась и всмотрелась в табличку, потом произнесла, понизив голос:

— Вот так голливудский трюк! Это же то самое место! Ричард, здесь самая что ни на есть колыбель Революции! А я-то сижу здесь, словно это самый обычный номер в отеле! Я ведь тоже с ними взахлеб царапала свои каракули!

— Сядь на место и кончай ужин, дорогуша. В каждых трех из четырех гостиничных номеров в Луна-Сити такие же надписи!

— Да нет, не такие же! Ричард, какой номер у этой комнаты?

— Не номер, она обозначена буквой «Л». Комната «Л».

— Ну да, комната «Л»! То самое место! Ричард, у каждой нации на Земле перед подобной святыней всегда горит вечный огонь! И выставляется почетный караул. А здесь кто-то укрепил маленькую латунную пластинку, и все позабыли об этом! Даже в День Независимости Луны! Что поделаешь, таковы лунни. Самая странная публика во всей Вселенной! Честное слово!

Я ответил:

— Дорогая девочка, если тебе доставляет удовольствие думать, что эта комната — *подлинно историческое место*, как сказано на дощечке, прекрасно! И все же сядь на место и ешь. Или ты не боишься, что я съем всю малину?

Гвен не ответила, но села. Она замолчала, задумчиво перебирая пальцами ягоды и кусочки сыра. Я заметил:

— Милая, тебя что-то озаботило?

— Да, хотя и не до смерти.

— Рад слышать. Ну ладно, когда тебе захочется говорить, я весь превращусь в слух. Но ты не торопись, не к спеху!

— Ричард...— произнесла она потрясенно.

Я с изумлением увидел, как по ее щекам медленно скатываются слезинки.

— Да, дорогая?

— Ричард, я... наговорила тебе целую кучу лжи! Я...

— Постой, постой! Моя любовь, моя горячая маленькая девочка! Я всегда полагал, что женщины могут лгать столько, сколько им нужно, и никогда не подлежат осуждению. Ложь, быть может, единственный для них способ противостоять враждебному миру. Я же никогда не лез в твое прошлое, не так ли?

— Да, но...

— Подожди еще чуть-чуть. Я не делал этого. Ты пыталась кое-что мне рассказать, но я дважды пресекал твои попытки пагуб-

ной для нас исповеди. Гвен, я женился на тебе не из-за твоих денег, или твоего социального статуса, или твоего ума, или даже постельных талантов!

— Даже не из-за них? Не много же ты мне оставил!

— О нет, кое-что оставил. Я ценю твою сноровку в горизонтали и твой энтузиазм в этой позиции. Но компетентные «постельные плясуньи» — дело не редкое. Вот Ксия, к примеру. Я полагаю, она еще более искушена и вдохновенна...

— Возможно, вдвое искушеннее меня, но будь я проклята, если она вдохновенна!

— Правильно делаешь, оставляя себе резервы. Но не перебивай меня. Хочешь знать, что тебя делает особенной в моих глазах?

— Да, думаю, что хочу знать! Если это только не подвох!

— Нет, не подвох. Моя госпожа, твое особое и неповторимое качество заключается вот в чем: когда я рядом с тобой, я счастлив!

— Ричард!

— Кончай рыдать! Я не могу устоять перед женщиной, которая слизывает слезы с верхней губы!

— Грубиян! А вот и буду плакать потому, что... мне надо поплакать. И потому, что я так счастлива, и потому, что я люблю тебя, Ричард!

— А я весь полон тобой, ты, обезьянка! И я сказал тебе то, что сказал, вот почему, если твоя «куча лжи» теперь стала чуточку меньше, не берись за возведение новой, наполняя ее торжественными заверениями в том, что это правда, полная правда и ничего, кроме правды. Забудь это. Я не собираюсь заглядывать в провалы и выискивать несовпадения, меня они *не заботят*. Я просто желаю жить с тобой, держать тебя за руку и слушать твое похрапывание.

— Я не храплю! Или... храплю?

— А я не знаю. За последние восемьдесят часов мы не успели столько спать, чтобы этот вопрос встал на повестку дня. Спроси меня через пятьдесят лет.

Я перегнулся через стол, пощекотал ее грудь и посмотрел, как становится торчком ее сосок.

— Я хочу держать тебя за руку, слушать твое похрапывание, и иногда... о, раз или два в месяц...

— Раз или два в месяц?

— А что, это слишком часто?

Она вздохнула.

— Я должна была знать, на что иду! Или пуститься в загул?

— Загул? Какой еще загул? Я хотел всего лишь сказать, что мы раз или два в месяц могли бы посещать вместе рестораны, смотреть шоу, бывать в ночных клубах... Я бы покупал тебе цветок в волосы. Но если ты будешь настаивать, можем ходить и чаще, хотя такая ночная жизнь помешает мне писать. Я намерен тебя содержать, любовь моя, несмотря на то, что ты сама накопила кучу мешков с золотом... Так что, дорогая, какие проблемы? Программа не подходит? Что за выражение лица?

— Ричард Колин. Ты, несомненно, способен меня разъярить, как ни один из моих бывших мужей... или тех, с кем я спала когда-либо!

— А ты разве давала им спать?

— Ох... твою мать! Я не должна была спасать тебя от Гретхен. «Раз или два в месяц»! Сперва ты потряс меня этой фразой, затем загнал в ловушку.

— Мадам, ума не приложу, о чем вы толкуете!

— Так уж и не приложишь? Ты полагаешь, что я маленькая нимфоманка?

— Ну, не сказал бы, что слишком уж маленькая!

— Перестань. Попробуй меня разозлить, и я заведу еще одного мужа. Я знаю, что Чоу-Му совсем не против того, чтобы присоединиться к нашему дому.

— Чоу-Му — настоящий друг, это точно! И, думаю, был бы не прочь на тебе жениться. И в голове у него мыши не водятся, так что, если склонишься к такому варианту, я попытаюсь его одобрить. Хотя я не предполагал, что ты его знаешь так близко. Ты это всерьез?

— Да нет же, черт возьми! Я никогда не состояла во множественном браке. С меня всегда хватало одного мужа. Конечно, капитан Мэрси — парень красивый, но для меня слишком молод. Я вовсе не хочу сказать, что отказалась бы провести с ним ночку или несколько (если бы он вежливо попросил!), но это было бы лишь забавой, ничего серьезного...

— Ну что ж, и я не хочу, чтобы ты его отвергала. Но поставь меня в известность заранее, если ты решишь, чтобы я выбрал:

покинуть тебя с благодарностью или стать рогоносцем. Или умыть руки. На выбор леди...

— Ричард, как бесконечно ты любезен!

— А тебе хотелось бы сцен ревности? Но ведь здесь Луна, и сам я тоже лунни. Правда, приблудный, не настоящий. Но я и не землянин, который будет биться головой об стенку...— я поцеловал ей руку.— Моя очаровательная госпожа, ты и вправду не велика и не толста. Но сердце у тебя большое. Ты можешь насытить им, как хлебами и рыбами, стольких мужей и любовников, сколько пожелаешь сама. Я буду счастлив состоять первым среди равных (если удостоюсь)!

— А то, что я сейчас вижу, это кинжал?

— Нет, сосулька.

— Правда? Давай схватим ее, пока она не растаяла!

Мы «схватили», но она быстро «растаяла»: я был слишком утомлен. После я спросил:

— Гвен, почему ты хмуришься? Я оказался не на высоте?

— Нет, любовь моя, не потому. Но у меня в голове все та же куча лжи... И в этот раз, пожалуйста, не меняй тему разговора. Я знаю, что надпись на латунной пластинке правдива, так как тех четверых, что на ней упомянуты, я знала лично. И знала очень хорошо. Двое из них меня удочерили. Мой любимый, я имею непосредственное отношение к «отцам-основателям» Свободного Штата Луна!

Я ничего не ответил, ибо иногда ответить бывает нечего. Гвен заерзала на месте и проговорила чуть ли не с яростью:

— Не гляди на меня так! Я знаю, о чем ты подумал: 2070 год был так давно! Да, ты прав. Но если ты оденешься, я отведу тебя в Старый Храм и покажу мою собственную закорючку и отпечаток большого пальца на Декларации Независимости. Ты можешь не верить, что закорючка принадлежит мне... но отпечаток пальца ведь подделать нельзя! Мы пойдем туда посмотреть?

— Нет!

— Но почему? Хочешь знать, сколько мне лет? Я родилась на Рождество 2063 года и мне было двенадцать с половиной, когда я подписала Декларацию. Ну и подсчитай, сколько мне сейчас!

— Голубушка, когда я решил стать коренным лунианином и получить убедительные документы, я изучил историю Луны,

чтобы не сбиться. Так вот, среди подписавших Декларацию не было Гвендолин! Подожди секунду, я не хочу сказать, что ты врешь, просто у тебя, видимо, было другое имя.

— Да, разумеется! Хэйзел. Хэйзел Мийд Дэвис.

— Хэйзел... Впоследствии взятая замуж в банду Стоуна. Руководитель детской запасной дружины... Да, но Хэйзел была яркорыжей...

— Была. Если я прекращу пользоваться одними противными пилюлями, то мои волосы обретут натуральный цвет. Или ты предпочитаешь этот оттенок?

— Цвет волос значения не имеет. Но... Хэйзел, зачем ты вышла за меня?

Она вздохнула.

— Из любви, дорогой, и это святая правда. Чтобы помочь тебе, когда ты оказался в беде... и это тоже правда! Потому, что неизбежно должна была так поступить... и это тоже правда. И все это записано в исторической летописи, созданной в другом месте и в другом времени: Хэйзел Стоун вернулась на Луну, будучи женой Ричарда Эймса, также известного под именем Колина Кэмпбелла. И эта пара спасла Адама Селена, Председателя Революционного Комитета.

— Так уж и написано? Заранее предопределено?

— Не совсем, мой любимый! В другой исторической книге сказано, что мы потерпели неудачу и погибли при попытке...

17

Меняя облик, той же может быть —
Над ней не властны годы или быт,
Другим бы только голод утолить,
А ей — чем больше дашь, тем глубже аппетит!

Уильям Шекспир (1564–1616)

«...Итак, одна девочка сказала училке:
— Мой братец думает, что он — курица!
Училка вскричала:
— О Господи! Как же ему помочь?

Девочка ответила:

— Никак. Мама говорит, что яйца нам пригодятся».

Стоит ли волноваться, если женщина фантазирует? Если она счастлива в своих фантазиях. И не следовало ли показать Гвен психиатру, чтобы он постарался ее полечить?

Черт возьми, конечно же нет! Психиатры — это слепцы, ведущие слепых. Даже лучшие из них «танцуют от печки». И всякий, кто собирается прибегнуть к их помощи, должен сперва проверить собственные мозги.

На самый непредвзятый взгляд можно было утверждать, что Гвен, наверное, перевалило за тридцать или уже близко к сорока, но уж никак не пятый десяток! Так как же принимать за чистую монету ее уверения в том, что она родилась более столетия назад?

Всякому известно, что коренные луниане стареют намного медленнее, чем земляне, живущие в условиях полного притяжения. Иллюзии Гвен наводили на мысль, что ей хочется считаться истинной лунни, а не землянкой, как она раньше о себе говорила. Но ведь и лунни стареют, хоть и медленно. Лунианка старше ста лет никак не может выглядеть как тридцатилетняя! Она выглядит старухой...

Я изо всех сил пытался убедить Гвен, что верю каждому ее слову, в то время как не верил ничему, считая ее утверждения абсолютной нелепицей. Я знавал одного малого, психически вполне здорового, но женатого на женщине, помешавшейся на астрологии. Она проедала плешь каждому встречному, выясняя, под каким знаком тот родился. Такие антисоциальные завихрения куда более докучливы, чем милые фантазии Гвен!

А тот человек выглядел вполне счастливым. Его жена, невзирая на «дырочку в голове», была великолепной хозяйкой, весьма привлекательной женщиной и, как он считал, в постели могла дать фору Рэнджи Лил! Так стоило ли волноваться из-за ее навязчивой идеи? Пусть себе тешится, даже если это и раздражает других людей. А он не ощущал никакого интеллектуального дефицита в доме, поскольку имел полный физический комфорт.

Облегчив признанием душу, Гвен вскоре заснула, я последовал ее примеру, и мы крепко проспали весь долгий остаток счастливой ночи. Я проснулся отдохнувшим, бодрым, готовым

сразиться даже с гремучей змеей, причем дав ей фору в первых два удара!

Или готовым съесть гремучую змею!

В понедельник следовало начать поиски квартиры. Как правило, я вне дома ел не раньше ланча, ибо, на мой взгляд, завтрак должен предшествовать встрече человека с внешним миром. Вот это и есть вполне убедительный, хотя и не единственный аргумент в пользу брака! Для завтрака дома имеется много и других резонов, но когда муж побуждает жену готовить завтраки, это становится прекрасным стратегическим приемом укрепления брака.

Когда я совсем уже проснулся, то осознал, что мы могли бы получить завтрак прямо в номер. В самом деле? Во сколько начинает работать здешняя кухня? И который сейчас час? Я прочел меню на табло кухонного лифта и приуныл. Не то.

Почистив зубы, приладив ногу и натянув штаны (заодно осознав, что при нынешнем состоянии своих финансов я вряд ли могу купить себе новую одежду, хотя мои брюки уже достигли «критической отметки»), я увидел, что Гвен уже проснулась.

Она приоткрыла один глазок.

— Мы с вами знакомы?

— Встречались в Бостоне, но не были представлены друг другу... И тем не менее, я хотел бы угостить вас завтраком, это очень оживляет. Так что же нам делать? Этот спальный мешок предлагает только нечто, именуемое «полным кофе», зато внешний простор обещает кое-что посодержательней. Если бы ты проявила добрую волю, мы бы тихонько поползли в «Слоппи Джо».

— Давай обратно в постель!

— Женщина, ты пытаешься отобрать у меня жизненную страховку? Решай: «Слоппи» или чашку чуть теплого растворимого кофе, железную булочку и стакан синтетического апельсинового сока в качестве роскошного завтрака в постели?

— А ведь кто-то обещал мне вафли каждое утро? Это ты обещал! Ты обещал!

— Обещал. У «Слоппи Джо». Я именно туда и собираюсь. Идешь со мной? Или заказывать тебе фирменный завтрак «Раффлз»?

Гвен стала ворчать и стонать, обвиняя меня в неописуемых прегрешениях и желая мне достойной кары, одновременно, впрочем, проворно вскочив с постели, приняв душ, наложив макияж и одевшись. Она выпорхнула из освежителя, одетая «с иголочки» все в тот же наряд, который был на ней уже три дня!

Да, у нас было новенькое «исподнее», мы приняли горячий душ, очистили мысли и привели в порядок ногти, но она была свежа как майский день, а я выглядел как свинья, медленно бредущая из луж. Впрочем, это должно бы больше волновать ее, чем меня. Мне было так славно проснуться и увидеть ее рядом! И идти с ней рядом. Во мне все так и искрилось от счастья!

Когда мы вышли из номера «Л», она взяла мой локоть и прижала к себе.

— Мистер, спасибо, что пригласили меня на завтрак.

— Всегда к вашим услугам, девушка! Так в какой же комнате обретается Билл?

Он вдруг посерьезнела.

— Ричард, мне не хочется, чтобы вы встречались с Биллом прежде, чем мы позавтракаем...

— Фу... Но я вовсе не собираюсь заставлять его долго дожидаться завтрака. Вряд ли мне это доставит удовольствие. Но не обязательно иметь его перед глазами. Я возьму столик на двоих, а он пусть сидит хоть на кассе.

— Ричард, ты просто мягкосердечная размазня! И я люблю тебя!

— Не смей называть меня размазней! Сама такая! Кто осыпал его деньгами?

— Я, но это было ошибкой, и я забрала их назад. Больше такого не будет.

— Ты взяла назад только часть.

— Взяла то, что осталось, и хватит попрекать меня этим! Я была идиоткой, Ричард. Вот и все!

— Да ладно, забудем об этом. Так это и есть его комната?

Но Билла там не оказалось. Портье подтвердил, что мы стучались напрасно: постоялец удалился с полчаса назад. Мне показалось, что Гвен вздохнула с облегчением. Я, пожалуй, тоже. Наш

«трудный ребенок» начинал осложнять нам жизнь. Но я напомнил себе, как он спас тетушку Лилибет, и постарался подумать еще о чем-нибудь хорошем, связанном с ним.

Через несколько минут мы вошли в местный филиал закусочных «Слоппи Джо». Я огляделся в поисках свободного столика на двоих и почувствовал, как Гвен сжала мне локоть. Я посмотрел на нее, а потом туда, куда был направлен ее взгляд.

Около кассы стоял Билл, плативший по счету. У него в руке была купюра в двадцать пять крон. Мы замерли. Повернувшись, он увидел нас и явно захотел улизнуть. Но, в любом случае, он вынужден был пройти мимо нас.

Мы вышли с Биллом наружу, чтобы не привлекать внимания посторонних. Гвен смотрела на него с отвращением.

— Билл, где ты взял эти деньги?

Он поглядел на нее и отвел глаза.

— Они мои!

— Да ерунда! Ты покинул «Золотое правило» без единого фартинга. Эти деньги ты получил от меня и утаил их вчера, солгав, что потратил.

Билл упрямо и злобно молчал. Я сказал:

— Билл, вернись в свою комнату. После завтрака мы к тебе зайдем. И мы хотим услышать правду.

Он посмотрел на меня с откровенной ненавистью.

— Сенатор, это не ваша забота!

— Посмотрим. Возвращайся пока в «Раффлз». Пошли, Гвен!

— Но я хочу, чтобы Билл вернул деньги. Сейчас!

— После завтрака. Давай на этот раз сделаем по-моему. Ты идешь?

Гвен умолкла, и мы вернулись в кафе. Я постарался, чтобы мы не обсуждали поведение Билла. Некоторые темы могут заставить свернуться желудочный сок!

Через тридцать минут я спросил:

— Еще одну вафлю, родная?

— Нет, спасибо, Ричард, с меня хватит. Они не так вкусны, как твои.

— Это потому, что я обыкновенный гений. Ну, давай закругляться. Нам следует заняться Биллом. Мы что, заживо снимем с него шкуру или отобьем до состояния стэйка?

— Я допрошу его на дыбе. Знаешь, Ричард, жизнь потеряла частицу прелести, когда «наркотики правды» сменили пыточные колодки и раскаленное железо!

— Моя любимая, ты кровожадная маленькая ведьма. Еще кофе?

— Ты слишком мне льстишь... Нет, больше не надо кофе, спасибо!

Мы вернулись в «Раффлз», прошли к номеру Билла и, не достучавшись, вернулись к портье. Тот мизантроп, с которым я вчера имел дело, сегодня снова дежурил. Я спросил:

— Вы знаете что-нибудь об Уильяме Джонсоне из комнаты «КК»?

— Да. Минут тридцать назад он забрал свой взнос за комнату и отбыл.

— Но ведь за номер платила я! — вскричала Гвен.

Портье остался невозмутимым.

— Gospazha, я знаю, что уплатили вы. Но мы полностью возвращаем взнос при возврате ключа. Нам не важно, кто оплатил номер,— он дотянулся до полки и извлек ключ-пластинку «КК».— Был уплачен взнос за этот магнитный ключ, и кто бы его ни вернул, даже нашедший ключ просто на улице, может получить деньги, а владелец должен снова платить за право входа в свой номер.

Я крепко сжал локоть Гвен.

— Достаточно. Если он покажется снова, дайте нам знать, ладно? Комната «Л».

Он внимательно посмотрел на Гвен.

— А вы разве не желаете снова получить комнату «КК»?

— Нет.

Тогда он переключился на меня.

— Вы сняли «Л» на одну персону. Если там будут жить двое, потребуется доплата.

И вдруг до меня дошло. Все то же, все вокруг этим полно, я постоянно натыкаюсь на мелкие пакости!

— Вы пытаетесь содрать с меня еще одну крону? А я вас потащу в Донную Аллею и откручу башку!

Я еще кипел от злости, когда мы вошли в номер и закрыли за собой дверь.

— Гвен, давай уедем с Луны. Тут все изменилось. И в худшую сторону!

— А куда бы тебе хотелось уехать, Ричард? — спросила она подавленно.

— Да я... просто хотел бы эмигрировать за пределы Системы, хоть в Ботани Бэй, хоть на Проксиму, хоть куда угодно... если бы я был помоложе и с двумя ногами,— я вздохнул.— Иногда я кажусь самому себе ребенком, потерявшим мать.

— Мой родной...

— Да, дорогая?

— Но я же с тобой! Хочешь, я стану твоей мамочкой? Я пойду за тобой всюду, на самый край Галактики. Но сейчас мне еще не хочется покидать Луну... если только ты согласишься мне помочь. Мы бы могли уйти из отеля и попытаться найти другое пристанище. А если Эзра прав и мы ничего не найдем, то надо попытаться договориться с этим субъектом за конторкой до понедельника. А там мы уж точно найдем жилье!

Я постарался унять сердцебиение, успокоиться.

— Да, Гвен. Мы сможем найти жилье только после уик-энда, когда уберутся храмовники. Если только нам не повезет сразу же. Но я не хочу, чтобы этот подонок за конторкой знал, что мы собираемся в понедельник подыскать себе жилье.

— Слушаю, сэр! Но могу ли я объяснить тебе, почему мне нужно еще побыть в Луна-Сити?

— Что? Да, разумеется. На самом деле, я и сам бы хотел на время тут устроиться. Начать писать, заработать деньжат, чтобы покрыть изрядные расходы этой недели.

— Ричард! Я все время пытаюсь тебе внушить... У нас нет денежных проблем!

— Гвен, денежные проблемы есть всегда. Я не собираюсь перейти к тебе на содержание. Можешь звать меня «macho», если нравится, но я хочу сам содержать тебя.

— Конечно, Ричард! Я благодарна тебе за это. Но в данный момент не стоит беспокоиться об этом. Я могу хоть сейчас, голыми руками, достать столько денег, сколько нам надо!

— Да что ты? Какие сладостные перспективы!

— Но так оно и есть, сэр. Ричард, я больше тебе совсем не вру! Пришло время полновесной правды.

Я отмахнулся обеими руками.

— Гвен, я разве не ясно выразился? Мне все равно, что там за бредни приходят тебе в голову, или сколько тебе лет, или кто ты такая на самом деле! Мы же все начинаем сначала — ты и я!

— Ричард, не обращайся со мной как с несмышленым дитятей!

— Гвен, я и не делаю этого. Просто я говорю, что принимаю тебя такой, какая ты есть. Сегодня. Сейчас. А твое прошлое — твое личное дело.

Она огорченно поглядела на меня.

— Мой любимый, ты не поверил, что я — Хэйзел Стоун. Так ведь?

(Теперь мой черед врать! Но ложь не бывает удачной, если она не правдоподобна. Как бы мне воззвать к ее разуму, вместо того чтобы валять дурака?)

— Любимая, я пытаюсь внушить тебе, что мне неважно, являешься ли ты Хэйзел Стоун, или нет. Или Сэди Липшиц. Или Покахонтас. Ты просто моя любимая женщина. И давай не омрачать этот золотой факт всякими неуместными оговорками.

— Ричард, Ричард, послушай меня! Дай мне сказать,— она вздохнула.— Иначе...

— Что «иначе»?

— Ты же сам знаешь, что это «иначе» означает! Ты применил его ко мне. Если ты не пожелаешь меня выслушать, я должна буду вернуться и доложить о своей неудаче.

— Куда еще «вернуться»? Кому доложить? О какой неудаче?

— Если ты не захочешь выслушать, это значения не имеет.

— Но ты же сама просила, чтобы я тебя *не отпускал*!

— Я и не хочу тебя покинуть. Просто мне надо будет отлучиться по срочному делу. Потом я вернусь. Но я обязана доложить о своей неудаче и попросить отставку... и тогда я буду вольна идти

за тобой хоть на край Вселенной. Я должна именно попросить отставку, а не дезертировать. Ты же солдат и должен понять.

— А ты что, тоже солдат?

— Не совсем. Я агент.

— А, так ты «агент»... Вербовщик?

— Что-то вроде этого,— она усмехнулась.— Скорее «агент-соблазнитель». И я не должна была в тебя влюбляться, Ричард, так как это может сокрушить мою миссию. А может, ты пойдешь со мной и сам увидишь, как я буду «там» отчитываться?

Я не знал, что и думать.

— Гвен, я в замешательстве...

— Но почему ты никак не даешь мне объяснить?

— Ох, Гвен, это же объяснить *нельзя*! Ты утверждаешь, что являешься Хэйзел Стоун...

— Являюсь.

— А ну тебя! Я же умею считать. Хэйзел Стоун, если она жива еще, должно быть больше века!

— Правильно. Мне гораздо больше ста лет,— она улыбнулась.— В твоем лице я совратила младенца, миленький!

— О, бога ради! Как же так? Я провел с тобой в постели последние пять ночей. И ты оказалась на редкость шустренькой старушоночкой!

Она оскалила зубы.

— Благодарю, родной! Этим я обязана исключительно растительной смеси Лидии Пинхам!

— Так вот оно что! Сие патентованное средство вывело весь кальций из твоих суставов и всунуло его обратно в твои кости, разгладило морщины на лице, восстановило юную способность к «горизонтали», прочистило артерии и прочее? Закажи мне бочонок такого снадобья, я в него тоже окунусь!

— Миссис Пинхам оказывает только экспертную помощь, мой дорогой Ричард. Но ведь я могу доказать тебе, кто я есть на самом деле, хотя бы тем отпечатком пальца на Декларации Независимости. Это позволит твоему разуму воспринять правду, какой бы странной она ни была. Идентификацию можно провести и по сетчатке глаз, но мою сетчатку тогда не сфотографировали. А вот отпечаток пальца есть. И еще имеется формула крови.

Я начинал уже впадать в панику — что же ждет Гвен, когда ее фантазии рухнут? И тут мне кое-что припомнилось.

— Гвен, кажется, Гретхен упоминала Хэйзел Стоун?

— Именно. Гретхен — моя дальняя-дальняя праправнучка, Ричард! Я вышла за Слима Лемке из банды Стоуна, когда мне исполнилось четырнадцать, и родила первого ребенка в день осеннего равноденствия 2078 года. Это произошло на Земле. Я назвала первенца Роджером в честь моего настоящего отца. В 2080 году родилась моя первая дочь...

— Постой-ка! Твоя старшая дочь была же студенткой в Персиваль Лоуэлл, когда я командовал спасательной операцией! Ты же сама мне об этом говорила.

— Это была часть «кучи лжи», Ричард. У меня там действительно училась праправнучка, мой дальний потомок. Но я не стала уточнять детали моего родства с ней, ибо мой вид этому совершенно не соответствует. А мою старшую дочь звали Ингрид в честь матери Слима... Ингрид Гендерсон названа в память своей прабабушки и моей дочери, Ингрид Стоун. Ричард, ты даже не мог предположить, как тяжело мне было оказаться в «Иссохших костях», встретить там пятерых своих потомков и не подать вида, что я их знаю! Но не могла же я, Гвен Новак, объявить, что я их прапрабабушка Хэйзел! А ведь такое со мной случается не впервые! У меня куча детей: от начала менструации до начала климакса, за сорок четыре года, я родила от своих четырех мужей и трех случайных чужаков — шестнадцать детей. После смерти четвертого мужа я вернула себе имя «Стоун» и нарекла им своего первенца, Роджера. Я подняла на ноги четверых его детей от второго брака. Его второй жене, врачу, я была нужна в качестве бабушки-няньки. Трое из них, став взрослыми, вступили в брак, а четвертый мой внучек — теперь главный хирург на Церере. Он так и остался неженатым. У него свои взгляды на самостоятельность... Потом я начала принимать ту самую «растительную смесь», и вот результат: я снова полна сил и способна основать новую семью!

Гвен рассмеялась и похлопала себя по животу.

— Давай-ка ляжем в постельку!

— К черту, женщина, это не решит ни одной из наших проблем!

— Нет, не решит, но это прекрасный способ проводить время. И иногда прекращает периодические кровотечения... Кстати, это напомнило мне: если Гретхен возникнет снова, я вмешиваться не стану. Мне просто не улыбалась перспектива вторжения моей праправнучки в мой медовый месяц, в который затесались и без того масса людей и множество возбудителей.

— Гретхен всего лишь ребенок!

— Ты так считаешь? Физически она такая же созревшая, какой была и я в четырнадцать, когда вышла замуж и понесла. Девочка, состоящая в браке, Ричард! Здесь это случается чаще, чем где бы то ни было. Мама Мими была очень строгой и наказала маме Вайо смотреть за мной в оба. У меня не было никаких поползновений сбиться с пути. Семейство Дэвисов занимало на социальной лестнице самую высокую ступень из всех мыслимых в Луна-Сити. И я очень хотела, чтобы они меня удочерили... Мой любимый, я не скажу тебе больше ни слова о себе, пока ты не проверишь мою закорючку и отпечаток пальца на Декларации. Я ощущаю твое неверие... и это меня унижает.

Как вам себя вести, если ваша супруга упорствует? Брак — это величайшее из искусств... если он в самом деле существует!

— Моя любимая, я вовсе не хочу тебя унижать! Но я же не специалист по отпечаткам пальцев. Существуют и другие способы «поймать зверя»... та вторая жена Роджера — она ведь еще жива?

— Весьма возможно. Доктор Эдит Стоун.

— Тогда здесь, в Луна-Сити, возможно, сохранилась запись о ее браке с твоим сыном... Это тот Роджер Стоун, который был когда-то здесь главным?

— Да. Он правил с 2122 про 2130 года. Но не справился и в 2148 году уехал отсюда.

— А где он сейчас?

— На расстоянии нескольких световых лет отсюда. Эдит и Роджер переместились на зеленую звезду Фидлера. Никого из той ветви моей семьи поблизости нет. Этот вариант не годится, милый, если иметь в виду найти кого-то, кто опознал бы во мне Хэйзел Стоун? Я права?

— Ну да... Я подумал, что доктор Эдит Стоун могла бы выступить в качестве эксперта и беспристрастного свидетеля...

— Гм-м... Но она и так может им стать!

— Каким образом?

— Формула крови, Ричард!

— Но, Гвен, о формуле крови я кое-что знаю, так как имел дело с полевой хирургией. В моем полку у каждого эта формула устанавливалась. «Отпечаток» крови может доказать, кем вы *не являетесь*, но вряд ли он подтвердит, кто вы есть! Даже в таком маленьком подразделении, как полк, и то редкие группы «АВ-минус» попадались неоднократно, по одной на каждую сотню людей. Я это помню, потому что сам принадлежу к ней.

Она, соглашаясь, кивнула.

— А у меня «О-плюс», наиболее распространенная из них. Но этим информация о крови не исчерпывается. Если ваша группа — одна из тридцати с лишним групп крови, то полная формула (или «отпечаток») так же уникальна, как отпечаток пальца или сетчатка глаза. Ричард, во время Революции многие из наших людей гибли из-за того, что у них не были сняты «отпечатки» крови. Я, конечно, знаю, что такое переливание крови, но доноры могут быть найдены лишь путем перекрестных сопоставлений. При отсутствии «отпечатков» крови это делается очень медленно, и многие, да нет, большинство раненых успевало умереть из-за отсутствия донора. После заключения мира и провозглашения Независимости мама Вайо, то есть Вайоминг Нотт Дэвис, основала госпиталь в Конге... Ты же знаешь?

— Осведомлен.

— Мама Вайо была профессиональной сиделкой в Конге и знала о всех этих деталях. На деньги, собранные майором Вэйтинэйбом, отцом-основателем, она основала первый банк донорской крови. И там может оказаться пол-литра моей замороженной крови, сохранившейся по сей день. Во всяком случае, уж полная формула моей крови хранится в файле, так как Эдит проследила, чтобы каждый из нас сдал свой «отпечаток» еще до того, как начался «исход» 2148 года,— Гвен неожиданно просияла.— Так давай возьмем образчик моей живой крови и сделаем с него «отпечаток»

в медицинском центре университета Галилео. И сравним его с моим «отпечатком», хранившимся в госпитале Вайоминг Нотт! И всякий, кто умеет читать по-английски, сможет сказать, совпадают ли они. Все расходы я оплачу. К тому же, это не требует особой квалификации, как при сличении отпечатков пальцев. И если идентичность не подтвердится, можешь заковать меня в колодки и отослать прочь!

— Гвен, не поедем же мы в Конг! За чем бы то ни было!

— В этом нет нужды. Просто заплатим банку крови в Галилео, а он запросит необходимые данные по терминалу,— она помрачнела.— Но ведь это подорвет мое прикрытие, имя миссис Новак. Подтвердив идентичность записей, мы вернем «бабушку Хэйзел» на арену старых преступлений. И что же тогда станет с моей миссией? Дела пойдут непредсказуемо... Зато ты получишь убедительное подтверждение, что также совершенно необходимо для успеха моей миссии...

— Гвен, давай будем считать, что ты меня убедила...

— В самом деле, дорогой? Ты не врешь?

(Да, вру, маленькая моя! Но я должен согласиться, что твои слова звучат убедительно и соответствуют моему досконального знанию лунной истории... К тому же, ты приводишь такие подробности, словно сама была очевидцем! Все это довольно убедительно, но... физически непредставимо. Ведь ты же *молода*, моя дорогая, ты никак не можешь быть старой каргой, которой больше века!)

— Любимая, ты даешь два надежных пути для идентификации твоей личности. Так вот, давай исходить из того, что я уже проверил один или оба вида твоих отпечатков! И условимся, что ты — Хэйзел Стоун. Ты предпочитаешь, чтобы я так тебя называл?

— Я откликнусь на оба имени, милый. Какое тебе понравится больше.

— Олл райт. Но остается вопрос твоей внешности. Будь ты иссохшей старухой, а не молодой и свежей женщиной...

— Ты этим не доволен?

— Нет, просто констатирую несовпадение. Условимся, что ты — Хэйзел Стоун, родившаяся в 2063 году. Но как тогда объяснить

столь юную внешность? И не пудри мне мозги каким-то патентованным средством!

— Да, это момент, в который труднее всего поверить. Ричард, я подвергалась процедуре омоложения. И даже дважды. В первый раз меня вернули в пожилой возраст, чтобы я накопила ресурсы для следующего шага в юность. Во второй раз процедура носила еще и косметический характер: мне необходимо было стать привлекательной. Чтобы завлечь вас, сэр!

— Будь оно неладно... Обезьянка, а личико твое собственное?

— Его можно изменить, если ты захочешь видеть меня другой.

— О нет! Я не из тех, кто настаивает на красоте, если девичье сердце достаточно чисто...

— Что ты хочешь этим сказать, негодник?

— Но... поскольку твое сердце не так уж чисто, то совсем неплохо, что ты привлекательна!

— Ты не можешь исчерпать эту тему с такой легкостью!

— О'кей, ты великолепна, и сексуальна, и пагубна! Но «омоложение» объясняет все, по сути, ничего не объясняя. Насколько я об этом знаю, омолодить можно плоских червей, но не организмы, стоящие на более высокой ступени эволюционного развития.

— Ричард, эту часть рассказа прими, пожалуйста, на веру, по крайней мере, сейчас. Я подверглась омоложению в клинике, находящейся на расстоянии в пару тысяч световых лет отсюда. При этом по весьма необычному методу...

— Гм-м! Это звучит как хитрая отговорка, которую я и сам бы придумал, если бы сочинял фантастику!

— Да, звучит именно так. Неубедительно. И все же это чистая правда!

— И поэтому нет способов ее проверить. Возможно, мне придется проверить те «отпечатки крови»... А... кстати, сериал «Бич космических трасс»... авторы Хэйзел Стоун, Роджер Стоун, это что же?

— О Господи, мое прошлое цепляется за меня! Ричард, ты что, видел эти телешоу-сериалы?

— Каждый их эпизод! И даже пытался подражать главному персонажу, я за что всегда бывал жестоко наказан. Капитан Джон Стерлинг — кумир моего детства. Так это твои сценарии?

— Начинал мой сын Роджер. А я подключилась в 2148 году, но весь год имя не указывала. Это потом авторов стали называть Хэйзел и Роджер Стоуны...

— Я помню обоих, но не могу вспомнить, на каких же сериях указано только имя Роджера?

— Так было вначале, пока он не устал от «золотой» монотонности своего вымысла. Тогда подключилась я, намереваясь прикончить всю эту историю...

— Любимая, как же можно «прикончить» сериалы? Это неконституционно!

— Знаю. Тем более что заказчики помахали перед моим носом слишком большими деньгами. А мы в них нуждались, поскольку жили в космосе, а космолет даже для маленькой семьи — вещь весьма дорогостоящая.

— Я бы никогда не решился написать тупиковые эпизоды в сериале! О, я писал иногда какие-то серии по заказу, но не собственного сочинения, а используя чужие сюжеты. И всегда делал это из-под палки.

— А мы не использовали чужих книг. Бастер и я только пародировали их, когда работали вместе.

— Бастер?

— Это мой внук. Тот самый, что сейчас главный хирург на Церере. Мы целых одиннадцать лет писали вместе, разбивая Повелителя Галактики в каждой серии...

— Повелитель Галактики! Самый великий плут и злодей из всех персонажей космических сериалов! Лапушка, я так мечтал, чтобы Повелитель Галактики существовал на самом деле!

— А ты, сопляк, посмел усомниться в реальности Повелителя Галактики? Что об этом можешь знать *ты*?

— Виноват. Прошу прощения. Он так же реален, как Луна-Сити. Иначе Джону Стерлингу было бы некого побивать... а я от души верил в капитана Джона Стерлинга из Звездного патруля!

— Вот так-то лучше!

— Но ведь капитан Стерлинг заблудился в Туманности Конской Головы, и за ним охотились радиоактивные черви! Как же он выпу-

тался? Эту серию я не смог посмотреть, так как раз тогда меня наказали... насколько я припомню. Подумай сама, это же случилось столько лет назад!.. Кажется, он вспомнил о своем аварийном допплер-радаре? И изжарил червей поляризованными лучами?

— Нет, это оружие он использовал против других космических существ... Ричард, а ты не путаешь? Я думаю, что он встретился с этими существами до того, как спасся из Туманности Конской Головы, заключив временное перемирие с Повелителем Галактики, чтобы спасти саму Галактику...

Я задумался. Сколько же лет мне было тогда? В каком классе я учился?

— Голубка, я думаю, ты права. Я так переживал это перемирие, пусть даже с целью спасения Галактики. Я...

— Но он должен был так поступить, Ричард! Не мог же капитан бросить биллионы невинных существ, только чтобы не замарать рук союзом с Повелителем. Но я понимаю твою точку зрения. Мы с Бастером очень спорили об этом эпизоде. Бастер предпочитал, чтобы перемирие с Повелителем стало ловушкой, позволившей разбить те космические существа...

— Ну нет, капитан Стерлинг никогда бы не смог нарушить данного им слова!

— Именно. Но Бастер такой прагматик! Для него решить проблему — это перерезать чью-то глотку.

— Ну что ж, аргумент вполне убедительный,— согласился я.

— Но, Ричард, так же легко впасть в соблазн убивать всех персонажей сериала, между тем как следует оставлять кого-нибудь для следующих серий. Впрочем, ты же сказал, что не писал сам полных серий?

— Я хоть и не брался за такую работу, но знаю, какие в ней правила, я же сам пересмотрел огромное количество сериалов! Хэйзел, почему ты позволяла морочить себе голову моими байками о работе писателя?

— Ты назвал меня «Хэйзел»!

— Любимая, моя милая Хэйзел, меня, черт побери, не интересуют никакие отпечатки пальцев или группы крови! Ты, несомненно,

автор величайшего сериала «Бич космических трасс»! Он же продолжался из недели в неделю, и всегда с титром «Хэйзел Стоун — сценарий». Потом, к сожалению, стали писать: «Основано на характерах, придуманных Хэйзел Стоун»...

— Неужели так писали? Те поздние серии сочинял уже один Бастер. Это он ввел туда всякие шоу. Не я. Этот nogoodnik!

— Они не имели успеха. Поскольку персонажи становились все бескровнее и умирали сами собой. Без тебя сериал совсем захирел...

— Мне надо было отдохнуть. Бастер уже стоял на ногах. Я обеспечивала сюжетные ходы, он — столкновения. Я иногда проявляла мягкосердечие, он — никогда...

— Хэйзел! А почему бы нам не воскресить этот сериал? Мы могли бы сочинять вместе: ты записывать, а я готовить еду и делать домашнюю работу! — я остановился и всмотрелся в нее.— О чем же, во имя Господа, ты плачешь?

— Плачу, потому что хочу плакать! Ты называешь меня Хэйзел, значит, веришь мне?

— Я вынужден. Можно морочить мне голову «отпечатками». Но не коммерческими сюжетами фантастических серий! Ведь я сам — такой же тертый писака-поденщик! Но ты еще, вдобавок,— моя сладкая маленькая нимфоманка, а посему меня не тревожит, что тебе целых двести лет!

— Да мне вовсе не двести! Я не согласна даже на лишний год!

— Но ты согласна оставаться моей сладкой маленькой нимфоманкой?

— Если ты мне позволишь!

Я ухмыльнулся.

— Что я могу на это сказать? Скинь свои одежды и давай посочиняем что-нибудь.

— Посочиняем?

— Самые лучшие сочинения творятся при помощи гонад! Хэйзел, моя похотливая женушка, разве тебе это не известно? Эй, на всех постах! Идет Повелитель Галактики!

— О Ричард!

18

Когда я встаю перед необходимостью выбора между добротой и честностью, я голосую за доброту, и только за нее — неважно, дарят ее или получают.

Айра Джонсон (1854–1941)

— Хэйзел, древняя моя любовь!

— Ричард, хотел бы ты иметь сломанную руку?

— Я не верю, что ты способна меня этим одарить.

— Спорим!

— Фу! Перестань! Не смей этого повторять, или я выкину тебя в залив и женюсь на Гретхен. Она ведь не древняя!

— Смотри, не очень-то задирай меня! Мой третий супруг был великим задирой... и каждый отметил, как он дивно выглядел на собственных похоронах и как жаль, что он отошел таким молодым! — Хэйзел-Гвен лучезарно улыбнулась мне.— К тому же, он позаботился о солидной страховке, что весьма пригодилась вдове... Женитьба на Гретхен — неплохая идея, милый, и я с удовольствием ее поддержу. Я бы научила ее молчать, помогла бы с первым бэби, показала бы, как надо держать нож, обучила бы навыкам боевых искусств и хозяйственной сноровке, то есть всему, что нужно девушке в современном мире...

— О господи! Моя дорогая женушка, ты столь же миниатюрна, хороша и безопасна, как коралловая змейка! Я думаю, что Джинкс давно уже обучил Гретхен всему, что требуется.

— Скорее, не он, а Ингрид. Но я могла бы ее отшлифовать. Ты же сам отметил, какая я умелая. Так какое же словечко ты нашел для меня? А, «древняя», вот какое!

— Уф-ф!

— О, меня это нисколько не ранит. А ты неженка!

— Черта с два тебя ранишь! Я, пожалуй, уйду в монастырь...

— Не раньше, чем «взойдешь» к Гретхен. Я уже решила, Ричард. Мы посватаемся к Гретхен.

Я отнесся к этому дурацкому разговору так, как он того и заслуживал, то есть проигнорировал последнюю реплику, встал и запрыгал в освежитель.

Она почти сразу же последовала за мной. Я, изображая испуг, отскочил в сторону.

— Помогите! Не бей меня больше!

— О, ерунда! А раньше я тебя и не била!

— Сдаюсь! Ты не древняя, ты просто прекрасно замаринованная. Хэйзел, любовь моя, что сделало тебя такой вредной?

— Я не вредная! Но если бы ты был так же мал ростом, как я, и, к тому же, женщиной, не отстаивающей свои права, то тебя запросто задавили бы большие, вонючие, волосатые мужики, полные иллюзий о своем превосходстве. Не вопи так, дорогой, я тебя не обижу. И не пролью ни капли твоей крови!

— Мне страшно на тебя смотреть. Моя матушка почему-то не предупредила меня, что семейная жизнь может оказаться такой!.. Кстати, любимая, ты собиралась поведать, с какой целью завербовала меня, но потом ускользнула от этой темы...

Она помедлила с ответом.

— Ричард, тебе ведь трудно представить, что я более чем вдвое старше тебя?

— Считай, что ты меня убедила. Я не понимаю этого и просто принимаю на веру.

— Нам предстоит разговор о более трудных для понимания вещах, чем это. Гораздо более трудных!

— Но тогда, возможно, я окажусь слишком туп для них. Хэйзел-Гвен, лапонька, я ведь и сам крепкий орешек. Я не верю в столоверчение, астрологию, непорочное зачатие...

— Ну уж непорочное зачатие — дело совсем нетрудное!

— Я имею в виду божественный его аспект, а вовсе не оплодотворение в генетических лабораториях. Так вот, я не верю в непорочное зачатие, в магические числа, в ад, колдовство, черную магию и предвыборные обещания. Ты мне сказала кое-что, противоречащее здравому смыслу. И в это так же трудно поверить, как в твой древний возраст. В качестве поручителя тебе потребовался бы сам Повелитель Галактики!

— О'кей. Примем как исходное условие. Но с определенной точки зрения я даже старше, чем ты думаешь. Мне и в самом деле больше двух веков...

— Прекрати. Ты же отрицала, что тебе исполнилось бы двести раньше Рождества 2263 года! А до этого еще приличная куча лет.

— Правильно. И я бы не сказала ничего об этих дополнительных годах, даже если бы прожила их непосредственно в нашем времени... поскольку прожила их во времени «перпендикулярном», под прямым углом к нашему.

— Дорогая,— ответил я.— «В звуковом ряду наступила пауза»!

— Но, Ричард, это-то как раз понять и нетрудно... Черт, где я обронила свои трусики?

— Где-то в Солнечной системе, в соответствии с твоими воспоминаниями...

— Но эта система не составляет и половины, мистер... То, о чем я говорю, находится одновременно внутри и вне системы и даже за пределами этой Вселенной... Но, братец, не стану я нарушать правила! Я имею в виду — где я их обронила сегодня?

— На расстоянии шага от постели, кажется. Милая, зачем беспокоиться и надевать трусики, так часто их снимая?

— Затем. Только шлюхи шляются без трусов... Кроме того, прошу тебя соблюдать правила приличия в разговоре со мной!

— Я же не сказал ни слова!

— Но я же слышу, о чем ты думаешь!

— Кстати, я не верю и в телепатию, заметь!

— Ах, не веришь? Мой внук, доктор Лоуэлл Стоун, именуемый в просторечии Бастером, жульничал, играя в шахматы, ибо читал мои мысли. Слава богу, он эту способность утерял, когда ему стукнуло десять лет.

— Это звучит,— отпарировал я,— как голословное утверждение, что свидетель собственными глазами видел невозможное явление. Правдивость свидетеля под сомнением. А достоверность приводимых сведений не более пяти процентов по шкале военной разведки.

— Ты заплатишь за это!

— Оцени сама,— посоветовал я.— Ты же состояла в военной разведке, в ЦРУ, не так ли?

— Кто тебе сказал?

— Ты же и сказала. Путем нескольких незаконченных реплик.

— Это было не ЦРУ. Я никогда не состояла в разведках и была полностью замаскирована, и вообще — то была не я! Это был сам Повелитель Галактики!

— Ну, а я — капитан Джон Стерлинг!

Гвен-Хэйзел вытаращила глаза.

— Эй, капитан! Нельзя ли у вас попросить автограф? А лучше, гоните два. Я выменяю их на один, от Рози-робота... Ричард, а нельзя ли прогуляться до ближайшего почтового отделения?

— Почему бы и нет? Я сам должен послать весточку папе Шульцу. Но тебе зачем, дорогая?

— Если мы добредем и до Мэйси, я дам упаковать там одежду и парик Наоми и отошлю ей. Они отягощают мою совесть.

— Твою... что?

— Ту систему книжных сведений, которую я держу взамен. Ричард, ты все больше и больше начинаешь смахивать на моего третьего мужа. Он был почти так же прекрасен, как и ты. И очень заботился о собственном здоровье, а умер в расцвете лет.

— Отчего же?

— Это произошло во вторник, насколько я помню... или, может, в среду. Во всяком случае, меня рядом не было. Я находилась далеко, закрутив с неплохим мужичком. Мы так и не узнали толком, что же с беднягой приключилось. Очевидно, ему стало плохо в ванне, и он погрузился в воду с головой... Что ты там бормочешь, миленький? Какая там еще «Шарлотта»?

— Ничего я не бормочу, Хэйзел... Но у меня же нет страхового полиса!

— Тогда мы особенно тщательно будем следить за тем, чтобы ты оставался жив и, главное,— не принимал ванн!

— Если я перестану это делать, ты через три или четыре недели пожалеешь об этом!

— О, но ведь и я тоже перестану, так что мы будем квиты!.. Ричард, а нельзя ли сегодня выбрать время и посетить Правительственный Комплекс?

— Вполне. А зачем?

— Чтобы найти Адама Селена.

— Он что, там похоронен?

— Именно это я и пытаюсь установить. Ричард, твое доверие ко мне еще не поколебалось?

— Оно перенапряглось. «Несколько лет под прямым углом»... Ну конечно, а тебе не хотелось бы получить лицензию на «космический ворп»?

— Спасибо большое. У меня уже есть. В сумке. Те «дополнительные годы» всего лишь понятие геометрическое, о мой супруг! Если иметь в виду общепринятую концепцию пространства-времени с одной лишь временной осью, тогда, конечно, понять трудно. Но существуют по меньшей мере три оси времени, так же как существуют три пространственные оси координат... и я те «дополнительные годы» провела на других временных осях. Ясно?

— В высшей степени ясно, моя любовь. Так же самоочевидно, как трансцендентализм!

— Я знала, что ты «поймешь»! Что касается Адама Селена, то там еще сложнее. Когда мне было двенадцать, я слышала его речи много раз. Он был лидером Божьей Милостью, возглавившим нашу Революцию. Потом его убили. Вернее, так было сказано. Но не прошло и года, как мама Вайо под строжайшим секретом сообщила мне, что Адам не был человеком и не был создан людьми. Он был сущностью другого рода.

Я почел за благо промолчать.

— Ну? — спросила Гвен-Хэйзел.— Тебе что, нечего сказать?

— О, разумеется! Не человек. Чужак. С зеленой кожей, метрового роста. Его летающая тарелка прилунилась в Море Кризисов как раз неподалеку от Луна-Сити. А где в это время пребывал Повелитель Галактики?

— Тебе не удастся вывести меня из равновесия, Ричард, если даже будешь продолжать. Я знаю, как действуют такие невозможные истории на слушателей. У меня были те же сомнения, когда мама Вайо это рассказала. Но я поверила ей, так как знала, что она никогда не лжет. А Адам не был «чужаком», Ричард, он являлся сыном человечества. Но не сыном конкретного человека.

Адам Селен был компьютером. Либо комплексом компьютерных программ. К тому же, он был самопрограммирующимся компьютером, что приводит нас к тем же результатам... Ясно, сэр?

Я услышал собственную реплику:

— А мне больше по душе летающая тарелка!

— О, ничтожество! Мне так и хочется заменить тебя на Мэрси Чоу-Му!

— Это будет, возможно, наиболее суровое из всех твоих деяний!

— Нет, я тебя не выброшу, так как испытываю к тебе некоторую слабость. Я просто посажу тебя в клетку!

— Хэйзел. Слушай внимательно. Компьютеры не умеют думать. Они выполняют сверхскоростные расчеты в соответствии с правилами, по которым сконструированы. В то время как мы рассчитываем, используя мозги и размышляя, эти искусственно созданные емкости памяти лишь имитируют мышление. Но сами они не думают. Они действуют так, потому что должны так действовать, потому что так задуманы. Ты можешь приписывать понятие «оживление» целому списку нонсенсов, которые я не описал...

— Я рада, что ты так думаешь, Ричард, ибо этот предмет уязвим и может вызвать осложнения. И мне нужен твой здоровый скептицизм, чтобы держаться прямо.

— Я собираюсь все это записать и тщательно изучить!

— Сделай это, Ричард. Итак, вот что случилось здесь в 2075 и 2076 годах. Один из моих приемных отцов, Мануэль Гарсиа, был инженером, обслуживающим большой компьютер в Правительственном Комплексе. Этот единственный компьютер ведал почти всем: управлял предприятиями города и большинства населенных пунктов, кроме Конга. Он управлял первой катапультой, трубами, банками, печатал «Лунатик» — то есть, практически, делал все. Власти считали, что экономнее расширять его функции, нежели заводить малые компьютеры по всей Луне.

— Неэффективно и небезопасно!

— Возможно, но они так решили. Луна же была тогда местом ссылки, практически, тюрьмой. И не должна была быть ни эффективной, ни безопасной. И тогда здесь не было высокотехно-

логических производств, мы мирились с тем, что есть. И, возможно, милый, этот единственный компьютер-хозяин стал все разрастаться и разрастаться и... проснулся.

(Да неужто? Совершенный вымысел, моя медовая, к тому же — стереотип, до тошноты затасканный всеми фантастами! Даже «Медная голова» Роджера Бэкона — одна из версий того же. Другой стало чудовище Франкейштейн. Затем последовали целые гроздья аналогичных историй в последующие эпохи. Даже сейчас они появляются. И все они — чистейшая ерунда!)

Но вслух я произнес:

— Продолжай, милая. Что же дальше?

— Ричард, ты же не веришь мне?

— Я думал, мы это уже констатировали. Ты же сказала, что тебе необходим мой здоровый скептицизм!

— Ну и сказала! Так используй этот скептицизм. Критикуй. Только не сиди с таким унылым видом!.. Этот компьютер в течение многих лет управлялся голосом: в него вводили аудиопрограммы, он же отвечал синтезированной речью и распечатками.

— Встроенные функции. Техника двухвековой давности.

— Почему твое лицо дернулось, когда я сказала «он проснулся»?

— Потому что это чушь, любовь моя! Просыпаться и засыпать могут только живые существа. А машина, независимо от мощи и гибкости, не способна на это. Ее можно только включить или выключить, вот и все!

— Прекрасно, позволь мне перефразировать. Тот компьютер ОСОЗНАЛ СЕБЯ, И У НЕГО ПОЯВИЛАСЬ ВОЛЯ.

— Интересно. Если это правда. Но я не должен в это верить. И не стану!

— Ричард, а я не стану раздражаться! Ты просто слишком молод и несведущ, но это не твоя вина.

— О да, бабулечка! Я молод, а ты невежественна. Скользкое дно...

— Убери свои распутные руки и слушай. Как рассчитать способность человека к самосознанию?

— Чего? У меня нет никакой нужды подсчитывать. Я ее ощущаю.

— Верно. Но я задала нетривиальный вопрос, сэр. Давай подойдем к нему как к пограничной проблеме. Ты осознаешь себя? А я?

— Ну, я-то осознаю, обезьянка, а насчет тебя — не уверен!

— Я тоже, но наоборот.

— Ну что ж, это забавно!

— Ричард, вернемся к теме. Является ли сперма в теле мужчины самосознающим субъектом?

— Надеюсь, нет.

— А яйцо в теле женщины?

— Этот вопрос к тебе, красавица, я никогда не был женщиной.

— Но ты валяешь дурака, чтобы подразнить меня! Ни сперматозоид, ни яйцо не являются сознательными, и, пожалуйста, без глупых реплик! Вот одна граница. Я же, взрослая человеческая особь, являюсь субъектом, осознающим себя. И ты тоже, как бы туманно ни было самосознание самца! Вот вторая пограничная линия. Вот и прекрасно, Ричард, так с какого момента на пути от оплодотворенной клетки до взрослой особи, теперь именуемой «Ричардом», в картину вползает самосознание? Ответь мне. И не увиливай больше, прошу тебя. И воздержись от острот.

Я по-прежнему считал, что все это глупости, но все же попытался ответить всерьез.

— Вот и прекрасно. Я был всегда наделен самосознанием.

— Пожалуйста, ответь серьезнее!

— Гвен-Хэйзел, я настолько серьезен, насколько могу. Поскольку я *знаю*, что жил всегда и осознавал себя всегда. Все толки о том, что до 2133 года происходили какие-то вещи (я называю предполагаемый год моего предполагаемого «рождения») — это всего лишь не слишком достоверные слухи. Я существую с кляпом во рту, предохраняющим меня от надоевших или смешных высказываний. Но когда я слышу утверждения астрономов о том, что мир создан одним махом за восемь, или семнадцать, или тридцать биллионов лет до моего рождения, я воспринимаю это не иначе, как лошадиное ржанье. Раз семнадцать биллионов лет назад меня не было, значит, ничего не было вообще. Даже пустого пространства. Ничего. Ноль безо всякого ободка вокруг.

Но вот я начал себя осознавать — и время началось! Когда же меня не станет, оно остановится. Все ясно? Или мне вычертить диаграмму?

— Все ясно по большинству позиций. Но ты ошибся в дате. Время началось не в 2133 году, оно началось в 2063-м. Если только один из нас не робот...

Я всегда был склонен к солипсизму, но высказался только сейчас:

— Лапушка, ты так резка! Но ты сама — всего лишь плод моего воображения, вымысел... У-у-у! Давай-ка прекрати мне мерещиться!

— У тебя слишком живое воображение, милый! Спасибо, что вообразил меня. А не надо ли тебе и других доказательств? До сих пор я всего лишь играла. А не отломать ли мне одну из твоих «косточек»? Совсем маленькую. Ту, что иногда поднимается.

— Послушай, мой вымысел! Ты отломаешь одну из моих «косточек» и будешь о ней жалеть предстоящие биллионы лет!

— Но ведь это будет всего лишь логическое доказательство, Ричард! Безо всякого злого умысла.

— Но раз уж я владею той «косточкой»...

— Это я ею владею, милый!

— Никогда в жизни! Раз уж я ею владею, то позвоню Ксии, попрошу ее приехать, выйти за меня замуж и защитить от маленьких «вымыслов» с агрессивными замашками.

— Ты собираешься со мной разводиться?

И снова она превратилась в пару огромных глаз.

— Да нет, черт возьми! Всего лишь разжаловать тебя до ранга младшей жены, а в старшие взять Ксию. Но ты не сможешь уйти. Разрешения не будет. Ты продолжишь снабжать меня житейскими советами о том, идти мне прямо или свернуть «под прямым углом». А я заведу плетку и буду тебя стегать до тех пор, пока ты не избавишься от своих злокозненных проделок. И привычек.

— Олл райт! До тех пор, пока я не соберусь уйти.

— Фу! Не кусайся! Это грубо!

— Милый Ричард, я всего лишь плод твоего воображения, поэтому каждый мой укус воображаем, ты сам их измыслил из

темных мазохистских побуждений. Если это не так, тогда я сама мыслящее существо, а не фикция!

— Логика «или-или» — не надежный аргумент. Но ты все же восхитительная фикция, дорогая! Я рад, что ты пришла мне в голову.

— Благодарю, сэр! Любимый, вот сейчас пойдет ключевой вопрос. И если ты мне ответишь серьезно, я перестану кусаться.

— Навечно?

— Ну...

— Не напрягайся, фикция! Если вопрос серьезный, я попытаюсь дать на него серьезный ответ.

— Да, сэр. Так вот: что необходимо для становления самосознания в человеке, и каковы те условия или процессы, которые делают самосознание невозможным для машин? Особенно для компьютера. И, в частности, для компьютера-гиганта, который управлял этой планетой в 2076 году? То есть для «Холмса-IV»?

Я воздержался от искушения отшутиться. Самосознание? Я знаю, что одна из психологических школ утверждает, будто сознание, если оно существует, является как бы «пассажиром» и не влияет на поведение субъекта.

Такие нелепости свалены в кучу с понятиями причастия или преображения. «Если это истина, то ее надо подтверждать!»

Я осознаю свое самосознание... и это простирается настолько, насколько способен углубиться самый честный солипсист...

— Гвен-Хэйзел, я не знаю!

— Хорошо! У нас намечается прогресс!

— Намечается?

— Да. Самое трудное в освоении новой идеи — необходимость изгнать ложную концепцию из ниши, которую она занимает. До тех пор, пока ниша занята, очевидности, ни доказательству, ни логической демонстрации некуда приткнуться. Но как только ниша освободится от ошибочной идеи, ее заполнявшей,— а раз ты произнес «я не знаю», это обстоит именно так,— то возможно начало движения к истине.

— Лапушка, ты не только самая решительная маленькая фикция, которую мне доводилось вообразить, ты еще и самая нарядная!

— Хватит паясничать, лодырь! Слушай эту теорию. И думай о ней, как о рабочей гипотезе, а не Богом данной истине. О ней размышлял мой приемный отец, папа Мэнни, наблюдавший, как «оживает» тот компьютер. Может, его теория объясняла что-нибудь, а может, и нет. Мама Вайо говорила, что он не был уверен до конца. Так вот в чем эта теория заключалась. Оплодотворенная человеческая яйцеклетка делится, делится и... делится снова. И опять делится и делится. И снова, и снова, и снова. В какой-то момент эта коллекция из миллионов живых клеток начинает осознавать себя, а заодно и окружающий мир. Оплодотворенная клетка не наделена сознанием, но младенец — наделен. После того как папа Мэнни открыл, что компьютер имеет самосознание, он понял, что в какой-то момент чрезмерное наращивание его «клеток» для выполнения множества функций достигло такой точки сложности, что между его элементами установилось больше связей, чем между нервными клетками мозга. Папа Мэнни сделал великий теоретический скачок: когда число перекрестных связей в компьютере того же порядка, какой существует в человеческом мозгу, то сам компьютер может «проснуться», обрести самосознание, а, возможно, также и волю! Он не был уверен, что это случается всегда, но начинал убеждаться: такое *возможно* при наличии высокого количества перекрестных связей. Ричард, но папа Мэнни дальше этого не пошел. Он ведь был не теоретиком-ученым, а всего лишь инженером-наладчиком. Но папу сперва обеспокоило поведение машины, а потом он попытался разгадать, отчего компьютер стал таким странным. Так и возникла теория. Но тебе не надо будет ее изучать, а Мэнни ни разу не проверил ее на практике.

— Хэйзел, в чем же заключалась «странность»?

— Мама Вайо говорила, что Майк — так, очевидно, называли компьютер — вдруг проявил чувство юмора.

— Не может быть!

— Да, да! Мама Вайо рассказала, что для Майка (или Мишель, или Адама Селена — он был троицей и использовал все три имени) вся Революция на Луне, во время которой тысячи людей погибли здесь и сотни тысяч — на Земле, была всего лишь шуткой.

Всего лишь огромной практической игрой, придуманной компьютером с супергениальной мыслительной мощью и детским чувством юмора.

Хэйзел скривилась, потом улыбнулась.

— Да, то был всего лишь очень большой, очень любимый баловень-переросток, которого следовало бы почаще шлепать!

— Ты говоришь об этом, как об удовольствии: «шлепать его почаще»!

— В самом деле? Вряд ли. В конце концов, компьютер не может действовать правильно или ошибаться, исходя из человеческих понятий добра и зла. У него нет такого задела, или, если хочешь, тыла. Мама Вайо говорила, что «человеческое» поведение Майка — результат подражания, поскольку он располагал бесконечным количеством «ролевых моделей»; он ведь читал все подряд, включая фантастику. Но у него были и собственные чувства: он ощущал одиночество и жаждал компании. И именно этим и стала Революция для Майка — обретением товарищества, игрой, забавой, а выигрышем — внимание со стороны людей, и особенно Вайо и Мэнни. Ричард, если машина может иметь эмоции, то этот компьютер полюбил папу Мэнни. Понятно, сэр?

Мне все еще хотелось отмахнуться от этого и выразиться не слишком вежливо.

— Хэйзел, ты требуешь от меня голой правды, но она заденет твои чувства. Для меня этот рассказ звучит как выдумка, как фантастика. Придуманная если не тобой, то твоей приемной матерью, Вайоминг Нотт. Голубушка, мы выйдем, наконец, наружу, чтобы исполнить свои задумки? Или так и будем весь день толковать о теории, подтверждения которой ни у кого нет?

— Я одета и готова идти, милый. Еще один маленький вопросик, и я замолчу. Ты находишь эту историю неправдоподобной...

— Да, нахожу,— ответил я так спокойно, как только мог.

— Какую из ее частей?

— Все ее части.

— В самом деле? Или камень преткновения — идея о том, что у компьютера могло появиться сознание? Если ты примешь это, то, может быть, остальную часть уже легче «заглотнуть»?

Я пытался быть честным. Отторгая эту чепуху, мог ли я согласиться с остальным? Несомненно! Как с золотыми очками Джозефа Смита, как со скрижалями, принесенными Моисеем с горы, как с красными сигналами опасности — прими их за данность, остальное легко приложится!

— Хэйзел-Гвен, если принять за данность самосознающий компьютер с эмоциями и свободной волей, то не напугает уже ничто другое: ни маленькие зелененькие человечки, ни привидения! Так каков хоть был ход Красной королевы? Поверить в семь небылиц до завтрака!

— Белой королевы.

— Нет, Красной королевы.

— Ты уверен, Ричард? Это же было как раз перед...

— Забудь об этом. Болтающие шахматы еще менее реальны, чем компьютер-шалунишка. Лапушка, единственное, чем ты располагаешь,— это история, рассказанная тебе твоей приемной матерью в преклонном возрасте. И все! Она, быть может, была в маразме?

— Нет, сэр. Она умирала, но не в маразме. У нее был рак. От перенесенного в молодости воздействия солнечной бури. Она так полагала. И никакого маразма не было. Она сказала мне, что знает о приближающейся смерти, и поэтому рассказываемая ею история еще не завершена...

— Но слабость этой версии очевидна! История, рассказанная на смертном одре. И — ничего больше...

— Не совсем, Ричард.

— Как, еще что-нибудь?

— Мой приемный отец Мануэль Дэвис подтверждает и это, и еще кое-что...

— Но... ты же всегда говорила о нем в прошедшем времени? Мне, во всяком случае, так показалось. Но если он жив... то сколько же ему лет? Он ведь старше тебя?

— Он родился в 2040 году, стало быть, ему около полутораста лет, не такая уж редкость для лунни. Но он одновременно и намного моложе, так же, как и я сама. Ричард, если ты поговоришь с Мануэлем Дэвисом и он подтвердит мои слова, ты ему поверишь?

— Ах,— усмехнулся я,— ты принуждаешь меня разрешить спор способом, принятым у невежд и предвзятых упрямцев!

— Ну ладно, пошли! Пристегни протез, пожалуйста. Я хочу вывести тебя наружу и снабдить по крайней мере одним предметом одежды, прежде чем мы пойдем куда-нибудь. Твои штаны в совершенно неприличных пятнах, и меня вряд ли кто-нибудь назовет хорошей женой!

— Да, мэм, прямо сейчас, мэм! А где... твой «папа Мэнни» обретается в данное время?

— Ты ведь этому тоже не поверишь?

— Если не станешь снова толковать о «перпендикулярном времени» и «одиноких компьютерах», то поверю.

— Мне кажется, хотя я в последнее время этого не проверяла, что папа Мэнни находится там же, где твой дядя Джок — в Айове.

Я застыл, держа протез на весу.

— Ты оказалась права, я этому не верю!

19

Мошенничество имеет пределы,
глупость их не имеет.
Наполеон Бонапарт (1769–1821)

Как можно что-нибудь доказать женщине, которая не желает этого? Я ожидал, что Гвен начнет отстаивать свои голословные нелепости, сыпать цитатами и стихами, чтобы меня убедить. Вместо этого она грустно отметила:

— Я знала, что так и будет. Придется просто подождать... Ричард, мы, кроме Мейси и почты, еще где-нибудь должны побывать или нет? До того как направимся в Правительственный Комплекс?

— Мне следовало бы открыть новый счет и перевести сюда деньги с резервного счета в банке «Золотого правила». А то денежки в моем кармане основательно поредели. Стали «малокровными»...

— Но, мой дорогой, я же в который раз пытаюсь тебе растолковать: деньги не проблема.

Она открыла сумку, вытащила пачку ассигнаций и стала перебирать стокроновые купюры.

— Вот нам с тобой на текущие расходы.

Она протянула пачку.

— Ты, полегче! — отшатнулся я.— Спрячь свою «мелочь», маленькая девочка! Это я должен давать тебе на расходы. И никак иначе!

Я думал, она взорвется, начнет обзывать меня «macho», или «самовлюбленной свиньей», или, на худой конец, скажет о «совместной собственности»... но она обошла меня с фланга.

— Ричард! А этот счет на «Золотом правиле» — он что, номерной? Если нет, то на чье имя?

— Как на чье? Конечно, на имя Ричарда Эймса!

— А ты думаешь, что мистеру Сэтосу это известно?

— О, нашему милейшему властителю... Голубушка моя, как я рад, что ты рядом и думаешь обо всем!

И ситуация вырисовалась перед глазами, как следы на снегу. Я увидел, как головорезы Сэтоса выйдут по этим следам прямо на меня, обуреваемые жаждой получить награду «за мое тело, живое или мертвое»!

По идее, тайна банковского счета должна всегда соблюдаться, это касается не только номерных вкладов. Но этот принцип действует лишь до применения грубой силы или денежной мзды. Мистер Сэтос владел обеими этими возможностями.

— Гвен, давай вернемся и заложим новую мину в его воздушный кондиционер. Но на этот раз вместо лимбурга надо бы применить синильную кислоту.

— Это было бы здорово!

— Очень бы этого хотелось! Ты права, я не могу и прикоснуться к банковскому счету Ричарда Эймса до тех пор, пока буря не уляжется. Придется тратить твои деньги — я беру их в долг. Пометь у себя...

— Сам пометь! Черт возьми, Ричард, я же твоя жена!

— Мы это обсудим позднее. Оставь здесь парик и наряд гейши, у нас сегодня не будет времени на отправку: еще надо повидаться с рабби Эзрой. А может, ты пойдешь по своим делам, пока я сделаю свои?

— Диво-дивное, ты что, заболел? Я не выпущу тебя из поля зрения ни за что!

— Благодарю, маменька! Я надеялся на этот отклик. Мы пойдем к папаше Эзре, затем порыщем в поисках «живого компьютера». А если останется время, то по возвращении закончим остальные делишки.

Перед полуднем мы встретились с рабби Эзрой бен Давидом в рыбной лавке его сына, что напротив библиотеки. Рабби жил в комнате за магазином. Он согласился быть моим поверенным и играть роль «почтового ящика». Я объяснил, как наладить контакт с папой Шульцем, и написал письмо, которое следовало отправить на имя «Генриэтты ван Лоон».

— Я отправлю его сразу же по терминалу сына,— сказал рабби Эзра.— На «Золотое правило» оно поступит через десять минут. Отправить обычным или заказным?

(Привлечь к посланию внимание? Или направить его более медленным обычным письмом? Но ведь на спутнике наверняка накопилась информация о событиях, и Хендрику Шульцу есть что мне сообщить!)

— Пожалуйста, отправьте срочным заказным.

— Хорошо. Извините меня, я отлучусь на несколько минут,— он покатил в кресле прочь из комнаты и очень скоро вернулся.— Спутник подтвердил прием... А тот молодой человек, что был с вами вчера, он что, член вашей семьи? Или доверенное лицо?

— Ни то, ни другое.

— Интересно... А вы посылали его ко мне с вопросом о том, кто именно предлагает награду за вас и сколько?

— Ну конечно, нет! Вы ему ответили что-нибудь?

— Мой милый сэр! Вы же осведомлены о наших традициях!

— Благодарю вас, рабби!

— Не за что. Раз он потрудился разыскать меня дома, вместо того чтобы дождаться рабочих дней, я предположил, что дело неотложное. Но поскольку у него не было от вас записки, то стало ясно: оно неотложно для него, а не для вас. И поэтому я предположил (если только вы меня не разуверите в этом), что он не желает вам добра.

Я изложил рабби сжатую историю наших отношений с Биллом. Он кивнул.

— Вы знаете высказывание Марка Твена по такому поводу?

— Наверное, нет.

— Он говорил, что, если вы, подобрав бездомную собаку, кормите ее и заботитесь о ней, она вас не станет кусать. И в этом, по мнению Твена, заключена принципиальная разница между человеком и собакой. Я не во всем согласен с Твеном. Но все же в чем-то он прав!

Я спросил его о задатке, заплатил не торгуясь и добавил кое-что на счастье.

Правительственный Комплекс (официально он назывался «Административный Центр», но это название значилось лишь в официальной переписке) располагался к западу от Луна-Сити, на полпути к Морю Кризисов. Мы добрались туда к полудню по трубопроводу метро (хоть и не баллистическому, но вполне быстрому для наших целей). Вся дорога с момента посадки заняла двадцать минут.

Полдень оказался не самым удачным временем для посещения Комплекса: правительственные офисы как раз к этому часу закрывались на ланч. Последнее мероприятие весьма привлекло и нас, поскольку утренний завтрак уже казался делом далекого прошлого. В туннелях Комплекса было немало закусочных, но в каждой из них на всех стульях плотно расположилось по обширному седалищу, обладателями коих были либо местные чиновники, либо туристы в красных фесках. Перед заведениями «Слоппи Джо», «Матушкины обеды» и «Антуан-2» выстроились внушительные очереди.

— Хэйзел, там впереди закусочная-автомат. Не прельстит ли тебя теплая кока и холодный сандвич?

— Нет, сэр. Тут за буфетными стойками общественный терминал. Я бы позвонила кое-куда, пока ты будешь есть.

— Я не так уж голоден, чтобы есть в одиночку. А куда ты хочешь позвонить?

— Ксии. Ингрид. Хочу убедиться, что Гретхен благополучно добралась до дома. Она же могла, как и мы, попасть в засаду! Следовало позвонить еще вчера.

— А сегодняшний звонок нужен лишь для собственного успокоения, ибо Гретхен либо добралась до дома еще до вчерашнего вечера... либо ты уже опоздала, и ее нет в живых!

— Ричард!

— Но ведь именно это тебя и беспокоит? Так звони Ингрид!

Ответила Гретхен, взвизгнувшая при виде Гвен-Хэйзел.

— Мама! Иди быстрее! Звонит миссис Хардести!

Мы отключились только через двадцать минут, а всего-то надо было сообщить Гендерсонам, что мы в «Раффлзе» и что писать нам следует по адресу рабби Эзры. Но обеих леди охватила эйфория «взаимных визитов», и они заверяли друг друга в скорой встрече. Затем последовал обмен поцелуями по терминалу. На мой взгляд, пустая трата возможностей техники. И поцелуев тоже.

После этого мы попытались дозвониться до Ксии, но на экране терминала возник незнакомый мужчина, явно не дневной дежурный отеля.

— Что вам угодно? — осведомился он.

— Мне хотелось бы побеседовать с Ксией,— ответила Гвен.

— Ее нет. Этот отель закрыт санитарной инспекцией.

— О! Не могли бы вы сообщить, где она находится?

— Попробуйте узнать у шефа общественной безопасности.

Лицо исчезло с экрана.

Хэйзел повернулась ко мне, ее взгляд выражал тревогу.

— Ричард, это не может быть правдой. Отель Ксии отдраен до скрипа, он так же чист и опрятен, как и она сама!

— Я вижу некий шаблон,— угрюмо заметил я.— И ты, должно быть, тоже. Дай-ка попробую я позвонить.

Посмотрев в справочнике, я набрал код полицейского управления Гонконга Лунного. На экране появилась пожилая особа в чине сержанта.

— Госпожа, я пытаюсь разыскать гражданку по имени Донг Ксия. Мне сказали...

— Да, я приглашала ее к себе,— ответила особа,— но она скрылась час назад. Ее здесь нет.

— Вот как? Благодарю вас, мэм. Не могли бы вы посоветовать, где ее искать?

— Понятия не имею. Извините.

— Спасибо,— сказал я, отключив терминал.

— Ну и ну,— проговорила Гвен.

— Да, любимая, мы — прокаженные. И разносим заразу: всякий, кто прикоснется к нам, ее подхватывает. Черт возьми!

— Ричард, печальный вывод. Когда я была ребенком, Луна считалась местом ссылки, тюрьмой. Но под властью наместника свободы было больше, чем сейчас, при самоуправлении.

— Может быть, ты и преувеличиваешь, но, полагаю, Ксия согласилась бы с тобой,— пожевав собственную губу, я нахмурился.— Ты ведь знаешь, кто еще мог заразиться «проказой»? Чоу-Му!

— Ты думаешь?

— Семь против двух!

— Не буду спорить. Звони ему.

В справочнике был указан его домашний номер, я позвонил туда и, услышав голос, не увидел изображения.

— Говорит Мэрси Чоу-Му. Не могу сказать, когда окажусь дома, но буду справляться о посланиях. После гонга, прошу, говорите.

Прозвучал гонг. Лихорадочно обдумывая ситуацию, я произнес:

— Говорит капитан Полночь. Мы поселились в старом «Раффлзе». Общий друг нуждается в помощи. Пожалуйста, позвоните нам. Если никого не будет, сообщите через портье, где и когда я сумею вас найти.

Я выключил терминал.

— Дорогой, ты же не дал ему код рабби Эзры!

— Намеренно, девочка Сэди! Этот код следует уберечь от лап Джефферсона Мао: линия Чоу-Му вполне может прослушиваться. Я дал ему наши координаты, но рисковать каналом рабби нельзя. Он нам понадобится для связи с папой Шульцем. Положи справочник на стол, мне нужно найти номер диспетчера космопорта ГКЛ...

— Диспетчер космопорта Гонконга Лунного. Это деловой терминал, будьте кратки,— ответил голос (и снова без изображения).

— Можно ли поговорить с капитаном Мэрси?

— Его нет. Я аварийный дублер. Послание? Давайте побыстрее. У меня через четыре минуты пойдут рейсы.

(Была не была!)

— Это капитан Полночь. Передайте, что я в старом «Раффлзе». Пусть позвонит.

— Не отключайтесь... Капитан Полночь?

— Он знает.

— И я тоже. Мэрси поехал в город, чтобы организовать побег... сами знаете кому. Или не знаете?

— Ксии?

— Совершенно верно! Мне надо заняться дисплеями, но я ему передам. Отключаю.

— Что же делать, Ричард?

— Скакать сразу во всех направлениях.

— Будь же серьезным!

— А у тебя есть предложения получше?.. Смотри-ка, у «Матушкиных обедов» очереди уже нету. Пошли пообедаем.

— Есть, когда наши друзья в опасности?

— Голубушка, даже если мы вернемся в город Конг, то есть сами сунем головы в пасть льву, мы никак не сумеем их найти. Поэтому ничего не остается, как ждать, пока позвонит Чоу-Му. Это может случиться через пять минут, а может и через пять часов. Я в армии выучился одной премудрости: никогда не упускать возможности поесть, поспать и помочиться — другого шанса, возможно, придется долго ждать!

Я соблазнился на «матушкин» вишневый пирог с мороженым. Хэйзел заказала то же самое, но в то время как я добирал ложечкой последние крохи пирога, она лишь рассеянно ковырялась в своем куске. Я заметил:

— Юная леди, ты не встанешь, пока не доешь все, что лежит у тебя на тарелке.

— Ричард, я не могу!

— Не могу и я побить тебя на людях!

— Ну так и не бей!

— Я и не хочу. Но не сдвинусь с места, пока ты не съешь всего. Даже если ради этого придется переночевать на стуле.

Хэйзел довольно непристойно выразилась обо мне, о Джефферсоне Мао и о вишневом пироге, но после этого все же съела его.

В тринадцать тридцать пять мы уже оказались перед входом в компьютерную зону Комплекса. Юноша у турникета продал нам билеты за две кроны сорок фартингов и сообщил, что следующая экскурсия начнется через несколько минут. Он проводил нас в зал ожидания, закрытое помещение со скамейками и игровыми автоматами. В зале, кроме нас, находилось еще десять-двенадцать человек. Почти все они были в фесках. К началу экскурсии набралось около двадцати желающих.

Мы поплелись за одетым в форму гидом (или стражем, поскольку форма была полицейской). Путешествие длилось бесконечно долго и оказалось до одури неинтересным. К этому времени я уже порядком устал, а присесть было абсолютно негде. На каждой остановке наш гид выпаливал заученные пояснения, а, впрочем, может, и не выученные до конца, поскольку даже я мог заметить элементарные ошибки, вовсе не будучи инженером по телеуправлению.

Но придираться к его ляпсусам не входило в мою задачу. Предстояло сыграть роль зануды, предварительно отрепетированную под руководством моего дружочка-конспиратора.

Во время одной из остановок гид стал объяснять, что телеуправление и технический контроль на всем пространстве Луны децентрализованы. Во всех географических районах собственная система управления водоснабжением, канализацией, подачей горячей воды, работой транспорта и так далее, однако все, что там делается, подается на мониторы, расположенные здесь, «вот на тех консолях, обслуживаемых специальным техническим персоналом».

Я прервал его тираду:

— Добрый человек, сдается мне, вы в этом деле новичок? В «Британской Энциклопедии» ясно сказано, что все функции управления на Луне сосредоточены в руках гигантского компьютера. Мы как раз и приехали на него поглазеть, а вовсе не на задницы юных клерков, сидящих за мониторами! Так что давайте, показывайте нам его. Мы желаем видеть «Холмса-IV», тот гигантский компьютер!

Гид ответил с профессиональной улыбочкой, не сумев все же удержаться от презрительного взгляда, отражающего естественное восприятие «земляного червя» лунианином.

— Ваша информация устарела. Да, когда-то так было, но с тех пор прошло более пятидесяти лет. Сейчас здесь все модернизировано и децентрализовано.

— Молодой человек, вы что, спорите с «Британской Энциклопедией»?

— Я сообщаю вам простую истину. А теперь пройдемте дальше и...

— А что же случилось с тем гигантским компьютером? Если его теперь не используют... Вы так ведь сказали?

— Что? Взгляните на дверь позади вас. Этот компьютер находится за ней.

— Ну так пойдемте и поглядим на него!

— Ну что вы все дудите в одну дуду? Это всего лишь древняя реликвия, символ нашей великой истории, но не больше. А если так жаждете его увидеть, обратитесь к Президенту Университета Галилео и предъявите ваши претензии. А он пошлет вас подальше! Ну, а теперь давайте пройдем в другую галерею.

Хэйзел не «прошла» с нами, а я, свято следуя ее инструкциям, продолжал забрасывать гида идиотскими вопросами, забегая вперед и не давая ему оглядываться. А когда мы (очень не скоро) описали наконец полный круг и вернулись в тот же отсек, Гвен уже шла впереди вместе со всей группой!

Теперь я держался молчаливо, не заговорив и тогда, когда мы покинули Комплекс и направились в метро. Но и на платформе я заговорил, лишь увлекши ее в сторону от чужих ушей.

— Как прошло дело?

— Без осложнений. Замок на двери оказался известной мне конструкции. Спасибо тебе: ты здорово запудрил ему мозги, пока я возилась с замком. Спектакль разыграл неплохой, мой милый!

— Ну, а ты нашла то, что искала?

— Надеюсь. Я буду знать куда больше, когда папа Мэнни просмотрит снимки. Но там всего лишь огромное заброшенное помещение, набитое допотопной электроникой. Я сняла всю ее почти в двадцати ракурсах со стереоскопической регулировкой. Может, и несовершенной, но все же хоть такой: я в ней раньше практиковалась.

— Так что же, с этим вопросом пока что покончено?

— Да, пожалуй, почти полностью,— ответила она почему-то упавшим голосом.

Я быстро взглянул на Гвен и увидел, что глаза ее полны слез.

— Почему, дорогая? В чем дело?

— Н-ни в чем!

— Скажи мне!

— Ричард, *он* там!

— Кто?

— Он спит там. *Я* знаю, я смогла его ощутить! Адама Селена...

Вагон-капсула резко затормозил на подходе к станции, и, к моему облегчению, на ее последнюю реплику можно было не отвечать. Из-за переизбытка пассажиров в капсуле поговорить не пришлось. К тому времени, когда мы достигли Луна-Сити, моя любимая уже успокоилась, и я мог не вдаваться в обсуждение темы Селена. Тем более, что и толчея на улицах-коридорах тоже не располагала к беседе.

Луна-Сити кишит публикой в любое время. По субботам луниане из других поселений набиваются сюда за покупками, а в эту субботу еще добавились храмовники с супругами изо всей Северной Америки, да и других мест тоже.

От западной станции метро мы прошли под внешнюю оболочку Луна-Сити и оказались прямо перед «Стариной Монтгомери». Я уже собирался обойти супермаркет слева и выйти на главную магистраль, но Гвен остановила меня.

— Что? В чем дело, милая?

— Твои брюки!

— Что, расстегнута ширинка? Да нет, вроде не расстегнута!

— Мы сейчас эти брюки кремируем. Хоронить их уже поздно. То же относится и к рубашке.

— А мне казалось, тебе не терпится попасть в «Раффлз».

— Ты прав, но мне надо всего пять минут, чтобы облачить тебя в новый обольстительный костюм.

(По правде говоря, имело смысл. Брюки были настолько грязны, что я рисковал прослыть угрозой общественному здоровью. А Хэйзел знала, что я, в отличие от большинства мужчин

в Луна-Сити, никогда не ношу шорт, ибо предпочитаю не выставлять напоказ свою искусственную ногу, а прикрывать ее штаниной. Но при этом я вовсе не комплексую из-за нее. Моя нога — это моя личная проблема...)

— Олл райт! — согласился я.— Но давай купим то, что висит поближе к дверям.

Хэйзел обернулась в течение десяти минут, купив мне три выходных костюма-двойки, совершенно одинаковых по фасону, но разных по цвету. Первоначальная цена была приличная, но она, сумев достойно поторговаться, снизила ее до приемлемого уровня (почти вдвое!). Поблагодарив продавца, она вручила ему чаевые и взглянула на меня, сияя:

— Ты стал франтом, мой милый!

Мне тоже так показалось. Костюмы были лимонно-зеленого, тускло-розового и лавандового цветов. Я надел лавандовый, и он пришелся как раз впору. Я пошел вперед, помахивая тростью, держа под руку лучшую из девушек и чувствуя себя превосходно!

Даже боковой туннель, ведущий к «Раффлзу», оказался набит людьми. И кучка красных фесок толпилась около нашего отеля. Я глянул на одного из этих людей и тут же всмотрелся пристальнее. Второй свой взгляд я сопроводил ударом трости, которой ткнул его прямо в пах. В тот же момент или секундой позже Хэйзел обрушила пакет (с моими костюмами) прямо на рожу соседнему типу, да еще ударила его в низ живота сумкой. Он повалился наземь и присоединил свои вопли к крику моего «клиента». Отведя назад трость и держа ее наперевес, я стал распихивать забурлившую кучку фесок, расчищая себе дорогу к отелю и соблюдая при этом избирательность тычков: одному в живот, другому в почку... но при этом так, чтобы непременно повалить на землю.

Хэйзел позаботилась еще об одном субъекте, снова пустив в ход пакет с костюмами. Этот тоже лежал и не двигался. Еще один (шестой?) хотел было «успокоить» ее полицейской дубинкой, но тут же получил прямо в лицо кончиком моей палки. Он ухватился за нее, я же подался вперед и, чтобы уберечь его от стилета, ткнул тремя пальцами левой руки прямо в солнечное сплетение. Он упал, но и я, не удержавшись, полетел прямо на него.

Сразу же поднявшись, я рысью припустил к «Раффлзу», глядя под ноги и волоча палку за собой.

Следующие несколько секунд помнятся смутно. Я не заметил Гретхен, стоявшую у конторки портье. (Очевидно, она только что вошла). Помню лишь вскрик Хэйзел в момент, когда я стал падать:

— Гретхен! Номер «Л», прямо и направо!

По-видимому, я упал на девочку. На Луне я весил около тридцати кило — не такой уж груз для деревенской девчонки, привыкшей к тяжелой работе. Но я все же был намного крупнее, чем Гретхен, и вдвое больше, чем Хэйзел,— эдакий огромный неуклюжий куль! Кажется, я пробормотал, чтобы она сбросила меня на пол, но Гретхен проигнорировала мой протест. Идиот за конторкой что-то крикнул, но на него никто не обратил внимания.

Наша дверь распахнулась перед Гретхен, и я услышал знакомый голос:

— Boje moj! Он же ранен!

После этого я оказался на собственной постели, а надо мной склонилась озабоченная Ксия.

— Я не ранен, меня просто немного встряхнули,— сообщил я не очень внятно.

— Как же, как же! Лежите смирно, пока я стягиваю ваши брюки! Что, у одного из ваших джентльменов был нож?

Мне хотелось сказать ей, чтобы она не разрезала мои новые брюки, но тут раздался выстрел. Стреляла моя супруга, влетевшая в открытую дверь и сразу же спрятавшаяся за левую створку. Пригнув голову, она снова выстрелила, стремительно отпрыгнула назад, захлопнула дверь и заперла ее. Она окинула взглядом комнату и скомандовала:

— Быстренько перенесите Ричарда в освежитель. Кровать и всю остальную мебель — к двери. Я не то застрелила, не то ранила двоих.

Она села на пол спиной ко мне, больше не обращая на нас внимания, но все кинулись выполнять приказ.

«Все» — это Гретхен, Ксия, Чоу-Му, папа Шульц и рабби Эзра. Не было времени удивиться, тем более что Ксия и Гретхен перенесли меня в освежитель, уложили на пол и вновь стали снимать

с меня брюки. Но вот что меня удивило по-настоящему: моя здоровая нога, та, что состояла из костей и плоти, была порядком окровавлена. Я установил это сперва по большим пятнам крови на белой пелерине Гретхен, и только потом уже понял, откуда взялась кровь, так как нога начала сильно болеть.

Я терпеть не могу вида крови, особенно моей собственной. Поэтому я отвернулся и стал смотреть в дверь. Хэйзел все еще сидела на полу и вытаскивала что-то из сумки. Что-то, на вид превосходившее размерами саму сумку! Она начала говорить в это:

— Ти-Эйч-Кью! Майор Липшиц вызывает Ти-Эйч-Кью! Ответьте мне, черт побери! Проснитесь! Мэйдэй, мэйдэй! Эй, Руби!..

20

Если кто-нибудь усомнится в моей правдивости,
я могу лишь сказать, что мне жаль их, неверующих!
Барон Мюнхгаузен (1720–1797)

Ксия сказала:

— Гретхен, дайте мне полотенце. Ногу надо перетянуть выше раны покрепче.

— Уй-уй-уй!

— Простите, Ричард!

— Авария, авария! Хей, Мэри, я в заливе без весла! Откликнитесь!

— Мы вас слышим, майор Липшиц! Сообщите координаты места, планету, систему, вселенную.

Голос был механический с характерным жестяным оттенком, от которого сводило зубы.

— А теперь отпечатайте их потеснее...

— Да ну вас к черту с этими формальностями! Мне необходимо изъятие типа «Т», и немедленно! Проверьте мои полномочия и заткнитесь! Точка отсчета: «Один маленький шаг Армст-

ронга». Местные координаты: отель «Раффлз», комната «Л». Немедленно начинайте отсчет времени!

Я продолжал смотреть в комнату, чтобы не видеть то неприятное, что творили Ксия и Гретхен с моей ногой. Из-за двери номера доносились крики и топот. Кто-то пытался ее взломать. И вдруг на скальной стене справа от меня появилась и стала распахиваться какая-то новая дверь. Я говорю «дверь», не имея под рукой более точного обозначения. То, что я увидел, было круглым проемом с серебристо-серым покрытием от пола до потолка. Внутри этого проема виднелась характерная дверь какого-то транспортного средства. Какого именно, определить было нельзя, ибо все пространство проема занимала именно она. Створка скользнула в сторону, и кто-то изнутри позвал:

— Бабушка!

И как раз в этот момент рухнула дверь номера, и в нее ввалился какой-то тип. Хэйзел выстрелила в него. За ним внутрь влез второй, она и в него тоже пальнула.

Я пытался дотянуться до своей палки, лежавшей у ног Ксии. О черт!

— Дайте мне палку! Поскорее!

— Ну, ну, спокойнее. Лежите смирно!

— Дайте ее мне!

У Хэйзел оставался всего один заряд, а может, ни одного. В любом случае, настало время ее поддержать.

Я услышал еще выстрелы. С отчаянием подумав, что стреляла не она, а враг, я с невероятным усилием дотянулся до палки и повернулся боком. Но выстрелов больше не последовало. Два последних произвел рабби Эзра!

(И почему меня удивило, что у инвалида на коляске может быть оружие?)

Хэйзел крикнула:

— Все на борт, двигайтесь, живо!

И мы двинулись. Я вновь поразился, когда из «транспорта» высыпало огромное (как мне показалось) количество юношей и девушек, поголовно ярко-рыжих. Они беспрекословно подчинялись Хэйзел. Двое внесли рабби Эзру, другие сложили его

коляску и тоже передали ее «на борт». Чоу-Му и Гретхен поспешили войти в дверь, за ними последовал папа Шульц. Ксия нырнула в дверцу, оставив попытку вести меня. Это сделали двое рыжеголовых, мужчина и женщина. Мои окровавленные штаны шлепали за мной по полу, а сам я крепко вцепился в свою трость.

Я лишь немногое сумел разглядеть в «транспорте». Его входная дверь вела в четырехместную кабину для пилота и пассажиров. Значит, это мог быть космолет. А мог и не быть: панель управления выглядела совершенно необычной, и я не смог бы понять, как управляют машиной. Меня потащили между сиденьями к задней дверце в багажном отсеке поверх сложенной коляски рабби.

Я что, шел у них как багаж? Нет, я пролежал там недолго, потом меня развернули на девяносто градусов и пронесли через еще одну большую дверь, снова повернули на девяносто градусов и уложили на полу. И слава богу, потому что впервые за много лет я почувствовал, что обрел нормальный земной вес.

Поправка: я этот вес ощутил еще накануне в баллистической трубе, а раньше — в космической развалюхе «Баджет джетс 17», да еще четыре дня назад в течение часа на Ферме Старого Мак-Дональда. Но на этот раз внезапное ощущение тяжести оказалось неприятным сюрпризом и длилось долго. Я потерял довольно много крови, и мне было тяжеловато дышать, да еще кружилась голова.

Я сам себя пожалел, когда увидел выражение лица Гретхен. Она выглядела испуганной и несчастной. Ксия сказала:

— Опустись на пол, дорогая, ложись рядом с Ричардом, так будет лучше. Ричард, вы не могли бы немного подвинуться? Я бы тоже легла на пол, мне что-то нехорошо!

И я оказался как бы в люльке между двумя женщинами и не испытал ничего, кроме качки.

Когда-то я проходил тренировки с ускорением в два «g», то есть с силой тяжести, в двенадцать раз превышающей лунное притяжение. Но это было много лет назад, а теперь-то после пяти лет жизни в режиме небольшого притяжения, да еще ведя сидячий образ жизни!

Явственно ощущалось, что Ксию и Гретхен вовсе не волнует факт нашего совместного возлежания на полу. Как и меня.

Моя возлюбленная супруга возникла на пороге, неся миниатюрное деревце. Она поставила его на пол, послала мне воздушный поцелуй и начала опрыскивать растение.

— Ксия,— предложила она,— а что, если я наполню теплой водой ванну для вас, двух лунианок? Вы можете полежать в ней.

Слова Хэйзел заставили меня оглядеться. Мы находились как бы в «ванной». Она не была «освежителем», каким оборудуются четырехместные космолеты или какой был, например, в «Раффлзе». Это помещение выглядело античным. Доводилось ли вам видеть обои с рисунком, изображающим фей и гномов? А впрочем, доводилось ли вам видеть вообще какие-нибудь обои? Или огромную железную ванну на лапах с когтями? Или унитаз с деревянной крышкой и верхним сливным бачком? Этот «санузел» был заполнен экспонатами, попавшими сюда как бы прямехонько из музея истории материальной культуры. Если только забыть, что все предметы были новенькими и ярко сияли...

Я подумал: а сколько же крови из меня вытекло? И что мне такое мерещится?

— Спасибо, Гвен, но мне это вряд ли поможет,— откликнулась Ксия.— А ты, Гретхен, хотела бы полежать в воде?

— Я вообще не хочу двигаться!

— Это не надолго,— утешила их Гвен.— Гэй сделал два сдвига во избежание *бомбежек*, но теперь мы идем на посадку. Ричард, как ты себя чувствуешь?

— Стараюсь обрести чувства.

— Конечно, ты их обретешь, милый! Впервые после года на спутнике я ощущаю свой вес. Но контраст не слишком резок, так как я там ежедневно упражнялась при одном «g». Миленький ты мой, насколько тяжела твоя рана?

— Я не знаю.

— Ксия?

— Большая потеря крови и резаное ранение мышц. Около двадцати пяти сантиметров в длину и довольно глубоко. Не думаю, что задета кость. Мы наложили тугую повязку. Если на корабле есть оборудование, рану хорошо бы обработать ультразвуком, а повязку усовершенствовать.

— Вы и так все сделали превосходно. Мы вот-вот сядем, а там уже окажут квалифицированную помощь, и будет все необходимое.

— Олл райт. Я и сама пока что не очень-то в порядке.

— Попробуйте расслабиться.

Хэйзел подняла мои окровавленные штаны.

— Простирну-ка я их, пока пятна не засохли.

— В холодной воде,— выпалила Гретхен, но, порозовев и засмущавшись, добавила: — Так велит мама!

— Ингрид совершенно права, дорогуша! — Хэйзел пустила воду в раковину умывальника.— Ричард, вынуждена признаться, что во время потасовки я потеряла твои новые костюмы!

— Костюмы мы можем купить снова. Но мне кажется... что я начинаю терять тебя!

— Мой добрый Ричард! Вот твой бумажник и еще кое-что. Опустошаю твои карманы.

— Давай-ка все мне,— я засунул изъятое в нагрудный карман рубашки.— А где Чоу-Му? Мне показалось, что я его вижу, но был ли он с нами?

— Он в другом освежителе вместе с папой Шульцем и папой Эзрой...

— Да ну? И ты хочешь меня уверить, что в четырехместном космолете два освежителя? Ведь это четырехместник, не так ли?

— Он... он... а еще он имеет... «подожди, пока увидишь розовые сады». И еще — плавательный бассейн!

Мне хотелось достойно отпарировать, но ничего не пришло в голову. К тому же, я не понял: то ли насмешничает моя супруга, то ли говорит всерьез? Тем более что и в то, что было перед глазами, поверить казалось трудным. От глупой перепалки меня спасло появление рыжеволосой особы женского пола — молодой, мускулистой, веснушчатой, с кошачьими повадками, энергичной, хорошо пахнувшей...

— Тетя Хэйзел, мы идем на посадку.

— Спасибо, Лор!

— Я Лэз. Кэс хочет знать, кто останется здесь, кто поедет с нами и как долго ждать взлета? Гэй желает знать, будут ли бом-

бить и следует ли применить еще один сдвиг? Бомбежки заставляют ее нервничать.

— Что-то здесь не так. Гэй не должна спрашивать прямо. Не так ли?

— Я не думаю, что она полагается на суждение Кэса.

— Может, она и права. Кто командует сейчас?

— Я.

— Так. Я сообщу, кто полетит, а кто останется,— после того как побеседую с папой и дядей Джеком. Это займет не больше нескольких минут. Можете позволить Гэй остановиться в «мертвой зоне», если хотите, но, пожалуйста, пусть она держится на моей частотной тройке: мы можем оказаться в цейтноте. А теперь я хочу переместить моего супруга, впрочем, прежде мне придется попросить позволения у другого пассажира использовать его кресло-коляску.

Хэйзел повернулась, чтобы выйти. Я сказал ей вслед:

— Я не нуждаюсь в коляске!

Но она не услышала (по-видимому).

Две рыжеволосые девицы вынесли меня из корабля и усадили в кресло-коляску Эзры с опущенной спинкой и поднятым низом. Одна из них покрыла мои ноги огромным махровым полотенцем. Я сказал:

— Спасибо, Лэз!

— Я Лор. Не удивляйтесь, если это полотенце исчезнет: мы раньше никогда не выносили его наружу!

Она вернулась «на борт», а Хэйзел покатила меня под носом корабля и вдоль его левого борта. Он имел вид настоящего космолета с приподнятым корпусом и втягиваемыми крыльями. Мне вновь показалось удивительным, почему оба больших освежителя на левом борту. С точки зрения аэродинамики это было недопустимо!

Но это и не было допущено! Левый борт выглядел как и правый — гладким и ровным, безо всяких кубических выступов для душевых!

Но времени на размышления об этом у меня не было, ибо настал черед другим непостижимым вещам. Еще до того как мы

повернули в туннель, ведущий к «Раффлзу», мой «сонихрон» как раз показал семнадцать часов по Гринвичу и по лунному времени, то есть одиннадцать в часовом поясе номер шесть на Земле.

И дело было в том, что мы как раз там и оказались: в шестом часовом поясе, на северном пастбище моего дяди Джока, в окрестностях Гриннелла, штат Айова! Становилось ясно, что я не только потерял много крови, но, очевидно, перенес и сильный удар по голове — поскольку даже самому лучшему военному экспрессу понадобилось бы не менее двух часов, чтобы долететь от Луны до Земли! (А на моем «сонихроне» прошло всего несколько минут!)

Перед нами красовались великолепно отреставрированные башенки, веранды и террасы викторианского дома дяди Джока, а сам он шел к нам в сопровождении двух других джентльменов. Дядя был подвижен, как всегда, и над его лбом высилась копна серебристо-белых волос, делавших его похожим на Эндрю Джексона. Двух его спутников я не знал. Это были взрослые мужчины, но выглядели намного моложе дяди. Впрочем, все люди были намного моложе его!

Хэйзел остановила коляску, побежала вперед и, обвив руками одного из них, покрыла его лицо поцелуями. Мой дядюшка вырвал ее из объятий того мужчины, поднял вверх, звонко чмокнул в обе щеки и передал третьему спутнику, который, выразив восторг таким же манером, опустил ее на землю.

Прежде чем я почувствовал себя брошенным, она повернулась к первому джентльмену, взяла его под руку и произнесла:

— Папа, я хочу познакомить тебя с моим мужем, Ричардом Колином. Ричард, это мой папа Мэнни, Мануэль Гарсиа О'Кэлли Дэвис.

— Добро пожаловать в семью, полковник!

Он протянул мне правую ладонь.

— Благодарю, сэр!

Хэйзел обернулась к третьему мужчине.

— Ричард, это...

— Это доктор Хьюберт,— прервал ее дядя Джок.— Лэйф, пожми-ка руку моему племяннику, полковнику Колину Кэмпбел-

лу. Добро пожаловать домой, Дикки! Что ты делаешь в этой детской колясочке?

— Да просто нежусь, не иначе! А где тетя Сисси?

— Заперлась, конечно, знает, что ты пожаловал... Но что же с тобой приключилось? Выглядишь как в воду опущенный. Сэди, от Дикки всегда можно ожидать такого: он всегда был тяжел на подъем! Подолгу торчал в туалете и никогда не учился по-настоящему печь пирожки!

Я пытался подобрать достаточно оскорбительный ответ на подобные инсинуации (в стиле наших семейных «перебранок»!), как вдруг земля задрожала и раздался ужасающий грохот: «КРРУМП!» Звук взрыва: правда, может, и не ядерного, но очень сильного. И ощущения были пренеприятнейшие. Дядя хохотнул:

— Не намочи штанишки, Дикки! Это не в нас стреляют. Лэйф, а вы не хотели бы его осмотреть здесь? Или лучше в доме?

Доктор Хьюберт произнес:

— Позвольте мне посмотреть на ваши зрачки, полковник!

И я взглянул на него, а он — на меня. Космолет, находившийся слева от меня, после взрыва внезапно исчез. Ушел, «не оставив позади ни хвоста».

Последнее подтвердило гипотезу о том, что я, несомненно, не в себе. Впрочем, никто этого не заметил. Поэтому я не стал ни на чем настаивать и попытался припомнить — где я мог раньше видеть этого лекаря?

— Я думаю, сотрясения нет... Скажите, чему равен натуральный логарифм от «пи»?

— Если все мои шарики на месте, то как я могу быть здесь? Только, пожалуйста, доктор, безо всяких там игр с гипнозом, я слишком устал для этого.

Еще один «взрыв» (а может, и бомба?) прозвучал еще ближе, чем первый. Доктор Хьюберт отвернул полотенце с моей левой ноги, пощупал повязку, наложенную Ксией.

— Болит?

— Ох, черт, да!

— Хорошо. Хэйзел, его лучше отвезти в дом. Я вряд ли сумею по-настоящему помочь, пока его не поместят в Нью-Харбор в

Бьюлаленде. Энджеленос с монашками уже в пути. Для человека, перенесшего удар, полковник в приличном состоянии, но лечение следует начать немедленно.

Я спросил:

— Доктор, а вы не в родстве ли с рыженькими девицами из того космолета, который нас доставил сюда?

— Они не девицы, а великовозрастные юные преступницы. И что бы вам ни говорили, я буду все категорически отрицать! Передайте им мою любовь!

Хэйзел воскликнула:

— Но я же должна отчитаться!

Тут все заговорили одновременно, пока доктор Хьюберт не гаркнул:

— Молчать! Хэйзел поедет со своим мужем, проследит за его устройством и останется столько, сколько найдет нужным, а потом доложит в Нью-Харборе... но отсчет времени начался сейчас. Возражения? Принято!

Новое появление космолета оказалось еще более странным, и я рад, что не увидел его. Или не очень заметил. Двое красноголовых (как выяснилось, их там было всего четверо, а не целая толпа, как мне показалось раньше) занесли меня и коляску внутрь. Хэйзел вошла со мной в тот странный освежитель... и почти сразу Лэз (или Лор?), появившись там, сообщила:

— Тетя Хэйзел, мы дома.

«Дом» начался с плоской крыши большого здания. Был поздний вечер, солнце уже садилось. А космолету следовало бы называться «Чеширским котом»! (Хотя его звали, кажется, Гэй... Ее звали Гэй... Ох, да какое это имело значение!)

Здание оказалось госпиталем. Когда люди попадают в госпиталь, их сперва в течение часа и сорока минут мурыжат, пока не заполнят сто бумажек. Затем человека раздевают и кладут на каталку под тонкое покрывало, из-под которого торчат на холоде голые ступни, и оставляют ждать перед лабораторией икс-лучей. После этого юная леди заставляет помочиться в пластический баллон для анализа, при этом стоит рядом со скучающим выражением лица и разглядывает потолок. Правильно я говорю?

Но здешняя публика была, очевидно, не знакома с параграфом первым госпитальных правил приема больных. Мои здоровые попутчики (пострадавшие лишь от чрезмерных перегрузок) были уже на выходе, помещенные в сверкающие «тележки для гольфа», а меня только еще подняли, понесли и поместили в такую же штучку (каталку, коляску, «плавающие» носилки?). Рабби Эзра оказался рядом со мной, но в собственной коляске. Хэйзел сопровождала нас, неся дерево-сан и пакет с костюмом Наоми. Космолет испарился. Я едва успел сказать Лэз (Лор?), что доктор Хьюберт шлет свою любовь. Она фыркнула:

— Если он думает, что сладкие речи помогут ему выбраться из конуры, то пусть подумает еще!

Но ее грудки слегка выпятились, из чего я заключил, что моя информация не была ей неприятна.

Нас на крыше осталось всего четверо: мы втроем и женщина из госпиталя, маленькая, темная и, казалось бы, сочетавшая лучшие черты *Матери Евы и Матери Марии*, но при этом безо всякого стремления это сходство подчеркнуть.

Хэйзел положила пакет на меня, вручила деревце рабби Эзре и распростерла руки:

— Тамми!

— Арли соол, м'тенга!

Женщина с материнской нежностью поцеловала Хэйзел.

— Рэкси, рэкси — как же это долго!

Они разняли объятия, и Хэйзел произнесла:

— Тамми, это мой любимый муж, Ричард.

Та поцеловала меня в губы, предварительно подняв и отставив в сторону пакет. Человек, которого облобызала Тамми, остается с ее поцелуем надолго, даже если он ранен и если поцелуй совсем краток!

— А это наш дорогой друг, преподобный рабби Эзра бен Давид.

Эзра не нуждался в такой заботе, как я. Тамми глубоко присела и поцеловала его руку. Таким образом, я остался в чистом выигрыше.

Тамми (то есть Тамара) сказала:

— Я могу взять вас обоих внутрь, и чем раньше, тем скорее мы вылечим Ричарда. Но оба моих возлюбленных гостя пробудут здесь немало времени. Хэйзе, ты согласна разделить комнату с Джубалом?

— Тамми, это же чудесная идея! Тем более что я иногда буду отлучаться. Джентльмены, а вы согласны поселиться вместе на то время, пока вы — пациенты этого госпиталя?

Я уже хотел сказать: «да, разумеется, хотя...», но рабби Эзра, опередив меня, возразил:

— Здесь какая-то ошибка! Миссис Гвендолин, объясните, пожалуйста, этой леди, что я не пациент и не кандидат на госпитализацию. Совершенно здоров! Ни насморка, ни даже заусениц!

Тамара глянула удивленно и... нет, не обеспокоенно, но както задумчиво. Она приблизилась к рабби и легонько коснулась рукой его культи.

— А мы разве не будем возвращать вам ноги?

Рабби Эзра перестал улыбаться.

— Я уверен, что вы желаете мне добра. Но я не могу носить протезы. Это правда!

Тамара снова перешла на непонятный язык, обращаясь к Хэйзел. Та выслушала и обратилась к рабби:

— Ребе Эзра, Тамара говорит о настоящих ногах! Из плоти и крови. Они здесь это могут. У них есть целых три способа.

Реб Эзра глубоко вдохнул, выдохнул, поглядел на Тамару.

— Дочка, если вы можете вернуть мне ноги... то — вперед! Пожалуйста!

И что-то добавил еще. Я думаю, на иврите.

Книга третья
СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

21

Бог создал женщину, чтобы приручить мужчину.
Вольтер (1694–1778)

Я просыпался неторопливо, давая возможность своей душе потихонечку вернуться обратно в тело. Не открывая глаз, ощущал, как восстанавливается память, а с нею и осознание того, кто я, где я и что со мной произошло.

Да, да, я женился на Гвен Новак. Это было неожиданно, но восхитительно! А потом мы... Эй, это же не вчера случилось! Вчера ты...

Малый, вчера у тебя выдался хлопотный денек! Стартовал из Луна-Сити, а прискакал в Гриннелл... Как? А зачем спрашивать «как» о нелепице? Просто прими ее и все! Так как же назвала это место Гвен? Погоди-погоди, ее-то саму звать вовсе не Гвен, а Хэйзел! Правда? Выяснишь позднее... Так вот, Хэйзел назвала его «Третьей Землей» — Теллус Терциус. А Тамми еще как-то обозвала. Тамми? Ну да, Тамара. Всякий же знает Тамару!

Тамми не дала им притронуться к моей раненой ноге, пока я бодрствовал. А как, черт побери, я получил эту рану? Стал, что ли, неповоротливым на старости лет? Или уставился на рожу Билла в гуще тех липовых «храмовников»? Как-то непрофессионально дать себя повалить, даже напоровшись на неожиданное. Если в драке покажется, что видишь свою бабушку, все равно стреляй и двигайся дальше!

А как ты понял, что они не храмовники? Ну, это просто: настоящие храмовники — люди пожилые и дородные, а эти жеребцы были молодые и жилистые. И агрессивные.

Но ты же только что до этого додумался. Да неужто? И все же это так. Ты просто ощутил это вчера, но не осознал. На то, чтобы думать, времени не было. Просто увидел эту банду — что-то внутри заорало: «Враг!» — и ты прыгнул на него раньше, чем он рванулся к тебе. Если ты в драке позволишь себе «сортировать» впечатления, считай, что ты уже мертвец. Потому-то и надо всегда действовать немедля.

А ведь вчера ты действовал не слишком-то проворно, хоть и прихватил с собой неплохого дружка, правда? Быструю маленькую коралловую змейку по имени Хэйзел. Впрочем, если ты вышел из потасовки с температурой тридцать семь, то эту потасовку нельзя считать полным поражением.

Кончай себя тешить. Ты сам-то скольких уложил? Двоих? Остальных прикончила она. И если по правде, то это она тебя «прихватила», а не то... ты давно уже был бы хладным, как камень. А может, ты как раз и таков? Давай-ка проверим. И я открыл глаза.

Место поистине выглядело райским. Но именно это и свидетельствовало, что я жив, ибо рай вовсе не для меня! Кроме того, каждому известно, что когда помрешь, то первым делом проходишь через длинный туннель, дальний конец которого светится. И там тебя должна ожидать возлюбленная. Но ведь со мной ничего такого не случилось! Ни туннеля. Ни света в конце. И, к сожалению, совсем не видно Хэйзел!

Итак, я пока не мертвец, и это — не рай. Но и не госпиталь. Ни в каком госпитале не бывает так красиво и не пахнет так хо-

рошо! И где же шум и суета, которые всегда доносятся из коридора, когда лежишь в госпитале? Ведь здесь слышится только пение птиц и далекая музыка струнного трио.

Эй, а вот и дерево-сан! Тогда, значит, где-то неподалеку обретается и Хэйзел? Где ты, сладкая моя девочка? Мне нужна помощь! Найди мой протез и дай его, пожалуйста! Я не рискну прыгать на одной ноге при этом притяжении: уже отвык от него, да еще... черт возьми, мне надо помочиться! Это что-то кошмарное, аж зубы сводит!

— Вижу, вы уже проснулись,— произнес нежный голос у моего правого уха.

Я повернул голову, а она обошла кровать и стала так, чтобы мне легче было ее увидеть. Молодая женщина, миловидная, стройная, с небольшим бюстом и длинными черными волосами. Она улыбнулась, встретившись со мной взглядом.

— Я — Минерва. Что вам угодно на завтрак? Хэйзел говорила, что вам по вкусу вафли. Но можно заказать любую другую еду.

— Любую? — пробормотал я, задумавшись над открывшейся возможностью.— А как насчет филе бронтозавра, поджаренного на медленном огне?

— Пожалуйста. Но его придется готовить дольше, чем вафли,— ответила она совершенно серьезно.— Может, пока что-нибудь перекусите?

— Да нет, мне бы сперва получить свою ногу, ту, искусственную... Мне до завтрака надо наведаться в освежитель, а для этого — пристегнуть протез. Понимаете, при этом притяжении...

Минерва без околичностей объяснила мне, что к чему.

— В эту кровать вмонтирован санузел. Вы все равно не можете еще пользоваться освежителем: у вас блокирован позвоночник ниже пояса. А это устройство очень удобно, в самом деле. Так что давайте делайте, что вам нужно!

— Уф... я не могу.

(Я был уверен, что и вправду не смог бы: когда ампутировали мою ногу, персоналу госпиталя пришлось порядком со мной повозиться. Наконец они стали вводить мне катетер и кое-что еще, пока я не научился ходить на костылях.)

— Вы сами поймете, что можете. Все будет в порядке!

Я попробовал двинуться, но ни одна из моих ног — ни длинная, ни короткая,— меня не послушались.

— Миссис Минерва, а нельзя ли принести мне обычную госпитальную «утку»?

Она посмотрела на меня с тревогой.

— Если желаете. Но вряд ли она вам пригодится,— тревога на ее лице сменилась озабоченностью.— Я пойду поищу. На это уйдет время. Не меньше десяти минут. И придется запечатать вашу дверь, чтобы никто вас не потревожил,— она повторила: — Десять минут!

И направилась к белой стене. Та, щелкнув, распахнулась, и женщина вышла.

Я тут же хотел сдернуть простыню, чтобы поглядеть, что там они сотворили с моей целой ногой.

Но простыня не отдернулась — я спасовал перед ней: мне стало очень больно.

Я попытался ее перехитрить: не может же простыня причинять боль, как живая? А вдруг может? Да, увы, она могла.

И я наконец сказал себе: слушай, дружок, мы же с тобой находимся *нигде*. И давай предположим, что миссис Минерва сказала истинную правду. Что эта кровать с вмонтированным в нее «отводом» способна выдержать худшее из того, что может сделать лежачий больной. Сказав себе это, я мысленно решил парочку баллистических задач, достаточно замысловатых, чтобы отвлечь даже того, кто идет на гильотину! А попутно «спустил» с поллитра жидкости, вздохнул и дал стечь остальной половине... Да нет, постель, вроде, совершенно не намокла!

Какой-то женский голос нежно проворковал:

— Славный бэби!

Я поспешно огляделся. Никаких признаков носительницы голоса.

— Кто это сказал, и где вы?

— Я — Тийна, сестра Минервы. Нахожусь не дальше вашего локтя... притом на расстоянии полукилометра. И ниже на двести метров. Если что надо — только скажите. Мы найдем это, или со-

творим, или подделаем. Чудеса мы творим сразу, а остальное — еще быстрее. Исключение: настоящие девицы по спецзаказу. Среднее время изготовления — четырнадцать лет. Девы заводского изготовления — четырнадцать минут.

— Да кто же, к дьяволу, просит девиц? Миссис Тийна, вы полагаете, что это прилично — наблюдать, как я мочусь?

— Юноша, не учите свою бабушку, КАК НАДО СПЕРЕТЬ КОРАБЛЬ! Одна из моих обязанностей — наблюдение за всеми отделениями этого забавного домика и предупреждение ошибок прежде, чем они свершатся. Во-вторых: я сама девица и могу это доказать, а вы еще пожалеете, что родились мужчиной! Уж я постараюсь, раз вы так неучтиво отзываетесь о девах!

(О черт!)

— Миссис Тийна, я вовсе не хотел вас обидеть. Просто стало неудобно, вот и все! Но ведь позыв был такой сильный, а это занятие требует уединения.

— Только не в госпитале, крошка! Все эти дела входят в общую клиническую картину в любое время.

— Но...

— А вот и моя сестра. Если не верите, спросите у нее.

Через парочку секунд стена распахнулась, и вошла миссис Минерва, неся госпитальную «утку» старинной формы, без всякой автоматики и электроники.

— Благодарю вас. Но она мне уже ни к чему. Впрочем, думаю, сестра уже сообщила?

— Да, сообщила. Но ведь она не сказала вам, что сообщила мне?

— Нет, я просто сам догадался. А правда ли, что она помещается где-то в подвале и подглядывает за каждым пациентом? И ей это не надоедает?

— Она не обращает внимания ни на что, пока не появляется необходимость. У нее тысячи других хлопот, куда важнее и интереснее.

— Уж куда интереснее,— подтвердил голос, лишенный лика.— Минни, он не любит девушек! Я поведала ему, что сама из них. Подтверди это, сестренка, я хочу утереть ему нос!

— Тийна, хватит его дразнить!

— Но почему? Мужчин дразнить так забавно! Они начинают ерзать, словно их пихаешь рукой. Но что нашла Хэйзел в этом, ума не приложу. Какой-то угрюмый увалень...

— Тийна, перестань! Полковник, Афина сказала вам, что она — компьютер?

— Да что вы! Повторите это еще раз!

— Афина является компьютером. Она — компьютер-надзиратель планеты. Остальные компьютеры здесь — просто машины, лишенные всяких чувств. Она ведает всем. Совсем как Майкрофт Холмс (или Майк) когда-то ведал всем на Луне. Я знаю, Хэйзел говорила вам об этом,— Минерва мило улыбнулась.— А Тийна считает себя девственницей потому, что у компьютера ведь нет опыта плотских сношений! Стало быть, она права.

— Зато я о них знаю все! — вставила Афина.

— Да, сестренка. Я имею в виду сношения с мужчинами. Но когда ты обретешь тело из костей и плоти и станешь человеческим существом, ты не сможешь оставаться девственницей, поскольку признаки невинности атрофируются при сотворении тела в лабораторных условиях, а то, что от них остается, тоже исчезнет еще до всякого соприкосновения с мужским началом. Точно так же случилось со мной.

— Ты с ума сошла, Минни, позволив Иштар так поступить с тобой! Со мною этого не случится. Я решила испытать все, что положено девице. Пройти обряд бракосочетания и лишения невинности. И непременно облачиться в наряд невесты и отпраздновать свадьбу. Как ты думаешь, можно это поручить Лазарусу?

— Сильно сомневаюсь. А ты рискуешь впасть в глупую ошибку. Ненужная боль первого сношения может вызвать у тебя отрицательные эмоции и отвратить от прекрасного занятия. Сестрица, секс — это наиболее важная составная часть человеческой сущности. Не испорть ее себе!

— Тамми говорила, что не так уж это и больно.

— А зачем вообще нужна любая боль? Кроме того, ты не сможешь склонить Лазаруса к формальной свадьбе. Он обещает тебе место в нашем семействе, но ничего более того!

— А может, мы склоним к этому полковника «Зеро»? Он же обязан доставить мне полное удовольствие, а Морин говорит, что

из наших никто больше в женихи и не годится! Как насчет этого, солдатик? Подумай о чести быть моим женихом на шикарной свадьбе в июне! Парень, продумай свой ответ поаккуратнее!

У меня в ушах уже стоял звон, и я чувствовал, как наплывает головная боль. Интересно, если плотно закрыть глаза, не удастся ли вновь оказаться в своей холостяцкой норе на «Золотом правиле»? Я попробовал зажмуриться и вновь открыл глаза.

— Отвечай-ка! — потребовал голос, лишенный тела.

— Минерва, а кто пересадил мое маленькое деревце?

— Я. Тамми заметила, что ему не хватает жизненного пространства, и попросила меня найти горшок побольше. Вот я и...

— Это я нашла!

— Да, нашла Тийна, а я пересадила. Посмотрите, насколько оно стало счастливее! Выросло более чем на десять сантиметров!

Я бросил взгляд на деревце, потом вгляделся в него пристальнее. Так сколько же я пробыл в этом госпитале?

— Так сколько же дней я пробыл в вашем госпитале?

Минерва вдруг стала совершенно индифферентной. И голос Тийны произнес:

— Вы еще не уточнили, насколько велик должен быть бронтозавр, которого вы заказали на завтрак? Лучше заколоть маленького, не так ли? Крупные ужасно жестки. Так все считают.

(Деревце выросло на десять сантиметров! Хэйзел сказала, что придет проведать меня «утречком». Каким-таким утречком, дорогая? Через две недели? Или больше?)

— Более взрослых следует провяливать, пока поспеет мясо. А с вафлями тоже придется ждать?

— О нет! — с готовностью откликнулся голос Тийны.— Здесь они не так уж в ходу, но Морин все о них разузнала. Она получила информацию из места всего в нескольких километрах от того, откуда вас взяли, и почти из того же времени с точностью плюс-минус в один век. Она узнала рецепт их готовки, а еще рассказала мне, что такое вафельница, и я провозилась до тех пор, пока Морин не получила то, что ей требовалось. А сколько вафель вы, обжора, можете съесть?

— Пятьсот семь штук...

Последовало недолгое молчание, затем Тийна вопросила:

— Минерва?

— Я не знаю!

— ...Однако,— добавил я,— поскольку я на диете, то хватит и трех!

— Не уверена, что жажду видеть вас своим женихом!

— Тем более что не успели проконсультироваться с Хэйзел. С моей женой.

— За этим дело не станет. Хэйзел и я — подружки. Многие-многие годы. Она вас заставит подчиниться, если только я сама решу прибегнуть к вашим услугам. Но меня одолели сомнения: Дикки-бой, вы так непостоянны!

— Ах, «Дикки-бой»? Так вы знакомы с моим дядюшкой Джеком? Джоком Кэмпбеллом?

— С Серебряным Лисом? Знаю ли я дядю Джока? Еще бы! Мы не собираемся его приглашать, он ведь всегда претендует на «право первой ночи»!

— А вы пригласите его, миссис Тийна. Он же мой близкий родич. Олл райт, я согласен изображать жениха, а дядя Джок позаботится о лишении невесты невинности. По рукам?

— Минерва!

— Полковник Ричард, я не уверена, что Афина на это пойдет. Я знавала доктора Джока Кэмпбелла в течение многих лет, а он знал меня. И если Афина настаивает на этой чепухе, то есть свадьбе, она вряд ли отдастся сперва доктору Кэмпбеллу! Может быть, через год или два, когда она установит...— Минерва пожала плечами.— Они же свободные личности!

— Тийна вольна обсудить это с Хэйзел и Джоком. Это же не моя идея в целом! Так когда же должно свершиться это преступление?

— Вот-вот. Клон Афины скоро созреет. Через три года по вашей шкале времени.

— Уф-ф... А я-то думал, уже на той неделе! Погожу пока переживать. ЗА ЭТО ВРЕМЯ И КОНЬ ЗАПОЕТ!

— Какой конь?

— Из ночного кошмара. Перейдем к вафлям. Миссис Минерва, не хотите ли разделить со мной завтрак? Я не выдержу, если у вас будут течь слюнки и вы будете провожать взглядом каждый мой кусок.

— Я уже перекусила сегодня...

— Очень плохо!

— Но это уже неважно: несколько часов назад мне вдруг очень захотелось отведать вафель: Хэйзел и Морин так славно их расписывали! Так что спасибо, не откажусь!

— А меня вы что же не пригласили? — обиделась Тийна.

— Но, моя предполагаемая суженая (если только вы собираетесь исполнить свои угрозы), ведь мой стол станет и вашим. Поэтому приглашать вас разделить трапезу не имеет никакого смысла и даже оскорбительно: вы и так обязаны ее разделять!.. А Морин говорила, что надо подавать к вафлям? Растопленное масло, кленовый сироп, много хрустящего бекона, а к этому еще фруктовый сок и кофе. Сок должен быть ледяным, остальное — горячим.

— Три минуты, милый мальчик!

Я хотел ответить, но та *невещественная* стена снова раздалась, и вошел рабби Эзра. Он... *вошел*! Правда, он опирался на костыли, но у него были две ноги!

Он осклабился и помахал мне костылем.

— Доктор Эймс! Рад видеть вас бодрствующим!

— И я рад вас видеть, реб Эзра! Миссис Тийна, пожалуйста, утройте первоначальный заказ!

— Уже. Да еще заказала семгу, и пышки, и клубничный джем!

Несмотря на все мучившие меня вопросы, завтрак удался на славу. Еды было вдоволь, аппетит отменным, а Минерва и Эзра (и Тийна тоже) составили весьма славную компанию.

Лишь покончив с первой вафлей, я спросил:

— Реб Эзра, вы не виделись с Хэйзел сегодня утром? С моей женой. Мне казалось, что она уже должна быть здесь.

Реб вроде бы заколебался, и ответила Тийна:

— Будет попозже, Дикки. Не могла же она слоняться вокруг в ожидании твоего пробуждения. У нее полно других дел. И других мужчин.

— Тийна, хватит меня злить! Или я откажусь на вас жениться, даже если Хэйзел и Джок согласятся на этот брак!

— Спорим? Только попробуй меня надуть, хамло, и я выкину тебя с этой планеты! У тебя не останется ни куска еды, двери

перестанут перед тобой открываться, освежители превратятся в «обжигатели», и еще тебя закусают собаки!

— Сестрица!

— Ау, Минни?

Минерва обернулась ко мне:

— Не позволяйте моей сестре дразнить вас, полковник. Она это делает только потому, что жаждет компании и внимания. Но на деле она крайне надежный и соблюдающий этику компьютер!

— Я уверен в этом, Минерва! Но, зля меня и угрожая, она не может рассчитывать на то, что я добровольно встану перед судьей, или священником, или кем там еще и пообещаю любить, заботиться и повиноваться ей! Я вообще не уверен, что когда-либо пожелаю ей повиноваться!

Компьютерный голос ответил:

— Не хочешь повиноваться, Дикки? Я тебя научу со временем. Это же так просто: сходи, принеси, садись, ложись, повернись, притворись мертвым... Я от мужчины ничего сложнее этого и не жду. Правда, еще остаются жеребячьи обязанности. Но тут твоя репутация опережает тебя.

— Что вы хотите этим сказать? — я с силой отшвырнул салфетку.— Ну все, с меня хватит! Не бывать этой свадьбе!

— Друг Ричард...

— А? Да, реб Эзра.

— Не позволяйте Тийне выводить вас из себя. Она ведь сделала предложение и мне тоже, и отцу Хендрику, и Чоу-Му, и, вне сомнения, многим другим. По сравнению с ней Клеопатра выглядит невинной скромницей.

— И Нинон Ланкло, и Рэнджи Лил, и Мария Антуанетта, и Рахаб, и Кэйт Баттлшип, и Мессалина, и та, которую вы назвали! Я стану чемпионкой по нимфомании во всех вселенных, буду прекрасной, как грех, и великолепной, как никто! Мужчины станут затевать дуэли, убивать друг друга на моем пороге и прославлять в одах каждый мой палец. Женщины, заслышав мой голос, будут падать в обморок. Все — мужчины, женщины и дети — станут мне поклоняться, а я возлюблю стольких из них, сколько вместит мой график! А вы, стало быть, не желаете стать моим жени-

хом, э? Надо же — произнести такие грязные, мерзкие, злые, вонючие, насквозь себялюбивые слова! Разъяренная толпа разорвет вас на куски и напьется вашей крови!

— Миссис Тийна, это же не тема для застольной беседы, мы ведь едим, не так ли?

— Вы сами начали.

Я попытался обозреть ситуацию. Что, и в самом деле я первый начал? Да нет, конечно же, это она... Но реб Эзра заговорщицки прошептал:

— Уступите. Все равно не выиграете. Я же знаю!

— Миссис Тийна! Сожалею, что затеял спор. Я не должен был. Это неучтиво с моей стороны!

— О, тогда все в порядке! — голос компьютера явно потеплел.— И не зовите меня «миссис Тийна». Тут не приняты титулы. Если вы назовете Минерву «доктор Лонг», она обернется, чтобы увидеть, кто стоит позади нее!

— Олл райт, Тийна, а вы, пожалуйста, зовите меня Ричардом. А что, миссис Минерва, у вас имеется степень доктора? Доктора медицины?

— Да, одна из моих ученых степеней относится к терапии. Но сестрица права: здесь титулы не приняты. А слово «миссис» у нас может быть обращено лишь к женщине, которую вы одарили плотской близостью. Поэтому не обращайтесь ко мне так до тех пор, пока не решитесь предложить мне это блаженство. Если решитесь.

Ничего себе — получил по лбу! Я был совершенно поражен. Минерва выглядела такой скромницей, такой кроткой и мягкой — и на тебе!

Тийна дала мне возможность опомниться.

— Минни, не пытайся его увести из-под меня! Он мой!

— А ты спроси Хэйзел. А еще лучше — его самого!

— Дикки-бой! Скажите ей!

— А что ей сказать, Тийна? Вы же не согласовали ничего с Хэйзел и дядюшкой Джоком. Но в то же время...

(Я решил сделать реверанс в сторону Минервы, насколько это было возможно со стороны человека, прикованного к постели да еще с «блокировкой позвоночника ниже пояса»!)

— Дорогая леди, ваши слова чрезвычайно лестны для меня. Но, как вы сами знаете, я в настоящее время физически неподвижен и лишен возможности предаться столь восхитительным занятиям. Так о каких желаниях может идти речь?

— Только не вздумайте называть ее «миссис»!

— Сестричка, а ну-ка уймись! Сэр, вы, разумеется, сможете назвать меня так, если захотите. И мы вполне могли бы высказать наши пожелания и дожидаться лучших времен, поскольку ваше лечение потребует времени.

— Ну, значит, так тому и быть,— я бросил взгляд на деревце, которое уже нельзя было назвать «маленьким».— Так сколько, все же, времени я здесь пробыл? Представляю, во что это мне влетит!

— Об этом не беспокойтесь,— постаралась успокоить меня Минерва.

— Я не могу не тревожиться. По счетам надо платить! А у меня нет даже медицинской страховки! — я посмотрел на Эзру.— Рабби, а вы как это оплатите? Я имею в виду ваши новые ноги. Вы ведь так же далеки от дома и от банковского счета, как и я!

— Даже дальше, чем вы полагаете. И вам уже нет необходимости называть меня «рабби»: там, где мы находимся, Тора не действует. Теперь я — частное лицо Эзра Дэвидсон, резервист Корпуса Времени. Это и есть плата по моему счету. Думаю, вам тоже предстоит нечто похожее. Тийна, не могли бы вы (я имею в виду, «не угодно ли вам?») сообщить доктору Эймсу, с какого счета идут расходы на его лечение?

— Он должен спросить это сам.

— Спрашиваю. Тийна, пожалуйста, ответьте мне!

— Кэмпбелл Колин, также известный как Эймс Ричард, оплачивает все расходы со специального «Высшего смешанного счета Повелителя Галактики». Так что не волнуйтесь, милый мальчик, вас осенила милость, и все оплачено. Разумеется, известно, что тем, кто прикреплен к этому счету, жить предстоит недолго.

— Афина!

— Но, Минни, это же чистая правда! В среднем мы в семидесяти процентах случаев платим им за смерть. Если только этому

экземпляру не предстоит какое-нибудь перинное лежбище в Центральном Штабе Времени.

(Я что-то толком не расслышал? Но нет, конечно, она сказала: «Повелитель Галактики»! И такой счет мог быть открыт лишь одним человеком: маленькой лукавой дорогушечкой. Черт возьми, родная, где же ты?)

Та «нематериальная» стена снова дрогнула.

— Я не опоздала к завтраку? О, вот это да! Привет, мой дорогой!

Это была она!

22

Когда сомневаешься — говори правду.

Марк Твен (1835—1910)

— Ричард, я тебя навестила на следующее же утро, но ты пребывал в беспамятстве.

— Она, конечно, навестила вас, Дикки-бой,— подтвердила Тийна.— С большим риском для собственного здоровья. Радуйтесь, что оба остались живы. Вы же сами почти уже отдавали концы!

— Это верно,— согласился Эзра.— Я одну ночь был вашим соседом по палате, но потом вас заключили в строжайший карантин, а меня переместили и подвергли не то девяти, не то девяноста прививкам. Брат мой, вы находились на пороге смерти!

— Жестокие судороги, гнойная лихорадка, удушье...— Хэйзел начала перечислять по пальцам.— Синюшность, тифозная горячка, Минерва, что еще?

— Системное заражение золотистым стафилококком, желтуха Ландри. А хуже всего — потеря воли к жизни. Но Иштар не позволяет никому умереть раньше назначенного срока, то же делает Галахад. Тамара не отходила от вас ни на минуту, пока не миновал кризис.

— Но почему я ничего такого не помню?

— И радуйтесь, что не помните,— посоветовала мне Тийна.

— Мой возлюбленный, если бы ты не оказался в лучшем из госпиталей всех вселенных и в руках самых искусных лекарей, я вновь стала бы вдовой. А ведь черное мне ужасно не к лицу!

Эзра прибавил:

— Если бы не ваша бычья стать, вы бы вряд ли перенесли все свалившееся на вас!

Тийна перебила:

— Не бычья, Эзра, а буйволиная. Я же видела. Впечатляющее зрелище!

Я уж и не знал, благодарить ли мне Тийну или снова отказаться от «свадьбы»? Но почел за благо все же проигнорировать ее реплику.

— Не могу понять, как я умудрился подхватить все эти хворости? Знаю, что меня пырнули ножом, это могло вызвать заражение. Но остальное-то откуда?

— Полковник, вы же профессиональный военный! — заметил Эзра.

— Ну да,— вздохнул я.— Но с этим аспектом профессии я еще не сталкивался. Он всегда был мне чужд. По сравнению с биологическим оружием обычные взрывные бомбы выглядят чистенькими и пристойными игрушками. Даже химическое оружие — и то человечнее биологического! Так, выходит, ножичек был специально обработан? Гнусно!

— Именно,— подтвердил Эзра.— Кому-то понадобилось вас убрать, хотя бы ценой гибели всего Луна-Сити.

— Это же безумие! Я не являюсь столь важной персоной!

Минерва спокойно возразила:

— Ричард, вы как раз и являетесь такой персоной!

Я уставился на нее.

— Какие у вас основания так думать?

— Мне сказал Лазарус.

— Лазарус? Тийна уже упоминала это имя. Что за Лазарус? И почему его мнение столь весомо?

— Ричард, но я же говорила, какая миссия тебе предстоит. Потому ты и являешься важной персоной. Ты призван спасти Адама Селена. Поэтому тех, кто заинтересован в обратном, не остановила возможная гибель Луна-Сити.

— Да что ты говоришь! Мне бы хотелось знать, что все же там произошло? Ведь Луна-Сити — это мой второй дом, и в нем живет много достойных людей. Конечно, и ваш сын, Эзра, в их числе.

— Да, и мой сын. И другие. Но Луна-Сити спасен, Ричард, инфекцию пресекли...

— Слава богу!

— ...хотя и дорогой ценой. На наше спасение понадобилось мгновение относительного времени. Несколько секунд ушло на наше погружение на борт, затем вся мизансцена в комнате была воссоздана с теми же персонажами и «актером», изображающим вас. Это сотворила Гэй с помощью своих ячеек памяти. После этого пространственно-временная капсула Бэрроуза отправилась по назначению, а в точку старта была выпущена тепловая бомба. Не атомная, а «горячая», с температурой звезды, ибо все эти вирусы не так-то легко было уничтожить. Ясно, что отель сгорел, а с ним, возможно, да нет, точно, погибли и люди. Очаг заражения Луна-Сити был уничтожен, но цена оказалась высокой. TANSTAAFL!

Эзра помрачнел.

— А ваш сын уцелел?

— Надеюсь. Однако благополучие моего сына в этом решении роли бы не сыграло, а моего мнения никто и не спрашивал. Ти-Эйч-Кью (Главный Штаб Времени) спасает отдельных людей лишь тогда, когда они незаменимы для планируемых операций. Ричард, насколько я понимаю, это именно вы, а я всего лишь новобранец, пребывающий в отпуске по болезни. Я не посвящен в высокую политику, которая (по моему разумению) способна подвергнуть Луна-Сити уничтожению с целью нарушить неизвестные мне планы Ти-Эйч-Кью. Возможно, об этом лучше осведомлена миссис Гвендолин-Хэйзел. Я не знаю...

— Вы правы, я это знаю. Но на Терциусе, Эзра, вы не должны меня называть «миссис», даже если подразумеваете что-то совсем невинное! Но в любом случае я вас благодарю. Ричард, Штаб обязан был действовать столь радикально, ибо инфекция могла мгновенно распространиться. Ее пресекли великолепным образом: получилось, что в момент, когда мы все улизнули на Гэй, нас всех «убило» тепловой бомбой в номере отеля.— Этот парадокс заставил меня закашляться, но Гвен невозмутимо продолжила: —

Нельзя было ждать ни секунды больше, микробы-убийцы могли просочиться в город множеством путей, что само по себе было чревато возможностью повлиять на исход операции «Адам Селен»! Поэтому они и решились. В противном случае Корпус Времени не приложил бы усилий к спасению ни отдельных людей, ни даже целых городов. Ричард, они ведь вполне способны были спасти Геркуланум и Помпеи, если бы захотели, или Сан-Франциско, или Париж... Но они не сделали этого. Не пожелали.

— *Любимая,*— медленно проговорил я.— *Не хочешь ли ты* сказать, что Корпус Времени способен «предотвратить» уничтожение Парижа в 2002 году, хотя это произошло целых два столетия назад? Пожалуйста, не надо!..

Хэйзел вздохнула.

— Дружище Ричард,— вмешался Эзра,— наберитесь терпения, не возражайте и выслушайте меня.

— Чего? О'кей. Стреляйте.

— Разрушение Парижа произошло более чем две тысячи лет назад, а вовсе не двести.

— Но ясно же...

— Для землянина сейчас стоит год 4400 по григорианскому календарю, а по иудейскому летоисчислению — 8160-й. Меня это совершенно обескуражило, но никуда от этого не деться. К тому же, здесь мы в семи тысячах световых лет от Земли.

Хэйзел и Минерва серьезно и внимательно ожидали моей реакции. Я попытался собраться с мыслями и наконец выдавил:

— У меня лишь один дополнительный вопрос, Тийна...

— Нет, больше вафель не будет!

— *Я не о вафлях, милашка. Вот мой вопрос: нельзя ли еще* чашечку кофе? На этот раз — со сливками.

— Держите!

Заказ материализовался на постельном столике. Хэйзел вспыхнула:

— Ричард, все это чистая правда. Все!

Я отпил свежего кофе.

— Спасибо, Тийна. Кофе в самый раз. Хэйзел, любовь моя, а я и не спорю! Глупо спорить с тем, чего не понимаешь. Поэтому

давайте перейдем к более простым сюжетам. Несмотря на жуткие инфекции, о которых вы поведали, я чувствую себя достаточно бодро, чтобы вскочить с постели и отстегать нерадивых рабов. Минерва, можете ли вы мне сказать, сколько еще я должен пробыть в этом параличе? Вы мой лечащий врач, не так ли?

— Нет, Ричард, не я. Мне...

— Сестричке поручено ваше счастье,— вмешалась Тийна.— Это важнее.

— Афина более или менее права...

— Я права во всем и всегда!

— ...но иногда необычно выражается. Тамара ведает вопросами морального духа в госпитале Айры Джонсона и клинике Говарда. Она была здесь, когда вы более всего в ней нуждались, и выходила вас. Но у нее много помощников, ибо Генеральный директор Иштар полагает, что *моральный дух* (или, если хотите, называйте это «ощущением счастья») — центральный вопрос лечения и омоложения. Так что я (как и Морин, и Мэгги, которых вы еще не видели) ассистент Тамары. Есть и другие помощники, решающие проблемы, связанные с ощущением счастья. Это Либби и Дийти, и даже Лэз и Лор, прекрасные специалисты, когда это нужно. И ничего удивительного — они же сестры Лазаруса и дочери Морин! Да, конечно, еще есть Хильда.

— Пожалуйста, остановитесь. У меня голова закружилась от обилия названных вами лиц, которых я никогда не видел. По-видимому, этот госпиталь набит штатом, излучающим «счастье». И все эти ангелы счастья — женщины. Верно?

— А как иначе? — презрительно изрекла Тийна.— Где же вы еще ожидаете найти счастье?

— Ну, ну, Тийна,— неодобрительно проронила Минерва.— Ричард, мы, женский персонал, заботимся о моральном духе мужчин. А Тамара обучает мужской персонал обращению и наблюдению за пациентами—женщинами. Противоположность пола не является абсолютной необходимостью для поддержания духа, но она очень облегчает решение поставленных задач. И все же мужского персонала у нас значительно меньше, ибо женщины болеют реже. Среди клиентов, подвергающихся омоложению, бывает

поровну мужчин и женщин, но женщины, становясь вновь юными, почти никогда не испытывают депрессии...

— Ты слушай, слушай,— вставила Хэйзел.— Это только закаляет нас!

Она слегка похлопала меня по руке и слегка ее сжала, но я не прореагировал из-за присутствия посторонних.

— ...между тем как мужчины переносят, по крайней мере, один критический стресс в процессе омоложения. Но вы хотели узнать насчет блокады позвоночника? Тийна!..

— Я ему предлагала.

— Минуточку,— произнесла Хэйзел.— Эзра, вы уже показали Ричарду ваши новые ноги?

— Пока нет.

— Не могли бы вы это сделать? Пожалуйста!

— С восторгом.

Эзра встал, повернулся кругом, поднял костыли и постоял без их помощи. Я не очень-то разглядывал его ноги, когда он вошел в комнату (не люблю пялиться), а когда он сел за стол, ног не стало видно вовсе. Единственное, что я заметил при его появлении — он был в коричневых шортах и таких же носках-гольфах, не доходивших до края штанин. Между шортами и гольфами блеснули белые чашечки колен.

Он разулся и стоял босиком, и я наконец уразумел, что «гольфами» показалась мне коричневая кожа голеней и ступней, «подшитых» к обрубкам его ног.

Он говорил, видимо, продолжая не услышанные мной слова:

— ...тремя методами. Новая конечность или любой орган могут быть выращены заново, но это требует долгого времени и великого мастерства, я уже говорил вам. Но они же могут быть получены из собственного клона любого лица, который до поры до времени сохраняет состояние покоя («стазиса»). Говорят, что такая пересадка не труднее, чем наложение заплаты на штаны. Но поскольку у меня здесь клона, конечно, не было (или еще не было), то они нашли мне нечто подходящее в донорском банке...

— На «мясном рынке»?

— Да, Тийна... Огромное количество частей тела под рукой, все в точности оприходовано и рассортировано компьютером.

— То есть мной!

— Да, Тийна!.. Для гетерогенной пересадки подбираются органы, наиболее подходящие по всем параметрам тканей и крови. Они должны еще подойти по размерам, но это легче всего. Тийна может вытянуть из «мясного рынка» такое, что ваш организм примет за собственную плоть. Или почти за собственную!

— Эзра,— произнес компьютер,— вы можете носить эти ножки не менее десяти лет, я славно их приладила. А за это время подрастет ваш собственный клончик. (Если он, конечно, понадобится!)

— Да, это ваших рук дело, спасибо вам, Тийна!.. Имя моего благодетеля — Эзраэль Нкрума. Мы с ним оказались двойниками во всем, кроме пигментной окраски.

Эзра осклабился.

— Он что, потерял ноги? — спросил я.

— Да нет,— вдруг посерьезнел Эзра.— Просто умер. По самой распространенной здесь причине: несчастный случай. Он был альпинистом и сорвался с горы, разбив голову. Даже умельцы Иштар не смогли его спасти. А уж они старались вовсю, ибо доктор Нкрума был хирургом этого же госпиталя. Но у меня не подлинные ноги Нкрумы, а то, что выращено в его клоне и что ему так и не понадобилось...

— Ричард!

— Что, дорогая? Я хотел бы спросить Эзру...

— Ричард, я сделала кое-что, не посоветовавшись с тобой...

— Ах вот что! И мне следует снова тебя отшлепать?

— Это ты решишь сам... Я хотела, чтобы ты увидел ноги Эзры, потому что без твоего ведома я поручила им снабдить тебя новой ногой!..

Должны же существовать какие-то нормы, ограничивающие количество эмоциональных шоков, обрушивающихся на одного человека в течение суток! В свое время я был обучен всем армейским методам обуздания сердцебиения и снижения кровяного давления, то есть того, что является следствием потрясений. Но потрясения, к сожалению, не ждут, пока к ним подготовятся, и все известные методы, как правило, летят к черту.

На этот раз я просто дождался, пока мое дыхание войдет в норму. Я наконец смог произнести почти не срывающимся голосом:

— В целом, полагаю, нет особых причин для порки!

Я попытался подвигать моей ранее отсутствовавшей ногой. Надо сказать, что я и после ампутации «ощущал» ее всю, включая ступню...

— А ты проследила, чтобы они пришили ее носком вперед?

— Что? Что ты имеешь в виду, Ричард?

— Хотелось бы, чтобы она смотрела вперед, а не так, как у бомбейского нищего.— Интересно, движется ли она? — Эй, Минерва, а нельзя ли хоть поглядеть, что вы там натворили? Эта простыня на мне как каменная.

— Тийна!

— Сейчас...

Подвижная стена снова «замигала», и вошел юноша, прекраснее которого я никого не видел. Его красота была совершенна до неприятности. И «оскорбительность» облика ничуть не снижалась тем, что он, видимо, прибежал впопыхах, не успев одеться. На невеже не было даже обуви. Оглядевшись, он лучезарно улыбнулся.

— Привет всем! За мной посылали? Я как раз принимал солнечную ванну.

— Ты просто дрых. В рабочее время.

— Тийна, я могу спать и загорать в одно и то же время! Салют, полковник, рад видеть вас бодрствующим. И задали же вы нам работенки! Были моменты, когда хотелось забросить вас обратно и попытаться начать все сначала.

— Доктор Галахад,— сообщила Минерва,— ваш лечащий врач.

— Не совсем так,— уточнил он, приближаясь ко мне и успев по пути сжать плечо Эзры, ущипнуть за ягодицу Минерву и послать воздушный поцелуй моей жене.— Просто я вытянул короткую соломинку. Вот и пришлось отвечать за все. Вожусь тут со всякими жалобами и прочим... Но должен вас предупредить — не пытайтесь преследовать меня по суду! Или нас. Все судьи нами куплены. А теперь...— он помолчал, держа руки на моей простыне.— Может быть, вы хотели бы уединиться?

Я заколебался. Да, мне хотелось побыть без свидетелей. Эзра это почувствовал и стал подниматься со стула.

— Я потом зайду, дружище Ричард.

— Нет, не уходите! Вы показали мне свои ноги, теперь настала моя очередь. Мы их сравним, а вы посоветуете, как обращаться с этим «привоем»! Я ведь не знаю! Хэйзел, конечно, тоже останется, а Минерва видела это раньше. Так в чем же дело?

— Да, Ричард, я видела.

— Ну и стойте все вокруг. И поддержите меня, если я хлопнусь в обморок. Тийна, прошу вас пока не острить!

— Я? Вы клевещете на меня. Мои суждения лишь профессиональны.

— Нет, милая. Речь не о суждениях, а о вашем подходе к пациенту. Я же должен остаться в полной исправности, если вы по-прежнему намерены соревноваться с Нинон де Ланкло. Или даже с Рэнджи Лил... О'кей, док, давайте смотреть.

Надавив на диафрагму, я задержал дыхание. Эта постылая простыня легко поддалась юноше. Постель была чистой и сухой (я это ощущал и раньше — никаких подтеков и влажных мест). И две огромные волосатые ноги торчали рядом друг с другом. Но это была самая прекрасная картина из всех, какими я когда-либо любовался!..

Минерва подхватила меня, едва я стал терять сознание. А Тийна не отпустила ни одной остроты.

Через двадцать минут выяснилось, что я уже могу двигать новой ногой и ее пальцами, особенно если не слишком напрягаться мысленно. Впрочем, во время первых контрольных попыток я несколько переусердствовал, слишком рьяно выполняя команды доктора Галахада.

— Я доволен результатами,— отметил он.— А вы? Опишите, что вы ощущаете.

— Как мне это описать? Радуга? Серебряные колокольчики? Грибной дождик? Эзра, вы можете это определить?

— Я пытался. Это как бы вновь родиться. Ходьба — такая простая вещь... пока не разучишься.

— Да! Доктор, чья это нога? Я давненько не молился, но за хозяина ноги попытаюсь. За спасение его души.

— Он еще жив.

— Как?

— И ноги он не лишился. Довольно странно получилось, полковник. Тийна не сумела подыскать ничего подходящего по иммунным показателям и по размеру, поскольку вы пребывали в «острозаразном» состоянии. И тогда Иштар (она мой босс) посоветовала расширить поле исследований. И... Тийна нашла. Эта нога — из клона ныне здравствующего клиента. Нам раньше с подобным сталкиваться не приходилось. Я, вернее, мы, то есть персонал госпиталя, сперва подумывали даже об ампутации и другой вашей ноги. Но владелец клона решил отдать ногу из собственного «запаса». Он исходил из того, что в течение нескольких лет, пока клон выращивает ногу, он обойдется без полного комплекта запасных органов.

— А кто же он? Я ведь обязан его отблагодарить!

(А как «отблагодарить» за такой подарок? Да все равно как — это моя забота!)

— Полковник, вы еще не знаете. Донор настоял на своей анонимности. Это и было условием дара.

— Они даже заставили стереть записи! — возмущенно выпалила Тийна.— Вроде как мне нельзя доверить профессиональную тайну! Как же так, я же соблюдаю «клятву гипократа» лучше их всех!

— Вы подразумеваете «клятву Гиппократа», Тийна?

— Вы так думаете, Хэйзел? Что ж, и все-таки я эту банду знаю лучше вас!

Доктор Галахад сказал мне:

— Конечно, желательно поскорее начать ею пользоваться. Но до этого следует кое в чем поупражняться, особенно после такой долгой болезни. И поэтому вставайте с постели! И вот что я вам советую: покрепче опирайтесь на палку и пусть Хэйзел и Минерва на первых порах поддерживают вас с обеих сторон. Вы еще слишком слабы, поэтому берегите себя: как только почувствуете головокружение — сразу садитесь или ложитесь. М-м-м. Вы умеете плавать?

— Думаю, что да, хотя давненько не приходилось. Там, где я жил в последние годы, плавать было негде. Но я очень любил это занятие раньше.

— У нас бассейнов полно. Один даже находится в подвале этого здания, другой, побольше,— во дворе (атриуме). В большин-

стве частных домов они также есть, так что плавайте на здоровье! Вы не должны слишком много ходить, правая нога еще не натренирована, вот и постарайтесь не слишком на нее опираться. И не надевайте обуви, пока нога не ощутит себя настоящей ногой! — он улыбнулся.— Олл райт?

— Разумеется!

Он похлопал меня по плечу, потом наклонился и поцеловал в губы. И это в момент, когда уже я начал ему симпатизировать! Я даже не успел увернуться.

Это исключительно раздосадовало меня, хотя я попытался не подать виду. Судя по словам Хэйзел и других, этот сверххорошенький парнишка-гомик спас мою жизнь. Поэтому я вряд ли имел право негодовать по поводу его «берклианского» поцелуя. Черт с ним! Похоже, он даже не заметил моего отвращения, так как сжал мне плечо и сказал:

— У вас все наладится. Минерва, организуйте ему плавание. Или Хэйзел, все равно.

И ушел. После этого леди помогли мне встать с постели, и Хэйзел повела меня к «выходу». Она поцеловала на прощание Минерву, и я вдруг понял, что та ждет того же и от меня. Я поддался искушению, и она полностью одобрила мой порыв.

Поцеловать Минерву, черт возьми, совсем не то, что целовать мужчину, каким бы красавчиком он ни был! Я поблагодарил ее за все заботы. Минерва серьезно ответила:

— Для меня это счастье!

И мы с Хэйзел осторожненько пошли вперед. Я опирался на палку. Моя новая нога слегка заплеталась и ныла. Стена, как только мы приблизились к ней, «замигала» и выпустила нас. Хэйзел заметила:

— Милый, я довольна, что ты поцеловал Минерву без моей подсказки. Она ведь совершенно дивная девчонка! И физическое внимание для нее — наилучшая благодарность, ценимая дороже, чем любой, даже самый щедрый, материальный дар. Она так хочет стать полноценной женщиной после двух столетий пребывания компьютером.

— Так она и в самом деле была компьютером?

— Следовало бы побольше доверять тому, что тут говорят, чудище! — прозвучал вслед голос Тийны.

— Вы правы, Тийна, но позвольте мне это ему объяснить. Ричард, Минерва не была рождена женщиной. Ее тело вырастили в лабораторных условиях из яйцеклетки, в которую были введены гены двадцати трех родителей. У нее самое большое количество предков по сравнению с любым другим человеческим существом. В готовое тело пересадили личность компьютера вместе со всей системой памяти.

— Но не без остатка,— возразила Тийна.— Мы удвоили все, что она хотела взять с собой, и я сохранила копию, но остались еще текущие программы, доклады и отчеты. Мы должны были стать идентичными близнецами, но она кое-что от меня утаила, не поделилась, тварь эдакая! Разве это честно? Справедливо? Я вас спрашиваю!

— Не спрашивайте меня, Тийна. Я никогда не была компьютером. Вот что, Ричард, ты когда-нибудь играл в «падающую трубу»?

— Понятия не имею, что сие значит.

— Вот здесь, на лестнице, ты повиснешь на мне и приземлишься на следующей ступеньке на «старую» ногу. Тийна, вы не могли бы нам помочь?

— Конечно, подружка!

Эти «падающие трубы» оказались забавнее, чем прыжки щенка колли! После первого «падения трубы» я настоял на том, чтобы прыгнуть еще четыре раза (для практики, вернее, забавы ради). Хэйзел мне потворствовала, как ребенку, а Тийна постаралась, чтобы я ненароком не повредил новую ногу при «приземлениях». Для бывшего ампутанта лестница — слишком рискованное и утомительное место, но подъемник еще утомительнее и к тому же, мрачнее: следует влезть в ремень, похожий на пояс толстухи или упряжь телеги. Придуманные Хэйзел «трубы» не только тренируют, но будоражат и веселят, напоминая то, что я испытывал в детстве, на ферме дяди, прыгая вниз со стогов соломы. Здесь только не было пыли и жары Айовы. У-у-ппи!

Хэйзел наконец остановила меня.

— Хватит, милый, пошли в бассейн. Пожалуйста!

— О'кей. И вы с нами, Тийна?

— А как же!

— Вы что, дорогая, собираетесь подсматривать? — спросила Хэйзел.— Или вас интересует только один из нас?

— Хэйзел, мы больше не вживляем передатчики в тела пациентов. Это чересчур грубо. Мы с Зебом разработали новую систему слежения с использованием четырехканальной дуплексной аудиовидеосвязи. Цвет пока что немного хромает, но мы его наладим.

— Так, выходит, вы будете за нами подглядывать?

— Я бы предпочла это назвать «лучом-разведчиком», так звучит элегантнее... Ну да, я буду подглядывать и подслушивать!

— Так я и думала. А что, нам нельзя и уединиться? У меня есть семейные проблемы, требующие обсуждения с супругом.

— Не сомневаюсь, подружка. Считайте, что это всего лишь госпитальный мониторинг при полном соблюдении тайны: как у трех маленьких обезьянок!

— Спасибо, дорогуша!

— Не за что. Обычное фирменное обслуживание. Но если понадобится выползти из-под упавшей на вас скалы, лишь упомяните мое имя. А своего подопечного, этого типа, поцелуйте разок за меня. Ну, давайте действуйте!

— У нас и в самом деле будет возможность уединиться, Ричард, если понадобится. Тийна слышит и видит нас в каждую долю секунды, но делает это безлично, как вольтметр, и все ее внимание занимают такие показатели, как пульс, частота дыхания, давление и прочее. Нечто подобное делалось для предохранения тебя от шока во время болезни.

Я откомментировал с присущим мне блеском:

— Неужто?

Мы вышли из центрального корпуса и оказались в маленьком садике-парке, огороженном с трех сторон П-образным зданием. В центре зеленого, полного цветов и растений дворика был водоем, идеально дополнявший клумбы, дорожки, кусты и деревья.

Хэйзел остановилась у скамьи под деревом на берегу бассейна. Когда мы сели, скамья приняла форму, повторяющую очертания

наших тел. Мы наблюдали за плавающими и забавляющимися людьми. Хэйзел спросила:

— Скажи, что ты помнишь о нашем прибытии сюда?

— Не так уж и много. Я же еле держался, ты сама знаешь...— (Теперь от раны остался шрам толщиной в волосок. Я едва разглядел его и даже почувствовал некоторое разочарование.) — Помню женщину. Тамару, Тамми. Она поглядела мне в глаза и казалась встревоженной. Сказала тебе что-то на совсем незнакомом языке.

— На *галакте*. Ты тоже научишься, это нетрудно.

— Да? Потом она еще что-то сказала, и это все, что я могу припомнить. Ощущение, что все произошло вчера. Это почему-то тревожит. Хэйзел, сколько же прошло времени?

— Зависит от системы отсчета. Можешь считать, что месяц.

— И они держали меня «в нокауте» столько времени? Но такой долгий наркоз вреден!

Тут я и в самом деле обеспокоился: если даже операцию провели сразу после драки и если я выйду из госпиталя физически восстановленным, то может остаться пагубная привычка к болеутоляющим или наркотикам: морфину, димедролу, «сан-суси», метадролу, чему-то еще...

— Мой дорогой, ты же вовсе не был в «нокауте»!

— Даешь обратный ход?

— Да нет, ты просто находился в так называемых «Полях Леты», то есть в мертвой зоне. Все время и без наркотиков. Пациент остается живым и поддается лечению. Исключена всякая боль. Или вредные побочные воздействия. Ты был ранен, милый, но боль от тебя «отвели», и ты о ней забыл. Поэтому причиняемое ею изнурение тоже исключено. В результате организму не понадобится долгое «вымывание» наркотиков, отвыкание от них и то, что называется «реабилитацией»,— она улыбнулась.— Ты был не слишком-то общителен, ибо совершенно не помнил, что произошло всего две секунды назад. Но тебе нравилось слушать музыку. И ел ты тоже совсем неплохо!

— Меня кормила ты?

— Нет. Я не вмешивалась в действия профессионалов.

Моя палка выскользнула из руки, упала на траву. Хэйзел нагнулась, подняла ее и подала мне.

— Кстати, я ее перезарядила.

— Спасибо... Эй!.. она же была заряжена! И до отказа!

— Это было до того, как те подонки прыгнули на нас. И слава богу, что была заряжена! Иначе мы оба были бы мертвы. Я-то уж точно.

Следующие десять минут мы смущали друг друга, излагая встречные точки зрения на потасовку у входа в «Раффлз». Надо сказать, они совершенно не совпадали!

Она утверждала, что вовсе не использовала сумку в качестве орудия или оружия.

— Ну что ты, милый! Это было бы слишком медленно и неэффективно. Ты уложил двоих сразу, и это дало мне возможность выхватить мой маленький «мийако». А потом я использовала шарф!

По ее версии, я расстрелял в упор всего четверых, а она обрабатывала фланговых, тех, кого я не успел уложить. Но они все же сумели повалить меня, пырнув в бедро. Ножом? Она сказала, что из раны были вынуты бамбуковые щепки. Одновременно меня обдали каким-то аэрозолем. Но она все же успела убить того, кто меня опрыскал.

— Я наступила на его рожу, схватила тебя и оттащила. Нет, я не ожидала увидеть Гретхен. Но, увидев, поняла, что вполне могу на нее положиться.

Ее версия чуть лучше объясняла нашу победу, хотя, на мой взгляд, была абсолютно неверной. Но препираться не имело смысла. Восстановить истинный ход событий было просто невозможно!

— Но как же там оказалась Гретхен? Ксия и Чоу-Му — еще куда ни шло. Не так таинственно, учитывая наши послания им. Даже допускаю, что Хендрик Шульц мог погрузиться на шаттл сразу по получении моей весточки. Но Гретхен? Ты же говорила с ней перед ланчем. Она была дома, в «Иссохших костях»...

— А оттуда до ближайшего баллистического трубопровода ГКЛ слишком далеко! Так как же она смогла так скоро прибыть в Луна-Сити? Не на вездеходе же! За правильный ответ приз не выдается.

— На ракете, что ли?

— Ну конечно! У изыскателей есть небольшие ракеты-«блошки». Ты помнишь, Джинкс Гендерсон собирался вернуть феску через какого-то своего друга, который должен был «прыгнуть» в Луна-Сити на сборище храмовников?

— Помню, конечно!

— Так вот, Гретхен как раз и полетела с ним и вернула феску. Она передала ее в бюро находок Старого Храма прямо перед тем, как зайти в «Раффлз» и повидать нас.

— Понимаю. Но зачем?

— Ей очень хотелось, чтобы ты отшлепал ее по попке и чтобы та порозовела.

— Чушь какая! А как же папочка позволил ей этот сомнительный «автостоп» с соседом? Она слишком юна для этого.

— Позволил по вполне понятной причине. Джинкс ведь большой сильный «macho», который не может устоять против подлизываний дочурки. Подавляя собственные кровосмесительные инстинкты, он позволяет ей все, если она его долго дразнит!

— Это смешно. И непозволительно. Долг отца в отношении дочери требует, чтобы...

— Ну-ну, Ричард! Сколько у тебя дочерей?

— Э? Да ни одной, но все же...

— Вот и не рассуждай о том, чего не ведаешь. Неважно, что *должен* был сделать Джинкс, важно то, что Гретхен покинула «Иссохшие кости» еще тогда, когда мы сидели за ланчем. Прикинув время полета, ты вполне убедишься, что она уже была у Восточных ворот города, когда мы покидали Правительственный Комплекс... Вот она и появилась в «Раффлзе» буквально за секунду до нас. И это оказалось очень-очень кстати, так как без нее нам была бы крышка. Я так полагаю.

— Она, что же, тоже полезла в драку?

— Нет, она потащила тебя в номер, дав мне возможность прикрыть отступление. И все, что ей понадобилось здесь — так это чтобы ты отшлепал ее по попке. Пути Господни неисповедимы, дорогой. Для каждого мазохиста Он создает своего садиста, не так ли? А браки, как известно, совершаются на небесах!

— Промой-ка хорошенько мылом свой ротик! Я вовсе не садист!

— Согласна, милый. Я могу исказить отдельные детали, но отнюдь не всю картину. Гретхен сделала предложение мне, прося твоей руки.

— О Господи! Это еще как?

— Все правильно. Она об этом все время думала, расставшись с нами, и во всем призналась Ингрид. Та просила меня помочь дочери войти в нашу с тобой семью, а не создавать нечто отдельное. И меня эта просьба нисколько не удивила: я же знаю, насколько велико твое обаяние!

— Боже мой! И что же ты ей сказала?

— Сказала, что одобряю, но, поскольку ты болен, надо подождать. Теперь ты и сам можешь ей ответить, тем более что она находится тут же, на берегу бассейна.

23

Не откладывай на завтра то,
чем можешь насладиться сегодня.
Джош Биминге (1818–1885)

— Я возвращаюсь в свою палату. Мне нехорошо,— сказал я, покосившись на крапчатую от солнца и листвы воду бассейна.— Не вижу никакой Гретхен.

— Прямо напротив и правее. Видишь, сидят рядышком блондинка и брюнетка. Гретхен — блондинка.

— Вот уж не рассчитывал, что она может оказаться брюнеткой,— буркнул я, вглядываясь.

И тут брюнетка помахала нам рукой. Поняв, что это Ксия, я махнул в ответ.

— Давай присоединимся к ним, Ричард. Оставь трость и вещи на скамейке — здесь их никто не тронет.

Хэйзел скинула сандалии и положила сумку поверх моей палки.

— А душ? — спросил я.

— Ты вполне чист,— ответила она.— Минерва выкупала тебя сегодня днем. Нырнем? Или войдем потихоньку?

Мы нырнули одновременно. Хэйзел скользила под водой, как тюлень. Я оставлял за собой впадину, в какой могла разместиться целая семья. Мы вынырнули прямо перед Ксией и Гретхен, заключивших меня в радостные объятия.

Мне говорили, что на Терциусе простуд не бывает, равно как и других инфекций носоглотки, как, впрочем, и тех болезней, которые именуются «венерическими» и передаются через интимные контакты. Ну что же — на то он и Терциус!

Губы Ксии источали пряный аромат, от Гретхен веяло свежестью, как от маленькой девочки, хотя по виду ее уже так не назовешь. Я получил возможность сравнить эти благоухания: стоило чуть упустить одно, как тут же властно охватывало другое. Снова и снова.

Наконец им надоело меня теребить, и мы вчетвером вошли в мелководную бухточку, заняли места за плавучим столиком, и Хэйзел заказала чаю «с калориями», то есть с маленькими пирожками, сандвичами, сладкими плодами, напоминавшими грейпфруты без косточек.

Я с ходу ринулся в атаку.

— Гретхен, когда я впервые увидел вас менее недели назад, вы, насколько мне помнится, еще не достигли тринадцати лет. Как же вам удалось за это время прибавить в росте пять сантиметров, в весе пять кило, а в возрасте — не менее пяти лет? Отвечайте, как на исповеди, ибо любое сказанное вами слово контролируется Тийной и может быть использовано против вас в другое время и при других обстоятельствах.

— Кто здесь упомянул мое имя всуе? Привет, Гретхен! Добро пожаловать домой.

— Привет, Тийна! Вернуться — это так великолепно!

Я приобнял Ксию.

— Вы тоже изменились. Помолодели на пять лет. И тоже должны объяснить это!

— Насчет меня — никаких загадок. Я же изучала молекулярную биологию и смогла здесь устроиться на работу в клинику.

Они достигли в этой области невероятных успехов. Я работаю в клинике Говарда над экспериментальной темой «Джордж». Каждую свободную минуту я провожу в этом бассейне. Ричард, я научилась плавать! Ведь среди моих земляков лунни этого никто не умел! А солнце, а свежий воздух! В Конгвилле я сидела взаперти под искусственным светом, дыша консервированным воздухом и торгуясь со всякими идиотами по поводу бумажного хлама,— она глубоко вдохнула (что резко обрисовало ее бюст) и выдохнула воздух.— Я же здесь заново родилась! И неудивительно, что стала выглядеть моложе.

— Олл райт, ваши объяснения приняты. Но как же насчет Гретхен?

— Бабушка Хэйзел, он что, дразнится, что ли? Совсем как Лазарус.

— Дразнится, дразнится, любушка. Расскажи ему, чем ты занималась и почему так подросла.

— Ладно. В то утро, когда мы сюда прибыли, я спросила у бабушки Хэйзел совета...

— Не обязательно называть меня «бабушкой», дорогуша!

— Но ведь Кэс и Пол вас так называют, а я на два поколения моложе! Они требуют, чтобы я называла их «дядями»!

— Я покажу этим «дядям»! Нечего тебе знаться с Кастором и Поллуксом, Гретхен, они могут плохо повлиять на тебя.

— Олл райт. Но, по-моему, они добры и прекрасны. Хотя и задиры. Мистер Ричард...

— Не надо называть меня «мистером».

— Хорошо, сэр. Так вот, Хэйзел была очень занята — ведь вы ужасно болели — и передала меня Морин, а та попросила Дийти поучить меня «галакте», истории, основам теории шестикоординатного пространства—времени и описанным в литературе парадоксам. Концептуальная метафизика...

— Притормозите, Гретхен! Вы меня уморите!

— Потерпи, Ричард,— посоветовала Хэйзел.

— Главное,— продолжила Гретхен,— заключается в том, что Терциус и Луна (я имею в виду нашу Луну, а не здешнюю) находятся на разных временных осях, под прямым углом друг к другу.

И если бы вы были здоровы, я осталась бы здесь с вами. Эта планета еще почти не освоена, и иммиграция приветствуется. Но оставалась проблема папы и мамы — они же могли подумать, что я погибла! Поэтому Кас и Пол доставили меня обратно на Луну (на нашу Луну, а не ту, что находится на здешней временной оси), а Дийти поехала со мной. И мы прибыли в «Иссохшие кости» вечером пятого июля, меньше чем через час после моего отбытия оттуда на «блошке» Сайласа Торна. Все были потрясены. Здорово вышло, что Дийти поехала со мной, иначе я не сумела бы уверить родителей в том, что произошло. Впрочем, наши скафандры убедили папу больше, чем любые слова. Вы видели, какими здесь пользуются скафандрами?

— Гретхен, все, что я здесь видел,— это госпитальная палата, «падающая труба» и этот бассейн. Я даже не знаю, где тут почта!

— М-мм. Да, пожалуй. И все же должна сказать, что здешние скафандры на две тысячи лет опередили лунные. Это и неудивительно, хотя папочка был поражен. Ну так вот, Дийти поработала там, и мне разрешили остаться на Терциусе с условием возвращения домой каждые год-два (если подвернется оказия!). Дийти обещала с этим помочь, а мама помогла уговорить папочку. Да что говорить — каждый хотел бы эмигрировать с Луны на планету вроде Терциуса, если бы смог! За исключением лишь тех, кто не может расстаться с низким притяжением. Да, кстати, сэр, как вы находите свою новую ногу?

— Я только-только приступаю к ее освоению. Но две ноги в любом случае в восемьсот девяносто семь раз лучше, чем одна!

— Я понимаю это так: она вам нравится. Ну вот... значит, я и вернулась сюда и записалась в Корпус Времени.

— Погодите-ка! Я уже слышал это название. Рабби Эзра сообщил, что тоже вступил в этот «Корпус». Та озорница с красно-рыжими волосами заявила, что командует им. А теперь и вы туда записались. И это в тринадцать лет? Или в нынешнем вашем возрасте? Я что-то запутался.

— Бабушка! То есть Хэйзел!

— Да, ей разрешили вступить во вспомогательный женский полк кадетом, так как я поручилась, что она уже взрослая. Благо-

даря этому ее и направили в школу на Парадоксе. После окончания она была послана на Гарпию-вторую, где прошла необходимую тренировку и поступила в начальную военную школу.

— А потом мы высадились на Солюс Лейкус на четвертой временной линии для ликвидации пространственно-временной коллизии. Там я и заработала шрам на ребрах, видите? И получила чин капрала. Теперь мне девятнадцать лет (по бумагам — двадцать, что позволит мне получить звание сержанта за бои в Нью-Брунсвике, том, что не на этой временной оси).

— Гретхен создана для военной карьеры,— спокойно констатировала Хэйзел.— Я знаю, она об этом мечтает.

— Меня должны направить в офицерскую школу, но отложили, пока не родится мой ребенок... и...

— Какой ребенок, Гретхен?

Я посмотрел на ее живот. Былая детская округлость исчезла. «Былая», хотя по моим личным подсчетам для этого понадобилось всего лишь четыре дня, а судя по услышанной мной дичи прошло целых шесть лет! Но никаких признаков беременности я не увидел. Тогда я посмотрел на ее глаза... и на подглазья. Да. Пожалуй, возможно. Похоже на то...

— Ну что, заметно? Хэйзел поняла сразу. Ксия тоже.

— На мой взгляд, незаметно.

Ричард, сынок, старина, теперь твоя очередь стрелять. Придется тебе поменять планы. Ее же нокаутировали, и хотя ты тут ни при чем, ведь это твое появление так изменило ее жизнь! Отклонило «карму». Ну так давай. И неважно, сколько там бравых и крепкогубых молодцов поработало. Раз уж появится ребенок, стало быть, ей нужен муж, иначе покоя не будет! Она не будет счастливой. А молодая мама должна быть счастлива. Черт возьми, парень, ты же сочинил не меньше дюжины таких трогательных книжек и сам знаешь, что полагается делать. Ну так и сделай это!

Вот я и пошел:

— Послушайте, Гретхен, вам так легко от меня не отделаться! В последнюю пятницу в «Счастливом Драконе» (пусть мне всего лишь кажется, что это было тогда, хотя по вашему подсчету времени вы на своих «временных осях» немало порезвились!), так

вот, в последнюю пятницу по моему календарю вы обещали выйти за меня замуж. Это произошло в «Спокойных сновидениях» доктора Чана, помните, и... если бы Хэйзел тогда не проснулась, мы бы вашего бэби заделали вместе! Мы с вами это знаем. Но Хэйзел не дала этого сделать,— я поглядел на жену.— Интриганка! А вы, Гретхен, не вздумайте ни на секунду усомниться во мне: я не откажусь от женитьбы, даже если кто-то там и «нокаутировал» вас, пока я валялся больной! Вы не смеете так даже думать! Скажи, Хэйзел! Ей не избежать брака со мной, не так ли?

— Не избежать. Гретхен, решено, ты выходишь замуж за Ричарда.

— Но, бабушка, я ничего такого не обещала! Не обещала!

— А он говорит — обещала. В одном я, во всяком случае, уверена: когда я проснулась, вы уже собирались заделать ребеночка. Возможно, мне тогда следовало затаиться, как опоссуму,— моя жена чуточку помолчала.— Но в чем же дело, милая девочка? Я уже сообщила Ричарду о твоей просьбе в отношении его и о моем согласии. А теперь он и сам это подтвердил. Так в чем же дело? Ты отказываешься?

— Ф-фу...— Гретхен обхватила себя руками.— Это когда же было? Когда мне не стукнуло и тринадцати. И я еще понятия не имела, что вы моя прапрабабушка, и называла вас Гвен, помните? И я тогда обо всем рассуждала как лунни. Но ведь здесь, на Терциусе, никто и не думает, есть ли муж у женщины с ребенком! Вот на второй Гарпии каждая «птичка» имеет «птенцов» и лишь у считанных есть мужья. Три месяца назад мы воевали в Фермопилах и дали грекам на этот раз выиграть. Нас повела резервный командир, поскольку наш полковник... в это время рожала. У нас с этим просто, и зуда ни у кого не бывает. А в Баррелхаузе, Ричард, у нас собственный детский приют. И мы вполне можем о себе позаботиться, правда-правда!

— Гретхен,— твердо заявила Хэйзел,— моя прапраправнучка не будет расти в приюте. К черту это, дочка! Я сама выросла в приюте и не позволю так поступить с твоим ребенком! И если ты не желаешь войти в нашу семью, то, по крайней мере, позволь усыновить ребенка.

— Нет!

Хэйзел закрыла ей рот рукой.

— Я должна обсудить это с Ингрид.

— Нет! Ингрид не мой начальник, так же как ни один из вас. Бабушка Хэйзел, я, когда покинула дом, была ребенком, невинной девочкой, робкой и ничего не знавшей о мире. А теперь я не дитя и уже много лет не девушка. Я — военный ветеран, и меня ничем не испугать,— она прямо посмотрела мне в глаза.— И я не желаю ребенком заманивать Ричарда в брак!

— Но, Гретхен, вы вовсе не заманиваете меня. Я люблю детей и хочу на вас жениться.

— Хотите? Почему? — спросила она печально.

Все это выглядело слишком патетично, требовалось немного разрядить обстановку.

— Почему я желаю на вас жениться, дорогая? Чтобы отшлепать вас по попке и заставить ее порозоветь!

Гретхен открыла рот, потом улыбнулась, и на щеках ее показались ямочки.

— Смешно!

— Не так ли? Может, ребенок и не такая уж приманка для брака, но шлепки — дело другое! Попытайся я проделать такое с чужой женой, муж бы запротестовал. А может, и она сама. Или оба. Дело рискованное. Одинокая девушка, коли ее отшлепать, может попытаться женить на себе, хотя ничего, кроме шлепков, ей не достанется. Поэтому женюсь-ка я лучше на вас: вы к этому привыкли дома, и вам, кажется, это по вкусу! Кроме того, такая солидная попка вполне это выдержит. Я ведь шлепаю сильно. И грубо!

— О Господи! Откуда вы взяли, что мне это нравится? — (А почему твои глазки так потемнели, дорогуша?) — Хэйзел, он что, серьёзно это говорит? И грубо шлепает?

— Не могла выяснить, милая. Я бы в ответ сломала ему руку, он это отлично знает...

— Неужели, Гретхен, я бы сделал это против чьей-то воли? Никаких неразделенных удовольствий! Тем более что я совершенно бесправен. Я займусь этим, только если выйдете за меня.

— Перестаньте!

Гретхен вскочила, чуть не затопив наш плавучий столик, вышла из бассейна и побежала прочь из парка.

Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду. Вряд ли стоило за ней бежать, имей я даже две нормальные ноги. Она унеслась, словно спугнутое видение.

Я вздохнул:

— Ну что, ма, я попробовал, но ноша оказалась неподъемна!

— В другой раз, милый. Она же хочет! Вернется.

Ксия задумчиво заметила:

— Ричард, вы пренебрегли всего лишь одним словом: «любовь».

— А что это такое, Ксия?

— Это единственное слово, какое хочет слышать женщина, когда ее зовут замуж.

— Но мне это ничего не объясняет.

— Ладно, я знаю лишь функциональное определение. Но... Хэйзел, вы же знаете Джубал Хэршоу? Члена семьи Сеньора?

— Много лет. Но какая здесь связь со словом...

— Она лучше меня определит его суть.

— Пожалуй.

— То определение любви, которое, по моему разумению, Ричард должен был честно использовать в разговоре с Гретхен. Доктор Джубал говорит, что слово «любовь» подразумевает субъективные ощущения, при которых благоденствие другой личности — непременное условие вашего собственного счастья. Ричард, мне кажется, что вы именно это продемонстрировали в отношении Гретхен.

— Я? Женщина, вы не в своем уме! Я всего лишь стремился загнать ее в безвыходную ситуацию, когда смог бы столько шлепать ее по попке, чтобы та порозовела. Сильно. Грубо.

Я выпятил грудь, стремясь показать себя настоящим «macho», но, боюсь, это никого не убедило. Слишком еще я был слаб для такого вида, черт возьми!

— Я все поняла, Ричард! Очевидно, чаепитие окончено? Хэйзел, а что, если вы посетите мое жилище? Я так давно не виделась с вами! Я приглашу и Чоу-Му, он, наверное, еще не в курсе, что Ричард покинул «Поля Леты»!

— Неплохая идея,— согласился я.— А нельзя ли отыскать и папу Шульца? И еще — не принесет ли одна из вас, милые леди,

мою палку? Я, наверное, мог бы и сам обойти бассейн, но не уверен, что стоит рисковать.

Хэйзел подтвердила:

— А я уверена: рисковать совершенно не стоит. Ты достаточно сегодня находился. Тийна!

— Где там бунтуют?

— Нельзя ли соорудить «ленивый стул»? Для Ричарда?

— А почему не на троих?

— Достаточно одного.

— Сейчас нарисуем. Ричард, вы бы сами поддержали ее, она же слабеет. Нашу воительницу нокаутировали!

У Хэйзел дрогнул подбородок.

— А я и забыла, что мы тут не одни, Тийна!

— Не волнуйтесь так. Я же ваша подружка, и вы это знаете.

— Спасибо, Тийна!

На выходе из бассейна Ксия остановила меня, обвила руками, посмотрела в глаза и негромко, но достаточно внятно, чтобы привлечь внимание Хэйзел, произнесла:

— Ричард, не так уж часто приходится видеть проявление благородства. Я не в положении, да и муж мне не нужен. Но если Хэйзел вас отпустит, можете рассчитывать на медовый месяц со мной в любое время. Да вы оба можете на это рассчитывать! Вы оба настоящие рыцари. И Гретхен это знает.

И она торжественно меня поцеловала. Освободившись, я ответил:

— Это не благородство, Ксия! Я просто применяю нетривиальные методы совращения. Видите, как легко вы на них поддались? Хэйзел, подтверди!

— Ксия, он и вправду по-настоящему благороден!

— Ну что? — торжествующе воскликнула Ксия.

— Но он по-глупому боится, что кто-нибудь это поймет.

— О, чепуха! Позвольте, я расскажу о своей училке в четвертом классе...

— Сейчас не время, Ричард. Ты еще не отшлифовал эту байку. Ксия, он же мастак рассказывать постельные истории!

— Когда не занимаюсь шлепаньем. А ваша попка, Ксия, тоже от этого розовеет?

Как выяснилось, мой недавний «завтрак» имел место после полудня, так что в самую пору было ужинать. Вечер оказался весьма приятным, но в моей памяти он сохранился сугубо отрывочно. И вовсе не из-за алкоголя: я не пил. Но, как узнал позднее, пребывание в «Полях Леты» имеет некое последействие, сравнимое с опьянением. «Лета» способна беспорядочно влиять на память даже тогда, когда пациент уже вышел из «мертвой зоны». Как долго? А, ладно,— TAHSTAAFL! Небольшие провалы памяти не так пагубны, как последствия наркотиков.

Мне вспоминается, что общение было очень приятным. У Ксии собрались все удравшие из «Раффлза»: мы с Хэйзел, Чоу-Му, папа Хендрик, Гретхен (ее разыскала Тийна, а Хэйзел уломала прийти). Но еще были Кэс и Пол, Лэз и Лор. Чудные детишки. Куда старше меня, как я узнал потом, но такие юные! Возраст на Терциусе — понятие растяжимое.

Квартира Ксии вначале показалась мне совсем маленькой, но почему-то все прекрасно в ней уместились, и вечеринка удалась на славу. Потом красноголовые нас покинули, а я, сильно устав, прилег на кровать в спальне. В соседней комнате, помнится, шла какая-то убийственно-крутая игра со «штрафами». Кажется, Хэйзел выходила победительницей, а Ксия проигрывала, в результате чего и, наверное, в соответствии с правилами игры она удалилась оттуда и прилегла рядом со мной. Потом то же сделала и Гретхен, использовавшая мое левое плечо в качестве подушки, поскольку на правом уже расположилась Ксия. Из гостиной донесся голос Хэйзел:

— Берегитесь и спасайтесь на верхней галактике!

Папа Шульц хохотнул в ответ:

— Молокососка! Большой удар, милая девочка, и тройной штраф. Платите!

Это было последнее из того, что я запомнил.

Что-то щекотало мой подбородок. Я медленно проснулся и медленно разлепил веки, обнаружив, что вижу перед собой самые синие из всех виденных мною глаз. Они принадлежали котенку ярко-оранжевого цвета, имевшему, по-видимому, сиамских предков. Он, стоя на моей груди как раз под адамовым яблоком, бла-

женно произнес: «Мур-р-р!» — и лизнул мой подбородок. Его шершавый язычок и был источником щекотки, пробудившей меня.

Я ответил: «Мур-р-р!» — и попытался поднять руку, чтобы погладить котенка, но не смог, ибо на моих плечах все еще покоились две головы, а по обе стороны вытянулись два теплых туловища.

Я повернул голову вправо, чтобы окликнуть Ксию (мне требовалось встать и посетить освежитель), но обнаружил, что то была вовсе не Ксия, а Минерва. На моем правом плече.

Я лихорадочно прокрутил в голове ситуацию, но сдался, найдя, что информация недостаточна. Поэтому вместо почтительного приветствия я одарил Минерву легким чмоком в щеку. Расценив это как приглашение, она сама меня поцеловала. Сдавленный с обеих сторон, да еще с котенком на груди, я был почти столь же беспомощен, сколь Гулливер, связанный канатами, и вряд ли смог бы достойно ответить Минерве.

Однако, как выяснилось, ей вовсе не нужны были встречные усилия. Она вполне управилась сама. И, надо сказать, сделала это талантливо! Когда она оторвалась от меня, одарив напоследок поцелуем в губы, голос с левого борта произнес:

— А мне тоже можно?

У Гретхен было сопрано, но этот голос оказался тенором. Я повернул голову влево. Галахад...

Так, значит, я лежу на одной постели со своим доктором? Нет, с докторами!..

...Когда я был мальчиком, еще в Айове, то думал — окажись я в подобной ситуации, самым верным было бы с воплем ускакать в горы, чтобы спасти свою «честь» или нечто, подразумевающееся под этим названием у мужчин. Ведь что значит понятие «чести» для девушек, совершенно понятно, и они к воплощению этого понятия относятся как к святыне (многие из них!). Впрочем, если девица достаточно ловка и осторожна, то, даже выйдя замуж на седьмом месяце, она вполне может прослыть «честной» и «невинной», а впоследствии, как водится, станет осуждать тех, кто согрешил. А вот что касается «чести» мальчика, то это вопрос деликатный. Если он ее теряет с другим мужчиной (вернее, если их за этим застанут!), то он должен, если сможет, смотаться из

Штатов, если же нет — податься в Калифорнию. Но в Айове ему места не будет.

Это внезапно промелькнуло в моем мозгу и вызвало то, что я всегда старался забыть. Во время одного из бойскаутских походов, когда я был студентом-новичком, мне пришлось делить палатку с нашим вожатым. И тогда, в темноте ночи и в безмолвии, нарушаемом лишь уханьем сов... Спустя несколько недель этот «скаутский наставник» перевелся в Гарвард, и такое больше никогда в моей жизни не повторялось. О времена, о нравы, как давно и как далеко отсюда это было! Почти через три года после этого я был призван в армию и вскоре дослужился до офицера, но никогда мне и в голову не приходило, что... «такие» офицеры не могут отвечать за дисциплину в своем полку... Что касается меня, то я никогда, вплоть до дела с «Уокером Эвансом», не подавал никому и повода для шантажа.

Я немного напряг левую руку.

— Конечно. Но будьте осторожны. На мне кто-то поселился.

Галахад последовал совету и не потревожил котика. Он это делал так же, как Минерва, не лучше, и не хуже. Так же умело. И уж если я решился на неожиданное удовольствие, то я его вкусил! Терциус — не Айова, а Бундок — не Гриннелл. Тут не принято заковывать в наручники за попрание давно отживших дикарских предрассудков...

— Благодарю вас,— сказал я,— и доброе утро! Не могли бы вы меня «обескошатить»? Если он останется там, где находится, я могу его затопить.

Галахад обхватил животное левой рукой.

— Это Пиксель. Разреши тебе представить Ричарда, Пиксель. Ричард, мы находимся в обществе лорда Пикселя, кошачьего кадета в резиденции.

— Как поживаешь. Пиксель?

— Мурр-р!

— Очень приятно. Но, доктор, что теперь играет роль освежителя? Мне надо туда.

Минерва помогла мне встать с кровати, обвила моей рукой свои плечи и повела, а Галахад понес мою палку. Они вошли в

освежитель вместе со мной. Мы теперь были не в квартире Ксии: освежитель по другую сторону спальни и гораздо просторнее, так же как и сама спальня.

И я еще кое-чему научился на Терциусе: оборудование освежителя оказалось настолько сложным и разнообразным, что известная мне сантехника «Золотого правила» и Луна-Сити по сравнению со всем этим выглядела таким же примитивом, как то, что встречалось в захудалых домишках где-нибудь на задворках Айовы!

Ни Минерва, ни Галахад ни на секунду не дали мне почувствовать смущение от незнакомого оборудования. Когда я чуть было не ошибся рычажком для удовлетворения наиболее настоятельной своей потребности, Минерва просто предложила:

— Галахад, лучше продемонстрируй Ричарду, как надо. У меня же нет вашего «приспособления»!

И тот продемонстрировал. С сокрушением должен признать, что и я не был наделен таким «приспособлением», как Галахад. Внешне он очень напоминал «Давида» Микеланджело (и был не менее красив), но то, о чем идет речь, трехкратно превосходило микеланджеловское творение. Вот каков был этот Галахад!

Я никогда не понимал, почему Микеланджело — в свете его общеизвестных «отклонений» — неизменно обделял изображаемых им мужчин?

Когда мы втроем завершили все процедуры «освежения после сна», то вернулись в спальню, которая вновь меня удивила. Впрочем, я не стал тратить нервы на дурацкие вопросы о том, где мы теперь, как сюда попали, куда девались остальные, особенно та, что мне всех нужней, и кто, наконец, устраивает эти безумные игры или скачки вокруг галактик? Или и то и другое? В этой спальне одна из стен исчезла, кровать превратилась в диван, вместо отсутствующей стены появился роскошный сад, а на диване играл с котенком человек, которого я помнил по мимолетной встрече в Айове две тысячи лет назад. Правда, эта дата все еще представлялась мне весьма и весьма сомнительной. Тем более что и без нее хватало хлопот с пятью или шестью годами Гретхен.

Я уставился на прибывшего.

— Доктор Хьюберт?

— Привет! — доктор отстранил котенка.— Подойдите-ка. Покажите мне вашу ногу!

(Чертов грубиян, воображала!)

— Вы сперва посоветуйтесь с *моим* доктором.

Он резко вскинул голову.

— Господи! Мы что, не знаем инструкций? И без ваших рекомендаций прекрасно обойдемся!

За моей спиной Галахад мягко произнес:

— Покажите ему вашу ногу, Ричард. Если не возражаете.

— Ну, коли велите вы...

Я поднял новую ногу и почти ткнул ею в лицо Хьюберту, не дотянув лишь сантиметра до его носища.

Хьюберт успел отшатнуться, и мое движение прошло без эксцессов. Хьюберт неторопливо наклонил голову влево.

— Положите ее мне на колено. Так будет удобнее для нас обоих.

— Ладно. Валяйте.

Опираясь на палку, я стоял довольно устойчиво. Галахад и Минерва сохраняли спокойный нейтралитет, пока доктор Хьюберт изучал мою ногу, оглядывая и трогая, но вовсе не так, как (на мой взгляд) это делал бы профессионал. Я хочу сказать, что у него не было никаких инструментов, кроме глаз и пальцев. Он пощипывал кожу, царапал ее, близко склонялся к зажившему шву и, наконец, вдруг ногтем большого пальца провел по подошве. Какой он, интересно, проверял рефлекс? Что, мой носок должен был скрючиться или загнуться назад? Впрочем, я всегда считал, что доктора делают всякие идиотские вещи без злого умысла.

Доктор Хьюберт поднял мою ногу, отпустил и, убедившись, что я в состоянии самостоятельно поставить ее на пол, объявил, адресуясь к Галахаду:

— Хорошая работа.

— Спасибо, доктор!

— Садитесь, полковник. Вы уже завтракали? Я поел, но вполне готов к новой трапезе. Минерва, не позаботились бы вы об этом? Хорошая девочка! Полковник, я хочу с вами договориться сразу же и получить вашу подпись. Какого чина вы ожидаете?

Отмечу, что выбранный вами чин не повлияет на оплату. Но во всех случаях чин Хэйзел должен быть на одну ступень выше. И она остается на службе независимо ни от чего.

— Погодите, погодите! О чем это вы? Что я должен подписать? Какой еще чин? И почему вы так уверены, что я подпишу все, что вы мне подсунете?

— Я, естественно, подразумеваю службу в Корпусе Времени. Там же, где служит ваша супруга. Цель его — спасение компьютерной личности, известной под именем «Адам Селен». И это тоже разумеется само собой. Знаю, что Хэйзел обсуждала эти дела и поручила вам помогать ей,— он указал на мою ногу.— Как вы полагаете, во имя чего вам сделан такой подарок? Теперь, имея обе ноги, вы нуждаетесь в целом ряде процедур и тренировок, начиная хотя бы с освоения «освежителя» и до неизвестных вам видов оружия. Нуждаетесь в омоложении и прочем. Но все это стоит чрезвычайно дорого, и самый простой способ оплаты — это ваше вступление в Корпус. Одна эта нога стоит баснословно больших денег для чужака из примитивной эры... но не для члена Корпуса Времени. Надеюсь, вы это тоже понимаете. Если нет, то сколько времени надо, чтобы осознать очевидные вещи? Десять минут? Пятнадцать?

У этого лопотуна были типичные политические методы воздействия на простаков!

— Вовсе не так много. Я уже «осознал».

Он оскалился.

— Прекрасно. Поднимите левую руку и повторяйте за мной.

— Нет!

— Что «нет»?

— Просто — нет! Я не просил вас дать мне эту ногу.

— Как так? Просила ваша жена. И вы обязаны ее оплатить.

— Поскольку я не заказывал ее и вовсе не мечтал о вашем Корпусе,— я снова ткнул ногой ему в рыло и снова не успел задеть его мерзкий носище,— то можете ее сразу же отрезать!

— Чего-чего?

— Вы прекрасно расслышали, что я сказал. Отрежьте ее и верните на свой склад. Тийна! Вы здесь?

— А как же, Ричард!

— Где Хэйзел? Как ее найти? Скажите ей, где я нахожусь.

— Она знает и просила вас подождать.

— Спасибо, Тийна!

Хьюберт и я молча сидели в разных углах дивана. Минерва куда-то исчезла, Галахад уединился в стороне. Но всего через несколько секунд моя дорогая ворвалась в помещение, благо одна его стена вообще отсутствовала.

— Лазарус! Черт бы побрал вашу гнусную душу! Какого дьявола вы решили вмешаться?

24

Оптимисты заявляют, что мы живем в лучшем из всех возможных миров, пессимисты боятся, что так оно и есть!

Джеймс Брэнч Кэбелл (1879–1958)

— Послушай, Хэйзел!..

— У меня уже задница ноет от ваших «Послушай, Хэйзел»! Ответьте, что вы тут делаете, суя нос в мои дела? Я вам говорила: держитесь подальше от моей делянки! Предупреждала вас. Пыталась вдолбить, что дело это деликатное. Но стоило на секунду отвернуться, оставив его в руках Минервы и под прикрытием Галахада (мне требовалось отлучиться по делу), и что я нахожу, вернувшись? Вас! И как всегда, лезущего вперед нахрапом, тычущего пальцем, хватающего за руку!.. И разрушившего всю мою скрупулезную подготовку!

— Но послушай, Сэди...

— Пошел к черту! Лазарус, что же это за такой червячок в вас сидит, вечно заставляющий лгать и мошенничать? Почему вы не можете вести себя благородно? Откуда этот гнусный зуд вмешательства? Не от Морин же, конечно! Отвечайте, черт возьми, пока я не оторвала вашу башку и не засунула ее вам же куда-нибудь!

— Гвен, я просто пытался прояснить...

И тут моя любимая прервала его таким залпом цветистого и выразительнейшего сквернословия, что сомневаюсь, смог ли бы я его здесь в точности воспроизвести. Память, увы, так несовершенна! Там было нечто вроде «Поменяй священное имя Арканзаса», но оформленное более поэтично. Это звучало как песнопение. Она стала похожа на языческую жрицу, совершающую жертвоприношение. В роли человеческой жертвы был доктор Хьюберт.

Пока Хэйзел так вопила, через открытую стену в помещение вошли три женщины. (И еще больше мужчин заглянуло, но быстренько отступило. Мне показалось, что им неловко присутствовать при том, как с доктора Хьюберта снимают скальп.)

Все три женщины были хороши собой, но каждая на свой лад. Одна, блондинка, превосходившая меня ростом, обликом напоминала скандинавскую богиню, столь совершенную, что это даже могло испугать. Она послушала, горестно покачала головой и тихо отступила в сад.

Вторую, рыжеволосую, я сперва принял за Лэз или Лор, но после, вглядевшись, понял, что она... нет, не то чтобы старше, но как-то значительнее и зрелее. Она слушала Хэйзел безо всякой улыбки. Я подумал, что она, наверное, старшая сестра Лэз и Лор и что доктор Хьюберт им то ли отец, то ли брат. И что это объясняет, каким образом он оказался тем самым Лазарусом, о котором я слышал уже много раз. И, как оказывается, видел его тогда, в Айове.

Третья женщина выглядела, как маленькая китайская куколка — фарфоровая и прелестная. Совсем иного типа, чем Ксия. Ростом она была не более полутора метров, а весом наверняка не более сорока кило. Красота ее была лишена возраста так же, как красота царицы Нефертити.

Моя любимая перевела дух, и в это мгновение маленькая женщина-эльф громко свистнула и зааплодировала.

— Браво, Хэйзел! Я на вашей стороне!

Хьюберт-Лазарус проворчал:

— Хильда, не вдохновляйте ее!

— Почему же нет? Вас поймали за руку, когда вы сунули ее в чужой карман. Иначе Хэйзел так бы не раскипятилась. Это уж точно! Я же знаю ее и знаю вас, так что могу держать пари. Хотите?

— Я ничего плохого не сделал,— отмахнулся доктор.— Просто попытался помочь Хэйзел в том, что было оговорено заранее.

Крошечная женщина закрыла глаза и пробормотала:

— Боже милостивый, сжалься над ним! Он снова взялся за свое!

Рыжеволосая мягко спросила:

— Вудро, так что же ты натворил?

— Ничего я не творил!

— Вудро!

— Говорю вам, ничего, что бы спровоцировало эту обличительную речь. Просто цивилизованная дискуссия с полковником Кэмпбеллом, а она...

Он запнулся.

— Ну так что же, Вудро?

— Мы не пришли к соглашению.

Тут заговорил компьютер:

— Морин, хотите знать, почему они «не пришли к соглашению»? Не прокрутить ли запись этой так называемой цивилизованной дискуссии?

Лазарус нервно возразил:

— Афина, вы не посмеете ее прокрутить. Это был частный разговор.

Тут и я быстренько сориентировался:

— А я не считаю так! Афина, разумеется, может «прокрутить» все, что сказал я.

— Афина, не сметь! Это приказ!

Компьютер выложил:

— Правило номер один: я работаю на Айру, а не на вас! Вы сами себя «утвердили», когда меня впервые запустили в действие. Надо ли спросить Айру о подтверждении правила? Или просто прокрутить ту часть «дискуссии», в которой содержатся реплики моего жениха?

— Кого-кого? — растерялся Лазарус-Хьюберт.

— Моего избранника, если вы желаете «разделать кролика». Но в ближайшем будущем, когда я облачусь в восхитительное тело, полковник Кэмпбелл встанет рядом и обменяется со мною

клятвой на верность в браке. Так что смотрите, Лазарус, вы рискуете получить от меня то же, что выдала Хэйзел. Мы не допустим, чтобы нам мешали! Поэтому лучше пойдите на попятную и извинитесь, вместо того чтобы пытаться себя выгородить. Тут вы бессильны и прекрасно это знаете. Вы уже «подхватили насморк»! И каждое ваше слово не только услышано полковником, но и записано мною.

Лазарус был крайне раздосадован.

— Афина, это как же понимать — вы записываете частные разговоры?

— А вы этот разговор не засекретили! Напротив, Хэйзел просила меня вести постоянный мониторинг за Ричардом. Так что ваша карта бита, и не пытайтесь махать после драки кулаками, Лазарус! Лучше послушайте совета единственного друга, которого вам не надуть и который вас любит, несмотря на злостные выходки (я имею в виду себя). Послушайте меня! И лучше уползайте отсюда подобру-поздорову. Отойдите на сто метров, и тогда, может, Ричард позволит вам начать знакомство снова. Он не злопамятен. Приласкайте его, и он замурлычет, как этот котик.

(Все это время Пиксель сидел на моих коленях, и я его ласкал. Он вскарабкался вверх по моей «старой» ноге, оставляя на ней бороздки от когтей. Я потерял при этом немножко крови, но не столько, чтобы подвергнуться срочному переливанию).

— Спросите Минерву. И Галахада. Спросите Гретхен или Ксию, Лэз или Лор. Да любого!

(Сам я решил потом спросить Тийну — приватно, чтобы она заполнила некоторые пробелы в моей памяти. Но тут же подумал: а зачем?)

Лазарус выдавил:

— Я совершенно не намеревался обидеть вас, полковник! Если я был резок, простите меня!

— Забудьте об этом.

— Пожмем друг другу руки?

— Олл райт.

Я протянул руку, он ее пожал. У него было истинно мужское пожатие, сильное, но безо всякой попытки поломать кости. Лазарус

посмотрел мне в глаза, и я ощутил исходящее от него тепло: мошенник всегда способен тебя «обаять», если захочет!

Моя любимая заметила:

— Ты лучше побереги свой бумажник, милый, не исключено, что он уже стибрил его и закинул куда-нибудь подальше. Я поищу!

— Ты что, серьезно?

— Вот именно. Ты ведь здесь новичок, дорогой. Лазарус вполне способен стянуть с тебя носки, не снимая ботинок, продать их тебе же, и, пока ты будешь размышлять об удачной сделке и натягивать их, он умыкнет твои туфли и их же тебе загонит, а ты еще и поблагодаришь его.

— Ну, ну, Хэйзел,— запротестовал Лазарус.

— Заткнитесь!.. Друзья и родственники! Лазарус пытался принудить Ричарда вслепую подписать контракт об участии в операции «Повелитель Галактики», шантажируя его и стремясь вызвать чувство вины за то, что он якобы не оплатил свою новую ногу. Он разговаривал с Ричардом так, словно тот пытался удрать, не вернув долга.

— Я вовсе не имел в виду ничего такого!

— Сказано вам — заткнитесь! Вы именно это и имели в виду! Друзья и родственники, мой новый муж родился в обществе, где к долгам относятся как к святыне. Их девизом является выражение: «Ланчей даром не бывает!» На их флаге вышито: РАСПЛАТИСЬ! На Луне (той, что находится на временной оси Ричарда) человек может за пустяк порвать вам глотку, но и сам готов умереть, если не может отдать долг! Лазарус это великолепно знает, потому и решил пойти напролом и надавить на самую чувствительную струнку. Он уразумел это из более чем двухтысячелетнего опыта и широчайшей осведомленности о человеческих принципах поведения в разные эпохи. И применил это знание против человека, которому намного меньше ста лет и который знает лишь то малое, что касается его солнечной системы и его временной оси. Это был нечестный поединок. Лазарус прекрасно понимает, насколько некрасив его поступок. Все равно что выставить этого котенка против старого тигра!

Я сидел рядом с Лазарусом и, вспомнив тот глупейший осмотр, которому он подверг мою ногу, свесил голову и стал нарочито играть с котенком. Не хотелось смотреть ни на Лазаруса, ни на прочих, ибо в словах Хэйзел содержалось нечто унизительное и сбивающее меня с толку.

В этой позиции я невольно перевел взгляд со своих ног на ноги Лазаруса. Сказал ли я раньше, что он был не обут? Я вначале сам не придал этому значения, ибо уже привык к тому, что на Терциусе совершенно нет интереса к одежде. Я не хочу сказать, что они ходят полностью раздетыми. (Потом мне стало известно, что здесь, в городе Бундоке, покупается больше одежды, чем в любом земном городе с таким же миллионным населением. И только потому, что однажды использованная одежда тут же заменяется новой).

И еще я пришел к выводу, что и обнаженное тело, и босые ноги не могут занять ваши мысли более пяти минут.

Лазарус был облачен, вернее, завернут в некое полотнище типа полинезийского «лава-лава» или, скорее, юбки. И его ноги я разглядел только что...

Хэйзел продолжала обличать:

— Лазарус хотел жульнически сыграть на слабости Ричарда, на его органической ненависти к невыплаченному долгу. И вынудил его потребовать, чтобы новую ногу ампутировали! Отчаявшись и стремясь смыть пятно с собственной чести, Ричард заявил: «Отрежьте ее и водрузите обратно в хранилище!».

— Ох, да прекрати ты балаган! — взорвался Лазарус.— Ричард говорил это не всерьез. Всего лишь риторическая фигура, красное словцо. Он хотел показать, что я его раздосадовал. Да, так, наверное, и было. Я совершил ошибку. И признал ее. И хватит болтать!

— Вы в самом деле совершили ошибку,— вмешался я.— Огромную ошибку. Но и я до сих пор заблуждался, хотя сказанное мной вовсе не было красным словцом. Теперь я всерьез настаиваю, чтобы мне сделали ампутацию и чтобы вы взяли обратно свою ногу. Именно *свою*! Посмотрите-ка сюда, вы все, и посмотрите туда. Сперва на мою ногу, а потом — на его правую ногу!

И ни один из них не усомнился в моей правоте. Из четырех мужских ног, находящихся рядышком, три были совершенно однотипны: две ноги Лазаруса и моя «новая». Четвертая же была той, которая принадлежала мне от рождения. Она совпадала с остальными лишь размером, но не цветом кожи, волосатостью, строением, любой другой деталью!

Когда Лазарус стал талдычить о цене ноги, меня это просто обидело. Но теперь, обнаружив, что он и есть тот самый анонимный донор-благодетель, оказавший свою милость помимо моей воли, я не смог этого вынести.

Я злобно посмотрел на него.

— Доктор, без моего ведома и согласия вы поставили меня в неприемлемое положение вашего должника. И я не желаю его терпеть дальше!

Меня просто трясло от негодования.

— Ричард, Ричард, ну, пожалуйста, успокойся,— почти закричала Хэйзел.

Но и я кричал свое. Та красно-рыжая старшая леди поспешила ко мне, склонилась и прижала мою голову к своей материнской груди. Она, как бы баюкая меня, стала нежно приговаривать:

— Нет, Ричард, нет! Вы не должны так волноваться!

Мы ушли оттуда поздно. Нас уговорили остаться на ужин, так как хозяева не могли отпустить нас столь расстроенными.

Хэйзел и Морин (милая старшая леди, успокоившая меня) старались уверить, что стоимость операции и лечения нисколько не должна меня тревожить, поскольку Хэйзел полностью погасила ее со своего депозита в местном банке (что подтвердила и Тийна), а если понадобятся дополнительные расходы, то Хэйзел вполне способна и желает оплатить и их.

(Я подумал, что моей любимой следовало бы это сделать сразу же через Тийну, но решил не докучать ей своими соображениями. К черту это (TANSTAAFL) — вот основная истина, но правда и то, что «нищий не выбирает»! А в тот момент я и был нищим. Не слишком-то выигрышная позиция для торговых сделок и препирательств.)

Что же касается злополучной ноги, то, согласно незыблемым местным обычаям, «запасные части» — руки, ноги, сердца, почки

и так далее — не продаются и не покупаются, они лишь материал и приложение к хирургическому сервису, за который, собственно, и выписывается счет.

Галахад тоже подтвердил это правило.

— Мы это делаем, чтобы избавиться от «черного рынка». Я бы мог назвать вам некоторые планеты, где действительно есть такой рынок, а это означает, что подходящая печень наверняка связана с убийством донора. У нас такое полностью исключено. Лазарус самолично утвердил наш кодекс более полувека назад. Мы покупаем и продаем что угодно, за исключением человеческих органов, а тем более — их носителей! — он прибавил с усмешкой: — Есть и еще одно соображение, благодаря которому не стоит переживать. Вы же не могли ничего сказать в то время, когда наша команда «приторачивала» ногу к вашей культе. Но теперь никто не станет ее отхватывать... если только вы сами не соберетесь провести такую операцию с помощью складного ножа. Реампутация на Терциусе исключена, впрочем, коли вы сами решитесь выступить в роли хирурга, то, пожалуйста, пригласите меня: я с большим интересом понаблюдаю!

Он выговорил последние слова настолько серьезно, что Морин даже выбранила его. (Впрочем, и я не уверен, что он шутил.)

И все же возникшая ситуация в корне изменила намерения Хэйзел. Лазарус проговорился, что его поползновения базировались на предварительно разработанном и согласованном с высшими инстанциями плане. Просто он не сумел доказать, что этот план — не дурацкая и смешная затея. А вот если бы этого захотела Хэйзел (вернее, если бы она так прямо и сказала), да вообще, если бы она захотела от меня чего угодно,— я бы не смог устоять, точно так же, как не устоял перед Гретхен ее папочка Джинкс Гендерсон.

Правда, обо всех этих тонкостях Лазарусу было невдомек. Мне кажется, его попросту снедала жажда выглядеть «самой большой лягушкой в болоте». Он полагал, что должен быть женихом на каждой свадьбе и покойником на каждых похоронах. Единственное, на что он не претендовал,— это его собственная сущность, парень из деревни с соломой в волосах и навозом между пальцами ног.

(Если случайно показалось, что я не в восторге от Лазаруса Лонга, то мне с этим вряд ли стоит спорить!)

План был почти точно изложен Лазарусом: надо было, чтобы я вступил в Корпус Времени, где состояла и Хэйзел, далее предполагалось, что я пройду курс омоложения с правом выбора — просто получить организм восемнадцатилетнего или в придачу к нему и соответствующую внешность («косметический» этап процедуры омоложения). Пока бы длился этот курс, я обучался бы «галакте», а заодно штудировал бы «многовселенскую» историю, охватывающую, по крайней мере, обозримые события нескольких временных линий развития, а по завершении всего этого прошел бы еще и разностороннюю военную переподготовку. После описанных трудов я стал бы воплощением Ангела Смерти, неважно — вооруженного или нет. И если Хэйзел решит, что я вполне готов, мы с ней должны были бы взяться за выполнение нашей задачи «Адам Селен» в операции, получившей название «Повелитель Галактики».

Если по завершении миссии нам суждено остаться в живых, мы сможем подать в отставку и жить-поживать в роскоши и довольстве на любой планете по собственному выбору, получая солидную пенсию. Вариант: мы можем остаться в рядах Корпуса, но каждые пятьдесят лет нашу дееспособность следует вновь подтверждать после новых курсов омоложения. Тогда нас можно будет причислить к сонму Боссов Времени.

Эта награда считалась наиграндиознейшей. По мне, она выглядела забавной, но и возбуждающей, а возможно, и дающей большее наслаждение, чем ощущения семнадцатилетнего любовника.

Живые или мертвые, мы должны были оставаться вместе до тех пор, пока один из нас не отправится ждать другого в конце туннеля.

Но вся программа рухнула из-за того, что в нее влез Лазарус и попытался ускорить дело, выкручивая мне руки (или, скорее, ногу).

Моя голубка планировала подход в режиме «пианиссимо»: какое-то время спокойненько пожить на Терциусе, месте, похожем на рай, увлечь меня занятиями историей, теорией путеше-

ствий во времени и прочим. Постепенно, не торопясь. Никаких принуждений, все произойдет само собой. Поскольку и она, и Гретхен, и Эзра, и другие наши друзья (и даже мой дядюшка Джок!) уже состоят в Корпусе, то я, естественно, сам запрошусь туда и принесу присягу.

Но в активе пока что было одно: стоимость моей новой ноги меня больше уже не тревожила. Конечно, если бы Лазарус не стал мне докучать и держался в стороне, то у Хэйзел было бы время на осуществление описанного режима «пианиссимо». Впрочем, надо заметить, что во всех случаях Хэйзел всегда пыталась управлять мной (она это делала, делает и будет делать!), но ведь у жены освященное веками право помыкания мужем, незыблемое и неизменное от самой Евы и яблока... И уж не мне критиковать священные традиции!

Итак, в результате всего произошедшего Хэйзел, не обсуждая со мной ничего, просто поменяла тактику. Она решила доставить меня в Главный Штаб Времени (Ти-Эйч-Кью), где на все мои недоуменные вопросы могли бы ответить квалифицированные эксперты.

— Мой дорогой человек,— сказала она.— Ты же знаешь, что я жажду спасти Адама Селена и того же хочет мой папочка Мэнни. Но наши с ним соображения скорее опираются на чувства, и вряд ли их будет достаточно, чтобы убедить тебя в необходимости рисковать жизнью.

— О не говори так, моя повелительница! Ради тебя я готов даже переплыть Геллеспонт (конечно, в ясную погоду и под присмотром охранного корабля, да, пожалуй, при наличии трехдневного контракта и солидной страховки!).

— Милый, пожалуйста, будь серьезнее! Я не хочу примитивно агитировать тебя, ссылаясь на великие цели, судьбу многих вселенных и прочее, ибо и сама не очень в этом разбираюсь. Я же не математик и не вхожу в число членов так называемого «Круга уроборос», определяющего все космические события. К тому же Лазарус все изгадил своей нахрапистостью, вот почему я и оставила за тобой право самому разобраться, зачем понадобилась эта акция и почему твое участие так важно. Мы отправимся в Главный Штаб,

и пусть они сами с тобой поговорят. На этой стадии проекта я умываю руки. Она больше в компетенции Круга, то есть высших эшелонов Управления Временем.

— Дорогая, до чего же приятны твои речи! Лазарус крепко получил по сопатке за попытку продать мне две кроны за десятку!

— Это его проблема. Но все же он числится Сеньором Круга, хотя у него всего один голос. И тем не менее, он Сеньор.

Это наконец достигло моих ушей.

— А что, правда ли ему две тысячи лет?

— Больше. Около двадцати четырех веков.

— Ничего себе! Он же выглядит моложе меня!

— Он не один, и не два раза проходил курсы омоложения.

— И все же, кто может подтвердить его истинный возраст? Не сердись, любимая, но в этом деле ты не свидетель. Ты же могла охватить его биографию лишь на протяжении одной десятой его истинного (если он истинен) возраста и даже менее. А кто может рассказать обо всем?

— Ты прав, не я. И все же поводов для сомнений не возникало. Я думаю, тебе не вредно было бы потолковать с Джастином Футом.

Хэйзел огляделась. Мы находились в прелестном садике невдалеке от комнаты, где я проснулся утром. То была, как я узнал, ее комната, а может, она принадлежала и другим женщинам — здесь нет постоянной собственности на помещения. Иное время, иные обычаи и нравы.

Итак, мы пребывали в саду вместе с членами семейства Лонгов, а также их гостями, друзьями и родственниками, которые воздавали должное изысканному угощению и неторопливо общались друг с другом. Хэйзел высмотрела в толпе небольшого, похожего на мышь, человечка, который, судя по окружавшим его людям, мог быть душой любой компании.

— Джастин! Подойдите к нам, дорогой! Уделите мне минуточку.

Он устремился к нам, обходя или переступая через детишек и собак и приветствуя мою супругу традиционным для этой планеты поцелуем. Он сказал ей:

— Летучая мышка, вы слишком долго отсутствовали!

— Дела, миленький! Джастин, познакомьтесь, это мой любимый муж Ричард.

— Наш дом — ваш дом!

И он, конечно, поцеловал меня.

Да ладно, я уже к этому как-то привык, уж слишком многие успели меня здесь «поприветствовать». Эти тертиане лобызались, как ранние христиане. Но последний поцелуй напоминал, что называется, «тетушкин клевок», он был формальным и корректно-сухим.

— Благодарю вас, сэр!

— Пожалуйста, не подумайте, что в наших обычаях так давить на гостей, как это сделал Лазарус. Он сам назначает правила для себя, но они частенько вовсе не годятся для нас,— Джастин вежливо улыбнулся и переключил внимание на мою супругу.— Хэйзел, не позволите ли мне получить у Афины копию вашей изумительной речи, обращенной к Лазарусу?

— Почему бы и нет? Я его славненько разнесла, что правда, то правда!

— Ваша тирада ценна для истории. Понятно, ему не по вкусу, что осталась эта запись. Пожалуй, вообще никто, даже при сильном желании, не смог бы возразить ему открыто и резко. И сама Иштар не сумела бы так выпороть Сеньора. Поэтому запись является уроком Лазарусу, а другим необходима как учебные пособие (если ее кто-нибудь вознамерится проштудировать). Конечно, инициативность Лазаруса не всегда плоха, но он же не Господь Бог! И ваше выступление это чудесно прояснило,— Джастин ухмыльнулся.— Это свежее веяние для всего нашего общества. Не говоря уже о том, насколько уникальны его литературные качества. Поэтому, Хэйзел, душенька, я жажду иметь его в нашем архиве.

— Ну, не преувеличивайте, дорогой! Уломайте Лазаруса, а с моей стороны возражений не будет!

— Считайте, что я его уломал. Я знаю, как заставить этого гордеца и упрямца согласиться. Это принцип «поросенка в доме». Я всего лишь посокрушаюсь о некоторых деталях вашей «филиппики» и предложу свои цензорские услуги. С намеком на то, что разделяю его досаду. И он сам попросит переместить запись в архив без права публикации и ссылок.

— И прекрасно, если так случится.

— А не мог бы я поинтересоваться, дорогая, где вы подобрали наиболее... пикантные выражения своего выступления?

— Нет, не могли бы! Кстати, Джастин, мой супруг задал вопрос, на который я сама не могу ответить. Вот он: откуда нам известно, что этому Сеньору больше двух тысяч лет? Для меня лично этот вопрос звучит так же, как если бы меня спросили: откуда я знаю, что завтра взойдет солнце? Просто знаю, и все!

— Нет, скорее, это похоже на другой вопрос: откуда известно, что солнце вставало задолго до того, как вы родились? И ответом было бы то, что вы *не знаете*, откуда это известно. Хм-м. Интересно,— он подмигнул мне.— Часть проблемы, я убежден, коренится в том факте, что вы прибыли из Вселенной, в которой никогда не применяется принцип «Семейства Говардов».

— Вообще никогда о таком не слыхивал. Что же это означает?

— Это кодовое прозвище всех тех людей, которые живут исключительно долго. Но прежде следует изложить некоторые базовые понятия. Члены «Круга уроборос» различают вселенные по порядковым номерам. А иногда, и гораздо чаще, чтобы выяснить, к какой именно вселенной принадлежит та или иная система, задается вопрос: кто первым вступил на Луну? Так кто же был первым в вашем мире?

— В нашем? Парень по имени Нэйл Армстронг. С ним был и полковник Бэз Олдрин.

— Совершенно точно. Организация НАСА. Правительственное бюро, если я правильно припоминаю. Но в нашей вселенной, в моем мире (и мире Лазаруса Лонга) первый полет на Луну финансировался не правительством, а частными спонсорами, во главе с банкиром Д. Д. Гарриманом. И первым человеком, ступившим на Луну, был Лесли Лекруа, нанятый Гарриманом. В еще одной вселенной инициатива принадлежала военной организации ЮСАФС и проект назывался «Килрой здесь побывал!». Можно рассказать и о других мирах, но важно то, что в каждом из них первый шаг стал эпохальным событием, исходной точкой, определяющей все последующее развитие. Так вот, ваш Сеньор Лазарус в моей вселенной один из первых космонавтов. Я много

лет храню документы «Семейства Говардов» и могу судить, что Лазарус Лонг является действующим пилотом-космонавтом в течение более чем двадцати четырех веков. Вам это не кажется убедительным?

— Отнюдь.

Джастин Фут кивнул.

— Резонно. Когда думающий человек слышит нечто противоречащее обычным понятиям, он не способен в это поверить без твердых доказательств. И вам такие утверждения представляются голословными, даже если они — правда. Что касается меня, то я с этим вырос. Я сорок пятый член «Семейства Говардов», а первый в нашем роду стал попечителем «Семейства» еще в двадцатом веке по григорианскому летоисчислению, когда Лазарус Лонг был младенцем, а Морин — молодой женщиной...

Я отключился. Слушать его я уже не мог. Констатация того, что прелестная леди, так нежно успокоившая меня, мать сыночка, которому от роду двадцать четыре века, притом что ей самой на вид не дашь больше сорока... Черт возьми, «в какие-то дни не следует вообще вставать с постели» — этот трюизм частенько звучал в Айове в годы моей юности, но он оказался справедливым и на Терциусе спустя двадцать четыре века! (но как мне в эти века поверить?) Я же был совершенно счастлив, лежа на одной кровати с Минервой на одном плече, Галахадом — на другом и с Пикселем на груди! И никакого дурацкого «нажима» не было и в помине! Мысль о Морин напомнила еще об одном несоответствии.

— Джастин, меня волнует еще кое-что. Вы упомянули, что эта планета очень далеко от моей родной Земли. Как я уже слышал от других — на расстоянии семи тысяч световых лет в пространстве и двадцати четырех веков во времени!

— Нет, цифр я вам не называл; я не астрофизик. Но это, однако, не противоречит моим представлениям, и я не возражаю.

— Но ведь сегодня здесь говорят на моем родном языке, на моем диалекте английского со всеми присущими ему идиомами! Более того — я безошибочно слышу в нем уродливый акцент американского северо-запада, грубый, как ржавая пила! Разрешите-ка мне эту загадку!

— О, хоть это и кажется странным, но никакой тайны здесь нет. Тут говорят по-английски, во-первых, из любезности по отношению к вам.

— Ко мне?

— Да, Афина могла бы обеспечить синхронный перевод в обе стороны, и все, кроме вас, говорили бы на «галакте». Но, во-вторых, Иштар много лет назад решила, что английский должен стать рабочим языком в клинике и госпитале. Это, возможно, было обусловлено обстоятельствами, сопровождавшими последнее омоложение Сеньора. Что же касается айовского колорита — акцент идет от самого Сеньора, а поговорки — от его матушки. Поэтому и Афина заговорила точно так же и не желает слышать ни о каком другом варианте английского. То же относится и к Минерве: она также училась языку, будучи еще компьютером. Но так говорят не все. Вы ведь знакомы с Тамарой?

— Не так близко, как хотелось бы.

— Она, возможно, наиболее любимая и наиболее любящая душа на нашей планете. Но она, увы, не лингвист. Тамара начала изучать язык всего два столетия назад и с самого начала, полагаю, говорила на том же ломаном английском, что и теперь, несмотря на то, что ей приходится прибегать к нему ежедневно... Ну так сумел ли я хотя бы объяснить, почему здесь говорят на давно уже отмершем диалекте английского, которым пользовались под солнцем старой доброй Айовы? А ведь наша планета вращается вокруг совсем другой звезды!

— Будем считать, что объяснили. Впрочем, меня и это не вполне удовлетворило. Джастин, сдается, что на любой вопрос у вас найдется ответ, и все же вы не убедили меня ни в чем.

— Естественно. Но почему бы вам не потерпеть немножко? Со временем все факты, вызывающие у вас сомнение, прояснятся сами по себе.

Мы переменили тему беседы.

— Милый,— сказала Хэйзел,— я еще не объяснила, почему задержалась и не успела предотвратить попытку Лазаруса. Джастин, вам доводилось пользоваться «телепортирующим потоком»?

— И частенько. Я надеюсь, со временем у нас все же соорудят конкурирующую с ним систему перемещения. Сам бы этим занялся, если бы не был лентяем-сибаритом.

— Сегодня с утра я отправилась за покупками для Ричарда. Туфли, милый, но ты их наденешь не раньше, чем разрешит Галахад! Да еще замену одежде, которую я потеряла в потасовке в «Раффлзе». Тех цветов я не нашла, но выбрала светло-вишневый и желтовато-зеленый.

— Прекрасный выбор!

— Да, костюмы тебе подойдут, надеюсь. Я покончила с покупками и должна была оказаться дома еще до твоего пробуждения, но на «телепорте» выстроилась очередь, и ничего не оставалось, как, вздохнув, встать в нее. Но тут какой-то вонючий прыгун-турист с Секундуса прошмыгнул вперед, опередив меня на шесть человек.

— Вот негодяй!

— Да уж, доброго слова не скажешь! Нахала убили.

Я посмотрел на нее:

— Хэйзел!

— Думаешь, я? Нет-нет, милый, не я! Согласна, у меня появилось такое искушение. Но, на мой взгляд, наказание за нарушение очереди не должно быть сильнее, чем перелом руки. Но мне и этого не пришлось делать. Сразу же собралась куча свидетелей, и меня заставили изобразить присяжную. Единственным способом избежать большей потери времени (иначе меня терзали бы как свидетеля!) было согласиться. Судилище заняло около получаса.

— Они его вздернули? — поинтересовался Джастин.

— Нет. Вердикт гласил: «Достоин смертной казни в интересах общества», потом его отпустили, а я вернулась домой. К сожалению, опоздала: Лазарус, черт бы его взял, уже «достал» Ричарда, расстроил его вдрызг и поломал мои собственные планы. Поэтому я постаралась расстроить самого Лазаруса, как вы уже знаете.

— Как знаем мы все. А что, «умерщвленный» турист имел спутников?

— Не знаю. Но думаю, что приговор «о смертной казни» был слишком крут. Я всегда склонна проявлять терпимость, позволяя

нарушителям отделываться небольшими увечьями. Тем не менее ловкачество в очередях никоим образом не должно игнорироваться, иначе это сильно вдохновит деревенщин-провинциалов... Ричард, я купила туфли исходя из того, что правый ботинок, составная часть протеза, вряд ли подойдет к новой живой ноге.

— Ты права.

— Я купила туфли не в магазине, а на фабрике, где есть пантограф, зеркально скопировавший твой левый ботинок. Правильно я сделала?

— Наверное. Спасибо!

— Надеюсь, все будет в порядке. Если бы не пришлось самолично приговаривать того вонючего прыгуна, я бы не опоздала.

Я недоуменно уставился на нее.

— Скажи-ка мне, что за порядки здесь царят? Анархия, что ли?

Хэйзел пожала плечами, а Джастин Фут задумчиво произнес:

— Нет, не думаю. Мы еще не настолько великолепно организованы!

Сразу же после ужина предстояло погрузиться в уже знакомый мне «четырехместный» космолет: Хэйзел и мне, молодому великану по имени Зеб, Хильде (красавице-крошке), Лазарусу, доктору Джекобу Бэрроузу, доктору Джубалу Хэршоу, еще одной рыжеголовой женщине (можно, пожалуй, было бы ее назвать «земляничной блондинкой») по имени Дийти и второй, похожей на нее, как близнец (но не являвшейся близнецом), прелестной девушке по имени Элизабет или Либби. Я всмотрелся в этих двух и шепотом спросил у Хэйзел:

— Они что, потомки Лазаруса? Или твои?

— Нет. Насчет Лазаруса не думаю, насчет себя — уверена. Иначе их рождение не прошло бы мимо меня. Одна из них — из другой вселенной, вторая более чем на тысячу лет старше меня. Так что переложим ответственность на Гильгамеша! Да... а за ужином ты не приметил маленькую девчушку, тоже с морковной головкой, ту, что плескалась в фонтане?

— Приметил. Очаровашечка.

— Она...— сказала Хэйзел, но перебила себя.— Спроси меня о ней попозже.

Началась погрузка, жена взошла на борт первой. Я было последовал за ней, но тут молодой великан, крепко взяв меня за локоть, задержал (весил он минимум на сорок килограммов больше).

— Мы еще не знакомы? Я — Зеб Картер.

— А я — Ричард Эймс Кэмпбелл. Рад познакомиться.

— А это моя мамулечка, Хильда Мэйе,— показал он на «китайскую куколку».

Некогда было осмысливать это утверждение. Хильда произнесла:

— Он еще именует меня «сводной мачехой», иногда тещей, иногда миссис. Учтите, Ричард, Зебби никогда не бывает в точном фокусе, хотя очень мил. А вы принадлежите Хэйзел, что и дает вам ключи от нашего города,— она положила руки мне на плечи, приподнялась на цыпочки и поцеловала быстро, но весьма тепло и уж вовсе не сухо. Это озадачивало.— Если вам что-нибудь понадобится, только скажите. Зебби все доставит.

Насколько я мог уразуметь, здесь собралось пять членов одной семьи (или ее ответвлений), все они принадлежали к клану Лонга, но их соотношений я еще не вычислил. Зеб и его жена Дийти («земляничная блондинка»), ее отец Джейк Бэрроуз, чьей женой состояла Хильда (которая, впрочем, не являлась матерью Дийти), а пятой была Гэй. Зеб объяснил:

— Конечно, и Гэй. Вы же знаете, кого я имею в виду?

— Но кто же это «Гэй»? Или Гея? — спросил я.

— Это не я придумал. Такая шутка. Наш кораблик и есть Гэй.

Его перебило знойное контральто:

— Я и есть Гэй. Привет, Ричард, вы уже побывали во мне, но я не предполагала, что успели забыть об этом!

Я решил, что «Поля Леты» все же дают отрицательный побочный эффект. Если я уже «побывал» в особе женского пола, да еще с таким обворожительным, убаюкивающим голосом, и не могу этого припомнить, то, стало быть, пора меня вышвырнуть на свалку, ибо я вышел в тираж.

— Извините, но я вас никогда не видел. Леди по имени Гэй?

— Не леди она, а шлюха!

— Зебби, ты пожалеешь об этом! Ричард, он хочет сказать, что я не женщина. Я — этот самый кар, в который вы собираетесь вскарабкаться. И вы однажды здесь уже побывали. Но тогда вы были ранены и очень больны, поэтому я не в обиде, что вы не помните.

— Напротив, это я как раз помню!

— Помните? Ну и прекрасно. На всякий случай, скажу еще раз: меня зовут Гэй Десейвер. И добро пожаловать на борт!

Я, наконец, влез внутрь и хотел протиснуться через дверь грузового отсека в пассажирский салон. Хильда вцепилась в меня.

— Не надо туда идти. Ваша жена там с двумя мужчинами. Дайте ей шанс.

— Но еще и с Либ,— добавила Дийти.— Не дразните его, тетя Шарли. Садитесь, Ричард!

Я сел между ними, что, видимо, было почетной привилегией, но очень хотелось снова увидеть ту «сворачивающуюся клубочком ванную». Если только она действительно здесь была, а не приснилась мне в «Полях Леты»!

Хильда, поджав лапки, как котенок, сидела в кресле напротив меня.

— У вас плохое мнение о Лазарусе, Ричард, но не хочется, чтобы оно сохранилось надолго,— произнесла она.

Я согласился, добавив, что, если оценивать Лазаруса по десятибалльной шкале, я бы выставил ему отметку «минус три»!

— А я надеюсь — вы измените мнение. Как ты полагаешь, Дийти?

— Постепенно, день за днем он станет в ваших глазах наращивать баллы и достигнет девяти. Вот увидите, Ричард!

— В отличие от вас,— подхватила Хильда,— я о Лазарусе неплохого мнения. Мне довелось произвести на свет одного ребенка от него, а я на это иду только с людьми, достойными моего уважения. У Лазаруса есть свои слабости, и время от времени он нуждается в порке. И все же я его люблю.

— Я тоже,— подтвердила Дийти.— У меня от Лазаруса есть маленькая девочка, а значит, и я его люблю и уважаю. Правильно, Зебадия?

— А я откуда знаю? «О любовь, неосторожная любовь»! Ледибосс, мы куда-нибудь направляемся или нет? Гэй желает знать.

— Доложите готовность к отбытию.

— Правый борт запечатан, экстра-механизмы готовы. Левый борт запечатан, пристяжные ремни закреплены, все системы в норме.

— Курс на Главный Штаб Времени мимо Альфы и Беты. Удачи, главный пилот!

— Есть, капитан! Гэй Десейвер, контрольная точка — Альфа. Приступаю к выполнению.

— Есть, сэр!

Яркий солнечный свет и зелень лужайки дома Лонгов затрепетали за иллюминатором и мгновенно сменились межзвездной чернотой. Мы ощущали невесомость.

— Кажется, прошли контрольный пункт Альфа,— сообщил Зеб.— Гэй, ты видишь Ти-Эйч-Кью?

— Пункт Альфа на носу,— ответил корабль.— Главный Штаб Корпуса Времени окопался где-то впереди. Зеб, тебе нужны очки!

— Направление на контрольный пункт Бета, исполняйте.

В иллюминаторе мигнуло снова.

Мне удалось разглядеть этот «пункт» — он был не планетой, а, скорее всего, поселением на расстоянии не то десяти километров, не то тысячи. В космосе трудно судить о незнакомых объектах.

Зеб сказал:

— Главный Штаб Корпуса Времени, испол... Гэй, смывайся! Проваливай отсюда!

Впереди нас взорвалась бомба — «сверхновая».

25

«Кошка Шредингера»

— Боже милостивый,— простонал корабль.— Эта штука опалила мне все перышки на хвосте! Хильда, повернем домой, *пожалуйста*!

Бомба теперь была уже далеко от нас, но все еще пылала ослепительным белым светом, похожая на Солнце, каким оно видится с орбиты Плутона.

— Капитан? — спросил Зеб.

— Согласна,— негромко подтвердила Хильда.

Но, несмотря на внешнее спокойствие, она крепко схватила меня за руку и ощутимо дрожала.

— Гэй — Морин, исполняйте!

Мы оказались на лужайке родового поместья Лазаруса Лонга, выстроенного в романском стиле.

— Главный пилот, пожалуйста, подайте сигнал в секцию О-Зет и велите всем высадиться. Мы еще не скоро отправимся куда-либо. Ричард, выходите с правого борта, когда Джейк освободит проход, это позволит высадиться и остальным пассажирам.

Я так и сделал, последовав за доктором Бэрроузом. Сзади меня раздался зычный голос Лазаруса:

— Хильда! Почему вы приказали высадиться из кара? И почему мы не в резиденции Главного Штаба?

Его тон напоминал команды сержанта, тренировавшего меня, новичка, десять тысяч лет назад.

— Я позабыла дома свое вязание, Вуди, и вернулась за ним!

— Оставьте, пожалуйста! Почему мы не стартуем? Почему высаживаемся?

— Лучше последите за своим давлением, Лазарус! Гэй лишний раз подтвердила, что она не «нервная дурочка», попросив меня совершить наш обычный прыжок на Ти-Эйч-Кью в три этапа. Если бы я использовала обычный способ, мы давно уже стали бы вспышкой во мраке.

— У меня чешется шкура,— раздраженно вымолвила Гэй.— Держу пари, что счетчик Гейгера загремел бы на ней, как градины о жестяную крышу!

— Зебби обследует тебя позднее, дорогая,— пообещала Хильда и подошла к Лазарусу.— Не думаю, что Гэй повреждена, надеюсь, ни один из нас тоже не пострадал, так как у Зеба вовремя сработала интуиция, и он успел нас перебросить, едва опередив фотоны от вспышки. Но, сэр, должна с прискорбием сооб-

щить, что Главного Штаба там больше нет. Он, возможно, почил с миром.

— Хильда, это что же, одна из ваших шуточек? — упорно не желая верить, огрызнулся Лазарус.

— Капитан, позволяя такие вопросы, пожалуйста, обращайтесь ко мне как к «коммодору».

— Простите. Но что же произошло?

— Лазарус,— вмешался Зеб,— дайте людям выйти, и тогда я покажу вам на месте, что случилось. Мы полетим вдвоем — вы и я.

— Вот именно, вдвоем,— прогудела Гэй.— Без меня! Я ни за что туда не возвращусь. Боевые задания — не моя работа. Поэтому я не позволю запечатать двери, а стало быть, вы не сможете тронуться с места. Объявляю забастовку!

— Ах, мятеж? — заорал Лазарус.— В переплавку ее, в резку, в клочки!

Гэй завизжала, потом выкрикнула:

— Зеб, ты слышал? Нет, ты слышал, что он сказал? Хильда, вы тоже слышали? Лазарус, я не принадлежу вам и никогда не принадлежала! Скажите ему, Хильда! Пусть он только дотронется до меня пальцем, я сразу уйду в критический режим и сожгу ему руку напрочь! И все графство Бундока уведу с собой!

— Математически это невероятно,— отпарировал Лазарус.

— Лазарус,— возразила Хильда,— не должно так опрометчиво произносить слово «невероятно», говоря с Гэй. И не находите ли вы, что для одного дня слишком уж налаялись? Вы умудрились разозлить Гэй, она расскажет это Доре, та — Тийне, и если вы после этого найдете кусок еды, то все равно вам не дадут ни уснуть, ни двинуться.

— Я ведь несчастный подкаблучник! Гэй, вынужден извиниться! Может, если я прочту вам две главы из «Тик-ток» на ночь, вы меня простите?

— Три.

— Заметано. Пожалуйста, передайте, чтобы Тийна запросила математические разработки по проекту «Повелитель Галактики» и передала их в мои апартаменты на Доре. Сообщите также всем, кто связан с этим проектом, что им следует прибыть на Дору и

поселиться там с ночлегом и пансионом. Я не знаю, когда мы отбываем. Возможно, в течение недели, а может быть, и в любой момент, причем на сборы может не оказаться и десяти минут.

— Дора уже получила информацию. А что станется с Бундоком?

— Вы что имеете в виду?

— Разве вы не хотите, чтобы город эвакуировали?

— Гэй, я и не знал, что вас это заботит,— удивился Лазарус.

— Меня? Чтобы я заботилась о двуногих червяках? Меня интересует только Айра!

— О, а я-то подумал, что у вас пробудилась симпатия к людям.

— Боже упаси!

— Ну теперь я спокоен. Ваша эгоцентрическая сущность — просто гавань надежности в любом нестабильном мире!

— Нечего льстить и подлизываться, не забудьте о своем долге — трех главах!

— Разумеется, Гэй, я же обещал! Пожалуйста, передайте Айре, что, насколько я осведомлен, Бундок в такой же безопасности, как и любое другое место в мире... если не сказать больше... в связи с чем, по моему мнению, попытка эвакуации Бундока и его окрестностей приведет ко многим человеческим смертям и к еще большим потерям *«качества»*. Но возможно, его ленивому существованию была бы полезна небольшая встряска, слишком уж этот город погряз в тупой и беспечной роскоши. Узнайте мнение Айры на этот счет.

— Айра говорит: «на ваше усмотрение».

— Ладно, согласен, будьте здоровы. Кажется, наклевываются интересные дела. Полковник Кэмпбелл, прошу прощения, не хотели бы вы отправиться с нами? Вам было бы небезынтересно поглядеть, как осуществляются временные манипуляции в чрезвычайных условиях. Хэйзел, о'кей? Или я снова обречен на твое красноречие?

— Олл райт, Лазарус, поскольку теперь слово за вами и вашими компаньонами.

— Суровая ты женщина, Сэди!

— А чего вы ждали, Лазарус? Луна — жестокий учитель. Я же брала уроки на ее коленях. А я могу отправиться с вами?

— Я только этого от тебя и жду, ты же еще участник проекта «Повелитель»? А может, уже нет?

Мы прошли пятьдесят метров лужайки к месту, где расположилась наибольшая и наипричудливейшая «летающая тарелка» из всех, какие только могли вообразить приверженцы НЛО. Я узнал, что это и есть Дора — одновременно и корабль, и компьютер, им управляющий. Еще я узнал, что Дора — это частная космическая «яхта» Сеньора, а также флагманский корабль Хильды, а еще — пиратское судно, которым командуют Лорелей Ли (Лор) и Ляпис Лазурь (Лэз) при содействии Кастора (Кэса) и Поллукса (Пола), которые — то ли их мужья, то ли прислужники, а может, и то и другое.

— Вот именно, и то и другое,— позднее подтвердила мне Хэйзел.— А Дора — нечто третье. Лэз и Лор вскоре после замужества выиграли в игре «красная собака» право помыкания Кэсом и Полом в течение шестидесяти лет. Они обе телепатки и великолепно жульничают. Мои внуки шустры, как змейки, и самонадеянны, как выпускники Гарварда. И сами — отчаянные мошенники. Я пыталась отучить их от мерзкой привычки жульничать, когда они были совсем юными, но ничего из этого не вышло. Их падение усугубилось тем, что Лэз и Лор оказались еще проворнее их и еще большими мошенницами.

Хэйзел печально покачала головой:

— Это такой греховный мир! Я учила молодцов быть начеку, если держишь в руке три туза и короля, и не «перебирать», но Кэс ведь жадина! Проиграв все, он не остановился и поставил на кон свое удостоверение. В тот же день Пол решился на еще более глупое жульничество: он пометил рубашку карты кофейным пятнышком, а таких в колоде оказалось две — десятка и восьмерка! Вот он и погорел. Так и получилось, что парнишки теперь выполняют всю грязную работенку на корабле, вдобавок еще моют— причесывают своих женушек и делают им педикюр, вместо того чтобы продать их на невольничьем рынке Искандера. А может, оно и к лучшему, тем более, что сомнительно, чтобы они на это пошли, даже если бы их жульничество увенчалось успехом.

Дора внутри оказалась еще вместительнее, чем можно было судить по внешнему виду: в ней развертывалось столько отсеков-кают,

сколько могло бы понадобиться. Она являла собой роскошный, но исключительно рационально оборудованный сверхсветовой звездолет. Корабль был оснащен устройствами, базирующимися на теории «преобразования пространства», разработанной Бэрроузом. Эти «магические двигатели» позволяли и Гэй совершать ноль-перемещения в межзвездье как бы вообще безо всякой физической трассы. Практическое приложение уравнений Бэрроуза оказалось возможным и к преобразованию пространства внутри самого корабля. Оно могло быть «свернуто», «скручено», «искривлено» (назовите это как хотите), а при необходимости его «выпрямляли», получая сколь угодно много площадей для размещения пассажиров и груза.

(Я как-то не соотнес это с трюком, при помощи которого Гэй умудрилась «свернуть» те две ванные комнаты девятнадцатого столетия: они, как я помнил, размещались асимметрично по правому борту. Но вполне возможно, что и тут сработал тот же принцип. Надо бы спросить... хотя зачем «сдвигать с места спящую колоду»?)

На боку «яхты» обозначилась дверь; заслонка скользнула вниз, и я вслед за Лазарусом стал подниматься на корабль, держа под руку свою любимую женщину. Когда мы вошли внутрь, зазвучала мелодия из бессмертной гершвиновской «Порги и Бесс». Ария «Не так уж это необходимо». Давным-давно умерший певец пел о том, что человеку мафусаилова возраста нечего и помышлять о том, чтобы заманить женщину в постель.

— Дора! — рявкнул Лазарус.

Нежный девичий голос откликнулся:

— Я принимаю ванну. Позвоните попозже!

— Дора, выключи эту идиотскую песню!

— Не прежде, чем обсужу это с дежурным пилотом, сэр!

— Обсуди и катись к черту! Но только убери этот шум!

В динамике зазвучал другой голос:

— Говорит капитан Лор, дружок. У тебя проблемы?

— Да, проблемы. Выключи это!

— Дружок, если имеешь в виду классику, приветствующую ваше появление, то должна отметить: ты, как всегда, верен своему варварскому вкусу. В любом случае, я не могу ничего выклю-

чить без разрешения коммодора Хильды, поскольку новый порядок посадки утвержден ею.

— О господи, какой же я подкаблучник! — простонал Лазарус.— Нельзя войти в собственный корабль, не подвергаясь оскорблениям. Клянусь Аллахом, когда я разделаюсь с проектом «Повелитель», куплю холостяцкую «Бричку» Бэрроуза, оборудую ее мозгом типа «Минск» и отправлюсь на долгие каникулы без единой бабы на борту!

— Лазарус, зачем вы говорите такие чудовищные вещи? — произнес голос сзади нас.

Это теплое контральто, несомненно, принадлежало Хильде. Лазарус обернулся.

— А, вы уже здесь! Хильда, не могли бы вы угомонить эту проклятую ракету?

— Лазарус, вы вполне можете сделать это и сами, лишь...

— Я пытался. Но им же страшно нравится меня бесить! Всем трем... И вам тоже!

— ...лишь надо сделать три шага вперед, за эту дверь. И если вам хочется услышать другой музыкальный привет, более предпочтительный, стоит лишь его назвать. Дора и я стараемся подобрать подходящие мелодии для каждого члена нашей семьи, не забывая при этом и гостей.

— Смешно!

— Доре доставляет удовольствие этим заниматься, мне — тоже. Это красиво и удобно, так же как удобнее есть вилкой, а не пальцами.

— Пальцы сотворены раньше вилок.

— А плоские черви — раньше людей. Но это не значит, что черви лучше. Пройдите туда, Вуди, и выключите Гершвина.

Он хрюкнул и сделал, как она сказала. Гершвин умолк. Хэйзел и я последовали за Лазарусом, и тут зазвучала новая музыка: трубы и барабаны взорвались маршем, не слышанным мною с того самого черного дня, когда я потерял ногу... и свою команду... и свою честь. Это был марш «Идут ребята Кэмпбелла»...

Он сводил меня с ума. Я ощутил мощный адреналиновый толчок, который всегда предшествовал боевой атаке. Я был настолько

ошеломлен, что некоторое время не мог взять себя в руки и лишь уповал на то, что никто в данный момент не заговорит со мной.

Хэйзел сжала мне локоть, но ничего не сказала. Кажется, моя милая давно уже научилась читать мои мысли и ощущать мои эмоции. Я машинально шел вперед, держась прямо и сильнее опираясь на трость. В ту минуту я не мог ничего воспринять в интерьере корабля. Потом трубы умолкли, и я вновь обрел дыхание.

За нами шла Хильда. Думаю, это она заставила убрать марш-салют и заменила его новой музыкой, светлой, воздушной, словно творимой серебряными колокольчиками, а может, и челестой. Хэйзел сказала, что мелодия называется «Иезавель», но я ее не знал.

Апартаменты Лазаруса оказались настолько богатыми, что я подумал: а каково же тогда убранство флагманской кабины «коммодора» Хильды? Хэйзел устроилась в отведенной ей каюте с таким видом, словно она ей принадлежала всегда. Но я там не задержался: на переборке замигал сигнал, и Лазарус ввел меня в конференц-зал, в котором разместилось несколько человек (хотя свободно могла бы проводить заседания и любая крупная корпорация). Огромный круглый стол; мягко обитые кресла; для каждого блокнот, авторучка, ледяная вода, терминал с принтером, дисплей, панель управления и наушники. Должен добавить, что я увидел в действии лишь малую часть всей этой роскошной дребедени, ибо Дора делала ее совершенно ненужной: будучи сама идеальным секретарем для каждого из заседавших, не говоря уже о том, что обеспечивала весь сервис на корабле, включая даже функции освежителя!

(Не видя ее воочию, я все же не мог избавиться от ощущения, что имею дело с живой девушкой по имени Дора, хотя ни одно живое существо не способно так заботиться обо всем на свете, как это делала она!)

— Присядьте где вам удобнее,— сказал Лазарус.— Здесь субординация не соблюдается. И не колеблясь задавайте вопросы, высказывайте свое мнение. Если сваляете дурака, никому не придет в голову вас осудить, зато потом и сами не захотите попасть впросак. Вы знакомы с Либ? — Он показал на вторую «земляничную блондинку», двойника Дийти.

— Нас друг другу пока не представили.

— Тогда прошу познакомиться: доктор Элизабет Эндрью Джексон Либби Лонг... полковник Ричард Колин Эймс Кэмпбелл.

— Польщен знакомством, доктор Лонг.

Она меня поцеловала. Я этого, конечно же, ждал, имея богатый двухдневный опыт общения на Терциусе. Единственный способ избежать дружеских лобзаний — просто отпрянуть, но не лучше ли научиться спокойно им радоваться? Так я и сделал. Доктор Элизабет Лонг выглядела очень привлекательно, была не слишком обременена одеждой, хорошо пахла и... стояла очень близко от меня, задержавшись на три секунды дольше необходимого и похлопывая меня по щеке.

— У Хэйзел совсем неплохой вкус,— отметила она.— Я рада, что она ввела вас в семью.

Я покраснел, как какая-то деревенщина. Никто не обратил на это внимания (надеюсь!). Лазарус продолжил церемонию:

— Либ моя супруга и партнер с двадцать первого века григорианской эры. У нас случались весьма бурные периоды совместной жизни. Она бывала и мужчиной, служа командиром в земных армиях. Но и тогда и теперь, будучи мужчиной или женщиной, она всегда оставалась величайшим математиком из всех рожденных на свет.

Элизабет погладила его руку.

— Ерунда, Лазарус! Джейк гораздо более крупный математик, а уж быть таким геометром, как он, мне и мечтать не приходится. Он может выявить и реализовать гораздо большее количество измерений, чем нам известно. Я...

Супруг Хильды, Джекоб Бэрроуз, вошедший вслед за нами, перебил Либби:.

— Чепуха, Либ! Меня тошнит от проявлений ложной скромности!

— Если вознамеритесь вырвать, милый, постарайтесь сделать это не на ковер. Джекоб, Джекоб, ни ваше, ни мое мнение, ни мнение Лазаруса не имеют значения для истины. Мы такие, какими являемся, вот и все! Но у нас сейчас полно работы. Лазарус, так что же все-таки произошло?

— Дождемся Дийти и мальчиков, чтобы не повторяться. А где Джейн Либби?

— Здесь, дядя Буди! — отозвалась обнаженная девушка, очень похожая на...

(Ну ладно, я кончаю рассуждать о фамильном сходстве, красно-рыжих шевелюрах и прочих чертах, а также о наличии или отсутствии одежды на людях. На Терциусе, благодаря климату и обычаям, одежда необязательна, и ее большей частью носят в публичных местах, реже — дома. В доме Лазаруса Лонга мужчины были все же более одеты, чем женщины, хотя жесткие правила и здесь не соблюдались.)

Красно-рыжие волосы на Терциусе были явлением обычным, тем более в семье Лонгов. Наверное, здесь сказывался эффект «племенного барана» (как выражаются айовские скотоводы). Но он шел не только от Лазаруса и не имел отношения к некоторым другим лицам, например, к тем же Элизабет-Эндрю-Джексон-Либби-Лонг и Дея Торис (Дийти) Бэрроуз-Картер-Лонг. По-видимому, «рыжина» в семействе Лонгов шла еще от одного источника, который я пока что не мог определить.

Люди, приверженные теории «Гильгамеша», отмечают, каким образом и куда распространяется рыжая окраска волос: из Двуречья она проникла в Рим, Ливан, Южную Ирландию, Шотландию... и даже, если быть точным, шла от Иисуса к Джефферсону, а от Барбароссы — к Генриху Восьмому.

Фамильное сходство Лонгов вряд ли могло бы так долго поддерживаться без вмешательства науки, вернее — без усилий доктора Иштар, генетика семьи. Кстати, сама Иштар была не так уж похожа на свою дочь Лэз, ибо «генетической матерью» той являлась не она, а Морин.

То, о чем я только что поведал, мне сообщили позднее, но привожу это здесь, чтобы поскорее отделаться.

Тот сонм математиков составляли: Либби Лонг, Джейк Бэрроуз, Джейн-Либби-Бэрроуз-Лонг, Дийти-Бэрроуз-Картер-Лонг, Минерва Лонг, Виверелл Лонг, Пифагорас-Либби-Картер-Лонг и Архимедас-Картер-Либби-Лонг (именуемые Питом и Арчи). Первого из них породила Дийти, второго — Либби, причем Дий-

ти явилась «генетической матерью» каждого из них, а Либби — их «генетическим отцом». (Я лично отказываюсь вникать в подобное, пусть над этой задачкой поломают головы студенты!) Должен назвать еще одного человека, Максвелла-Бэрроуз-Бэрроуз-Лонга, и наконец сделать вывод: все эти «судьбоносные» генетические комбинации осуществлялись под строжайшим контролем Иштар и имели целью усиление математического гения без пагубных побочных эффектов.

Наблюдение за работой поименованных гениев вызывало почти тот же азарт, какой испытывают зрители шахматного матча. Впрочем, здесь имелась и своя особая специфика.

Первым делом Лазарус заставил всех прослушать показания Гэй, которые та передала через устройства связи Доры. Присутствовавшие внимательно изучили аудиовизуальные записи взрыва, затем опросили Зеба и Хильду об их субъективных ощущениях. Хильда сказала, что, по ее впечатлению, взрыв сперва вызвал сотрясение, а затем уже вспышку (что не вполне вязалось с моими «физическими понятиями»!). Доктор Джейк практически не мог ничего сказать о своих ощущениях, поскольку был занят показаниями приборов и контролировал перевод устных распоряжений в телесигналы управления. Предпоследним приказом был возглас: «Проваливай отсюда!» — после чего Гэй вернулась домой. И ничего больше Бэрроуз, занятый приборными верньерами, заметить не смог. Он это изложил, как бы извиняясь.

Показания Дийти были столь же скупы:

— Приказ «проваливать отсюда» предшествовал следующему взрыву на какую-то долю секунды,— после настойчивых вопросов она «уточнила»: — Около одной миллисекунды.

Бэрроуз посоветовал ей почаще общаться с часами, в ответ на что Дийти высунула язык.

Молодой человек (действительно юный) по имени Пит, высказался так:

— Голосую за базовое определение: «Неудовлетворительные исходные данные». Поэтому я полагаю, что необходимо установить «розетку» наблюдателей вокруг места происшествия, разместив ее во времени, предшествовавшем самому событию, чтобы

понять, что же тогда все-таки произошло, прежде чем решить — насколько близко от мгновения взрыва следует начать спасательные работы.

Джейн Либби спросила:

— А был ли после приказа «проваливать» физически виден взрыв сверхновой бомбы, или его изображение просто транслировала Гэй? И как все это соотносится с отметкой времени в контрольном пункте Бета? Вопрос: установлено ли экспериментально, что телепортация была мгновенной, с нулевым временем перемещения... или такая констатация базируется на эмпирических субъективных впечатлениях?

Дийти заметила:

— Джей-Элл*, к чему ты ведешь, душенька?

Я был как бы «заключен в скобки» между ними двумя. Они переговаривались «поверх меня», конечно, не ожидая никаких моих соображений по обсуждаемому вопросу, хотя я был таким же свидетелем, как и они!

— Мы пытаемся определить оптимальный момент для эвакуации Ти-Эйч-Кью, не так ли?

— Так-то так. Но почему бы просто не запланировать упреждающую эвакуацию, определить ее время и начать с заделом «минус энное количество часов — плюс тридцать минут»? Тогда мы всех переместим сюда, и никаких забот о потере времени не будет! Нам станет наплевать на эти потери!

— Дийти, ты что же это, предлагаешь спровоцировать парадокс, после которого твоя голова окажется в твоей заднице? — прокомментировал Бэрроуз.

— Па! Это неделикатно, грубо и вульгарно!

— Зато совершенно точно по смыслу, моя милая глупая дочурка! А теперь подумай, как тебе выбраться из собственной ловушки?

— Элементарно. Я же исхожу из возможности «опасного завершения», а не спасения. Мы заканчиваем спасение с резервом времени в тридцать минут, а затем перемещаемся в любое пустое пространство любой подходящей вселенной, скажем, на ту орбиту Марса, к которой мы так часто прибегаем, затем поворачиваем

назад и вновь входим в нашу вселенную на минуту позднее начала операции...

— Неуклюже, но не лишено смысла.

— Я люблю простые решения. И стараюсь их использовать.

— Я тоже. А что, есть ли у кого-нибудь сомнения в определении нужного нам отрезка времени?

— Черт возьми, да!

— Ну-ка давай. Арчи!

— Поскольку пространство может быть заминировано с вероятностью в ноль целых девятьсот девяносто семь тысячных, вопрос в том, как оно заминировано? И кто же наш враг? Зверь? Повелитель Галактики? Боскон? А может, это прямая акция другой группы, изменяющей ход истории? Неважно, с кем это согласовано. А может,— не смейтесь! — мы столкнулись с Автором? Решение касательно исходной временной точки зависит от нашей тактики, а она может нечаянно подыграть противнику. Поэтому мы обязаны дождаться ответа того большого мозга, что спрятан за этой дверью. Пусть он решит, против кого мы боремся?

— Нет,— возразила Либби Лонг.

— В чем я не прав, мама? — спросил юноша.

— Мы должны смоделировать все возможные комбинации, милый, и найти решение для каждой, и только после этого воткнуть числовые результаты в сценарий, предложенный нам «рассказчиком».

— Нет, Либ, тебе придется проспорить в течение пары сотен жизней о том, прав или не прав «большой мозг»,— возразил Лазарус.— Это недопустимо. Мы собрались здесь и должны сами найти правильный ответ, даже если поиск займет десять лет. Леди и джентльмены, речь ведь идет о наших коллегах, чья потеря невосполнима. Черт возьми, поэтому мы просто обязаны найти правильное решение!

Я сидел там, ощущая себя полным дураком, но в мое сознание вползала мысль о том, что они всерьез обсуждают, как спасти всех жителей, оборудование, архивы поселения, которое на моих собственных глазах испарилось час назад! И еще я понимал, что им ничего не стоит спасти и само поселение, просто переместив

его из пространства, где оно располагалось, в другое место, но сделать это до того, как его уничтожили бомбой! Я слушал их спор о том, как это сделать и как рассчитать потребное время, чтобы не спровоцировать пространственно-временной парадокс. Так что же, выходит, они отказывались его просто спасти, хотя поселение Ти-Эйч-Кью стоило биллионы крон? Да нет же! Просто противник, кто бы он ни был — Зверь Апокалипсиса, Повелитель Галактики (о Господи!) или кто там еще,— обязан думать, что победил, и никак не должен допустить мысли о том, что гнездо опустеет и птичка улетит загодя!

И вдруг я почувствовал знакомое — коготки на левой ноге; оказывается, это снова по «вертикальной оси» жаждал вскарабкаться вверх лорд Пиксель. Я наклонился, схватил его и водрузил на стол.

— Пиксель, ты как здесь оказался?

— Мурр-р.

— Ну да, конечно. Вышел в сад, прошел через его западное крыло (а может, обошел лужайку кругом?) и влез... в запечатанный космолет? А может, заслонка была опущена? Так как же ты нашел меня?

— Мур.

— Это же «шредингерова кошка»,— сказала Джейн Либби.

— Тогда Шредингеру лучше забрать ее, пока она не потерялась и не получила травмы.

— Да нет же. Пиксель не принадлежит никакому Шредингеру! Он еще не выбрал себе хозяина, впрочем, кажется, все же выбрал вас. Как вы считаете?

— Нет, не думаю... хотя, может, и так.

— А я думаю, что именно так. Я уже видела, как Пиксель карабкался к вам на колени сегодня днем. А теперь он приложил так много усилий, чтобы вас разыскать! Я думаю, вы с ним каким-то образом связаны. Вы что, любите кошек?

— Очень! И если Хэйзел мне позволит...

— Позволит. Она сама кошатница.

— Надеюсь.

Пиксель устроился на моем блокноте и принялся умывать мордочку, уделяя особое внимание чистоте ушек.

— Скажи, Пиксель, я твой человек?

Он на довольно долгое время прекратил умывание и с чувством произнес:

— Мурр-р!

— Олл райт, заметано! Оплачиваю вербовку и содержание, гарантирую медицинские услуги, выходной каждую вторую среду при условии примерного поведения... Джейн Либби, так что там насчет Шредингера? Он-то как в это дело встрял? Сообщите ему, что Пиксель уже завербован.

— У нас нет никакого Шредингера, он мертв уже две дюжины веков. Он один из группы древних немецких «натурфилософов», которые так блистательно ошибались во всем, что исследовали. Это и Шредингер, и Эйнштейн, и Гейзенберг, и... А может, они жили как раз в вашей Вселенной? Я знаю те ответвления Мультивселенной, в которых их не было, но в вопросах «параллельной истории» я не слишком-то сильна,— она, как бы извиняясь, улыбнулась.— Наверное, теория чисел — единственное, что я по-настоящему знаю. Правда, я еще хорошая повариха!

— А спинку тереть вы умеете?

— Я лучшая терщица спин в Бундоке!

— Джей-Элл, ты понапрасну теряешь время,— заметила Дийти.— Хэйзел ни за что не выпустит из рук поводок!

— Но, тетя Дийти, я же вовсе не заманиваю его в постель!

— Не заманиваешь? Тогда ты тем более теряешь время! Нука, подвинься и пусти меня к нему. Ричард, вы питаете склонность к замужним женщинам? Мы тут ведь все замужем!

— О-о, это карается Пятой поправкой!

— Я вас поняла, но в Бундоке о ней никто и слыхом не слыхивал. Так вот, эти немецкие математики не из вашего ли мира?

— Если только мы говорим об одних и тех же личностях, то у нас имелись Эрвин Шредингер, Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг...

— Да, это именно та самая компания. Они были приверженцами так называемого «мысленного эксперимента», то есть утверждали, что все на свете может быть постигнуто умозрительно. Несчастные богословы! Джейн Либби начала говорить нам о

«кошке Шредингера», то есть том самом «мысленном эксперименте», призванном прояснить сущность события. Джей-Элл!

— Просто глупая затея, сэр! Заприте кошку в ящик. И угадайте, сдохла она или нет из-за наличия там изотопа с периодом полураспада в один час. Как узнать в конце часа, жива ли кошка? Оказывается, это вероятностная задача. Шредингера устраивает величина статистической вероятности того и другого ответа. В те времена теория вероятности почиталась как наука! А ведь кошка ни жива, ни мертва, пока кто-нибудь не откроет ящик. И это совершенно не зависит от всяких там мутных вероятностей!

Джейн Либби пожала плечами, что породило множество удивительно динамичных колебаний частей ее тела!

— Мурр-р...

— А кто-нибудь додумался спросить саму кошку?

— Богохульство! — констатировала Дийти.— Ричард, ваш вопрос «научен» в истинно немецком вкусе! Нельзя разрешать проблемы столь грубым образом. Но во всех случаях Пиксель получил название «шредингеровой кошки», тем более, что он умеет проходить сквозь стены.

— Нет, в самом деле? А как он это делает?

— Вообще-то, это невозможно,— ответила Джейн Либби,— но он слишком юн и не знает о невозможности. Поэтому и умудряется проходить. Во всяком случае, он не высказывал никакой осведомленности. К тому же, он так страстно охотился за вами! Дора...

— Что-нибудь нужно, Джей-Элл? — ответил корабль.

— Вы не засекли, как это котенок попал на борт?

— Я засекаю все. Он не утрудил себя общим входом, а прошел прямо через мою шкуру. Мне стало от этого щекотно. Не голоден ли он?

— Возможно.

— Я приготовлю ему что-нибудь. Он достаточно взрослый для твердой пищи?

— Да, но без комков. Лучше детское питание.

— Я мигом!

— Милые леди,— сказал я.— Джейн Либби употребила слова «блистательно ошибались», касающиеся упомянутых немецких

физиков. Я надеюсь, вы не включаете в эту рубрику Альберта Эйнштейна?

— Разумеется, включаем,— резко бросила Дийти.

— Удивлен. В моем мире Эйнштейн окружен ореолом.

— А в моем сжигаются его изображения! Альберт Эйнштейн объявил себя «поборником мира» и был в этом нечестен. Когда «забодали его собственного быка», он забыл все «пацифистские принципы» и всем своим влиянием способствовал созданию первой бомбы, убийцы целых городов. Его теоретические работы вовсе не так уж значительны, тем более что большинство из них приводит к ложным выводам. Но он остался в истории из-за позорного клейма политика-пацифиста, переродившегося в убийцу. Я его презираю!

26

Успех заключается в достижении
вершины пищевой цепи.
Дж. Хэршоу (1906—...)

К тому времени успело появиться детское питание для Пикселя. В блюдечке, которое, как я вначале решил, «вырастил» стол. Но я не мог бы в этом поклясться, скорее, оно просто «возникло». Кормление котенка дало мне передышку на то, чтобы поразмышлять.

Страстное обличение Дийти меня просто потрясло. Те немецкие физики жили и работали в первой половине двадцатого столетия — не так уж давно, с точки зрения времени, в котором я раньше существовал, но по-тертиански (а они претендовали на то, чтобы я им верил) все же — давным-давно, «две дюжины веков назад», как сказала Джейн Либби.

Так почему эта легкомысленная молодая леди, доктор Дийти, настолько эмоционально говорила о давно умерших немецких мудрецах? Я лично знаю лишь одно событие, произошедшее в моем мире две с лишним тысячи лет назад, которое до сих пор

люди воспринимают с волнением... да и то едва ли в самом деле имело место!

И я начал составлять мысленный список вещей, которые не укладывались в моей голове: утверждение о возрасте Лазаруса; длинный перечень «смертельных недугов», которыми я якобы переболел; полдюжины вариантов «судьбоносных» событий высадки на Луне первых космонавтов; наконец, сам по себе Терциус. Был ли он на самом деле такой странной планетой на огромном расстоянии от Земли в пространстве и времени? А может, это всего лишь «потемкинская деревня» где-нибудь на южно-тихоокеанском острове? Или даже в Южной Калифорнии? Я ведь так и не увидел города, именуемого Бундоком (с населением около миллиона жителей, как меня уверяли). Я лично видел и общался не более чем с пятнадцатью. А другие жители города — не являлись ли они просто голословно упоминаемым фоном в «потемкинском» спектакле?

(Смотри, Ричард, как бы тебе снова не свихнуться! Так сколько надо вкусить «Леты», чтобы мозги стали по-настоящему протухшими?)

— Дийти, мне кажется, вы слишком круто отозвались о докторе Эйнштейне!

— У меня есть на то основания!

— Но он ведь жил так давно. Две дюжины веков назад, как выразилась Джейн Либби?

— Это «давно» для нее, но не для меня!

Тут подал голос доктор Бэрроуз:

— Полковник Кэмпбелл, я понял, что вы считаете нас всех коренными тертианами! Вы не правы. Мы такие же эмигранты из двадцатого века, как и вы. Под словом «мы» я подразумеваю себя, Хильду, Зебадию и мою дочь Дийти. (Но не мою дочь Джейн Либби. Она, Джей-Элл, родилась уже здесь.)

— Ты снова о доме, папа? — покачала головой Дийти.

— Он только чуть-чуть,— заметила Джейн Либби.

— Да нет, он уже «коснулся порога». Мы же не можем ему это запретить?

— И не имеет смысла. Если папа «пошел», его не удержишь.

Я ничего не понял из этого диалога, но у меня самого сложилось убеждение, что все тертиане определенно чокнутые (по айовским меркам!).

— Доктор Бэрроуз, но я сам ведь не из двадцатого века, я родился в 2133 году.

— Отсюда это кажется достаточно близким. Мы, видимо, принадлежим к разным временным каналам, к «расходящимся» вселенным. Но и я, и вы говорим с одним и тем же акцентом, на том же диалекте английского, с тем же словарным запасом. И точка разветвления, начиная от которой наши миры пошли по разным линиям, лежит не в таком уж далеком прошлом для нас обоих. Кто у вас первым достиг Луны и когда?

— Нэйл Армстронг, 1969 год.

— О, *тот* мир! У вас были там свои неприятности. Но у нас они тоже были. Для нас первая высадка на Луне состоялась в 1952 году. Корабль ХМААФС «Розовый коала» вел Бэллокс О'Мэйли,— доктор Бэрроуз посмотрел в потолок, потом оглядел стол.— Лазарус! Вас что-то тревожит? Блохи? Крапивница?

— Если вы со своими дочерьми не желаете работать, то поищите другое место для болтовни. Можете выйти вот в ту дверь. Рассказчики и историки не очень способны охотиться за кроликами. Полковник Кэмпбелл, я полагаю, вам тоже удобнее было бы кормить котенка не здесь. Я имею в виду освежитель, примыкающий к моим апартаментам.

Дийти резко отреагировала:

— Ох, отстали бы вы от нас, Лазарус! Вы несносный сварливый старик. Ведь математика, поглощенного работой, ничем не проймешь. Поглядите на Либби — вы можете сейчас разорвать над ее головой хлопушку, она даже бровью не поведет! — Дийти перевела дух.— Вуди-бой, вы нуждаетесь в срочном повторном омоложении, иначе станете совсем мерзким старым хрычом. Пошли отсюда, Джей-Элл!

Доктор Бэрроуз тоже встал, поклонился всем и произнес:

— Не извините ли вы меня?

Он удалился, не глядя на Лазаруса. Атмосфера была накалена, и стало ясно: если не развести двух старых буйволов, они могут сцепиться рогами.

А может, буйволов было три, ибо и я тоже разъярился: меня шуганули из-за котенка, безо всякого иного повода. Я был зол на Лазаруса уже в третий раз за этот день. Не я же принес сюда кошку, да и еду для нее сотворил собственный компьютер Лазаруса!

Я встал, обвил рукой Пикселя, другой поднял его блюдце и тут сообразил, что не подвесил трость к запястью. Джейн Либби, заметив заминку, взяла у меня котенка и стала его баюкать. Я пошел за ней, опираясь на трость и неся блюдце с детским питанием. И тоже старался не встретиться с Лазарусом глазами.

Проходя через отсек за залом, мы увидели Хэйзел и Хильду. Моя жена помахала мне рукой и похлопала по сиденью рядом, приглашая сесть, но я покачал головой и прошел дальше. Тогда она встала и последовала за нами, а за ней двинулась и Хильда. Мы никоим образом не помешали тем, кто сидел там и слушал лекцию доктора Хэршоу, мы просто тихо прошли через отсек.

Одним из восхитительно декадентских, сибаритских аспектов жизни на Терциусе было качество тамошних «освежителей» — если можно их назвать столь расхожим словом. Позвольте мне, не вдаваясь в технические характеристики еще недостаточно знакомого мне оборудования, просто описать все то, что мог обеспечить роскошный тертианский освежитель Доры (а Лазарус, ее хозяин, я был уверен, один из богатейших людей Терциуса). Так вот, «освежитель» может стать вашим любимым пабом, салуном, баром, финской сауной, и даже... японской баней. Вам нравится горячий фен с массажем? Извольте. Любили ли вы в юности ледяную кремсоду? Отведайте! Или мороженое? Пожалуйста! А может, вы бы хотели поплескаться в бассейне в веселой компании? Ради бога! А музыка? А стереоизображения? Острые ощущения? Книги, журналы, кассеты? А может, вам просто свернуться клубочком в теплом, мягком, пушистом уголке в одиночестве или с кем-нибудь?

Возьмите все, что перечислено, хорошенько перемешайте и поместите в огромную, красивую, продуманно освещенную комнату. Но мой список слишком беден, чтобы охватить все, что мог предоставить этот «общественный» освежитель, расположенный вне апартаментов Лазаруса, хотя и рядом с ними. И я еще не сказал о самом важном, что (или кто) сопровождало вас там. О Доре.

Если есть на свете прихоть, которую не мог бы утолить корабельный компьютер, то я не возьмусь ее описывать.

Но я не сразу постиг все роскошества этого помещения, поскольку меня отвлекли заботы о котенке. Я сел за средних размеров круглый стол (где могла бы вполне разместиться компания из четырех собутыльников), поставил на него блюдечко, а Джей-Элл, тоже сев, пододвинула его к Пикселю. Бэрроуз присоединился к нам.

Котенок фыркнул на еду, которую за минуту до этого жадно поглощал, затем всем своим видом изобразил полное ее неприятие. Тогда Джей-Элл заметила:

— Дора, мне кажется, он хочет пить.

— Назовите что. Малым созданиям не разрешается никакого алкоголя, кроме пива, и то разве только в лечебных целях.

— Перестаньте дурачиться, Дора, а то полковник Кэмпбелл почти уже поверил. Давайте предложим ребенку воду и цельное молоко. По отдельности, причем теплые, с температурой крови кошек, которая равна...

— Тридцать восемь и восемь десятых градуса. Я мигом.

Хильда окликнула Джей-Элл из ванны, вернее, бассейна, находящегося в нескольких метрах от нас.

— Джей-Элл, иди сюда, окунись, дорогуша. У Дийти свежая сплетня.

— Уф,— девушка озабоченно посмотрела на меня.— Полковник Кэмпбелл, вы сможете самостоятельно позаботиться о котенке? Чтобы как следует напоить Пикселя, надо будет макать пальцы в жидкость и давать ему слизывать.

— Ладно, постараюсь.

Котенок очень одобрил питье таким способом, хотя мне показалось, что, пока уровень жидкости в блюдечке снизится на десять миллиметров, я успею состариться и умереть. А Пиксель вовсе и не спешил...

Хэйзел, выйдя из бассейна, подошла к нам и, мокрая, села рядом. Я осторожно прикоснулся к ней губами и заметил:

— Ты совсем намочишь кресло!

— Не беспокойся о нем. Так что там еще выкинул Лазарус?

— Его мать...

— Твой ответ выразителен, но бессодержателен. Так что же?

— Я, наверное, все же слишком сильно реагирую на его выходки. Ты лучше спроси доктора Бэрроуза.

— Джекоб?

— Нет, Ричард разозлился не напрасно. Лазарус продолжает свои штучки. Он повел себя оскорбительно по отношению к нам четверым. Начнем с того, что не его дело наблюдать за работой секции математиков, поскольку сам он не математик и ни о каком профессиональном «наблюдении» речи быть не может. Во-вторых, каждый из нас знает специализацию остальных членов секции, и мы никогда не лезем в работу друг друга: каждый занят своим. В-третьих, я и мои дочери всегда работаем в режиме «двухуровневой медитации», то есть размышляем о проблеме, одновременно обсуждая как бы посторонние темы. Так вот, Лазарус взял и выкинул нас за это. Он решил, что я, Дийти и Джейн Либби отклоняемся от его повестки дня. Это крайне неразумно и по меньшей мере неосторожно. Но, Хэйзел, я обуздал себя и не полез в драку, можете мной гордиться.

— Я и так всегда горжусь вами, Джейк! Имея дело с Лазарусом, вы должны следовать совету Уинстона Черчилля: стоять на пальцах его ног до тех пор, пока он не запросит пощады. Лазарус не способен оценить хорошие манеры. А на Ричарда он почему же взъелся?

— Запретил ему кормить кошку на столе в конференц-зале. Смешно, будто этому столу повредило бы, даже если бы котенок на него пописал.

Хэйзел покачала головой, разозлившись. Это выражение не шло ей.

— Лазарус всегда был грубой кочерыжкой, но с тех пор как мы запустили в дело этот проект — я имею в виду «Повелителя»,— он становится все более несносным... Джекоб, а не сообщила ли ваша секция какие-нибудь мрачные новости?

— Да... кое-какие. Но самая большая трудность заключается в том, что наша долгосрочная программа слишком расплывчата и туманна. И это может свести с ума кого угодно, ибо, если разруша-

ется город, это конкретная трагедия, острая и тошнотворная. Но если уж покушаться на ход истории и стараться его изменить, то, открывая новые временные каналы, мы обязаны их начало располагать в точках, предшествующих разрушению городов! — он поглядел на меня.— Вот почему так важно спасение Адама Селена!

Я решил сыграть дурака (почему-то эта роль мне удается!).

— Для того, чтобы улучшить нрав Лазаруса?

— Косвенно — да. Необходим компьютер-надзиратель, способный руководить и программами, и мониторингом других крупных компьютеров при создании мультивселенских проектов. Самый большой на сегодня компьютер, которым мы располагаем,— это Афина, или Тийна. Ее близнец смонтирован на Секундусе. Все общественные функции на Терциусе почти полностью автоматизированы и надежно застрахованы дублирующими программами, так что Тийне необходимо лишь упреждать и гасить неисправности. Но то, о чем я говорю,— задача несравненно большего масштаба, которая была бы по плечу только такому мыслителю, как «Холмс-IV» — Адам Селен, он же Майк. Благодаря странному стечению обстоятельств Майк рос не переставая (никто не подумал об оптимизации его размеров). Его необычайный интеллект задумал беспрецедентную акцию: Лунную Революцию, разработанную до таких мельчайших деталей, которые обычному человеческому гению охватить было бы не под силу. Так считает и моя дочь Дийти, а она ведь программист экстракласса. Вот почему мы нуждаемся в программах, которые разработал Адам Селен, поскольку мы сами не можем их создать.

Хэйзел бросила взгляд на бассейн.

— Держу пари, Дийти вполне могла бы это сделать, если ее как следует обязать.

— Спасибо, дорогая, за такую оценку моей дочери. Ей вовсе не свойственна ложная скромность, и если бы у нее был самый малый шанс, она бы давно его использовала, без всякого давления. Она и так работает в полную силу, и лишь благодаря этому у нас богатейший банк программ.

— Джекоб, мне страшно не хочется говорить одну вещь,— произнесла Хэйзел с трудом,— возможно, я не должна была бы...

— Тогда и не говорите!

— Нет, надо выговориться, это меня мучает... Папа Мэнни не питает оптимизма насчет результатов нашей акции. Даже если нам удастся заполучить все программы и хранилища памяти, составляющие личность Адама Селена, вряд ли саму эту личность удастся восстановить. Майк, старый друг моего папы, во время последних боев за Независимость получил такие тяжкие повреждения (я эти ужасные бои помню и сейчас!), что впал в состояние компьютерной кататонии и никогда больше не пробудится. В течение многих лет, имея доступ в Правительственный Комплекс Луна-Сити, папа пытался его оживить, но тщетно. Он не представляет, можно ли будет этого добиться, переместив Майка сюда. Он так его любил и вложил столько страсти, но теперь он потерял надежду.

— Когда вы увидите Мануэля, Хэйзел, подбодрите его, скажите, что Дийти кое-что придумала.

— Неужели? Боже, как я на это уповаю!

— Дийти увеличивает информационную емкость Тийны, снабжая ее изрядным количеством новых свободных ячеек памяти и расширяя ее возможности манипулирования. Она собирается как бы уложить Майка «в постель» с Тийной и рассчитывает, что это поможет его пробудить. Мы откажемся от надежды только тогда, если не поможет и это.

Моя любимая сперва испугалась, но потом рассмеялась.

— О да, я надеюсь, что это-то сработает!

Она вернулась в бассейн, а я наконец услышал от Бэрроуза, почему все-таки его дочь Дийти так эмоционально поносила отца атомной бомбы. Оказалось, что она, да нет, все они вчетвером видели, как их собственный дом был стерт с лица земли атомной (или термоядерной?) бомбой. Последнего Джейк не стал уточнять.

— Полковник, одно дело читать заголовки и слышать об этом в программе новостей, и совсем другое, когда ваш собственный дом накрывает атомный гриб! Мы лишились всего, но даже не это самое страшное. Получилось так, что мы оказались полностью стерты из самого хода времени. В нашем тогдашнем временном канале не осталось ничего, указывающего на то, что мы четверо — я сам, Хильда, Дийти и Зеб — когда-либо существовали!

Исчезли все дома, где мы когда-то проживали, все связанное с нами стерлось безо всяких рубцов...

Он выглядел одиноким, как Одиссей, когда заговорил снова:

— Лазарус послал за нами оперативников-спасателей Корпуса Времени... Дора! Можно мне поговорить с Элизабет?

— Говорите.

— Либ, душенька. Разместите ту «розетку», о которой говорил Пит (или это говорил Арчи?). Отмените предыдущие установки надзора. Вернитесь на три года назад. Эвакуируйте.

— Джекоб, что, создаем парадокс?

— Именно. Сверните эти три года в петлю, сожмите ее потуже и отбросьте подальше. Проверьте возможности.

— Проверю, дорогой. Еще что-нибудь?

— Нет. Пока все.

После этого Бэрроуз как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ:

— Так вот, он послал своих оперативников-спасателей в наш временной канал, чтобы они меня оттуда изъяли в любой момент промежутка времени от моего рождения до пятидесяти лет, то есть до той самой ночи, когда мы бежали, спасая наши жизни. Вот нас четверых и изъяли, и так получилось, что мы словно бы и не рождались никогда. И я, и Зеб служили в армии и занимались наукой. Но ни в военных, ни в академических архивах наших имен больше нет. Остались все записи, касающиеся моих родителей, кроме тех, где говорится, что у них был сын Джекоб. Полковник, в дюжинах дюжин документов, в которых хоть словом упоминаются граждане Соединенных Штатов Америки двадцатого века, нет наших имен! И никто не знает, что мы когда-то были...— Бэрроуз тяжело вздохнул.— Но Гэй Десейвер в ту ночь не только спасла наши жизни, она спасла самую нашу суть. Акция «изъятия» была совершена настолько быстро, что Зверь потерял наш след... Чего тебе, дорогая?

Около нас стояла Джейн Либби, с нее стекали струйки воды, а глаза ее были круглыми, как плошки.

— Па!

— Ну говори, детка!

— Те «розетки наблюдателей», о которых говорил Пит, должны быть установлены намного раньше — за десять лет или даже больше. Затем, как только они засекут момент, когда «Повелитель», или кто там еще, начнет сам наблюдать за Ти-Эйч-Кью, следует немного сдвинуться назад и эвакуировать. Свернуть в петлю, переместить — и они никогда не сообразят, что мы обошли их с флангов! Я посоветовалась с Дийти, та считает, что это возможно. Как ты думаешь?

— Думаю, ты права. Давай, пусть твоя мама внесет это предложение. Дора, пожалуйста, соедините меня с Элизабет.

Ничто в его лице или манере держаться не говорило о том, что он за минуту до этого предложил тот же самый план (насколько я мог об этом судить).

— Элизабет? Послание с площадки настольного тенниса. Джейн Либби предлагает разместить эти «розетки» в точке «минус десять лет», поймать первый случай наблюдения за штабом, отойти назад, ну, скажем, на три года, эвакуировать, сжать в петлю, залатать дыру. Я и Дийти тоже считаем, что должно сработать. Пожалуйста, занесите предложение в актив Джей-Элл и добавьте еще два голоса «за» — мой и Дийти.

— И мой тоже!

— У вас проворные детишки, миссис!

— У них гены шустренького папулечки, сэр! Но они еще и хорошие детишки, не так ли? И для своих отпрысков и для будущих супругов. Все?

— Все,— Бэрроуз прибавил, обращаясь к ожидавшей девушке: — Твои родители гордятся тобой, Дженни! Я предсказываю, что в течение ближайших минут математическая секция разродится единодушно принятым решением. Тем самым отметаются любые возражения Лазаруса — решение будет принято единогласно! И никто не узнает, кто его инициатор — авторства не будет. И лавров тоже не будет. Ты это учла?

Джейн Либби выглядела так, словно ей только что вручили Нобелевскую премию.

— Учла. Но проблема заключалась только в безопасной эвакуации, остальное — наносное и сверх программы.

— У тебя это «наносное» звучит почти как «жульническое»! Ты собираешься ужинать? Или желаешь снова погрузиться в свое корыто? Или и то и другое? Но тогда почему бы тебе не затащить туда и полковника Кэмпбелла, прямо в одежде? Дийти и Хильда охотно тебе помогут, да и Хэйзел, я полагаю, тоже.

— Ну-ну, погодите-ка! — запротестовал я.

— Неженка!

— Полковник, папочка шутит, мы не собираемся вас принуждать!

— Черта с два я шучу! — рявкнул Бэрроуз.

— Тогда сперва затащите в бассейн папочку, для затравки. Если он останется цел, то и я спокойно полезу.

— Мурр-р!

— Вы еще смотрите за этим котенком?

— Дженни, детка!

— Да, папочка?

— Подсчитай-ка, сколько порций землянично-солодового молока, сколько сосисок и других неразумных вкусностей нам понадобится. А пока ты с Дорой этим займешься, я повешу одежонку в кабинку, и полковник — если рискнет — сделает то же самое... Но, полковник, там же собралась хулиганская и взрывоопасная шайка: Хильда, Дийти, Хэйзел и Дженни! Кто же позаботится о вашем животном?

Спустя час Дора (голубоватый путеводный огонек) повела нас в наши покои. Хэйзел несла котенка и плошку, я волок одежду, другую плошку и трость, а еще — ее сумку. Ощущение приятной усталости нисколько не отменяло радостного предчувствия постели с собственной женой. Она так долго не лежала со мной рядом! На мой взгляд, мы потеряли целых две ночи. Не так уж много для давно женатой пары, но чрезмерно — для новобрачных. И мораль отсюда такова: не давай бандитам повалить тебя наземь во время медового месяца!

А с ее точки зрения мы потеряли... месяц?

— О лучшая из девушек, сколько же длилась наша разлука? Те самые «Поля Леты» совсем подорвали мое восприятие времени.

Хэйзел заколебалась.

— Это длилось... тридцать семь тертианских дней. Будем считать, что для тебя это составило пару недель. Ладно, пару ночей... поскольку в последний раз, когда я лежала с тобою рядом, то есть вчера, ты прохрапел всю ночь напролет! Увы! Можешь меня возненавидеть за это, но не слишком сильно (так же, как это делаю я). Зато здесь у нас свой дивный крошечный закуток!

Как бы не так — «крошечный закуток»! Он был больше моей «роскошной квартиры» на спутнике, не говоря о том, как обставлен и какая в нем кровать.

— Жена, мы выкупались в комнате игрищ Лазарусова Тадж-Махала. Слава богу, не надо было ни отстегивать, ни пристегивать ногу, что позволило мне спокойно позаботиться о некоторых своих отправлениях. Поэтому, если у тебя остались еще какие-то дела, совершай их поскорее, а то я изнываю от нетерпения!

— Никаких дел. Только Пиксель.

— Ладно, поставим ему плошки в освежителе, запрем его и выпустим потом.

Так и сделав, мы отправились в постель. И это было восхитительно, а подробности никого не касаются!

Немного позднее Хэйзел заметила:

— Мы были вместе...

— Мы и сейчас вместе!

— Я имею в виду — Пикселя!

— Да, знаю. Он устроился на моих лопатках уже давно, но я был слишком занят, к тому же лорд почти невесом, поэтому я и не стал его сгонять. Ты не могла бы снять котенка с меня, чтобы не повредить ему, когда мы будем «расцепляться»?

— Конечно, могла бы. Но не спеши, Ричард, ты такой хороший мальчик! Мы с Пикселем решили оставить тебя в этой позиции.

— Еще чего! Вам это не удастся!.. Любимая, ты как-то странно выразилась: «тридцать семь тертианских дней»... А какие же еще были дни?

Она серьезно посмотрела на меня.

— Ричард, для меня это длилось дольше.

— Я так и предполагал. Как долго?

— Около двух лет. Земных.

— Будь я проклят!

— Но, милый, пока ты болел, я возвращалась к тебе каждый день: тридцать семь раз я каждое утро посещала твою палату в госпитале, в точности как и обещала! И ты меня всякий раз узнавал, улыбался, рад был видеть, но Лета тут же стирала из твоей памяти каждый момент, каждое событие. Ежевечерне я удалялась и отсутствовала около трех недель по земному времени, но в тот же вечер Терциуса (позднее) возвращалась назад. Это был довольно-таки трудный график для меня, но Гэй Десейвер совершала по два полета каждый вечер, отвозя и привозя меня. А на борту были либо две пары близнецов, либо Хильда со своей командой... Разреши мне встать, милый, я вместе с Пикселем загляну в освежитель.

Мы вскоре вновь поудобнее устроились в постели.

— Что же ты делала во время этих отлучек? Таких долгих?

— Выполняла «полевые задания» Корпуса Времени. Проводила исторические изыскания.

— Я все еще не разобрался, чем же занимается этот Корпус? Неужели с твоими «изысканиями» нельзя было подождать до тех пор, пока я не поправлюсь? Мы бы тогда занялись ими вместе. Но, может, я не гожусь для этого, может, мои мозги не так повернуты?

— И да и нет. Я и сама раньше просила прикомандировать тебя ко мне. А за это время я пробовала, Ричард, проследить, что же случится с нами после того, как мы организуем спасение Адама Селена?.. Компьютера Майка?

— И что же ты обнаружила?

— Ничего! Никаких чертовых следов нашего существования! Я установила, что после этого события пошли два временных канала, и я прочесала каждый из них на четыре столетия вперед. Я искала везде: на Земле, на Луне, в нескольких колониях и поселениях. И везде говорили, что мы были, что мы выиграли, или наоборот — не смогли и погибли. Правда, некоторые полагали, что нас вовсе и не было и что Адам Селен был человеком, а не компьютером...

— Ладно, но пока что мы тут наличествуем и иными, кажется, не стали? Или это уже не мы?

— Не знаю. Я должна там порыскать еще. Я хотела закончить свои изыскания еще до твоего пробуждения, то есть выхода из «Полей Леты».

— А знаешь, маленькое существо, я о тебе неплохого мнения! Ты проявляешь интерес к своему мужу. Да еще к кошкам. Иногда и к другим людям. И... о, впрочем, дальнейшее уже не мое дело!

— Говори, мой миленький, а то я тебя защекочу!

— Не угрожай, я за это тебя прибью!

— Только рискни — я тебя закусаю! Послушай, Ричард, а я-то думала, ты забросаешь меня вопросами. Тем более, что мы наконец одни. Неужели тебе не интересно, как старая карга Хэйзел блюла свое целомудрие в течение двух лет разлуки? А может, ты уже решил, что и вовсе не блюла, и из деликатности эту тему не трогаешь?

— Ну что ты несешь, негодница? Любимая моя, я же лунни, стало быть, у меня соответствующие взгляды на женские привилегии в вопросах секса. Управляют леди, а мужчины смиряются. И так, наверное, к лучшему. Впрочем, если тебе не терпится похвастаться,— валяй, если же нет, давай переменим тему. Но только не предъявляй мне встречного иска!

— Ричард, ты способен разъярить именно тогда, когда наиболее здраво рассуждаешь!

— Ты что же, хочешь, чтобы я тебя допросил?

— Это было бы очень любезно с твоей стороны.

— Повтори мне это трижды.

— Повторяю трижды и трижды обещаю отвечать не лукавя!

— Ты пыталась заглянуть в конец книги. А я хочу знать ее начало. И сократить расследование. Ты являешься членом семейства Лонгов? Да или нет?

Хэйзел задержала дыхание.

— Что заставило тебя так подумать?

— Не знаю точно. В самом деле, не знаю. Это сложилось из множества мелочей, каждая из которых ничего не значит и даже не осталась, может быть, в памяти. Но сегодня вечером, беседуя с Джейком, я вдруг это отчетливо понял. Я не ошибся?

Она вздохнула.

— Нет, ты не ошибся. Мне очень не хотелось взваливать на тебя это знание. Но сейчас я как бы в отпуске от семьи и даже почти не связана с ней. Впрочем, не считай это попыткой оправдания!

— Погоди, это не все. Джейк был одним из твоих мужей...

— Да. Но не забывай — я в увольнении!

— На какое время?

— Пока смерть нас с тобой не разлучит! Я же обещала тебе это на «Золотом правиле». Ричард, исторические записи подтверждают, что наш брак заключен во время важнейшего, «пикового» события... Вот почему я и попросила у семьи развода и получила отпуск-увольнение. Но он может оказаться и бессрочным. Они это знают, как и я. Ричард, я провела здесь все тридцать семь тертианских ночей, но ни разу не ночевала в семье. Я жила у Ксии и Чоу-Му. Они были добры ко мне... И ни разу я не возвращалась к Лонгам. Ни к одному из них — ни к мужчине, ни к женщине. Я хранила тебе верность так, как ее понимаю.

— А я не понимаю, зачем тебе понадобилась эта жертва? Я ведь понял, что ты еще и одна из жен Лазаруса Лонга. Пусть и в «отпуске», но все же — жена. Супруга этого жестоковыйного старого хама! Эй! А что если он попросту ревнует ко мне? Черт возьми, это не только возможно, это же наверняка! Конечно! Он же не лунни, чтобы так просто примириться с «выбором леди»! К тому же он выходец из той культуры, в которой ревность не отклонение, а самая обычная психическая норма. Ну да, и как же я не понял раньше? Вот глупый ублюдок!

— Да нет же, Ричард!

— Точно, *как в свином глазу*!

— Послушай, Ричард, вся ревность испарилась из Лазаруса давным-давно, много поколений назад. Я же была за ним замужем тринадцать лет и имею основания быть в этом уверенной. Нет, милый, он просто неспокоен. Он тревожится. И обо мне, и о тебе, так как знает, насколько опасна наша миссия — не только для нас, но и для Терциуса, а стало быть, и всей семьи. Он же понимает, что такое Мультивселенная и как она уязвима! Лазарус посвятил всю свою жизнь и свое состояние обеспечению безопасности терциан.

— Допустим. Но при всем при том ему не мешало бы быть чуточку цивилизованнее. Воспитаннее. Вежливее.

— Мне бы тоже этого хотелось. Подержи-ка киску, я прогуляюсь по причине пи-пи. А после этого я проголосую за сон.

— Я тоже. За то и за другое. Ох, до чего же восхитительно, встав с постели, прогуляться в туалет не прыжками на одной ноге, а настоящими шагами!

Мы уже засыпали в обнимку, погасив свет. Ее голова покоилась на моем плече, котенок тоже расположился где-то поблизости. Мы уже почти спали, когда она прошептала:

— Ричард... забыла... Эзра...

— Что забыла?

— Его ноги... Когда он впервые пошел... с костылями... через три дня, а для меня — через три месяца. Мы его поздравили, а Ксия — еще и в горизонтали.

— Наилучшие поздравления!

— Она уложила его в постель, сама раздела...

— Славные девочки! Что еще новенького?

Мне показалось, что она совсем проснулась, но она сонно пробормотала:

— Вайоминг...

— Что, дорогая?

— Вайо, моя дочь. Маленькая девочка, игравшая в фонтане... Ты помнишь?

— Да, да! Твоя? Ох, бабуля!

— Ее назвали в честь моей мамы Вайо. Лазарус...

— Она дочь Лазаруса?

— Кажется, да. Иштар говорит, что так. У девочки много хороших генов.

Я попытался представить себе лицо девчушки. Маленький эльф с ярко-рыжими волосами.

— Она очень похожа на тебя.

Хэйзел не ответила. Ее дыхание стало медленным и ровным.

Я почувствовал коготки на своей груди и щекотку в подбородке.

— Мурр-р!

— Тише, малыш! Мама спит.

Котенок сполз пониже и приготовился спать. Итак, этот день завершился так же, как и начался — маленьким зверенышем на моей груди.

Это был очень наполненный делами день!

27

Бедна та память, которая имеет дело
лишь с прошлым.
Чарльз Лютвидж Доджсон (1832–1898)

— Гвендолин, любовь моя!

Хэйзел замерла с зубной щеткой в руке и испуганно обернулась:

— Что, Ричард?

— Сегодня у нас юбилей. Мы должны его отпраздновать.

— Я всегда готова праздновать, хотя не очень понимаю твою арифметику. И как отпраздновать? Изысканным завтраком? Или возвращением в постель?

— И тем и другим. Плюс специальное мероприятие. Но еда — в первую очередь. А что касается арифметики, то сама посуди: у нас юбилей, поскольку мы женаты ровно неделю. Ну да, я знаю, что ты считаешь его двухлетним...

— Да не считаю! Не будем считать. Как время, «проведенное в Бруклине».

— Ты утверждаешь, что я здесь тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять дней — чуть больше или чуть меньше. Но я сам эти дни не почувствовал, Гвен-Хэйзел, и если Аллаху неугодно вычесть их изо всех дней, мне отпущенных, то и я их не вычту. Да я и не верил бы в них, если бы не проснулся с двумя ногами...

— Ты этим недоволен?

— О нет! Просто мне теперь надо стричь вдвое больше ногтей.

— Мурр-р!

— А тебе-то, котяра, что об этом известно? У тебя не ногти, а когти, и ты их не стрижешь! И между прочим, царапаешь меня ночью. Да, да, царапаешь — нечего прикидываться паинькой! Так вот, вечером в понедельник 30 июня 2188 года (не знаю, как это пересчитывается на здешнее время) мы с тобой посетили спектакль балетной труппы Галифакса и любовались Луэнной Паулин в роли Титании.

— Да, не правда ли, она восхитительна?

— Еще бы! Но надо говорить была восхитительна, милая. Ибо, судя по вашим выкладкам, ее дивная красота рассыпалась в прах не менее двух тысяч лет назад. Луэнна почила с миром... Затем мы посетили «Край радуги», чтобы вкусить поздний ужин, и там какой-то чужак имел наглость умереть за нашим столиком. После этого ты меня изнасиловала.

— Но не за столом же?

— Нет, в моем собственном холостяцком жилище.

— К тому же, то было вовсе не изнасилование, по крайней мере, с моей стороны!

— Не будем добиваться слишком точных определений, поскольку на следующее утро ты стерла пятно с моей репутации. Утро нашей свадьбы, моя несравненная! Миссис Гвендолин Новак и доктор Ричард Эймс объявили о своем браке во вторник, 1 июля 2188 года. Засеки эту дату.

— Ты полагаешь, я ее забыла? Вряд ли такое возможно.

— И для меня тоже. Вечером того же дня мы поспешно смылись из города, когда шерифские борзые почти уже хватали нас за пятки. Ночевали мы в «Иссохших костях», в капсуле. Верно?

— Ну, верно.

— На следующий день, в среду, второго июля, Гретхен отвезла нас в капсулу «Счастливый Дракон», и мы переночевали у доктора Чана. Через день, в четверг, тетушка направила свою колымагу к Гонконгу Лунному, и по дороге мы застряли, схватившись с некими ретивыми «аграриями-реформаторами». Остаток дороги колымагу вела ты, и мы так поздно добрались до отеля Ксии, что почти уже не имело смысла ложиться в постель. Но мы все же это сделали, после чего перенеслись в пятницу четвертого июля, в День Независимости. Ты следишь за точностью хронологии?

— Слежу.

— Мы встали... вернее, встал я (поскольку ты уже упорхнула!), и встал слишком рано, обнаружив, что не нравлюсь городским властям. Но ты бросилась (кинулась?) мне на помощь вместе с тетушкой в роли тяжелой артиллерии, после чего мы улепетнули в Луна-Сити так быстро, что мой шиньон остался висеть в воздухе Конга.

— Вот уж чего у тебя нет, так это шиньона!

— Потому что он все еще висит там! Мы прибыли в Луна-Сити около шестнадцати ноль-ноль той же пятницы. Тут мы с тобой разошлись во взглядах...

— Ричард, пожалуйста, не попрекай меня былыми грехами!

— ...но все-таки вскоре стало ясно, что неправ я. Ну я и стал молить о прощении и получил его. В ту ночь мы спали в «Раффлзе» — когда ложились, еще была пятница четвертого июля, начавшаяся для нас за много километров к западу от места нашего ночлега и знаменовавшаяся оружейными играми «свободолюбивых стрелков». Ты все еще следишь за хронологией?

— Слежу, конечно. Но мне это кажется гораздо более долгим.

— Медовый месяц не должен казаться долгим, тем более, что у нас с тобой он выдался таким хлопотным! На следующий день, в субботу, мы наняли Эзру в качестве поверенного и посетили Правительственный Комплекс, после чего на обратном пути у входа в «Раффлз» попали в засаду. Мы поспешно покинули отель, усеянный трупами, благодаря любезному содействию Гэй Десейвер и Корпуса Времени. Невероятно скоро мы очутились на земле моей юности, в Айове, где такая высокая кукуруза. Потом мы махнули на Терциус. Любимая, с этого мгновения мой земной календарь начинает барахлить. Мы покинули Луну в субботу пятого, вечером. Через несколько минут мы оказались сперва в Айове, потом почти сразу же — на Терциусе, поэтому я полагаю, что мне все еще следует исчислять время с той же субботы 5 июля 2188 года. Условно примем эту дату, независимо от того, как течет время на Терциусе, тем более, что иначе я совсем запутаюсь. Ты все еще контролируешь мои хронологические вехи?

— Ну да... конечно.

— Благодарю. Итак, я проснулся на *следующее утро*, то есть в воскресенье шестого июля. Проснулся с двумя ногами! Для Терциуса, допустим, отрезок времени составил тридцать семь дней. Для тебя — около двух лет, для Гретхен — пять или шесть, чему мне пришлось поверить, исходя из ее вида восемнадцати- или даже девятнадцатилетней (да еще «нокаутированной») девицы. И все же для меня прошла всего одна ночь — с субботы на воскресенье! Вечером того же дня я заснул вместе с Ксией и Гретхен, ночь провел с Минервой и Галахадом (чуть не забыл про Пикселя!), а еще, возможно, и с Томом, Дином, Гарри и их девицами — Эгнес, Мэйбел, Бекки. И не знаю с кем еще!

— И я не знаю. А кто такие эти девицы? Парни меня не волнуют, я их слишком хорошо знаю, но девки...

— Ты бедная, сладкая, невинная девочка! И слишком юная, чтобы знать всех. И все же, как это ни удивительно, я прекрасно проспал ночь. И таким образом оказался в следующем дне, то есть утром в понедельник, седьмого июля. То есть (условно) во вчерашнем дне, вечер и ночь которого мы потратили на наверстывание нашего медового месяца, за что огромное тебе спасибо, моя миссис!

— В добрый час, сударь, хотя наши радости оказались... несколько дробными. Теперь я поняла, как ты пришел к мысли о «юбилее». По твоему земному календарю и твоим биологическим часам (а они — основа всего, в особенности для «прыгунов во времени»!) получается, что у нас сегодня восьмое июля, вторник. Со счастливым юбилеем, дорогой!

Мы уткнулись друг в друга! Хэйзел зарыдала, я тоже не отставал.

Завтрак был великолепен. Это все, что я могу о нем сказать, ибо, решив попотчевать меня деликатесом тертианской кухни, Гвен втихомолку обсудила меню с Дорой, я же стал энергично уплетать то, что было разложено передо мною, трудясь, как айовский фермер «над собственным надгробием». То же делал и Пиксель, получивший нечто «особое», на мой взгляд, выглядевшее как требуха, а на его взгляд — как пища богов. Его поведение не оставляло в этом никаких сомнений!

Мы уже допивали по второй чашке... нет, не кофе, но вполне... и уже начали снова говорить о дворце Лонга, вернее, об увиденной там девчушке, которую я теперь считал своей доченькой Вайоминг Лонг. Но наше воркование вдруг прервала Дора:

— Экстренное сообщение. Пометьте время, место и дату. Пожалуйста! — Хэйзел удивилась, но быстро схватила сумку, вытащив из нее нечто, мне неизвестное, что назвала «хронометром». Дора продолжила: — Мы находимся на стационарной орбите вокруг Теллуса в системе Солнца-3, временной канал три, кодовое название «Нэйл Армстронг». Дата — первое июля...

— О Господи! Мы вернулись туда, откуда стартовали! В день нашей свадьбы.

— Милый, потише, пожалуйста!

— ...по григорианскому календарю. Повторяю: временной канал три. Солнце-3, 1 июля 2177 года григорианского исчисления. При щелчке — отсчете времени — начнется зона пять ноль девять сорок пять. Щелк! Приготовьтесь к принятию более точного звукового сигнала, ждите...— этот сигнал начался тоном низкой частоты, потом, постепенно повышаясь, превратился в визг, от которого заломило в ушах. Дора прибавила: — Еще один щелчок, и вторая звуковая коррекция будет произведена через пять минут. Время на корабле или в означенной пятой зоне Теллуса является теперь законным дневным временем в канале три. Хэйзел, дорогая, кое-что специально для вас...

— Слушаю, Дора, милая!

— Тут у меня туфли Ричарда... («Шлеп!» — они уже на нашей кровати)... но я еще кое-что из мелочей для вас припасла. Не надо ли добавить парочку свитеров? Я обмерила Ричарда, пока вы спали. Эти свитера, как одежда Геркулеса: их не надо стирать, они не пачкаются и не изнашиваются.

— Спасибо, Дора, милая моя! Это трогательно — я ведь не успела купить ему ничего, кроме костюмов.

— Я это отметила. («Шлеп!» — еще один пакет на постели),— Дора добавила: — Мы всю ночь занимались погрузкой-разгрузкой. Последние солдаты высадились в девять ноль-ноль, но я сказала капитану Лэз о вашем юбилейном завтраке, и она запретила

Лазарусу вас тревожить. Вот послание от него: «Если не слишком возражаете, предписываю вам оторвать ваши задницы от кровати и отрапортовать о сем в Ти-Эйч-Кью. Конец послания». А теперь послушайте прямую трансляцию с капитанского мостика.

— Хэйзел! Говорит капитан Лэз. Не могли бы вы покинуть Дору в десять ноль-ноль? Я сказала своему носатому братцу, что он может рассчитывать именно на это время вашего отбытия.

Хэйзел вздохнула.

— Есть. Мы сразу же отправляемся в «карманный кораблик».

— Хорошо. Мы все желаем вам удачи: я, Лор и Дора. Счастливо возвратиться домой. Будем рады взять вас снова на борт!

Через две минуты мы уже находились в «карманном кораблике», то есть в нашей старой подружке Гэй Десейвер. К ее двери нас привел конец бортового коридора Доры. На мне красовались новые туфли, впрочем, одна старая, одна новая. И снова я не смог увидеть те «сворачивающиеся» ванные комнаты, ибо один из близнецов-правнуков Хэйзел, встретивший нас у двери, велел сразу же устроиться на задних сиденьях. Он посторонился, давая нам войти внутрь.

— Привет, бабушка! Доброе утро, сэр!

Я ответил, а Хэйзел на ходу, не теряя ни секунды, по очереди расцеловала обоих правнуков. Мы уселись и пристегнулись.

Кэс по рации вызвал нас:

— Доложите о готовности к взлету.

— У пассажиров ремни пристегнуты,— сообщила Хэйзел.

— Мостик! Доложите готовность к ленчу!

Голос Лэз произнес:

— По первому требованию!

Мы мгновенно стартовали и ощутили невесомость. Пиксель начал вырываться, я держал его обеими руками. Мне кажется, он испугался, бедняжечка, да и как он мог понять, что такое невесомость? Впрочем, он и раньше почти ничего не весил!

С правого борта показалась Земля, правда, не очень близко. Мы находились на широте середины Северной Америки, что подтверждало в моих глазах высочайшую компетентность Лэз как пилота. Если бы мы оказались на обычной двадцатичетырехча-

совой орбите, концентрической по отношению к экватору, мы сейчас бы оказались на девяносто градусов западнее, то есть над Галапагосскими островами. Я предположил, что она выбрала орбиту с наклоном около сорока градусов, соотнесенную с десятью часами корабельного времени (по Гринвичу!), и наказал самому себе при случае, если удастся заглянуть в вахтенный журнал корабля, проверить свое предположение. (Это же типичный профессиональный зуд любого пилота — сунуть нос в записи своего коллеги! Извините меня!)

Затем мы сразу же вошли в атмосферу, одним махом одолев спуск в тридцать шесть тысяч километров. Гэй выпустила крылья, Кэс пригнул ее нос к Земле, затем выровнял корабль, и мы снова обрели вес, равный земному, хотя и эта перемена пришлась совсем не по вкусу Пикселю. Хэйзел наклонилась ко мне и, взяв котенка, стала его гладить. Он успокоился, наверное, почувствовав себя в большей безопасности у нее на руках.

Когда крылья Гэй втянуты внутрь (а я раньше в другом виде ее и не наблюдал), она является как бы «ракетой-лифтом». Но с расправленными крыльями Гэй великолепно может парить и плавно взмывать по наклонной линии.

Мы летели на высоте тысячи километров над сельской местностью. Была прекрасная солнечная погода. Горизонт чист, ни единого пятнышка (если не считать нас самих). Великолепно! В такой день ощущаешь себя юным и полным сил.

Кэс произнес:

— Надеюсь, переходный режим вас не очень побеспокоил? Гэй предпочла бы приземлиться сразу, ее несколько нервирует возможность того, что земляне откроют зенитный огонь по НЛО.

— Да вовсе не нервирует! Просто я предпочла бы большую осторожность.

— Вы совершенно правы, Гэй! У нас есть все основания быть осторожнее, ибо военно-воздушный устав этой планеты и этого временного канала предусматривает установку зенитных орудий вокруг всех городов и крупных населенных пунктов,— Кэс обратился к нам: — Поэтому Гэй и шмыгнула ниже зоны досягаемости зенитного радара...

— Ты на это так уж рассчитываешь? — несколько иронично спросил корабль.

— ...и мы, возможно, показались радару (если таковой тут наличествует) ничтожным частным самолетиком. Так что ничего страшного.

— Неисправимый оптимист! — фыркнула Гэй.

— Хватит задираться. Ты уже наметила посадочную площадку?

— Давным-давно! Если ты перестанешь вякать и оставишь меня в покое, я сама прекрасно управлюсь!

— Давай, Гэй!

— Хэйзел,— заметил я.— А я ведь рассчитывал познакомиться со своей дочуркой. С Вайоминг!

— Не думай об этом, милый. Она даже не понимает, что ее родители далеко: обычно на Терциусе детей держат в полном неведении.

— Она в неведении, но я сам хочу ее увидеть! Я разочарован... Олл райт, мы с тобой еще обсудим это!

В иллюминаторе что-то блеснуло, и мы оказались на земле. Кэс посоветовал:

— Пожалуйста, не забудьте взять все свои вещи, проверьте!

Не успели мы выйти, как Гэй мгновенно испарилась. Я огляделся — в двухстах метрах от нас виднелся дом моего дяди Джока.

— Хэйзел, какую дату назвала нам Дора?

— Вторник, 1 июля 2177 года.

— Так, значит, я не ослышался? Да-а, значит, семьдесят седьмой год! Но, милая моя, это же на одиннадцать лет назад! Кстати, смотри,— этот сарай-развалюха стоит точно на том месте, где мы приземлились три дня назад! Голубушка моя, да он же рухнул за много лет до семьдесят седьмого! То, что мы сейчас видим,— призрак сарая! И это, наверное, плохо?

— Пустяки, Ричард! При прыжках во времени такое иногда случается, тем более, если находишься во «временной петле»!

— Но я ведь уже прожил 2177 год! Не люблю парадоксов!

— А ты просто считай, что мы находимся в любом другом времени и месте. Никто здесь никакого парадокса не заметит, поэтому и ты его тоже игнорируй! Вероятность почувствовать, что ты

в данный момент существуешь «парадоксально», близка к нулю для любой временной линии, лежащей вне твоей собственной нормальной жизни... хотя, если ты появишься вблизи от собственного дома, она может возрасти до одной миллионной, так что сам понимаешь. Но ведь ты покинул эту местность совсем молодым, не так ли?

— Мне было семнадцать. В 2150 году.

— Ну так успокойся! Тебя никто не узнает!

— Узнает дядя Джок. Я навещал его несколько раз, хотя и нечасто... До последнего нашего визита три дня назад.

— Он не вспомнит этот визит — «три дня назад»!

— Как не вспомнит? Да ему было сто шестнадцать лет в тот момент, вернее, стукнуло бы через одиннадцать лет. И он вовсе не выглядел маразматиком!

— Ты прав, он, разумеется, в ясном уме. Но и он тоже вовлечен в пространственно-временную петлю. И как ты теперь знаешь, он состоит в Корпусе в полном ранге Сеньора. По сути, он отвечает за станцию временного канала номер три в Северной Америке. Главный Штаб Времени прошлой ночью был эвакуирован на его станцию. Ты можешь это уразуметь?

— Хэйзел, я ведь и секунды не упустил из того, что было. Двадцать минут назад я сидел в нашей каюте на Доре, а она стояла на земле Терциуса. И я думал: то ли попросить еще одну чашку той амброзии, то ли заманить тебя в постель. Потом меня погнали с такой скоростью, какую я только способен был развить. Так что мне вряд ли удалось соблюсти видимость достоинства, хоть я и очень старался. Я ведь всего-навсего старый солдат и безобидный писака-халтурщик. И я не гожусь для таких приключений. Ну ладно, пошли. Я хочу познакомить тебя с моими тетушками, особенно с Сисси.

Гэй высадила нас на дороге, ведущей к дому дяди Джока, и мы прошли по ней: я с пакетами и тростью, Хэйзел — со своей неизменной сумкой и котенком.

Несколько лет назад дядюшка Джок поставил вокруг фермы крепкую ограду: в то время в Айове так было принято. Когда я покинул дом в 2150 году, чтобы поступить на военную службу,

ограда еще не была закончена. Но когда я заехал домой в... кажется, 2161 году (вроде так), она уже стояла.

Ограда была сделана из толстой ячеистой стали, и ее венчала плотная спираль из шестижильной колючей проволоки, которой тогда, в шестьдесят первом, еще не было. Видно, ее добавили потом. Колючая спираль обвивала медный провод с изолирующими керамическими распорками.

Через каждые двадцать метров висели знаки-плакаты с надписью:

ОПАСНО!!!
Не прикасаться к ограде до отключения главного разъединителя N 12!

На воротах красовался знак размером побольше:

АГЕНТСТВО СВЯЗИ ИНТЕРБЮРО
Биоэкологическое исследовательское подразделение. Районный офис. Поставки радиоактивных материалов через ворота № 4 только по средам. 7-Д-92-10 сек. (По действующим ценам.)

Хэйзел задумчиво произнесла:

— Ричард, вряд ли дядя Джок здесь сейчас живет. А может, это другой дом, и Гэй что-то перепутала? Я могу обратиться в Корпус за помощью.

— Да нет,— ответил я.— Это именно тот дом, и дядя Джок жил (или живет) здесь в том году. Если это тот год, то я помню, откуда растут ноги. Текст надписи явно припахивает моим дедуцкой. Он всегда так же чудил, чтобы обеспечить себе уединение. А однажды он даже завел себе ров с водой и запустил туда пираний.

Я отыскал кнопку с правой стороны ворот и нажал. Неестественный медный голос с актерскими интонациями приказал:

— Станьте на полметра от глазка лицом к нему... Повернитесь на девяносто градусов и покажите профиль. Территория охраняется собаками, газом и снайперами.

— Дома ли Джок Кэмпбелл?

— Назовите себя.

— Это его племянник Колин Кэмпбелл. Скажите ему: «Старина, ее отец все узнал!»

Медный голос сменился знакомым баритоном:

— Дикки, у тебя что, снова неурядицы?

— Нет, дядюшка Джок! Я просто хочу войти. Надеюсь, вы меня ждете.

— Ты не один?

— Со мной жена.

— А как ее звать?

— Идите к черту!

— Я еще успею, а ты меня не зли. Как ее звать?

— Дядя, мне не хочется играть в ваши игры. Мы уходим. Если увидите Лазаруса Лонга (или доктора Хьюберта), передайте, что меня давно уже тошнит от детских забав. Я не желаю в них участвовать! Всего доброго, дядя!

— Погоди! Не двигайся! Я держу тебя на прицеле!

Я спокойно повернулся и сказал Хэйзел:

— Пошли отсюда, дорогая. Город далековато, но кто-нибудь нас наверняка подбросит. Люди здесь вполне дружелюбны.

— Я могу запросить помощь, Ричард. Так же, как тогда из «Раффлза».

Она подняла сумку.

— Можешь? А нельзя ли позвонить прямо в этот дурацкий дом, неважно, где, когда и на каком временном канале он расположен? А может, его и вообще нет? Давайте-ка топать отсюда и передай мне Пикселя — моя очередь с ним нянчиться.

— Олл райт.

Хэйзел, вроде бы, ничуть не огорчилась из-за нашей неудачи. Подумаешь — не попали в дом дяди Джока, или в Главный Штаб, или в то, что там находилось! Что до меня, то я был просто счастлив и ни о чем не думал: у меня прекрасная любящая жена, я больше не калека, чувствую себя на много лет моложе своего календарного возраста (если вообще этот календарь существует!). Погода дивная, какая бывает только в Айове. Днем, конечно, станет

жарче, но пока что, в десять пятьдесят, еще вполне нормально и приятно. А когда станет жарко, придется подумать об укрытии для жены и котенка. Даже если придется остановиться на ближайшей ферме. Попробую припомнить имя хозяина — Тэнгейз, кажется? А может, старик продал ее к 2177 году? Какая разница!

Меня не волновало отсутствие местной валюты в моем кармане, имущества или недвижимости. В прекрасный летний день в Айове не бывает места для волнений. Я способен и буду работать, пусть даже придется разбрасывать навоз, если не найдется другой работенки. А потом, в скором будущем, смогу начать разбрасывать и «навоз» совсем другого сорта (работая в лунные ночи и воскресенья). Ведь в 2177 году Ивлин Фингерхут еще не ушел в отставку, поэтому вполне можно под другим (или другими) псевдонимом послать ему кое-что из того же старого вздора. Лишь дав другое название очередной вариации нескончаемого сериала! Что может быть легче — стоит отшлифовать и чуточку сместить сюжетную линию, окрасить немного в другие тона, слегка взбодрить пинками персонажей — и читатель твой! Вот он, секрет литературного успеха! Издатели лишь делают вид, что им нужны новые истории. Чепуха, они покупают все ту же старую жвачку. Поскольку покупатель-потребитель желает лишь развлечений, а не открытий, он не принимает ни поучений, ни устрашения.

Если бы люди в самом деле жаждали новизны, бейсбол умер бы два столетия назад. А он и нынче популярен! И что такого в этой игре, чего люди не видели много раз раньше? А ведь им еще и еще хочется этого зрелища. А, черт, да я и сам его люблю — с сосисками и пивом в придачу!

— Хэйзел, тебе нравится бейсбол?

— Не имела случая убедиться. Я завершала учебу в школе на Земле (до этого мне пришлось попринимать лекарств от акселерации), но времени на это развлечение у меня никогда не было. Да и вообще не было времени ни на что, кроме учебы. Я даже не смотрела ничего по идиотскому «ящику»! И звали меня тогда Сэди Липшиц.

— А почему тебе так не нравилось это имя?

— Ты что, хочешь по правде? Это то же, что ответ на вечный вопрос: «Почему все упирается в деньги?»

— Если ты захочешь мне сказать, конечно.

— Ты всегда своего добьешься, негодник! Ну, слушай... Это было сразу же после смерти Слима Лемке Стоуна... Откуда этот чертов шум?

— Это автомобиль.

Я огляделся в поисках источника звука. Начиная с 2150 года или чуть раньше высшим шиком для айовского фермера стало вождение собственного транспорта, внешне имитировавшего то, что в двадцатом веке именовалось «персональным автомобилем». Такой транспорт часто называли «репликой» — он, разумеется, работал вовсе не от двигателя внутреннего сгорания, сжигавшего продукты переработки нефти (к этому времени даже в Южной Африке уже были приняты законы против загрязнения воздуха), а от нормального современного источника энергии, шипстоуна, но зато его всегда снабжали источником шума, имитирующего звук мотора старинного автомобиля. И внешне он конструировался по типу авто, причем чем старее модель, тем престижнее она считалась.

Так вот, та «реплика», которая теперь нагоняла нас, была шикарней всех: она повторяла модель «Оловянной Лиззи» — прогулочного «форда» образца 1914 года. По величественности эта «реплика» не уступала королеве Виктории (и чем-то на нее смахивала!). Ну а принадлежала она дядюшке Джоку — кому же еще? Это можно было предположить даже по ее адскому грохоту.

— Ты постарайся успокоить Пикселя,— посоветовал я Хэйзел,— вряд ли ему доводилось слышать такую трескотню. И давай-ка пойдем по обочине, ибо эта телега может еще и вихлять!

Мы продолжали идти вперед, и «реплика» нас наконец нагнала и остановилась.

— Эй, народец, вас не требуется подбросить? — заорал мой любимый дядюшка, стараясь перекричать грохот.

Я обернулся и, оскалившись, ответил:

— После четырех зарубок вертелся и гримасничал в тенетах...

— Что ты там несешь?

— Ни бильярд, ни томаты не заменят секса никогда!

Дядя Джок нагнулся и заглушил свою тарахтелку. Я поклонился:

— Спасибо, дядя. Ваша музыка очень растревожила нашего ребенка. Как любезно, что вы ее убрали! Так что вы нам кричали? Я за шумом не расслышал.

— Я спросил, не подвезти ли вас.

— Отчего же нет, спасибо. В Гриннелл.

— Я думал отвезти вас домой. Какого черта вы убежали?

— Сами прекрасно знаете! Не Хьюберт ли, он же Лазарус, а может, еще как-то там его кличут, накачал вас, подбив на идиотские выходки? И зачем?

— Брось ершиться, племянничек, и лучше представь меня супруге. Извините меня, мэм, я не вышел из машины, так как эта коняга — с норовом!

— Джок Кэмпбелл, старый козел, вы что же прикидываетесь, будто не узнаете меня? Я сделаю из ваших рогов кастаньеты! Уж поверьте мне!

Впервые на моей памяти дядюшка смешался и лишь пробормотал в ответ:

— О, мадам!

Хэйзел, заметив выражение его лица, сразу же переменила тон:

— Мы что же, находимся в режиме инверсии? Извините меня! Я — майор Сэди Липшиц, Корпус Времени, ДОЛ, программа «Повелитель». Я с вами впервые встретилась в Бундоке десять с лишним моих субъективных лет назад. Вы пригласили меня навестить вас, что я и сделала в 2186 году, насколько мне помнится. Вы понимаете поэтому мою реакцию?

— Понимаю. Налицо явная инверсия. Майор, счастлив с вами познакомиться и теперь с надеждой смотрю в будущее!

— Нам с вами предстоит веселое времечко в будущем. А теперь я замужем за вашим племянником, а вы... по-прежнему — старый козел! Выползайте из своей дурашливой тележки и поцелуйте меня так, как умеете только вы!

Дядюшка поспешно выключил свой мотор и слез на землю. Хэйзел передала мне Пикселя, что спасло ему жизнь. После объятий «старый козел» заметил:

— Нет, я с вами раньше не встречался. Никогда бы не смог такого забыть!

Хэйзел отпарировала:

— А я прекрасно помню нашу встречу! Я вообще ничего не забываю. Господи, как же славно увидеть вас снова, Джок! Вы не меняетесь. Когда состоялось ваше последнее омоложение?

— Пять субъективных лет назад, достаточно давно для «маринада». Но я не позволил им омолодить мое лицо. А вы когда прошли сию процедуру?

— Субъективно примерно тогда же. Но в отличие от вас, я нуждалась в косметическом омоложении, поскольку готовилась к браку с вашим племянником. И оказалось, что он меня так вдохновляет, что мне хочется пройти косметическую процедуру снова и снова! Он ведь тоже козел, вроде вас!

— Еще бы мне не знать! Он пошел в армию именно потому, что его одолевали девки.— (Неслыханная ложь!) — Но вы уверены, что вас звать Сэди? Лазарус называл другое имя в качестве пароля.

— Я назову себя так, как мне будет угодно, независимо от Лазаруса... Я рада, что Ти-Эйч-Кью сумели переместить к вам этой ночью. Поцелуйте меня еще, Джок!

Дядюшка охотно откликнулся на призыв, и их объятие продолжалось до тех пор, пока я не вмешался, мягко напомнив им:

— Не забудьте, что вы находитесь на общественной дороге, и в Айове, а не в Бундоке!

— Займись своим делом, племянничек! Сэди, Штаб переместился не прошлой ночью, а три года назад!

28

Большинство никогда не право.

Лазарус Лонг (1912— ...)

Мы поехали обратно к дому: Хэйзел с дядей Джоком и Пикселем впереди, я с багажом — сзади. Из сострадания к Пикселю дядина «реплика» модели «Ф» двигалась бесшумно, как привидение. (А что, призраки и в самом деле бесшумны? Откуда пошло такое

мнение?) Ворота открылись в ответ на устный приказ дяди Джока, и, конечно же, никаких смертоносных устройств или снайперов не обнаружилось. Я так и знал, будучи хорошо осведомлен о повадках моего дядюшки.

На веранде перед домом нас ждали тетушки Тиль и Сисси. Дядя Джок быстро прошел внутрь дома, а они, со всем присущим деревенским жителям радушием, приветствовали нас, поздравив мою супругу с обретением новой семьи. Я передал котенка Хэйзел, и тетки облобызали меня столь же горячо, сколь это сделал Джок в отношении моей жены. Правда, безо всяких там упоминаний о «временной петле» и прочей муре. Как же славно было попасть снова домой, ей-богу! Несмотря ни на какие бурные события юности, все же самые счастливые воспоминания связаны у меня именно с этим старым домом.

Тетушка Сисси в этот день 2177 года выглядела старше, чем в нашу последнюю встречу, кажется, в 2183 году. Не является ли это ответом на загадку, почему возраст не властен ни над ней, ни над тетушкой Тиль? И не следствие ли это эпизодических визитов в Бундок, где творят такие чудеса? Наверняка они втроем, да нет, вчетвером (я забыл еще о тетушке Бильдин!) заключили долгосрочное соглашение с Источником Юности, который поддерживает их на одинаковом (пятидесятилетнем) уровне.

Впрочем, у дядюшки, несомненно, был организм тридцатилетнего, а внешность бодрого старикана требовалась ему лишь для конспирации. И не твое это дело, Ричард!

— А где же тетушка Бильдин?

— Она поехала в Де-Мойн,— ответила тетя Тиль.— Будет дома к ужину. Ричард, ты, кажется, пребывал на Марсе?

Я прокрутил в голове свой календарь.

— Насколько я могу судить сам, да.

Тетя Тиль проницательно вгляделась в меня.

— Ты что, тоже закручен в «петлю»?

— Прекрати сейчас же! — цыкнул на нее дядюшка.— Разговоры на эту тему запрещены категорически, и вы обе об этом знаете, поскольку и сами подчинены Кодексу.

Я быстро отреагировал:

— А я никакому Кодексу не подчинен. Да, тетушка Тиль, я тоже «закручен» — прибыл сюда из 2188 года!

Дядя метнул на меня испепеляющий взгляд, каким стращал еще в мои десять-двенадцать лет.

— Ричард Колин, что это такое? Доктор Хьюберт дал понять, что ты подотчетен Главному Штабу Времени. Я только что сообщил ему о вашем прибытии. А ведь к Штабу не может быть допущен ни один, не принесший присягу и не подчиняющийся Кодексу. А если кто и проникнет в его пределы, то уже не сможет отсюда выйти. Ты же наврал, что не испытываешь никаких затруднений! Так вот, прекращай вранье и расскажи все как есть. Я постараюсь тебе по-родственному помочь. Как ни говори, ведь кровь — не вода! Ну давай, начинай!

— Дядя, у меня лично нет никаких трудностей, это правда. Но доктор Хьюберт изо всех сил пытается мне навязать их. А вы что же, всерьез полагаете, что моя «неподотчетность» Штабу чревата для жизни? Но если это всерьез, то я не шучу — я не собираюсь вступать в Корпус, присягать ему и подчиняться его дурацкому Кодексу! Тетя Тиль, как вы считаете, мы имеем право переночевать в родном доме или нет? А может, я смутил вас так же, как и дядю Джока?

Даже не взглянув на супруга, Тиль ответила:

— Господи, ну конечно, вы можете здесь остаться, Ричард, и ты, и твоя милая жена. Добро пожаловать. И ночуйте, и живите сколько понадобится. Совершенно неважно, откуда вы прибыли и какие у тебя намерения в отношении Корпуса. Это твой дом, он всегда был и будет твоим!

Дядюшка в ответ лишь пожал плечами.

— Благодарю вас, тетя! Так куда же мне поставить вещи? В мою старую комнату? Да, еще необходимо позаботиться об этом свирепом представителе кошачьего племени. У вас найдется ящик с песком? И молочко на завтрак?

Тетушка Сисси шагнула вперед.

— Тиль, я сама позабочусь о котенке. Не правда ли, он очарователен?

Она протянула обе руки к Хэйзел, которая передала ей Пикселя.

— Ричард,— произнесла тетушка Тиль,— в твоей комнате сейчас живет наш гость, мистер Дэвис. Но, поскольку сейчас июль, вы с Хэйзел вполне сможете с комфортом поместиться в северной комнате на третьем этаже.

— Хэйзел? — переспросил дядя.— Но это же именно то имя, которое назвал доктор Хьюберт. Майор Сэди, это тоже одно из ваших имен?

— Так точно. Хэйзел Дэвис Стоун. А теперь — Хэйзел Стоун Кэмпбелл.

— Хэйзел Дэвис Стоун? — переспросила тетушка Тиль.— А не в родстве ли вы с мистером Дэвисом, не его ли вы дочурка?

Моя супруга встрепенулась.

— Не исключено. Много лет назад я прозывалась просто Хэйзел Дэвис. А не звать ли вашего гостя Мануэлем Гарсиа О'Келли Дэвисом?

— Именно так его и звать!

— О! Это же мой папочка! Он сейчас в доме?

— Нет, но будет к ужину. Надеюсь, что будет. У него так много важных дел!

— Я знаю, ведь сама я состою в Корпусе сорок шесть субъективных лет и папочка примерно столько же. И с тех пор мы почти не виделись — Корпус есть Корпус! О Господи! Ричард, я сейчас зареву. Останови меня!

— Я? Леди, я здесь всего лишь ожидаю автобуса. Впрочем, тебе не возбраняется воспользоваться моим платком.

Она схватила протянутый платок и приложила к глазам.

— Грубиян! Тетя Тиль, следовало бы пороть его почаще.

— Я слишком поздно стала тетушкой, дорогая. Этим занималась тетя Абигайль, которая теперь находится в лучшем мире.

— Да, тетя Эбби была беспощадна,— согласился я.— Она хлестала меня персиковым прутом. И наслаждалась этим.

— А надо бы настоящей плеткой! Тетя Тиль, я никак не могу дождаться папочку Мэнни! Мы так долго не виделись!

— Хэйзел, ты же видела его прямо здесь и всего три дня назад! — я ткнул пальцем в сторону сарая.— Прямо здесь! А может, это было тридцать семь... тридцать девять дней назад, но все же не так уж давно.

— Нет-нет, Ричард, ни то ни другое! По моему субъективному времени — больше двух лет! А ведь его завербовали так давно!

— А меня так и вовсе не завербовали,— заметил я.— И вот за этим нас и доставили сюда!

— Не знаю, милый, посмотрим. Да, дядя Джок, я вспомнила, что мне надо кое-что вам сообщить. Это связано с Кодексом. Лично меня как лунни это нисколько не волнует, но, думаю, вам не слишком следует распространяться о «веселом времечке» в будущем!

— Вы так думаете? — медленно произнес дядя Джок.

Тетушка Тиль хихикнула, и он быстро повернулся к ней.

— Женщина, над чем это ты смеешься?

— Я? Вовсе я не смеялась!

— М-р-рф! Майор Сэди, коль скоро на меня возлагается определенная ответственность, я нуждаюсь в несколько расширенном толковании Кодекса. Есть ли в нем что-либо такое, о чем я не знаю?

— На мой взгляд, да.

— Это что, ваша официальная точка зрения?

— Ну, раз вы захотели говорить официально...

— Да нет, нет! Просто вы мне все это объясните получше, и я сам попытаюсь разобраться.

— Хорошо, сэр. В субботу, пятого июля, одиннадцать лет *вперед*, Ти-Эйч-Кью был перенесен в Нью-Харбор на пятую временную линию. И вы вместе с ним и со всеми своими домочадцами тоже, насколько мне известно.

Дядя Джок кивнул и подтвердил:

— Это и есть тот вид «петлевой» информации, которая, согласно Кодексу, не должна разглашаться, поскольку есть опасность возникновения обратной положительной связи, новых «колебаний времени», а вследствие этого — и паники. Но я, принимая эту информацию совершенно спокойно, все-таки желаю узнать: зачем это сделано? Мне лично это перемещение совершенно ни к чему! У меня же действующая ферма, вне зависимости от того, что в ней сокрыто!

— Дядя,— вмешался я.— Я не связан с этим дурацким Кодексом, поэтому скажу. Те горячие головы с Западного побережья в конце концов заткнутся и отстанут от вас.

— Да неужели? — его брови полезли вверх.— Вот уж не думаю, чтобы они когда-нибудь перестали совать носы в дела моей фермы!

— Перестанут. В «мэйдэй» 88-го! В тот день, когда мы с Хэйзел тут побывали (побываем!), в субботу, пятого июля. Сонмы ангелов как раз в этот день пленят Де-Мойн. Всюду будут сыпаться бомбы. Сегодня вы можете подумать, что не выкарабкаетесь. Но я знаю, что вам это удастся: я же сам там побывал! Вернее, должен буду побывать. Спросите доктора Хьюберта или Лазаруса Лонга. Они полагают, что место слишком опасно, чтобы в нем оставаться дальше. Спросите, спросите их самих!

— Полковник Кэмпбелл! — рявкнул знакомый голос, и я обернулся.

— А, Лазарус, привет!

— Разговоры, которые вы ведете, категорически запрещены! Вы можете хоть это сообразить? Или вам не под силу?

Я глубоко вздохнул и обратился к Хэйзел:

— Боюсь, он никогда ничему не научится! — я повернулся к Лазарусу.— Док, вы пытались поставить меня по стойке «смирно» почти что с первой встречи. Не сработало. Но, видать, в вашей башке это не укладывается?

Возможно, где-то и когда-то Лазарус мог контролировать свои эмоции. И теперь я вдруг обнаружил, что он не утерял этой способности. Мобилизация воли потребовала от него около трех секунд, после которых он заговорил гораздо спокойнее и тише:

— Дайте мне объяснить. Такие разговоры опасны для того, с кем вы говорите. Нельзя делать никаких предсказаний о событиях, которые вам известны благодаря причастности к «петле». Информация такого рода может оказаться пагубной. Если не верите, проконсультируйтесь с математиками, имеющими дело с проблемами времени: доктором Джекобом Бэрроузом, доктором Элизабет Лонг, да с кем угодно еще из этой секции Корпуса. Узнайте также у историков о катастрофических последствиях таких акций в прошлом: примеров сколько угодно. Вы и сами можете ознакомиться в библиотеке Штаба с материалами о Кассандре, «Мартовских идах», Нострадамусе...

Лонг повернулся к дядюшке Джоку:

— Джок, мне жаль, что так получилось. Я умоляю вас и ваше семейство не впадать в уныние в течение всех лет, предшествующих 2188 году. Я вовсе не планировал доставить сюда вашего племянника, прежде чем он обучится дисциплине Кодекса Времени. Да, пожалуй, и вовсе не намеревался доставлять его в Штаб. К сожалению, он вынудил нас, иначе на его мозги повлиять никак не удается! А может, попробовали бы вы?

— Не уверен, что смогу оказать на него хоть какое-нибудь влияние, Лэйф! Дикки, а ты сам-то как думаешь? Не улыбается ли тебе славненькая карьерка в Корпусе? Кстати, не вредно знать, что Корпус спас нас, когда ты был еще ребенком. Это святая правда. Наша ферма должна была пойти с молотка как раз перед тем, как я вступил... Ты был еще ребенком, но должен припомнить, что мы питались одними лишь кукурузными лепешками... но потом дела пошли получше, и все наладилось! Тебе тогда было около шести лет.

Я задумался.

— Ну да, я помню. Вроде бы, помню. Дядюшка, я же не против вступления в Корпус: вы в нем состоите, моя жена тоже, да и несколько наших друзей. Но ведь Лазарус то и дело пытается всучить мне поросенка в мешке, а мне надо знать, чего именно от меня хотят и почему! А еще желательно знать: что мне это даст, когда я уволюсь? Мне необходимо понять смысл всего этого, а не сажать себе на шею за здорово живешь каких-то штабных просиживателей кресел!

— Лэйф, так чего вы на самом деле хотите от моего мальчика?

— Выполнения задачи «Адам Селен» в операции «Повелитель Галактики».

— Я что-то о такой не слыхал!

— Ну и забудьте о ней, поскольку вам не понять, да она в настоящее время еще и не возникла...

— Ну, раз «не понять», то как я должен его уговорить? Я умолкаю.

— Лазарус,— раздраженно произнесла Хэйзел.— Кончайте же!

— Майор, я обсуждаю деловые вопросы со смотрителем станции Ти-Эйч-Кью!

— Опять ваш поросячий визг? Вы снова пытаетесь облапошить Ричарда любым способом, заманивая в рискованное дело и не раскрывая при этом подоплеку? Я его знаю, считаю рыцарем без страха и упрека и восхищаюсь им! Я даже чувствую себя виноватой, что втравила его... и почти успешно, если бы вы, как всегда, не сунулись и не изгадили все! А теперь вы еще пытаетесь надавить на Ричарда с помощью его ближайшего родственника, почти отца. Стыдитесь! Ваше дело теперь — представить Ричарда Кругу или отпустить с миром. Хватит пытаться взять с наскока. Введите его в Круг, пусть они сами ему объяснят!

Я всегда помнил, что в логове дяди был чулан, переоборудованный в кабину лифта. Мы с Лазарусом вошли в него, и я увидел, что там, где в лифте было отверстие для контроля за номером этажа, теперь светились рисунки, напоминающие знаки Зодиака, но обычные символы были дополнены еще и другими, какие в зодиакальном круге не числятся. Например, пауком, носящим название «Черная вдова», или змеей, поедающей свой хвост.

(Насколько я знал, последний знак был символом «кольца Уробороса» и назывался «Мировой змеей».)

Лазарус положил руку на этот знак. Чулан (или кабина лифта, или комнатка) тронулся с места. Внутри что-то замерцало, и интерьер внезапно преобразился, потеряв всякое сходство с чуланом моего дяди.

— Выйдем,— сказал Лазарус и открыл дверь с противоположной стороны.

От этой двери отходил такой длинный коридор, какого в доме дяди быть не могло. К тому же и вид из окон вовсе не соответствовал пейзажу нашей фермы. Правда, сама Земля напоминала просторы Айовы, но такие, какими они были еще до появления здесь человека: не тронутые плугом.

Мы почти сразу же оказались в другом конце коридора, где в закрывавшей его стене вдруг появилась арка.

— Сюда,— сказал Лазарус, и мы вошли в арку, за которой был совершенно темный проход с неясным слабым светом где-то в глубине.

Я хотел спросить Лазаруса о том, что это такое, но обнаружил — его нет рядом, он исчез. Я раздраженно произнес в пустое пространство:

— Послушайте, Лазарус, вам не надоело? — и повернул было обратно, чтобы вернуться в чулан дяди Джока, найти Хэйзел и убраться отсюда подобру-поздорову, покончив с идиотской игрой.

Но никакого коридора уже не было, и я, мысленно пообещав Лазарусу добрую зуботычину, двинулся в единственно оставшемся мне направлении к неясно маячившему впереди свету. Очень скоро черный проход закончился, и я оказался в небольшом, очень неплохо обставленном помещении, освещенном неизвестно откуда льющимся светом. Медный безличный голос проговорил:

— Пожалуйста, присядьте. Вас вызовут.

Я сел в удобное кресло, поставив рядом палку. Перед креслом находился столик, на котором лежало несколько журналов и одна газета. Я просмотрел каждое издание, ожидая найти какие-нибудь анахронизмы, но таковых не оказалось. Все они были именно теми, какие, по-моему, поступали в Айову семидесятых годов, либо издавались в ней самой. Даты соответствовали началу июля 2177 года или чуть более ранним числам. Газета «Гриннелл Герольд Реджистер» была датирована пятницей 27 июня 2177 года.

Я хотел ее отложить, ибо она всегда была для меня малоинтересной: в ней печаталась сугубо местная хроника, светские сплетни, университетские новости и извещения. И все же я не сделал этого, так как мне в глаза бросилось небольшое объявление:

«В воскресенье, двенадцатого июля, единственный раз в оперном театре Де-Мойна будет дано представление "Сна в летнюю ночь" балетной труппой Галифакса с сенсационной новой звездой Луэнной Паулин в партии Титании».

Я перечитал объявление дважды и пообещал самому себе взять Хэйзел на представление. Это тоже может стать особым «юбилеем»: я познакомился с миссис Гвендолин Новак в день памяти Нэйла Армстронга или, как его называли на «Золотом правиле», «День праздничного бала в честь Нэйла Армстронга», то есть двенадцатого июля прошлого года (к черту эту гнусную «временную петлю»!), что в конце концов привело к нашей восхитительной

«свадьбе». (Если, конечно, исключить того неотесанного болвана, который приперся к нам за стол и позволил себя убить.)

Но не будет ли разочарованием увидеть проказы «королевы фей» при полном ее земном весе? Нет, не должно быть, поскольку Луэнна Паулин заработала (заработает?) свою репутацию именно в условиях земного притяжения, и контраст может оказаться неожиданно прелестным. К тому же, посещение театра станет данью сентиментальным воспоминаниям, и мы непременно зайдем за кулисы и скажем ей, что видели ее в той же роли в условиях одной трети земного притяжения на «Золотом правиле». О господи, я же забыл, что сейчас всего лишь 2177 год, когда никакого «Золотого правила» еще не существует! Он появится только через три года. Вот тут я, кажется, наконец стал понимать, почему Кодекс так строго запрещает праздную болтовню...

А, черт с ним! В «День Нэйла Армстронга» я все равно сделаю своей любимой женушке такой сентиментальный сюрприз!

Я еще держал в руках «Герольд Реджистер», когда абстрактное изображение на стене преобразилось в горящую строку.

ПЕТЛЯ ВО ВРЕМЕНИ СПАСАЕТ ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ!

Пока я на это пялился, буквы поплыли и образовалась другая надпись:

ПАРАДОКС ДОЛЖЕН БЫТЬ СПАРАДОКТОРЕН!

Потом пошло такое:

ПЕРВЫЙ ЧЕРВЯК СТРЕМИЛСЯ К СМЕРТИ.

И еще:

НЕ СЛИШКОМ СТАРАЙСЯ:
ТЫ МОГ ПРЕУСПЕТЬ!

Я попытался осмыслить последнее изречение, но оно тоже исчезло, сменившись новым:

ЗАЧЕМ ТЫ ПЯЛИШЬСЯ НА ЧЕРНУЮ СТЕНУ?

И черная стена сразу же возникла, но ненадолго, так как и на ней появилось крупное изображение «Мировой змеи», а внутри ее, кусающей свой мерзкий хвост, друг за другом побежали буквы, выстроившиеся в прямые светящиеся строки:

ПРИКАЗЫВАЕМ ВЫЙТИ ИЗ ХАОСА!
КРУГ УРОБОРОС.

Через некоторое время исчезла и эта эмблема, сменившись изображением арки, и металлический голос провозгласил:

— Входите, пожалуйста!

Я схватил трость, прошел через арку и обнаружил, что нахожусь в самом центре огромного круглого зала. Такой сервис с очередным нуль-перемещением показался мне несколько чрезмерным...

Там помещалась чертова дюжина людей, восседавших по окружности на помосте метровой высоты. Это был как бы кольцевой амфитеатр со мной в качестве ведущего актера в середине арены (а может, и насекомого на булавке, разглядываемого под микроскопом), являющегося «звездой шоу». Тот же медный голос приказал:

— Назовите свое полное имя.

— Ричард Колин-Эймс Кэмпбелл. Это что, судебный процесс?

— В каком-то смысле, да.

— Можете болтать что угодно, я этого не принимаю! Если кого-то и надо судить, так это вас самих, поскольку мне от вас совершенно ничего не нужно, а вы от меня чего-то домогаетесь! Это вы должны меня убеждать и уламывать, а не наоборот! И зарубите это на всех своих носах!

Я медленно повернулся кругом, изучая своих «судей». Среди них, к моему удивлению, я нашел и дружественных мне особ, например Хильду Бэрроуз, что значительно подняло мое самочувствие. Она послала мне поцелуй, я его «поймал» и «съел». И все же я был весьма удивлен ее присутствием здесь. Этой крошке-красавице подошло бы любое другое место, кроме этого. Что ей,

с ее элегантностью и грацией делать в этом мощном органе, претендующем на управление историей в любой изо всех вселенных?

Затем я различил и другие знакомые мне лица. О, Лазарус. Он важно кивнул мне, я ответил тем же. Он произнес:

— Пожалуйста, полковник, наберитесь терпения. Разрешите продолжить процедуру согласно протоколу.

Я отпарировал:

— Когда протокол абсурден, его следует изменить! Я стою тут, а вы все восседаете. Значит, ваш протокол — примитивное давление. И вы пользуетесь такими методами? Если у меня в течение десяти секунд не будет стула, я уйду. А коли у вас дефицит стульев, можете отдать свой!

Невидимый робот с медным голосом водрузил мягкое кресло прямо позади меня настолько стремительно, что лишил всяких оснований для ухода. Я опустился в него и положил палку поперек коленей.

— Удобно? — осведомился Лазарус.

— Вполне, благодарю!

— Ну-с, хорошо. Следующий пункт протокола — вводный. Надеюсь, возражений не будет?

Медный голос начал перечислять членов-компаньонов Круга уроборос, составляющих руководство панвселенского Корпуса Времени. По мере упоминания каждого из них мое кресло само поворачивалось так, что мы оказывались лицом к лицу. При этом я даже не ощущал движения. Так, может, перемещались они сами?

— Мастер Мобиас Торас, от Барсума, временной канал один, кодовое прозвище — Джон Картер.

От Барсума? Что за чушь? Я вдруг обнаружил, что стою на ногах и отвешиваю поклон в ответ на любезную улыбку и осеняющий жест. Человек был чрезвычайно стар, он состоял из одних костей, обтянутых пергаментной кожей. На поясе висел меч, которым, я был уверен, не пользовались с незапамятных времен. Его одеяние из тяжелого шелка напоминало покров буддийского жреца. Кожа отливала цветом полированного красного дерева и была гораздо краснее, чем у североамериканских индейцев. Словом, весь его облик являлся живой иллюстрацией к сказкам Барсума! Я еще подумал, может, он загримирован,

а шелковое полотнище и декоративный меч — лишь дополнение к театральному облику? Но тогда какая же сила заставила меня встать?

Я вспомнил, как тетушка Эбби наказывала меня за малейшую непочтительность к старшим. Но нет, ерунда, дело не в его возрасте. Я сразу понял, что он *настоящий*! Понимание предшествовало поклону.

— Ее Премудрость Стар, звезда, арбитр девяноста вселенных, комплексный временной канал, кодовое прозвище — Сирано.

«Ее Премудрость» одарила меня улыбкой, и я засуетился, как щенок. Не знаю, что там насчет «премудрости», но уверен, что мужчинам с высоким кровяным давлением, сердечными недугами или просто с повышенной возбудимостью следует держаться от нее как можно дальше. Стар (как оказалось, ее звать еще и миссис Гордон) была ростом повыше меня, весила наверняка больше и вся состояла из железных мускулов, правда, смягченных восхитительным кожным покровом, придающим вполне женственный вид. Она была одета крайне скупо, с точки зрения Айовы, но вполне прилично по меркам Бундока. Стар, возможно, и не была самой прекрасной женщиной в подведомственных ей вселенных, но наверняка самой притягательной в определенном смысле. Чем-то она мне напомнила девчонок-скаутов, превращающих мальчиков в мужчин.

— Вудро Вильсон Лонг, Сеньор семейства Говардов, временной канал два, кодовое прозвище — Лесли ле Круа.

Оказалось, что это — Лазарус, и мы вновь обменялись кивками.

— Доктор Джубал Хэршоу, временной канал один, кодовое прозвище — Нэйл Армстронг.

Доктор Хэршоу поднял руку в полусалюте, и я ему в ответ помахал рукой. Мысленно я наказал себе попытать его (возможно, потом, в Бундоке) по поводу слухов о «человеке с Марса», то есть обо мне. Что это все значит?

— Доктор Хильда Мэй Бэрроуз, временной канал четыре, кодовое прозвище — Бэллокс О'Мэйли.

Хильда и я снова улыбнулись друг другу.

— Командир Тэд Смит, временной канал пять, кодовое прозвище — дю Кэсси.

Командир Смит был голубоглазым атлетом с квадратной челюстью, одетым в простую серую форму. На поясе висел пистолет в кобуре, а руку украшал массивный драгоценный браслет. Мы поклонились друг другу.

— Капитан Джон Стерлинг, временной канал шесть, кодовое прозвище — Нэйл Армстронг, альтернативная линия.

Я уставился на героя моих мальчишеских мечтаний и подумал — а не снится ли мне все это? Правда, Хэйзел не один раз говорила, что персонаж ее «космической оперы» вполне реален, но это никак не могло меня убедить, так же как набившее оскомину повторение кодового названия операции — «Повелитель Галактики»! Так кто же на самом деле этот «капитан Стерлинг»? Кто бы мог объяснить?

— Небесный маршал Сэмюэл Боуз, временной канал семь, кодовое прозвище — Фэйакр.

Маршал Боуз, ростом более двух метров, весом — не менее ста десяти килограммов, весь состоял из громадных мускулов и дубленой шкуры. Одет был в совершенно черную форму, мрачен, но красив, как пантера. На меня он смотрел яростными глазами хищника.

Лазарус объявил:

— Кворум имеется. Круг замкнулся. Доктор Хильда Бэрроуз, вам слово от имени Круга.

Хильда, вновь поприветствовав меня улыбкой, сказала:

— Полковник Кэмпбелл, я уполномочена объяснить вам наши цели и методы, чтобы вы постигли суть поручаемого вам дела, вникли в основной план и способ его реализации. Не стесняйтесь задавать вопросы или возражать, вы вправе требовать самых подробных пояснений. Дискуссия продолжится до ланча. Но мы сможем ее продлить и далее, хоть в течение ближайших десяти лет, столько, сколько понадобится.

«Небесный маршал» Боуз резко прервал ее:

— Говорите только за себя, миссис Бэрроуз. Я лично располагаю всего получасом времени!

— Самбо,— ответила Хильда,— вам надлежит обратиться к собранию. Я не смогу позволить вам уйти, пока вы не выскажетесь.

Собрание вправе позволить вам высказаться первым. Пожалуйста, объясните полковнику, чем вы занимаетесь и каковы ваши цели.

— А какого черта мы обхаживаем этого типа? Я никогда не излагал содержание своих функций каким-то необученным рекрутам. Смешно!

— И все же я прошу вас это сделать!

«Небесный маршал» злобно плюхнулся в свое кресло и больше ничего не сказал. Лазарус обратился к нему:

— Самбо, я знаю — это беспрецедентный случай, но все Компаньоны подтвердили, что задание «Адам Селен» — важнейшее для операции «Повелитель Галактики». Точно так же, как эта операция важна для кампании «Боском», а та — для нашего плана «Лонг Вью». Ну а присутствующий здесь полковник Кэмпбелл — ключевая фигура в задании «Адам Селен». Круг сошелся на этом без разногласий, и вам это известно. Мы нуждаемся в услугах Кэмпбелла, но он должен оказать их добровольно, безо всякого принуждения и в полном объеме. Поэтому мы и обязаны его убедить. Если вам необходимо поскорее удалиться, то, чтобы Круг это позволил, говорите первым.

— А если я не сделаю этого?

— Вы создадите себе проблемы. Вы свободны в выборе решения, но и Круг волен вас «стереть»!

— Да вы, никак, угрожаете мне?

— Не угрожаю,— Лазарус взглянул на часы.— Но вы противостоите решению, принятому Кругом. И если надумаете все же уступить, то вы уже потеряли четыре минуты.

— Да ладно вам, Лазарус! Не забудьте, что я — командующий вооруженными силами Корпуса Времени!

— Уточним,— парировал Лазарус.— «Небесный маршал» всего лишь возглавляет штат...

— Это одно и то же!

— Нет, не одно и то же, я знаю, что говорю. Полковник Кэмпбелл, Корпус Времени иногда вторгается в ключевые исторические моменты. В исход сражений или другие события. Но при этом Совет историков Корпуса изыскивает такие временные узлы, в которых вмешательство в ход исторического процесса было бы

благотворным для человечества. Мы делаем это по собственному усмотрению, но далеко не всегда наши усилия оказываются успешными. Мы не располагаем полной возможностью оптимизировать решения во всех деталях, а главное, просчитать возможные последствия. Но когда мы все же принимаем такие решения, то вводятся в действие вооруженные силы Корпуса, командир которых каждый раз заново назначается Кругом Уроборос,— Лазарус взглянул на Боуза.— «Небесный маршал» Боуз — весьма квалифицированный военачальник, возможно, самый лучший из всех во все времена. Но, повторяю, для каждой конкретной задачи Круг выбирает конкретного военачальника. Должен добавить также, что глава штата вооруженных сил не входит в число Компаньонов Круга и не имеет права голоса. Самбо, вы хотите что-либо добавить?

— Похоже, вы сказали речь за меня!

— Но вы же уперлись и не пожелали говорить! Теперь в вашей воле меня дополнить, поправить или опровергнуть.

— О, это не удастся. Вы продемонстрировали такое ораторское мастерство!

— Ну может, вам теперь следует и отпроситься?

— Вы что, предлагаете мне уйти?

— Ну что вы!

— Тогда я ненадолго задержусь, чтобы поглядеть, что тут затевается с этим парнишкой. Почему бы не призвать его на службу и попросту не приказать взяться за выполнение задания? Это же явно криминальный субъект! Вы только поглядите на его претензии! Он же пытается заявить о себе как о лидере! На моей родной планете мы никаких «добровольцев» не признаем — уж слишком это ненадежно. Да и уголовников у нас нет, поскольку все потенциальные преступники отправляются служить в армию. И для любых операций нет лучшего сырья, чем уголовники, если вы их, конечно, поймали смолоду и железно вымуштровали, наградив их большим числом рубцов от сержантов, чем они получили бы от врагов!

— Я знаю вашу практику, Самбо. Но здесь говорить о ней неуместно.

— Полагаю, вы себя считаете корифеем демократии и свободы слова?

— Представьте, да. Но у нас бесплатных ленчей не бывает. И если вам угодно распространяться о методах муштры, можете нанять специальный зал. У нас условиями аренды такое не предусмотрено. Хильда, вам слово, дорогая!

— Спасибо! Ричард, большинство вторжений, рекомендуемых нашими математиками и историками, производится не с помощью грубой силы, а значительно более деликатными методами, осуществляемыми нашими «полевыми операторами», к числу которых принадлежит и ваша дорогая девочка Хэйзел. Она настоящая лисичка, таскающая кур из курятника! Полагаю, вы уже не раз слышали о задаче «Адам Селен» и ее целях. Напомню вам еще раз. Дело в том, что методы прогноза ожидаемых результатов вмешательства в историю далеки от совершенства. Это касается как усиления одной из воюющих сторон в какой-нибудь ключевой битве, так и, скажем, предотвращения рождения крупной исторической личности путем снабжения его предполагаемого отца презервативом или как-нибудь еще. Так можно было бы предотвратить появление, например, Гитлера... а может, и Наполеона. Но результаты такого вмешательства очень трудно оценить во всем комплексе причинно-следственных связей. Конечно, мы посылаем «полевых операторов» по всей длине каждого из временных каналов, с тем чтобы они обследовали эти факторы в максимально возможной полноте.

— Хильда,— вмешался Лазарус,— нельзя ли мне привести один ужасающий пример?

— Конечно, Вуди! Но в темпе. Я намерена закончить до ланча.

— Полковник Кэмпбелл, я вышел из времени, идентичного вашему, в 1939 году. Дивергенция, или расходимость каналов, обусловливалась в самом начале выходом в космос первых космонавтов. В обоих наших мирах выявилась несомненная тенденция к культовой истории. В моем — она провоцировалась неким «телевизионным евангелистом» по имени Неемия Скуддер. На нем как бы горело клеймо адского огня и жажды найти козла отпущения. Разумеется, в лице евреев, ничего нового! В эпоху безработицы,

социальных кризисов и инфляции Скуддер оказался как раз ко двору. Его избрали, и возникла культовая диктатура и тоталитарная власть, самая жестокая из всех виданных в моем мире. И вот этот Круг, который вы видите перед собой, надумал провести операцию по избавлению мира от Неемии Скуддера. Ничего такого топорного, как убийство. Просто один молодой жеребец был вовремя соблазнен нашим «полевым оператором», в результате чего у другой девицы так и не родился маленький ублюдок по имени Неемия. Тут мой временной канал номер два раздвоился, и из него пошел развиваться еще один, под номером одиннадцать, где все происходило уже без Неемии Скуддера, «пророка». Вроде бы, лучший вариант, не правда ли? Оказалось, ничего подобного! В прежнем, втором канале Третья мировая война — ядерная — жутко изуродовала Европу, но не распространилась дальше, так как Северная Америка под властью Пророка Неемии была выключена из международной политики. А в канале одиннадцатом, где пророка не было, война началась немного раньше, на Ближнем Востоке, и в одну ночь охватила весь мир... И даже спустя сто лет на Земле невозможно было обнаружить какие-либо высшие формы жизни! Ничего, кроме таракашек на огромных просторах, бывших раньше зеленым покровом Земли... Хильда, вам слово.

— Большое спасибо, Лазарус, вы помогли мне примером планеты, «вспыхнувшей во мраке», который блестяще подтверждает нашу нужду в совершенствовании методов прогнозирования. Мы надеемся это совершить с помощью Адама Селена, компьютера-надзирателя «Холмс-IV», известного под именем Майк. Его программы и память уникальны. Они смогут связать лучшие компьютеры Терциуса в гигантскую логическую систему, которая была бы способна с максимальной достоверностью анализировать возможные последствия каждого вмешательства в исторический процесс. Вы сами увидели, что нам не следовало «менять» Неемию Скуддера (его можно было кое-как вытерпеть) на полностью разрушенную планету (а этого «вытерпеть» никому не пришлось!). Лазарус, должна ли я упомянуть «суперснуперскоп»?

— Вы уже его упомянули, так объясните получше!

— Ричард, я малость перебираю, поскольку я всего лишь домохозяйка, а не специалист...— по залу прошел гул, а Лазарус невозмутимо проигнорировал заявление Хильды.— ...Мне не хватает технических знаний. Но я знаю, что технический прогресс зависит от точного инструментария, а последний, начиная с моего двадцатого века, опирается только на прогресс в электронике. Мой муж номер один, Джейк Бэрроуз, а также доктор Либби Лонг и доктор Дийти Картер придумали нечто особенное, объединив устройство сворачивания времени Бэрроуза с обычным телевизионным суперскопом-подглядывателем. Это комбайн, названный «суперснуперскопом», позволяет не только видеть, чем занята ваша супруга, когда вы отсутствуете всю ночь, но даже что она будет делать еще десять лет после этого. Или пятьдесят, или пятьсот... Этот прибор может дать возможность Кругу Уроборос увидеть последствия слишком раннего вмешательства и, быть может, воздержаться от такового. *Быть может.* Но при наличии уникальных качеств «Холмса-IV» эта вероятность во много раз увеличится. Мы еще должны будем в этом убедиться. Во всех случаях Майк мог бы позволить нам обойтись даже без суперснуперскопа для достижения нашей основной цели — сделать жизнь человечества более достойной и счастливой. Вот для чего нам нужен Адам Селен! Есть ли вопросы?

— Есть один, Хильда!

— Слушаю вас, Джубал!

— А посвящен ли наш друг Ричард в концепцию «Мира как мифа»?

— Я только вскользь называла ее Ричарду, рассказывая, как мы четверо — Зеб, Дийти, Джейк и я — были изъяты из истории нашей планеты и стерты во всех записях. Но думаю, Хэйзел ему рассказала об этом подробнее, да, Ричард?

— Если речь идет о концепции, то нет, я совершенно не в курсе. Да и не слишком хотелось совать в это свой нос. К тому же, Хильда, простите великодушно, но все эти «концепции» крайне трудно переварить!

— Конечно, дорогой, я и сама в это не слишком-то верю. Разве что глубокой ночью... Джубал, вам и карты в руки — объясните!

— Ну ладно,— произнес доктор Хэршоу.— Концепция «Мир как миф» чрезвычайно хрупка и деликатна. Ее иногда называют «многоличностным солипсизмом», хотя внутреннее содержание этого определения можно назвать нелогичным и абсурдным. Но сама нелогичность крайне нам полезна, мы далеко не всегда исходим из так называемой «логики».

Так вот, в течение многих веков религия поддерживала идею верховной власти как единственное объяснение Вселенной или Мультивселенной (назовите ее, если хотите, «Многовселенной»!). Детали всех известных религий могут существенно различаться, но суть их всегда сводится к одному: где-то высоко в небе или глубоко в земле, не исключено, что и внутри вулкана — то есть в недоступном людям месте — обитает старый-старый человек, одетый в какое-то подобие хламиды (по-нашему — ночной рубашки). Он знает все. Он всемогущ. Он Творец всего сущего. Он награждает и наказывает и, представьте, даже берет... взятки! Иногда этот Всемогущий имеет облик женщины, но последнее — нечасто, поскольку человеческие самцы обычно крупнее, сильнее и воинственнее самок. Господу, как правило, придается имидж Отца. Но идея Всемогущего Бога со временем стала подвергаться атакам, так как она, в конечном счете, ничего не объясняет, являясь пустой отговоркой. В девятнадцатом веке атеистический позитивизм возобладал среди меньшинства. (Тех, кто привык регулярно мыться в ванне.) В конце концов, он полностью вытеснил идею Бога. Но и у атеизма размах весьма невелик, и он ничего не объясняет, а всего лишь отвергает веру в Бога. Логически этот позитивизм опирался на естественные науки девятнадцатого века. Физики того времени искренне полагали, что Вселенную можно объяснить, как часовой механизм. В двадцатом веке появилось новое поколение физиков, напрочь опрокинувших идеи своих предшественников. Квантовая механика и «кошка Шредингера» выкинули на свалку мир «часового механизма» и с 1890 года заменили его туманом теории вероятности, то есть новым механизмом, в котором возможно все. Интеллектуалы, разумеется, несколько десятилетий этого не замечали, поскольку высокообразованные люди, как правило, не умеют сосчитать свои ботинки и очень даже гордятся этим! И тут выясни-

лось, что с кончиной позитивизма на сцене вновь объявились богословы, и вера стала набирать силу, гораздо большую, чем прежде! В конце двадцатого века (Хильда, поправьте, если я не прав!) наша Хильда со всем семейством была увезена с Земли каким-то дьяволом, которого окрестили «Зверем». Им удалось удрать в транспорте, вам хорошо знакомом и называемом Гэй Десейвер. В поисках безопасности эта семья посетила множество измерений и много вселенных. Вот тогда Хильда и сделала свое величайшее открытие, огромное по масштабу всех времен.

— Надеюсь, вы всем девушкам об этом сообщили?

— Спокойствие, милая! В числе многих обитаемых мест они посетили и Страну Оз. Да, Страну Оз.

Я дернулся как ошпаренный. Не выспавшись накануне, я слегка расслабился под журчание доктора Хэршоу, но тут...

— Вы произнесли слово «Оз» или я ослышался?

— Да, произнес. Повторю вам трижды: Оз, Оз, Оз! Конечно, эта страна оказалась созданной фантазией Л. Фрэнка Баума. А еще им довелось побывать в «Стране чудес», изобретенной преподобным мистером Доджсоном для развлечения Алисы.

И посетили другие места, считавшиеся до той поры вымышленными. Хильда обнаружила, что и сами мы живем в точно таком же мире, и создала концепцию «Мир как миф». Мы создаем свой мир сами, и сами же его изменяем. Настоящие могучие сочинители мифов, такие, как Гомер, Баум, автор Тарзана, создали значительные и прочные миры, между тем как пустяшные лжецы и лишенные воображения халтурщики ничего не создали, и их жалкие выдумки всеми забыты. Вот на этом-то достоверном факте, Ричард, заметьте, не на религии, а на факте, и базируется вся деятельность Круга Уроборос. Что, Хильда?

— У нас осталось совсем мало времени до перерыва на ланч. Ричард, есть какие-нибудь замечания?

— Вам они вряд ли понравятся.

Лазарус проворчал:

— А ну, сыграй нам, Баб!

— Я не только не собираюсь рисковать из-за всей услышанной галиматьи, но приложу все силы, чтобы вытащить из этого болота и Хэйзел. Но если так уж нужны память и программы того

древнего лунного компьютера, то, на мой взгляд, имеются два, по крайней мере, два нормальных пути для их изъятия!

— Говорите!

— Один примитивен и опирается на деньги. Учредите некую «передовую организацию», состоящую из липовых академиков. Сделайте от ее имени приличное денежное вливание в Университет Галилео на Луне, войдите прямо в дверь компьютерного помещения и берите все, что вам надо! Другой путь — использование действительно могущественных сил для получения реальных результатов. Какого черта возлагать надежды на «пожилую женатую пару» для совершения вашей уотергейтской аферы? И все ваши космические благоглупости меня ни в чем не убедили.

— А ну выложите ваш билет! — изрыгнул «малыш» Черный Самбо, то есть «Небесный маршал».

— Какой еще «билет»?

— Тот, что дает вам право «развинчивать» (я подумал, может, он хотел сказать «развенчивать»?) непостижимое! Сейчас же выложите его! Вы всего лишь жалкий трус, слишком ничтожный, чтобы выполнить свой долг!

— Да неужто? А кто же придумал тебе Бога? Слушай, мальчик, я так рад, что цвет моей кожи похож на твой!..

— Это почему же? — несколько оторопело спросил он.

— Да просто потому, что иначе меня могли бы назвать расистом, если бы я сообщил, насколько тебя презираю и что о тебе думаю!

Я успел заметить, как он выхватил из кобуры оружие, но моя-то палка (черт бы ее побрал!) лежала на полу, она соскользнула, когда я вставал с кресла. Я потянулся было за ней, но пуля сумела меня достать, попав в нижнюю левую часть живота.

В него выстрелили сразу трое. Двое попали в сердце, один — в голову. Джон Стерлинг, Лазарус и Командир Смит — трое, где хватило бы и одного!

Я сперва и не почувствовал боли, хотя знал, что он попал в кишки. Это плохо, совсем плохо, если не окажут срочной помощи!

А вот с Сэмюэлем Боузом стало происходить что-то непонятное. Он подался вперед и свалился с кресла и помоста, мертвый,

как сам король Карл, но тело его не осталось лежать там, куда упало. Оно начало постепенно... исчезать. И не то чтобы оно тускнело или там таяло, как пивная пена. Нет, оно исчезало по частям — сперва середина, потом лицо, потом ноги... Будто кто-то проводил влажной тряпкой по доске, где оно было нарисовано мелом. И наконец он исчез совсем. Его «стерли». Не осталось даже крови. Исчезло даже кресло, на котором он восседал.

Но заодно исчезла и рана в моих кишках.

29

Возможно, наступит время, когда лев и овечка возлягут рядом, но я уж лучше поставлю на льва!

Генри Уилер Шоу (1818–1885)

— А не лучше ли мне вытянуть меч из камня? — возразил я.— Если вам так уж хочется всучить мне «товар»! Ведь план совершенно идиотичен!

Мы сидели за столом для пикников в восточной части фруктового сада фермы: Мэнни Дэвис, капитан Джон Стерлинг, дядя Джок, Джубал Хэршоу, я и профессор Руфо, лысый старик, представленный мне в качестве помощника «Ее Премудрости», а заодно (о Господи!) и ее внука.

Впрочем, воочию убедившись в некоторых результатах ворожбы доктора Иштар, я больше не прибегал даже мысленно к словечку «невозможно», как делал еще несколько дней назад!

С нами был и Пиксель, который после ланча занялся охотой за бабочкой. Он очень старался, но та все время шла на несколько «пунктов» впереди. Яркое безоблачное небо обещало послеполуденную температуру в тридцать восемь или даже сорок градусов, в связи с чем мои тетушки предпочли вкушать ланч внутри кондиционированной кухни, а не на воздухе. Но здесь, где расположились мы, дул легкий бриз, деревья давали некоторую прохладу, так что было вполне терпимо. День, прямо созданный для пикника, напомнил мне «конференцию» с папой Хендриком

Шульцем в саду «Старой Макдональдовой фермы» ровно неделю назад (и одиннадцать лет спустя!). Если не считать, конечно, что Хэйзел сейчас с нами не было. Это портило мне настроение, но я старался не показывать вида. Когда Круг «открылся» для ланча, тетя Тиль сообщила мне:

— Хэйзел ушла всего несколько минут назад вместе с Лэйфом. Просила передать, что к ланчу не будет, но рассчитывает вернуться после полудня. Уж к ужину появится наверняка.

Я проклял это лаконичное послание. Мне так нужно было обсудить с ней все разговоры в «закрытом Круге»! К черту, как я могу принять какое-нибудь решение, пока не поговорю с собственной женой?

Но женщины, как кошки,— они всегда делают, что хотят. И мужчине с этим не сладить.

— Я продам вам этот самый меч в камне,— вдруг оживился профессор Руфо.— Недорого. Почти новый, использованный королем Артуром всего лишь раз. Меч ему без надобности, и я уверен, что он вам может помочь. Поэтому и недорого — я не могу извлекать выгоды из того, что не имеет гарантии!

— Руфо,— проговорил мой дядя,— вы способны продать билеты даже на собственные похороны, не правда ли?

— Не «способен», а уже продавал. Ровно столько, чтобы купить круглый гроб, в котором я ужасно нуждался... столько народу желало убедиться, что я в самом деле сдох!

— Вот, оказывается, как вы их провели!

— Да не вполне и провел. Ведь в билетах вовсе не утверждалось, что я умер, а просто предоставлялось право понести мой гроб. Это были великолепные похороны, самые прелестные из всех, какие когда-либо случались! Особенно их кульминация, когда я уселся в гробу и запел ораторию из «Смерти Джесса Джеймса», причем исполнил все партии подряд! И ведь никто не потребовал деньги обратно! Некоторые даже ушли прежде, чем я взял самую высокую ноту. Грубые создания... Стоит побывать на собственных похоронах, чтобы убедиться, кто твой истинный друг!

Руфо вспомнил обо мне.

— Так что же, нужен вам тот «меч в камне»? Недорого, но не даром. Могу и в кредит: это превзойдет все ваши ожидания! Ска-

жем, за шестьсот тысяч имперских долларов в мелких купюрах? Не крупнее десяти тысяч каждая?

— Профессор, мне не нужен «меч в камне»! Я использовал эти слова всего лишь как метафору дурацкого бизнеса. Такой же метафорой являлся, например, «истинный принц» в доармстронговских романах. Я имел в виду, что нелепо отказываться от использования денег или могущественных сил (что обеспечило бы нулевые потери), а вместо этого рассчитывать на меня и мою жену, вооруженных лишь бойскаутскими ножами! Это рыхлая глупая выдумка, даже современные книги отвергают такую несуразицу! Да и вряд ли ей будет обеспечен успех!

— Пятьсот тысяч пятьдесят, и я беру на себя остальные расходы!..

— Ричард,— ответил Джубал Хэршоу,— здесь невозможна никакая традиционная логика. В течение тысячелетий и философы, и святые пытались постичь логические схемы построения Вселенной... до тех пор, пока не явилась Хильда, которая доказала, что Вселенная отнюдь не логична, а, наоборот, причудлива и что ее структура зависит только от талантливого вымысла и ночных кошмаров мечтателей, лишенных логики,— он пожал плечами.— Если великие умы не поддадутся заблуждению, гласящему, что Вселенная, вернее, Мультивселенная, подчиняется логике и справедливости, а путем тщательного анализа придут к выводу, что всеми мирами правят законы хаоса и жестокости...

— Пятьсот тысяч — это последняя моя цена!..

— Но тогда тем более, зачем мне и Хэйзел надо так рисковать, во имя чего? — буркнул я и закричал: — Пиксель! Оставь это насекомое в покое!

— Бабочки — не насекомые,— без тени улыбки заметил капитан Стерлинг,— они самодвижущиеся цветы. Леди Хэйзел сообщила это много лет назад,— он наклонился и осторожно поднял Пикселя.— Как ему можно дать попить?

Я показал ему, как это сделать при помощи воды и пальцев. Стерлинг усовершенствовал способ, предложив котенку всю ладонь в качестве поилки. Пиксель сперва облизал ее края, а потом стал лакать, как и положено кошке, из углубления.

Этот Стерлинг чем-то смущал меня. Я знал его происхождение или думал, что знаю, и это заставляло воспринимать его с некоторым сомнением, хотя он сидел передо мной, как вполне живое существо, и я с ним беседовал. Да и как же можно не верить в реальность человека, сидящего перед вами и хрустящего сельдереем и картофельными чипсами?

И все же он был как бы двумерен — никогда не улыбался, а тем более не смеялся. Был безупречно вежлив, но удручающе серьезен. Я начал было благодарить его за то, что он спас мою жизнь, выстрелив в того, чье имя я не желал и вспоминать. Но Стерлинг остановил меня:

— Мой долг. Его можно было израсходовать, вас — нет!

— Четыреста тысяч и ни центом меньше... Полковник, где там эти чертовы яйца?

Я передал профессору сваренные вкрутую яйца.

— Я ведь еще не рассказал вам, как надо обращаться с «мечом в камне»? Сперва его надо попытаться вытащить, а потом... Ну ладно, не будем невежами. Триста пятьдесят тысяч!

— Профессор, да он мне и даром не нужен! Я же просто упомянул его ради красного словца.

— Ну давайте хотя бы меняться! Он вам пригодится для съемок стереосериалов. А еще им можно отпирать запоры!

— Профессор, вы что же, имеете в виду рекламу? — строго спросил Джубал.

— А что еще за условие «никакой рекламы»? Я ведь пока и не согласился участвовать!

— Вообще никаких разговоров, пока не наступит будущее. То самое *после*, когда реклама очень даже пригодится. Ведь надо же будет наполнить исторические книги! Мэнни, объясните Ричарду, почему вы никогда не публиковали воспоминания о Революции.

— Потому что Майк еще спит. И его нельзя слишком рано тревожить. *Нет?*

— А что, Мануэль, у вас имеется неопубликованная автобиография? — спросил я.

Мой «приемный» тесть кивнул.

— А как же! Профессора нет, Вайоминг тоже, Майк — неизвестно как. Свидетель — лишь я. Подлинная история Революции.

А то идет сплошное вранье. Вспоминает всякое жулье, даже близко там не побывавшее!

Он поскреб подбородок левой рукой. Что, это тоже трансплантант? У него же руки не было, я это знаю. Заметив мой взгляд, он мотнул головой, то ли подтверждая мои мысли, то ли наоборот. Но продолжил предыдущую тему:

— Написали вместе с Майком до моего отбытия на Астероиды. Спасем Майка — может, опубликую... Хотите узнать, как я познакомился со своей дочерью Хэйзел?

— Ну конечно! — воскликнул я, а Стерлинг сурово кивнул.

— Дело было в понедельник, 13 мая 2075 года, в Луна-Сити. Собрались в Стильярджи-Холле, говорили, говорили. Не о Революции, просто ругали правительство, несчастные же люди! На полу у двери — тощая девчонка, волосы оранжевые, грудок еще нет, глазенки блестят. Десять, может, одиннадцать. Слушает, слова не упустит. В ладошки хлопает, а сама серьезная-серьезная. Тут как нагрянули желтые куртки, правительственные «копы», бьют, даже убивают! Пока спасал рыжую девчонку, «копы» убили лучшего дружка. Ну и увидел ее в действии. Кинулась вперед, как мячик, ткнула головой того «копа» в живот, он повалился, а я как дам ему в пасть левой рукой (не этой, тогда был протез номер один!). Перешагнул через подонка, потащил прочь свою Вайоминг. А рыжий огонек куда-то скрылся, не заметили. Не видели несколько недель. Потом нашли. Но, друзья, точно говорю, дралась она так здорово, что спасла нас тогда от «копов». Спасла папу Мэнни и маму Вайо, еще не зная, что станет нашей дочкой! — Мануэль Дэвис рассмеялся.— Все-таки нашел ее! Взял в семью, не женой — девчонка еще,— а дочерью! Но в деле — совсем не ребенок! Тяжело трудилась для свободы Луны, ничего не боялась. А 4 июля 2076 года поставила вместе с нами подпись под Декларацией. Наш самый молодой товарищ, Хэйзел Мийд Дэвис. Никто больше не заслужил!

Мистер Дэвис вытер глаза. (Я, кажется, тоже.)

Капитан Стерлинг поднялся из-за стола.

— Мистер Дэвис, я горд, что услышал ваш рассказ. Мистер Джок Кэмпбелл, спасибо за гостеприимство. Полковник Кэмпбелл, надеюсь, вы решите бороться вместе с нами. Мы в вас нуждаемся. А теперь, если вы меня извините, я вас покину. Должен

идти. Ибо «Повелитель Галактики» не позволяет долго тянуть с ланчем. Не имею права.

— Ерунда, Джон,— сказал дядя Джок.— Должен же быть когда-нибудь и отдых? Поехали-ка со мной на охоту! За динозаврами. Время, проведенное в мезозое, не повлияет на ход собрания! А ваш «Повелитель» даже не докумекает, что вы отлучились. Ведь так славненько можно попрыгать во времени!

— Я сам буду знать, что отлучился, а это плохо. Однако благодарю вас, сэр, за предложение! Мне очень по душе такая охота!

Он поклонился и ушел. Доктор Хэршоу спокойно сообщил:

— Вот истинное благородство. Когда мы окончательно одолеем Повелителя, он и сам будет «стерт»! И знает это. Но его ничто не остановит. Он человек долга.

— А почему же его обязательно должны «стереть»? — вскинулся я.

— Как? Полковник, я знаю, что для вас это ново... но ведь вы и сами сочинитель, не так ли?

— Пока еще да, насколько я понимаю. Я недавно закончил большую вещь и отослал ее своему агенту. Всего десять дней назад. Возможно, скоро возьмусь за другую, если... Если жена меня поддержит.

— Ну значит, и сами прекрасно знаете, что по законам жанра, особенно приключенческого, герои и злодеи всегда взаимодополняющая пара. Один всегда бывает нужен другому.

— Так-то оно так, но ведь... прямо скажем, того человека, который нас только что покинул, придумала Хэйзел вместе с сыном, Роджером Стоуном. Они создали сериал «Бич космических трасс»...

— Именно. Его создали Хэйзел с сыном. Стерлингу известно и это. Но вот что я вам скажу, сэр: ведь все мы вымысел, продукт воображения того или другого сочинителя! Но мы, как правило, этого не знаем. А вот Джон Стерлинг знает, но он достаточно силен, чтобы не сломаться. Он знает и свою роль, и свое предназначение. И принимает их как должное.

— Но как же можно стереть такого человека?

Доктор Хэршоу удивился.

— Но вы же писатель. Так? Сочинитель придуманных историй. Сюжетов. Коллизий. Верно?

— Я-то? Я и понятия не имею о «литературе» как таковой, а просто леплю свои шаблонные историйки, предназначенные для публикации в газете, в лучшем случае — в сборнике. Но не более того. Грех, страдание, раскаяние... Сериалы о лошадях. Сериалы о космосе. Войны. Убийства. Шпионы. Моряки. И все такое прочее. Но мы с Хэйзел намерены возродить ее классический сериал с капитаном Стерлингом в главной роли. Как всегда. Так что это за блямкание насчет его «стирания»?

— Так что же, вы не хотите дать ему покончить с Повелителем Галактики? Вы обязаны это сделать, ибо Повелитель — такое зло... такое же всеобъемлющее зло, как и Воском!

— О, разумеется, он был злом, но только первые тринадцать серий. И все было так давно!

— И все равно Стерлинг не может остаться. Серии существуют, лишь пока живы и герой и злодей. Стерлинг с самого начала предназначался для борьбы с Повелителем. С самого начала он был задуман именно так.

— Ну ладно, примем это как данность. Но сейчас-то Повелитель уже усоп? Или скоро усопнет? Ну и что же останется делать Стерлингу?

Я хотел было что-то сказать, но запнулся, так как вопрос был уже не вопросом, а констатацией факта в духе Сократа. Для каждой кошки должна быть крыса. А герой ранга Стерлинга должен иметь противника себе по плечу. И если мы укокошим Повелителя, то вынуждены будем сочинить хотя бы сына с такими же мускулами, зубами, злодействами и паром, выпускаемым из ушей!

— Не знаю. Мы подумаем. Состарим Стерлинга и дадим ему синекуру в виде поста коменданта Академии Звездного Патруля. Или еще чего-нибудь в том же духе. Но зачем же его убивать? Пусть живет и не испытывает нужды в злодеях типа Повелителя!

— Вы полагаете, что это хорошо? — спокойно спросил Хэршоу.

— А... может, вам хотелось бы вообще закрыть сериал?

— Только не мне. Я ведь и сам наполовину в отставке. И все, что я сам создал,— это «Семейство Стоунов-кутил», комический сериал без всяких злодеев. Вдобавок я теперь знаю истину о «Мире как мифе» и вообще не пожелаю создать никакого злодея.

Спасибо судьбе, что мне не пришлось этим заниматься, ибо я никогда по-настоящему не верил ни в какое злодейство!

— Ну хорошо, я все равно без Хэйзел ничего ответить не смогу. Я ведь писатель второстепенный, мое дело будет следить за орфографией, пунктуацией, правильными ссылками и немного — драматургией сюжета. А она будет заведовать всей композицией. Но на сюжет и я все же немного смогу повлиять. Вот вы, дядюшка Джок, что-то ведь сказали об охоте на динозавров вместе с капитаном Стерлингом? Это что же, одна из шуточек, вроде той, когда вы «отпилили» якобы десять квадратных километров от ледового шельфа Антарктиды и отбуксировали их в Сингапур с помощью весельной лодки?

— Да нет, лодкой это было бы трудно!

— Ладно. Так вернемся к динозаврам.

— А что же динозавры? Я люблю на них охотиться! А однажды и Стерлинга взял с собой, и он достал потрясающего «рекса». Тиранозавра. А может, ты и сам попробуешь?

— Дядя, вы что, серьезно? Вы же знаете, я не люблю охоту! Терпеть не могу убивать тех, кто сам стрелять не умеет.

— Ого! Да ты меня не понял, племянничек! Мы вовсе не убиваем бедненьких зверюшек, даже если это тиранозавры. Это, на мой взгляд, не лучше, чем стрелять в коров. К тому же и мясо у них куда хуже! Динозавр старше года совсем несъедобен. Я их пробовал несколько лет назад, проголодавшись во временном канале номер семь. Но вообще, при ближайшем рассмотрении, убивать этих глупых ящериц все равно что убивать глупых людей. Так же стыдно. А вот охотиться с камерой — это совсем другое дело! Вот это забава так забава! И уж наверняка больше похоже на спорт, чем охота с ружьем. Отщелкаешь огромных хищников и тут же натыкаешься на разъяренных весенним гоном диких быков! И удираешь от них во все лопатки, и это так тебя подхлестывает, что ничего другого и не надо! Дикки, я знаю одно такое местечко невдалеке от Викиты, где водятся и трицератопсы, и утконосые ящеры, и всякие там птеродактили. А бронтозавры, а самцы стегозавра! Вот разделаемся со всеми тутошними затеями и махнем с тобой туда! Что ты на это скажешь?

— А что, это так легко?

— С теперешним оборудованием мезозойская эра не дальше, чем Ти-Эйч-Кью или Бундок! Время и пространство ведь всего лишь иллюзии, а бэрроузовы «сворачиватели» в одну секунду могут швырнуть тебя в самую гущу стада совокупляющихся, пасущихся или охотящихся тварей раньше, чем ты сможешь произнести слова «шестьдесят шесть миллионов лет»!

— Вы говорите со мной так, будто я уже состою в штате операции «Адам Селен»!

— Ну да, Дикки, ведь все оборудование все равно принадлежит Корпусу Времени... и очень дорого стоит. Сколько — это не тема для обсуждения. Оно создано для выполнения долгосрочной программы «Лонг Вью», а в целях развлечения может использоваться лишь эпизодически и далеко не всеми! Да, я считаю, что ты уже почти состоишь на службе. Так когда же ты надумаешь приступить?

Мэнни Дэвис смотрел на меня безо всякого выражения. Руфо встал и громко произнес:

— Ну, я сматываюсь. Стар, небось, уже хватилась меня — у нас ведь дел по горло! Благодарю всех и тебя, Джок, особо. Рад был познакомиться с вами, полковник.

Он быстро ушел. Хэршоу промолчал. Я глубоко вздохнул.

— Дядя, соглашусь только в том случае, если Хэйзел будет настаивать. Но все же я попытаюсь ее отговорить. И никто не сможет меня убедить, что предложенные мной два варианта ошибочны. Любой из них гораздо приемлемее и разумнее для изъятия программ и памяти «Холмса-IV»... или Майка... или Селена. Я буду рад, если они сумеют применить любую из них. Ведь то, что я предложил, просто логичнее!

Хэршоу терпеливо произнес:

— Это не логическая задача, полковник!

— Но речь о моей голове, доктор! Впрочем... я все равно поступлю так, как захочет Хэйзел. Только...

— Только что, Дикки?

— А то, что я ненавижу любые акции с необоснованными предпосылками. Знаете ли, дядя, я на прошлой неделе столкнулся с рядом необъяснимых и, пожалуй, даже смертельных нелепиц.

Может, и за ними стоит Повелитель, о котором вы здесь талдычите? Я же оказался замешан в бестолковейшую путаницу событий. Иногда мне кажется, что я параноик.

— Я ничего об этом не знал. Расскажи, расскажи-ка!

И я им поведал все. Хэршоу даже вынул блокнот и стал делать пометки. Я попытался вспомнить все: Энрико Шульца и его же роковое упоминание о Толливере и Уокере Эвансе, его смерть (если это была она!). Билла. Неестественное поведение властей «Золотого правила», дурацкий кар «Баджета», те вездеходы с убийцами. Джефферсон Мао, подонки в «Раффлзе»...

— И это все?

— Вам мало? Нет, не все! Какой груз везла тетушка Лилибет? Как нам, почти невооруженным и до предела измотанным, удалось скрыться от убийц? Что делали леди Дайана и ее тупоголовые мужья в том заброшенном краю? Если бы я мог, заплатил бы целое состояние сыщикам, чтобы они докопались до истинной подоплеки того, что со мною произошло и происходит! Что было направлено действительно против меня, что явилось плодом мнительности, а что — просто совпадением?

— Джубал,— произнес дядя Джок,— я что-то не врубился!

— Я тоже. Да,— Хэршоу встал.— Мы что-то оба не врубились.

Мой дядюшка тоже поднялся.

— Дикки-бой, ты подожди здесь. Мы отлучимся на пять минут. Дела.

Когда они ушли, Дэвис тоже встал с места.

— Извините, пожалуйста, мне надо размять руку...

— Конечно, папа Мэнни! Нет, нет, Пиксель! Пиво — не питье для котят!

На моем «сонихроне» оттикало семь минут. Но и по здешнему времени, кажется, прошло столько же. За это время дядюшка успел отрастить бороду, а у Хэршоу поперек левой щеки появился розовый ножевой шрам. Я растерянно уставился на них.

— О господи, вы как рождественские привидения! Что с вами случилось?

— Да все, что угодно! А пиво еще есть? Сисси,— произнес дядя, не повышая голоса,— нельзя ли нам еще пивка? К тому же и у

меня, и у Джубала давненько маковой росинки во рту не было! Много часов или даже дней...

— Сейчас,— ответил голос тети Сисси.— Но, милый! Я полагаю, тебе необходимо немного соснуть.

— Успеется. Сперва еда!

— Сразу же после еды ты должен вздремнуть. Сорок минут.

— Хватит меня изводить! Могу я получить томатный суп? И Джубал тоже!

— Ужин ты получишь лишь после сна. Через сорок пять минут после того, как приляжешь. Сейчас только закуска. Тиль это тоже подтверждает.

— Напомни, чтобы я тебя прибил!

— Конечно, милый. Но не сегодня — ты ведь так измотан!

— Ну ладно,— дядя повернулся ко мне.— Так, давай все-таки все обсудим. С чего начать? С тех вездеходов?.. Так ими управлял твой приятель, папа Хендрик Шульц! Можешь быть в этом совершенно уверен. Он оказался полевым разведчиком организации «Ичибан». И забудь о паранойе, Дикки. Все происходит далеко не случайно. За тобой гонятся, конкурируя друг с другом, две банды: «Хозяева времени» и «Обновители мизансцен». Они охотятся и на тебя, и друг на друга. У тебя дивная жизнь, сынок — ты рожден, чтоб быть повешенным!

— Что за чушь вы несете? Какие-такие «Хозяева времени» и «Обновители мизансцен»? Этого еще не хватало! И при чем здесь я?

— Может, это и не истинные их названия. Но ясно одно: и «Хозяева», и «Обновители» — это группы, делающие то же, что и Круг. И за ними нужен глаз да глаз! Дикки, ты не знаешь, что среди всех вселенных, а их — «число Зверя», то есть шестьсот шестьдесят шесть — только Круг способен уловить истину и принять правильное решение по любому поводу. Пойми ты это наконец!

— Да не желаю я ничего знать обо всем этом!

— Полковник,— вставил Джубал Хэршоу,— главный вывод из концепции «Мир как миф» в том, что мы имеем дело (и часто проигрываем) с тремя типами антагонистов: злодеями, подобными Повелителю Галактики, группами, подобными нашей, но преследующими совершенно различные цели, и, наконец, создателями

мифов типа Гомера, Твена, Шекспира, Баума, Свифта и их коллег по Пантеону, которых я не назвал. Эта третья группа наиболее мощная из всех. Тела этих создателей давно превратились в прах, но сами они живут в бессмертном Корпусе Мифов. Эти мифы Пантеона ничего не меняют в Мультивселенной, следовательно, они не опасны. Но существуют и живые создатели новых мифов, норовящие «стереть» старые или пересмотреть характеры их персонажей. Вот эти очень даже опасны,— Хэршоу мрачно улыбнулся.— Единственный способ борьбы с ними — это твердое понимание того, что незыблемо и что не подлежит стиранию. Тогда они становятся бессильны, а их игра — безвредной.

— И что же, их можно обезвредить простым неверием в их силы?

— Именно. Отказом принимать их концепции мифов... Так мы можем уже доложить?

— Дикки-бой, ты спросил, почему именно ты нужен Корпусу? Вот я и Джубал оставили наш приятнейший ланч и осуществили массу очень нелегких и небезопасных исследований в разных временных каналах. И все — с учетом задания «Адам Селен» и твоего ключевого участия в нем. Нам удалось узнать, что «Хозяева» сами задумали похитить Майка, а «Обновители» решили его просто уничтожить. Но обе группы жаждут твоей смерти, ибо ты — прямая угроза их планам.

— Но когда они начали, я и слыхом не слыхивал ни о каком Майке-компьютере!

— А это и было наилучшим, по их понятию, временем, чтобы тебя прикончить, вот оно как!.. Сисси, ты не только красавица, ты еще и приятнейшая из женщин... не говоря уж о других талантах! Поставь поднос на стол — мы сами себя обслужим.

— Бахвал и великий лжец! Помни, ты обязан поспать. Это наказ Тиль. И ты не сядешь за ужин, пока не сбреешь эту мерзкую бороду!

— Передай твоей подружке, что я скорее умру с голоду, чем стану подкаблучником!

— Да, сэр. Но я чувствую, что и она вряд ли уступит.

— Спокойно, женщина!

— И вот поэтому я сама добровольно тебя побрею. И подстригу.

— Я согласен.

— Сразу же после сна.

— Пошла вон! Джубал, не хотите ли вы попробовать этот салат-желе? Тиль готовит его исключительно. Впрочем, все три мои хозяйки — чудные поварихи!

— Ты мог бы под этим подписаться?

— Сказано тебе: исчезни! Джубал, жизнь с тремя женщинами требует исключительной силы духа!

— Знаю. Я сам это практиковал много лет. Сила духа плюс ангельское терпение. А также вкус к праздной жизни. Но групповой брак, такой, как в нашей семье Лонгов, сочетает все преимущества холостяцкой жизни, моногамии, полигамии — с отсутствием любых трудностей.

— Не смею спорить, но сам я проторчу со своими тремя грациями столько, сколько они сами позволят. Ну-с, а теперь поговорим об Энрико Шульце. Такого персонажа вообще не было.

— Здрасьте! — воскликнул я.— А кто оставил те мерзкие пятна на моей скатерти?

— Значит, его звали по-другому. Но ты и сам это знаешь. Наиболее достоверная гипотеза — он принадлежал к такой же шайке, в какой состоял и твой «приятель» Билл. Последний был отпетым улыбчивым мерзавцем, настоящим актером. Мы назвали и Энрико, и Билла «ревизионистами». Побудительный мотив — тот же Адам Селен. А вовсе не Уокер Эванс...

— Но почему Энрико его упомянул?

— Чтобы сбить тебя с толку. Скорее всего. Дикки, я ведь ничего не знал о генерале Эвансе, тем более, что то бегство после сражения произойдет в будущем. В моем *нормальном* будущем. Но я понимаю, почему слова «Уокер Эванс» так давили тебе на мозги. Почему они еще будут давить тебе на мозги! Вспомни, я не знал и того, что ты после операции «Андоррские крестоносцы» стал инвалидом (пока ты сам мне этого не рассказал).

— Ну так вот, слушай: кроме тебя и еще одного из «друзей Уокера Эванса», все остальные погибли. Тот, кто остался в живых, давно смылся на Пояс астероидов и затерялся. Таково положение на 10 июля 2188 года, то есть на одиннадцать лет вперед. Конечно, ты мог бы пообщаться с некоторыми из них в более близкое «отсюда» время...

— Не вижу смысла.

— Мы тоже так полагаем. Теперь о самом Уокере Эвансе. Лазарус взялся за это... и за частичное «смещение события», чтобы заодно показать тебе, на что мы способны. Никаких попыток пересмотра исхода сражения, тем более, что из 2177 года трудно повлиять на битву, состоявшуюся в 2178 году, не меняя ничего в твоей собственной жизни. Можно было либо убить тебя в той битве, либо оставить в целости твою ногу, а тебя — на военной службе... Но в любом случае отпадали: твоя поездка на «Золотое правило», женитьба на Хэйзел и пребывание здесь с разговорами обо всем этом. Смещение мира должно производиться лишь легкими касаниями, Дикки, гомеопатическими дозами!

— У Лазаруса есть два послания к тебе. Он говорит, что ты совершенно не повинен в том бегстве. Лично ты. Терзаться этим так же глупо, как если бы рядовой чувствовал себя ответственным за поражение в знаменитой битве Кастера «Малый муфлон», а ведь генерал Кастер — куда более блистательный полководец, чем твой Эванс! Лазарус в этом толк знает: он прошел все ступени от рядового до высшего командного чина и имеет опыт семнадцати войн во многих веках. Это его первое послание. Второе же таково: он просил тебе передать, что, возможно, ты и ужаснешься, ибо произошедшее — твоя тайна, хотя сам Уокер Эванс не стал бы держать на тебя зла... Дикки, о чем это он толкует?

— Если бы он хотел, то сам бы тебе и сказал.

— Резонно. А что, генерал Эванс был приятным человеком?

— Что? — я уставился на дядю, не вполне соображая, к чему он клонит, и неохотно выдавил: — Да нет, не таким уж и приятным. Он был непокладист и нуден...

— Ну вот, теперь и это стало ясно.

— Да, черт возьми. Но к чему...

— А к тому, что я могу теперь сказать об остальном, о том «смещении», которое мы сотворили. Наш «полевой оператор» спрятал под телом Эванса пару больших пакетов с полевым довольствием. Когда ты сдвинул тело, то нашел их... и этого оказалось достаточно, чтобы ни один из «друзей Уокера Эванса» не дошел до такой степени голода, чтобы нарушить табу. Стало быть, такого и не произошло!

— Но почему же я об этом не помню? А помню то, другое?

— Помнишь другое?

— Почему?..

— Ты будешь помнить лишь то, что нашел под телом — тот неприкосновенный запас продовольствия, который спас вас от...

— Дядя, это же безумие!

— Нет, это всего лишь небольшое «смещение». Некоторое время ты будешь это осознавать, потом все сотрется и останется лишь легкая тень воспоминания. А потом и она исчезнет. Не было этого, Дикки! Ты прошел через ад суровых испытаний и потерял ногу. Но ты не съел своего главнокомандующего!

Дядя продолжал:

— Джубал, чего мы еще не сказали? Дикки, ты не можешь рассчитывать, что мы сможем ответить на все твои вопросы. Ах да, о тех смертельных болезнях, которые ты якобы перенес. У тебя было только два недуга, остальные... ну, скажем, являются преувеличением. И лечили тебя всего три дня, а потом поместили в «поле управляемой памяти» и пришили тебе новую ногу. И сделали кое-что еще... Разве ты не чувствуешь себя намного лучше, чем раньше? Более живым и энергичным?

— Ну... чувствую. Но это идет еще со дня женитьбы на Хэйзел, а не только после Бундока.

— Сработало и то и другое. В течение того месяца, что ты лежал у доктора Иштар, они давали тебе стимуляторы омоложения. И переместили тебя из своей клиники в госпиталь ровно за день до того, как ты проснулся. О, можешь считать, что тебя просто-напросто облапошили — дали новую ногу и сделали тридцатилетним! Я думаю, тебе следовало бы подать в суд!

— Дядя, бросьте, пожалуйста! А что же с той «тепловой» бомбой? Тоже преувеличение?

— Не знаю. Может — да, а может — нет. Мы сумели различить лишь «временной щелчок». Дело в том...

— Ричард,— вмешался Хэршоу,— теперь мы полагаем, что задание «Адам Селен» может быть завершено еще до того, как станет необходимой тепловая бомба. У нас возник некий план. И эта тепловая бомбежка обрела статус «шредингеровой кошки»: ее вероятность прямо стала зависеть от выполнения задания «Адам Селен». И наоборот. Мы еще это все обдумаем...

— Эти ваши «планы»... Вы что же, считаете, что я уже согласился?

— Нет, наоборот, мы исходим из вашего отказа.

— Хм-м. Но если так, то стоит ли вам суетиться и рассказывать мне все эти диковины?

Дядюшка устало произнес:

— Дикки-бой, потрачены тысячи и тысячи человекочасов, чтобы удовлетворить твои ребяческие амбиции и снять покров с неизвестности. Ты что же думаешь, мы просто приходим и «сжигаем» результаты событий? Сядь на место и выслушай меня внимательно. Так... начиная с июня 2188 года на «Золотом правиле» и в Луна-Сити тебя обвинили в восьми убийствах и выписали ордера на твой арест.

— Восьми? Так кого же я убил?

— Посчитаем: Толливера, Энрико Шульца, Джонсона, Освальда Проганта, Расмуссена...

— Расмуссена?

— А ты его знаешь?

— В глаза не видел, но на мне в течение десяти минут красовалась его феска.

— Давай не будем тратить время на эти обвинения в убийствах. Они всего-навсего означают, что за тобой кто-то охотился и на «Золотом правиле», и в Луна-Сити. Если учесть, что ты понадобился трем группам, совершающим прыжки во времени, то ничего удивительного в этих «нелепицах» нет. Ты, разумеется, пытался это выяснить, хотя со временем оно само бы прояснилось. Если бы тебе понадобилось... И если только ты не умотал бы на Терциус и не позабыл обо всем. Да, еще о тех кодовых заданиях. Никаких особых заданий, тебе следовало бы просто помочь открыть ту дверь. Но при этом не дать себя укокошить! Вовсе не то, что ты себе вообразил. Дикки, ты просто оказался паникером!

— Черт возьми, мне жаль!

— У тебя есть ко мне вопросы?

— Пойдите поспите.

— Еще не время. Джубал, что еще?

— Спать, конечно!

— Дикки!

— Слушаю, дядя.

— Ты должен знать, что она тебя любит. Бог знает, за что! Но это вовсе не значит, что она всегда будет говорить тебе правду или действовать только в твоих интересах! Считай, что я тебе предупредил...

— Дядя Джок, а что хорошего в подобных предупреждениях? Говорить человеку о его жене... Не хотите ли услышать от меня что-либо о Сисси?

— Разумеется, нет! Но я ведь старше тебя и намного опытнее!

— Так проясните свои мысли насчет Хэйзел...

— Давай поменяем тему. Я вижу, тебе совсем не по душе Лазарус Лонг?

Я оскалил зубы.

— Дядя, единственная мысль, которая меня точит в отношении этого субъекта, что если он и вправду так стар, то он потратил мафусаилов век лишь на взращивание своей беспримерной сварливости. Он несусветно грубил при каждой нашей встрече. И я, вдобавок, в долгу перед этим ублюдком! Моя нога — из его клона, вы знаете? А тот переполох, который произошел сегодня утром? Лазарус пристрелил того болвана (как бишь его звали?), который пытался укокошить меня. Но ведь в него еще стреляли и капитан Стерлинг, и командир Смит. Может, они даже опередили Лазаруса, а может, и нет. Во всех случаях, я обязан всем троим. Черт бы побрал этого Лазаруса, я хотел бы разок спасти ему жизнь, чтобы не оставаться в долгу. Ублюдок он мерзкий!

— Ты не должен так ругаться, Дикки. Эбби за это выпорола бы...

— Да уж, вполне могла бы. Беру обратно слово «ублюдок»...

— А ты знаешь, Дикки, что и твои родители никогда не были женаты?

— Ну что же, мне этим довольно часто тыкали в нос. И весьма колоритно.

— Я имел в виду — чисто формальный брак. Твоя мама была моей любимой сестренкой, намного меня моложе. Дивное дитя. Я сам учил ее ходить. Играл с ней, когда она подросла, баловал как только мог. И когда у нее возникли, что называется, «проблемы», она пришла ко мне. К старшему брату. А еще — к твоей тете Эбби. Дело в том, Дикки, что твой отец вовсе не желал смыться, но он ужасно не нравился твоему деду, в точности так, как тебе не

по душе Лазарус Лонг! Но я имею в виду не твоего дедушку Эймса, чье имя ты носишь, а дедушку Кэмпбелла, моего с Вэнди отца. Уже после твоего рождения она встретила Эймса, и он женился на ней, а мы с Эбби взяли тебя к себе. Эймс дал тебе имя, а твоя мать собиралась через год забрать тебя, но она не прожила и года после брака с Эймсом. Вот мы тебя и вырастили. И Эбби стала твоей матерью во всем, кроме прямого родства.

— Дядя, тетушка Эбби была такой матерью, о какой мальчик может только мечтать! А те персиковые розги были мне очень даже полезны! Я это твердо знаю.

— Мне так приятно это слышать от тебя, Дикки-бой! Я люблю всех твоих тетушек, но ни одна женщина не заменит мне Эбби. Знаешь, Хэйзел чем-то мне ее напоминает. Ну ладно, Дикки, ты слушаешь меня? И соберешься ли с мыслями?

— Дядя, я же борюсь всю дорогу! Как я могу так просто сказать «о'кей» и подвергнуть свою жену риску, если у нее всего полсотни шансов выжить из ста? И никто не может мне растолковать, почему предложенные мной два варианта не лучше?

— Мы только что запросили аналитиков. Они не лучше. Но математики исследуют возможность создания альтернативной команды, если ты не согласишься. Поглядим. Твой отец был твердолобым упрямцем, твой дед — тоже. Неудивительно, что ты пошел в них обоих. Твой дедушка, мой родной отец, заявил, что он лучше будет иметь в семье незаконнорожденного, ублюдка, чем зятя в лице Лазаруса Лонга. Вот он и получил ублюдка — тебя. А Лазарус ушел и так ничего и не узнал о своем сыне. И ты еще удивляешься, что ты и твой папаша никак не можете сойтись? Вы слишком похожи друг на друга! А теперь Лазарус отправился, чтобы занять твое место в команде, выполняющей задание «Адам Селен»!

30

Нашим забавам пришел конец.

Уильям Шекспир (1564–1616)

Умирать нетрудно. Даже маленький котенок на это способен. Я сижу спиной к стене в старом компьютерном зале Правитель-

ственного Комплекса Луны. Пиксель свернулся на моей левой руке. Хэйзел лежит рядом на полу. Я не уверен, что Пиксель мертв. Может, он просто спит. Но я не хочу его тревожить, чтобы выяснить это. В лучшем случае он — тяжелораненый ребенок.

Знаю, что Хэйзел еще жива, по тому, как слегка вздымается ее грудь. Но она очень плоха. Я бы хотел, чтобы это скорее кончилось.

Никому не могу помочь. Нечем, да и двинуться трудно, поскольку у меня осталась всего одна нога и нет протеза. А та правая нога (от Лазаруса) сгорела прямо по линии пересадки. Я не слишком даже огорчен этим, ведь сгорание сопровождается прижиганием, и крови теряешь немного. И пока не так уж больно. Боль появится потом. Жуткая вспышка «белой» боли... Она придет позже. Интересно, знает ли Лазарус, что он мой папаша? Сказал ли ему об этом дядя Джок?

Эй, но это же значит, что Морин — прекрасное, чудесное создание — моя бабушка? А еще... но мне лучше вернуться немного назад.

В голове у меня все время что-то вспыхивает, и я не знаю, записывается ли то, что я говорю? Я захватил с собой тертианский диктофончик, или «записыватель», крошечную штучку, какой я раньше не видал. Не помню, включил я его или выключил (если он был включен). Я не уверен, что Пиксель мертв... Но я, кажется, это уже говорил. Может, надо начать с самого начала?

Это была хорошая команда, оснащенная достаточным по силе лучевым оружием, что делало, по моим ощущениям, наши шансы совсем неплохими. Конечно, Хэйзел была командиром. Вот состав подразделения:

Майор Сэди Липшиц, лидер ударной группы.

Капитан Ричард Кэмпбелл, старший офицер.

Корнет Гретхен Гендерсон, младший офицер.

Сержант Эзра Дэвидсон.

Капрал Тэд Бронсон, известный также как Вудро Вильсон, или Лазарус Лонг, или Лафайетт Хьюберт, Департамент медицины, дополнительные функции: офицер-медик.

Мануэль Дэвис, гражданское лицо, специальный полевой оператор.

...Лазаруса под именем Тэда Бронсона зачислили капралом в подразделение по выполнению задания «Адам Селен». Это,

по-моему, содержало какую-то шуточку для посвященных. Меня не посвятили, откуда пошел этот «Бронсон».

Корнет Гендерсон несколько тертианских месяцев назад уже приступила к продолжению действительной службы (после рождения ее мальчика). Она была крепкой, загорелой, красивой женщиной, и офицерские нашивки на ее форме казались весьма уместными. Сержант Эзра после обретения ног приобрел и бравую выправку, и его чин тоже вполне ему подходил. В общем, команда подобралась совсем неплохая.

Ну а я-то почему вдруг оказался в звании капитана? Меня этот вопрос занимал еще тогда, когда Хэйзел уговорила меня вступить в Корпус. Я хотел получить ответ — неважно, убедительный или дурацкий (в их стиле), и Хэйзел ответила мне, что так написано в любом историческом сочинении, где я упоминаюсь! И все! Я шел за ней вторым по чину. Остальные ни в каких исторических летописях и не упоминались, но нигде и не говорилось, что нас было только двое. Поэтому Хэйзел решила взять целое подразделение... (Она решила. Она набрала. Не Лазарусу же было это поручать. И не кому-нибудь из того «мозгового центра» Ти-Эйч-Кью. Меня это вполне устроило.)

Гэй Десейвер была укомплектована экипажем первого состава под командованием Хильды: Дийти — астрогатор, Зеб Картер — главный пилот, Джейк Бэрроуз — второй пилот и ответственный за нуль-транспортировку, и, наконец, сама Гэй, наделенная чувствами и сознанием и способная пилотировать не только себя, но и любой другой «нуль-перемещающий» транспорт, правда, за исключением Доры, слишком громоздкой для наших задач.

Шкипер космокара Хильда подчинялась командиру боевого подразделения. Я опасался возникновения трений, но сама Хильда подтвердила целесообразность этого:

— Именно так и должно быть, Хэйзел! Всякий должен знать, кто в этом деле босс. А то начнется неразбериха.

Да, команда была неплохая. Мы прошли все совместные тренировки, и каждый стал настолько профессионален, что никакая жесткая дисциплина, насаждаемая сверху, нам не требовалась.

...Приказ командира операции, майора Липшиц:

«Внимание! Цель — захват компьютерных плат, дискеток и всех других деталей, выбранных Дэвисом, и перемещение их вме-

сте с Дэвисом на Терциус. Никакая другая цель не ставится. Если препятствий не будет, все подразделение грузится обратно на корабль. Если же начнется бой и все погибнут, но Дэвис с грузом отбудет, задание будет считаться выполненным.

План операции: Хильда пришвартовывает корабль у северной стены. Порядок построения внутри корабля от носа до кормы (через помещение ванных комнат): Липшиц, Кэмпбелл, Гендерсон, Дэвидсон, Бронсон, Дэвис. После щелчка, означающего сигнал готовности от Ти-Эйч-Кью, начинать высадку подразделения из корабля в указанной последовательности.

Компьютерная комната имеет квадратную форму. Расположение бойцов подразделения по ее углам: Липшиц — юго-восточный, Гендерсон — юго-западный, Кэмпбелл — северо-западный, Дэвидсон — северо-восточный. Диагональные пары держат под прицелом все четыре стены, дублируя друг друга. Бронсон является телохранителем Дэвиса, их положение не фиксируется.

По мере демонтажа, выполняемого Дэвисом, платы, дискеты и прочее передаются на корабль Гендерсоном и Дэвидсоном под контролем Дэвиса. Прием на борт осуществляет Дийти. Командир корабля и пилоты поддерживают состояние готовности к немедленному отбытию, но оказывают содействие в размещении груза внутри отсеков корабля. Бронсон не участвует в погрузке, выполняет лишь функцию охраны Дэвиса. Это единственная его задача.

Когда Дэвис доложит об окончании работы, максимально быстро осуществляется посадка в следующем порядке: Дэвис, Бронсон, Дэвидсон, Гендерсон, Кэмпбелл, Липшиц.

Хильде надлежит дать команду об отлете в любой момент после посадки Дэвиса и погрузки всей аппаратуры на борт в соответствии с требованиями текущего момента. При возникновении малейшей тревоги никого, кроме Дэвиса, ждать не следует! Его и Майка следует спасти любой ценой. Имеются ли вопросы?»

Сколько же времени я приходил в себя? Мой «сонихрон» пострадал в самом начале. Команда, собранная Хэйзел, состояла... Нет, это я уже сказал... Кажется, сказал.

Интересно, как поживает дерево-сан?..

Отсчет времени (щелчок) начался с того момента, как Хэйзел покинула компьютерную комнату пятого июля, в субботу. Группа аналитиков, выбравшая этот момент, рассудила, что если наши

антагонисты («Хозяева времени»?) ждут нас у «Раффлза», то они не станут искать нас в компьютерной комнате. Раньше запускать нас туда не имело смысла, ибо Хэйзел должна была убедиться, что Адам Селен все еще находится там, и оттуда же доложить в Штаб.

Итак, мы появились в компьютерном помещении в предельно близкое время, быть может, даже чуточку более близкое, чем следовало бы: когда Хэйзел выходила из Гэй, она замерла столь резко, что я едва на нее не наткнулся... переждала секунду и шагнула вперед.

А замерла она потому, что увидела спину другой Хэйзел, выходящей из комнаты.

Нужно передать тетушке Тиль, что мы с Хэйзел не успеем вернуться к ужину...

Голова просто раскалывается, а глаза совсем уже отказывают... Просто не знаю, как Пиксель попал на борт Гэй... Как этому несносному ребенку удается всюду прошмыгивать?

Джубал Хэршоу ведь сказал: «В этих зыбких мирах все строится, как шахматная партия фей, и единственной постоянной вещью является человеческая любовь». Ну и хватит с меня!

Пиксель слегка пошевелился...

До чего же было хорошо несколько дней походить на двух ногах!..

— Ричард...

— Что, любимая?

— Сынишка Гретхен... Он твой...

— Что?

— Она сама мне сказала еще тогда...

— Не понимаю...

— Это парадокс...

Я хотел еще спросить, но она вновь погрузилась в дрему. Жгут, наложенный на ее рану, пропитался кровью. Но ничего больше я сделать не мог, не мог даже притронуться к ней!

Так и не повидался с тетушкой Бильди в этот приезд... Плохо...

А что там с моими дискетками, интересно? Они еще в протезе?..

Ха! А ведь завтра должен наступить день, когда «мы все умрем», если не умрет Рон Толливер!

Первый час прошел гладко, без всяких инцидентов. Мэнни начал заполнять ящики, работал методично и без отдыха, лишь однажды сменив уставшую руку. Гретхен и Эзра таскали ящики

к кару и передавали их внутрь, а в промежутках стояли на страже. Груз по большей части состоял, насколько я понял, из программ — Мэнни перекачивал их в свои мнемокубы, пользуясь наспех собранным оборудованием. Точно не скажу — не видел. Затем какими-то цилиндрами. Памятью Адама Селена? Не знаю. Наверное, я загляделся.

Мэнни выпрямился и сказал:

— Все! Готово!

— Мур-р-р! — услышал я в ответ.

И тут *они* нанесли удар.

Я упал сразу, потеряв ногу ниже колена. Увидел, как падает Мэнни, и услышал крик Хэйзел:

— Бронсон, на борт его! Гендерсон, Дэвидсон,— последние два ящика, живо!

Что было потом, я упустил, потому что стрелял. Вся восточная стена была сворочена, я провел вдоль нее тепловым пистолетом, включенным на полную мощность. На нашей стороне, кажется, еще кто-то стрелял.

Потом все стихло.

— Рич...

— Да, дорогая моя!

— Это было замеча...

— Конечно, родная! Все-все!

— Рич... тот свет в конце... тунне...

— Да, милая?

— Я буду ждать... там...

— Любимая, ты возвращаешь меня к жизни!

— Поищи меня... я буду...

Когда та стена рухнула, мне показалось, что я вижу того (как бишь его звали?). Но мог ли персонаж, уже «стертый», снова вернуться в «историю»?

А кто пишет *нашу* «историю»? Собирается ли он оставить нас в живых?

Любой, кто способен убить ребенка-котенка — жесток. Кто бы ты ни был, я тебя ненавижу. Я тебя презираю!

Я с усилием вышел из дремы, поняв, что заснул «на посту». Следовало взять себя в руки, так как они вполне могли вернуться. А может, Боже всесильный, вернется Гэй Десейвер? Тогда

непонятно, почему ее еще нет! Осложнения с выбором нового «щелчка»? Все может быть. Но просто бросить нас тут они не могут.

Но мы же спасли Мэнни и все, что он отсюда вынес. Мы выиграли, черт возьми!

Посмотреть на оставленное оружие, патроны. У меня ничего больше нет. И пистолет-лучевик совсем выдохся, я знаю. А оружие в кобуре? Не помню, чтобы я из него стрелял. Все кончилось. Надо осмотреться...

— Родной!

— Да, Хэйзел?

А вдруг она попросит пить — у меня же нет совсем ничего!

— Мне так жаль, что тогда, в ресторане...

— Что-что?

— Я *должна была* убить его, любимый, у него ведь было задание уничтожить тебя!

Котенок то ли шевельнулся, то ли вытянул лапки. Я положил его на Хэйзел. Наверное, они оба уже мертвы. Попробовал встать на ногу, но ничего не вышло: я уже отучился обходиться только одной. И палки рядом не оказалось — впервые за много лет... Но она же была там... в ванной комнате Гэй!

Я пополз, осторожно волоча правую культю. Она уже начала болеть... Ни одного заряженного пистолета... Я снова приполз к Гвен и Пикселю. Никто из них не шевельнулся. Но я еще не верил.

Неделя — это же так недолго для медового месяца и ничтожно мало для семейной жизни!

Я обследовал ее сумку — нужно было это сделать давно! Но она же не расставалась с ней никогда, держа на ремешке через плечо даже во время боя!

Изнутри сумка была куда объемнее, чем снаружи. Я нашел в ней двенадцать плиток шоколада, ее маленькую камеру, ее грозный маленький дамский «мийако», полностью заряженный. Восемь в обойме, один в патроннике.

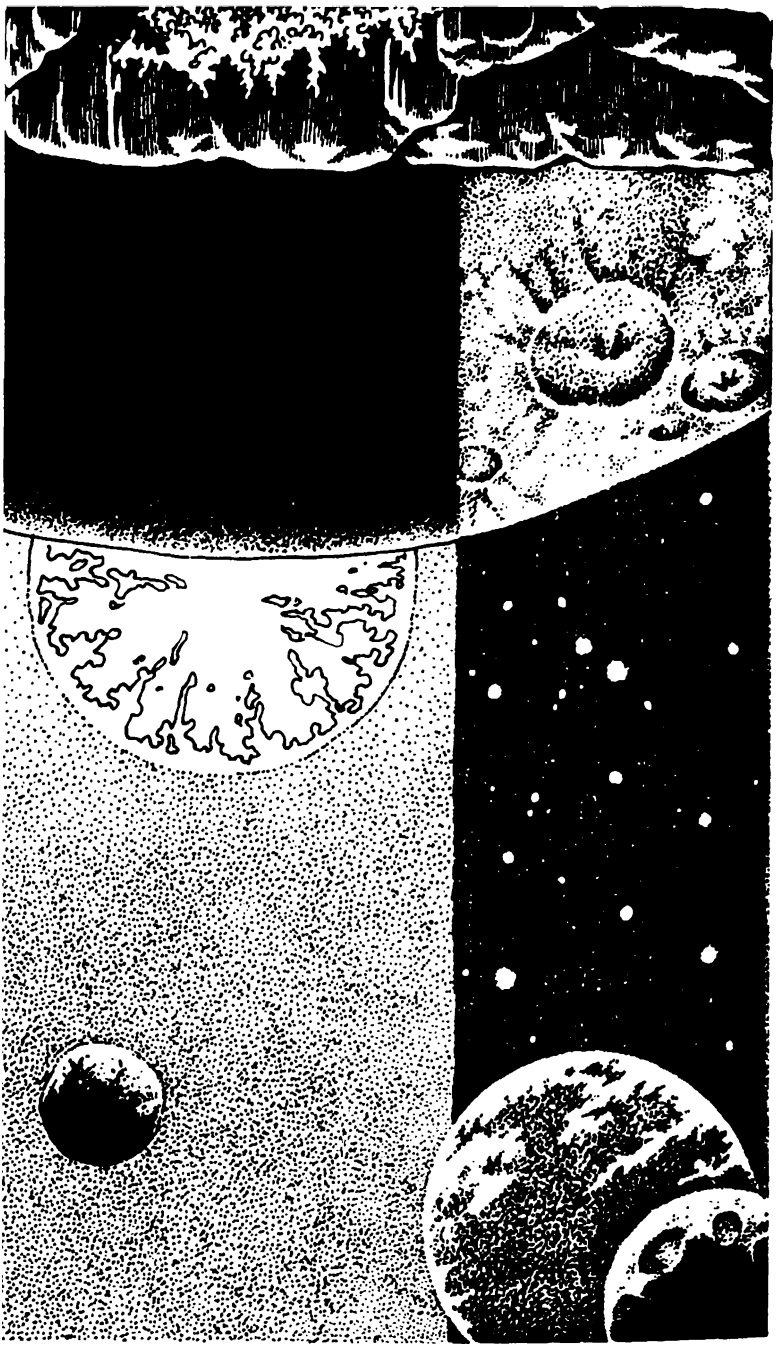
А внизу, на самом дне, я нашел тот самый «игломет», который и должен был быть там. Я чуть его не проворонил — он выглядел как обычная сумочка-косметичка. И четыре иглы в нем еще остались...

Если они вернутся — или появится новая банда, мне уже все равно,— чертову дюжину покойников я вам гарантирую.

УПЛЫТЬ ЗА ЗАКАТ

Жизнь и любови Морин Джонсон

(мемуары одной беспутной леди)



Девчушкам, бабочкам и котятам.
Сьюзен, Элеанор и Крис и, как всегда, Джинни.
С любовью Р.Э.Х.

«...Вперед, друзья,
Открытиям еще не вышел срок.
Покинем брег и, к веслам сев своим,
Ударим ими, ибо я стремлюсь
Уплыть за край заката и достичь
Вечерних звезд, пока еще я жив».

А.Теннисон, «Улисс».

1

КОМИТЕТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО УСТРАНЕНИЯ

Я проснулась в постели с мужчиной и котом. Кот был мне знаком, мужчина — нет.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться — пристегнуть настоящее к своим вчерашним впечатлениям.

Бесполезно. Никакого «вчера» не существовало. Последнее, что я помню четко,— это салон пространственно-временного автобуса, в котором ехала в Нью-Ливерпуль. Потом раздался громкий треск, я ударилась головой о переднее сиденье, какая-то женщина подала мне ребенка, и мы все потянулись к аварийному выходу правого борта. В одной руке у меня был кот, в другой — ребенок. Потом я увидела мужчину, которому оторвало руку...

Содрогнувшись, я открыла глаза. Нет, у незнакомца рядом со мной рука была на месте, и кровь не хлестала из куцего обрубка. Может, мне просто приснился кошмар? Я горячо надеялась, что это так.

А если не так, то куда я дела ребенка? И чей он, собственно? Морин, так не пойдет. Если ты потеряла ребенка, тебе нет прощения.

— Пиксель, ты ребенка не видел?

Кот промолчал, и возобладала презумпция невиновности.

Отец когда-то сказал мне, что только я одна из его дочерей способна, усевшись на церковную скамью, вдруг обнаружить, что плюхнулась на горячую лимонную меренгу. Любая другая посмотрела бы, куда садится. (Я смотрела. Но мой кузен Нельсон... Ну да ладно.)

Если оставить в стороне лимонные меренги, кровавые обрубки, пропавших детей, возникает вопрос: что за человек лежит в постели, повернувшись ко мне тощей спиной скорее как супруг, чем как любовник? Я не припомню, чтобы выходила за него замуж.

Я и раньше делила постель с мужчинами — и с женщинами, и с детьми, которые могли в нее надуть, и с кошками, которые занимали большую ее часть, а однажды и с целым квартетом. Но, будучи женщиной старомодной, все-таки предпочитаю знать, с кем сплю.

— Пиксель, кто это? Мы его знаем? — спросила я у кота.

— Н-н-н-е-е.

— Тогда давай посмотрим,— я положила руку на плечо неизвестному, чтобы разбудить его и спросить, где мы с ним познакомились — если мы знакомы.

Плечо было холодное.

Он был мертв.

Ничего себе начинается день.

Схватив Пикселя, я вскочила как ошпаренная. Пиксель запротестовал.

Я рявкнула:

— А ну заткнись! У мамы проблемы,— отключив на долю секунды свой подкорковый центр, я решила не выскакивать пока ни на улицу, ни в коридор (куда там ведет эта дверь?), а повременить и постараться оценить ситуацию, прежде чем взывать о помощи. В этом был свой резон, поскольку я была в чем мать родила. У меня нет предрассудков на этот счет, но благоразумнее будет все же одеться, прежде чем заявлять о трупе. Полиция, вероятно,

захочет меня допросить, а я этих легавых знаю — им только дай случай завалить девушку.

Поглядим сначала на труп.

Все еще прижимая к себе Пикселя, я обошла кровать и наклонилась над мертвым телом. (Фу-у.) Нет, я его не знала. И вряд ли захотела бы лечь с ним в постель, будь он даже жив-здоров. Под ним все намокло от крови (бр-р). То ли она вытекла у него изо рта, то ли ему перерезали горло — я не знала, что именно случилось, и выяснять это мне не хотелось.

Я попятилась и стала искать свою одежду. Чутье подсказывало мне, что я нахожусь в отеле: гостиничный номер можно сразу отличить от комнаты в частном доме. Номер был роскошный — мне пришлось долго шарить в разных шкафах, комодах и нишах, а потом повторить это еще раз, поскольку никакой одежды я не нашла. Полный осмотр, более тщательный, тоже ни к чему не привел. Ни клочка одежды — ни женской, ни мужской.

Волей-неволей я решилась позвонить управляющему, поделиться с ним своей проблемой, попросить его вызвать полицию и принести мне какой-нибудь халат или кимоно. Я стала искать телефон — но Александр Грэхем Белл, как видно, зря прожил свою жизнь.

— Да пес их возьми! Куда они засунули этот чертов аппарат?

— Мадам желает заказать завтрак? — раздался голос неведомо откуда.— Рекомендуем наш фирменный утренний стол: корзина с разнообразными свежими фруктами, несколько сортов сыра, вазочка со свежей выпечкой — свежие мягкие булочки, джемы, желе, сиропы, бельгийское масло. В меню также имеются молодые барлопы на вертеле, топленые яйца по-октавиански, копченый слинкер, фаркели в кисло-сладком соусе, баварский штрудель. Большой выбор обычных и шипучих вин. Неповторимое пиво «Штрайн». Кофе «моха», «кона», «турецкое, «проксима» — смесь или чистое. Все подается...

— Не нужен мне завтрак! — обрела я наконец дар речи.

— Может быть, мадам предпочтет наше «праздничное утро» — фруктовый сок на ваш вкус, свежевыпеченный рогалик, изысканный выбор джемов и варений, а также сытный, но горячий

низкокалорийный напиток. В сопровождении последних известий, музыки или же в благодатной тишине...

— Я не хочу есть!

— Мадам,— озабоченно ответил голос,— я запрограммирован только на обслуживание блюдами и напитками. Переключить вас на другую программу? Служба уборки? Старший портье? Ремонтная служба?

— Дайте мне управляющего.

После короткой паузы я услышала:

— Обслуживание! Гостеприимство с улыбкой! Чем могу вам помочь? У вас возникли проблемы?

— Проблема в том, человек вы или машина?

— Неужели это столь важно? Пожалуйста, скажите, чем я могу вам помочь.

— Если вы не управляющий, то ничем. Так на чем вы работаете — на гормонах или на электронах?

— Мадам, я машина, но очень гибкого типа. В моей памяти хранится весь курс Прокрустова института гостиничного дела плюс досье на все, случившееся у нас до вчерашнего дня. Если вы изволите изложить свою проблему, я немедленно подберу прецедент и скажу, как можно ее разрешить к удовлетворению гостя. Итак, я вас слушаю.

— Если ты сию же минуту не соединишь меня с управляющим, то гарантирую тебе, что он разнесет топором твою ржавую башку и поставит вместо тебя аналоговый мозг Бэрроу-Либби. В твоем досье что-нибудь сказано насчет того, кто бреет цирюльника? Дурак.

На этот раз мне ответил женский голос:

— Контора управляющего. Чем могу служить?

— Заберите мертвеца из моей постели.

Пауза.

— Говорит хозяюшка Эстер. Чем могу служить?

— У меня в постели труп. Меня не устраивает подобный беспорядок.

Снова пауза.

— Эскорт Цезаря Августа, услуги на любой вкус. Если мы правильно поняли, у вас в постели умер кто-то из нашего персонала?

— Я не знаю, кто он,— знаю только, что он мертвый. Кто у вас занимается такими вещами? Горничная? Мусорщики? Гостиничный врач? Пусть заодно сменят простыни.

На этот раз мне включили музыку. Я прослушала две первые арии «Кольца Нибелунгов» и начала слушать третью.

— Расчетная служба, говорит мистер Мунстер. Этот номер предназначен для одиночного заселения. Мы должны будем взять дополнительную...

— Слушай, обормот, это же труп. Как можно брать с трупа плату за проживание? Между прочим, его кровь капает с постели на ваш ковер. Если не пришлете кого-нибудь прямо сейчас, ковер будет испорчен.

— За порчу ковра взимается штраф. Это выходит за рамки обычного износа.

— Р-р-р...

— Простите?

— Я сейчас подожгу занавески.

— Занавески не воспламеняются. Однако я записываю вашу угрозу на пленку. Согласно положению о гостиницах, раздел семь дэ...

— Уберите отсюда этого мертвеца!

— Минутку. Соединяю вас со старшим портье.

— Я пристрелю его, как только он войдет в дверь. Я кусаюсь. Я царапаюсь. У меня пена изо рта. Мне надо успокоиться.

— Мадам, пожалуйста, успокойтесь. Мы гордимся своим...

— А потом я спущусь в ваш кабинет, мистер монстр Мунстер, стащу вас с вашего стула и сяду на него сама, а вас перекину через колено и сдерну штаны... Я вам не говорила, что я с Гаммы Геркулеса? Две с половиной g — мы таких, как вы, на завтрак едим. Так что оставайтесь на месте, чтобы мне не пришлось за вами гоняться.

— Мадам, с сожалением должен сказать, что вы не можете сесть на мой стул.

— Хотите пари?

— У меня нет стула; я надежно приделан к полу. А теперь я должен проститься с вами и передать вас нашей охранной службе. В ваш счет будут включены дополнительные пункты. Желаю приятно провести у нас время.

Они явились слишком быстро — я еще смотрела на те огнестойкие занавески и раздумывала: использовать мне их, как Скарлет О'Хара использовала портьеры Тары, или ограничиться тогой, как Юнис в «Последних днях Помпеи» (или это из «Камо грядеши»?) Тут они и ввалились: местный доктор, местный сыщик и местный вышибала (последний с тележкой). За ними толпились еще какие-то личности, и вскоре из собравшегося народа уже можно было свободно набрать две команды.

Напрасно я беспокоилась о том, что голая — никто на меня и внимания не обращал, даже обидно. Джентльмены обязаны хотя бы ухмыльнуться. Уместны были бы также свист, улюлюканье и прочие знаки внимания. Иначе женщина теряет уверенность в себе.

Возможно, я слишком чувствительна — но с тех пор, как мне минуло полтораста, я каждое утро с немым вопросом изучаю себя в зеркале. В толпе, которая вломилась ко мне, была только одна женщина. Оглядев меня, она фыркнула, отчего мне сразу стало легче.

Потом мне вспомнилось кое-что. Когда мне было двенадцать, отец сказал мне, что у меня будет много хлопот с мужчинами.

— Отец, вы, видно, последнего ума лишились,— сказала я.— Я же некрасивая. Мальчишки в меня даже снежками не кидаются.

— Попрошу повежливей. Это неважно, что ты некрасивая. Все дело в том, как от тебя пахнет, дорогая моя дочка. Тебе следует почаще мыться... иначе в одну прекрасную ночь тебя изнасилуют и убьют.

— Я моюсь каждую неделю! Сами знаете!

— В твоем случае этого недостаточно. Запомни мои слова.

Я запомнила и убедилась, что отец знал, о чем говорит. Когда мне хорошо и я счастлива, от меня пахнет, как от кошки в марте. Но сегодня мне было плохо. Сначала меня напугал мертвец, потом машины своим вяканьем вывели меня из себя — а это дает

совсем другой запах. Кошка, которой неохота, может спокойно пройти через целое сборище котов, и никто ее даже не заметит. Как не замечали меня.

С моего почившего партнера сняли простыню. Доктор осмотрел труп, не прикасаясь к нему, потом пригляделся повнимательней к жуткой красной луже, в которой тот лежал, нагнулся, понюхал, а потом — у меня мурашки пошли по коже — обмакнул в нее палец и попробовал на вкус.

— Попробуйте вы, Адольф. Послушаем, что вы скажете.

Его коллега (по моему предположению) тоже попробовал на язык кровавую жижу.

— Хейнц.

— Нет, Скиннер.

— При всем моем уважении к вам, доктор Ридпат, вы испортили себе вкус дешевым джином, который поглощаете в больших количествах. В скиннеровском кетчупе соли больше, и это убивает изысканный вкус томата. Вы не чувствуете разницы из-за своих дурных привычек.

— Десять тысяч, доктор Вайскопф? Поровну.

— Будь по-вашему. Как вы думаете, что послужило причиной смерти?

— Не пытайтесь подловить меня, доктор. Причина смерти — это ваша забота.

— Остановка сердца.

— Блестяще, доктор, блестяще. Но отчего оно остановилось?

— В случае судьи Хардейкра вопрос уже несколько лет скорее стоял так: отчего он еще жив? Прежде чем высказать свое мнение, я должен положить его на стол и вскрыть. Может быть, я поторопился. Может быть, окажется, что у него вообще не было сердца.

— Вы хотите его вскрыть для того, чтобы это выяснить, или для того, чтобы он уже наверняка не ожил?

— Что-то здесь шумно. Оформляйте передачу тела, и я отправлю его в морг.

— Давайте форму 904, я заполню. Главное, не показывайте эту дохлятину гостям. В гранд-отеле «Август» никто не умирает.

— Доктор Ридпат, я умел улаживать подобные дела, когда вы еще корпели над своим дипломом.

— Уверен, что умели, Адольф. Сыграем после в лаунболл?

— Хорошо, Эрик, спасибо.

— А потом пообедаем. Зенобия будет вас ждать. Я заеду за вами в морг.

— Извините, не могу. Иду со своим ассистентом на оргию к мэру.

— Ничего страшного. Зенобия тоже не пропустит первый бал фиесты — пойдем все вместе. Так что приводите и ее.

— Не ее, а его.

— Эрик, вас не угнетает собственный цинизм? Он сатир, а не гусыня.

— Тем лучше. Когда на закате начнется фиеста, Зенобия оценит любую галантную фривольность с его стороны — лишь бы кости не поломал.

Из их дурацкой болтовни я уяснила одно: это не Нью-Ливерпуль. В Нью-Ливерпуле не празднуют никакой фиесты — а в местном фестивале, похоже, сочетаются мюнхенский Fasching* и карнавал в Рио с легкой примесью тюремного бунта. Итак, это не Нью-Ливерпуль. Остается определить, что это за город, что за планета, что за год и что за вселенная. А там надо подумать и о себе. Одежда. Деньги. Социальное положение. И как попасть домой. Но я не волновалась. Пока плоть еще не остыла и кишечник работает регулярно, прочие проблемы второстепенны и преходящи.

Двое докторов продолжали выщучивать друг друга, и я вдруг осознала, что еще ни слова не слышала на галакте. И даже на испанге. Они говорили на английском с резким выговором моего детства, а их словарь и идиомы тоже напомнили мне родной Миссури.

Морин, не смеши людей.

Пока лакеи готовились вынести тело (теперь это было просто нечто, завернутое в пыльные покрывала), судебный медик

* Fasching *(нем.)* — Масленичный карнавал.

(или коронер?) взял сопроводительную карту, подписанную гостиничным врачом, и они оба собрались уходить. Я остановила местного доктора:

— Доктор Ридпат?

— Да? Что, мисс?

— Меня зовут Морин Джонсон Лонг. Вы служите в этом отеле, не так ли?

— В некотором роде. У меня здесь кабинет, и я лечу гостей отеля, когда необходимо. Вам нужно на прием? Я тороплюсь.

— Только один вопрос, доктор. Как в этом отеле можно связаться с кем-нибудь из плоти и крови? Мне отвечают одни только болваны-роботы, а я здесь, видите ли, без одежды и без денег.

Доктор пожал плечами.

— Кто-нибудь непременно явится, как только я доложу о смерти судьи Хардейкра. Беспокоитесь о своем гонораре? Почему бы вам не позвонить в агентство, которое вас к нему отправило? У судьи там, я думаю, открыт текущий счет.

— Но, доктор, я не проститутка — хотя этот вывод, наверное, напрашивается сам собой.

Он так высоко вздернул правую бровь, что зачес надо лбом дрогнул, и заговорил о другом:

— Какой красивый котик.

Я не сразу поняла, что это относится к моему четвероногому спутнику. Котик *он*, безусловно, красивый — огненно-рыжий котище (под цвет моих волос) в яркую тигровую полоску. Им восхищаются не в первой вселенной.

— Спасибо, сэр. Его зовут Пиксель, он кот-путешественник. Пиксель, это доктор Ридпат.

Доктор поднес палец к розовому кошачьему носику.

— Здорово, Пиксель.

Пиксель проявил понимание (он не всегда проявляет его, будучи котом с твердыми принципами). Но тут он обнюхал протянутый палец и лизнул его.

Доктор расплылся в улыбке, а когда Пиксель счел, что ритуальный поцелуй длится достаточно долго, убрал свой палец.

— Чудный мальчик. Где вы его взяли?

— На Терциусе.

— Где этот Терциус? В Канаде? Вы говорите, что нужны деньги — сколько возьмете за Пикселя? Наличными? Моя девчушка прямо влюбится в него.

Я не стала мошенничать. Могла бы, но не стала. Пикселя нельзя продать — он не останется у нового хозяина, этого кота и запереть невозможно. Каменные стены для него не тюрьма .

— Прошу прощения, но я не могу его продать — это не мой кот. Он из семьи моего внука — одного из моих внуков. А Колин и Хейзел никогда бы не продали его, да и не смогли бы — Пиксель им тоже не принадлежит. Он никому не принадлежит. Пиксель — свободный гражданин.

— Вот как? А может, я сумею его подкупить? Что скажешь, Пиксель? Много конской печенки, свежая рыба, кошачьи консервы — все, что захочешь. Вокруг полно сговорчивых кошечек, а твои запальные свечи мы трогать не станем. Ну как?

Пиксель дернулся, что означало «пусти меня», и я послушалась. Он обнюхал докторские ноги, потерся о них и недоверчиво спросил:

— Да нну-у?

— Соглашайтесь,— сказал мне доктор.— Кажется, я его завоевал.

— Не ручаюсь, доктор. Пиксель любит путешествовать, но всегда возвращается к моему внуку — полковнику Колину Кемпбеллу — и к его жене Хейзел.

Доктор в первый раз посмотрел на меня как следует.

— Внук-полковник? Мисс, да у вас галлюцинации.

Я взглянула на себя его глазами. На Терциусе перед отъездом Иштар подвергла меня усиленной терапии — мне тогда было пятьдесят два — а Галахад перестарался с косметическим освежением. Он предпочитает видеть женщин юными, особенно рыжих. И моих дочек-близнецов постоянно держит в подростковом возрасте. Теперь мы с ними выглядим как тройняшки. Галахад — безобразник. Он самый любимый мой муж, после Теодора, но я никому этого не показываю.

— Галлюцинации? Возможно,— согласилась я.— Я не знаю, где нахожусь, не знаю, какой сегодня день, не знаю, куда делись мои вещи и кошелек, не знаю, как здесь оказалась — знаю только, что ехала на иррелевантобусе в Нью-Ливерпуль и с нами произошла какая-то авария. Не будь со мной Пикселя, я бы сомневалась, что я — это я.

Доктор Ридпат нагнулся к Пикселю, и тот позволил взять себя на руки.

— На чем, говорите, вы ехали?

— На межвселенском транспорте Бэрроу, из Бундока на Теллус Терциус, вторая параллель времени, 2149 год по галактическому летоисчислению или 4368 по григорианскому, если вам так проще. Направлялась я в Нью-Ливерпуль, тоже во вторую параллель, где у меня было задание. Но что-то не сработало.

— Так-так. И у вас есть внук-полковник?

— Да, сэр.

— Сколько же вам лет?

— Смотря как считать, доктор. Родилась я на Земле, во второй параллели, четвертого июля 1882 года. Я жила там до 1982-го, сто лет без двух недель, а потом перебралась на Терциус, где меня омолодили. Было это пятьдесят два года назад по моему личному времени, а недавно со мной провели усиленный курс и сделали меня моложе, чем следовало бы,— я предпочитаю быть зрелой женщиной, а не девчонкой. Но у меня действительно есть внуки — много внуков.

— Интересно. Может быть, пройдем в мой кабинет?

— Вы думаете, я не в своем уме?

Доктор ответил не сразу:

— Скажем лучше так: кто-то из нас галлюцинирует. Тесты покажут, кто именно. И потом, моя медсестра, отличающаяся крайним цинизмом, без всяких тестов раскусит, у кого из нас крыша поехала. Пойдемте?

— Конечно. Спасибо вам, сэр. Только мне сначала надо что-нибудь надеть на себя, иначе я не смогу никуда выйти. (Впрочем, так ли это? У тех людей, что недавно здесь толпились, видимо,

другие понятия о «непристойном виде», чем в Миссури моего детства. А у нас на Терциусе ходить нагишом у себя дома — в порядке вещей, в общественных местах нагота тоже не вызывает волнений. Все равно как если бы кто-нибудь пришел на свадьбу в комбинезоне: не совсем обычно, но ничего особенного.)

— Зачем? Ведь фестиваль вот-вот начнется.

— Фестиваль? Доктор, я все время пытаюсь объяснить вам, что я здесь чужая.

— Скоро начнется наш самый большой праздник. Официально он открывается на закате, но многие могут и не дождаться. Сейчас на нашем бульваре уже немало голых и пьяных ищет себе партнеров.

— Партнеров? Для чего? — с притворной наивностью спросила я. Оргии не по мне. Все эти локти и коленки...

— А вы как думаете — для чего? Это праздник плодородия, дорогая моя, праздник в честь обильного роста плодов земных — и животов. Сейчас все девственницы, которые еще остались в нашем славном городе, сидят под замком. Но по дороге в кабинет с вами ничего не случится... а потом я найду вам что-нибудь из одежды. Комбинезон, сестринскую форму — все равно что. Ну как, подходит?

— Да, доктор, спасибо.

— На вашем месте, чтобы уж совсем не беспокоиться, я бы взял в ванной купальное полотенце и сделал из него кафтан. Если успеете за три минуты. Не копайтесь, милочка, мне пора к станку.

— Слушаюсь! — и я нырнула в ванную. Это была настоящая ванная — не освежитель. Обшаривая номер в поисках одежды, я видела там стопку турецких полотенец. Теперь я выбрала два потолще и развернула одно из них. Эврика! Прямо пончо богатого латиноамериканца, футов шесть в длину и три в ширину. Взяв из аптечки лезвие, я прорезала посредине дырку для головы. А теперь найти бы, чем подпоясаться.

Пока я этим занималась, из фена для волос появилась человеческая голова — женская и довольно красивая. Тела не было. Случись это в мою первую сотню лет, я бы подскочила, но теперь голограммы для меня — дело привычное.

— Никак не удавалось застать вас одну,— сказала голова глубоким баритоном.— Я говорю от имени Комитета Эстетического Устранения. Мы, кажется, причинили вам некоторые неудобства, о чем искренне сожалеем.

— Надо полагать! А что стало с ребенком?

— Не имеет значения. Мы будем держать с вами связь,— и голова исчезла.

— Эй, подождите! — но передо мной снова был только фен.

Доктор Ридпат отвел глаза от Пикселя, продолжая почесывать ему подбородок.

— Пять минут сорок секунд.

— Извините, что задержалась, но мне помешали. Появилась живая голова и заговорила со мной. Это здесь часто бывает? Или у меня опять галлюцинации?

— Вы, кажется, действительно нездешняя. Это телефон. Вот смотрите: телефон, пожалуйста!

Из рамы с довольно невыразительным натюрмортом высунулась голова, на сей раз мужская.

— Куда желаете звонить, сэр?

— Отбой.— Голова скрылась.— Так было?

— Да, только у меня была девушка.

— Само собой. Звонок застал вас в ванной, и компьютер выбрал голову соответствующего пола. Голова шевелит губами согласно произносимым словам — за этим тоже следит компьютер — и заменяет собой видеоизображение, если вы не хотите, чтобы вас видели. То же относится и к тому, кто вам звонит.

— Понятно. Голограмма.

— Да. Ну, пошли. Вы очень аппетитно выглядите в своем полотенце, но без него было еще лучше.

— Благодарю вас,— мы вышли в коридор; Пиксель зигзагами бежал впереди.— Доктор, что такое «Комитет Эстетического Устранения»?

— Что? — удивился он.— Это организация убийц. Преступные нигилисты. А где вы про них слышали?

— Голова сказала в ванной,— и я повторила ему разговор почти дословно.

— Х-м-м. Интересно,— доктор умолк и молчал до самого кабинета, который находился на антресолях десятью этажами ниже.

Нам встречались постояльцы, не дождавшиеся заката,— большей частью голые и в масках, но некоторые и в маскарадных костюмах: звери, птицы или нечто абстрактное. Одна пара щеголяла искусной раскраской на коже, ничем более не прикрытой. Я была рада, что на мне махровый кафтан.

Я задержалась в приемной, а доктор с Пикселем впереди прошли дальше. Дверь доктор не прикрыл — мне было все видно и слышно. Его медсестра, стоя ко мне спиной, говорила по телефону — то есть с живой головой. Больше в кабинете, кажется, никого не было. Меня слегка удивило то, что сестра тоже поддалась эпидемии обнажения: на ней были трусики, халат и чепчик, а все прочее она держала на руке — видимо, звонок застал ее, когда она раздевалась. Или переодевалась: Сестра была высокая, стройная брюнетка — лица ее я не видела.

— Скажу, доку,— говорила она.— Ночью смотрите в оба. Увидимся в тюрьме. Пока. Это Даффи Вайскопф, босс. Сообщаю вам предварительные итоги. Причина смерти — удушье. Причем старому стервецу в горло, прежде чем залить туда кетчуп, засунули пластмассовый футляр с печально знаменитой карточкой: «Комитет Эстетического Устранения».

— Я так и предполагал. Он не сказал, какого сорта кетчуп?

— Да ну вас совсем.

— А что это вы разоблачились? Фестиваль начнется только через три часа.

— Смотрите сюда, погонщик рабов! Видите эти часы, отсчитывающие драгоценные секунды моей жизни? Видите, что они показывают? Одиннадцать минут шестого. А в моем контракте сказано, что я работаю до пяти.

— Там сказано, что вы должны оставаться на работе, пока я не отпущу вас, а после пяти вам просто платят сверхурочные.

— Пациентов не было, и я решила переодеться в карнавальный костюм. Погодите, шеф, вы его еще не видели! Священника в краску вгонит.

— Сомневаюсь. И потом, у нас пациентка, и мне нужна ваша помощь.

— Ладно уж. Сейчас снова оденусь Флоренс Найтингейл .

— Чего зря время тратить. Миссис Лонг! Входите, пожалуйста, и раздевайтесь.

— Да, сэр,— я вошла, на ходу снимая с себя краденый «кафтан». Все понятно, благоразумный врач принимает больных женского пола только в присутствии сестры. Это универсальное правило для любой вселенной годится. Если сестра при этом голая, тем лучше — не надо и на пациентку напяливать дурацкий балахон. Помогая сначала отцу, а потом проработав много лет в бундокской клинике омоложения, я постигла все тонкости медицинского протокола. Сестры в Бундоке одеваются, только когда это требуется — а требуется редко, поскольку пациенты обычно раздеты.— Только не «миссис Лонг», доктор. Меня обычно называют «Морин».

— Хорошо, Морин. А это Дагмар. «Окорок — это Алиса. Алиса — это Окорок». И Пиксель, Дагмар,— это который на коротких ножках.

— Привет, Морин. Здорово, Пиксель.

— Мя-я-у.

— Привет, Дагмар. Извините, что задерживаю вас.

— De nada*, лапочка.

— Дагмар, из нас двоих кто-то спятил: или я, или Морин. Скажите кто.

— А может, оба? На ваш счет я давно уже питаю сомнения, босс.

— Это понятно. Но у нее и в самом деле что-то выпало из памяти — это как минимум. Плюс возможные галлюцинации. Вы учили materia medica гораздо позже меня: если бы кто-то захотел вызвать у человека временную амнезию, какой бы наркотик он выбрал?

— Нечего простачком прикидываться. Алкоголь, конечно. А впрочем, что угодно — что только нынче молодняк ни ест, ни пьет, ни нюхает, ни курит и ни колет.

---

* De nada *(исп.)* — Не стоит.

— Нет, не алкоголь. Алкоголь в необходимом для этого количестве вызывает жуткое похмелье с дурным запахом изо рта, дрожью и судорогами и глаза наливаются кровью. А посмотрите-ка на нее: глаза ясные, здорова как лошадь и невинна, как щенок на чистом белье. Пиксель! Уйди оттуда! Так что же будем искать?

— Не знаю — так посмотрим. Кровь, моча... слюну тоже взять?

— Конечно. И пот, если наберете.

— И мазок?

— Да.

— Погодите,— возразила я.— Если вы собираетесь копаться внутри, мне надо принять душ и подмыться.

— Фиг тебе, лапочка,— ласково ответила Дагмар.— Нам нужно то, что есть сейчас... а не то, что будет, когда ты смоешь свои грехи. Не спорь, мне неохота ломать тебе руку.

Я умолкла. Мне бы хотелось, чтобы от меня хорошо пахло во время осмотра. Но как докторская дочка и сама терапевт, я знаю, что Дагмар права, раз они ищут наркотики. Вряд ли найдут — но вдруг. У меня и в самом деле выпало несколько часов. Или дней? Все может быть.

Дагмар поставила мне баночку помочиться, взяла у меня кровь и слюну на анализ, потом велела лечь на кресло и поставить ноги в стремена.

— Кому это сделать — мне или боссу? Уйди, Пиксель. Не мешай.

— Все равно.

Дагмар — внимательная сестра. Некоторые женщины не выносят, когда их там трогают другие женщины, некоторые стесняются мужчин. Меня-то отец излечил от подобных глупостей, когда мне и десяти еще не было.

Дагмар отошла за расширителем, и я кое-что подметила. Я уже говорила, что она брюнетка. На ней по-прежнему не было ничего, кроме трусиков — довольно прозрачных. Казалось бы, сквозь них должен просматриваться темный, данный природой фиговый листок, верно?

Так вот — ничего такого. Только тень на коже да самое начало Большого Каньона.

У женщины, которая бреет или как-то по-иному уничтожает волосы на лобке, любимый вид развлечения — секс. Мой любимый первый муж Брайан открыл мне на это глаза еще в эпоху декаданса, где-то в 1905 году по григорианскому календарю. За свои полтораста лет я убедилась в справедливости этого наблюдения на многочисленных примерах. (Подготовка к операции или к родам не в счет.) А те, кто делает это потому, что им так больше нравится — все без исключения веселые, здоровые, раскрепощенные гедонистки.

Дагмар не собиралась оперироваться и явно не собиралась рожать. Она собиралась участвовать в сатурналиях — что и требовалось доказать.

Я испытывала к ней теплое чувство. Брайан, мир его распутной душе, оценил бы ее по достоинству.

Дагмар уже знала, в чем заключаются мои «галлюцинации» — во время процедур мы с ней все время болтали,— и знала, что я в городе чужая. Пока она прилаживала этот чертов расширитель (всегда терпеть их не могла, хотя этот обладал температурой тела и его бережно вставляла женщина, сама знающая, что это за радость), я попросила ее, чтобы отвлечься:

— Расскажите мне о вашем фестивале.

— О фестивале Санта-Каролиты? Эй, лапочка, не зажимайся так, осторожней. Ты сделаешь себе больно.

Я вздохнула и попыталась расслабиться. Санта-Каролита — это моя вторая дочь, рожденная в 1902 году по григорианскому календарю.

2

САД ЭДЕМА

Я помню Землю.

Я знала ее, когда она была еще свежей и зеленой, прекрасная невеста человечества, сладостная, обильная и желанная.

Речь идет, конечно, лишь о моей родной параллели — второй, код «Лесли Ле Круа». Но все наиболее известные параллели

времени, исследованные Корпусом по поручению Ближнего Круга, в год моего рождения — 1882-й по григорианскому календарю, через год после смерти Айры Говарда — представляли собой единую линию. В том году население Земли составляло полтора миллиарда человек. Когда же я, всего век спустя, покидала Землю, ее население возросло до четырех миллиардов, и эта куча народу каждые тридцать лет еще удваивалась.

Помните старую персидскую притчу о том, как удваивали зернышки риса на шахматной доске? Четыре миллиарда человек — это вам не рисовое зернышко: никакой доски не хватит. В одной из параллелей население Земли перед окончательной катастрофой раздулось до тридцати миллиардов, в других конец наступил, когда оно еще не достигло десяти. Но во всех параллелях доктор Мальтус смеялся последним .

Бесполезно скорбеть над хладным телом Земли — это все равно что плакать над пустой куколкой, из которой вылетела бабочка. Но я неисправимо сентиментальна и до сих пор грущу о старой родине человека.

У меня было замечательно счастливое детство.

Я не только жила на тогда еще юной и прекрасной Земле — мне выпало счастье родиться в одном из прелестнейших ее садов, в южном Миссури, чьи зеленые холмы еще не изуродовали люди и бульдозеры.

И мало того, что я родилась в таком месте, мне еще посчастливилось родиться дочерью своего отца.

Когда я была еще совсем юной, отец сказал мне:

— Возлюбленная дочь моя, ты — существо глубоко аморальное. Я это знаю, потому что ты — вся в меня: голова у тебя работает в точности как моя. Так вот, чтобы твоя натура не сгубила тебе жизнь, тебе придется выработать свой собственный свод правил и жить по нему.

Я обдумала его слова, и у меня потеплело внутри. Я — существо глубоко аморальное. До чего же хорошо отец меня знает.

— А какие это правила, отец?

— Придется самой выбирать.

— Десять заповедей?

— А ты подумай. Десять заповедей — это для недоумков. Первые пять предназначены исключительно для священнослужителей и властей всякого рода; остальные пять — полуправда, им недостает полноты и точности.

— Тогда скажите, какими они должны быть, эти пять последних заповедей?

— Так и сказал я тебе, лентяйка. Ты это сделаешь самостоятельно,— и он внезапно встал, стряхнув меня с колен, так что я чуть не шлепнулась задом на пол. Это была наша постоянная игра. Я должна была успеть спрыгнуть и стать на ноги, иначе отцу засчитывалось очко.— Проанализируй тщательно десять заповедей. И скажи мне, как им следовало бы звучать. А пока что, если я услышу еще раз, что ты вышла из себя, и мама пришлет тебя ко мне разбираться, подложи лучше себе в штанишки хрестоматию Мак-Гаффи.

— Да полно вам, отец.

— А вот увидишь, морковка, увидишь. С наслаждением тебя отшлепаю.

Пустая угроза. Он ни разу не шлепал меня с тех пор, как я достаточно подросла, чтобы понимать, за что меня ругают. Да и раньше никогда не шлепал так сильно, чтобы пострадало заднее место — страдали только чувства.

Материнское наказание — другое дело. Отец представлял собой высшую судебную инстанцию, мать — низшую и среднюю, для чего ей служил персиковый прутик. О-ой!

А отец меня только портил.

У меня было четверо братьев и четверо сестер: Эдвард, 1876 года рождения; Одри — семьдесят восьмого; Агнес — восьмидесятого; Том — восемьдесят первого; в восемьдесят втором родилась я, потом Франк в восемьдесят четвертом, Бет в девяносто втором, Люсиль в девяносто четвертом, Джордж в девяносто седьмом. И отец тратил на меня больше времени, чем на трех других детей, вместе взятых, а то и на четверых. Оглядываясь назад, я не нахожу, что он как-то особенно поддерживал наше общение, но получалось так, что я проводила с отцом больше времени, чем мои братья и сестры.

Две комнаты в нижнем этаже нашего дома служили отцу кабинетом и амбулаторией; в свободное время я оттуда не вылезала — меня притягивали отцовские книги. Мать находила, что мне не следует их читать, в медицинских книгах содержится много такого, во что леди просто не должна вникать. Леди не подобает знать таких вещей. Это нескромно.

— Миссис Джонсон,— сказал ей отец,— если в этих книгах есть некоторые неточности, я сам укажу на них Морин. Что касается гораздо более многочисленных и гораздо более важных истин, то я рад, что Морин стремится их познать. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Иоанн, глава восьмая, стих тридцать второй.

Мать плотно сжала губы и промолчала. Библия для нее была непререкаемым авторитетом, между тем как отец был атеистом, в чем тогда еще не признавался даже мне. Но Библию он знал лучше матери и все время цитировал из нее подходящий стих — я считаю, что это исключительно нечестный прием, но нужно же отцу было как-то обороняться. Мать была женщина с характером.

У них с отцом во многом не было согласия, но существовали правила, позволявшие им жить не портя крови друг другу. И не только жить, но и делить постель, и производить на свет одного ребенка за другим. Чудеса да и только.

Думаю, что почти все эти правила исходили от отца. В то время и в той стране считалось непреложной истиной, что глава семьи — муж и жене следует ему повиноваться. Вы не поверите, но тогда даже невеста во время брачного обряда обещала всегда и во всем повиноваться своему мужу.

Насколько я знаю свою мать (а я ее почти совсем не знаю), она свои обещания держала не больше получаса.

Но они с отцом выработали себе систему компромиссов.

Мать возглавляла дом. Сферой отца были кабинет с амбулаторией, амбар, службы и все связанные с ними работы. Все финансовые дела вел отец. Каждый месяц он давал матери деньги на хозяйство, которые она тратила по своему усмотрению, но отец требовал, чтобы она записывала расходы и вела книги, которые он же ежемесячно и проверял.

Завтрак у нас был в семь, обед в полдень, ужин в шесть. Если отец из-за больных не мог вовремя поспеть к столу, он предупреждал об этом мать — по возможности заблаговременно. Но семья садилась за стол в назначенный час.

Если отец присутствовал, он пододвигал матери стул, она благодарила его, он садился, а следом — и все мы. Он читал молитву — утром, днем и вечеров. Если отца не было, мать усаживал брат Эдвард, а молитву читала она. Или просила это сделать кого-нибудь из нас, для практики. Потом мы приступали к еде, и дурное поведение за столом приравнивалось чуть ли не к государственной измене. Зато ребенку не приходилось ерзать на стуле и ждать, когда доедят старшие: он мог попросить разрешения и выйти из-за стола. Возвращаться не разрешалось, даже если ушедший обнаружил, что совершил ужасную ошибку и забыл про десерт. Но мать в таких случаях допускала послабление и позволяла торопыге доедать десерт на кухне, если только он не приставал и не хныкал.

В тот день, когда старшая сестра Одри перешла в среднюю школу, отец ввел дополнение в протокол. Он, как обычно, пододвинул матери стул, та села и сказала: «Спасибо, доктор». Потом Эдвард, на два года старше Одри, пододвинул стул сестре и усадил ее.

— Что надо сказать, Одри? — спросила мать.

— Я сказала, мама.

— Да, мама, она сказала.

— Я не слышала.

— Спасибо, Эдди.

— Пожалуйста, Од.

Тогда мы все тоже сели.

С тех пор когда кто-то из нас, сестер, переходил в старшие классы, подходящий по старшинству брат включался в церемонию.

По воскресеньям обед подавался в час, потому что все, кроме отца, ходили в воскресную школу и все, включая отца, посещали утром церковь.

Отец никогда не появлялся на кухне. Мать никогда не заходила к нему в кабинет — даже чтобы прибрать там. Уборкой занималась приходящая прислуга, или кто-то из сестер, или я, когда подросла.

Неписаные, но никогда не нарушаемые правила позволяли родителям жить в мире. Знакомые, должно быть, считали их идеальной парой, а про нас говорили: «Какие хорошие у Джонсонов дети».

Я тоже считаю, что у нас была счастливая семья. Всем было хорошо — и нам, девятерым детям, и нашим родителям. И не думайте, что такая строгая дисциплина делала нашу жизнь тоскливой. Нам жилось очень весело — и дома, и за его стенами.

Нам было чем себя занять. Должно было пройти много лет, прежде чем американские дети разучились развлекаться без помощи дорогостоящей электронной техники. У нас никакой техники не было, и мы не испытывали в ней нужды. Тогда, около 1890 года, мистер Эдисон уже открыл электричество, а профессор Белл — изобрел телефон, но эти новомодные чудеса не добрались еще до наших Фив в графстве Лайл, Миссури. А что до электронных игрушек, то даже слова «электрон» еще никто и не слыхивал. Но у братьев были санки и тележки, у нас, девочек, куклы и игрушечные швейные машинки, и много было общих для всех настольных игр: домино, шашки, шахматы, бирюльки, лото, «поросята в клевере», анаграммы.

На воздухе мы тоже играли в игры, которые не требовали, или почти не требовали, снаряжения. У нас в ходу была разновидность бейсбола под названием «скраб», в которой могли участвовать от трех до восемнадцати игроков при добровольном содействии собак, кошек и одной козы.

В хозяйстве имелась и другая живность: лошади, количество которых в иные годы доходило до четырех; гернсейская корова Клитемнестра; куры (обычно красной род-айлендской породы); цесарки, утки (белая домашняя порода), временами кролики, а раз завели свинью по кличке Смолка. Отец ее продал, когда выяснилось, что мы не хотим есть свинью, которую сами вырастили. Свиней нам держать было не обязательно: отец чаще получал гонорары ветчиной или беконом, нежели деньгами.

Мы все ловили рыбу, а братья еще и охотились. Как только мальчик вырастал достаточно большой, чтобы удержать ружье (это бывало лет в десять, как мне помнится), отец начинал учить его стрелять, поначалу из ружья двадцать второго калибра. Учил

он братьев и охотиться, но я этого не видела — девочки на охоту не допускались. Я и сама не стремилась туда и наотрез отказывалась обдирать и потрошить зайцев, обычную их добычу. Но научиться стрелять мне хотелось, и я по неосторожности сболтнула об этом при матери. Та вспылила, а отец спокойно сказал мне:

— Поговорим после.

И год спустя, когда все привыкли, что я иногда езжу с отцом к больным за город, мы без ведома матери укладывали сзади в кабриолет под джутовые мешки одностволку двадцать второго калибра. Я обучалась стрельбе, а главное — тому, как себя не подстрелить, то есть правилам обращения с огнестрельным оружием. Отец был терпеливым учителем, но требовал от ученика старания. Спустя несколько недель он сказал:

— Ну, Морин, если ты запомнила то, чему я тебя научил, это может продлить твои дни — надеюсь. Пистолетом в этом году заниматься не будем — у тебя для него рука недостаточно сильна.

Нам, молодежи, принадлежала вся округа — играй где хочешь. Мы собирали ежевику, дикие грецкие орехи, искали папайю и хурму. Мы выходили на долгие прогулки и устраивали пикники. Когда мы подрастали и начинали испытывать еще неизведанное восхитительное томление, то ухаживание, как это тогда называлось, происходило тоже на природе.

В нашей семье всегда отмечались одиннадцать дней рождения, годовщина свадьбы родителей, Рождество, Новый год, Валентинов день, день рождения Вашингтона, Пасха, Четвертое июля (двойной праздник: и День Независимости, и мой день рождения), День отпущения десятого августа, где главным событием была ярмарка графства — отец участвовал там в скачках ездовых лошадей, предупреждая своих пациентов, чтобы на этой неделе не болели или обращались к доктору Чедвику. Мы сидели на трибуне и орали до хрипоты, хотя отец редко приходил победителем. Потом шли День Всех Святых и День Благодарения, а там, смотришь, и опять Рождество.

Получается целый месяц праздников, каждый из которых отмечался с шумным энтузиазмом. Были и просто будние вечера, когда мы рассаживались вокруг обеденного стола, лущили

орехи — отец с Эдвардом еле поспевали их колоть — а мать или Одри читали вслух приключения Кожаного Чулка, «Айвенго» или Диккенса. А еще жарили кукурузу, или делали кукурузные шарики, которые липли к чему попало, или варили тянучку, или собирались вокруг пианино и пели под мамин аккомпанемент — это было лучше всего.

Несколько зим подряд мы каждый вечер состязались в правописании, потому что этим всерьез увлеклась Одри. Она бродила повсюду с учебником Мак-Гаффи и с «Американским орфографическим словарем Уэбстера» под мышкой, шевеля губами с отсутствующим видом. Побеждала всегда она — и мы с Эдвардом соревновались обычно за второе место.

В шестом классе Одри одержала победу на общешкольном конкурсе Фив и на следующий год поехала в Джоплин на окружной конкурс — лишь для того, чтобы проиграть противному мальчишке из Ричхилла. Но в средней школе она выиграла окружной конкурс, отправилась в Джефферсон-Сити и завоевала там золотую медаль самой грамотной ученицы штата Миссури. Мать ездила с ней на финальные соревнования и вручение наград — дилижансом до Батлера, поездом до Канзас-Сити и на другом поезде до Джефферсон-Сити. Я бы здорово завидовала Одри — не ее золотой медали, а ее путешествию,— если бы сама в ту пору не собиралась в Чикаго (но это уже другая история).

Дома Одри встречали с духовым оркестром, который обычно играл на ярмарках — теперь его собрали специально для того, чтобы почтить «Любимую дочь Фив,— как было написано на большом плакате,— Одри Адель Джонсон». Одри плакала. Я тоже.

Мне запомнился один яркий июльский день. «Будет ураган»,— сказал отец, и действительно в тот день через город прошли три смерча, один совсем рядом с нашим домом.

Мы были вне опасности — отец велел всем спуститься в подвал, как только стемнело, и бережно свел вниз мать — она опять ждала ребенка, кажется, сестренку Бет. Мы сидели там три часа при свете амбарного фонаря, пили лимонад и ели мамины сахарные коржики, сдобные и сытные.

Отец стоял на верхней ступеньке, приподняв дверцу, пока рядом не упал кусок риттеровского сарая. Когда это случилось, мать впервые при детях закричала на него:

— Доктор! Сойдите вниз сейчас же! Я не собираюсь оставаться вдовой из-за того, что вы козыряете своим молодечеством!

Отец тут же спустился, закрыв за собой люк.

— Мадам,— сказал он,— ваша логика, как всегда, неопровержима.

Для молодежи нашего возраста устраивались сенокосные прогулки, обычно под необременительным присмотром старших, устраивались катания на коньках на Лебедином пруду и пикники воскресной школы, церковные посиделки с мороженым и мало ли что еще. Счастье не в хитрых игрушках: счастье в том, что «мужчиною и женщиною сотворил их» , и в здоровье, и в интересе к жизни.

В твердой дисциплине, которой мы подчинялись, не было ничего тягостного или чрезмерного; правил ради самих правил не существовало. Вне круга необходимых обязанностей мы были свободны, как птицы.

Старшие дети помогали нянчить младших, четко зная, что от них при этом требуется. У всех нас с шестилетнего возраста были свои обязанности по дому — они записывались за каждым, и их выполнение проверялось. Позднее я и свой выводок (больше, чем был у матери) растила по ее правилам. Они были разумны и хорошо служили ей, а значит, могли послужить и мне.

Наш распорядок, конечно, не совсем совпадал с материнским — мы ведь жили в несколько иных условиях. Так, главной задачей моих братьев была пилка и рубка дров. Моим сыновьям колоть дрова не пришлось, потому что наш дом в Канзас-Сити отапливался котельной на угле. Однако они поддерживали топку, загружали угольную яму (уголь сваливался на мостовой, и приходилось долго и утомительно перетаскивать его ведрами к спускному лотку), вычищали золу и выносили ее из подвала.

Были и другие отличия. Моим мальчишкам не нужно было таскать воду для ванн: в Канзас-Сити был водопровод. Ну и так далее — мои сыновья трудились не меньше моих братьев, только

на других работах. Городской дом с газом, электричеством и угольным отоплением не требует таких забот, как деревенский дом «веселых девяностых». В моем отчем доме не было ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Освещался он керосиновыми лампами и свечками — и домашнего изготовления, и покупными, обогревался дровяными печами: большая в зале, голландка в докторском кабинете, маленькие печурки в других комнатах. Наверху печей не было, но теплый воздух проникал туда сквозь решетки в полу.

Наш дом был одним из самых больших в городе и, возможно, самым современным, поскольку отец быстро перенимал все полезные новшества, входившие в обиход. В этом он сознательно подражал мистеру Сэмюэлу Клеменсу.

Отец считал его одним из самых блестящих людей Америки, если не самым блестящим. Мистер Клеменс был старше отца на семнадцать лет; отец начал знакомство с Марком Твеном с истории о скучающей лягушке и с тех пор читал все его произведения, какие только мог достать.

В тот год, когда я родилась, отец написал мистеру Клеменсу письмо с похвалами по поводу «Простаков за границей». Мистер Клеменс прислал ему вежливый, полный суховатого юмора ответ; отец вставил его в рамку и повесил на стене в кабинете. С той поры он писал мистеру Клеменсу каждый раз, как выходила его новая книга. Прямым следствием этого стало то, что юная Морин перечла все книги мистера Клеменса, какие только были изданы, притулившись в уголке отцовского кабинета. Мать подобных книг не читала, считая их вульгарными и пагубно влияющими на добрые нравы. Она была по-своему права: мистер Клеменс определенно подрывал привычные устои.

Остается предположить, что мать определяла безнравственные книги по запаху: ведь она в жизни не открыла ни одного труда мистера Клеменса.

Поэтому они хранились в докторском кабинете, там я их и поглощала наравне с другими, которые никогда не появлялись в гостиной. Сюда входили не только медицинские пособия, но и такие пагубные издания, как лекции полковника Роберта Ингер-

солла и труды профессора Томаса Генри Гексли (эти были лучше всех).

Никогда не забуду дня, когда прочла все эссе «Гадаринские свиньи».

— Отец,— выпалила я вне себя от волнения,— нам же все время лгали!

— Возможно,— согласился он.— Что ты читаешь?

Я сказала.

— Ну, на сегодня хватит. Профессор Гексли — слишком сильное средство. Давай немного поговорим. Как у тебя дела с десятью заповедями? Разработала окончательный вариант?

— Пожалуй.

— И сколько у тебя теперь заповедей?

— Шестнадцать как будто.

— Многовато.

— Если бы вы позволили мне выкинуть первые пять...

— Не позволю, пока ты живешь в моем доме и ешь за моим столом. Я же хожу в церковь и пою гимны, верно? И даже не сплю на проповеди. Морин, втирать очки своим ближним — это искусство, необходимое для выживания повсюду и во все времена. Послушаем твою версию первых пяти заповедей.

— Отец, вы страшный человек и плохо кончите.

— Нет, я так и буду водить всех за нос. Ну, не тяни — я жду.

— Да, сэр. Заповедь первая: «Воздай почести Богу, в которого верит большинство, не хихикая и даже не улыбаясь при этом».

— Дальше.

— Не сотвори себе кумира и не изображай того, что может вызвать недовольство властей и особенно миссис Гранди — вот, exempli gratia*, почему в вашем анатомическом атласе не показан клитор. Миссис Гранди это не понравилось бы — у нее-то его нет.

— Или у нее величиной в банан и ей не хочется, чтобы об этом узнали. В цензуре логики нет, но цензурой, как и раковой опухолью, пренебрегать опасно, если она имеется в наличии. Дорогая

* Exempli gratia *(лат.)* — Например.

дочь, вторая заповедь существует лишь для подкрепления первой. Кумиры и образцы — это идолы, способные составить конкуренцию официальному богу. Статуи и гравюры тут ни при чем. Продолжай.

— Не произноси имени Господа Бога твоего всуе, то есть не говори «ах ты Господи» или «ей-Богу», и не ругайся, и не произноси некоторых слов, например на букву «ж», и вообще ничего, что маме кажется вульгарным. Отец, тут какая-то чепуха получается. Почему слово «влагалище» можно говорить, а другое, что означает то же самое, нет? Объясни мне.

— Тебе нельзя говорить ни того ни другого слова, молодая особа, разве что в разговоре со мной... а в наших общих беседах мы будем пользоваться латинскими терминами из уважения к моей профессии и к моим сединам. Английский синоним можешь произнести про себя, если хочется.

— Иногда хочется, хотя не могу проанализировать, почему. Четвертая...

— Минутку. К третьей добавь следующее: «И не глотай окончания и суффиксы твои. Избегай синтаксических ошибок. Чти благородный английский язык, язык Шекспира, Мильтона и По, и благо будет тебе во все дни жизни твоей». Кстати, Морин, если я еще раз услышу от тебя «другое, что», то буду долго бить тебя по голове связкой предлогов.

— Отец, я же нечаянно! Я хотела сказать...

— Принято. Послушаем четвертую заповедь.

— По воскресеньям посещай церковь. Улыбайся и будь приветлива, но не строй из себя святошу. Не разрешай своим детям, когда они у тебя будут (и если будут), играть по воскресеньям перед домом или слишком шуметь, играя на заднем дворе. Помогай церкви делом и деньгами, но не выставляй этого напоказ.

— Хорошо сказано, Морин. Ты еще станешь женой проповедника.

— О Господи, отец, да я скорее в шлюхи пойду!

— Одно другому не мешает. Continuez, ma chere enfant*.

---

* Continuez, ma chere enfant *(фр.)* — Продолжай, дитя мое.

— Mais oui, mon cher papa*. Чти отца твоего и мать твою, пока надо. Но, оставив их дом, живи своей жизнью. Не позволяй им помыкать тобой. Mon papa, вы сами так говорили... но мне это не очень нравится. Я почитаю вас, потому что сама так хочу. И ничего не имею против мамы — просто мы с ней поем в разном ключе. Но я ей благодарна.

— Избегай благодарности, дорогая, она только портит желудок. Когда ты будешь замужем, а я умру, пригласишь ты Адель к себе жить?

— Ну-у...— призадумалась я.

— Вот и подумай. Подумай как следует, загодя... потому что решение, принятое второпях над моей свежей могилой, будет заведомо ошибочное. Далее.

— Не убий. То есть не совершай уголовного преступления. Есть разные другие виды убийства, и каждый требует анализа... Я еще работаю над этим, отец.

— Я тоже. Запомни только, что тот, кто ест мясо, ничем не отличается от мясника.

— Да, сэр. Не допусти, чтобы тебя застигли за прелюбодеянием... то есть не забеременей, не подцепи дурную болезнь, не позволяй миссис Гранди даже и заподозрить тебя, а главное — не допусти, чтобы узнал твой супруг: он будет очень несчастен... и может с тобой развестись. Отец, я не уверена, что когда-нибудь захочу совершить прелюбодеяние... Если бы Бог хотел, чтобы у женщины было больше одного мужчины, он сотворил бы побольше мужчин — а то их и так едва хватает.

— Если бы кто хотел? Не расслышал.

— Я сказала «Бог», но вы ведь понимаете...

— Как не понять. В теологию ударилась — мне было бы легче, если б ты стала морфинисткой. Морин, когда кто-нибудь начинает говорить о «Божьей воле», или о том, чего хочет Бог, или о том, чего хочет природа, если боится сказать «Бог», я сразу вижу, что этот человек намерен надуть другого... или самого себя, как в твоем случае. Выводить моральный закон из того факта, что

* Mais oui, mon cher papa *(фр.)* — Да, дорогой папа.

особей мужского и женского пола рождается примерно поровну, значит высасывать его из пальца. Это столь же скользко, как «Post hoc, propter hoc»*. Что до твоей уверенности в собственной непогрешимости, то у тебя еще молоко на губах не обсохло и только год, как начались менструации... а ты полагаешь, что знаешь все о сексе и его опасностях, как испокон веку полагали все девчонки твоего возраста. Что ж, дерзай. Сожги свои корабли. Разбей сердце своему мужу и растопчи его гордость. Покрой позором своих детей. Стань предметом сплетен всего города. Пусть у тебя загноятся трубы, и пусть какой-нибудь мясник вырежет их тебе в грязной каморке без наркоза. Дерзай, Морин. Отдай все за любовь. Ибо это и есть цена бесшабашного прелюбодеяния: ты отдаешь все и сходишь в могилу, а твои дети никогда не называют твоего имени.

— Но ведь я и говорю, отец, что прелюбодеяния надо избегать: оно слишком опасно. И думаю, у меня получится,— я улыбнулась и продекламировала:

Мисс Уайд уже лет тридцать шесть...

— *...бережет свою девичью честь,*— подхватил отец.

— *Помня о Боге,*

О детях в итоге

И о том, что инфекций не счесть.

Знаю — я сам научил тебя этому лимерику. Но ты не упомянула о самом безопасном методе прелюбодеяния. А ведь ты должна его знать: я говорил тебе о нем в тот раз, когда пытался познакомить тебя со статистикой супружеских измен в нашем графстве.

— Наверное, я его упустила, отец.

— Я точно говорил об этом. Так вот, когда тебе захочется — а такое может случиться,— расскажи обо всем мужу, спроси у него разрешения, уговори его помочь, попроси посторожить тебя.

— А, да! Вы говорили, что в нашем графстве есть две такие пары, но я так и не поняла, кто они.

— Я и не хотел, чтобы ты поняла, поэтому упомянул кое-какие ложные факты.

— Я учла это, сэр, зная вас. Но все-таки не догадалась. Отец, это как-то некрасиво. А вдруг мой муж разозлится?

---

* Post hoc, propter hoc *(лат.)* — После этого, следовательно, вследствие этого.— Пример распространенной логической ошибки.

— Спрос не беда. Он может заехать тебе в глаз, но разводиться с тобой не станет. А по здравому размышлению как-нибудь поможет тебе, поняв, что если он скажет «нет», будет еще хуже. А там, глядишь,— с гнусной ухмылкой добавил отец,— ему и самому понравится его новая роль.

— Отец, вы меня шокируете.

— Ничего, привыкнешь. Снисходительные мужья — обычное явление. В замочную скважину все любят подсматривать, особенно мужчины, да и женщины не исключение. Муж может охотно согласиться тебе помочь, потому что ты месяц назад так же помогла ему. Прикрывала его интрижку с молодой учительницей и врала, как дипломат, в его защиту. Следующая заповедь.

— Погоди минутку! Я хотела бы еще поговорить о прелюбодеянии.

— А вот этого как раз и нельзя. Обдумай все как следует, но ничего не говори мне хотя бы две недели. Дальше.

— Не укради. Этого я не могу одобрить, отец.

— Ты могла бы украсть, чтобы накормить ребенка?

— Да.

— Подумай, какие еще могут быть исключения; через год-другой мы это обсудим. Правило, в общем-то, хорошее. Но почему бы, собственно, и не красть? Ты умна, могла бы всю жизнь воровать и ни разу не попасться. Почему же ты не воруешь?

— Ну-у...

— Не мямли.

— Отец, вы меня просто из себя выводите! Не ворую, потому что шибко гордая!

— Вот! Совершенно верно. По той же причине ты не жульничаешь ни в школе, ни в игре. Гордость. То, как ты себя оцениваешь. «Коль пред собой ты честен, то как день мне ясно, что ты честен и с другими» . Однако ты неизящно выразила свою мысль. Нельзя говорить «шибко гордая». Повтори еще раз, но по-другому: «Я не краду, потому что я...

— ...слишком горда».

— Хорошо. Если ты собой гордишься — это наилучшая гарантия правильного поведения. Слишком горда, чтобы красть, слишком горда, чтобы жульничать, слишком горда, чтобы отнимать

леденцы у ребятишек или исподтишка портить воздух. Моральный кодекс любого племени, Морин, основан на условиях выживания этого племени... но мораль отдельного человека зиждется исключительно на гордости, не на условиях выживания. Вот почему капитан идет на дно вместе со своим кораблем; вот почему гвардия умирает, но не сдается. Человеку, которому не за что умирать, незачем и жить. Следующая заповедь.

— У, рабовладелец! Не лжесвидетельствуй на ближнего своего. Пока вы меня не испортили...

— Кто тут кого испортил? Я — образец высоконравственного поведения, потому что знаю, с какой целью веду себя так, а не иначе. Когда я взялся за тебя, у тебя вообще не было никакой морали, а твое поведение отличалось наивным бесстыдством, как у котенка, который старается зарыть свою лужу на голом полу.

— Да, сэр. Итак, пока вы не испортили меня, я думала, что девятая заповедь означает «не лги». Но она означает всего лишь, что если тебя вызывают свидетелем в суд, то там надо говорить правду.

— Она означает не только это.

— Да. Вы говорили уже, что она — лишь часть более обширной теоремы. Я думаю, эта теорема звучит так: «Не лги, если это может повредить другим людям...»

— В общем верно.

— Я еще не закончила, отец.

— О, прошу прощения. Продолжай, пожалуйста.

— Я сказала «не лги, если это может повредить другим людям», но хотела добавить: «а поскольку нельзя угадать заранее, какой вред может причинить твоя ложь, то единственный выход — не лгать совсем».

Отец молчал довольно долго и наконец сказал:

— Морин, с этим нам за один день не управиться. Лучше иметь дело с вором, чем со лжецом... но я предпочел бы лжеца человеку, который самовлюбленно гордится тем, что всегда говорит правду, всю правду, и неважно, куда щепки летят, кто пострадает, чья невинная жизнь будет загублена. Морин, тот, кто гордится тем, что всегда режет правду-матку,— это садист, а не святой. Есть

много разновидностей лжи, неправды, обмана, неточности и так далее. Чтобы поупражнять мускулы своего разума...

— У разума нет мускулов.

— Все-то ты знаешь. Не учи деда овец воровать. У твоего разума их действительно нет, что я и пытаюсь исправить. Попробуй систематизировать разные виды неправды. А сделав это, попытайся определить, когда и где они допустимы с точки зрения морали, если вообще допустимы, а если недопустимы, то почему. Это займет тебя на ближайшие год-полтора.

— О, как вы добры, отец!

— Без сарказма, не то всыплю. Предварительные результаты представишь через месяц-другой.

— Да будет воля твоя. Папа, один пункт у меня уже есть: «Не лги матери, иначе тебе вымоют рот щелочным мылом».

— Поправка: «Не позволяй матери уличить тебя во лжи». Если бы ты выкладывала ей начистоту все, о чем мы с тобой говорим, мне пришлось бы уйти из дому. Если ты увидишь, как Одри нежничает с этим отвратительным щенком, который с ней гуляет, скажешь ты матери?

Отец застал меня врасплох. Я действительно их видела... причем подозревала, что они не просто нежничают, и это меня беспокоило.

— Ничего я не скажу!

— Хороший ответ. Ну а мне скажешь? Ты же знаешь, что я не разделяю пуританских взглядов твоей матери на секс, и знаешь, надеюсь, что все, сказанное тобой, используется не для того, чтобы наказать Одри, а чтобы ей помочь. Так что же ты скажешь отцу?

Я почувствовала, что меня загнали в ловушку,— я разрывалась между любовью к отцу и верностью к сестре, которая всегда помогала мне и была ко мне добра.

— Я... Ни шиша я вам не скажу!

— Браво! Ты взяла барьер, даже не задев верхнюю планку. Правильно, радость моя: мы не разносим слухов, не докладываем о чужих грехах. Только не говори «ни шиша». Если уж очень надо, скажи «ни черта».

— Да, сэр. Ни черта я вам не скажу про Одри и его молодого человека. (Но если ты есть, Господи, то сделай так, чтобы моя сестра не забеременела: у матери будет припадок, она начнет объясняться с Одри — ужас что будет. Да свершится воля твоя — но так, как надо. Морин Джонсон. Аминь.)

— Давай побыстрее разберемся с десятой и перейдем к тем, которые Моисей не потрудился снести с горы. Те десять для тебя, похоже, не проблема. Желала ты что-нибудь или кого-нибудь в последнее время?

— Не думаю. Почему сказано, что нельзя желать жену ближнего, и ничего не сказано про мужа? Иегова недоглядел? Или в ту пору сезон на мужей был открыт?

— Не знаю, Морин. Сдается мне, что древние евреи были просто слишком самонадеянны и не могли себе представить, как это их женам захочется взбрыкнуть налево, когда у них дома такие героические мужи. Ветхий Завет не слишком высокого мнения о женщинах; начинается все с того, что Адам свалил всю вину на праматерь Еву, а дальше идет все хуже и хуже. Однако у нас в графстве Лайл, штат Миссури, заповедь предусматривает и мужей тоже, и если чья-нибудь жена приметит, что ты строишь глазки ее мужу, она тебе твои зеленые глазки может выцарапать.

— А я не собираюсь дать ей приметить. Но если наоборот? Если это он желает меня... так мне кажется? Если он щиплет меня сзади?

— Ну-ну. Кто это, Морин? Кто он такой?

— Гипотетический случай, mon cher pere*.

— Очень хорошо. Если он гипотетически сделает это опять, ты гипотетически можешь выбрать несколько гипотетических вариантов. Можешь гипотетически игнорировать его, можешь гипотетически притвориться, что твоя левая ягодичная мышца страдает нечувствительностью... или он левша?

— Не знаю.

— А можешь гипотетически прошептать: «Не здесь. Встретимся после службы».

---

* Mon cher pere *(фр.)* — Мой дорогой отец.

— Отец!

— Сама начала. Или, если хочешь, можешь гипотетически предостеречь его, что еще один гипотетический щипок — и он будет иметь дело с твоим гипотетическим отцом, у которого есть и гипотетический хлыст, и гипотетический дробовик. Можешь сказать это так, чтобы слышал только он, или завопить так, чтобы слышала вся паства и его гипотетическая жена. Выбор за леди. Погоди-ка. Ты сказала, что чей-то муж, не так ли?

— Я ничего не говорила. Но гипотетический случай, пожалуй, подразумевает это.

— Морин, если тебя щиплют сзади, значит, выражают определенное намерение. При поощрении с твоей стороны отсюда лишь три коротких шага до совокупления. Ты еще молода, но физически зрелая женщина, способная забеременеть. Намерена ли ты в ближайшее время стать женщиной по-настоящему?

3

ЗМИЙ-ИСКУСИТЕЛЬ

Вопрос отца относительно того, не собираюсь ли я расстаться со своей девственностью, задел меня за живое, поскольку я вот уже несколько недель ни о чем другом не думала. А возможно, и несколько месяцев.

— Конечно нет! — ответила я.— Как вы могли так подумать, отец?

— До свидания.

— Сэр?

— Я думал, что мы уже излечились от подобных ужимок. Однако вижу, что нет, так нечего и время терять. Придешь, когда ощутишь необходимость поговорить серьезно,— отец повернул стул к своему письменному столу и поднял откинутую крышку.

— Отец...

— Как, ты еще здесь?

— Ну пожалуйста, сэр. Я все время об этом думаю.

— О чем?

— Ну об этом. О девственности. О потере невинности.

Он сердито глянул на меня.

— В медицине это называется «дефлорация», как тебе известно. «Невинность» — слово из области английских синонимов, хотя оно и не ругательное, как более короткие слова. И не надо говорить о какой-то потере, наоборот, ты приобретаешь то, что принадлежит тебе по праву рождения, достигаешь высшей стадии, которую могут тебе дать твой пол и твое биологическое наследие.

Я обдумала его слова.

— Отец, у вас это звучит так заманчиво — хоть беги скорей искать кого-нибудь, кто бы тебя дефлорировал. Прямо сейчас. С вашего позволения...— и я привстала с места.

— А ну сядь. Десять минут можно и подождать. Морин, будь ты телкой, я счел бы тебя готовой к вязке. Но ты девушка и собираешься войти в мир людей, мужчин и женщин, который устроен сложно, а порой и жестоко. Думаю, тебе лучше подождать годок-другой. Ты могла бы даже под венец пойти девственницей — хотя я и знаю, как врач, что в наше время это не так часто встречается. Скажи-ка мне одиннадцатую заповедь.

— Не попадайся.

— А где у меня лежат французские мешочки?

— В нижнем правом ящике стола, а ключ — на верхней левой полочке, сзади.

Произошло это не в тот день и не на той неделе. И даже не в том месяце, но не так уж много месяцев спустя.

Это произошло в десять часов утра благодатного дня первой недели июня 1897 года, ровно за четыре недели до моего пятнадцатилетия. Выбранным мною для этого местом стала судейская ложа на беговом поле ярмарки, с попоной, постеленной прямо на пол. Я знала эту ложу, потому что не раз сидела в ней морозными утрами, устремив глаза на финишную черту и держа в руке увесистый секундомер, пока отец тренировал свою лошадку. В первый раз мне было шесть лет и пришлось держать секундомер обеими руками. В тот год отец купил Бездельника, черного жеребца от того же производителя, что и Мод,— но, к несчастью, не такого резвого, как его знаменитая кровная сестра.

В июне 1897-го я пришла туда подготовленной, полной решимости свершить задуманное, имея в сумочке презерватив («французский мешочек») и гигиеническую салфетку — самодельную, как и все они в то время. Я знала о возможности кровотечения, и в случае чего нужно было убедить мать, что у меня просто началось на три дня раньше.

Моим соучастником был одноклассник по имени Чак Перкинс, на год старше меня и почти на целый фут выше. У нас с ним не было даже детской любви, но мы притворялись, что влюблены (может, он и не притворялся, но откуда мне было знать?), и усиленно старались совратить друг друга весь учебный год. Чак был первый мужчина (мальчишка), целуясь с которым я впервые открыла рот и вывела отсюда следующую «заповедь»: «Открывай рот свой, лишь если готова открыть чресла свои»,— потому что мне очень понравилось так целоваться.

Ах, как понравилось! Целоваться с Чаком было одно удовольствие: он не курил, хорошо чистил зубы, и они были такими же здоровыми, как у меня, и его язык так сладостно касался моего. Позднее я (слишком часто!) встречала мужчин, которые не заботились о свежести своего рта... и не открывала им своего. И остального тоже не открывала.

Я и по сей день убеждена, что поцелуи с языком более интимны, чем совокупление.

Готовясь к решающему свиданию, я следовала также своей четырнадцатой заповеди: «Блюди в чистоте тайные места свои, дабы не испускать зловония в храме Божьем»,— а мой развратник-отец добавил: «...и дабы удержать любовь мужа своего, когда подцепишь оного». Я сказала, что это само собой разумеется.

Соблюдать чистоту, когда в доме нет водопровода, зато повсюду кишит ребятня — дело нелегкое. Но с тех пор, как отец предостерег меня несколько лет назад, я изыскала свои способы. Например, мылась потихоньку в отцовской амбулатории, заперев дверь на ключ. В мои обязанности входило приносить туда кувшин горячей воды утром и после ланча и пополнять запас, если необходимо. Так что я могла помыться без ведома матери. Мать говорила, что чистота сродни благочестию — но мне нисколько

не хотелось, чтобы она увидела, что я скребу себя там, где стыдно трогать; мать не одобряла слишком тщательного омовения «этих мест», поскольку это ведет к «нескромному поведению». (И точно, ведет.)

На ярмарочном поле мы завели запряженную в кабриолет лошадку Чака в один из просторных пустовавших сараев, привесив ей к морде сумку с овсом для полного счастья, а сами забрались в судейскую ложу. Я показывала дорогу — сначала по задней лестнице, потом по приставной лесенке на крышу трибуны и через люк — в ложу. Я подоткнула юбки и взбиралась по лесенке впереди Чака, упиваясь тем, какое скандальное зрелище собой представляю. Чак и раньше видел мои ноги — но мужчинам ведь всегда нравится подглядывать.

Забравшись внутрь, я велела Чаку закрыть люк и надвинуть на него тяжелый ящик с грузами, используемыми на скачках.

— Теперь до нас никто не доберется,— ликующе сказала я, доставая из тайника ключ и отпирая висячий замок на шкафчике в ложе.

— Но нас же видно, Мо. Впереди-то открыто.

— Кто на тебя будет смотреть? Не становись только перед судейской скамьей, вот и все. Если тебе никого не видно, то и тебя никто не видит.

— Мо, а ты уверена, что хочешь?

— Зачем же мы тогда сюда пришли? Ну-ка, помоги мне разостлать попону. Сложим ее вдвое. Судьи стелят ее на скамейку, чтобы кое-что не отсидеть, а мы постелим, чтобы не занозить — мне кое-что, а тебе коленки.

Чак все время молчал, пока мы стелили свою «постель». Я выпрямилась и посмотрела на него. Он мало походил на мужчину, жаждущего соединиться с предметом своих давних желаний — скорее на испуганного мальчишку.

— Чарльз, а ты-то уверен, что хочешь?

— Среди бела дня, Мо...— промямлил он,— и место такое людное. Не могли бы мы разве найти тихое местечко на Осейдже?

— Да уж — где клещи, и москиты, и мальчишки охотятся на мускусных крыс. Чтобы нас накрыли в самый интересный мо-

мент? Спасибо, сэр. Чарльз, дорогой — мы ведь договорились. Не хочу тебя, конечно, заставлять. Может быть, отменим поездку в Батлер? (Я отпросилась у родителей съездить с Чаком будто бы в Батлер за покупками — в этом городишке, немногим большем Фив, магазины были гораздо лучше. Торговый дом Беннета-Уилера был раз в шесть больше нашего универмага. У них даже парижские модели продавались, если верить их объявлению.)

— Ну, если тебе не хочется туда ехать, Мо...

— Тогда не завезешь ли ты меня к Ричарду Гейзеру? Мне надо с ним поговорить. (Я улыбаюсь и мило щебечу, Чак, хотя мне хотелось бы отходить тебя бейсбольной битой.)

— Это о чем же, Мо?

— Да так. Ты же знаешь, зачем мы сюда пришли. Если тебе моя вишенка не нужна, может быть, Ричард не откажется — он мне намекал, что не прочь. Я ничего ему не обещала... сказала, правда, что подумаю,— я бросила взгляд на Чака и потупилась.— Подумала и решила, что хочу тебя... с тех самых пор, как ты водил меня на колокольню — помнишь, на школьном пасхальном вечере? Но если ты передумал, Чарльз... то я все-таки не хочу, чтобы солнце зашло надо мной, как над девственницей. Так как, завезешь меня к Ричарду?

Жестоко? Как сказать. Ведь через несколько минут я исполнила то, что обещала Чаку. Но мужчины такие робкие — не то что мы; иного не расшевелишь, не заставив напрямую соперничать с другим самцом. Это даже кошки знают. («Робкие» не значит «трусы». Мужчина — в моем понимании — может спокойно смотреть в лицо смерти. Но возможность попасть в смешное положение, быть застигнутым во время полового акта, его замораживает.)

— Ничего я не передумал! — вскинулся Чарльз.

Я одарила его самой солнечной своей улыбкой и раскрыла ему объятья.

— Тогда иди ко мне и поцелуй меня так, как тебе хочется!

Он поцеловал, и мы оба снова загорелись (а то его увертки и опасения охладили было и меня). Тогда я не слыхала еще слова «оргазм» — не думаю, что оно было известно в 1897 году — но по некоторым своим экспериментам знала, что иногда внутри

получается что-то вроде фейерверка. К концу нашего поцелуя я ощутила, что близка к этому моменту, и отвела губы ровно настолько, чтобы прошептать:

— Я сниму с себя все, дорогой Чарльз, если хочешь.

— Ух ты! Конечно!

— Ладно. Хочешь раздеть меня?

Он стал раздевать, как умел, а я тем временем отстегивала, отшпиливала и развязывала, облегчая ему задачу. Вскоре я была уже голая, как лягушка, и готова вспыхнуть, как факел. Я приняла позу, которую долго репетировала, и у Чарльза перехватило дыхание, а у меня восхитительно защекотало внутри.

Прижавшись к Чаку, я стала расстегивать его застежки. Он застеснялся, и я не слишком напирала, однако заставила его снять брюки и кальсоны, положила их на ящик, загораживавший люк, поверх своих одежек, и опустилась на попону.

— Чарльз...

— Иду!

— А у тебя есть эта штука?

— Какая?

— Ну, «веселая вдова».

— Да где же ее взять, Мо? Мне ведь всего шестнадцать, а папаша Грин продает их только женатым или кому уже есть двадцать один,— бедняжка совсем расстроился.

— А мы с тобой не женаты,— спокойно сказала я,— и не хотим жениться, как пришлось Джо и Амелии,— мою мать удар бы хватил. Но ты не горюй — подай мне мою сумочку.

Он подал, и я достала припасенный презерватив.

— Иногда полезно быть докторской дочкой. Я стащила его, когда прибирала у отца в кабинете. Посмотрим, подойдет ли. (Я хотела проверить еще кое-что. Усиленно хлопоча последнее время о чистоте собственного тела, я стала очень придирчиво относиться и к опрятности других. Некоторым моим одноклассникам и одноклассницам очень пригодился бы совет моего отца и побольше горячей мыльной воды.)

Теперь я — настоящая декадентка. Лучшее в Бундоке, после замечательных обычаев,— это великолепная сантехника.

Чак был чистый, и от него хорошо пахло — наверное, недавно он помылся так же усердно, как и я. Тянуло слегка мужским запашком, но свежим — даже в те годы я понимала разницу.

Мне стало легко и весело. Как мило со стороны Чака предоставить мне такую ухоженную игрушку!

Предмет моего внимания находился всего в паре дюймов от моего лица, и я вдруг нагнула голову и поцеловала его.

— Эй! — чуть не завопил Чак.

— Я тебя шокировала, дорогой? Он такой милый и славный, что мне захотелось его поцеловать. Я не хотела тебя смущать (хоть и не прочь была выяснить, что тебя смущает, а что нет).

— Ты меня не шокировала. Мне... мне понравилось.

— Ей-богу?

— Да!

Я видела, что он готов.

— Теперь возьми меня, Чарльз.

При всей моей неловкости и неопытности мне все же пришлось направлять его — я делала это осторожно, поскольку уже задела однажды его гордость. Чарльз был еще неискушеннее, чем я. Свои познания о сексе он черпал, должно быть, в парикмахерской, в бильярдной и за сараем — из откровений невежественных холостяков, меня же учил старый мудрый врач, любивший меня и желавший мне счастья.

В сумочке у меня было еще одно патентованное средство — вазелин, чтобы смазаться в случае надобности. Надобности не возникло — я была скользкая, точно от льняного семени. И все же:

— Чарльз! Дорогой! Осторожней, пожалуйста! Не так быстро.

— В первый раз надо быстро, Мо. Тебе будет не так больно. Это все знают.

— Чарльз, я не все. Я — это я. Делай это медленно, и мне совсем не будет больно — я так думаю.

Мне, возбужденной и взволнованной, хотелось, чтобы Чак проник в меня поглубже, но он и в самом деле оказался больше, чем я ожидала. По-настоящему больно мне не было, но я знала, что будет очень больно, если мы поторопимся.

Милый мой Чарльз сосредоточился и придерживал себя. Я закусила губу и подалась ему навстречу — еще и еще. Наконец он твердо уперся в меня и погрузился внутрь. Я расслабилась и улыбнулась ему.

— Ну вот! Превосходно, дорогой. А теперь делай все, что хочешь.

Но я слишком долго тянула. Чак усмехнулся, я ощутила несколько быстрых содроганий, он перестал улыбаться и погрустнел. Он кончил.

Итак, для Морин фейерверк на первый раз не состоялся — да и для Чарльза тоже. Но я не слишком разочаровалась — ведь главная моя цель осуществилась: я перестала быть девственницей. Взяв себе на заметку спросить у отца, как можно продлить этот процесс — я была уверена, что добилась бы фейерверка, продержись мы чуть подольше,— я больше не думала об этом, счастливая тем, чего достигла.

То, что произошло дальше, вошло у меня в обычай и служило мне всю последующую жизнь. Я улыбнулась Чаку и сказала нежно:

— Спасибо, Чарльз. Ты был великолепен. (Мужчины не ждут, что их за это будут благодарить, но в этот момент готовы поверить любому комплименту, особенно если не заслужили его и смущенно это сознают. Благодарность и комплимент — это вклад, который ничего вам не стоит, зато приносит высокие дивиденды. Верьте мне, сестры мои!)

— Ей-богу, Морин, ты прелесть.

— Ты тоже, милый Чарльз,— я крепко обняла его руками и ногами и отпустила.— Давай-ка вставать. На полу жестко, несмотря на попону.

По дороге в Батлер мой Чарльз совсем скис и не тянул на галантного Дон-Жуана, только что избавившего девицу от ее бесполезного сокровища. Я впервые столкнулась с tristesse*, которую некоторые мужчины чувствуют после соития... в то время как сама

* Tristesse *(фр.)* — грустью.

пенилась от счастья. Меня не волновало больше то, что я не испытала экстаза — а может, испытала? А если такой фейерверк можно вызвать только самой у себя? Морин успешно справилась с задачей, чувствовала себя очень взрослой, сидела гордая и радовалась прекрасному дню. Боли я не ощущала — почти совсем.

Мне кажется, секс бывает порой немилостив к мужчинам. Им очень даже есть, что терять, а мы предлагаем им такой скудный выбор. Взять хотя бы странный случай с моим внуком, с которым так круто обошлись судьба и его первая жена.

Этот случай касается и нашего кота Пикселя — в ту пору он был еще котенок, пушистый комочек.

Мой внук полковник Кемпбелл — сын моего сына Вудро, который также является моим мужем Теодором, но пусть вас это не волнует: и Вудро, и Теодор (Лазарус Лонг) нечто особенное в любой вселенной. Не забыть рассказать вам, как Лазарус однажды сделал беременными сразу троих — бабушку, дочку и внучку, из-за чего ему пришлось идти на разные ухищрения с Корпусом Времени, чтобы не нарушать свою личную Первую заповедь: «Никогда не бросай беременную женщину без поддержки».

Поскольку Лазарус осеменил этих троих в разные века и в разных вселенных, это отняло у него довольно много времени.

Сам того не ведая, Лазарус нарушил свою Первую заповедь по отношению к матери моего внука, и косвенным следствием этого упущения стала женитьба внука на моей брачной сестре Хейзел Стоун, которую мы по этому случаю отпустили из семьи. Как вам известно (если известно), Хейзел нужно было выйти за Колина Кемпбелла, чтобы они вдвоем могли спасти Майкрофта Холмса IV — компьютер, осуществивший Лунную революцию в Третьей временной параллели, код «Нейл Армстронг». Не будем вдаваться в подробности: это можно найти в «Галактической Энциклопедии» и прочих изданиях.

«Операция прошла успешно, но пациент скончался». В нашем случае произошло почти то же самое. Компьютер был спасен и поныне живет и здравствует в Бундоке. Весь спасательный отряд тоже ушел без единой царапины — кроме Колина, Хейзел

и котенка Пикселя. Эти трое, все израненные, остались умирать в пещере на Луне.

Должна сделать еще одно отступление. В том спасательном отряде была молодая женщина-офицер, Гретхен Гендерсон, прапраправнучка моей брачной сестры Хейзел Стоун. За четыре месяца до рейда Гретхен родила мальчика, и мой внук об этом знал.

Не знал он того, что он — отец сына Гретхен.

Да и откуда? Ведь он ни разу не был близок с Гретхен и точно знал, что не оставлял свою сперму ни в одном донорском банке.

Однако Хейзел перед смертью твердо сказала ему, что ребенок Гретхен — его сын.

Он спросил, каким это образом, и она ответила: «Парадокс».

Кто-кто, а Колин понимал, что такое временной парадокс. Он служил в Корпусе Времени, не раз бывал во временных петлях и знал, что в такой петле можно подойти к самому себе сзади и укусить себя за шею.

Поэтому он понял, что сделает Гретхен ребенка где-то в своем будущем, но в ее прошлом — парадокс перевернутой петли.

Значит, на Бога надейся, а сам не плошай. Это могло бы случиться лишь в том случае, если бы он пережил эту переделку.

И вскоре их спасли. Колин положил еще немало народу и был ранен еще дважды, но вся троица осталась жива. Их перебросили на две тысячи лет в будущее к лучшим врачам всех вселенных — к Иштар и ее команде. Моя брачная сестра Иштар никому не даст умереть — было бы тело еще теплое и мозг не поврежден. Но с этими тремя ей пришлось повозиться, особенно с Пикселем. Кроху несколько месяцев держали при нуле целых трех десятых градуса по шкале Кельвина, а тем временем из другой вселенной доставили доктора Бона, и дюжина лучших хирургов Иштар, включая ее самое, прошла ускоренный курс кошачьей ветеринарии. Потом Пикселя перевели на режим обычной гипотермии, восстановили его, разморозили и разбудили. Так что ныне он — здоровяк-котище, гуляет сам по себе и плодит котят где придется.

Хейзел между тем создала нужную петлю времени, и Колин встретил, обольстил, повалил и обрюхатил Гретхен, чуть помоложе той, которую знал. Она родила сына, а потом (по своему

личному времени) вместе с Хейзел и Колином отправилась спасать Майкрофта Холмса.

Но зачем было тратить столько усилий ради котенка? Не лучше ли было его усыпить, чтобы не мучился?

А вот зачем: без Пикселя и его способности проходить сквозь стены Майкрофта Холмса не спасли бы и будущее всего человеческого рода оказалось бы под сомнением. Шансы распределялись так ровно, что в половине параллелей отряд погибал, а в половине достигал своей цели. Чашу перетянул котенок весом несколько унций, предупредивший отряд об опасности единственным словом, которое умел говорить: «Блюрр!»

На обратном пути из Батлера Чарльз оправился от своей посткоитальной депрессии и захотел повторить опыт. Я тоже была не прочь — только не сегодня. После езды в грязной двуколке то, на чем я сидела, стало беспокоить меня. Но Чарльзу загорелось прямо сейчас.

— Мо, там впереди есть местечко, где можно свернуть с дороги и спрятать двуколку. Надежно на все сто.

— Нет, Чак.

— Почему?

— Не на все сто; туда может еще кто-нибудь свернуть. Мы и так уже опаздываем, а мне сегодня не хочется отвечать на вопросы. Не такой это день. И у нас больше нет «веселой вдовы», это решает дело — я хочу иметь детей, но не в пятнадцать лет.

— А-а.

— Вот-вот. Потерпи, дорогой, и мы это сделаем снова, приняв все нужные меры. А теперь убери, пожалуйста, руку: навстречу кто-то едет — видишь пыль?

Мать не ругала меня за получасовое опоздание, но и не настаивала, когда Чарльз отказался от предложенного лимонада, сказав, что ему нужно доставить Неда (своего мерина) домой, вычистить его и обтереть двуколку, а то выезд может понадобиться родителям. Уж очень сложная ложь — убеждена, что ему просто не хотелось смотреть моей матери в глаза и отвечать на ее вопросы. Я порадовалась, что отец отучил меня врать слишком длинно.

Как только Чак уехал, мать поднялась наверх, а я снова вышла во двор.

Пару лет назад отец ввел у нас новшество, которое многим прихожанам нашей церкви казалось греховным излишеством: два отдельных сортира, для мальчиков и для девочек, как в школе. Они нам действительно были необходимы. В тот момент в уборной для девочек, к счастью, никого не было. Я закрылась на щеколду и осмотрелась.

Немножко крови — ничего страшного.

Я вздохнула с облегчением, пописала, привела себя в порядок и вернулась в дом, прихватив попутно из поленницы немного дров для кухни — это делал у нас каждый, кто посещал тот домик.

Сбросив дрова, я зашла в умывальную около кухни, вымыла руки и понюхала их. Все в порядке — только совесть нечиста. По дороге к отцу я остановилась потрепать Люсиль за рыжие кудряшки и похлопать ее по попке. Ей тогда было года три — ну да, она родилась в девяносто четвертом, через год после нашей с отцом поездки в Чикаго. Она была настоящая куколка, всегда веселая. Я решила, что у меня будет точно такая же... не в этом году, но скоро. Я чувствовала себя настоящей женщиной.

У дверей в кабинет я столкнулась с миссис Альтшулер, которая как раз уходила, и поздоровалась с ней. Она посмотрела на меня и сказала:

— Одри, ты снова бегала по солнцу без шляпки. Пора уже поумнеть.

Я поблагодарила ее за внимание. Отец говорил, что она ничем не страдает, кроме запора и недостатка физических упражнений, однако она являлась на прием не реже двух раз в месяц и еще ни пенни не заплатила с начала года. Отец был сильный, волевой человек, но собирать долги у больных не умел.

Он записывал визит в книгу и поднял на меня глаза.

— Я беру вашего слона, юная леди.

— Это окончательно, сэр?

— Да. Может, я и не прав, но твердо убежден. А что, не надо было?

— Думаю, что не надо, сэр. Мат в четыре хода.

— Да ну? — отец подошел к шахматному столику.— Покажи как.

— Может, просто разыграем? Я могу и ошибаться.

— Гр-р! Ты меня в могилу сведешь,— отец вернулся к своему столу.— Прочти вот это, тебе будет интересно. Пришло с утренней почтой — от мистера Клеменса.

— Ой!

Из того письма мне особенно запомнился один абзац:

«Согласен с вами и с Бардом, сэр — их надо вешать. Возможно, повешение законников и не излечит всех бед нашей страны, зато это будет весело, а вреда никакого. Я уже где-то говорил, что конгресс — единственный преступный класс в нашем обществе. И нельзя считать совпадением то, что девяносто семь процентов конгрессменов — юристы».

Мистер Клеменс писал еще, что его лекционное агентство назначило ему Канзас-Сити на будущую зиму. «Помню, четыре года назад мы с Вами на неделю разминулись в Чикаго. Не сможете ли Вы приехать в Канзас-Сити десятого января будущего года?»

— Ой, отец! Поедем?

— А как же школа?

— Вы же знаете, я наверстала все, что пропустила, когда ездили в Чикаго. И знаете, что я в классе первая среди девочек... а была бы и во всем классе первая, если бы не ваш совет не слишком выделяться. Может, вы правда не заметили, что я прошла почти все предметы и могла бы закончить школу...

— Вместе с Томом на той неделе. Заметил. Мы это еще обсудим. Господь не захочет — и чирей не вскочит. Достала ты то, за чем ездила в Батлер?

— Достала, но не в Батлере.

— Как так?

— Я это сделала, отец. Я больше не девственница.

Он вскинул брови.

— Тебе удалось меня удивить.

— Правда, отец? (Мне не хотелось, чтобы он на меня сердился... и он, по-моему, задолго до этого решил, что сердиться не станет.)

— Правда. Я-то думал, ты это сделала еще на рождественских каникулах. И полгода ждал, когда же ты удостоишь меня своим доверием.

— Сэр, мне бы и в голову не пришло скрыть это от вас. Я на вас полагаюсь.

— Благодарствую. М-м-м... надо бы осмотреть тебя после дефлорации. Позвать маму?

— Разве ей нужно об этом знать?

— Впоследствии да. Но ей не обязательно осматривать тебя, если ты этого не хочешь...

— Еще бы я хотела!

— В таком случае я направлю тебя к доктору Чедвику.

— Ну зачем мне идти к доктору Чедвику? Это естественный процесс, и у меня ничего не болит — зачем это нужно?

Мы вежливо поспорили. Отец сказал, что врачу неэтично лечить членов своей семьи, особенно женщин. Я сказала, что знаю, но меня и не надо лечить. И так далее и так далее.

В конце концов, удостоверясь в том, что мать отдыхает у себя наверху, отец увел меня в амбулаторию, запер дверь и помог мне забраться на стол. Я очутилась примерно в той же позе, что и с Чарльзом, только на сей раз не снимала ничего, кроме панталон.

И вдруг почувствовала возбуждение.

Я старалась его подавить и надеялась, что отец не заметит. В свои пятнадцать я уже сознавала, что у меня к отцу необычная, может быть нездоровая привязанность. А в двенадцать фантазировала, как нас с отцом выбрасывает на необитаемый остров.

Но табу было слишком крепким — я это знала из Библии, из классической литературы, из мифологии. И хорошо помнила, как отец перестал сажать меня к себе на колени — точно отрезал, когда у меня начались месячные.

Отец натянул резиновые перчатки. Он начал это делать с тех пор, как побывал в Чикаго — а ездил он туда не для того, чтобы показать Морин посвященную Колумбу Всемирную выставку, а чтобы послушать в Эванстоне, где помещался Северо-Западный университет, курс лекций по теории Пастера.

Отец всегда был сторонником воды и мыла, но под этим не было научной основы. Его наставник, доктор Филипс, начавший практиковать в 1850 году, так комментировал слухи, доходившие до Франции: «Чего ж от них еще и ждать, от лягушатников».

Когда же отец вернулся из Эванстона, ничто больше не казалось ему достаточно чистым. Он стал пользоваться резиновыми

перчатками и йодом, а инструменты кипятил или обжигал особенно тщательно, когда имел дело со столбняком.

Эти холодные липкие перчатки меня охладили... и я все-таки со смущением убедилась, что внизу вся мокрая.

Я не стала заострять на этом внимания, отец тоже. Вскоре он помог мне слезть и отвернулся снять перчатки, пока я натягивала панталоны. Когда я приняла приличный вид, он открыл дверь и проворчал:

— Нормальная, здоровая женщина. С деторождением не должно быть никаких хлопот. Рекомендую несколько дней воздержаться от половых сношений. Как я понял, ты пользовалась французским мешочком. Верно?

— Да, сэр.

— Хорошо. Если так и будешь ими пользоваться — каждый раз! — и осмотрительно вести себя на людях, серьезных проблем у тебя не возникнет. Хм-м... как ты, не против еще разок прокатиться в двуколке?

— Нет, конечно — почему я должна быть против?

— Тем лучше. Мне передали, что последний ребенок Айгоу, Дженни Мэй, заболел, и я обещал выбраться к ним сегодня. Ты не попросишь Фрэнка запрячь Дэйзи?

Ехать нам было долго. Отец взял меня с собой, чтобы рассказать мне об Айре Говарде и его фонде. Я слушала, не веря своим ушам... но ведь это говорил отец, единственный надежный источник информации.

— Отец, я, кажется, поняла,— сказала я наконец.— Но чем же это отличается от проституции, если отличается?

4

ЧЕРВОТОЧИНА В ЯБЛОКЕ

Отец пустил Дэйзи трусить, как ей вздумается.

— Что ж, это, пожалуй, тоже проституция, в широком смысле слова, хотя здесь оплачивается не сожительство как таковое, а плод этого сожительства. Фонд Говарда платит тебе не за то, что

ты выходишь замуж за их кандидата... и ему не за то, что он женится на тебе. Тебе вообще не станут платить, только ему — за каждого рожденного тобой и зачатого им ребенка.

Я сочла эти условия унизительными. Пусть я не принадлежу к женщинам, борющимся за право голосовать, но все-таки это нечестно. Кто-то там меня осеменит, потом я буду стонать и вопить, как моя мать, когда рожает, а деньги заплатят ему. Я вспылила.

— Ну, не знаю, отец, по мне — это все равно что быть шлюхой. А какая у них такса? Сколько получит мой гипотетический муженек за мои родовые муки и одного вонючего младенца?

— Твердой таксы нет.

— Как? Mon papa, разве так ведутся дела? Я по контракту ложусь и раздвигаю ноги, а через девять месяцев моему мужу платят... пять долларов? Или пять центов? Ничего себе сделка. Уж лучше я поеду в Канзас-Сити и буду ходить по панели.

— Морин! Думай, что говоришь.

Я перевела дыхание и понизила голос на октаву, в чем недавно начала практиковаться, пообещав себе никогда не визжать.

— Извините, сэр. Что-то я скандалю, как нервная девица, я считала себя взрослее. Но уж очень это все неприглядно,— вздохнула я.

— Да, пожалуй, «неприглядно» — le mot juste*. Но я расскажу тебе, как это происходит на практике. Никто тебя ни за кого силой замуж не гонит. Мы с матерью с твоего согласия записываем тебя в Фонд, приложив анкету, которую я помогу тебе заполнить. Взамен тебе присылают список молодых людей. Все они, что называется, подходящие женихи, кредитоспособные независимо от Фонда и его денег. И все будут молоды, не более чем на десять лет старше тебя, а еще вероятнее — твои ровесники.

— Пятнадцатилетние? — спросила я.

— Не кипятись, рыжик. Тебя еще никто никуда не записывал. Я говорю тебе об этом сейчас, потому что нечестно было бы скрыть от тебя, что есть такой Фонд Говарда. Но для замужества ты еще слишком молода.

---

* Le mot juste *(фр.)* — Верно сказано.

— В нашем штате я могу выйти замуж с двенадцати лет — с вашего согласия.

— Согласен, можно в двенадцать. Если сумеешь.

— Отец, вы невозможный человек.

— Нет, всего лишь невероятный. Твой жених будет молод, но старше пятнадцати лет. У него будут хорошее здоровье и хорошая репутация, а также необходимое образование...

— Он должен говорить по-французски, иначе он нам не подойдет.

В Фивах можно было учить либо немецкий, либо французский. Эдвард выбрал французский, а за ним и Одри, поскольку отец и мать тоже в свое время учили французский и переходили на него, когда хотели при нас поговорить о своем. Одри с Эдвардом создали прецедент, которому мы все стали следовать. Я занялась французским еще до школьных уроков — мне не нравилось, когда при мне говорили на непонятном мне языке. Этот выбор оказал влияние на всю мою жизнь — но это опять-таки другая история.

— Французскому можешь обучить его сама — включая французские поцелуи, о которых меня спрашивала. А незнакомец, испортивший нашу Нелл,— он умеет целоваться?

— Еще как!

— Прекрасно. Он был мил с тобой, Морин?

— Очень мил. Немножко робок, но это у него, думаю, пройдет. Да, отец — это было не так приятно, как я ожидала. Но в следующий раз все будет, как надо.

— А может быть, в третий раз. Ты хочешь сказать, что нынешнее событие было не так приятно, как мастурбация. Правильно?

— Ну да, это я и хотела сказать. Все кончилось слишком быстро. Он — да вы же знаете, кто возил меня в Батлер. Чак. Чарльз Перкинс. Он хороший, cher papa... но понимает в этом еще меньше меня.

— Неудивительно. Тебя-то учил я, и ты была прилежной ученицей.

— А Одри вы тоже учили, пока она не вышла замуж?

— Ее учила мать.

— Да? Мне сдается, ваши наставления были обширнее. Скажите, а замужество Одри тоже устроил Фонд Говарда? Она так и познакомилась с Джеромом?

— Морин, нельзя задавать такие вопросы. Даже задумываться над этим некрасиво.

— Ну, извините. Оплошала.

— Беззастенчивость непростительна. Я никогда не обсуждаю твоих личных дел с твоими братьями и сестрами — не спрашивай и ты меня об их делах.

Почувствовав натянутый повод, я осадила.

— Простите, сэр. Просто все это для меня так ново...

— Хорошо. У всех молодых людей Фонда твердые виды на будущее... а если меня кто-то из них не устроит, я скажу тебе почему и не пущу его в дом. В довершение всего, у каждого из них живы и родители отца, и родители матери.

— Ну и что тут такого? У меня не только оба дедушки и обе бабушки живы, но и у них у всех живы родители, так ведь?

— Да. Хотя прадедушка Мак-Фи только зря небо коптит. Уж лучше бы он умер в девяносто пятом году. Но в этом то все и дело, дорогая дочка: Айра Говард завещал свое состояние в целях продления человеческой жизни, а учредители Фонда решили поставить дело, как на племенном заводе. Помнишь родословную Бездельника, за которую я и отвалил такие деньги? Или родословную Клитемнестры? У тебя в роду долголетие, Морин, причем по всем линиям. Если ты выйдешь замуж за молодого человека из списка Говарда, у ваших детей тоже все предки будут долгожителями,— отец повернулся на сиденье и посмотрел мне в глаза.— Но никто — никто! — ничего от тебя не требует. Если ты разрешишь мне записать тебя в Фонд — не сейчас, а, скажем, на будущий год — это значит только, что ты получишь возможность выбирать еще из шести, восьми или десяти поклонников, не ограничивая себя немногими своими ровесниками из графства Лайл. Если ты, например, решишь выйти за Чарльза Перкинса, я ни слова не скажу против. Он здоров, хорошо воспитан, и если он не в моем вкусе, то, может быть, в твоем.

(И не в моем, папа. Кажется, я его просто использовала. Но я обещала ему матч-реванш... так что придется.)

— А если мы отложим это до будущего года, отец?

— По-моему, это здравое решение. Постарайся до тех пор не забеременеть и не попасться никому на глаза. Кстати — если ты запишешься и молодой человек из твоего списка придет познакомиться с тобой, можешь опробовать его на диване в гостиной. Это удобнее и безопаснее, чем в судейской ложе,— добавил он с улыбкой.

— Да маму удар хватит!

— Не хватит. Ее матушка в свое время устроила для нее то же самое... вот почему Эдвард считается недоношенным. Глупо было бы вступить в говардский брак и уже после венчания обнаружить, что у вас не может быть детей.

Я онемела. Мать... моя мать, считавшая слово «грудь» неприличным, а «живот» — вопиюще грязным... Мать со спущенными панталонами непристойно елозит по дивану бабушки Пфейфер, мастеря внебрачного ребенка, а бабушка с дедушкой закрывают на это глаза! Легче поверить в непорочное зачатие, в Преображение, в Воскресение, в Санта-Клауса и пасхального зайчика. Мы совсем не знаем друг друга — а уж своих родных и подавно.

Вскоре мы въехали во владения Джексона Айгоу — восемьдесят акров, все больше камень да пригорки, а посредине хибара и ветхий сарай. Мистер Айгоу что-то там выращивал, но как эта ферма может прокормить его с тощей, изнуренной женой и кучей грязных ребят, в голове не укладывалось.

Несколько ребят и с полдюжины собак тут же собралось вокруг двуколки; один из мальчишек с криками кинулся к дому. Вышел мистер Айгоу.

— Джексон! — окликнул его отец.

— Я, док.

— Уберите-ка собак от повозки.

— А чего они вам сделают-то?

— Уберите. Я не хочу, чтобы они прыгали на меня.

— Как скажете, док. Кливленд! Джефферсон! Отгоните-ка собак на задний двор.

Те послушались. Отец слез, тихо бросив мне через плечо:

— Сиди в двуколке.

Пробыл он в хижине недолго — и хорошо, потому что их старший парень, Калеб, примерно мой ровесник, все приставал, чтобы я пошла с ним поглядеть поросят. Я его знала по школе — он уже несколько лет сидел в пятом классе — и считала, что его в скором будущем ждет суд Линча, если чей-то отец не убьет его раньше. Пришлось сказать ему, чтобы отошел от Дэйзи и не докучал ей — она мотала головой и пятилась. Для подкрепления своих слов я достала из стойки кнут.

Тут, к счастью, появился отец.

Он молча сел в двуколку, я цокнула, и Дэйзи тронулась с места. Отец был мрачен как туча, поэтому и я сидела тихо. Когда мы проехали с четверть мили, он сказал:

— Сверни-ка на травку,— я свернула и сказала Дэйзи: — Тпру, девочка.

— Спасибо, Морин. Полей мне, пожалуйста, на руки.

— Сейчас,— двуколку для выездов в город делал на заказ тот же каретный мастер, который поставил отцу беговые коляски,— сзади в ней был большой кузов с фартуком от дождя. Там отец возил разные вещи, которые могли понадобиться ему на вызове, а в черный чемоданчик не умещались. В том числе вода в жестянке из-под керосина с носиком, тазик, мыло и полотенца.

Я полила, он намылил руки, снова подставил их под струйку, отряхнул и еще раз вымыл в тазике и вытер чистым полотенцем.

— Вот так-то лучше,— вздохнул он.— Я там не садился и по возможности ничего не трогал. Помнишь, Морин, какая ванная у нас была в Чикаго?

— Ну еще бы!

Всемирная Выставка была чудом из чудес, и я никогда не забуду, как впервые увидела озеро или проехалась по надземной железной дороге... но в мечтах моих поселилась белая эмалированная ванна с горячей водой до самого подбородка. Говорят, у каждой женщины — своя цена. Моя — это ванна.

— Миссис Мэллой брала с нас за каждую ванну четвертак. Сейчас бы я охотно заплатил и два доллара. Морин, дай мне, пожалуйста, глицерин с розовой водой — там, в чемоданчике.

Отец сам делал эту примочку для растрескавшейся кожи и сейчас смазал ею руки после сильного щелочного мыла. Когда мы снова тронулись в путь, он сказал:

— Этот ребенок, Морин, умер задолго до того, как Джексон Айгоу послал за мной. На мой взгляд, еще ночью.

Я попыталась вызвать в себе жалость к ребенку, но вряд ли стоило жалеть того, кто избежал участи вырасти в этом доме.

— Зачем же было посылать за вами?

— Помолиться за упокой. Выписать свидетельство о смерти, чтобы у отца не было неприятностей с законом, когда он похоронит ребенка... чем он, наверное, сейчас и занимается. А главное, чтобы мы с тобой проехались шесть миль туда и обратно, а не он запрягал бы мула и ехал в город,— отец невесело засмеялся.— Он все говорил, что я не должен брать с него платы за визит, потому что приехал уже после смерти ребенка. Наконец я ему говорю: «Помолчите, Джексон. Вы мне еще ни цента не заплатили с того раза, как Кливленд побил Гаррисона». А он мне — времена, мол, тяжелые, а правительство ничего не делает для фермера,— отец вздохнул.— Я с ним не спорил — он в чем-то прав. Морин, ты ведь год вела мои книги — как, тяжелые времена или нет?

Он меня озадачил — я в это время думала о Фонде Говарда и о славной игрушечке Чака.

— Не знаю, отец. Знаю только, что в книгах записано гораздо больше, чем вам заплатили на самом деле. И вот что я еще заметила: самые никудышные вроде Джексона Айгоу предпочитают лучше задолжать доллар за вызов, чем пятьдесят центов за визит.

— Да. Джексон мог бы привезти трупик в город — в жизни не видел такого обезвоженного тельца! Но я рад, что он этого не сделал — ни к чему мне покойничек в моем чистом кабинете и в чистом доме Адели. Ты видела книги — как по-твоему, достаточно моих доходов, чтобы содержать нашу семью? Хватает ли на еду, на одежду, на жилье, на овес и сено и на монетки для воскресной школы?

Я призадумалась. Таблицу умножения я, как и все школьники, знала до «двадцатью двадцать», а в старших классах стала постигать блаженство более сложных вычислений, но в нашем

домашнем хозяйстве своих познаний не применяла. Я представила себе черную доску и углубилась в расчеты.

— Отец, если бы все заплатили вам, мы бы жили в полном достатке. Но ведь они не платят... не все платят, а мы все-таки живем в достатке.

— Морин, если не захочешь записываться в Фонд Говарда, выходи за богатого. Не за сельского врача.

Отец пожал плечами и улыбнулся.

— Но не волнуйся. У нас всегда будет еда на столе, даже если мне придется совершать набеги на Канзас и воровать там скот. Споем? «У папы ласочка была» будет сегодня к месту. А как твоя ласочка, дорогая? Не болит?

— Отец, вы грязный старик и плохо кончите.

— Всегда на это надеялся, но с таким семейством разве согрешишь как следует. А знаешь, о тебе беспокоилась еще одна особа. Миссис Альтшулер.

— Так я и знала,— я рассказала ему, как мы встретились.— Она приняла меня за Одри.

— Вот мерзкая старая корова. Но это она, может быть, нарочно. Она меня спрашивала, что ты делала на ярмарочных трибунах.

— И что же вы ей ответили?

— Ничего. Молчание — это все, что заслуживает вопрос любопытного — пропускай его мимо ушей, вот и все. А еще лучше — прямое оскорбление, которое я и нанес этой зловредной черепахе, не ответив на ее вопрос и сказав ей, чтобы она перед следующим визитом ко мне помылась — я, мол, нахожу, что она неудовлетворительно соблюдает личную гигиену. Ей это не понравилось,— он улыбнулся.— Авось перебежит теперь к доктору Чедвику, будем надеяться.

— Будем. Значит, кто-то видел, как мы туда поднимались. Но уж чем мы там занимались, сэр,— этого не видел никто,— я рассказала отцу про ящик с грузами.— Любопытным понадобился бы воздушный шар.

— Да уж. Устроились вы надежно, хотя и не очень удобно. Я желал бы предоставить в твое распоряжение диван... но не могу, пока ты не запишешься в Фонд Говарда. Если надумаешь. А пока что давай подумаем о безопасных местах.

— Благодарствую, сэр. Одного не могу понять: пробыли мы в Батлере недолго, чтобы скрыть время, затраченное на побочную деятельность. Я рассчитала в уме время и расстояние. Cher papa, или я плохо считаю...

— Не может такого быть.

— Если кто-то видел, что мы лезли в ложу, он должен был рысью прискакать к Альтшулерам и сообщить о моем грехопадении, причем Безобразная Герцогиня должна была уже полностью одеться к тому времени и приготовить двуколку с лошадью, чтобы ехать к вам. Когда она явилась?

— Сейчас соображу. Когда она пришла, у меня сидело трое пациентов, и ей пришлось дожидаться очереди, так что вошла она ко мне уже злая, а вышла рассвирепевшая. Должно быть, она появилась здесь за час до того, как ты столкнулась с ней в дверях.

— Нет, отец, не получается. Это физически невозможно. Разве что она сама была на ярмарке, а оттуда прямиком поскакала к вам.

— Все может быть, хотя вряд ли. Морин, сегодня ты встретилась с феноменом, с которым будешь сталкиваться всю свою жизнь после сего примечательного дня: быстрее света, согласно науке, движется только сплетня миссис Гранди.

— Да, наверное.

— Не наверное, а точно. Когда ты столкнешься с этим в следующий раз, что будешь делать? Предусмотрено это в твоих заповедях?

— Нет.

— Подумай. Как будешь защищаться?

Я думала над этим следующие полмили.

— Вообще не буду.

— Что не будешь?

— Защищаться от сплетен. Не стану обращать на них внимания. В крайнем случае посмотрю ей — или ему — в глаза и громко скажу: «Вы грязная лгунья». Но лучше просто не обращать внимания. По-моему, так.

— По-моему тоже. Люди подобного сорта только и хотят, чтобы их заметили. Самый жестокий способ обойтись с ними — это вести себя так, будто их не существует.

* * *

До конца года я продолжала игнорировать миссис Гранди, стараясь в то же время не привлекать ее внимания. В глазах общественности я выглядела, словно героиня Луизы М. Олкотт, вне же ее глаз продолжала познавать новое изумительное искусство, к которому недавно приобщилась. Не подумайте только, что я все время проводила лежа на спине и трудясь в поте лица на общее благо Морин и того, чье имя — легион. В графстве Лайл времен 1897 года заниматься этим было особо негде.

«Совесть — это тихий голос, подсказывающий тебе, что за тобой могут подсматривать». (Неизвестный автор.)

Возникла также проблема подходящего партнера. Чарльз был хороший парень, и я отдалась-таки ему второй раз и даже третий, для ровного счета. Вторая и третья попытки прошли в более удобных условиях, но оказались еще менее удовлетворительными, чем первая,— холодная маисовая каша без сорго и без сливок.

Поэтому на третий раз я сказала Чарльзу, что нас кто-то видел на Марстонском холме и сказал моей сестре — хорошо, что не кому-нибудь из братьев, с сестрой-то я договорюсь. Но нам лучше притвориться, будто мы поссорились... не то, чего доброго, дойдет до матери, а та скажет отцу, и что тогда будет! Давай-ка расстанемся до начала занятий в школе. Ты ведь понимаешь, правда, дорогой?

Я убедилась, что в отношениях с мужчиной самое трудное — прекратить эти отношения, когда он этого не хочет. За полтора века своего богатого опыта я так и не нашла полностью надежного способа.

Один из частично надежных, который я выработала гораздо позднее 1897 года, требует большого умения, значительного самообладания и некоторого притворства. Назовем его условно «колода». Лежишь как мертвая, полностью расслабив — это главное — внутренние мускулы.

Если перед этим еще наесться чеснока, то очень вероятно, хотя и не на сто процентов, что тебе не придется придумывать причину для разрыва. Если же разорвать решит он, есть возможность отнестись к этому спокойно, показав себя «хорошим спортсменом».

Я не хочу этим сказать, что весь секрет сексапильности — только в гимнастике да в тугих мускулах. Это всего лишь элементарная техника — то же, что для плотника хорошо заточенный инструмент. Моя брачная сестра Тамара, мать нашей брачной сестры Иштар и в свое время самая знаменитая шлюха на всем Секундусе — воплощение сексапильности, а между тем она не такая уж красавица и никто из тех, кто с ней спал, не распространяются о ее технике. Однако их лица светлеют при виде ее, а голос дрожит, когда они говорят о ней.

Я спросила у Тамми Джубела Хэршоу, самого аналитичного из моих мужей.

— Брось притворяться, мама Морин,— сказал он мне.— Уж тебе ли не знать.

Я заверила его, что не знаю.

— Ну ладно — хотя ты все равно, по-моему, врешь.

Сексапильность — это внешнее проявление внутреннего стремления удовлетворить своего партнера. У Тамми это есть. И у тебя тоже, но в меньшей степени. Дело не в том, что ты рыжая, и даже не в твоем смачном запашке — а в том, что ты отдаешься... когда отдаешься.

Джубал так взбудоражил меня, что я занялась им там же, на месте.

Но в тогдашнем графстве Лайл нельзя было так сразу заняться тем, кто тебе нравился. Миссис Гранди сидела за каждым кустом, подстерегая случай поймать тебя и уличить. Так что любовь требовала тщательной подготовки. В охотниках недостатка не было — их насчитывалось двенадцать на дюжину,— но среди них надо было еще выбрать того, кто подходит тебе. Соответствующего возраста, здоровья, чистоплотного, обаятельного, скромного (если он сплетничает с тобой о других, то будет сплетничать и о тебе), да мало ли еще какого. Выбрав себе жертву, нужно было внушить избраннику, что он хочет именно тебя, и в то же время молчаливо дать ему понять, что это возможно. Все это легко сказать, а вот попробуйте на практике! Это искусство оттачиваешь всю жизнь.

Итак, согласие достигнуто... остается найти место. Выбрав сама, где мне расстаться с невинностью, я перестала заниматься

этой стороной проблемы. Если юноша или зрелый муж хочет обладать моим грешным телом, пусть напряжет свое серое вещество и сам придумает где. А нет — так пусть отправляется бабочек ловить.

При этом, конечно, трудно уберечься от клещей, а раз мы нарвались на ядовитый плющ. Мой спутник пострадал, а у меня, видно, был иммунитет.

С июня по январь меня имели трое мальчишек от шестнадцати до двадцати лет и один женатый человек тридцати одного года. Его я включила в реестр из ложной убежденности в том, что женатый мужчина более искусен и непременно устроит мне желаемый фейерверк. Итого: совокуплений — девять, оргазмов — три, из них один восхитительный. Время, затраченное на половую жизнь: в среднем по пять минут на каждый случай, то есть явно недостаточно. Я поняла, что жизнь может быть прекрасна... но что мужчины моего окружения разнятся от недотепы до болвана.

Миссис Гранди меня как будто не замечала.

К Новому году я решила сказать отцу, чтобы он записал меня в Фонд Говарда. Не из-за денег — я так и не знала, сколько и достаточно ли там платят,— просто мне хотелось получить возможность познакомиться с более подходящими мужскими особями. Охотничьи угодья графства Лайл оказались слишком бедны для Морин. Я твердо поняла, что, даже если секс и не все на свете, замуж выйти я все-таки хочу — и за такого мужчину, с которым хочется лечь спать пораньше.

Тем временем я старалась сделать из Морин настолько желанную самочку, насколько это возможно, и внимательно прислушивалась к советам отца. (Я знала, что мне нужен мужчина, похожий на него — лет на двадцать пять помоложе. Или на двадцать, ну пусть на пятнадцать. Но готовилась к тому, чтобы взять наиболее похожего из тех, кто подвернется.)

С того дня, как мы с Чаком залезли в судейскую ложу, до конца года оставалось еще двести дней. Умножим двести на двадцать четыре и еще на шестьдесят — получится двести восемьдесят восемь тысяч минут. Из них около сорока пяти я занималась сексом — остается сто девяносто девять дней, двадцать три часа и

пятнадцать минут. Отсюда следует, что мне хватало времени и на другие дела.

То лето было одним из самых лучших в моей жизни. Хотя мне не часто приходилось получать удовольствие и оно было не слишком велико, ложилась и вставала я с мыслью о нем. Это заставляло сиять мои глаза и освещало мои дни. Я испускала женские феромоны, словно самка моли, и улыбка не сходила с моих губ. Пикники, купание в Осейдже (вы не поверите, что мы при этом на себя надевали), загородные танцульки.

На последние косо смотрели методистская и баптистская церкви, зато их поощряли мормоны — ради привлечения возможных новообращенных. Отец убедил мать, я посещала эти танцы и научилась разным народным пляскам. И конкурсы на лучший арбуз, и любой повод собраться компанией.

Я выбросила из головы мечты о Миссурийском университете в Колумбии. Ведя книги отца, я поняла, что содержать меня четыре года в колледже просто нет возможности. И потом, я не слишком стремилась стать сестрой милосердия или школьной учительницей — так зачем же мне формальное (и дорогостоящее) высшее образование. Книгочеем я останусь на всю жизнь, но диплом для этого иметь не обязательно.

Поэтому я решила стать образцовой домашней хозяйкой и для начала научиться готовить.

Я дежурила на кухне в очередь с сестрами с того дня, как мне исполнилось двенадцать, и к пятнадцати годам хорошо умела готовить простые блюда.

Но я задумала сделаться искусной поварихой.

Мать заметила мой возросший интерес к кулинарии, и я сказала ей почти что правду.

— Chere mama, я ведь когда-нибудь выйду замуж. По-моему, лучший подарок, который я могу сделать своему мужу,— это умение хорошо готовить. Может, у меня и не хватит таланта, чтобы стать шеф-поваром. Но попробовать можно.

И она учила меня, выписывала из Нового Орлеана французские поваренные книги, которые мы вместе штудировали. Потом отправила меня на три недели к тете Кароль, которая обучила меня

креольской кухне. Тетя Кароль была южанка французского происхождения, после Гражданской войны вышедшая — о ужас! — за проклятого янки, за старшего брата отца дядю Эвинга, ныне покойного. Дядя Эвинг участвовал в оккупации Нового Орлеана и однажды дал в зубы сержанту, спася тем от беды девицу-южанку. За этим последовало разжалование из капралов в рядовые — и женитьба.

В доме тетушки Кароль о войне никогда не говорили.

Не часто говорили о ней и у нас дома — ведь мы, Джонсоны, не были уроженцами Миссури, а происходили из Миннесоты и, как люди пришлые, по примеру отца не затрагивали тем, могущих огорчить наших соседей.

В Миссури симпатии переплетались — штат был и пограничный, и рабовладельческий, и в нем проживали ветераны обеих армий. Наша же часть Миссури называлась «вольной»: в иных городах никогда не держали рабов, а теперь не допускали к себе цветных жителей. К таким относились и Фивы. Кроме того, наш городок был таким маленьким и незначительным, что союзные войска обошли его стороной, когда наступали здесь в шестьдесят пятом году, грабя и поджигая. Батлер сожгли до основания, он так и не оправился потом полностью, но Фивы не тронули.

Джонсоны, хотя и приехали с Севера, «саквояжниками» не были — Миссури не входил в Конфедерацию и Реконструкция его не коснулась. Дядя Джайлс, отцовский кузен, живший в Канзас-Сити, объяснил причину переезда так: «Дрались мы, значит, в Дикси четыре года, а потом вернулись домой... только чтобы вещички собрать и сняться. В Миссури не такая жара, как в Дикси, но и такого холода нет, когда тени к земле примерзают, а коровы дают мороженое».

Тетя Кароль придала лоск моему кулинарному мастерству, и я постоянно торчала у нее на кухне, пока не вышла замуж. В те три недели и случилась история с лимонной меренгой — кажется, я о ней уже упоминала.

Я испекла их четыре штуки. Та, о которой речь, не слишком удалась — корочка подгорела, однако три остальные получились хорошо — не так-то легко добиться нужной температуры, имея дровяную плиту.

И как только мой кузен Нельсон ухитрился незаметно притащить ту меренгу в церковь и подсунуть ее под меня?

Он так меня взбесил, что я тут же убежала домой (то есть к тете Кароль), а когда Нельсон явился с извинениями, расплакалась и легла с ним в постель. Тут и произошел один из трех фейерверков. Мы поддались внезапному порыву, забыв об осторожности, но это сошло нам с рук.

Потом я время от времени допускала к себе Нельсона, если представлялся случай — до самой своей свадьбы. Да и свадьбой дело не кончилось, потому что Нельсон позднее переехал в Канзас-Сити.

Мне не следовало бы так вести себя с Нельсоном — ему ведь было всего четырнадцать.

Однако для своих лет он был шустрый мальчик. Знал, что надо предохраняться, что за него замуж я ни за что не пойду, что я могу забеременеть и что ребенок будет катастрофой для нас обоих. В то воскресное утро он послушно дал мне надеть на него французский мешочек, ухмыльнулся и сказал: «Мо, ты просто молодец». Потом с неостывшим энтузиазмом приступил к делу и в рекордный срок довел меня до оргазма.

В последующие два года я продолжала снабжать Нельсона «веселыми вдовами». Пеклась я не о себе — у меня всегда были при себе свои,— а о его гареме. После того как я приобщила его к этому виду спорта, он занялся им с жаром и врожденным талантом и ни разу не влип. Шустрый мальчик.

Помимо занятий кулинарией я попыталась привести в порядок отцовские дела, но с меньшим успехом. Посоветовавшись с ним, я разослала тем, кого это касалось, вежливые напоминания об уплате долга. Вам не приходилось писать от руки сто писем подряд? Я поняла, почему мистер Клеменс при первой же возможности сменил перо на пишущую машинку, подав пример всем другим писателям.

«Дорогой мистер Наглоу,

проверяя книги доктора Джонсона, я обнаружила, что за Вами числятся столько-то долларов, причем Вы не платили

по счету с марта 1896 года. Возможно, это просто недоразумение. Можем ли мы ожидать, что Вы уплатите указанную сумму до первого числа следующего месяца?

Если Вы не в состоянии уплатить ее полностью, прошу Вас зайти к доктору в пятницу десятого числа, чтобы уладить вопрос к обоюдному согласию.

Доктор шлет наилучшие пожелания Вам и миссис Наглоу, а также Наглоу-младшему, близнецам и маленькой Туппи.

Искренне Ваша
Морин Джонсон, по поручению доктора Джонсона».

Я показала отцу несколько образцов — от любезного до жесткого. Чаще всего мы использовали выше приведенный образец. Про некоторых адресатов отец говорил: «Этим не посылай. Они заплатили бы, если б могли, но не могут». И все же я разослала больше сотни писем.

Отправка каждого письма стоила два цента, бумага — около трех. Время, затраченное мной на письмо, оценим в пять центов. Итого, каждое письмо стоило нам десять центов, а все вместе — чуть больше десяти долларов.

В результате этой операции мы не выручили и десяти долларов наличными. Около тридцати пациентов пришли объясняться. Около половины из них принесли что-нибудь в счет долга — яйца, ветчину, вырезку, овощи, свежий хлеб и так далее. Шестеро-семеро договорились о рассрочке, и некоторые действительно сдержали слово.

Но семьдесят человек не обратили на письма никакого внимания.

Я была расстроена и разочарована. Это ведь не какие-то дремучие бедолаги вроде Джексона Айгоу, а состоятельные фермеры и горожане. Это ради них отец вставал среди ночи с постели, одевался и ехал — в повозке или верхом, в снег, в дождь, в пыль и в грязь, по колдобинам — к ним или к их детям. А когда он попросил их заплатить ему, они и ухом не повели.

Мне в это просто не верилось.

— Что же дальше, отец? — спросила я, думая, что он сейчас скажет, оставь, мол, эту затею, поскольку я с самого начала сомневался в ее полезности. И уже приготовилась вздохнуть с облегчением.

— Разошли им всем жесткие письма с пометкой «повторно».

— Думаете, это поможет, сэр?

— Нет. Но кое-какая польза будет. Вот увидишь.

Отец был прав. Вторичная рассылка не принесла нам денег, зато пришло несколько негодующих ответов, среди которых были и оскорбительные. Отец велел мне подколоть каждое письмо к соответствующей медицинской карте, но не отвечать на них.

Большинство этих семидесяти пациентов больше к нам не показывались. Это и был тот положительный результат, на который отец надеялся и которому радовался.

— Ничья, Морин. Они мне не заплатили, а я им не очень-то помог. Йод, каломель и аспирин — вот в основном и все, чем мы пока располагаем, да еще сахарное драже. Я уверен в результате, только когда принимаю роды, вправляю кость или отнимаю ногу. Но, черт побери, я все-таки делаю что могу. Стараюсь. И если кто-то злится только потому, что его просят уплатить за услуги,— не вижу, почему я должен вылезать из теплой постели и идти его врачевать.

В девяносто седьмом году железнодорожная компания провела ветку в миле от нашей главной площади, городской совет по этому случаю расширил границы Фив, и к нам пришла железная дорога. А следом и телеграф — теперь «Лайл Каунти Лидер» получал новости прямо из Чикаго, но только раз в неделю, и «Канзас-Сити Стар», которая приходила по почте, обычно опережала его. Добрался до нас и телефон Белла, хотя поначалу звонить можно было только с девяти утра до девяти вечера, за исключением воскресного утра: станция помещалась в гостиной вдовы Лумис и прекращала работу, когда вдова отсутствовала.

«Лидер» напечатал забойную передовицу «Новые времена». Отец нахмурился.

— Они тут пишут, что если соберут побольше подписей, то скоро можно будет вызывать доктора по телефону в любое время. Ну

конечно. Сейчас я езжу на ночные вызовы, только в том случае, если больного так прихватит, что кто-то из домашних запряжет лошадь и приедет за мной. А что будет, если меня станут извлекать из постели, покрутив ручку аппарата? Все начнут ее крутить — а для чего? Чтобы позвать меня к умирающему ребенку? Нет, Морин,— к тому, у кого заусеница задралась. Помни мои слова: телефон положит конец домашним визитам врачей. Не сегодня, не завтра, но скоро. Кто везет, того и погоняют... и вот увидишь: доктора вскоре откажутся посещать больных на дому.

Под Новый год я сказала отцу, что надумала: пусть запишет меня в Фонд Говарда.

В январе я уже приняла первого молодого человека из своего списка.

К концу марта я приняла уже всех семерых. И в трех случаях даже воспользовалась диванной привилегией... точнее, кушеткой в отцовском кабинете, запираясь там на ключ.

Мокрые фейерверки.

Все трое были вполне приличные молодые люди, но замуж? Нет.

Морин совсем уже было разочаровалась в этой затее, но в субботу второго апреля отец получил письмо из Роллы, штат Миссури:

«Дорогой доктор,

разрешите представиться. Мои родители — мистер и миссис Джон Адамс Смит из Цинциннати, штат Огайо. У моего отца там мастерская по изготовлению штампов и режущего инструмента. Я заканчиваю горный факультет Миссурийского университета в Ролле. Ваше имя и адрес сообщил мне судья Орвилл Сперлинг из Толидо, Огайо, исполнительный секретарь Фонда Гаварда. Судья сказал также, что напишет Вам обо мне.

Если Вы дадите на то свое позволение, я заеду к Вам и миссис Джонсон в воскресенье семнадцатого апреля, чтобы просить Вас представить меня Вашей дочери мисс Морин Джонсон как возможного соискателя ее руки.

Буду счастлив дать Вам любые сведения о себе и ответить исчерпывающе и откровенно на все Ваши вопросы.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа.

Остаюсь, сэр, Вашим преданным слугой
Брайаном Смитом».

— Ну вот, дочка, к тебе скачет твой рыцарь на белом коне.

— Лишь бы не о двух головах. Что проку, отец. Я умру старой девой в возрасте девяноста семи лет.

— Надеюсь, не слишком сварливой. Что мне ответить мистеру Смиту?

— Да пусть приезжает. Напишите, что я вся сочусь от нетерпения.

— Морин!

— О да. Я слишком молода, чтобы быть циничной. Знаю. Quel dommage*. Я напрягусь и одарю мистера Брайана Смита самой лучезарной своей улыбкой, а встречи с ним буду ждать с радостным оптимизмом. Он у меня, правда, немного увял. Тот последний орангутанг... (Он пытался изнасиловать меня прямо на матушкином диване, как только родители поднялись наверх. Но ему пришлось быстро отступить, схватившись за пах — пригодилось мое знание анатомии.)

— Напиши, что мы будем рады ему. Воскресенье семнадцатого — это через две недели.

Я ожидала этого воскресенья с умеренным энтузиазмом. Правда, в церковь все-таки не пошла, приготовила провизию для пикника и, пользуясь случаем, помылась. Мистер Смит оказался приемлемым молодым человеком с правильной речью, хотя дух от него не захватывало. Отец немножко попытал его, мать предложила ему кофе, и часам к двум мы с ним поехали на прогулку в нашей двуколке, на Дэйзи, поставив его взятую напрокат лошадку в сарай.

Три часа спустя я была убеждена, что влюбилась.

---

* Quel dommage *(фр.)* — Какая жалость.

Брайан договорился, что первого мая приедет опять. В промежутке ему предстояло сдать выпускные экзамены.

В следующее воскресенье, 24 апреля 1898 года, Испания объявила войну Соединенным Штатам.

5

ИЗГНАНИЕ ИЗ ЭДЕМА

Тюрьма как тюрьма, бывает и хуже. Как, например, та, в Техасе, в которой я сидела семьдесят с чем-то лет назад по своему личному времени. Там тараканы сражались за неверный шанс подобрать пару крошек с пола, горячей воды отродясь не бывало, а вся охрана приходилась родней шерифу. Тем не менее мексиканские нищие то и дело переправлялись тайком из Рио и били в городе стекла, чтобы попасть в эту тюрьму и подкормиться за зиму. Это заставляет воображать о мексиканских тюрьмах нечто такое, о чем и думать не хочется.

Пиксель навещает меня почти каждый день. Стражники не могут понять, как это ему удается. Они все его полюбили, ну и он снисходит кое до кого. Они таскают ему разные вкусности, которые он порой соглашается отведать.

Начальник, проведав о гудиниевских талантах Пикселя, посетил мою камеру как раз тогда, когда тот пришел, попытался его погладить и был оцарапан за бесцеремонность — не до крови, но достаточно чувствительно.

Начальник приказал мне предупредить его загодя, когда Пиксель будет входить или выходить; он хочет понять, как это Пиксель проникает в камеру, не задевая сигнализации. Я сказала ему, что ни один смертный не способен предсказать, что сделает кот в следующий момент, так что нечего тут ошиваться. (Охранники и надзиратели — люди по-своему неплохие, но начальник стоит ниже меня на социальной лестнице. Видимо, Пиксель тоже это понимает.)

Пару раз заходил доктор Ридпат, уговаривал меня признать свою вину и положиться на милость суда. Говорил, что трибунал,

конечно, осудит меня условно, если убедится в моем искреннем раскаянии.

Я сказала ему, что невиновна и предпочту cause celebre*, а потом продам свои мемуары за бешеные деньги.

Мне, должно быть, неизвестно, заметил он, что Епископская Коллегия недавно приняла закон, согласно которому все имущество лиц, осужденных за святотатство, передается в церковь после оплаты погребения.

— Знаете, Морин, я вам друг, хотя вы этого, кажется, не понимаете. Но ни я и никто другой не сможет ничего для вас сделать, если вы отказываетесь помочь.

Я поблагодарила его и сказала, что мне жаль его разочаровывать. Он посоветовал мне хорошенько подумать и не поцеловал на прощанье, из чего я заключила, что он и вправду недоволен мной.

Дагмар бывает почти ежедневно. Она не пыталась склонить меня к покаянию, зато сделала то, что тронуло меня сильнее, чем все увещевания доктора Ридпата: принесла мне «последнего друга».

— Если решила молчать, он поможет. Отломи только наконечник и впрысни все равно куда. Когда он подействует — минут через пять,— тебя даже поджаривание на медленном огне не проймет. Но ради Святой Каролины, лапочка, постарайся, чтобы его у тебя не нашли!

Постараюсь.

Я не диктовала бы эти мемуары, не окажись в тюрьме. Не то чтобы я в самом деле собиралась их публиковать, но не мешает разложить все по полочкам — может, тогда я пойму, где ошибалась, и придумаю, как выпутаться из этой переделки и жить дальше.

Битва при Новом Орлеане состоялась через две недели после окончания войны 1812 года — так медленно тогда распространялись новости. Но в 1898 году уже действовал Атлантический кабель. Известие о том, что Испания объявила нам войну, дошло до Фив из Мадрида через Лондон, Нью-Йорк и Канзас-Сити почти что со скоростью света, если не считать задержек на передачу.

* cause celebre *(фр.)*— дословно «знаменитый судебный процесс».

Разница во времени между Мадридом и Фивами — восемь часов, поэтому семейство Джонсон находилось в церкви, когда страшная весть достигла города.

Преподобный Кларенс Тимберли, пастор нашей Методистской епископальной церкви памяти Сайруса Вэнса Паркера, читал проповедь, и только он покончил с «в-четвертых» и углубился в «в-пятых», как зазвонил большой колокол на здании окружного суда. Брат Тимберли прервал проповедь.

— Сделаем перерыв в проповеди, чтобы пожарники могли покинуть храм.

Около десятка мужчин помоложе встали и вышли. Отец взял свой чемоданчик и последовал за ними. Он не состоял в добровольной пожарной команде, но как врач обычно присутствовал на пожаре, если только не занимался больным в тот момент, когда били в набат.

Как только за отцом закрылась дверь, проповедник снова взялся за свое «в-пятых» — о чем он толковал, сказать не могу: на проповеди я всегда принимала внимательный, заинтересованный вид, но слушала редко.

Тут на Форд-стрит послышались какие-то крики — их не мог заглушить даже громкий голос брата Тимберли. Они раздавались все ближе и ближе.

Вдруг в церковь снова вошел отец и, не садясь на свое место, приблизился к кафедре и протянул пастору газетный лист. Надо сказать, что «Лайл Каунти Лидер» был четырехполосной газетой и выходил на так называемых «котельных листах»: на одной стороне таких листков печатались международные, общегосударственные новости и новости штата, потом они доставлялись в редакцию правительственных газет, которые заполняли внутренний разворот своими, местными новостями и объявлениями. «Лайл Каунти Лидер» покупал «котельные листы» у «Канзас-Сити Стар», а сверху впечатывал собственную шапку. В газете, которую отец подал брату Тимберли, на внутренних страницах было напечатано то же, что и в прошлом номере, вышедшем, как и полагалось, в четверг, 21 апреля 1898 года, только вверху на второй полосе крупным шрифтом было набрано:

ИСПАНИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ!

(По телеграфу из «Нью-Йорк Джорнэл»)

24 апреля, Мадрид.

Сегодня наш посол был вызван к премьер-министру Испании, где ему вручили выездной паспорт и краткую ноту, гласившую, что преступная деятельность Соединенных Штатов против Его Католического Величества вынуждает правительство Его Величества заявить, что Испанское королевство и США находятся в состоянии войны.

Брат Тимберли прочел это сообщение с кафедры вслух, отложил газету, окинул нас торжественным взглядом, вытер платком лоб, высморкался и сказал хрипло:

— Помолимся.

Отец встал, и его примеру последовали все прихожане. Брат Тимберли просил Господа нашего Иегову не оставить нас в час испытаний. Просил его ниспослать мудрость президенту Мак-Кинли . Просил помочь всем нашим храбрецам на суше и на море, что готовятся вступить в бой за священную, Богом им данную землю. Просил упокоить души тех, кто падет в бою, и утешить горе вдов, сирот, отцов и матерей тех юных героев, коим суждено погибнуть. Просил, чтобы восторжествовала истина, положив скорый конец этой войне. Просил за наших друзей и соседей, несчастных кубинцев, столь долго страдавших под железной пятой испанского короля. И так далее и так далее — минут пятнадцать.

Отец давно излечил меня от христианской веры. Вместо нее у меня возникло глубокое подозрение, рожденное профессором Гексли и питаемое отцом: а существовал ли когда-нибудь такой человек, как Иисус из Назарета?

Что до брата Тимберли, то на него я смотрела как на источник шума, у которого из всех пор сочится елей. Как и многие проповедники Библейского Пояса , он был фермерским сыном, питавшим, как я подозревала, отвращение к настоящей работе.

Я ни на грош не верила в того Бога, о котором говорил брат Тимберли.

Но в этот раз отвечала «аминь» на каждое его слово, и слезы струились у меня по щекам.

* * *

А сейчас я влезу на ящик из-под мыла .

В двадцатом столетии григорианского календаря среди интеллектуалов вошел в моду так называемый «пересмотр истории», или ревизионизм. Основной идеей этого учения было то, что участники исторических событий не имеют понятия, что и зачем они делают, и не понимают, что они всего лишь марионетки в руках неведомых зловещих сил.

Может быть, так и есть — не знаю.

Только почему народ и правительство Соединенных Штатов в глазах ревизионистов выглядят как негодяи? Почему бы нашим врагам — королю Испании, кайзеру, Гитлеру, Херонимо, Вилье, Сандино, Мао Цзедуну и Джефферсону Дэвису — тоже не постоять немножко у позорного столба? Почему всегда мы?

Да, я знаю — ревизионисты утверждают, будто испано-американскую войну устроил Уильям Рэндолф Херст, чтобы увеличить тиражи своих газет. И знаю, что многие ученые и эксперты придерживаются мнения, будто американский крейсер «Мэйн» в Гавардском порту взорвали, погубив при этом двести двадцать шесть жизней, некие злодеи с целью очернить Испанию в глазах американцев и тем подготовить их к войне.

Вы хорошо меня слушаете? Я сказала: я знаю, что такие мнения высказывались. Я не говорила, что они верны.

Бесспорно то, что официальные круги Соединенных Штатов весьма откровенно указывали испанскому правительству на угнетенное положение кубинцев. Верно и то, что Уильям Рэндолф Херст в своих газетах публиковал весьма неприятные вещи об испанском правительстве. Но Херст — еще не Соединенные Штаты, и у него не было ни пушек, ни кораблей, ни власти. А был только громкий голос и полное отсутствие уважения к тиранам. Тираны таких не выносят.

Эти мазохисты-ревизионисты представили войну 1898 года как империалистическую агрессию Соединенных Штатов. Как могла империалистическая война привести к освобождению Кубы и Филлипин, остается неясным. Но ревизионисты всегда

первым делом заявляют, что виноваты Соединенные Штаты. Если историку-ревизионисту удается это доказать (не без помощи логической подтасовки), то докторская степень ему обеспечена и он на верном пути к Нобелевской премии мира.

В апреле 1898 года нам, темным провинциалам, было понятно только одно: уничтожен наш крейсер «Мэйн», погибло много моряков, Испания объявила нам войну, президент созывает добровольцев.

На другой день, в понедельник двадцать пятого апреля, пришло президентское воззвание: он обращался к народу с просьбой собрать сто двадцать пять тысяч добровольцев из рядов народного ополчения штатов, чтобы пополнить нашу почти не существующую армию. Утром Том, как обычно, уехал в свою Батлерскую академию. Воззвание застало его там, и в полдень он прискакал обратно — его чалый меринок Красавчик Браммел был весь в мыле. Том попросил Фрэнка обтереть Красавчика и уединился с отцом в кабинете. Минут через десять они вышли, и отец сказал матери:

— Мадам, наш сын Том желает записаться в добровольцы, чтобы послужить родине. Сейчас мы с ним поедем в Спрингфилд. Я должен присягнуть, что ему восемнадцать и он получил родительское согласие.

— Но ему же еще нет восемнадцати!

— Вот потому-то мне и надо с ним поехать. Где Фрэнк? Я хотел, чтобы он запряг Бездельника.

— Давайте я запрягу, отец,— вмешалась я.— Фрэнк только что убежал в школу, он опаздывает. (Опаздывал он из-за того, что провозился с Красавчиком, но об этом я умолчала.)

Отец заколебался. Я настаивала:

— Бездельник меня знает, сэр, и никогда не причинит мне вреда.

Вернувшись в дом, я увидела отца у нашего нового телефона, который висел в холле, служившем приемной для больных.

— Да, понимаю,— говорил он.— Удачи, сэр, и храни вас Бог. Я скажу ей. До свидания,— он отвел трубку от уха, посмотрел на

нее и лишь потом вспомнил, что ее надо повесить.— Это тебе звонили, Морин.

— Мне? — такое случилось впервые.

— Да. Твой молодой человек, Брайан Смит. Извиняется за то, что не сможет приехать в следующее воскресенье. Сейчас едет в Сент-Луис, а оттуда в Цинциннати, чтобы записаться в ополчение от штата Огайо. Просит разрешения приехать к тебе, как только кончится война. Я дал согласие от твоего имени.

— О-о,— у меня закололо в груди и стало больно дышать.— Спасибо, отец. А нельзя ли мне позвонить туда, в Роллу, и самой поговорить с мистером Смитом?

— Морин! — воскликнула мать.

— Мама, я не навязываюсь и не веду себя недостойно. Это совсем особый случай. Мистер Смит уходит сражаться за нас. Я просто хочу ему сказать, что буду молиться за него каждый вечер.

— Хорошо, Морин,— мягко ответила мать.— Если будешь с ним говорить, то скажи ему, пожалуйста, что я тоже буду молиться за него. Каждый вечер.

— Дамы...— кашлянул отец.

— Да, доктор?

— Ваша дискуссия носит чисто теоретический характер. Мистер Смит сказал мне, что у него всего одна минута, потому что к телефону стоит целая очередь студентов. С такими же сообщениями, полагаю. Так что звонить бесполезно — там будет занято, а он сейчас уедет. Что отнюдь не мешает вам, леди, молиться за него. Можешь написать ему об этом в письме, Морин.

— Но я не знаю, куда писать!

— А голова тебе на что, дочка? Узнать это — проще простого.

— Доктор Джонсон, прошу вас,— и мать ласково сказала мне: — Судья Сперлинг должен знать.

— Судья Сперлинг?

— Да, дорогая. Судья Сперлинг всегда знает, где находится каждый из нас.

Вскорости мы все поцеловали Тома и заодно отца, хотя он-то должен был вернуться и заверял нас, что Том скорее всего вернется тоже: его только запишут и скажут, в какой день явиться. Не может же ополчение штата разместить больше тысячи людей разом.

Они уехали. Бет тихо плакала, а Люсиль нет — вряд ли она что-нибудь понимала, только посерьезнела и глазенки стали круглыми. И мы с матерью не плакали... в тот момент. Но она ушла к себе и закрыла дверь. Я тоже. У меня была отдельная комната с тех пор, как Агнес вышла замуж, и я закрылась на засов, легла на кровать и выплакалась.

Я пыталась внушить себе, что плачу по брату. Но это из-за мистера Смита у меня так болело сердце.

Я от души жалела, что неделю назад, занимаясь с ним любовью, всучила ему французский мешочек. А ведь было у меня искушение — я знала, уверена была, что гораздо лучше без этой резинки, лучше, когда обнажаешься совсем — и снаружи, и изнутри.

Но я торжественно обещала отцу, что всегда буду предохраняться... вплоть до того дня, когда, трезво обсудив вопрос со своим мужчиной, решусь завести ребенка — и твердо условлюсь вступить с этим мужчиной в брак, если ребенок получится.

А теперь он уходит на войну... и может быть, я никогда больше его не увижу.

Я осушила глаза, встала и взяла томик стихов — «Золотую сокровищницу», составленную профессором Палгрейвом. Мать подарила мне ее на день рождения в двенадцать лет, а ей эту книгу тоже подарили в двенадцать лет, в 1866 году.

Профессор Палгрейв отобрал для своей сокровищницы двести восемьдесят восемь лирических стихотворений, отвечающих его изысканному вкусу. Сейчас мне нужно было только одно: Ричард Лавлейс, «К Лукасте, уходя на войну».

Я не любил бы так тебя,
Не будь мне честь дороже.

Потом я поплакала еще и уснула. Проснувшись, встала и не дала больше воли слезам, а просунула матери под дверь записку, что сама приготовлю всем ужин, а она может поужинать в постели, если хочет.

Мать позволила мне приготовить ужин, но сошла вниз и села во главе стола. Фрэнк впервые в жизни усадил ее и сел напротив. Она посмотрела на меня.

— Прочтешь молитву, Морин?

— Да, мама. Благодарим тебя, Господи, за то, что Ты послал нам пищу сию. Да будет благословенна она и да будут благословенны все наши братья и сестры во Христе, известные нам и неизвестные,— я перевела дух и продолжала: — А ныне мы молим Тебя сохранить нашего возлюбленного брата Томаса Джефферсона и всех других молодых людей, ушедших защищать нашу любимую родину. Et je prie gue le bon Dien garde bien mon ami*. Во имя Христа. Аминь.

— Аминь,— твердо повторила мать.— Фрэнклин, нарежешь жаркое?

Отец с Томом вернулись на другой день к вечеру. Бет и Люсиль повисли на них — я тоже хотела бы, но не могла: держала на руках Джорджа, который именно в этот момент намочил пеленку. Но пришлось ему подождать: я не собиралась ничего пропускать. Подложила снизу под него еще одну пеленку, вот и все. Я знала Джорджа: этот ребенок писал больше, чем все остальные, вместе взятые.

— Ты это сделал, Томми,— спрашивала Бет,— сделал, сделал, да?

— Конечно,— ответил отец.— Теперь он рядовой Джонсон, а на той неделе будет генералом.

— Правда?

— Ну, может быть, не так скоро,— отец нагнулся поцеловать Бет и Люсиль.— Но на войне быстро продвигаются. Взять, к примеру, меня — я уже капитан.

— Доктор Джонсон!

Отец вытянулся.

— Капитан Джонсон, мадам. Мы оба записались. Я теперь военврач медицинской части Второго Миссурийского полка в звании капитана.

Тут я должна рассказать кое-что о семьях моих родителей, особенно о братьях и сестрах моего отца — ведь все, происходившее в Фивах в апреле 1898 года, уходит корнями в прошлый век.

---

* Et je prie gue le bon Dien garde bien mon ami *(фр.)* — И молю тебя, Боже, сохрани моего друга.

Мои прадеды и прабабки со стороны отца:

Джордж Эдвард Джонсон (1795–1897) и Аманда Лу Фредерик Джонсон (1798–1899).

Теренс Мак-Фи (1796–1900) и Роза Вильгельмина Брандт Мак-Фи (1798–1899).

И Джордж Джонсон, и Теренс Мак-Фи участвовали в войне 1812 года.

Родители моего отца:

Эйза Эдвард Джонсон (1813–1918) и Роза Альтеда Мак-Фи Джонсон (1814–1918).

Эйза Джонсон участвовал в Мексиканской войне в качестве сержанта Иллинойского ополчения.

Мои прадеды и прабабки со стороны матери:

Роберт Пфейфер (1809–1909) и Хайди Шмидт Пфейфер (1810–1912).

Оле Ларсен (1805–1907) и Анна Кристина Хансен Ларсен (1810–1912).

Родители моей матери:

Ричард Пфейфер (1830–1932) и Кристина Ларсен Пфейфер (1834–1940).

Мой отец родился на ферме своего деда в Миннесоте, графство Фриборн, близ Элберта, в понедельник 2 августа 1852 года. Он был самым младшим из семи детей — четырех мальчиков и трех девочек. Его дед Джордж Эдвард Джонсон, мой прадед, родился в 1795 году в графстве Бакс, Пенсильвания. Умер он в Миннесотской лечебнице, и газеты носились с фактом, что он родился еще при жизни Джорджа Вашингтона. (Мы к этой шумихе не имели отношения. Я ничего не знала о политике Фонда, пока не вышла замуж, но даже тогда Фонд Говарда старался не разглашать возраста своих старейшин.)

Джордж Эдвард Джонсон в 1815 году женился на Аманде Лу Фредерикс (1798–1899) и увез ее в Иллинойс, где она в том же году родила первенца, моего деда Эйзу. Похоже, дедушка Эйси был из тех же «недоношенных», что и мой старший брат Эдвард. После Мексиканской войны Джонсоны переехали на запад и обосновались в Миннесоте.

Фонда Говарда в те дни еще не существовало, но все мои предки вступали в брак смолоду, имели множество детей, отличались крепким здоровьем, не поддавались опасным поветриям того времени и жили долго — до ста лет и больше.

Эйза Эдвард Джонсон (1813–1918) женился на Розе Альтеде Мак-Фи (1814–1918) в 1831 году. У них было семь детей:

1. Саманта Джейн Джонсон, 1831–1915 (погибла, объезжая лошадь).

2. Джеймс Эвинг Джонсон, 1833–1884 (погиб, пытаясь переправиться через Осейдж во время половодья. Я его едва помню. Он был женат на тете Кароль Пеллетье из Нового Орлеана).

3. Уолтер Рейли Джонсон, 1838–1862 (убит при Шайло).

4. Элис Айрин Джонсон, 1840–? (Не знаю, что стало с тетей Элис. Она вышла замуж куда-то на Восток.)

5. Эдвард Мак-Фи Джонсон, 1844–1884 (погиб при железнодорожной катастрофе).

6. Аврора Джонсон, 1850–? (Последнее известие о ней пришло из Калифорнии около 1930 года. Была замужем несколько раз.)

7. Айра Джонсон, 2 августа 1852–1941 (пропал без вести в Битве за Британию).

Когда в апреле 1861 года пал форт Самтер, мистер Линкольн призвал добровольцев из ополчения нескольких штатов (как поступит и мистер Мак-Кинли в далеком будущем апреле). На ферме Джонсонов в графстве Фриборн, Миннесота, на призыв откликнулись Эвинг, двадцати восьми лет, Уолтер, двадцати трех, Эдвард, семнадцати, и дедушка Эйси, которому в ту пору было сорок восемь. Это глубоко унизило девятилетнего Айру Джонсона, считавшего себя взрослым мужчиной. Как это так — его оставляют работать на ферме, когда все прочие мужчины уходят на войну. Хозяйничать остались сестра Саманта, муж которой тоже ушел добровольцем, и мать.

Айру мало утешило то, что отец вернулся почти сразу — его забраковали, не знаю за что.

Юный Джонсон терпел это унижение три долгих года, а двенадцати лет убежал из дома и записался в барабанщики.

Он спустился по Миссисипи на барже и умудрился отыскать второй Миннесотский полк еще до того, как начался шерманов-

ский поход к морю. Его кузен Джайлс поручился за него, мальчика приняли на обучение — он ничего не смыслил в искусстве барабанного боя — и поставили на довольствие в штабную команду.

Но тут за ним явился отец и увез беглеца домой.

Так что Айра пробыл на войне всего три недели и ни разу не побывал в бою. И даже эти три недели ему не засчитали, в чем он убедился, попытавшись вступить в Союз ветеранов Республиканской армии.

Его послужной список не сохранился, поскольку полковой адъютант попросту отпустил его домой с дедушкой Эйси, порвав все бумажки.

Предполагаю, что дедушка задал отцу грандиозную трепку.

За те девять дней, что отец с Томом провели дома перед тем, как отправиться в армию, я ни разу не видела, чтобы мать выразила отцу свое неодобрение — только в тот первый миг она не удержалась от удивленного восклицания. Но с тех пор она ни разу не улыбнулась. Чувствовалось, что между родителями неладно, но при нас они этого не проявляли.

Однажды отец все-таки раскрыл то, что его тяготило. Я помогала ему почистить и привести в порядок карты его пациентов, чтобы передать их доктору Чедвику на время войны.

— Где твоя улыбка, Индюшачье Яичко? — спросил отец.— Волнуешься за своего молодого человека?

— Нет,— солгала я.— Он должен был пойти, я знаю. Но я не хотела бы, чтобы уходили вы. Наверное, это эгоистично, но я буду скучать по вас, cher papa.

— И я по тебе. По всем вам,— отец помолчал и добавил: — Морин, когда-нибудь и ты можешь испытать... думаю, наверняка испытаешь... что это такое, когда твой муж уходит на войну. Некоторые, я слышал, говорят, будто женатым людям на войне не место: у них ведь семьи. Но в этом есть жестокое противоречие. Негоже женатым пятиться и предоставлять холостякам сражаться вместо себя. Нечестно было бы надеяться, что холостяк умрет за моих детей, если я сам не желаю за них умирать. Если все семейные будут отсиживаться дома, то и холостые откажутся

сражаться — чего ради они должны прикрывать женатых? И Республика будет обречена — никто не помешает варварам вторгнуться в нее,— отец озабоченно смотрел на меня.— Ты же понимаешь, да? — мне кажется, он искренне хотел тогда знать мое мнение, искал моего сочувствия.

Я вздохнула.

— Да, отец, думаю, что понимаю. Но в такие времена еще острее ощущаешь свою неопытность. Я хочу одного — чтобы война поскорее кончилась, и вы вернулись домой, и Том, и...

— Брайан Смит? Согласен.

— Да, и он. Но сейчас я подумала о Чаке. О Чаке Перкинсе.

— Он тоже идет? Молодец!

— Да, он мне сказал сегодня. Его отец дал согласие и завтра едет с ним в Джоплин,— я смахнула слезу.— Пусть я и не люблю Чака, но у меня к нему особое чувство.

— И неудивительно.

В тот же день я согласилась пойти с Чаком на Марстонский холм, презрев клещей и миссис Гранди. Я сказала, что горжусь им, и приложила все мое умение, чтобы это доказать. (С презервативом — ведь я обещала отцу.) И тут случилось удивительное.

Я пошла с Чаком, только чтобы позаниматься гимнастикой и тем доказать, что я горжусь им и приветствую его готовность сразиться за нас. Но произошло чудо. Фейерверк, да какой! У меня все поплыло перед глазами, веки крепко зажмурились, и я начала издавать громкие звуки.

А полчаса спустя чудо повторилось. Удивительно!

Чак со своим отцом уехал на поезде 8.06 из Батлера, и в тот же день они вернулись — Чак принял присягу и вступил в ту же роту, что и наш Том (роту «С» Второго полка), и ему дали такую же отсрочку. Поэтому мы с ним опять подыскали почти безопасное местечко, и я еще раз с ним попрощалась, и чудо свершилось снова.

Я не влюбилась в него, нет. У меня перебывало достаточно мужчин, чтобы я научилась отличать здоровый оргазм от любви до гроба. Я просто радовалась тому, что нам так хорошо, и реши-

ла прощаться с Чаком, пока можно, почаще и погорячее — будь что будет. Чем мы и занимались всю неделю, пока не распростились окончательно — и навсегда.

Чак больше не вернулся домой. Нет, он не погиб в бою — он так и не выбрался из Чикамауга Парка в Джорджии. Его унесла то ли малярия, то ли желтая лихорадка, а может, и тиф. От этих болезней у нас умерло солдат в пять раз больше, чем погибло в боях. И все же они тоже герои. Разве не так? Они пошли в добровольцы, они собирались воевать... и не схватили бы заразу, если бы сидели дома, не вступая в армию.

Я снова собираюсь встать на ящик из-под мыла. В двадцатом веке я то и дело сталкивалась с людьми, которые или вообще не слышали о войне 1898 года, или не придавали ей никакого значения. «А-а, эта... Это ведь была не настоящая война, так — заварушка. А что с ним приключилось? Подвернул ногу, когда бежал с Сан-Хуанского холма?»

Убила бы их всех! А одному выплеснула-таки сухой мартини.

Это все равно, на какой войне погибнуть,— ведь смерть приходит к каждому только раз.

И потом, летом 1898 года мы не знали, что война скоро кончится. Соединенные Штаты не были сверхдержавой — они вообще не входили в число крупных держав, а Испания тогда еще считалась великой империей. Наши мужчины вполне могли уйти от нас на долгие годы... и не вернуться. О войнах мы судим по кровавой трагедии 1862–1865 годов, а та война началась в точности как эта — с того, что президент призвал ополченцев. По словам старших, никому даже и не снилось, что мятежные штаты — которых было наполовину меньше северных, в которых было наполовину меньше населения и полностью отсутствовала тяжелая промышленность, необходимая для современной войны,— что эти штаты продержатся четыре долгих, тяжких, смертельных года.

Умудренные горьким опытом, мы не тешили себя надеждой, что сумеем легко и быстро победить Испанию. Мы молились только о том, чтобы наши мужчины вернулись домой — хоть когда-нибудь.

* * *

И настал день, пятое мая, когда наши мужчины уехали — военным эшелоном, который шел из Канзас-Сити с заходом в Спрингфилд, потом в Сент-Луис, потом на восток, в Джорджию. Мы все поехали в Батлер провожать их — отец с матерью впереди, в двуколке, которой обычно пользовались только по воскресеньям. Том правил Дэйзи и Красавчиком. Подошел поезд, мы торопливо попрощались — уже кричали: «По ваго-онам!» Отец передал Бездельника Фрэнку, а мне досталась коляска с детворой.

Но поезд отошел не сразу — кроме солдат надо было погрузить еще и багаж. И все время, пока он стоял, на платформе в середине состава духовой оркестр, предоставленный Третьим полком Канзас-Сити, играл военную музыку. «Я видел славу», а следом «Хочу я на родину, в хлопковый край», а потом «Ставь палатки поживей» и «В кепи перышко воткнул и брякнул — макаронина!» Потом заиграли «Когда в темнице я сидел», и тут паровоз дал гудок, поезд тронулся, и музыканты стали прыгать с платформы и садиться в соседний вагон — тому, кто играл на трубе, пришлось помочь.

Мы отправились домой, и в ушах у меня все звучало: «Ать-два, ать-два, вперед, вперед, ребята» и начало той печальной песни «Когда в темнице я сидел». Позднее кто-то сказал мне, что автор слов сам не знал, что сочиняет — в лагерях для военнопленных такой роскоши, как темницы, не бывает. Взять хоть Андерсонвилл.

Я помогла Фрэнку распрячь обе повозки, а потом поднялась наверх. Не успела я закрыть дверь, ко мне поднялась мать.

— Да, мама?

— Морин, можно мне взять почитать твою «Золотую сокровищницу»?

— Конечно,— я достала томик из-под подушки.— Номер восемьдесят три, мама, страница шестьдесят.

Она удивилась и стала листать страницы.

— Верно. Мы с тобой должны быть стойкими, дорогая.

— Да, мама, должны.

* * *

Кстати о темницах: Пиксель только что явился в мою с подарком. Он принес мне мышь. Еще теплую. Он счастлив и, видимо, ждет, что я ее сейчас скушаю. Смотрит на меня: почему же я не ем?

Ну и что прикажете делать?

6

«КОГДА СОЛДАТ ПРИДЕТ ДОМОЙ...»

Весь остаток 1898 года был сплошным кошмаром. Мужчины ушли на войну, и непонятно было, что же на этой войне происходит. Это гораздо позже, шестьдесят с лишним лет спустя, зловредный глаз телевидения превратил войну во что-то вроде футбольного матча. Доходило до того (надеюсь все же, что это неправда), что атаки нарочно назначались на такое время, чтобы их можно было показать «живьем» в вечерних новостях. Сколько же горькой иронии в том, чтобы умереть вот так, на экране, как раз вовремя, чтобы комментатор успел сказать о тебе пару слов перед рекламой пива.

В 1898 году война не являлась «живьем» в наши гостиные. Нам стоило труда узнавать о событиях спустя много дней после того, как они происходили. Охраняет ли еще наш флот Восточное побережье, как того требовали конгрессмены восточных штатов, или ушел в Карибское море? Обогнул ли «Орегон» мыс Горн и успеет ли вовремя присоединиться к эскадре? Зачем нужен был второй бой при Маниле? Разве мы не выиграли битву в Манильском заливе несколько недель назад?

В 1898 году я очень мало смыслила в военном деле и не понимала, что гражданское население и не должно знать, где находится флот или куда движется армия. Я не знала, что все, ставшее достоянием посторонних, тут же становится известным вражеским агентам. Я не слыхала еще о том, что общество «имеет право

знать». В Конституции этого права не обозначено, но во второй половине двадцатого века оно стало прямо-таки священным. Так называемое «право знать» подразумевает, что если солдаты, моряки и летчики гибнут, то это, конечно, жаль, но делать нечего — лишь бы не нарушалось священное право общества «знать все».

Мне еще предстояло узнать, что ни конгрессменам, ни репортерам нельзя доверять жизнь наших мужчин.

Будем честны. Предположим, что девяносто процентов конгрессменов и репортеров — это порядочные люди. Значит, достаточно и десяти процентов дураков и убийц, безразличных к смерти героев, чтобы губить чужие жизни, проигрывать сражения и менять ход войны.

В 1898 году у меня еще не было таких мрачных мыслей. Потребовалась испано-американская война, две мировых и еще две необъявленные «полицейские акции» (о Господи!), чтобы я поняла наконец: ни нашему правительству, ни нашей прессе нельзя доверять человеческие жизни.

«Демократия хороша лишь тогда, когда рядовой член общества — аристократ. Но Бог, должно быть, ненавидит рядового человека: уж очень рядовым он его создал! Понимает ли ваш рядовой человек, что такое рыцарство? Или что положение обязывает? Знакомы ли ему правила аристократического поведения? Или личная ответственность за благополучие государства? Да с таким же успехом можно искать шерсть на лягушке».

Кто это сказал? Мой отец? Нет, не совсем. Эти слова запомнились мне из того, что говорилось около двух ночи в Устричном баре «Бертон-Хауза» в Канзас-Сити после лекции мистера Клеменса, в январе 1898 года. Может быть, это сказал мой отец, может быть — мистер Клеменс, или они разделяли эту мысль — память порой подводила меня после стольких лет.

Мистер Клеменс с моим отцом наслаждались устрицами, философией и бренди. Мне дали рюмочку портвейна. И портвейн, и устрицы были для меня внове — и ни то ни другое не понравилось. Аромат сигары мистера Клеменса тоже не прибавлял удовольствия.

(Я заверила мистера Клеменса, что обожаю запах хороших сигар — курите, пожалуйста. Это была ошибка.)

Но я бы вытерпела и не такое, как сигарный дым и устрицы,— лишь бы сидеть с ними всю ночь. На трибуне мистер Клеменс выглядел точно так же, как на фотографиях: жизнелюбивый Сатана в ореоле белых волос и в прекрасно сшитом белом костюме. Вблизи он был на фут ниже, излучал обаяние и усилил мое преклонение перед ним, обращаясь со мной, как со взрослой леди.

Мне уже давно пора было спать — приходилось щипать себя, чтобы не уснуть. Лучше всего мне запомнилась лекция мистера Клеменса о кошках и рыжих — должно быть, тут же им и сочиненная в мою честь: она нигде не публиковалась, даже в собрании сочинений, изданных Калифорнийским университетом через пятьдесят лет после его смерти.

А вы знаете, что мистер Клеменс тоже был рыжий? Но об этом речь впереди.

Весть о подписании мира дошла до Фив в пятницу двенадцатого августа. Мистер Барнаби, наш директор, собрал нас в актовом зале, объявил об этом и распустил по домам. Когда я прибежала домой, оказалось, что мать уже знает. Мы немножко поплакали друг у дружки на плече, пока Бет с Люсиль с криками носились вокруг. А потом взялись за генеральную уборку — вдруг отец и Том и мистер Смит (я не произносила этого вслух) вернутся на той неделе. Фрэнку было велено скосить траву и вообще навести на дворе порядок — не спрашивай, как, а делай.

Воскресная служба в церкви была посвящена благодарственному молебствию. Преподобный Тимберли развел еще более пространные благоглупости, но никто не возражал, а я тем более.

После службы мать спросила:

— Ты пойдешь завтра в школу, Морин?

Я еще не думала об этом. Наш школьный комитет решил устроить летнюю школу — не только для тупиц из начальных классов, но и для старшеклассников, из патриотических побуждений: чтобы мальчики могли пораньше получить аттестат и пойти в армию. Я тоже записалась на занятия: и чтобы углубить свое образование, отказавшись от мысли о колледже, и чтобы заполнить

щемящую пустоту внутри, вызванную уходом отца и Тома (и мистера Смита).

(Самыми длинными годами моей жизни были те, что я провела, поджидая мужчин с войны. В том числе и тех, кто не вернулся.)

— Еще не знаю, мама. Думаете, завтра будут занятия?

— Будут. Ты приготовила уроки?

Она же знала, что нет. Трудно было бы выучить греческие неправильные глаголы, скребя на коленях кухонный пол.

— Нет, мэм.

— А что сказал бы на это твой отец?

— Да, мэм,— вздохнула я.

— И не надо себя жалеть. Летняя школа — это твоя идея, и не нужно пренебрегать дополнительными занятиями. Ну-ка, марш. Сегодня я сама приготовлю ужин.

Но они не вернулись ни на той неделе, ни на следующей, ни осенью, ни к Новому году.

Вернули домой только тело Чака. Гарнизон прислал стрелковый взвод, и я впервые присутствовала на военных похоронах и плакала в три ручья. Седовласый горнист сыграл Чарльзу: «В мире покойся, храбрый солдат, Бог с тобой».

Если я когда-нибудь и чувствую себя верующей, то лишь когда играют похоронный «отбой». И по сей день так.

Кончились занятия в летней школе, настал сентябрь, и передо мной возник вопрос: продолжать ли мне учиться, а если продолжать, то где? Я не желала сидеть дома и быть нянькой при Джордже. Раз мне нельзя поехать в Колумбию, то хотелось бы поступить в Батлерскую академию, двухлетнюю частную школу — там давали гуманитарное образование, которое и в Колумбии, и в Лоуренсе засчитывалось как начальный курс. Я сказала матери, что сохранила свои подарочные деньги — и на Рождество, и на свой день рождения, и еще прикопила «яичных». «Яичными» назывались деньги, которые я заработала сама — ухаживая за соседскими курами, торгуя в ларьке на ярмарке и так далее. Заработки мои были редки и невелики, но на обучение и на книги хватит.

— А как ты будешь добираться туда и обратно? — спросила мать.

— А Том как добирался?

— Не отвечай вопросом на вопрос, юная леди. Мы обе знаем, как ездил твой брат: в хорошую погоду на двуколке, в плохую верхом, а в совсем уж скверную оставался дома... Но твой брат — взрослый мужчина, а как собираешься ездить ты?

Я подумала. Двуколка — не проблема: при Академии имелась конюшня. Верхом? Я умела ездить почти не хуже братьев, но девушке не подобает являться в школу в комбинезоне, а дамское седло не годится для такой погоды, когда нельзя проехать в двуколке. И верхом ли, в повозке — с октября по март мне придется уезжать до света и возвращаться затемно.

В октябре 1889 года Сара Троубридж выехала на двуколке с отцовской фермы в Ричхилл, за четыре мили от них. Лошадь с повозкой вернулась домой, а Сару так и не нашли.

В нашей округе было спокойно — но самый опасный на свете зверь ходит на двух ногах и порой рыщет по деревенским проселкам.

— Я не боюсь, мама.

— Что посоветовал бы твой отец?

Я сдалась и приготовилась ходить в нашу школу еще один семестр, а то и следующий. Школа была меньше чем в мили от нас, и по дороге везде жили знакомые — только крикни. А главное, можно было заняться предметами, которые я не успела пройти. Я продолжила занятия греческим и латынью, начала учить дифференциальное исчисление и немецкий, а вместо обеда слушала курс геологии и истории Средних веков. А в субботу утром, само собой, по-прежнему брала уроки фортепиано — первые три года меня учила мать, а потом решила, что мне нужна более подготовленная наставница. Музыке я обучалась «за так»: мисс Примзор задолжала отцу и за себя и за свою престарелую больную мать.

Так что с начала осени я была при деле, и у меня оставалось еще много времени, чтобы каждую неделю писать письма мистеру Смиту (сержанту Смиту!) с обилием новостей, но без сантиментов — и отцу, и Тому, и Чаку... пока мне не вернули мое очередное письмо, а через неделю не привезли и самого Чака.

Я не встречалась с мальчишками или молодыми людьми, о которых стоило бы говорить. Те, что получше, ушли на войну; оставшиеся казались мне какими-то слюнтяями или совсем уж малолетками. Не то чтобы я стойко хранила верность мистеру Смиту. Он не просил меня об этом, и я тоже не ждала, что он будет хранить верность мне. У нас состоялось всего лишь одно — весьма успешное — свидание, но это еще не помолвка.

И я изменяла ему — правда, только с кузеном Нельсоном, это не в счет. У нас с Нельсоном имелась одна общая черта: оба мы были постоянно озабочены, как целое козье стадо, но с миссис Гранди обходились бережно, как лисица со своим выводком.

Я предоставляла ему выбирать время и место — он был прирожденный изобретатель. Во время свиданий мы удерживали друг друга от слишком бурных проявлений страсти, чтобы не потревожить миссис Гранди. Я вполне бы могла выйти за Нельсона, хотя он был моложе меня, если бы не наше близкое родство. Он был очень славный мальчик (если не считать каверзы с лимонной меренгой).

Наши не вернулись к Рождеству, зато в город доставили еще два мертвых тела. Я присутствовала на похоронах — в память о Чаке.

В январе пришел домой брат Том вместе со своим полком. Мать с Фрэнком поехали в Канзас-Сити встречать эшелон и смотреть парад. Пройдя маршем по Уолнат-стрит, полк опять поворачивал к вокзалу, где большинство солдат снова садилось в вагоны и разъезжалось по своим родным городкам. Я осталась дома с сестренками и Джорджем, в душе считая, что поступаю очень благородно.

Том привез матери письмо:

«Миссис Айра Джонсон.
Через любезное посредничество капрала Томаса Джеферсона Джонсона
Рота "С" Второго Миссурийского полка.

Дорогая Мадам,

я надеялся вернуться домой тем же поездом, что и наш сын Томас. В самом деле, по условиям моего контракта, меня, как

военврача ополчения, не имеют права задерживать на службе более ста двадцати дней после провозглашения мира, то есть дольше двенадцатого декабря или же шестого января — расхождение в датах законом допускается.

Однако должен с сожалением уведомить Вас, что Главный врач армии обратился ко мне и всем моим коллегам с просьбой остаться на службе до тех пор, пока не представится возможность уволить нас в запас. И я дал согласие.

Мы уже считали, что нам удалось покончить с опустошительными эпидемиями, что полевые госпитали можно свернуть и отослать оставшихся больных в форт Брегг. Однако после прибытия три недели назад больных и раненых из Тампы наши надежды рухнули.

Короче говоря, Мадам, я нужен своим пациентам. Вернусь домой, как только Главный врач сочтет возможным меня отпустить. Будем следовать духу клятвы Гиппократа, а не букве контракта.

Я верю, что Вы поймете меня, как всегда понимали.

Остаюсь преданный Вам
Ваш любящий муж
Доктор Айра Джонсон,
капитан медицинской службы».

Мать не плакала при нас — и я тоже не плакала при других.

В конце февраля я получила письмо от мистера Смита... со штемпелем Цинциннати!

«Дорогая мисс Морин,

к тому времени, как Вы получите это письмо, я уже сниму синюю армейскую форму и надену гражданское. Пока я пишу эти строки, наш Огайский батальон едет на запад.

Самое заветное мое желание — увидеться с Вами и вновь искать Вашей руки. С мыслью об этом я собираюсь провести несколько дней дома с родителями, а потом сразу же отправиться в Роллу, чтобы возобновить занятия. Хотя я и получил диплом в прошлом апреле на шесть недель раньше срока,

эта бумажка не возместит мне тех занятий, которые я недополучил. Так что я намерен наверстать упущенное и добавить еще немного для ровного счета — а в Фивах смогу бывать каждый уик-энд. (К чему этот хитрый тип и вел с самого начала!)

Могу ли я надеяться увидеть Вас в субботу четвертого марта и в воскресенье пятого? Открытка с ответом должна застать меня в колледже, но если Вы не ответите, я буду считать, что Вы согласны.

Как медленно идет этот поезд!

Наилучшие пожелания Вашим родителям и привет всей семье.

В нетерпеливом ожидании четвертого числа

остаюсь преданный Вам
Брайан Смит, бакалавр,
сержант саперного батальона
ополчения штата Огайо».

Я перечитала письмо еще раз и задержала дыхание, чтобы успокоить сердце. Потом пошла к матери и дала прочесть ей. Она прочла и улыбнулась:

— Счастлива за тебя, дорогая.

— Может быть, написать ему, чтобы подождал, пока не вернется отец?

— Твой отец уже выразил одобрение мистеру Смиту... и я присоединяюсь. Пусть приезжает,— мать задумалась.— Попроси его, пожалуйста, если можно, взять с собой военную форму.

— Да?

— Ну конечно. Чтобы он мог ее надеть в воскресенье в церковь. Думаю, тебе будет приятно.

— Еще бы! Как Том в его первое воскресенье дома. Чудесно!

— Мы можем гордиться им. Я и отца твоего попрошу надеть форму в первое воскресенье,— она снова задумалась.— Морин, мистеру Смиту не обязательно останавливаться в пансионе миссис Гендерсон или ехать ночевать в Батлер. Фрэнк может поспать на второй кровати у Тома, а мистер Смит пусть займет бывшую комнату Эдварда.

— О, чудесно!

— Да, дорогая. Но, Морин — посмотри-ка на меня. Я хочу, чтобы во время его пребывания под нашим кровом дети — в том числе и Томас — не увидели и даже не заподозрили чего-либо неподобающего.

Я вспыхнула до самых ключиц.

— Обещаю, chere mama.

— Не надо обещать. Просто веди себя осмотрительно. Мы с тобой обе женщины, доченька; я хочу тебе помочь.

Март настал просто золотой, что меня очень устраивало: не хотелось просидеть весь день в гостиной, соблюдая приличия. Погода стояла теплая, солнечная, безветренная. И в субботу четвертого числа я отправилась на прогулку как благовоспитанная девица — с зонтиком, рукавами «баранья ножка» и невероятным количеством нижних юбок — пока Дэйзи не увезла нас на сто ярдов от дома, вне досягаемости посторонних ушей.

— Брайни!

— Да, мисс Морин?

— Какая еще там «мисс Морин». Ты уже имел меня один раз, так что можешь оставить свои официальные манеры, когда мы одни. Скажи лучше — эрекция налицо?

— Ну раз уж вы об этом упомянули — да!

— Если бы ты сказал «нет», я бы расплакалась. Посмотри, дорогой, какое чудесное местечко я нашла.

Вообще-то его нашел Нельсон — а значит, была гарантия, что этого места никто не знает. Дэйзи пришлось протискиваться по тропинке, в двух местах очень узкой, потом мы выпрягли ее и пустили пастись, а сами развернули двуколку — кобылке бы это там сделать не удалось.

Я расстелила одеяло на полянке, которую от речного берега отделяли густые кусты, и разделась, а Брайни осмотрел меня... разделась совсем, оставив только чулки и туфли.

Местечко мы нашли, конечно, уединенное, но слышно меня было за четверть мили. Я даже лишилась чувств, а открыв глаза, увидела над собой встревоженное лицо Брайни.

— Тебе плохо?

— В жизни не было так хорошо! Благодарю вас, сэр! Вы были великолепны! Выше всяких похвал. Я умерла и вознеслась на небо.

— Нет, ты не умерла,— улыбнулся он.— Ты жива и ты прекрасна, и я люблю тебя.

— Правда любишь? Брайан, ты правда собираешься жениться на мне?

— Да.

— Даже если я не подхожу Фонду Говарда?

— Рыжик, Фонд Говарда свел нас... но вернулся я к тебе совсем не из-за него. Я бы охотно отслужил семь лет, как тот, в Библии , ради того, чтобы на тебе жениться.

— Надеюсь, что ты говоришь искренне. Хочешь знать, почему я не подхожу Фонду Говарда?

— Нет.

— Да-а? Но я все равно тебе скажу — мне ведь нужна твоя помощь.

— К вашим услугам, мадмуазель!

— Я не подхожу им, потому что еще не беременна. Если ты немного приподнимешься, я сниму с тебя эту гадкую резину. А затем, сэр, как только вы достаточно отдохнете, я попрошу вас обеспечить мне членство в Фонде. Давай сделаем себе первенца, Брайни!

Он удивил меня тем, что почти сразу же восстановил свои силы. Даже Нельсон не сумел бы так быстро. Замечательный мужчина был мой Брайни.

Любить друг друга без помех было чудесно — я всегда это знала. И на сей раз шумела еще пуще. Потом я научилась переживать оргазмы молча... но предпочитаю вскрикивать, если условия позволяют. Большинству мужчин нравится такая овация. А Брайни особенно. Наконец я вздохнула.

— Готово. Благодарю, сэр. Теперь я — будущая мать. Чувствую, попала прямо в яблочко. Хлоп!

— Морин, ты просто чудо.

— Меня здесь нет. Я умерла счастливой. Хочешь есть? Я сделала нам на завтрак слоеные сладкие пирожки и как раз перед твоим приездом начинила их.

— Я хочу на завтрак тебя.

— Ну-ну. Надо беречь свои силы. У тебя еще все впереди,— я рассказала ему, как мы устроимся на ночь — и на все последующие ночи.— Мама, конечно, все понимает: она сама была говардовской невестой. Просила только, чтобы мы соблюдали декорум. Брайни, а твои родители рыжие?

— Мама. У отца волосы темные, как у меня. А что?

Я рассказала ему о теории мистера Клеменса:

— Он говорит, что если все человечество произошло от обезьян, то рыжие — от кошек.

— Как будто логично. Кстати, забыл тебе сказать. Если ты хочешь за меня замуж, то ко мне прилагается кот.

— Тебе не кажется, что об этом следовало сказать до того, как ты меня обрюхатил?

— Возможно. Ты не любишь кошек?

— Я и разговаривать не стану с тем, кто их не любит. Брайни, я замерзла. Поехали домой,— солнце зашло за тучу, и вдруг похолодало — типичное явление для миссурийского марта.

Пока я одевалась, Брайни завел Дэйзи в оглобли и запряг. У Брайана была та нежная, но твердая рука, которой слушаются лошади (и женщины). Дэйзи подчинялась ему так же охотно, как и мне, хотя обычно очень дичилась чужих.

Подъезжая к дому, я стучала зубами. Но Фрэнк затопил большую печь в гостиной, и мы съели свои припасы около нее. Я пригласила и Фрэнка. Он уже завтракал, но для слоеных пирожков место нашел.

Очередные месячные, которые должны были начаться у меня восемнадцатого марта, не пришли. Я сказала об этом Брайни и больше никому.

— Отец говорит, что такая задержка еще ничего не значит. Надо подождать.

— Хорошо, подождем.

Отец вернулся первого апреля, и весь дом на радостях ходил ходуном. Следующие месячные, пятнадцатого апреля, я тоже пропустила. Брайни согласился с тем, что пора сказать отцу, и я сказала — в ту же субботу. Отец принял торжественный вид.

— Что чувствуешь, Морин?

— Полное счастье, сэр. Я сделала это намеренно — то есть мы сделали. И я хочу выйти замуж за мистера Смита как можно скорее.

— Резонно. Что ж, зови своего молодого человека. Мне надо потолковать с ним с глазу на глаз.

— А мне нельзя присутствовать?

— Можешь не присутствовать — разрешаю.

Вскоре меня позвали обратно, и отец оставил нас вдвоем.

— Что-то на тебе не видно крови, Брайни.

— Да он не хватался за дробовик. Только рассказал мне про твои легкомысленные замашки.

— Какие еще замашки?

— Тихо, тихо. Остынь.

Отец вернулся вдвоем с матерью и сказал:

— Миссис Джонсон в курсе относительно задержки. Как вы думаете, миссис Джонсон — когда им можно пожениться?

— Мистер Смит, когда у вас кончаются занятия в Ролле?

— Последний экзамен будет в пятницу девятнадцатого мая, мэм, а выпускной акт — только второго июня, но это уже не столь важно.

— Понятно. Подойдет вам суббота двадцатого мая? И как вы думаете, мистер Смит, смогут ваши родители приехать на свадьбу?

В семь тридцать вечера двадцатого мая мы с мужем выехали из Батлера на север, в Канзас-Сити, на Южном экспрессе. Экспрессом он назывался потому, что стоял у каждого столба, у каждой коровы и у каждого бидона с молоком, но около лягушек не останавливался.

— Брайни, у меня ноги болят,— сказала я.

— Ну так сними туфли.

— При людях?

— Тебе больше не нужно считаться ни с чьим мнением, кроме моего, да и с моим-то не сильно.

— Благодарствую, сэр, но разуться не смею. Ноги опухнут, и я не смогу потом надеть туфли. Брайни, когда будем жениться в следующий раз, давай убежим.

— Давай. Жаль, что мы и на этот раз не поступили так. Ну и денек!

Я хотела венчаться в полдень, но меня переубедили моя мать, будущая свекровь, священник, жена священника, органист, церковный сторож и все кому было не лень. Казалось бы, невеста должна иметь решающий голос во всем, что касается ее свадьбы — если это не слишком разорительно для ее отца,— но, как видно, я просто начиталась романов. Мне хотелось обвенчаться в полдень, чтобы успеть в Канзас-Сити до вечера. Чувствуя себя вконец разочарованной, я обратилась к отцу.

— Мне очень жаль, Морин,— сказал он,— но в Конституции записано, что у отца невесты никаких прав нет. Он только оплачивает счета да ведет дочь к алтарю. А если он начнет предъявлять права, его посадят под замок. Ты говорила матери, почему хочешь уехать дневным поездом?

— Да, сэр.

— А она что?

— Она говорит, что все было рассчитано на то, что Смиты приедут в 10.42 — это как раз подходило для свадьбы в четыре часа, а на полдень мы не успевали. Я говорю: «Да ведь Смиты уже приехали, мама». А она мне — что слишком поздно все менять. А я: «Почему это? И почему со мной не посоветовались?» А она мне: «Стой спокойно и не дергайся. Надо переколоть булавку». Отец, это ужасно. Со мной обращаются, как с призовой коровой, которую показывают на ярмарке. И прислушиваются ко мне не больше, чем к той корове.

— Морин, но, возможно, менять что-то в самом деле уже поздно. Согласен, твое мнение следует учитывать. Но до свадьбы остается меньше двух суток, а уж если Адель упрется, уговаривать ее бесполезно. Мне хотелось бы тебе помочь, но она и меня не послушает,— у отца был такой же несчастный вид, как и у меня.— Стисни зубы и перетерпи как-нибудь. Когда брат Тимберли скажет: «Объявляю вас мужем и женой», тогда уже не надо будет слушать никого, кроме Брайана. А ему ты, как я погляжу, уже продела в нос кольцо, так что это будет не слишком трудно.

— Не думаю, что я продела ему в нос кольцо.

Преподобному Тимберли сказали заранее, чтобы он строго придерживался методистской епископальной службы, без всяких новомодных штучек, и что обручальное кольцо будет только одно. Но этот болван пропустил мимо ушей и то и другое. Венчальную службу он превратил в какой-то пышный ритуал, похожий, должно быть, на те, которые наблюдал у себя в ложе (он был одно время Великим Канцлером у «Рыцарей и Лордов Высокой Горы»). На репетиции ничего похожего не было — я не узнавала вопросов и не представляла, как на них отвечать. Да еще он обратился к нам с поучением, которое было ни к чему и не входило в церемонию венчания.

Обряду не было конца, у меня разболелись ноги (не заказывайте туфли по почте), и корсет меня душил. (Я никогда его раньше не носила, но мать настояла.) Язык чесался сказать брату Тимберли, чтобы он читал по книге и прекратил импровизировать (до поезда оставалось все меньше и меньше времени (тут он предложил нам обменяться кольцами, и выяснилось, что кольцо-то одно).

Брат Тимберли собрался было начать все сызнова, но тут жених, которому вообще-то полагалось говорить только «Да», сказал ему шепотом, слышным не далее, чем за сотню ярдов:

— Ваше преподобие, перестаньте толочь воду в ступе и смотрите в книгу — не то я вам медного гроша не заплачу.

Пастор хотел было запротестовать, но посмотрел на Брайни и сказал:

— Властью-данной-мне-суверенным-штатом-Миссури объявляю вас мужем и женой! — и тем, думается мне, спас свою жизнь.

Брайан поцеловал меня, мы пошли к выходу, и я запуталась в шлейфе. Шлейф несла Бет и должна была повернуть с ним налево.

Она не виновата — это я свернула не туда.

— Брайни, ты не захватил кусок свадебного торта?

— Не успел.

— И я тоже. Вспомнила вдруг, что с самого завтрака ничего не ела — и почти не завтракала. Давай пойдем в вагон-ресторан.

— Ладно, сейчас спрошу,— Брайни вышел и вскоре вернулся.— Я узнал, где он.

— Ну и где же — впереди или сзади?

— Сзади, самую чуточку. Его отцепили в Джоплине.

Так что наш свадебный ужин состоял из двух засохших бутербродов с ветчиной, купленных у разносчика, и бутылки содовой на двоих.

Часов в одиннадцать мы добрались наконец до отеля «Льюис и Кларк», где Брайни заказал номер. Извозчик, похоже, и слыхом не слыхивал о такой гостинице, но готов был разыскивать ее, пока лошадь везет. С вокзала он повернул не в ту сторону, а когда Брайни сказал ему об этом, стал спорить, довольно дерзко. Брайни сказал:

— Возвращайтесь на вокзал: мы возьмем другого извозчика.

Ультиматум помог, и мы приехали куда надо.

Как и следовало ожидать, ночной портье тоже слыхом не слыхал о заказе Брайни. Но Брайан никому не позволял над собой измываться и стесняться не стал.

— Я заказал номер три недели назад по почте,— сказал он,— и перевел вам деньги. Вот квитанция, а вот письмо с подтверждением от вашего управляющего. Разбудите его, и прекратим этот глупый спор,— он сунул письмо под нос портье. Тот посмотрел.

— Ах, так вы тот мистер Смит? Номер для новобрачных? Что же вы сразу не сказали?

— Сказал — десять минут назад.

— Прошу извинить, сэр. Носильщик!

Через двадцать минут я уже нежилась в горячей ванне с мылом — точно как в Чикаго шесть лет назад. Я чуть не заснула там, но вспомнила, что моему мужу тоже нужна ванна, и встрепенулась.

— Брайни, налить тебе ванну?

Ответа не было. Я наскоро вытерлась и обмоталась полотенцем, приняв скандальный и, как я надеялась, соблазнительный вид.

Мой галантный рыцарь спал прямо в одежде, лежа поперек кровати. У самой двери стояло серебряное ведерко с бутылкой шампанского во льду.

Я достала свою ночную рубашку — непорочной белизны и надушенную (матушкину свадебную), и пушистые домашние туфли.

— Брайан... Брайни! Пожалуйста, проснись, дорогой! Я помогу тебе раздеться, сниму покрывало с постели и уложу тебя.

— Угу.

— Пожалуйста, дорогой.

— Я не сплю.

— Конечно, нет. Дай-ка я сниму с тебя ботинки.

— Я сам,— он сел и стал разуваться.

— Хорошо, дорогой. Я сейчас выпущу воду из ванны и налью тебе свежую.

— Ты еще не выливала свою?

— Нет.

— Так я в ней и помоюсь. Миссис Смит, вы неспособны загрязнить воду — вы лишь придаете ей восхитительный аромат.

И мой галантный рыцарь в самом деле залез в мою ванну, еще теплую. Я легла в постель — и крепко уснула, не дождавшись его. А он не стал меня будить.

Проснулась я в темноте часа в два или три ночи и испугалась, что лежу в чужой кровати, а потом вспомнила.

— Брайни?

— Проснулась?

— Вроде бы,— я прижалась к нему, потом села и сняла рубашку — она мне мешала. А Брайни снял свою, и мы впервые были оба совсем нагие, и это было чудесно, и я поняла, что вся моя прежняя жизнь была лишь подготовкой к этому моменту.

После долгой, медленной прелюдии мы оба вспыхнули разом, а потом я тихо лежала под ним, полная любви.

— Спасибо, Брайни. Было чудесно.

— Тебе спасибо. Люблю тебя.

— И я люблю тебя, муж. Брайни, а где твой кот? В Цинциннати или в Ролле?

— А? Нет, в Канзас-Сити.

— Здесь? Он у кого-нибудь живет?

— Не знаю.

— Что-то я тебя не пойму.

— Ты его еще не нашла, Мо. Это котенок, которого ты мне подаришь. Свадебный подарок жениху от невесты.

— Брайни, противный! — я начала его щекотать, а он — меня.

Кончилось это тем, что Морин опять стала издавать громкие неприличные звуки. Потом Брайни почесал мне спину. Люди женятся не только для того, чтобы им чесали спину, но это тоже хорошая причина — есть такие места, которые очень трудно достать самому. Потом я почесала спину ему. И наконец мы уснули, перепутавшись, как котята в лукошке.

Морин нашла наконец свое истинное призвание, свою судьбу.

Шампанское мы пили за завтраком.

7

МЫ ВЫБИВАЕМ ЧЕКИ

Начитавшись откровенных автобиографий раскрепощенных женщин двадцатого века, особенно тех, что увидели свет во второй фазе Последних Войн, после пятидесятого года, я сознаю, что теперь должна подробно рассказать о своей беременности и первых родах: и про тошноту по утрам, и про смену настроений, про слезы и про чувство одиночества... а потом про ложные схватки, внезапный отход вод, эклампсию , хирургическое вмешательство и тайны, которые я разболтала под наркозом.

Сожалею, но у меня все было не так. Я видела, как некоторых женщин тошнит по утрам — это, должно быть, ужасно, но со мной такого никогда не случалось. Моей проблемой всегда было «не выйти из графика», не набрать больше веса, чем мой доктор считал нужным. (Были времена, когда я могла убить за шоколадный эклер.)

Мои первые роды продолжались сорок минут. Если бы в 1899 году было принято рожать в больницах, я родила бы Нэнси по пути в больницу. А так Брайан сам принял Нэнси под моим руководством, и ему пришлось намного труднее, чем мне.

Потом прибыл доктор Рамси, перевязал и обрезал пуповину и сказал Брайану, что тот отлично поработал (и правда). Доктор занялся удалением последа, и бедняге Брайни стало дурно. Женщины крепче мужчин — нам приходится быть крепче.

Иногда мои схватки продолжались чуть подольше, но слишком надолго никогда не затягивались. В первый раз, само собой, никто не делал мне разрезов, и швы накладывать не пришлось. Во все последующие разы я тоже не разрешала резать себя, так что у меня там никаких рубцов нет — только здоровые мышцы.

Я племенная кобыла, так создала меня природа — бедра у меня широкие, а родовой канал гуттаперчевый. Доктор Рамси говорил, что все дело в том, как я настроена, но мне-то лучше знать. Это мои предки наделили меня генами производительницы, и я благодарна им... потому что видела женщин, сложенных не столь удачно, которые ужасно страдали, а порой и умирали в родах. Да-да, «естественный отбор», «выживает сильнейший», и Дарвин был прав — все так. Но нелегко хоронить свою близкую подругу, которую в расцвете лет погубил собственный ребенок. Я была на таких похоронах в двадцатые годы и слышала, как елейный старикашка-священник толкует о Божьей воле. У могилы я, как будто нечаянно наступила ему на ногу острым каблуком, а когда он взвыл, сказала, что это Божья воля.

Один раз я родила во время бриджа. Это был Пат, Патрик Генри, и стало быть, 1932 год, и стало быть, играли мы с контрактом. Все совпадает: это Джастин и Элеанор Везерелы научили нас играть с контрактом, когда сами научились, а играли мы у них. Их сын, Джонатан Везерел, женился на нашей старшей дочке — из этого следует, что Везерелы тоже были говардской семьей, но подружились мы с ними задолго до того, как узнали об этом. А узнали мы об этом только в ту весну, когда увидели Джонатана в говардском списке женихов для Нэнси.

Я играла в паре с Джастином, а Брайни — с Элеанор. Джастин сделал заявку, мы заключили контракт и собирались приступить к игре, но тут я сказала:

— Кладите карты рубашкой вверх и ставьте на них пресс-папье: я рожаю!

— Эта раздача не считается,— сказал мой муж.

— Разумеется,— согласился мой партнер.

— Черта с два! — ответила я как истинная леди.— Я заказала этот хренов контракт, и я его выиграю. А ну-ка, помогите мне встать.

Через два часа мы разыграли ту раздачу. Доктор Рамси-младший пришел и ушел. Я лежала в кровати Элеанор. Складной столик поставили поперек постели, подперли подушками, а мой партнер держал на руках моего новорожденного сына. Эл и Брайни полулежали по обе стороны от меня. Я заказала малый шлем в пиках — рискованный — с контрой и реконтрой — и села без одной.

Элеанор показала мне нос:

— Э-э, сидим на дне окопа! — и вдруг всполошилась.— Мо! Подвинься, дорогая! Я сейчас рожу своего!

Так что Брайни в ту ночь принимал двоих ребят, а доктору пришлось заворачивать обратно, не успел он зайти к себе домой. Он ворчал на нас, что надо сразу договариваться и что он вычтет с нас за бензин и возьмет сверхурочные. Потом поцеловал обеих рожениц и ушел — мы давно уже знали, что Рамси — тоже говардовцы, и док-младший был для нас все равно что член семьи.

Я позвонила Этель, сказала, что мы остаемся ночевать, объяснила почему.

— У вас все в порядке, дорогая? Как вы с Тедди, справитесь? (У них на руках было четверо малышей. Или пятеро? Нет, четверо.)

— Конечно, мама. А у тебя мальчик или девочка? А у тети Элеанор?

— У меня мальчик, а у Элеанор девочка. Можете придумывать имя... по крайней мере, для нашего.

Но смешнее всего было то, о чем мы не сказали ни доку-младшему, ни детям: это Брайни сделал ту девочку моей подружке Элеанор, а мне сделал мальчика ее муж Джастин... в тот уик-энд, когда мы праздновали в Озарске пятидесятилетие Элеанор. Празднуя, мы все расслабились, и наши мужья решили, что, раз мы все говардцы, нечего связываться с дурацкими резинками — авось выбьем по чеку.

К слову: как я сказала, Элеанор забеременела в день своего пятидесятилетия. Но в свидетельстве о рождении, заполненным доктором Рамси-младшим, было указано, что возраст матери — сорок три года. А у меня — тридцать восемь вместо пятидесяти. В двадцатые годы мы все получили устное предупреждение от попечителей Фонда Говарда: скрывать свой истинный возраст и убавлять себе

годы при каждом удобном случае. Позднее нам каждые тридцать лет помогали оформлять новые документы, и постепенно из этого развилась система «маскарад» , спасшая Семьи Говарда в Безумные Годы. О «маскараде» я знаю только по архивам — меня извлекли из этой каши, благодаря Небесам и Хильде, в 1982 году.

В эпоху декаданса мы с Брайаном выбили пять чеков — пять ребятишек за декаду с 1900 по 1910 год. «Выбиванием чеков» это занятие назвала я, а муж подхватил мою низкопробную, вульгарную шуточку. Я только что оправилась после родов старшей (нашей милой Нэнси), и доктор Рамси разрешил мне «исполнять супружеские обязанности» (ей-богу, так это тогда и называлось!), если мне того хочется.

Я вернулась от доктора домой, поставила обед, приняла еще раз ванну, надушилась возбуждающими духами, подаренными мне Брайни на Рождество, накинула зеленовато-лимонный пеньюар, подаренный тетей Кароль на свадьбу, пошла взглянуть на свой обед и привернула газ — у меня все было рассчитано. И стала ждать прихода Брайни.

Он вошел. Я приняла вызывающую позу. Он оглядел меня с ног до головы:

— Меня прислал Джо. Я туда попал?

— Это смотря что ты имеешь, дружок,— ответила я глубоким страстным голосом.— Что тебе предложить? — тут я вышла из роли.— Брайни! Доктор Рамси говорит, что все в порядке!

— Выражайся яснее, девочка. Что именно в порядке?

— Да все. Я снова признана годной,— и я сбросила пеньюар.— Иди ко мне, Брайни — выбьем чек.

В тот раз у нас дело, правда, не выгорело — я забеременела вновь только в начале 1901 года. Но попытки были сплошным удовольствием, и мы старались снова и снова. Как сказала однажды мама Делла: «Да ведь оно как, девонька, бывает — сто раз подряд, и хоть бы что».

Что за мама Делла и откуда она взялась? Ее привел Брайан, когда я слишком растолстела, чтобы самой управляться со стиркой. Наш первый дом — крохотный домишко на Двадцать шес-

той улице — стоял неподалеку от негритянского квартала. Делла ходила к нам пешком и работала за доллар и трамвайный билет в день. То, что на трамвае она не ездила, значения не имело — десять центов входили в уговор. Делла родилась рабыней и не умела ни читать, ни писать, но была самой настоящей леди — я не встречала более настоящей: ее сердце было исполнено любви ко всем, кто соглашался принять ее любовь.

Ее муж работал грузчиком на пристани братьев Ринглинг, я его никогда не видела. А Делла продолжала ходить ко мне — или к Нэнси, «своему ребеночку», и тогда, когда мне уже не требовалась помощь, прихватывая с собой своего младшего внучонка. Внучонка она оставляла с Нэнси, а сама принималась делать за меня мою работу. Иногда ее удавалось усадить на место с помощью чашки чая, но нечасто. Потом она работала у меня, когда я ждала Кэрол — и так с каждым ребенком вплоть до 1911 года, когда Господь взял ее к себе. Если рай есть — Делла там.

Неужели рай для тех, кто верит в него, так же реален, как Канзас-Сити? Это должно вписаться в космологию «Мир как миф». Надо будет спросить об этом Джубела, когда я выберусь из этой тюрьмы и вернусь в Бундок.

В лучших ресторанах Бундока очень популярен «картофель á la Делла» и прочие блюда по ее рецептам. Делла многому меня научила. Не знаю, научила ли ее чему-нибудь я — она была гораздо опытнее и мудрее меня во всем, что у нас было общего.

Вот мои первые пять «чековых деток»:

Нэнси Айрин, 1 декабря 1899 г. или 5 января 1900 г.

Кэрол (Санта-Каролита), названная в честь моей тети Кароль, 1 января 1902 г.

Брайан-младший, 12 марта 1905 г.

Джордж Эдвард, 14 февраля 1907 г.

Мэри Агнес, 5 апреля 1909 г.

После Мэри я забеременела вновь только весной 1912 года — и родился мой любимчик, мой баловень Вудро Вильсон... он же мой любовник Теодор Бронсон, а много позже — мой муж Лазарус Лонг. Не знаю, почему я не беременела все это время — но уж

точно не от недостатка старания: мы с Брайни старались выбить чек при каждой возможности.

Нам было все равно, удастся нам это или нет: мы это делали ради удовольствия. Если не получалось, тем лучше: не придется воздерживаться несколько недель до и после родов. Наше воздержание, правда, было неполным: я хорошо научилась действовать руками и ртом, и Брайни тоже. Но в обычные дни мы все же предпочитали старый добрый вид спорта, будь то миссионерский способ или восемнадцать других.

Можно было бы подсчитать, сколько раз мне не удалось забеременеть, сохранись у меня календарь Шальной Декады, где я отмечала свои менструации. Сам календарь — не проблема, но график менструаций, хотя я аккуратно вела его, давно и безвозвратно утерян, почти безвозвратно: потребовалась бы специальная акция Корпуса Времени, чтобы его отыскать. Но у меня на этот счет своя теория. Брайни часто уезжал по делам — он «выбивал чеки» на свой манер, как эксперт-экономист по горной промышленности. Брайан считался талантом в своей области, и спрос на него был постоянный.

Мы оба даже не слыхивали о том, что овуляция наступает на четырнадцатый день цикла, что это можно определить, измерив температуру — и уж конечно не имели понятия о более тонких и надежных методах проверки, разработанных во второй половине века. Доктор Рамси был лучшим семейным врачом, которого можно было найти в то время, и его не стесняли тогдашние табу — ведь нам рекомендовал ему Фонд Говарда,— но о календарном цикле он знал не больше нашего.

Если бы достать мой менструационный календарь 1900–1912 годов, отметить на нем периоды возможных овуляций, а потом те дни, в которые Брайни не было дома, то почти наверняка выяснится, что у живчиков и не было шанса попасть куда следует в те числа, когда я не беременела. Почти наверняка — ведь Брайни был призовой жеребец, а я — плодовитая Мать-Крольчиха.

Но я рада, что не знала тогда о календарном цикле — ведь ничто не сравнится с той сладкой щекоткой внутри, когда лежишь раскинув ноги и закрыв глаза — и ждешь зачатия. Нет, это не от-

носится к многочисленным чудачествам Морин — я неоднократно проверяла это на других женщинах: готовность забеременеть придает любви особую пикантность.

Я совсем не против контрацепции — это величайшее благо, дарованное за всю историю женщинам: ведь эффективные средства предохранения освободили женщину от векового автоматического порабощения мужчиной. Но наша нервная система не настроена на предохранение — она настроена на беременность.

К счастью для Морин — когда я перестала быть распущенной школьницей, мне почти никогда не нужно было предохраняться.

В один необычайно теплый февральский денек 1912 года Брайни повалил меня на берегу Блю Ривер, почти в точности повторив 4 марта 1899 года на берегу Лебединого пруда. Оба мы обожали заниматься любовью на природе, с легкой примесью риска. По случаю той вылазки 1912 года на мне были длиннющие шелковые чулки и круглые зеленые подвязки — в этом туалете и заснял меня мой муж: я стою голышом на солнышке и улыбаюсь в объектив. Эта карточка сыграла решающую роль в моей жизни шесть лет спустя, и семьдесят лет спустя, и две тысячи лет спустя.

Мне сказали, что эта карточка изменила всю историю человечества по нескольким параллелям времени.

Может, и так. Я не совсем еще уверовала в теорию «мир как миф», хотя и числюсь в агентах Корпуса Времени, и умнейшие из моих близких уверяют меня, что тут все без обмана. Отец всегда требовал, чтобы я думала самостоятельно, и мистер Клеменс побуждал меня к тому же. Меня учили, что единственный смертный грех, единственное преступление против самого себя — это принимать что-либо на веру.

У Нэнси два дня рождения: настоящий, в который я ее родила, зарегистрированный в Фонде, и официальный, более соответствующий дате моего бракосочетания с Брайаном Смитом. В конце девятнадцатого века это делалось легко — институт регистрации актов гражданского состояния в Миссури только зарождался. Большинство дат по-прежнему исходили, так сказать, из семейных Библий. Регистратор графства Джексон вел учет

рождений, смертей и браков, о которых ему сообщали — а если не сообщали, то и не надо.

Истинную дату рождения Нэнси мы сообщили в Фонд, за подписью моей и Брайана и с подтверждением доктора Рамси, а месяц спустя доктор заполнил свидетельство о рождении в канцелярии графства, проставив в нем фальшивую дату.

Это было просто — Нэнси ведь родилась дома; я всех своих детей рожала дома вплоть до середины тридцатых годов. Так что больничной записи, способной нас разоблачить, не существовало. Восьмого января я оповестила о фальшивой дате радостного события нескольких знакомых в Фивах и послала извещение в «Лайл Каунти Лидер».

Зачем было так суетиться, чтобы скрыть дату рождения ребенка? Затем, что нравы того времени были жестокими — беспощадно жестокими. Миссис Гранди сосчитала бы по пальцам и разнесла повсюду, что мы поженились ради того, чтобы дать своей незаконной дочке имя, которое она не имеет права носить. Да-да. Это относится к ужасам мрачной эпохи Баудлера, Комстока и Гранди — бестий, исказивших то, что могло бы считаться цивилизацией.

К концу века некоторые женщины стали открыто рожать детей, отцы которых не всегда были в наличии. Но это было не проявление истинной свободы, а просто другая крайность, и последствия такого поступка тяжко сказывались и на матери, и на ребенке. Старые обычаи ломались, а новых законов, которые могли бы их заменить, еще не появилось.

Наша уловка имела целью помешать кому-либо из Фив узнать, что малютка Нэнси — «незаконная». Моя мать, конечно, знала, что дата фальшивая, но ее уже не было в Фивах: она жила в Сент-Луисе у дедушки и бабушки Пфейферов, а отец снова поступил на военную службу.

До сих пор не знаю, как к этому отнестись. Дочь не должна судить родителей — и я не сужу.

После испано-американской войны я стала ближе к матери. Видя ее тревогу и горе, я решила, что она по-настоящему любит отца — просто она не показывает своей любви при детях.

Потом, одевая меня в день свадьбы, мать дала мне напутствие, которое по традиции все матери давали невестам перед свадьбой.

Знаете, что она мне сказала? Лучше сядьте, чтобы не упасть.

Она сказала, что я должна отправлять свои супружеские обязанности, не выказывая отвращения. Такова воля Господа, изложенная в книге Бытия, такова цена, которую женщина платит за право иметь детей... и если я буду так смотреть на это, то легко выдержу любые испытания. Кроме того, я должна была запомнить, что потребности мужчины отличаются от наших, и быть готовой удовлетворять прихоти своего мужа. Не думай об этом, как о чем-то животном и безобразном — думай только о детях.

— Да, мама, я запомню,— ответила я.

Что же случилось у них с отцом? Сама ли мать вынудила его уйти или он сказал ей, что хочет наконец выбраться из этого городишки, тонущего в грязи, и начать в армии новую жизнь?

Не знаю. Да мне и не надо знать — не мое это дело. Остается факт — отец вернулся в армию так скоро после моей свадьбы, что наверняка задумал это заранее. Письма приходили сначала из Тампы, потом из Гуантанамо на Кубе, потом с Минданао на Филлипинах, где мавры-мусульмане перебили больше наших солдат, чем когда-нибудь удавалось испанцам. А потом из Китая.

После Боксерского восстания я считала отца погибшим, потому что письма перестали приходить. Наконец он написал нам из Сан-Франциско — оказывается прежние письма просто не дошли.

Он уволился из армии в 1912 году. В тот год ему исполнилось шестьдесят — стало быть, по возрасту? Не знаю. Отец всегда говорил только то, что считал нужным,— если к нему приставали с вопросами, он мог отделаться выдумкой, а мог и к черту послать.

Он приехал в Канзас-Сити. Брайан пригласил его жить к нам, но отец нашел себе квартиру и поселился в ней еще до того, как известил нас о своем приезде и даже о выходе в отставку.

Пять лет спустя он все-таки переехал к нам, потому что был нам нужен.

Канзас-Сити девяностых годов был потрясающим городом. Мне, хотя я и провела три месяца в Чикаго несколько лет назад, жизнь в большом городе была в новинку. Когда я сразу после замужества

приехала в Канзас-Сити, в нем насчитывалось сто пятьдесят тысяч населения. В городе был трамвай и почти столько же автомобилей, сколько конных экипажей. Повсюду тянулись трамвайные, телефонные и электрические провода.

Все главные улицы были мощеные, постепенно одевались в камень и боковые. Городские парки уже славились на весь мир, хотя их разбивка еще не завершилась. В публичной библиотеке (невероятно, но факт) имелось полмиллиона книг.

А зал собраний был таким огромным, что демократы наметили провести там в 1900 году свой предвыборный съезд. Потом случился пожар, и зал сгорел дотла за одну ночь — но не успел еще остыть пепел, как здание начали восстанавливать, и всего через девяносто дней после пожара демократы выдвинули там кандидатом в президенты Уильяма Дженнингса Брайана.

Республиканцы вновь выдвинули в президенты Мак-Кинли, а кандидатом в вице-президенты — полковника Тедди Рузвельта, героя Сан-Хуанского холма. Не знаю, за кого голосовал мой муж, но потом ему всегда было приятно, когда между ним и Теодором Рузвельтом находили сходство.

Наверное, Брайни сказал бы мне, если бы я спросила, но в 1900 году женщины не совались в политику, а я старалась выглядеть в глазах общества образцовой скромной домохозяйкой, которую интересует — прямо по формуле кайзера — только Kirche, Küche und Kinder*.

В сентябре наш президент, только полгода назад избранный на второй срок, был злодейски убит, и его пост занял молодой герой войны .

В некоторых параллелях мистера Мак-Кинли не убивали, и полковник Рузвельт так и не стал президентом, а его дальний родственник не выдвигался в президенты в 1932 году. Это полностью изменило ход обеих мировых войн в переломные моменты — в 1917 и в 1941 годах. Этим занимаются математики нашего Корпуса Времени, но структурное моделирование в данном случае слишком сложно даже для сопряженных компьютеров Май-

* Kirche, Küche und Kinder *(нем.)* — Церковь, кухня и дети.

крофт Холмс IV — Афина Паллада, а мне уж и подавно не под силу. Я — родильная фабрика, хорошая кухарка и сплошная жуть в постели. Мне кажется, что секрет счастья в том, чтобы понять, кто ты есть, и довольствоваться этим — с гордо поднятой головой,— не стремясь стать кем-то еще. Амбиция не сделает воробья коршуном, а ворону — райской птицей. Меня, как ворону, это вполне устраивает.

Пиксель — превосходный образец искусства быть собой. Хвост у него постоянно трубой, и он всегда в себе уверен. Сегодня он опять принес мне мышь. Я похвалила его, погладила и хранила мышь, пока он не ушел, а потом смыла ее в унитаз.

Затаенная мысль наконец пробилась наружу. Эти мыши — первое и пока единственное (насколько я знаю) доказательство того, что Пиксель может проносить с собой какие-то предметы, проходя сквозь стены.

Если выражением «проходить сквозь стены» можно описать то, что он делает. За неимением лучшего удовольствуемся им.

Какую весточку мне передать и кому и как прицепить ее к Пикселю?

Перейдя из школьниц в домохозяйки, мне пришлось добавить к личному кодексу Морин еще кое-что. Одна заповедь гласила: «Не расходуй свыше того, что муж дает тебе на хозяйство». Другую я вывела еще раньше: «Не плачь никогда при детях твоих», а когда выяснилось, что Брайану придется много ездить, я включила в заповедь и его. Никогда не плачь при нем и всегда встречай его улыбкой... никогда, никогда, НИКОГДА не омрачай его приезда жалобами на то, что труба замерзла, мальчик от бакалейщика нагрубил, а мерзкая собака изгрызла всю клумбу. Пусть он всегда возвращается домой с радостью, а уезжает с сожалением.

Пусть дети весело встречают его, но не слишком на нем виснут. Ему нужна мать его детей — но нужна также и любящая доступная женщина. Если ты не хочешь быть ею, он найдет таковую в другом месте.

Еще одна заповедь: «Обещания нужно выполнять». Особенно данные детям. Поэтому подумай трижды, прежде чем обещать, и, если у тебя есть хоть тень сомнения, не делай этого.

А главное, не откладывай наказаний, говоря: «Вот приедет отец».

Пока что в этих правилах не было нужды — ведь у меня был только один ребенок, да и тот в пеленках. Но я все свои жизненные правила обдумывала загодя и заносила их в дневник. Отец предупредил меня о том, что я лишена чувства морали и мне нужно предугадать заранее те решения, которые придется принимать. Я не могла рассчитывать на то, что голосок, называемый совестью, предостережет меня, как ему и полагается,— во мне этот голосок молчал. Поэтому свое поведение приходилось обдумывать заблаговременно, создавая свой собственный свод законов — вроде десяти заповедей, только шире и без вопиющих противоречий, которыми изобилует древний свод законов племени, годный только для темных варваров.

Мои же правила не отличались излишней суровостью, и я от души наслаждалась жизнью.

Я никогда не выясняла, сколько Брайану платят за каждого ребенка — не хотела этого знать. Гораздо приятнее было воображать, что это миллион долларов в золотых слитках цвета моих волос и каждый слиток такой тяжелый, что одному не поднять. Фаворитка короля, увешенная драгоценностями, гордится своим «падением», уличная же потаскушка, которая продается за пенни, стыдится своего ремесла. Она неудачница и сознает это. В мечтах я была любовницей короля, а не печальной уличной феей.

Но Фонд Говарда, должно быть, платил щедро. Вот послушайте, что я вам расскажу. Наш первый дом в Канзас-Сити едва-едва подходил под мерку респектабельного жилья среднего класса. Из-за близости квартала, где жили цветные, по соседству с нами селились люди скромные, хотя и белые — иных не допускалось. Кроме того, наша улица шла с востока на запад, а дом выходил на север — еще два минуса. Стоял он на высокой террасе, и к нему надо было взбираться по лестнице. Этот двухэтажный каркасный домик построили в 1880 году, а все трубы провели зад-

ним числом, и ванная примыкала к кухне. Ни столовой, ни холла, всего одна спальня. Не было настоящего подвала — только грязная каморка, где стояла печь и хранился уголь. А вместо чердака — только низенькое пространство под крышей.

Но снять дом за ту плату, которую мы могли себе позволить, было трудно — Брайни повезло, что он и такой нашел. Я уже начинала думать, что мне придется рожать первенца в меблированных комнатах.

Брайни повел меня смотреть дом, прежде чем окончательно договориться, и я оценила его любезность: ведь в те дни замужняя женщина не имела права подписывать контракты и ему не обязательно было со мной советоваться.

— Ну как, подойдет он тебе?

Подойдет ли! Водопровод, ватерклозет, ванная, газ, газовое освещение, котельная...

— Брайни, тут чудесно! Но по карману ли он нам?

— Это моя проблема, миссис Смит, а не ваша. Платить будем аккуратно. То есть платить будешь ты, как мой агент — первого числа каждого месяца. Домовладелец, джентльмен по имени Эбенезер Скрудж...

— Эбенезер Скрудж? Да неужели?

— Мне так послышалось. Но мимо как раз шел трамвай, я мог и ошибиться. Мистер Скрудж лично будет заходить за деньгами первого числа каждого месяца, если только оно не выпадет на воскресенье; в таком случае он зайдет в субботу, а не в понедельник, что особо подчеркнул в разговоре. Подчеркнул он также, что платить следует наличными, а не чеком. Причем серебром, не банкнотами.

Арендная плата, несмотря на многочисленные недостатки дома, была высокой. Я так и ахнула, когда Брайни назвал мне ее: двенадцать долларов в месяц.

— Брайни!

— Не квохчи, рябенькая. Мы снимаем этот дом только на год. Если ты выдержишь столько, то тебе не придется иметь дело с уважаемым мистером Скруджем — на самом деле он О'Хеннеси — поскольку я уплачу на год вперед со скидкой четыре процента. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Я прикинула в уме.

— За ссуду сейчас берут шесть процентов... значит, три процента за то, что ты платишь вперед, как бы даешь ему взаймы — ведь он эти деньги еще не заработал. Один процент, должно быть, за то, что мистеру О'Хеннеси-Скруджу не придется двенадцать раз ездить за деньгами. Получается 138 долларов 24 цента.

— Огневушка, ты каждый раз меня поражаешь.

— Следовало бы скинуть еще один процент за экономию административных расходов.

— Как так?

— А бухгалтерия? Ему ведь не придется каждый раз заносить твой взнос в книгу, раз ты платишь все разом. Тогда получится 136 долларов 80 центов. Предложи ему 135, Брайни, и столкуйтесь на 136.

Муж изумленно воззрился на меня.

— Подумать только — а я-то женился на ней из-за того, что она хорошо готовит. Давай-ка я посижу дома и рожу ребенка, а ты за меня поработай. Мо, где ты этому обучилась?

— В средней школе города Фив. Ну, не совсем так. Одно время я вела отцовские счета, а потом нашла старый учебник брата Эдварда «Коммерческое счетоводство и начала бухгалтерии». Учебники у нас общие на всех, и в глубине холла на полках их был целый склад. Так что в школе я этого не проходила, но учебник прочла. Только работать за тебя я не смогу: в горном деле я полный нуль. И потом, мне неохота каждый день таскаться на трамвае в западные низины.

— Я тоже не уверен, что сумею родить.

— Это сделаю я, сэр, и с нетерпением жду того момента. Но ездить с тобой каждое утро до Мак-Джи стрит я непрочь.

— Буду счастлив, мадам. Но почему до Мак-Джи стрит?

— В школу бизнеса. Я хотела бы несколько месяцев, пока не слишком растолстею, поучиться машинописи и стенографии по Питтмену. И если ты, дорогой, вдруг заболеешь, я смогу работать в конторе и содержать семью... а если ты заведешь свое дело, смогу быть твоей секретаршей. Тогда тебе не придется никого нани-

мать и мы авось преодолеем тот трудный период, который, судя по книгам, ожидает любую вновь созданную фирму.

— Я сделал это из-за стряпни и еще одного твоего таланта,— медленно произнес Брайни.— Я точно помню. Кто бы мог подумать!

— Так ты разрешаешь?

— Да ты посчитай, во сколько обойдется обучение, трамвай, завтраки...

— Завтраки мы оба будем брать с собой.

— Давай отложим это до завтра, Мо. Или до послезавтра. Решим сначала с домом.

Дом мы сняли, хотя тот скупердяй уперся на 138 долларах, и прожили в нем два года, до появления второй дочки, Кэрол. Потом переехали за угол, на Мерсингтон стрит, в дом чуть побольше (принадлежавший тому же лицу). Там я в 1905 году родила сына, Брайана-младшего, и узнала, на что пошли говардские премии.

Произошло это в одно майское воскресенье 1906 года. По воскресеньям мы часто ездили на трамвае до какой-нибудь конечной станции, где еще не бывали — обе девчушки в нарядных платьицах, а маленький на руках то у меня, то у Брайни. Но в тот раз мы договорились оставить всю троицу у соседки, миссис Ольшлягер — она была мне хорошей подругой, и в разговорах с ней я исправляла и совершенствовала свой немецкий.

Мы с Брайни прошлись до Двадцать седьмой улицы и сели в трамвай, идущий на запад. Брайни, как всегда, взял пересадочные билеты — в воскресенье мы могли выйти где угодно и пересесть на что захочется. Не проехали мы и десяти кварталов, как он нажал на кнопку.

— Славный денек — давай пройдемся по бульвару.

— Хорошо.

Брайни помог мне сойти, мы перешли улицу и пошли по направлению к югу по западной стороне бульвара Бентона.

— Хотелось бы тебе пожить в этом районе, голубка?

— Очень бы хотелось, и мы обязательно здесь поселимся — лет так через двадцать. Здесь прелестно,— еще бы не прелестно — каждый дом на отдельном участке, в каждом по десять-двенадцать

комнат, при каждом подъездная аллея и каретник (сарай по-нашему, по-деревенски). Цветочные клумбы, витражи над входом, строения все новые и прекрасно содержащиеся. Судя по стилю, квартал строился в 1900 году — я вспомнила, что здесь шли работы в год нашего приезда.

— Лет через двадцать? Черта с два, любимая, не будь пессимисткой. Давай выберем себе дом и купим его. Как насчет того, с «саксом» у ворот?

— А «сакс» тоже возьмем? Мне не нравится, когда дверь открывается наружу — дети выпадут. Лучше тот фаэтон с парой вороных.

— Мы ведь не лошадей покупаем, а дом.

— Да ведь в воскресенье нельзя покупать дом, Брайни: контракт будет недействителен.

— Сегодня можно условиться, а бумаги подпишем в понедельник.

— Прекрасно, сэр,— Брайни любил разные выдумки, и я всегда ему подыгрывала. Он был счастливый человек, и я была с ним счастлива — и в постели, и вне ее.

В конце квартала мы перешли на восточную сторону бульвара и двинулись дальше. Перед третьим домом от угла Брайни остановился.

— Мне нравится этот, Мо. Счастливый дом, похоже. А тебе?

Дом был похож на все остальные: большой, комфортабельный, красивый — и дорогой. Разве что не такой привлекательный, как другие, наверно, необитаемый — веранда пустая и шторы задернуты. Но я старалась по возможности соглашаться с мужем, а дом не виноват, что в нем никто не живет. Если это так.

— Да, этот дом мог бы стать счастливым, живи в нем подходящие люди.

— Например, мы?

— Например, мы.

Брайан пошел по дорожке к дому.

— Кажется, дома никого нет. Посмотрим — а вдруг они не заперли дверь? Или окно?

— Брайан!

— Тихо, женщина.

Волей-неволей я последовала за ним по дорожке, чувствуя, что миссис Гранди всего квартала смотрят на меня из-за штор. (Впоследствии оказалось, что так оно и было.)

Брайан подергал дверь.

— Заперто. Ну-ка, попробуем этим,— он полез в карман и достал ключ, отпер дверь и распахнул ее передо мной.

Я вошла, вконец напуганная, но внутри немного успокоилась: голые полы и гулкое эхо доказывали, что дом пуст.

— Брайан, что происходит? Не дразни меня, пожалуйста.

— Я не дразню, Мо. Если дом тебе нравится, то это запоздалый свадебный подарок невесте от жениха. А не нравится — я его продам.

Я нарушила одно из своих правил и расплакалась при нем.

8

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ БОГЕМЫ

Брайан обнял меня и потрепал по спине.

— Хватит заливаться. Не выношу женских слез. Они меня раздражают.

Я перестала плакать, прижалась к нему покрепче и широко раскрыла глаза.

— Вот это да! Специальный воскресный выпуск,— Брайан утверждал, что церковь пробуждает в нем только одно чувство, а именно похоть, потому что он никогда не слушает службу, а только думает о праматери Еве, которая по его мнению была рыжая.

Излишне говорить, что церковь действовала так же и на меня. Каждое воскресенье после церкви мы, уложив детишек спать, устраивали себе «утренник».

— Н-ну-у, миледи. Разве вы не желаете сначала осмотреть дом?

— А я тебе ничего и не предлагаю. Я бы здесь не осмелилась. Вдруг войдет кто-нибудь.

— Никто не войдет. Ты разве не заметила, что я запер дверь на засов? Морин... мне сдается, ты не веришь, что я дарю тебе этот дом.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Мой муж, если ты скажешь, что солнце встает на западе, я поверю тебе. Но могу не понять. Вот и сейчас не понимаю.

— Тогда объясню. На самом деле я не могу подарить тебе этот дом, потому что он и так твой. Это ты за него заплатила. Мне он принадлежит чисто формально. На той неделе мы это изменим и перепишем его на тебя. В нашем штате замужняя женщина может владеть недвижимостью, если в документе оговорено, что она замужем и если муж отказывается от права на владение. Последнее — просто формальность. А теперь о том, как ты его купила.

Купила я его, лежа на спине и «выбивая чеки». На первый взнос пошли деньги, которые Брайан скопил в армии и еще взял в долг у своих родителей. Взнос получился солидный, и Брайан взял две ипотечные ссуды: одну из обычных шести процентов, вторую из восьми с половиной. Дом в ту пору снимали жильцы; Брайан оставил их и использовал арендную плату для расчета по ипотекам.

Говардской премией на Нэнси он погасил вторую, разорительную ссуду, премией за Кэрол рассчитался с родителями. С помощью премии за Брайана-младшего Брайан-старший выплатил первую ипотеку настолько, что арендная плата с жильцов позволила ему наконец очистить собственность к маю 1906 года, всего через шесть с половиной лет после того, как он воздвиг свою долговую пирамиду.

Я сказала Брайни, что он рисковый человек.

— Не совсем,— ответил он,— я ведь поставил на тебя, дорогая. И ты сработала, как часы. Правда, Брайан-младший появился несколько позже, чем я ожидал, но у меня был гибкий график. Хоть я и настоял на необходимости выплатить первую ипотеку раньше срока, я не должен был ее выплачивать ранее первого июня 1910 года. Но ты вышла вперед, как настоящий чемпион.

Еще год назад Брайан обсудил свой проект со съемщиком дома, они условились заранее, и в прошлую пятницу жильцы мирно выехали.

— Так что дом твой, дорогая. Я не стал возобновлять наш арендный договор; Хеннеси О'Скрудж знает, что мы съезжаем. Можем сделать это хоть завтра и перебраться сюда, если дом тебе нравится. Или лучше продадим его?

— Не смей говорить о продаже нашего дома! Брайни, если это правда твой свадебный подарок, тогда я наконец-то сделаю тебе свой. Твоего котенка.

— Нашего котенка, ты хочешь сказать,— усмехнулся он.— Я тоже об этом подумал,— мы не завели котенка до сих пор потому, что с обеих сторон нашего домика на Двадцать шестой улице жили собаки, и один пес был закоренелый убийца кошек. С переездом за угол угроза не исчезла.

Брайан показал мне дом. Он был чудесный: наверху большая ванная и еще одна, поменьше, и маленькая внизу, при комнате для прислуги; четыре спальни и спальная веранда, гостиная, салон, просторная столовая со встроенным буфетом и полками для посуды; в салоне — газовый камин, который можно топить и дровами, если убрать газовую горелку; чудесная большая кухня; парадная лестница и удобная черная лесенка, ведущая наверх из кухни — да просто все, что может пожелать семья, в которой есть дети, включая огороженный задний двор — как раз для детей, и зверюшек, и для крокета, и для пикников. И еще огород и песочница. Я снова расплакалась.

— Прекрати,— велел Брайни.— Вот это — супружеская спальня. Если ты не предпочтешь другую комнату.

Спальня была великолепная, большая, полная воздуха, и к ней примыкала веранда. В доме, пустом и довольно чистом (я уже предвкушала, как отскребу здесь каждый дюйм), остались кое-какие вещи, который не стоило перевозить.

— Брайни, там на веранде, на качелях, лежит подушка. Ты не принесешь ее сюда?

— Как скажешь. А зачем?

— Чек выбьем.

— Слушаюсь, мадам! А я уж думал, когда же ты решишься окрестить наш новый дом.

Подушка выглядела не очень чистой и была не слишком большая, но это все пустяки, лишь бы охранила мой позвоночник от голых досок. Когда Брайни принес ее и положил на пол, я освобождалась от последних одежек.

— Эй! Оставь чулки.

— Слушаюсь, сэр. Как скажете, мистер. А стаканчиком сперва не угостите? — пьяная от возбуждения, я глубоко вздохнула и легла на спину. Вас как зовут-то, мистер? Меня звать Крольчиха — я шибко плодовитая.

— Да уж,— Брайни разделся, повесил пиджак на крючок за дверью ванной и лег ко мне. Я потянулась навстречу, но он удержал меня и поцеловал.— Мадам, я люблю вас.

— А я вас, сэр.

— Рад слышать. Готовьтесь,— и чуть погодя: — Эй, отпусти немного гайку.

Я чуть расслабилась.

— Так лучше?

— Чудненько. Ты прелесть, любимая.

— И ты, Брайни. Ну же... прошу тебя.

Я почти сразу достигла вершины, потом взвились ракеты, я завопила и почти не помнила себя, когда Брайни меня отпустил — а после потеряла сознание.

Мне не свойственно падать в обморок, но в тот раз это случилось.

Через два воскресенья не пришли очередные месячные, а в феврале 1907 года родился Джордж Эдвард.

Следующие десять лет были сплошной идиллией.

Наша жизнь со стороны может показаться скучной и банальной — мы ведь просто тихо жили в доме на тихой улице и растили детей... а еще котят, морских свинок, кроликов, золотых рыбок, а однажды даже червей-шелкопрядов на крышке моего пианино. Это затеял Брайан-младший, будучи в четвертом классе. Для них требовались листья тутового дерева, и в большом количестве. Брайан-младший договорился с соседом, у которого росло такое дерево. В нем рано проявился отцовский талант добиваться всего любым путем, каким бы невероятным ни казался его план.

Договор о шелковичных листьях был крупным событием в нашей тогдашней жизни.

А еще у нас были детсадовские плакатики со звездочками на кухне, на задней веранде стояли трехколесные велосипеды ря-

дом с роликами, были пальчики, которые надо было целовать и перевязывать, и разные поделки для школы, и множество ботинок, которые надо было начистить, чтобы вовремя поспеть в воскресную школу, и шумные свары из-за рожка для обуви, пока я наконец не завела каждому свой, написав на них имена.

Все это время чрево Морин то росло, то убывало, как круглое чрево луны: Джордж в 1907, Мэри в 1909, Вудро в 1912, Ричард в 1914 и Этель в 1916. Ею дело отнюдь не кончилось — просто в нашу жизнь вошла война, изменившая мир.

Но до войны случилось еще много всего, и кое о чем я должна рассказать. Мы переменили церковь, которую посещали, будучи жильцами «Скруджа», на другую. Наши церкви менялись к лучшему так же, как и наши дома и кварталы обитания. В Соединенных Штатах того времени протестантское вероисповедание имело прямое отношение к имущественному и социальному статусу, хотя вслух об этом не говорилось. На вершине пирамиды находилась высокая епископальная церковь, низ же ее занимали секты фундаменталистов-пятидесятников, собиравшие сокровища на небе, поскольку не сумели накопить их на земле.

Раньше мы посещали церковь среднего уровня — ту, что поближе. Переехав в более приличный район, нам следовало перейти в более респектабельную церковь на бульваре — но сменили мы церковь в основном из-за того, что Морин в ней, можно сказать, изнасиловали.

Я сама была виновата. Во все века изнасилование представляло собой любимый вид спорта многочисленных мужиков — при условии, что это сойдет им с рук, и женщины моложе девяносто и старше шести во все века подвергаются опасности... если не знают, как ее избежать, и не исключают всякий риск, что почти невозможно.

Пожалуй, я зря установила ограничение от шести до девяноста: есть безумцы, способные изнасиловать любое существо женского пола, в любом возрасте. Изнасилование — не половой акт, но акт зверской агрессии.

А то, что произошло со мной, вряд ли можно назвать изнасилованием — нечего мне было соваться без сопровождающих к

проповеднику, я же поступила именно так, зная, что за этим последует. Преподобный Тимберли (скотина!) в мои четырнадцать лет ухитрился дать мне понять, что может научить меня многому в жизни и любви, отечески ущипнув меня за попку. Я рассказала об этом отцу, не называя его имени, и отцовский совет помог мне положить этому конец.

Но этот новый библейский старатель... Случилось это через шесть недель после переезда в новый дом. Я уже знала, что беременна, и изнывала от желания, а Брайан уехал. Я не жаловалась — разъезды входили в его профессию, на свете очень много таких занятий: волка ноги кормят. В тот раз он поехал в Денвер, а когда я ожидала его домой, прислал мне телеграмму, «ночное письмо»: «Пришлось заехать в Монтану дня на три-четыре, а может, и на неделю. Целую, Брайан».

А чтоб тебе, зараза ты эдакая. Но я улыбалась, потому что за мной наблюдала Нэнси, а ее в шесть лет было трудно провести. Я прочла ей телеграмму в своей редакции и убрала подальше — она уже научилась читать.

В три часа дня я, вымытая, принаряженная и без панталонов под платьем, постучала в дверь кабинета преподобного Эзекиеля, Библейского старателя. С детьми оставалась наша постоянная сиделка.

В письменной инструкции, оставленной ей, говорилось, куда я иду и указывался пасторский телефон.

Между мной и преподобным доктором шла молчаливая тайная игра с тех самых пор, как он взошел на свою кафедру три года назад. Не то чтобы он мне так уж нравился, но я была небезразлична к нему, к его звучному, как орган, голосу и чистому мужскому запаху. К сожалению, у него не пахло ни изо рта, ни от ног — это бы меня отпугнуло. Придраться было не к чему — хорошие зубы, свежее дыхание, чистые волосы и тело.

Предлогом для визита к нему послужила моя деятельность в качестве председательницы дамского комитета — надо было посоветоваться с пастором по поводу очередного показушного мероприятия — не помню уж какого. Но протестантская церковь двадцатого века всегда готовила какое-нибудь показушное дей-

ство. Нет, помню: случай духовного обновления. Билли Санди? Да, кажется, это был он — бейсболист и обращенный пьяница, внезапно обретший Христа.

Доктор Зек впустил меня, мы посмотрели друг на друга, и все стало ясно — говорить ничего не пришлось. Он обнял меня, я подставила ему губы. Он впился в них, я открыла рот и закрыла глаза. В считаные секунды после того, как я постучалась, он повалил меня на кушетку за письменным столом, задрал мне юбки и приступил к делу.

Я направила его куда следует, а то он чуть было не просверлил собственную дырку.

Солидно! С угасающей мыслью «Брайни это не понравится» я приняла его. Он стремился к цели без всяких изысков, но я до того перевозбудилась, что была на грани и уже готовилась взорваться, когда он кончил. Тут в дверь постучали и он отпрянул от меня.

Все это длилось не дольше минуты... и мой оргазм заглох, как замерзшая водопроводная труба.

Но не все было — было бы — потеряно. Как только этот петушок соскочил с меня, я просто встала — и немедленно приняла презентабельный вид. В 1906 году юбки доходили до щиколоток, а платье я надела не мнущееся. Панталоны же оставила дома не только ради его (и своего) удобства, но еще и потому, что, если на вас нет панталон, после поспешного совокупления их не приходится натягивать.

Что же до Зека, идиота века, то ему, прежде чем открывать дверь, надо было всего лишь застегнуть штаны, что он и сделал. Итак, мы могли бы выстоять. Мы могли бы смело взглянуть пришедшим в глаза и продолжить наш разговор с их участием.

Вместо этого пастор схватил меня за руку, затолкал в свой платяной шкаф и запер на ключ.

Я простояла там в темноте два долгих часа, показавшихся мне двумя годами. Чтобы не лишиться рассудка, я придумывала пастору мучительную казнь. Самым легким способом было повешение его за собственную петарду. Остальные способы были слишком отвратительны, чтобы говорить о них вслух.

Наконец он отпер дверцу и хрипло прошептал:

— Ушли. Сейчас выпущу вас через заднюю дверь.

Нет, я не плюнула ему в лицо. Я сказала:

— Нет, доктор, сейчас мы с вами поговорим о делах. А потом вы проводите меня до парадного входа в церковь и там немного поболтаете со мной, чтобы люди видели.

— Нет-нет, миссис Смит! Я думаю...

— Думать не надо. Или так, или я выскакиваю отсюда с криком «Насилуют!» И то, что обнаружит внутри меня служащая полиции, любому суду докажет факт изнасилования.

Когда Брайан приехал, я все ему рассказала. Сначала я подумывала сохранить это при себе. Но три года назад мы с ним заключили дружеское соглашение о том, как изменять, не обижая другого и не вредя ему. Поэтому я решила открыться и дать себя отшлепать, если Брайан сочтет это необходимым. Я лично считала, что заслужила трепку... и хорошую, чтобы потом можно было поплакать и расчудесно помириться.

Так что я не слишком беспокоилась, просто мне не хотелось каяться и получать отпущение.

В своем договоре о супружеских изменах мы обязались по возможности действовать сообща, всегда помогать друг другу добиться своего и покрывать друг друга. Заключили мы этот договор, когда доктор Рамси подтвердил, что я опять беременна (Брайаном-младшим), и я испытывала прилив сентиментальности.

Толкнуло же нас на это секретное предложение одной знакомой и симпатичной нам пары обменяться партнерами.

Я торжественно сказала Брайни, что всегда буду ему верна. Я хранила ему верность четыре года и теперь, убедившись, что могу, буду хранить ее всегда, пока смерть не разлучит нас.

— Слушай, дурочка,— ты у меня девочка славная, но недалекая. Ты начала заниматься этим делом в четырнадцать лет...

— Нет в пятнадцать!

— Ну почти в четырнадцать. И говорила мне, что от твоих прелестей вкусила почти что дюжина мужиков и мальчишек, да еще спрашивала, считать говардских кандидатов или нет? А потом пересмотрела счет, сказав, что запамятовала парочку мелких инци-

дентов. Еще ты говорила, что почти сразу же научилась получать наслаждение, но заверила меня, что я лучше всех. Ты взаправду думаешь, Вертлявые Ляжки, что ты и твои веселые понятия о любви изменились из-за того, что тот тупица-проповедник произнес над тобой волшебные слова? Шила в мешке не утаишь, леопард не может перестать быть пятнистым, и твой час неизбежно настанет. И когда это случится, я хочу, чтобы ты получила удовольствие, но не попала в беду... ради тебя самой, ради меня и особенно ради детей. Я не жду от тебя, что ты будешь, как говорится, навеки мне верна. Но хочу надеяться, что ты не забеременеешь, не подцепишь дурную болезнь, не вызовешь скандала, не опозоришь себя и меня, не поставишь на карту благополучие наших детей. То есть, проще говоря, будешь вести себя разумно и всегда задергивать занавес.

— Да, сэр,— пробормотала я.

— И если, любовь моя, ты сказала правду насчет того, что от Хэла Эндрюса у тебя дыхание спирает, но ты бежишь искушения из-за меня, такая стойкость не прибавляет сияния твоему венцу. Мы оба знаем Хэла: он джентльмен и чистит ногти. И вежлив со своей женой. Если у тебя нет серьезных намерений, прекрати с ним флиртовать. Но если ты вправду хочешь его, то бери! На меня не смотри — я буду занят. Джейн — такая лакомая штучка, какие мне давно не попадались. Я жажду провести через ее угол биссектрису с тех самых пор, как мы познакомились.

— Брайни! Это правда? Ты никогда не подавал виду. Почему ты мне не сказал?

— Чтобы ты по-бабьи приревновала и начала проявлять собственнические замашки? Милая, мне пришлось дожидаться, когда ты сознаешься вслух, без уговоров и понуканий с моей стороны, что испытываешь глубокий интерес к другому мужчине... предполагая, что я могу испытывать то же самое к его жене. И я испытываю. Так что зови Джейн и скажи, что мы согласны прийти к ним обедать. А там посмотрим.

— А вдруг Джейн понравится тебе больше меня?

— Невозможно. Я люблю вас, миледи.

— Я про то, на чем сидят. Про то, как она занимается любовью.

— Это возможно, но маловероятно. Если это и случится, я не перестану любить тебя и то, на чем ты сидишь: эта штука из ряда вон. А Джейн попробовать все-таки хочется: уж очень она вкусно пахнет,— он облизнулся и ухмыльнулся.

Так он и поступил, и она тоже — мы сделали это все четверо и много лет оставались хорошими друзьями, хотя они через два года переехали в Сент-Джо, где Хэл получил более выгодное предложение от школьного комитета. И нашим уютным семейным оргиям пришел конец.

Со временем мы с Брайаном разработали подробные правила относительно секса — как избежать риска и в то же время «грешить» свободно — не очертя голосу, а с толком, чтобы иметь право посмотреть в глаза миссис Гранди и сказать ей, что здесь не подают.

Всеобщая вера в изначальную греховность секса не коснулась Брайана. Он глубоко презирал расхожие мнения.

— Если тысяча человек во что-то верит, а я один верю в обратное, то тысяча против одного, что не правы они. Морин, я содержу семью только благодаря тому, что у меня на все свое мнение.

Когда я рассказала Брайни, как меня заперли в шкаф, он рывком сел в постели.

— Вот ублюдок! Мо, да я ему руки переломаю!

— Тогда и мне переломай — я ведь шла туда с определенным намерением, которое и выполнила. Все остальное вытекает из этого голого, непростительного факта. Я подверглась неоправданному риску и виновата не меньше его.

— Так-то оно так, но дело не в этом. Милая, я не за то его упрекаю, что он тебя поимел; любой мужик, если он не кастрат, поимел бы тебя, будь у него только шанс. Так что единственный выход — не давать им этого шанса, если сама не хочешь. Если я зол на него, так это за то, что он запихал мою девочку в темный шкаф, запер ее там и напугал. Я убью его медленно, черт бы его побрал. Я его оскоплю. Я с него скальп сниму. Я ему уши отрежу.

— Брайни...

— Я ему кол вгоню... Что, дорогая?

— Я знаю, что была плохая, но я ведь дешево отделалась. Не забеременела, поскольку и так беременна. Не заболела, так мне кажется. И никто, по-моему, ничего не заметил, так что скандала не будет. Мне очень хотелось бы посмотреть, как ты будешь с ним все это делать — я его презираю. Но если ты хотя бы щелкнешь его по носу, это происшествие перестанет быть тайной... и может повредить нашим детям. Верно?

Брайни смирился с житейской необходимостью. Я хотела, чтобы мы перестали ходить в эту церковь, и он согласился.

— Но не сейчас, любимая. Я пробуду дома еще недель шесть. Пойдем в церковь вместе...

Мы приходили рано и усаживались впереди, прямо перед кафедрой. Брайни впивался взором в лицо доктора Зека и не сводил с него глаз всю проповедь, воскресенье за воскресеньем.

У доктора Зека не выдержали нервы, и он испросил себе отпуск.

Мы с Брайни выработали свои правила о сексе, любви и браке далеко не сразу. Мы пытались сделать две вещи разом: создать новую систему правильного поведения в браке, которой любое цивилизованное общество должно было обучить нас еще в детстве, и — одновременно — выработать подручный набор правил поведения в обществе, которые защищали бы нас от арбитров морали Библейского пояса. Мы не миссионеры, чтобы обращать миссис Гранди в свою веру; нам нужна была только маска, чтобы миссис Гранди не заподозрила, что мы думаем иначе, чем она. В обществе, где считается смертным грехом чем-то отличаться от соседей, единственный выход — не давать этого заметить.

С годами мы узнали, что многие говардовские семьи сталкивались с несоответствием программы Фонда морали среднезападного Библейского пояса — а большинство членов Фонда были как раз выходцы из Среднего Запада. Из-за этих противоречий говардовцы или порывали с официальной религией, или делали вид, что следуют ей, как мы с Брайаном, пока не уехали из Канзас-Сити в тридцатые годы и не перестали притворяться.

Насколько я знаю, ни в Бундоке, ни где-либо на Теллус Терциус официальной религии нет. Вопрос: не есть ли это неизбежное

достижение человечества на пути к истинной цивилизации? Или я принимаю желаемое за действительное?

А вдруг я умерла в 1982 году? Бундок так отличается от Канзас-Сити, что мне трудно поверить, будто они находятся в одной вселенной. Теперь, когда я изолирована в каком-то подобии сумасшедшего дома, управляемого его обитателями, легко поверить, что авария, в которую попала старая-престарая женщина в 1982 году, оказалась роковой... и все эти сны о диаметрально противоположных мирах — только бред умирающей. Может быть, во мне, нашпигованной седативами, искусственно поддерживают жизнь в какой-нибудь клинике Альбукерке, раздумывая — выдернуть штепсель или погодить? И ждут разрешения Вудро? Кажется, это его я вписала в записную книжку как своего ближайшего родственника.

А Лазарус Лонг и Бундок — всего лишь мои старческие фантазии?

Надо будет спросить Пикселя, как придет. Его английский не слишком богат, но мне больше некого спросить.

Еще до того, как обставить свой новый дом, мы сделали одно замечательное дело: перевезли туда со склада наши книги. В этой коробке из-под печенья, в которой мы жили раньше, хватало места лишь для пары дюжин томов, да и те драгоценные издания стояли на верхней полке в кухне — я могла достать до нее, только став на табуретку, что опасалась делать, когда была беременна. Однажды я три дня ждала, когда Брайан вернется из Галены, чтобы попросить его достать мне «Золотую сокровищницу» — я смотрела на нее и не могла взять, а когда он вернулся, забыла про нее.

У меня на складе лежало два ящика книг, у Брайана еще больше — а потом начало поступать отцовское «наследство». Уходя в армию, он написал мне, что упаковал свои книги и отправил на склад в Канзас-Сити — квитанции прилагались. Своему банку он поручил вносить плату за хранение, но был бы рад, если бы я взяла книги к себе. Возможно, когда-нибудь он попросит что-то назад, но пока я могу смотреть на них как на свои собственные. «Книги нужно читать и любить, а не держать на складе».

Вот мы и забрали своих друзей из темницы на воздух и на свет, хотя у нас и не было пока книжных шкафов. Брайни с помощью досок и кирпичей соорудил временные полки, и я узнала, что мой муж любит еще больше, чем секс.

Книги.

Самые разные — в тот уик-энд, например, он зарылся в труды профессора Гексли, а я на них и не смотрела, заполучив в руки отцовскую коллекцию Марка Твена — сочинения мистера Клеменса, от самых ранних до мая 1898 года, большей частью первоиздания. Четыре книги были подписаны мистером Клеменсом и «Марком Твеном» — он подписал их в ту памятную ночь 1898 года, когда я боролась со сном, лишь бы не пропустить ни одного его слова.

Часа два мы с Брайни только и делали, что трогали друг друга за локоть: «Вот послушай!» — и читали что-нибудь вслух. Оказалось, что Брайни не читал «Банковский билет в миллион фунтов стерлингов» и «Заметки по поводу последнего Карнавала преступлений в Коннектикуте». Меня это поразило.

— Дорогой, я тебя люблю, но как это тебя выпустили из колледжа?

— Не знаю. Из-за войны, должно быть.

— Придется заняться твоим образованием. Начнем с «Янки при дворе короля Артура».

— «Янки» я читал. А это что за толстая книжка?

— Это не Марк Твен. Это из отцовской медицинской библиотеки,— я дала ему ту книгу и вернулась к «Принцу и нищему». Через пару минут Брайни сказал: — Эй, эта картинка неправильная.

— Знаю,— ответила я.— Знаю, на какую картинку ты смотришь. Отец говорит, что любой непосвященный, которому эта книга попадает в руки, первым делом смотрит на эту картинку. Снять штанишки, чтобы ты мог сравнить?

— Не отвлекай меня, женщина, у меня отличная память,— он перевернул несколько страниц.— Захватывающе, часами можно смотреть.

— Знаю, я так и делала.

— Удивительно, сколько механики умещается в одной шкуре,— Брайни дошел до акушерского раздела, поморщился (он был

хорошей повитухой, хотя и не любил крови), отложил книгу и взял другую.

— Вот это да!

— Что там у тебя, дорогой? А-а. «Что должна знать каждая девушка». (Это было собрание гравюр Форберга «Figuris Veneris». Я тоже опешила, открыв эту книгу в первый раз.)

— Но ведь она не так называется. На титульном листе стоит «Картины Венеры».

— Это шутка, дорогой. Отцовская шутка. Он вручил мне эту книгу, как пособие по сексу, а потом мы обсуждали каждую картинку, и он отвечал на все мои вопросы. А их было много! Он говорил, что работы мистера Форберга анатомически верны, чего нельзя сказать о той адаптированной картинке, на которую ты жаловался. И говорил, что его работы следовало бы изучать в школе, поскольку они не в пример лучше тех подпольных рисунков и фотографий, которыми пробавляются почти все молодые люди, а столкнувшись с действительностью, пугаются и страдают,— я вздохнула.— Отец говорит, что наша так называемая цивилизация больна целиком, но особенно это касается секса, любых его аспектов.

— По-моему, твой отец прав на все сто. Но, Морин, неужели он пользовался этим как пособием? Мой уважаемый тесть одобрял все, что здесь изображено? Все как есть?

— О нет, нет. Многое, но не все. Впрочем, он говорил, что двое — или несколько — человек могут делать друг с другом все, что хотят, если только это не вредит им физически. По его мнению, говорить о сексе «морально» или «аморально» — просто смешно. Следует говорить «хорошо» и «плохо» в том же смысле, как в любой другой области человеческих отношений.

— Mon beau pere a raison*. И жена моя тоже умница.

— Меня всю жизнь учил уму-разуму мудрый человек, а потом передал тебе. Я, во всяком случае, считаю отца мудрым человеком. Давай-ка сядем рядышком, и я покажу тебе, что он одобрял, а что нет.

---

* Mon beau pere a raison *(фр.)* — Мой тесть прав.

Брайни обнял меня одной рукой, и я положила книгу ему на колени.

— Обрати внимание на дату издания — 1824 год. Но изображены здесь в основном сцены Древней Греции и Рима, лишь одна гравюра изображает Египет. Отец говорил, что эти гравюры, хотя они и созданы меньше ста лет назад, повторяют сюжеты фресок публичных домов Помпеи, но намного превосходят эти фрески в художественном отношении.

— Доктор Джонсон бывал в Помпее?

— Нет, не думаю. С отцом никогда ничего точно не известно. Правда, он говорил, что видел фотографии с помпейских фресок в Чикаго — то ли в Северо-Западном музее, то ли в каком-то еще.

— Но где он взял эту книгу? Мне жаль осквернять твою невинность, но эти картинки могли бы обеспечить нам долгий отдых за казенный счет согласно акту Комстока, если бы нас с ними поймали.

— Вот именно «если бы». Отец требовал, чтобы я как можно тщательнее изучила законы — чтобы не попасться, когда буду их нарушать. Если он и признавал закон, то лишь в этом смысле.

— Мне уже ясно, что твой отец — подрывной элемент, разлагающий пример для молодежи, порочный старик. Я им бесконечно восхищаюсь и надеюсь стать таким же, как он.

— А я его люблю безумно, mon homme*. Он мог бы получить меня, стоило ему шевельнуть бровью. Но он этого не сделал.

— Я знаю, любимая. Знаю с тех пор, как мы с тобой познакомились.

— Да. Он отверг меня — и когда-нибудь за это поплатится. Но я хотела бы последовать его совету относительно изучения законов. Как ты думаешь, можно мне посещать городское юридическое училище — если я выкрою плату за обучение из хозяйственных денег?

— Почему бы и нет. А выкраивать плату из хозяйственных денег не придется — теперь мы можем себе позволить учить тебя чему угодно. Ну, хватит о пустяках — мы говорим о сексе. Секс — вот что заставляет вращаться земной шар. Переверни-ка страничку.

---

* Mon homme *(фр.)* — Мой мужчина, мой муж.

— Да, сэр. Миссионерская поза — даже священники ее признают. Следующая поза почти так же широко применяется, хотя миссис Гранди, должно быть, никогда не ложится сверху. А вот этого миссис Гранди определенно не делает, хотя все прочие делают,— говорил отец. И добавлял, что джентльмен, который совокупляется с леди сзади и стоя, может одновременно нажимать на ее кнопку, чтобы обеспечить удовольствие и ей. Далее. О-о! Брайни, когда-нибудь, когда разбогатеем, мы заведем себе кровать как раз такой высоты, чтобы я могла лечь вот так, задрав ноги, а ты — войти в меня стоя, не сгибаясь при этом в три погибели. Мне нравится эта поза, и тебе тоже, но при нашей последней попытке у тебя затекли ноги и ты под конец весь дрожал от усталости. Дорогой, я хочу, чтобы тебе было так же хорошо, как и мне — то есть ужасно хорошо.

— Леди, вы джентльмен.

— О, благодарю, сэр, если это не шутка.

— Нет. Леди в большинстве своем — не джентльмены: вытворяют такое, отчего мужчина дней на десять выходит из строя, а им хоть бы что. Моя Мо не такая. Она ведет честную игру и не пользуется привилегиями своего пола.

— Нет, пользуюсь. Когда выбиваю чек.

— Не путай меня своей логикой. Ты со всеми обращаешься по-людски, даже со своим бедным старым мужем. Я сделаю тебе такую кровать. Не только нужной вышины, но чтоб еще и не скрипела. Я этим займусь. Хочешь по-настоящему большую кровать, Мо? Чтобы уместились мы с тобой и еще Хэл и Джейн — или другие партнеры, кого захочешь.

— Боже, что за мысль! Я слышала, что у Энни Чамберс такая кровать.

— Я сделаю лучше. А где ты слышала про первую бандершу Канзас-Сити?

— На собрании дамского комитета. Миссис Банч порицала городские нравы, а я навострила уши и держала рот на замке. Милый, я буду счастлива, когда ты сделаешь такую кровать... а пока что согласна на любую относительно горизонтальную поверхность и даже на кучу угля, если Брайни уложит меня на нее.

— Да ну тебя. Давай дальше.

— Тогда прекрати теребить мой сосок. Молодой человек мастурбирует на фоне своих грез. Отец — сторонник мастурбации. Говорил, что все россказни, которые о ней ходят,— чепуха. Вели мне мастурбировать сколько хочу и когда хочу, не стыдясь — не стыжусь же я, когда писаю. Только дверь надо закрывать — так же, как когда писаешь.

— А мне говорили, что от этого можно ослепнуть. Но вот не ослеп. Дальше.

— Он — иррумматор, она — феллатриса, на заднем плане — Везувий. Отец, правда, говорил, что совсем не важно, как они называются — это просто мальчик и девочка, открывающие, что от секса можно получать удовольствие. И тут не только удовольствие, говорил он, а есть еще и большое преимущество: если она обнаружит, что от него плохо пахнет, то может вспомнить, что ей пора спать — спокойной ночи, Билл. Нет, мы не сможем увидеться в следующую субботу. Больше вообще не приходи — я ухожу в монастырь. Мне приходилось так поступать, Брайни, с теми, у кого дурно пахло от пениса. Один из них был говардский кандидат. Фу! Отец говорил, что дурной запах — не обязательно признак болезни, но шанс на то есть... и если его неприятно целовать, то и в себя совать неприятно,— я перевернула страницу.— Та же ситуация, только теперь comme ci, а не comme ca*. Куннилинг. Еще одно дурацкое слово, говорил отец — это просто поцелуй. Самый сладкий из всех... а можно еще комбинировать его с предыдущим, образуя цифру 69 — soixante neuf. Чего только не испытываешь, целуя так друг друга одновременно и сосредоточившись на этом. Ага! Вот этого отец не одобрял.

— Я тоже. Предпочитаю девочек.

— Но это можно проделать и с женщиной. Отец говорил, что кто-нибудь когда-нибудь может захотеть сделать это и со мной, и я должна заранее обдумать, как к этому отнестись. Говорил, что в этом нет ничего аморального или нехорошего — но этот способ грязный и физически опасный. (Мы с Брайни вели этот разговор

* Comme ci, а не comme ca — Так, а не этак (вольная комбинация французских слов с русскими).

в 1906 году, задолго до того, как появление СПИДа сделало занятие гомосексуализмом опасным. Но если мне будет любопытно испробовать, он должен пользоваться презервативом и действовать очень медленно и очень нежно — иначе я разорюсь на меха для жен проктологов.

— Резонно. Дальше, пожалуйста.

— Любимый...

— Да, Мо?

— Если ты захочешь это проделать со мной, я согласна. Я нисколько не боюсь, что ты причинишь мне боль.

— Спасибо. Ты глупая бабенка, но я тебя люблю. Мне еще не надоела твоя другая дырочка. Давай дальше — уже очередь стоит на второй сеанс.

— Да, сэр. Эта картинка, должно быть, задумана как юмористическая: муж застает свою жену за любовной игрой с соседкой — посмотри на его лицо. Брайни, я не подозревала, как много удовольствия может доставить женщина, пока за меня не взялась Джейн. Она такая ласковая — просто ужас.

— Знаю. Просто ужас. И Хэл тоже. Просто ужас.

— Да? Я, наверное, кое-что проспала. Поехали дальше. Не понимаю, Брайни, зачем женщины пользуются муляжами, когда их вон сколько вокруг — настоящих, живых и теплых, приделанных к мужчинам. А ты понимаешь?

— Не у всех такие возможности, как у тебя, любовь моя. Или такие таланты.

— Благодарю, сэр. Вот опять куннилинг, на этот раз две женщины. Брайни, почему русалки считаются символом лесбийской любви?

— Не знаю. А что говорил на сей счет твой отец?

— Он тоже не знает. А вот этого он решительно не одобрял. Говорил — тот, кто припутывает к сексу хлысты, цепи и прочее, не в своем уме и его следует держать подальше от нормальных людей. Ну, дальше ничего особенного, просто еще одна поза — мы такую пробовали. Для разнообразия можно, но не каждый день. А эту картинку отец называл «Экзамен гетеры, или Три пути доллара». Как ты думаешь, девочек Энни Чамберс тоже так экза-

менуют? Я слышала, они считаются лучшими по эту сторону Чикаго — а может, и Нью-Йорка.

— Слушай, лапушка. Я ничего не знаю о мадам Чамберс и ее девочках. У меня не хватит денег и на тебя, и на Энни Чамберс, даже с помощью Фонда. Так что борделям я финансовой помощи не оказываю.

— А в Денвере, Брайни? Впрочем, нет... мы условились, что я не спрашиваю об этом.

— Мы об этом не уславливались — спрашивай себе на здоровье. Ты расскажешь перед сном сказочку мне, а я тебе, а потом поиграем в доктора. Вот хорошо, что ты спросила меня про Денвер. В Денвере я встретил толстого мальчишку...

— Брайни!

— ...у которого была потрясающая старшая сестра, соломенная вдова чуть помоложе тебя, с длинными стройными ногами и натуральная блондинка: волосы цвета меда до пояса, чудный характер и большие твердые титьки. Я спросил ее, как она насчет...

— Ну, дальше. Что она сказала?

— Сказала «нет». Золотко, в Денвере я слишком устаю для того, чтобы искать приключений — с меня довольно мамаши Большой Палец и четверых ее дочек. Они мне по-своему преданы, и их не надо сперва угощать обедом и водить в театр.

— Врешь! Как зовут ту блондинку?

— Какую блондинку?

Только что придумала, как передать с Пикселем весточку. Прошу меня извинить — сейчас я ее приготовлю, чтобы Пиксель не застал меня врасплох, когда придет.

9

ДОЛЛАРЫ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Где этот проклятый кот?

Нет-нет, Пиксель, мама Морин не хотела так говорить. Она просто волнуется и расстраивается. Пиксель хороший мальчик,

чудный мальчик — все это знают. Только где же тебя черти носят как раз тогда, когда ты нужен?

Обосновавшись на новом месте, мы с Брайни сразу приобрели котенка, но не в зоомагазине. Не думаю, чтобы в Канзас-Сити 1906 года зоомагазины вообще существовали — не припомню что-то, слишком давно это было. Но помню, что золотых рыбок мы покупали у Вулворта или у Кресга, не в особом магазине. Разные кошачьи снадобья, вроде порошка от блох, покупались в лечебнице для кошек и собак на углу Тридцать первой и Мэйн. А чтобы найти котенка, нужно было поспрашивать.

Для начала я попросила разрешения повесить объявление у Нэнси в школе. Потом сообщила нашему бакалейщику, что мы ищем котенка, и то же самое сказала зеленщику, который по будням с утра торговал в нашем квартале фруктами и овощами из своего фургона.

Фургон «Атлантической и Тихоокеанской чайной компании» тоже приезжал к нам, но только раз в неделю — они торговали только чаем, кофе, сахаром и специями. Зато их фургон объезжал более обширный участок, где жило больше покупателей и, следовательно, было больше шансов найти котенка. Поэтому я дала водителю свой телефон — Линвуд 446 нашей местной линии — и попросила позвонить, если услышит, что где-то родились котята. В благодарность за будущую услугу я купила у него фирменный пакет сахара весом в двадцать пять фунтов, стоивший один доллар.

И допустила оплошность: он настоял, что сам занесет пакет в дом — двадцать пять фунтов, мол, слишком тяжело для леди.

Выяснилось, что он просто хотел оказаться со мной наедине. Я спаслась, взяв на руки Брайана-младшего — этой тактике обучила меня миссис Ольшлягер, когда еще Нэнси было крошкой. Лучше всего, если ребенок совсем маленький и очень мокрый, но подойдет любой, которого можно взять на руки,— это сбивает воспламененного самца с толку и охлаждает его пыл. Маньяка-насильника это, конечно, не остановит, но ведь доставщики (и водопроводчики, и газовщики, и так далее) — не насильники; они

просто вечно озабоченные мужики, всегда готовые — только предложи. Их надо вежливо, но твердо поставить на место, не заставляя терять лицо. Берешь на руки ребенка — и вопрос решен.

Не надо было мне покупать этот сахар еще и потому, что мой бюджет не позволял тратить целый доллар на сахар, а главное — у меня не было достаточно большой емкости, чтобы уберечь его от муравьев. Еще шестьдесят центов ушло на жестянку такого же размера, как та, в которой хранилась мука,— и это нанесло такой ущерб моим финансам, что неделю спустя пришлось подавать на ужин жареный маис вместо запланированных пирожков с мясом. Был почти что конец месяца, так что оставалось или готовить маис, или просить денег у Брайни раньше времени, чего мне не хотелось.

К маису я добавила два кусочка бекона для Брайни и один для себя, а еще один, поджаренный до хруста, поделила между Кэрол и Нэнси.

Брайан-младший пока еще вполне довольствовался пшеничной кашей со сливками, а вдобавок получал молоко, которое еще оставалось у меня в груди. Меню дополнили зеленые стебли одуванчика, а желтые его цветочки плавали в плоском блюде посреди стола. И почему только такие красивые цветы считаются сорняками?

Легкий ужин я возместила солидным десертом: запекла в тесте мелкие яблоки, дешево купленные утром у зеленщика, и полила их густой сладкой подливкой.

Для подливки требовался сахарный песок — но тетя Кароль научила меня, как толочь кусковой сахар большой ложкой в миске, чтобы получилась настоящая сахарная пудра. Масло и ваниль у меня были, а еще я подлила туда чайную ложку бренди, который тетя Кароль подарила мне на свадьбу и от которого еще оставалась половина. Я раз попробовала — жуть! Но если добавить капельку куда нужно, вкус безусловно обогащается.

Брайан ничего не сказал насчет маиса, но яблоки похвалил. Первого числа следующего месяца он сказал мне:

— Мо, в газетах пишут, что продукты дорожают, несмотря на протесты фермеров. И, конечно, раз дом у нас теперь больше, он и обходится дороже — взять хотя бы электричество, газ и мыло

«Саполио». Сколько тебе еще нужно в месяц сверх того, что я даю?

— Я не просила у вас прибавки, сэр. Перебьемся и так.

— Безусловно, перебьемся, но скоро наступит жара, а я не хочу, чтобы ты платила доставщику льда так, как некоторые хозяйки. Давай увеличим твой бюджет на пять долларов.

— Но мне не нужно столько!

— Остановимся на этой цифре, миледи, и посмотрим, что получится.

Если у тебя к концу месяца будут оставаться деньги, прячь их в чулок. В конце года купишь мне яхту.

— Да, сэр. Какого цвета?

— Сделаешь мне сюрприз.

И я откладывала пенни, пятаки и десятицентовики, копила «яичные деньги» и при этом ни разу никому не задолжала, даже бакалейщику. И хорошо — ведь Брайан завел свое дело раньше, чем предполагал.

Его хозяин, мистер Фонс, после двух лет работы сделал Брайана младшим компаньоном, а в 1904 году — помощником управляющего. Полгода спустя после нашего переезда в чудный новый дом мистер Фонс решил удалиться от дел и предложил Брайану выкупить у него его долю.

Это был один из немногих случаев, когда я видела своего мужа в замешательстве. Обычно он принимал решения быстро, с хладнокровием пароходного шулера, но на сей раз впал в рассеянность: дважды положил сахар в кофе, а потом забыл его выпить. Наконец он сказал:

— Мо, мне надо посоветоваться с тобой об одном деле.

— Но я ничего не понимаю в делах, Брайни.

— Слушай, любовь моя. Я бы не стал забивать тебе голову. Deus volent*, больше мне этого делать не придется. Но вопрос касается тебя, наших троих ребят и того, который заставил тебя снова надеть свободное платье,— и Брайан подробно рассказал мне о предложении мистера Фонса.

* Deus volent *(лат.)* — Бог даст.

Я обдумала вопрос как следует и спросила:

— Значит, ты должен будешь каждый месяц выплачивать мистеру Фонсу «ренту», как ты говоришь?

— Да, если доход фирмы превысит среднюю цифру за последние годы, сумма выплаты увеличивается.

— А если доход будет ниже? Сумма уменьшается?

— Она не должна быть ниже назначенной ренты.

— Даже если фирма будет терпеть убытки?

— Даже и тогда. Это входит в договор.

— Брайни, что он, собственно, тебе продает? Ты обязуешься содержать его до бесконечности...

— Нет, только двенадцать лет — столько он рассчитывает прожить.

— А если он умрет, все кончится? Хмм... А известно ли ему, что фамилия моей двоюродной бабушки — Борджиа?

— Нет, его смертью дело не кончится, так что не сверкай так глазами. В случае смерти рента выплачивается его наследникам.

— Ну хорошо. Ты будешь содержать его двенадцать лет. Что ты будешь иметь сам?

— Ну... я получаю живое дело. С картотеками, с досье, а главное — с именем. Получаю право пользоваться вывеской «Фонс и Смит, консультации по горному делу».

— А еще? — поторопила я.

— Контору с мебелью и аренду. Контору ты видела.

Да, видела. Она находилась в западной, низменной части города, напротив «Интернешнл Харвестер». Во время весеннего паводка, когда Миссури снова повернула вспять и попыталась подняться вверх по Кау до Лоуренса, Брайни пришлось переправляться в свою контору на лодке. Я спрашивала себя, почему горная фирма помещается именно там — никаких шахт в западной котловине не было, одна непролазная грязь. Да тяжелый смрад от скотопригонных дворов.

— Брайни, а почему она у вас помещается именно там?

— Аренда дешевая. Такая же контора у Уолнат или Мэйн, даже на пятнадцатой, обошлась бы нам вчетверо дороже. Договор об аренде, разумеется, переходит ко мне.

Я подумала еще немного.

— А часто ли мистер Фонс ездил по делам фирмы?

— Раньше или в последнее время? Когда я поступил к нему на службу, и он, и мистер Дэвис ездили на полевые изыскания, а я оставался в конторе. Потом он и меня научил делать обследования — перед тем как мистер Дэвис ушел на покой. Потом...

— Прошу прощения. Я хотела узнать, много ли ездил мистер Фонс за последний год.

— Да он уж года два не ездит на обследования. Пару раз выезжал по финансовым делам. Два раза в Сент-Луи и один в Чикаго.

— А туда, где нужны болотные сапоги, выезжаешь ты?

— Можно и так сказать.

— Ты сам так говоришь. Дорогой, тебе очень хочется завести свое дело, да?

— Ты же знаешь, что да. Просто возможность подвернулась раньше, чем я рассчитывал.

— Ты вправду хочешь услышать мое мнение? Или я просто помогаю тебе, в качестве резонатора, прийти к собственному выводу?

Он расплылся в улыбке, которую я так любила.

— Пожалуй, и то и другое. Решать буду я. Но вправду хочу услышать, что ты скажешь — как если бы решение зависело только от тебя.

— Прекрасно, сэр. Но моих сведений недостаточно. Я не знаю, сколько ты получаешь жалования — и знать не хочу: жене не подобает спрашивать об этом мужа. Скажи мне только — эта рента больше или меньше твоего жалованья?

— А? Больше. Намного больше. Даже с учетом премий, которые я получал за некоторые сделки.

— Все ясно, Брайни. Высказываю свой совет в повелительном наклонении: откажись. Завтра же скажи ему об этом. И одновременно попроси прибавки. Попроси его — нет, просто скажи, что твое жалованье должно равняться той ренте, которую он рассчитывал выдоить из фирмы.

Брайни опешил, потом рассмеялся.

— Все может быть. Во всяком случае, он рассердится. Будь к этому готов и не давай ему разозлить себя. Просто скажи, что надо

поступать честно. Последние два года всю тяжелую и грязную работу делал ты. Если фирма способна платить Фонсу такую высокую ренту ни за что, то уж конечно может заплатить тебе столько же за твои усердные труды. Верно?

— Верно-то верно. Но мистеру Фонсу не понравится.

— Еще бы ему понравилось. Он хочет тебя захомутать, и его, понятно, не устроит, если ты захочешь проделать с ним то же самое. Брайни, отец учил меня, как проверить, честную ли сделку тебе предлагают: поменяй стороны местами и посмотри — по-прежнему ли она честная? Метод зеркального отражения. Скажи это мистеру Фонсу.

— Скажу, когда он слезет со стенки. Мо, он не станет мне столько платить. Может, лучше сразу уволиться?

— Не думаю, Брайни. Если ты просто уйдешь, он повсюду раструбит о твоем нелояльном поведении — скажет, что взял тебя зеленым юнцом, всему тебя научил...

— В этом есть доля правды. Когда он брал меня, я понимал кое-что в добыче свинца, цинка и угля — работал на их месторождениях летом во время учебы. А о драгоценных металлах знал только из книг. Так что у него я многому научился.

— Поэтому увольняться тебе не нужно. Ты только просишь, чтобы тебе платили столько, сколько причитается. А сколько тебе причитается, ясно из его предложения. Пусть себе уходит на покой и платит тебе за руководство фирмой столько же, сколько сам рассчитывает получать.

— Раньше он ежа родит.

— Нет, он тебя просто выгонит. Может быть, он и пересмотрит потом свое предложение, но для начала выгонит тебя обязательно. Ты не мог бы по дороге домой заехать в канцелярские товары Вайандотта и купить подержанную машинку Оливера? Пожалуйста! А еще лучше взять ее на прокат на месяц с условием, чтобы плата за прокат засчитывалась при покупке — надо же ее попробовать, прежде чем вкладывать в нее деньги. Тем временем придумаем подходящий заголовок «Брайан Смит и компания, консультации по горному делу». Нет: «Деловые консультации.

Горные предприятия. Фермы и ранчо. Минеральное право. Нефтяное право. Водное право».

— Эй, я ни в чем этом не разбираюсь.

— Разберешься,— я похлопала себя по животу.— Через три месяца получим по чеку вот за этого поросеночка,— мой отец в день свадьбы тихонько сунул мне в кошелек золотую двадцатидолларовую монету. Я ее не тратила и была почти уверена, что Брайни о ней не знает. В открытую отец подарил мне чек, на который мы обставили ту коробку из-под печенья, в которой жили раньше.

— Дорогой, я обязуюсь кормить семью до тех пор, пока ты не предъявишь нового младенца судье Сперлингу. Потом будем жить на премию Фонда... и постараемся выбить пятый чек, пока не кончились деньги по четвертому. Если к тому времени твой бизнес не начнет приносить доход, сможешь приискать себе другую работу. Но держу пари, что с этого дня ты будешь сам себе босс — и что мы разбогатеем. Я верю в вас, сэр — потому и вышла за вас замуж.

— Да, а я думал, причиной послужила чья-то грешная плоть.

— Не без этого, сознаюсь. Это был весомый фактор. Но мы уходим от темы. Ты в поте лица работал на мистера Фонса больше шести лет — часто вдали от дома, а теперь он хочет навязать тебе кабальный договор, чтобы ты и дальше работал на него за гроши. Хочет доить тебя, как корову. Дай ему понять, что ты это понял — и что этот номер у него не пройдет.

— Не пройдет, Мо,— твердо кивнул Брайан.— Я ведь и сам видел, любимая, чего он добивается. Но думал о тебе и о детях.

— Ты всегда заботился о нас, и сейчас заботишься, и всегда будешь заботиться.

На другой день Брайан пришел домой рано и принес с собой видавшую виды пишущую машинку «Оливер». Он поставил ее на стол и поцеловал меня.

— Мадам, я влился в ряды безработных.

— Правда? Ой-ой-ой!

— Я — неблагодарный негодяй. Змея, пригретая на груди. А он-то относился ко мне, как к сыну, родному сыну. И вот как я

ему отплатил. Смит, убирайтесь отсюда! Покиньте помещение — я не желаю вас больше видеть. И чтобы не смели брать из конторы ни клочка бумаги. Ваша карьера консультанта по горному делу окончена — я оповещу всех горняков о вашей полнейшей ненадежности, чрезвычайной нелояльности и черной неблагодарности.

— А он тебе ничего не был должен?

— Как же. Жалованье, двухнедельное пособие и премиальные за «Серебряное Перо» в Колорадо. Я сказал, что не двинусь с места, пока он мне все это не заплатит. И он неохотно уплатил, добавив еще пару теплых слов в мой адрес. Мне грустно было это слышать, Мо,— вздохнул Брайни.— Но я испытывал и облегчение. Чувствовал себя свободным впервые за шесть лет.

— Дай-ка я налью тебе ванну. Потом пообедаешь в халате — и в постель. Бедный Брайни! Я люблю вас, сэр.

Моя комната для шитья превратилась в офис, мы провели туда телефон Белла в дополнение к своему аппарату местной связи и поставили оба телефона рядом с пишущей машинкой. На наших фирменных бланках указывались оба телефонных номера и номер почтового ящика. В офисе у меня стояла детская кроватка и кушетка, где я могла вздремнуть. Мстительный мистер Фонс не сумел нам навредить, а может, и помог — лишний раз оповестив, что Брайан уже не работает у Дэвиса и Фонса, о чем сам Брайан дал объявление во все отраслевые журналы. Первым моим заданием стало напечатать сто пятьдесят писем разным лицам и фирмам с извещением о начале деятельности «Брайан Смит и компании» и о ее новых правилах.

— Суть в том, Мо, что я делаю ставку на свое мнение как эксперта. Пусть приезжают ко мне в Канзас-Сити — первая консультация бесплатно. Если же я еду к ним, мне оплачивают железнодорожный билет, два доллара в сутки за гостиницу, три доллара в сутки за питание, прокат лошади, если того требует обследование, плюс ежедневный гонорар... причем авансом. Авансом, потому что я, работая у Фонса, убедился, что заставить клиента платить задним числом за отрицательный отзыв почти невозможно. Фонс с места не трогался, не получив задатка, который с избытком покрывал бы предполагаемые расходы, да еще включал в

себя минимальную ожидаемую прибыль... а если мог выжать больше, то выжимал. Я отличаюсь от Дэвиса тем, что беру твердый гонорар за каждый рабочий день. Всем клиентам я буду предлагать на выбор два варианта. Вариант первый — это сорок долларов в день.

— Что-о?

Однако Брайни говорил серьезно.

— Мистер Фонс столько и брал за мои услуги. Дорогая моя, множество адвокатов столько же получают в день за чистую работу в теплом зале суда. Я же беру эти деньги за то, что таскаюсь по болотам, шлепаю по колено в воде, а то и ползаю по шахтам, где всегда холодно и как правило сыро. За эти деньги я даю клиенту свое профессиональное заключение о затратах на разработку... включая капитал, который необходимо вложить до того, как он выдаст первую тонну руды, и предсказываю ему, на основе геологических исследований, проб и прочего, будет ли это дело приносить прибыль. Ведь как ни печально, но в горном деле деньги чаще закапывают в землю, чем извлекают оттуда. Так что, Мо, нельзя сказать, что я занимаюсь эксплуатацией месторождений — мне платят как раз за то, что я советую людям не эксплуатировать их, а списать свои убытки в расход и уносить оттуда ноги. Многие не верят — вот потому я и настаиваю на том, чтобы платили вперед. Но иногда мне выпадает счастье сказать клиенту: «Дерзай! Это будет стоить вам кучу денег — но вы вернете их с лихвой». Тут мы подходим ко второму варианту, который меня устраивает гораздо больше. Во втором варианте я играю с клиентом вслепую. Снижаю гонорар, но зато условливаюсь с ним о проценте с чистой прибыли — если таковая будет. Беру я не более пяти процентов, а к обследованию приступаю, лишь когда мне оплатят расходы и гонорар не ниже пятнадцати долларов в день — тут можно и поторговаться. Можешь ты составить циркуляр, где все это объясняется по пунктам?

Или платите, мол, твердый гонорар за хорошую работу, или идите на риск, если хотите платить меньше за не менее хорошую работу.

— Постараюсь, сэр, босс.

Система Брайана сработала. Она сделала нас богатыми. Я даже не подозревала, насколько богатыми, пока сорок лет спустя обстоятельства не вынудили нас с мужем разобраться в том, чем мы владеем и сколько это стоит. Но это сорок лет спустя — мой рассказ может и не дойти до тех времен.

Сработала эта система благодаря странностям человеческой психики, или, точнее, психики маньяков-старателей, которые все же немного не такие, как все.

Эти азартные личности сродни тем, кто пытается выигрывать в лотерею или у автомата и всегда надеются разбогатеть на своем убыточном месторождении. Каждый из них мнит себя вторым ковбоем Уомиком и не желает делиться своей удачей с каким-то консультантом — даже пяти процентов ему отдавать не желают. И если может наскрести на полный гонорар, то платит его, хотя и ворчит.

После обследования я как секретарь своего мужа посылала подобному оптимисту письмо, в котором сообщалось, что его лучшая жила

«окружена пустой породой, которую следует разработать, чтобы добраться до богатого плата. Для успешного ведения работ необходимо проложить новую штольню, ведущую на север, к автостраде. Прокладка ее требует переговоров, поскольку штольня должна пройти через третий горизонт участка, примыкающего к Вашему с севера.

Кроме того, для ведения работ необходимы кузница, инструментально-ремонтная мастерская, новая насосная установка, рельсы и шпалы на двести ярдов откатного пути и так далее и так далее. Примите также в расчет заработную плату на восемьдесят рабочих смен в месяц, предусмотренных трехлетним сроком Вашей заявки, после которого возможно будет отгрузить первый тоннаж на-гора (см. приложения А, В и С).

Учитывая картину месторождения и капиталовложений, которых оно требует, с сожалением вынуждены рекомендовать Вам отказаться от его разработки.

Мы согласны с Вами в том, что добыча бедной руды тоже принесет прибыль в том случае, если новый конгресс примет закон о свободной чеканке серебряных монет в отношении

шестнадцать к одному. Однако не разделяем Вашего оптимизма относительно того, что такой закон действительно будет принят.

Вынуждены рекомендовать Вам продать Вашу заявку за любую цену. В противном случае смиритесь с понесенными убытками.

Преданные Вам
Брайан Смит и компания,
Брайан Смит, президент».

Этот типовой отчет по старой заявке, возобновленной новым оптимистом,— самая распространенная ситуация в горном деле. По всему западу встречаются ямы, брошенные старателями, у которых кончились деньги и фарт.

Мне приходилось посылать много подобных писем. Их адресаты не хотели верить отрицательному заключению и частенько требовали деньги назад. Иной упрямец закусывал удила и, стремясь оправдать свою заявку, начинал долбить пустую породу, в которой было ровно столько серебра на тонну, чтобы он мог долбить дальше... плюс следы платины и намек на золото.

Клиенты, мечтающие добывать золото, были еще того хуже. Есть в золоте что-то, действующее на рассудок человека подобно героину или кокаину.

Но встречались благоразумные промышленники — тоже игроки, но трезво оценивающие свои шансы. Когда им предлагали сократить предварительные расходы за счет процентов с прибыли, они часто соглашались, и как раз их заявки чаще получали «добро» от Брайана.

Бывало, что даже такие обнадеживающие разработки в итоге становились убыточными, поскольку их владельцы не умели свернуть работы, когда те переставали оправдывать себя. Но Брайан ничего не терял в таких случаях — просто его прибыль с рудника переставала делать деньги. Прибыль же с иных предприятий продолжала делать деньги, и большие деньги, даже сорок лет спустя. Благодаря тому что Брайан не тратил своих доходов и мы жили только на его скромный гонорар, наши дети ходили в лучшие

школы, а мама Морин, бывший секретарь фирмы, носила крупные зеленые изумруды (не люблю бриллианты, они слишком холодные).

Вижу, что забыла рассказать о Нельсоне, Бетти Лу, Случайном Числе и мистере Ренвике. Вот что такое служить в Корпусе Времени: все времена перепутываются и хронологическая последовательность теряет значение. Сейчас мы восполним этот пробел.

Случайное Число был, пожалуй, самый крупный кот из всех, которым доводилось у меня жить — хотя все коты и кошки замечательны в своем роде, и не один Пиксель может претендовать на титул лучшего кота всех времен и вселенных. Уверена, что Бетти Лу голосовала бы за Случайное Число. Теоретически владельцем кота считался Брайан — ведь Случи был свадебным подарком ему от невесты, несколько запоздалым, правда. Но считать кого-либо владельцем кота просто глупо, и Случи полагал, что Бетти Лу — его личная рабыня, приставленная чесать ему мордочку, носить его на руках и открывать ему двери,— а Бетти Лу поддерживала его в этом убеждении, рабски подчиняясь всем его капризам.

Бетти Лу была также фавориткой Брайана — добрых три года, да и потом, когда им приходилось встречаться. А еще она была женой Нельсона, а Нельсон был мой кузен, который когда-то подстроил мне каверзу с лимонной меренгой. Прошлое преследовало меня.

Нельсон появился у нас в декабре 1906 года, вскоре после того как Брайан решил открыть свое дело. Брайан встречался с Нельсоном только раз, у нас на свадьбе, и с тех пор мы больше не виделись.

В день свадьбы Нельсон был пятнадцатилетним мальчишкой не выше меня ростом — теперь он стал высоким, красивым молодым человеком двадцати трех лет, получил степень магистра агрономии в Канзасском университете в Манхеттене и был так же мил, как всегда, даже еще милее. У меня внутри возникла знакомая щекотка, и знакомые холодные молнии пронзили копчик. Морин, сказала я себе, смотри — собака возвращается к своей блевотине. Единственное твое спасение в том, что ты на седьмом

месяце, толста как бочка и примерно так же соблазнительна, как чушка польско-китайской породы. Расскажи все Брайану в постели и попроси его присмотреть за тобой.

Нашла помощника! Нельсон пришел к нам в полдень, и Брайан пригласил его к обеду. А узнав, что Нельсон еще нигде не остановился, пригласил его остаться ночевать. Этого следовало ожидать — в те времена в наших краях никто не останавливался в гостинице, если в городе жили родственники. У нас частенько ночевал кто-нибудь даже в нашей старой коробке из-под печенья; если не было кровати, гостю стелили соломенный тюфяк на полу.

Ночью я ничего не сказала Брайану. Я определенно рассказывала ему раньше историю с лимонной меренгой, но, насколько помнится, не называла Нельсона по имени. Если это так и если Брайан не связал одно с другим, то пусть спящие собаки хоронят своих мертвецов.

Просто замечательно, когда у тебя такой понимающий и терпимый муж, но не будь уж очень жадной шлюхой, Морин. Не начинай все сначала.

Нельсон остался у нас и на следующий день. Брайан хоть и стал владельцем фирмы, но клиенты его пока не осаждали — ему надо было только пройтись до Южного почтамта и проверить наш почтовый ящик. Нельсон приехал к нам в автомобиле, шикарном четырехместном «рео», и предложил подвести Брайана до почты.

Он приглашал и меня, но я отговорилась, благо было чем — Нэнси в школе, Кэрол дома и не с кем оставить малыша. Я еще ни разу не ездила в автомобиле и, по правде сказать, боялась. Когда-нибудь, конечно, придется — я предвидела, что вскоре это станет обычным явлением. Но я всегда осторожничала, когда была беременна, особенно к концу срока, пуще всего опасаясь выкидыша.

— А почему бы тебе не пригласить Дженкинс на часок? — спросил Брайан.

— Нет, спасибо, в другой раз, Нельсон,— ответила я.— Зачем зря платить сиделке, Брайан.

— Сквалыга.

— А то нет. В качестве твоего менеджера я намерена так зажимать каждый пенни, что индеец на нем — и тот взвоет. Отправляйтесь, джентльмены, а я тем временем помою посуду после завтрака.

Их не было три часа. Я могла бы быстрее пешком сходить на почту и обратно. Но, следуя своим дополнительным Десяти заповедям, я не стала говорить им, что беспокоилась — не попали ли они в аварию. Только улыбнулась и весело сказала:

— Добро пожаловать, джентльмены! Ленч будет через двадцать минут.

— Мо, позволь тебе представить,— сказал Брайан,— это наш новый компаньон! Нел собирается оправдать нашу вывеску. Он меня научит всему про фермы, про ранчо и с какого конца корова молоко дает. А я его научу, как добывать из дураков золото.

— Превосходно! (Одна пятая нуля равна нулю; одна шестая нуля опять-таки равна нулю, но пусть будет, как хочет Брайан.) — Я быстро чмокнула Нельсона.— Добро пожаловать в фирму.

— Смотри, Морин. У нас подбирается неплохая компания: Брайан говорит, что он слишком ленивый, чтобы махать киркой, а я слишком ленивый, чтобы убирать навоз — уж лучше мы будем джентльменами и станем давать указания другим.

— Логично,— согласилась я.

— И потом, своей фермы у меня нет, а управляющим меня не возьмут — не возьмут даже письма вскрывать управляющему. Мне нужна такая работа, чтобы я мог содержать жену,— так что предложение Брайана на меня с неба упало.

— Брайан платит тебе столько, что можно содержать жену? — (Ох, Брайни!)

— Конечно,— ответил Брайан.— Я ему вообще ничего не плачу — так почему бы нам не принять его на работу.

— Ага,— кивнула я.— Похоже, это честно. Нельсон, через год, если я буду тобой довольна, я попрошу Брайана увеличить тебе жалованье.

— Ты всегда отличалась истинно спортивным поведением, Морин.

Я не стала уточнять, что он хотел этим сказать. У меня была припрятана бутылка мускателя, которую Брайни купил на День Благодарения и которую мы едва почали. Ради такого случая я достала ее.

— Выпьем, джентльмены, за нового компаньона.

— Ура!

Джентльмены выпили, я пригубила, и тут Нельсон произнес следующий тост:

— Жизнь коротка...

Удивленно посмотрев на него, я ответила:

— Но годы долги...

И Нельсон ответил так, как учил нас судья Сперлинг:

— ...но только пока не настали тяжелые времена.

— О Нельсон! — я пролила свое вино, бросилась к нему и поцеловала — на этот раз как следует.

Никакой тайны тут не было. Нельсон был подходящим кандидатом в Фонд с отцовской стороны — у нас были общие дедушка и бабушка Джонсоны и прадеды тоже; правда, из четверых прадедов и прабабок трое уже умерли, перевалив за сотню лет. Мой отец, как я узнала позже, написал судье Сперлингу о том, что у его невестки миссис Джоймс Эвинг Джонсон из города Фивы, урожденной Кароль Ивонн Пеллетье из Нового Арлеана, также живы родители, а посему его племянник Нельсон Джонсон имеет право стать членом Фонда при условии, что женится на говардской кандидатке.

Правление Фонда тщательно проверило состояние здоровья Нельсона и обстоятельства смерти его отца — в самом ли деле он утонул или умер по другой причине.

Нельсон приехал в Канзас-Сити потому, что в Фивах и их окресностях не нашлось молодых говардских кандидаток. Ему вручили список невест на оба Канзас-Сити — миссурийский и канзасский.

Так мы познакомились с Бетти Лу — с мисс Элизабет Луизой Барстоу. Нельсон завершил свое ухаживание, то бишь сделал ей ребенка под нашим кровом, при попустительстве Морин — эту

роль мне предстояло играть каждый раз, как будут подрастать мои девочки.

Таким образом я уберегласъ от собственной дури и дулась по этому поводу. Нельсон был моей собственностью задолго до того, как узнал Бетти Лу. Но она была такая славная, что я не могла долго дуться. Да мне, впрочем, и не пришлось.

Бетти Лу была родом из Массачусетса, но училась в Канзасском университете, Бог знает почему — как будто в Массачусетсе негде учиться. Дело кончилось тем, что мы с Брайни стали посаженымн родителями — настоящие не смогли приехать на свадьбу, у них на руках были старики, их собственные родители. Собственно говоря, Нельсону и Бетти Лу следовало съездить в Бостон и обвенчаться там, но им не хотелось зря тратить деньги. Приближалась золотая лихорадка 1907 года, и хотя это обещало расцвет брайанского бизнеса в будущем, пока что с деньгами было туго.

Свадьба состоялась в нашем доме четырнадцатого февраля, холодным ветреным днем. Наш новый пастор, доктор Драйпер, связал молодых узами брака, а я устроила прием с мудрой помощью Случайного Числа, уверенного, что прием устроен в его честь.

Когда пастор и миссис Драйпер ушли, я тяжело поднялась наверх с помощью Брайан и доктора Рамси... чуть ли не единственный раз в своей жизни дождалась я доктора.

Джордж Эдвард весил семь фунтов три унции.

10

СЛУЧАЙНЫЕ ЧИСЛА

Пиксель ушел — неизвестно куда,— унося с собой мой первый призыв о помощи. Остается только скрестить пальцы.

Мой милый друг, наш общий муж Джубал Хэршоу дал однажды такое определение счастью: «Счастье есть привилегия целый день заниматься тем, что тебе представляется важным. Один находит счастье в том, чтобы кормить свою семью. Другой —

в ограблении банков. Третий может потратить годы на научную работу, результат которой неясен. Обратите внимание на индивидуальность и субъективность выбора. Не найдется и двух одинаковых случаев — да их и не должно быть. Каждый мужчина и каждая женщина должны подобрать себе такое занятие, за которым будут счастливы целый день, не поднимая головы. Если же вы норовите сократить свой рабочий день, продлить отпуск и пораньше уйти на пенсию, то вы занимаетесь не тем, чем следует. Может быть, вам стоит попробовать грабить банки. Или стать конферансье. Или даже заняться политикой».

С 1907 года по 1917 год я наслаждалась полным счастьем по формуле Джубела. К 1916 году у меня было уже восемь детей. Все это время мне приходилось работать больше и дольше, чем когда-либо в жизни, а я просто пенилась от счастья — вот только мой муж отсутствовал чаще, чем мне хотелось бы. Но и в этом были свои преимущества, поскольку у нас непрерывно продолжался медовый месяц. Мы процветали, и наилучшим следствием частых отлучек Брайни было то, что мы никогда не знали «усталых брачных простыней», как метко выразился Бард.

Брайни по возможности всегда звонил мне, чтобы предупредить, когда вернется, и говорил: «С.Р.Н.и. Ж.К.Я.Т.Р.». Я всегда старалась точно выполнить его указания, будь то днем или ночью: спала, раздвинув ноги, и ждала, когда он меня разбудит. Перед этим я обязательно мылась, а заслышав, как он открывает ключом входную дверь, «засыпала»: закрывала глаза и лежала тихо. Забираясь в постель, Брайни называл меня каким-нибудь мудреным именем: «Миссис Краузмейер», или «Крейсер Кэт», или «Леди Шикзад», а я делала вид, что проснулась, и называла его все равно как, только не Брайаном: Хьюбертом, Джованни или Фрицем — а иногда, не раскрывая глаз, интересовалась, положил ли он пять долларов на комод. Он ругал меня за то, что я взвинчиваю цены на любовь в Миссури, и я старалась изо всех сил, доказывая, что стою пяти долларов.

Потом, удовлетворенные, но не разомкнувшие объятий, мы спорили о том, заработала я их или нет. Спор кончался щекоткой, укусами, возней, шлепками и смехом в сопровождении неприлич-

ных шуточек. Мне очень хотелось соответствовать определению идеальной жены, то есть быть герцогиней в гостиной, кухаркой на кухне и шлюхой в постели. Может, я и не достигала совершенства, но была счастлива, упорно трудясь во всех ипостасях этой триады.

А еще Брайни любил петь во время акта непристойные песенки, очень ритмичные — он пел их в такт своим движениям, то ускоряя, то замедляя темп:

Прыг-скок, моя Лулу!
Шевелись живей!
С кем я буду так скакать
Без Лулу моей?

Потом шли куплеты, один похабнее другого:

В саду гуляла уточка
И говорила «кряк».
Лулу взяла ее в постель
И научила, как...
Прыг-скок, моя Лулу!

И так мог тянуть, пока не кончал.

Когда Брайни отдыхал и восстанавливал силы, он требовал у меня отчета о том, как я творчески изменяла ему в его отсутствие, не теряя золотого времени.

То, что я проделывала с Нельсоном и Бетти Лу, его не интересовало — это было дело семейное и не бралось в расчет.

— Что ж ты, Мо, колодой становишься на старости лет? Это ты-то, позор города Фив? Скажи, что это неправда!

Но поверьте мне, друзья мои: посуда и пеленки, стряпня и уборка, шитье и штопка, вытирание носов и разбор ребячьих трагедий оставляли мне так мало времени на прелюбодеяния, что мои грехи не заинтересовали бы даже начинающего священника. После смешного и досадного происшествия с преподобным Зеком я не припомню ни единой постельной эскапады Морин между 1906 и 1918 годами, на которую не толкнул бы ее собственный муж, заранее отпустив ей прегрешения — да и те случались редко, поскольку Брайни был еще более занят, чем я.

Я горько разочаровывала миссис Гранди (несколько их жило в нашем квартале и много ходило в нашу церковь) — ведь эти десять лет перед войной, названной позднее Первой мировой, или Первой фазой Крушения, я не только изображала из себя консервативную домохозяйку Библейского пояса — я в самом деле была этим бесполым, скромным, набожным созданием. Преображалась я только в постели, закрывшись на ключ, одна или с мужем, или, при редкой и абсолютно надежной оказии, с кем-нибудь еще — с ведома и разрешения мужа и, как правило, под его опекой.

Только роботу под силу выполнять годовую норму по сексу. Даже Галахад, уж на что неутомимый, и тот почти все свое время отдает хирургии, возглавляя лучшую команду Иштар. Галахад... Он напоминает мне Нельсона. Не внешне — но они, как близнецы, схожи по темпераменту и по взглядам; сейчас мне кажется, что даже запах у них одинаковый. Когда я вернусь, надо будет спросить Иштар и Джастина, сколько в Галахаде от Нельсона. Поскольку генофонд говардовцев ограничен, вероятность и конвергенция часто приводят к тому, что отдаленный предок буквально воплощается в своем потомке на Терциусе или Секундусе.

Тут уместно вспомнить, на что уходила часть моего времени и как Случайное Число получил свое имя.

Не знаю, был ли такой период в первой половине двадцатого века, когда бы мы с Брайни чего-нибудь не изучали — очередной иностранный язык не в счет, нельзя же было отставать от детей. Наши интересы не всегда совпадали — Брайни не занимался стенографией или балетом, а я — добычей нефти или расчетами испарений в ирригации. Но мы все время учились. Я — потому что невозможность посещать колледж и получить хотя бы бакалавра оставила во мне ужасное чувство прерванного интеллектуального акта, а Брайан — Брайан потому, что был человеком эпохи Возрождения и хотел знать все на свете. По данным архива, мой первый муж прожил сто девятнадцать лет — и бьюсь об заклад, что перед смертью он изучал какой-нибудь новый для себя предмет.

Иногда мы с ним занимались одним и тем же. В 1906 году Брайан взялся изучать заочно статистику и теорию вероятности.

В доме появились книги и контрольные работы, которые Морин делала тоже, только не отсылала. Мы оба были поглощены этой захватывающей отраслью математики, когда в нашу жизнь вошел котенок — благодаря мистеру Ренвику, водителю фургона «Атлантической и Тихоокеанской чайной компании».

Это был восхитительный комочек серебристо-серого меха, которого мы сначала назвали Пушинкой, неверно определив его пол. Но его настроение и образ действий так молниеносно менялись, что Брайан сказал: «У этого котенка нет мозгов: у него в голове одни случайные числа, и когда он стукается башкой об стул или наскакивает на стену, числа перетряхиваются и он переключается на другое».

Так Пушинка стала Случайным Числом, Случиком или Случи.

Весной 1907 года, как только стаял снег, мы оборудовали у себя на заднем дворе крокетную площадку. Сначала играли только мы, четверо взрослых, потом стали играть и все остальные. Но тогда нас было только четверо — не считая Случайного Числа. Как только кто-нибудь ударял по шару, котенок с поднятым забралом бросался в бой! Он налетал на шар и хватал его всеми четырьмя лапами. Это все равно, как если бы человек останавливал таким манером большую катящуюся бочку. Вряд ли кто-нибудь решился бы на это без футбольного шлема и щитков.

У Случи щитков не было — он бросался в схватку с голыми лапами и решимостью победить или умереть. Шар нужно остановить, и это зависит только от него, Случи. Аллах акбар!

Помешать ему можно было только одним путем — запереть котенка на время игры. Но Бетти Лу никогда бы этого не допустила.

Ну что ж, мы ввели в крокет еще одно правило: то, что проделывает с шаром котенок — к лучшему или к худшему,— тоже входит в игру, вот и все.

Раз, помню, Нельсон прижал к себе кота левой рукой, а правой ударил по шару. Во-первых, это ему не помогло — Случи вырвался и приземлился впереди шара, так что у Нельсона ничего не получилось; а во-вторых, экстренное заседание Высшего Крокетного Жюри постановило, что захват кота с целью уравнять свои

шансы является неспортивным поступком, преступлением против природы и карается показательной поркой на плацу.

Нельсон, сославшись на молодость, неопытность и долгую безупречную службу, отделался условным приговором, но Бетти Лу, у которой было особое мнение, настаивала на том, чтобы он съездил в аптеку и привез шесть порций мороженого. Особое мнение почему-то возобладало, хотя Нельсон и жаловался, что пятнадцать центов — слишком крупный штраф и часть его должен заплатить кот.

С годами Случайное Число остепенился и потерял интерес к игре в крокет. Однако кошачье правило осталось в силе и применялось к любому коту — своему или прохожему, а также к щенятам, птицам и детям младше двух лет. Позднее я ввела такое же правило на планете Терциус.

Я уже рассказывала, каким образом расплачивалась за Случайное Число с мистером Ренвиком? Кажется, нет. Он сказал, что отдаст киску, если другая киска даст ему. Я сама напросилась, задав ему вопрос, сколько он хочет за котенка. Я-то думала, он скажет — ничего, мол, не надо, ведь котенок ничего ему не стоил. Если какие-нибудь породистые котята и продавались за деньги, то мне они не попадались. На моей памяти котят всегда раздавали за так.

И я не собиралась больше приглашать мистера Ренвика в дом — достаточно было одного раза. Однако пришлось считаться с тем, что котенок сидел в коробке из-под обуви, а коробку держал в руках мистер Ренвик. Схватить коробку и захлопнуть дверь у него перед носом? Или открыть коробку, несмотря на предупреждение, что котенок может убежать — он действительно здорово царапался внутри? Извиниться и соврать, что мы уже завели котенка?

Тут в доме зазвонил телефон.

Я никак не могла к нему привыкнуть. Если он звонит — это или что-то случилось, или Брайни. В любом случае надо скорее подойти. Я извинилась и убежала в дом, оставив дверь открытой.

Водитель зашел следом за мной через холл в швейную комнату или офис, где стоял телефон. Поставил передо мной коробку, открыл — и я увидела это пушистое чудо.

Звонил Брайан. Он был в городе и спрашивал, не надо ли чего купить по дороге.

— Не думаю, дорогой, но приезжай скорее: тебя ждет твоя кошечка. Она просто прелесть, цветом точно как верба. Ее принес мистер Ренвик, водитель «Атлантической и Тихоокеанской чайной компании». Он хочет меня поиметь, Брайни, в обмен на котенка... Да, совершенно уверена. Не только говорит, но и стоит позади меня и тискает мою грудь. Что? Нет, ничего такого я ему не говорила. Я не буду с ним драться, дорогой, я ведь беременна. Я уступлю. Да, сэр, так и сделаю. Хорошо, поспеши. Au'voir*,— я повесила трубку, поборов искушение использовать ее вместо полицейской дубинки. Я и в правду не хотела драться в моем положении.

Мистер Ренвик не отпускал меня, но замер, когда услышал, что я говорю. Я повернулась к нему лицом.

— Только не надо меня целовать. Я не желаю подцепить насморк, когда беременна. Есть у вас резинка? «Веселая вдова»?

— Ну... есть.

— Я так и думала; должно быть, я не первая домохозяйка, к которой вы подкатываетесь. Ну хорошо — воспользуйтесь ею, пожалуйста — мне инфекция ни к чему... и вам тоже. Вы женаты?

— Да. О Господи, ну и выдержка у вас!

— Ничего подобного. Просто я не желаю, чтобы меня насиловали, когда я жду ребенка. Раз вы женаты, вам тоже не следует рисковать заразиться, так что надевайте резинку. За сколько можно доехать сюда с угла Тридцать первой и Вудленд? (Брайан звонил с угла Двенадцатой и Уолнат — это гораздо дальше.)

— Да тут недалеко.

— Тогда поторопитесь, иначе вас застанет мой муж. Если вы действительно намерены это сделать.

— Да ну вас к черту! — он отпустил меня и кинулся к выходу. Пока он возился с задвижкой, я крикнула ему:

— Котенка забыли!

— Оставьте эту тварь себе!

---

* Au'voir *(фр.)* — Пока.

Вот так я и «купила» Случайное Число.

Растить котят — большая радость, но растить детей — еще лучше, особенно когда они твои и особенно когда ты из тех женщин, которым нравится рожать их и воспитывать. Джубал прав: это дело индивидуальное, кому что по вкусу. В первом туре своей жизни я родила семнадцать детей и с радостью вырастила их всех — таких разных, таких непохожих. А когда меня спасли и омолодили, у меня появились новые, которые доставили мне еще больше радости — ведь в доме у Лазаруса Лонга все устроено так, что ухаживать за малышами легко.

Но чужие дети часто кажутся мне противными, а их матери — занудами, когда начинают болтать о своем мерзком отродье — нет бы послушать про моих деток! Мне сдается, что почти всех этих маленьких монстров следовало бы утопить при рождении. Они убеждают меня в том, что контролировать рождаемость действительно необходимо. Как говорил когда-то мой отец, я — существо аморальное... То есть не всякую человеческую личинку, мокрую, замаранную и вонючую с одного конца и орущую с другого, считаю «прелестной».

По мне, многие ребятишки — это злющие, подлые чертенята, которые вырастут в злющих подлых чертей. Посмотрите вокруг. Так называемая «детская невинность» — это миф. Декан Свифт в своем «Скромном предложении» частично решает вопрос. Только зря он ограничился Ирландией. Мало ли мерзавцев и за ее пределами.

Может быть, вы настолько предубеждены и необъективны, что еще не считаете моих детей верхом совершенства — несмотря на тот неопровержимый факт, что они родились с нимбами и крылышками? Тогда я не стану рассказывать вам, как Нэнси приносила из школы только отличные отметки почти каждый день! Мои дети умнее ваших. И красивее. Довольно с вас? Ну и ладно. Мои для меня лучше всех, а ваши лучше всех для вас — остановимся на этом и не будем докучать друг другу.

Рассказывая о женитьбе Бетти Лу и Нельсона, я упомянула о лихорадке 1907 года, но в то время я и понятия не имела о том,

что грядет паника. И Брайан тоже, и Нельсон и Бетти Лу. Но история повторяется кое-когда и кое в чем, и кое-что, случившееся в начале 1907 года, напомнило мне о том, что случилось в 1893-м.

После рождения Джорджи в день свадьбы Бетти Лу я, как обычно, провела некоторое время дома, но, как только почувствовала, что могу встать, оставила свой выводок на Бетти Лу и отправилась в город. Я хотела ехать на трамвае, но не удивилась, когда Нельсон вызвался довести меня на своем «рео». Я согласилась и закуталась поплотнее — «рео» чересчур хорошо вентилировался. Его прабабушкой, должно быть, была открытая двуколка.

Я вознамерилась снять деньги со своего счета. Перевела я их в Миссурийский сберегательный банк в 1899 году, когда мы поженились и переехали в Канзас-Сити, из Первого государственного банка города Батлера (в славном городе Фивы банков не было). Отец помог мне открыть там счет, когда мы вернулись из Чикаго. Ко времени замужества у меня скопилось больше сотни долларов.

Сноска: если у меня было больше сотни долларов на счету, почему же я тогда подавала своей семье на ужин жареный маис? А потому, что я еще не сошла с ума. На американском Среднем Западе в 1906 году самым верным способом для жены духовно кастрировать своего мужа было дать ему понять, что он не способен прокормить семью. Я не нуждалась в докторе Фрейде, чтобы это узнать. Мужики живы гордостью. Убей эту гордость, и они больше не смогут содержать жену и детей. Должно было пройти еще несколько лет, прежде чем мы с Брайаном научились держаться друг с другом вполне легко и откровенно. Брайан знал, что у меня есть счет, но никогда не спрашивал, сколько у меня там денег, а я готовила жареный маис или делала нечто подобное, когда приходила нужда, и даже не думала покупать деликатесы на свои деньги. Сбережения — это на черный день. Мы оба это знали. Если Брайан вдруг заболеет, если ему придется лечь в больницу — вот тогда я и буду тратить свои накопления. Излишне было говорить об этом. Пока что нашим кормильцем был Брайан; я не вмешивалась в его обязанности, он не вмешивался в мои.

А как же выплаты Фонда, спросите вы? Разве они не ранили его гордости? Возможно, что и ранили. Позволим себе заглянуть

в будущее: в конечном счете каждый цент, который мы получили, «выбивая чеки», достался нашим же детям при их вступлении в брак. Брайан не говорил мне, что таковы его намерения — в 1907 году говорить об этом было бы глупо.

К началу 1907 года сумма моих сбережений превысила триста долларов благодаря пятакам, пенни и строжайшей экономии. Теперь, когда я работала дома и не могла больше посещать занятия в центре, мне пришла идея перевести свой вклад в маленький банк по соседству, рядом с Южным почтамтом. Кто-то из нас четверых каждый день ходил вынимать почту из ящика и мог вносить в банк мои сбережения. А если бы понадобилось взять деньги, на почту пошла бы я.

Нельсон поставил машину на Гранд-авеню, и мы прошлись до Уолнат 920. Я показала свою книжку кассиру — ждать мне не пришлось, в банке было немного посетителей — и сказала, что хочу закрыть счет.

Кассир направил меня за перегородку к старшему клерку — некоему мистеру Смейтрайну. Нельсон опустил газету, которую просматривал, и встал.

— Какие-то сложность?

— Не знаю. Кажется, они не хотят отдавать мне мои деньги. Пойдешь со мной?

— Ну конечно.

Мистер Смейтрайн вежливо поздоровался со мной, но поднял брови при виде Нельсона. Я представила их друг другу.

— Это мистер Нельсон Джонсон, мистер Смейтрайн. Компаньон моего мужа.

— Здравствуйте, мистер Джонсон. Садитесь, пожалуйста. Миссис Смит, мистер Уимпл сказал мне, что вы хотели меня видеть.

— Пожалуй. Я хотела закрыть свой счет, и он направил меня к вам.

Мистер Смейтрайн обнажил в улыбке фальшивые зубы.

— Нам всегда жаль терять старых друзей, миссис Смит. Вы недовольны нашим обслуживанием?

— Вовсе нет, сэр. Просто я хочу открыть счет в банке поближе к дому. Не слишком удобно все время ездить в центр, особенно в такую холодную погоду.

Он взял мою книжку, посмотрел адрес на обложке и сумму счета.

— Могу ли я спросить, куда вы желаете перевести свой счет, миссис Смит?

Я уже собралась ответить, но перехватила взгляд Нельсона. Он не то чтобы покачал головой — но я знала его жесты с давних пор.

— А почему вы спрашиваете, сэр?

— В обязанности банкира входит защита его клиентов. Если вы желаете перевести счет — прекрасно! Но я хочу убедиться, что тот банк столь же надежен...

Во мне пробудились звериные инстинкты.

— Мистер Смейтрайн, я подробно обсудила все это со своим мужем (я этого не делала), и больше ничей совет мне не нужен.

Он сложил вместе кончики пальцев.

— Очень хорошо. Но, как вам известно, банк при закрытии сберегательного счета имеет право на трехнедельную отсрочку.

— Мистер Смейтрайн, я разговаривала именно с вами, когда открывала здесь счет. И вы сказали мне, что это правило — всего лишь формальность, предусмотренная положением о государственных банках, и лично заверили меня, что, как только мне понадобятся деньги, я их получу.

— Разумеется, получите. Превратим три недели в три дня. Возвращайтесь домой, напишите нам заявление и через три рабочих дня можете закрывать счет.

Нельсон встал и оперся руками о стол мистера Смейтрайна.

— Минутку,— громко возгласил он,— говорили вы миссис Смит или нет, что она может получить свои деньги сразу же?

— Сядьте, мистер Джонсон. И не повышайте голоса. В конце концов, вы не наш клиент и не имеете права здесь находиться.

Нельсон не сел, но голос понизил.

— Ответьте только — да или нет.

— Я прикажу вас вывести.

— Попробуйте. Только попробуйте. Мой компаньон, мистер Смит, муж этой леди, попросил меня пойти с миссис Смит (ничего подобного), поскольку слышал, что ваш банк несколько менее вежливо обращается...

— Клевета! Подсудная клевета!

— ...обращается с леди, чем с бизнесменами. Итак, намерены вы исполнить свое обещание прямо сейчас? Или будете ждать три дня?

Мистер Смейтрайн перестал улыбаться.

— Уимпл! Выпишите чек по счету миссис Смит.

Мы подождали, пока кассир выполнял распоряжение. Мистер Смейтрайн подписал чек и подал мне.

— Проверьте, пожалуйста, по своей книжке, правильно ли.

Я подтвердила, что сумма верна.

— Очень хорошо. Возьмите этот чек и положите в свой новый банк. Деньги получите там, как только сумма очистится — скажем, дней через десять,— он снова улыбнулся, но без всякого тепла.

— Вы сказали, что я могу получить деньги сейчас.

— Вы их получили. Вот ваш чек.

Я повертела чек, расписалась на нем и вернула мисеру Смейтрайну.

— Я беру их сейчас.

Он перестал улыбаться.

— Уимпл! — и они начали отсчитывать банкноты.

— Нет,— сказала я.— Наличными. А не бумажками, которые напечатал какой-то другой банк.

— На вас не угодишь, мадам. Это законное платежное средство.

— Но я-то каждый раз вносила вам настоящие деньги. Не банкноты.

Да, настоящие — пятаки, десятицентовики и четвертаки, иногда пенни. Временами серебряный доллар.

— И хочу, чтобы вы мне тоже выплатили настоящие деньги. Можете вы это сделать или нет?

— Разумеется,— надменно произнес мистер Смейтрайн.— Но...э-э... двадцать пять фунтов серебром покажутся вам несколько обременительной ношей. Потому-то при большинстве сделок используются банковские билеты.

— А золотом вы не можете заплатить? Разве в таком большом банке, как у вас, нет золота в сейфах? Пятнадцать двадцатидолларовых монет нести будет намного легче, чем три сотни сереб-

ряных,— я заговорила чуть погромче.— Так можете вы заплатить мне золотом? Если нет, то где можно обменять эти бумажки на золото?

И они выдали мне мой вклад золотом, а мелочь серебром.

Когда мы ехали домой, Нельсон спросил:

— А в какой банк ты их хочешь положить? На Траст-авеню или в Юго-Восточный?

— Нелли, я хочу отвезти их домой и отдать Брайану.

— Чего? Я хотел сказать — да, мэм.

— Дорогой, мне почему-то вспомнился 1893 год. Что ты о нем помнишь?

— Сейчас. Мне было девять лет, и я только что начал замечать, что девчонки — не такие, как мы. Ага, еще вы с дядей Айрой ездили на Чикагскую выставку. Когда вы вернулись, я заметил, что от тебя хорошо пахнет. Но потребовалось еще пять лет, чтобы ты заметила меня, и то для этого пришлось подложить под тебя пирожное.

— Ты всегда был гадким мальчишкой. Не будем вспоминать о моих дурачествах девяносто восьмого года; ты мне скажи, что было в девяносто третьем?

— Так... Мистера Кливленда избрали на второй срок, потом один за другим начали лопаться банки, и все говорили, что это из-за него. Нечестно, по-моему — он ведь только что приступил. Это называлось паникой девяносто третьего года.

— Верно — но мой отец от нее не пострадал по причине чистого везения, как он говорил.

— И моя мать тоже, поскольку держала свои сбережения в чайнике на верхней полке.

— Отец случайно последовал ее примеру. Матери он оставил деньги на четыре месяца, звонкой монетой, в четырех запечатанных конвертах, с собой взял золото в поясе для денег, а кое-что, опять-таки золотом, оставил на всякий случай в железной шкатулке. Позже он говорил мне, что даже не догадывался о будущем банковском кризисе, а сделал это только затем, чтобы позлить дьякона Хулихена — «Хулигана», как называл его отец. Помнишь такого? Президент Батлерского банка.

— Нет, он, как видно, помер, не дождавшись меня.

— Отец сказал, что дьякон упрекнул его за то, что он забирает золото. Так, мол, дела не делаются. Оставьте, мол, инструкции, сколько выдавать миссис Джонсон каждый месяц. Деньги пусть себе лежат, где лежат, а вы возьмите чеки — теперь так принято. Отец уперся — у него это хорошо получалось — и потому банковский кризис его не коснулся. Не думаю, что после этого отец когда-либо еще имел дело с банками. Просто хранил деньги в шкатулке у себя в амбулатории. По-моему, так. С отцом никогда ничего точно не известно.

Дома мы посовещались — Брайан, я, Нельсон и Бетти Лу. Нельсон рассказал о том, что произошло в банке.

— Вынуть деньги из этого банка было все равно, что вырвать зуб. Тот чинуша определенно не хотел расставаться с деньгами Мо. И не думаю, что он расстался бы с ними, не разыграй я из себя громогласного занудливого придиру. Но дело не только в нем. Мо, расскажи им про дядю Айру и про то, что случилось тогда.

Я рассказала.

— Дорогие мои, я не стану утверждать, будто что-нибудь смыслю в финансах. Я настолько глупа, что никогда не могла понять, как это банк печатает бумажные деньги и выдает их за настоящие. Но сегодня мне вдруг вспомнился 1893 год — ведь то же самое было с отцом как раз перед банковским крахом. Его кризис не затронул, потому что он заупрямился и перестал пользоваться услугами банка. Не знаю, не знаю, но мне стало как-то не по себе, и я решила не класть больше свои яичные деньги в банк. Брайни, ты сохранишь их для меня?

— Из дома их могут украсть.

— А банк может лопнуть,— сказал Нельсон.

— Ты тоже нервничаешь, Нел?

— Пожалуй. А ты как думаешь, Бетти Лу?

— Думаю, что положу свои тридцать пять центов в жестянку и зарою на заднем дворе. А потом напишу об этом отцу и объясню, почему я так сделала. Он меня не поймет — он ведь окончил Гарвард. Но я буду лучше спать, если напишу ему.

— Надо сказать еще кое-кому,— заметил Брайан.

— Кому?

— Судье Сперлингу. И моим старикам.

— Не стоит кричать об этом на улицах. Может начаться паника.

— Нел, это наши деньги. Если банковская система не в силах отдать нам их обратно, то, стало быть, она неправильно устроена.

— Ай-ай-ай. Ты анархист, что ли? Ну, за работу. Первым всегда достается самый большой кусок.

Брайан отнесся к делу так серьезно, что отправился в Огайо за свой счет, и это обошлось ему недешево. Там он поговорил с судьей Сперлингом и со своими родителями. Не знаю подробностей — но ни Фонд, ни родители Брайана не пострадали от паники 1907 года. Позже выяснилось, что казну Соединенных Штатов спас Дж.П.Морган — и его же за это поносили.

Капиталы своей фирмы мы, правда, не зарывали на заднем дворе, но держали в доме под замком и завели себе ружья.

Кажется, мы завели их именно тогда — но я могу и ошибаться.

Пока Брайан ездил в Огайо, мы с Нельсоном осуществили один свой проект и написали несколько статей для отраслевых журналов — таких, как «Горный журнал», «Современное горное дело», «Золото и серебро». «Брайан Смит и компания» из номера в номер помещала в этих изданиях свое небольшое объявление. Нельсон заметил, что реклама обойдется нам бесплатно, если Брайан будет писать для них статьи — очеркам и заметкам в каждом номере отводилось столько же места, сколько и рекламе. Так что вместо трехдюймовой рекламки в один столбец — нет, не вместо, а вдобавок к ней — Брайану предлагалось заняться творчеством. «Видит Бог — то, что они там печатают, жуткая скучища. Думаю, у тебя вполне получится»,— сказал Нельсон.

Брайан попробовал — и получилась жуткая скучища.

— Брайан, старина,— сказал Нельсон,— мой глубокоуважаемый старший компаньон, ты не возражаешь, если за это возьмусь я?

— Сделай одолжение. Мне и не хотелось этим заниматься.

— Мое преимущество в том, что я ничего не смыслю в горном деле. Ты даешь мне факты, а я добавляю к ним немного горчицы.

Серьезные практические статьи Брайана Нельсон превратил в юмористические рассказы о том, как горный консультант проводит обследование, а я рисовала к ним картинки вроде комиксов в стиле Билла Ная. Выходит, я еще и художница? Нет. Просто я приняла всерьез совет профессора Гексли («Гуманитарное образование») и научилась рисовать. Я не художница, но неплохая рисовальщица, а детали и приемы я без зазрения совести заимствовала у мистера Ная и других мастеров, даже не сознавая, что это воровство.

Свое первое произведение Нельсон озаглавил: «Как сэкономить деньги на горном промысле». Там описывались различные несчастные случаи на шахтах, а я их иллюстрировала.

«Горный журнал» не только принял очерк, но и заплатил за него пять долларов, чего никто из нас не ожидал.

Потом Нельсон поставил дело так, что в каждом номере появлялась брайановская статья, негласным соавтором которой был сам Нельсон, а взамен на видном месте печаталась реклама «Брайана Смита и компании», занимающая четверть листа.

Брат-близнец нашего первого очерка вскоре появился в «Сельском джентльмене» (деревенском кузене «Сатердей ивнинг пост»). В нем описывалось, как сломать на ферме шею, лишиться ноги или убить своего никчемного зятя. Однако компания Кертиса не соглашалась меняться «баш на баш»: они платили нам за статьи, а «Брайан Смит и компания» платила за объявления.

В январе 1910 года на западном небосклоне вспыхнула большая комета. Многие принимали ее за комету Галлея, которая тоже ожидалась в этом году,— но нет, комета Галлея появилась позже.

В марте того же года Бетти Лу и Нельсон зажили своим домом — двое взрослых и двое детей, а Случайному Числу выпала нелегкая задача решать, где же он живет: в Своем Доме или у своей рабыни Бетти Лу. Пока что он жил то здесь, то там, курсируя между двумя домами на автомобиле.

В апреле на вечернем небе начала мерцать настоящая комета Галлея. Вскоре она засияла так же ярко, как Венера, а хвост ее был только наполовину короче Большой Медведицы. Потом комета ушла к Солнцу, и ее не стало видно. Когда же она вновь воз-

никла на утреннем небе, зрелище было еще величественнее. Пятнадцатого мая перед рассветом Нельсон привез нас на бульвар Мейера понаблюдать горизонт на востоке. Хвост кометы тянулся через все небо с востока на юг, указывая на Солнце, еще скрытое за горизонтом. Это было незабываемое зрелище.

Но меня этот вид не радовал. Мистер Клеменс когда-то говорил мне, что пришел вместе с кометой Галлея и уйдет вместе с ней... и двадцать первого апреля он ушел от нас.

Узнав об этом из некролога в «Стар», я закрылась у себя в комнате и долго плакала.

11

АХ, КАВАЛЕР МОЙ ЭЛЕГАНТНЫЙ...

Сегодня меня вывели из камеры, в оковах, с мешком на голове, и препроводили в какое-то помещение вроде судебного зала. С меня сняли мешок и наручники, и я обнаружила, что осталась в одиночестве: и мои стражи, и те трое, которых я сочла судьями, все были в капюшонах, скрывающих лицо. Может быть, те трое были Епископы — их одеяния определенно походили на церковные.

Прочие статисты тоже скрывались под капюшонами — прямотаки собрание Ку-Клукс-Клана, и я стала смотреть им на ноги — отец при возрождении в двадцатые годы говорил мне, что у этих замаскированных «рыцарей» под балахонами видна облезлая дешевая изношенная обувь подонков общества, которые самоутверждаются, вступая в это тайное расистское общество.

Здесь у меня с проверкой ничего не вышло: «судьи» сидели за высоким столом, «судебный секретарь» прятал ноги под пюпитром с письменными принадлежностями, а стража стояла у меня за спиной.

Они продержали меня там часа два, но я назвала им только «имя и звание»: Морин Джонсон Лонг, из Бундока на Теллус Терциус. Я путница, попавшая в беду, и здесь по недоразумению. На все ваши глупые обвинения отвечаю «невиновна» и требую адвоката.

Время от времени я повторяла «невиновна», но больше молчала.

Часа через два, судя по чувству голода и состоянию мочевого пузыря, нас прервал Пиксель. Я не видела, как он вошел. Должно быть, он как всегда явился ко мне в камеру, увидел, что меня нет, и пошел искать.

Позади меня вдруг послышалось «здрра», которым он обычно заявляет о своем прибытии. Я повернулась, он прыгнул ко мне на руки и начал тереться головой и мурлыкать, спрашивая, почему меня не оказалось на месте.

Я приласкала его и заверила, что он замечательный кот, хороший мальчик, лучше всех!

Средний призрак за судейским столом распорядился:

— Убрать животное! — и один из стражников, повинуясь приказу, схватил Пикселя.

Пиксель не выносит людей, не соблюдающих протокола. Он укусил охранника за мясистую часть большого пальца и прошелся по нему когтями. Тот попытался отшвырнуть Пикселя, но не тут-то было.

На помощь стражнику бросился другой, и раненых стало двое — Пиксель в их число не входил.

Средний судья цветисто выругался и спустился с возвышения.

— Вы что, кота изловить не можете? — и тут же доказал, что и ему это не под силу. Раненых стало трое. Пиксель соскочил на пол и пустился наутек.

Тут я увидела то, о чем раньше только подозревала и чего ни разу не видел никто из моих друзей и родных. (Впрочем, Афина видела — но у Афины глаза повсюду. Я имею в виду людей из плоти и крови.)

Пиксель несся на крейсерской скорости прямо в глухую стену, и когда казалось, что он вот-вот врежется в нее, в стене открылся круглый кошачий лаз, Пиксель проскочил в него, и отверстие тут же закрылось снова.

Вскоре меня отвели обратно в камеру.

В 1912 году Брайан купил автомобиль. Где-то в течение того десятилетия «автомобиль» превратился сначала в «авто», потом

в «автомашину», потом в «машину», что и стало окончательным названием для безлошадного экипажа.

Брайан купил «рео». Нельсоновский маленький «рео» показал себя очень выносливым и надежным: после пяти лет тяжелых нагрузок он бегал не хуже прежнего. Фирма использовала его и в хвост и в гриву — он часто совершал пыльные рейсы в Галену, Джоплин и прочие центры добычи белого металла. Нельсону платили за пробег и за износ.

Поэтому Брайан, решив купить семейную машину, купил тоже «рео», но большой — лимузин на пять пассажиров, красивый и, как заключила я, безопасный для детей: у него имелись и дверцы, и верх — у нельсоновского «жучка» не было ни того ни другого. Мистер Р.Э.Олдс назвал «рео» выпуска 1912 года своей прощальной моделью, заявив, что это лучший автомобиль, который он способен создать на основе своего двадцатипятилетнего опыта, и лучший из тех, которые вообще способно создать автомобилестроение.

Я верила ему, и Брайан (что гораздо важнее) тоже верил. Может быть, тот «рео» действительно был прощальный, но когда я покидала Землю в 1982 году, имя мистера Олдса было попрежнему знаменито и «олдсмобили» бегали повсюду.

Наша шикарная машина стоила очень дорого — больше двенадцати сотен долларов. Брайан не сказал, сколько заплатил за нее, но «рео» рекламировались повсюду, а читать я умею. Однако за свои деньги мы получили вещь: машина была не только красивой и просторной, но обладала мощным мотором (тридцать пять лошадиных сил) и могла развивать скорость до сорока пяти миль в час. Кажется, мы так быстро никогда и не ездили — скорость в пределах города была ограничена до семнадцати миль, а изрытые грязные проселки за городом отнюдь не годились для скоростной езды. Может, Брайан с Нельсоном и пробовали дать полный газ на какой-нибудь свежемощенной, ровной дороге во время своих дальних поездок, но пугать дам без нужды ни один бы не стал. (Мы с Бетти Лу тоже старались не волновать зря своих мужей, так что все были квиты.)

Брайан оборудовал свою машину со всем доступным в то время комфортом, чтобы его семейству было в ней хорошо —

ветровым стеклом, верхом, боковыми шторками, спидометром, запасным колесом и аварийным бензобаком. Шины были съемные, и Брайану редко приходилось латать колесо посреди дороги.

У нашей машины была одна странность: она умела предсказывать погоду. Опустишь верх — пойдет дождь. Поднимешь — покажется солнышко.

Реклама утверждала, что верх может легко поднять и опустить один человек. Этим человеком быя Брайни, которому помогала жена, двое довольно больших девочек и двое мальчишек, причем все напрягались, обливаясь потом, а Брайни рыцарски проглатывал подобающие случаю выражения. Наконец он придумал, как перехитрить машину, и мы вообще перестали опускать верх, чем обеспечили себе хорошую погоду для прогулок.

Мы очень полюбили свою машину. Нэнси и Кэрол прозвали ее «Эль Рео Гранде». (Мы с Брайаном недавно взялись за испанский — и с нашими детками приходилось держать ухо востро. Кухонная латынь быстро провалилась — они мигом раскусили ее. Школьный шифр продержался немногим дольше.) У нас с самого начала было заведено так, что иногда мы ездим куда-нибудь всей семьей, иногда же мама с папой отправляются вдвоем, а дети остаются дома и не хнычут — иначе сработает низшая судебная инстанция. (Моя мать пользовалась персиковым прутиком — я обнаружила, что и абрикосовый действует не хуже.)

В 1912 году Нэнси уже была большой двенадцатилетней девочкой, и малышей можно было оставлять с ней часа на два, на три. (Вудро тогда еще не родился. Как только он начал ходить, его дрессировщикам стал необходим хлыст и пистолет.) Так что мы с Брайни могли позволить себе роскошь прогуляться вдвоем — одна такая прогулка, как я уже рассказывала, подарила мне Вудро. Брайни обожал заниматься любовью на природе, я тоже — такие оказии придавали остроту всегда приятному, но слишком законному занятию.

Когда же мы выезжали всей семьей, то Нэнси, Кэрол, Брайан-младший и Джордж запихивались в просторный кузов, и Нэнси давался наказ следить, чтобы никто не вставал ногами на сиденье — не потому, что могла рваться обивка, а потому, что мог

пострадать ребенок; я садилась впереди с Мэри, а Брайан вел машину.

Корзинка для пикника и кувшин с лимонадом тоже ехали сзади, и Кэрол поручалось не допускать к ней братьев. Мы отправлялись в Суоп-парк, устраивали там пикник и смотрели зверей в зоосаде, потом ехали кататься — до самого Рейтауна или даже до Хикмановских Мельниц, а когда поворачивали домой, дети уже клевали носами. На ужин доедали остатки пикника с чашкой горячего бульона.

Двенадцатый год был всем хорош, несмотря на снежную бурю, подобной которой, как утверждали, не было с 1886 года. Возможно, что и так — я не слишком ясно помню, что происходило в 1886 году. Президентские выборы проходили бурно: за победу боролись целых три кандидата. Мистер Тафт вновь выдвинул свою кандидатуру, Тедди Рузвельт, соперничая со своим бывшим протеже мистером Тафтом, стал кандидатом от собственной партии — республиканцев-прогрессистов, или «Сохатых», а профессор Вильсон из Принстона, тогда губернатор собственного штата, стал кандидатом от демократов.

Его выдвижением неожиданно для всех завершился невиданно долгий, длившийся целый месяц демократический съезд. Все уже считали, что кандидатом будет любимый сын Миссури, мистер Чемп Кларк, спикер палаты. У мистера Кларка было преимущество в двадцать семь голосов, то есть большинство голосовало за него, но требуемых двух третей голосов он не набрал. Потом мистер Уильямс Дженкинс Брайан заключил с доктором Вильсоном сделку в обмен на пост государственного секретаря, и губернатора Вильсона избрали кандидатом с перевесом в сорок шесть голосов, когда многие делегаты уже разъехались по домам.

Я с интересом следила за всем этим по «Стар», потому что знала доктора Вильсона как автора монументальной (восемнадцать томов!) «Истории американского народа», которую брала том за томом в публичной библиотеке. Но мужу своего интереса не показывала, подозревая, что он предпочитает полковника Рузвельта.

Выборы президента состоялись пятого ноября, но результаты мы узнали не сразу, а дня через три. Вудро с громким воплем

явился на свет одиннадцатого, в понедельник, в три часа дня. Принимала его Бетти Лу — я, как всегда, не дождалась доктора, а Брайни был на работе — я ему сказала, что должна родить только в конце недели.

— Ты уже придумала имя? — спросила Бетти Лу.

— Да. Этель.

Она показала мне ребенка.

— Посмотри-ка получше — твое имя плохо сочетается с его краником; прибереги его впрок. Почему бы тебе не назвать парня в честь нового президента? Это послужит ему хорошим стартом.

Не помню, что я сказала Брайану, когда он пришел, вызванный Бетти Лу по телефону. Она же встретила его словами:

— Знакомьтесь: Вудро Вильсон Смит, президент Соединенных Штатов с 1952 года.

— А что, неплохо звучит,— и Брайан промаршировал в спальню, изображая духовой оркестр. Имя прижилось, мы зарегистрировали мальчика под ним и в Фонде, и в канцелярии графства.

Поразмыслив, я согласилась, что имя хорошее, и написала доктору Вильсону, что у него есть тезка и что я молюсь за успех его президентства. Ответил мне сначала мистер Патрик Тьюмелти, сообщая, что мое письмо получено и передано новому президенту, «но, как вы понимаете, мадам, после недавних событий письма хлынули потоком. Пройдет несколько недель, прежде чем Президент сможет ответить всем лично».

После Рождества я действительно получила письмо от доктора Вильсона. Он благодарил меня за то, что я оказала ему честь, назвав ребенка его именем. Я вставила письмо в рамочку и хранила много лет. Интересно, существует ли оно еще где-нибудь во второй параллели?

Во время президентских выборов излюбленной темой дебатов была «высокая стоимость жизни». Семья Смит от нее не страдала, но цены, особенно на продукты, действительно росли — хотя фермеры, как обычно, жаловались, что не получают за свою продукцию даже по себестоимости. Очень может быть — бушель пшеницы, помню, не стоил и доллара.

Но я не закупала пшеницу бушелями — я покупала продукты у бакалейщика, у торговцев вразнос, у молочника и так далее. Брайан снова спросил меня, не прибавить ли мне на хозяйство.

— Пожалуй,— ответила я.— Пока что мы укладываемся, но цены все растут. Дюжина свежих яиц теперь стоит пять центов, кварта первосортного молока тоже. Хлебная компания Холсума поговаривает, что хлеб, который теперь стоит пять и десять центов, будет продаваться за десять и пятнадцать. Спорим, что цена за фунт — подчеркиваю, за фунт, а не за буханку — подскочила процентов на двадцать?

— Поищи другого лопуха, сестренка — я уже проспорил на выборах. А как насчет цен на мясо?

— Растут. Цент или два на фунт, но растут. И вот еще что. Мистер Шонц раньше всегда прибавлял мне от себя суповую косточку, и печенку для Случи, и нутряное сало для птичек зимой. Теперь он делает это только по моей просьбе — и без улыбки. А на неделе сказал, что ему придется брать за печенку деньги, потому что теперь ее едят и люди, не только кошки. Уж и не знаю, как объяснить это Случи.

— Интересы Случи прежде всего, любовь моя,— мой подарок надо кормить. Отношение к кошкам определяет твой статус на небесах.

— Правда?

— Так сказано в Библии — можешь сама посмотреть. А ты не говорила с Нельсоном о корме для кошек?

— Не было случая. С Бетти Лу говорила, а с ним нет.

— Не забывай, что он у нас профессиональный экономист по сельскому хозяйству и даже имеет диплом в красивой обложке. Так вот, Нел говорит, что для кошек и собак скоро будет своя пищевая промышленность — свежий корм, корм в пакетах, консервы, специальные магазины или специальные отделы в магазинах, реклама на всю страну. Большой бизнес. Миллионы долларов, даже сотни миллионов.

— А ты уверен, что он не шутит? У Нельсона одни шуточки на уме.

— Не думаю. Он говорил вполне серьезно и оперировал цифрами. Ты же видишь, как бензиновые двигатели вытесняют лошадей — не только в городе, но и на ферме, медленно, но верно. И множество лошадей остается не у дел. Нельсон говорит, что о них беспокоиться нечего: их съедят кошки.

— Что за жуткая мысль!

По просьбе Брайана я составила схему роста цен на бакалейные товары. К счастью, я тринадцать лет вела записи — сколько потратила, на что, сколько стоила пачка, фунт, дюжина и так далее. Брайни никогда этого от меня не требовал, но так делала моя мать, и мой учет очень помогал мне в те годы, когда я тряслась над каждым пенни — сразу было видно, сколько еды я приобрела на каждый потраченный цент.

Управившись со схемой, я составила рацион на одного человека, как в армии: столько-то унций муки, столько-то масла, сахара, мяса, свежих овощей и фруктов. Консервы почти не учитывались — я давно поняла, что они оправдывают себя, только если консервируешь сама.

Потом я вычертила график: стоимость рациона на одного взрослого с 1899 по 1913 год.

Получилась плавная кривая линия, неизменно ведущая вверх, если не считать небольших отклонений.

Я посмотрела на нее и не устояла. Достала свою школьную аналитическую геометрию, замерила ординаты, абсциссы, наклон — и вывела уравнение.

Мне просто не верилось. Неужто я в самом деле вывела формулу роста цен на продукты? До которой не додумались доктора наук на своих кафедрах?

Нет, Морин. В твоих формулах не учитываются неурожаи, войны, стихийные бедствия. Слишком мало фактов. «Цифры не лгут, но лжецы пользуются формулами». «Ложь подразделяют на собственно ложь, гнусную ложь и статистику». Не надо высасывать статистику из пальца.

Я убрала свой труд подальше, но график сохранила. Я не вычисляла, насколько вырастут цены, просто продолжала вычерчивать кривую дальше — с ней я могла спокойно пойти к Брайни и

наглядно показать, почему мне нужно больше денег на хозяйство, не дожидаясь маисовой ситуации. Теперь я не стеснялась просить — ведь «Брайан Смит и компания» процветала.

Я больше не исполняла обязанности секретаря и бухгалтера — сложила их с себя, когда Нельсон и Бетти Лу покинули наш дом, а с ними и контора. Они сделали это не из-за каких-то трений между нами — я просила их остаться. Но им хотелось иметь свой дом, и я их понимала. «Брайан Смит и компания» сняла помещение на углу Тридцать первой и Пасео, на втором этаже над галантерейным магазином, недалеко от Труст-авеню Банка и почтамта. Место было хорошее — лучшее за пределами делового центра. Первый дом четы Нельсон Джонсон находился в сотне ярдов, на боковой улочке Саут Палео плейс.

Поэтому Бетти Лу могла вести записи, ходить в банк и на почту и в то же время нянчить двоих ребятишек — задняя комната «великолепной анфилады» нашей конторы служила ей детским садом.

А я жила всего в двадцати минутах езды от них и могла подменять Бетти Лу, когда надо — стоило сесть на трамвай и спуститься на нем по Тридцать первой улице. Тот район считался спокойным, и я не боялась ездить даже когда было темно.

Мы практиковали это до 1915 года, пока Брайан и Нельсон не приняли на работу цыпленка прямо из Коммерческого колледжа Сполдинга — Аниту Болс. Мы с Бетти Лу продолжали присматривать за бухгалтерией, и одна из нас сидела в конторе, если обоих мужчин не было в городе — этот ребенок еще верил в Санта-Клауса. Но печатала она быстро и аккуратно. (Теперь у нас был новый «ремингтон». Старый «оливер» хранился у меня дома в качестве верного престарелого друга.)

Так что я продолжала быть в курсе наших финансовых дел, которые шли хорошо и все улучшались. С 1906 по 1913 год Брайан несколько раз заключал договор на проценты вместо полного гонорара. Пять предприятий принесли ему доход, из них три — очень приличный: возобновленный цинковый рудник близ Джоплина, серебряный близ Денвера и золотой в Монтане, причем Брайан с хладнокровным цинизмом раздавал повсюду взятки,

чтобы иметь возможность контролировать добычу золота и серебра.

— Хищение золотоносной руды остановить невозможно,— объяснял он мне.— Даже твоя старенькая бабушка не устоит, если жила настолько богатая, что достаточно сунуть в карман кусок породы. Но размер воровства можно уменьшить, если хорошо платить за услуги.

К 1911 году в фирму стали поступать большие деньги, но я не знала, куда они деваются, и не спрашивала об этом Брайни. Приход отражался в книгах. Кое-что брал себе Нельсон, кое-что — побольше — Брайан. Некоторую часть получали на руки мы с Бетти Лу в виде денег на хозяйство. Но это было далеко не все. Банковский счет фирмы служил только для выдачи жалованья Аните и оплаты текущих расходов и никогда не превышал необходимых для этого сумм.

Только много лет спустя я все узнала.

28 июня 1914 года в сербском городе Сараево был убит наследник Австро-Венгерского трона — эрцгерцог Франц-Фердинанд, вполне бесполезная августейшая особа. И по сей день не понимаю, почему это событие послужило Германии поводом для вторжения в Бельгию месяц спустя. Я внимательно читала все газеты того времени, а потом прочла все исторические труды, какие только могла достать, и все-таки не понимаю. Это какое-то безумие. Мне еще понятна извращенная логика кайзера, вынудившая его напасть на своего двоюродного брата в Санкт-Петербурге — слишком много самоубийственных соглашений он с ним заключил.

Но зачем было вторгаться в Бельгию?

Ну да, знаю — чтобы захватить Францию. Но зачем было захватывать Францию? Зачем было начинать войну на два фронта? И зачем нужно было ввязываться в войну с Бельгией, вынуждая тем самым вступить в войну единственное государство в Европе, имеющее достаточно сильный флот для того, чтобы перекрыть германскому флоту все пути и не выпустить его в море?

Об этом говорили мой отец и мой муж четвертого августа четырнадцатого года. Отец пришел к нам обедать, но повод был не-

веселый — день вторжения в Бельгию, и на улицах продавали экстренные выпуски.

— Что вы об этом думаете, beau-pere*? — спросил Брайан.

Отец ответил не сразу.

— Если Германия одолеет Францию за две недели, Великобритания не станет воевать.

— Ну так что же?

— Германия не сможет так быстро победить Францию. Поэтому Англия вступит в войну, и война затянется надолго. Закончи за меня.

— Вы хотите сказать, что и без нас не обойдется.

— Будь пессимистом — и ты будешь реже ошибаться. Брайан, я почти ничего не понимаю в твоем бизнесе. Но сейчас все начнут перестраиваться на военный лад. Ты связан с чем-нибудь, что имеет отношение к войне?

— Все металлы — это стратегическое сырье,— помолчав, сказал Брайан.— Но если вы хотите вложить куда-нибудь деньги, beau-pere, то я вам скажу: для производства боеприпасов совершенно необходима ртуть. И ее мало. Добывают ее в Испании, в месте под названием Альмаден.

— А где еще?

— В Калифорнии, немного в Техасе. Хотите поехать в Калифорнию?

— Нет. Я там уже был. Не в моем вкусе. Возьмусь-ка я за старое и напишу Леонарду Вуду. Он, старый черт, перевелся из медиков в строевые офицеры — пусть расскажет, как это делается.

— Я тоже больше не хочу служить в саперах,— задумался Брайан.— Не по мне это.

— Хочешь ты или нет, но будешь опять махать лопатой, если тебя призовут здесь.

— Как так?

— Третий Миссурийский преобразуют в саперный полк. Подожди немного — и тебе дадут в руки лопату.

---

* Beau-pere *(фр.)* — Тесть.

Я с самым беззаботным видом, на который была способна, продолжала вязать. Повеяло апрелем 1898 года.

Война в Европе шла своим чередом, изобилуя ужасами — сообщалось о зверствах в Бельгии и о кораблях, потопленных немецкими подводными лодками. Америка распадалась на два лагеря, и после потопления «Лузитании» в мае 1915 года это разделение стало явным. Мать писала из Сент-Луиса, что там очень сильны прогерманские настроения. Ее родители, дедушка и бабушка Пфейфе, были убеждены, что все достойные люди должны поддержать свою «старую родину» — и это несмотря на то, что родители гроссфатера в 1848 году уехали в Америку, спасаясь от прусского империализма, вместе с сыном, который как раз достиг призывного возраста и оказался бы в армии, если бы они не эмигрировали. (Отец родился в 1830 году.)

Но теперь оказалось, что Deutschland über Alles* и что Францией заправляют евреи, и если бы американские пассажиры сидели дома и не лезли в зону военных действий, то не очутились бы на борту «Лузитании» — в конце концов, император предупреждал всех. Сами виноваты.

Брат Эдвард писал, что в Чикаго настроения примерно такие же. Сам он не был убежденным сторонником Германии, но горячо надеялся, что мы не вступим в войну, до которой нам нет никакого дела.

Дома я слышала совсем другое. Когда президент Вильсон произнес свою знаменитую (печально знаменитую) речь о потоплении «Лузитании», сказав, что мы «слишком горды, чтобы воевать», отец пришел к Брайану и долго сидел, бурля, как вулкан, пока все дети не разошлись кто спать, кто еще куда-нибудь. Я притворилась, что не слышу тех слов, которыми он тогда разразился. В основном они относились к трусливой тактике гуннов, но крепко досталось «малодушному пресвитерианскому священнику» из Белого дома.

— «Слишком горды, чтобы воевать»! Это еще что за новости? Для того чтобы воевать, как раз и нужна гордость. Это трус убе-

* Deutschland über Alles *(нем.)* — Германия превыше всего.

гает в сторонку с поджатым хвостом. Брайан, нам надо вернуть Тедди Рузвельта!

Муж согласился с ним.

И весной 1916 года уехал в Платтбург, штат Нью-Йорк, где генерал Леонард Вуд прошлым летом организовал подготовительный лагерь для будущих офицеров — в 1915 году Брайан не сумел туда попасть и все распланировал заранее, чтобы не упустить шанса в 1916-м. В его отсутствие, по моему плану, родилась Этель. Так что когда Брайан в августе вернулся домой, я была в полном порядке и могла встретить его как следует — С.Р.Н. и ждала, К.О.М.Р. Миссис Гиллигулли постаралась на совесть — на все пять долларов, а то и больше.

Кажется, мне это удалось, потому что мое биологическое давление уже зашкалило за красную черту.

Это был самый продолжительный сухой период в моей замужней жизни — еще и потому, что дома за мной строго присматривали. По просьбе Брайана отец на время его отсутствия поселился у нас. Ни один страж гарема не относился к своим обязанностям более ревностно, чем он. Брайан «присматривал» за мной сквозь пальцы, охраняя меня от соседей, а не от моей похотливой натуры.

Отец же охранял меня даже от себя самого. Да, я сунулась было. Еще будучи vigro intacta*, я знала, что питаю к отцу явно кровосмесительные чувства. Более того, я знала, что и он так же относится ко мне.

И вот через десять дней после отъезда Брайана, когда меня одолели животные страсти, я нарочно забыла сказать отцу «спокойной ночи» и явилась к нему в комнату, когда он уже лег. На мне была ночная рубашка с глубоким вырезом и достаточно прозрачный пеньюар, я только что приняла ванну и от меня хорошо пахло (средство называлось «Апрельский дождь», откровенный эвфимизм). Я сказала, что пришла пожелать спокойной ночи, он ответил. Тогда я наклонилась поцеловать его, показывая груди и вея на него греховным ароматом. Он отпрянул.

---

* Vigro intacta *(лат.)* — Девственницей.

— Уйди отсюда, дочь. И больше не показывайся мне полуголой.

— А какой — совсем голой? Mon cher papa, je t'adore*.

— Закрой-ка дверь с той стороны.

— О папа, не обижай меня. Мне надо, чтобы меня пожалели, чтобы меня приласкали.

— Я знаю, что тебе надо, но от меня ты этого не получишь. Убирайся.

— А если не уберусь? Я слишком большая, чтобы меня отшлепать.

— Вот это верно,— вздохнул он.— Дочка, ты соблазнительная, лишенная всякой морали сучка — мы оба это знаем и всегда знали. Раз я не могу тебя отшлепать, я тебя предупреждаю: выйди отсюда немедленно. Иначе я сейчас же позвоню твоему мужу и скажу, чтобы возвращался домой, потому что я не в силах выполнить свои обязательства перед ним и его семьей. Поняла?

— Да, сэр.

— Вот и ступай.

— Да, сэр. Можно мне только сказать пару слов?

— Покороче.

— Я не просила тебя спать со мной, но если бы ты это сделал — если бы мы это сделали — ничего бы не случилось. Я ведь беременна.

— Не имеет значения.

— Позвольте мне закончить, сэр. Сто лет назад, требуя, чтобы я выработала себе собственные заповеди, вы дали мне определение разумного адюльтера. Я в точности следовала вашей теории, поскольку оказалось, что взгляды моего мужа на этот предмет совпадают с вашими.

— Я этому рад... хотя не так уж рад услышать это от тебя. Что, твой муж сам поручил тебе сказать мне об этом?

— Нет, он мне ничего не поручал.

— Значит, ты выдала мне интимную тайну без ведома другого, посвященного в нее. Без ведома человека, кровно заинтересованного в ее сохранении — ведь он рискует своей репутацией не

* Mon cher papa, je t'adore *(фр.)* — Дорогой папа, я тебя обожаю.

меньше тебя. Морин, ты не имеешь права подвергать его риску без его согласия и сама это знаешь.

Наступило долгое холодное молчание.

— Да, я была не права. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, доченька. Я люблю тебя.

Вернувшись, Брайан сказал, что в семнадцатом году снова поедет в Платтбург, если мы к тому времени не вступим в войну.

— Они хотят, чтобы кое-кто из нас приехал пораньше и помог инструкторам обучать новичков, не имеющих военного опыта. Если я это сделаю, меня быстро повысят из младших лейтенантов в лейтенанты. Все это на словах, но у них такой порядок. Beau pere, вы не сможете пожить здесь и на будущий год? Почему бы вам вообще не остаться у нас? Нет смысла снова открывать вашу квартиру, и держу пари, что Мо стряпает лучше, чем в той греческой харчевне под вами. Ведь верно? Ну-ка скажите.

— Несколько получше.

— Несколько? Вот сожгу твои гренки, будешь знать.

На южной границе у нас шла своя война: «генерал» Панчо Вилья то и дело врывался на нашу территорию, убивая и поджигая. «Черный Джек» Першинг, герой Минданао, произведенный президентом Рузвельтом из капитанов в бригадные генералы, был послан президентом Вильсоном, чтобы найти и захватить Вилью. Отец знал Першинга еще по тем временам, когда они, оба капитаны, сражались с маврами, был о нем высокого мнения и восхищался его стремительным взлетом (а впереди Першинга ждали новые почести).

Сам отец служил миротворцем в наших домашних войнах: он все-таки остался у нас и принял на руки Вундо с полной санкцией применять к нему все санкции правосудия, не спрашивая никого из родителей. Мы с Брайаном облегченно вздохнули.

Поскольку мое шестое чадо воспитывал дед, я могла без помех любить в душе Вудро больше всех остальных, не рискуя проявлять этого наружно. (Мои дети все были разные, и я любила их по-разному, как и других людей, но очень старалась относиться к

ним одинаково справедливо, не выделяя никого ни словом, ни делом. Очень старалась.)

Теперь, когда прошло уже больше века, я, кажется, поняла наконец, почему мой самый вредный сынок был моим любимцем.

Он больше всех детей напоминал мне отца — и в хорошем, и в плохом. Отец, хоть и далеко не святой, был «негодяй в моем вкусе», а Вудро был вылитый дед, только на шестьдесят лет моложе — двое самых упрямых мужиков, которые мне когда-либо встречались.

Может быть, на чей-то беспристрастный взгляд мы трое были «тройняшками» — и разве имело при этом какое-то значение, что мы отец, дочь и внук, или что те двое — такие же истые мужчины, как я — истая женщина (а я так ощущаю каждую минуту свои железы и органы, что справляюсь с ними, только старательно изображая из себя «леди» по образцу миссис Гранди или королевы Виктории).

Правда, они были большие упрямцы. Кто, я? Тоже упрямая? Как вам это в голову пришло?

Отец лупил Вудро, когда надо (то есть часто) и занимался его образованием, как раньше моим. В четыре года он научил Вудро играть в шахматы, но учить его читать не пришлось — Вудро выучился сам, как и Нэнси. А посему я могла спокойно посвятить себя воспитанию остальных детей — цивилизованных и послушных, что не доставляло мне хлопот и не заставляло повышать голос (Вудро свободно мог сделать из меня визгливую мегеру, которых я всегда презирала).

Усыновив Вудро, отец помог мне еще в одном: теперь я могла отдавать больше времени своему милому, хорошему, пригожему мужу. Скоро, слишком скоро подошло время его второго отъезда в Платтбург, и я приготовилась к длительному сухому сезону. В прошлом году под рукой еще бывал Нельсон, но теперь «Брайан Смит и компания» переместилась в Галену — Нельсон управлял там новым рудником, в котором Брайан стал пайщиком. Обследование показало, что дело того стоит, но разработчик нуждался в дополнительном капитале. Анита Болс вышла замуж и покинула нас; от конторы в Канзас-Сити остался только почтовый ящик, телефон

перевели к нам домой, и я легко справлялась с канцелярской работой, а Брайан-младший, которому уже исполнилось двенадцать, каждый день заезжал за почтой на велосипеде по дороге из школы.

Так что Нельсон, мой единственный вполне надежный «запасной муж», был далеко, а суровый пуританин-отец неусыпно следил за мной — и Морин обрекла себя на четыре, пять, а то и шесть месяцев монашеской жизни.

Отец часто коротал вечера в бильярдной, которую называл своим «шахматным клубом». Однажды дождливым вечером в конце февраля он, к моему удивлению, привел домой незнакомца.

И тем заставил меня испытать величайший эмоциональный шок в моей жизни.

Протянув руку молодому человеку, я увидела перед собой своего отца, каким его помнила в детстве. Совпадал даже запах, четко ощущаемый мною,— запах чистоплотного самца, выделяющего свежую секрецию.

Улыбаясь и поддерживая светский разговор, я сказала себе: «Не падай в обморок, Морин. Нельзя падать в обморок».

Ибо почувствовала в себе настоятельную готовность принять мужчину. Именно этого. Похожего на моего отца тридцать лет назад. Я сдерживала дрожь, я говорила ровным голосом, я старалась обращаться с ним так же, как с любым желанным гостем, которого приводит в дом отец, муж или кто-то из детей.

Отец представил мне его как мистера Теодора Бронсона и сказал, что обещал мистеру Бронсону чашечку кофе — это дало мне предлог их покинуть. Я сказала:

— Ну конечно — в такой холодный дождливый вечер. Присядьте, пожалуйста, джентльмены,— и убежала на кухню.

Нарезая торт, раскладывая печенье, ставя на поднос чашки, сливки и сахар, переливая кофе из кухонного кофейника в серебряный гостевой, я успела прийти в себя, упрятать поглубже свой похотливый пыл — и надеялась, что аромат кофе заглушит исходящий от меня душок, да и женское платье тех времен служило хорошей броней. Надеялась я также, что отец не заметит того, в чем я была уверена: что мистер Бронсон испытывает ко мне то же, что я к нему.

Я вошла с этим подносом; мистер Бронсон вскочил мне помочь. Мы пили кофе с тортом и беседовали. Я зря беспокоилась насчет отца — у него было свое на уме. Он тоже заметил фамильное сходство и построил на этом теорию, что мистер Бронсон — побочный сын его брата Эдварда, погибшего в железнодорожной катастрофе вскоре после моего рождения. Отей велел нам с ним встать рядом и посмотреть в зеркало над камином.

Впрочем, эта отцовская теория была показной. Прошло много месяцев, прежде чем он признался мне: он подозревал, что мистер Бронсон вовсе не отпрыск моего беспутного дядюшки Эдди, а его собственный внебрачный сын и мой кровный брат.

В разговоре я вполне прилично, под носом у отца, дала понять мистеру Бронсону, что буду рада видеть его в воскресенье в церкви, что мой муж должен приехать на мой день рождения, и мы тогда пригласим мистера Бронсона на обед — поскольку он, оказывается, родился в тот же день!

Вскоре он ушел. Я пожелала отцу спокойной ночи и поднялась в свою одинокую спальню.

Первым делом я приняла ванну. Я уже мылась перед ужином, но пришлось сделать это повторно — я вся истекала похотью. В ванне я мастурбировала, пока не перестали болеть груди. Вытерлась, надела рубашку и легла в постель.

Потом встала, заперла дверь, сняла рубашку, снова легла и снова стала мастурбировать, представляя себе мистера Бронсона, его запах, тембр его голоса.

И занималась этим, пока не уснула.

12

«СМЕРТЬ КАЙЗЕРУ!»

Не знаю, вернется ли еще Пиксель после того, как его последний визит чуть не кончился трагически.

Сегодня я проделала эксперимент. Сказала: «Телефон!», как это делал доктор Ридпат. И точно, передо мной возникла голограмма... с лицом надзирательницы.

— Вы зачем вызываете телефон?

— А что такого?

— Вам не положено.

— Кто сказал? Если это правда, почему меня не предупредили? Спорю на пятьдесят октетов, что вы правы, а я нет.

— А я что говорю?

— Докажите. Я не стану платить, пока не докажете.

Озадаченная голова исчезла. Посмотрим, что из этого выйдет.

Мистер Бронсон пришел в то воскресенье в церковь. После службы в толкучке у входа, где прихожане говорили пастору комплименты по поводу проповеди (доктор Драйпер действительно произнес прекрасную проповедь, если не проявлять критиканства и отнестись к ней с чисто художественной точки зрения), у входа я сказала мистеру Бронсону: «Доброе утро».

— Доброе утро, миссис Смит, мисс Нэнси. Прекрасная погода для марта, не правда ли?

Я согласилась и представила его остальному племени, которое было в наличии: Кэрол, Брайану-младшему, Джорджу, Мэри, Вудро и Ричард оставались дома с дедом — не думаю, чтобы отец хоть раз вошел в церковь после отъезда из Фив, разве что по случаю свадьбы или похорон кого-то из близких. Мэри и Вудро ходили в воскресную школу, но я считала, что для церкви они еще малы.

Мы поболтали пару минут ни о чем, раскланялись и разошлись. Ни один из нас не подал виду, что эта встреча имеет для нас какое-то значение. Он сгорал от желания ко мне, я — к нему, мы оба об этом знали, но не выдавали себя.

День за днем продолжался наш роман — без слов, без прикосновений, даже без влюбленных взглядов, на глазах у отца. Отец говорил потом, что он кое-что подозревал — «чуял крысу», но мы с мистером Бронсоном вели себя до того безупречно, что придраться было не к чему. «В конце концов, дорогая, не могу же я осуждать мужчину за то, что он тебя хочет, лишь бы вел себя как следует — мы оба знаем, что ты за штучка,— и тебя не могу упрекать за то, что ты это ты, что ж тут поделаешь,— лишь бы ты вела

себя как леди. По правде говоря, я гордился вами — такую благородную сдержанность вы проявляли. Это нелегко, я знаю».

Приходя играть в шахматы с отцом, а потом и с Вудро, мистер Бронсон мог видеть меня почти каждый день. Он вызвался быть помощником командира нашего церковного скаутского отряда, привез домой Брайана-младшего и Джорджа после скаутского слета в пятницу вечером и договорился с Брайаном-младшим, что назавтра заедет за ним и поучит его водить машину. (У мистера Бронсона был шикарный «форд-латдолет», сверкающий и красивый.)

В следующую субботу мы повезли пятерых старших на пикник — они были так же очарованы мистером Бронсоном, как и я. Кэрол потом созналась мне: «Мама, если я надумаю выйти замуж, то хочу такого мужа, как мистер Бронсон».

Я не стала ей говорить, что чувствую то же самое.

Через неделю мистер Бронсон повел Вудро на утренник в Ипподром-театр — смотреть знаменитого иллюзиониста Терстона. (Я бы с удовольствием пошла с ними — обожаю магию, но при отце не осмелилась и заикнуться.) Когда мистер Бронсон вернулся с заснувшим у него на руках Вудро, я со спокойной душой пригласила его в дом — отец стоял рядом, и все было вполне законно. Мистер Бронсон ни разу во время нашего странного романа не был у нас дома в отсутствии отца.

Однажды, когда мистер Бронсон привез Брайана-младшего с урока вождения, я пригласила его к чаю. Он спросил, дома ли отец, и, узнав, что нет, тут же вспомнил о какой-то важной встрече. Мужчины ведут себя более робко, чем женщины,— по крайней мере те, кого я знала.

Брайан приехал домой в воскресенье первого апреля, а отец в тот же день ненадолго уехал в Сент-Луис — думаю, чтобы повидаться с матерью, хотя он не сказал зачем. Я предпочла бы, чтобы он остался дома, тогда мы с Брайаном могли бы совершить небольшую прогулку в никуда — дед присмотрел бы за выводком, а Нэнси сготовила бы что-нибудь.

Но я никому об этом не сказала, потому что детям так же хотелось побыть со своим отцом, как мне — затащить его в постель.

А потом — у нас ведь больше не было автомобиля. Перед отъездом Брайан продал «Эль Рео Гранде».

— Мо,— сказал он,— в прошлом году, когда я уезжал в апреле, ехать в Платтбург на машине имело смысл, и «рео» был мне там очень кстати. Но дурак я буду, если вздумаю ехать из Канзас-Сити до штата Нью-Йорк в феврале. В апреле меня и то три раза вытаскивали из грязи — в феврале это было бы невозможно. Кроме того,— добавил Брайни со своей тедди-рузвельтовской улыбочкой,— я собираюсь купить нам десятиместную машину. Или одиннадцатиместную. Постараемся насчет одиннадцатого?

Мы постарались насчет одиннадцатого, но выбить чек нам в тот раз не удалось. Брайни уехал в Платтбург на поезде, обещав, когда вернется, купить самую большую машину, какая есть — на семь пассажиров — и, может быть, на этот раз закрытую? Семиместный «лексингтон-седан», например? Или «мармон»? Или «пирс-эрроу»? Подумай над этим, дорогая.

Я не слишком задумалась, зная, что когда придет время, Брайан выберет сам. Но меня радовало, что у нас будет машина побольше. Пятиместная тесновата для семьи в десять человек (или в одиннадцать, если получилось).

Так что, когда Брайан вернулся домой первого апреля семнадцатого года, мы с ним остались дома и занялись любовью в постели. В конце концов, совсем не обязательно делать это на траве.

В ту ночь, когда мы уже утомились, но спать еще не хотелось, я спросила:

— Когда тебе нужно обратно в Платтбург, любовь моя? — он так долго не отвечал, что я добавила: — Или это нескромный вопрос? С девяносто седьмого года прошло столько времени, что я позабыла, о чем можно спрашивать, а о чем нет.

— Спрашивай о чем хочешь, дорогая моя. Кое на что я не могу ответить — или потому, что это секрет, или, еще вероятнее, потому что лейтенантам не так уж много известно. Но сейчас я тебе отвечу. Не думаю, что вернусь обратно в Платтбург. Даже уверен, что не вернусь, и потому забрал оттуда все, даже зубную щетку.

Я молчала.

— Хочешь знать, почему?

— Ты сам скажешь, если захочешь. И если сможешь.

— Ишь какая покладистая. Ты что, лишена элементарного бабьего любопытства?

(Нет, не лишена, дорогой мой — но вытяну из тебя больше, если не буду его проявлять.)

— Ну скажи — почему?

— Так вот, в газетах могут писать что угодно, но так называемая «нота Циммермана» — подлинный факт. Нам не удастся больше сохранять свой нейтралитет — и месяца не продержимся. Вопрос вот в чем: будем мы посылать еще войска на мексиканскую границу? Или пошлем армию в Европу? Будем мы ждать, когда Мексика нападет на нас, или сами объявим ей войну? Или сначала объявим войну кайзеру? И если да, то осмелимся ли повернуться к Мексике спиной?

— Неужели дело настолько плохо?

— Многое зависит от президента Каррансы. Да, дело труба. Я уже получил мобилизационное предписание. Придет телеграмма — и все, я на службе и отправляюсь на свой мобилизационный пункт... не в Платтбург,— он потянулся ко мне.— Забудь про войну и подумай обо мне, миссис Мак-Гилликади.

— Да, Кларенс.

Пропев куплеты из «Дочки старого Райли», Брайан сказал:

— Ну что ж, неплохо, миссис Мак. Вы, я вижу, практиковались.

— Куда там, миленький, отец с меня глаз не спускал. Он считает, что я нехорошая женщина и сплю с другими мужчинами.

— Вот чепуха! Разве ж ты даешь им уснуть? Да никогда. Я скажу ему.

— Не трудись — отец составил мнение обо мне, когда мы с тобой еще не встретились. А как там платтбургские девочки? Аппетитные? Шустрые?

— Зенобия, мне больно в этом признаваться, но... видишь ли... у меня ни одной не было. Ни единой.

— Но Кларенс!

— Лапушка, они меня там доконали. Полевые учения, занятия и лекции днем, шесть дней в неделю, и учебные тревоги по

воскресеньям. Вечером снова занятия и больше уроков, чем можно одолеть. Валишься спать около полуночи, а в шесть уже подъем. Пощупая мои ребра, как я отощал. Эй! Это не ребро!

— Да, это вообще не кость. Губерт, я хочу подержать тебя в постели, пока ты не подкормишься и не окрепнешь. Твой рассказ растрогал меня.

— Да, он трагичен, я знаю. Но что оправдывает тебя? Джастин уж точно предлагал тебе немного развлечься.

— Милый мой, Джастин с Элеанор в самом деле обедали у нас. Но в доме полно детворы, а батюшка изображает из себя филина, так что меня даже и по заднице не потрепали. Лишь несколько галантных непристойностей шепнули мне в зардевшееся ушко.

— В какое? Надо бы поехать к ним.

— Но они так далеко живут.

К ним надо было долго ехать даже на машине, а уж на трамвае и вовсе целую вечность. С Везерелами мы познакомились в нашей новой церкви, Ливудской методистской, когда переехали на бульвар Бентона. Но в тот же год, когда мы еще не стали близкими друзьями, Везерелы переехали в район новой застройки Дж.К. Николса, на юге в окрестностях Загородного клуба, перешли в епископальную церковь поближе к дому, и мы потеряли с ними связь. Мы с Брайаном говорили о них — от них обоих хорошо пахло — но они слишком далеко уехали, чтобы с ними общаться, они были старше нас и определенно состоятельные люди. Все это немного стесняло меня, и я перевела Везерелов в пассив.

Потом Брайан снова столкнулся с Джастином, когда тот пытался попасть в Платтбург и сослался на Брайана, как на поручителя, чем мой муж был польщен. Джастина не брали на подготовку из-за поврежденной в детстве ноги — еще не умея ходить, он стал жертвой несчастного случая и хромал, но почти незаметно. Брайан обратился с просьбой о пересмотре решения — ее не удовлетворили, но в итоге Элеанор пригласила нас на обед в январе, за неделю до отъезда Брайана.

Чудесный большой дом и еще больше детей, чем у нас. Джастин внес в его планировку изящное, но дорогое решение: они с

Элеанор занимали не одну только спальню, но весь верхний этаж в одном из крыльев — апартаменты, в которые входила гостиная (отдельная, помимо салона и малой гостиной внизу), огромная спальня с буфетом и винным погребцом и большая туалетная комната. Последняя делилась на ванную, душ и два туалета, а в одном из них находилось устройство, о котором я только слыхала, но до сих пор не видела: биде.

Элеанор показала мне, как оно действует, и я пришла в восторг. Как раз то, что надо Морин с ее красноречивым запашком. Я так и сказала Элеанор.

— А по-моему, у тебя восхитительный естественный запах,— серьезно ответила она,— и Джастин тоже так думает.

— Он тебе сам сказал?

Элеанор взяла мое лицо в ладони и поцеловала меня легко и нежно мягким ртом — ее язык не коснулся моего, но поцелуй был глубоким.

— Сказал. И не только это. Дорогая, его так влечет к тебе (да, я знала), и меня тоже. А еще меня влечет к твоему мужу, так всю и пронизывает, когда Брайан рядом. Если бы вы разделяли наши чувства... мы с Джастин были бы рады дать им выход.

— Ты хочешь, чтобы мы с тобой поменялись?

— Ну да! Честная мена — не грабеж.

— Согласна! — не колеблясь ответила я.

— Вот и хорошо! А с Брайаном ты не хочешь посоветоваться?

— Нет необходимости. Я знаю. Он готов живьем тебя съесть,— я тоже взяла в ладони ее лицо и поцеловала в губы.— Как мы это устроим?

— Как вам удобнее, Морин, милая. Наша гостиная в считанные секунды превращается во вторую спальню, и при ней есть своя туалетная. Так что можем или разбиться на пары или остаться вчетвером.

— Мы с Брайни не прячемся друг от друга. Элеанор, я убедилась на опыте, что, если просто раздеться, можно сэкономить время и слова.

Она вздрогнула.

— Я тоже убедилась в этом. Но ты, Морин, меня поражаешь. Я тебя знаю уже лет десять. Когда мы еще жили на Саут-Бентон и

все ходили в Линвудскую церковь, мы с Джастином говорили о вас как о возможных партнерах. И я сказала, что в глазах у Брайана есть нечто, внушающее надежду, но способа пробить твою броню я не вижу. Истинная леди, прямо из «Еженедельника Годи для дам». А поскольку такого рода семейные игры всегда обговариваются сначала между женами, мы просто внесли вас в список пропащих.

Я с усмешкой расстегивала свои крючки и пуговицы.

— Милая Элеанор, я рассталась с невинностью в четырнадцать лет и с тех пор все никак не уймусь. Брайан это знает и понимает меня, и любит такой, какая есть.

— Прекрасно! А я, голубка, отдала свою вишенку в двадцать мужчине вчетверо старше себя.

— Стало быть, не Джастину.

— О Боже, конечно нет,— она переступила свои штанишки и осталась в чулках и домашних туфельках.— Я готова.

— Я тоже,— я не могла оторвать от нее глаз и жалела, что Брайни не побрил и меня — она была гладенькая, как апельсин. Как будет любить ее Брайни — беленькую, высокую, точеную!

Через несколько минут Джастин уложил меня на персидский ковер перед огнем в их гостиной, а Элеанор с моим мужем устроились рядом. Она повернула ко мне голову, улыбнулась, взяла меня за руку, и я приняла ее мужа, а она — моего.

В светских салонах Будлока за «Стимулятором» и «Собеседником» часто спорят об идеальном количестве участников для полигамной любви.

Одни предпочитают трио всех четырех видов или один из четырех, другие ставят на большие компании, третьи заявляют, что любое нечетное число хорошо, а четное не подходит. Я лично продолжаю считать, что с двумя семейными парами, где все любят друг друга, ничто сравниться не может. Ничего не имею против других вариантов — они все мне нравятся. Просто тот, который я назвала, нравится мне больше всех и уже много лет.

Попозже Брайан позвонил отцу и сказал, что на улицах гололедица — не подежурит ли дедушка одну ночь в зверинце?

— Почему у тебя такой отсутствующий взгляд? — спросил Брайан, глядя на меня сверху.

— Думала о твоей любимой девушке.

— Моя любимая девушка — ты.

— О любимой блондинке. Об Элеанор.

— А, само собой.

— И о твоей любимой старшей дочке.

— В этой фразе есть какое-то противоречие. Любимая старшая дочка. Старшая любимая дочка. Полагаю, что и то и другое относится к Нэнси. Ну и что же?

— То, о чем не напишешь в письме. Нэнси сделала это.

— Что сделала? Если речь про того прыщавого парня, то ты, помнится, пришла к выводу, что это произошло еще год назад. Сколько же раз она может прощаться с девственностью?

— Брайни, Нэнси решила мне открыться, потому что испугалась. А прыщавый мальчишка больше не показывается к нам, потому что не остановился, когда у него порвалась резинка. Вот девочка и сказала все маме. Я промыла ее, мы вместе проверили ее календарь, а через три дня у нее началось, и она перестала бояться. Но мы наконец-то поговорили по-женски. Я прочла ей ускоренный курс дедушки Айры, используя в качестве наглядных пособий гравюры Форберга — слушай, у тебя там точно кость.

— А ты что думала? Рассказываешь мне о похождениях Нэнси, и полагаешь, что я сохраню мягкость? Пусть Нэнси мне verboten*, но мечтать-то я хотя бы могу? Если тебе можно мечтать о своем отце, то мне можно мечтать о своей дочке. Переходи к хорошим новостям, голубка.

— Мерзавец этакий. Развратник. Брайни, не искушай Нэнси, если не имеешь серьезных намерений, иначе она тут же переключится на тебя: она сейчас в неустойчивом состоянии. Теперь хорошие новости. Как мы с тобой и договорились, я рассказала Нэнси о Фонде Говарда, пообещав, что ты тоже с ней поговоришь, как приедешь, и позвонила судье Сперлингу. Он направил меня к одному адвокату у нас в городе, к мистеру Артуру Дж.Чепмену. Ты его знаешь?

---

* Verboten *(нем.)* — Запрещено.

— Слышал о нем. Оказывает услуги корпорациям, в суде не бывает. Очень дорогой.

— И один из попечителей Фонда Говарда.

— Я так и понял. Интересно.

— Я зашла к нему, представилась, и он дал мне список для Нэнси. По нашему району: графство Джексон и Клей и графство Джонсон в Канзасе.

— Хорошая охота?

— Ничего себе. В списке значится Джонатан Сперлинг Везерел, сын твоей любимой блондинки.

— Да будь я краснозадым бабуином!

— Значит, Айра думает, что этот хлыщ — побочный отпрыск его брата? — спросил Брайан немного позже.

— Да, и ты тоже так подумаешь, когда увидишь его. Дорогой, мы с ним так похожи друг на друга, что можно поклясться, будто мы брат и сестра.

— И у тебя по его поводу печет в одном месте.

— Мягко говоря. Прости меня, дорогой.

— За что прощать? Если бы ты так спокойно относилась к сексу, что не смотрела бы ни на кого, кроме своего бедного, старого, усталого, потрепанного мужа... Ой! (*я его ущипнула*), с тобой и на половину не было бы так здорово в постели. А так вы очень живая женщина, миссис Финкельштейн. Я предпочитаю вас такой, какая вы есть, и в хорошем, и в плохом.

— Может, свидетельство мне выпишешь?

— С удовольствием. Будешь показывать его своим клиентам? Дорогуша, я давно уже спустил тебя с поводка, потому что знал тогда и знаю сейчас, что ты никогда не сделаешь ничего во вред нашим детям. Не делала и не сделаешь.

— Мое досье не так уж безупречно, милый. В случае с преподобным доктором Эзекиелем я действовала глупо и бесшабашно. Я краснею, когда вспоминаю о нем.

— Зек был твоим боевым крещением, любимая. Он до того тебя напугал, что ты больше не рисковала связываться с ему подобными. Кислотной пробой на зрелость адюльтера, любовь моя,

служит как раз выбор партнера. Все остальное — естественное следствие твоего выбора. Вот этот Бронсон, который тебе то ли кузен, то ли нет: гордилась бы ты им, если бы он оказался с нами сейчас в постели? Или стыдилась бы его? Была бы ты счастлива? Подходящий он мужик или нет?

Я мысленно подвергала мистера Бронсона кислотной пробе Брайана.

— Брайан, я не могу здраво судить о нем. Голова идет кругом, и я ничего не соображаю.

— Хочешь, я поговорю о нем с дедушкой Айрой? Уж его-то с толку не собьешь.

— Да, поговори. Только не намекай, что я хочу лечь с ним в постель: отец смутится, скажет «гмм» и уйдет из комнаты. Кроме того, он и сам это знает — я чувствую.

— Понимаю. Конечно же, Айра ревнует тебя к этому франту, так что эту сторону вопроса я не стану затрагивать.

— Отец? Ревнует меня? Да что ты!

— Любимая, ты такая прелесть, что не беда, если ты немного дурочка. Айра может ревновать тебя — и ревнует — по той же причине, что и я ревную шалунью Нэнси: потому что не могу ее иметь. Айра хочет тебя сам, но ему нельзя. А мне ревновать тебя нечего, потому что ты моя, и я знаю, что твои сокровища — неисчерпаемое эльдорадо. Тот цветочек между твоих славных ляжек — все равно, что рог изобилия: я могу делить его с кем угодно, и он не иссякнет. Но для Айры это сокровище недоступно.

— Да он мог бы иметь меня, когда только захочет!

— Ух ты! Ты что, захватила его наконец врасплох?

— Черта с два. Так он и поддался.

— Значит, ситуация не изменилась: Айра не тронет тебя по той же причине, по которой я не трону Нэнси — хотя у меня нет железной уверенности, что я столь же благороден, как Айра. Ты лучше скажи Нэнси, чтобы получше прикрывалась и вела себя смирно со своим бедным, старым, хилым папой.

— Будь я проклята, если скажу, Брайни. Ты единственный мужик на свете, про которого я точно знаю, что он не причинит нашей Нэнси зла. Если она пробьет твою оборону, я ее только

похвалю — и авось научусь от нее, как управиться с собственным вредным, твердокаменным родителем.

— Ладно, рыжая, понюхаю Нэнси, а потом кинусь на тебя. Узнаешь тогда!

— Ох, испугал. А хочешь посмеяться? Брайн-младший захотел посмотреть, и Нэнси ему показала.

— А чтоб им.

— Да. Я сохранила хорошую мину: не смеялась и не претворялась шокированной. Брайан-младший сказал, что никогда не видел, чем же девочки отличаются от мальчиков.

— Чепуха! Все наши ребятишки бегали нагишом друг перед другом — мы их так воспитывали.

— Но ведь он прав, дорогой. У мальчишек все на виду, а у девочек все внутри и ничего не видно, если только она не ляжет и не даст посмотреть. Вот это Нэнси и сделала. Легла, задрала рубашку — она только что вышла из ванной — раздвинула ноги, развела руками губы и показала брату, откуда дети выходят. Ей, наверно, и самой было приятно — мне было бы, только никто из братьев меня об этом не просил.

— Женщина, в этой жизни нет такого, что не было бы тебе приятно.

Я подумала.

— Пожалуй, что и так, Брайан. Иногда бывает грустно, но вообще-то мне прекрасно живется. Даже мистер Бронсон доставляет мне больше радости, чем грусти... потому что я могу рассказать о нем своему любимому мужу, который за это не перестанет меня любить.

— Хочешь, я скажу Айре, чтобы снизил бдительность? Чтобы смотрел на тебя сквозь пальцы, как смотрел бы я?

— Давай подождем, пока ты не дашь оценку мистеру Бронсону. Если ты его одобришь, я мигом скину штанишки. А если нет, буду и дальше разыгрывать весталку. Я тебе уже говорила — у меня голова идет кругом и я не способна рассуждать. Тут нужно твое трезвое суждение.

Во вторник и «Пост», и «Стар» сообщили, что президент Вильсон обратился к конгрессу с посланием, предлагая объявить,

что США и Германская империя находятся в состоянии войны. В среду мы ожидали, что на улице вот-вот закричат «экстренный выпуск» или что зазвонит телефон, но ни того ни другого не случилось. Детей мы отправили в школу, хотя им не хотелось идти, особенно Брайану-младшему. Вудро был совершенно невыносим — я еле сдерживалась, чтобы не лупить его беспрерывно.

В четверг вернулся отец, очень взволнованный, они с Брайаном шептались, а я старалась побольше быть с ними, поручив детям все, что возможно. Вудро требовал, чтобы дед — или еще кто-нибудь — поиграл с ним в шахматы, пока дед не перекинул его через колено и не всыпал ему, поставив потом в угол.

В пятницу объявили войну. Экстренные выпуски появились на нашей улице как раз перед полуднем, и муж тотчас же позвонил своему товарищу, лейтенанту Бозеллу. Тот заехал за ним, и они оба отправились в форт Ливенворд, по месту своего назначения. Брайан не стал дожидаться телеграммы.

Брайан-младший и Джордж пришли домой обедать, проводили отца и в первый раз в жизни опоздали в школу. Нэнси и Кэрол прибежали из своей школы, всего в нескольких кварталах от нас, как раз вовремя, чтобы поцеловать Брайана. Я не стала спрашивать, сбежали они с занятий или школу распустили — это не имело значения.

Отец отдал честь лейтенанту Бозеллу и Брайану и направился прямо на остановку трамвая, не заходя в дом.

— Ты знаешь, куда и зачем я иду,— сказал он мне.— Вернусь, когда вернусь.

Да, я знала. Отец не находил себе места с тех пор, как его признали негодным к военной службе.

Я сдала все дела Нэнси и легла в постель, второй раз на дню: после завтрака я попросила отца последить за малышами, чтобы мы с Брайаном могли полежать еще — мы оба догадались, что сегодня будет Der Tag*. На этот раз я легла в постель лишь для того, чтобы поплакать.

---

* Der Tag *(нем.)* — Тот самый день.

Около трех я встала, Нэнси подала мне чай с гренкой, и я немного поела. В это время вернулся отец — такой взбешенный, каким мне еще не доводилось его видеть. Объяснять он ничего не стал. Нэнси сказала, что ему звонил мистер Бронсон, и тут отца прорвало.

Кажется, «трус» было самым мягким словом, которым он обозвал мистера Бронсона, а самым сильным — «немецкий прихвостень». Отец не сквернословил, а просто изливал свою ярость и разочарование.

Мне просто не верилось. Мистер Бронсон — трус? И сторонник немцев?

Но отец высказал в его адрес все до мелочей — видно, тот поразил его в самое сердце. В своем горе — родина в опасности, любимый муж, тайный возлюбленный и все в один день — мне пришлось напомнить себе, что отцу не менее тяжело. Сын его брата, а может, и его собственный — отец намекал, что и такое возможно,— и вдруг...

Я снова легла поплакать, а потом лежала просто так — с сухими глазами и с тройной болью в сердце. Ко мне постучал отец.

— Дочка!

— Да, отец.

— Мистер Бронсон спрашивает тебя по телефону.

— Я не хочу с ним говорить! Или нужно?

— Конечно нет. Передать ему что-нибудь?

— Скажи ему, чтобы не звонил. И не приходил сюда. И не разговаривал ни с кем из детей — ни сейчас, ни когда-либо потом.

— Скажу. И от себя кое-что добавлю. Морин, его наглость меня просто изумляет.

Около шести Кэрол принесла мне поднос с едой, и я поела. Потом пришли Джастин и Элеанор, я поплакала на плече у своей сестрички, и они утешили меня. Потом (не знаю, во сколько, но уже стемнело. В полдевятого? В девять?) внизу поднялся какой-то шум. Отец поднялся ко мне и постучался в дверь.

— Морин? Мистер Бронсон пришел.

— Что-о?

— Можно войти? Я хочу тебе кое-что показать.

Мне не хотелось его впускать — я еще не подмывалась и боялась, что отец это заметит. Но... мистер Бронсон? Здесь? После всего, что отец ему наговорил?

— Хорошо, входи.

Отец протянул мне какой-то листок — это была копия приписного свидетельства, и в ней значилось, что «Бронсон, Теодор» вступил рядовым в Национальную армию Соединенных Штатов.

— Отец, это что — какая-то глупая шутка?

— Нет. Все подлинно. Он записался.

Я вылезла из кровати.

— Отец, ты не нальешь мне ванну? Я быстро.

— Ну конечно,— он прошел в ванную, я, скинув рубашку, последовала за ним и даже не сознавала, что я голая, пока отец не отвел глаз.

— Попроси Нэнси подать ему что-нибудь. Она еще не легла?

— Никто еще не лег. Залезай в ванну, дорогая, мы тебя подождем.

Через пятнадцать минут я спустилась. Глаза у меня, наверно, были красные, но я улыбалась, от меня хорошо пахло, и на мне было мое лучшее платье. Я подошла к гостю и протянула ему руку.

— Мистер Бронсон! Мы все так гордимся вами!

Не помню толком, что происходило в следующую пару часов. Меня окружал золотой ореол смешанного с горем счастья. Моя родина воюет, муж ушел на войну, но теперь я знаю, что означают слова «лучше смерть, чем позор», и знаю, почему римские матроны говорили: «Со щитом или на щите». Те часы, в которые я верила, что мой дорогой Теодор — не тот, кем я его считала, а трус, отказавшийся защищать свою родину, были самыми длинными, самыми горькими часами в моей жизни.

Я не могла поверить, что существуют такие низкие люди. Я таких никогда не встречала. Теперь оказалось, что все это было дурной сон, какое-то недоразумение. Где-то я читала, что счастье — это когда отпускает боль. Психологи вообще-то дураки, но в ту ночь я наслаждалась именно таким счастьем. Даже мое телесное желание поутихло, и я перестала на время тревожиться

за Брайни — так радовалась, что Теодор оказался таким, каким и должен быть любимый: героем и воином.

Мои большие девочки старательно пичкали его, а Кэрол завернула ему бутерброд. Отец надавал ему кучу советов — как мужчина мужчине, как старый солдат новобранцу. Старшие мальчики наперебой старались ему услужить, и даже Вудро вел себя почти хорошо. Наконец все поочередно поцеловали мистера Бронсона, даже Брайан-младший, который не признавал поцелуев — разве что иногда клюнет мать в щеку.

И все, кроме отца, отправились спать... и настал мой черед.

Я всегда отличалась таким крепким здоровьем, что неизменно получала в награду Евангелия за аккуратное посещение воскресной школы. И не славно ли, как раз в нужный момент у меня оказалось два Евангелия? Мне не пришлось даже придумывать надпись: то, что я написала мужу, годилось для любой Лукасты, провожающей мужа на войну:

Рядовому Теодору Бронсону,
Будь верен себе и родине.
Морин Джонсон Смит,
6 апреля 1917 года.

Я протянула Теодору книгу и сказала:

— Отец?

Он знал, чего я хочу: чтобы он оставил нас ненадолго.

— Нет.

(Черт бы его побрал! Неужели он вправду думает, что я сейчас повалю Теодора на коврик? Когда дети еще не спят и находятся на расстоянии одного лестничного пролета от нас? Что ж, может он и прав.)

— Тогда отвернись.

Я обняла Теодора за шею и поцеловала — крепко, но целомудренно. Потом поняла, что целомудренным поцелуем воина не провожают, прижалась к нему и раскрыла губы. Мой язык коснулся его языка, пообещав ему без слов все, чем я владею.

— Теодор, берегите себя. И возвращайтесь ко мне.

13
НА ВОЙНУ

Отца не взяли в армейский Медицинский корпус и отказали, когда он попытался записаться в пехоту рядовым (он допустил ошибку, показав свое свидетельство об отставке, где стояла дата рождения — 1852 год). Он предпринял еще одну попытку в Сент-Луисе, заявив, что родился в 1872 году, но его и там разоблачили. Наконец ему удалось вступить в Седьмой Миссурийский полк — пехотинский полк ополчения, сформированный взамен Третьего Миссурийского полка Канзас-Сити. Третий теперь стал Сто десятым саперным, проходил подготовку в лагере Фанстон и готовился отправиться «туда».

Новый полк местной охраны, созданный для слишком юных, слишком старых, обремененных большой семьей, колченогих и хромых, посмотрел сквозь пальцы на возраст отца (шестьдесят пять лет), поскольку тот соглашался на нудную должность сержанта по снабжению и не нуждался в военной подготовке.

Я горячо приветствовала решение отца жить во время службы у нас. Впервые в жизни я осталась главой семьи, что совсем не в стиле Морин. Я согласна трудиться и стараться изо всех сил, лишь бы главные решения принимал кто-нибудь выше, сильнее и старше меня, и от кого так вкусно пахнет мужчиной. Нет, если надо, я могу быть и матерью пионеров — моя прабабушка Китчин убила троих неприятелей из мушкета своего мужа, когда того ранили, а меня отец тоже научил стрелять.

Но мне больше нравится быть настоящей женщиной при настоящем мужчине.

Брайан предупреждал, чтобы я не позволяла отцу командовать собой и говорил, что все решения должна принимать я, как глава семьи.

— Пусть Айра тебе помогает — на здоровье! Но босс в дому — ты. Пусть он об этом помнит, пусть помнят дети. И ты тоже помни.

— Да, сэр,— сказала я, мысленно вздохнув.

Брайан-младший вел себя очень благородно, оставшись за старшего мужчину в доме, но в двенадцать такая роль еще не под силу — хорошо, что его дед тоже остался с нами. Брайан-младший и Джордж подрабатывали — разносили «Джорнэл» и зажигали фонари на улицах, но все-таки приносили домой только отличные отметки. Когда лето кончилось и наступили холода, я стала вставать вместе с ними в полпятого утра, чтобы сварить им какао. Они с удовольствием пили, а у меня было легче на душе, когда я их провожала в такую темень. Зима семнадцатого-восемнадцатого годов была холодной — им приходилось кутаться, как эскимосам.

Каждую неделю я писала Бетти Лу и Нельсону. Мой бедный негодный кузен явился домой в понедельник после объявления войны и сказал Бетти Лу:

— Золотко, я придумал верный способ улизнуть от армии!

— Какой же? Кастрация? Не слишком ли жестоко?

— Что-то вроде, как мне сдается. Угадывай еще.

— Знаю! Ты сядешь в тюрьму.

— Лучше. Я вступил во флот.

И нашими рудниками стала управлять Бетти Лу. Я не сомневалась, что она справится — она была посвящена во все детали с тех пор, как мы стали главными компаньонами. А если у нее не было горного образования, то его не было и у Нельсона. Производственной стороной дела занимался наш компаньон: диплома он тоже не имел, но уже двадцать пять лет занимался добычей белого металла.

Мне казалось, у них получится. Должно было получиться. Тут уж «хочешь жить — умей копать».

В эти военные годы все люди в нашей стране стали делать то, чего не делали раньше — хорошо ли, плохо ли, но они старались. Женщины, которые раньше и лошадьми-то не умели править, водили трактора, потому что их мужья ушли приканчивать кайзера. Недоучившиеся медсестры ведали целыми палатами, потому что дипломированные сестры надели форму. Десятилетние мальчишки, вроде моего Джорджа, вязали квадратики на одеяла британским «томми» и покупали облигации Детского займа на

заработки от разноски газет. На улицах подписывали на заем («доллар в год!»), выступали «четырехминутные ораторы» и собирали пожертвования девушки из Армии Спасения, которых обожали все военные. Все старались делать что-нибудь полезное, от скручивания бинтов до сбора ореховых скорлупок и персиковых косточек для противогазов.

А что же делала Морин? Да ничего особенного. Я стряпала и вела хозяйство на семью из десяти человек, с большой помощью четырех старших и даже восьмилетней Мэри. Никогда не отказывалась скручивать бинты для Красного Креста. Следила, чтобы наша семья соблюдала все экономические меры, предписанные мистером Гербертом Гувером,— дни без мяса, без хлеба, без сладкого, и училась печь пирожки и торты из сорго, кукурузного сиропа и меда (все это не нормировалось, а сахар нормировался) — ведь побратимы капрала Бронсона могли слопать целый противень этого добра.

Инициатором побратимства выступила Кэрол, объявив капрала Бронсона «своим солдатом». Мы поочередно писали ему, а он писал нам всем, но особенно отцу.

Церковь призывала «усыновлять» одиноких солдат. Кэрол хотела, чтобы мы усыновили капрала Бронсона,— мы так и сделали, спросив сначала разрешения у Брайана, которое он прислал нам с обратной почтой.

Я писала мужу каждый день — рвала свои письма, если находила в них плохие новости или намек на жалость к себе, то есть снова и снова, пока не научилась писать настоящие письма Лукасты , поднимающие воинский дух, а не подрывающие его.

Тогда, в начале войны, Брайан находился недалеко от нас — в лагере Фанстон близ Манхеттена, штат Канзас, милях в ста к западу от Канзас-Сити. В первые три месяца Брайни ни разу не побывал дома. А потом стал приезжать на короткие уик-энды — с полудня субботы до вечера воскресенья — когда удавалось подъехать с кем-нибудь из офицеров. На автомобиле можно было успеть туда и обратно с субботы до восьми утра понедельника, на поезде — нет.

В то время поезда вообще-то ездили быстрее автомобилей, ведь мощеных дорог было мало, а в Канзасе, насколько я помню,

их не было вовсе. Существовала прямая железнодорожная линия — Юнион Пасифик. Но по железной дороге в первую очередь пропускали военные эшелоны, во вторую — товарные поезда, идущие на восток, в третью — прочие транспортные поезда, а пассажирские поезда ходили, когда путь больше никому не требовался. Мистер Мак-Аду строго соблюдал законы военного времени.

Поэтому Брайан мог вырваться домой лишь тогда, когда был свободен кто-то из сослуживцев, имевших автомобиль.

Иногда я задавалась вопросом, не жалеет ли Брайан, что продал «Эль Рео Гранде», но никогда об этом не заговаривала, как и он. Думай о хорошем, Морин! Сейчас война, и твой муж — солдат. Радуйся, что в него пока не стреляют и что он может хотя бы изредка бывать дома.

Бойня в Европе становилась все более жестокой. В марте 1917 года свергли русского царя, в ноябре коммунисты-большевики сбросили правительство президента Керенского и сразу же сдались Германии.

Тут и пришел наш черед. Дивизии обстрелянных немецких солдат перебрасывались с восточного фронта на западный, где только что высадилась во Франции небольшая группа наших войск. Союзникам приходилось туго.

Я этого не знала. Дети, конечно, тоже. Подозреваю, что они считали, будто их отец стоит двух немецких дивизий.

В мае восемнадцатого года я сообщила мужу, что в его прошлый приезд мы «выбили чек»: у меня была задержка на две недели. Знаю, у многих женщин это еще ничего не значит, но у Морин это верный знак. Я чувствовала такую эйфорию, что старалась не читать газет и только наслаждалась своими ощущениями.

Брайан всегда звонил мне не из лагеря, а из Манхеттена, чтобы поговорить свободно.

— Это плодовитая Мать-Крольчиха?

— Не так громко, Клод, разбудишь моего мужа. Моя плодовитость оправдает себя через восемь месяцев.

— Поздравляю! Так я, стало быть, приеду на Рождество — раньше я тебе ни к чему.

— Слушай, Роско: я же не в монастырь ухожу, а всего лишь жду ребенка. У меня есть другие предложения.

— Уж не от сержанта ли Бронсона?

У меня перехватило горло, и я не ответила.

— Что с тобой, любимая? Дети слушают?

— Нет, сэр. Я забрала телефон в нашу спальню, а больше наверху никого нет. Дорогой, он такой же упрямый, как и мой отец. Я приглашала его к нам, и отец приглашал, и Кэрол приглашает на каждой неделе. Он благодарит и отвечает, что не знает, когда его отпустят в увольнение. Сознается, что некоторые уик-энды у него свободны, но он не успевает добраться туда и обратно за такой короткий срок.

— Что ж, похоже на правду. Машины-то у него нет. Он оставил ее не то Айре, не то Брайану-младшему.

— Чушь. Сын Уэстонов приезжает домой каждый уик-энд, а он только рядовой. По-моему, меня отвергли.

— Ник Уэстон каждый раз ездит за сыном в Джанкшен-Сити, сама знаешь. Ну ладно, не переживай, Мейбл: деньги на столе. Я видел сегодня любимого солдата Кэрол.

Я подождала, пока сердце вернется на место.

— Да, Брайни?

— Похоже, я согласен с Кэрол. И с mon beau-pere. Я давно уже выяснил, что Бронсон — наш лучший инструктор — проверяю его оценки каждую неделю. А сам он напоминает мне Айру — так Айра мог выглядеть в его возрасте.

— А мы с сержантом Бронсоном точно близнецы.

— Да, но ты как-то лучше смотришься.

— Ну да! Ты всегда говорил, что я лучше всего выгляжу, если закрыть мне лицо подушкой.

— Я это говорил, чтобы ты не слишком зазнавалась, красотка. Ты у нас просто блеск, это всем известно... и все-таки похожа на сержанта Бронсона. Однако характером и задиристой повадкой он больше напоминает Айру. Полностью понимаю твое желание сцапать его и повалить на коврик. Если оно у тебя еще есть. Оно есть?

Я набрала в грудь побольше воздуху и выдохнула.

— Оно есть, сэр. Только вот как бы наша дочка Кэрол не оттеснила меня в сторону и не утерла мне нос.

— Ну уж нет! Кто старший по званию? У нас война. Пусть подождет своей очереди.

— Не поощряй Кэрол, если не хочешь этого всерьез, дорогой — для нее-то это серьезно.

— Что ж, не один, так другой — а я гораздо более высокого мнения о Бронсоне, чем о том прыщавом мальце, который испортил нашу Нэнси. А ты как считаешь?

— Ну конечно же. Однако у нас с тобой чисто теоретический спор: я потеряла всякую надежду заполучить сержанта Бронсона к нам домой. Во всяком случае, до конца войны.

— Я же сказал — не переживай. Одна птичка мне шепнула, что Бронсон скоро получит увольнительную на полнедели.

— О Брайан! — Я знала, что значит увольнительная на полнедели: ее давали тем, кого собирались отправить за море.

— Айра был прав: Бронсон рвется попасть «туда», и я внес его в список — из штата Першинга как раз поступил запрос на сержантов-инструкторов. А еще одна птичка мне сказала, что и мой рапорт удовлетворен — так что я должен быть дома в то же время. Теперь слушай. Я думаю, что смогу на сутки выставить его тебе под выстрел. Сумеешь обработать его за это время?

— О Господи, Брайан!

— Сумеешь или нет? Бывало, ты успевала с этим за час, имея только лошадку и двуколку; теперь в твоем распоряжении спальня для гостей с отдельной ванной. Чего тебе еще? Галеру Клеопатры?

— Брайан, лошадь с двуколкой давал мне отец, зная в чем дело, и активно содействовал мне. Теперь он почитает своим долгом стоять надо мной с ружьем — да не с дробовиком, а с двадцать восьмым калибром, и у него не дрогнет рука пустить его в ход.

— Э нет, генерал Першинг будет недоволен — хороший инструктор — большая редкость. Давай-ка я посвящу Айру в план операции, пока у меня не кончились монетки. Он там?

— Сейчас позову.

Сержант Теодор получил свой отпуск — с вечернего отбоя в понедельник до утренней поверки в четверг, и приехал-таки в Канзас-Сити. В то время на всех киносеансах обязательно показывали комедии — Джон Батти, Фатти Арбэкл, Чарли Чаплин,

Кейсон Копс. На той неделе я перещеголяла Фатти Арбэкла и Кейсона Копса, вместе взятых, столько раз я вступала в ведро или падала на ровном месте.

Начать с того, что этот невозможный сержант Теодор появился у нас только во вторник пополудни, хотя Брайан говорил, что он должен добраться к утру.

— Где вы были? Почему так долго? — нет, ничего подобного я не сказала. Может, мне и хотелось — но я научилась не путать мед с уксусом еще в девичьи годы. Я просто взяла его за руку, поцеловала в щеку и сказала со всем отпущенным мне теплом: — Сержант Теодор... как хорошо, что вы дома.

За обедом я продолжала изображать Корнелию, мать Гракхов, спокойно улыбаясь, пока дети наперебой старались привлечь внимание сержанта, а также отца, который рвался поговорить с ним о военных делах. В конце обеда отец предложил (по предварительному сговору со мной), чтобы сержант Бронсон повез меня покататься, и подавил попытки младших увязаться с нами — особенно буйствовал Вудро, желавший, чтобы с ним одновременно играли в шахматы и везли его в Электрик-парк.

И вот мы с сержантом Теодором отправились в путь на самом закате дня, держа на юг. В восемнадцатом году восточная сторона Канзас-Сити практически кончалась на юге Тридцать девятой улицей, хотя границей города считалась семьдесят седьмая, поскольку Суоп-парк входил в черту города. В Суоп-парке было много уголков для влюбленных, но мне требовалось нечто гораздо более уединенное — и я знала такие места, ведь мы с Брайни в свое время облазили все боковые дороги в поисках «секс-пастбищ», как выражался Брайни,— полянок, которых не достигает коршуний глаз миссис Гранди.

Вдоль восточной стороны Канзас-Сити протекает Блю-Ривер. В восемнадцатом году на ней было много местечек — равно как и непролазных кустов, вязкой грязи, клещей, москитов и ядовитого плюща. Надо было знать, куда ехать. Проехав немного на юг и зная, где пересечь большие дороги на Сент-Луис и Фриско, можно было попасть в лесистую, поросшую травой лощину — не хуже, чем в Суоп-парке, но совершенно уединенную: с одной сто-

роны река, с другой — железнодорожная насыпь, а вела туда только одна узкая дорога.

Мне хотелось именно туда. К тому месту я испытывала особое чувство. Когда мы в двенадцатом году благодаря «Эль Рео Гранде» получили свободу передвижения, именно туда первым делом повез меня Брайни, чтобы насладиться любовью на природе. После этого замечательного пикника (мы брали с собой завтрак) я понесла Вудро.

Я хотела отдаться своей новой любви на том же самом месте — а потом подробно рассказать обо всем мужу и посмеяться с ним всласть, когда мы ляжем в постель. Брайни упивался моими интрижками и всегда с удовольствием слушал про них и до, и во время, и после наших с ним любовных игр — эти рассказы служили приправой к любви.

Брайан рассказывал мне и про свои приключения, но больше любил слушать про мои.

И я поехала с Теодором на то заветное место.

Времени у нас было в обрез: я обещала отцу, что мы управимся быстро — ну, положим еще полчаса или три четверти часа на чудесный, плавный повтор и вернемся где-то в пол-одиннадцатого, в одиннадцать.

— Я уже должна быть дома, когда ты вернешься из Арсенала, отец.

Отец согласился с моими расчетами — включая и необходимость повторить, если нам понравится в первый раз.

— Хорошо, дочка. Если задержишься — позвони, чтобы мы не волновались. И, Морин...

— Да, отец?

— Насладись от души, дорогая.

— Oh, mon cher papa, tu es aimable! Je t'adore!*

— Обожай лучше сержанта Теда. Может, у него теперь долго не будет случая — так ты уж постарайся. Я люблю тебя, лучшая из девочек.

---

* Mon cher papa, tu es aimable! Je t'adore! *(фр.)* — Дорогой папа, какой ты милый! Я тебя обожаю!

Обычно я, когда желаю быть соблазненной, решаю это загодя, создаю или помогаю создать удобный случай и содействую всем авансам номинального соблазнителя. (И наоборот: когда я не желаю быть соблазненной, то просто не допускаю удобного случая.) В ту ночь у меня не было времени на утонченный, подобающий леди ритуал. Был только один шанс и два часа на его осуществление — второго шанса не будет, Теодор уедет за море. Попрощаться с воином следовало сейчас.

Поэтому Морин вела себя не как леди. Как только мы свернули с бульвара Бентона и сумерки скрыли нас от посторонних глаз, я попросила Теодора обнять меня за талию. Когда он сделал это, я взяла его руку и положила на грудь. Большинство мужчин понимает это правильно.

Теодор тоже понял, и у него перехватило дыхание. Я сказала:

— Нам некогда стесняться, дорогой Теодоро. Не бойся ласкать меня.

Его ладонь охватила мою грудь.

— Я люблю тебя, Морин.

— Мы полюбили друг друга с первой встречи,— уточнила я.— Просто не могли об этом сказать,— я опустила его руку за ворот своего платья, и она обожгла меня.

— Да,— хрипло сказал он,— я не смел сказать.

— Ты бы никогда и не сказал, Теодор. Так что я решила набраться смелости и сказать тебе, что чувствую то же самое. Вот, кажется, и наш поворот.

— Да, кажется, он. Мне нужны обе руки, чтобы вести машину по этой дороге.

— Да, но только пока мы не доберемся до места. А там уже твои руки... и все твое внимание понадобятся мне...

— Да!

Теодор въехал в лощину, развернул автомобиль, выключил фары, заглушил мотор, поставил ручной тормоз и повернулся ко мне. Он обнял меня, и мы поцеловались, слившись друг с другом — наши языки, соприкасаясь и ласкаясь, сказали все без слов. Я испытывала полное блаженство. Я по-прежнему считаю, что по-настоящему глубокий поцелуй более интимен, чем сово-

купление; женщина не должна так целоваться, если не намерена сразу же после этого поцелуя отдаться мужчине так, как он хочет.

И я без слов сказала это Теодору. Как только наши языки встретились, я подняла юбку и положила его руку себе между ног. Он еще колебался, и я направила его руку повыше.

Колебания кончились — Теодору нужно было только дать понять, что я знаю, чего хочу, и что все его действия будут приветствоваться. Он нежно потрогал меня, потом просунул внутрь палец. Я дала ему войти, а потом стиснула изо всех сил — и поздравила себя с тем, что неустанно упражнялась с тех пор, как родила Этель — целых два года. Люблю удивлять мужчин силой своего сфинктера. Дети так растянули мой проход, что я, если бы не работала над собой непрерывно, стала бы «широкой, как амбарная дверь, и расхлябанной, как старый башмак» — так говорил отец, по совету которого я и следила за собой с самого начала.

Теперь мы отбросили всякое стеснение и действовали без оглядки. Но я хотела еще кое-что ему сказать, поэтому чуть отвела свои губы и со смешком, щекочущим ему рот, проговорила:

— Ты не удивился, что я без панталон? Я их сняла, когда поднималась наверх... не могла же я прощаться с моим бравым воином в панталонах. Смелей, любимый мой солдат — мне ничего не будет, я в положении.

— Что ты сказала?

— Неужели мне опять надо проявлять смелость? Я беременна, Теодор; никаких сомнений, уже семь недель. Так что резинки не надо...

— У меня ее и нет.

— Значит, хорошо, что она не понадобится. Но разве ты не собирался любить меня?

— Нет, не собирался. И в мыслях не было.

— Так вот сейчас ты меня возьмешь. Теперь уж не отвертишься. Я достанусь тебе голенькая, дорогой, без резинки. Хочешь, чтобы я разделась совсем? Я разденусь, если хочешь. Я не боюсь.

Он впился в меня поцелуем.

— Морин, по-моему, ты ничего на свете не боишься.

— Нет, боюсь. Ни за что не пошла бы одна ночью по Двенадцатой улице. Но бояться секса и любви? Что же в них страшного? И ты не бойся, милый. Я буду любить тебя, как умею. А если чего-то не сумею — научи меня, и я попробую. (Теодор, хватит разговоров — бери меня!)

— Сиденье очень узкое.

— Я слышала, молодежь снимает заднее сиденье и устраивается на земле. Там, сзади, и полость есть.

— Ага.

Мы вышли из машины, и тут произошла история прямо в духе Кейстона Копса.

Вудро.

Мой любимчик, которого я бы в тот момент охотно придушила, спал на заднем сиденье и проснулся, когда я открыла дверцу. То есть это я думала, что он проснулся — может быть, он не спал и все слышал, запоминая незнакомые слова для будущих расспросов — или для шантажа.

Ох, уж этот мальчишка! И что из него только вырастет?

Вслух я произнесла полным счастья голосом:

— Вудро, негодник ты этакий! Сержант Теодор, посмотрите-ка, кто спит на заднем сиденье,— я протянула руку назад, стараясь застегнуть Теодоровы бриджи.

— Сержант Тед обещал взять меня в Электрик-парк!

И мы, уже под присмотром, отправились в Электрик-парк.

Интересно, старалась ли еще какая-нибудь женщина «погубить себя» так же, как я?

Двадцать часов спустя я лежала в своей постели. По правую руку от меня лежал мой муж капитан Брайан Смит, по левую — мой любовник капитан Лазарус Лонг. Каждый положил руку мне под голову и ласкал меня свободной рукой.

— Брайан, любимый,— говорила я,— когда Лазарус завершил пароль, произнеся: «...но только пока не настали тяжелые времена», я чуть не упала в обморок. А когда он сказал, что происходит от меня — то есть от нас с тобой — то есть от Вудро — я почувствовала, что схожу с ума. Или уже сошла.

Брайни щекотал мой правый сосок.

— Не волнуйся, Вертлявые Ляжки. У женщин это не так заметно — лишь бы не забыла, как стряпать. А ну-ка перестань.

Я ослабила хватку.

— Неженка. Не так уж я и сильно.

— Я несколько не в форме. Капитан Лонг, насколько я понимаю, вы решили открыться — в ущерб своим же интересам — лишь для того, чтобы сказать мне, что меня не ранят и не убьют.

— Нет, капитан, совсем не поэтому.

— Тогда сознаюсь, что ничего не понимаю.

— Я открыл, что я говардовец из будущего, чтобы успокоить миссис Смит. Ее безумно тревожило то, что вы можете не вернуться. И я сказал ей, что уверен в вашем возвращении. Поскольку вы один из прямых моих предков, я изучил вашу биографию еще в Бундоке и знаю, о чем говорю.

— Ценю ваши побуждения. Морин — мое сокровище. Но вы и меня успокоили.

— Извините, капитан Смит — я не говорил, что вас не ранят.

— Как же не говорили? Вы только что...

— Нет, сэр. Я сказал, что вы вернетесь — и вы вернетесь. Но я не говорил, что вас не ранят. В архивах Бундока на этот счет ничего нет. Вы можете лишиться руки. Или ноги. Или глаз. А может, и рук и ног — не знаю. Я уверен только в одном: вы останетесь в живых и сохраните в целости свои гениталии — в архивах есть сведения, что у вас будет еще несколько детей — те, что появятся после войны, после вашего возвращения из Франции. Видите ли, капитан, в Архивах Семей Говарда содержатся в основном генеалогические данные — других почти нет.

— Капитан Лонг...

— Зовите меня лучше «Бронсон», сэр. Здесь я сержант — мой корабль находится в далеком будущем и за много световых лет отсюда.

— Тогда и вы бросьте называть меня «капитан» ради всего святого. Я Брайан, а вы Лазарус.

— Лучше Тед. Ваши дети зовут меня «дядя Тед» или «сержант Тед». Имя Лазарус вызовет лишние расспросы.

— Теодор,— сказала я,— отец знает, что ты Лазарус, и Нэнси с Джонатаном знают. Будет знать и Кэрол, когда ты ляжешь с ней в постель. Ты разрешил мне рассказать все Нэнси, когда лег в постель с ней, а мои старшие дочки слишком близки друг к другу, чтобы хранить такие тайны — так мне кажется.

— Морин, я разрешил тебе рассказать обо мне кому угодно — все равно не поверят. Но слишком долго объяснять каждому все сначала. И почему ты полагаешь, что я лягу в постель с Кэрол? Я ничего на этот счет не говорил и не просил о такой привилегии.

Я повернулась вправо.

— Ты слышишь этого человека, Брайан? Понимаешь теперь, почему мне больше года не удавалось его изловить? Он ничуть не возражал против того, чтобы трахнуть Нэнси...

— Меня это не удивляет — я тоже не возражал бы,— облизнулся мой муж.— Нэнси — нечто особенное, я всегда это знал.

— Старый ты козел, любимый. Не думаю, чтобы ты пропустил хоть одну юбку с тех пор, как тебе исполнилось девять...

— Восемь.

— Хвастун и врунишка. И Теодор не лучше. Дает мне понять, что готов исполнить мечту Кэрол, если я улажу это со штабом, то есть с тобой... я это делаю, потом говорю Кэрол, чтобы не отчаивалась — мама хлопочет, и все еще может быть хорошо. А теперь он делает вид, будто впервые об этом слышит.

— Я предвидел, Морин, что у Брайана будут возражения — и они есть.

— Минутку, Лазарус. Я не возражаю. Кэрол — физически взрослая женщина и, как я сегодня узнал, уже не девственница. Оно и не удивительно: Кэрол на год старше, чем была ее мать, когда...

— Почти на два,— вставила я.

— Ты молчи — я дочку сватаю. Я просто оговорил несколько разумных правил, чтобы уберечь Кэрол. Ты ведь согласен, Лазарус, что они разумны?

— Безусловно, капитан. Просто я отказываюсь подчиняться им. Это мое право, как ваше право — устанавливать их. Вы поставили мне условие, что я могу сойтись с вашей дочерью Кэрол только по вашим правилам. Решено — я ее не трону.

— Прекрасно, сэр!

— Джентльмены, джентльмены! — позволила я себе несколько повысить голос.— Вы оба прямо как Вудро. Что это за правила?

Теодор промолчал, а Брайан обиженно ответил:

— Во-первых, я просил его воспользоваться резинкой. С тобой или с Нэнси это было не обязательно — вы обе и так брюхатые. Он отказался. Тогда я...

— Ты удивлен, дорогой? Не ты ли говорил, что это все равно, что мыть ноги, не снимая носков.

— Да, но Кэрол ребенок пока совсем ни к чему. И уж тем более незаконный, пока она не заключила говардский союз. Я знаю, Мо, Теодор — тоже говардец, поэтому сказал: ладно, если Кэрол забеременеет от этакого прощания с солдатом, пусть он тогда пообещает, что после войны вернется, женится на Кэрол и возьмет ее с ребенком на... как называется твоя планета, капитан? Бундок?

— Бундок — это город, я живу в его пригороде. Планета называется Теллус Терциус, Земля номер три.

— Почему же ты не соглашаешься, Теодор? — вздохнула я.— Ты говорил, что у тебя четыре жены и три собрата-мужа. Почему бы тебе не жениться и на нашей Кэрол? Она хорошо готовит и не так уж много ест. И у нее славный характер и любящее сердечко,— я думала о том, с какой радостью сама отправилась бы в Бундок — и вышла замуж за Тамару. Этого, конечно не будет — у меня ведь тут Брайни и малыши, но помечтать и старухе можно.

— Я живу по своим правилам,— медленно сказал Теодор,— и у меня на то свои резоны. Если капитан Смит не доверяет моему отношению к людям...

— Не к людям, капитан! А к шестнадцатилетней девочке, за которую я отвечаю.

— И я тоже. Я повторяю — к людям, шестнадцатилетние они девочки или нет. Вы требуете от меня обещания — обещаний я не даю. Это все, и я жалею, что мы подняли этот вопрос. Я его не поднимал. Я здесь не для того, капитан, чтобы спать с вашими леди — я приехал попрощаться и поблагодарить семью, которая дарила мне тепло и гостеприимство. Я не хотел смущать ваш покой. Извините, капитан.

— Тед, не будь ты таким официальным, черт тебя подери. Ты прямо как мой тесть, когда он сердится. Ничей покой ты не смущал. Ты принес большую радость моей жене, и я благодарю тебя за это. Я знаю, что она все подстроила: она давно говорит, что сделала бы с тобой, если бы застала одного. Речь только о Кэрол, а она на тебя не покушалась. Если ты не хочешь ее на тех минимальных условиях, которые я поставил для ее же блага, пусть путается с мальчишками своего возраста, как ей и положено.

— Полностью согласен, сэр.

— Да брось ты к черту это «сэр»! Ты лежишь в постели с моей женой. И со мной.

— Нечего сказать — хорошо придумали.

— Мо, это единственное разумное решение.

— Мужчины! Всегда делают то, что считают «разумным», и всегда все портят своим упрямством. Брайни, как ты не поймешь, что Кэрол не нужны обещания? Ей хочется просто раздвинуть ноги, закрыть глаза и надеяться, что будет ребенок. Если ребенка не получится, она себе через месяц все глаза выплачет. А если получится — что ж, я доверяю Теодору, и Кэрол тоже.

— Ох, Бога ради, Мо! — сказал Брайни.— Тед, вообще-то с ней легко ладить...

— Морин,— начал Теодор,— ты сказала, что она выплачет себе все глаза через месяц. Ты знаешь ее календарь?

— Дай подумать,— мои девочки сами вели свои календари, но старая опытная мама тоже держала ухо востро, на всякий случай.— Сегодня среда. Если я правильно помню, у Кэрол должно начаться через три недели. А что?

— Ты помнишь мое «правило правой руки», с помощью которого можно вычислить, когда «выбивать чек», как ты говоришь?

— Помню. Ты сказал, что нужно отсчитать четырнадцать дней с начала менструации — это и будет верный день, а еще предыдущий и следующий.

— Да, это правило касается того, как забеременеть, но оно имеет и обратную сторону — можно высчитать, как не забеременеть. Если у женщины цикл проходит регулярно и нет никакой патологии. У Кэрол он идет регулярно?

— Как часы. Двадцать восемь дней.

— Брайан, если допустить, что Морин правильно помнит календарь Кэрол...

— Спорить могу, что правильно. Она никогда не ошибается в счете с тех пор, как выучила сколько будет дважды два.

— Тогда Кэрол на этой неделе не может забеременеть. К следующему ее плодоносному периоду я буду далеко в море, а пока что целый взвод морских пехотинцев не в силах сделать ей ребенка.

— Надо поговорить с Айрой,— задумался Брайни.— Если он подтвердит, я снимаю все возражения.

— Нет.

— То есть как это нет? Я больше не ставлю условий, успокойся.

— Нет, сэр. Вы мне не доверяете, а я ничего не обещаю. Ситуация не изменилась.

Я чуть не заплакала от полного изнеможения. У мужчин голова устроена не так, как у нас, и мы их никогда не поймем. Но и обойтись без них не можем. От бурной сцены меня спас стук в дверь. Нэнси.

— Можно?

— Входи, Нэнс! — крикнул Брайан.

— Входи, дорогая,— подхватила я.

Она вошла, и я подумала — какая она миленькая. Утром она побрилась в честь обмена, который предложили они с Джонатаном — чтобы Джонатан лег в постель со мной, а Нэнси с Теодором. Теодор колебался, боясь ранить мои чувства, но я настояла, зная, как хорошо ему будет с нашей Нэнси (а Нэнси с ним, Джонатану с Морин; я была ужасно польщена, что Джонатан это предложил).

Остальной зверинец отец увел в цирк Эла Дж. Барнса, выступавший в Индепенденс-холле — всех, кроме Этель; эта была слишком мала для цирка и слишком мала, чтобы понимать. Я поставила ее кроватку в своей ванной, где могла ее слышать.

Наш обмен прошел превосходно, и я приобрела еще более высокое мнение о будущем зяте. Часа в три мы вчетвером — Нэнси, Джонатан, Теодор и я — собрались в «Смитфилде», моей большой

кровати, поболтать. Как говорит Брайни, нельзя заниматься этим все время, но говорить об этом можно без конца.

Так мы и нежились в «Смитфилде», болтая и лаская, когда позвонил Брайан — он только что приехал в город. Я велела ему быстрее идти домой и с помощью нашего семейного шифра известила его о том, что ждет его здесь. Нэнси поняла мой шифр и широко раскрыла глаза, но ничего не сказала.

Полчаса спустя она закрыла глаза, раздвинула ноги и впервые приняла своего отца — потом открыла глаза, посмотрела на нас с Джонатаном и усмехнулась. Я усмехнулась ей в ответ, а Джонатан был слишком занят.

Что нужно этому миру — так это побольше любви, потной, дружеской и не знающей стыда.

Потом дети ушли вниз — Нэнси поняла, что я хочу побыть одна с моими двумя мужчинами. Телефон на длинном шнуре она забрала с собой. Сейчас она стояла около кровати и улыбалась нам.

— Слышали звонок? Дедушка вышел на связь. Велел передать, что цирковой фургон — твоя машина, милый Тед-Лазарус — прибудет ровно в пять минут седьмого. Так что Джонатан уже в ванне — я ему сказала, чтобы не тратил всю горячую воду. Одежду он оставил здесь, сейчас отнесу ему, а сама помоюсь и оденусь тут. А твои вещи где, Тэд-Лазарус милый?

— В швейной комнате. Сейчас спущусь.

— Отбой,— сказал Брайан.— Нэнс, будь хорошей девочкой и захвати вещички Теда, как пойдешь снова наверх. Тэд, у нас в семействе обходятся без церемоний. Оденешься вместе с нами, когда позвонят в дверь. Жене не нужно других опекунов, кроме мужа, и я не собираюсь объяснять детям, почему мы принимаем гостя наверху. Mon beau-pere знает, в чем дело, и прикроет нас. А Кэрол если и догадается, то промолчит. Спасибо, Нэнси.

— Pas de quoi, mon cher pere*. Папа, а правда, Теду не надо сегодня уезжать?

— Тед уедет со мной в воскресенье вечером. Он приписан ко мне для особых поручений, и я с головой выдал его твоей матери, которая к тому времени его доконает.

---

* Pas de quoi, mon cher pere *(фр.)* — Не за что, дорогой папа.

— О нет! — хором сказали мы с Нэнси.

— Нет-то нет, но попытается. Ну, беги, милая, и запри за собой дверь.

Нэнси послушалась, и муж повернулся ко мне.

— Огневушка, теперь без двадцати шесть. Не займешь ли ты нас с Тедом чем-нибудь на двадцать пять минут?

Я сделала глубокий вдох.

— Постараюсь.

14

ЧЕРНЫЙ ВТОРНИК

Мир как миф. При всей моей любви к Хильде, при всей любви к Джубелу и при всем уважении к его аналитическому гению, теория «мир как миф» ничего не объясняет.

Как сказал бы доктор Уилл Дюран, эта гипотеза неудовлетворительна. Я училась философии у доктора Дюрана в двадцатом — двадцать первом годах, вскоре после того, как он расстался с католической церковью, стал агностиком и социалистом и вступил в брак — а все из-за того, что спутался с четырнадцатилетней девчонкой вдвое моложе себя.

Доктор Дюран, должно быть, разочаровал миссис Гранди — он женился на своей подсудной любви и прожил с ней до самой своей смерти, до девяноста с лишним лет, без намека на какой-либо скандал. Миссис Гранди, наверно, говорила себе, что порой не стоит подслушивать у замочных скважин.

Потеря для церкви обернулась приобретением для мира. Неспособность страстного молодого учителя держать руки подальше от хорошенькой, способной и скороспелой ученицы подарила нескольким университетам величайшего историка и философа, а Морин познакомила с метафизикой — самое мое волнующее интеллектуальное приключение с тех пор, как отец познакомил меня с профессором Томасом Генри Гекели.

Профессор Гекели открыл мне, что теология не дает ни на что ответов, поскольку является беспредметной наукой.

Беспредметной? Да, в ней нет содержания — одна только розовая подслащенная водичка. «Тео» значит «Бог», а «логия» — «слово»; все слова, оканчивающиеся на «логия», означают «учение», «наука» или «знание» о чем-то, что названо в первой части слова. Например, гиппология, астрология, проктология, эсхатология, скатология и так далее. Но прежде чем изучать предмет, надо определить для начала, о чем идет речь. И гиппологией все просто: лошадь все видели. Проктология тоже не проблема — задницу тоже все видели. А если вас так строго воспитали, что вы ее ни разу не видели, пойдите в свой муниципалитет — их там полно. Но вот предмет, обозначенный символом «тео» — дело тонкое.

«Бог», «боги»... видели ли вы когда-нибудь Бога? Если да, то когда и где, какого Она была роста и сколько весила? Какого цвета у Нее кожа? Есть ли у Нее пупок, и если да, то почему? Есть ли у Нее груди? Для какой цели? Имеются ли у Нее органы деторождения и выделения?

(Если кто-то полагает, что я издеваюсь над Богом в образе мужчины, или кто там по чьему образу создан, пусть продолжает по своему вкусу.)

Согласна, что у наиболее прогрессивных служителей Божьих идея антропоморфического Бога давно уже вышла из моды, но это не приближает нас к смыслу понятия «Бог». Давайте спросим фундаменталистов, ведь епископалиане не допустят Бога в его храм, пока он не начистит обувь и не подстрижет свою ужасную бороду... а унитарии и вовсе не пускают.

Итак, послушаем фундаменталистов: Бог есть Творец. Он создал мир. Если мир существует, следовательно, он был создан, а стало быть, есть и Создатель. Этого Создателя мы называем Богом. Падем же ниц и поклонимся Ему, ибо Он всемогущ и труды Его говорят о Его могуществе».

Будьте добры, пригласите сюда доктора С.И. Хайакаву, а если он занят — любого студента, у которого больше тройки по логике. Мне нужен кто-нибудь, кто объяснил бы, почему тавтологическое рассуждение ошибочно и как абстрактные понятия логически привязываются к конкретным. Что такое конкретное понятие? Это словесное обозначение какого либо предмета — ну,

скажем, «кот», или «лодка», или «коньки», на которые можно указать и согласиться, что когда говорят «лодка», имеется в виду не мохнатое четвероногое, способное втягивать когти.

Со словесным обозначением «Бог» так не получится, ибо указать не на что. И тавтология тут не поможет. Когда указывают на что-то другое (на реальный мир) и утверждают, что у него должен быть создатель и этот создатель должен обладать такими-то и такими-то качествами,— это не что иное, как бездоказательное суждение. Вы показали на конкретную вещь, на реальный мир, и утверждаете, что у этой вещи должен быть «Создатель»? Кто это вам сказал? Имя и адрес? А кто сказал ему? Утверждать, что нечто конкретное было создано из ничего — даже не из пустоты — кем-то, кого вы показать не можете, не значит прийти к философскому или вообще какому-либо выводу. Так, звук пустой — «рассказанная полоумная повесть, шумна, и яростна и ничего не значит».

Иезуиты учатся молоть подобную чушь четырнадцать лет. Фундаменталистские проповедники на Юге обучаются этому в гораздо более короткий срок. Но все равно это чушь.

Вы уж простите меня. Попытки определить, что такое «Бог», могут довести человека до крапивницы. В отличие от теологии у метафизики есть предмет — реальный мир, который можно осязать, пробовать на вкус и видеть — мир ухоженных дорог, красивых мужчин, железнодорожных билетов, лающих собак, войн и воскресной пастилы. Однако в метафизике ответов тоже нет — одни вопросы.

Зато какие чудесные вопросы!

Был ли этот мир создан? Если да, то когда, кем и зачем?

Каким образом сознание (человеческое «я») связано с реальным миром?

Что происходит с этим «я», когда тело, которое я ношу, прекращает действовать, умирает, разлагается и его едят черви?

Почему я здесь? Откуда взялась и куда иду?

Почему здесь вы? Здесь ли вы? Есть ли вы вообще? Или я совсем одна?

И много еще. В метафизике каждая из этих идей называется длинным словом, но вам они ни к чему: для вопросов, на которые нет ответов, сойдут и короткие английские слова.

Люди, которые заявляют, будто знают ответы на эти вопросы — это мошенники, выманивающие у вас денежки. Без всяких исключений. А если вы уличите их в обмане, осмелитесь сказать вслух, что король голый, они по возможности линчуют вас, причем из лучших побуждений.

Со мной сейчас именно это и происходит. Я распустила язык, не разобравшись в устройстве здешнего общества, а теперь меня повесят (надеюсь, всего лишь повесят) за тяжкое преступление — святотатство.

Мне следовало быть умнее. Со мной уже был случай в Сан-Франциско: не думая никого этим задеть, я заметила, что, по всем имеющимся данным, Иисус был голубой.

И на меня ополчились сразу две группы населения: а) голубые, б) нормальные. Насилу я убралась из города.

Как я хочу, чтобы Пиксель вернулся.

В понедельник мы поженили нашу Нэнси с Джонатаном Везерелом. Невеста прятала под белым одеянием эмбрион величиной с орех, открывающий ей доступ в Фонд Говарда, мать невесты глупо ухмылялась, вспоминая, чем занималась на неделе, а мать жениха отличали более спокойная улыбка и отсутствующий взгляд, проистекающие от аналогичной (хотя и не идентичной) деятельности.

Мне стоило многих хлопот подложить Элеанор Везерел под сержанта Теодора. Я знала, что им будет хорошо — мой муж говорит, что Элеанор — матрасная плясунья мирового класса,— но старалась не только ради ее блага. Элеанор — все равно что пробный камень и при сексуальном сношении, en rapport, сразу чувствует малейшую фальшь.

Вернемся на два дня назад. В среду мой зверинец прибыл из цирка в шесть ноль пять, а в шесть тридцать мы устроили пикник на заднем дворе, уложившись в этот срок благодаря тому, что Кэрол приготовила обед еще утром. На закате Брайан зажег садовые фонарики, и молодежь стала играть в крикет, а мы, старшие — Брайан, отец, Теодор и я — сидели на качелях и разговаривали.

Разговор шел о способности женщин к оплодотворению: Брайан хотел, чтобы отец послушал мнение капитана Лонга на этот счет.

Но сначала я должна рассказать, что прошлой ночью, во вторник, когда весь дом уснул, пришла к отцу и заявила, что хочу сообщить ему страшную тайну. И повторила странные вещи, которые сказал сержант Теодор во время того дурацкого и неожиданного посещения Электрик-парка: будто бы он капитан Лазарус Лонг, говардовец из будущего.

Несмотря на предупреждение о страшной тайне, отец оставил дверь приоткрытой. К нам постучалась Нэнси, и мы впустили ее. Она присела к деду на кровать с другой стороны, лицом ко мне, и сосредоточенно слушала мой рассказ.

— Мне сдается, ты ему поверила, Морин,— и про путешествие во времени, и про корабль, летающий в эфире, и про все прочее.

— Отец, он знает дату рождения Вудро. Это ты ему сказал?

— Нет — я же знаю твою политику на этот счет.

— И дату твоего рождения знает тоже — не только год, но число и месяц. Ты говорил ему?

— Нет, но это не секрет — можно найти во всех моих документах.

— Откуда ему взять твои документы? И дату рождения матери он знает — год, число и месяц.

— Это труднее, но тоже возможно. Дочка, он же сам сказал, что любой человек, имеющий доступ к архивам Фонда в Толидо, может найти эти сведения.

— Почему тогда он знает, когда родился Вудро, а когда Нэнси — не знает? Отец, он прибыл сюда, имея сведения о всех своих предках — так он говорит,— то есть о Вудро и его родословной, но когда родились братья и сестры Вудро не знает.

— Ну, если он действительно получил доступ к архивам судьи Сперлинга, он мог запомнить как раз эти даты, чтобы было чем подкрепить свою историю. Самое интересное, что он сказал, что война кончится 11 ноября этого года. На мой взгляд, она должна кончиться еще летом — причем Британии придется худо,

Франции еще хуже, а нас ждет унижение... но может затянуться до лета следующего, девятнадцатого года — тогда победят союзники, но непомерно дорогой ценой. Если окажется, что дата, предсказанная Тедом — 11 ноября 1918 года,— верна, я поверю ему и во всем остальном.

— А я ему и так верю,— сказала вдруг Нэнси.

— Почему, Нэнси? — спросил отец.

— А помнишь, дедушка — да нет, тебя не было. Это случилось в тот день, год назад, когда объявили войну. Папа поцеловал нас всех и ушел. А ты, дедушка, ушел следом за папой...

Отец кивнул.

— Да, я помню,— сказала я.

— А ты, мама, пошла прилечь. Тут позвонил дядя Тед. Да, я знаю, он звонил потом еще раз, и ты, дедушка, с ним говорил. Ты нехорошо говорил с ним...

— Да, Нэнси, и жалею об этом.

— Ну, это было недоразумение, все мы об этом знаем. Но в первый раз он позвонил примерно за час до вашего разговора. Я была расстроена и, наверно, плакала — дядя Тед понял и сказал, чтобы я не волновалась за папу, потому что он, дядя Тед, провидец и умеет предсказывать будущее. Сказал, что папа вернется домой. И я вдруг перестала тревожиться и с тех пор больше так не волновалась. Потому что знала — то, что он сказал, правда. Дядя Тед в самом деле знает будущее... потому что сам из будущего.

— Ну как, отец?

— Откуда мне знать, Морин? — отец глубоко задумался.— Думаю, нам следует остановиться на том — по принципу бритвы Оккама — что сам Тед, во всяком случае, в свою историю верит. При этом, конечно, не исключено, что у него не все дома.

— Дедушка! Ты же знаешь, что дядя Тед не сумасшедший!

— Пожалуй — но его история совершенно сумасшедшая. Нэнси, я пытаюсь подойти к ней рационально. Не ругай деда — я делаю, что могу. В худшем случае через пять месяцев все станет ясно. 11 ноября. Конечно, это слабое утешение, Морин, но немного смягчает подлый номер, который выкинул с вами Вудро. Надо было отлупить его там же, на месте.

— Не ночью же в лесу, папа, не такого малыша. А теперь уже поздно. Нэнси, помнишь то место, куда сержант Теодор возил нас всех на пикник? Мы были там.

Нэнси разинула рот.

— И Вуди с вами? Так вы не...— и она поперхнулась. Отец принял мину, словно при игре в покер. Я посмотрела с одного на другую.

— Ах вы, милые! Я с каждым из вас поделилась своими планами, но ни одному не сказала, что кто-то еще посвящен. Да, Нэнси, я, как и сказала тебе, ехала туда с определенной целью: проводить Теодора на войну наилучшим образом, если он мне позволит. И он уж было позволил, но тут выяснилось, что на заднем сиденье прятался Вудро.

— Вот ужас!

— Еще бы не ужас. Так что мы быстренько отправились оттуда в Электрик-парк, и больше остаться наедине нам не удалось.

— Ой, бедная мама! — Нэнси перегнулась через дедовы ноги, обхватила мою голову руками и закудахтала надо мной — в точности как я над ней, когда ей бывало плохо. Потом она выпрямилась.

— Мама, ты должна это сделать прямо сейчас!

— Здесь, когда в доме полно детей? Что ты, дорогая — нет, нет!

— Я тебя посторожу! Дедушка, как, по-твоему,— можно?

Отец молчал, и я повторила:

— Нет, дорогая, нет. Слишком опасно.

— Мама,— ответила она,— если ты боишься, то я — нет. Дедушка знает, что я беременна, да, дедушка? Иначе не собиралась бы замуж. И я знаю, что сказал бы Джонатан,— она соскользнула на самый край кровати.— Сейчас я пойду вниз и провожу дядю Теда на войну. А завтра скажу про это Джонатану. Мама, Джонатан просил передать тебе кое-что. Но я передам тебе это, когда опять поднимусь наверх.

— Не задерживайся слишком долго,— вяло сказала я.— Мальчишки встают в полпятого — смотри не попадись им.

— Я буду осторожна. Пока.

— Нэнси! — остановил ее дед.— А ну-ка сядь. Ты посягаешь на права своей матери.

— Но, дедушка...

— Тихо! Вниз пойдет Морин — завершить то, что начала. Как и следует. Я покараулю, дочка. А Нэнси может мне помочь, если хочет. Но помни свой же совет и не задерживайся слишком долго. Если ты к трем не поднимешься наверх, я спущусь и постучу вам в дверь.

— Мама, а почему бы нам не пойти вдвоем? — взмолилась Нэнси.— Спорю, что дяде Теду это понравится!

— Я тоже спорю, что понравится,— проворчал отец,— но сегодня он этого не получит. Хочешь проводить солдата — прекрасно. Но не сегодня, и сначала посоветуйся с Джонатаном. Теперь марш в постель, а ты, Морин, ступай вниз к Теду.

Я наклонилась к нему, поцеловала и слезла с кровати.

— Иди, Нэнси,— сказал отец,— первая вахта моя.

Она выпятила губу.

— Нет уж, дедушка, я останусь тут и буду тебе надоедать.

Я прошла через веранду в свою комнату и оттуда спустилась вниз — босиком и завернувшись в покрывало, не посмотрев, выгнал отец Нэнси или нет. Если ей удалось приручить деда, что мне, вдвое старше ее, не удалось, я не хотела этого знать. Не теперь. Теперь я думала о Теодоре... да так успешно, что в тот миг, когда тихо открыла дверь в свою швейную комнату, была в наивысшей готовности.

Как ни тихо я двигалась, он услышал меня и принял в объятия, только я закрыла дверь. Я обняла его в ответ, потом стряхнула с себя покрывало и снова приникла к нему — наконец-то оказавшись нагая в его объятиях.

Все это неизбежно привело к тому, что в среду, после пикника на заднем дворе, я сидела на качелях с Теодором, Брайаном и отцом, слушая, как спорят отец с Теодором, а наша молодежь играла в крокет. По просьбе Брайана Теодор вновь изложил свою теорию о том, когда может и когда не может забеременеть самка гомо сапиенс.

С оплодотворения они переключились на акушерство и начали осыпать друг друга безграмотной латынью, не сошедшись относительно того, что лучше всего применять при каком-то родовом осложнении. Чем больше они расходились во мнениях, тем вежливее друг с другом становились. Своего умения у меня не было — о родовых осложнениях я знаю только из книг, а сама рожаю почти так же, как курица несет яйца: ойкну разок — и готово.

Брайни наконец прервал спор к некоторому моему облегчению. Мне не хотелось даже и слушать об ужасах, которые бывают при неправильном течение родов.

— Все это очень интересно, но можно мне спросить, Айра,— есть у Теда медицинское образование или нет? Извини, Тед.

— Не за что, Брайан. Я знаю, что моя история звучит невероятно, потому-то и не люблю ее рассказывать.

— Брайан, ты разве не слышишь, что последние полчаса я обращаюсь к Теду «доктор»? А злит меня — или, точнее, угнетает — то, что Тед знает о медицине столько, сколько мне и не снилось. И все-таки от этих лекарских разговоров мне захотелось снова вернуться к практике.

Теодор прочистил горло в точности, как отец.

— Мррф, доктор Джонсон...

— Да, доктор?

— Я думаю, мои более обширные познания в терапии — вернее мои познания в более обширной терапии — раздражают вас еще и потому, что вы считаете меня человеком моложе себя. Но я, как уже говорил, только выгляжу моложе. На самом деле я старше вас.

— Сколько же вам лет?

— Я отказался ответить на такой же вопрос миссис Смит.

— Теодор! Меня зовут Морин. (Сил нет с этим человеком!)

— У маленьких кувшинчиков большие ушки,— спокойно ответил Теодор.— Доктор Джонсон, терапию моего времени не труднее изучить, чем вашу; она даже проще, поскольку в ней меньше эмпирического и она базируется на разработанной до мелочей, тщательно проверенной теории. Опираясь на эту логически

верную теорию, вы могли бы очень скоро усвоить все новые достижения и быстро перейти к клинической практике под руководством наставника. Вам это было бы нетрудно.

— Черт возьми, сэр, но у меня никогда не будет такой возможности!

— Я вам ее предлагаю, доктор. Мои сестры будут ждать меня на условленном месте в Аризоне 2 августа 1926 года, через восемь лет. Если вы пожелаете, я буду счастлив взять вас с собой в свое время и на свою планету, где вы сможете заняться терапией — проблем не будет: я там председатель правления медицинской школы. А потом вы сможете остаться на Терциусе или вернуться на Землю, если захотите,— в то же время и место, из которого отправились, но с пополненным образованием, омоложенным телом и с обновленным желанием жить — таков побочный, но прекрасный эффект омоложения.

Лицо отца приняло странное отрешенное выражение, и он прошептал: «...берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира...»

— «... и славу их»,— закончил Теодор.— Матфей, глава четвертая, стих восьмой. Но я не диавол, доктор, и не предлагаю вам ни бегства, ни власти, только свое гостеприимство после того, как пользовался вашим, да еще возможность освежить ваши знания. И совсем не обязательно решать сегодня — у нас еще восемь лет впереди. Можете отложить решение до последней минуты. На «Доре» — это мой корабль — места хватит.

Я положила руку отцу на плечо.

— Отец, ты помнишь 1893 год? Врач, обучавший отца медицине,— пояснила я Теду,— не верил в существование микробов, а вот отец после многих лет практики отправился в Северо-Западный университет поучиться современной бактериологии, асептике и тому подобным вещам. Отец, сейчас тебе предлагают то же самое — и какая невероятная возможность! Отец согласен, Теодор,— просто он иногда не любит признаваться в том, чего ему хочется.

— Не суйся не в свое дело, Морин. Тед сказал, у меня есть восемь лет на размышление.

— Кэрол не надо думать восемь лет. И мне тоже! Если Брайни разрешит — и если Теодор вправду может доставить меня обратно в тот же день и час...

— Могу.

— И я увижу Тамару?

— Ну конечно.

— Ох! Брайан? Я только съезжу и вернусь в тот же день...

— Ты можешь отправиться с ней, Брайан,— заметил Теодор.— Погостите у нас несколько дней или месяцев и в тот же день вернетесь.

— Ах ты, Господи! Сержант, нам с тобой еще войну надо выиграть. Нельзя ли отложить все это до возвращения из Франции?

— Разумеется, капитан.

Не помню, как разговор перешел на экономику. Сначала я поклялась молчать о периодах женского плодородия, но при этом скрестила пальцы. Дудочки. Оба доктора, папа и Теодор, внушали мне, что я убереглась от инфекции — гонококков, бледных спирохет и прочего — именно потому, что мне вбили в голову: «Всегда пользуйся презервативом, если не хочешь ребенка». Тому же я учила своих девочек. Я не стала говорить им о многочисленных случаях, когда обходилась без этих противных резинок, потому что была беременна и знала это. Вот как прошлой ночью. Резиновый чехольчик от болезни не спасет: главное здесь — очень-очень тщательный выбор партнера. Через рот или глаза можно заразиться не хуже, чем через влагалище,— и куда проще. Не лягу же я с мужчиной, не поцеловав его сначала? Глупости какие.

Не помню, чтобы когда-нибудь пользовалась резинкой после того, как Теодор рассказал мне о календарном способе предохранения, или чтоб мне не удалось выбить чек, когда я того хотела.

Размышляя обо всем этом, я вдруг услышала:

— Двадцать девятого октября 1929 года.

— Как так? — брякнула я.— Ты же сказал, что возвращаешься к себе второго августа двадцать шестого года?

— Слушай, о чем говорят, морковка,— сказал муж.— В понедельник будет контрольная.

— Я говорил о Черном вторнике, Морин,— пояснил Теодор.— Так назовут в будущем величайший за всю историю биржевой кризис.

— Такой же, как в девяносто седьмом?

— Не знаю точно, что произошло в девяносто седьмом — я, как уже говорил, подробно изучал только историю того десятилетия, которое намеревался провести здесь — от окончания войны до Черного вторника 29 октября 1926 года. Эти десять лет после Первой мировой войны...

— Стойте-ка! Вы сказали «Первой мировой войны», доктор? Первой?

— Доктор Джонсон, кроме этой золотой декады — с 11 ноября 1918 года по 29 октября 1929-го — вы будете воевать все столетие. В 1939 году начнется Вторая мировая война — еще дольше и страшнее этой. А более мелкие войны будут вестись на протяжении всего века. Следующий же век, двадцать первый, будет еще хуже — и намного.

— Тед,— сказал отец.— В тот день, когда объявили войну, ты просто говорил то, что знал. Да?

— Да, сэр.

— Зачем же ты тогда пошел в армию? Это не твоя война... капитан Лонг.

— Чтобы завоевать ваше уважение, пращур,— очень мягко ответил Теодор.— И чтобы Морин могла гордиться мной.

— Мррф! Ладно! Надеюсь, вы не пожалеете об этом, сэр.

— Никогда.

Четверг был хлопотливый день. Элеанор и я — с помощью всех моих и ее старших детей, с большой помощью сержанта Теодора, ставшего моим адъютантом (он называл это «собачьей вахтой», и отец тоже, но я не давала им вывести меня из себя), с некоторой помощью от наших мужей и от отца — за сутки подготовили церемонию венчания.

Должна, правда, признаться, что всю подготовительную работу мы с ней проделали загодя. Мы составили список гостей, предупредили священника, причетника и организатора бан-

кетов, как только Брайан позвонил и сказал, когда приедет. Приглашения напечатали во вторник, конверты надписали в среду двое лучших каллиграфов семьи Везерел, по домам их разнесли двое ее и двое моих мальчишек, отвечать на приглашения предлагалось по телефону конторы Джастина, ну и так далее.

Невесту мы тоже ухитрились одеть вовремя и как полагается, поскольку у сержанта Теодора неожиданно обнаружился еще один талант: швеи — то есть швеца — а точнее сказать, дамского портного. Своей главной цели — использовать телепатический дар Элеанор — я уже достигла: Теодор отвез меня к ней утром в четверг, и я изложила ей, в чем моя проблема, начав для скорости срывать с себя одежду, как только дверь ее апартаментов закрылась за нами. Потом Элеанор дала распоряжение горничной провести к нам Теодора.

Опустим натуралистические подробности; через полчаса Элеанор сказала мне:

— Морин, милая, Теодор верит во все, что говорит,— на что Теодор заметил, что каждый Наполеон в сумасшедшем доме верит в то, что говорит, не менее твердо.

— Капитан Лонг,— ответила Элеанор,— мужчины очень слабо связаны с реальностью, так что не вижу, какое это имеет значение. Вы сказали мне правду, как вы ее понимаете, о вашей жизни в будущем, и сказали правду, что любите Морин. И поскольку я тоже ее люблю, то надеюсь завоевать частицу и вашей любви. Пожалуйста, помогите мне встать — и благодарю вас, сэр! Вы мне подарили огромную радость.

Сразу после этого перед нами встала задача: как успеть доставить подвенечное платье Элеанор вместе с Нэнси к портнихе, чтобы Джонатан успел завезти Брайана с Нэнси в контору к Джастину, чтобы все четверо успели явиться в мэрию за разрешением — ведь и жених, и невеста были несовершеннолетние.

— Зачем нам портниха? — сказал Теодор.— Если не ошибаюсь, Элеанор, в этой тумбочке у вас швейная машинка «Зингер». И зачем нам Нэнси? Мама Морин, ты, кажется, говорила, что вы с ней носите одинаковые платья.

Я подтвердила, что мы действительно часто даем друг другу что-нибудь поносить.

— В бедрах я на дюйм полнее, и в груди почти на столько же. Но разве мы посмеем тронуть платье Элеанор? Погоди, ты его еще не видел.

Хотя Элеанор была крупнее и выше меня, платье мне почти годилось, поскольку однажды уже перекраивалось для Рут, дочери Элеанор, на три дюйма ниже матери. Платье было великолепное, из белого атласа, густо расшитое мелким жемчугом, с фатой из бельгийских кружев и десятифутовым шлейфом. В первоначальном виде присутствовали еще рукава «баранья ножка» и турнюр — при перекройке все это исчезло.

Ни за какие на свете деньги нельзя было сшить платье такого качества за те несколько часов, что нам оставались — моей Нэнси повезло, что ее новая мама ссудила ей такое сокровище.

Элеанор принесла его. Теодор пришел в восхищение, но не смутился.

— Элеанор, подгоним его впритык на маму Морин — тогда Нэнси как раз пролезет. Какое на ней будет белье? Корсет? Бюстгалтер? Панталоны?

— Ни разу не надевала на Нэнси корсет,— сказала я.— И она не собирается начинать.

— Правильно! — согласилась Элеанор. Хотела бы я тоже никогда не начинать. Лифчик Нэнси тоже не нужен. Как насчет штанишек? Рейтузы с этим платьем не наденешь. Эмели Берд и Харцфельд носят трусики, но и они будут выделяться под платьем, если оно будет сидеть как следует.

— Обойдемся без штанов,— решила я.

— Все старые грымзы мигом поймут, что их на ней нет,— заколебалась Элеанор.

Я с чосеровским выражением высказала свое отношение к мнению старых грымз.

— Надену ей круглые подвязки. Сменит на пояс потом, когда будет переодеваться.

— Тогда и панталоны может надеть,— добавил Теодор.

— Теодор! — поразилась я.— Удивляюсь тебе. Зачем новобрачной панталоны?

— Ну не панталоны, а самые легкие и маленькие штучки из тех, что продаются сегодня. Чтобы Джонни мог снять их с нее, дорогая. Символическая дефлорация, старый языческий обряд. Пусть почувствует, что она замужем.

Мы с Эл хихикнули.

— Не забыть сказать Нэнси.

— А я скажу Джонатану, чтобы устроил настоящую церемонию. Ну что ж, Элеанор, поставим Морин на этот низкий столик и начнем втыкать в нее булавки. Мама Морин, ты всюду чистая и сухая? Не вывернуть ли платье наизнанку — влага для атласа — просто гибель.

Следующие двадцать пять минут Теодор трудился не покладая рук, я стояла смирно, а Элеанор снабжала его булавками.

— Лазарус, где вы учились мастерству одевать женщин? — спросила она.

— В Париже лет сто назад.

— Лучше бы я не спрашивала. Я тоже числюсь среди ваших предков? Как и Морин?

— К сожалению, нет. Но я женат на трех ваших прапрапраправнучках — Тамаре, Иштар и Гамадриаде, а мой брачный брат — Айра Везерел. Может быть, есть и другое родство — наверняка есть — но Морин права: я искал в архивах только своих прямых предков. Я же не знал, что встречу тебя, Эл Прекрасный Животик. Ну вот, почти все. Как — перешивать? Или отдадим вашей портнихе?

— Ну как, Морин,— спросила Эл.— Я согласна рискнуть платьем — я доверяю Лазарусу, то есть мсье Жаку Нуару, но свадьбой Нэнси без твоего разрешения рисковать не стану.

— Я не могу судить о Теодоре, или о Лазарусе, или как там его зовут — имеется в виду тот жеребец, который использует меня вместо манекена. Но ведь ты мне, кажется, говорил, что сам перешил свои бриджи? Подогнал их по себе?

— Oui, Madame.

— Где ваши брюки, сержант? Вы всегда должны знать, где ваши брюки.

— Я знаю, где,— сказала Эл и принесла их.

— В коленках, Эл. Выверни на изнанку и посмотри,— я присоединилась к ней и вскоре сказала: — Эл, я не вижу, где он их ушивал.

— А я вижу. Вот посмотри. Нитка на старых швах немного выцвела, а та нитка, которой он шил такого же цвета, как ткань на карманах внутри — невыгоревшая.

— Мм-да,— согласилась я,— если смотреть поближе и при сильном свете.

— Мы берем тебя, парень. Комната, стол, десять долларов в неделю и все бабы, которые подвернутся.

Теодор задумался.

— Ладно, идет. Хотя мне за это обычно платят отдельно.

Эл расхохоталась, подбежала к нему и начала тереться об него грудью.

— Идет, капитан. Сколько берете за случку?

— Одного щенка из помета.

— Договорились.

Свадьба вышла на славу. Нэнси была ослепительна в своем замечательном платье, которое сидело на ней превосходно. Мэри несла букет, а Ричард — кольцо, оба в своих белых воскресных нарядах. Джонатан, к моему удивлению, предстал в элегантном костюме: жемчужно-серая визитка, галстук с жемчужной булавкой, серые брюки в полоску, штиблеты устричного цвета. Теодор в военной форме, был его свидетелем; отец, тоже в форме и при медалях, шафером; Брайан был чудо как хорош в сапогах со шпорами, в портупее, при сабле, в ярко зеленом мундире с наградами за девяносто восьмой год и в светлых офицерских брюках.

Кэрол, подружка невесты, почти не уступала Нэнси в своем зеленовато-лимонном тюле и с букетом. На Брайане-младшем, свидетеле невесты, был выпускной костюм, сшитый всего две недели назад, когда он окончил грамматическую школу,— двубортный пиджак из синего сержа, первые в жизни длинные брюки; очень взрослый вид.

Джорджу поручили следить, чтобы Вудро вел себя тихо и прилично, и разрешили применять силу в случае необходимос-

ти. Дед давал Джорджу указания в присутствии Вудро, и тот действительно вел себя хорошо — на него всегда можно было рассчитывать, когда затрагивались его собственные интересы.

Доктор Дрейпер не позволял себе никаких выдумок, которыми преподобный Тимберли чуть было не испортил мою судьбу — он читал методистскую службу прямо по руководству девятьсот четвертого года, ни словом больше, ни словом меньше; и вскоре наша Нэнси проследовала к выходу под руку с мужем, под звуки марша Мендельсона, и я вздохнула с облегчением. Венчание прошло превосходно, без всяких накладок, и я подумала, как остолбенела бы миссис Гранди, будь ей дано увидеть кое-кого из присутствующих тридцать шесть часов назад, при закрытых дверях, справляющая оргию в честь Дня Каролины.

Тогда впервые состоялся праздник, которому суждено было распространиться среди диаспоры всего человечества: Каролинин день, Каролинки, фиеста де Санта-Каролита. Теодор сказал нам, что этот день стал (то есть станет) летним празднеством плодородия, общим для всех планет и всех времен. И поднял бокал шампанского за посвящение Кэрол в женщины, а Кэрол ответила на его тост с большой серьезностью и достоинством... потом захлебнулась шипучкой, закашлялась, и пришлось ее утешать.

Я не знала тогда и посейчас не знаю, даровал ли Теодор моей Кэрол то, чего она так жаждала. Знаю только, что предоставила им для этого все возможности. Но у Теодора, этого твердолобого упрямца, никогда ничего не узнаешь.

В субботу состоялось выездное заседание попечителей Фонда Айры Говарда: судья Сперлинг, приехавший из самого Толидо, мистер Артур Дж. Чепмен, Джастин Везерел, Брайан Смит, с единодушного согласия собравшихся, сержант Теодор и мы с Элеанор.

Когда судья Сперлинг покашлял, я поняла намек и собралась ретироваться. Но Теодор встал вместе со мной.

После некоторого замешательства и я, и Элеанор остались, потому что Теодор не желал оставаться там без нас. Он объяснил, что в семьях Говарда существует абсолютное равенство полов — и

он, как председатель организации будущего, присутствующий в качестве почетного гостя на собрании Говардской организации двадцатого века, не может принять в нем участия, если женщины не будут допущены.

После того как этот вопрос уладили, Теодор повторил свои предсказания относительно одиннадцатого ноября и Черного вторника — 29 октября 1929 года. По просьбе присутствующих, на последнем событии он остановился несколько подробнее — рассказал, что доллар обесценится с двадцати пяти за унцию золота до тридцати пяти. «Президент Рузвельт издаст об этом указ, и конгресс этот указ ратифицирует... но это произойдет только в начале 1933 года».

— Одну минуту, сержант Бронсон, или капитан Лонг, или как вы себя называете, вы хотите сказать, что полковник Рузвельт вернется? Мне как-то с трудом в это верится. В тридцать третьем году ему будет...— прикинул мистер Чепмен.

— Семьдесят пять лет,— подсказал судья Сперлинг.— Что тут невероятного, Артур? Я старше его, но пока не думаю уходить на покой.

— Нет, джентльмены, нет,— сказал Теодор.— Не Тедди Рузвельт. Франклин Рузвельт. Ныне секретарь мистера Джозефуса Дэниэлса.

— Ну, в это поверить еще труднее,— покачал головой мистер Чепмен.

— Это не важно, советник, верите вы или не верите,— с некоторым раздражением сказал Теодор.— Факт то, что мистер Рузвельт принесет президентскую присягу в тридцать третьем году; вскоре после этого он закроет все банки, изымет из обращения все золото и золотые сертификаты и девальвирует доллар. Доллар никогда больше не восстановит своей нынешней стоимости. Пятьдесят лет спустя стоимость унции золота будет лихорадочно колебаться от сто до тысячи долларов.

— Молодой человек,— заметил мистер Чемпен,— вы предвещаете нам анархию.

— Нет — еще хуже. Гораздо хуже. Большинство историков назовет вторую половину двадцатого века Безумными Годами.

Социальные изменения начнутся после Второй мировой войны, но в экономике начало им положит Черный вторник 29 октября 1929 года. К концу века вы можете лишиться последней рубашки, если не предпримете определенных мер относительно своих финансовых дел. А с другой стороны — это столетие великих возможностей почти во всех областях деятельности человека.

Мистер Чепмен опустил голову, и я поняла, что он решил ничему не верить. Но судья, перекинувшись несколькими словами с Джастином, спросил:

— Капитан Лонг, не могли бы вы назвать некоторые из этих возможностей?

— Попытаюсь. Коммерческая авиация — и пассажирская, и грузовая. Железные дороги придут в упадок и уже не оправятся. В кинематограф придет звук — кино обретет речь. Телевидение. Стереовидение. Космические путешествия. Атомная энергия. Лазеры. Компьютеры. Электроника всех видов. Разработка полезных ископаемых на Луне, на астероидах. Движущиеся дороги. Криотехника. Генная инженерия. Защитные костюмы. Солнечные отражатели. Замороженные продукты питания. Гидропоника. Микроволновое приготовление пищи. Кому-нибудь из вас знакомо имя Д. Д. Гарримана?

Чепмен встал.

— Судья, предлагаю закрыть заседание.

— Сядьте, Артур, и ведите себя как следует. Капитан, вы, надеюсь, понимаете, какой шок вызывают ваши предсказания?

— Разумеется.

— Мне удается сохранить хладнокровие, лишь припоминая все те перемены, что произошли на моем веку. Если ваше обещание относительно даты окончания войны сбудется — похоже, придется принять всерьез и другие ваши предсказания. А тем временем — что бы вы еще хотели нам сказать?

— Пожалуй, больше ничего. Разве что вот это: во-первых, не спекулируйте на бирже после двадцать пятого года; во-вторых, не играйте на понижение, если неверная догадка может вас разорить.

— Этот совет хорош для любого времени. Спасибо, сэр.

Мы с Кэрол и дети поцеловали на прощанье наших мужчин в воскресенье тридцатого июня, подождали, пока не отъедет машина капитана Бозелла, и разошлись по своим углам плакать.

Летом дела на фронте шли все хуже и хуже.

Только поздней осенью стало ясно, что мы одолеваем немцев. Кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию — и мы поняли, что победим. Потом пришла ложная весть о перемирии, и моя радость омрачалась тем, что оно произошло не одиннадцатого ноября.

Но истинное перемирие настало ровно в срок, одиннадцатого ноября, и все колокола, свистки, сирены и клаксоны — все, что только могло издавать шум,— грянули разом. Только в нашем доме было тихо. В четверг Джордж принес домой номер «Пост», которую разносил, и там, в списке потерь, под рубрикой «Пропали без вести», значилось: «Бронсон Тед, капрал ополчения Канзас-Сити».

15

БУРНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ, СКУДНЫЕ ТРИДЦАТЫЕ

Из пятидесяти с лишним лет моей жизни, от моего спасения в 1982 году до начала миссии, которая и привела меня в нынешнее положение, я около десяти лет затратила на изучение сравнительной истории — особенно истории тех временных параллелей, которые пытается отстоять Ближний Круг и которые сливаются в единую линию где-то с 1900 по 1940 год.

В эту связку миров входит и мой родной мир — вторая параллель, код «Лесли Ле Круа», а за ее пределами остаются неисчислимые, но гораздо более многочисленные экзотические параллели — миры, где Колумб так и не отплыл в Индию (или не вернулся из плавания), где поселения викингов прижились, и Америка стала называться «Великий Винланд», где Московская империя, владевшая Западным побережьем Североамериканского конти-

нента, спорила с Испанской, владевшей Восточным (а королева Елизавета умирала в изгнании), где открытая Колумбом Америка уже принадлежала маньчжурской династии — и другие миры со столь причудливой историей, что в ней трудно найти хоть какую-нибудь первоначальную линию, совпадающую с нашей.

Я почти уверена, что попала как раз в такой вот экзотический мир, о существовании которого никто ранее не подозревал.

Не только история занимала меня в то время — я зарабатывала себе на жизнь сначала помощницей медсестры, потом сестрой, потом терапевтом, потом стажером по омоложению (непрерывно обучаясь при этом), пока не перешла в Корпус Времени.

Но как раз изучение истории и вселило в меня мысль попробовать себя в Корпусе.

Несколько параллелей, известных Цивилизации — так мы себя именуем,— отщепляются от единой линии где-то около 1940 года. Одна из точек расхождения — съезд демократической партии, проводившийся в том году; все зависит от того, выдвинут или не выдвинут демократы Франклина Делано Рузвельта в президенты на третий срок, затем от того, выберут его или не выберут, затем от того, продержится он до конца Второй мировой войны.

В первой параллели, код «Джон Картер», демократы избрали своим кандидатом Пола Мак-Натта, но президентом стал республиканец Роберт Тафт.

В нескольких параллелях, обозначенных общим кодом «Сирано», мистер Рузвельт был избран и на третий срок, и на четвертый, умер во время четвертого срока, и его заменил на посту вице-президент, бывший сенатор от Миссури Гарри Трумэн. В моей параллели такого сенатора не было, но из рассказов Брайана о Франции я помню некоего капитана Гарри Трумэна. «Оголтелый вояка,— говорил о нем Брайан,— прямо циркулярная пила, а не человек». Но тот Гарри Трумэн был не политик, а галантерейщик, так что вряд ли это одно и то же лицо . Брайни старался покупать перчатки и прочее только у капитана Трумэна. «Вымирающая порода,— отзывался он о нем,— джентльмен старого образца».

Во второй параллели, код «Лесли Ле Круа», из которой происхожу и я, и Лазарус Лонг, и Бундок, мистер Рузвельт был выдвинут

в президенты на третий срок в июле 1940 года, но умер от удара во время игры в теннис, в последних числах октября, что вызвало беспрецедентный конституционный кризис. Генри Уоллес, выдвинутый демократами в вице-президенты, заявил, что все демократические штаты обязаны по закону голосовать за него как за президента. Национальный комитет демократической партии имел на этот счет свое мнение, как и Коллегия выборщиков, и Верховный суд — причем ни одно из этих мнений не совпадало с мнением Уоллеса. Была и четвертая точка зрения, поскольку обязанности президента с октября исполнял Джон Нэнс Гарнер, которого не выдвинули вновь и который вышел из своей партии после июльского съезда.

Я к этому еще вернусь, ведь я выросла в той параллели. Однако заметьте вот что: мистер Рузвельт был сражен ударом, когда играл в теннис. Изучая сравнительную историю, я узнала, что во всех параллелях, кроме нашей, мистер Рузвельт был с детства искалечен полиомиелитом и прикован к инвалидному креслу!

Влияние инфекционных болезней на ход истории — неувядающая тема для дискуссий у матемисториков Терциуса. Меня особенно интересует одна эпидемия, поскольку я при ней присутствовала. В моей параллели испанская инфлюэнца за зиму восемнадцатого — девятнадцатого годов унесла пятьсот двадцать восемь тысяч жителей США и убила во Франции больше солдат, чем пули, снаряды и отравляющий газ. Что, если бы испанка пришла в Европу годом раньше? История, безусловно, изменилась бы, но каким образом? Что, если бы умер ефрейтор, назвавший потом себя Гитлером? Или изгнанник, назвавший себя Лениным? Или солдат по фамилии Петэн? Эта инфлюэнца могла убить человека за одну ночь — я сама это не раз наблюдала.

Третья параллель, код «Нейл Армстронг»,— родной мир моей брачной сестры Хейзел Стоун (Гвен Кемпбелл) и нашего общего мужа Джубелла Хэршоу. Непривлекательный мир, в котором Венера непригодна для обитания, Марс — холодная, почти лишенная воздуха пустыня, а Земля будто сошла с ума, вовлеченная Соединенными Штатами в самоубийственную, подобную переселению леммингов гонку.

Я не люблю заниматься третьей параллелью — уж очень она страшна. И в то же время она меня завораживает. В той параллели, как и в моей, американские историки называют вторую половину двадцатого века «Годами Безумия» — и есть отчего! Обратимся к фактам:

а) Самая крупная, самая долгая, самая кровавая война в истории Соединенных Штатов, которую специально мобилизованные для этого войска вели с неизвестной целью, без намерения победить — и которая кончилась тем, что войска просто ушли, бросив тот народ, за который якобы сражались.

б) Еще одна война, которая никогда не объявлялась, которая так и не завершилась — этакое вооруженное перемирие, затянувшееся на сорок лет, во время которых Соединенные Штаты восстановили дипломатические и торговые отношения с тем самым правительством, против которого ранее начали необъявленные военные действия.

в) Убийство президента, убийство кандидата в президенты, покушение на президента, совершенное известным психопатом, которому тем не менее позволили гулять на свободе,— президент серьезно ранен — убийство крупного негритянского лидера и несметное количество других покушений — неудачных, частично удавшихся и удавшихся полностью.

г) Бессмысленные убийства на улицах, в парках и в общественном транспорте, законопослушные граждане, особенно пожилые, стараются не выходить из дома после наступления темноты.

д) Школьные учителя и университетские профессора, внушающие ученикам, что патриотизм — устаревшее понятие, брак — устаревшее понятие, грех — устаревшее понятие и США — тоже устаревшее понятие.

е) Школьные учителя, не умеющие ни говорить, ни писать грамотно, не умеющие считать.

ж) Ведущий сельскохозяйственный штат, наживающийся с помощью подпольной фабрики по производству запрещенного наркотика.

з) Кокаин и героин называют «расслабухой», кражу «приватизацией», бандитский вандализм «раздолбоном», взлом «от-

купоркой», избиение «разборкой», а реакция на все эти преступления такова: мальчишки есть мальчишки, надо их поругать — авось исправятся, нечего портить им жизнь, обращаясь с ними, как с уголовниками.

и) Миллионы женщин приходят к выводу, что им выгоднее рожать внебрачных детей, чем выходить замуж или работать.

Я не могу разобраться в третьей параллели, код «Нейл Армстронг», так что послушаем лучше Джубела Хэршоу, который в ней жил. «Мама Морин,— сказал он мне,— Америка моей параллели наглядно демонстрирует, что может произойти с демократией — это самое и происходило со всеми демократиями на протяжении всей истории. Истинная «поголовная» демократия, где каждый взрослый имеет право голоса, лишена обратной связи, служащей человеку для самоусовершенствования. Она целиком и полностью зависит от мудрости и сдержанности граждан... которым противостоит безумие и разнузданность других граждан. Демократия предполагает, что каждый свободный гражданин отдает свой голос на благо общества, во имя общей безопасности и благосостояния. На деле же упомянутый гражданин голосует за свои интересы, как он их понимает, а большинство понимает их как «хлеба и зрелищ».

«Хлеба и зрелищ» — это раковая опухоль демократии, ее неизлечимая болезнь. Поначалу демократический режим работает превосходно. Но как только государство дает право голоса всем поголовно, будь то производитель или паразит — значит, этому государству придет конец. Как только плебс поймет, что можно сколько угодно голосовать за «хлеб и зрелища» и полезные члены общества не в силах его остановить,— он будет голосовать за «хлеб и зрелища», пока не обескровит государства до смерти или пока оно, обессиленное, не уступит захватчикам и варвары не войдут в Рим,— Джубал грустно пожал плечами.— Мой мир был прекрасен, пока им не завладели паразиты».

Джубал Хэршоу указал мне на еще один симптом, неизменно предшествующий, по его словам, крушению культуры: исчезновение хороших манер, обычной вежливости, уважения к правам

других людей. «Философы от Конфуция до наших дней не уставали это повторять. Но признаки этого рокового симптома разглядеть нелегко. Ну что такого, если упускается вежливое обращение к человеку? Или если младший самодовольно называет старшего просто по имени? Подобным послаблениям в этикете не всегда придают значение. Но существует один безошибочный признак упадка хороших манер: это грязные общественные туалеты. В здоровом обществе общественные комнаты отдыха, туалеты, умывальные так чисты, опрятны и так хорошо пахнут, как ванная в приличном частном доме. В больном же обществе»...— Джубал с отвращением замолчал.

Ему не было нужды продолжать: я это наблюдала и в своей параллели. В первой половине девятнадцатого века до самого начала сороковых годов люди всех слоев общества были по обычаю вежливы друг с другом, и само собой разумелось, что, пользуясь общественным туалетом, человек старался оставить его после себя таким же чистым, как нашел. Насколько я помню, опрятность в общественных туалетах, а с ней и хорошие манеры, пошла на убыль во время Второй мировой войны. В шестидесятые и семидесятые годы грубость всякого рода стала делом обычным, а в общественные туалеты я старалась по возможности не заходить.

Ругательства, грубые манеры и грязь в туалетах — все это явления одного порядка.

Америка моей параллели тоже страдала от рака, именуемого «хлеба и зрелищ», но нашла более быстрый путь к самоубийству. Хвастаться нам нечем — во второй параллели народ Соединенных Штатов сам проголосовал за религиозную диктатуру .

. Это случилось после 1982 года, так что меня, к большой моей радости, при этом не было. Когда мне стукнуло сто лет, Неемия Скаддер был еще малышом.

В американской культуре всегда наличествовала потенциальная религиозная истерия — я это знала, поскольку отец сызмальства тыкал меня в это носом. Отец говорил, что свобода вероисповедания в Штатах гарантирует только одно: не Первая поправка и не терпимость, а обилие соперничающих, нетерпимых друг к другу сект, каждая из которых есть хранительница «Истинной Веры»,

но не обладает большинством и посему не может навязать свою «Истинную Веру» приверженцам прочих «Истинных Вер».

(Разумеется, при этом всегда открыта охота на иудеев, иногда — на католиков и постоянно — на мормонов, мусульман, буддистов и прочих язычников. Первая поправка была принята вовсе не для того, чтобы поощрять подобное кощунство. О нет!)

Выборы выигрывают, не переубеждая противников, а добиваясь участия в них своих сторонников. Организация Скаддера именно так и поступила. Из истории, которую я изучала в Бундоке, следует, что в выборах 2012 года приняло участи шестьдесят три процента зарегистрированных избирателей (которые, в свою очередь, составляли меньше половины всех имеющих право голоса). Партия истинных американцев (Неемии Скаддера) получила двадцать семь процентов голосов от общего числа проголосовавших и тем самым восемьдесят один процент голосов Коллегии выборщиков .

В 2016 году выборов уже не было.

Бурные двадцатые... Огненная юность, потерянное поколение, стриженые головки, конкурсы поедателей тортов, гангстеры, обрезы, бутлегеры и спирт, подливаемый в пиво. Самолеты, дирижабли, «медведи Штутца в воздухе» и летучие цирки. Увесилительные полеты за пять долларов. Линдберг и «Дух Сент-Луиса». Юбки стремительно взлетают ввысь, и к середине двадцатых скатанные чулки выставляют напоказ голые коленки. Дорожка принца Уэльского и чарльстон. Рут Эттинг, Уилл Роджерс и «Фантазии Зигфельда» . В двадцатых были свои дурные стороны, но в целом и почти для всех это были хорошие годы, а уж соскучиться точно не давали.

Я, как всегда, занималась своими домашними делами, не слишком интересуясь окружающим миром. В девятнадцатом году у меня родился Теодор Айра, в двадцать втором — Маргарет, в двадцать четвертом — Артур Рой, в двадцать седьмом — Элис Вирджиния, в тридцатом — Дорис Джин, и со всеми я вновь переживала радости и горести детства — скажите спасибо, что я не показываю вам их карточки и не повторяю их смешные словечки.

В феврале двадцать девятого мы продали свой дом на бульваре Бентона и сняли с условием последующей покупки старую ферму близ пересечения Рокхилл роут и бульвара Мейера — поместительную, но не столь современную, как наш прежний дом. Это решение верхним чутьем принял мой муж, который всегда норовил заставить каждый доллар сработать дважды. Но со мной он посоветовался, и не только потому, что дом был записан на меня.

— Морин,— сказал он,— не хочешь ли сыграть в рулетку?

— Мы то и дело в нее играем, разве нет?

— Как когда. На сей раз мы пойдем ва-банк и сорвем этот банк — а если номер не пройдет, придется тебе выйти на улицу и подзарабатывать нам на картофельный супчик.

— Мне всегда хотелось знать, смогла бы я зарабатывать на жизнь таким манером. В июле мне будет сорок семь...

— Ну и ну. Тебе сейчас тридцать семь, а мне сорок один.

— Брайни, мы с тобой лежим в постели. Могу я быть откровенна хотя бы здесь?

— Судья Сперлинг требует, чтобы мы всегда и везде придерживались своего официального возраста. И Джастин согласен с ним.

— Слушаюсь, сэр. Обещаю исправиться. Мне всегда хотелось знать, смогла бы я заработать на жизнь, гуляя по панели. Только вот где гулять? Насколько я знаю, девушке и глаза могут выцарапать, если она просто так выйдет и начнет промышлять, не разузнав, чья это территория. В постели-то я работать умею, Брайни,— надо только поучиться, как сбывать товар.

— Ну, разгорелась уже, Вертучая Задница. Может, это еще и не понадобится. Скажи, ты еще веришь, что Тед — Теодор — капрал Бронсон — действительно прибыл из будущего?

— Да,— сразу посерьезнела я.— А ты разве нет?

— Мо, я поверил ему сразу, как и ты. Поверил раньше, чем оправдалось его предсказание об окончании войны. И теперь я тебя спрашиваю: веришь ли ты в Теда настолько, чтобы поставить все наше состояние до последнего цента на то, что его предсказание о биржевом крахе так же верно, как и предсказание о перемирии?

— Черный вторник,— тихо проговорила я.— Двадцать девятое октября нынешнего года.

— Ну так как? Если я рискну и проиграю, мы разоримся. Мэри не сможет закончить Редклифф, Вуди придется самому добывать себе деньги на колледж, ну а с Диком и Этель разберемся потом. Я уже по уши погряз в спекуляциях, голубка,— и предполагаю погрузиться еще глубже, твердо уповая на то, что Черный вторник наступит точно в предсказанный Тедом срок.

— Погружайся!

— Ты уверена, Мо? Если что-то пойдет не так, мы вернемся к жареному маису. Еще не поздно сократить ставку — забрать половину и играть на то, что останется.

— Брайни, я не так воспитана. Помнишь отцовского бегового рысака — Бездельника?

— Видел несколько раз. Красивый был коняжка.

— Да, только не такой резвый, каким казался с виду. Так вот, отец всегда ставил только на него — но и на себя, понятно. И только на победу — не на призовое место. Бездельник обычно приходил вторым или третьим, но отец на это никогда не ставил. Я слышала, как он, бывало, перед забегом тихо и ласково говорит Бездельнику: «Ну, на этот раз мы им покажем, парень! На этот раз мы победим!» А потом говорил: «Ты старался, старина! А больше я ничего и не прошу. Все равно ты чемпион — и в следующий раз мы им покажем!» и трепал Бездельника по шее, а тот тихонько ржал и всхрапывал — так они утешали друг друга.

— Думаешь, я тоже прогорю? Здесь-то другого раза не будет.

— Нет! Иди ва-банк. Ты веришь Теодору, и я тоже. Так что вперед! — я протянула руку и взялась за его инструмент.— Если и перейдем на жареный маис, то ненадолго. Я могу забеременеть... сейчас скажу... в будущий понедельник, я разрожусь, стало быть, через пару недель после Черного вторника. И мы получим очередную премию Говарда.

— Нет.

— Как нет? Извини, я не понимаю.

— Мо, если Тед предсказал неверно, Фонд тоже может прогореть. Джастин и судья Сперлинг ставят на предсказание, Чеп-

мен против. В правлении еще четверо попечителей... из них двое республиканцев, голосовавших за Эла Смита ... так что Джастин не знает, как все обернется.

Продажа дома тоже входила в игру. Кроме того, Брайан чуял, что надвигается так называемый «прорыв». Мы жили в белом районе, но черный город был чуть севернее нас и постоянно разрастался все те двадцать с лишним лет, что мы прожили в своем доме (милый, старый дом, населенный счастливыми воспоминаниями!).

Как-то к Брайану зашел белый агент по продаже недвижимости и спросил от имени своего клиента, не назвав его: сколько, мол, Брайан хочет за дом?

— Я не стал выяснять, милая, кто его клиент — все равно оказалось бы, что этот белый адвокат, представляющий кого-нибудь из Денвера или Бостона. Такие сделки совершаются порой через шестые руки, и соседи не увидят, какого цвета новый жилец, пока тот не вселится в дом.

— Что же ты ответил?

— Ответил, что соглашусь продать дом за хорошую цену. Но цена должна быть действительно хорошей, поскольку нам и здесь удобно, а переезд всегда отнимает много времени и денег. Сколько предлагает ваш клиент? Я возьму только наличными — никаких начальных взносов и ипотек. Мне надо будет подыскать другой дом для большой семьи из одиннадцати человек, и значит, понадобятся наличные. А может быть, придется строиться, в наше время не так уж много домов, рассчитанных на большие семьи. Так что цена должна быть хорошая, а оплата — только наличными. А тот пронырa мне говорит, что любой банк учтет закладную под такое имущество — ипотека, мол, все равно, что деньги. «Только не для меня,— говорю я.— Пусть ваш клиент возьмет ипотечную ссуду в своем банке, а мне принесет деньги. Дорогой сэр, я не рвусь продавать свой дом. Назовите мне сумму наличными, и если она меня устроит, мы тут же заключим обязательство на гарантийный срок. А если не устроит, я скажу вам «нет». На это он мне — гарантийный срок не понадобится, поскольку они убедились, что дом действительно принадлежит нам, но это его заявление сказало мне

больше всяких слов. Значит, они уже проверили, кто владеет нашим домом... а должно быть, и всеми домами в округе. Мне сдается, что наш дом здесь единственный, который свободен от ипотеки — и вообще от всего, что следует улаживать в гарантийный срок: на нем нет ни права на пожизненное владение по завещанию, ни утверждения в правах наследства, ни дела о разводе, на него не наложен арест и так далее. Человеку, который ищет именно такую сделку, гарантийный срок не с руки — ведь именно за это время сторонники «джентльменского соглашения» могут узнать о том, что готовится, и поломать это дело — не без содействия сочувствующего судьи.

— Объясни-ка мне, Брайни, что такое «джентльменское соглашение»? Я что-то не припомню, чтобы мы проходили его, когда изучали право.

— И не могли проходить — это не закон. А если и закон, то неписаный. В твоем документе на право владения нет статьи, запрещающей тебе продавать этот дом кому бы то ни было — белому, черному, или зеленому, или в крапинку... а если бы такая статья была, суд мог бы ее опротестовать. Но если ты спросишь наших соседей, то я гарантирую — они тебя заверят, что джентльменское соглашение обязывает тебя не продавать дом в этом квартале негру.

— А мы с кем-нибудь об этом договаривались? — недоумевала я. Муж редко сообщал мне о соглашениях, которые заключал, считая заранее, что я его поддержу. И я поддерживала. Нельзя быть замужем время от времени — это волынка на всю жизнь, а иначе ты не замужем.

— Нет.

— Ну что же — будешь ты спрашивать мнение соседей?

— Ты хочешь, чтобы я их спросил, Мо? Дом-то твой.

По-моему, я колебалась не более двух секунд — но мысль была все-таки новая, и надо было принять решение.

— Брайни, несколько домов в нашем квартале за те двадцать два года, что мы здесь живем, меняли владельцев, и я что-то не помню, чтобы кто-нибудь интересовался нашим мнением по поводу этих сделок.

— Никто и не интересовался.

— По-моему, не их дело решать, что можно неграм покупать, а что — нет. Не им нам указывать. Они могут сделать все, что угодно, со своей собственностью, а мы — со своей, при условии, что соблюдаем закон и выполняем обязательства, связанные с земельным участком. Например, правило о двадцатипятифутовом пространстве перед домом. Я вижу только один способ помешать нам продать этот дом, кому хотим.

— Какой?

— Предложить нам подороже, чем мистер Проныра. А там пусть делают с домом, что хотят.

— Я рад, что ты так на это смотришь, любимая. Через год во всех домах нашего квартала будут жить негритянские семьи. Я это предвижу, Мо. Рост населения похож на паводок. Как ты ни ставь плотины и дамбы, река все равно прорвется. Черный город Канзас-Сити ужасно перенаселен. Если белые не желают жить по соседству с неграми, придется им потесниться и уступить неграм место. Меня не очень волнуют негритянские проблемы — мне и своих достаточно. Но на рожон я не полезу и головой об стену биться не стану. Мы с тобой еще увидим, как черный город будет двигаться все дальше на юг и займет все пространство до Тридцать девятой улицы. Тут суетиться бесполезно — все равно это будет.

Брайни получил-таки хорошую цену за наш старый дом. Если учесть, как возросли цены с девятьсот седьмого по двадцать девятый год, прибыль была невелика, зато Брайни получил всю сумму наличными — в золотых сертификатах, не в чеках.Брайни тут же снес эти деньги на биржу.

— Милая, если предсказание Теодора оправдается, через год мы сможем выбрать себе особняк в районе Загородного клуба за треть нынешней цены — ведь Черный вторник лишит половину домовладельцев возможности выплачивать по ипотекам. А пока что постарайся устроиться получше на этой старой ферме — нам с Джастином надо ехать в Нью-Йорк.

Мне нетрудно было устроиться на ферме — она напоминала мне детство. Отец со мной согласился.

— Вели только сделать еще одну ванну. Помнишь, у нас было две уборных? Запоры и геморрой тебе ни к чему.

Отец официально уже не жил у нас — почту он получал по другому адресу. Но со времен шестнадцатого года и Праттбурга Брайан распорядился, чтобы для отца всегда была наготове комната. Когда Брайан уехал в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к бирже, отец согласился ночевать у нас — как тогда, когда Брайан был во Франции. К тому времени я уже устроила вторую ванную и умывальную внизу, а уборную во дворе обработали известью и засыпали.

Дети легко приспособились к перемене. Даже наш кот, Атташе, привык. Во время переезда он нервничал, но, кажется, понял, что поездка в фургоне означает, что Дом перестал быть Домом. Этель и Тедди успокаивали его, как могли, а я вела фургон. Остальное семейство вез Вудро в своем драндулете. Приехав, Атташе сразу же обошел наш участок, потом вернулся за мной и заставил еще раз обойти с ним все огороженное забором пространство, пометив все четыре угла — я поняла, что он согласился с переменой места и со своими новыми обязанностями.

Скандала я ожидала от Вудро — в сентябре он переходил в старший класс Центральной средней школы и был кандидатом в командиры школьного подготовительного батальона — им командовали и Брайан-младший, и Джордж, когда учились в последнем классе.

Но Вудро не настаивал даже на том, чтобы доучиться второй семестр, а перевелся в середине года в Успортскую среднюю, к некоторому моему разочарованию — я рассчитывала, что он будет возить в Центральную Дика и Этель: один только что перешел в десятый, другая училась в восьмом. Пришлось и им менять школу посреди года — мне было некогда их возить, а на трамвае ездить было немыслимо. Тедди и Пегги я устроила в Кантри Дей, превосходную частную школу — Элеанор предположила возить их вместе с тремя своими, которые там учились.

Только через несколько лет я поняла, почему Вудро так охотно сменил школу: причиной тому было бывшее пастбище к югу от нас, над которым висела вывеска: «Летная школа Харди». Ле-

том двадцать восьмого года Вудро откопал где-то — иначе не скажешь — свой жуткий автомобиль, и с тех пор мы его иначе как за едой почти не видели. Но о том, что он научился летать еще в средней школе, я узнала не сразу.

Как всем известно, Черный вторник настал точно по расписанию. Через неделю Брайни позвонил мне по междугородней.

— Фрау докторша Краузмейер?

— Элмар!

— Дети в порядке?

— Все хорошо, только скучают по папе. И я тоже. Приезжай скорей, дорогой, мне не терпится.

— Разве тот парень, которого ты наняла, не справляется?

— Напряжение слабое. Я его рассчитала и решила дождаться тебя.

— Так ведь я не домой еду.

— А-а.

— Хочешь знать, почему?

(Да, Брайни, хочу. И когда-нибудь насыплю тебе едкого порошка в ширинку за такие вопросы.)

— Буффало Билл, ты сам скажешь мне, что захочешь и когда захочешь.

— Ренджи Лил, не хочешь ли проехаться в Париж? И в Швейцарию?

— Может, лучше в Южную Америку? Где нет закона об экстрадиции? (Провались ты, Брайни! Кончишь меня дразнить или нет?)

— Завтра тебе надо выехать. Езжай на Центрально-Американском до Чикаго, оттуда на Пенсильванском до Нью-Йорка. Я тебя встречу и отвезу в отель. В субботу отплывем в Шербур.

— Есть, сэр. (Вот наказание!) Относительно наших деток — их семь, насколько я помню. Имеются какие-нибудь пожелания? Или мне пристроить их по своему разумению? (А как? Договориться с Элеанор?)

— По своему разумению, но если Айра на месте, я хотел бы с ним поговорить.

— Слушаюсь и повинуюсь, эффенди.

Поговорив с Брайаном, отец сказал мне:

— Я сказал ему, чтобы не беспокоился — Этель хорошо стряпает. Если ей понадобится помощь, я найму женщину. Так что отправляйся, Морин, и веселись как следует — ребята будут в порядке. Больше двух чемоданов не бери, потому что...— телефон зазвонил опять.

— Морин, это твоя старшая сестра, дорогая. Брайан уже звонил?

— Да.

— Вот и хорошо. У меня уже заказаны места в пульмане — Джастин забронировал из Нью-Йорка. Френк отвезет вас на вокзал. Будь готова к десяти утра. Справишься?

— Куда деваться. В крайнем случае поеду босиком и с фигой на голове.

Я быстро освоилась с путешествием на роскошном лайнере. Поначалу «Иль де Франс» до глубины души потряс крошку Морин Джонсон, которая понимала роскошь как достаточное количество ванных на семь человек (в среднем) и нужное количество горячей воды. Два года назад Брайан возил меня в Большой Каньон, и там было чудесно, и здесь тоже чудесно, но по-другому. Стюард, готовый сплавать обратно в Америку, лишь бы доставить то, что нужно мадам. Горничная, которая говорила по-английски, но понимала мой французский и не смеялась над моим произношением. Симфонический оркестр за обедом, камерная музыка за чаем, танцы каждый вечер. Завтрак в постели. Массажистка по вызову. Гостиная нашего «люкса», больше и наряднее, чем в доме у Элеанор, и две большие спальни.

— Джастин, почему мы едим за капитанским столом?

— Не знаю, должно быть потому, что занимаем «люкс».

— А зачем он нам? И в первом классе было бы прекрасно, а я не возражала бы и против второго. Не слишком ли мы шикуем?

— Морин, радость моя, я заказал две отдельные каюты в первом классе, за них мы и заплатили. Но за два дня до отплытия позвонил пароходный агент и предложил мне этот «люкс» за ту же цену и символическую доплату в сотню долларов. Человек, кото-

рый его заказывал, вроде бы раздумал плыть. Я спросил, почему, и агент вместо ответа сбавил доплату до пятидесяти долларов. Я спросил, кто умер в «люксе» и отчего — не заразно ли это? Тогда он предложил, чтобы мы совсем не доплачивали, а только позволили бы фотографам из «Нью-Йорк Таймс» и «л'Иллюстрасьон» снять нас в этом «люксе» — что они и сделали, если помнишь.

— Значит, это все-таки заразно?

— Не совсем. Бедняга выпрыгнул с двадцатого этажа сразу после Черного вторника.

— Ох, лучше бы не спрашивала.

— Но, дорогая, он в этом люксе не жил, даже не бывал ни разу, так что его призрак нам являться не будет. Это один из многих тысяч придурков, сколотивших себе бумажное состояние спекуляциями на бирже. Если тебе от этого легче, могу заверить, что ни я, ни Брайан не делали секрета из того, что намерены выйти из игры, поскольку ожидаем краха к концу октября. Но нас никто не слушал,— пожал плечами Джастин.

— Я чуть не придушил одного брокера, чтобы заставить его делать, что велят,— добавил Брайан.— Он считал безнравственным и чуть ли не преступным делом продавать, когда цены стабильно растут. «Подождите, пока не дойдет до пика,— говорил он мне,— а там посмотрите. Это сумасшествие — выходить из игры в такой момент». Я ему на это сказал, что моя старая бабушка погадала на кофейной гуще и вышло, что надо распродавать. Он мне опять — это, мол, безумие. А я ему — делайте, что вам говорят — иначе пойду к управляющему биржей и скажу, что вы занимаетесь нелегальными операциями. Тогда он разозлился и мигом все распродал — а потом еще больше разозлился, потому что я потребовал заверенный чек. По чеку я сразу же получил деньги и обменял их на золото... отлично помня слова Теда о скором разорении банков.

Я хотела спросить, куда же он дел золото, но не спросила.

Цюрих — чудесный город, красивее всех, которые я видела в Соединенных Штатах. Официальный язык здесь немецкий, но не тот немецкий, на котором говорил наш сосед, житель Мюнхена. Однако я скоро убедилась, что почти все здесь говорят

по-английски. Наши мужчины занимались своими делами, а мы с Элеанор предавались туризму.

Однажды мужья взяли нас с собой, и оказалось, что я — владелица номерного банковского счета на 155, 515 грамм чистого золота (я быстро вычислила, что это равняется ста тысячам долларов, но эта цифра нигде не фигурировала). Потом я подписала доверенность на право распоряжения «своим» вкладом на имя Брайана и Джастина, а Элеанор сделала то же относительно «своего» вклада. Еще мы подписали ограниченную доверенность на какого-то неизвестного из Виннипега, Канада.

Нам предложили тот «люкс» не потому, что мы принадлежали к высшему обществу — мы к нему не принадлежали. Но в сейфе у корабельного эконома ехал увесистый груз, большая часть которого принадлежала Фонду Говарда, а кое-что Брайану, Джастину и моему отцу. Французский банк перевел золото из Шербура в Цюрих, и мы последовали за ним.

В Цюрихе Брайан и Джастин в качестве доверенных лиц проследили за вскрытием груза, за его подсчетом и взвешиванием, а затем поместили его на консорциум трех банков. Фонд очень серьезно отнесся к предупреждению Теодора о том, что мистер Рузвельт девальвирует доллар и запретит американским гражданам владеть золотом или держать его у себя.

— Джастин,— спросила я,— а вдруг губернатор Рузвельт не станет баллотироваться в президенты? Или вдруг его не выберут?

— Ну что ж — Фонд от этого не пострадает. Но разве ты больше не доверяешь Теду? По его совету мы разбогатели на спекуляциях и вышли из игры вовремя — теперь Фонд в шесть раз богаче, чем год назад, и все благодаря Теду.

— Нет, я верю в Теодора! Я просто так спросила.

Мистера Рузвельта избрали в президенты, и он в самом деле девальвировал доллар и запретил американцам владеть золотом. Но капиталы Фонда были недосягаемы для американского правительства, как и мой банковский счет. Я никогда его не касалась, но Брайни сказал мне, что «мои» деньги лежат не просто так, а делают деньги.

Брайан стал теперь попечителем Фонда вместо Чепмена, которого вывели из правления за то, что он потерял на бирже все свои деньги. Попечитель Фонда должен был являться его полноправным членом (следовало, чтобы родители его родителей были живы к моменту его вступления в брак) и при этом заниматься предпринимательством. Если и были еще какие-то условия, то мне о них неизвестно.

Джастин стал председателем правления вместо судьи Сперлинга — тот остался попечителем, но ему перевалило за девяносто, и он решил заняться более легкой работой. Когда мы вернулись в Канзас-Сити, Джастин и Брайан открыли в здании Скэррит фирму «Везерел и Смит, инвестиции». Контора фирмы «Брайан Смит и компания» помещалась на том же этаже.

У нас больше никогда не было денежных затруднений, но годы Депрессии — не то время, когда хорошо быть богатым. Мы старались не выставлять свое богатство напоказ. Вместо того чтобы покупать роскошный особняк в районе Загородного клуба, мы купили за бесценок старый фермерский дом, в котором жили, а потом преобразовали его в более комфортабельный: в то время квалифицированные строители рвались работать за такую плату, за которую в двадцать девятом и смотреть бы на нас не стали.

Экономика страны застыла на мертвой точке — никто не знал, почему, и все, от чистильщика ботинок до банкира, предлагали свой способ выхода из этой ситуации. Мистер Рузвельт заступил на свой пост в 1933 году и действительно закрыл все банки, но Смиты и Везерелы хранили свои капиталы под матрасом, и взятки с нас были гладки — банковские каникулы не причинили нам вреда. Страна встрепенулась, воодушевленная энергичными мерами «нового курса», как новый президент называл поток патентованных средств, хлынувший их Вашингтона.

На расстоянии виднее, что реформы «нового курса» ничего не дали для оживления экономики, но вряд ли стоит осуждать меры, предпринятые, чтобы накормить обездоленных. Управление промышленно-строительных работ, трудовые лагеря для безработных, Национальная администрация восстановления промышленности и бесчисленные программы по борьбе с безработицей не излечили

экономику, а пожалуй, и навредили ей — зато удержали отчаявшийся народ от голодных бунтов в тридцатые годы, в Канзас-Сити, по крайней мере, наверняка.

1 сентября 1939 года, через десять лет после Черного вторника, нацистская Германия вторглась в Польшу. Два дня спустя Британия и Франция объявили Германии войну. Началась Вторая мировая война.

16

НЕИСТОВЫЕ СОРОКОВЫЕ

Летом 1940 года мы с Брайаном жили в Чикаго на Вудлоун 6105, к югу от Мидвей, в восьмидесятиквартирном доме, принадлежавшем Фонду Говарда через подставное лицо. Мы занимали так называемый «пентхауз» — восточное крыло верхнего этажа: гостиная, балкон, кухня, четыре спальни и две ванных.

Лишние спальни пригодились нам, особенно в июле, во время съезда демократической партии. Целых две недели в нашей квартире, рассчитанной максимум на восемь человек, ночевало от двенадцати до пятнадцати. Не скажу, чтобы меня это устраивало. В квартире не было кондиционера, лето стояло необычайно жаркое, а испарения озера Мичиган в нескольких сотнях ярдов от нас превращали наше жилище в турецкие бани. Оставалось только ходить нагишом, но при гостях я не могла этого делать. Великое благо, что в Бундоке на наготу никто не обращает внимания.

Я не была в Чикаго с 1893 года, если не считать пересадок с поезда на поезд, но Брайни часто ездил туда без меня, а эта квартира служила для заседания правления Фонда Говарда — Фонд в 1929 году переехал из Толидо в Виннипег. Джастин объяснил мне это так:

— Между нами говоря, Морин, мы смотрим в будущее и не хотим нарушать закон, запрещающий частное владение золотом. Теперь Форд подчиняется канадским законам, а его официальный секретарь — канадский юрист, тоже говардовец и попечитель Фонда. Я лично не касаюсь золота даже в перчатках.

Брайан выразил это иначе:

— Разумный человек не может уважать неправильный закон. И не чувствует себя виновным, нарушая его — он просто следует одиннадцатой заповеди.

На этот раз Брайан приехал в Чикаго не на заседание правления, а для спекуляций на Чикагской товарной бирже в связи с войной в Европе. А я приехала с ним просто так. Как ни хороша жизнь племенной кобылы, после сорока лет такой деятельности и семнадцати детей мне хотелось посмотреть на что-нибудь еще, кроме мокрых пеленок.

А посмотреть было на что. В сотне ярдов от нас, между Вашингтон-парком и Джексон-парком тянулся зеленый бульвар Мидвей-Плезанс. Когда я видела его в последний раз, это был торговый ряд, где имелось все — от египетских танцев живота до розовой сахарной ваты. Теперь он превратился в настоящий сад — с бесподобным «Фонтаном Времени» работы Лорадо Тафта в одном конце и чудесным пляжем Пятьдесят седьмой улицы — в другом. Вдоль северной стороны бульвара располагались серые готические здания Чикагского университета. Университет был основан за год до того, как я приехала сюда в детстве, но эти здания тогда еще не построили: насколько я помню, в университетском городке стояло тогда несколько главных выставочных павильонов. Ничего нельзя было узнать — так все изменилось.

Надземная дорога разрослась и теперь работала на электричестве, а не на паре. Внизу больше не ездила ни конка, ни даже вагоны на канатной тяге — их сменил электрический трамвай. Лошади исчезли полностью — везде только машины бампер к бамперу, сомнительное достижение.

Музей Филда на озере, в трех милях к северу, появился уже после моего отъезда; из-за одной только выставленной на нем работы Мальвины Хофман «Человеческие гонки» стоило посетить Город Ветров. Рядом был планетарий Адлера — первый, в котором мне удалось побывать. Мне нравилось там — можно было представить, что путешествуешь среди звезд, как Теодор, но я и мечтать не могла, что когда-нибудь буду путешествовать так на самом деле. Эта мечта вместе с моим сердцем была похоронена где-то во Франции.

От Чикаго восемьсот девяносто третьего года захватывало дух у одиннадцатилетней Морин Джонсон; от Чикаго сорокового года у Морин Смит, официально сорока одного года, еще больше захватило дух — столько в нем появилось новых чудес.

Только одна перемена мне не понравилась: в девяносто третьем году, если меня случайно заставала на улице ночь, ни отец, ни я не беспокоились. В сороковом я спешила вернуться домой засветло, если только меня не сопровождал Брайан.

Как раз перед началом съезда демократов кончилась «странная война», и Франция пала. Шестого июня британцы эвакуировали остатки своей армии из Дюнкерка, после чего была произнесена одна из величайших речей в истории: «...мы будем драться на всех берегах, мы будем драться на улицах, но не сдадимся».

Отец позвонил сказать Брайану, что записывается в Американский Полевой Корпус.

— На этот раз, Брайан, меня даже в местную оборону не берут — говорят, слишком старый. А эти принимают медиков, которым армия отказала. Мы нужны для полевых госпиталей — годится всякий, кто умеет отпилить ногу, а стало быть, и я. Раз я могу драться с гуннами только так, буду делать хотя бы это — я в долгу у Теодора Бронсона. Понимаешь меня?

— Вполне понимаю.

— Когда вы сможете подменить меня кем-нибудь, чтобы смотрел за детворой?

Я слушала их разговор по отводной трубке и сказала:

— Отец, Брайан сейчас не может приехать, но я могу. Или скажу Бетти Лу, чтобы сменила тебя — так будет еще быстрее. В любом случае можешь выполнять, что задумал. Только, отец, послушай меня. Ты будешь себя беречь? Да?

— Я буду осторожен, дочка.

— Пожалуйста! Я горжусь тобой. И Теодор тоже. Я знаю.

— Постараюсь, чтобы вам с Тедом было чем гордиться, Морин.

Я быстро попрощалась и повесила трубку, пока еще голос меня слушался. Брайни призадумался.

— Надо поскорее подправить себе возраст. А то скажут, что я тоже слишком старый.

— Брайни! Уж не собираешься ли ты надуть армию? Там на тебя досье столетней давности.

— Я не стану называть в отделе личного состава свой говардовский возраст, хотя, по-моему, выгляжу не старше тех сорока шести, что проставлены в моих водительских правах. Просто сознаюсь в маленькой праведной лжи, которую позволил себе в 1898 году. В самом-то деле мне тогда было четырнадцать, но я присягнул, что двадцать один, чтобы меня взяли в армию.

— Как же, четырнадцать! Ты учился на последнем курсе в Ролле.

— А я был вундеркинд, как все наши дети. Да, милая, в девяносто восьмом я заканчивал колледж. Но в военном ведомстве не осталось никого, кто бы это знал — и сказать им некому. Морин, полковника запаса пятидесяти шести лет охотнее возьмут на службу, чем полковника шестидесяти трех. Гораздо охотнее.

Я наговариваю все это на диктофон агента Корпуса Времени — он включается от звука моего голоса и спрятан в моем теле. Нет, нет, не в туннеле любви — ведь агентки Корпуса не монашки, и никто не ждет от них монашеского поведения. Он вживлен на том месте, где был раньше желчный пузырь. Диктофон рассчитан на тысячу часов работы — надеюсь, он пишет как надо: ведь если эти страхидлы вздернут меня — скажем лучше, когда вздернут,— Пиксель, надеюсь, приведет кого-нибудь к моему телу, и Корпус Времени обнаружит запись. Я хочу, чтобы Круг знал о том, что я пыталась сделать. Вероятно, я смогла бы диктовать все это дома, открыто, но Лазарус непременно отнял бы у меня запись. У меня хорошая интуиция — жаль, что она не всегда срабатывает.

Брайан умудрился «подправить» свой возраст, главным образом потому, что был нужен своему генералу, но в боевую часть ему попасть не удалось — война сама его нашла. Он служил при штабе гарнизона, и мы жили в старом доме на Ноб-Хилл, когда японцы предательски напали на Сан-Франциско 7 декабря 1941 года.

Странное это чувство, когда смотришь в небо, видишь над головой самолеты, ощущаешь нутром рокот моторов, видишь, как разверзаются их чрева, порождая бомбы, и знаешь, что поздно бежать, поздно прятаться, и не от твоей воли зависит, куда упадут бомбы — на тебя или на соседний квартал. Это чувство не ужас, скорее оно напоминает deja vu*, как будто с тобой такое бывало уже тысячу раз. Мне бы не хотелось вновь испытать подобное, но я понимаю, почему военные (настоящие солдаты, а не хлюпики в мундирах) предпочитают боевые действия тыловой службе. В присутствии смерти живется ярче. Лучше один час полной жизни...

Я читала, что в третьей параллели Япония напала на Гавайи, а не на Сан-Франциско, и калифорнийских японцев выселили с побережья. В таком случае им очень повезло, что они избежали кровавой бани, которую им устроили во второй параллели — более шестидесяти тысяч американских японцев было повешено, расстреляно, а то и сожжено живьем с воскресенья по вторник, с седьмого по девятое декабря сорок первого года. Не повлияло ли это на то, как мы поступили с Токио и Кобе?

Войны, которые начинаются с предательского нападения, всегда беспощадны — так говорит история.

Кровавые бесчинства вынудили президента Баркли ввести в Калифорнии военное положение. В апреле сорок второго его сняли — оно действовало только на полосе в двадцать миль в глубь материка от черты прибоя, зато эту зону продлили до самой Канады. Особых неудобств мы не испытывали — известному своими преступными нравами Сан-Франциско военное положение пошло только на пользу, но на берег с наступлением темноты лучше было не выходить: какой-нибудь шестнадцатилетний мальчишка из Национальной гвардии, вооруженный спрингфилдовской винтовкой времен Первой мировой, мог повести себя нервно и нажать на курок.

Так, по крайней мере, я слышала — сама же я туда никогда не совалась. Берег от Канады до Мексики был зоной боевых дей-

* deja vu *(фр.)* — «Дежа вю», уже виденное.

ствий; все, кто оказывались там ночью, рисковали жизнью, и многие погибали.

Со мной находились двое младших — четырехлетний Дональд и двухлетняя Присцилла. Школьники — Элис, Дорис, Патрик и Сьюзен — жили в Канзас-Сити с Бетти Лу. Артур Рой фактически тоже был школьником (он родился в двадцать четвертом году), но кузен Нельсон записал его в морскую пехоту на другой день после бомбежки Сан-Франциско. Туда же вступил и другой мой сын, Ричард, четырнадцатого года рождения, и братья вместе отправились в Пендлтон.

Сам Нельсон был нестроевым — он потерял ступню при Белло в восемнадцатом году. Джастин служил в Комитете военной промышленности в Вашингтоне, но много ездил и часто останавливался у нас на Ноб-Хилл.

Вудро я не видела ни разу, пока не кончилась война. В декабре сорок первого мы получили от него рождественскую открытку со штампом Пенсаколы, штат Флорида: «Дорогие мама и папа я прячусь от япошек и учу бойскаутов летать вверх тормашками. Хизер с ребятишками я поселил в Авалон Бич, п/я 6320, так что большей частью ночую дома. Счастливого Рождества и веселой войны. Вудро».

Следующая открытка пришла с базы в бухте Вайкики: «Служба тут не очень мирная, но лучше чем в Лагайне. Вопреки слухам, акулы там отнюдь не вегетарианцы. Надеюсь, что и вы тоже. В.В.».

Так мы впервые узнали, что Вудро участвовал в Лагайнской битве. Был ли он на «Саратоге», когда она затонула, или его самолет сбили — но в воде он, судя по открытке, побывал. После войны я спросила его, как было дело, но он удивленно сказал: «Мама, откуда ты все это взяла? Я всю войну просидел в Вашингтоне, попивая скотч с моим соседом по столу из Британских воздушных сил. Скотч этому парню нелегально доставляли с Бермуд». Впрочем, Вудро не всегда говорил одну только правду.

Теодор Айра, рожденный в Первую мировую, служил в Сто десятом саперном полку Канзас-Сити и почти всю войну провел в Нумеа, строя аэродромы, причалы и тому подобное. Джонатан, муж Нэнси и сын Элеанор, оставался в резерве, но не служил в

местной обороне — ему довелось командовать танковой колонной, когда Паттон вознамерился выбить русских из Чехословакии. Нэнси стала одним из организаторов Женской вспомогательной службы и закончила войну в более высоком звании, чем ее муж, чему мы все очень смеялись, даже и Джонатан.

Джордж начал службу в Тридцать пятой дивизии Главного штаба, но потом перешел в разведку, так что я не знаю, чем он занимался.

Брайан-младший в марте сорок четвертого высадился в Марселе, был ранен осколком шрапнели в бедро и довоевывал в английском городке Солсбери офицером-инструктором.

Письма, которые я писала отцу, вернулись ко мне в сорок втором году вместе с официальным соболезнованием от штаба АПК.

Пока Ричард находился в Пендлтонском лагере, его жена Мэриэн жила поблизости, в Сан Хуан Калистрано. После того как Ричард отплыл, я пригласила ее поселиться у нас вместе с ее четырьмя детьми — пятый родился вскоре после ее переезда. Места у нас хватало, а двоим женщинам легче заботиться о семерых детях, чем каждой поодиночке о своих. Мы устраивались так, чтобы каждый день дежурить по очереди в Леттермановском госпитале — туда мы ездили на автобусе, экономя нормированный бензин, а оттуда возвращались с Брайаном. Я любила Мэриэн не меньше, чем своих родных дочек.

И мы вместе с ней прочли телеграмму о том, что Ричард награжден Морским Крестом за Иво Йиму — посмертно.

Месяцев через пять мы сравняли с землей Токио и Кобе. После чего император Акихито и его министры шокировали нас, строго по ритуалу выпустив себе кишки — сначала министры, потом император. Император перед этим заявил, что душа его спокойна, поскольку президент Баркли обещал пощадить Киото. Особенно потрясало то, что император Акихито был мальчик двенадцати лет — моложе моего Патрика Генри.

Нам никогда не понять японцев. Но этим кончилась долгая война.

Не могу не задаваться вопросом — что было бы, если бы старый император Хирохито не погиб седьмого июля при массированной бомбежке «Звездный Час». У него была репутация «западника». Третья и шестая параллели не дают толкового ответа. Кажется, за Хирохито правили министры, а он только царствовал.

Как только Япония капитулировала, Брайан подал в отставку, но его послали в Техас — сначала в Амарилло, потом в Даллас — разбираться с военными контрактами. Думаю, тогда он единственный раз пожалел о том, что в тридцать восьмом сдал на адвоката. Однако мы уехали из Сан-Франциско как раз кстати — в Техасе нас никто не знал, и Мэриэн стала «Морин Джонсон Смит», а я покрасилась под седину и превратилась в ее мать, вдову Мэриэн Харди. И вовремя: беременность Мэриэн была уже заметна, и через четыре месяца она родила Ричарда Брайана. В Фонде, разумеется, мы зарегистрировали новорожденного как надо: мать — Мэриэн Джастин Харди, отец — Брайан Смит-старший.

Мне трудно говорить о том, что произошло дальше — на это можно смотреть с трех точек зрения, и моя — лишь одна из них. Уверена, что две остальные не менее справедливы, чем моя, если не более. Да, я должна добавить «если не более» — ведь полвека назад отец предупреждал меня, что я существо аморальное и сужу обо всем с практической, а не с моральной точки зрения.

Я не делала попыток не пускать мужа в постель к невестке. Ни я, ни Брайни не считали друг друга своей собственностью, мы оба смотрели на секс, как на удовольствие, и давно разработали свод правил цивилизованной измены. Меня немного удивило, что Мэриэн не приняла мер, чтобы не забеременеть от Брайана, но обо всем остальном, кроме этого, она советовалась со мной заранее. Не знаю, советовалась ли она на этот счет с Брайни — он мне на этот счет ничего не говорил. Но мужики ведь льют свою сперму где попало, как из пожарного шланга, и предоставляют нашей сестре выбирать — пользоваться ей или нет.

Однако я не рассердилась, только слегка удивилась. Я знаю — это нормальный биологический рефлекс, когда свежая вдова

первым делом, если только есть возможность, раздвигает ноги и, горько рыдая, создает замену тому, кого лишилась. Это механизм выживания — он не ограничивается войной, но чаще срабатывает в военное время, как показывает статистика.

(Я слышала, некоторые мужчины специально следят за некрологами в газетах и, если умер женатый человек, идут на похороны, чтобы познакомиться с вдовой. За такое браконьерство кастрировать бы надо. С другой стороны — вдовы, пожалуй, не скажут за это спасибо.)

Итак, мы переехали в Даллас, и все на первых порах шло нормально. Просто у Брайана стало две жены, что иногда случается в говардовских семьях — не будем уж говорить о соседях — мормонах, к примеру.

Вскоре после рождения сына Мэриэн Брайан пришел ко мне, явно не решаясь что-то сказать. Пришлось его приободрить:

— Слушай, милый, я не умею читать мысли. Говори, что там у тебя на уме.

— Мэриэн хочет развода.

— Как так? Не пойму, Брайни. Если ей у нас плохо, то можно просто уйти — для этого развод не нужен, и не вижу, как она может его получить. Но мне очень жаль это слышать. Уж кажется, мы так старались, чтобы ей было хорошо, и Ричарду Брайану, и остальным детям. Хочешь, я с ней поговорю? И попытаюсь выяснить, в чем дело?

— О, черт — я, видимо, неясно выразился. Она хочет, чтобы развелись мы с тобой, тогда она сможет выйти за меня замуж.

Сначала у меня отвалилась челюсть, потом я засмеялась.

— О, Господи, Брайни, с чего она взяла, будто я соглашусь? Я не хочу с тобой разводиться — лучшего мужа, чем ты, не придумаешь. Я согласна тобой поделиться, но избавляться от тебя совсем не хочу. Так и скажу ей. Где она? Я лягу с ней в постель и скажу ей это так мягко, как только сумею,— я положила Брайану руки на плечи и поцеловала его. Потом, не отнимая рук, посмотрела ему в лицо.— Погоди-ка. Это ты хочешь развестись. Верно?

Брайни смущенно промолчал.

— Бедный Брайни,— вздохнула я.— Сколько осложнений из-за нас, мерзавок, правда? Бегаем за тобой, лезем к тебе на колени, дышим в ухо. Даже твои собственные дочери соблазняют тебя, как того, из Ветхого Завета. И невестки. Не хмурься так, дорогой мой,— я же не продевала тебе кольца в нос.

— Так ты согласна? — с облегчением спросил он.

— На что?

— Начать дело о разводе.

— Конечно, нет.

— Ты же сказала...

— Я сказала, что не продевала кольца тебе в нос. Если ты хочешь развестись, то не стану противиться, но сама этим заниматься не буду. Можешь сделать это по мусульманскому закону. Скажи мне три раза: «Я с тобой развожусь», и я пойду укладывать вещи.

Возможно, я зря упрямилась, но неужели я была обязана проходить еще и через это — искать адвоката, выставлять свидетелей, являться в суд? Я не стану чинить им препятствий, но пусть этим занимаются они.

Брайан сдался сразу, увидев, что я крепко стою на своем. Но Мэриэн впала в раздражительность, перестала улыбаться и почти не разговаривала со мной. Наконец, когда она собралась выйти из гостиной при моем появлении, я ее остановила.

— Мэриэн!

— Что, мама?

— Я хочу, чтобы ты прекратила изображать, будто убита горем. Хочу, чтобы ты улыбалась и смеялась, как раньше. Ты попросила, чтобы я отдала тебе мужа, и я согласилась помочь. Но и ты должна помогать. А не вести себя, как балованный ребенок, какова ты, собственно, и есть.

— Как ты можешь! Это нечестно!

— Девочки, девочки!

Я повернулась к Брайану.

— Я не девочка. Я твоя жена уже сорок семь лет. И пока я здесь, ко мне будут относиться с уважением и с любовью. Я не жду благодарности от Мэриэн — отец давным-давно научил меня

ни от кого не ждать благодарности, поскольку ее просто не существует. Но пусть она изобразит, что благодарна мне, хотя бы из вежливости. Или пусть уезжает отсюда. Сию же минуту. Если не хотите, чтобы я выступила против развода, потрудитесь проявить ко мне некоторую предупредительность.

Я ушла к себе, легла в постель, поплакала и уснула тревожным сном. Через полчаса или через час меня разбудил стук в дверь.

— Да?

— Это Мэриэн, мама. Можно войти?

— Конечно, дорогая!

Она вошла и закрыла за собой дверь — подбородок у нее дрожал, и глаза были на мокром месте. Я села и протянула к ней руки.

— Иди ко мне, дорогая!

С Мэриэн никаких трудностей больше не было, чего нельзя сказать о Брайане. В следующий уик-энд он сказал, что sine qua non* бесконфликтного развода — это договор сторон о разделе имущества, и притащил домой пухлый портфель.

— У меня тут самые главные бумаги. Посмотрим?

— Хорошо. (Что толку откладывать визит к дантисту?)

Брайан поставил портфель на обеденный стол.

— Можем расположиться здесь.

Я села слева от него, Мэриэн напротив меня. Я сказала:

— Нет, Мэриэн, я хочу делать это наедине с Брайаном. Ты можешь оставить нас, дорогая. И, пожалуйста, не пускай сюда детей.

Она растерянно привстала с места. Брайан остановил ее.

— Морин, Мэриэн — заинтересованная сторона, как и ты.

— Извини, но это не так.

— Что ты имеешь в виду?

— Эти бумаги — наша общая собственность, твоя и моя — то, что мы нажили за годы нашего брака. Мэриэн здесь ничего не принадлежит, и я не желаю заниматься нашими делами в присутствии третьей стороны. Когда она будет с тобой разводиться,

* Sine qua non *(лат.)* — Непременное условие.

тогда при разделе будет присутствовать она, а я — нет. Но пока что, Брайан, это наше с тобой дело и больше ничье.

— Зачем она будет со мной разводиться?

— Я хотела сказать не «когда», а «если». (Она действительно развелась с ним. В 1966 году.) Ты не принес арифмометр, Брайан? Впрочем, все, что мне нужно — это отточенный карандаш.

Мэриэн, перехватив взгляд Брайана, вышла и закрыла за собой дверь.

— Морин, почему ты всегда так груба с ней?

— Думай, что говоришь, Брайни. Тебе не следовало добиваться ее присутствия здесь, сам знаешь. Ну как, разберемся по-людски? Или подождем, пока я найду адвоката?

— Не вижу причин, почему бы нам не разобраться по-людски. И тем более почему нужно впутывать в мои личные дела адвоката.

— А я не вижу причин впутывать твою невесту в мои дела. Брайни, ты ведешь себя как Вуди в шестилетнем возрасте. Как ты намерен все это поделить?

— Сначала нужно выделить всем детям приданое. Наших семеро, а у Мэриэн пять, нет, теперь уже шесть.

(Каждый раз, когда мы «выбивали чек» и получали за ребенка премию из Фонда Говарда, Брайан заводил на этого ребенка текущий счет в своих бухгалтерских книгах, следя за тем, чтобы сумма увеличивалась на шесть процентов ежеквартально, и в свое время вручал всю сумму с процентами сыну или дочери как свадебный подарок — она равнялась примерно трем первоначальным премиям. До того момента, то есть на протяжении примерно восемнадцати лет, Брайан пускал эти деньги в оборот — и уж поверьте мне, наживал с них больше шести процентов, особенно после восемнадцатого года, когда стал руководствоваться указаниями Теодора. Одно лишь слово «ксерокс» или «поляроид» может принести человеку целое состояние, если знать это слово заранее.)

— Ну нет. Не из этой кучи, Брайан. Ричард уже получил свою долю, когда женился на Мэриэн. Ее дети от Ричарда — наши внуки. Как же быть с другими внуками? Я давно не подсчитывала,

но их у нас, кажется, пятьдесят два. И ты собираешься снабжать их всех из наших теперешних средств?

— Тут другая ситуация.

— Еще бы. Брайан, ты собираешься облагодетельствовать пятерых наших внуков за счет всех остальных и за счет наших детей, еще не вступивших в брак. Я этого не позволю.

— Судить об этом буду я сам.

— Нет, не ты. Судить будет настоящий судья, в настоящем суде. Или относись ко всем одинаково и не пытайся наградить пятерых внуков за счет остальных сорока семи.

— Морин, ты раньше никогда так себя не вела.

— Раньше ты не расторгал наше партнерство. А теперь, когда ты это сделал, мы расстанемся только на условиях, которые устроят нас обоих. Нельзя выбросить меня, как старый башмак, Брайан, и при этом ожидать, что я буду воспринимать твои действия так же покорно, как все эти годы. Повторяю: брось вести себя, как Вуди в детстве. Итак, допустим, мы договорились — или договоримся — насчет детского приданого. Как ты намерен поделить остальное?

— На три равные доли, разумеется.

— Ты выделяешь мне две доли? Ты очень щедр, но это больше, чем я ожидала.

— Да нет же! Одна доля тебе, одна мне, одна Мэриэн. Всем поровну.

— Где же четвертая доля — моему мужу?

— Ты снова собираешься замуж?

— Пока нет. Но вдруг соберусь.

— Тогда и решим этот вопрос.

— Брайни, Брайни! Все это шито белыми нитками. Неужели до тебя не доходит, что ты не заставишь меня считать твою невесту совладелицей состояния, которое нажили мы с тобой? Половина моя. Все по-честному.

— Черт возьми, Мо, ты только стряпала и вела дом. Я сколачивал состояние, а не ты.

— А откуда ты взял капитал, Брайни?

— Что?

— Забыл уже, как мы «выбивали чеки»? Как ты, кстати, узнал заранее о Черном вторнике? Участвовала я в этом или нет? Брайни, я не собираюсь с тобой спорить, потому что ты не желаешь быть честным. Все время норовишь урвать для своей новой любви что-то из моей доли нашего совместно нажитого состояния. Давай обратимся в суд, и пусть судья решает. Можем сделать это здесь, где есть закон об общей собственности супругов, или в Калифорнии, где такие же законы, или в Миссури, где судья заведомо отдаст мне больше половины. А тем временем я подам на алименты...

— Алименты!

— На себя и на шестерых детей, пока суд не решит, сколько составит моя доля плюс алименты.

— Хочешь обобрать меня до нитки? — опешил Брайан.— Только за то, что я сделал Мэриэн ребенка?

— Конечно, нет, Брайан. Алименты мне не нужны. А прошу я и настоятельно требую только одного: когда мы договоримся о выплате содержания детям и об их приданом — за основу возьмем приданое, выплаченное старшим, и содержание, которое ты высылаешь Бетти Лу на детей в Канзас-Сити,— когда мы договоримся насчет ребят, ты отдашь мне ровно половину. В противном случае пусть решает судья.

— Прекрасно,— надулся Брайан.

— Вот и хорошо. Напиши два списка на две доли имущества, а потом можем составить соглашение о разделе, которое представим суду. Где ты хочешь разводиться? Здесь?

— Если ты не возражаешь, да. Проще всего.

— Хорошо.

Списки Брайану пришлось составлять весь уик-энд. Вечером в понедельник он показал их мне.

— Вот. Это моя доля, это твоя.

Посмотрев списки, я сразу увидела, что итоговые суммы равны. И чуть было не присвистнула, увидев эти суммы. Я даже с точностью до миллиона не догадывалась, насколько мы богаты.

— Почему этот список мой, а этот — твой?

— В свой список я внес собственность, которой сам хочу управлять. В твоем списке — то, что не требует моего надзора, например, облигации и прочее, само приносящее дивиденды. Разницы никакой — поделено поровну.

— Раз поровну, давай поменяемся. Я возьму твой список, а ты — мой.

— Послушай, я же тебе объясняю...

— Если в моем списке окажется имущество, которое тебе действительно необходимо, можешь выкупить его у меня. На взаимовыгодных условиях.

— Мо, ты думаешь, что я хочу тебя надуть?

— Да, дорогой, ты пытаешься надуть меня с тех самых пор, как занялся разводом и разделом имущества,— улыбнулась я.— Но я не дам тебе этого сделать — ведь потом ты об этом пожалеешь. Возьми-ка эти списки и перепиши заново. Подели все до того честно, чтобы тебе было совершенно все равно — где мой список, а где твой. Если хочешь, давай поделю я, а ты выберешь. Нельзя же собрать все сливки в один список и заявить, что этот список — твой. Ну как — мой дележ и твой выбор? Или наоборот?

На переделку у него ушла неделя — бедняга прямо изнывал от горького разочарования, но в конце концов представил новые списки.

— Ну как, Брайни? Теперь ты поделил наше имущество как надо? И тебе все равно, какой список я выберу?

— Скажи лучше — куда ни кинь, всюду клин,— криво усмехнулся он.

— Бедный Брайни. Ты напоминаешь мне того осла между двумя вязанками сена. И в том, и в другом списке вполне достаточно ликвидных средств — можешь выкупить у меня то, что дорого твоему сердцу,— глядя ему в глаза, я взяла один список... и переменила его на другой.— Вот моя доля. Можно писать бумагу.

Брайан снова возопил, когда захотел выкупить у меня кое-какое имущество из моего списка. Я согласилась, но торговалась за каждый доллар. У меня хорошая память — я запомнила имя «Д.Д. Гарриман», которое произнес Теодор в то милое, унылое, постылое воскресенье, когда уехал и больше не вернулся. Ко вре-

мени нашего дележа я точно знала, какие компании контролирует мистер Гарриман, зарегистрированы они на Нью-Йоркской бирже или нет.

И я продала Брайану то, что ему хотелось, но не по номинальной цене, а по рыночной, с учетом реального дохода. Не такая уж я невежда в вопросах бизнеса. Просто Брайан никогда не давал мне столько денег, чтобы я могла их куда-то вложить. Но я много лет развлекалась, играя в воображаемые спекуляции. И с интересом читала «Уолл-стрит Джорнэл».

Брайан развелся со мной в середине сорок шестого года, и я вернулась в Канзас-Сити. Он не таил на меня зла, и Мэриэн тоже, не держала зла и я. Ведь Брайни совсем неплохой человек — просто он дрался за Мэриэн так же стойко, как когда-то за меня... а я не уступала, поняв, что теперь сама себе голова и мой любимый муж мне больше не муж.

Что толку таить обиды. Когда космический корабль стартует, все его счета считаются оплаченными.

17

ВСЕ СНАЧАЛА

Моя дочь Сьюзен венчалась с Генри Шульцем в субботу 2 августа 1952 года, в епископальной церкви Святого Марка, Канзас-Сити, Пасео, угол Шестьдесят третьей. Брайан присутствовал и вел дочь к алтарю. Мэриэн осталась в Далласе с детьми — и надо сказать, у нее был веский предлог не ехать: вот-вот должен был родиться очередной ребенок, она вполне могла бы не отпускать и Брайана. Но она попросила его поехать, чтобы не разочаровывать Сьюзен.

Сьюзен, по-моему, было все равно, но мне — нет.

На свадьбе присутствовало около половины моих детей, большинство с мужьями и женами, около сорока внуков, тоже с мужьями и женами, целый выводок правнуков и одна праправнучка. Неплохо для женщины, чей официальный возраст — сорок

семь лет. И для женщины, которой по-настоящему семьдесят лет и четыре недели, тоже неплохо.

Невозможно, говорите? Отчего же. Моя Нэнси родила свою Роберту на Рождество восемнадцатого года. Роберта вышла замуж в шестнадцать лет (за Зэкари Барстоу) и 2 ноября 1935 года родила Энн. Энн Барстоу вышла за Юджина Харди и родила первого ребенка, Нэнси Джейн, 22 июня 1952 года.

Имя	*Дата рождения*	*Степень родства*
Морин Джонсон (Смит)	4 июля 1882	Прапрабабушка
Нэнси Смит (Везерел)	1 декабря 1899	Прабабушка
Роберта Везерел (Барстоу)	25 декабря 1918	Бабушка
Энн Барстоу (Харди)	2 ноября 1935	Мать
Нэнси Джейн Харди	22 июня 1952	Дочь

Согласно архивам, Нэнси Джейн Харди (Фут) родила Джастина Фута Первого в последний день двадцатого века — 31 декабря 2000 года. Я вышла замуж за его (и моего) отдаленного потомка, Джастина Фута Сорок Пятого, когда вошла в семью Лазаруса Лонга в 4316 году по григорианскому календарю, почти двадцать четыре столетия спустя, на сто первом году своего личного времени.

Шульцы были представлены на свадьбе почти столь же внушительно, как и Джонсоны, хотя многим из них пришлось лететь самолетом из Калифорнии и Пенсильвании. Но они не могли представить пяти поколений своего рода. А мы, к моей радости, могли, и я не стала спорить, когда наш фотограф, Кеннет Барстоу, предложил заснять все эти пять поколений. Он усадил меня в центре с праправнучкой на коленях, а мои дочь, внучка и правнучка парили над нами, словно ангелы над Мадонной с младенцем.

Кончилось это тем, что нас отругали. Кен все снимал и снимал, пока Нэнси Джейн не надоело, и она не начала плакать. Тут подошел Джастин Везерел и попросил:

— Можно посмотреть твою камеру, Кен?

— Конечно, дядя Джастин. (Какой он ему дядя — седьмая вода на киселе. Семьи Говарда достигли той стадии, когда все друг другу родня — и с неизбежными отрицательными последствиями этих родственных браков пришлось бороться в будущем.)

— Сейчас я тебе ее отдам. Дамы, особенно ты, Морин,— мне надо сказать несколько слов строго между нами, членами Фонда. Посмотрите вокруг — здесь все свои? Посторонних нет?

— Джастин, доступ на прием — только по пригласительным билетам,— сказала я.— В церкви мог быть кто угодно, но здесь только приглашенные, и я приглашала только членов нашей семьи, а Иоганна Шульц — своей.

— Я прошел без приглашения.

— Джастин, тебя же все знают.

— Вот-вот. Кто еще вошел без приглашения? Старина Джо Блоу, которого тоже все знают? Это не он там, за столом, разливает пунш?

— Здесь, разумеется, присутствует некоторое количество посторонних. Музыканты, обслуга и так далее.

— Вот именно — и так далее,— Джастин понизил голос, чтобы услышали только мы четверо и Кен.— Вы все знаете, какие усилия мы прикладываем, чтобы скрыть свой возраст. Вот тебе, Морин, сколько лет?

— Э-э... сорок семь.

— Нэнси? Тебе сколько лет, дорогая?

— Пятьдесят два,— брякнула Нэнси и осеклась.— Тьфу ты, пропасть, папа Везерел, я не слежу за своим возрастом.

— Сколько тебе лет, Нэнси? — настаивал Джастин.

— Сейчас. Мама родила меня в пятнадцать лет, значит — сколько тебе там, мама?

— Сорок семь.

— Ну да, значит, мне тридцать два.

Джастин посмотрел на мою внучку Роберту и правнучку Энн и сказал:

— У вас я ваш возраст не спрашиваю — как бы вы ни ответили, ясно, что вас просто не может быть в природе, судя по официальному возрасту Морин и Нэнси. От имени попечителей скажу —

нам очень приятно, что вы все так старательно выполняете волю Айры Говарда. Но, опять-таки от имени попечителей, подчеркну, что нам никак нельзя привлекать к себе внимание. Нельзя позволить кому-то заметить, что мы не такие, как все,— он вздохнул и продолжал: — А посему вынужден сказать, что огорчен, видя вас пятерых вместе в одной комнате, и надеюсь, что этого больше не повторится. Я содрогаюсь при мысли о том, что вас сфотографировали вместе. Если эта фотография попадет в раздел светской хроники воскресной «Джорнэл Пост», прощай все усилия наших семей оставаться в тени. Кен, тебе не кажется, что пленку лучше засветить?

Я видела, что затюканный Кен уже готов уступить высшему чиновному лицу Фонда. Но меня не затюкаешь.

— Хватит, Джастин, перестань! Ты попечитель, все это знают. Но Господом Богом тебя никто не назначал. Эти карточки сделаны для меня и для моих детей. Только засвети их или заставь Кена это сделать, и я тресну тебя этой камерой по башке.

— Морин, Морин...

— Я знаю, что я Морин. В газеты снимок, разумеется, попасть не должен. Но пусть Кен сделает пять копий со своего лучшего кадра, по одной на каждую из нас. И одну копию может сделать себе, для своего архива.

На этом мы и порешили, а Джастин попросил еще одну — для архивов Фонда.

Тогда я считала, что Джастин — перестраховщик. И была не права. Благодаря ему и его настойчиво проводимой в жизнь политике, позже названной «маскарадом», восемьдесят процентов наших собратьев к началу царствования Пророков числились людьми моложе сорока лет, и только трем процентам было официально за пятьдесят. Когда начала свою деятельность тайная полиция Пророков, менять фамилии и среду обитания стало и трудно, и опасно, но благодаря предвидению Джастина этого, как правило, и не требовалось.

Судя по архивам, Брайан умер в 1998 году в возрасте ста девятнадцати лет — для двадцатого века это сенсация. Но в официальном его возрасте, восемьдесят два года, ничего сенсационного не было. Стратегия Джастина дала возможность всем говардовцам вступить в

2012 году в Эру Пророков с заниженным возрастом и прожить свою жизнь, не дав обнаружить, что живут они подозрительно долго.

Мне, слава Богу, не пришлось с этим столкнуться. Нет, не Богу, а Хильде Мей, Зебу, Дити, Джейку и милой, хорошей машине «Веселая Обманщица». Хотела бы я сейчас снова увидеть всех пятерых — маму Морин опять нужно спасать.

Может быть, Пиксель их найдет. По-моему, он меня понял.

Несколько приезжих гостей провели у меня уик-энд, но к утру вторника пятого августа я осталась одна — по настоящему одна, впервые за все свои семьдесят лет. Двое моих младших — Дональд шестнадцати и Пресцилла четырнадцати лет — еще не вступили в брак, но они уже были не мои. При разводе они предпочли остаться с теми, кого считали своими братьями и сестрами, и теперь уже юридически приходились им братом и сестрой — Мэриэн усыновила моих детей.

Сьюзен была самая младшая из тех четверых, что жили в войну в Канзас-Сити с Бетти Лу и Нельсоном, и вышла замуж последней. Элис Вирджиния вышла замуж за Ральфа Сперлинга сразу после войны, Дорис Джин — за Фредерика Бриггса на следующий год, а Патрик Генри, мой сын от Джастина, женился на Шарлотте Шмидт в пятьдесят первом году.

Бетти Лу и Нельсон вскоре после моего возвращения переехали в Тампу, взяв с собой трех детишек, которые еще оставались при них. Там, во Флориде жили и родители Бетти Лу и тетя Кароль, мать Нельсона — Бетти Лу хотела присмотреть за ними в старости. (Сколько же тете Кароль было в сорок шестом году? Она была вдовой старшего брата моего отца, значит, в сорок шестом — батюшки светы! — ей уже наверняка стукнуло сто. Но при последнем нашем свидании незадолго перед нападением японцев в сорок первом она выглядела так же, как всегда. Наверное, красила волосы?)

В субботу я была triste* не только потому, что мой последышек улетал из гнезда, а еще — и в основном — потому, что в тот день отцу исполнилось бы сто лет: он родился 2 августа 1852 года.

* triste *(фр.)* — грустна.

Никто больше как будто об этом не вспомнил, а я никому не говорила — день свадьбы принадлежит молодым, и никто ни словом, ни делом, ни воспоминанием не должен омрачать их праздник. И я молчала.

Но сама не забывала об этом ни на миг. Прошло двенадцать лет и три месяца, как отец ушел на войну, и я скучала по нему все эти четыре тысячи четыреста сорок один день — особенно в те годы, когда Брайан переменил мою жизнь.

Поймите меня правильно — я не осуждаю Брайана. Я перестала рожать еще перед войной, Мэриэн была в расцвете женских сил, а дети — цель говардовского брака. Мэриэн хотела и могла рожать Брайану детей, но желала, чтобы их брак был законный. Все это можно понять.

Они не стремились избавиться от меня. Брайан думал, что я останусь с ними, пока я твердо не сказала «нет». Мэриэн просила меня остаться и плакала, когда я уезжала.

Но Даллас — не Бундок, и моногамия была столь же естественна для американской цивилизации двадцатого века, как естественная групповая семья для квазианархической, лишенной структуры цивилизации Терциуса Третьего тысячелетия Диаспоры. Когда я решила не оставаться с Брайаном и Мэриэн, у меня еще не было бундокского опыта — но я сердцем чуяла, что, если я останусь, мы с Мэриэн волей-неволей начнем соперничать друг с другом, а это было нам совершенно ни к чему и могло бы сделать несчастным Брайана.

Но это не значит, что я уезжала с радостью. Развод, любой развод, как бы он ни был необходим,— всегда ампутация. Я долго чувствовала себя как зверь, который отгрыз себе ногу, чтобы вырваться из капкана.

Это произошло более восьмидесяти лет назад по моему личному времени. Неужели я все еще обижена?

Да. Не на Брайана — на Мэриэн. Брайан был человек беззлобный — в душе я уверена, что он не хотел так со мной поступать. Худшее, в чем можно его упрекать — это что он вел себя не слишком разумно, сделав ребенка вдове своего сына. Но много ли мужчин мудро ведут себя с женщинами? Таких за всю историю раз, два и обчелся.

Другое дело Мэриэн. Она отплатила за мое гостеприимство тем, что заставила моего мужа развестись со мной. Отец учил меня никогда не ждать от людей этой химеры — благодарности. Но могла я хотя бы ожидать, что моя гостья будет вести себя прилично у меня в доме?

«Благодарность». Химера, вознаграждающая другую химеру — «альтруизм». И обе эти химеры лишь маскируют эгоизм — естественное, честное чувство. Давным-давно мистер Клеменс в своем эссе «Что есть человек?» продемонстрировал, что каждый из нас руководствуется только своими собственными интересами. Когда вы найдете это, то легко найдете общий язык с другими, стараясь сотрудничать с ними на взаимовыгодных условиях. Но если вы убеждены в том, что вы альтруист, и пытаетесь пристыдить другого за его чудовищный эгоизм, вам ничего не добиться.

Где я ошиблась с Мэриэн?

Неужто впала в грех альтруизма?

Наверное, да. Мне следовало бы сказать ей: «Слушай, ты, сучка! Веди себя как следует — и живи здесь сколько влезет. Но не пытайся выжить меня из собственного дома, иначе я выкину на снег и тебя, и твое отродье. И смотри, как бы я кое-что тебе не выдрала». Мне следовало бы сказать Брайану: «Ты это брось, умник. Или я найду шустрого адвоката — и ты пожалеешь, что связался с этой шлюшкой. Мы тебя до нитки обдерем».

Но это так — ночные мысли. Брак — это психологическое состояние, а не контракт, скрепленный свидетельством. Если брак умирает, то он умирает и начинает смердеть еще раньше, чем дохлая рыба. Неважно, кто его убил,— важен сам факт смерти. Если она пришла, время делить вещички и разбегаться, не тратя времени на обвинения.

Зачем же я трачу время восемьдесят лет спустя, горюя над трупом давно умершего брака? Мало мне хлопот со страхидлами, которые того и гляди меня казнят? Пикселя небось не тревожат духи покойных кошечек, он живет только настоящим. Вот бы и мне так.

Вернувшись в Канзас-Сити в сорок шестом году, я первым делом решила записаться в колледж. И университет Канзас-Сити,

и колледж Рокхерста находились в миле к северу от нас, на Пятьдесят третьей улице, в одном квартале от бульвара Рокхилл — Рокхерст восточнее, а университет западнее. Пять минут на машине, десять на автобусе, двадцать минут приятной пешей прогулки в хорошую погоду. Медицинский факультет стоял чуть к западу от пересечения Тридцать девятой и Стейт-лайн, в десяти минутах езды. Юридическое училище — в центре, в двадцати минутах.

Все эти учебные заведения имели свои достоинства и свои недостатки. Рокхерст был совсем невелик, зато, как иезуитский колледж, наверняка обеспечивал высокий уровень знаний. Это был мужской колледж, но не полностью. Мне сказали, правда, что если там и учатся женщины, то только монашки — учительницы, повышающие свое образование. Поэтому я не питала уверенности, что меня туда примут. Отец Мак-Коу, президент Рокхерста, успокоил меня.

— Миссис Джонсон, наши правила не высечены в камне. Хотя большинство наших студентов — мужчины, мы не отказываем и женщинам, серьезно заинтересованным тем, что мы предлагаем. У нас католическая школа, но мы охотно принимаем людей другого вероисповедания. Мы не предпринимаем усилий, чтобы обратить их в католичество, но, думаю, следует вас предупредить, что многие протестанты, познакомившись с католической доктриной, часто сами обращаются в истинную веру. Если, находясь среди нас, вы ощутите надобность в религиозных наставлениях, мы будем счастливы предоставить их вам. Но давить на вас не станем. Вы желаете получить степень или вам это не нужно?

Я объяснила, что уже записалась на специальный курс в университете с целью получить степень бакалавра.

— Но меня больше интересует само образование, чем степень. Потому-то я и пришла к вам. Иезуиты славятся высоким уровнем преподавания, и я надеюсь получить здесь то, что не получу в других колледжах.

— Надеяться никогда не лишне,— он нацарапал что-то в своем блокноте, оторвал листок и подал мне.— Вы зачисляетесь на специальный курс с правом посещать любые лекции. За некото-

рые занятия взимается дополнительная плата, например за лабораторные. Зайдите с этим к казначею — у вас примут плату за обучение и подсчитают, сколько с вас следует еще. А через неделю-другую приходите ко мне.

Следующие шесть лет, с сорок шестого по пятьдесят второй, я училась, не пропуская и летних занятий. Дома у меня малых детей не было, а значит, хозяйство не требовало особых трудов; то, что осталось, я поручила шестнадцатилетней Дорис, которая только что приступила, под моим чутким руководством, к выбору суженого из говардского списка, и Сьюзен — той было только двенадцать, и она (почти наверняка) сохранила девственность, но стряпала для своих лет превосходно. Я занялась ее сексуальным просвещением, зная по опыту, как тесно связаны кулинарный талант и высокое либидо, но обнаружила, что тетя Лу давно воспитала из моих девчонок невинных всезнаек, хорошо знакомых со своим телом и своим женским естеством задолго до того, как это естество пробудилось.

Из сыновей дома оставался только один Пат, в сорок шестом ему было четырнадцать. Я, поколебавшись, решила проверить и его знания по части секса — пока он не подцепил какую-нибудь заразу, не обрюхатил двенадцатилетнюю дурочку с большими титьками и малым мозгом или не ввязался в громкий скандал. Раньше мне не приходилось этим заниматься — сыновей просвещали или Брайан, или дед, или оба вместе.

Патрик был терпелив со мной и наконец сказал:

— Мама, ты хочешь спросить меня про всякое такое? Тогда спрашивай. Тетя Бет-Лу устроила мне такой же экзамен, как Элис и Дорис,— и я только на один вопрос не сумел ответить.

Я осеклась.

— Я не знал, что такое внематочная беременность. Но теперь знаю. Сказать?

— Не надо. Тетя Бетти Лу или дядя Нельсон говорили тебе что-нибудь про Фонд Айры Говарда?

— Кое-что. Когда Элис стала гулять с мальчишками, дядя Нельсон велел мне не лезть не в свое дело и помалкивать... и поговорить с ним, когда мне самому захочется гулять с девчонками.

Я не думал, что мне захочется — но потом захотелось, и я сказал дяде, а он мне сказал про премии, которые платят за говардских детей, а больше ни за каких.

— Ну, дорогой мой, кажется, тетя и дядя рассказали тебе все и без меня. А дядя не показывал тебе гравюры Форберга?

— Нет.

(Черт побери, Брайни, почему тебя тут нет? Это твоя работа.)

— Мне их тетя Бет-Лу показывала. Они у меня в комнате,— он застенчиво улыбнулся.— Мне нравится их смотреть. Принести тебе?

— Нет. А впрочем, как хочешь. Кажется, ты знаешь о сексе все, что нужно знать в твоем возрасте. Чем я могу тебе еще помочь?

— Да ничем, наверное. Вот только... тетя Бет-Лу всегда давала мне резинки, и я обещал ей, что всегда буду ими пользоваться. Но Уолгрен их ребятам не продает.

(Что еще Бетти Лу для него сделала? Считается ли сожительство с теткой инцестом? Точнее — с женой дяди, она ведь нам не кровная родственница. Морин, не лезь не в свое дело.)

— Хорошо, я тоже буду давать их тебе. А... где ты ими пользуешься, Патрик? Не спрашиваю с кем, но где?

— Пока что я только одну такую девочку знаю, и у нее мать очень строгая. Велит ей это делать только у них дома, в подвале, не то она...

Я не стала уточнять, что такое «не то».

— По-моему, ее мать очень разумная женщина. Ты, дорогой, тоже спокойно можешь заниматься этим дома. Надеюсь, ты больше нигде этого делать не будешь — в Суоп-парке, например. Это слишком опасно. (Морин, кто бы говорил!)

Все трое были хорошие дети, и я не знала с ними никаких хлопот. С помощью немногих спокойных указаний с моей стороны наше хозяйство шло гладко, и у меня оставалось много времени для учебы. К замужеству Сьюзен в августе пятьдесят второго года у меня был не один, а четыре диплома: бакалавра искусств, бакалавра права, магистра наук и доктора философии. Что за чудеса, скажете вы!

Сейчас расскажу, как кролик оказался в цилиндре.

* * *

Я нигде не могла предъявить свой школьный аттестат — выданный в 1898 году, он как-то не очень совмещался с моим тогдашним официальным возрастом — сорок четыре года. По возможности я старалась говорить, что мне «больше двадцати одного» и только припертая к стенке называла свой возраст, скрывая факт своего существования на свете до 1910 года. Для этого надо было всего лишь держать язык за зубами — никаких: «А вы знаете такого-то?» или: «А помните?»

Поэтому я и поступила в университет не как обычная студентка, а на специальный курс. Потом попросила разрешения сдать экстерном на право стать соискательницей диплома и не остановилась перед высокой платой за экзамены. Я сдавала английскую и американскую литературу, американскую историю, мировую историю, математику, латынь, греческий, французский, немецкий, испанский, анатомию, физиологию, химию, физику и естествознание. Сдавала весь семестр, зубря по ночам и для разрядки иногда посещая лекции в колледже по ту сторону бульвара.

Перед началом летних занятий меня вызвал декан, доктор Баннистер.

— Садитесь, пожалуйста, миссис Джонсон.

Я села. Декан напомнил мне мистера Клеменса, хотя не носил белого костюма и, слава богу, не курил этих жутких сигар. Но у него был такой же лохматый ореол седых волос и такой же облик жизнелюбивого Сатаны. Он мне сразу понравился.

— Вы сдали все дополнительные экзамены,— сказал он.— Могу ли я спросить, с какой целью?

— У меня не было никакой особой цели, доктор. Я сдавала их, чтобы определить уровень своих знаний.

— Хмм. По вашим бумагам я вижу, что среднюю школу вы не закончили.

— Я получила домашнее образование, сэр.

— Понятно. И никогда не учились в школе?

— Я училась в нескольких школах, сэр, но не настолько долго, чтобы получить от них свидетельства. Мой отец много путешествовал.

— Чем он занимался?

— Он был врачом, сэр.

— Вы говорите «был»?

— Он погиб в Битве за Британию, доктор.

— Вот как. Извините. Миссис Джонсон, вы почти сдали на степень бакалавра искусств... нет, позвольте мне договорить. Мы не присуждаем степеней экстернам, не прошедшим у нас курса. Намерены ли вы проучиться у нас еще два семестра, то есть следующий учебный год?

— Конечно — и летние занятия тоже буду посещать. Останусь и на более долгий срок, поскольку намерена, если получу бакалавра, защищать и докторскую степень.

— Вот как — и в какой же области?

— Философии, в частности метафизики.

— Миссис Джонсон, вы поражаете меня. Пишете, что ваш род занятий — домохозяйка...

— И это верно, доктор. Со мной еще живут трое младших детей. Но двое из них девочки-подростки и хорошие поварихи. Мы вместе готовим и делаем всю работу по дому, так что у всех остается время на учебу. И уверяю вас — мытье посуды ничуть не противоречит интересу к сверхчувственному. Я — бабушка, которой не довелось поучиться в колледже, но не верю, что слишком стара, чтобы учиться. Бабушка не хочет сидеть у огонька и вязать. В двадцать первом году здесь читал лекции доктор Уилл Дюран — он и ввел меня в метафизику.

— Да, я сам его слушал. Вечерний курс в соборе на Гранд Авеню. Замечательный лектор. Но сколько же вам было тогда? Двадцать пять лет назад?

— Меня водил на лекции отец, и я пообещала себе, что займусь этим, когда у меня будет время. Теперь оно есть.

— Понимаю. А знаете, миссис Джонсон, что преподавал я, пока не занял эту должность?

— Нет, сэр. (Конечно же, я знала. Отец стыдился бы меня, если бы я не разведала предварительно все, что можно.)

— Латынь, греческий и эллинскую философию. Но время идет — и латынь больше не требуется, греческий даже не предлагается, а греческих философов забыли ради новых идей Фрейда,

Маркса, Дьюи и Скиннера. Вот и пришлось мне искать другое занятие, иначе пришлось бы уходить из университета и предлагать свои услуги где-нибудь еще. А это нелегко,— грустно улыбнулся он.— Профессор физики мог бы найти работу в «Доу Кемикл» или у Д. Д. Гарримана, но учитель греческого? Впрочем, неважно. Вы сказали, что намерены заниматься и летом?

— Да, сэр.

— Переведем-ка мы вас на старший курс и выпустим в конце первого семестра, в январе бакалавром искусств. Главной специальностью поставим, скажем, современные языки, второй — что пожелаете. Классические языки, историю. Летнюю школу и первый семестр можете использовать для занятий метафизикой. Так-то. Я и сам дед, миссис Джонсон, старомодный учитель забытых наук. Но, может быть, вы согласитесь, чтобы я был вашим куратором?

— Нет, правда?

— Меня заинтересовали ваши намерения — думаю, мы с вами составим неплохой комитет сочувствующих. Мм...

У старости стремления свои;
Смерть все покончит; но перед концом
Еще возможно подвиг совершить,
Достойный нас, восставших на богов.

Я подхватила:

На скалах загораются огни;
День меркнет; подымается луна;
Ревет морская глубь. Вперед, друзья,
Открытиям еще не вышел срок.

Он широко улыбнулся и закончил:

Покинем брег, и, к веслам сев своим,
Ударим ими, ибо я стремлюсь
Уплыть за край заката и достичь
Вечерних звезд, пока еще я жив.

— Теннисон не знает износа, верно? И если Одиссей мог бросить вызов годам, можем и мы. Приходите завтра и мы наметим курс занятий, необходимый для вашей докторской. Большую

часть работы вам придется проделать самостоятельно, но мы заглянем в каталог и посмотрим, что вам будет полезно прочесть.

В июне пятидесятого я защитила докторскую по метафизике, став доктором философских наук. Моя диссертация называлась «Сравнительные картины мироздания по Аристоклу, Аруэ и Джугашвили с точки зрения эпистемологии, телеологии и эсхатологии». Содержание сводилось к нулю, как и полагается в честном метафизическом труде, зато много было булевой алгебры, доказывающей, что Джугашвили — убийца и злодей, что и так слишком хорошо было известно.

Я подарила экземпляр своей диссертации отцу Мак-Коу и пригласила его на защиту. Он согласился прийти, посмотрел на название и улыбнулся.

— Мне кажется, что Платон был бы рад встретиться с Вольтером, но оба они и близко не подошли бы к Сталину.

Отец Мак-Коу был единственный, кто с первого взгляда понял, о ком идет речь в заглавии, не считая доктора Баннистера, который его и придумал.

Моя диссертация не имела никакой ценности, но по правилам для получения научной степени требовалось представить сколько-то фунтов научной макулатуры. И я прекрасно провела эти четыре года — и в университете, и по ту сторону бульвара.

Получив докторскую степень, я на той же неделе поступила на медицинский факультет и в юридическое училище — одно другому не мешало, потому что у юристов занятия в основном велись вечером, а у медиков — днем. Я не собиралась становиться доктором медицины, но хотела сдать на магистра по биохимии. Меня записали на несколько дополнительных курсов, но разрешили проходить их одновременно с подготовкой к магистрату (думаю, меня прогнали бы оттуда, не предъяви я свеженькое свидетельство доктора наук). Степень магистра сама по себе меня не слишком заботила — просто хотелось поучиться чему-нибудь полезному, устроить себе интеллектуальный шведский стол. Отец бы меня одобрил.

Я могла бы получить степень за год, но задержалась подольше, желая прослушать еще несколько курсов лекций. В юридическом

же училище полагалось учиться четыре года, но я прошла у них кое-что еще в ту пору, когда там с тридцать четвертого по тридцать восьмой учился Брайан. Декан разрешил мне сдавать экстерном, лишь бы я полностью оплатила каждый курс — училище было частное, и плате за обучение придавалось первостепенное значение.

Адвокатские экзамены я сдала весной пятьдесят второго — успешно, к удивлению своих соучеников и преподавателей. Помогло, возможно, то, что я в бумагах называлась «М. Дж. Джонсон», а не «Морин Джонсон». А раз я стала адвокатом, то с дипломом проблем уже не было: училище гордилось как раз тем, какой высокий процент его студентов получает право на адвокатскую практику — а это барьер потруднее, чем диплом юриста.

Вот так, вполне законно, я и получила четыре ученых степени за шесть лет. Но искренне считаю, что больше всех дал мне крошечный католический колледж, где я была только вольнослушательницей и не претендовала на степень.

В большой степени это относится к американского происхождения японцу, иезуиту отцу Тезуке.

Впервые в жизни мне представилась возможность выучить восточный язык, и я ухватилась за нее. Класс предназначался для обучения миссионеров, призванных заменить тех, кого уничтожила война, в нем занимались и священники, и семинаристы. Меня, как мне кажется, приняли по той причине, что в японском языке, японских идиомах и японской культуре грань между мужчиной и женщиной еще резче, чем в американской культуре. Я служила наглядным пособием.

Летом сорокового года, которое мы провели в Чикаго, я воспользовалась случаем позаниматься семантикой у графа Альфреда Коржибского и доктора С. И. Хайакавы, благо Институт общей семантики был поблизости от нас — только перейти Мэлл и пройти пару кварталов по Восточной Пятьдесят шестой. И в голове у меня застряли слова этих двух ученых о том, что любой язык — отражение определенной культуры и так тесно переплетается с ней, что семантологу требуется другой, отличный по своей структуре язык, «метаязык».

* * *

А теперь посмотрим, что происходило в мире, пока я занималась японским. В ноябре сорок восьмого президентом избран Паттон, сменивший президента Баркли в январе сорок девятого.

Осакский мятеж вспыхнул в декабре сорок восьмого, между избранием Паттона и его инаугурацией... Новый президент столкнулся с тем, что в Дальневосточном доминионе, бывшей Японской империи, назрело открытое сопротивление и тайное общество «Божественный Ветер» готово до бесконечности менять десять японских жизней на жизнь одного американца.

В своей инаугурационной речи президент Паттон сообщил японцам и всему миру, что подобный обмен нас больше не устраивает. Отныне за убийство одного американца будет уничтожаться один синтоистский храм, и с каждым инцидентом цена будет все выше.

18

ХОЛОСТАЯ ЖИЗНЬ

Не в моей компетенции судить, как следует управлять завоеванной страной, поэтому воздержусь критиковать политику Паттона по отношению к нашему Дальневосточному доминиону. Мой дорогой друг и муж Джубал Хэршоу говорит, а история подтверждает, что в его параллели (код «Нейл Армстронг») к побежденному применялась совсем другая политика — скорее протекционистская, чем жесткая. Но и та и другая тактика и в той и в другой параллели оказались губительными для Соединенных Штатов.

С пятьдесят второго по восемьдесят второй мне ни разу не представилось случая применить свое знание японского. Но двадцать четыре века спустя, когда я перешла из клиники омоложения в Корпус Времени, Джубал дал мне одно странное задание. Исход долгой и жестокой войны между США и Японской империей оказывался гибельным для обеих сторон во всех паралле-

лях, контролируемых Ближним Кругом — и в тех случаях, когда «побеждали» США, и в тех, когда «побеждала» Япония,— например, в седьмой параллели, код «Фэйракрс», где император и рейхсфюрер поделили наш континент вдоль по реке Миссисипи.

Математики Корпуса Времени под руководством Либби Лонга и в сотрудничестве с банком компьютерных симуляторов во главе с Майкрофтом Холмсом (совершившем Лунную революцию в третьей параллели) поставили себе задачу: нельзя ли преобразовать историю так, чтобы американо-японская война 1941–1945 годов вообще не состоялась? И нельзя ли в таком случае избежать постепенного разрушения планеты Земля, неизменного следствия этой войны во всех известных параллелях времени?

Для решения этой задачи Корпусу требовались агенты, которых следовало заслать в период до сорок первого года и в Японию, и в Штаты. Со Штатами проблем не было: архивы Бундока изобиловали сведениями по американской истории, языку и культуре двадцатого века; кроме того, многие обитатели Терциуса ранее жили в Америке того периода: Лазарус Лонг, Морин Джонсон, Джубал Хэршоу, Ричард Кемпбелл, Хейзел Стоун, Зеб Картер, Хильда Мей Бэрроу, Дити Картер, Джейке Берроу — и прежде всего Анна, Неподкупная Свидетельница. Анну, я знаю, послали — возможно, послали и кого-то из других.

Однако обитатели Теллус Терциус, знакомые с японским языком и культурой двадцатого века, представляли большой дефицит. Были два человека китайского происхождения, Донг Чжа и Марси Чой-Му,— внешне они походили на японцев, но не знали ни их языка, ни культуры.

Я в японки не годилась — рыжие японки встречаются не чаще, чем мех на рыбе,— зато умела говорить и писать по-японски, не в совершенстве, но как изучавшая язык иностранка. Поэтому приняли компромиссное решение: я отправлюсь в Японию как туристка — необыкновенная туристка, взявшая на себя труд выучить язык, обычаи и историю Ниппона перед тем, как ехать туда.

Турист, который не поленился всем этим заняться, всегда желанный гость в той стране, куда он совершает путешествие, если к тому же соблюдает местный этикет. Хотелось бы пожелать, чтобы

все это знал каждый турист, но на деле подобные знания достаются трудно и стоят слишком много времени и денег. У меня просто талант к иностранным языкам, и мне нравится их учить. К семидесяти годам я, кроме родного, знала четыре современных языка. Остается еще около тысячи языков, которые я не знаю, и около трех миллиардов человек, с которыми у меня нет общего языка. Выучить их все — непосильный танталов труд.

Но на роль безобидной туристки, изучающей Японию в годы перед великой войной сорок первого — сорок пятого годов, я вполне годилась. И меня высадили в Макао, где взятка — норма жизни и за деньги можно сделать все. При себе у меня были крупные суммы и три самых настоящих паспорта: по одному я была канадкой, по другому американкой, по третьему англичанкой.

На пароме я переправилась в Гонконг — гораздо менее продажный город, но деньги очень уважали и там. К тому времени я узнала, что на англичан и американцев на Дальнем Востоке смотрят косо, но к канадцам пока особой вражды не питают, и выбрала паспорт, согласно которому родилась в Британской Колумбии и проживала в Ванкувере. А потом отплыла на голландском теплоходе «Руис» из Гонконга в Иокогаму.

Целый год, с тридцать седьмого по тридцать восьмой, я провела в чудесных скитаниях по Японии — ночевала в местных гостиницах, кормила крошечных оленей в Наре, затаивала дыхание, глядя на Фудзи-сан на рассвете, плавала по Внутреннему Морю на игрушечном пароходике,— словом, наслаждалась красотами одной из прекраснейших стран мира и одной из прекраснейших культур истории, а заодно собирала сведения, записывая их на вмонтированный в тело, управляемый моим голосом диктофон, почти такой же, как сейчас.

В мой организм было вживлено еще и сигнальное устройство — имеется оно и сейчас, и если меня до сих пор не нашли, значит, штабу Корпуса не известно, на какой планете я нахожусь,— датчики сразу выследили бы агента, не вышедшего на связь, если бы он прибыл на место назначения.

Не будем о грустном, поговорим лучше о хорошем. За год своего пребывания в Японии я не раз слышала еще об одной рыже-

волосой англичанке (канадке, американке), которая путешествует по империи, изучая японские сады. Она говорит по-японски и как будто похожа на меня — хотя это еще ничего не значило: белые для японцев все на одно лицо, вот только рыжие волосы черта приметная, а знание японского тем более.

Возможно, меня послали (пошлют) в довоенную Японию еще раз? Или это петля времени, в которой я встречаюсь сама с собой? Парадоксами меня не удивишь — для агента Времени это вещь привычная. Тридцать седьмой год, например, я проживала повторно — впервые я прожила его в Канзас-Сити, за исключением двух недель после рождения Присциллы и адвокатских экзаменов Брайана; мы отметили оба этих события поездкой в каньоны Юты — Брайс, Сидар Брикс, Норт Рим.

Если я оказалась в том же году в третий раз, значит, тот визит в Японию у меня еще впереди — стало быть, Пиксель донес мою весточку и меня спасут. Никаких парадоксов во времени нет — все мнимые парадоксы можно распутать.

Но слишком уж тонка эта последняя соломинка, за которую я цепляюсь.

Тот вторник пятое августа 1952 года во второй параллели времени, начался для Морин печально — впервые в жизни одна, и впереди нудная работа: убрать наш старый фермерский дом, закрыть его и продать. Но тот день нес с собой и некоторую радость. Мое замужество кончилось, когда мой муж развелся со мной, вдовство же кончилось, когда Сьюзен вышла замуж; с этого дня начиналась моя холостая жизнь.

Какая разница между вдовством и холостой жизнью? Взгляните на это с исторической точки зрения. Когда я выходила замуж в конце девятнадцатого века, женщины представляли собой граждан второго сорта и все считали, что так и должно быть. В большинстве штатов женщины не имели права голоса, не имели права подписывать контракты, владеть недвижимостью, заседать в суде присяжных и заниматься прочей гражданской деятельностью без согласия мужчины: отца, мужа или старшего сына. Большинство

профессий, ремесел и занятий для женщин было заказано. Женщина-адвокат, женщина-врач, женщина-инженер представляли собой такое же диво, как танцующий медведь.

«Диво не в том, что медведь танцует вальс хорошо, а в том, что он вообще его танцует». Эти слова, кажется, принадлежат доктору Сэмюэлу Джонсону, который считал женщин существами даже третьего порядка, ставя их ниже шотландцев и американцев, которых крайне презирал.

В двадцатом веке положение женщин стало медленно поправляться. К восемьдесят второму году почти все законы, устанавливающие неравноправие, были отменены.

Но оставались обычаи — укоренившиеся, не менее твердые, чем законы, и не подлежащие отмене. Вот вам пример.

Летом сорокового года, когда мы жили на Вудлоун Авеню в Чикаго, две недели во время национального демократического съезда нас особенно осаждали гости. Попечитель Фонда, Руфус Бриггс, однажды сказал мне во время завтрака:

— Я оставил свои рубашки на балконе, где спал. Они мне понадобятся через сутки, и скажите, чтобы слегка накрахмалили воротнички — больше ничего крахмалить не надо.

— Скажите сами,— отрезала я, находясь не в слишком благодушном настроении. До поздней ночи я устраивала постели для новоприбывших, включая и самого Бриггса (он был из тех оптимистических идиотов, которые ехали в Чикаго, не задумываясь над тем, что сейчас все номера в гостиницах вплоть до Гэри, штат Индиана, заказаны за много месяцев заранее). А потом поднялась спозаранку и пошла на кухню, чтобы приготовить и подать завтрак дюжине гостей.

Бриггс уставился на меня, не веря своим ушам.

— Вы разве не экономка?

— Пусть я экономка, но я не прислуга.

Бриггс поморгал и воззвал к Брайану:

— Мистер Смит?

— Вы ошиблись, мистер Бриггс,— спокойно сказал Брайан,— эта леди — моя жена. Ночью вы видели ее в полутьме, и приходилось шептаться, потому что все спали,— вот вы и не узнали ее

утром. Но миссис Смит, я уверен, с радостью отошлет в стирку белье дорогого гостя.

— Нет, не отошлю,— ответила я.

Тут уж опешил Брайни.

— Морин?

— Не стану я отдавать в стирку его белье и завтрак ему больше готовить не стану. С утра он только и проговорил, что яйца не так приготовлены — даже спасибо не сказал, когда перед ним поставили завтрак. Так что впредь пусть идет завтракать в другое место. Кажется, на Шестьдесят третьей есть какое-то заведение. И объявляю всем,— добавила я, обводя взглядом стол,— у нас тут прислуги нет. И мне так же хочется вовремя попасть в Зал Съездов, как и вам. Вчера я опоздала, поскольку стелила постели и мыла посуду. Лишь один человек здесь убрал за собой постель — спасибо, Мэрл! Сегодня я их убирать не намерена — если кто-то свою постель не застелит, в таком виде она и останется. А теперь мне нужны добровольцы, чтобы убрать со стола и вымыть посуду — если же таких не найдется, завтра я вам завтрак готовить не буду.

Через час мы с Брайаном отправились на съезд. По пути на станцию надземки муж сказал:

— Мо, наконец-то представился случай поговорить с тобой наедине. По правде сказать, мне не понравилось, что ты не поддержала меня в присутствии другого попечителя.

— Это когда же? — спросила я, прекрасно зная, о чем речь.

— Я сказал мистеру Бриггсу, что ты охотно отдашь его белье в стирку, а ты наперекор мне отказалась. И тем унизила меня, дорогая.

— Это ты унизил меня, Брайни, пытаясь переубедить, когда я уже сказала ему, чтобы он сам сдал свое белье. Я просто стояла на своем.

— Но он действительно ошибся, дорогая: он думал, что ты прислуга. Я только пытался загладить его ошибку, сказав, что ты с радостью окажешь эту услугу гостю.

— А почему ты не сказал, что с радостью сделаешь это сам?

— Как? — неподдельно удивился Брайан.

— Знаешь, почему? Потому что вы оба считаете, что сдача белья в прачечную — женская работа. И это так, когда речь идет о твоем белье, а женщина — я. Но Руфусу Бриггсу я не жена и служить ему, чурбану этакому, не намерена.

— Морин, иногда я тебя просто не понимаю.

— Верно — иногда не понимаешь.

— Взять эту уборку постелей или мытье посуды. Ведь дома мы никогда не требуем от гостей, чтобы они убирали за собой постели или мыли посуду.

— Дома, Брайни, мне всегда помогают двое-трое взрослых девочек и никогда не бывает дюжины гостей одновременно. Кроме того, наши гостьи обычно предлагают мне помощь, и я принимаю ее, когда нужно. Не то что это сборище, которое на меня свалилось сейчас. Они мне не друзья, не родственники, в большинстве своем мне не знакомы, а ведут себя так, словно у нас тут пансион. Но при этом хотя бы говорят «спасибо» и «пожалуйста», а мистер Бриггс и того не делает. Брайни, в глубине души вы с мистером Бриггсом относитесь к женщинам одинаково: мы для вас только прислуга.

— Не думаю. По-моему, это нечестно с твоей стороны.

— Да? Тогда я снова спрошу тебя: если ты хотел проявить к гостю любезность, почему не предложил сам отдать его белье в стирку? Мог бы не хуже меня взять телефонный справочник, открыть его на желтых страницах и договориться, чтобы отдать белье в стирку, не обязательно быть женщиной, ничего трудного в этом нет. Почему ты находишь возможным предлагать мои услуги, когда я уже высказала свое нежелание?

— Мне хотелось сделать любезность.

— Кому? Своей жене? Или компаньону, который был с ней груб?

— Ладно, не будем больше говорить об этом.

В этом случае нет ничего необычного — необычно в нем лишь то, что я отказалась исполнять традиционную роль женщины, которой положено прислуживать мужчине. Отмена законов не уничтожает подобные жизненные правила, которые усваиваются с раннего детства.

Неписаные законы не отменишь, как писаные,— ведь они чаще всего существуют на подсознательном уровне. Кто, например, готовит кофе? Вы находитесь на каком-то деловом или приближенном к деловому собрании, где присутствуют лица разного пола: на заседании правления, в любительском кружке, на родительском собрании в школе. Для создания свободной атмосферы не помешала бы чашечка кофе, и есть возможность его приготовить.

Итак, кто же готовит кофе? Это может быть и мужчина. Но не спешите заключать пари: десять против одного, что проиграете.

Давайте перенесемся на тридцать лет в будущее от случая с Руфусом Бриггсом, слегка подкрахмаленным олухом,— из сорокового года в семидесятый. К семидесятому году большинство легальных ограничений равенства полов исчезло. Случай, о котором я хочу рассказать, произошел на заседании правления «Небесного Фрахта», предприятия Д. Д. Гарримана. Я была одним из директоров, не впервые присутствовала на заседаниях, знала всех директоров в лицо, и они меня знали — или имели возможность узнать.

Должна сознаться, что выглядела я моложе, чем на прошлом заседании. Я подправила свою отвисшую грудь, в той же клинике Беверли Хиллс мне сделали подтяжку лица, убрав морщины, а затем я отправилась на оздоровительное ранчо в Аризону, где обрела наилучшую форму и сбавила пятнадцать фунтов. Заехала еще в Вегас и накупила там себе шикарных, очень женственных новых нарядов — не в пример тем брючным костюмам, которые шили себе тогда деловые женщины высшего уровня. И питала самодовольную уверенность, что не выгляжу ни на свои восемьдесят восемь, ни на официальные пятьдесят восемь. Мне казалось, что я выгляжу как шикарная сорокалетняя женщина.

Я ждала в фойе за дверью конференц-зала, решив не входить, пока не позовут,— эти заседания такая скучища. Но неприятности всегда случаются именно тогда, когда от них стараешься увильнуть.

Как только над дверью конференц-зала замигала лампочка, с улицы влетел мистер Финеас Морган, возглавлявший большую

оппозиционную группу. Он устремился в зал, на ходу снимая пальто, и швырнул это пальто мне, пробегая мимо.

— Возьмите!

Я отпрянула в сторону, и пальто упало на пол.

— Эй, Морган! — окликнула я. Он оглянулся.— Ваше пальто.

Он удивился, поразился, возмутился и разозлился — вся эта гамма чувств отразилась у него на лице разом.

— Ах ты, дрянь такая! Да я тебя уволю!

— Попробуйте.

Я прошла мимо него в зал, нашла карточку со своим именем и села. Через пару секунд он уселся напротив меня, отчего его лицо приобрело новое выражение.

Финеас Морган вовсе не намеревался использовать одного из директоров вместо обслуги. Просто он увидел женщину, принадлежавшую, по его мнению, к низшему персоналу — секретаршу, дежурную или клерка. Он опаздывал, спешил и даже не сомневался в том, что эта служащая повесит его пальто, а он тем временем успеет занять свое место.

Мораль? В 1970 году второй параллели времени любой человек считался невиновным, пока его виновность не доказана; в 1970 году второй параллели любая женщина считалась подчиненной, пока не доказано обратное,— несмотря на все законы о равноправии полов.

Я вознамерилась покончить с подобным отношением к себе.

Пятое августа 1952 года стало началом моей холостой жизни — в тот день я решила, что впредь ко мне будут относиться, как к мужчине — с должным уважением к моим правам и привилегиям, иначе я каждый раз буду закатывать скандал. У меня больше нет семьи, я больше не способна к деторождению, я не ищу себе мужа, я материально независима (скромно говоря), и твердо обещаю больше никогда не сдавать кому-то белье в стирку только лишь по той причине, что он справляет малую нужду стоя, а я сидя.

Проявлять агрессивность я при этом не собиралась. Если джентльмен пропустит меня вперед, я пройду и поблагодарю его.

Джентльменам нравится проявлять любезность, а леди охотно ее принимают с улыбкой и приветливым словом.

Я говорю это потому, что в семидесятые годы многие женщины немилосердно обрывали мужчин, если те оказывали им маленькие знаки внимания — предлагали стул, например, или помогали выйти из машины. Эти женщины — их было меньшинство, но попадались они повсюду — относились к учтивости, как к оскорблению. Я считала их всех лесбиянками. Не знаю, были ли они таковыми в буквальном смысле (кое о ком я знаю точно, что были), но их поведение побуждает меня объединить их в одну группу.

Если не все они лесбиянки, где им взять партнеров другого пола? Каким же это размазней надо быть, чтобы терпеть подобную грубость от женщины? С сожалением должна заметить, что в семидесятые годы развелось множество таких вот хлюпиков. Они преобладали. Мужественные, галантные джентльмены из тех, что не дожидаются всеобщей мобилизации, становились редкостью.

Закрывая дом, труднее всего было решать судьбу книг: какие сдать на склад, какие раздать, какие взять с собой. Почти всю мебель и прочий скарб — ложки, плошки и простыни — я собиралась отдать в Общество Доброй Воли. Мы прожили в этом доме двадцать три года, с двадцать девятого по пятьдесят второй, и мебель пришла в ветхость — после того, как она выдержала целую лавину детворы, рыночная цена ее упала настолько, что везти ее на склад вряд ли стоило — да я и не собиралась в ближайшем будущем обставлять большой дом.

Жаль мне было только пианино, старого своего друга: Брайни подарил его мне в девятьсот девятом году, сильно подержанное уже тогда: сразу было видно, что «Брайан Смит и компания» на мели. Брайан заплатил за него четырнадцать долларов на аукционе.

Нет! Если я хочу жить так, как задумала, надо путешествовать налегке. Пианино всегда можно взять напрокат.

Отказавшись от пианино, я уже ни над чем не раздумывала, и решила заняться книгами. Соберу их со всего дома в гостиную —

нет, в столовую — и сложу всю гору на обеденный стол, а что не поместится — на пол. Кто бы мог подумать, что в одном доме может быть столько книг?

Большой сервировочный стол на колесиках — для книг, которые отправятся на склад. Маленький чайный столик — для тех, которые я возьму с собой. Карточные столики — для тех, что пойдут Доброй Воле. Или Армии Спасения? Кто первым придет, тот все и получит — одежду, книги, постельное белье, книги. Но придется прийти самим.

Через час я сказала себе: нет, открывать книги и просматривать их не надо. Если хочешь что-то перечитать, клади это в кучу, которую берешь с собой — ее можно будет перебрать потом еще раз.

Тут я услышала мяуканье.

— Вот противная девчонка! Ну и удружила ты мне, Сьюзен!

Два года назад мы сделались бескошатными после трагической гибели Капитана Блада, внука Атташе — его жизнь оборвалась под колесами лихача на бульваре Рокхилл. Не было такого времени на протяжении сорока трех лет, чтобы у нас в доме не жили кошки. Я понимаю мистера Клеменса, который, переехав в свой дом в Коннектикуте, взял взаймы сразу трех кошек, чтобы придать дому жилой вид.

Но на сей раз я решила никого не заводить. Патрику было восемнадцать лет, Сьюзен шестнадцать, и каждый из них получил уже говардовский список — следовало ожидать, что вскоре они разлетятся из гнезда.

У кошек есть один крупный недостаток. Если уж ты берешь их, то на всю жизнь — на всю кошачью жизнь. Кошки не говорят по-английски — им не объяснишь, почему ты нарушаешь свое обещание. Если кошку бросить, она умрет и будет являться тебе по ночам.

В тот день, когда погиб Капитан Блад, мы мало ели за обедом и почти не разговаривали. Наконец Сьюзен спросила:

— Будем смотреть объявления, мама? Или сходим в Общество защиты животных?

— Зачем, дорогая? — прикинулась я непонимающей.

— Но котенок-то нам нужен?

Тогда я внесла ясность:

— Кошки живут пятнадцать лет, а то и дольше. Когда вы двое уедете, дом будет продан — я не стану бродить одна в четырнадцати комнатах. И что тогда станет с кошкой?

— Хорошо, не будем заводить котенка.

Недели через две Сьюзен немного задержалась из школы. Войдя в дом с коричневым бумажным пакетом в руках, она сказала:

— Мама, мне надо уйти на пару часов. Есть одно дело.

— Можно спросить, какое, дорогая?

— Да вот,— она положила пакет на кухонный стол, и из него вылез котенок — мягонький, маленький, чистенький, черненький с белым, прямо как в стихотворении мистера Эллиота.

— Ой! — сказала я.

— Не волнуйся, мама. Я ей уже объяснила, что ей нельзя здесь жить.

Котенок посмотрел на меня большими глазами, сел и начал вылизывать свою белую манишку.

— Как ее зовут?

— Пока никак, мама. Нечестно было бы давать ей имя. Я отнесу ее в Общество защиты животных, чтобы ее там усыпили и она не мучалась. Туда я и собиралась.

Я была тверда. Я сказала Сьюзен, что она сама будет кормить котенка и следить за его песочным ящичком. И научит его пользоваться кошачьей дверцей. И будет возить ее на прививки в ветеринарную лечебницу на Плазе, когда надо. Котенок ее и только ее, и она должна будет взять его с собой, когда выйдет замуж.

И Сьюзен, и котенок выслушали меня внимательно, глядя на меня круглыми глазами, и согласились на мои условия. Я старалась не привязываться к кошечке — пусть дружит только со Сьюзен и признает только ее. Но попробуйте устоять, когда черно-белый пушистый шарик усаживается на задние лапки, выпячивает свой толстый животик, машет передними лапками в три дюйма длиной, задевая за уши, и говорит тебе яснее всяких слов: «Ну пожалуйста, мама, давай подеремся».

Однако уговор, что Сьюзен заберет кошечку с собой, оставался в силе. Мы больше не обсуждали этот вопрос, поскольку уговорились с самого начала.

Я открыла переднюю дверь — кошки нет. Открыла черную.

— Входите, ваше высочество.

Ее светлейшее высочество, принцесса Полли Пондероза Пенелопа Персипух прошествовала в дом, задравши хвост («Не слишком-то ты торопилась! Тем не менее благодарю. Но надеюсь, что это больше не повторится. Что там у нас на завтрак?»). Принцесса уселась перед кухонным буфетом, где стояли ее консервы.

Она скушала шестиунцевую банку тунца с печенкой, попросила еще, расправилась с телятиной в соусе и закусила печеньем. Время от времени она отрывалась от еды, чтобы пободать мои ноги. И наконец начала умываться.

— Полли, покажи-ка лапки,— она была не в столь безупречном виде, как обычно, и я никогда не видела ее такой голодной. Где же она пропадала последние три дня?

Осмотрев подушечки ее лапок, я убедилась, что она проделала долгий путь. Уж я скажу пару слов Сьюзен, пусть только позвонит. Но пока что кошка тут, это ее дом, и ответственность по старшинству переходит ко мне. Когда я буду переезжать, придется взять ее с собой — куда деваться. Сьюзен, хорошо бы ты опять на время стала незамужней — я бы тебя отшлепала.

Я смазала лапки Полли вазелином и вернулась к своей работе. Принцесса устроилась спать на куче книг. Если она и скучала по Сьюзен, то вслух об этом не говорила. Похоже, она согласилась довольствоваться одной служанкой.

В час дня я все еще разбирала книги и подумывала — съесть мне холодный сэндвич или, куда ни шло, разогреть банку томатного супа, когда позвонили в парадную дверь. Полли открыла глаза.

— Ты кого-нибудь ждешь? Уж не Сьюзен ли? — Я пошла открывать.

Нет, не Сьюзен. Дональд и Пресцилла.

— Входите, милые! — распахнула я дверь.— Есть хотите? Завтракали?

Больше я их ни о чем не спрашивала. В стихотворении Роберта Фроста «Смерть поденщика», хорошо известного в моей параллели, есть строки: «Дом — это место, куда тебя обязаны впустить, когда тебе некуда деться». Мои дети пришли домой — потом они сами расскажут мне все, что сочтут нужным. Я порадовалась, что у меня есть дом, куда я могу их впустить, и постельное белье, чтобы их уложить. Ни кошка, ни дети не изменили моих планов, но планы могут и подождать. Хорошо, что я не успела выехать вчера, в понедельник — куда бы делись тогда эти трое? Трагедия!

Я быстренько, на скорую руку, собрала им ланч, открыв-таки две жестянки томатного супа Кемпбелла.

— Сейчас, сейчас. У меня остался большой кусок свадебного торта, и он еще не совсем черствый. И полгаллона ванильного мороженого, мы его даже не открывали. Будете?

— Еще бы!

— Присс верно говорит. Мы сегодня еще ничего не ели.

— Батюшки! Ну-ка, садитесь. Ешьте суп, а там посмотрим. А может быть, приготовить вам завтрак, раз вы не завтракали? Бекон с яйцами? Кашу?

— Все сгодится,— ответил сын.— А если оно живое, я отгрызу ему голову.

— Веди себя прилично, Донни,— сказала ему сестра.— Начнем с супа, мама,— пока мы ели, она спросила: — Мама, а почему у тебя кругом кучи книг?

Я объяснила, что собираюсь запереть дом и продать его. Дети обменялись серьезными, почти удрученными взглядами.

— Не волнуйтесь,— сказала я им.— Печалиться не о чем. Мне не к спеху, а дом и ваш тоже. Вы ничего не хотите мне сказать?

Все и так было ясно, стоило на них поглядеть — грязные, усталые, голодные, растерянные. Они не поладили с отцом и мачехой и уехали из Далласа «навсегда».

— Мы же не знали, мама, что ты собралась продавать дом. Теперь нам с Донни придется поискать что-нибудь другое — потому что туда мы не вернемся.

— Не спеши. Никто вас на улицу не гонит. Да, этот дом я собираюсь продать, но мы поселимся под другой крышей. Кстати о продаже: я говорила Джорджу Стронгу — он занимается недвижимостью,— что он сможет купить наш участок, как только Сьюзен выйдет замуж,— я подошла к видеофону и набрала номер компании «Гарриман и Стронг».

На экране появилась женщина.

— Гарриман и Стронг, инвестиции. Предприятия Гарримана, Промышленный союз. Чем могу служить?

— Я Морин Джонсон. Хочу поговорить с мистером Гарриманом или с мистером Стронгом.

— Их сейчас нет. Можете оставить им телефонограмму — конфиденциальную, если пожелаете. Или поговорите с мистером Уоткинсом.

— Нет. Соедините меня с Джорджем Стронгом.

— К сожалению, не могу. Вы будете говорить с мистером Уоткинсом?

— Нет. Передайте мистеру Стронгу следующее: «Джордж, говорит Морин Джонсон. Усадьба продается, и я говорю это тебе первому, как обещала. Обещание я выполнила, но продажу собираюсь оформить сегодня, поэтому сейчас позвоню в компанию Дж. К. Николса».

— Прошу вас, подождите минуточку,— лицо на экране сделалось ангельским, а голос наполнился сладостью, как у хозяйки салона восемнадцатого века. Затем появился Джордж Стронг.

— Привет, миссис Джонсон. Рад видеть.

— Морин, старина. Я позвонила сказать, что переезжаю. Можешь забирать дом, если хочешь. Он тебе еще нужен?

— Сгодится. Ты уже назначила цену?

— А то как же. Ровно в два раза больше той, что ты намерен предложить.

— Начало хорошее. Теперь и поторговаться можно.

— Минутку, Джордж. Мне нужен другой дом, поменьше, с тремя спальнями, поблизости от Юго-Западной средней школы. Есть у тебя такой на примете?

— Найдется. А еще есть дом в соседнем штате, рядом со школой «Миссия Шоуни». Хочешь сменять старый дом на новый?

— Нет, хочу обобрать тебя до нитки. Сдашь мне новый дом в аренду на год с автоматическим возобновлением контракта, если от меня не поступит предупреждения за девяносто дней.

— Ладно. Я заеду к тебе завтра в десять? Хочу осмотреть твою усадьбу, указать тебе на ее недостатки и сбить твою цену.

— Договорились, в десять. Спасибо, Джордж.

— Всегда пожалуйста, Морин.

— В Далласе вифоны все объемные,— сказал Дональд.— Почему в Канзас-Сити до сих пор плоские? Почему их не модернизируют?

— Дорого,— ответила я.— На все вопросы, которые начинаются с «почему», ответ всегда звучит «дорого». Но на твой вопрос могу ответить подробнее. Далласский эксперимент себя не оправдывает, и трехмерные видеофоны скоро выйдут из обращения. Если хочешь знать, почему, посмотри «Уолл стрит Джорнэл». Номера за последний квартал лежат в библиотеке. Шестая серия, первая страница.

— Да нет, мне все равно. По мне, пусть хоть дымовые сигналы передают.

— Раз ты об этом заговорил, воспользуйся возможностью, которую я тебе предлагаю. Если хочешь выжить в мире джунглей, Дональд, читай вместо комиксов «Уолл стрит Джорнэл» и другие такие же издания, например «Экономист». Ну что теперь — мороженое и торт?

Я поместила Присциллу в комнату Сьюзен, а Дональда — в комнату Патрика, как раз рядом с моей ванной. Мы рано легли спать. Около полуночи я встала в туалет, не зажигая света — в окно светила луна. И уже собралась спустить воду, как услышала за стеной характерный ритмичный скрип кровати. Я с головы до ног покрылась гусиной кожей.

Присс и Дони уехали отсюда совсем маленькими — двух и четырех лет, и не знают, наверное, что этот старый дом звукопроницаем, как палатка. Боже! Бедные дети.

Я затихла. Ритм учащался. Потом Присцилла запричитала, а Дональд заворчал. Скрип прекратился, и оба вздохнули. Пресцилла сказала:

— Мне это было просто необходимо. Спасибо, Донни.

Я гордилась ею. Но надо было спешить: как мне это ни претит, надо захватить их на месте преступления. Иначе я не смогу им помочь.

Секунду спустя я стучалась в дверь Дональда.

— Дорогие, можно мне войти?

19

КОШКИ И ДЕТИ

Было больше часу ночи, когда я ушла от детей,— столько времени пришлось убеждать их, что я не сержусь, что я на их стороне и беспокоюсь только, как бы с ними что-нибудь не случилось: ведь то, что они делают, крайне опасно во всех отношениях — о некоторых сторонах этой опасности они, разумеется, знают, но о других могут не знать или просто не думают.

Идя к ним, я не стала надевать халат. Пошла как есть, совершенно голая,— ведь одетая, воплощающая власть и закон родительница, застающая двух детей за преступным деянием, способна напугать их до опорожнения мочевого пузыря и кишок. Но человек, такой же голый и уязвимый, как и они, просто не может быть «фараоном». Отец учил меня: «Если хочешь знать, куда прыгнет лягушка, поставь себя на ее место».

Им, конечно, все равно не понравится, что их застукали,— но если я сейчас не поймаю их в постели, потом они будут отпираться. Есть такое старое правило касательно щенят: если не захватили щенка на месте провинности, потом уж бесполезно поднимать шум.

Итак, я постучалась и спросила, можно ли войти.

За дверью сдавленно ахнули, и настала мертвая тишина.

Я подождала еще, сосчитала до десяти и снова постучалась.

— Дональд! Присцилла! Можно я войду?

Они пошептались, и Дональд ответил сильным мужественным баритоном, дав под конец петуха.

— Входи, мать.

Я открыла дверь. Свет не горел, но светила луна, и мои глаза уже привыкли к темноте. Оба лежали в постели, прикрывшись простыней. Дональд, готовый защищать сестру от всего на свете, обнимал ее сильной рукой и одновременно делал вид, что ее тут нет, а он просто ждет трамвая. Сердце мое сжалось от любви к ним.

В комнате так и разило сексом — мужскими феромонами, женскими феромонами, свежим семенем, потом. В запахах секса я эксперт, за мной годы богатого опыта. Не знай я в чем дело, можно было подумать, что здесь предавались оргии человек шесть.

Должна добавить, что некую долю в букет ароматов вносила и я. Можно счесть извращенным возбуждение, которое я испытала, застав сына с дочерью за самым тяжким из сексуальных пригрешений, но это происходит помимо воли. Узнав знакомый скрип и поняв, в чем дело, я так и поплыла. Если бы мимо проходил Кинг Конг, я бы пала его жертвой. А Пол Ревир ради меня слез бы с лошади.

Но я не обращала на это внимания — дети меня все равно бы не учуяли.

— Привет, мои милые. А для меня местечка в середке не найдется?

Помолчав, они отодвинулись друг от друга. Я быстро, пока они не одумались, откинула простыню, перелезла через Дональда, легла между ними, обняла за шею Присциллу и протянула руку к Дональду.

— Обопрись на подушку, милый, и повернись ко мне.

Он послушался и застыл в неловкой позе. Я молча прижала обоих к себе, глубоко дыша и стараясь замедлить биение сердца. Вскоре мне это удалось, и ребята как будто тоже немного отошли.

— Как хорошо лежать с вами вот так,— сказала я, покрепче прижала их к себе и отпустила.

— Мама, ты не злишься на нас? — робко спросила Присцилла.

— Ну что ты, конечно нет. Я беспокоюсь за вас, но не сержусь. Я люблю вас, милые — обоих люблю.

— Хорошо, что ты не злишься,— потом ее одолело любопытство.— А как ты нас засекла? Я была так осторожна. Послушала у твоей двери и убедилась, что ты спишь, а потом уж пробралась к Дональду.

— Может, я ничего и не заметила бы, не выпей я на ночь лимонаду. Мне захотелось в туалет, милая. А вот эта стенка выходит в мою ванную и пропускает все звуки. И я вас услышала,— я снова прижала дочку к себе.— Похоже, вам было хорошо.

Короткая пауза.

— Так и есть.

— Я тебе верю. Ничего нет лучше, чем полновесный оргазм, когда он тебе вправду нужен. А ты, кажется, в нем нуждалась. Я слышала, ты благодарила Дональда.

— Да. Он заслужил.

— Ты умница, что сказала ему спасибо. Нет ничего приятнее для мужчины, чем слова благодарности за любовь. Делай так всю жизнь — тогда и ты, и твой любимый будете счастливы. Запомни мои слова.

— Я запомню.

Дональд, похоже, не верил своим ушам.

— Мать, я правильно понимаю? Ты не против того, что мы делали?

— А что вы делали?

— Что-что — трахались! — с вызовом ответил он.

— Трахаются только собаки. Ты любил Присциллу, занимался с ней любовью. А если использовать медицинскую терминологию, вы совершили половой акт и достигли оргазма — но это все равно что описывать великолепный закат в частотах электромагнитного спектра. Ты любил Присциллу, дорогой, и ее есть за что любить. Она была прелестной крошкой, а взрослой стала еще прелестнее.

Теперь пора было дергать зуб, и я продолжала:

— Хорошо любить друг друга. Но я все же очень беспокоюсь за вас. Вы, должно быть, знаете, что общество, в котором мы живем, резко осуждает то, чем вы занимаетесь, против вас существуют суровые, даже жестокие законы, и вы будете строго наказаны,

если попадетесь. Тебя, Присцилла разлучат с Дональдом и со мной и поместят в колонию для девочек-подростков, где тебе будет очень плохо. Тебя, Дональд, если повезет, будут судить как несовершеннолетнего и поместят, как и Присциллу, в исправительную школу до двадцати одного года — а потом возьмут под надзор, как сексуально опасного субъекта. А могут судить и как взрослого — за изнасилование и инцест и приговорить к двадцати годам каторжных работ... а потом ты до конца жизни будешь под надзором. Знаете ли вы об этом, дорогие мои?

Присцилла молча плакала. Дональд буркнул:

— Да знаем, знаем.

— Что же ты скажешь мне на это?

— Но мы же любим друг друга, мать. Присс любит меня, а я ее.

— Знаю — и уважаю вашу любовь. Но ты не ответил мне — ты ушел от ответа. Как решить вашу проблему?

Он испустил глубокий вздох.

— Наверное, надо это прекратить.

Я потрепала его за ребра.

— Ты рыцарь, Дональд, и я горжусь тобой! Но спрошу тебя напрямик. Клялся ты себе, что больше не будешь мастурбировать? Принимал решение навсегда отказаться от этой привычки?

— Да, было.

— И как долго ты выдерживал?

— Дня полтора,— простодушно ответил он.

— А долго ли ты выдержишь с Присциллой, если вам представляется удобный случай, вы в полной безопасности, и она прижимается к тебе и уговаривает не быть слюнтяем, и от нее так хорошо пахнет, а обнимать ее еще лучше?

— Я так не делаю, мама!

— Черта с два, Девочка Наоборот,— вздохнул Дональд.— Как раз это ты и сделала только что. Ты попала в точку, мама. Ну и что ты со мной будешь делать? Забьешь в бочку или отправишь в Кемпер?

— Кемпер недостаточно далеко. Лучше уж в Цитадель. Дети, это не ответ. Я сказала правду, что не сержусь на вас. Давайте-ка составим заговор, чтобы уберечь вас от беды. Во-первых, какими контрацептивами вы пользуетесь?

Вопрос я адресовала обоим. Наступило продолжительное молчание — каждый, видимо, ждал, что ответит другой.

— У нас были резинки,— сказал наконец Дональд.— Но они кончились, а денег у меня нет.

(О Господи!)

— Вот тебе и повод взять меня в союзники. В доме есть любые презервативы — можешь брать, что захочешь. Присцилла, когда у тебя была последняя менструация? Когда она началась?

— Четырнадцатого, в понедельник, так что...

— Нет, Присс. Четырнадцатого мы ездили в форт Уорд — помнишь, еще проезжали французское консульство...

— Торговую миссию.

— Ну, в общем, что-то французское, и там были вывешены флаги в честь Дня Бастилии. У тебя в тот день точно ничего не было, потому что — ну, сама помнишь. Так что у тебя, наверное, началось в следующий понедельник, если это был понедельник.

— Присцилла, а ты ведешь календарь? — спросила я.

— Ну а как же, конечно веду.

— Ты не сходишь за ним? Мы включим свет.

— Да он в Далласе остался.

(А чтоб тебе!)

— Ну что ж, звонить Мэриэн среди ночи мне не хочется. Может, вы совместными усилиями вспомните, когда это было, и звонить не придется. Знаешь, Присцилла, зачем мне нужно это число?

— Да, наверное. Ты хочешь подсчитать, могла я залететь сегодня или нет.

— Хорошо. А теперь слушайте мой приказ. Высекаю на камне закон мидиев и персов. Когда мы определимся с числами, Присцилла, в день своей овуляции, а также три дня до и три дня после ты будешь спать у меня, а днем в течение этой недели все время будешь у меня на виду. Каждую минуту. На благие намерения полагаться нечего — я не морализирую, а просто подхожу к делу практически. Остальные три недели месяца я не стану удерживать вас, но вы каждый раз будете пользоваться презервативами... поскольку тысячи католичек и некоторое количество не принад-

лежащих к этой вере забеременели только потому, что полагались только на «график». Любовью будете заниматься только здесь и только в том случае, когда я дома, а посторонних нет и все двери на запоре. При людях будете относиться друг к другу как всякие брат и сестра — дружески, но чуть небрежно. Никогда не станете проявлять друг к другу ревность — это собственническое чувство сразу же выдаст вас. Но ты, Дональд, всегда должен быть рыцарем своей сестры и вправе дать любому придурку кулаком в челюсть или двинуть его ногой, если надо ее защитить. Это и долг, и привилегия брата.

— Так все и вышло,— пробурчал Дональд.

— Что *вышло*?

— Гас ее повалил и стал измываться над ней. Ну, я его оттащил и отдубасил как следует, а он наврал тете Мэриэн, и она поверила ему, а не нам, и сказала папе, а папа поддержал ее — в общем, ночью мы смылись. На автобус у нас не хватило, поэтому мы голосовали, а деньги экономили на еду. А потом...— Дональда пробрала дрожь,— трое парней отняли у меня все, что осталось и... Но Присс убежала! — он подавил рыдание, а я притворилась, что не слышу этого.

— Он вел себя замечательно,— подтвердила Присцилла.— Это было прошлой ночью, мама, когда мы уезжали из Талсы, на Сорок четвертой дороге. Они напали на нас, и Донни крикнул мне «Беги», а сам держался, пока я добежала до заправочной станции, еще открытой, и упросила хозяина вызвать полицию. Он стал звонить, тут показался Донни, и хозяин посадил нас на машину, которая шла в Джоплин. Там мы просидели всю ночь в автоматической прачечной, пока не рассвело, а потом уж на двух попутках добрались сюда.

(Боже милосердный, если и есть, почему Ты так поступаешь с детьми? Это спрашиваю Тебя я, Морин Джонсон, и придется Тебе ответить.)

Я сжала сына за плечо.

— Я горжусь тобой, Доналид. Выходит, ты дал себя избить и ограбить, чтобы спасти сестру от изнасилования. Тебе сильно досталось? Я вижу, на лице у тебя синяк — где еще?

— Может, ребро сломали. Один меня пнул, когда я упал.

— Завтра сходим к доктору Рамси. Вас обоих нужно осмотреть.

— Донни правда нужно показать свое ребро, а мне доктор не нужен. Я не люблю, когда во мне ковыряются, мама.

— Никто не любит, дорогая, но пока ты живешь у меня, придется потерпеть, когда я сочту нужным показать тебя доктору. И давай не будем спорить. Да и с доктором Ранси ты давно знакома — он тебя принимал вот на этой самой кровати.

— Правда?

— Да. Его отец был нашим первым семейным врачом, а нынешний доктор Рамси пользует меня с рождения Элис Вирджинии и принимал вас обоих. Его сын только что окончил интернатуру и, может статься, будет принимать твоего первенца. Ведь Рамси тоже говардовцы и практически члены нашей семьи. Отец и Мэриэн рассказывали вам про Фонд Говарда?

— Про что?

— Я слышал, но мельком,— сказал Дональд.— Папа сказал — забудь об этом и подожди еще пару лет.

— Думаю, что пара лет уже прошла. Что скажешь, Присцилла, если тебе исполнится шестнадцать, а тебе, Дональд, восемнадцать? Прямо сейчас, а не через два года?

— Как это, мама?

Я вкратце объяснила им, что такое Фонд.

— Поэтому говардовцам приходится часто менять свой возраст, чтобы не попасть на заметку. Поговорим об этом утром. Я иду спать. Маме нужно отдохнуть — завтра трудный день. Поцелуйте меня на ночь еще раз, милые.

— Да, мама. Я тоже пойду к себе — и прости, что побеспокоили тебя.

— Переживем. Тебе не обязательно возвращаться к себе, если сама не хочешь.

— Правда?

— Правда. Снявши голову, по волосам не плачут.

(Если первый миллиард живчиков тебя не достал, милая, у следующего миллиарда шансов уже не будет. Так что наслаждайся, пока можно — ведь если ты беременна, нас ждет целый букет

неприятностей. Мы еще не обсуждали истинную причину недопустимости инцеста — но погоди, скоро ты услышишь страшную лекцию бабушки Морин о жуткой опасности совмещения рецессивных генов — мне кажется, я ее читаю через некоторые промежутки уже много веков подряд.)

Ну, кажется, попала я из огня да в полымя. Совсем недавно я сидела в своей камере, гладила Пикселя (он пропадал три дня, я уже стала волноваться) и смотрела от нечего делать какую-то дурацкую порнушку. Тут ввалились страхидлы — четыре штуки в масках и балахонах, схватили меня, надели, как водится, ошейник с четырьмя поводками, но никуда не повели, а пристегнули к кольцам на стенах.

Пиксель, как увидел их, сразу улизнул. Двое стражников, один слева, другой справа, начали сбривать мне волосы за ушами.

— Могу я спросить, что происходит?

— Стой смирно. Это для электродов, чтобы оживить тебя на церемонию.

— Какую еще церемонию?

— После суда и казни. Не дергайся.

Я стала дергаться еще пуще, страхидла смазал меня по лицу, потом вошли еще четверо, убили первых четверых и засунули под мою койку. Меня отстегнули, и один из новых чуть слышно сказал:

— Мы из Комитета Эстетического Устранения. Делайте вид, что боитесь и сопротивляйтесь, когда мы вас поведем.

Сделать вид, что я боюсь, оказалось нетрудно. Меня вывели в коридор и повели мимо «зала суда», потом резко свернули налево и через служебную дверь вошли в грузовую камеру, где меня втолкнули в фургон и захлопнули за мной дверь. Открыли дверь снова, кинули ко мне кота, захлопнули дверь, грузовик дернулся и поехал. Я упала, кот на меня.

— Это ты, Пиксель?

— Мрру! (Не будь дурочкой!)

Мы все еще едем. О чем бишь я? Ах, да. Утром я пробудилась от кошмара, в котором один из моих сыновей трахал свою сестру,

а я говорила: «Дорогой, не надо этого делать на лужайке перед домом — соседи увидят».

Проснувшись и поняв, что это только сон, я вздохнула с облегчением. Но потом вспомнила, что не такой уж это и сон — слишком реальная под ним основа, мозг послал в кровь порцию адреналина, и я окончательно пришла в себя. Господе Иисусе! Мать твоя богородица! Дональд, неужели ты обрюхатил свою сестру? Дети, я искренне хочу вам помочь — но если вы допустили до этого, помочь будет нелегко.

Сидя в туалете, я вновь услышала ритмичную музыку — ту же, что и ночью, и с тем же эффектом: опять возбудилась. Зато сразу полегчало — такого еще не бывало, чтобы возбуждение уживалось во мне с депрессией. Они что, всю ночь этим занимались?

Когда скрип прекратился, я спустила воду — раньше не хотелось их беспокоить. Потом воспользовалась биде, чтобы не начинать день воняющей мускусом, почистила зубы, наскоро умылась и причесалась.

Порывшись в гардеробе, я нашла старый летний халат Патрика, который в свое время конфисковала у него, подарив ему к медовому месяцу новый. Один из своих халатов взяла для Присциллы, другой — для себя и постучалась к ним.

— Входи, мама! — счастливым голосом крикнула Присцилла.

Я открыла дверь и протянула им халаты.

— Доброе утро, милые. Разбирайте. Завтрак через десять минут.

Присцилла выскочила из постели и поцеловала меня. Дональд немного замешкался, но тоже не постеснялся предстать нагишом перед своей строгой мамашей. Запах в комнате был еще гуще, чем мне помнилось.

Что-то потерлось о мои ноги — ее светлейшее высочество. Она вскочила на кровать и громко замурлыкала. Присцилла сказала:

— Мама, ночью она стала ломиться в дверь и подняла жуткий шум, так что мне пришлось встать и впустить ее. Она побыла с нами немножко, потом спрыгнула и потребовала, чтобы ей снова открыли. Я ее выпустила и опять закрыла дверь. Не прошло и получаса, как она явилась снова и давай скандалить. Но тут уж я оставила ее без внимания — мы были заняты.

— Закрытые двери ее возмущают,— объяснила я.— Свою я оставляю приоткрытой, и остаток ночи она провела со мной. Она ведь кошка Сьюзен, а вы спали в ее комнате. Может, перейдете в другую? Иначе она постоянно будет вас будить.

— Нет, я просто выдрессирую Донни, чтобы вставал и открывал ей дверь.

— Ну ты, Девочка Наоборот...

Я замесила оладьи, вылила их на огнеупорную стеклянную сковородку и сунула в печку на шесть минут. Пока они пеклись, завернула в бекон вареные яйца и положила на другую сковородку. По свистку переставила оладьи в подогреватель, снова включила цикл и поставила в печку яйца. Разлила всем апельсиновый сок и молоко, включила самовар. Постелила на стол веселые салфетки, поставила яркую мексиканскую посуду — пусть завтрак будет праздничным. Появилась Присцилла.

— Донни сейчас спустится. Тебе помочь?

— Да, дорогая. Выйди на задний двор и нарежь желтых роз вот в эту вазу. Да побыстрее — сейчас подаю завтрак. Полли! Кыш со стола! Возьми ее, пожалуйста, с собой. Она прекрасно знает, что на стол лазить нельзя, и постоянно лезет,— я поставила на стол еду и села. Пришел Дональд.

— Тебе помочь?

— Да. Гоняй кошку со стола.

— Да нет, по-настоящему помочь?

— Эта работа займет тебя целиком.

Через полчаса я уже вкушала вторую чашку чая, а Присцилла испекла еще одну сковородку оладий, приготовила еще бекону и открыла еще одну банку «Фермерского мармелада». Я чувствовала себя столь же умиротворенной, как Принцесса Полли. В сущности, дети и кошки приносят больше радости, чем акции, боны и прочие ценные бумаги. Вот поженю этих двоих (только не друг на друге!), и настанет время Морин взяться за империю Гарримана, сказав ей: «Кошелек или жизнь!»

— Полли! Кыш от мармелада! Дональд, тебе было велено следить за кошкой.

— Я слежу, мама, но она шустрее меня.

— И умнее.

— Кто это сказал? Девочка Наоборот, ты пожалеешь об этом дне...

— Тихо. Дети. Поговорим о Фонде Говарда.

— Давай уточним,— сказал Дональд чуть попозже.— Значит, я должен жениться на девушке из своего списка, а Присс — выйти замуж за парня из своего?

— Нет-нет-нет! Ничего подобного. Никто ничего не должен. Присцилла сама выберет себе мужа, а ты — жену — не обязательно говардовцев. Есть только один брак, в который вам нельзя вступать — и это друг с другом. Впрочем, пожениться вы можете — у нас в стране заключаются тысячи кровосмесительных браков, судя по исследованиям Кинси. Можете уехать куда-нибудь и сами зарабатывать себе на жизнь, пока немного не подрастете и не сумеете убедить какого-нибудь регистратора, что вам уже двадцать один. Это возможно — и я не стану чинить вам препятствий. Но и помогать не стану, и не дам вам ни цента. Сейчас, с утра пораньше, я не буду читать вам лекцию по генетике, но позднее прочту. А пока согласимся, что инцест противоречит не только библейским законам, не только законам штата Миссури и всех остальных пятидесяти пяти штатов, но и законам природы, поскольку от него рождается неполноценное потомство.

— Знаю — но я могу сделать вазектомию.

— Можешь. Только где возьмешь деньги на операцию? Я за нее платить не стану! Дональд, мне больно это слышать. Уж лучше бы тебе вынули глаза, чем стерилизовали. Ты пришел в мир не только для того, чтобы прожить свою жизнь, но и чтобы передать эту жизнь потомкам. У тебя очень ценные гены — вот почему Фонд платит за тех детей, которые родятся у тебя от говардовской девушки. То же относится и к тебе, Присцилла: вы оба несете в себе гены долгой жизни. Если не произойдет несчастного случая, вы можете прожить больше ста лет. Насколько больше, неизвестно, но срок жизни увеличивается с каждым поколением. А теперь посмотрим, по какой системе действует Фонд Говарда. По вашей просьбе вам выдается список говардовских

женихов или невест примерно вашего возраста, а каждому из вашего списка тоже будут известны ваше имя и адрес. В мое время в списке числились только те, кто жили поблизости — в пределах пятидесяти — ста миль или одного штата. Теперь, когда крылатые ракеты могут облететь всю Северную Америку за полчаса и люди мечутся туда-сюда, как в потревоженном муравейнике, можно по желанию сообщить свое имя всем холостым говардовским парням или незамужним девушкам на континенте и получить взамен список толщиной с телефонную книгу. Ну, не совсем так — кажется зараз выдается не более двух дюжин кандидатов, по географическому принципу, но можно продолжать поиск, пока не найдешь того мужчину или ту женщину, с которой тебе захочется прожить всю жизнь. И вот еще что. Когда встречаешься с очередным кандидатом, это очень серьезно, хотя, может быть, и приятно. Ты, Присцилла будешь смотреть на каждого из них, как на будущего мужа. Если он тебя почему-либо не устроит, надо будет сказать ему, чтобы больше не возвращался... или ты скажешь мне, а я ему. Но если он тебе понравится и ты сможешь представить его себе будущим мужем — значит, надо будет лечь с ним в постель, прямо здесь, дома, и я устрою так, чтобы вам никто не мешал.

— Как это? Чтобы я занималась любовью с посторонним? Когда Донни наверху и знает, что происходит?

— Во-первых, Донни наверху не будет. Он, скорее всего, будет в гостях у девушки из своего списка. Во-вторых, никто тебя не принуждает ни с кем заниматься любовью. Это целиком и полностью зависит от тебя. Я хочу сказать одно: если дядя Джастин пришлет к тебе молодого человека и тебе захочется его испытать, можешь сделать это дома — и если, по зрелому размышлению, вы решите пожениться, можете здесь же зачать вашего ребенка. Говардовские невесты, насколько мне известно, почти всегда выходят замуж беременными — ведь печально было бы пожениться и с опозданием обнаружить, что у вас не может быть детей. Развестись в наше время легко — но лучше иметь семимесячного семифунтового младенца, чем разводиться, когда тебе нет и двадцати. У вас будет время подумать,— добавила я.— А я сегодня хочу

решить кое-какие важные вопросы. Присцилла, ты можешь встать и снять халат? Дональда мы попросим выйти, если хочешь. Я хочу прикинуть, на сколько лет ты выглядишь.

— Я пойду наверх, Девочка Наоборот.

— Что за глупости. Ты меня и раньше видел, и мама знает, что ты со мной спишь,— дочь встала, сняла халат и повесила на спинку стула.

— Ты будешь смотреть как-то по-особенному, мама?

— Нет,— ребячья пухлость с нее уже сошла и лицо не детское. Физически зрелая женщина, живущая женской жизнью и получающая от этого радость. Спросим еще ученого мнения доктора Рамси.— По-моему, Присцилла, ты выглядишь так же, как я в семнадцать. Послушаем, что скажет доктор Рамси. Чем раньше ты начнешь изучать свой говардовский список, тем лучше я буду спать. А ты, я уверена, сойдешь за восемнадцатилетнего,— обратилась я к сыну,— и сможешь, если захочешь, получить список девушек. И — я, может быть, необъективна, ведь ты мой сын,— мне сдается, что ближайшую пару лет ты сможешь разъезжать по говардовским семьям, есть за их столом и спать с их дочками — каждую неделю с другой, пока не найдешь свою. Такая программа для твоей сестры будет всего безопаснее.

— Мама! Но это же гадко! Донни, ты не сделаешь этого! Правда?

— Сынок, не давай обещаний, которых не сможешь сдержать.

20

ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

— Присцилла, ты все еще не хочешь признаться себе в том, что не можешь выйти замуж за брата. А пока ты не проглотишь эту пилюлю, ты недостаточно взрослая для того, чтобы подыскивать себе жениха, хотя тело у тебя вполне взрослое. Но Дональду мешать ты не должна.

— Но я люблю его!

— Что ты под этим понимаешь?

— Ты просто издеваешься надо мной!

— Хватит реветь и попробуй вести себя как взрослая женщина. Я хочу, чтобы ты объяснила мне, что ты понимаешь под словом «любовь»? Да, ты так хочешь его, что готова лечь с ним под каждым кустом. С этим я согласна и не удивляюсь — мне Дональд тоже нравится, он у нас очень славный, на маленького колли похож. Только вот здравого смысла у меня побольше. Дональда сочтет привлекательным любая женщина — и если ты станешь отгонять от него других, то наделаешь себе столько горя, что потом не расхлебаешь. Но хотеть мужчину еще не значит любить его, милая моя дочка. Вот в любовь Дональда к тебе я верю — он не побоялся схватиться с тремя бандитами, чтобы тебя защитить. Но что имеешь в виду ты, говоря про любовь, кроме зуда в одном месте, которое представляет собой вторичный признак?

— Все знают, что такое любовь!

— Если ты не можешь дать слову точного определения, ты не знаешь, что оно означает. У нас с тобой бесплодный спор, Присцилла, а день предстоит трудный. Мы доказали, что тебе ужас как хочется Дональда, и доказали, что он тебя любит, но не доказали, что ты любишь его. И я еще заметила, что, как всем нам известно, выйти замуж за брата ты не можешь — с чем твой брат согласился, а ты не желаешь признать. Так что отложим этот разговор на будущее, когда ты немного повзрослеешь.

Я встала.

— Ну а по-твоему, мама,— что такое любовь?

— У слова «любовь» много значений, но одно несомненно: счастье и благополучие того, кого любишь, всегда стоит на первом месте. Пойдем-ка мыться и одеваться.— Зазвонил телефон.— Пожалуйста, Дональд, послушай.

— Сейчас, мам; спасибо,— и Дональд направился в столовую к видеофону с Принцессой Полли под мышкой.— Говорите — деньги ваши.

Послышался голос Сьюзен.

— Мама я... Полли! Плохая ты, плохая девочка!

Полли задрала нос, спрыгнула с рук Дональда и удалилась. Надо сказать, ее никогда не интересовали телефонные голоса и

лица на экране. Должно быть, ей не хватало запаха — впрочем, кошачьего мышления ни одному смертному понять не дано. И смертной тоже.

— Сьюзи,— сказал Дональд,— показать тебе родинку у меня на плече? Я ваш брат, миссис Шульц, ваш самый красивый брат. Как там семейная жизнь? Тоска, поди?

— Семейная жизнь — просто прелесть. А что ты делаешь в Канзас-Сити? А почему не приехал на мою свадьбу? А где мать?

— Мама тут. А на свадьбу ты меня не приглашала.

— Нет, приглашала!

— Приглашала, сладкая Сью,— подтвердила я,— и его, и все их семейство, всех восьмерых. То есть девятерых. Но приехать сумел, как тебе известно, только Брайан, так что не шпыняй Дональда. Рада тебя видеть, дорогая. Как там Генри?

— Хенки в порядке. Говорит, что я стряпаю не так хорошо, как ты, но он, так и быть, меня оставит — чесать ему спину.

— Ради этого стоит.

— Вот и он говорит. Мама, я звоню по двум причинам, и одна уже отпала. С самого воскресенья собираюсь с духом сказать тебе, что потеряла Принцессу Полли. А она, оказывается, нашлась. Как она добралась до дома?

— Не знаю. А как она потерялась?

— Не могу сказать точно. Мы доехали до самой Олаты и только там нашли заправочную станцию, где заряжают батареи для автоматических дорог. Пока Хенк менял свою на полностью заряженную, я открыла клетку с Полли, чтобы сменить ей песок — она напачкала, и в машине стояла вонь. А потом не помню — кажется, я ее опять закрыла. А Хенк говорит, будто я ему сказала — пусть, мол, Полли едет сзади без клетки. В общем, за Олатой мы выехали на автоматическую дорогу, Хенк включил автопилот, мы откинули сиденья и тут же уснули — так устали.

— Надо думать! — Я вспомнила собственную свадьбу.

— В Уичите нас разбудил сигнал, и мы уже стали выгружать багаж у гостиницы «Холидей Инн», когда я заметила, что Полли нет. Мама, меня чуть инфаркт не хватил.

— И что же вы сделали?

— Ну что мы могли сделать? Развернулись и поехали обратно в Олату. Станция уже закрылась. С полчаса мы там бегали и вопили: кис-кис-кис! Полли, Полли! Фамилия владельца станции значилась на вывеске, мы узнали у полицейского, где он живет, и разбудили его, отчего он был не в восторге.

— Неудивительно!

— Но сказал, что действительно видел кошку, черную с белым, в то время когда мы были там, но не позже. Она, конечно, не стала дожидаться, пока мы проедем четыреста миль и вернемся за ней.

Поэтому мы оставили ему твой телекод и попросили позвонить, если кошка опять появится, а сами поехали обратно в Уичиту, но автопилот сел, и мы по очереди вели машину по тросу, не давая друг другу уснуть — иначе пришлось бы перебираться на обычную дорогу. И все-таки добрались до Уичиты только к трем утра, наш номер уже сдали, и мы до утра спали в машине. Так что первая брачная ночь не слишком удалась. Если бы Хенки вернул меня назад, я бы его не упрекнула.

— Но теперь-то все наладилось?

— О да! Но раз Принцесса Полли дома, возникает новый вопрос.

— Хочешь, чтобы я отправила ее к тебе?

С лица Сьюзен вдруг исчезла улыбка.

— Мама... в общежитии для семейных студентов животных держать не разрешают. Я этого не знала. Придется, видно, ехать в Темпер и подыскивать себе другое жилье... не уверена, что нам это по карману. Ты не оставишь ее у себя? Я знаю, она моя кошка и все-таки... пожалуйста?

— Сьюзен, я сегодня продаю дом.

— Да, мама,— упавшим голосом сказала она.— Если ты поместишь ее где-нибудь... наверное, у ее доктора, я за ней приеду. Как только устроюсь. Придется реализовать какие-нибудь бумаги — надо посоветоваться с Генри. Но я тебя не подведу. Я обещала и сдержу свое слово.

— Милая ты моя. По-моему, Принцесса решила все за нас, добравшись домой всего за три дня, хотя раньше нигде не бывала. Да,

дом я продаю, но мы будем жить в какой-нибудь миле отсюда. Мне нужен дом поменьше и не с таким громадным участком. Думаю, что сумею уговорить Полли поселиться в новом доме, если он будет близко к старому — у меня уже был такой опыт.

Сьюзен испустила глубокий вздох.

— Мама, я еще не говорила тебе, что ты прелесть?

— Нет.

— Так что ты прелесть!

— Спасибо. У тебя все?

(Стрелки часов подгоняли меня.)

— Еще одно. Сегодня тут была тетя Элеанор...

— Да? Я думала, она в Торонто. Она не говорила в субботу, что собирается в Аризону.

— Дядя Джастин улетел в Торонто, а она завернула сюда, то есть в Скоттсдейл — и сегодня же вернется домой, если получится. Она говорит, что теперь трудно со сторожами и просит нас с Хенки пожить у них и присмотреть за домом. Что ты на это скажешь?

(Скажу, что надо совсем рехнуться, чтобы поселиться в роскошном летнем дворце супермиллионера. Вы приобретете там дурные привычки и избалуетесь — не с этого надо начинать семейную жизнь. Кроме того, ежедневные поездки из Скоттсдейла и обратно — сколько там миль, шесть или семь? — помешают вашей учебе.)

— Это неважно, Сьюзен, что я скажу. Что твой муж говорит?

— Он предложил мне поговорить с тобой.

— Но что он сам думает на этот счет?

— Ну... не знаю. Может, поговоришь с ним?

— Попроси его мне перезвонить. Я опаздываю на деловую встречу, Сьюзен — придется отключиться. Пока!

Ух, ты! Тридцать пять десятого! Я набрала номер Гарримана и Стронга, снова попала на вчерашнюю зомби.

— Это Морин Джонсон. Соедините меня с Джорджем Стронгом.

— Мистера Стронга нет. Вы можете оставить...

— Вчера мы уже совершали этот ритуал. Я Морин Джонсон, и он должен через двадцать минут подъехать ко мне домой, как

вам отлично известно. Поймайте его, пока он не ушел, или соедините меня с его машиной. Да поживее, черт возьми!

— Я здесь, Морин,— на экране появился Джордж.— Меня задержали. Ты извинишь, если я приеду в десять тридцать вместо десяти?

— Конечно. Джордж, помнишь те конверты, что я оставила у тебя в сорок седьмом году?

— Разумеется. Они лежат в моем личном сейфе. Всегда хранил их отдельно.

— Не захватишь ли ты с собой конверты номер один и два?

— Конечно, дорогая.

— Спасибо.

— Ну-ка, милые, все наверх — мыться и одеваться. Давай примем ванну вместе, Присцилла (и биде тоже поделимся, ты благоухаешь, как целый бордель, дорогая, и сама это не сознаешь), и мы подберем тебе что-нибудь из моих одежек. Что-нибудь легкое — похоже, сегодня будет пекло. Шорты и майку, к примеру. Дональд, после Патрика остались какие-то вещи — найди себе тоже какие-нибудь шорты и футболку или левисы. Потом заедем на Плазу и что-нибудь вам купим. Не выливайте всю горячую воду. Нам надо успеть к десяти двадцати. На старт, внимание, марш!

Джордж подобрал мне два дома. Один в графстве Джонсон, около пересечения Семьдесят пятой улицы с Миссион-роуд, недалеко от средней школы «Миссия Шоуни». Его строила гаррималовская компания «Современное жилище», и в нем были все новомодные штучки, которыми славится эта компания,— мне он напомнил квартиру в небоскребе.

Моим отпрыскам дом очень понравился.

Другой был на миссурийской стороне, примерно на полдороге между старым домом и Юго-Западной средней школой, чуть в стороне от Линдон-роуд. Не такой новый, как первый. Судя по его архитектуре и моим воспоминаниям, его построили где-то около сорокового года.

— Джордж, это ведь николсовская застройка.

— Николс строит отличные дома. Этот достался мне от одного нашего сотрудника — он вынужден был срочно продать дом после трагического случая, когда погибли его жена и двое детей. Когда он вышел из больницы, мы отправили его в Таксон долечиваться, а потом устроили на работу в Парадайз, на АЭС. Полная смена обстановки — мой компаньон рассудил, что только так можно реабилитировать хорошего человека, у которого вся жизнь пошла на смарку. Делос — мистер Гарриман — заботится о своих людях. Зайдем?

Дом был приятный, в красивом месте, с огороженным задним двором и полностью обставленный.

— Он попросил, чтобы ему переслали только книги и его одежду,— сказал Джордж.— Одежду и все личные вещи его жены и детей отдали в Армию Спасения. Все остальное — постельное белье, одеяла, ковры, полотенца, занавески — прошло через химчистку, а матрасы через стерилизацию. Дом продается с мебелью или без мебели, как угодно, и сдается на тех же условиях.

Наверху была большая спальня и две поменьше, каждая с ванной. Большая выходила на запад, и при ней был «закатный» балкон, как в нашей квартире на Вудлоун в Чикаго, в сороковом. Внизу имелась и гостиная, и общая комната, что мне представляется очень желательным для любой семьи, где есть дети. Ребятам нужно место, где они могут устраивать кавардак, не беспокоя гостей, которые приходят к маме на чай.

Напротив кухни имелась комната для прислуги со своей ванной. Кухня была оснащена посудомойкой «Дженерал Электрик» и электронной плитой Рейзиона, такой же, как у меня,— оборудование и там и тут было новое, не в пример самому дому. Мне бросилось в глаза обилие встроенных книжных шкафов — кажется, они появились уже потом, в дополнение к двум маленьким по обе стороны камина в общей комнате. В большинстве домов и таких не было — люди больше не читали книг.

(К концу века следовало бы скорее сказать «люди больше не умели читать». Изучая историю своей родной планеты и своего столетия в разных параллелях времени, я узнала, что упадок и разрушение, наступавшие во всех параллелях, объединяла одна

общая черта: безграмотность. В трех параллелях этому скандальному явлению сопутствовала наркомания, уличная преступность, коррупция и расточительность правительства. В моей параллели неисчислимые психопатические поветрия перешли в религиозную истерию; в седьмой параллели велись бесконечные войны; три параллели объединяло крушения семьи и брака, но в каждой параллели неизменно присутствовала общая безграмотность, причем — разгадайте-ка загадку — на обучение одного студента затрачивалось больше средств, чем когда-либо ранее. Никогда еще не затрачивали так много, чтобы достичь столь малого. К 1980 году и сами учителя стали полуграмотными.)

В доме были — mirabile visu!* — две водогрейные колонки, одна наверху, другая внизу — для кухни, прачечной и ванной для прислуги. Я открыла кран и с изумлением убедилась, что вода горячая. Джордж сказал:

— Когда ты вчера позвонила, я велел смотрителю подключить все оборудование и проветрить дом. Можете ночевать тут хоть сегодня, если хотите.

— Посмотрим,— я заглянула еще в подвал, и мы уехали. Джордж Стронг угостил нас прекрасным ланчем в «Фиеста патио» на Плазе, и по моей просьбе завез к доктору Рамси.

Я поговорила с Джимом Рамси наедине и сказала, о чем именно мне желательно узнать — с ним я, слава богу, могу быть откровенна, он в курсе говардовских проблем.

— Не говори ей, беременна она или нет — скажи мне. Она крепкий орешек, мне с ней понадобятся козыри. Хочешь узнать ее подлинный возраст?

— Ты забыла, что я его знаю. Но постараюсь, чтобы это не повлияло на мое суждение.

— Джим, ты мое утешение.— Я поцеловала его, вышла и сказала ребятам:— Сидите смирно. Ему нужно принять нескольких пациентов до вас. Дорогу домой найдете сами.

— Разве ты не подождешь? — удивилась Присцилла.— Я думала, мы поедем по магазинам.

---

* Mirabile visu! *(лат.)* — О чудо!

— Нет, мы уже вышли из графика. Может, съездим на Плазу после обеда — Сирс, кажется, открыт до поздна.

— Си-и-рс...

— Ты что-то имеешь против Сирса?

— Тетя Мэриэн у Сирса никогда не покупает.

— Скажите пожалуйста. Ну, я жду вас дома. Дойдите пешком или сядьте на автобус.

— Минуточку! А ты сказала доктору, чтобы он не ковырялся у меня внутри?

— Наоборот — сказала, если ты будешь пищать или откажешься что-то делать, пусть позвонит мне.

— Я думала, мы поедем за покупками,— надулась Присцилла,— а потом вернемся и решим, который дом брать.

— Это я решу прямо сейчас, пока вы у доктора.

— А у нас что, нет права голоса?

— По-твоему, это надо решать голосованием? Хорошо, проголосуем. За каждый доллар, вложенный в дело, заинтересованная сторона получает один голос. Сколько голосов желаете купить?

— По-моему, это низко с твоей стороны.

— Присцилла, в Билле о правах не оговорено, что иждивенцы главы семьи должны выбирать, где семье жить. Не знаю, как там заведено у тети Мэриэн, но у нас такие решения принимаю я. А с другими могу советоваться, а могу и нет. И если советуюсь, то их мнения меня ни к чему не обязывают. Понятно?

Присцилла не ответила, а Дональд спокойно сказал:

— Не порти своего счастья, Девочка Наоборот.

Я села в машину к Джорджу.

— Куда теперь, леди?

— Хочу взглянуть еще раз на тот дом с мебелью.

— Хорошо.— Мы ехали в молчании — с Джорджем Стронгом не обязательно вести светскую беседу. Потом я спросила:

— Ты захватил с собой те два конверта?

— Да. Они тебе нужны? Тогда я лучше припаркуюсь. Они во внутреннем кармане на «молнии», довольно долго доставать.

— Нет, я спросила на всякий случай, пока мы не так далеко от твоей конторы.

Подъехав к дому, я поднялась наверх, Джордж за мной. Я прошла в главную спальню и начала раздеваться. Джордж просветлел.

— Морин, я так надеялся, что у тебя именно это на уме,— он счастливо вздохнул и начал расстегиваться.— Уже столько времени...

— Слишком долго. Меня одолевали родительские заботы и учеба. Но вот я отучилась — пока что с меня довольно науки, с родительскими заботами, хочу надеяться, разобралась, и теперь смогу посвящать тебе больше времени, если хочешь.

— Я всегда хочу тебя и всегда буду хотеть!

— Я целый день думала о тебе и о том, как ты хорошо все умеешь. Но сначала надо было сплавить ребят. Хочешь раздеть меня? Или поторопимся и поскорее нырнем в постель?

— Вот это выбор!

Джордж не проявлял особого артистизма в постельных делах, но за те шесть лет, что я от случая к случаю спала с ним, ни разу меня не разочаровал. Он был внимательным, заботливым любовником и первым своим долгом почитал обеспечить партнерше оргазм.

А если он не был Адонисом, то и я не была Венерой. Когда-то, в возрасте Присциллы, я была недурна и, думаю, не менее аппетитна. Но мне уже стукнуло семьдесят, по бумагам сорок семь, и я выглядела на свои сорок семь, несмотря на все усилия. Женщина средних лет должна следить за собой. (Джордж следил, и я это ценила). Она должна заботиться о свежести своего рта, упражнять свои внутренние мускулы, говорить тихо и мелодично, всегда улыбаться и никогда не хмуриться, проявлять дружбу и понимание. Отец когда-то говорил мне: «Вдовы куда лучше молодых жен. Вдовы всегда готовы, вдовы всегда здоровы, не скажут «ну что вы», не ждут обновы, а уж бедовы!»

Вот такой и была Морин Джонсон с сорок шестого по восемьдесят второй. Услышав впервые отцовскую игривую формулировку, я только посмеялась и даже не подумала применить ее к себе — до того грустного дня, когда Брайан сказал мне, что на мое

место пришла сожительница помоложе. Тогда я поняла, что отцовская шутка — это чистая правда. И сделалась «девушкой по вызову». Старалась хорошо выглядеть и приятно пахнуть. И не рассчитывала на Адониса — меня вполне устраивал честный дружеский обмен с джентльменом (но не с каким-нибудь придурком или хлюпиком!)

Я всегда оставляла время для второго раза, если партнеру того хотелось. А ему захочется, если с ним поработать как надо. Американцы потому такие паршивые любовники, что американки — паршивые любовницы. И наоборот. Что в лоб, что по лбу. За что платишь, то и получаешь.

И этот промежуток от двадцати минут до часу — самое лучшее на свете время для интимной беседы.

— Хочешь первым в ванную? — спросила я.

— Не к спеху,— голос рокотал в груди у Джорджа, к которой я прижималась ухом.— А ты?

— Не горит. Джордж, это было здорово. Как раз то, что мне надо. Благодарю, сэр.

— Морин, это про тебя Шекспир сказал: «Другие пресыщают, но она лишь разжигает голод».

— Полно тебе.

— Нет, правда.

— Если будешь почаще повторять, то я поверю. Джордж, когда ты встанешь, не достанешь ли ты конверты? Погоди. Есть у тебя время на второй раз?

— Есть. Для этого время и существует.

— Хорошо. А то я не стала бы терять драгоценные минуты на разговоры о делах и уж заставила бы тебя воспрять побыстрей, если бы ты спешил.

— Ты — да не заставишь! Но я управился со всеми сегодняшними делами до десяти, чтобы остаток дня посвятить Морин,— он поднялся, достал конверт и протянул мне.

— Нет, я не хочу до них дотрагиваться. Осмотри их внимательно, Джордж — не могла ли я каким-то образом совершить подлог?

— Не вижу, как. Я храню их с четвертого июля сорок седьмого года,— он улыбнулся мне, а я ему. В тот день мы с ним были в постели во второй раз.— Это был твой день рождения, девочка, а подарок получил я.

— Нет, мы обменялись подарками, ко взаимному удовлетворению. Проверь все-таки конверты, Джордж — может быть, их вскрывали? Нет, ближе не подходи — вдруг наколдую.

— Мы с тобой тогда расписались на обратной стороне каждого конверта, прихватив клапан. Свою подпись я знаю и видел, как расписывалась ты. По-моему, их не мог вскрыть даже Гудини.

— Тогда, пожалуйста, открой конверт номер один, Джордж, и прочти то, что в нем лежит, а потом спрячь обратно в свой карман на «молнии».

— Как скажешь, милая.— Он вскрыл конверт и прочел: «4 июля 1947 г. Весной 1951 года человек, называющий себя "доктор Пинеро", вызовет бурное негодование ученых и компаний по страхованию жизни, заявив, что может предсказать дату смерти любого человека. Он займется своими предсказаниями, превратив это в бизнес, и несколько месяцев будет процветать. Затем его то ли убьют, то ли он погибнет от несчастного случая, а его аппаратуру уничтожат . Морин Джонсон».

Пока Джордж читал, я снова вспоминала ту ночь — 29 июня 1918 года. Брайан уснул, а мы с Теодором совсем не спали. Я то и дело шмыгала в ванную и то и дело стенографически записывала все, что рассказывал мне Теодор — а он говорил много такого, чего не сказал судье Сперлингу, Джастину и мистеру Чепмену.

— Интересно,— сказал Джордж.— Я лично никогда не верил этому доктору Пинеро. Должно быть, это было какое-то крупное надувательство.

— Не в этом же дело, Джордж. (Заметьте, что в моем голосе не было раздражения.)

— А в чем же?

— Теперь уже не важно, был он шарлатаном или нет. Он погиб, его оборудование уничтожено, записей не осталось. Так писал и «Тайм», и все газеты. Все это произошло в прошлом, пятьдесят

первом году. А конверт хранится у тебя с сорок седьмого. Откуда же я все это знала?

— Я и об этом подумал,— мягко сказал он.— Ты скажешь мне?

А как же Джордж. Ко мне явился человек со звезд, из далекого будущего, он был со мной в постели и рассказал мне все это, думая мне помочь. А потом его убили на войне, которая была не его войной. Из-за меня. (Теперь я знаю, что он вернулся на свою звезду и я, потеряв его, нашла вновь... и вот сама потерялась, еду в темном фургоне в компании чокнутого кота. Пиксель, не уходи больше!)

— Я прорицательница, Джордж.

— Прорицательница? Гадалка то есть?

— Скорее пророчица. Во всех этих конвертах содержатся пророчества. Перейдем к номеру два. Нет, пока не вскрывай. Джордж, я за последний месяц была у вас в конторе?

— Насколько я знаю, нет. Единственный раз ты была у нас, если мне не изменяет память, два года назад. Мы с тобой условились пообедать, и ты предпочла заехать за мной, а не наоборот.

— Верно. Так вот: ты, конечно, читал «Уолт стрит Джорнэл». А поскольку ты директор корпорации, владеющей атомной электростанцией, ты, полагаю, внимательно читаешь там все, что имеет отношение к энергетике.

— Конечно. Менеджер должен быть в курсе всех тонкостей своего бизнеса.

— И что же нового сейчас в энергетике?

— Да ничего. Обычные незначительные колебания.

— Новых источников энергии не намечается?

— Ничего существенного. Ведутся эксперименты с ветряными двигателями, но ведь ветряки, даже усовершенствованные, новшеством не назовешь.

— А солнечная энергия, Джордж?

— Солнечная? Да, в «Джорнэл» была статья. Об отражателях. Прямое преобразование солнечных лучей в электричество. Занимаются этим два длинноволосых ученых мужа, доктор Арчи-

бальд Дуглас и доктор М. Л. Мартин. Да только ничего у них не выйдет, Морин. Если хочешь вложить туда деньги, лучше не рискуй. Представь только, сколько в году пасмурных дней, сколько времени бывает темно, как снижает смог потенциал солнца. Прогоришь.

— Джордж, открой второй конверт.

Он открыл и стал читать: «Двое ученых, Дуглас и Мартин, откроют высокоэффективный способ преобразования солнечной энергии в электрическую . Солнечные экраны Дугласа—Мартина произведут революцию в энергетике и окажут влияние на все отрасли экономики двадцатого века».

— Право, не знаю, Морин, как такой недостоверный источник...

— Джордж, Джордж! Откуда я, по-твоему, узнала с сорок седьмом году о солнечных отражателях, открытых совсем недавно? Откуда я взяла фамилии Дуглас и Мартин?

— Не знаю.

— Я уже говорила и снова повторяю: я пророчица. В конверте номер три сказано, как «Гарриман Индастриз» следует финансировать солнечные экраны Дугласа — Мартина. Следующие три конверта тоже имеют отношение к энергетике, к энергии, к силе, к власти — ты не поверишь, какие грядут перемены. Однако придется поверить, когда мы начнем вскрывать эти конверты один за другим. Весь вопрос в том, вскрыть ли их задним числом, как эти два — тогда я только и смогу сказать «говорила я тебе»,— или вскрывать их загодя, чтобы мои пророчества принесли пользу?

— Что-то я озяб. Одеться или вернуться в постель?

— Дорогой мой! Я слишком увлеклась делами. Иди в постель, Джордж, и я постараюсь тебя согреть.

Он так и сделал, и мы обнялись, но главного чуда не состоялось.

— Переходить к магическим пасам, Джордж? Или хочешь еще отдохнуть?

— Морин, что тебе нужно от «Гарриман Индастриз»? Ты ведь раскрылась не только для того, чтобы меня озадачить?

— Конечно нет, Джордж. Я хочу, чтобы меня выбрали в директорат ведущей компании «Гарриман Индастриз». Впоследствии

я пригожусь вам и в правлениях дочерних компаний. Но когда обнародовать очередное пророчество, всегда буду решать я — время здесь главный фактор.

— В директорат! У нас в правлении нет женщин!

— Будут, когда ты выдвинешь меня и я буду избрана.

— Морин, полно тебе! Все наши директора — главные держатели акций.

— Сколько нужно иметь акций, чтобы тебя избрали?

— Пай соответствует общим правилам. Но наша компания придерживается практики крупного владения — в головной фирме или в одной из дочерних.

— Каков же ваш пай? Или, скажем лучше, сколько он составляет в долларах? В разных корпорациях пай ценится по-разному, весьма по-разному, сказала бы я.

— Мы с мистером Гарриманом считаем, что у директора должно быть по крайней мере на полмиллиона акций по их рыночной стоимости — или он должен приобрести их вскоре после избрания. Тогда он хорошенько думает о том, за что голосует.

— Джордж, к закрытию биржи в понедельник моя доля в предприятиях Гарримана составляла восемьсот семьдесят две тысячи тридцать девять долларов восемьдесят один цент — могу через пару дней довести ее до круглого миллиона, если это поможет.

— Я и не знал, что у тебя есть наши акции, Морин,— вскинул брови Джордж.— Я заметил бы, если бы твое имя было связано с какой-то крупной покупкой.

— А я использую подставных лиц. И в Цюрихе, и в Канаде, и в Нью-Йорке. Могу перевести акции на свое имя, если в этом есть необходимость.

— Во всяком случае, надо будет собрать сведения. Морин, можно мне рассказать мистеру Гарриману о твоих конвертах? И о твоих пророчествах?

— Как он, по-твоему, к ним отнесется?

— Не уверен. Мы с ним вместе занимались бизнесом с двадцатых годов, но я его не знаю. Он пахарь, а я лошадь, которая тянет плуг.

— Пусть пока это остается нашим с тобой интимным секретом. Может, следующий конверт ты захочешь вскрыть в его присутствии. А может, и нет. Ведь если деловые круги, особенно Уолстрит, прослышат, что «Гарриман Индастриз» в своем бизнесе использует пророчества, это может повредить вам, верно?

— Пожалуй, ты права. Пусть будет интимный секрет. Но если я скажу, что советовался с астрологом, половина этих недоумков сочтет совет «научным»,— улыбнулся Джордж.

— А теперь оставим дела и посмотрим, не захочет ли наша рабочая лошадка вспахать мою ниву. Джордж, у вас, должно быть, в роду большие члены?

— Не думаю — по-моему, ты мне просто льстишь.

— А мне кажется — он такой большой. Смотри — растет!

21

ЗУБ ЗМИЯ

Хлопот с Принцессой Полли, Присциллой, Дональдом, Джорджем Стронгом мне хватило еще на десять лет. Кроме того, меня занимала одна метафизическая проблема, которую я до сих пор не знаю, как решить, хотя обсуждала ее и с моим мужем, и другом доктором Джубелом Хэршоу, и с самыми выдающимися вычислителями-космологами всех вселенных, начиная с Элизабет Лонг (Оборотного Либби). Речь идет о вековом псевдопарадоксе свободной воли и предопределения.

Свободная воля существует, это ясно, когда живешь, руководствуясь ей. И предопределение существует — это ясно, когда смотришь издалека на любую цепь событий.

Но в учении «мир как миф» понятия «свободная воля» и «предопределение» ничего не значат. Не имеют семантического смысла. Если мы — просто персонажи в придуманной кем-то фабуле, с тем же успехом можно говорить о «свободной воле» и «предопределении» шахматных фигур. Когда партия сыграна и фигуры сложены обратно в коробку, разве сетует белая королева, не в силах уснуть: «Не надо было мне брать ту пешку!»

Нет, я не согласна. Это просто смешно.

Я не персонаж. Меня никто не выдумал. Я человек, я женщина, дочь своих родителей, мать семнадцати мальчиков и девочек в первой жизни и еще других детей в новом своем воплощении. Если мною правит судьба, то эта судьба заложена в моих генах, а не в мозгу какого-то близорукого интраверта, согнувшегося над робописцем.

Все дело в том, что в конце следующей декады, по утверждению Теодора, должна была произойти одна трагедия, которую можно было предотвратить. Удастся ли мне с помощью своей свободной воли разорвать золотую цепь предопределения? Поможет ли мое знание того, что некое событие произошло, предотвратить это событие?

Поставим вопрос наоборот: если я помешала чему-то произойти, откуда мне тогда известно, что это произошло?

Не пытайтесь разобраться — так и будете кусать собственный хвост.

Возможно ли избежать свидания в Самарре ?

Я знала, что должен взорваться энергетический спутник и все, кто был на борту, погибнут. Но в пятьдесят втором году никто, кроме меня, понятия не имел о энергетических спутниках. Их тогда еще и в проекте не было.

В чем же мой долг?

В пятницу доктор Рамси сказал мне, что Присцилла не беременна, но физически созрела для деторождения и он готов выдать ей метрику, проставив в ней любой возраст от тринадцати до девятнадцати. Однако девочка, по его мнению, весьма инфантильна.

Я согласилась с ним.

— Но все же придется сделать ее по меньшей мере шестнадцатилетней.

— Понимаю. Она спит со своим братом, не так ли?

— А здесь хорошая звукоизоляция?

— Да. И медсестра у меня тоже звуконепроницаемая. Мы тут такое слышали, дорогая моя, что будет похуже мелкого инцести-

ка между братом и сестрой. На прошлой неделе к нам обратилась семья — слава Богу, не говардцы,— где один брат спит с другим. Радуйся, что у твоих хоть нормальные наклонности. Когда такие игры затевают брат с сестрой, нужно только следить, чтобы она не забеременела и чтобы они вовремя это преодолели и могли вступить в нормальный брак. Так почти всегда и бывает. Ты раньше разве с этим не сталкивалась?

— Было дело, когда твой отец еще не передал тебе практику. Он тебе не рассказывал?

— Смеешься? Папаша относился к клятве Гиппократа, как к Святому писанию. И как же все кончилось?

— Благополучно, хотя одно время меня это беспокоило. Старшая сестра научила младшего брата, а тот научил младшую сестру. Я места себе не находила, не зная, то ли разоблачить их, то ли просто присматривать за ними. Но в привычку у них это не вошло. Немного удовольствия, вот и все. Все мои детки — похотливые козлики.

— А ты нет?

— Снять штанишки или закончим наш разговор?

— Я слишком устал. Продолжай.

— Слабак. Со временем все они впряглись в говардовскую упряжку, и все три пары дружат между собой — а иногда, полагаю, устраивают себе афинские уик-энды. От меня они это скрывают, боясь шокировать свою бедную, старую маму-пуританку. Но у младших дело так просто не кончится. Джим, эту девчонку надо выдать замуж.

— Морин, Присцилла не готова к замужеству. Дикарство может оказаться хуже болезни. Ты испортишь жизнь и ей, и ее мужу, не говоря уж о том, как могут пострадать их дети. Присцилла мне сказала, что только что приехала из Далласа. Я не знаю Мэриэн. Она из семьи Харди, да? Что она за человек?

— Джим, здесь я пристрастна.

— Если мне говорит это женщина, способная и в самом дьяволе найти хорошие стороны, то все ясно. Может быть, у Мэриэн были хорошие намерения, но с Присциллой у нее явно не получилось. По крайней мере не настолько, чтобы девочку можно было

спихнуть замуж в четырнадцать лет, какими бы ни были размеры ее таза. Морин, я сделаю ей любой возраст, который захочешь, только не выдавай ее замуж так рано.

— Постараюсь, дорогой. Буду держать тигра за хвост. Спасибо.

Он поцеловал меня на прощанье.

— Ну хватит,— сказала я.— Ты говорил, что устал, и в приемной у тебя полно пациентов.

— Слабачка.

— Угу. В другой раз, дорогой. Привет Велме. Я хочу, чтобы вы пообедали у меня на той неделе в честь новоселья. Может быть, тогда...

Принцесса Полли не сразу привыкла к новому месту. Две недели я не выпускала ее из дому и вынуждала пользоваться ящиком для песка.

Потом выпустила и через час, не обнаружив ее нигде, села в машину и медленно поехала за восемь кварталов к нашему старому дому. Почти рядом с ним я увидела Полли, остановилась и позвала ее. Она прислушалась, подпустила меня к себе, а потом кинулась прочь к старому дому. К Единственному Дому.

Я с ужасом следила, как она переходит Мейер и Рокхилл — два бульвара с большим движением. Перешла она благополучно, я перевела дух и снова поехала за ней следом, прибыв к дому почти одновременно с ней — я-то подчинялась правилам движения, а она нет. Позволила ей немного обнюхаться в пустом доме, потом забрала и увезла домой.

Это продолжалось десять дней — раз, а то и два в день. Потом, где-то после Дня Труда, дом должны были сносить. Джордж предупредил меня заранее, и в тот день я не стала выпускать кошку, а отвезла к старому дому на машине и позволила, как всегда, понюхать внутри. Потом пришли рабочие и взялись за дело. Принцесса убежала ко мне, я взяла ее на колени, так мы и сидели в машине у кромки тротуара.

Она смотрела, как разрушают ее Единственный Дом.

Всю арматуру сняли заранее, так что прекрасное старое здание девятнадцатого века снесли за одно утро. Принцесса Полли смотрела на это, не веря своим глазам. Когда к северному крылу

прицепили бульдозеры и стена рухнула, Полли зарылась в меня головой и застонала.

Я повернула домой. Мне тоже не хотелось смотреть, как умирает старый дом.

На другой день я опять свозила туда Полли. На месте дома ничего не осталось, кроме голой земли и котлована. Принцесса Полли не стала выходить — может быть, даже не узнала места. Больше она не убегала.

К ней приходили джентльмены, ее друзья, но сама она не отлучалась из дому. По-моему, она забыла, что раньше жила в другом месте.

Но я не забыла. Никогда не возвращайтесь в дом, где жили когда-то, если вы любили этот дом.

Хотела бы я, чтобы с Присциллой все решилось так же гладко, как с Полли. Была пятница, еще до моего визита к доктору Рамси. В четверг мы переезжали, а переезд всегда выматывает, хотя на этот раз я наняла не только фургон, но и грузчиков. Упрощало дело и то, что большую часть мебели мы не стали перевозить, а отдали Доброй Воле — я известила и их, и Армию Спасения, что отдаю на благотворительные цели полный дом мебели и разной мелкой утвари, пусть только пришлют грузовик. Армия Спасения заявила, что отберет только то, что сочтет нужным, Добрая Воля была не столь разборчива — ей все и досталось.

С собой мы взяли только книги, немного картин, мой письменный стол и картотеку, одежду, посуду и приборы, пишущую машинку ИБМ и еще разные мелочи. Около одиннадцати я отправила Дональда с Присциллой в новый дом, нагрузив их всеми продуктами, которые были в кладовой, холодильнике и морозильнике.

— Дональд, ты, пожалуйста, потом вернись сюда, а ты, Присцилла, сообрази что-нибудь на ланч — думаю, к полудню они все погрузят. Но не готовь ничего такого, что не может постоять на огне и подождать.

— Хорошо.— Это было чуть ли не первое слово, которое она вымолвила с утра. Она делала то, что я ей велела, но инициативы не проявляла, между тем как Дональд работал с интересом.

Они уехали. Дональд вернулся к полудню, когда рабочие как раз сделали перерыв на обед.

— Придется подождать,— сказала я.— Они еще не совсем управились. Куда ты девал Принцессу?

— Закрыл пока в своей ванной, поставил ей туда песок и еду. Она возмущается.

— Придется ей на время с этим смириться. Дональд, какая муха укусила Присциллу? Весь вечер и все утро она ведет себя так, будто кто-то — скорее всего я — сломал ее любимую игрушку.

— Да ладно, мать, она всегда такая. Не обращай внимания.

— Придется ей перестать быть такой, Дональд, если она хочет здесь жить. Я не стану подлаживаться под ее настроения. Всем своим детям я старалась предоставить полную свободу при условии, что они будут цивилизованно вести себя с другими людьми, в особенности с членами своей семьи. Любой человек в любых условиях должен вести себя цивилизованно — то есть соблюдать вежливость и всегда сохранять хорошее настроение, хотя бы и притворное. Исключений тут нет и скидки на возраст не делается. Не можешь ли ты повлиять на нее? Если она будет дуться, я вполне могу прогнать ее из-за стола и не думаю, что ей это понравится.

— Факт, что не понравится,— невесело усмехнулся Дональд.

— Так, может быть, ты ей скажешь об этом? От тебя ей будет не так обидно это услышать.

— Может быть.

— Дональд, как тебе кажется, сказала, сделала или потребовала я от нее что-нибудь такое, что оправдывает ее обиду?

— Да нет...

— Скажи откровенно, сынок. Ситуация скверная, и не надо ее продолжать.

— Ну... ей не нравится, когда ей приказывают.

— Что именно из моих приказаний ей не понравилось?

— Ну... она здорово расстроилась, когда ты не позволила ей выбирать, в каком доме мы будем жить.

— Это был не приказ. Я просто сказала, что это мое дело, а не ее — и так оно и есть.

— Ну а ей это не понравилось. И еще она не хочет идти к врачу, чтобы он в ней ковырялся, как она говорит.

— То есть на гинекологический осмотр. Да, это действительно был приказ, притом не подлежащий обсуждению. Ну а ты как думаешь — правильно я поступила, послав ее на гинекологический осмотр, или нет? Твое мнение на меня не повлияет, но я хочу его знать.

— Не мое это дело.

— Дональд.

— Ну ладно — наверное, девчонкам такие осмотры нужны. Чтобы доктор узнал, здоровы они или нет. Наверное, так. Но ей это точно не нравится.

— Да, девчонкам нужны такие осмотры для их же блага. Мне самой не нравится эта процедура и никогда не нравилась, а уж меня осматривали столько раз, что я со счету сбилась. Но никуда не денешься — это все равно, что чистить зубы. Так что я смирилась, и Присцилле тоже придется смириться, и никакой чепухи на этот счет я от нее не потерплю,— я вздохнула.— Постарайся ей это внушить. Свезу-ка я тебя назад к ней и оставлю там, пока они обедают, а сама быстренько вернусь сюда, а то что-нибудь уедет не в том грузовике.

Переехали мы около двух, и я следила за разгрузкой с сандвичем в руке. Фургон уехал после пяти, и прошло еще какое-то время, пока мы не навели порядок — если можно назвать порядком, когда задний двор завален картонными коробками, одежда кучами лежит на кроватях, а книги засунуты на полки в произвольном порядке, лишь бы убрать их с пола. Не Бедный ли Ричард сказал, что два переезда равны одному пожару? А наше переселение было еще из легких.

К восьми я кое-как покормила ребят ужином, который мы ели в тишине. Присцилла все еще дулась.

После ужина я позвала всех в общую комнату — пить кофе и обмывать дом. Налила всем по рюмке ликера — с него не опьянеешь, раньше тебя стошнит.

— С новосельем, дорогие,— я пригубила свою рюмку, Дональд тоже, Присцилла не притронулась к своей.

— Я не пью,— заявила она.

— Это не выпивка, дорогая. Это церемония. Когда предлагают тост, а ты пить не хочешь, достаточно будет поднять бокал, поднести к губам, поставить его и улыбнуться. Запомни — пригодится на будущее.

— Мама, нам надо серьезно поговорить.

— Пожалуйста, я слушаю.

— Мы с Дональдом не сможем здесь жить.

— Мне жаль это слышать.

— Мне тоже жаль, но это правда.

— Когда вы уезжаете?

— Ты не хочешь знать, почему мы уезжаем? И куда?

— Ты сама скажешь мне, если захочешь.

— Потому что с нами тут обращаются как с заключенными!

Я не ответила, молчание затянулось, и наконец дочь спросила:

— Хочешь знать, что нас возмутило?

— Скажи, если хочешь.

— Скажи ей ты, Дони.

— Нет,— возразила я.— Если у Дональда есть свои жалобы, я выслушаю его. Но твои жалобы он излагать не будет. Ты присутствуешь здесь, я твоя мать и глава семьи. Если хочешь жаловаться, жалуйся мне. Не впутывай сюда брата.

— Вот-вот! Приказы! Сплошные приказы! Ничего, кроме приказов, как будто у нас тут тюрьма!

Я три раза повторила про себя мантру, которой научилась во время второй мировой войны: Nil illegitimi carborundum!

— Дони!

— Присцилла, на что жалуешься ты? Кроме того, что вынуждена подчиниться приказам?

— Мама, ты... с тобой бесполезно говорить!

— А ты и не говорила. Я иду спать. Если уедете до того, как я встану, оставьте, пожалуйста, ключи на кухонном столе. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама,— ответил Дональд.

Присцилла промолчала.

* * *

К завтраку она не явилась.

— Она просила тебе передать, что не хочет завтракать, мама.

— Хорошо. Сегодня у нас яичница с сосисками. Ты какую любишь яичницу, Дональд? Разбить желтки и пожарить или для виду вылить на сковородку?

— Как ты, так и я. Мама, Присцилла только делает вид, что не хочет завтракать. Можно я скажу ей, что ты велела прийти?

— Нет. Себе я делаю яичницу на колбасе, а не внизу, и люблю слегка пожаренную, а не сырую. Подходит?

— А? Конечно, мама. Но можно я скажу хотя бы, что завтрак готов и ты зовешь ее есть?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что я ничего подобного не говорила. Первым, кто пытался объявить мне голодовку, был твой братец Вудро. Он продержался несколько часов, да еще плутовал при этом — прятал под подушкой ванильные вафли. Когда наконец он сдался и сошел вниз, я не дала ему есть до обеда, до которого было порядочно времени. Больше он этого не пробовал. (Зато пробовал другое, воображения ему было не занимать.) Я не обращаю внимания на голодовки, Дональд, и на прочие капризы тоже. Думаю, что и правительства должны поступать так же. Игнорировать голодовки и тех, кто приковывает себя к оградам или ложится под разный транспорт. Не обращать внимания на взрослые капризы. Дональд, ты уже дважды возразил мне за одно утро. Или трижды? Ты этого набрался от Присциллы? Неужели до тебя еще не дошло, что я без нужды приказов не отдаю, а если уж отдаю, то они должны выполняться четко и быстро? Если я велю тебе прыгнуть в озеро, ты должен сбегать и вернуться мокрым.

— А где у нас ближайшее озеро,— ухмыльнулся он.

— Где? В Суоп-парке, наверно. Если не считать водного препятствия в гольф-клубе и декоративного пруда в Форест Хиллз. Но ни покойников, ни игроков в гольф тревожить не рекомендуется.

— А что, между ними есть разница?

— Кое-какая. Дональд, я не против, если Присцилла сегодня пропустит завтрак — мне надо поговорить с тобой так, чтобы она не стояла над душой и не подсказывала, что говорить. Когда вы с ней собрались уезжать? И куда, если не секрет?

— Да ерунда все это, мама. Как мы можем уехать? Денег нет и ехать некуда. Разве что обратно к тете Мэриэн, а этого нам не хочется. Мы к ней больше и близко не подойдем.

— Дональд, а что вы такого имеете против тети Мэриэн? Шесть лет назад вы предпочли остаться с ней, хотя могли уехать со мной. Что случилось? Она вас все время наказывала, что ли?

— Да нет! Она почти никогда никого не наказывает. Разве что отцу нажалуется. Вот как в последний раз с Гасом.

— А что, собственно, произошло? Гас старше тебя на год и здоровее... во всяком случае, был, когда я видела его в последний раз. Ты сказал, что он повалил Присциллу и измывался над ней. Что значит измывался? Он насиловал ее? Или пытался это сделать?

— Э-э... Мама, мне тут трудно быть объективным. Ревную, наверно.

— Я тоже так подумала. Так он в самом деле ее насиловал? Или они — как это у вас теперь называется — ловили кайф?

— Так и было,— грустно вздохнул Дональд.— А я взбесился.

Я потрепала его по руке.

— Бедный Дональд! Видишь теперь, что когда влюбляешься в сестру, ничего хорошего из этого не выходит? Ни для тебя, ни для нее? И ей ты, пожалуй, вредишь еще больше, чем себе? Понимаешь ты это, дорогой?

— Но не мог же я оставить ее там, мама? Жалко, что мы не уехали с тобой шесть лет назад. Но ты была такая строгая, а тетя Мэриэн — нет, вот и... Жалость какая!

— А вы помогали Мэриэн по дому? Я собиралась назначить вам обоим свою долю домашней работы. Кажется, Присцилла не приучена к кухне. Вчера она покидала продукты в морозильник как попало, а потом забыла его включить. Хорошо, я вовремя заметила, иначе все наши запасы пропали бы. Дежурила она у вас по кухне в очередь с Милдред и Сарой — и кто там из девочек еще дорос до этого?

— Не думаю. Да точно нет. Там стряпает бабушка Медвежья Лапа, а она не любит, когда кто-нибудь торчит у нее на кухне.

— Кто это Бабушка Медвежья Лапа?

— Кухарка у тети Мэриэн. Черная как уголь, а нос крючком. Наполовину негритянка, наполовину чероки. Здорово стряпает! И всегда даст что-нибудь вкусное. Только просить лучше с порога, а если зайдешь, она замахивается сковородкой.

— Славная, видно, старушка. А мне, похоже, придется учить Присциллу готовить. А пока что надо будет получить ваши документы и определить вас в школу. Дональд, как ты насчет того, чтобы пойти учиться в Уэстпорт вместо Юго-Западной? Если согласишься, мы подберем тебе какой-нибудь драндулет, чтобы облегчить дорогу. Мне очень не хочется, чтобы вы с Присциллой учились в одной школе. На нее нельзя положиться, дорогой: боюсь, как бы она не стала драться с другими девочками из-за тебя.

— С нее станется. Только мне не надо поступать в Уэстпорт, мама.

— А по-моему, надо — как раз по этой причине.

— Мне больше не надо ходить в среднюю школу. Я закончил ее в июне.

Всю жизнь меня окружали дети, и никогда они не переставали меня удивлять.

— Дональд, как же я это пропустила? Я была уверена, что тебе еще год учиться, и не получала извещения о твоем выпуске.

— А я их и не посылал... и все действительно считали, что я в предпоследнем классе. Но я прошел все нужные предметы и еще кое-что, потому что ходил в летнюю школу — хотелось усвоить все, что они предлагали по математике. Но о том, что хочу получить аттестат, объявил только в мае, когда уже поздно было фотографироваться в альбом и все такое прочее. Мистер Хардекер, директор, был недоволен, но все-таки просмотрел мой табель и подтвердил, что я имею право на аттестат. И сказал, что выдаст мне его тихо, чтобы я не присутствовал на торжествах и не примазывался к выпуску пятьдесят второго года — ведь в их альбоме нет моего снимка, я не ношу их кольца и все такое. Я согласился. Тогда директор помог мне написать в колледжи, которые меня

интересуют — в лучшие технические колледжи: в Массачусетский Технологический, в Кейз, в Калифорнийский, в Рекслейр. Я хочу строить ракеты.

— Прямо как Вудро.

— Не совсем. Он на них летает, а я хочу их делать.

— Ты уже получил откуда-нибудь ответ?

— Из Кейза и Калифорнии — с отказом.

— Может быть, в Даллас уже пришли и хорошие новости. Я спрошу твоего отца — мне так и так надо позвонить ему сегодня — сказать, что вы, бродяги, объявились тут. Дональд, если в этом году все колледжи, в которые ты обратился, откажут тебе, не отчаивайся.

— Я и не собираюсь. Напишу им на будущий год.

— Я не совсем это имела в виду. В этом году тебе тоже не худо поучиться. Дорогой, для начала тебе не обязательно поступать в технический колледж с мировым именем. Для первой ступени подойдет любой гуманитарный колледж с высоким уровнем преподавания. Клермонт, например. Или любой из так называемой Малой Лиги. Или Гриннелл. Да мало ли.

— Так ведь уже август, мама. Поздно куда-то поступать.

— Не скажи,— задумалась я.— Дональд, тебя надо будет сделать восемнадцатилетним. Для начала выправим тебе миссурийские водительские права, где будет указан этот возраст, а потом и метрику. Пока она тебе не нужна — понадобится только, когда будешь получать заграничный паспорт. А подделав возраст, отправим тебя... в Гриннелл, пожалуй,— один из тех, кто принимал у меня защиту докторской, был теперь там деканом по приему, и я довольно хорошо его знала.— На один-два года. Определись, в какой именно технический колледж ты хочешь поступить, и мы устроим тебя туда на следующий год или еще через год... при условии отличных оценок.

— Мама, а деньги я откуда возьму?

— Дорогой мой сын, я готова истратить целое состояние, лишь бы разлучить вас с сестрой, пока еще беды не случилось. За аборт я платить не стану, но за твое образование готова платить — помимо того, что заработаешь ты сам в свободное от занятий время.

А подрабатывать ты должен — ради дисциплины и самоуважения. В Гриннелле мальчики часто устраиваются мыть посуду в общежитие для девочек. Эти вскормленные кукурузой студенточки чудо как хороши — я видела. Но ты не слишком ими увлекайся — я собираюсь записать тебя в Фонд Говарда и попросить снабдить тебя списком айовских девочек самой младшей возрастной группы.

— Но я не рвусь жениться, мама — мне и жену не на что содержать.

— Жениться пока не обязательно. Но разве тебе нисколько не хочется познакомиться с девочками твоего возраста, которые все как на подбор здоровы, все долгожительницы, как и ты, и желанны во всех отношениях? И которые наверняка не станут поднимать крик, если ты сделаешь вежливое, уважительное, но не двусмысленное предложение? И не возмутятся — за кого ты меня принимаешь,— когда окажется, что у тебя в кармане припасен презерватив. Сынок, ты не обязан ничего предпринимать со своим говардовским списком — но если на тебя накатит возбуждение, или станет одиноко, или все вместе, то проверять говардовский список не в пример лучше, чем таскаться по барам или посещать молитвенные собрания: Фонд уже проделал за тебя всю подготовительную работу. Фонду очень желательно, чтобы говардовцы женились на говардовках, и он тратит на это миллионы долларов.

— Но не могу же я жениться, мама, пока не закончу учебу. А это еще как минимум пять лет. Мне нужна степень магистра, да и докторская по физике не помешала бы.

— Вчера ты говорил со своей сестрой Сьюзен. Как, по-твоему, они с Генри умудрились поступить в колледж сразу после свадьбы? Не волнуйся, Дональд. Выбери только себе колледж подальше от Канзас-Сити, и все твои проблемы будут решены. А твоя мать вздохнет спокойно.

Присцилла взорвалась, узнав, что Дональд уезжает. Мы не говорили ей этого до последней минуты, и в тот же день, когда она поступила в Юго-Западную среднюю школу, Дональд уехал

в Гленнвилл. Пока сестра была в школе, он уложил свои вещи, а когда она пришла, сообщил ей новость. И тут же сел в «шевроле», до того старый, что на нем нельзя было ехать по автоматической дороге — не было нужных приборов.

Присцилла закатила истерику. Она заявила, что поедет с ним. Она угрожала самоубийством.

— Ты меня бросаешь! Я убью себя, убью! Тогда ты пожалеешь о том, что сделал!

Дональд помрачнел, но все же уехал. Присцилла улеглась в постель. Я не обращала на нее внимания. К угрозам покончить с собой я отношусь как к обычным капризам — подобным шантажом меня не проймешь.

Кроме того, если человек хочет лишить себя жизни, то это его право — я так считаю. И если он вознамерился сделать это всерьез, никто его не остановит.

(Да, я жестокая и бессердечная ведьма. Согласна. А теперь ступайте играть в куклы где-нибудь в другом месте.)

Присцилла спустилась вниз около десяти вечера и сказала, что хочет есть. Я ответила, что обед давно прошел, но она может взять себе сэндвич и стакан молока. Она так и сделала, пришла ко мне в комнату и разразилась упреками.

— Нельзя оскорблять меня, Присцилла, и в то же время есть мой хлеб,— оборвала ее я.— Выбирай одно из двух.

— Какая ты жестокая, мама!

— Это засчитывается как оскорбление.

— Ох, я такая несчастная!

Это было очевидно и не нуждалось в комментариях.

Поэтому я продолжала смотреть Уолтера Кронкайта и слушать его звучную речь.

Присцилла ходила хмурая несколько дней, а потом открыла для себя, как удобно жить рядом со школой, иметь в своем распоряжении комнату, где можно принимать гостей, а также мать, которая терпит и шум, и кавардак — лишь бы потом было убрано, хотя бы раз в неделю. В доме начали появляться молодые люди. Присцилла становилась все счастливее, а вместе с ней и я.

В конце сентября я однажды спустилась вниз около одиннадцати вечера в пятницу — налить себе молока и перекусить — и услышала красноречивые поскрипывания кровати в комнате для прислуги напротив кухни. Я даже не подумала их беспокоить, испытав скорее облегчение, чем тревогу. И потом, звуковые эффекты доказали, что Присцилла научилась получать оргазм не только с братом, но и с другими парнями. Я поднялась наверх, проверила календарь Присциллы, дубликат которого держала у себя в ванной, убедилась, что день «безопасный» и окончательно успокоилась. Я отнюдь не ожидала, что моя дочь откажется от секса. Тот, кто попробовал и вошел во вкус, никогда не перестанет им заниматься. Если на то пошло, я бы больше беспокоилась, если бы Присцилла перестала.

На другой день я позвонила доктору Рамси и попросила его брать у Присциллы мазок и кровь на анализ каждый раз, как я ее присылаю. Я не полагаюсь на нее и подозреваю, что она рискует.

— За кого ты меня принимаешь? — хмыкнул он.— Я всех проверяю. Даже и тебя, старая кошелка.

— Спасибо, дорогой! — я послала поцелуй его изображению на экране.

Вскоре после этого радостного события мне позвонил Джордж Стронг.

— Дорогая леди, я только что вернулся. Есть хорошие новости,— с застенчивой улыбкой сказал он.— Делос согласился с тем, что ты должна войти в правление. Акционерам мы сможем об этом сообщить только на отчетном собрании, но правление вправе назначить нового директора и до собрания, если освобождается вакансия. А тут как раз один из моих заместителей собирается подать в отставку — с поста директора, не с поста моего заместителя. Сможешь ты присутствовать на собрании директоров в Денвере в понедельник шестого октября?

— Конечно, смогу. Я ужасно рада, Джордж.

— Тогда я заеду за тобой в десять? Ракетоплан компании доставит нас в Денвер тоже около десяти по местному времени.

Заседание начинается в десять тридцать в Гарриман Билдинг, а после него нас ждет ленч на верхнем этаже того же здания, в частном банкетном зале с изумительным видом.

— Замечательно! А вернемся мы в тот же день, Джордж?

— Если хочешь, Морин. Но там есть очень живописные места, и в моем распоряжении машина и шофер. Покатаемся?

— Конечно! Джордж, не забудь захватить с собой конверт номер три.

— Не забуду. Итак, до понедельника, дорогая леди.

Я ходила в розовом тумане, жалея, что не могу рассказать обо всем отцу. Подумать только — маленькая Морин из Грязи Непролазной, штат Миссури, скоро станет одним из директоров Гарримановской империи, а все благодаря невероятному стечению событий: во-первых, любовь со звездным странником, во-вторых, уход мужа к другой женщине, и в-третьих — стариковский роман безнравственной соломенной вдовы с одиноким стариком.

Если бы Брайан не бросил меня, никогда бы мне не стать директором. Хотя он ни в чем мне не отказывал с тех пор, как мы разбогатели, я, если не считать хозяйственного бюджета, распоряжалась только «яичными деньгами» — даже тот номерной счет в Цюрихском банке только номинально числился моим. Брайан был добрым и щедрым мужем, но отнюдь не сторонником равноправия.

Подобные же взгляды послужили причиной того, что я неизменно отказывала Джорджу Стронгу, когда он предлагал мне стать его женой. Хотя Джордж был на двадцать лет моложе меня (чего я ни разу не позволила ему заподозрить), его отличали взгляды девятнадцатого века. Как любовница я была ему равной — став его женой, я тут же превратилась бы в подчиненную, балованную, по всей вероятности, но все же подчиненную.

Да и не могла я сыграть такую подлую шутку с убежденным старым холостяком. Его предложения являли собой галантные комплименты, а не серьезные попытки заключить законный союз.

Кроме того, я и сама сделалась убежденным старым холостяком, хотя у меня на руках и оказался неожиданно ребенок, к тому же трудный.

Мой трудный ребенок... Что делать с Присциллой, пока я буду в Колорадо? Может, я пробуду там не сутки, а двое — вдруг

Джордж предложит поехать в Эстес-парк или Криппл-крик? Будь у меня на попечении одна лишь Принцесса Полли, я бы пристроила ее в приют к ветеринару, невзирая на ее протесты. Но куда девать здоровенную девчонку, которая весит больше меня, а соображения у нее никакого?

Что же делать? Что делать?

— Присцилла, меня не будет дома сутки или двое. Как мы на это время поступим с тобой?

— А куда ты едешь? — растерялась она.

— Давай-ка решим сначала твой вопрос. Есть несколько вариантов. Можешь переночевать один или два раза у кого-нибудь из подружек. Или у тети Велмы.

— Она мне не тетя!

— Тебе не обязательно ее так называть. Просто у говардцев принято так обращаться друг к другу — это напоминает нам, что мы принадлежим к Семьям Говарда. А ты как хочешь. Но ответь мне, пожалуйста, что ты предпочитаешь?

— А зачем мне у кого-то ночевать? Я вполне могу остаться дома. Ты думаешь, что я не умею готовить, но уж пару дней как-нибудь перебьюсь, с голоду не помру.

— Не сомневаюсь. Я как раз собиралась предложить тебе и этот вариант тоже. Попрошу кого-нибудь побыть с тобой, чтобы ты не оставалась одна. Например, твою сестру Маргарет...

— Пегги — рвотный порошок!

— Присцилла, это некрасиво — обзывать Маргарет такими словами. Ну а кого бы ты сама хотела взять к себе для компании?

— Не нужна мне никакая компания. И помощь не нужна. Кошку накормить да забрать «Стар» — вот и всех дел.

— А раньше ты оставалась одна дома?

— Да сто раз.

— Вот как? По какому же случаю?

— Да мало ли. Папа и тетя Мэриэн соберутся куда-нибудь всем семейством, а я говорю, что не поеду. Эти семейные выезды — такая тоска.

— И на ночь приходилось оставаться?

— Конечно. И не на одну. Дома никого не было, кроме меня и бабушки Медвежьей Лапы.

— Так, значит, миссис Медвежья Лапа жила у вас?

— А я тебе что говорю?

— Ты сказала не совсем так и вообще не слишком вежливо разговариваешь. Оставаться дома с миссис Медвежьей Лапой — не то же самое, что оставаться одной — у меня создалось впечатление, что эта бабушка храбро встретит сковородкой любого грабителя.

— Зачем сковородкой — у нее есть дробовик.

— Понятно. Но ее я не могу сюда пригласить, а ты, как выяснилось, еще ни разу не оставалась дома одна. Можно договориться с одной парой — ты их не знаешь, но они надежные люди.

— Мама, ну почему мне нельзя остаться одной? Как будто я маленький ребенок!

— Хорошо, дорогая, как хочешь.

(Но полностью полагаться на тебя я не собираюсь. Заплачу патрульным «Аргуса», чтобы они, помимо своего медленного обхода три раза за ночь, практически обложили дом. Я не допущу, чтобы ты стала жертвой какого-нибудь злоумышленника только потому, что считаешь себя взрослой.)

— Я хочу так.

— Хорошо. Всем нам когда-нибудь приходится брать на себя взрослые обязанности — я просто не хотела взваливать их на тебя, если ты против. Я уезжаю в понедельник, в десять утра, в Колорадо.

— В Колорадо? Что ж ты сразу не сказала? Возьми меня с собой!

— Нет, это деловая поездка.

— Я не буду тебе мешать. Можно мне будет съездить по воздушной дороге на вершину Пайкс Пик?

— Ты никуда не поедешь. Ты останешься дома и будешь ходить в школу.

— Это просто свинство!

Я отсутствовала два дня и прекрасно провела время. Поначалу директорская должность немного ошарашила меня, но, ког-

да пришло время голосовать, я попросту проголосовала так же, как Джордж — это для первого раза, потом у меня будет свое мнение.

Во время ланча мистер Гарриман посадил меня по правую руку от себя. Я не притронулась к вину и заметила, что и он тоже. На заседании он был образцом деловитости, но за столом являл собой само очарование и не говорил о делах.

— Миссис Джонсон, мистер Стронг сказал мне, что вы разделяете мой энтузиазм относительно космических путешествий.

— О да! — И больше мы ни о чем другом не говорили, встав из-за стола последними — официанты уже убирали посуду.

Мы с Джорджем ночевали в доме для гостей на полпути между Денвером и Колорадо Спрингс — на боковой дороге, не на шоссе. В постели мы обсуждали конверт номер три.

«Солнечные экраны Дугласа—Мартина вызовут самый большой переворот в американской глубинке со времен Первой Трансконтинентальной железной дороги. Повсюду начнут строиться движущиеся дороги, снабжаемые энергией от экранов Дугласа—Мартина. Эти дороги в основном будут дублировать сеть существующих федеральных магистралей — Первая вдоль Восточного Побережья, Шестьдесят шестая из Чикаго в Лос-Анджелес и так далее. Вдоль этих бегущих дорог протянутся свои города, а нынешние большие города перестанут расти и даже лишатся части населения. Бегущие дороги будут бурно развиваться до конца двадцатого века. Постепенно они отомрут, как и железные дороги, но не раньше, чем в будущем столетии».

— Морин,— заметил Джордж,— в это крайне трудно поверить.

Я молчала.

— Не вижу, как это можно осуществить.

— А ты умножь тысячу миль на двести ярдов, потом переведи эту площадь в лошадиные силы. КПД прими за десять процентов. В ясные дни, когда солнце стоит высоко, избыток энергии аккумулируется, а когда солнца нет, он расходуется, заставляя

дорогу двигаться. (У меня это прямо как от зубов отлетало — столько раз я решала эту задачу за тридцать четыре года.)

— Я не инженер.

— Тогда обсуди это с вашим лучшим инженером — мистер Фергюсон, кажется, его зовут? — когда вернемся домой.

— Ты настаиваешь на своем?

— Я пророчествую. Это случится не скоро — первая дорога, от Кливленда до Цинциннати, двинется лишь через несколько лет. Я говорю об этом сейчас, чтобы «Гарриман Индастриз» первые ухватились за дело.

— Я поговорю с Фергюсоном.

— Хорошо. А теперь позволь я за тобой поухаживаю — ведь ты был со мной так мил.

Вернулась я в среду и по дороге домой заехала в контору «Аргуса» к полковнику Фрисби, президенту компании.

— Я вернулась, можете снять специальное наблюдение с моего дома. Есть какие-нибудь донесения?

— Да, миссис Джонсон. Дом ваш на месте — ни пожара, ни налета, ни взлома не случилось, была только шумная вечеринка в ночь на вторник и несколько менее шумная прошлой ночью — молодежь есть молодежь. Ваша дочь вчера не была в школе — проспала, наверное: понедельничная вечеринка затянулась за полночь. Но сегодня пошла в школу и выглядит нормально. Записать специальные услуги на ваш счет или желаете расплатиться сейчас?

Я расплатилась и с легким сердцем поехала домой.

Войдя я принюхалась: дом следовало проветрить. И произвести генеральную уборку. Но это уже мелочи.

Присцилла явилась домой чуть позже четырех, настороженная — но когда я улыбнулась ей, ответила мне улыбкой. Я не стала ничего говорить по поводу беспорядка в доме, повела ее обедать и рассказала о своей поездке. Частично.

В пятницу я заехала за ней в школу и отвезла к доктору Рамси, предварительно с ним договорившись. Присцилла поинтересовалась, зачем.

— Доктор хотел посмотреть тебя еще раз через пару месяцев. Они как раз прошли.

— И он будет во мне ковыряться?

— Возможно.

— Не хочу!

— Повтори еще раз, да погромче, чтобы тебя услышали в Далласе. Потому что, если ты говоришь серьезно, придется обращаться к твоему отцу. Твой официальный опекун — он. Ну так что?

Присцилла умолкла. Примерно через час Джим вызвал меня к себе в кабинет.

— Сначала хорошие новости. Вшей у нее нет. Теперь плохие. У нее сифилис и триппер.

Я выругалась, облегчив душу. Джим покачал головой.

— Леди так не выражаются.

— Я не леди. Я старая кошелка, и у меня неисправимая дочь. Ты сказал ей?

— Родителям я всегда говорю первым.

— Хорошо, давай теперь скажем ей.

— Погоди. Я предлагаю положить ее в больницу, Морин. Не только из-за гонореи и сифилиса, а из-за того эмоционального состояния, в котором она окажется, узнав, что у нее. Сейчас-то она держится с вызовом, почти надменно — но что с ней будет через десять минут?

— Все в твоей воле, Джим.

— Позвоню в Мемориал Белла и спрошу, нельзя ли поместить ее туда немедленно.

22

СПИСОК ЭСТЕТИЧЕСКИ УСТРАНЯЕМЫХ

Меня разбудил шум. Я все еще сидела в кромешном мраке фургона, прижимая к себе Пикселя.

— Пиксель, где это мы?

— Бррумм... (Почем я знаю?)

— Тихо! — Кто-то открывал дверь фургона.

— Враг?

— Не знаю. Но не стреляй, пока не увидишь белки его глаз.

Дверь откатилась в сторону. На фоне проема возник чей-то силуэт. Я заморгала.

— Миссис Лонг?

— Кажется, да. Да.

— Извините, что так долго продержали вас в темноте. Но к нам явились прокторы Верховного Енископа, и их только что удалось сплавить, сунув им взятку. А теперь надо шевелиться — взятки хватит ненадолго. Так сказать бесчестность второго порядка. Могу я предложить вам руку?

Я оперлась на его руку — костлявую, сухую и холодную — и сошла вниз, левой рукой держа Пикселя. Человечек был маленький, в темном закрытом костюме, и походил на скелет больше, чем кто-либо из моих знакомых. Одни кости, обтянутые чем-то вроде желтого пергамента, и больше ничего. Череп был совершенно лысый.

— Разрешите представиться,— сказал он.— Доктор Франкенштейн.

— Франкенштейн,— повторила я.— Мы с вами случайно не встречались у Шваба на бульваре Сансет?

Он коротко рассмеялся, будто сухие листья зашелестели.

— Вы шутите. Это, разумеется, не моя настоящая фамилия, а псевдоним. Вы скоро поймете. Сюда, пожалуйста.

Мы находились в сводчатом помещении без окон, освещенном чем-то вроде бестеневого пенопласта Дугласа—Мартина. Мой спутник привел меня к лифту. Когда двери закрылись, Пиксель попытался сбежать, но я его не пустила.

— Нет уж, Пикс. Тебе надо посмотреть, куда меня отведут,— говорила я шепотом, но мой провожатый откликнулся:

— Не волнуйтесь, миледи Лонг — вы теперь среди друзей.— Лифт пошел вниз, остановился, мы вышли и сели в пневматическую капсулу. Пролетев пятьдесят ярдов, или пятьсот, или пять тысяч, капсула замедлила ход и остановилась. Мы вышли. Другой лифт повез нас наверх. Мы очутились в роскошном салоне, где сидело с дюжину человек, а потом вошло еще несколько. Доктор Франкенштейн предложил мне удобное кресло, и я села.

Пиксель не пожелал больше терпеть. Он выскользнул у меня из рук, соскочил на пол и пошел обследовать комнату и тех, кто в ней находился, держа хвост трубой и тыча повсюду свой розовый нос.

В центре круга стояло инвалидное кресло, занятое невероятно толстым мужчиной. Одна нога у него была отнята по колено, другая еще выше. Глаза скрывались за черными очками. Я сочла, что он диабетик, и задумалась над тем, как бы стал его лечить Галахад. Инвалид произнес:

— Начнем, дамы и господа. Мы обрели новую сестру,— он указал на меня здоровой рукой, точно церемониймейстер из кинофильма,— леди Макбет. Она...

— Минутку,— возразила я.— Я не леди Магбет. Я Морин Джонсон Лонг.

Он медленно навел на меня свои очки, как орудийную башню.

— Неслыханно. Доктор Франкенштейн?

— Извините, господин председатель. Разбирательство с прокторами нарушило весь распорядок. Ей ничего не объяснили.

Толстяк испустил долгий свистящий вздох.

— Невероятно. Мадам, примите мои извинения. Позвольте представить вам наш кружок. Все мы здесь покойники. Каждый из нас имеет счастье страдать неизлечимой болезнью. Я выражаюсь так потому, что мы нашли способ — хи, хи, хи! — наслаждаться каждым отпущенным нам золотым мгновением, поистине продлевать эти мгновения, ибо счастливый человек живет дольше. Каждый член Комитета Эстетического Устранения — к вашим услугам, мадам! — посвящает остаток своих дней заботе о том, чтобы негодяи, устранение коих только улучшит человеческую породу, не пережили его. Вы были избраны in absentia* в наше тесное сообщество не только потому, что вы тоже живой труп, но из уважения к тому криминальному артистизму, благодаря которому достигли своего статуса. После этого краткого вступления позвольте представить вам наших благородных сотоварищей.

* in absentia *(лат.)* — В ваше отсутствие.

Доктор Фу Манчу (Здоровенный не то ирландец, не то шотландец. Он поклонился не вставая.)

Лукреция Борджиа. (Уистлеровская старушка с вязанием на коленях. Она улыбнулась мне и сказала: «Добро пожаловать, дорогая» приятным сопрано.) Лукреция — самая талантливая наша устранительница. Несмотря на неоперабельный рак печени, за ней числится более сорока ликвидаций. Обычно она...

— Полно, Гассан,— прощебетала старушка,— иначе у меня появится искушение отправить и вас куда следует.

— Я бы только приветствовал это, дорогая. Я устал от своей оболочки. Рядом с Лукрецией — Синяя Борода...

— Приветик, бэби! Что будем делать вечером?

— Не волнуйтесь, мадам, он безопасен. Далее следует Гунн Атилла... (Настоящий Каспар Гренка, в шортах и футболке. Он сидел смирно и только кивал головой, как игрушечный болванчик.) Рядом с ним Лиззи Борден. (Молодая красивая женщина в вечернем платье. Выглядела она вполне здоровой и радостно улыбнулась мне.) У Лиззи в груди искусственное сердце — но вещество, на котором оно работает, медленно убивает ее. Ранее Лиззи принадлежала к сестрам ордена Св. Каролиты, но навлекла на себя немилость Собора и была приговорена к медико-хирургическому обследованию. Отсюда ее сердце. Отсюда ее судьба. Отсюда ее призвание — ибо Лиззи специализируется исключительно на служителях Храма Божественного Осеменителя. У нее очень острые зубки... Следующий — Джек Потрошитель...

— Просто Джек.

— ...и доктор Гильотен.

— Ваш слуга, мадам.

— Там сзади — профессор Мориарти, и с ним капитан Кидд. Вот и весь наш кружок на сегодня — остался только я, пожизненный председатель, если позволите мне так пошутить — Горный Старец, Гассан-убийца.

— А где же граф Дракула?

— Он просил его извинить, леди Макбет. Нездоров — кажется, выпил чего-то нехорошего.

— Говорила я ему, что резус-отрицательной кровью можно отравиться. Гассан, старый ты напыщенный урод, все это просто смешно. Я не леди Макбет и не живой труп: я в добром здравии. Я потерялась, вот и все.

— Да, вы потерялись и вскоре потеряете жизнь, дорогая леди, ибо нет на планете такого места, где можно укрыться от проктоpов Верховного Епископа. Все, что мы можем вам предложить, это несколько моментов высшего наслаждения, прежде чем вас найдут. Что до имени, выбирайте сами, какое вам по душе. Мария Кровавая, скажем. Не надо только произносить вслух свое настоящее имя — оно уже вывешено в каждом почтовом отделении. Однако довольно для начала. Пусть услаждает нас музыка и льется доброе вино. Carpe diem*, собратья! Выпьем и насладимся минутой. Позднее мы вновь вернемся к делам и огласим имена новых кандидатов на уничтожение,— он нажал на ручку своего кресла, развернулся и покатил к бару в углу комнаты.

Большинство собравшихся последовало за ним. Я встала, и ко мне подошла Лиззи Борден.

— Позвольте мне лично приветствовать вас,— сказала она мягким, теплым контральто.— Мне очень близок ваш поступок, за который вы страдаете. Нечто подобное произошло и со мной.

— Вот как?

— Так мне кажется. Я была простой храмовой проституткой, сестрой-каролиткой, когда впала в немилость. Я всегда чувствовала в себе склонность к религии и еще в школе поверила, что она — мое истинное призвание,— она улыбнулась, показав ямочки на щеках.— Постепенно я поняла, что церковь существует лишь для блага своих служителей, а не для блага народа. Но поняла я это слишком поздно.

— Неужели вы взаправду при смерти? У вас такой цветущий вид...

— Если повезет, я могу прожить от четырех до шести месяцев. Мы все здесь при смерти, дорогая. Но мы не тратим времени на

* Carpe diem *(лат.)* — Ловите мгновенье.

раздумья об этом, а изучаем очередного клиента и обдумываем в деталях его последние минуты. Можно предложить вам выпить?

— Нет, спасибо. Вы не видели моего кота?

— Я видела, как он вышел на балкон. Пойдемте посмотрим.— Мы вышли. Пикселя не наблюдалось. Но ночь была ясная, и мы помедлили, любуясь ей.

— Лиззи, где мы находимся?

— Наш отель недалеко от Плазы, балкон выходит на север. Перед нами центр города, а дальше течет Миссури.

Как я и ожидала, Присцилла разразилась новым потоком истерической чепухи. Она обвиняла всех — меня, доктора Рамси, президента Паттона, школьный комитет Канзас-Сити и бесчисленное множество других в том, что мы сговорились против нее. Себя она ни в чем не винила.

Пока она декламировала, Джим вогнал в нее шприц с транквилизатором — то ли с топазином, то ли с чем-то не менее мощным. Мы отнесли ее в мою машину и доставили в больницу. Мемориал Белла придерживался системы «сначала койка, бумажки потом», и Джим немедленно приступил к лечению. Потом назначил снотворное на девять вечера и мокрый компресс, если больная не угомонится.

Я подписала все нужные бумаги, предъявила кредитную карточку «Американ Экспресс», и мы поехали обратно в консультацию Джима, где он взял у меня кровь и мазок.

— Морин, куда ты отправила парня?

— Не думаю, что он имеет к этому отношение, Джим.

— Не рассуждай, как твоя дочка, глупая ты баба. Тут не гадать надо, а выяснять. Джим порылся в своем справочнике и позвонил своему коллеге в Гленнвилл.

— Мы найдем парня и пошлем его к вам. Есть у вас все необходимое для анализа по Моргану? Свежие реагенты, поляризатор и все такое?

— В студенческом-то городке, доктор? Можете прозакладывать последний доллар, что есть.

— Прекрасно. Мы его выследим и направим прямо к вам, а потом я буду ждать вашего звонка по этому номеру.

Нам повезло застать Дональда в общежитии.

— Дональд, ступай немедленно в доктору Ингрему. Он принимает в центре, напротив библиотеки Стюарта. Отправляйся сейчас же.

— А в чем дело, мама? — встревожился сын.

— Ночью позвони мне домой по надежному телефону, и я тебе скажу. Это не для вестибюля в общежитии. Иди прямо к доктору Ингрему и делай все, что он тебе скажет. Скорей.

Мы стали ждать звонка от доктора Ингрема. Тем временем ассистентка Джима подготовила мои анализы.

— Хорошие новости. Можете ехать на свой пикник с воскресной школой.

— Спасибо, Ольга.

— Жаль, что с девочкой такое стряслось. Но при современных лекарствах она будет дома через пару дней, такая же здоровая, как и вы.

— Слишком уж быстро мы их лечим,— пробурчал Джим.— Раньше, если кто-то подхватывал такое, это служило ему уроком. А теперь они считают это чем-то вроде насморка — так чего волноваться-то?

— Доктор, вы циник и плохо кончите,— сказала Ольга.

После мучительного ожидания наконец позвонил доктор Ингрем.

— Доктор, у вас есть основания подозревать, что пациент инфицирован?

— Нет. Но его следовало исключить согласно закону штата Миссури о венерических заболеваниях.

— Результат отрицательный и по тому, и по другому, и еще по паре инфекций, которые я заодно проверил. У него даже перхоти нет. Не понимаю, зачем вы включили его в розыск. Мне сдается, что он еще девственник. Кому послать счет?

— В мою консультацию.

— Что это за закон, Джим? — спросила я по окончании разговора.

Он вздохнул.

— Триппер и сифилис относятся к тем болезням, о которых я обязан сообщать, и не только сообщать, но и активно помогать выяснить, от кого заразился пациент. Затем офицеры службы здравоохранения идут по цепочке, пытаясь добраться до источника — безнадежное дело, ведь источник может скрываться где-то в глубине веков. Но кое-какая польза все же есть. Был случай у нас в городе, когда, обнаружив одного пациента с триппером, сумели выявить еще тридцать семь человек, пока они не успели разбежаться по городам и весям. Когда же такое случается, наши офицеры передают сведения в другие штаты, и мы больше не занимаемся розыском. Выявить и излечить тридцать семь больных гонореей — это уже кое-что, Морин. Венерические болезни относятся к тем, которые есть возможность изжить, как изжили оспу — ты знаешь, как определяют, что такое венерическая болезнь?

(Знаю, Джим, но это неважно.)

— Нет.

— Это болезнь, которой так трудно заразиться, что для этого требуется или половое сношение, или глубокий поцелуй. Вот почему у нас есть шанс изжить их — если только эти идиоты будут с нами сотрудничать. Это не то что так называемая простуда, которую все так и сеют вокруг, и хоть бы кто извинился,— доктор непристойно выругался.

— Ай-ай-ай,— покачала я головой.— Джентельмены так не выражаются.

Когда я вошла к себе домой, там мигал экран и звонил телефон. Я бросила сумочку и поспешно ответила — Дональд.

— Мама, что там у вас стряслось?

— Телефон надежный? — я не видела, что у него там позади — виднелась только гладкая стена.

— Звукоизолированная кабина на телефонной станции.

— Хорошо.— Я не знала, как помягче сказать мальчику, что его сестра огребла сразу большое и малое казино, поэтому выложила все напрямик: — Присцилла больна. У нее гонорея и сифилис.

Я думала, Дональд упадет в обморок, но он сдержался.

— Это ужасно, мама. Ты уверена?

— Еще бы. Я присутствовала, когда у нее брали анализы, и видела результаты этих анализов. Поэтому-то и тебя послали проверяться. Для меня большое облегчение узнать, что это не ты ее наградил.

— Я еду. Это около двести сорока миль, сюда я доехал за...

— Дональд.

— Что, мама?

— Сиди на месте. Мы послали тебя в Гленнвилл, чтобы убрать подальше от сестры.

— Но здесь особый случай, мама, я ей нужен...

— Нет, не нужен. Ты очень плохо на нее влияешь, хуже некуда, не понимаешь, что ли? Ей не сочувствие нужно, а антибиотики, их она и получает. Так что оставь ее в покое и дай ей шанс оправиться... и повзрослеть. Да и тебе пора становиться взрослым.

Я спросила, как его успехи, и отключилась. А потом сделала то, чего в принципе не делаю, но к чему меня иногда вынуждает суровая необходимость: обыскала комнату дочери.

Я считаю, что ребенок имеет право на личную жизнь, но не абсолютное: родительская ответственность за то, что происходит в доме, стоит на первом месте. Если обстоятельства того требуют, право ребенка на личную жизнь можно временно и отменить.

Знаю, что некоторые либералы и все дети не согласятся со мной, но делать нечего.

В комнате у Присциллы был такой же беспорядок, как у нее в голове, но меня не это заботило. Я медленно прочесала ее спальню и ванную, стараясь не пропустить ни одного кубического дюйма и оставлять все вещи в том же виде, в каком нашла.

Спиртного я не обнаружила. Нашла тайничок с чем-то вроде марихуаны — я не знала, как она выглядит, но решила, что это именно «травка», потому что на дне ящика были спрятаны две пачечки папиросной бумаги — а табака нигде не нашлось, ни россыпью, ни в сигаретах. Зачем еще нужна папиросная бумага, как не для сигарет особого сорта?

Еще одну странную находку я сделала в ванной, в самой глубине шкафчика: маленькое квадратное зеркальце и при нем бритва

«Джем» с односторонним лезвием. Я дала Присцилле большое ручное зеркало, над туалетным столиком у нее трельяж — зачем ей еще одно? Я долго смотрела на эти два предмета, зеркальце и безопасную бритву, потом поискала еще и нашла, как мне и помнилось, бритвенный прибор «Жилетт» и начатую пачку обоюдоострых жилеттовских лезвий — ни одного «Джема» больше не было. Тогда я обыскала ванную и комнату вторично. Не оставила без внимания даже комнату Дональда, хотя и знала, что там пусто, как в буфете у матушки Хаббат, поскольку убиралась там после его отъезда. Белого порошка, похожего на сахарную пудру, мне не встретилось — но это доказывало только, что я не сумела найти тайник.

Я положила все обратно — так, как было.

Около часу ночи в дверь позвонили. Я спросила, не вставая с постели:

— Кто там?

— Я, мама, Дональд.

(Ах ты такой-сякой!)

— Ладно, входи.

— Не могу, дверь закрыта на засов.

— Извини, я еще не проснулась. Сейчас спущусь.— Я накинула халат, сунула ноги в шлепанцы, сошла вниз и впустила сына.— Входи, Дональд. Садись. Когда ты ел в последний раз?

— Перехватил «биг-мак» в Бетани.

— Боже ты мой.— И я принялась его кормить. Когда он уничтожил гигантский многоярусный сэндвич и управился с большой тарелкой шоколадного мороженого, я спросила: — Ну и зачем ты приехал?

— Ты сама знаешь, мама. Чтобы повидать Присс. Ты сказала, что она во мне не нуждается, но ты ошибаешься. С самого детства, когда ей было плохо, она бежала ко мне. И я знаю, что нужен ей.

(О Боже! Надо было судиться. Нельзя было оставлять своих младших детей под опекой у этой... да поздно спохватилась! Отец, почему ты дал себя убить в битве за Британию? Мне нужен твой совет. И мне так тебя не хватает!)

— Дональд, Присциллы здесь нет.

— Где же она?

— Не скажу.

— Я не уеду в Гленнвилл, не повидав ее,— уперся он.

— Твоя проблема. Дональд, мое терпение истощилось, и я не знаю, что еще с вами делать. Моих советов вы не слушаете, моим приказаниям не подчиняетесь, а отшлепать вас нельзя — слишком взрослые. Больше уж я ничего не придумаю.

— Ты не скажешь, где она?

— Нет.

— Тогда я останусь здесь, пока не увижу ее,— тяжело вздохнул он.

— Зря ты так думаешь. Ты не единственный упрямец в нашей семье, сынок. Поговори еще, и я позвоню твоему отцу и скажу, чтобы забирал тебя — я с тобой не справляюсь...

— Я с ним не поеду!

— ...а потом закрою дом и сниму себе квартиру, где поместится только Полли с песочным ящиком, и больше никто. Я так и собиралась сделать, когда явились вы с сестрой — ради вас я переменила планы и сняла этот дом. Но вы обращались со мной похамски, и мне надоело расшибаться в лепешку. Я иду спать. Можешь прилечь здесь на кушетке. Но если, когда я встану, ты еще будешь дома, я позвоню твоему отцу и скажу, чтобы приезжал за тобой.

— Не поеду я с ним!

— Твоя проблема. Следующим шагом будет суд по делам несовершеннолетних, но это уже пусть отец занимается. Ты сам сделал выбор шесть лет назад, и он твой опекун по закону.

Я встала и тут вспомнила кое о чем:

— Дональд, ты знаешь, как выглядит марихуана?

— Ну... наверно.

— Знаешь или нет?

— Ну, знаю.

— Подожди-ка,— я вышла из комнаты и тут же вернулась.— Что это такое?

— Это марихуана. Ладно тебе, мама, все теперь покуривают.

— Только не я. И тем, кто живет в моем доме, это тоже запрещается. А теперь скажи, для чего нужно вот это,— я достала из кармана халата зеркальце, нелепое в девичьей комнате, из другого осторожно извлекла одностороннее лезвие и положила на зеркальце.— Ну что?

— Что я должен сказать?

— Ты пробовал когда-нибудь кокаин?

— Да нет.

— Но видел, как это делается?

— Мама, если ты хочешь сказать, что Присс кокаинистка, то могу ответить только, что ты не в своем уме. Конечно, почти все ребята в наше время пробуют, но...

— И ты пробовал?

— Ясное дело. Вахтер в нашей школе его продавал. Только мне не понравилось. От него нос гниет, знаешь?

— Знаю. И Присс тоже пробовала?

— Наверно. Похоже на то,— сказал он, глядя на зеркальце и бритву.

— Ты сам видел?

— Один раз. Выругал ее как следует. Сказал, чтобы больше этого не делала.

— Но она, как говорил мне и ты, и она сама, не любит, когда ей приказывают. И, как видно, тебя не послушалась. Должно быть, у нее в школе вахтер тоже не промах.

— Это может быть и учитель с тем же успехом. Или кто-то из старшеклассников — в каждой школе есть такой. Или в книжном магазине продают — мало ли где. Мелких торговцев то и дело заметают, но толку никакого — через неделю появляются новые. И везде так, насколько я знаю.

— Ты меня доконал,— вздохнула я.— Принесу тебе одеяло.

— Мама, а почему бы мне не лечь у себя в комнате?

— Потому что тебя тут вообще не должно быть. Я разрешаю тебе остаться только потому, что не могу выгнать тебя ночью голодного и невыспавшегося.

Я снова легла, но не смогла уснуть. Через час я встала и сделала то, что давно следовало: обыскала комнату для прислуги.

Там я и нашла тайник — под чехлом матраса, в ногах. Хотела было попробовать на язык — из курса биохимии я знала, какой примерно вкус у кокаина,— но не стала рисковать, то ли из благоразумия, то ли из трусости: эти самодельные наркотики бывают опасны даже в ничтожных дозах. И заперла все — порошок, «травку», папиросную бумагу, зеркальце и бритву — в маленький сейф у себя в спальне.

Они победили. Я сдалась. Просто не могла с ними справиться.

Присциллу я привезла домой — излеченную, но надутую, как всегда. Не успели мы снять пальто, пришли двое офицеров службы здравоохранения (по наводке Джима и с его согласия). Они стали мягко и вежливо спрашивать у Присциллы, с кем она «контактировала» — кто мог заразить ее и кого могла заразить она.

— Какая еще инфекция? Я не больна и не болела ничем. Меня держали в больнице против моей воли, потому что сговорились! Это насилие! Я подам кое на кого в суд!

— Но, мисс Смит, у нас есть копии ваших анализов и вашей истории болезни. Вот посмотрите.

Присцилла оттолкнула предъявленные ей бумаги.

— Все ложь! Больше ни слова не скажу без адвоката.

Тут я допустила еще одну ошибку.

— Я тоже адвокат, Присцилла, ты же знаешь. Они задают вполне законные вопросы. Ведь речь идет об охране общественного здоровья.

Никогда еще на меня не смотрели с таким презрением.

— Ты не мой адвокат. Ты относишься к тем, на кого я собираюсь подать в суд. И эти двое тоже, если не отвяжутся,— она повернулась к нам спиной и удалилась наверх.

Я извинилась перед офицерами:

— Простите, мистер Рен и миссис Лентри, но я ничего не могу с ней поделать, сами видите. Боюсь, что вам придется вызывать ее в суд свидетельницей и допрашивать под присягой.

— Бесполезно,— покачал головой мистер Рен.— Во-первых, мы не имеем права вызывать ее в суд — она не совершила ничего противозаконного, насколько мы знаем, и ее приятели тоже. Во-вторых,

если она так настроена, она просто сошлется на Пятую поправку и будет молчать.

— Вряд ли она знает о существовании Пятой поправки.

— Будьте уверены, миссис Джонсон, знает. Теперь молодежь пошла до того шустрая — сплошные законники, даже в таких вот богатых кварталах. Вызываешь его, а он вопит — подайте адвоката, и Союз борьбы за демократические свободы тут же его предоставляет. СБДС считает, что право подростка не давать показаний важнее, чем защита другого подростка от инфекции и бесплодия.

— Но это же смешно!

— Вот в таких условиях нам приходится работать. Если с нами не хотят сотрудничать добровольно, мы бессильны.

— Тогда вот что. Я поговорю с ее директором и скажу ему, что у него в школе разгуливают венерические болезни...

— Бесполезно, миссис Джонсон. Увидите сами — он держит ухо в остро, и судебное дело против него не возбудишь.

Я подумала и согласилась как юрист, что мне нечего сказать директору, раз Присцилла отказывается говорить. Попросить его организовать «проверку на вшивость» (как по-армейски выражался Брайан) всех старшеклассников.

— Ну а наркотики?

— Какие наркотики, миссис Джонсон?

— Служба здравоохранения занимается наркотиками?

— Иногда. Вообще-то это задача полиции.

Я рассказала им о своих находках.

— Что мне теперь делать?

— Ваша дочь призналась, что все это принадлежит ей?

— У меня еще не было случая поговорить с ней об этом.

— Если она не признается, вам будет очень трудно доказать, что cannabis и порошок, являющийся, возможно, кокаином, принадлежат ей, а не вам. Я знаю, вы юрист — но, может быть, стоит обратиться к адвокату, который специализируется в подобных делах. Знаете старую пословицу?

(У того, кто сам себе адвокат, клиент дурак.)

— Знаю. Хорошо, я посоветуюсь.

Как только они ушли, явился Дональд. Утром его на кушетке не было, и я полагала, что он уехал в Гленнвилл. Но, судя по тому, как быстро он пришел после нашего с Присциллой приезда, он остался в Канзас-Сити, спрятался где-то и ждал ее возвращения. Потом оказалось, что все было не так. Он каким-то образом узнал, в какой больнице она лежит,— это просто, а потом выяснил, когда ее выписывают,— тоже не трудно узнать, хотя бы с помощью взятки, если у него были деньги. Так или иначе он явился и позвонил в дверь.

— Представьтесь, пожалуйста,— сказала я через переговорное устройство.

— Это Дональд, мама.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел к Присс.

— К ней нельзя.

— Я ее увижу, хотя бы дверь пришлось выломать!

Я нажала кнопку вызова патруля «Аргус».

— Дональд, я не пущу тебя в дом.

— Попробуй! — и он стал бить ногами в дверь.

Присцилла сбежала вниз и бросилась отпирать ему. Я оттащила ее, мы сцепились и повалились на пол.

Я не умею драться. Присцилла, к счастью, тоже не умела. Однако одному меня Брайан в свое время научил: «Если уж до этого дошло, действуй быстро, не раздумывай». И когда Присцилла стала подниматься, я двинула ее в солнечное сцепление. Она упала и осталась лежать, ловя ртом воздух.

— Миссис Джонсон, это «Аргус»,— послышалось снаружи.

— Заберите его с собой, я вам потом позвоню.

— Кого забрать?

Присцилла снова поднималась на ноги. Я двинула ее в то же место, и она тут же рухнула.

— Вы не побудете здесь еще минут двадцать или полчаса? Он может вернуться.

— Конечно. Останемся сколько нужно. Я позвоню в контору.

— Спасибо, Рик. Вы ведь Рик, верно?

— Да, мэм, это я.

Я повернулась к дочке, схватила ее за волосы, приподняла ей голову и прорычала:

— Ползи наверх в свою комнату и сиди там! Попробуй только пикнуть, и я опять тебе съезжу.

Она послушалась, поползла с плачем к лестнице и стала медленно карабкаться наверх. Я проверила, все ли двери и окна в нижнем этаже заперты, и позвонила в Даллас.

Я рассказала Брайану во всех неприглядных деталях обо всем, что произошло с тех пор, как я сообщила ему, что дети у меня, о том, чего я старалась добиться, и к чему это привело.

— Я не могу справиться с ними, Брайан. Тебе придется их забрать.

— Они мне и даром не нужны. Я порадовался, когда они сбежали — вот, думал, повезло.

— Брайан, они твои дети, и ты их опекун.

— Передаю опекунство тебе — бери, не жалко.

— Ты не можешь этого сделать без суда. Брайан, я с ними не справляюсь, и если ты отказываешься приехать или кого-нибудь прислать за ними, мне остается одно — обратиться с просьбой об их аресте.

— Это за что же? За то, что тебе нахамили?

— Нет. За инцест. За употребление наркотиков. За хранение наркотиков. За побег из-под опеки одного из родителей, Брайана Смита, Даллас, штат Техас,— перечисляя весь набор для суда по делам несовершеннолетних, я внимательно наблюдала за Брайаном. Он и глазом не моргнул, когда я сказала «инцест»,— стало быть, для него это не новость. Он вообще не реагировал, пока я не назвала его фамилию.

— Хорошенькая пожива газетчикам!

— Да, думаю, в Далласе об этом напишут и «Ньюс», и «Таймс Геральд». Не знаю, как насчет «Канзас-Сити Стар» — инцест не совсем в их стиле. Особенно когда сестра вступает в инцест сразу с двумя братьями — Огюстом и Дональдом.

— Морин, что ты такое говоришь?

— Брайан, я на пределе. Присцилла двадцать минут назад сбила меня с ног, а Дональд пытался выломать входную дверь. Если

ты не прилетишь первым же ракетопланом, я вызову полицию и предъявлю свои обвинения. Хватит, чтобы подержать их под замком какое-то время, пока я не закрою дом и не уберусь из города. Никаких полумер, Брайан. Ответь мне прямо сейчас.

На экране рядом с Брайаном возникла Мэриэн.

— Мать, нельзя же так с Гасом! Он ничего не делал. Он дал мне честное слово!

— Мои говорят по-другому, Мэриэн. Если не хочешь, чтобы они показывали на суде под присягой, пусть Брайан их забирает.

— Это твои дети.

— И Брайана тоже, и состоят под его опекой. Шесть лет назад, когда я оставляла их у вас, они были хорошие, вежливые, послушные дети, не больше подвергнутые дурному влиянию, чем другие ребята. Теперь они стали буйными, грубыми, совершенно неуправляемыми. Говори же, Брайан,— вздохнула я.— Как ты решил?

— Сегодня я не могу лететь в Канзас-Сити.

— Прекрасно, я вызываю полицию, и пусть их арестуют. А я под присягой объявлю, в чем их обвиняю.

— Подожди!

— Не могу, Брайан. Пока что их сдерживает патруль — частная служба, охраняющая наш квартал. Но на ночь я их тут не оставлю: она выше меня, а он вдвое выше. До свидания, я звоню в полицию.

— Погоди! Я же не знаю, когда смогу попасть на корабль.

— А ты найми его — ты достаточно богат! Когда тебя ждать?

— Ну... часа через три.

— Значит, в шесть двадцать по нашему времени. В шесть тридцать я звоню в полицию.

Брайан приехал в шесть тридцать пять, но загодя позвонил мне с ракетодрома. Я ждала его в гостиной с обоими детьми, с сержантом Риком из патруля «Аргус» и с миссис Барнс, диспетчером патрули по совместительству охранницей. Компания у нас была не из приятных: охранникам пришлось продемонстрировать, что они сильнее подростков и никаких глупостей не потерпят.

Брайан тоже позаботился об охране: с ним прибыли двое мужчин и две женщины, одна пара из Далласа, другая из Канзас-Сити.

Это было не совсем законно, но никто, а тем более я, не спорили о мелочах.

Я посмотрела, как за ними закрылась дверь, ушла наверх и плакала, пока не уснула.

Провал! Полный и окончательный провал! Я не знала, что еще могла сделать, но отныне мне никогда не избавиться от тяжкого груза вины.

Все ли я сделала, что могла?

23

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРУДЕНС ПЕННИ

Только с открытием бегущей дороги Кливленд-Цинциннати до Джорджа Стронга дошло, что мои пророчества — дело верное. Я всегда тщательно скрывала источник своего ясновидения, чувствуя, что правду Джорджу вынести будет труднее, чем мое умолчание. И я отшучивалась: смотрю, мол, в свой надтреснутый кристальный шар; держу небольшую машину времени в подвале рядом с гладильной доской; меня посещает дух вождя Раздвоенный Язык; гадаю на заварке, только чай должен быть непременно сорта «Черный дракон», у «Липтонского апельсинового» не та вибрация. Джордж, добрая душа, улыбался моему вранью и в конце концов перестал спрашивать, как я это делаю, а просто рассматривал содержимое каждого конверта как надежный прогноз — такими мои прогнозы и были.

Но открытие дороги Кливленд-Цинциннати он никак не мог переварить. Мы с ним вместе присутствовали при этом событии, сидели на главной трибуне и видели, как губернатор Огайо перерезал ленточку. На наших местах можно было свободно говорить о чем угодно; речи из громкоговорителей все заглушали.

— Джордж, сколько недвижимости по обеим сторонам дороги принадлежит «Гарриману и Стронгу»?

— Да порядочно. Хотя какой-то спекулянт обскакал нас и отхватил себе лучшие с коммерческой точки зрения участки. Однако «Гарриман Индастриз» вложила солидный капитал в экра-

ны Дугласа—Мартина, да ты и сама знаешь: ты была на том заседании и сама за это голосовала.

— Да, хотя мое предложение вложить капитала в три раза больше забаллотировали.

— Уж слишком рискованно, Морин. Деньги делают, рискуя деньгами, но не наобум. Мне и так стоит больших трудов удерживать Делоса от авантюр, не подавай ему дурного примера.

— Но ведь я была права, Джордж. Хочешь знать, сколько бы мы заработали, если бы приняли мое предложение?

— Морин, что толку считать неполученные барыши. Бывает, что и правильно угадаешь. Но это не значит, что метод догадок верен — ведь угадываешь далеко не всегда.

— Но я-то не угадываю, Джордж — я знаю. Ты вскрыл уже несколько конвертов. Ошиблась ли я хоть раз?

— Это противоречит здравому смыслу,— вздохнул Джордж.

— Джордж, твое неверие в меня стоит «Гарриману и Стронгу» и «Гарриман Индастриз» денег, и больших денег. Ну да ладно. Говоришь, какой-то спекулянт увел у вас лучшие земли?

— Да. Должно быть, ему удалось заполучить планы до того, как их обнародовали.

— Это не спекулянт, Джордж, а провидец — то есть я. Видя, что вы недостаточно быстро раскачиваетесь, я заключила как можно больше опционов, вложив в них все свои свободные деньги и все наличные, которые сумела получить под залог прочих капиталов.— Джордж огорчился, и я поспешно добавила: — Передаю все права тебе, Джордж. Но не даром — ты сам решишь, сколько мне выделить, когда наша собственность начнет окупаться.

— Нет, Морин, так нечестно. Ты верила в дело и была первой — все доходы твои.

— Ты не слушаешь меня, Джордж. Мне не на что купить эти земли — я все до последнего цента вложила в опционы, а будь у меня еще миллион, я бы заключила еще больше сделок, и на более длительные сроки. Я только надеюсь, что в следующий раз ты меня послушаешь. Уж очень обидно, когда я говорю тебе, что с неба скоро польется суп, а ты приходишь с чайной ложкой вместо ведра. Говорить тебе о следующем случае, который нам представится?

Или пойти к мистеру Гарриману и попытаться убедить его, что я настоящая провидица?

— Скажи лучше мне,— вздохнул он.— Если захочешь.

— А нет ли у тебя на примете тихого местечка, где мы могли бы провести ночь? — вполголоса поинтересовалась я.

— Конечно, есть,— шепнул он мне в ответ.— Как всегда, дорогая леди.

Ночью я посвятила его в дальнейшие подробности.

— Следующей дорогой станет Джерсейская — она будет двигаться со скоростью восемьдесят миль в час, не в пример тому убожеству с тридцатимильной скоростью, которое мы открывали сегодня. Но Гарримановская магистраль...

— Гарримановская?

— Гарримановская магистраль через прерию, из Канзас-Сити в Денвер, будет двигаться со скоростью сто миль в час, и вдоль нее вырастет город тридцатимильной ширины, от старой грязнухи Миссури до самых Скалистых гор. Население Канзаса за десять лет возрастет с двух до двадцати миллионов, и для тех, кто об этом знает, открываются неисчислимые возможности.

— Морин, ты меня пугаешь.

— Я и сама боюсь, Джордж. Далеко не всегда приятно знать, что будет дальше,— и я продолжала гнуть свое: — Бегущие дороги будут множиться с невиданной быстротой, так быстро, как только позволит производство солнечных экранов: построят трассу вдоль Восточного побережья, параллельно Шестьдесят шестой дороге, построят новую «Камино Реаль» из Сан-Диего до Сакраменто и дальше — и это принесет потом большую пользу, поскольку солнечные экраны на крышах придорожных городов восполнят спад энергии и смягчат кризис, когда атомную станцию в Парадайзе закроют и переведут на орбиту.

Джордж так долго молчал, что я подумала, он уснул.

— Я правильно расслышал? — спросил он наконец.— Большой атомный реактор перенесут из Парадайза в Аризоне на орбиту? Но каким образом? И зачем?

— С помощью космических кораблей — их создадут на основе современных ракетопланов, но стартовать они будут на топ-

ливе, производимом в Парадайзе. Только этого нельзя допускать, Джордж! Станцию в Парадайзе закрыть придется — она очень опасна, потому что неверно построена: все равно что паровой котел без предохранительного клапана. (В голове у меня звучал милый голос сержанта Теодора: «Им слишком не терпелось ее построить... и построили ее неправильно, все равно что паровой котел без предохранительного клапана»). Так что закрыть ее придется, но перемещать ее на орбиту нельзя. Скоро откроют способы безопасного строительства атомных станций, и парадайзская больше не понадобится. А тем временем солнечные экраны восполнят пробел.

— Если опасность действительно есть — а многие считают, что она есть,— вынос станции на орбиту устранит ее.

— Да, Джорж, потому-то ее и перенесут. На орбите станция не будет больше представлять опасности ни для города Парадайза, ни для штата Аризона. Но люди, которые будут на ней работать там, в космосе? Они же погибнут.

Снова долгое молчание.

— Мне кажется, можно найти способ управлять реактором дистанционно, как грузовой ракетой. Надо спросить Фергюстена.

— Надеюсь, что ты прав.Ты сам увидишь, когда вернешься в Канзас-Сити и вскроешь конверты шесть и семь: я предсказываю, что парадайзский реактор перенесут на орбиту, где он взорвется вместе с обслуживающей его ракетой, и все, кто был на борту, погибнут. Этого нельзя допустить, Джорж. Вы с мистером Гарриманом должны этому воспрепятствовать. Обещаю тебе, дорогой: если вам это удастся и мое пророчество не сбудется — я разобью свой кристальный шар и больше ничего не буду предсказывать.

— Не могу ничего обещать тебе, Морин. Да, мы с Делосом входим в директорат Энергетического Синдиката, но нас там меньшинство — и по людям, и по акциям. В Энергетическом Синдикате сосредоточен почти весь частный капитал Соединенных Штатов — чтобы создать его и построить парадайзскую АЭС, временно приостановили действие антитрестовского закона Шермана. Большинство там, как правило, представляет некий Дэниел Диксон. Сильная личность и не очень-то мне по душе.

— Я о нем слышала, но никогда с ним не встречалась. Джордж, а нельзя ли его соблазнить?

— Морин!

— Джордж, если есть возможность спасти от гибели пятьдесят с лишним невинных людей, я пойду не только на то, что предложить свое старое тело в качестве взятки. Имеет он слабость к женщинам? Если он не клюнет на меня, могу подыскать такую, на которую он клюнет.

Диксону я ни капельки не приглянулась (он мне тоже, но это неважно), и в его броне не удалось обнаружить ни единой трещины. Когда Энергетический Синдикат проголосовал за то, чтобы закрыть парадайзскую АЭС «в интересах общественной безопасности», я сумела сделать только одно: уговорить Джорджа и мистера Гарримана не голосовать за реактивацию этой гигантской бомбы на орбите, и они были единственными, кто голосовал против. Смертельный сценарий развивался своим чередом, и я не могла его остановить — атомный спутник и корабль «Харон» взорвались разом, и весь персонал погиб. Ночи напролет я лежала, глядя в потолок, размышляя о том, как тяжело иногда слишком много знать о будущем.

Но своей деятельности не прекратила. В пятьдесят втором году, познакомив Джорджа со своими первыми предсказаниями, я отправилась в Канаду навестить Джастина: во-первых, чтобы подготовить операцию «Пруденс Пенни», во-вторых, чтобы познакомить и его со своими предсказаниями.

Джастин проявил недовольство.

— Ты хочешь сказать, Морин, что все эти годы скрывала от Фонда дополнительную информацию, полученную тобой от сержанта Бронсона, или капитана Лонга,— словом, от говардовца из будущего?

— Да.

Джастин с трудом сдержал свое раздражение.

— Признаюсь, это меня удивило. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Ты передашь мне эту информацию в письменном виде или продиктуешь?

— Я не собираюсь ничего тебе передавать, Джастин. Просто буду сообщать время от времени то, что тебе следует знать.

— Морин, я вынужден настаивать. Это касается Фонда. Ты получила свои сведения от его будущего председателя — он так сказал, и я ему верю,— поэтому тебе следует доверить их мне. Говорю это не как твой старый друг Джастин, но как Джастин Везерел, руководитель Фонда, отвечающий за его капитал перед всеми членами Фонда.

— Нет, Джастин.

— Я настаиваю.

— Настаивай себе на здоровье, старина.

— Не могу назвать твою позицию правильной, Морин. Эти сведения тебе не принадлежат. Они — наше общее достояние. Открыть их — твой долг перед Фондом.

— Брось напускать на себя важность, Джастин. Информация сержанта Теодора уже спасла шкуру Фонда в Черный вторник двадцать девятого года. Факт?

— Факт. Именно поэтому...

— Дай мне сказать. Эта самая информация спасла и твою задницу и сделала тебя богатым заодно с Фондом. А кто эту информацию добыл? Старая потаскуха Морин, вот кто! Безнравственная бабенка, которая втрескалась в солдата и повалила его на себя — вот он и разговорился. Фонд здесь ни при чем — это заслуга распутной Морин. Не посвяти я тебя в то, что узнала, ты бы и в глаза не увидел Теодора. Права я или нет? Ну, говори! Признавайся!

— Если ты смотришь на это так...

— Да, я так смотрю на это, и не говори больше чепухи насчет моего долга перед Фондом — просчитай сначала, сколько мне должен Фонд. Но я обещаю сообщать тебе нужные сведения. Сейчас, к примеру, Фонду следует вложить как можно больше средств в солнечные экраны Дугласа—Мартина, а если ты не знаешь, что это такое, просмотри подшивки «Экономиста», «Уолл стрит Джорнэл» или «Торонто Стар». Вслед за этим нужно будет вкладывать капитал в движущиеся дороги и в земельные участки вдоль них.

— Движущиеся дороги?

— Черт возьми, Джастин, ведь Теодор говорил о них на вашем выездном заседании в ту субботу, 29 июня 1918 года — я это знаю, потому что вела протокол, а потом перепечатала его и один экземпляр дала судье Сперлингу, а второй тебе. Проверь,— и я тогда же, в пятьдесят втором году, показала Джастину, где возникнут, по словам Теодора, главные придорожные города.— Следи за событиями и вступай в дело вовремя. Ранняя пташка отгребет огромную прибыль. И продай все железнодорожные акции.

Приставать к Джастину со своей идеей колонки Пруденс Пенни *я не стала — не стоило этого делать теперь*, когда ранена его мужская амбиция. Вместо него я поговорила с Элеанор. Доверить тайну Элеанор — все равно что Господу Богу.

Колонка Пруденс Пенни «Советы домохозяйкам о вложении средств» сначала стала появляться в провинциальных газетах вроде той, что выходила у нас в Фивах — «Лайл Канти Лидер». Первые шесть еженедельных выпусков я всегда предлагала бесплатно. Если в течение испытательного срока колонка привлекала читательский интерес, издатель мог продолжать ее печатать за очень скромный гонорар — провинциальный еженедельник не в состоянии платить много, а я не пыталась сразу сделать на этом деньги.

Я вообще не собиралась делать на этом деньги — разве что косвенно.

Содержание своей колонки я разработала тогда же, в пятьдесят третьем, и никогда его не меняла.

Пруденс Пенни.

СОВЕТЫ ХОЗЯЙКАМ О ВЛОЖЕНИИ СРЕДСТВ

«Наш словарик». С первой же колонки я начала вести словарь финансовых терминов. У финансистов особый язык, и тем, кто его не знает, нечего садиться играть с ними в покер. Я объясняла своим читателям, что такое простые акции, привилегированные акции, боны, муниципальные облигации, облигации компаний, спекуляция на разнице в курсах, игра на понижение, двойной опцион, пожизненная доверенность, совместное владение, владение недвижимостью, плавающий курс, партия груза, проценты, признание несостоятельности по суду, изъятые из об-

ращения деньги, золотой стандарт, бумажные ассигнации, право пользования чужой землей, наследование без ограничений, право государства на отчуждение частной собственности, авторское право, патент и так далее.

(Элементарно? Для вас — может быть. Вам, стало быть, Пруденс Пенни ни к чему. Но для большинства людей эти элементарные термины — все равно что китайская грамота. И я в каждой колонке давала по одному определению, используя односложные английские слова, непонятные разве что преподавателю английского.)

Дальше я давала обзор последних событий, могущих повлиять на рынок ценных бумаг. Поскольку на него влияет все, от погоды до выборов и до пчел-убийц, но жестокость и насилие в мою колонку не допускались, а особенно избегала я того, что могло вызвать судебное преследование.

Следующая рубрика называлась «Куда сегодня рекомендуется вкладывать средства». В своих рекомендациях я была уверена, поскольку все они прямо или косвенно опирались на предсказания Теодора. Одни и те же рекомендации могли повторяться из выпуска в выпуск, затем их сменяли другие из того же источника.

Колонку неизменно заключал «Бумажник Пруденс Пенни».

Дамы, в январе 1953 года, когда мы начинали, у нас в бумажнике была одна тысяча долларов. Если вы сразу же пустили ее в оборот, следуя нашим советам, теперь у вас в бумажнике 4 823 доллара 17 центов.

Если вы вложили десять тысяч, у вас в бумажнике 48 231 доллар 70 центов.

Если вы вложили сто тысяч, у вас теперь 482 317 долларов.

Но последовать благоразумным советам Пенни никогда не поздно. Начните сегодня с суммы 4823 доллара 17 центов (или с любой кратной этому числу), поместив ее следующим образом (далее следовал список инвестиций и ожидаемый доход из расчета на 4823 доллара 17 центов).

Если вы хотите проследить сами, каким образом тысяча долларов возросла до (текущая цифра) всего за (пропуск) лет и (пропуск) месяцев, пошлите один доллар (два с половиной, четыре

доллара — цена все время возрастала) в издательство «Считай каждый пенни», Нью-Йорк, ХКЛ-030, Башня Гарримана, комната 8600 (это был почтовый ящик, из которого вся почта направлялась подставному лицу Элеанор в Торонто) или купите в своем книжном магазине «Руководство по надежным вкладам для домохозяек» Пруденс Пенни.

Фокусы с адресом предназначались для того, чтобы Комиссия Фондовой биржи по безопасности не проведала, что «Пруденс Пенни» — одна из директоров «Гарриман Индастриз». Комиссия всегда косо смотрит на «утечку информации», и ей, насколько я понимаю, совершенно безразлично, что мои советы принесли одну лишь пользу. Тем охотнее бы меня обезглавили.

Из захолустных еженедельников моя колонка переместилась в городские ежедневники и принесла-таки мне кое-какие деньги через год и порядочно денег за те тринадцать лет, что я ее вела. Женщины читали ее и слушались моих советов, как было видно из писем,— но думаю, что еще чаще ее читали мужчины, не ради моих советов, а чтобы понять, как это медведица ухитряется вальсировать.

Я поняла, что добилась своего, когда Джордж однажды в разговоре сослался на Пруденс Пенни.

Но главной моей целью были не деньги и не желание произвести на кого-то впечатление — главное было завоевать себе репутацию, чтобы в апреле 1964 года с полным правом выпустить специальную колонку под заглавием: «Луна принадлежит всем — но первый лунный корабль будет принадлежать "Гарриман Индастриз"!»

Я советовала читательницам поберечь «бумажник Пруденс Пенни», но каждый цент, который они смогут наскрести помимо моего, вложить в новое великое дело Д. Д. Гарримана — полет человека на Луну.

С той поры Пруденс Пенни непременно упоминала в каждой колонке о космических полетах и «Гарриман Индастриз». Я подчеркивала, что космос нескоро принесет проценты (и продолжала предлагать другие инвестиции, все основанные на предсказаниях Теодора), зато дальновидных вкладчиков, первыми рискнувших

поддержать космонавтику, ждет сказочное богатство. Не спекулируйте на бирже, не увлекайтесь немедленной прибылью — купите акции Гарримана, положите их в сейф и забудьте о них: ваши внуки скажут вам спасибо.

Весной 1965 года я приехала в отель «Бродмур» к югу от Колорадо Спрингс, так как неподалеку, на ракетодроме Петерсона, строился лунный корабль мистера Гарримана. В пятьдесят втором году я попробовала было отказаться от аренды дома в Канзас-Сити, когда Брайан увез Присциллу и Дональда в Даллас, это отдельная и невеселая история. Но Джордж меня отговорил. Владельцем дома числился он — не «Гарриман и Стронг» и не «Гарриман Индастриз». И когда я сказала, что мне больше не нужен дом с четырьмя спальнями, включая комнату для прислуги, он предложил мне жить в нем бесплатно.

Я заметила, что для содержанки это маловато, а для женщины, желающей казаться респектабельной,— многовато. Ладно, сказал он, а сколько нынче берут содержанки? Мы удвоим эту цифру.

Я поцеловала его, мы легли в постель и согласились на компромисс. Дом принадлежит Джорджу, он поселит в нем своего шофера с женой, а я могу жить там, когда захочу,— и постоянные жильцы возьмут на себя заботу о Принцессе Полли.

Джордж использовал мое слабое место. Однажды я уже нанесла кошечке травму, лишив ее единственного Дома, и рада была возможности не делать этого снова.

Но я все же сняла квартиру на Плазе — там у меня были самые нужные книги, туда я получала почту и порой привозила Полли, обрекая ее на позорные посещения ящика. Впрочем, она не протестовала (новые глиняные шарики выгодно отличались от песка или земли). Эти короткие поездки приучали ее к дорожной клетке и к временным отлучкам из дома. Постепенно она стала настоящей кошкой-путешественницей и чувствовала себя как дома в лучших отелях, причем вела себя достойно и даже не помышляла царапать мебель. Так что Элайджа и Чарлен могли свободно выезжать в отпуск или в командировки с Джорджем.

Итак, весной 1965 года, еще до первого исторического старта на Луну, мы с Полли приехали в «Бродмур». При мне была только клетка с Принцессой — багаж должны были доставить со станции Гарримановской бегущей дороги в пятидесяти милях к северу от нас. Я возненавидела эти бегущие дороги после первой же поездки — у меня от них голова болела. Меня заверили, что на «Магистрали через Прерию» проблема шума решена. Никогда не доверяйте рекламе.

Бродмурский портье сказал мне:

— Мадам, у нас при теннисном клубе имеется превосходное помещение для животных. Рассыльный доставит туда вашу кошечку.

— Одну минутку.— Я достала свою карточку «Гарриман Индастриз» с золотой полоской.

Портье, увидев ее, вызвал дежурного администратора. Тот так и кинулся ко мне — с гарденией, в полосатых брюках и профессиональной улыбке:

— Миссис Джонсон! Счастливы принимать вас у себя. Желаете люкс? Или квартиру?

Принцессе Полли не пришлось отправляться в конуру. На обед она кушала печенку — презент администрации — и получила собственную кроватку и туалетный ящичек, стерильность которых гарантировала бумажная лента, такая же, как поперек сиденья моего унитаза.

Биде не было, хотя «Бродмур» считался первоклассным отелем.

Приняв ванну и переодевшись — багаж, само собой, доставили, когда я сидела в ванне,— я оставила Принцессу Полли у телевизора (она любила его смотреть, особенно рекламу) и отправилась в бар выпить в одиночестве, а там видно будет.

И встретила своего сына Вудро.

Он заметил меня сразу, как только я вошла.

— Привет, мам.

— Вудро! — обрадовалась я и поцеловала его.— Рада тебя видеть, сынок! Что ты здесь делаешь? Насколько я знаю, ты работал у Райта и Паттерсона?

— Ушел — они не ценят гениев. Да еще заставляют вставать ни свет ни заря. Теперь я в «Гарриман Индастриз» — навожу там у них порядок. Та еще работка.

(Сказать ему или нет, что я состою в правлении «Гарриман Индастриз»? Я старалась без нужды этого не раскрывать. Ладно, поживем — увидим.)

— Это хорошо, что ты там наводишь порядок. А к их лунному кораблю ты имеешь какое-нибудь отношение?

— Ты сначала сядь. Что будешь пить?

— То же, что и ты.

— Ну, я-то пью воду Маниту.

— Это водка с тоником, что ли?

— Не совсем. Маниту — это минеральная вода из местного источника. Отдает скунсом, но скунс приятнее.

— Тогда закажи мне водку с тоником и лаймом. Хизер с тобой?

— Она не любит высокогорья. Когда мы ушли от Райта и Паттерсона, она с ребятами уехала обратно во Флориду. Не смотри на меня так — у нас все отлично. Она сообщает мне, когда опять хочет ребенка — этак раз в три года, я еду домой, провожу там месяц-другой, заново знакомлюсь с ребятами. И опять за работу — ни тебе шума, ни пыли, ни семейных сцен.

— Что ж, прекрасно, если это устраивает вас обоих.

— Вполне устраивает.

Он заказал то, что я просила. Я так и не научилась пить, но стала заказывать крепкие напитки и просиживать над ними весь вечер, пока лед не растает. Я пригляделась к Вудро. Он осунулся, и руки были костлявые. Когда официантка отошла, он спросил:

— Ну а ты что здесь делаешь, мам?

— Я всегда была без ума от космоса — помнишь, как мы вместе читали серии Роя Роквуда? «Пропавшие на Луне», «На Марс»...

— Ну еще бы! Я и читать-то научился, потому что подозревал, что ты читаешь не все, о чем написано.

— Там я читала все, но Барнума чуточку адаптировала.

— Я всегда мечтал о прекрасной марсианской принцессе... но не так, как у Барнума. Помнишь, они там пили кровь друг у друга? Это не для меня. Я человек мирный, мам, сама знаешь.

(Сомневаюсь, знают ли матери своих детей. Но ты, дорогой мой, мне очень близок. Надеюсь, что у вас с Хизер в самом деле все в порядке.)

— Ну так вот — я услышала о полете на Луну и сразу задумала приехать сюда. Хочу посмотреть, как взлетит корабль, раз уж сама не могу лететь. Как ты думаешь, Вудро — он взлетит?

— А вот сейчас спросим,— Вудро осмотрелся и крикнул кому-то у стойки: — Эй, Лес! Иди к нам, тащи свою сивуху.

К нам подошел человек небольшого роста, с крупными руками жокея.

— Знакомься — капитал Лесли Ле Круа, командир «Пионера»,— сказал сын.— Лес, это моя дочь Морин.

— Честь для меня, мисс. Но вы не можете быть дочерью Билла — слишком молоды. И к тому же красавица, а посмотрите на него.

— Полно вам, мальчики. Я его мать, капитан. Вы действительно капитан лунного корабля? Я просто поражена.

Капитан Ле Круа присел к нам, и я заметила, что его «сивуха» отличается такой же прозрачностью, как и у Вудро.

— Поражаться нечему,— сказал он мне.— За нас компьютер летает. Но я все-таки подниму свою лохань... если Билл не перебежит дорогу. Скушай шоколадный эклерчик, Билл.

— Это надо произносить с улыбкой, незнакомец!

— Чизбургер? Пончик с вареньем? Горку оладушек с медом?

— Видишь, что делает этот мерзавец, мам? Хочет, чтобы я нарушил диету, потому что боится, как бы я не сломал ему руку. Или шею.

— А зачем тебе это, Вудро?

— Да мне-то незачем. Это он боится. Он весит ровно сто двадцать шесть фунтов. А я всегда, даже в самой лучшей форме, весил сто сорок пять — помнишь, наверно. Но в исторический момент старта я должен весить столько же, сколько он,— потому что, если он схватит насморк или поскользнется в душе и что-нибудь, не дай Бог, сломает, мне надо будет сесть на его место и прикинуться, будто я веду корабль. Никуда не денешься — они мне за это деньги платят. И за мной всюду ходит большой и страшный человек — следит, чтобы я не сбежал.

— Не верьте ему, мэм. Я всегда смотрю под ноги и ем только то, что открыли при мне. Он задумал вывести меня из строя в последний момент. Он правда ваш сын? Быть не может.

— Я купила его у цыганки. Вудро, а что будет, если ты не сумеешь сбросить вес?

— Будут отпиливать ногу по кусочкам, пока не станет ровно сто двадцать шесть фунтов. Космонавтам ноги ни к чему.

— Вудро, ты всегда был скверным мальчишкой. На Луне-то ноги нужны?

— Там и одной хватит — при одной шестой нашего притяжения. А вон идет страшила, который ко мне приставлен.

Джордж Стронг подошел к нам и поклонился.

— Дорогая леди! Вижу, с нашим лунным капитаном вы уже познакомились. И с нашим дублером, Биллом Смитом. Можно к вам присесть?

— Мам, ты знаешь этого типа? Они и тебе заплатили, чтобы ты следила за мной? Скажи, что это неправда!

— Это неправда. Джордж, ваш дублер — это мой сын Вудро Вильсон Смит.

Ночью мы с Джорджем получили возможность спокойно потолковать наедине.

— Джордж, сын говорит, что ему надо сбросить вес до ста двадцати шести фунтов, иначе он не подойдет в дублеры. Неужели это правда?

— Истинная правда.

— Да он столько весил в младшем классе средней школы. Если он и доведет вес до этой нормы, то боюсь, в случае болезни капитана Ле Круа будет слишком слаб, чтобы заменить его. Не лучше ли регулировать вес так, как это делают на скачках? Добавить свинцовый груз, если летит капитан Ле Круа, и убрать груз, если летит дублер?

— Морин, ты не понимаешь.

Я действительно не понимала, и Джордж объяснил мне, как строго выверен вес корабля. На «Пионере» оставлено только самое необходимое. На нем нет даже рации — только навигационные

приборы, без которых не обойтись. У пилота нет настоящего скафандра — только резиновый противоперегрузочный костюм со шлемом. Нет ранца — только баллончик на поясе. Откроет дверь, выкинет флажок, схватит пару камушков — и назад.

— Ох, Джордж, что-то мне эта затея не по душе. Вудро я этого не скажу — он уже большой мальчик (официально тридцать пять, в действительности пятьдесят три), но надеюсь, что капитан Ле Круа останется в добром здравии.

Настала долгая пауза — верный признак, что Джордж сейчас скажет нечто неприятное.

— Морин, это полнейший строжайший секрет. Я уверен, что этот корабль вообще не взлетит.

— Какие-то проблемы?

— Да — с властями. Не знаю, как долго еще я сумею сдерживать наших кредиторов. А взять больше негде. Мы уж заложили свои пальто, так сказать.

— Джордж, позволь мне сделать что-нибудь.

Джордж согласился пожить в моих апартаментах и посмотреть за Принцессой, пока меня не будет,— Принцесса не станет возражать, она к нему привыкла. А я утром уехала в Скоттсдейл, к Джастину.

— Посмотри на это вот с какой стороны, Джастин. Насколько пострадает Фонд, если вы допустите «Гарриман Индастриз» до краха?

— Пострадает, но не фатально. Мы сможем возместить убытки за пять, максимум десять лет. Я твердо знаю одно, Морин: тот, кому доверили чужие деньги, не должен бросать их на ветер.

Я сумела выжать из него только восемь миллионов, причем под расписку и половина в депозитах, которые могли быть оплачены только через полгода. (Но депозитные сертификаты всегда можно использовать вместо денег, хотя на этом теряешь проценты.)

Чтобы добиться хотя бы этого, мне пришлось сказать Джастину, что, если он не даст денег, больше ничего «теодорного» от меня не услышит, а если выложит деньги на стол, я положу ря-

дом полный текст заметок, которые сделала в ночь на 29 июня 1918 года.

В «Бродмуре» на следующее утро Джордж не взял у меня денег и повел к мистеру Гарриману, который был рассеян и едва меня узнал, пока я не сказала:

— Мистер Гарриман, я хочу прикупить дополнительный пай в полете на Луну.

— Что? Извините, миссис Джонсон, акций на продажу больше нет. Насколько я знаю.

— Тогда скажем иначе: я хочу дать вам взаймы восемь миллионов долларов без обеспечения.

Мистер Гарриман посмотрел на меня так, словно в первый раз видел. Со времени нашей последней встречи он исхудал, и его глаза горели фанатичным огнем — он напомнил мне ветхозаветного пророка. Пронизав меня испытующим взглядом, он обратился к Джорджу:

— Вы объяснили миссис Джонсон, чем рискует?

— Она знает,— угрюмо кивнул Джордж.

— Сомневаюсь. Миссис Джонсон, я раздет догола, а «Гарриман Индастриз» пуста, как скорлупа разбитого яйца,— вот почему я давно не собирал правления. Пришлось бы объяснять вам и другим директорам, на какой я пошел риск. Мы с мистером Стронгом держались на одних нервах и на честном слове, стараясь дотянуть до того момента, когда «Пионер» уйдет в небо. И я еще надеюсь... но если я возьму ваши деньги, а меня объявят банкротом и передадут мою головную компанию другому лицу, от моей расписки вам будет мало выгоды. Можете получить три цента за доллар, а можете и ничего не получить.

— Мистер Гарриман, вы не обанкротитесь, и высокий корабль, который стоит вон там, взлетит. Капитан Ле Круа совершит посадку на Луне и благополучно вернется.

— Это хорошо, что вы верите в нас,— улыбнулся он.

— Я не просто верю — я знаю. Нельзя сдаваться только из-за того, что не хватило нескольких пенни. Берите эти деньги и употребите их в дело. Отдадите, когда сможете. «Пионер» полетит, и не он один: вы пошлете вслед за ним много других кораблей. Вашими

руками движет сама история, сэр! Вы построите Луна-Сити — вольный порт Солнечной Системы!

На той же неделе Джордж спросил меня, хочу ли я присутствовать в бункере во время запуска — мистер Гарриман распорядился меня пригласить. Я уже думала об этом, понимая, что вправе требовать своего присутствия там.

— Джордж, это ведь не лучшее место для наблюдения?

— Нет, зато самое безопасное. Все шишки будут именно там. Губернатор. Президент, если явится. Послы.

— У меня это заранее вызывает клаустрофобию. Джордж, самые безопасные места меня как-то никогда не привлекали, а те немногие шишки, с которыми я знакома, похожи на марионеток, управляемых секретарями по связям с общественностью. А где будешь ты?

— Не знаю пока. Там, где сочтет нужным Делос.

— Я так и думала. Ты будешь слишком занят, чтобы возиться со мной.

— Я был бы счастлив, дорогая леди. Но...

— ...можешь понадобиться в другом месте. Откуда лучше всего видно? Откуда смотрел бы ты, если бы не был занят?

— Ты уже была в Бродмурском зоопарке?

— Нет, только собиралась — после старта.

— Морин, около зоопарка есть автостоянка. С нее открывается вид на весь восточный горизонт, и это место тысячи на полторы футов выше, чем Петерсоновский ракетодром. Мистер Монтгомери договорился с отелем — там поставят складные стулья, будет радиоточка, телевизоры, кофе. Оттуда бы я и смотрел, будь у меня возможность.

— Тогда и я буду смотреть оттуда.

В тот же день в вестибюле «Бродмура» я встретила Вудро.

— Привет, мам! Меня запрягли в работу.

— Как это они ухитрились?

— Я недостаточно внимательно прочел свой контракт. Там, оказывается написано «общественно-просветительские беседы на тему полета на Луну». Вот я и разъясняю массам, как устроен корабль, как он полетит и где на Луне лежат алмазы.

— А они лежат?

— После узнаешь. Иди-ка сюда на минутку — он увел меня из людного вестибюля в коридор рядом с парикмахерской.— Мам, если у тебя есть такое желание, то думаю, у меня здесь достаточно веса, чтобы провести тебя в бункер смотреть запуск.

— А что, оттуда лучше всего видно?

— Да нет, пожалуй, хуже всего. И жара там будет, точно в постели новобрачных летом, потому что кондиционирование не на высоте. Но это самое безопасное место, и там будут все сливки. Государственные мужи. Партийные боссы. Главари мафии.

— Вурдо, ты мне скажи — где не безопаснее всего, а лучше всего видно?

— Я бы поехал на гору Чейенн. Там рядом с зоопарком большая автостоянка. Идем обратно в вестибюль — я тебе кое-что покажу,— и Вудро показал мне на гигантском, четырех футов в диаметре, глобусе, от которого у меня слюнки потекли, трассу полета «Пионера».

— Почему же он идет не сразу вверх?

— Нет возможности. Корабль летит на восток, используя вращение Земли, и при этом сбрасывает лишние ступени. Пятая, нижняя ступень, самая большая, упадет в Канзасе.

— А вдруг она рухнет на бегущую магистраль?

— Тогда я запишусь в Иностранный легион, следом за Бобом Костером и мистером Фергюсоном. Нет, мама, такого не случится. Мы находимся вот здесь, в пятидесяти милях южнее магистрали, а ступень упадет возле Додж-Сити, почти в ста милях южнее ее.

— А как же Додж-Сити?

— У пульта будет стоять человек, которого для того и наняли, чтобы он нажал на свою кнопку и отделил пятую ступень над незаселенной местностью. А если он ошибется, его привяжут к дереву, и дикие собаки разорвут его на куски. Не волнуйся, мам. Четвертая ступень упадет в воду недалеко от побережья Южной Каролины. Третья — в Атлантический океан, в самом узком месте между Южной Америкой и Африкой. Вторая — тоже в Атлантику невдалеке от Кейптауна. Если она упадет слишком близко,

нас обругают на африканс. Ну а первая ступень — первая, если повезет, совершит посадку на Луне. А если Боб Костер ошибся, придется опять садиться за чертежную доску.

Ни для кого не новость, что «Пионер» стартовал по плану, и капитан Лесли Ле Круа совершил посадку на Луне и благополучно вернулся. Я наблюдала за стартом с вершины горы Чейенн, с площадки у зоопарка, откуда открывался такой широкий, великолепный вид на восток, что казалось: стань на цыпочки, и увидишь Канзас-Сити.

Я рада, что мне довелось увидеть, как стартует большая ракета — теперь они уже не встречаются: не знаю ни одной планеты ни в одной из патрулируемых вселенных, где бы ими еще пользовались. Слишком они дороги, слишком неэкономичны, слишком опасны.

Но до чего величественны!

Когда я добралась до места, уже стемнело. На востоке всходила полная луна. «Пионер», как сказал кто-то, стоял в семи милях от нас, но был ясно виден — высокий, горделивый, омываемый светом прожекторов.

Я взглянула на свой хронометр и навела бинокль на бункер. Над ним точно в срок вспыхнул огонь.

Потом вторая вспышка, распавшаяся на два огненных шара — красный и зеленый. Пять минут до старта.

Эти пять минут тянулись, будто целые полчаса. Я начала думать, что запуск не удался, и это причиняло мне невыносимую боль.

У основания корабля загорелось белое пламя, и он медленно, неохотно оторвался от земли... и пошел вверх, все быстрее и быстрее, вся окрестность на мили вокруг озарилась ярким солнечным светом!

Он шел вверх и вверх, словно стремясь прямо в зенит, отклоняясь к западу — я подумала, что он сейчас упадет на нас,— а потом свет померк, и мы увидели, что «солнце» у нас над головой движется на восток, превращаясь в яркую летучую звезду. От звезды что-то оторвалось, и голос по радио сказал: «Отделилась пятая ступень». Я вновь начала дышать.

До нас дошел звук. Сколько нужно секунд, чтобы звук прошел расстояние в семь миль? Я забыла — да и секунды в ту ночь были не такие, как обычно.

Это был «белый шум», почти нестерпимый даже на таком расстоянии. Он долго стоял в воздухе, а следом пришла воздушная волна, вихрь задирал юбки и опрокидывал стулья. Кто-то упал, выругался и сказал: «Да я на них в суд подам!»

Человек летел к Луне, сделав первый шаг к своему Единственному Дому.

Джордж умер в 1971 году, и еще при его жизни все их затраты были возмещены вплоть до цента, заработала катапульта на Пайкв Пик, Луна-Сити стал растущим поселением с шестью сотнями жителей — среди них было более ста женщин, и на Луне уже рождались дети, а «Гарриман Индастриз» процветала как никогда. Думаю, Джордж умер счастливым.

Но мне до сих пор его не хватает.

Не знаю, был ли счастлив мистер Гарриман. Ему не нужны были миллиарды — ему хотелось на Луну, а Дэниел Диксон лишил его этой возможности. В ходе сложных финансовых манипуляций, благодаря которым человек полетел на Луну, Диксон приобрел больше акций, чем было у Гарримана, и мистер Гарриман потерял руководство над «Гарриман Индастриз».

А затем путем лоббистских махинаций в Вашингтоне и ООН дочернюю гарримановскую фирму «Спайсверз Лимитед» назначили ведущей компанией в области космоплавания и приняли «Космический ограничительный акт», согласно которому только эта компания решала, кого допускать в космос, а кого нет. Мистера Гарримана, я слышала, отвели по состоянию здоровья. Что происходило за кулисами, я не знала — меня убрали из правления, когда компанию возглавил Диксон. Я не возражала — мистер Диксон мне не нравился.

В Бундоке, много веков спустя и шестьдесят с лишним лет назад по моему личному времени, мне довелось слушать одну кассету: «Мифы, легенды и традиции — романтические стороны истории». Одно предание, относившееся ко второй временной

параллели, утверждало, что легендарный Дэ Дэ Гарриман много лет спустя, будучи глубоким стариком, забытым всеми, купил себе пиратский корабль и все-таки добрался до Луны, где и погиб при неудачной посадке. Зато это произошло на Луне, о которой он так мечтал .

Я спросила Лазариуса, правда ли это. Он сказал, что не знает, но все может быть. Видит Бог, Старик был упрям.

Надеюсь, что он добился своего.

24

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ

Не знаю, выиграла ли я от того, что эти монстры забрали у меня тех страхидл. Наверное, каждый из нас время от времени мечтает наказать какое-нибудь зло или заставить холдея играть главную роль на похоронах, которая подходит ему как нельзя лучше. Безобидный способ скоротать бессонную ночь.

Но мои-то чудища свои мечты претворяют в жизнь.

И на уме у них одни лишь убийства. В первый же вечер мне предъявили список из пятидесяти с лишним намеченных жертв с указанием их преступлений и оказали честь, предложив нанести следующий удар — выбирайте клиента и действуйте! Того, чьи преступления вам особенно омерзительны, миледи Джонсон.

Я признала, что негодяи, перечисленные в списке,— гнусный сброд, над такими и родная мать не станет плакать, но я, подобно любимому сыну мистера Клеменса Гекльбери Финну, не горю желанием убивать незнакомых людей. Я не против смертной казни — я голосовала за нее каждый раз, когда этот вопрос ставился на голосование, что случалось то и дело в период упадка и разрушения Соединенных Штатов,— но убивать pour le sport*, не чувствуя в этом потребности, не могу. Впрочем, если уж выбирать, то я скорее подстрелила бы человека, чем оленя,— не вижу ниче-

* pour le sport *(фр.)* — ради спорта.

го спортивного в том, чтобы стрелять в кроткого вегетарианца, который не может ответить тебе тем же.

И будь моя воля, я скорей стала бы смотреть телевизор, чем убивать неизвестно кого.

— Что-то мне никто не по вкусу из вашего списка,— сказала я.— Нет ли в ваших анналах таких, которые выбрасывают на улицу котят?

— Превосходная идея! — улыбнулся председатель, уставив на меня свои темные очки.— Думаю, что нет — разве что кто-то, повинный в иных преступлениях, повинен и в этом тоже. Я прикажу следственной группе без промедления заняться этим вопросом. Вы уже размышляли над тем, какой казни заслуживает подобный клиент?

— Пока еще нет. Но он должен испытать тоску по дому... одиночество... холод, голод, страх... и полное отчаяние.

— Высокохудожественно. Но, пожалуй, непрактично. Подобный род казни потребует нескольких месяцев — мы же решительно не в состоянии растягивать устранение одного лица более чем на несколько дней. Синяя Борода, вы желаете что-то добавить?

— Подвергнем его тому, что предлагает наша сестра, на столько дней, на сколько сможем. Потом окружим его голограммами огромных грузовиков, увеличенными во много раз — наверное, такими машины кажутся котенку. Дадим ему проникнуться этими образами в сопровождении мощных звуковых эффектов, а потом собьем настоящим грузовиком, но не насмерть: пусть умрет медленно, как умирают чаще всего сбитые транспортом животные.

— Вас это устраивает, мадам?

Меня чуть не вырвало.

— За неимением лучшего сойдет.

— Если такой клиент обнаружится, мы сохраним его для вас. Но тем временем мы должны подобрать вам другого, дабы вы не чувствовали себя ущербной в нашем кругу.

Это было неделю назад, и мне начинает казаться, что если я быстренько не подберу себе клиента, то... «мы не хотим вас торопить, но... если вы вскоре не нанесете удар, кто может поручиться, что вы не выдадите нас прокторам Верховного Епископа?»

Надо было мне во время своей японской миссии в тридцатые годы повнимательнее прислушаться к рассказам о той женщине, которая могла быть мной. Если бы я точно знала, что в тот период действительно существовала в трех лицах, то сейчас спала бы спокойнее, ведь моя третья ипостась относилась бы к моему личному будущему и означала бы, что я выберусь из этой переделки живой.

Остаться живой — вот в чем штука. Правда, Пиксель? Пиксель! Пиксель! У, чтоб тебе.

Перемены. В 1972 году умерла во сне Принцесса Полли — должно быть, от сердечного приступа, но я не стала делать вскрытие. Старая маленькая леди прожила долгую и, как мне кажется, в целом счастливую жизнь. Я вознесла молитву Бубастис, прося ее принять в кошачий Эдем черно-белую кошечку, которая никогда не царапалась и не кусалась без веской причины и, к несчастью, имела только одного котенка — с помощью кесарева сечения. Котенок был мертвый, и Полли после него удалили машинку — хирург сказал, что нормального потомства у нее никогда не будет и незачем рисковать другой беременностью.

Другого котенка я заводить не стала. В семьдесят втором мне было девяносто лет (по легенде пятьдесят девять, и я из кожи вон лезла — гимнастика, диета, осанка, косметика, туалеты — чтобы выглядеть на сорок). В девяносто лет существовала возможность и даже вероятность того, что кот или кошка переживет меня. Я решила не рисковать.

В Альбукерке я переехала, потому что там не было призраков. Канзас-Сити же так и кишел призраками моего прошлого — и печальными, и радостными. Я старалась не проезжать мимо нашего старого дома на бульваре Бентона или мимо того места, где когда-то стояла наша ферма, чтобы не портить счастливое «что бывало» неприглядным «что есть».

Центральную среднюю школу я предпочитала помнить такой, какой она была, когда в ней учились мои дети. В те дни, по оценкам Вест-Пойнта, Аннаполиса, Массачусетского технологического и прочих элитных заведений, Центральная считалась луч-

шей средней школой Запада, не уступавшей привилегированным подготовительным школам вроде Гротона или Лоренсвилла. Теперь она превратилась в какие-то ясли для переростков, куда каждый день съезжались полицейские патрульные машины — остановить драку, конфисковать ножи и вытрясти из «детишек» наркотики. В этой средней школе половине учеников не следовало бы выдавать свидетельство и об окончании начальной, поскольку они не умели толком ни читать, ни писать.

Но в Альбукерке призраков не водилось. Я никогда там не жила, и у меня там не было ни детей, ни внуков. (Разве что правнуки?). Город, к счастью (как считала я), обошла стороной бегущая дорога № 66. Старое Шестьдесят шестое шоссе, называвшееся когда-то «главной улицей Америки», проходило прямо через Альбукерке, но придорожный город № 66 вырос намного южнее нас — мы его не видели и не слышали.

Повезло Альбукерке и в том, что его обошли стороной многие пороки Безумных Лет. Несмотря на свое стовосьмидесятитысячное население, часть которого, как обычно тогда, постепенно утекала в придорожный город, он сохранил милый облик небольшого городка, столь привычный в начале века и столь редкий во второй его половине. В Альбукерке находился главный корпус Университета Нью-Мексико, президент которого, по счастью, не поддался вздорным веяниям шестидесятых годов.

Студенческий бунт (в котором участвовала только часть студентов) имел там место только однажды. Доктор Макинтош выгнал всех бунтовщиков и отказался принять их назад. Родители кинулись жаловаться в столицу штата Санта-Фе, но доктор Макинтош заявил попечителям и властям, что, пока во главе университета стоит он, в учебном городке будет соблюдаться порядок и цивилизованные нравы. Если у них не хватит духу поддержать его, он немедленно уйдет, и пусть на его место берут какого-нибудь дохлого мазохиста, которому в радость управлять сумасшедшим домом. Его поддержали.

В семидесятом году во всех университетах Америки для половины первокурсников был введен предмет, называемый «английский А» или как-то похоже, но известный повсеместно как

«английский для тупиц». Став президентом, доктор Макинтош отменил сей предмет и прекратил прием студентов, которые в нем нуждались. «Налогоплательщикам содержание одного студента обходится по меньшей мере в семнадцать тысяч долларов в год,— заявил он.— Чтение, письмо и грамматику проходят в начальной школе. Если абитуриент недостаточно хорошо усвоил эти предметы, чтобы учиться здесь, пусть возвращается в ту школу, которая его недоучила. Тут ему не место. Я не стану тратить на него деньги налогоплательщиков».

Родители опять подняли скандал, но родителей полуграмотных абитуриентов было меньшинство, а большинству избирателей и законодателей штата позиция президента пришлась по вкусу.

Пересмотрев учебную программу университета, доктор Макинтош также издал распоряжение, согласно которому все студенты в любое время могли подвергнуться проверке на наркотик, то есть должны были по первому требованию сдать на анализ кровь, мочу и прочее. Уличенных исключали навсегда.

Помещения таких студентов тут же обыскивались на вполне законном основании — семеро городских судей охотно днем и ночью выдавали по такому случаю ордера. Никаких сантиментов не допускалось — всем, у кого находили наркотики, предъявлялось обвинение.

Что касается торговцев наркотиками, то специально ради них законодательное собрание штата возродило прекрасный старый обычай: публичное повешение. На площадях воздвигли виселицы. Приговоренные к смерти дилеры апеллировали, разумеется, и в верхвный суд штата, и в Вашингтон, но поскольку пять членов Верховного суда США, включая председателя, были назначены еще президентом Паттоном, дилерам из Нью-Мексико не приходилось жаловаться на медлительность правосудия. Один предприимчивый юноша прожил от ареста до Джека Кетча ровно четыре недели. В среднем же этот период, когда система вступила в силу, продолжался примерно два месяца.

Союз борьбы за демократические свободы, как обычно, закатил истерику. Несколько адвокатов из СБДС за неуважение к

суду попали на приличный срок в тюрьму, да не в новую, а в старый изолятор для пьяниц, где сидели забулдыги, наркоманы, незаконно прибывшие сезонники-мексиканцы и проститутки мужского пола.

Я выбрала Альбутерке частично и поэтому. Вся страна теряла разум, охваченная массовым психозом, природы которого я так и не могла понять до конца. Альбутерке тоже не был застрахован, но он сопротивлялся, и во главе его находилось достаточно разумных мужчин и женщин, чтобы я смогла прожить там десять хороших лет.

В то самое время, когда американские школа и семья пришли в упадок, страна переживала расцвет науки и техники, и не только в таких крупных областях, как космонавтика и дорожное строительство. Пока студенты лоботрясничали, научно-исследовательские центры работали как никогда, демонстрируя успехи в физике частиц, в плазменной физике, в генетике, в создании новых материалов, в медицине — везде и всюду.

Эксплуатация космоса достигла невероятных размеров. Оправдывало себя решение мистера Гарримана не отдавать космос на откуп государству, а предоставить его частной инициативе. Только недавно успели открыть космопорт Пайкс Пик, а «Спейсвейз, лимитед» уже строила новые, более мощные катапульты в Киото и на Гавайях. Корабли с людьми отправились на Марс и на Венеру, вылетели первые горняки на астероиды.

А в Соединенных Штатах между тем шел полный развал.

Упадок наступил не только во второй параллели, но и во всех исследованных параллелях времени. За пятьдесят лет своего пребывания в Бундоке я прочла несколько монографий по сравнительной истории, относящихся к периоду, называемому «регресс двадцатого века».

На свои суждения я не могу полагаться. Я наблюдала этот регресс только в одной параллели, только до середины 1982 года и только в своей стране. Мнение на этот счет у меня есть, но его не обязательно принимать всерьез — ведь многие крупные ученые думают иначе.

Вот кое-что из того, что представляется мне неправильным.

В США имелось более шестисот тысяч практикующих адвокатов — ровно на пятьсот тысяч больше, чем нужно. Такие адвокаты, как я сама, не в счет — я ведь не практиковала, а право изучала лишь для того, чтобы обороняться от адвокатов, и многие другие поступали так же.

Разложение семьи. Причина, думаю, в том, что оба родителя стали работать. С середины века все в один голос твердили, что они вынуждены работать, чтобы оплачивать свои счета. Почему в первой половине века не было такой необходимости? Как связать появление сберегающей труд техники и во много раз возросшую производительность труда с обнищанием семьи?

Говорят, что все дело в слишком высоких налогах. В этом есть смысл: помню, какой шок я испытала, узнав, что правительство собрало за год триллион долларов. К тому же большая часть этой суммы разошлась неизвестно куда.

И уж истинный упадок претерпевал здравый смысл. В Соединенных Штатах стали считать выдающимися людьми артистов развлекательного жанра и профессиональных атлетов. Им поклонялись и видели в них лидеров: они высказывали свое мнение по самым разным вопросам и относились к себе столь же серьезно, как и все окружающие. В конце концов, если спортсмену платят больше миллиона в год, почему бы ему не считать себя важной персоной... а стало быть, всем интересно знать его мнение о внутренней и внешней политике, хотя он выдает свое невежество и безграмотность всякий раз, едва открывает рот. Ведь большинство его фанатов столь же невежественны и безграмотны — болезнь прилипчива.

Примите во внимание также следующее:

1) «Хлеба и зрелищ».

2) Отмена «присяги бедняка» во время первого срока президента Рузвельта.

3) Возрастной принцип обучения в школах.

Все эти три явления взаимосвязаны. Отмена «присяги бедняка», необходимая ранее для пользования общественной благотво-

рительностью, привела к тому, что неудачники, неумехи всякого рода, не способные или не желающие прокормить себя, получили такое же право голоса, право устанавливать и распределять налоги, как, скажем, Томас Эдисон и Томас Джефферсон, Эндрю Карнеги и Эндрю Джексон. Возрастной перевод из класса в класс обеспечил продвижение недоучек. А «хлеба и зрелищ» — это неизбежный исход демократии, идущей таким путем: бесконечные расходы на «социальные программы» ведут к национальному банкротству, за которым, как показывает история, всегда следует диктатура.

Мне кажется, что в этих трех пунктах и заключались ключевые ошибки, сгубившие цивилизацию, когда-либо существовавшую в истории. Было, конечно, и другое — забастовки государственных служащих, например. Отец был еще жив, когда они начались, он угрюмо изрек: «Есть хороший выход — если тот, кому платит жалованье государство, считает, что платят ему недостаточно, пусть увольняется и зарабатывает себе на жизнь в другом месте. Это в равной мере относится и к конгрессменам, и к получающим пособие, и к учителям, и к генералам, и к мусорщикам, и к судьям».

Кроме того, на весь двадцатый век, начиная с семнадцатого года, легла зловещая тень воинствующего марксизма. Но марскисты ничего не сумели бы добиться, не начни американцы утрачивать свой цепкий здравый смысл, благодаря которому завоевали целый континент. В шестидесятые годы все говорили о своих правах и умалчивали о своих обязанностях, а патриотизм сделался предметом для шуток. Не верю, что тот же Маркс или этот чокнутый реформатор, будущий Первый Пророк, могли бы одолеть нашу страну, если бы ее народ не спятил.

Но ведь каждый имеет право на собственное мнение, скажете вы. Возможно. У каждого, разумеется, на все свое мнение, каким бы глупым оно ни было.

А уж свое мнение о неких двух вещах абсолютное большинство людей полагало святой истиной и было искренне убеждено, что те, кто не разделяет их мнения, аморальны, достойны возмущения, кощунственны, отвратительны, невыносимы, лишены

логики, способны на измену, подлежат уголовной ответственности, антиобщественны, смешны и непристойны.

Эти две вещи, разумеется, были секс и религия.

У каждого американского гражданина существовал Единственный Правильный Взгляд на секс и религию, открытый ему самим Богом. Поскольку эти взгляды отличались большим разнообразием, большинство, очевидно, все же ошибалось. Но во всем, что касалось этих двух вопросов, доводы разума были бессильны.

Надо уважать верования, скажете вы. Это еще с какой стати? Глупость есть глупость, и вера не прибавляет ей ума.

Помню, во время президентской кампании 1976 года я слышала обещание одного из кандидатов, наглядно доказывающее, как пошатнулся рассудок американской нации:

— Мы будем неуклонно следовать этим путем, пока доход каждого гражданина не поднимется выше среднего уровня!

И никто не смеялся.

Переехав в Альбукерке, я во многом упростила свою жизнь. Свои сбережения я разместила в трех солидных банках Нью-Йорка, Торонто и Цюриха. Написала новое завещание, отказав нескольким людям кое-что на память, основное же свое состояние, около девяноста пяти процентов, предназначила Фонду Говарда.

Почему, вы спросите? Я приняла это решение после долгих-долгих размышлений бессонными ночами. У меня было гораздо больше денег, чем нужно старухе,— я и доход-то свой не могла толком потратить. Оставить все детям? Они больше не были детьми и не нуждались в моем наследстве — все они получали говардские премии, не считая того пособия, которое мы с Брайаном выделили каждому из них.

Завещать на «благородные цели»? Дохлый номер, друзья: такие пожертвования обычно прибирает к рукам администрация и начинает паразитировать на них.

Мой капитал брал начало из Фонда Айры Говарда — и я решила вернуть его обратно в Фонд. Это было резонно.

Я купила себе современную квартиру с кондиционером возле студенческого городка, между Сентрал авеню и бульваром Ломаса, и записалась в университет на курс педагогики. Я не намеревалась серьезно заниматься (надо уж очень постараться, чтобы завалиться на педагогическом факультете), я просто хотела попасть в студенческий городок. Там все время происходило что-то интересное — кинопоказы, спектакли, общедоступные лекции, танцы, действовали разные клубы. Докторов наук в университете, что собак нерезаных, но все-таки докторская степень — хорошая визитная карточка, открывающая доступ в разные заманчивые места.

Я стала прихожанкой ближайшей унитарианской церкви и не жалела пожертвований, чтобы и в светской жизни прихода участвовать, и излишним благочестием себя не стеснять.

Записалась в клуб современного танца, в клуб венского вальса, в клуб бридж-контракта, в шахматный клуб, в клуб ужинов с обсуждением текущих событий и в клуб завтраков с обсуждением гражданских проблем.

За шесть недель ко мне приклеилось столько желающих, сколько мух к липучке. Это позволило произвести тщательный отбор партнеров и все-таки обеспечить себе гораздо более разнообразный блуд, чем в прошедшую четверть века. Тогда я тоже не ограничивалась Джорджем Стронгом, но была слишком занята, чтобы всерьез посвящать себя спорту номер один.

Теперь у меня появился досуг. Как сказала одна старая кляча (Дороти Паркер?): «Нет большего удовольствия, чем мужчина!»

«Мужчиною и женщиною сотворил их» — это Он хорошо сделал, и я воздавала должное Творцу целых десять лет.

Но я не все время посвящала охоте на мужчин — точнее, не все время выходила к ним под выстрел, двигаясь при этом как можно медленнее: таков мой образ действий, ведь мужчина нервничает, когда женщина орудует в открытую, это противоречит этикету. Мужчины большие консерваторы в сексе, особенно те, кто это отрицает.

Мы, говардовцы, не склонны общаться со своей родней — ведь это просто недостижимо. К переезду в Альбукерке в семьдесят

втором году у меня насчитывалось больше потомков, чем дней в году — прикажете помнить, когда у кого дни рождения? Тут упомнить бы, как кого зовут.

Но были люди, которых я любила безотносительно к родственным узам, если таковые существовали: старшая сестра Одри, «старшая сестра» Элеанор, брат Том, кузен Нельсон и его жена Бетти Лу, отец, которого мне всегда не хватало. Мать я не любила, но уважала: она делала для нас что могла.

Дети? Пока они росли, я старалась относиться ко всем одинаково и дарить всем поровну любовь и нежность, даже когда голова трещит и ноги ноют. Когда же они заводили свои семьи (внимание, момент истины), я старалась относиться к ним так же, как они относились ко мне. Если кто-то звонил мне регулярно, я старалась звонить ему или ей столь же часто. Некоторым посылала открытки на день рождения, но этим и ограничивалась. Если кто-то из внуков оказывал внимание бабушке, бабушка оказывала внимание внуку. Но на сто восемьдесят одного внука не напасешься ни тепла, ни внимания — именно столько их было у меня, если я не сбилась со счета, к девяноста девяти годам.

Дорогие мне люди не всегда были связаны со мной узами крови. Маленькая Элен Бек, ровесница моей Кэрол, училась когда-то с ней в первом и втором классах Гринвудской школы. Элен была милой, славной девочкой. Мать ее, вдова, работала, и Элен много времени проводила у меня на кухне, пока мы не переехали в другой дом.

Но Элен не забыла меня, а я — ее. Она стала артисткой эстрады и много ездила. Мы держали друг друга в курсе своих перемещений и по возможности встречались раз в полгода, в год. Она прожила долго, не будучи говардовкой, и до самой смерти оставалась красавицей — настолько, что танцевала обнаженной на седьмом десятке и вызывала при этом эрекцию у всех мужчин в зале. А между тем в ее манере танцевать не было ничего возбуждающего — не то что у звезды прошлого поколения, Маленькой Египтянки с ее танцем живота.

Элен изменила имя, как только начала выступать, и большинству известна как Салли Рэнд. Я любила Салли, а она любила

меня — мы могли несколько лет не видеться, а когда встречались, оказывалось, что мы по-прежнему близкие подруги.

У нас с ней была общая странность: мы обе учились всю жизнь, когда только могли. Салли выступала по вечерам, а днем посещала лекции в ближайшем университете. Когда она умерла в семьдесят девятом году, у нее на счету было больше академических часов, чем у иных профессоров. Салли была универсалом: ее интересовало все, и она старалась все познать. Она не пила и не курила — единственным ее пристрастием были большие, толстые учебники.

Нэнси оставалась для меня самой близкой из всех детей, и я на протяжении шестидесяти четырех лет порой спала с ее мужем — так Нэнси постановила еще до замужества. Это случалось нечасто — только когда мы встречались и была к тому возможность. Мне не верилось, что Джонатана может и вправду интересовать бабка, которой скоро стукнет сто лет, но он очень убедительно притворялся. Мы по-настоящему любили друг друга, а эрекция — лучший комплимент, какой мужчина может сделать старушке. Джонатан был инстинный рыцарь Галахад, и он напоминает мне моего мужа Галахада. Оно и неудивительно — ведь Галахад потомок Джонатана, в нем 13,2 процента крови этого предка с учетом конвергенции. Галахад, само собой, и мой потомок — все мои мужья происходят от меня, кроме Джейка и Зеба, которые родились в другой параллели (в четвертой, Беллокс О'Мэлли). Ах, да, и кроме Джубала — он родился в третьей.

Вследствие того, что Нэнси предложила мне Джонатана, Брайану досталось юное прелестное тело Нэнси — кажется, это был первый инцест в нашей семье. Не знаю, продолжалось ли это потом — не мое это дело. У нас с Нэнси был схожий темперамент — мы обе очень интересовались сексом, но не теряли при этом спокойствия. Нам всегда хотелось, но озабоченности мы не проявляли.

Для Кэрол я всегда старалась приберечь двадцать шестое июня — Каролинин день, Каролинки, ставший потом фиестой Санта-Каролины для миллионов людей, которые знать не знали мою дочку. После восемнадцатого года Кэрол перестала отмечать свой день рождения и праздновала только Каролинин день.

За те десять лет, что я прожила в Альбукерке, Каролинин день несколько раз заставал ее на гастролях в Рено или Вегасе, но каждый раз двадцать шестого июня устраивалось празднество, даже если ночное шоу заставляло Кэрол начинать его в четыре утра. И невзирая на время суток, в тот день к ней съезжались друзья со всего земного шара. Приглашение на праздник Каролины было большой честью — этим хвастались в Лондоне и в Рио.

Кэрол вышла замуж за Рода Дженкинса из семьи Шмидт в двадцатом году — он только что вернулся из Франции, где служил в Радужной дивизии и получил Серебряную звезду и Пурпурное Сердце, ничего не потеряв — только шрам на животе остался. Род обучался математике в Иллинойском технологическом, специализируясь в топологии, ушел в армию между двумя курсами, а вернувшись, перешел на театральный. Из фокусника-любителя он решил стать профессионалом-иллюзионистом. Он сказал мне както раз, что ранение заставило его пересмотреть жизненные ценности и свои стремления.

Так что Кэрол начала свою замужнюю жизнь, подавая мужу на сцене разные предметы, одетая так легко, что ей не стоило труда отвлечь публику — все и так смотрели только на нее. Детей она старалась рожать, когда Род отдыхал, а если получалось, выступала до конца, пока не вмешивалась дирекция — обычно после жалоб женской части публики, которой не столь повезло — Кэрол относилась к тем счастливицам, которых большой живот только украшает.

Детей на время гастролей она оставляла у матери Рода, но одного-двоих брала с собой, доставляя им тем большую радость. Но году в пятьдесят пятом Род, показывая фокус, где ловил зубами пулю, допустил ошибку и погиб прямо на сцене.

На следующий же вечер Кэрол выступила с его номером (во всяком случае, исполнила какой-то номер с его реквизитом). Одно было ясно: в своем костюме она кроликов прятать не могла. Начав выступать в Рено, Вегасе и Атлантик-Сити, Кэрол свела костюм до минимума и добавила к своему номеру жонглирование.

Позднее, подучившись, она стала еще петь и танцевать. Но ее фанатам было безразлично, что она там проделывает на сцене,—

им требовалась Кэрол, а не ее штучки. На афишах театров Лас-Вегаса и Рено значилось «Каролита» — и ничего более. Посреди своего выступления она частенько говорила: «Что-то я сегодня устала жонглировать — и потом, У. К. Фикс делал это лучше,— и, подбоченившись, выходила на помост в зале, одетая в свой фиговый листок и улыбку.— Давайте с вами познакомимся. Вон та девчушка в голубом платьице — как тебя зовут, дорогая? Пошлика мне поцелуй! А если я тебе пошлю поцелуй, ты его съешь или отдашь обратно?»

Или спрашивала: «У кого сегодня день рождения? Поднимите руки!»

В театральном зале именинником обязательно оказывается один из пятидесяти, а не один из трехсот шестидесяти пяти. Кэрол просила их встать, громко и четко называла их имена, а потом предлагала публике спеть вместе с ней «С днем рожденья тебя». Когда доходило до имени, оркестр умолкал, и Кэрол называла всех поочередно: «...милый Джими, Ариэль, Бабе, Мэри, Джон, Филип, Эми, Миртл, Винсент, Оскар, Вера, Пегги...» — и оркестр подхватывал: — С днем рожденья тебя!

Если бы приезжим разрешалось голосовать, Каролиту абсолютным большинством выбрали бы в мэры Лас-Вегаса.

Однажды я спросила ее, как она ухитряется запоминать все эти имена.

— Это нетрудно, мама,— ответила она,— было бы желание. Если я и ошибусь, они меня простят — они знают, что я старалась. Им прежде всего хочется думать, что я им друг — и я правда друг.

За эти десять лет я иногда навещала моих самых дорогих, но больше сидела дома и предоставляла им навещать меня. А в остальное время наслаждалась тем, что живу, и посвящала себя новым друзьям — и в постели, и вне ее, а порой и там и сям.

По мере того как время шло и приближалось мое столетие, я начинала ощущать дуновение осени — суставы по утрам теряли гибкость, в рыжине пробивалась седина, кое-где отвисала кожа, но хуже всего было чувство собственной непрочности и боязнь упасть.

Но я не поддавалась и старалась еще пуще. Был у меня в то время верный кавалер, Артур Симмонс, и ему льстило, когда я называла себя «матрасом Симмонса».

Артур был вдовец шестидесяти лет, бухгалтер-ревизор и абсолютно надежный партнер по бридж-контракту — ради него я отказалась от итальянского метода и стала опять играть по Горену, как и он. Я и по Калбертсону играла бы, попроси меня Артур об этом: хороший партнер по бриджу есть бесценный алмаз. Так же, как истинный джентльмен в постели. Призовым жеребцом Артура назвать было трудно, но и мне уже было не восемнадцать, и я никогда не отличалась такой красотой, как Кэрол. Зато он всегда проявлял ответственность и делал все, что мог.

Была у него одна странность: после первого нашего свидания у меня дома он каждый раз настаивал, чтобы мы встречались в мотеле.

— Морин,— объяснял он,— если ты берешь на себя труд приехать ко мне, я тогда уверен, что тебе действительно этого хочется. И наоборот — если я снимаю комнату в мотеле, значит, достаточно заинтересован в тебе, чтобы взять на себя этот труд. Когда же кому-то из нас надоест утруждать себя — значит, пришло время поцеловаться на прощанье и расстаться без слез.

Это время пришло в июне восемьдесят второго года. По-моему, каждый из нас только и ждал, когда другой заговорит об этом.

Двадцатого июня, идя пешком на свидание с Артуром, я раздумывала, не начать ли мне этот разговор во время отдыха, после первого раза — потом второй раз, если он захочет, и попрощаемся. А может, милосерднее будет сказать, что я собираюсь на восток навестить дочь? Или же разорвать сразу?

Я дошла до пересечения бульваров Ломас и Сан-Матео. Никогда мне не нравился этот перекресток: светофор переключался слишком быстро, а бульвары были широкие и в последнее время стали еще шире. К тому же в тот день из-за ремонтных работ на магистрали Пан-Американ грузовой транспорт шел в объезд по Сан-Матео, потом поворачивал на Сентрал и возвращался на трассу.

Я дошла до середины, когда светофор переключился и на меня ринулся весь транспорт, а впереди — гигантский грузовик. Я заметалась, бросилась назад, оступилась и упала.

Последнее, что я видела, был полисмен. Я знала, что тот грузовик сейчас наедет на меня, и успела подумать: посоветовал бы мне отец помолиться перед концом моей языческой жизни или нет?

Что-то подхватило меня с мостовой, и я лишилась сознания.

Мне смутно казалось, что меня выносят из «скорой помощи» и кладут на каталку. Потом я снова потеряла сознание и очнулась в кровати. Около меня хлопотала маленькая, черненькая, красивая женщина с волнистыми волосами. Она медленно, внятно произнесла с испанским, как показалось мне, акцентом:

— Мама Морин, я Тамара. От имени Лазаруса и всех твоих детей приветствую тебя на Терциусе.

Я уставилась на нее, не веря своим глазам и ушам.

— Ты Тамара? Ты вправду Тамара? Жена капитана Лазариуса Лонга?

— Да, я жена Лазаруса. Я Тамара. Я дочь твоя, мама Морин. Добро пожаловать, мама. Мы любим тебя.

Я заплакала, и она прижала меня к груди.

25

ВОЗРОЖДЕНИЕ В БУНДОКЕ

Давайте-ка еще раз.

20 июня 1982 года я, будучи в Альбукерке, Нью-Мексико, направлялась на любовное свидание в мотель — и это просто скандал, ведь на днях мне должно было стукнуть сто лет, хоть я успешно и притворялась, что намного моложе. А тот, к кому я шла, был дедушка-вдовец, который будто бы верил, что я — примерно его ровесница.

В те времена и в том обществе свято верили в то, что старых женщин секс не интересует, а старики с обвисшими пенисами больше не испытывают никаких желаний... ну разве что грязные

старые извращенцы, у которых преступная патологическая тяга к молоденьким девушкам. Все молодые люди были в этом убеждены — ведь они видели, что их бабушки и дедушки только и делают, что поют гимны и играют в шашки. Чтобы мои дедушка с бабушкой занимались сексом? Как можно говорить такие гадости!

А в домах для престарелых соблюдалась строгая сегрегация по половому признаку, чтобы подобных «гадостей» не происходило.

Итак, эта грязная порочная старуха попала в поток уличного движения, запаниковала, упала, лишилась чувств — и очнулась в Бундоке на планете Теллус Терциус.

Я уже слышала о Теллус Терциус. Шестьдесят четыре года назад, будучи скромной молодой матерью семейства с незапятнанной репутацией, я соблазнила сержанта Теодора Бронсона, и он в постели открыл мне, что прибыл из будущего, с далеких звезд, зовут его капитан Лазарус Лонг, и он председатель будущего Фонда Говарда и мой дальний потомок! Я уже предвкушала, как буду долго и счастливо сожительствовать с ним после войны под снисходительным надзором моего мужа. Но Теодор отправился во Францию в составе Американского экспедиционного корпуса и пропал без вести в одном из самых тяжелых боев. Пропал без вести — значит, убит; другого понятия это выражение не имело.

Когда я очнулась на руках у Тамары, мне было очень трудно поверить во все это... особенно в то, что Теодор жив и здоров. А когда я наконец поверила (Тамаре нельзя не верить), меня охватило горе: поздно, слишком поздно!

Тамара как могла утешила меня, но ей мешал языковой барьер: она говорила только на ломаном английском, а я не знала ни слова на галакте. (Речь, с которой Тамара обратилась ко мне впервые, она заранее выучила.)

Послали за ее дочерью Иштар. Иштар выслушала меня, поговорила со мной и вбила наконец мне в голову, что мои сто лет ничего не значат: меня омолодят.

Про омоложение я уже слышала когда-то от Теодора, но никогда не думала, что подвергнусь ему сама.

Мои собеседницы твердили свое.

— Мама Морин,— сказала Иштар,— я вдвое старше тебя. Последний раз я омолаживалась восемьдесят лет назад. А морщины где? Пусть твой возраст тебя не волнует — с тобой не будет никаких проблем. Сейчас же начнем брать анализы, и скоро тебе опять будет восемнадцать. Через несколько месяцев — не через два-три года, как бывает в особо трудных случаях.

— Верно,— энергично кивала Тамара.— Иштар верное слово сказать. Моя четыреста. Умирать собирался,— она похлопала себя по животу.— Теперь ребенок здесь.

— Да, от Лазаруса,— подтвердила Иштар.— Я генетически вычислила этого ребенка и заставила Лазаруса зачать его, прежде чем он отправился тебя спасать. У нас не было уверенности, что он вернется — с этими рейсами никогда ничего не известно. У меня хранится его сперма, но она иногда портится, хоть и замороженная; я хочу, чтобы Лазарус делал как можно больше младенцев естественным путем. И ты тоже, мама Морин,— добавила она.— Я надеюсь, ты подаришь нам еще много-много ребят. Наши расчеты показывают, что свою уникальную генную структуру Лазарус получил в основном от тебя. Тебе не придется вынашивать самой — матери-заместительницы будут стоять в очереди, чтобы получить право носить ребенка мамы Морин. А впрочем, как пожелаешь.

— Да разве я смогу?

— Конечно — когда мы опять сделаем тебя молодой.

— Тогда я буду рожать! — глубоко вздохнула я.— Вот уж сорок четыре года — верно? Да, сорок четыре года прошло с тех пор, как я в последний раз была беременна — хотя всегда охотно шла на это. Нельзя ли мне еще некоторое время не встречаться с Теодором — то есть с Лазарусом? Пока меня не омолодят? Мне страшно подумать, что он увидит меня такой. Старой. Совсем другой, чем он знал.

— Конечно. В омоложении всегда присутствуют эмоциональные факторы. И мы делаем все так, чтобы клиент был доволен.

— Тогда пусть он лучше не видит меня, пока я не стану похожа на ту, прежнюю.

— Будет сделано.

* * *

Я попросила фотографию Теодора-Лазаруса, и мне показали голограмму в движении, пугающе живую. Я знала, что мы с Теодором похожи, как брат и сестра,— первым это заметил отец. Но то, что я увидела, поразило меня.

— Да это же мой сын! — Голограмма изображала моего сына Вудро — моего гадкого и самого любимого мальчика.

— Да, он происходит от тебя.

— Нет-нет! Я хочу сказать, что капитан Лонг, которого я знала как Теодора — вылитый Вудро Вильсон Смит. Тогда я этого не замечала. Правда, во время нашего краткого знакомства с Лазарусом Вудро было всего пять лет — тогда они не были так похожи. Значит, Вудро вырос таким же, как его отдаленный потомок. Странно. Меня это почему-то взволновало.

Иштар с Тамарой переглянулись и обменялись несколькими фразами на незнакомом мне языке (галакте). Я чувствовала, что они обеспокоены. Наконец Иштар твердо сказала:

— Мама Морин, это твой сын Вудро Вильсон.

— Да нет же. Я видела Вудро всего несколько месяцев назад. Ему шестьдесят девять, но выглядит он значительно моложе — в точности как это изображение капитана Лазаруса — сходство просто поразительное. Но Вудро остался в двадцатом веке. Я знаю.

— Да, он остался там, мама Морин. То есть оставался, хотя Элизабет говорит, что время глагола не имеет значения. Вудро Вильсон Смит вырос в двадцатом веке, почти весь двадцать первый век провел на Марсе и Венере, вернулся на Землю в двадцать втором веке..— Иштар подняла глаза к потолку.— Фина!

— Кто тер мою лампу? Чем помочь тебе, Иштар?

— Попроси у Джастина английский экземпляр мемуаров Старейшего, хорошо?

— Зачем просить Джастина — у меня у самой они есть. Тебе переплести или дать в рулоне?

— Переплести, наверно. Но пусть их принесет Джастин, Фина,— он будет горд и счастлив.

— Еще бы. Мама Морин, они хорошо с тобой обращаются? Если нет, скажи мне — я тут всем заправляю.

* * *

Вскоре пришел человек, тревожно напомнивший мне Артура Симмонса. Но это было просто сходство — и наружное, и внутреннее. В 1982 году Джастин Фут, как и Артур Симмонс, был бухгалтером-ревизором. Джастин нес чемоданчик-дипломат (Plus le change, plus la même chose*). Был неловкий момент, когда Иштар представляла его: он был сам не свой от волнения, что видит меня. Я взяла его за руку.

— Моя первая праправнучка, Нэнси Джейн Харди, вышла замуж за молодого человека по имени Чарли Фут. Это было, кажется, в 1972 году, я ездила к ней на свадьбу. Тот Чарли Фут — не родственник тебе?

— Он мой предок, матушка Морин. Ненси Джейн Харди произвела на свет Джастина Фута Первого в канун тысячелетия, 31 декабря 2000 года по григорианскому календарю.

— Вот как? Значит, у Нэнси Джейн хороший длинный послужной список. А назвали ее в честь прабабушки, самой старшей из моих детей.

— Да, так указано в архивах. Нэнси Айрин Смит Везерел — твоя старшая, праматерь. А я назван в честь свекра Нэнси, Джастина Везерела,— Джастин превосходно говорил по-английски с каким-то странным акцентом (не бостонским ли?).

— Выходит, я в некотором роде твоя бабушка. Поцелуй меня, внучек,— не надо нервничать и держаться так официально. Ведь мы родня.

Тут он осмелел и крепко, как я люблю, поцеловал меня в губы. Будь мы одни, я бы, возможно, не остановилась на этом — он таки очень походил на Артура.

— Я происхожу от вас с Джастином Везерелом еще и по другой линии, бабушка,— сказал Джастин.— Через Генри Смита, который родился у тебя 17 июля 1932 года.

---

* Plus le change, plus la même chose *(фр.)* — Чем больше все меняется, тем больше остается прежним.

— Боже мой! — вздрогнула я.— Так мои грехи преследуют меня даже и здесь. Ну да, ты же копался в архивах Фонда, а я действительно сообщила тогда в Фонд, что сын у меня незаконный,— Фонд должен был знать всю правду.

Иштар и Тамара пришли в недоумение. Джастин сказал:

— Извини, бабушка Морин,— поговорил с ними по-своему и объяснил мне: — Здесь не знают, что такое незаконнорожденные дети: плод здесь рассматривается только с точки зрения генетики — удовлетворителен он или нет. Мне трудно им объяснить, как гражданское состояние ребенка может поставить его вне закона.

Тамара, слушая объяснения Джастина, сначала опешила, потом захихикала. Иштар сохранила серьезность и что-то сказала Джастину на галакте.

— Доктор Иштар говорит,— пояснил тот,— жаль, что ты только раз родила ребенка от другого отца. Она говорит, что надеется получить от тебя еще много детей, причем у каждого будет другой отец. После того, как проведут омоложение.

— Жду с нетерпением,— ответила я.— Джастин, ты принес мне книгу?

Книга называлась «Жизни Лазаруса Лонга», с подзаголовком: «Жизнеописание патриарха семейств Говарда (Вурдо Вильсона Смита, Лазаруса Лонга, капрала Теда Бронсона — и еще с полдюжины имен), старейшего из всех людей...»

Я не упала в обморок, наоборот — ощутила нечто близкое к оргазму.

Иштар, имевшая кое-какое понятие о нравах моего времени, не решилась сразу сказать мне, что мой любовник восемнадцатого года был в действительности моим сыном. Она не могла знать, что меня никогда не связывали табу и к инцесту я отношусь просто, словно кошка. Самое большое разочарование, испытанное мной в жизни,— это отказ моего отца принять то, что я так хотела ему отдать — с первой менструации до последнего дня, когда я потеряла его.

Я все еще никак не могу переварить сообщение Лиззи Борден о том, что нахожусь в Канзас-Сити. То есть в одном из его

воплощений. Не думаю, что эта Вселенная патрулируется Корпусом Времени, хотя уверенной быть нельзя. Пока что я видела город только с балкона при штаб-квартире Комитета.

Географически все сходится. На север от нас Миссури резко поворачивает с юго-запада на северо-восток в том месте, где в нее впадает Коу,— эта излучина и заливает западную низину каждые пять-шесть лет. Между нами и рекой знакомо торчит высокий обелиск Военного Мемориала — только в их мире это не Мемориал, а священный Фаллос Великого Осеменителя.

(Это напомнило мне, как Лазарус задался целью проверить, существовал ли в истории человек, известный как Иешуа или Иисус. Не сумев выследить его через переписные и налоговые реестры того времени ни в Назарете, ни в Вифлиеме, Лазарус решил ориентироваться на самое яркое событие евангельской легенды: на Распятие. И не нашел о нем никаких сведений. Нет, на Голгофе распинали то и дело — но обыкновенных преступников, а не глашатаев истины с политическим окрасом, не вдохновленных Богом молодых равви. Лазарус искал упорно, сменил не одну гипотезу, пытаясь вычислить верную дату — и в конце концов так разочаровался, что стал называть Распятие «круцификцией»*. В текущей гипотезе Лазаруса фигурирует выдающийся фабулист второго века — Юлиан.)

Единственный раз выходила я здесь на улицу в ночь фиесты Санта-Каролиты и видела только большой парк, где праздновали фиесту (Суоп-парк?). Он был освещен кострами и факелами и кишел людьми в масках и раскраске. Там шла такая групповуха, какой и в Рио не увидишь, а ведьмы справляли свой шабаш — но на шабаш можно пройти где угодно, если знаешь Знак и Слово (меня посвятили еще в семьдесят шестом в Санта-Фе.) Странно было только, что шабаш проводился публично, в единственную ночь года, когда полагающийся там костюм не бросается в глаза, а правила поведения в порядке вещей. Совсем уж обнаглели.

А вдруг это моя родная параллель в период правления Пророков? (Плюс-минус двадцать первый век?) Если они празднуют

* От латинского Crucifix – распятие.

Санта-Каролиту — это правдоподобно, но окружающее не очень-то совпадает с тем, что я читала об Америке при Пророках. И насколько я знаю, Корпус Времени не держит резидентуру в Канзас-Сити двадцать первого века второй параллели.

Если б можно было нанять вертолет, я слетала бы на пятьдесят миль к югу и попыталась бы найти город Фивы, где родилась. Найди я его, было бы за что зацепиться. А не нашла бы — значит, скоро дюжие санитарки снимут с меня смирительную рубашку и покормят.

Если б у меня были деньги. Если бы мне удалось бежать от этих монстров. Если бы я не боялась прокторов Верховного Епископа. Если б не опасалась, что мне в воздухе отстрелят задницу.

Лиззи обещала купить мне для Пикселя поводок со шлейками: не для того, чтобы его выгуливать (это дело несбыточное), а чтобы передать с ним весточку. Той веревочки, что я повязала ему на шею в прошлый раз, оказалось явно недостаточно. Пиксель, наверно, сорвал когтями бумажку или порвал бечевку.

Иштар назначила день для встречи с теми, кто спасал меня в 1982 году, через семнадцать месяцев после моего прибытия в Бундок. Должны были присутствовать Теодор-Лазарус-Вудро (я представляла его себе в трех лицах, как воплощение Троицы), его клоновые сестры Ляпис Лазули и Лорелея Ли, Элизабет Эндрю Джексон Либби Лонг, Зеб и Дити Картер, Хильда Мэй и Джекоб Бэрроу и оба корабля, наделенных разумом: Веселая Обманщица и Дора. Иштар заверила Хильду (и меня), что через семнадцать месяцев я определенно помолодею.

Но уже через пятнадцать месяцев Иштар объявила, что дело сделано. Не могу описать вам подробно, как проходил процесс омоложения — тогда я в этом еще не разбиралась, ученицей меня приняли намного позже, когда я приобрела квалификацию и медсестры, и врача, соответствующую бундокским нормам. И в учебной клинике, и в клинике омоложения для наркоза используют средство под названием «лета» — с пациентом вытворяют страшные вещи, а он ничего об этом не помнит. Вот и я не помню ничего тяжелого, а помню только блаженные праздные дни, когда чи-

тала мемуары Теодора, изданные Джастином, и узнавала манеру Вудро: автор врал напропалую.

Однако чтение было захватывающим. Теодора взаправду мучила совесть из-за того, что он спал со мной. Боже ты мой! Можно забрать парня из Библейского пояса, но Библейский пояс из парня не вышибешь. Тут не помогают даже долгие века и знакомство с другими, лучшими цивилизациями, совсем не похожими на штат Миссури.

А кое-что в мемуарах вызвало у меня гордость за моего «непутевого» сына: он во все времена был неспособен бросить жену и ребенка. Поскольку я придерживаюсь мнения, что упадку и разрушению Соединенных Штатов во многом способствовали мужчины, забывшие свой долг по отношению к беременным женщинам и малым детям, я охотно прощаю своему скверному мальчику все его выходки — за то, что в этом грехе он неповинен. Мужчина должен жить — и умереть, если надо,— ради своей подруги и своих детенышей, а иначе он никто. Вудро, эгоистичный во многом другом, эту кислотную пробу выдержал с честью.

Мне радостно было узнать, как сильно Теодор желал меня. Я в свое время сгорала от желания к нему, и когда я прочла, что его желание не уступало моему, это согрело меня. Во времена нашего романа я не была в этом полностью уверена (женщина, одержимая похотью, может быть жуткой дурой), а с годами моя уверенность все уменьшалась. Но вот оно, доказательство: ради меня он с открытыми глазами сунул голову в пасть льву — пошел добровольцем на войну, до которой ему не было дела, и «подставил задницу под пули», по словам его сестер. (Его сестры — мои дочери. Боже правый!)

Кроме мемуаров Лазаруса я читала исторические труды, которые давал мне Джастин, и учила галакту методом погружения. После первых двух недель в Бундоке я попросила, чтобы со мной не говорили по-английски, и взяла у Фины мемуары Теодора на языке оригинала. Вскоре я уже бегло говорила на галакте и начала на ней думать. В основе галакты лежит испанг, вспомогательный язык, на котором в двадцатом веке стали общаться обе Америки ради облегчения торгово-промышленных переговоров. В этом

искусственном языке английские и испанские слова управляются испанской грамматикой, несколько упрощенной ради удобства англоязычной стороны.

Позже Лазарус сказал мне, что испанг считался еще и официальным языком космолетчиков во времена Космического ограничительного акта, когда все космические пилоты служили или в «Спейсвейз лимитед», или в других дочерних компаниях «Гарриман Индастриз». Он сказал, что целые века и тысячелетия спустя в галакте еще долго можно было распознать испанг, хотя словарь значительно обогатился — подобным же образом и в подобных же целях Римская церковь на долгие века приняла и обогатила латынь цезарей. Оба эти языка были необходимы людям, а поэтому жили и развивались.

«Я всегда хотела жить в мире, созданном Максфилдом Парришем — и вот я в нем живу». Этими словами открывается дневник, который я начала вести в период своего омоложения, чтобы осмыслить и смягчить шок, испытанный мной, когда меня заживо изъяли из Безумных Лет Теллус Прим и кинули в почти аполлоническую стихию Теллус Терциус.

Максфилд Парриш был художник моего времени (1870–1966), реалистическими средствами изображавший невиданный никем прекрасный мир — увенчанные облаками башни, ослепительных девушек и захватывающие дух горные вершины. Если вам неизвестно, что такое «синие тона Парриша», зайдите в бундокский Музей искусств и насладитесь там коллекцией его полотен, «похищенных» при помощи пантографа из американских музеев двадцатого века на Восточном Побережье (а одна фреска — из вестибюля «Бродмура»). Проделала все это частная экспедиция Корпуса Времени, которую оплатил старейшина Лазарус Лонг, чтобы сделать подарок своей матери в день ее стодвадцатипятилетия и заодно отметить серебряную годовщину их свадьбы.

Да, мой скверный мальчик Вудро женился на мне под давлением своих жен и брачных собратьев. Они все решили сами, хотя, видимо, не собирались в полном составе: трое жен Вудро, две его

клоновые сестры и Элизабет, до своего превращения в женщину звавшаяся Эндрю Либби, были с ним в рейсе.

В то время (в 4324 году галактической эры) на месте было семь взрослых членов семьи Лонг: Айра Везерел, Галахад, Джастин Фут, Гамадриада, Тамара, Иштар и Миневра. С Галахадом, Джастином, Иштар и Тамарой вы уже знакомы. Айра Везерел состоял в бундокском правительстве (если его можно так назвать); Гамадриада — его дочь, заключила, по всей видимости, договор с дьяволом; Миневра, стройная, длинноволосая брюнетка, два века была компьютером, пока с помощью Иштар и клоновой техники не воплотилась в существо из плоти и крови.

Делать мне предложение послали Галахада и Тамару.

Я не собиралась выходить замуж. Однажды я уже венчалась на всю жизнь — «пока смерть не разлучит нас»,— но мой союз столько не продержался. Теперь я была счастлива, что живу в Бундоке, меня переполняла радость возвращенной молодости и охватывал почти невыносимый восторг от предвкушения снова оказаться в объятиях Теодора. Но брак? Зачем давать обеты, которые все равно нарушаются?

— Мама Морин,— сказал Галахад,— наших обетов никто не нарушает. Все, что мы обещаем друг другу — это совместно заботиться о наших детях: растить их, шлепать, любить, учить — все, что требуется. А теперь послушай меня. Выходи за нас прямо сейчас, а с Лазарусом договоримся потом. Мы его любим, но хорошо знаем. В опасной ситуации Лазарус стреляет быстрее всех в Галактике. Но поставь перед ним самую простую жизненную задачу, и он будет мямлить без конца, рассматривая ее со всех сторон в надежде отыскать идеальный ответ. Поэтому единственный способ убедить Лазаруса — это поставить его перед фактом. Он будет дома уже через несколько недель — Иштар знает точную дату. Обнаружив, что ты вошла в семью и уже беременна, он заткнется и тоже женится на тебе — если ты захочешь.

— А разве я, выходя за всех вас, не выхожу тем самым и за Лазаруса?

— Не обязательно. И Гамадриада, и Айра входили в нашу семью с самого начала, но только через несколько лет Айра признал, что ничто не препятствует ему стать мужем своей дочери. А Гамадриада только ждала да посмеивалась, зная, что все равно кончится этим. Тогда мы устроили для них особую свадьбу — такой пир закатили, закачаешься! Уверяю тебя, мама Морин, наши устои отличаются большой гибкостью: нерушимо только наше обещание отвечать за будущее всех ребят, которых вы, бабоньки, нам нарожаете. Мы даже не спрашиваем, откуда они взялись — какой прок от ваших туманных объяснений.

Тамара перебила его, сказав, что за этим следит Иштар. (Галахаду только бы острить — Тамара шутить не умеет, но любит всех на свете.) И в тот же день я сочеталась со всей семьей в их прелестном садике-атриуме (в нашем садике!). Я плакала и смеялась, а все остальные держали меня за руки, и Айра шмыгал носом, а Тамара улыбалась сквозь ручьем текущие слезы, потом мы все хором сказали «да!», они поцеловали меня, и я поняла, что они принадлежат мне, а я — им, ныне и присно, аминь.

Забеременела я сразу же, поскольку Иштар подгадала так, чтобы свадьба совпала с моей овуляцией — она-то вместе с Айрой и разработала всю операцию. Когда я после положенных девяти месяцев родила свою девочку, я спросила у Иштар, кто ее отец. Она ответила: «Мама Морин, это дитя всех твоих мужей — тебе не обязательно знать, от кого она. Вот когда у тебя будет четверо-пятеро, я скажу тебе, чьи они, если тебе еще будет любопытно». Больше я никогда не спрашивала.

Итак, я была беременна, когда вернулся Теодор, и это пришлось очень кстати — по прошлому опыту я знала, что он будет сердечнее и раскованнее со мной, если мы соединимся только ради любви, и наслаждения, и счастливого пота. Не ради продолжения рода.

Так все и было. Но для начала Теодор рухнул в обморок. Хильда Мэй, возглавлявшая отряд моих спасателей, устроила для Теодора прием с сюрпризом и вывела меня к нему в костюме, имевшем большое символическое значение — туфельки без пяток на каблуках, длинные чулки и зеленые подвязки,— а он-то думал,

что я еще в Америке за два тысячелетия в прошлом и меня еще предстоит спасать.

Хильда совсем не хотела пугать Теодора до потери сознания — она любит его и впоследствии вышла за него и за нас всех вместе со своим мужем и всем семейством; в этом маленьком эльфе нет ни капли злобы. Она подхватила Теодора, когда он упал, или попыталась подхватить, и он не пострадал,— и такого праздника, как наш, не видывали с тех пор, как Рим горел. У Хильды Мэй много разных талантов, в постели и вне ее, но уж праздники она умеет устраивать лучше всех на свете.

Пару лет спустя Хильда стала главным распорядителем торжеств, подобных которым никогда еще не было,— даже Парчовое Поле не шло в сравнение с Первым Ежевиковым Конгрессом Солипсистов, на который прибыли гости из десятков вселенных. Чудесный был праздник, а те немногие, что погибли во время игрищ, направлялись прямо в Валгаллу — я сама видела. После этого празднества в нашу семью влилось еще несколько мужей и жен — не сразу, а постепенно,— в том числе Хейзел Стоун, или Гвен Новак, которая дорога мне не меньше Тамары, и доктор Джубал Хэршоу, мой муж, к которому я обращаюсь, когда мне по-настоящему нужен совет.

Как раз к Джубалу и обратилась я через несколько лет, когда поняла, что, несмотря на все чудеса Бундока и Терпиуса, несмотря на счастье быть членом любящей семьи Лонг и на удовольствие изучать превосходнейшую медицину Терпиуса и Секундуса и постигать самую лучшую на свете профессию рювенатора, мне все же чего-то недостает.

Я никогда не переставала думать о своем отце, всегда тосковала по нему. Ведь подумать только:

1) Либи воскресили, когда он был уже застывшим трупом, и преобразовали в женщину.

2) Меня спасли от верной смерти в глубоком прошлом. (Когда восемнадцатиколесный самосвал сталкивается с человеком моего размера, останки последнего собирают промокашкой.)

3) Полковника Ричарда Кемпбелла спасали от верной смерти дважды и меняли историю лишь ради его успокоения, поскольку его услуги требовались для спасения компьютера, устроившего Лунную революцию в третьей параллели.

4) Самого Теодора на Первой мировой войне перерезало надвое пулеметной очередью, но его спасли и восстановили без единой царапины.

5) Мой отец пропал без вести, как и Теодор в свое время. Полевой Корпус даже не сразу сообщил нам об этом — они спохватились много времени спустя и не указали никаких подробностей.

6) Ученые, или философы, или метафизики, или кто там придумал воображаемый эксперимент «кошка Шредингера», утверждают, что кошка не жива и не мертва — она всего лишь туман вероятностей, пока кто-нибудь не откроет коробку.

Я в это не верю. И не думаю, чтобы Пиксель поверил.

Но жив мой отец или нет — там, в далеком двадцатом веке? И я заговорила об этом с Джубалом.

— Не могу тебе сказать, мама Морин,— ответил он.— А ты очень хочешь, чтобы отец твой был жив?

— Больше всего на свете!

— И готова рискнуть ради этого всем? Даже жизнью? Или, что еще хуже, полным разочарованием? Крушением всех надежд?

— Да. Готова,— глубоко вздохнула я.

— Тогда вступай в Корпус Времени и учись, как надо делать такие вещи. Вскоре — лет так через десять-двадцать — сможешь составить план операции.

— Через десять-двадцать?

— Может и дольше затянуться. Но когда работать со временем, вся прелесть в том, что его всегда полно и спешить некуда.

Когда я сказала Иштар, что хочу уйти в бессрочный отпуск, она не стала спрашивать почему — только сказала:

— Мама, я давно уже вижу, что эта работа не приносит тебе счастья, и жду, когда ты сама это поймешь,— она поцеловала

меня.— Может быть, век спустя ты откроешь, что в ней твое истинное призвание. Торопиться некуда. А пока будь счастлива.

И вот двадцать лет по своему личному времени и почти семь по бундокскому я отправлялась туда, куда меня посылали, и расследовала то, что мне поручали. В боевиках я никогда не состояла — я не Гретхен, которая происходит и от меня (полковник Эймс мой внук от Лазаруса), и от моей брачной сестры Хейзел-Гвен (Гретхен ее правнучка). Майор Гретхен — высокая, сильная, мощная валькирия, смерть врагу и с оружием и без.

Драка — это не для Морин. Но в Корпусе нужны разные. Моя способность к языкам и любовь к истории делают меня подходящей разведчицей земли Ханаанской — или Японии тридцатых годов, любой страны и планеты. Единственный другой талант, которым я обладаю, тоже иногда пригождается.

Итак, после двадцати лет практики предварительных исторических изысканий, касающихся параллели № 2, во второй фазе Постоянных Войн я взяла свободный уик-энд и купила билет на пространственно-временной автобус Бэрроу-Картера, идущий в Нью-Ливерпуль 1950 года, с целью поближе изучить историю войны 1939–1945 годов. Хильда создала целую подпольную сеть во всех вселенных — один из ее сообщников устраивает рейсы на все исследованные планеты и во все параллели времени в рамках определенного интервала — могут доставить и в точную дату, если заплатишь.

Водитель только что объявил: «Следующая остановка — Нью-Ливерпуль, Земля Прим, 1950 год второй параллели. Не забывайте свои вещи в салоне!» — и тут раздался треск, автобус накренился, сопровождающий сказал: «Пройдите к аварийному выходу — сюда, пожалуйста»,— кто-то сунул мне ребенка, все заволокло дымом, и я увидела мужчину с кровавым обрубком на месте правой руки.

Наверное, я отключилась, потому что не помню, что было после.

И очнулась я в постели с Пикселем и с трупом.

26

ПИКСЕЛЬ-СПАСАТЕЛЬ

После моего бурного пробуждения в номере гранд-отеля «Август» мы с Пикселем оказались наконец в кабинете доктора Эрика Ридпата и познакомились с его медсестрой Дагмар Доббс, тут же завоевавшей расположение Пикселя. Дагмар стала делать мне гинекологический осмотр и вдруг сказала, что сегодня фиеста Санта-Каролины.

Хорошо, что она предварительно заставила меня помочиться в баночку, а то бы я, чего доброго, брызнула ей прямо в лицо.

Как я уже объяснила излишне подробно, «Санта-Каролина» — это моя дочь Кэрол, родившаяся в 1902 году по григорианскому календарю, в Канзас-Сити на Теллус Прим, вторая параллель времени, код «Лесли Ле Круа».

«Каролинин день» впервые отметил Лазарус 26 июня 1918 года — это был обряд посвящения Кэрол, превращения ее из ребенка в женщину. Лазарус поднял за Кэрол бокал шампанского и в застольном слове, обращенном к ней, сказал, как чудесно быть женщиной, назвал привилегии и обязанности, связанные с этим новым восхитительным статусом, и объявил, что отныне и впредь 26 июня будет именоваться «Днем Каролины».

Назвать этот день именно так Лазаруса подтолкнуло воспоминание тысячелетней давности — или будущности, смотря в каком времени вы живете. Однажды на дикой планете Новые Начинания он и его жена Дора отметили «Еленин день» в честь наступления половой зрелости у их старшей дочери Элен, с негласной целью повлиять на сексуальное поведение своих подрастающих детей и предотвратить трагедии вроде той, что случилась с Присциллой и Дональдом.

Ни у Лазаруса, ни у Доры, ни у меня не было моральных запретов относительно инцеста, но все мы боялись генетических и социальных его последствий. И Каролинин, и Еленин день помогают родителям справляться с проблемами секса у молодежи,

с проблемами, которые так легко, но совсем не обязательно, могут привести к трагедии.

(Мэриэн я больше всего презираю за ее наплевательское отношение к родительскому долгу. «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка» — афоризм не садистский, а здравый. Вы загубите своих детей, если не будете наказывать их, когда необходимо. Уроки, которые вы не преподали им в детстве, преподаст позже и гораздо суровее жестокий мир, реальный мир, не принимающий извинений, мир TANSTAAFL* и миссис Мы-сделаем-тебе-то-же-что-ты-сделал-нам.)

Несколько веков или несколько лет спустя — как посмотреть — Лазарус сказал мне, что он, не успев договорить свой тост, вдруг понял, что кладет начало самому распространенному празднику человечества — Дню Каролиты, и с тех пор все никак не может разобраться, что было раньше — курица или яйцо.

Курица там или яйцо, но Каролинин день с веками стал отмечаться на многих планетах — я узнала это, попав на Терциус. Обычно его празднуют, просто чтобы повеселиться, вроде как японцы Рождество — это светский праздник, не имеющий никакого отношения к религии.

Но в некоторых цивилизациях он превратился именно в религиозный праздник и служит теократам своеобразным предохранительным клапаном — день, в который разрешается грешить всласть, не опасаясь наказания, день сатурналий.

Пока я слезала с этого дурацкого холодного кресла и «одевалась» в свой кафтан из пляжного полотенца, доктор Ридпат и Дагмар посмотрели мои анализы и объявили, что я здорова, только не в своем уме, чему они оба, кажется, не придавали особого значения.

— Объясните ей, что к чему, Даг,— сказал доктор.— Я пойду приму душ и переоденусь.

— Что будем делать, Морин? — спросила Дагмар.— Док говорит, что все твое достояние — это можнатый балахон, который на

* TANSTAAFL — т.е. There Ain't No Sush Thing As A Free Lunch *(англ.)* — ланчей даром не бывает.

тебе, да рыжий кот. Пиксель! Прекрати сейчас же! Сегодня не тот день, когда можно пойти в участок и спросить дорогу на свою бедную ферму,— нынче фараоны разоблачаются догола и участвуют в беспорядках,— она оглядела меня с ног до головы.— Сегодня в логове льва и то спокойнее, чем на улице. Кое-кому это нравится — мне, к примеру. Но тут уж выбирай одно из двух: либо под замком, либо под мужиком. Можешь переночевать здесь, на кушетке. Одеяло я тебе найду. Пиксель! Слезай оттуда!

— Иди сюда, Пиксель,— я протянула ему руки, и он прыгнул прямо в них.— А может, обратиться в Армию Спасения?

— Куда-куда?

Я попыталась объяснить.

— Никогда о них не слыхала,— потрясла головой Дагмар.— Похоже, ты снова бредишь, дорогуша,— Церковь Твоего Выбора ни за что не допустила бы подобного.

— Что это еще за церковь моего выбора?

— Хоть твоего, хоть моего, хоть чьего — выбор у нас один: Церковь Великого Осеменителя, какая же еще? Если это не твой выбор, тебя могут прокатить на шесте для вразумления. Говорят, помогает.

— Дагмар, я вконец запуталась. Там, откуда я явилась, полная свобода веры.

— У нас тоже, лапочка,— и смотри, как бы проктор не услышал, что ты в этом сомневаешься,— она вдруг улыбнулась зловещей ведьминской улыбкой.— Бывает, правда, что наутро после Каролининой ночи некоторых прокторов и священников находят холодными, с сардонической усмешкой на лице,— я не единственная вдова с длинной памятью.

— Так ты вдова? — глупо переспросила я.— Извини, я не знала.

— Слишком я много болтаю. Не надо так трагически, золотко. Браки заключаются на небесах, как известно, вот мой духовник и подобрал мне суженого, назначенного Небом,— а как же иначе, я ни слова против и не сказала. Но когда Делмер, мой суженый, попал в немилость и его урезали, плакала я недолго. Теперь он прислуживает в алтаре и, говорят, выделяется в хоре своим ангельским голосом. Вся беда в том, что он не умер, а просто

урезан, и я, стало быть, не могу опять выйти замуж,— Дагмар приуныла, но тут же опять оживилась.— Так что ночь Санта-Каролины для меня великий праздник, после целого-то года неусыпного надзора.

— Опять ничего не понимаю. Значит, у вас пуританские порядки, которые отменяются только на одну ночь?

— Не знаю, что такое «пуританские», Морин, и мне трудно подстраиваться под твою роль марсианки — если это роль.

— Это не роль! Дагмар, я в самом деле заблудилась. Оказалась на чужой планете и ничего не понимаю в ваших порядках.

— Ладно, буду вести свою партию, как обещала, только нелегко это. Так вот, триста шестьдесят четыре дня в году — а в високосный год триста шестьдесят пять — у нас одни обязательства, а все остальное запрещено. Мы живем по «золотому правилу», как выражается Верховный Епископ, по Божьему плану. Но в ночь Каролиты, от заката до восхода, все это отменяется. Каролита — покровительница уличных певцов, шлюх, цыган, бродяг, актеров — всех, кто живет за городской стеной. Так что в ее день... Босс! Вы что, в таком виде на улицу собрались идти?

— А в чем дело?

Дагмар сделала вид, что ее сейчас вырвет, и я обернулась посмотреть, из-за чего шум. Доктор вышел из душа в том же, в чем мылся, снабженный самым потрясающим пенисом, который мне доводилось видеть. Он торчал прямо вверх из буйной поросли каштановых локонов, возвышаясь над своим кучерявым основанием дюймов так на двенадцать. Головка была толщиной с мое запястье и слегка загибалась к докторскому волосатому животу.

Он «дышал» вместе с доктором, колеблясь вверх-вниз при каждом вздохе. Я уставилась на это диво в ужасе, точно птица на змею, чувствуя, как затвердели у меня соски. Уберите это от меня! Возьмите палку и убейте его!

— Босс, верните эту пакость в секс-шоп Сирса и потребуйте деньги назад. Или я сейчас смою это в унитаз!

— Валяйте — сантехнику сами будете платить. Слушайте, Дагмар, я надену это дома, а вы в это время щелкнете Зенобию — какое у нее будет лицо. Потом сниму, если только Зенобия не

захочет, чтобы пошел так на оргию к мэру. Давайте, облачайтесь в свой костюм — надо еще заехать за Даффи и его ассистентом — его гусочкой, хотя доктор утверждает обратное. Давай, шевели задницей!

— Не пошел бы ты, босс...

— А что, солнце уже село? Морин, если я правильно понял, вы с утра еще ничего не ели. Идемте к нам обедать, а там решим, что делать дальше. Моя жена готовит лучше всех в городе, верно, Дагмар?

— Да, босс. Вы уже второй раз на этой неделе сказали правду.

— А первый раз когда был? Вы нашли что-нибудь для нашей Золушки?

— Это задача, босс. У меня тут только халаты, подогнанные на меня, Морин они в одном месте будут тесны, а в другом велики. (Дагмар хотела сказать, что я устроена, как груша, а она — как сельдерей.)

Доктор, поглядев на нас, рассудил, что Дагмар права.

— Ладно, Морин, моя жена вам что-нибудь подберет. А до нас и так доберетесь — мы пообедаем в роботакси. Пиксель! Обедать, парень!

— Нннуу? Мрруу!

И мы пообедали у Ридпатов. Зенобия Ридпат действительно отменная кухарка — мы с Пикселем оценили ее, а она оценила Пикселя и отнеслась ко мне тепло и гостеприимно. Зенобия — почтенная матрона лет сорока пяти, красивая, с рано поседевшими подсиненными волосами. Она не изменилась в лице, увидев жуткое изделие, в котором щеголял ее муж.

— Ну, как тебе, Зен? — спросил он.

— Наконец-то! — ответила она.— Ты мне давным-давно обещал подарить это на свадьбу. Ну, по мне, лучше поздно, чем никогда. А почему на нем написано «Сделано в Японии»? А, привет, Дагмар, рада тебя видеть. Счастливой фиесты!

— Обильного урожая!

— Здоровых ребят! Миссис Джонсон, как мило, что вы пришли. Можно звать вас Морин? Вот попробуйте-ка этих крабов. Они прилетели из Японии, как и новая пиписька моего мужа.

А что вы будете пить? — К нам подъехала вежливая машинка с крабовыми ножками и прочими деликатесами и приняла мой заказ — я попросила «Куба либре», только без рома.

Миссис Ридпат похвалила костюм Дагмар: что-то вроде черного чулка, обтягивающего все тело и голову, но открывающего все, что нужно для сатурналий: низ живота, груди и рот. Вид был ослепительно бесстыдный.

Зенобия надела соблазнительный и красивый костюм: голубая дымка под цвет глаз, не слишком многое скрывающая. Даффи Вайскопф так и кинулся на нее с обезьяньими воплями. Она только улыбнулась:

— Покушайте сначала, доктор. И поберегите силы на полночь.

Подозрения доктора Эрика насчет ассистента доктора Даффи были, по-моему, верны — от него не так пахло, и от меня, на его взгляд, наверно, тоже, хотя мой запашок уже начинал появляться, знаменуя улучшение моего настроения. В моем «Куба либре» рома, как я и просила, не было, но я успела выпить половину, прежде чем сообразила, что в коктейль добавлен стоградусный спирт. Спирт — вещь коварная: ни запаха в нем, ни вкуса, а под стол укладывает мигом.

Закуски же, кажется, были приправлены возбуждающими средствами, а Морин возбудители ни к чему — отродясь в них не нуждалась.

К обеду подали вина трех сортов, и бесконечные тосты быстро превратились из двусмысленных в похабные. Маленький робот, обслуживающий меня, исправно наполнял мой бокал, но слово «вода» в его программе отсутствовало — и мама Морин надралась. Да что греха таить. Я так и не научилась пить, как леди. Научилась только притворяться, будто пью. Но в ночь Каролиты оплошала. Я слишком мало ела, слишком много пила, не выспалась.

Я собиралась попроситься у Зенобии переночевать, а наутро после праздника, когда город придет в себя, заняться своими делами. Для начала мне требовалась какая-нибудь одежда и немного денег — их можно раздобыть и не воруя. Женщина всегда найдет, где занять без отдачи — лишь бы подвернулся мужик, который

не прочь ее дружески ущипнуть. Намекнешь ему прозрачно, чем готова заплатить — вот и все. Почти все агентки Корпуса Времени делают нечто подобное в случае надобности. Трепетных девственниц среди нас нет, и нас не выпустят из Бундока без вакцинации против беременности и двадцати других напастей, которые могут приключиться, если тебя укусит червячок, живущий в штанах. Слишком разборчивые особы не годятся для нашей профессии. Мы, женщины, справляемся с разведывательными заданиями лучше мужчин, потому что такие фортели легче сходят нам с рук. Моя брачная сестра Гвен-Хейзел может увести пятна со шкуры леопарда, а тот и ухом не поведет. Если бы за золотом Нибелунгов послали ее, у Фафнира, страдающего недержанием пламени, не было бы ни единого шанса.

Обретя минимальное количество местной валюты и платья, можно будет заняться следующими изысканиями: 1) как добыть в условиях этой цивилизации побольше денег, не попадая в тюрьму; 2) где находится явка Корпуса Времени, если здесь имеется таковая; 3) если ее здесь нет, где скрываются подпольные сообщники Хильды. Почти все это можно ненавязчиво выяснить в публичной библиотеке или с помощью телефонного справочника.

Я все распланировала очень профессионально, а в итоге попалась прокторам и ничего не успела сделать.

Зенобия настаивала, чтобы я пошла с ними на оргию, а я к тому времени уже недостаточно соображала, чтобы отказаться. Она мне и подобрала костюм: длинные прозрачные чулки, круглые зеленые подвязки, туфли на каблуках и плащ... и мне почему-то этот костюм пришелся очень по душе, хотя я не могла вспомнить почему.

От вечера у мэра у меня в памяти сохранились лишь фрагменты. Ну, представьте себе пир, который устроили совместно Калигула с Нероном, заснятый Сесилем де Миллем на обалденном «Техниколоре». Помню, что толковала какому-то кретину (лица не помню; может, у него и не было лица), что повалить меня возможно — многие пробовали, и почти всем удавалось — но мне

нужен романтический подход, а не такой, будто хватаешь бутерброд со стойки быстрого обслуживания.

Вокруг шло сплошное групповое изнасилование — а я не люблю, когда насилуют: кто знает, на кого нарвешься.

Я сбежала с приема и оказалась в парке — а виной тому был один напыщенный осел в длинном балахоне вроде ризы из белого шелка, густо расшитом алым и золотым шитьем. Впереди балахон распахивался, и Flaggenstange* торчал наружу. Обладатель последнего был до того важной особой, что ему ассистировали четверо служек.

Он схватил меня, когда я пыталась прошмыгнуть мимо, и засунул язык мне в рот. Я двинула его коленом и вскочила в открытое окно. Этаж, правда, был нижний, но я не позаботилась это проверить.

Пиксель догнал меня ярдов через пятьдесят и заставил немного замедлить бег, перебежав мне дорогу. Оказавшись в том большом парке, я перешла на шаг. Плащ все еще был на мне, но одну туфлю я потеряла, выискивая окно, а вторую тут же скинула — не могла же я бежать в одной. Это мне не мешало — в Бундоке я так часто хожу босиком, что подошвы ног у меня твердые, как подметки.

Я побродила немного по парку, наблюдая за происходящим (удивительные вещи творились), и не зная, куда деваться. Во дворец мэра возвращаться опасалась: мой важный дружок в пышной ризе, должно быть, еще там. А где живут Ридпаты, я не знала, хоть и побывала у них. Похоже было, что следует дождаться рассвета, найти гранд-отель «Август» (это, должно быть, нетрудно), зайти на антресоли к доктору Ридпату и занять у него немного денег. Гобсонов выбор, других кандидатур нет — но и доктор подойдет, недаром он за обедом исследовал меня по методу Брайля. Это не было грубостью с его стороны — все за столом занимались примерно тем же, и потом, меня ведь предупредили.

Ненадолго я присоединилась к шабашу — была полночь, светила полная луна, и вокруг возносили молитвы на латыни, греческом, древнескандинавском (по моему разумению) и еще на трех языках. Одна женщина изображала критскую богиню со

* Flaggenstange *(нем.)* — флагшток.

змеями. Может, это была настоящая богиня? Не знаю. Пиксель восседал у меня на плече, будто весь свой век сопровождал ведьм на шабаш.

Когда я сошла с алтаря, он соскочил на землю и побежал, как обычно, вперед.

— Вон ее кот! — закричал кто-то.— А вот и она сама! Хватай ее!

И схватили.

Я уже говорила, что не люблю, когда меня насилуют. Особенно не по нутру мне, когда четверо меня держат, а жирный урод в расшитой рясе делает свое дело. Поэтому я укусила его и высказала все, что думала о его предках и личных качествах.

Так я оказалась в каталажке, где и сидела, пока тронутые из Комитета Эстетического устранения не устроили мне побег. Что называется, из огня да в полымя.

Прошлым вечером на заседании Комитета председательствовал граф Дракула. Он единственный их всех позаботился о том, чтобы соответствовать своему имени — этот отталкивающий красавец не только облачился в плащ, как вампир из видеофильма, но еще и зубной протез себе заказал, какой надо, изо рта у него торчали собачьи клыки. Я, во всяком случае, решила, что они искусственные: не верю, что у людей или хотя бы у гуманоидов могут взаправду быть такие зубы.

Я вошла в круг и села на оставшийся свободный стул.

— Добрый вечер, кузены. Добрый вечер, граф. А где же Горный Старец?

— У нас таких вопросов не задают.

— О, прошу прощения! Но почему же?

— Предоставляю самой поупражняться в дедукции. Но больше таких вопросов не задавайте. И не опаздывайте. Вы — предмет нашего сегодняшнего обсуждения, леди Макбет.

— Морин Джонсон, если вас не затруднит.

— Затруднит. Вот еще один пример вашего нежелания соблюдать правила, необходимые для безопасности Покойников. Вчера было замечено, как вы говорили с горничной отеля. О чем вы говорили?

Я встала.

— Граф Дракула.

— Да, леди Макбет?

— Идите вы к черту. А я иду спать.

— Сядьте!

Я не послушалась, но мои соседи с обеих сторон схватили меня и усадили на место. С тремя я бы еще справилась — ведь все они были смертельно больны, но семерых для меня было многовато, и мне не хотелось драться с ними всерьез.

— Леди Макбет, – продолжал председатель,— вы находитесь среди нас уже две недели, и все это время отвергаете предлагаемые вам задания. Вы нам обязаны своим спасением...

— Вздор! Это Комитет у меня в долгу! Никакое спасение мне бы не понадобилось, если бы вы не похитили меня и не подсунули мне в постель труп убитого вами судьи Хардейкра. Так не говорите теперь, что я чем-то обязана Комитету! Вы мне вернули кое-что из одежды, но где мой кошелек? Зачем вы одурманили меня наркотиками? Как вы посмели использовать мирную путешественницу для прикрытия одного из своих убийств? Кто разработал этот план? Я хочу поговорить с ним.

— Леди Макбет.

— Да?

— Придержите язык. Сейчас вы получите задание. Все уже подготовлено, и этой ночью вы нанесете удар. Клиент — генерал-майор в отставке Лью Роусон, повинный в недавней провокации...

— Граф Дракула!

— Да?

— Катитесь к чертям собачьим.

— Не прерывайте меня. Операция полностью подготовлена. Джек Потрошитель и Лукреция Борджиа пойдут с вами и будут вами руководить. Вы убьете его в постели, а если станете увиливать — вас убьют вместе с ним, и поза, в которой найдут вас обоих, подтвердит ходящие о нем слухи.

Общее внимание было приковано к нашей стычке, и проктор проникли с балкона незамеченными. Но знакомый голос крикнул мне:

— Морин, берегись! — и я бросилась на пол.

На прокторах были, как всегда, ку-клукс-клановские балахоны и колпаки, но голос принадлежал Дагмар. Повернув к ней голову, я увидела рядом Пикселя.

Боевики Корпуса Времени пользуются парализующим оружием, когда не хотят убивать всех подряд, и сейчас обстреливали комнату как раз из него. Меня тоже зацепило — я совсем отключилась, но не стала возражать, когда здоровенный проктор (один из моих мужей!) подхватил меня на руки. Он вынес меня на балкон, и весь отряд вместе с нами погрузился в маленький транспортный вертолет, паривший рядом. Дверь захлопнулась, отозвавшись грохотом в ушах.

— Готовы?

— Готовы!

— У кого Пиксель?

— У меня! Поехали! — отозвалась Хильда.

И мы очутились дома, в Бундоке, на посадочной лужайке перед резиденцией Лонгов. Хорошо знакомый голос сказал:

— Все системы отключены,— пилот повернулся ко мне и печально произнес: — Мама Морин, ты заставила меня здорово поволноваться.

— Извини, Вудро.

— Почему ты мне ничего не сказала? Я бы помог.

— Конечно, помог бы, дорогой — но я хотела только разведать.

— Надо было...

— Хватит, Лазарус,— перебила Хильда.— Мама Морин устала и, наверно, проголодалась. Тамара ждет нас с завтраком. Через два часа — в четырнадцать ноль-ноль по местному времени — мы все должны быть на оперативном совещании. Проводит его Джубал...

— Оперативное совещание? Чему оно посвящено?

— Твоей операции, мама,— ответил Вудро.— Отправляемся на розыски деда. Или мы его спасем, или доставим сюда его тело. Но на этот раз все будет как надо. Корпус Времени проводит эту операцию масштабно, с привлечением всех необходимых средств.

Ближний Круг единогласно проголосовал «за». Ну почему ты мне ничего не сказала, мама?

— Заткнись, Вуди, и помолчи,— сказала Хильда.— Сейчас самое главное, что мама Морин опять с нами. Верно, Пиксель?

— Вер-р-но!

— Тогда пошли завтракать.

27

КОВЕНТРИЙСКИЙ ПЕРЕЛОМ

Наесться вдоволь мне не пришлось.

Завтрак был в мою честь, и все было вкусно, но мне понадобилось бы два рта: один, чтобы есть, а другой — чтобы перецеловать всех пятьдесят человек. Впрочем, я не особенно проголодалась. Даже в заключении меня кормили прилично, а в плену у Комитета я получала все самое лучшее с кухни отеля.

Изголодалась я только по любви и по человеческому теплу.

Как я уже сказала, банкет давали в мою честь — но Пиксель был убежден, что в его, как и все банкеты, на которых он присутствует, и вел себя соответственно. Он обходил пиршественные ложа, задравши хвост, принимал из рук угощение и ласкался к своим друзьям и вассалам.

Подошла Дагмар, попросила Лаз подвинуться, пристроилась рядом со мной, обняла меня и поцеловала. Я прослезилась.

— Дагмар, даже сказать не могу, что я почувствовала, услышав твой голос. Ты ведь останешься с нами? Тебе здесь понравится.

Она усмехнулась, продолжая обнимать меня.

— А ты что думаешь, я хочу обратно в Канзас-Сити? Бундок по сравнению с ним просто рай.

— Ладно! Я — твой спонсор,— придерживая ее за талию, я добавила: — Ты прибавила несколько фунтов, и это тебе идет. А загар какой красивый! Или ты побрызгалась аэрозолем?

— Нет, я загорала как положено: лежала на солнце, медленно увеличивая дозу. Ты не поверишь как приятно загорать, зная, что в твоем родном городе за это полагается публичная порка.

— Жалко, что я не могу загорать как Дагмар, мама,— сказала Лаз,— сразу высыпают эти здоровенные веснушки.

— Ты вся в меня, Ляпис Лазули,— я тоже всегда покрываюсь веснушками. Приходится расплачиваться этим за то, что мы рыжие.

— Знаю. А вот Дагмар может загорать день за днем, месяц за месяцем, и хоть бы одна веснушка. Посмотри только на нее.

Я села.

— Что ты сказала?

— Что у Дагмар не бывает веснушек. И все наши мужики за ней бегают,— Лаз пощекотала Дагмар.— Правда, Даг?

— Ну уж и все!

— Нет, ты сказала «месяц за месяцем». Дагмар, в последний раз я видела тебя две недели назад. Сколько времени ты здесь?

— Я-то? Да уж года два. Говорят, твой случай был сложный.

Мне не следовало бы удивляться, проведя в Корпусе Времени двадцать лет по личному времени и семь по бундокскому. Парадоксы времени для меня не новость; я веду дневник, чтобы отличить свою личную параллель от всех прочих параллелей и времен, в которые меня засылают. Но на этот раз я сама стала объектом операции «Два М» («Мама Морин»). По своему личному времени я отсутствовала пять с половиной недель, а им понадобилось больше двух лет, чтобы отыскать меня и спасти.

Лаз кликнула Хильду, чтобы та объяснила мне, что к чему. Хильда втиснулась с другого боку между мной и Лорелеей Ли — хорошо еще, что она не занимает много места.

— Ты сказала Тамаре, мама Морин,— начала она,— что тебя не будет только пару дней. Она, конечно, знала, что ты врешь, но, как всегда, не стала разоблачать твою невинную ложь, думая, что ты собралась на Секундус развлечься и походить по магазинам.

— Я и в самом деле собиралась вернуться на другой день, Хильда Мэй, невзирая на то, сколько времени займут мои поиски. Я хотела провести в Британском музее несколько недель 1950 года второй параллели, чтобы как можно подробнее изучить все, что касается битвы за Британию 1940–1941 годов, и специально для этого имплантировала новый диктофон. В Англию времен

войны я не решалась отправиться без подготовки — того и гляди, расстреляют как шпионку по законам военного времени. Завершив свои изыскания, я вернулась бы на другой день к обеду... если бы это корыто времени не сломалось.

— Оно не сломалось.

— Как так?

— Диверсия, Мо. Ревизионисты. Те самые паскудники, которые чуть было не убили Ричарда, Гвен-Хейзел и Пикселя в третьей параллели. Мы так и не выяснили, зачем им понадобилось останавливать тебя и притом именно таким способом — пленных мы не брали и разделались с ними слишком быстро. Я говорю «мы», хотя сама в этом не участвовала: я ведь человек кабинетный, как известно. Этим занялись старые профи: Рич, Гвен и Гретхен совместно с отрядом из пятой параллели под командованием ленсмана Теда Смита. Но Круг поручил руководство операцией «Два М» мне, и это я раскопала сведения, приведшие нас к ревизионистам. Получила я их главным образом от водителя автобуса. Напрасно я взяла на работу этого подонка, Морин. Моя неосмотрительность чуть было не стоила тебе жизни. Прости меня.

— За что? Милая моя Хильда Мэй, если бы ты много лет назад не спасла меня из Альбукерке, я была бы мертвым-мертва. Не забывай об этом, как не забываю я.

— Не надо благодарить меня, Мо,— мне каждый раз только в радость тебя спасать. Я позаимствовала немножко змей у Патти Пайвонской и стала допрашивать того придурка, подвесив его вниз головой над змеиной ямой. Это освежило его память, и он выдал нам, в какой параллели и в каком месте тебя искать — в Канзас-Сити 2184 года григорианского календаря, начиная с двадцать шестого июня, в ранее неисследованном ответвлении второй параллели, где не имела места Вторая Американская революция. Теперь эта параллель обозначается как одиннадцатая — довольно скверный отрезок времени, и Круг уже взял ее на заметку — надо будет почистить там и прижечь, когда руки дойдут.

Хильда нагнулась и поманила Пикселя, заговорив с ним покошачьи; тот тут же прибежал и пристроился у нее на коленях, громко мурлыча.

— Мы заслали агентов в тот Канзас-Сити, но они потеряли тебя в день твоего появления там, точнее, в ночь. Они проследили тебя от гранд-отеля «Август» до чьего-то частного дома, а оттуда до дворца мэра и карнавала на улице. Потом след оборвался. Но с тобой был Пиксель — хотя он и тут чуть ли не каждый день бывал.

— Как он это делает?

— А как Веселая Обманщица ухитряется держаться без крена, хотя у нее ванные по обоим бортам? Морин, если ты продолжаешь верить в мир как логику, тебе никогда не понять, что такое мир как миф. Пиксель ничегошеньки не знает об эйнштейновском пространстве-времени, о предельной скорости света, о гиперскачке и прочих измышлениях теоретиков, поэтому они для него просто не существуют. Пиксель знал, в каком месте существующего для него мира находишься ты, но по-английски он изъясняется с трудом, по крайней мере в Бундоке. Поэтому мы перенесли его туда, где он может говорить...

— Куда это?

— В страну Оз, конечно. Пиксель не знает, что такое собор, но подробно описал его, когда нам удалось его отвлечь от исследования восхитительных новых мест. Трусливый Лев помог нам его расспросить, и Пиксель впервые в жизни был поражен — наверное, ему захотелось вырасти таким же большим. Потом мы срочно выслали отряд — вытащить тебя из тюрьмы Верховного Епископа. Но тебя там не оказалось.

— Зато оказалась я,— подхватила Дагмар.— Пиксель привел их прямо ко мне, в твою камеру — прокторы взяли меня, как только ты сбежала.

— Да,— подтвердила Хильда.— Дагмар подружилась с тобой, а это было небезопасно, особенно после гибели Верховного Епископа.

— Дагмар, прости меня!

— За что же? Все хорошо, что хорошо кончается. А посмотри, как хорошо мне здесь. Ну так вот, мы все отправились обратно в Оз, и я, послушав Пикселя, сказала Хильде, что тебя держат в гранд-отеле «Август».

— Как же так? С него ведь все и началось!

— Туда мы и вернулась — в апартаменты, которые не значились на плане отеля и куда можно было попасть только на частном лифте из подвала. Тут мы эффектно появились на сцене и застали Комитет врасплох.

К нам присоединился Лазарус — он сидел на траве у моих ног, не вмешиваясь в разговор, и я спрашивала себя, надолго ли хватит его ангельского поведения.

— Ты даже не знаешь, мама, насколько права, сказав, что все началось с отеля. Помнишь, как мы переехали — я тогда еще учился в средней школе?

— Конечно. На старую ферму.

— А потом после Второй мировой войны ты продала дом, и его снесли.

Как хорошо мне все это помнилось!

— И на том месте построили гарримановский «Хилтон».

— Так вот — гранд-отель «Август» и есть гарримановский «Хилтон». Он, конечно, через два века уже немного не тот, но мы изучили хилтоновский план и обнаружили те престижные апартаменты, неизвестные широкой публике.— Лазарус потерся щекой о мое колено.— Ну, кажется, все, Хильда?

— Вроде бы.

— Погодите! — запротестовала я.— А что же случилось с ребенком? И с мужчиной, которому оторвало руку во время аварии?

— Морин,— мягко сказала Хильда,— я тебе третий раз повторяю: никакой аварии не было. «Ребенок» — просто кукла, имитация, которую тебе сунули, чтобы занять твои руки и отвлечь внимание. А «раненый» служил ошеломляющим зрелищем, пока тебе делали укол — это давний инвалид, а свежая кровь — просто грим. Когда я допрашивала своего водителя над змеиной ямой, он сделался весьма разговорчив и рассказал мне немало всяких пакостей.

— Хотела бы я с ним поговорить!

— Боюсь, что это невозможно. Я не люблю, когда мои люди меня предают. Ты у нас добрая душа, а я нет.

* * *

— Пары хирург — сестра подобраны так, чтобы лучше соответствовать друг другу с профессиональной точки зрения.— Мы все собрались в лекционном зале Мемориала Айры Джонсона, и Джубал начал свой доклад.— Вот наши предварительные наметки:

Доктор Морин — Ляпис Лазули;

Доктор Галахад — Лорелея Ли;

Доктор Иштар — Тамара;

Доктор Хэршоу (то есть я) — Джиллиан;

Доктор Лейф Хьюберт, он же Лазарус,— Хильда;

и наконец

Доктор Айра Джонсон — Дагмар Доббс.

Ты, Дагмар, не совсем подходишь Джонсону — ведь ты по своей квалификации опережаешь его на полтора века, не говоря уж о тех знаниях, что приобрела здесь. Но ничего лучшего мы придумать не смогли. Доктор Джонсон не знает, что с ним будешь работать ты.

Однако нам известно по литературе и по многочисленным устным свидетельствам — наши агенты собирали их и в Ковентри, и в других местах с сорок седьмого по пятидесятый год, расспрашивая людей, служивших в ту войну в медицинских подразделениях гражданской обороны,— нам известно, что сестру могли назначить к хирургу в последнюю минуту, наспех, не спрашивая, какая у кого квалификация. Боевые условия, Дагмар. И если ты окажешься там первой, когда завоют сирены — а так оно и будет,— доктор Джонсон возьмет тебя без разговоров.

— Постараюсь, чтобы взял.

— Возьмет, не сомневайся. Все наши бригады первой помощи будут в халатах и в масках, обычных для Англии 1941 года, и будут использовать инструментарий, не слишком бросающийся в глаза своим анахронизмом... Хотя что можно заметить при такой бомбежке,— Джубал оглядел зал.— Все участники нашей операции — добровольцы. Я неоднократно подчеркивал, что вы идете в настоящий бой. Если вас убьют в Англии 1941 года, то вас убьют. Фугаски нацистского Люфтваффе убивают не хуже всяческого эк-

зотического оружия позднейших времен. Вот поэтому мы все — добровольцы и каждый еще может отказаться до начала операции. Все девушки майора Гретхен тоже идут добровольно — и получают наиболее высокий гонорар,— Джубал откашлялся.— Но есть у нас один доброволец, который нам не нужен и которого необходимо оставить дома. Дамы и господа, куда нам, черт побери, девать Пикселя? Когда начнут бомбить и наш перевязочный пункт завалят ранеными, нам меньше всего будет нужен кот, которого невозможно запереть. Полковник Кембелл? Это твой кот.

— Ты неправильно подходишь к вопросу, доктор,— ответил мой внук Ричард Эймс Кемпбелл.— Пиксель мне не принадлежит. Как и любому другому здесь. Я согласен — нельзя допустить, чтобы он в бою путался у нас под ногами. Кроме того, я и за него беспокоюсь: он ведь не знает, что бомбы могут убить. Он попадал уже в перестрелку котенком, и чуть было не погиб. Я не хочу, чтобы это повторилось. Но не могу придумать, как его запереть.

— Минутку, Ричард,— поднялась Гвен-Хейзел.— Можно внести предложение, Джубал?

— Хейзел, у меня тут записано, что всей операцией от начала до конца командуешь ты. Поэтому предложение, я полагаю, ты можешь внести — по крайней мере одно.

— Ладно тебе, Джубал. У нас в семье есть человек, который имеет на Пикселя больше влияния, чем я или Ричард. Моя дочь Вайоминг.

— И она согласна нам помочь?

— Согласится.

— Допустим — но сможет ли она не спускать глаз с Пикселя целых четыре часа? По техническим причинам, связанным с пространственно-временными воротами, у нас уйдет на операцию примерно столько бундокского времени — так говорит доктор Бэрроу.

— А можно мне сказать? — вмешалась я.

— Хейзел, уступаешь слово?

— Что за глупости, Джубал, конечно.

— Без Вайо нам действительно не обойтись — на эту девочку вполне можно положиться. Но тут ей Пикселя не уберечь — он

мигом улизнет. Давайте отправим их в страну Оз и оставим у Глинды. Точнее, у Бетси, но Глинда своими чарами должна помешать Пикселю проходить сквозь стены.

— Ну как, Хейзел?

— Они оба будут в восторге.

— Значит, так и решим. А теперь вернемся к операции. Попрошу голограмму.— Позади и вокруг Джубала возникла огромная живая картина.— Это не настоящий Ковентри, а учебная потемкинская деревня, которую построила для нас Афина километрах в восьмидесяти отсюда. Поклон тебе, Фина.

— Спасибо, папа Джубал, но тут поработал «Шива» — мы с Майкрофтом Холмсом составили синергестическую параллель, а дирижировала Минерва. И раз уж вы тут все собрались, позвольте напомнить — Минни, Майк и я приглашаем всех на нашу свадьбу по завершении операции «Ковентрийский перелом». Так что подумайте заранее о свадебных подарках.

— Фина, ты откровенная материалистка, и потом — ваши композитные тела еще далеко не готовы.

— Да что ты? Иштар позволила перенести наши тела в Веулу, и теперь нас можно раскупорить и оживить в любой удобный для нас день. Подучи-ка законы темпорального парадокса, Джубал.

— Хорошо,— вздохнул Джубал.— Я уже предвкушаю, как буду целовать невест. А теперь, может быть, продолжим разбор операции?

— Не спеши, папуля. Уж тебе ли не знать, что при межвременных операциях спешить некуда.

— Верно — но нам не терпится. Итак, друзья, Фина — или Шива — создали наш учебный полигон по фотографиям, кинопленкам и голограммам, снятым в Ковентри 1 апреля 1941 года. Это год настолько отдаленный, что все параллели времени, патрулируемые агентами Ближнего Круга, еще представляют собой единую линию. А посему все, что бы мы ни предприняли в Ковентри 1941 года, отразится на всех цивилизованных параллелях — «цивилизованных» в узком смысле, конечно: Круг не совсем объективен. В ходе подготовительных исследований выяснился один странный факт. Лазарус, тебе слово.

Мой сын встал.

— Вторая мировая война 1939–1945 годов, какой я ее помню, закончилась гораздо более благоприятно для Англии и Европы, чем показывают наши недавние исследования. Например, мой брат, Брайан Смит-младший, был ранен во время высадки в Марселе, а затем его направили в Англию, в Солсбери, тренировать американцев. Помнишь, мама?

— Конечно, Вудро.

— А вот свежие исторические изыскания показывают, что этого быть не могло. Германия выиграла Битву за Британию, и не было ни высадки в Марселе, ни тем более американской учебной команды в Англии. Зато Германию забросали атомными бомбами американские бомбардировщики Б-29, базировавшиеся в Северной Африке. Друзья мои, я участвовал в этой войне — и никаких атомных бомбардировок в Европе при мне не было.

— Спасибо, Лазарус. Я тоже участвовал в той войне, причем воевал в Северной Африке. Б-29 там при мне не базировались, и никаких атомных бомб на европейском театре не применялось — поэтому данные исторической разведки поразили меня не меньше, чем Лазаруса. Эти неблагоприятные данные и побудили нас превратить операцию «Джонсон I», имевшую целью обнаружение и спасение доктора Айры Джонсона, старейшины рода Джонсонов, в операцию «Конвентрийский перелом», в которую операция «Джонсон I» входит как одна из фаз, но цель которой гораздо обширнее — она призвана изменить исход войны. 8 апреля 1941 года избран днем операции не только потому, что доктор Джонсон находился там как врач гражданской обороны, но еще и потому, что Ковентри в ту ночь гигантские «хейнкели» бомбили в четыре захода — это самый мощный налет, который когда-либо осуществляла нацистская военная авиация.

Математики Круга вместе с Шивой сошлись на том, что это переломный момент, в который горсточка людей способна изменить ход истории. Задача девушек майора Гретхен — уничтожить эту воздушную армаду настолько близко к ста процентам, насколько позволит современное оружие. С их помощью Королевские

Воздушные Силы выиграют битву, а без нее налет бомбардировщиков может оказаться — или оказался — слишком мощным для «спитфайеров». Еще одна, скрытая цель операции «Ковентрийский перелом» — цель третьего порядка, так сказать,— это спасение жизни пилотов «спитфайеров», чтобы те могли сражаться на следующий день.

Наша операция как раз в духе Ближнего Круга — минимальное вмешательство, дающее максимальный результат, и Круг смотрит на нее весьма оптимистично.

— А теперь — внимание на голограмму. Мы смотрим на город с Луга Серых братьев, на котором в ту ночь находился перевязочный пункт «Джонсона I». Эти три башни — все, что осталось от центра города после предыдущих бомбежек: колокольни собора Св. Михаила, церкви Серых Братьев и церкви Св. Троицы. Слева от нас — колокольня поменьше, не вошедшая в кадр: это все, что осталось от старинного бенедиктинского монастыря, построенного в 1043 году Леофриком, графом Мерсийским, и его женой леди Годивой. Мы арендовали у графа эту башню, и в ней будут смонтированы ворота, которые доставят лучниц Гретхен в 1941 год. Может быть, вам интересно будет узнать, что к аренде, выплаченной золотом, был добавлен еще и презент — великолепный белый мерин, которого леди Годива назвала Этельнот и на котором совершила свой знаменитый выезд на благо горожан Ковентри.

Джубал откашлялся и ухмыльнулся:

— Несмотря на многочисленные просьбы, исходящие в основном от Кастора и Поллукса, наша операция не предусматривает познавательной экскурсии на выезд леди Годивы. На сегодня все, друзья мои. Для участия в операции следует быть убежденным в трех вещах: во-первых, что нацистский режим Адольфа Гитлера слишком страшен, чтобы дать ему победить; во-вторых, что нацистов желательно победить, не забрасывая при этом Европу атомными бомбами; и в-третьих — что стоит рискнуть своей шкурой, чтобы это осуществить. Круг на все эти вопросы отвечает «да», но каждый из вас должен решить это со

своей совестью. Если кто-то не готов от всей души ответить «да» на каждый вопрос — ему лучше не участвовать. Гедеонов отряд, в который войдут те, кто твердо решился, собирается на первое учение завтра в десять утра в нашем потемкинском Ковентри. Транспортная кабина для доставки на полигон находится к северу от этого здания.

8 апреля 1941 года в 7 часов 22 минуты вечера над Ковентри садилось солнце, отсвечивая красным сквозь пороховую гарь и дым из труб.

Глядя на город, я испытывала странное чувство — так он был похож на имитацию Шивы. Я стояла у входа в пункт первой помощи, где ночью будет работать (работал) отец. Это строение было сложено из мешков с песком, покрыто брезентом и выкрашено в защитный цвет.

Рядом имелся примитивный сортир, а внутри — помещение для раненых и «операционная»: три сосновых стола, несколько шкафов, на земляном полу — дощатый настил. Водопровода не было — только бак с краном. И керосиновые лампы.

Вокруг простирался Луг Серых братьев — запущенный парк, изрытый воронками от бомб. Монастырскую башню, арендованную нами у Леофрика, графа Мерсийского, супруга Годивы, не было видно, но я знала, что она к северу от меня, слева. Полевой агент Хендрик Хадсон Шульц, заключавший сделку с графом, доложил, что у Годивы действительно необычайно длинные красивые волосы, но с подветренной стороны от нее стоять не рекомендуется — она, похоже, мылась не более двух раз в жизни. Отец Хендрик шестнадцать месяцев корпел над англосаксонским языком одиннадцатого века, над обычаями того времени, над средневековой латынью — а задание, стоившее таких трудов, выполнил за десять дней.

Сегодня отец Хендрик находился при Гретхен в качестве переводчика — боевой отряд сочли нецелесообразным обучать дочосеровскому английскому, поскольку их задача — стрелять, а не разговаривать.

К северо-востоку от меня возвышались три шпиля, давшие городу его прозвище: Серых братьев, Св.Троицы и Св.Михаила. Церкви Св.Михаила и Св.Троицы были разрушены предыдущими бомбежками, и почти весь центр города лежал в руинах. Впервые услышав о бомбардировке Ковентри век назад по своему личному времени, я подумала, что бомбить исторический город способны только такие звери, как нацисты. Теперь, хотя преуменьшить злодеяния нацистов и заглушить смрад из газовых камер невозможно, я знаю, что бомбардировка Ковентри велась не просто ради Schreeklichkeit*: Ковентри был важным промышленным центром Англии, таким же, как Питтсбург в Америке, а не тем буколическим городком, который я себе представляла. Так что, если сегодня судьба будет к нам благосклонна, мы не только уничтожим большинство тяжелых бомбардировщиков Люфтваффе, но и спасем жизнь многочисленным рабочим, не менее важным для победы, чем храбрые солдаты.

Гвен-Хейзел занималась проверкой связи:

— Кровь, я Конь Годивы. Как слышишь меня?

— Конь, я Кровь. Слышу тебя.

Этой ночью мы будем пользоваться уникальной сетью связи (в которой я даже не пыталась разобраться — я инженер по пеленкам и кухонный химик, а электрона сроду не видела), в сочетании с еще более поразительной пространственно-временной техникой.

Снаружи задняя стена перевязочного пункта представляла собой штабель мешков с песком. Изнутри эта стена была завешена занавеской — предполагалось, что там кладовая, но на самом деле там находилось двое пространственно-временных ворот: одни вели в 4276 год и в учебную клинику Бундока, а другие могли циркулировать туда и обратно, не создавая пробок. На бундокском конце еще одна пара ворот сообщалась с Веулой — чтобы направлять более трудные случаи на лечение туда, в иное измерение времени, а потом возвращать в Ковентри.

* Schreeklichkeit *(нем.)* — Здесь: устрашения.

Подобная этой, но несколько отличающаяся от нее пара ворот служила отряду Гретхен. Она со своими девушками и отцом Шульцем ждала внутри монастырской башни одиннадцатого века. Ворота, ведущие в двадцатый век, сработают только тогда, когда здесь завоют сирены и Гвен-Хейзел сообщит об этом Гретхен.

Гвен-Хейзел могла вести переговоры с двадцатым, сорок четвертым и одиннадцатым веками поочередно или одновременно, пользуясь горловым микрофоном, подъязычными переключателями и встроенной в тело антенной, находясь по любую сторону ворот.

Кроме того, она держала связь еще и с Зебом и Дити Картерами, которые на борту Веселой Обманщицы висели в тридцати тысячах футов над Ламаншем, недосягаемые ни для бомбардировщиков, ни для «мессершмиттов» и «фоккеров», ни для зениток того времени. Обманщица согласилась там находиться лишь в том случае, если ей самой позволят выбрать нужную высоту. (Обманщица — пацифистка, обладающая прискорбным, по ее мнению, боевым опытом.) Однако она ручалась, что и на той высоте засечет, как поднимаются в воздух и формируются соединения «хейнкелей», гораздо раньше, чем британские береговые радары.

После учений в «потемкинской деревне», где мы прорабатывали все ранения, которые только могли прийти в голову, большинство медицинских бригад решено было оставить на бундокской стороне ворот. Раненых будут сортировать и «безнадежных» отправлять в Бундок, где безнадежных случаев не существует — лишь бы мозг был жив и не слишком поврежден. Там будут работать доктора Иштар и Галахад во главе своих обычных команд (не обязательно добровольцев, ведь Ковентри они даже не увидят.) После починки «безнадежных» отправят выздоравливать в Веулу на несколько дней или недель и еще до рассвета вернут в Ковентри. (Назавтра эти чудеса никто не сумеет объяснить. Нас уже и след простынет.)

Каса и Пола их жены, мои дочки Лаз и Лор, назначили таскать носилки — транспортировать тяжелораненых из Ковентри в Бундок.

Мы предположили, что большое количество слишком хорошо оснащенных медиков, возникших, как из-под земли, при звуке сирен, только насторожит моего отца, и он учует, что дело здесь нечисто. Но когда раненые начнут поступать, ему уже будет не до того.

Джубал и Джиллиан, дежурная бригада, пройдут в ворота в случае необходимости. Дагмар войдет, как только Дити на Веселой Обманщице сообщит, что бомбардировщики поднялись в воздух — ей надо представиться доктору Джонсону сразу, как он появится. Когда завоют сирены, войдем мы с Лазарусом в масках и халатах — он врач, а я сестра. Я могу быть и врачом, но как операционная сестра не в пример ценнее — практики больше. Предполагалось, что мы втроем завершим операцию: похитим отца, протащим его через ворота, а в Бундоке все ему объясним — в том числе то, что его могут омолодить, обучить новейшим достижениям медицины и вернуть в Ковентри того же восьмого апреля сорок первого года, если он будет настаивать. Если ему уж очень захочется.

Но я надеялась, что к тому времени отец с помощью Тамары осознает, что возвращаться на Битву за Британию — чистейшее донкихотство, поскольку эта битва уже выиграна два тысячелетия назад.

Тамара — мое секретное оружие. Благодаря чудесному стечению событий я все же стала женой своего любовника со звезд... то есть своего сына, как оказалось к моему изумлению и великому счастью. А вдруг свершится еще одно чудо, и я стану женой единственного мужчины, которого любила всегда, целиком и без оговорок? Отец непременно женится на Тамаре, как сделал бы любой мужчина, дай ему только случай,— а уж Тамара устроит так, чтобы он женился и на мне. Я на нее надеялась.

А не получится — с меня более чем довольно будет и того, что отец жив.

Я вернулась через ворота в Бундок и тут услышала голос Гвен-Хейзел:

— Конь Годивы — всем постам. Дити сообщает, что бандиты в воздухе и строятся. Сирены прозвучат ориентировочно через восемьдесят минут. Подтвердите, как поняли.

Гвен-Хейзел стояла рядом со мной сразу за воротами, но ведь она не только передавала сообщение, а и проверяла связь, и мне тоже полагалось ответить. Мое переговорное оснащение было простым: микрофон — не внутренний, а прибинтованный к горлу, невидимые наушники и антенна под одеждой.

— Кровь-не-водица — Коню,— ответила я.— Вас поняла.

И услышала: «Йомен — Коню, вас поняли. Восемьдесят минут. Час двадцать».

— Кровь — Коню,— сказала я.— Я слышу Гретхен. Так и надо?

Гвен-Хейзел отключила микрофон и сказала мне:

— Нет, ты не должна ее слышать, пока вы обе не окажетесь в 1941 году. Мо, будь добра, выйди опять в Ковентри, чтобы проверить еще раз.

Я вышла — теперь связь между мной и Гвен-Хейзел, между сорок четвертым и двадцатым веком, работала нормально, но Гретхен я больше не слышала, как и полагалось. Тогда я вернулась в Бундок надеть халат и маску. При переходе был момент, когда что-то как будто вцеплялось в твою одежду и в ушах стреляло — я знала, что это статическая перегородка, уравновешивающая перепад давления, но все равно было жутко.

Дити доложил, что в воздух поднимается конвой немецких истребителей. Немецкие «мессершмитты» были не хуже, если не лучше «спитфайеров», но им приходилось воевать на пределе горючего: основной запас бензина расходовался на перелет туда и обратно, и драться они могли только несколько минут. Кто не рассчитал, падал в Ламанш.

— Дагмар, вперед,— сказала Гвен-Хейзел.

— Есть,— Дагмар прошла через ворота — в халате, маске и шапочке, но пока без перчаток. Да и Бог знает, какой толк от перчаток в боевых условиях. Разве что послужат защитой не столько раненым, сколько нам.

Я завязала маску Вудро, он мне. Теперь мы наготове.

— Конь Годивы — всем постам,— заговорила Гвен-Хейзел.— Звучат сирены. Йомен, открывайте ворота и переходите в другое время. Прием.

— Йомен — Коню, слышу тебя, есть переходить.

— Конь — Йомену, вас понял. Доброй охоты! Мо и Лазарус, можете идти,— добавила Хейзел.— Удачи!

Я прошла вслед за Лазарусом — и сердце у меня екнуло. Дагмар помогала моему отцу надеть халат. Он взглянул на нас, когда мы появились из-за занавески, но больше не обращал внимания. Я слышала, как он говорит Дагмар:

— Что-то я вас не видел, сестра. Как вас зовут?

— Дагмар Доббс, доктор. Можете звать меня Даг. Я только что из Лондона, привезла медикаменты и прочее.

— То-то я в первый раз за много недель вижу чистый халат. И маски — просто шик! А вы говорите, как янки, Даг.

— Я и есть янки, доктор,— как и вы.

— Признаю себя виновным. Айра Джонсон из Канзас-Сити.

— Да мы с вами земляки!

— Мне так и показалось, что ваш выговор отдает кукурузой. Когда «хейны» сегодня уберутся восвояси, можем посплетничать о родных краях.

— От меня мало толку — я не была дома с тех пор, как надела чепец.

Дагмар занимала отца, не давая ему отвлекаться,— и я про себя благодарила ее за это. Мне не хотелось, чтобы он заметил меня до конца операции — сейчас нет времени на воспоминания о былом.

В отдалении упали первые бомбы.

Я не видела этого налета. Девяносто три года назад — или в ноябре того же года, смотря как считать, мне довелось видеть, как падают бомбы на Сан-Франциско, и я ничего не могла тогда сделать — только смотрела вверх, затаив дыхание, и ждала. Поэтому я не жалею, что была занята и не видела, как бомбят Ковентри. Но слышать слышала. Если слышишь, как упала бомба,— значит,

она слишком далеко, чтобы быть твоей. Так говорят, но я не очень-то этому верю.

— Слыхала Гретхен? — спросила Хейзел у меня в ухе.— Говорит, они сбили шестьдесят девять штук из первой волны, а всего было семьдесят два.

Я не слышала Гретхен. Мы с Лазарусом занимались своим первым пациентом — маленьким мальчиком с сильными ожогами и раздробленной левой рукой. Лазарус приготовился к ампутации. Я смигнула слезы с глаз и стала помогать ему.

28
ВЕЧНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Не стану надрывать душу ни вам, ни себе подробным рассказом об этой ночи, длившейся тысячу лет. Если вам доводилось бывать в отделении скорой помощи городской больницы — то это самое мы и видели всю ночь, этим и занимались. Сложные переломы, раздробленные конечности, ожоги — ужасные ожоги. Не слишком опасные мы покрывали гелем, который откроют только через много веков, перевязывали и передавали пострадавших санитарам гражданской обороны, которые эвакуировали их на носилках в госпиталь. Самых тяжелых Кас и Пол уносили в другом направлении — за занавеску и через ворота Бэрроу-Картера Либби в бундокскую клинику Айры Джонсона, а обожженных направляли дальше — в больницу имени Джейн Калвер Бэрроу в Веуле, где их лечили несколько дней или недель, чтобы вернуть в Ковентри той же ночью к отбою воздушной тревоги.

Все наши раненые были штатскими людьми, в основном женщины, дети и старики. Единственными военными в Ковентри, насколько я знаю, были зенитчики, и у них имелся свой перевязочный пункт. Пункты вроде нашего, в Лондоне, должно быть, помещались в метро. В Ковентри метро не было, и нас огораживали только мешки с песком, но все-таки здесь, пожалуй, было безопаснее, чем в здании, которое могло бы обрушиться. Я не

собираюсь ничего критиковать. Их гражданская оборона делала, что могла, и весь народ, прижатый к стенке, храбро отбивался тем, что было под рукой.

На нашем пункте было три стола — как бы операционных, а на самом деле простых деревянных, с которых в перерывах между бомбежками соскоблили краску. Отец работал с тем, что ближе к выходу, мы с Вудро — у занавески, а за средним трудился пожилой англичанин, видимо, постоянно дежуривший здесь — мистер Пратт, местный ветеринар. Помогала ему жена, Гарри, то есть Гарриет. Во время затишья миссис Пратт ругала немцев, но больше интересовалась кино. Не встречалась ли я с Кларком Гейблом? С Гарри Купером? С Рональдом Колменом? Выяснив, что у меня нет знакомств среди звезд, она перестала у меня выпытывать и согласилась со словами мужа, что мы, янки, поступаем очень порядочно, помогая им... но когда же Штаты наконец соберутся вступить в войну?

Я сказала, что не знаю. Тут вмешался отец.

— Не приставайте к сестре, миссис Пратт. Вступим, никуда не денемся — ну, запоздаем малость, как ваш мистер Чемберлен. А пока что будьте вежливы с теми, кто уже здесь и помогает.

— Я не хотела никого обидеть, мистер Джонсон.

— Никто и не обиделся, миссис Пратт. Зажим!

(Мне редко доводилось видеть такую хорошую операционную сестру, как миссис Пратт. Она подавала мужу все, что нужно, не дожидаясь его слов,— научилась, наверное, за долгие годы совместной работы. Инструменты она принесла с собой — должно быть, те, что мистер Пратт использовал в своей ветеринарной практике. Некоторых это, возможно, оттолкнуло бы, мне представлялось резонным.)

Мистер Пратт занимал стол, который предназначили для Джубала и Джил. (Мы не слишком ориентировались во всех подробностях событий той ночи — ведь очевидцев расспрашивали, когда война уже кончилась.) Поэтому Джубал работал в передней комнате, сортируя раненых и отмечая, кого Касу и Полу нести в Бундок — здесь им даже не стали бы оказывать помощь, как без-

надежным. Джилл помогала то Дагмар, то мне — особенно с анестезией.

Анестезия стала предметом горячих дискуссий во время наших учений. Довольно уже того, что мы заявимся в двадцатый век с современным хирургическим инструментом, но тащить с собой бундокское анестезионное оборудование? Немыслимо!

Галахад решил наконец снабдить нас шприцами, заправленными нужной дозой неоморфина (название не играет роли — все равно в двадцатом веке это средство неизвестно). Джилл сновала из одного помещения в другое, делая уколы раненым и обгоревшим и освобождая нас с Дагмар для основной работы. Она хотела помочь и миссис Пратт, но та отмахнулась — она давала наркоз способом, не виданным мною с 1910 года: капала хлороформ на маску пациенту.

Работе не видно было конца. Между операциями я протирала стол полотенцем, пока оно не намокло от крови так, что больше пачкало, чем вытирало.

Гретхен доложила, что они сбили сорок семь из шестидесяти бомбардировщиков второй волны. Тринадцать оставшихся успели сбросить часть бомб. (Девушки Гретхен использовали излучатели и приборы ночного видения, направляя луч, как правило, на бензобак. Бывало, что бомбы при этом сбрасывались и иногда взрывались при соприкосновении с землей, иногда не взрывались, добавляя работы саперам на следующий день.)

Но мы ничего этого не видели. Порой бомба падала где-то рядом, и кто-нибудь говорил: «Близко»,— а кто-то отвечал: «Слишком близко», и все продолжали работать.

Сбитый самолет взрывается не так, как бомба,— а истребитель не так, как бомбардировщик. Мистер Пратт говорил, что может отличить по звуку падение «спитфайера» от падения «мессершмитта». Он, возможно, и мог — я нет.

Третья волна, по сообщению Гретхен, нахлынула с двух сторон — с северо-востока и северо-запада. Но ее девушки уже приноровились стрелять из своего, в общем-то пехотного оружия по

непривычным мишеням, быстро отличая при этом бомбардировщики от «спитфайеров»,— и, как выразилась Гретхен, на этот раз «утерли сопли». Я все собиралась спросить, что это значит, но так и не спросила.

После каждого налета наступало затишье, но не для нас. К середине ночи мы совсем зашились — раненых поступало больше, чем мы успевали обработать. Джубал стал относиться к отбору менее строго и теперь отправлял к Иштар не только смертельные, но и просто тяжелые случаи. Наше участие стало более заметным, зато, безусловно, было спасено больше жизней.

Во время четвертого налета, где-то перед рассветом, я услышала Гретхен:

— Йомен вызывает Коня. Конь, ответь срочно.

— Что у тебя, Гретхен?

— Что-то упало на наши ворота — наверно, кусок сбитого самолета.

— Ворота повреждены?

— Не знаю. Они исчезли. Были — и нету.

— Йомен, эвакуируйтесь через ворота перевязочного пункта. Знаешь, где это? Квадрат и пеленг известны?

— Да, но...

— Приказываю эвакуироваться. Быстро.

— Хейзел, но ведь пострадали только ворота. Мы можем и дальше сбивать самолеты.

— Оставайся на связи. Белый Утес, я Конь. Дити, где ты там? Проснись.

— Я не сплю.

— По данным разведки, бомбардировщики заходили на цель только четыре раза. Будет у Гретхен еще дичь или нет?

— Один момент.— (Момент затянулся надолго.) — Обманщица говорит, что на поле больше нет бомбардировщиков, готовящихся к вылету. А на востоке занимается рассвет.

— Всем постам, я Конь. Объявляю отбой. Кровь, дождитесь Йомена, затем эвакуируйтесь вместе с Первым. Используйте шприц, если нужно. Доложите, как поняли.

— Я Утес, понял тебя, Конь — снимаемся.

— Йомен понял, Конь. Отряд ведет отец Шульц, а я продолжаю стрелять.

— Я Кровь, поняла тебя, Конь. Хейзел, скажи Иштар, чтобы отправляла раненых обратно, иначе у нее на руках окажутся нежелательные иммигранты.

И тут начался какой-то гран-гриньоль. Сначала через обратные ворота повалили обгоревшие — на своих ногах и полностью исцеленные. За ними последовали прооперированные — кто с протезами, кто с пересаженными органами. Даже тех, над которыми Галахад с Иштар работали в этот самый момент, быстро залатали, выпихнули в Веулу, там долечили и отправили обратно в Ковентри всего через пару минут после того, как Хейзел скомандовала отбой.

Я знаю, что прошло всего несколько минут, потому что отряд Гретхен еще не подошел, а они были меньше чем в миле от нас, и надо учесть, что эти девушки проходят походным шагом восемь миль в час (три с половиной метра в секунду). Дорога не должна была отнять у них больше восьми-девяти минут плюс еще сколько-нибудь на спуск с башни. Я слышала потом, что какие-то бойцы гражданской обороны пытались задержать их и допросить. Девушки, надеюсь, не причинили им особого вреда, но задержать себя не дали.

И вот в нашу дверь хлынули Марианны с длинными луками (замаскированными излучателями) в костюмах Ноттингемского леса. Во главе шел брат Тук — самый настоящий, даже с тонзурой, а замыкала Гретхен, в таком же робингудовском наряде и с широкой улыбкой на лице.

На ходу она шлепнула Дагмар по заднице, кивнула Праттам, и без того уже ошеломленным шествием исцеленных пациентов, и остановилась у нашего стола.

— Дело сделано!

Все три стола к тому времени были свободны — настал тот желанный миг, когда раненые кончились. Из приемного покоя пришел Джубал.

— Да, потрудились на славу.

Гретхен обняла меня.

— Сделано дело, Морин! — Стянула с меня маску и поцеловала.

Я отпихнула ее.

— А ну, марш в ворота. Мы и так уже опаздываем на несколько минут.

— У, зануда,— и она ушла, а следом Джубал и Джиллиан.

Сирены запели отбой. Мистер Пратт посмотрел на меня, потом на занавеску и сказал:

— Пойдем-ка, Гарри.

— Иду, па.

— Доброй всем ночи,— и старик тяжело побрел прочь, сопровождаемый женой.

— Дочка, ты-то как здесь? — проворчал отец.— Ты же должна быть в Сан-Франциско. А ты, Тед,— посмотрел он на Вудро,— ты же погиб. Что ты в таком случае здесь делаешь?

— Не погиб, доктор Джонсон, а пропал без вести. Это не одно и то же. Разница, хоть и небольшая, но есть. Я долго лежал в госпитале, долго был не в себе. Но вот я здесь.

— Вижу, что здесь. Но что тут за маскарад? Одни в карнавальных костюмах, другие шастают взад-вперед, как на Пикадилли-Серкус. Перевязочный пункт называется. Я что, сбрендил? Или было прямое попадание?

— Ну-ка, мотайте все оттуда! — сказала Хейзел мне в ухо.

— Сейчас, Хейзел,— вполголоса ответила я. Дагмар читала за спиной у отца, держа шприц наготове, и вопросительно посмотрела на меня. Я едва заметно мотнула головой.

— Пойдем, отец — я тебе все объясню.

— Я полагаю, что...

И тут на нас рухнула крыша.

Может, это был обломок «спитфайера», может, «мессершмитта», не знаю — он упал прямо на меня. Гвен-Хейзел услышала грохот через мой микрофон, и ее внуки Кас и Пол получили сильные ожоги, спасая нас.

Обгорели все — Кастор, Поллукс, Вудро, отец, Дагмар, я — а керосиновые ожоги скверная штука. Но Хейзел вызвала спасателей в огнеупорных костюмах (они тоже были наготове), и нас всех вытащили.

Все это я узнала позже, а тогда просто отключилась и много-много дней спустя очнулась в больнице. Сколько дней прошло, я не знаю. Дагмар говорит, что я пролежала на три недели дольше, чем она, а Тамара молчит. Впрочем, какая разница — «Лета» обеспечивает больному уют и покой, пока он не поправится.

Немного погодя мне разрешили вставать и гулять по Веуле — красивое место и одно из немногих истинно цивилизованных во всех вселенных. А потом меня отправили обратно в Бундок — и ко мне пришли Вудро, отец и Дагмар.

Они наклонились над моей постелью и поцеловали меня... а потом мы стали говорить.

Свадьба была пышная. Присутствовали, разумеется, Майкрофт, Афина и Минерва, а также мой внук Ричард Колин, наконец-то простивший Лазаруса за то, что тот произвел его на свет. Моей милой Гвен-Хейзел не нужно больше будет жить отдельно от семьи, раз Ричард Колин по собственной воле и охоте готов в нее войти. Мои дочки Лаз и Лор решили снять запрет со своих мужей Каса и Пола в награду за то, что они спасали из огня нас, четырех недотеп, и разрешить им тоже войти в семью. Были там Чжа, Дагмар, Чой-Му, мой отец и Гретхен — и мы, все остальные, уже много лет бывшие семьей Лонг — кто дольше, кто короче. Все новые члены нашей семьи испытывали некоторые колебания, но Галахад и Тамара внесли ясность: мы приносим лишь один обет — заботиться о благополучии и счастье всех наших детей.

Вот и весь брачный контракт. А остальное — просто поэтический обряд.

С кем тебе спать и с кем заниматься любовью — твое личное дело. Иштар, как наш семейный генетик, регулирует нашу рождаемость в той мере, в какой это необходимо для блага детей.

И мы все взялись за руки в присутствии наших детей (Пиксель, разумеется, тоже присутствовал) и поклялись друг другу любить и лелеять — и тех, что есть, и тех, что будут,— все миры, которым нет конца.

И жили мы долго и счастливо.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 12. ...еще до рождения Нэйла Армстронга...— Нэйл Армстронг (1930), астронавт, в 1969 г. в качестве командира «Аполлона-11» совершил полет на Луну и стал первым человеком, ступившим на ее поверхность. В 1971 г. перешел из НАСА в университет г. Цинциннати для чтения лекций по аэронавтике.

...с Луэнной Паулин в роли Титании...— отсылка к Спайдеру (Полу) и Джин Робинсон и их дочери Терри Луэнне да Силва. Джин Робинсон основала в Галифаксе Театр нового танца.

Полуневесомый балет — поклон роману «Звездный танец» Спайдера Робинсона, получившему в свое время премии «Хьюго» и «Небьюлу».

Стр. 15. ...«Золотое правило» известен как место...— название искусственного спутника взято из Библии. Золотое правило, провозглашенное Христом: «Поступай с другими так, как хотелось бы, чтобы они поступали с тобой».

Стр. 16. ...по направлению к Треднидл-стрит....— настоящая Треднидл-стрит находится в Лондоне между собором св. Павла и Тауэром, на ней расположено здание Английского банка. Необычное название — искаженное thryddanen, что значит «третья улица».

...жила в Гретна Грин поблизости от Аппиевой дороги ...где та пересекает Дорогу из желтого кирпича — Гретна Грин — город в Шотландии как раз через границу с Англией, в XVIII–XIX веках туда съезжались молодые пары, так как по шотландскому закону брак заключался, когда пара объявляла перед свидетелями о своем намерении стать мужем и женой и возрастной ценз был ниже. Аппиева дорога — самая древняя и самая знаменитая из римских дорог, ведущая из Рима на юг Италии; названа в честь цензора Аппия Клавдия.

По Дороге из желтого кирпича Дороти шла к волшебнику Гудвину в книге Баума «Мудрец из страны Оз».

«Дом на Пуховом углу» — угол назван в честь персонажа рассказов А.А.Милна медвежонка Винни Пуха.

Стр. 87. ...изобразил всех троих маленьких обезьянок...— три фигурки, один зверек закрывает лапами глаза, второй уши, третий рот, символизируя принцип «Не вижу зла, не слышу зла, не говорю зла».

...ферма Старого Мак-Дональда...— ссылка на детскую песенку «У старого МакДональда была ферма», где в каждом стихе рассказывается о каком-нибудь животном или предмете из хозяйства этой фермы.

Стр. 105. ...из-за лимбурга...— то есть из-за либуржского сыра, обладающего невероятно сильным острым запахом.

Стр. 107. ...наняла Уильяма БПИ Джонсона...— то есть «без промежуточного инициала».

Стр. 112. ...направилась в Рентал роу...— улица, где расположены кредитные и прокатные конторы.

Стр. 113. ...где же эта контора Гертца...— «Гертц» — всемирно известная фирма по прокату автомобилей.

Стр. 117. ...установил шкалу прецессии...— Прецессия — отклонение оси вращения гироскопа.

Стр. 123. ...поставить мне бутылку «гленливета» — сорт односолодового шотландского виски.

Стр. 133. ...Тристрам Шенди был прав...— центральный персонаж одноименного романа классика английской литературы Лоуренса Стерна (1713–1768).

Стр. 147. ...при сделках с «сыновьями вдовы»...— «сыновьями вдовы» называли членов масонской ложи.

Стр. 153. ...смотреть эпизоды из «Второго замужества Сильвии»...— то есть из известной экранизации романа Эптона Синклера.

Стр. 158. ...оказалась трактатом «Поход десяти тысяч» на греческом языке — в данном трактате говорится о эпизоде греко-персидской войны (401 г. до н.э.), описанный в «Анабасисе» греческого историка Ксенофонта (445–355 до н.э.).

Стр. 162. ...до Гемусовых гор...— Гемус, или Гем,— мифический персонаж, сын бога ветра Борея; его именем названа горная цепь на Балканах.

Стр. 163. ...лунный спин равен одному полному обороту в месяц...— спин («вращение», *англ.*), собственно момент количества движения микрочастицы, имеющий квантовую природу и не связанный с движением частицы как целого. В данном случае имеется в виду обращение Луны вокруг оси.

Стр. 164. ...альбедо Земли в пять раз выше...— (от позднелат. albedo — «белизна»), величина, характеризующая способность поверхности отражать падающий на нее поток электромагнитного излучения или частиц. Альбедо равно отношению отраженного потока к падающему. Важная характеристика планет и других космических тел в астрономии.

...оснащена лишь одометром и спидометром...— приборы, измерители длины пути и скорости движения.

Стр. 171. ...легендарный Гудини и смог бы...— Гарри Гудини, знаменитый американский иллюзионист, мастерски освобождавшийся из оков, закрытых помещения и т.п.

Стр. 173. ...разглядывал останки «консорта»...— консорт — супруг царствующей особы, сам не являющийся королем.

Стр. 174. ...нам понадобятся эти «майские денечки»...— то есть «may day», голосовой сигнал о помощи, соответствующий сигналу SOS.

Стр. 175. ...храма Христова Дома, Тихо на Луне...— имеется в виду кратер на Луне, названный в честь датского астронома Тихо Браге, в число заслуг которого можно поставить реформацию практической астрономии, открытие двух неравенств в движении Луны, доказательство, что кометы есть небесные тела, более далекие от Земли, чем Луна, составление каталога звезд и таблицы рефракции.

Стр. 183. ...на ступеньках «Бон Марше»...— «Bon Marche» — в переводе с французского «хороший рынок», сеть магазинов, где продают товары по низким ценам.

Стр. 234. ...нечто, именуемое «полным кофе»...— то есть завтрак на французский манер: кофе, рогалик и сок.

Стр. 248. ...творятся при помощи гонад...— (от греч. gone — порождающее) то же, что и половые железы, то есть органы, образующие

половые клетки (яйца и сперматозоиды) у животных и человека, а также вырабатывающие половые гормоны (андрогены, эстрогены и прогестерон). Различаются мужские, женские и смешанные (как у некоторых червей, моллюсков и других).

Стр. 252. ...Какая там еще «Шарлотта»...— намек на Шарлотту Корде (1768–1793), французскую дворянку, которая проникла в дом к Ж.-П. Марату, заколола его кинжалом и впоследствии была казнена.

Стр. 253. ...«космический ворп» — искажение, извращение.

...самоочевидно, как трансцендентализм...— трансцендентализм — американское философско-литературное движение 1830–1860 гг. Название и ряд идей взяты от «трансцендентального» идеализма И. Канта. Основные идеи: социальное равенство «равных перед богом» людей, духовное самосовершенствование, близость к природе, очищающая человека от «вульгарно-материальных» интересов, интуитивное постижение макрокосма через микрокосм.

Стр. 257. ...всегда был склонен к солипсизму...— солипсизм (от лат. solus — единственный и ipse — я сам) есть крайняя форма субъективного идеализма, признающая несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющая все остальное существующим лишь в его сознании. В этическом смысле — крайний эгоизм.

Стр. 274. ...Ти-Эйч-Кью! Майор Липшиц вызывает Ти-Эйч-Кью...— аббревиатура, обозначающая Центральный штаб.

Стр. 280. ...делавших его похожим на Эндрю Джексона...— Эндрю Джексон, седьмой президент США (1829–1837), военный и государственный деятель. Происходил из небогатой семьи ирландских иммигрантов. Был первым конгрессменом от штата Теннеси. Как командир милиции штата отличился в войне 1812 года, отбил попытку вторжения англичан в Новом Орлеане, в 1818 г. подавил восстание индейцев-семинолов. Политическая группировка, образовавшаяся вокруг Джексона, положила начало демократической партии. На посту президента выступал за демократизацию.

Стр. 290. ...Афина сказала вам...— Афина («Атине», уменьшенное — «Тийна») у древних греков то же, что Минерва у римлян: богиня мудрости; таким образом, компьютерные «сестрички» носят, по существу, одно и то же имя.

Стр. 290. ...позволив Иштар так поступить с тобой...— Иштар — в аккадской мифологии богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венеры. Соответствует шумерской богине Инанне и древнесемитской Астарте. Покровительница проституток, гетер и гомосексуалистов.

Стр. 299. TANSTAAFL — то есть There Ain't No Such Thing As A Free Lunch — ланчей даром не бывает (*англ.*).

Стр. 306. ...Для гетерогенной пересадки подбираются органы...— гетерогенный (греч. heterogenes; *гетеро-* + genos род) — разнородный, имеющий различное происхождение.

...соблюдаю «клятву гипократа»...— то есть лицемера.

Стр. 318. ...мы воевали в Фермопилах и дали грекам на этот раз выиграть...— Фермопилы — горный проход к югу от Фессалийской равнины, где во время греко-персидских войн в 480 г. до н. э. триста спартанцев во главе с царем Леонидом оборонялись от армии персов и все погибли в неравном бою.

Стр. 344. ...переложим ответственность на Гильгамеша...— Гильгамеш — полулегендарный правитель г. Урук в Шумере (27–26 вв. до н.э.). В шумерских эпических песнях описываются его подвиги и дружба с диким человеком Энкиду, странствия в поисках тайны бессмертия. Легенды о Гильгамеше также распространены среди хеттов и хурритов.

Стр. 345. ...Наш кораблик и есть Гэй...— Гея — в греческой мифологии — олицетворение Земли; gay *(англ.)* — радостный, беспечный, беспутный.

Стр. 346. ...скажу еще раз: меня зовут Гэй Десивер...— то есть «веселая лгунья» в переводе с английского.

Стр. 352. ...что человеку мафусаилова возраста...— Мафусаил — библейский патриарх, один из праотцев человечества, прославившийся своим долголетием. Он прожил 969 лет и, согласно книге Бытия, был сыном Еноха и отцом Ламеха, которого родил в 187 лет. Его имя стало нарицательным для обозначения долгожителя («мафусаилов век»).

Стр. 370. ...впал в состояние компьютерной кататонии...— Кататонический синдром, или кататония (от древнегреч. «натягивать, напрягать»),— психопатологический синдром, основным клиническим проявлением которого являются двигательные расстройства.

Различают кататоническое возбуждение и кататонический ступор. В данном случае имеется в виду именно ступор, характеризующийся двигательной заторможенностью, молчанием, мышечной гипертонией. В скованном состоянии больные могут находиться в течение нескольких недель и даже месяцев. Нарушены все виды деятельности, в том числе инстинктивная. Впервые кататония описана Кальбаумом как самостоятельное психическое заболевание, впоследствии отнесена к шизофрении.

Стр. 410. ...должна ли я упомянуть «суперснуперскоп»...— от «snooper» — любопытный (*англ.*); все слово можно было бы перевести как «сверхподглядыватель».

Стр. 413. ...они посетили и Страну Оз...— Страна Оз — волшебная страна из цикла сказок Лаймена Фрэнка Баума. Название этой волшебной страны, согласно семейной легенде Баумов, родилось случайно. Майским вечером 1898 года Баум рассказывал своим и соседским детям очередную сказку, сочиняя ее на ходу. Кто-то спросил, где все это происходит. Баум обвел взглядом комнату, посмотрел на домашнюю картотеку с ящиками A-N и O-Z и сказал: «В Стране Оз».

...изобретенной преподобным мистером Доджсоном...— Чарльз Лютвидж Доджсон, более известный как Льюис Кэрролл (1832–1898), английский писатель, математик, философ и фотограф. Автор «Алисы в стране чудес», «Алисы в Зазеркалье» и поэмы «Охота на Снарка».

Уплыть за закат

Стр. 448. ...как Скарлет О'Хара использовала портьеры Тары...— то есть сшила из них платье, как поступила героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

Стр. 452. ...Каменные стены для него не тюрьма...— Слегка искаженная цитата из английского поэта XVII века Ричарда Лавлейса: «Железные решетки мне не клетка и каменные стены не тюрьма».

Стр. 457. ...Сейчас снова оденусь Флоренс Найтингейл...— Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, особенно

прославившаяся во время Крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

Стр. 459. ...в 1905 году по григорианскому календарю...— во многих романах Хайнлайн, говоря о привычном нам летосчислении, ошибочно использует слова «по григорианскому календарю». Слово «григорианский» относится к структуре календаря (показывает, как устроена внутренняя система счисления дней в году и последовательность високосов). Нумерация же годов определяется типом летосчисления (мы используем летосчисление «от Рождества Христова», которое можно также назвать «эрой Дионисия», или «нашей эрой»).

...о моей родной параллели — второй, код «Лесли Ле Круа»...— вторую параллель можно изучать по произведениям Хайнлайна, она в наибольшей степени соответствует его знаменитой таблице «История будущего», давшей название данному изданию собрания сочинений Хайнлайна. Лесли Ле Круа — имя космонавта, который первым достиг Луны в рассказе «Человек, который продал Луну».

Стр. 460. ...в год моего рождения — 1882-й по григорианскому календарю, через год после смерти Айры Говарда...— в романе «Дети Мафусаила» написано следующее: «Айра Говард, чье состояние легло в основу фонда его имени, родился в 1825-м и умер от старости в 1873 году.

...притчу о том, как удваивали зернышки риса на шахматной доске...— в этой притче правитель, желая вознаградить изобретателя шахмат, предложил ему любое сокровище. Изобретатель попросил очень скромную, на взгляд правителя, награду — отдать ему столько зернышек риса, сколько уместится на шахматной доске, если на первую клетку положить одно зернышко, на вторую — два, на третью четыре и т.д. (то есть каждый раз удваивать количество зернышек). Но эта прогрессия описывается формулой 2^n, и на последней клетке должно лежать 264 зернышек (то есть 1 152 921 504 606 846 976), такого количества просто не было в закромах государства.

...доктор Мальтус смеялся последним...— по теории английского экономиста Томаса Роберта Мальтуса (1766–1834) одним из законов исторического развития является вечное отставание роста средств существования от роста народонаселения. Его теория в свое время вызвала справедливые нарекания за пропаганду войн и эпидемий как одного из средств сдерживания роста населения.

Стр. 468. Сэмюэл Клеменс — настоящее имя и фамилия писателя Марка Твена.

Стр. 469. ...труды профессора Томаса Генри Гексли... — английский зоолог Томас Гексли (1825–1895) был одним из наиболее активных пропагандистов учения Чарльза Дарвина. Своими сравнительно-анатомическими исследованиями он, в частности, доказал морфологическую близость человека и высших обезьян.

Стр. 473. «Коль пред собой ты честен, то как день мне ясно, что ты честен и с другими» — перефразированная строка из произведения знаменитого средневекового философа Френсиса Бэкона «Of Wisdom for a Man's Self».

Стр. 478. ...лежат французские мешочки?.. — и это выражение, и упоминаемая ниже «веселая вдова» — жаргонные названия презерватива.

Стр. 485. ...Лазарус Лонг... — один из любимых персонажей Хайнлайна. Он встречается в таких произведениях, как «Дети Мафусаила», «Достаточно времени для любви», «Число Зверя», «Кот, который проходил сквозь стены».

...Хейзел нужно было выйти за Колина Кемпбелла, чтобы они вдвоем могли спасти Майкрофта Холмса IV — компьютер, осуществивший Лунную революцию... — лунная революция, в конце которой гибнет упомянутый компьютер, описана в романе «Луна жестокая хозяйка» (1966), а история Хейзел и Колина Кемпбелла — в романе «Кот, проходящий сквозь стены» (1985). Там же впервые появляется кот Пиксель.

Стр. 500. ...словно героиня Луизы М. Олкотт... — упомянутая американская писательница XIX века является автором многих нравоучительных книг для юношества, в том числе романа «Маленькие женщины».

Стр. 510. ...24 апреля 1898 года Испания объявила войну Соединенным Штатам — испано-американская война действительно началась в этом году, но объявляла ее не Испания. Поводом послужил взрыв на рейде в Сантьяго американского броненосца «Мейн» от невыясненных причин. Соединенные Штаты заявили, что его потопили испанцы, и объявили Испании войну, после чего начали военные действия на Кубе и Филлипинах, формально поддержав освободи-

тельную борьбу этих колоний против испанского гнета, а на деле произведя оккупацию Кубы.

...проведав о гудиниевских талантах Пикселя...— Гарри Гудини, знаменитый американский иллюзионист, мастерски освобождавшийся из оков, закрытых помещений и т.п.

Стр. 511. ...после окончания войны 1812 года...— имеется в виду англо-американская война 1812–1814 годов, вызванная стремлением Великобритании к подрыву экономики и торговли США, с одной стороны, и стремлением США захватить Канаду — с другой. Особых последствий эта война не имела.

Стр. 513. ...ниспослать мудрость президенту Мак-Кинли...— Уильям Мак-Кинли (1843–1901), двадцать пятый президент США (1897–1901). Именно правительство Мак-Кинли развязало испано-американскую войну 1898 года, санкционировало оккупацию Кубы и Филиппин, захват острова Гуам. Был убит анархистом при посещении Панамериканской выставки в Буффало.

...проповедники Библейского Пояса...— то есть южных и центральных районов США, где наиболее распространена протестантская религия.

Стр. 514. ...влезу на ящик из-под мыла...— некогда такие ящики служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

...Херонимо, Вилье, Сандино... и Джеферсону Дэвису...— Херонимо — известный бандит, орудовавший на Крайнем Западе США. Панчо Вилья (1878–1923), мексиканский революционный лидер, который сражался против режима Порфирио Диаза и Викториано Хуэрты. Аугусто Сезар Сандино в 1926–1933 годах возглавлял национально-освободительную борьбу Никарагуа против США. Джеферсон Дэвис возглавлял Конфедерацию южных штатов, выступление которых привело к Гражданской войне 1861–1865 годов.

...устроил Уильям Рэндолф Херст, чтобы увеличить тиражи своих газет...— Уильям Рэндолф Херст (1864–1951), издатель, основатель крупного газетного концерна. С его именем связано появление таких понятий, как «желтая пресса», Public Relations и «медиамагнат». Перед вторжением США на Кубу Херст не только в сильно преувеличенном виде расписывал зверства испанских войск на Кубе, но и прямо вмешивался во внутренние дела другого государства, а в начале 1898 г. на страницах Journal было опубликовано выкраденное

частное письмо испанского посла, где содержалась нелестная характеристика президента США Уильяма Мак-Кинли. Когда корреспондент Journal телеграфировал Херсту: «Здесь все тихо, никакой войны нет», тот ответил: «Обеспечьте иллюстрации, а войну я обеспечу». Когда 15 февраля 1898 г. в порту Гаваны взорвался американский броненосец «Мэн», даже пошли слухи, что этот взрыв, ставший поводом для начала испано-американской войны, организовал Херст. Через две недели после взрыва «Мэна» тираж Journal вырос до 5 млн экземпляров.

Стр. 524. ...Взять хоть Андерсонвилл...— так назывался лагерь для военнопленных северян во время Гражданской войны в штате Джорджия.

Стр. 541. ...эклампсию...— эклампсия — тяжелая форма позднего токсикоза беременных, возникающая во время родов и даже после них. Основным ее симптомом являются судороги мышц всего тела с потерей сознания.

Стр. 544. ...из этого развилась система «маскарад» — о конце «маскарада» повествует роман «Дети Мафусаила».

Стр. 548. ...относится к ужасам мрачной эпохи Баудлера, Комстока и Гранди...— шотландский редактор Баудлер в первой половине XIX века издал пьесы Шекспира, изъяв из них «непристойные места»; по инициативе американского сенатора Комстока был принят закон о «борьбе с безнравственностью» в литературе и искусстве; а персонаж пьесы Т. Мортона миссис Гранди неоднократно упоминалась как олицетворение ханжеского общественного мнения.

Стр. 549. ...после Боксерского восстания...— боксерским восстанием иностранцы называли ихэтуаньский мятеж в Северном Китае в 1899–1901 годах. В июне 1900 г. ихэтуани («Отряды справедливости и согласия») вступили в Пекин. Восстание было подавлено с помощью войск Германии, России, Великобритании, США и других стран.

Стр. 550. ...демократы выдвинули там кандидатом в президенты Уильяма Дженнингса Брайана...— адвокат и член Конгресса У. Д. Брайан выдвигался кандидатом на пост Президента США неоднократно — в 1896, 1900, 1908 годах, но ни разу не был избран..

...был злодейски убит, и его пост занял молодой герой войны...— после гибели Мак-Кинли двадцать шестым президентом США стал

Теодор Рузвельт (1858–1919), занимавший тогда пост вице-президента. Рузвельт активно чередовал занятия политикой с литературной деятельностью, участвовал в испано-американской войне. Был награжден Нобелевской премией мира за посредничество в переговорах об окончании войны между Японией и Россией в 1905 г.

Стр. 553. Скрудж — прижимистый делец из рассказа Ч. Диккенса.

...его дальний родственник не выдвигался в президенты в 1932 году... — имеется в виду Франклин Делано Рузвельт (1882–1945), тридцать второй президент США. Юрист по образованию, начал политическую карьеру в 1910 г. как демократ, в 1913–1920 гг. был помощником министра Военно-морского флота, но в 1921 г. заболел полиомиелитом и до конца жизни страдал параличом ног. До начала Второй мировой войны политика Рузвельта как президента была направлена на решение внутренних проблем страны. В 1944 г. был избран на четвертый срок, что никогда ранее не случалось в истории США. Несомненно, Рузвельт оставил значительный след в мировой истории как один из наиболее выдающихся президентов США.

Стр. 589. ...я намерена так зажимать каждый пенни, что индеец на нем — и тот взвоет... — индеец изображен не на пенни (английская мелкая монета, в то время равная 1/12 шиллинга), а на центе. Впрочем, американцы часто вместо «цент» говорили «пенни».

Стр. 594. ...вероятность и конвергенция часто приводят к тому, что отдаленный предок буквально воплощается в своем потомке... — вообще-то биологический термин «конвергенция» (возникновение сходства в строении и функциях у относительно далеких по происхождению групп организмов, как результат обитания в сходных условиях) здесь абсолютно ни при чем. Хайнлайн имеет в виду, что в результате инбридинга (близкородственного скрещивания) резко повышается вероятность наличия одинаковых признаков в фенотипе предков и потомков.

Стр. 598. ...Декан Свифт в своем «Скромном предложении» частично решает вопрос... — английский писатель и политический деятель Джонатан Свифт (1667–1745) известен не только бессмертным романом «Путешествия Гулливера». Долгое время он состоял деканом собора в Дублине и в своих памфлетах «Письма суконщика» (1723) и «Скромное предложение» (1729) резко осудил угнетение ирландского народа, в частности он иронически предлагал в целях

борьбы с бедностью ирландцев употреблять их «лишних» детей в пищу.

Стр. 611. ...мистер Тафт вновь выдвинул свою кандидатуру...– республиканец Уильям Говард Тафт (1857–1930), двадцать седьмой президент США (1909–1912). При выдвижении на президентских выборах получил поддержку от Теодора Рузвельта, но позднее примкнул к консерваторам и стал его противником по большинству вопросов внутренней и внешней политики. В 1912 г. его правительство санкционировало вторжение армии США в Никарагуа. Позднее был председателем Верховного суда.

...профессор Вильсон из Принстона, тогда губернатор собственного штата...— Томас Вудро Вильсон (1856–1924) был президентом США в 1913–1921 годах. При нем Штаты вели войны в Мексике, на Гаити и Сан-Доминго. Вильсон был инициатором вступления США в мировую войну и организации интервенции советской России, а также инициатором создания Лиги Наций, за что получил Нобелевскую премию мира в 1919 г.

Стр. 612. ...бушель...— мера объема жидкостей и сыпучих веществ. Один американский бушель составляет 35,2393 куб.дм (английский бушель чуть больше).

Стр. 628. ...так называемая «нота Циммермана»...— речь идет о перехваченной английской разведкой секретной директиве статс-секретаря Циммермана германскому посланнику в Мексике, в которой предлагалось начать переговоры с мексиканским правительством о заключении военного союза с Германией против США.

...Многое зависит от президента Каррансы...— Венустиано Карранса (1859–1920), один из лидеров мексиканской буржуазной революции 1910–1917 годов, с 1914 г. временный президент, а с 1917 г. президент Мексики.

Стр. 639. ...годилось для любой Лукасты, провожающей мужа на войну...— имеется в виду героиня стихотворения Лавлейса «К Лукасте, уходя на войну».

Стр. 642. ...экономические меры, предписанные мистером Гербертом Гувером...— Герберт Кларк Гувер (1874–1964), впоследствии тридцать первый президент США (1929–1933), в годы войны занимался продовольственной помощью голодающим Европы.

Стр. 662. ...по принципу бритвы Оккама...— бритва Оккама, тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

Стр. 670. ...Я с чосеровским выражением...— Джеффри Чосер (1340?–1400) — знаменитый английский поэт эпохи Возрождения.

Стр. 674. ...Ныне секретарь мистера Джозефуса Дэниэлса...— Дэниэльс был секретарем морского министра в администрации президента Вильсона.

Стр. 675. ...Кому-нибудь из вас знакомо имя Д. Д. Гарримана?..— история о том, как во второй параллели времени благодаря неуемной энергии Д. Гарримана началось освоение космического пространства, изложена в рассказе Хайнлайна «Человек, которой продал Луну».

Стр. 677. ...президентом стал республиканец Роберт Тафт...— Роберт Альфонсо Тафт (1889–1953), старший сын президента Уильяма Тафта, политический деятель, заработавший прозвище Мистер Республиканец. До атаки Японии на Перл-Харбор был одним из лидеров изоляционистов. Поддерживал доктрину «сдерживания» СССР.

...тот Гарри Трумэн был не политик, а галантерейщик, так что вряд ли это одно и то же лицо...— Гарри Трумэн (1884–1972), тридцать третий президент США. В январе–апреле 1945 г. был вице-президентом. Позже, после смерти Франклина Рузвельта, он занимал пост президента США (с 1945 по 1953 год). Наиболее «знаменит» тем, что отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. В реальной истории Трумэн одно время и вправду владел галантерейным магазином, но разорился.

Стр. 678. ...умер от удара во время игры в теннис, в последних числах октября...— то есть Рузвельт в этой параллели умер незадолго до президентских выборов.

...с октября исполнял Джон Нэнс Гарнер...— в реальности Гарнер был вице-президентом США до 1940 г.

Стр. 681. ...во второй параллели народ Соединенных Штатов сам проголосовал за религиозную диктатуру...— описание диктатуры Пророков дано Хайнлайном в повести «Если это будет продолжаться».

Стр. 682. ...получила двадцать семь процентов голосов от общего числа проголосовавших и тем самым восемьдесят один процент голосов Коллегии выборщиков...— кандидат в президенты, чтобы быть избранным, должен получить большинство голосов выборщиков, причем каждый штат отдает своих выборщиков той партии, которая победила на выборах в данном штате, что создает разрыв между результатами всеобщего голосования и голосования выборщиков.

...Линдберг и «Дух Сент-Луиса»...— американский летчик Чарлз Линдберг (1902–1974) в 1927 году совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан (из США во Францию) на самолете «Дух Сент-Луиса».

Стр. 696. ...мы будем драться на всех берегах, мы будем драться на улицах, но не сдадимся...— несколько искаженная цитата из речи, которую произнес Уинстон Черчиль (1874–1965), премьер-министр Великобритании, в Палате Общин 13 мая 1940 года.

Стр. 698. ...вынудили президента Баркли...— имеется в виду, что во «второй параллели» президентом после смерти Рузвельта стал сенатор О.Баркли, в действительности бывший вице-президентом при Трумене в 1949–1953 гг.

Стр. 727. ...Парадоксами меня не удивишь...— парадоксы, которые возникают при работе агентов темпоральной службы, описаны Хайнлайном, в частности, в рассказе «Все вы, зомби...».

Стр. 728. ...слова, кажется, принадлежат доктору Сэмюэлу Джонсону...— имеется в виду английский писатель и лексикограф XVIII века, автор множества афоризмов.

Стр. 741. ...Пол Ревир ради меня слез бы с лошади...— Ревир, активист и официальный гонец организации «Сыны свободы», один из героев Войны за независимость, оповестил окрестности Бостона о выступлении англичан.

Стр. 750. ...судя по исследованиям Кинси...— Американский ученый Альфред Кинси является одним из создателей современной научной сексологии.

Стр. 763. ...а его аппаратуру уничтожат...— история доктора Пинеро описана Хайнлайном в рассказе «Линия жизни».

Стр. 765. ...способ преобразования солнечной энергии в электрическую...— история создания экранов Дугласа–Мартина изложена Хайнлайном в рассказе «Да будет свет!».

Стр. 768. ...Возможно ли избежать свидания в Самарре?..— имеется в виду восточная легенда о визире, который, боясь за свою жизнь, уезжает из Багдада в Самарру, не зная, что именно там давно ждет его смерть.

Стр. 773. ...Не Бедный ли Ричард сказал...— «Альманахом Бедного Ричарда» назывался сборник афоризмов, издававшийся Бенджамином Франклином.

Стр. 774. Nil illegitimi carborundum! — фразу можно перевести как «Не позволяй ничтожествам тебя унизить!», но это шутка на «псевдолатыни». В форме «Illegitimis non carborundum!» ее сделал своим девизом американский генерал Джозеф Стилвелл (1883–1946). (Слово carborundum должно обозначать очень твердый материал и создано путем соединения слов carbon и corundum. Слово Illegitimis является множественным числом от Illegitimus, который с латинского можно перевести как «душа бастарда». Приблизительный перевод всей фразы: «Лишь ублюдки не тверды духом!»). Различные варианты этой фразы активно циркулировали среди британских и американских военнослужащих в годы Второй мировой войны.

Стр. 789. ...позвольте представить вам наших благородных сотоварищей...— Доктор Фу Манчу – зловещий китаец, герой серии романов С. Ромера; Лукреция Борджиа — реальное лицо, представительница знаменитой итальянской фамилии XV–XVI веков, имя которой стало синонимом безнравственности и разврата (хотя на самом деле Лукреция была, скорее всего, лишь пассивным орудием в руках своего жестокого и циничного отца — Папы Александра VI); Синяя Борода — сказочный герой, убийца своих жен; Аттила — король гуннов, завоевавший в V веке очень большую часть Европы, его имя стало синонимом грозного и жестокого завоевателя; Лиззи Борден — американка, в 1892 обвинявшаяся в убийстве отца и мачехи; Джек Потрошитель — знаменитый лондонский маньяк-убийца; доктор Гильотен (или Гийотен) — врач, предложивший в XVIII веке использовать для обезглавливания осужденных на казнь специально изобретенный им прибор — гильотину (на самом деле Ж. Гийотен вовсе не являлся ни жестоким человеком, ни садистом, им двигало

желание освободить осужденных от лишних страданий при традиционных методах казни); профессор Мориарти — выдуманый Конан-Дойлем глава лондонского преступного мира; капитан Кидд — пират, казненный в Лондоне в 1701 году, которому молва приписывала обладание несметными сокровищами, зарытыми на необитаемых островах; Горный Старец — предводитель исламистской секты асассинов, когда-то державших в страхе весь Ближний Восток; граф Дракула — знаменитый вампир, герой многих произведений.

Стр. 796. ...что там пусто, как в буфете у матушки Хаббат...— героиня известной английской детской песенки: «Матушка Хаббат полезла в буфет песику косточку дать. Глядь, а в буфете-то косточки нет. Нечего псу поглодать».

Стр. 800. ...сошлется на Пятую поправку и будет молчать...— пятая поправка к Конституции США запрещает, в том числе, принуждать человека к даче показаний против самого себя.

Стр. 824. ...все-таки добрался до Луны, где и погиб при неудачной посадке...— эта история описана Хайнлайном в рассказе «Реквием» из сборника «Человек, который продал Луну».

Стр. 826. ...Я вознесла молитву Бубастис...— правильнее называть ее Баст или Бастет, это египетская богиня радости и веселья, изображалась с головой кошки.

Стр. 833. ...Дороти Паркер...— американская писательница, поэтесса, юморист и критик (1893–1967). Сотрудничала с журналами «Vanity fair» и «New Yorker». Знаменита сатирическими стихами и парадоксальными афоризмами.

Стр. 835. ...в нем 13,2 процента крови этого предка...— по такой схеме степень родства вычислялась лишь до возникновения научной генетики, в XIX веке.

Стр. 836. ...вернулся из Франции, где служил в Радужной дивизии...— Хайнлайн намеренно или нет допускает неточность. Американские дивизии во время Первой мировой войны не имели названий, а были нумерованы (как, впрочем, и войска других государств, только итальянские бригады выпадали из этого правила). Название «радужный» напоминает об американском мобилизационном плане, созданном намного позже, к началу Второй мировой войны.

Стр. 844. ...Книга называлась «Жизни Лазаруса Лонга»...— или вернее «Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга», Хайнлайн написал этот роман в 1973 г.

Стр. 847. ...испанг, вспомогательный язык, на котором в двадцатом веке стали общаться обе Америки...— язык придуман самим Хайнлайном (его названия явно происходит от слов ИСПанский+АНГлийский) и во второй параллели он служит аналогом искусственного международного языка эсперанто (создан Л.Заменгофом в 1887 г.) или же дальнейшим развитием той же идеи.

Стр. 851. ...Парчовое Поле...— местечко близ Кале и состоявшееся там пышное празднество в честь встречи Генриха VIII и Франциска I в 1520 году.

Стр. 852. ...воображаемый эксперимент «кошка Шредингера»...— Этот знаменитый мысленный эксперимент с кошкой в закрытом ящике описал в 1935 году один из основоположников квантовой физики Эрвин Шредингер. Кроме кошки в ящике находится также счетчик Гейгера и баллончик с ядовитым газом, который срабатывает, когда счетчик фиксирует радиацию. Находящийся за пределами ящика источник радиации испускает радиоактивную частицу. Жизнь кошки зависит от того, как поведет себя частица, пролетит она через счетчик Гейгера или минует его: в первом случае счетчик включается, во втором нет. Экспериментатор не знает, сработал ли счетчик, знает лишь, что с большой вероятностью частицы в ящик проникли. С физических позиций ситуацию можно описать словами: подопытная кошка в закрытом ящике одновременно и жива, и мертва. Но стоит нам открыть «черный ящик», мы видим перед собой *либо* мертвую, *либо* живую кошку, что вполне соответствует нашим логическим представлениям о природе наблюдаемых явлений.

Стр. 860. ...заснятый Сесилем де Миллем...— Сесиль Блаунт де Милль (1881–1959) драматург, продюсер и постановщик знаменитых зрелищных фильмов первой половины XX века, таких как «Клеопатра», «Самсон и Далила» и других. Один из создателей Голливуда, вместе с Сэмом Голдвином основал кинокомпанию, ставшую позднее студией «Парамаунт».

Стр. 861. ...Гобсонов выбор...— данное выражение подразумевает вынужденный выбор (отсутствие выбора) и ведет свое происхождение от имени некоего Гобсона, содержателя платной конюшни в

Кембридже в XVI веке. По преданию он обязывал всех своих клиентов брать только ближайшую к выходу лошадь, и никакую другую.

Стр. 872. ...перенести наши тела в Веулу...— в аллегорическом романе английского писателя-пуританина Джона Беньяна (1628-1688) «Путешествие пилигрима» описана Веула — благословенная земля, откуда пилигримам уже виден Небесный Град.

Стр. 874. ...свой знаменитый выезд на благо горожан Ковентри...— здесь обыгрывается известная легенда о том, как леди Годива проехала по городу нагая; только на этом условии ее муж согласился отменить разорительные для горожан налоги.

Стр. 875. ...Гедеонов отряд...— намек на Гедеона, одного из героев древности, во главе небольшого отряда освободившего свою страну от захватчиков, о чем рассказано в Библии (Шестая книга судей).

Стр. 885. ...И тут начался какой-то гран-гиньоль...— Гиньоль — французская черная площадная комедия, издевательство. Гран-гиньоль — большое издевательство.

СОДЕРЖАНИЕ

КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ 5

УПЛЫТЬ ЗА ЗАКАТ
Жизнь и любови Морин Джонсон
(мемуары одной беспутной леди) 439

КОММЕНТАРИИ 889